АЗІАТСКАЯ РОССІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Крубером, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

4-е, исправленное и дополненное, изданіе.

1-е изданіе Уч. Ком. М. Н. Пр. **допущено** въ ученич. библ. средн. и старш. возр. гимн., муж. и жен., реал. уч., учит. инст. и сем. и безпл. народ. библіот. и читал.
Уч. Ком. М. Фин. **одобрено** для пріобрѣтенія въ ученич. библ. учебн. завед. вѣд. М. Ф.

Цѣна **2** руб.

Изданіе **Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°**
Москва—1915.

43
7712-6

АЗІАТСКАЯ РОССІЯ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ ГЕОГРАФІИ

А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-34790
«РУМЯНЦЕВСКІЙ МУЗ

IV изданіе,

Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°

1-е изданіе Уч. Ком. М. Н. П. **допущено** въ учебн. библ. средн. и старш. возр. гимн., мужск. и женск., реальн. уч., учит. инст. и семин. и въ безпл. народн. библ. и чит.

Уч. Ком. М. Фин. **рекомендовано** какъ сборникъ, полезный для чтенія.

МОСКВА

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.

1915.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
1.	Степи сѣвернаго Кавказа.—А. К.	1
2.	Кубанскіе казаки.—Апостолова	10
3.	Пятигорскъ.—По Васюкову и др.	14
4.	Военно-Грузинская дорога.—По Дубянскому, Владыкину, Филиппову и др.	23
5.	Восхожденіе на Казбекъ.—А. Пастухова	37
6.	У осетинъ.—Россиковой	47
7.	За сернами и турами.—Динника	54
8.	По Сванетіи.—Каневскаго	59
9.	Сванеты.—А. Краснова	73
10.	Сочи.—Его же	78
11.	По Чороху.—Е. Маркова и Ковалевскаго	90
12.	По Закавказской желѣзной дорогѣ.—Е. Маркова	96
13.	Майданъ въ Тифлисѣ.—Филиппова	103
14.	Сельская жизнь въ Грузіи.—А. Лейста	112
15.	Въ Нагорномъ Дагестанѣ.—Россикова	123
16.	Природа восточнаго Закавказья.—А. Краснова	134
17.	Въ царствѣ нефти.—Е. Маркова	139
18.	У персидской границы.—Динника	153
19.	По средне-азіатской желѣзной дорогѣ.—По А. Кауфману и Шевченко-Красногорскому	160
20.	Туркмены.—Шевченко-Красногорскаго	172
21.	Въ окрестностяхъ Чарджуя.—Э. Циммермана	177
22.	Бухарскій праздникъ.—Свирскаго	183
23.	Сарты.—По И. Гейеру и Б. Тагѣеву	189
24.	Самаркандъ.—А. Краснова	201
25.	Памятники Самарканда.—Е. Маркова	207
26.	Природа Кизилъ-Кумовъ.—А. Никольскаго	216
27.	Черезъ Алай.—А. Волконскаго	227
28.	На „Крышѣ міра“.—М. Воскобойникова	236
29.	Ташкентъ.—А. Кауфмана	249
30.	У подножья Ханъ-Тенгри.—А. Краснова	258
31.	Долина Иссыкъ-Куля.—По А. Краснову	268
32.	На южныхъ берегахъ Балхаша.—А. Краснова	273
33.	Черезъ Кара-Кумы.—Сорокина	281
34.	Въ низовьяхъ Аму-Дарьи.—А. Никольскаго	293
35.	На Аральскомъ морѣ.—Изъ А. Берга и А. Никольскаго	299
36.	Усть-Уртъ.—А. Никольскаго	307
37.	Въ киргизскихъ степяхъ.—М. Леваневскаго	315
38.	Киргизы.—По Зеланду, А. Краснову и др.	324
39.	Киргизская байга.—А. Ивановскаго	332
40.	Въ степномъ краѣ.—П. Головачева	338
41.	Въ Семипалатинской области.—К. Носилова	345
42.	Въ глуши Алтая.—А. Краснова	353

Стр.
43. Алтайцы.—М. Соболева 363
44. На Телецкомъ озерѣ.—В. Сапожникова 369
45. Отъ Урала до Томска.—А. Исаева 375
46. Переселенцы.—Н. Телешова 383
47. У вогуловъ.—П. Инфантьева 393
48. За уральскимъ бобромъ.—Его же 401
49. На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири.—В. Бартенева 411
50. Жизнь въ Обдорскѣ.—Его же 419
51. По Великой Сибирской желѣзной дорогѣ.— По А. Коротневу, К. Носилову и др. 428
52. Тайга.—С. Елпатьевскаго 436
53. Золотые пріиски въ Сибири.—М. С. 442
54. Поѣздка въ Тункинскую долину.—М. Астырева 452
55. Въ Саянскихъ горахъ.—Его же 460
56. Байкалъ.—А. Б. 471
57. Верхнеудинскіе буряты.—Потаниной 476
58. По Забайкалью.—Бродовича 482
59. По Ленѣ.—Діонео 493
60. У тунгусовъ.—Майнова 503
61. У юкагировъ.—Іохельсона 514
62. Колымскій округъ.—Діонео 522
63. Среди чукчей.—Слюнина 529
64. Изъ жизни чукчей.—Тана 534
65. Шаманство.—В. Михайловскаго 552
66. На Камчаткѣ.—Слюнина 558
67. По Амуру до Хабаровска.—По Бродовичу и Кауфману 564
68. По Уссурійскому краю.—Южакова 574
69. Въ Уссурійской тайгѣ.—Шрейдера 579
70. Переселенцы въ Уссурійскомъ краѣ.—Его же 585
71. Южнымъ берегомъ Уссурійскаго края.—Его же 591
72. Владивостокъ.—Его же 597
73. На Сахалинѣ.—А. Никольскаго 606
74. Айно.—Бродовича 619

УКАЗАТЕЛЬ РИСУНКОВЪ.

На отдѣльныхъ листахъ:

Стр.
1. Эльбрусъ 1
2. Вершина Коштанъ-Тау 42
3. Охотники на туровъ 56
4. Аулъ въ Сванетіи 74
5. Баку 140
6. Знатные бухарцы 184
7. Базаръ въ Бухарѣ 188
8. Входъ въ мечеть 208
9. Среднеазіатскій туземный городъ 228

Стр.
10. Улица въ русской части Ташкента 250
11. Гора Бѣлуха въ Алтаѣ 362
12. На Оби 382
13. Иркутскъ 432
14. На Байкалѣ 474
15. Шаманъ 554
16. По Уссурійской желѣзной дорогѣ 576

Въ текстѣ:

1. Видъ на Бештау изъ Желѣзноводска 17
2. Дарьяльское укрѣпленіе 26
3. Въ Дарьяльскомъ ущельѣ 27
4. Горскій аулъ близъ Военно-Грузинской дороги 31
5. Млетскій спускъ 33
6. Селеніе Анануръ 35
7. Баксанскій ледникъ 39
8. Казбекъ 45
9. Горное ущелье въ Осетіи 49
10. Осетинки 53
11. Каменный обвалъ въ рѣкѣ 63
12. Гора Ушба въ Сванетіи 71
13. Ущелье рѣки Чороха въ верхнемъ теченіи 93
14. Гурійская изба 99
15. Персіянинъ торговецъ въ Тифлисѣ 105
16. Тифлисъ 109
17. Грузинки 119
18. Видъ въ Дагестанѣ 125
19. Сланцевое ущелье въ Дагестанѣ 127
20. Женщины изъ Дагестана 131
21. Балаханы 147
22. Пожаръ въ Черномъ городѣ 151
23. Кизилъ-Арватъ 165
24. Закаспійская степь 171
25. Туркмены 175
26. Знатный таджикъ 191
27. Богатый сартъ 195
28. Сартянка 197
29. Дервишъ 200
30. Мѣнялы въ Самаркандѣ 203
31. Медрессе Шаръ-Даръ 209
32. Гробница Тимура 214
33. Каракиргизскія женщины 231
34. Киргизскія могилы на Памирѣ 237
35. На Памирѣ 239
36. Перевозка тескена 241
37. Стоянка на Памирѣ 243
38. Памирскіе киргизы 247
39. Улица въ туземной части Ташкента 253

Стр.

40. Каракиргизы на верблюдахъ 263
41. Видъ въ Семирѣченской области 275
42. Станція въ Кара-Кумахъ 289
43. Киргизская дѣвушка 329
44. Киргизъ 337
45. Въ Алтайскихъ горахъ 361
46. Кочевье алтайцевъ 365
47. Алтаецъ 367
48. Видъ въ Алтаѣ 371
49. Тобольскъ 377
50. Берегъ Иртыша 379
51. Переселенческій лагерь близъ станціи желѣзной дороги 387
52. Вогулка 399
53. Самоѣды 415
54. Остячка 417
55. Инородки Тобольской губерніи 425
56. Мостъ черезъ Енисей 431
57. Видъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ 433
58. Желѣзная дорога въ долинѣ рѣки Хилокн 434
59. Перевалъ черезъ Яблоновый хребетъ 435
60. Промывка золота 445
61. Золотопромывальная машина 447
62. Отвозъ руды 449
63. Лагерь пріискателей 451
64. Желѣзная дорога по берегу Ангары 453
65. По Кругобайкальскому тракту 457
66. Видъ въ Саянскихъ горахъ 463
67. Паромъ-ледоколъ на Байкалѣ 473
68. Бурятка 477
69. Буряты 481
70. Видъ въ Забайкальѣ 483
71. Бурятскій дацанъ 487
72. Бурятскіе монахи 489
73. Городъ Верхне-Ангарскъ въ Забайкальѣ 491
74. Якуты 495
75. На Витимскихъ золотыхъ пріискахъ 501
76. На Витимѣ 505
77. Тунгусы 509
78. Стойбище тунгусовъ 513
79. Юкагирскія женщины 519
80. Молодая чукчанка 531
81. Ѣздовыя собаки 541
82. На берегу Охотскаго моря 561
83. На Амурѣ 573
84. Бухта Владивостока 599
85. Видъ Владивостока 605
86. Орокъ 614
87. Дѣти гиляковъ 617
88. Гилякъ на охотѣ 621

ПРЕДИСЛОВІЕ КО II-му ИЗДАНІЮ.

Второе изданіе сборника «Азіатская Россія» является нѣсколько измѣненнымъ и дополненнымъ сравнительно съ первымъ. Нѣкоторыя статьи выпущены и замѣнены другими, добавлены новыя статьи, относящіяся къ русскимъ владѣніямъ въ Азіи и помѣщенныя въ первомъ изданіи сборника «Азія». Описаніе полярныхъ областей Азіи читатели найдутъ въ печатающемся въ настоящее время II-мъ изданіи сборника «Австралія», гдѣ будетъ помѣщенъ особый отдѣлъ, посвященный полярнымъ странамъ.

Москва,
18 іюля 1905 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ IV-му ИЗДАНІЮ.

Настоящее изданіе представляетъ повтореніе предыдущаго.

Москва,
20 декабря 1909 г.

Эльбрусъ.

Степи сѣвернаго Кавказа.

(А. К.)

Съ сѣвера къ главному Кавказскому хребту и его предгоріямъ примыкаетъ обширное ровное степное пространство, на западѣ сливающееся со степями черноморскими, а на востокѣ со степями астраханскими. Все это степное пространство по своей природѣ дѣлится обширнымъ и довольно высокимъ (до 700 метр. надъ уровнемъ моря) Ставропольскимъ плоскогорьемъ, составляющимъ водораздѣлъ между рѣкою Кубанью и притоками Терека, на двѣ части: на восточное—сухое, по преимуществу песчаное, мѣстами безводное, и на западное—черноземное и обильно орошаемое многочисленными рѣчками. На сѣверъ плоскогорье постепенно понижается уступами и тянется далеко въ степь по направленію къ Ергенямъ. Тѣмъ не менѣе рѣзкой границы между степями пріазовскими и прикаспійскими не существуетъ, да и быть не можетъ, такъ какъ и тѣ и другія были не слишкомъ давно залиты двумя морями, здѣсь соединявшимися.

Пріазовская степь на сѣверъ отъ Кубани представляетъ совершенно ровную поверхность, слабо покатую къ сѣверо-западу. Всѣ особенности степи, которыя такъ плѣняютъ и очаровываютъ человѣка, проявляются здѣсь въ высшей степени. Безпредѣльная степь! Человѣкъ чувствуетъ себя затеряннымъ среди этого необъятнаго ровнаго пространства, мѣстами ровнаго настолько, что глазъ видитъ на двадцать и болѣе верстъ вокругъ себя; съ многочисленныхъ же кургановъ, въ безпорядкѣ разсѣянныхъ по степи, кругозоръ увеличивается еще болѣе. Свободныхъ луговъ, покрытыхъ травою и цвѣтами, осталось здѣсь однако мало. Огромныя запашки вытѣснили дикорастущія травы, такъ что многіе виды ихъ по всей вѣроятности уже перестали существовать. Многіе жители еще помнятъ, какъ всюду разстилалась цѣлинная почва, покрытая бархатистымъ ковромъ злаковъ съ массою самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ и всюду распространенной полевой клубникой. Теперь уже не то. Плугъ земледѣльца далъ степи новую и своеобразную красоту. Всюду, куда хватитъ глазъ, лѣтомъ видны золотистые колосья пшеницы; можно проѣхать десятки верстъ, и картина не измѣнится.

Хороша также степь во время уборки хлѣба. Многочисленные скирды и копны хлѣба стоятъ тогда настолько часто, что положительно загораживаютъ горизонтъ. Всюду виднѣется дымокъ паровыхъ молотилокъ и часто попадаются усовершенствованныя земледѣльческія орудія.

Почва прикубанскихъ степей состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ наносовъ, прикрытыхъ тучнымъ черноземомъ, да и въ дождяхъ здѣсь недостатокъ бываетъ рѣдко. Словомъ, всѣ условія, благопріятствующія развитію земледѣльческаго труда и осѣдлой жизни, здѣсь налицо. Обширныя деревни, людныя станицы, богатыя пастбища и обширныя пашни,— все это напоминаетъ наши степныя черноморскія губерніи. Только виднѣющіяся издалека очертанія Кавказскаго хребта видоизмѣняютъ картину.

Въ хорошую погоду верстъ за 200 и даже больше глазъ начинаетъ замѣчать на горизонтѣ голубоватую, подернутую дымкой зубчатую полоску, которую легко смѣшать съ облаками; только эти облака всегда одни и тѣ же, всегда находятся на одномъ мѣстѣ. И надъ этой видимой полоской, значительно превышая ее, возвышается исполинскій конусъ Эльбруса, чудно розоваго цвѣта по утрамъ и бѣлый въ остальное время дня.

По мѣрѣ приближенія къ горамъ все яснѣе и яснѣе вырисовывается бѣлоснѣжный гребень Главнаго хребта, а вмѣстѣ съ тѣмъ глазъ начинаетъ ясно различать ущелья, овраги и гребни передовыхъ кряжей, стоящихъ какъ бы на стражѣ и закрывающихъ основаніе Главнаго хребта. Эти передовые кряжи, возвышаясь иногда ярусами одинъ надъ другимъ и покрытые въ большинствѣ случаевъ лѣсомъ, придаютъ неизъяснимую прелесть ландшафту.

Съ удаленіемъ отъ моря и приближеніемъ къ Ставрополю характеръ мѣстности измѣняется. Страна становится болѣе холмистою и пересѣкается многочисленными оврагами и балками, которые составляютъ положительное бѣдствіе для населенія. Тамъ, гдѣ вчера были огороды, сады, сегодня послѣ ливня появляется глубокій оврагъ, берега котораго ползутъ, разрушаются и влекутъ за собой обвалы построекъ, такъ что жителямъ приходится все болѣе и болѣе отодвигаться передъ наступающимъ оврагомъ. Мѣстами здѣсь сохранились еще клочки дѣвственной, никогда не паханной степи. Такіе участки уже издали можно замѣтить по бѣлѣющему на нихъ ковылю. Иногда степь кажется на большія пространства фіолетовой отъ многочисленныхъ покрывающихъ ее цвѣтовъ шалфея, или желтой отъ какого-нибудь крестоцвѣтнаго растенія, или сѣдой, волнующейся перистымъ ковылемъ. Ни одного дерева нѣтъ въ открытой степи, развѣ что изрѣдка попадется кустикъ боярышника и то коряваго, неразвитаго. Только по балкамъ, надъ рѣчками вырисовываются небольшія рощицы изъ ясеня, клена, дуба, вяза, да нѣсколькихъ видовъ тополя и ивы.

По сторонамъ дорогъ растетъ болѣе бурьянъ, который съ каждымъ годомъ занимаетъ все большія и большія пространства, покрываетъ выгоны и глушитъ кормовыя травы и даже хлѣбъ. Сѣрая полынь, молочай, чертополохъ съ крупными красными цвѣтами, шандра, лопухъ и въ особенности осотъ и овсюкъ—вотъ представители этой растительности. Характернымъ растеніемъ этихъ степей являются также различные виды перекати-поле, которые съ наступленіемъ осени носятся по степи съ одного конца на другой, куда только погонитъ ихъ вѣтеръ, надламывающій у самаго корня эти круглые, какъ шаръ, вѣтвистые, легкіе и сухіе кустики.

Вдали отъ селеній и станицъ, на дѣвственныхъ участкахъ степи удобнѣе всего также изучать и степную фауну. Прежде всего поражаетъ обиліе различныхъ норъ, такъ какъ не только мелкія степныя животныя, а иногда и крупныя, какъ волкъ, устраиваютъ себѣ норы въ землѣ. Чаще всего встрѣчаются норы землероекъ, слѣпцовъ, тушканчиковъ, сусликовъ и хомяковъ. Изъ этихъ норъ прежде всего останавливаютъ вниманіе значительныя кучи земли, до фута и болѣе высоты, обязанныя своимъ происхожденіемъ слѣпцамъ. Слѣпецъ—единственное совершенно слѣпое животное нашей фауны. Даже у слѣпого крота глаза хотя и закрыты кожей, но все же замѣтны и просвѣчиваютъ черезъ кожу. У слѣпца же снаружи нѣтъ никакого признака глаза. Вся организація слѣпца приноровлена къ подземной жизни. Слѣпецъ роетъ съ изумительной быстротой и часто успѣваетъ уходить въ землю, уже будучи замѣченъ. Въ безпрестанныхъ поискахъ за пищей, которую составляютъ главнымъ образомъ различныя луковицы и сочные коренья степныхъ растеній, слѣпецъ проводитъ подъ землей безконечные ходы, направленіе которыхъ обозначается выброшенными наружу кучами земли. Собственно же жилище, представляющее небольшую камеру, устроено въ землѣ гораздо глубже.

Изъ другихъ степныхъ млекопитающихъ слѣдуетъ упомянуть еще о земляныхъ зайчикахъ, или тушканчикахъ. Это—звѣрки съ чрезвычайно развитыми задними ногами, благодаря которымъ они прекрасно прыгаютъ; въ этомъ имъ помогаетъ также ихъ длинный, довольно упругій хвостъ. При спокойномъ положеніи тѣла тушканчика онъ нѣсколько подпираетъ туловище, при быстрыхъ же поворотахъ во время бѣга служитъ превосходнымъ рулемъ. Изъ другихъ обитателей степи всюду встрѣчаются ящерицы, шныряющія въ травѣ и грѣющіяся на солнцѣ, высоко поднявъ свои головы.

Изъ птицъ на каждомъ шагу попадается большой степной жаворонокъ—эта наиболѣе извѣстная птица южно-русскихъ степей. По образу жизни онъ представляетъ много сходнаго съ нашимъ обыкновеннымъ жаворонкомъ; пѣніе его однако гораздо лучше и громче. Онъ то тре-

пещется надъ травой, то съ пѣніемъ поднимается, описывая спираль, высоко въ воздухъ. Нѣсколько рѣже встрѣчаются щурки и розовые скворцы, усердно охотящіеся за саранчой. На розовыхъ скворцовъ смотрятъ здѣсь съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ. И дѣйствительно, эта птица является неоцѣнимымъ союзникомъ человѣка въ борьбѣ со злѣйшимъ врагомъ земледѣлія на югѣ—саранчей. Розовый скворецъ не только поѣдаетъ массу саранчи, но еще большее число ее просто убиваетъ, такъ что народное повѣріе даже объясняетъ красновато-розовую окраску его перьевъ покрывающею ихъ кровью. Щурки также истребляютъ громадное количество преимущественно крупныхъ насѣкомыхъ. Полетъ щурокъ такъ же красивъ и изященъ, какъ и ихъ наружность. Легкимъ волнистымъ полетомъ несутся онѣ надъ степью; по временамъ то одна, то другая какъ бы ныряетъ въ травѣ и, схвативъ насѣкомое, снова взмываетъ кверху и проглатываетъ его на лету. Въ густой травѣ степей находятъ себѣ пристанище дрофы, стрепета, цѣлыя стаи перепеловъ и другихъ степныхъ птицъ, за которыми зорко слѣдятъ многочисленныя хищныя птицы, плавно паря на недосягаемой высотѣ.

На сѣверо-востокъ ставропольская возвышенность непримѣтно для глаза опускается къ прикаспійской низменности и къ Манычамъ, и мѣстность становится все безводнѣе и безводнѣе. Здѣсь въ изобиліи встрѣчаются глинисто-солончаковыя или песчаныя пространства. Маловодныя степныя рѣки Егорлыкъ и Калаусъ, направляющіяся къ Манычамъ, и Кума, не достигающая Каспійскаго моря, протекаютъ по этимъ унылымъ степямъ. Бездождное, жаркое лѣто заставляетъ все осѣдлое населеніе края селиться вдоль верховьевъ рѣкъ: тамъ расположены и станицы и деревни; да и кочующіе здѣсь ногайцы, туркмены и калмыки лѣтомъ тѣснятся поближе къ верховьямъ рѣкъ. Зато на зиму всѣ эти кочевники собираются къ Манычу, покрытому уже снѣгомъ. Снѣгъ тогда замѣняетъ воду и для скота и для людей, а камыши и высокія травы, сохранившіеся подъ снѣгомъ, составляютъ кормъ для скота. Съ наступленіемъ весны тающіе снѣга наполняютъ Манычъ и сухія русла его притоковъ водою, которая держится въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и даетъ возможность кочевникамъ оставаться на мѣстѣ еще нѣкоторое время. Затѣмъ все живое удаляется отсюда въ глубь степей отыскивать мѣста, гдѣ вода долѣе держится съ весны и гдѣ есть болѣе сочныя травы, а не одна полынь. Правда, здѣсь разбросаны многочисленныя озера, сохраняющія воду нерѣдко въ продолженіе всего лѣта, но всѣ они горько-соленыя, потому приносятъ мало пользы.

Солончаковые участки степи поражаютъ своею мертвенностью и безжизненностью. Гладкая, какъ скатерть, поверхность далеко не всюду покрыта растительностью. Мѣстами почва совершенно обнажена и покрыта въ сухую погоду бѣловатымъ налетомъ соли. Большая же часть

степи поросла рѣдкими пучками травы, надъ которыми поднимаются довольно большіе—свыше фута высотою—синевато-лиловые крупные касатики. Тамъ и сямъ разбросаны группы сѣровато-зеленыхъ кустиковъ тамариска съ блѣдно-фіолетовыми кистями цвѣтовъ. Въ другихъ мѣстахъ степь сплошь покрыта низкорослою полынью. Фауна такихъ степей чрезвычайно бѣдна, такъ какъ пронизанная солью почва неудобна какъ для вывода насѣкомыхъ, такъ и для устройства звѣриныхъ норъ. Цѣлыми часами идешь, и передъ глазами все одна и та же унылыя и безотрадная картина.

Климатъ степей Предкавказья вообще континентальный, при чемъ континентальность климата возрастаетъ въ направленіи съ запада на востокъ. Чѣмъ дальше мѣсто лежитъ къ востоку, къ Каспійскому морю, тѣмъ суровѣе дѣлается зима, жарче лѣто, тѣмъ меньше выпадаетъ осадковъ.

Весна въ пріазовскихъ степяхъ наступаетъ рано: въ концѣ марта распускаются деревья, и жители пашутъ поля. Въ первой половинѣ апрѣля цвѣтутъ абрикосы, потомъ вишни, а въ концѣ апрѣля сирень. Средина и конецъ апрѣля—лучшее время года; вѣтровъ обыкновенно не бываетъ, и природа красуется въ своемъ вешнемъ убранствѣ. Лѣтнія жары (средняя температура іюля 23,8°, а иногда температура поднимается выше 35°) весьма постоянны и продолжительны; иногда по цѣлымъ недѣлямъ солнце жжетъ съ безоблачнаго неба. Хлѣбъ созрѣваетъ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ. Въ іюлѣ степь выгораетъ, дѣлается бурою и безжизненною, и только многочисленные копны сѣна и скирды хлѣба нѣсколько разнообразятъ эту картину. Иногда по степи проносятся жгучіе сѣверо-восточные вѣтры, чрезвычайно опасные для посѣвовъ, такъ какъ они сушатъ и портятъ хлѣбъ на корню. Въ это время небо покрывается мглою, солнце проглядываетъ въ видѣ краснаго диска, и раскаленная пыль носится въ воздухѣ цѣлыми тучами.

Удушливый зной, приносимый этими вѣтрами, не прекращается и ночью, и тогда наступаетъ томительно-тягостное время для всего живущаго. Населеніе съ замираніемъ сердца ждетъ грозы, которая бы освѣжила воздухъ и очистила его отъ пыли. Грозы здѣсь бываютъ часты, но обыкновенно быстро проходятъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ захватываютъ большое пространство. Небо тогда заволакивается густыми, мрачными тучами, изъ которыхъ безпрестанно сверкаетъ молнія.

Въ противоположность постоянству лѣтнихъ жаровъ температура зимой сильно колеблется. Средняя температура самаго холоднаго мѣсяца около—8°; хотя возможны морозы и до 30°. Иногда въ январѣ и февралѣ стоитъ настолько продолжительная ясная и теплая погода, что почки набухаютъ на деревьяхъ; но тепло можетъ сразу смѣниться сильными морозами, и наоборотъ—послѣ морозовъ сразу наступаетъ оттепель,

разводя повсюду страшную грязь. Зимой такіе переходы не такъ опасны, какъ весной, когда морозы могутъ истребить завязь на деревьяхъ и огородныхъ овощахъ.

На востокѣ въ прикаспійскихъ степяхъ континентальность климата выражена еще рѣзче. Кромѣ того, прикаспійскія степи страдаютъ отъ недостатка влаги, а потому осѣдлая жизнь и культура возможны только вдоль рѣкъ, которыя съ главнаго хребта и его отроговъ приносятъ влагу въ эти безводныя степи.

Самыми важными артеріями Предкавказья являются на западѣ рѣка Кубань, впадающая въ Азовское и Черное море, а на востокѣ Терекъ.

Начинаясь въ заоблачныхъ ледяныхъ пустыняхъ Эльбруса, на высотѣ 8720 футовъ, Кубань бѣшено вырывается изъ-подъ ледника Улукама, протекаетъ 680 верстъ и устьями своими соединяетъ два моря, Азовское и Черное, какъ бы не рѣшаясь сдѣлать между ними окончательнаго выбора. Посреди̇нѣ теченія Кубань рѣзко измѣняетъ свое первоначальное сѣверо-западное направленіе на юго-западное, а затѣмъ западное. Удалившись далеко въ степь, Кубань, какъ бы испугавшись участи своей сосѣдки Кумы, снова приближается къ горамъ, прижимаясь къ нимъ своимъ нижнимъ теченіемъ.

Всѣ свои наиболѣе значительные притоки Кубань получаетъ съ лѣвой стороны: таковы Большой и Малый Зеленчукъ, Урупъ, Лаба, Бѣлая и другіе, тогда какъ съ правой стороны въ нее впадаютъ только небольшія рѣчки. Притоки лѣвой стороны въ своемъ теченіи бѣшено несутся между отвѣсными скалами, падая съ уступа на уступъ; они ревутъ и мечутся въ своемъ каменистомъ ложѣ, сплошь усѣянномъ валунами и камнями. Берега обыкновенно бываютъ настолько высоки и отвѣсны, что часто доступъ къ рѣкѣ совершенно невозможенъ, а иногда рѣку даже трудно замѣтить среди стѣсняющихъ ее утесовъ.

Прорвавшись черезъ поясъ предгорій, рѣки замѣтно становятся тише; ихъ кристальныя воды мутятся отъ примѣси чернозема, но дно ихъ все еще усыпано мелкими, округленными камнями. Кромѣ камней, на рѣкѣ всюду встрѣчаются карчи, т.-е. деревья, вырванныя съ корнемъ гдѣ-нибудь выше и застрявшія въ мелкомъ мѣстѣ; около такихъ карчей тотчасъ же образуется наносъ изъ песка и ила, превращающійся постепенно въ островъ. Но не долго существуютъ такіе острова: достаточно новаго бурнаго наводненія, чтобы разрушить его и снести «карчу» внизъ по теченію, гдѣ она снова останавливается, образуя новый островъ, пока, наконецъ, сломавъ нѣсколько мельницъ и мостовъ, она благополучно не добредетъ до Кубани, гдѣ карчи составляютъ серьезное препятствіе судоходству. Такимъ же непостоянствомъ, какъ острова, отличаются и берега рѣкъ. Часто бываетъ достаточно незначительнаго загражденія близъ одного берега, чтобы вода устремилась къ другому и

быстро видоизмѣнила его. Въ нижнемъ теченіи характеръ рѣки измѣняется. Камни, устилавшіе дно, становятся все меньше и меньше и, наконецъ, исчезаютъ. Вода въ рѣкѣ дѣлается очень мутной, желтовато-бурой, а при половодьѣ настолько грязной, что при питьѣ илъ хруститъ на зубахъ. Берега становятся илистыми; они точно топоромъ обрублены, грязны и постоянно обваливаются, давая матеріалъ для образованія множества острововъ и мелей. Полоса земли вдоль берега изрѣзана многочисленными старыми и новыми рукавами, среди которыхъ образуется множество острововъ, озеръ и болотъ, поросшихъ камышомъ и низкорослымъ лѣсомъ.

Верстахъ въ 60 ниже Екатеринодара р. Кубань раздѣляется на двѣ почти равныя части: собственно Кубань, сохраняющую свое направленіе къ западу, и р. Протоку, направляющуюся къ сѣверу и впадающую въ Азовское море.

Отдѣливъ отъ себя Протоку и не доходя 8 верстъ до Ахтанизовскаго лимана Азовскаго моря, Кубань снова раздѣляется на р. Переволоку, направляющуюся къ Ахтанизовскому лиману, и Старую Кубань, направляющуюся на юго-западъ по Кубанскому лиману. Переволока до 1819 г. не существовала. Въ этомъ году жители прилежащихъ станицъ, желая опрѣснить соленые лиманы, прорыли изъ рѣки Кубани къ Ахтанизовскому лиману каналъ, который быстро обратился въ главное русло р. Кубани, куда она сбываетъ теперь $^3/_4$ своихъ водъ, удѣляя Черноморскому руслу только $^1/_4$ ихъ.

Въ своихъ низовьяхъ рѣки Кубань и Протока текутъ по лабиринту лимановъ, озеръ и болотъ; берега ихъ изрыты многочисленными ериками, т.-е. углубленіями наподобіе покинутыхъ руслъ рѣкъ. Въ обыкновенное время они сухи или же наполнены стоячей водой, но въ половодье кажутся настоящими руслами рѣкъ. Послѣ разлива вода въ рѣкахъ застаивается, портится, зарастаетъ и порождаетъ массу болѣзней. Такое же вредное вліяніе оказываютъ и многочисленныя соленыя и прѣсныя озера, лиманы и плавни въ дельтѣ рѣки Кубани и къ сѣверу отъ нея до самаго устья Еи. Плавнями называются лиманы, поросшіе камышомъ. Они представляютъ такую глушь, о которой даже трудно составить себѣ понятіе. На необозримое пространство тянутся дремучія заросли камыша и осокъ. Между камышомъ разрастаются другія болотныя растенія: водяныя лиліи, касатики съ большими желтыми цвѣтами, морской щавель, куга и водоросли. Однообразный шумъ камыша, достигающаго нѣсколькихъ саженъ высоты, полное безлюдіе кругомъ, милліарды комаровъ въ воздухѣ—все это удручающе дѣйствуетъ на душу и заставляетъ скорѣе покинуть эти негостепріимныя мѣста. Зато цѣлая масса животныхъ находитъ здѣсь пріютъ: въ особенности многочисленны водяныя и болотныя птицы; изрѣдка можно встрѣтить здѣсь даже кабановъ. Но наиболѣе постоянные обитатели плавней—это лягушки и саранча.

Саранча находитъ здѣсь всѣ благопріятныя условія для своего развитія: многочисленные островки теплой, влажной земли, куда она можетъ складывать свои яички, и обильный кормъ весною и лѣтомъ. Въ обыкновенные годы саранча довольствуется плавнями и вылетаетъ лишь незначительными партіями, но въ годы, благопріятные для нея, когда бываетъ теплая зима и сухое, жаркое лѣто, саранча размножается въ такомъ количествѣ, что необъятными тучами, затмевающими солнце, разсѣивается далеко отъ мѣста своего происхожденія, поражая иногда даже такія отдаленныя губерніи, какъ Воронежская, Рязанская, Черниговская и другія.

Чтобы избавиться отъ саранчи или расчистить мѣсто для молодыхъ побѣговъ, а иногда и просто для потѣхи, жители поджигаютъ раннею весною или позднею осенью эти камышевыя заросли. Огненное зарево по ночамъ и густой дымъ днемъ застилаютъ весь горизонтъ и придаютъ какой-то величественный и страшный колоритъ всему окружающему.

Кромѣ Кубани и ея притоковъ, пріазовская степь орошается еще степными рѣками, которыя получаютъ свои воды изъ ключей на незначительной высотѣ надъ уровнемъ моря и медленно пробираются среди низкихъ иловатыхъ береговъ; таковы: Егорлыкъ, впадающій въ Манычъ, Ея, Челбасъ, Бейеучъ, Кирпили и другія. Въ нижнемъ теченіи онѣ расширяются въ лиманы, которые тянутся на цѣлые десятки верстъ. Весною, въ особенности послѣ снѣжныхъ зимъ, воды степныхъ рѣкъ бываютъ болѣе обильны и свѣжи, лѣтомъ же, благодаря многочисленнымъ запрудамъ, устраиваемымъ казаками для приведенія въ движеніе мельничныхъ колесъ, рѣки эти распадаются на рядъ стоячихъ озеръ, вода которыхъ загниваетъ и покрывается зеленью, а берега зарастаютъ камышомъ и другими болотными растеніями.

Восточная часть степей сѣвернаго Кавказа орошается рѣкой Терекомъ. Выйдя на равнину около города Владикавказа, Терекъ принимаетъ цѣлый рядъ притоковъ съ наиболѣе высокой центральной части Кавказа, каковы, напримѣръ: Ардонъ, Урухъ, Баксанъ и Малка, и затѣмъ круто поворачиваетъ на востокъ, направляясь къ Каспійскому морю. Степямъ принадлежитъ только среднее и нижнее теченіе этой рѣки. Берега Терека въ среднемъ теченіи и его притоковъ обрамлены непрерывной каймой лѣса, имѣющаго однако скорѣе характеръ высокаго кустарника, такъ какъ крупныхъ деревьевъ встрѣчаются очень мало. Зато эти заросли, состоящія изъ самыхъ разнообразныхъ породъ, преимущественно изъ дуба, клена, липы, терна, лещины, дикой груши, различныхъ ивъ и лоховника, настолько густы, что пробраться черезъ нихъ почти невозможно. Опушку этого лѣса составляютъ непролазныя заросли ежевики, мѣстами сплошь увитыя дикимъ хмелемъ.

Длинный рядъ казачьихъ станицъ протянулся по лѣвому берегу

средняго Терека—этой естественной границы между Русью и горцами еще и до настоящаго времени, тогда какъ по скатамъ горъ, спускающихся къ правому берегу, лѣпятся убогія сакли горцевъ.

Терекъ въ среднемъ теченіи является уже довольно широкой рѣкой, а съ пріемомъ сунжанскихъ водъ, отличающихся уже на глазъ по своему желтому цвѣту отъ бѣловатыхъ водъ Терека, ширина его увеличивается и колеблется отъ 150—200 саж.

Тамъ, гдѣ рѣка пробѣгаетъ въ мягкихъ наносныхъ берегахъ, она почти ежегодно мѣняетъ свое русло, какъ бы гуляя по сравнительно широкой рѣчной долинѣ, смывая одни острова и наметывая новые. Терекъ выноситъ изъ горъ громадное количество валуновъ, но большая часть ихъ осаждается уже въ началѣ средняго теченія рѣки и только немногіе перекаты мелкой гальки встрѣчаются ниже устья Сунжи. Въ нижнемъ теченіи Терекъ несетъ только мелкую муть, количество которой настолько велико, въ особенности послѣ дождей и во время половодья, что вода получаетъ грязно-желтый цвѣтъ.

Изъ этихъ же наносовъ образована вся дельта Терека—низкое болотистое мѣсто, по которому пробѣгаетъ цѣлый рядъ рукавовъ рѣки. Три сѣверныхъ рукава бѣгутъ на сѣверъ, чтобы впасть въ Брянскій култукъ Каспійскаго моря, два южныхъ идутъ на востокъ—въ Аграханскій заливъ. Вся дельта Терека, а также прилежащія части побережья Каспія, за исключеніемъ воздѣланныхъ пространствъ, представляетъ непроходимыя чащи изъ тростника, ситника, различныхъ осокъ и кустарниковъ, представляющихъ раздолье для животнаго міра. Многочисленныя черепахи грѣются на солнцѣ, сидя на берегу или на выдающихся изъ воды древесныхъ стволахъ и корягахъ. Безчисленное количество различныхъ мелкихъ пташекъ оживляютъ заросли. Здѣсь еще водятся фазаны, а олени встрѣчаются стадами головъ въ тридцать. Кабаны находятъ себѣ обильный кормъ въ необъятныхъ зарослях камыша и куги, а обиліе различной дичи и птицъ привлекаетъ сюда и ихъ злѣйшихъ враговъ: камышеваго кота (Felis chaus) и шакала.

Оригинальною особенностью рукавовъ является то, что близъ поселеній и воздѣланныхъ пространствъ берега ихъ ограждены высокими валами, или гатями, такъ что средній уровень водъ находится выше окружающей низины. По этимъ гатямъ, усаженнымъ съ обѣихъ сторонъ громадными деревьями, преимущественно ветлами и чернымъ тополемъ, а также шелковицей, проходятъ дороги. Во время разливовъ сообщеніе только и возможно по насыпямъ, такъ какъ все остальное пространство превращается въ необозримое море. Случается, что лѣтомъ, когда идетъ снѣговая вода съ горъ, насыпи не выдерживаютъ напора водъ, которыя прорываются и топятъ всѣ окрестности. Гибнутъ поля, луга и селенья, гибнутъ цѣнные виноградники. Во время прорывовъ валовъ все населеніе

поголовно бросается на задѣлку прорвы—наравнѣ съ мужчинами работаютъ женщины и подростки, работаютъ упорно, спасая себя отъ грозящихъ имъ бѣдствій.

Какъ ни замедлено теченіе въ рукавахъ дельты Терека, воды бѣгутъ здѣсь все еще съ довольно большой быстротой, и та муть, которую несетъ рѣка, далеко не вся осаждается въ предѣлахъ русла рѣчныхъ протоковъ; часть наносовъ отлагается дальше, на днѣ заливовъ моря, и образуетъ подводныя косы и мели. Съ теченіемъ времени изъ этихъ мелей образуются острова—«колки», которые затѣмъ и сливаются съ выдвигающимся все дальше и дальше въ море «мягкимъ берегомъ» Каспія. Здѣсь, въ дельтѣ Терека, можно ясно прослѣдить побѣдоносную борьбу суши съ водами.

Какъ ни обильны водами рѣки Кубань и Терекъ, онѣ не приносятъ населенію той пользы, которую могли бы приносить при болѣе тщательномъ за ними уходѣ. По Тереку, можно сказать, не существуетъ судоходства, а по Кубани хотя и ходятъ пароходы до города Екатеринодара, но рейсы ихъ имѣютъ совершенно случайный характеръ. Терекъ важенъ еще по своему рыболовству, отданному въ исключительное пользованіе терскому казачьему войску. Рыбные же промыслы по Кубани не имѣютъ большого значенія. Главная роль этихъ рѣкъ однако заключается въ томъ, что по нимъ и ихъ притокамъ издавна расположились первыя русскія поселенія—казачьи станицы, еще сравнительно недавно служившія опорнымъ пунктомъ для движенія русскихъ въ глубь Кавказа.

Въ восточныхъ прикаспійскихъ степяхъ, страдающихъ недостаткомъ атмосферныхъ осадковъ, все населеніе естественно стремится селиться вдолъ рѣкъ, такъ какъ здѣсь только и возможно земледѣліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и осѣдлая жизнь.

Кубанскіе казаки.

(Апостолова.)

Главную массу населенія Кубанской области составляютъ казаки. Въ 1792 году императрица Екатерина II даровала послѣ войны съ Турціей остаткамъ прежняго запорожскаго войска добрую треть нынѣшней Кубанской области со всякаго рода угодьями и рыбными ловлями. Впослѣдствіи къ этому первоначальному ядру населенія присоединились еще донскіе казаки и выходцы изъ Украйны, а также изъ великорусскихъ деревень. Первоначально эти поселенцы получали такое же устройство, какъ и казаки, и основывали новыя казачьи станицы,—полувоенныя, полуземледѣльческія общины, растянувшіяся вдоль Кубани и Лабы и служившія главнымъ средствомъ къ оборонѣ и опорнымъ пунктомъ для военныхъ дѣйствій противъ горцевъ.

Послѣ покоренія и умиротворенія Кавказскаго края было разрѣшено всѣмъ лицахъ не-казачьяго званія пріобрѣтать недвижимую собственность во владѣніяхъ казачьихъ войскъ. Съ этихъ поръ потекла мирная колонизація края, продолжающаяся и до сихъ поръ. Потянулись отовсюду таборы переселенцевъ: тутъ были и земледѣльцы, и искатели приключеній, и гонимые судьбой на родинѣ, и торговцы, и промышленники, и чиновники. Какихъ только народностей не встрѣчается въ этомъ массовомъ потокѣ! Тутъ можно встрѣтить и меланхолическаго полтавца, и бойкаго ярославца, и смышленаго рязанца, и неуклюжаго тавричанина, и латыша, и поляка, и грека, и армянина, и другихъ, явившихся сюда съ своими нарѣчіями и привычками.

Кромѣ станицъ, возникли поселенія новаго типа, въ отличіе отъ первыхъ, называемыхъ просто селеніями. Но громадное большинство пришлаго народа размѣстилось по казачьимъ станицамъ и по численности своей почти уже сравнялось съ кореннымъ казачьимъ населеніемъ.

Положеніе этихъ переселенцевъ однако довольно неопредѣленное. Съ одной стороны, они необходимы казакамъ: они оживляютъ промышленность и торговлю края; безъ нихъ казаки, отвлекаемые военной службой, не въ состояніи были бы обработать свои земли. Съ другой стороны, казаки чувствуютъ себя стѣсненными громадной массой «иногороднихъ», какъ здѣсь зовутъ новыхъ пришельцевъ, которые, не имѣя ни пяди собственной земли, живутъ все-таки недурно. Отсюда вражда между казаками и иногородними, на которыхъ казаки смотрятъ свысока. Принимаемыя иногда стѣснительныя мѣры противъ послѣднихъ безсильны однако остановить потоки переселенцевъ.

Несмотря на весьма разнородные элементы, вошедшіе въ составъ кубанскаго казачества, нельзя не замѣтить, что вся область представляетъ нѣчто цѣльное въ характерѣ, образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ и міровоззрѣніи. Малоруссы и великоруссы отлично уживаются здѣсь рядомъ, и нигдѣ нельзя замѣтить такого интереснаго сліянія этихъ народностей, какъ именно въ Кубанской области. Въ особенности это замѣтно въ станицахъ со смѣшаннымъ населеніемъ. Во многихъ случаяхъ положительно трудно отличить малоросса отъ великорусса. Даже типъ населенія однородный.

Кубанцы—средняго роста, худощавы, со смуглымъ цвѣтомъ лица; волосы на головѣ стригутъ очень коротко, но запорожскіе чубы прекратили свое существованіе еще въ началѣ прошлаго столѣтія; теперь большинство носитъ бороду, и даже на крайнемъ западѣ малороссійскіе усы встрѣчаются все рѣже и рѣже. Женщины пользуются значительной свободой. Казаки вообще женятся рано (18—19 лѣтъ) и вскорѣ уходятъ на военную службу, такъ что все хозяйство ведется женою, которая и является полною хозяйкой, что, конечно, способствуетъ выработкѣ

физической силы и смѣлости характера. Въ прежнее тревожное время женщинамъ очень часто приходилось съ ружьемъ въ рукахъ защищать свою станицу и свое жилище. При первыхъ звукахъ набата и пушки всѣхъ малолѣтнихъ дѣтей отводили за церковную ограду, а подростки и женщины становились въ ряды защитниковъ, такъ что и теперь еще встрѣчаются женщины, которыя могутъ хорошо ѣздить верхомъ и стрѣлять изъ ружья.

Языкъ кубанцевъ довольно своеобразный. Малорусское нарѣчіе даже въ наиболѣе однородныхъ станицахъ подверглось значительному вліянію великорусскаго, заимствовавъ у послѣдняго много оборотовъ и словъ. Въ свою очередь измѣнилась и великорусская рѣчь. Часто даже трудно бываетъ различить, на какомъ нарѣчіи говорятъ,—до того великорусская рѣчь пестритъ малорусскими словами и оборотами, какъ, напримѣръ: «сѣять жито (рожь), ѣхать по воду, выпить горѣлки (водки), красна дѣвчина, построить хату» и т. д.

Одежда мужчинъ по всей области одинаковая, заимствованная у горцевъ. Она состоитъ изъ черкески, одѣваемой поверхъ бешмета. На поясѣ носятъ кинжалъ, а на груди газыри (въ родѣ патронташа). На голову одѣваютъ невысокую барашковую шапку (папаху), а обувью служатъ сапоги. Эту одежду носятъ всѣ, даже подростки и старики, но мальчики обыкновенно ходятъ въ одномъ бешметѣ безъ кинжала. Одежда женщинъ состоитъ изъ обыкновенной юбки, кофточки великорусскаго покроя и платка на головѣ, и все это яркихъ цвѣтовъ.

Что же касается характера, образа жизни, нравовъ и обычаевъ жителей, то въ этомъ отношеніи вся Кубанская область представляетъ настоящую Малороссію.

Казачье населеніе живетъ въ станицахъ и хуторахъ, а въ городахъ коренныхъ казаковъ нѣтъ. Типъ станицъ почти одинаковъ. По большей части онѣ поражаютъ своею обширностью. Есть станицы, имѣющія больше 10.000 населенія. Въ центрѣ селенія среди площади обыкновенно красуется бѣлая церковь, часто очень красивой архитектуры; здѣсь же находятся станичное правленіе и школа. Одна изъ улицъ, пересѣкающихъ площадь, съ лучшими постройками, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, называется «Красной».

Дома казаковъ средняго достатка устраиваются обыкновенно въ двѣ комнаты съ балкончикомъ; крыши дѣлаются изъ камыша, соломы, а иногда и желѣза. Каковъ бы ни былъ домъ: деревянный, турлучный или камышевый, маленькій или большой, онъ обязательно обмазывается глиною и бѣлится мѣломъ, а ставни и косяки дверей раскрашиваются охрой и синькой. Если домъ принадлежитъ малороссу, то при домѣ непремѣнно есть садикъ, у великоросса же его часто не бываетъ. Это явленіе можетъ даже до нѣкоторой степени служить показателемъ на-

родности. Если станица вся въ садахъ, такъ что издали представляется лѣсомъ, то это вѣрный признакъ, что тутъ въ значительномъ числѣ живутъ малороссы; если же станица почти лишена растительности, значитъ населеніе ея исключительно великорусское.

Любимою пищей кубанскихъ казаковъ является сало, борщъ, вареники и галушки, а во время постовъ,—тарань, небольшая сушеная рыба, милліонами расходящаяся въ области. Изъ напитковъ употребляются водка, пиво, кислыя щи, которыя вмѣстѣ съ хлѣбомъ составляютъ иногда единственное блюдо населенія, а въ послѣднее время стало распространяться и мѣстное вино, весьма низкаго качества.

Народные малорусскіе обычаи: колядки, щедрованіе и др., распространены здѣсь повсюду. Но въ особенности интересно прослѣдить, какъ уживается вмѣстѣ великорусскій общинный строй со стремленіемъ малороссовъ къ обособленію. Здѣсь обѣ стороны взаимно уступили другъ другу. Съ одной стороны у казаковъ въ области господствуетъ общинное землевладѣніе, а съ другой—каждый молодой казакъ, только что оженившійся, старается сейчасъ же отдѣлиться отъ родителей и обзавестись отдѣльнымъ хозяйствомъ.

Стремленіе къ обособленности проявляется также въ томъ, что казакъ и на своемъ временномъ владѣніи стремится обзавестись въ степи шалашомъ, сараемъ, а иногда и хатой, куда перевозитъ все свое семейство и достояніе и часто даже разводитъ садикъ. Общинные же порядки не ограничиваются только землевладѣніемъ, но играютъ большую роль во всей жизни казака. Станичное самоуправленіе шире крестьянскаго, такъ какъ оно вѣдаетъ дѣла не только гражданскія, но и военныя, какъ-то: о нарядѣ казаковъ на службу, распредѣленіи ихъ въ конницу или пѣхоту, о постройкѣ палатокъ для лагерей, о доставленіи имъ топлива во время лагерныхъ сборовъ; ходатайствуетъ объ отпускѣ казаковъ со службы по причинѣ болѣзни домочадцевъ или по случаю пожара и т. д.

Главнымъ источникомъ благосостоянія казачьяго населенія служитъ земледѣліе. Такъ какъ поля находятся вообще далеко отъ станицъ, то жители обыкновенно съ самой ранней весны, какъ только сойдетъ снѣгъ, отправляются въ степь, гдѣ выстраиваютъ себѣ балаганъ (кошъ) и живутъ тамъ все время до выпаденія снѣга, такъ что въ станицахъ лѣтомъ остается очень мало народу. На западѣ всюду стога сѣна и скирды хлѣба складываются и оставляются въ полѣ, домой же везутъ только обмолоченный хлѣбъ въ видѣ зеренъ.

Казаки обыкновенно засѣиваютъ такъ много хлѣба, что убрать его собственными средствами не въ состояніи, а потому они всегда нуждаются въ рабочихъ рукахъ. Для удовлетворенія этого громаднаго спроса изъ внутренней Россіи идутъ на Кубань массы рабочихъ. Впрочемъ, въ

нѣкоторые годы урожай бываетъ такъ великъ, что пришлые рабочіе не въ состояніи убрать полей, и часть хлѣба остается на корню. Вслѣдствіе этого въ послѣднее время жители стали обзаводиться усовершенствованными земледѣльческими орудіями, число которыхъ съ каждомъ годомъ возрастаетъ.

Молотьба теперь почти повсюду производится молотилками, и только въ болѣе бѣдныхъ станицахъ молотятъ хлѣбъ довольно оригинальнымъ способомъ, который прежде былъ распространенъ повсемѣстно: среди поля на ровномъ мѣстѣ вытаптывается токъ (гладкая площадка, лишенная растительности) и обильно поливается водой, чтобы всѣ трещины въ землѣ исчезли. На приготовленной такимъ образомъ площадкѣ разстилается нѣсколько копенъ хлѣба, по которымъ и ѣздятъ кругомъ въ повозкахъ, запряженныхъ лошадьми и быками. Передъ обработкой земля не удобряется; навозъ обыкновенно складывается въ кучу около станицъ и сжигается. Сжигается также и солома, оставшаяся послѣ молотьбы хлѣба. Интересную картину представляетъ степь въ концѣ іюля и въ началѣ августа, когда она покрывается тысячами огней отъ множества зажженныхъ скирдъ соломы.

Хлѣбопашество помѣшало развитію другихъ видовъ промышленности. Только въ послѣднее время жители стали обращать вниманіе на разведеніе виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ.

Главнѣйшею отраслью хозяйства послѣ земледѣлія остается скотоводство, однако сильно измѣнившееся по сравненію съ прошлымъ. Прежде оно было любимымъ занятіемъ казаковъ, и громадные табуны лошадей и стада рогатаго скота бродили по необозримымъ кубанскимъ степямъ. Черноморскій скотъ и въ особенности лошади, гнѣдыя съ золотистымъ отливомъ, на крѣпкихъ стальныхъ ногахъ, съ могучей шеей и спиной, были извѣстны далеко за предѣлами области. Теперь табунное скотоводство пало. Правда, количество скота увеличилось, но онъ распредѣленъ равномѣрнѣе среди населенія и служитъ какъ необходимое подспорье для хлѣбопашества.

Всѣ другія занятія играютъ уже второстепенную роль въ жизни казачьяго населенія.

Пятигорскъ.

(По Васюкову и др.)

Душно въ вагонѣ. Душно и многолюдно, особенно въ III классѣ. Начало іюня. Курьерскій поѣздъ прямого сообщенія Москвы со станціей «Минеральныя Воды» останавливается на каждой маленькой станціи и принимаетъ всѣхъ мѣстныхъ пассажировъ въ наполненные и переполненные больными вагоны. Влѣзаютъ и слѣзаютъ люди на станціяхъ, ночью и днемъ безпокоя усталыхъ и невыспавшихся путешественниковъ.

Поѣздъ мчится по необозримымъ богатымъ степямъ сѣвернаго Кавказа. Какая ширь! Степь сливается съ горизонтомъ. Рѣдко попадаются селенія, но какъ просторно они раскинулись по рѣчкѣ; бѣлыя хаты далеко утопаютъ въ зелени своихъ садиковъ. По обѣимъ сторонамъ дороги едва колеблется отъ вѣтра плотная сильная пшеница. Кое-гдѣ ее смѣняетъ ячмень. Необозримы хлѣбныя поля, глазъ устаетъ глядѣть на цѣлое море хлѣба. Пестры и могучи степныя травы!.. Сколько цвѣтовъ среди высокой сочной зелени,—ярко-пунцовые высоко подняли свои головки и граціозно покачиваютъ ихъ надъ голубыми и лиловыми своими товарищами, которые притаились и заплелись среди зеленыхъ и сочныхъ стеблей травы.

Хороша и необозрима могучая степь. Чистъ, ароматенъ воздухъ, жизнь всюду сквозитъ и рвется наружу... Вьются и поютъ въ воздухѣ жаворонки, высоко плаваютъ хищники; то здѣсь, то тамъ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто легкія красивыя птички въ цвѣтныхъ нарядахъ... Цѣлые милліоны кузнечиковъ стрекочутъ въ травѣ. Вся степь, весь ея воздухъ наполнены радостнымъ ликованіемъ.

Тянется, разстилается степь, и мчится по ней поѣздъ, все ближе и ближе подвигаясь къ югу, къ началу кавказскаго горнаго хребта... Нетерпѣніе охватываетъ пассажировъ. Станція смѣняетъ станцію. Стали попадаться характерные типы горцевъ. Вотъ букеты душистыхъ розъ...

— Мама, смотри, я тебѣ букетъ купилъ,—вбѣгаетъ съ пучкомъ бѣлыхъ и розовыхъ розъ радостный гимназистъ. Мать съ наслажденіемъ смотритъ и вдыхаетъ ароматъ юга.

— Мама, пять копеекъ стоитъ!—добавляетъ мальчикъ.

Вотъ вдали, справа дороги, что-то показалось и скрылось снова за горизонтомъ. Вагоны спускались ниже, мы переѣзжали черезъ мостъ небольшой рѣчки. Въ вагонѣ прекратились разговоры. Пассажиры, видимо, находятся всѣ подъ вліяніемъ чудной природы: одни высунулись изъ оконъ, другіе стоятъ на площадкахъ вагоновъ. Ждутъ, когда покажутся горы...

Поѣздъ завернулъ вправо, объѣхалъ отлогій холмъ и сталъ медленно подниматься въ гору.

— Вотъ гора!.. Смотрите, какая чудная и острая!—увидѣлъ первый гимназистъ.

— Кинжалъ-гора!—проговорилъ ѣхавшій въ вагонѣ армянинъ. Дѣйствительно, справа пути показалась одинокая, скалистая, какъ бы съ острымъ шпицемъ, сравнительно небольшая гора. Она стояла сиротливо въ степи, у ея подножія пріютилось селеніе.

— Смотрите, еще горы... много, большія горы!—радостно кричалъ гимназистъ, и вся его тщедушная фигурка выражала искренній восторгъ.

Впереди показалась Верблюдъ-гора, за ней Змѣиная, дальше Желѣзная и, наконецъ, красавецъ Бештау...

Удачны и характерны названія горъ. Дѣйствительно, словно гигантскій верблюдъ бѣжитъ или хочетъ бѣжать на сѣверъ по далекой степи. Змѣиная гора тянется по вершинѣ снизу вверхъ причудливыми перевалами, напоминающими змѣю въ ея движеніи. Желѣзная гора меньше прочихъ, она вся сплошь покрыта лѣсомъ. За ней гордо возвышается Бештау; на вершинѣ его застыло красивое облако и будто шапкой покрыло голову гиганта; будто дѣти-подростки стоятъ около него другія, меньшія вершины. Въ теченіе цѣлаго часа или болѣе мы любуемся этой живописной группой горъ.

— Станція «Минеральныя Воды»!—восклицаетъ кондукторъ. Пассажиры спѣшатъ покинуть ненавистные вагоны.

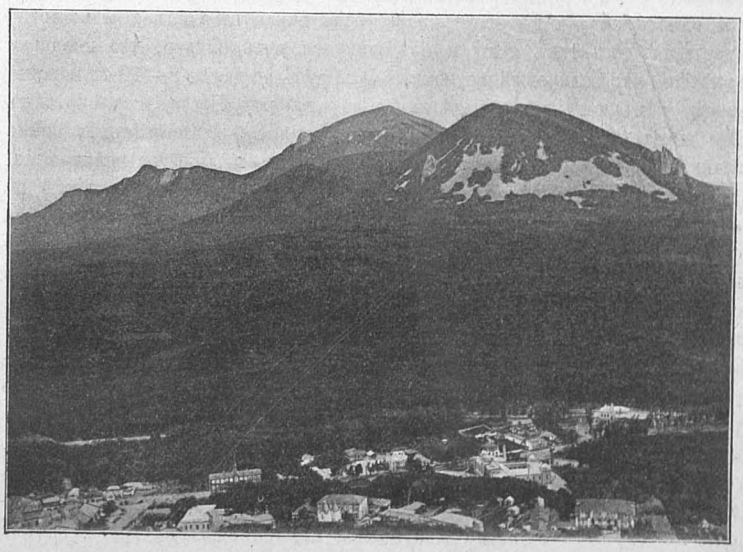
Черезъ часъ подается другой поѣздъ, мѣстный, имѣющій сообщеніе только со станціями минеральныхъ водъ, до Кисловодска включительно. Вагоны легкіе, внутри устроены по-дачному, площадки вагоновъ повсюду обтянуты для безопасности кожей.

Поѣздъ тронулся, пассажиры съ жадностью смотрятъ на окрестности. Мы медленно приближаемся къ ст. Бештау, которая отстоитъ отъ Желѣзноводска въ пяти верстахъ. Приближаемся медленно, потому что кругомъ идутъ работы. Насыпи то и дѣло сползаютъ отъ дождей, то тутъ, то тамъ портятся пути. Поѣздъ идетъ среди густого дубняка. Чудный горный воздухъ волной врывается въ больныя усталыя легкія. Бештау во всей своей красѣ развернулся передъ нами; по другую сторону зеленѣетъ миловидный и граціозный Машукъ.

Мы спускаемся къ ст. Пятигорскъ. Поѣздъ огибаетъ Машукъ. Высоко на крутомъ склонѣ горы, среди темной зелени лѣсовъ бѣлѣетъ памятникъ, поставленный на предполагаемомъ мѣстѣ дуэли Лермонтова.

Пятигорскъ расположенъ по берегу рѣки Подкумка съ одной стороны и по подошвѣ горы Машука съ другой, сѣверной, стороны. Гора Машукъ, возвышающаяся надъ городомъ на 1696 фут., предохраняетъ его отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Восточная часть города упирается въ одинъ изъ ея отроговъ, Горячую гору, откуда происходятъ всѣ сѣрные источники. Собственно городъ Пятигорскъ основанъ въ 1830 г., а до тѣхъ поръ это мѣсто называлось Горячеводскимъ поселеніемъ. Съ тѣхъ поръ Пятигорскъ начинаетъ развиваться, населеніе увеличиваться, увеличивается также и съѣздъ больныхъ... Администрація наряжаетъ ученыя комиссіи для изслѣдованія горячихъ источниковъ, мало-по-малу приступаютъ къ постройкѣ зданій для минеральныхъ водъ, вообще къ организаціи лѣчебнаго пункта. Первымъ было заложено и окончено въ 1832 г. зданіе Николаевскихъ ваннъ, по сіе время одно изъ лучшихъ и удобныхъ для купанья. Но особенное развитіе города и пятигорскихъ водъ относится ко времени намѣстничества князя Воронцова, къ концу сороковыхъ и началу пятидесятыхъ

годовъ. Открыты были новые источники, построена Елизаветинская галлерея, заложенъ и выстроенъ каѳедральный соборъ, разбитъ паркъ, проведена съ горы Бештау прѣсная вода и сдѣлано многое другое. Такимъ образомъ существованіе Пятигорска, какъ лѣчебнаго пункта, было вполнѣ обезпечено. Открытіе Владикавказской желѣзной дороги значительно повліяло на количество пріѣзжающихъ для лѣченія. Въ настоящее время въ Пятигорскѣ насчитывается до 20.000 душъ обоего пола. Населеніе города разнообразно: русскіе, армяне, нѣмцы, азіаты и небольшое количество евреевъ. Большинство жителей составляютъ мѣщане и военные.



Видъ на Бештау изъ Желѣзноводска.

Пятигорскъ хотя и лежитъ на одной широтѣ съ Генуей и южнѣе Ялты, тѣмъ не менѣе далеко не обладаетъ теплотой климата упомянутыхъ городовъ. Происходитъ это отъ того, во-первыхъ, что Пятигорскъ лежитъ выше уровня моря на 1500 футовъ, во-вторыхъ, онъ удаленъ отъ моря и, въ-третьихъ, близокъ къ снѣговой Кавказской цѣпи горъ, которая находится къ югу отъ города. Климатъ Пятигорска умѣренный и довольно постоянный, притомъ вполнѣ здоровый. Средняя годичная температура Пятигорска +9° R. Юго-восточные вѣтры обыкновенно влажны и приносятъ обильные дожди. Пятигорскіе жители не по одному только направленію вѣтра могутъ предполагать или угадывать погоду,—у

нихъ есть вѣрный показатель дождя: если вершина Бештау покрыта облаками, то дождь несомнѣнный. И дѣйствительно, часто кругомъ ходятъ подозрительныя тучи, но если вершина Бештау чиста, то дождя не будетъ, и вы можете смѣло совершать прогулки. Но если при совершенно безоблачномъ небѣ Бештау «надѣлъ шапку», ждите дождя, и дождь будетъ непремѣнно.

Во время западныхъ вѣтровъ въ Пятигорскѣ бываетъ сухо и знойно. Отъ продолжительнаго зноя въ воздухѣ появляется мгла, или «юга», какъ говорятъ мѣстные жители. Тогда, несмотря на безоблачное небо, изъ Пятигорска не видно ни двуглаваго Эльбруса, ни снѣжной цѣпи Кавказа. Горы отсюда вообще видны прекрасно, но лучше утромъ, при восходѣ солнца, и въ особенности, если наканунѣ былъ дождь: тогда очертанія горъ такъ ясны и онѣ кажутся такъ близко, что невольно думается, что величавый и огромный Эльбрусъ не далѣе 8—10-ти верстъ, между тѣмъ какъ по прямой линіи до него отъ Пятигорска считаютъ 100 верстъ, а изъ-за Эльбруса выдвигается зубчатая снѣговая стѣна главнаго хребта съ остроконечнымъ Казбекомъ и другими великанами.

Растительность въ Пятигорскѣ небогатая, хотя рѣдкій домикъ не имѣетъ нѣсколькихъ деревьевъ. Въ горахъ преобладаетъ дубъ, потомъ слѣдуютъ: ясень, кленъ, кизиль. Вслѣдствіе известковой почвы всѣ эти виды деревьевъ развиваются плохо. Высокихъ, прямыхъ дубовъ вы не найдете вовсе; въ большинствѣ случаевъ это корявые, низкорослые экземпляры. Въ городѣ же преобладающимъ деревомъ является бѣлая акація, которою засажены пятигорскіе бульвары и маленькіе садики домовладѣльцевъ. Акація и каштанъ да кусты сирени составляютъ главную растительность Пятигорска. Впрочемъ, въ верхнихъ, старыхъ бульварахъ преобладаютъ липы. Лѣтомъ масса розъ, и розы красивыя и пахучія.

Сѣрные источники Пятигорска съ давнихъ временъ пользовались извѣстностью за свои цѣлебныя свойства. Лѣченіе производится купаньемъ въ сѣрныхъ ваннахъ и пріемомъ сѣрной воды внутрь. Дѣйствіе сѣрной воды, принятой внутрь организма, выражается въ возбужденіи дѣятельности отдѣльныхъ органовъ—желудка, сердца, легкихъ, что несомнѣнно способствуетъ усиленному обмѣну веществъ въ организмѣ. Все это вмѣстѣ съ правильнымъ образомъ жизни, хорошимъ климатомъ Пятигорска и дѣйствительно прекраснымъ питаніемъ дѣлаютъ почти чудеса съ больными. Мышечный хроническій ревматизмъ совершенно поддается пятигорскому лѣченію. Въ началѣ сезона нѣкоторыхъ больныхъ, скорченныхъ отъ ревматизма, возятъ въ креслахъ, а въ концѣ сезона, послѣ лѣченія, они ходятъ безъ посторонней помощи.

Сабанѣевскія ванны, самыя сильныя, находятся высоко за городомъ, надъ р. Подкумкомъ. Здѣсь во дворѣ можно видѣть источникъ, изъ котораго сѣрная вода, чистая и прозрачная, какъ янтарь, течетъ по де-

ревянному желобу, оставляя на стѣнкахъ послѣдняго густой бѣлый пластъ сѣры. Источникъ этотъ имѣетъ $37^1/_2{}^0$ R. и охлаждается здѣсь на дворѣ въ огромныхъ чанахъ, куда онъ стекаетъ по желобу. Сторожъ при этомъ источникѣ показываетъ посѣтителямъ покрытыя сѣрнымъ пластомъ вещи, напримѣръ, красный ракъ (шкура) становится совершенно бѣлымъ, прозрачный стаканъ—молочно-бѣлымъ, матовымъ и проч.

Всѣ металлическія вещи близъ источника быстро окисляются и покрываются чернымъ налетомъ. При принятіи ваннъ поэтому ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ брать съ собою серебряныхъ и другихъ металлическихъ вещей, а лучше оставлять ихъ дома. Разлагающее вліяніе сѣрныхъ водъ на металлы заставляетъ при проведеніи водъ изъ источниковъ въ зданія прибѣгать исключительно къ дереву, почему всѣ трубы, проводящія сѣрную воду, деревянныя, дубовыя. Такія трубы очень дорого стоятъ по трудности ихъ отдѣлки и вслѣдствіе скорой ихъ порчи и частой перемѣны.

Надъ большинствомъ сѣрныхъ источниковъ Пятигорска выстроены изящныя каменныя галлереи. Особенно красива Елизаветинская галлерея, находящаяся высоко на горѣ, въ углу, гдѣ Горячая гора сходится съ Машукомъ. Отъ Елизаветинской галлереи начинается длинная линія бульваровъ, вдоль которыхъ бѣгаютъ вагончики электрическаго трамвая.

Рядомъ съ Елизаветинской галлереей на склонѣ Машука находится «гротъ Лермонтова»,—небольшая пещерка, загороженная отъ публики всегда запертой желѣзной рѣшетчатой дверью. Сквозь рѣшетку можно видѣть внутренность пещерки: въ стѣнку вдѣлана почтенныхъ размѣровъ металлическая доска, на которой выгравировано довольно-таки безграмотное стихотвореніе, посвященное памяти Лермонтова однимъ пріѣзжимъ помѣщикомъ «во время пользованія его пятигорскими минеральными водами». Весь интересъ грота состоитъ въ томъ, что онъ служилъ любимымъ мѣстомъ отдохновенія поэта и что отсюда открывается прекрасный видъ на городъ и Эльбрусъ.

Всякій пріѣзжій, навѣрное, первое знакомство съ Пятигорскомъ начнетъ съ памятника М. Ю. Лермонтову. Это знакомство—сразу въ пользу города. И памятникъ хорошъ, и видъ отъ памятника недуренъ. Памятникъ работы Опекушина, стоимостью 50.000 рублей. Поэтъ сидитъ на скалѣ въ военномъ мундирѣ, шинель живописно спустилась съ плеча. Въ полуоборотѣ онъ устремилъ свои взоры на Эльбрусъ. Фигура Лермонтова съ обнаженной головой. У ногъ его лежитъ книга. Вокругъ памятника — скверъ, сторожка, въ которой живетъ сторожъ, дѣти, голуби...

Центръ города—это соборъ и соборная площадь. Бульваръ тянется отъ Елизаветинской галлереи до вновь выстроеннаго зданія мужской гимназіи. Плохой бульваръ становится еще хуже по мѣрѣ его пониже-

нія; тѣмъ не менѣе онъ является средоточіемъ жизни пріѣзжихъ и мѣстныхъ обывателей, особенно по вечерамъ; гремитъ музыка, военныхъ цѣлая масса: гусары, уланы, артиллеристы и пѣхотинцы въ обыкновенныхъ форменныхъ сюртукахъ и въ черкескахъ гуляютъ, опираясь на кизилевыя палочки. Нигдѣ, кромѣ Петербурга, не видно столько военныхъ... По бульвару тянется множество кіосковъ, начиная съ кіоска книжнаго, фирмы Суворина, кончая кіосками съ продажей огурцовъ и ягодъ. Продаютъ также вещи мѣстнаго издѣлія—бурки, кинжалы, пояса и проч.

Минуя бульваръ, налѣво отъ него, на берегу Подкумка, расположился тѣнистый, густой «Казенный садъ». Этотъ садъ принадлежитъ къ самымъ живописнымъ мѣстамъ города. Вѣковые тополя, чудныя липы чередуются съ рѣдкими сортами деревьевъ, вывезенныхъ изъ Америки и Африки. Породы эти прекрасно принялись на Кавказѣ: мимоза, рѣдкіе сорта акацій склонили свои вѣтви около прекраснаго, говорливаго фонтана. Чудные бананы выдѣляются среди разнообразныхъ газоновъ и цвѣтниковъ.

Магазиновъ въ городѣ во время сезона много, даже черезчуръ. Магазины всевозможные: европейскіе, азіатскіе, но цѣны на товары невозможныя, дороже московскихъ или въ крайнемъ случаѣ не ниже, чѣмъ въ Москвѣ. Мало того, что торгуютъ въ лавкахъ, но персы, грузины и армяне ходятъ по квартирамъ съ платками, мѣхами и вышивками... Итальянцы продаютъ кораллы, брелоки и проч. Въ городѣ множество винныхъ погребковъ съ продажей кахетинскихъ винъ и приготовленіемъ шашлыка.

Надо сказать еще нѣсколько словъ о базарѣ, который въ Пятигорскѣ бываетъ еженедѣльно по понедѣльникамъ. Для продажи хлѣба и муки въ городъ на этотъ день съѣзжаются крестьяне изъ степи верстъ за 100 и болѣе; иногда можно видѣть крестьянъ, пріѣхавшихъ на верблюдахъ,—это жители Астраханской губерніи. Мѣстные степные крестьяне—здоровые, страшно загорѣлые люди, одѣты въ обыкновенные русскіе костюмы; сапогъ не носятъ (лѣтомъ), на ноги надѣваютъ теплые чулки и грубый родъ туфель.—«Мы и городъ и всю округу здѣшнюю хлѣбомъ кормимъ... Еще дѣды на базаръ хлѣбъ отвозили... Журавскіе мы, значитъ, Журавскіе», охотно сообщилъ мнѣ крестьянинъ.

Ярмарка многолюдная. Кромѣ многочисленныхъ подводъ съ хлѣбомъ и дровами, много пріѣзжаютъ нѣмцевъ съ овощами, ягодами, живностью. Все это пріѣхавшее, въ стройномъ порядкѣ, занимаетъ огромную площадь. Чего только на базарѣ нѣтъ!.. Все достанете... Мясной рядъ, параллельно ему молочный рядъ, дальше мануфактурный товаръ, скобяной, мелочной, книжный и даже торговля старыми вещами... Среди поношенныхъ пиджаковъ, женскихъ кофтъ, старыхъ штиблетъ—книжка, заржавленная бритва вмѣстѣ съ офицерскими шпорами... Вотъ

готовое платье, обувь, шапки и букеты цвѣтовъ; сало, чеснокъ, медъ и деготь; орѣхи, сушеные фрукты и пряники, конфеты.

Кучками стоятъ загорѣлые, съ сильными руками, широкогрудые косцы... Недалеко отъ нихъ въ крытомъ рыдванѣ сидитъ человѣкъ и позваниваетъ косой,—это торговецъ косами... Ходятъ по базару разные люди съ разными корзинками, мѣшками и наполняютъ ихъ продуктами... Начинаютъ понемногу, часу въ восьмомъ, дѣйствовать духаны, окружающіе веселымъ кольцомъ площадь... Шумнѣе, оживленнѣе становится базаръ... Многіе подвыпили и весело уѣзжаютъ во-свояси; другіе идутъ въ духанъ. До полудня стоятъ еще возы, а нѣкоторые гуляютъ и пьютъ до самаго заката...

Но самыми интересными мѣстами въ городѣ являются безусловно трещина въ Горячей горѣ и знаменитый «Провалъ». За послѣдніе 3—4 года вся Горячая гора раздѣлана: по всему хребту и бокамъ проведены дорожки, уставленныя скамьями и обсаженныя деревьями, устроены бесѣдки, фонтанъ, а на самомъ высокомъ мѣстѣ сооруженъ павильонъ съ разноцвѣтными стеклами. Черезъ всю гору идетъ трещина, шириной отъ 1 вершка до $^1/_3$ аршина; земля около нея значительно теплѣе остальныхъ частей горы; мѣстами изъ трещины выдѣляется легкій паръ и слышенъ довольно сильный запахъ сѣроводорода.

Провалъ лежитъ уже въ самомъ Машукѣ, довольно высоко надъ городомъ, недалеко отъ Сабанѣевскаго источника. Къ Провалу проведенъ электрическій трамвай, который довозитъ васъ до небольшой площадки на склонѣ Машука. Направо, какъ почти повсюду въ Пятигорскѣ, стоитъ ресторанчикъ, а прямо въ скалѣ зіяетъ отверстіе туннеля. Этотъ туннель, довольно длинный (20 саженъ), приводитъ васъ въ оригинальнѣйшій гротъ. Представьте себѣ огромную каменную воронку 13 саженъ въ поперечникѣ и почти столько же въ высоту, опрокинутую узкимъ отверстіемъ вверхъ. Въ отверстіе наверху виднѣется синее небо, облака, освѣщенныя яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Въ гротѣ—легкій полумракъ и слышенъ сильный запахъ сѣроводорода. Въ лѣвомъ углу грота—небольшой естественный бассейнъ сажени 3 въ ширину и саженъ 5 въ длину, съ мутной водой чуднаго голубого цвѣта; голубой отсвѣтъ отъ воды ложится и на нависшую надъ ней стѣну Провала. Вода въ бассейнѣ на ощупь очень теплая (29^0—32^0 Реомюра) и отвратительная на вкусъ; сѣроводорода изъ нея выдѣляется такъ много, что серебряныя вещи (напр., ложки), принесенныя въ Провалъ, быстро чернѣютъ. О томъ, какой глубины бассейнъ, существуютъ самыя противоположныя свѣдѣнія: по однимъ даннымъ глубина его достигаетъ $5^1/_2$, а по другимъ 10 саженъ; несомнѣнно только то, что онъ значительной глубины и что изъ него есть стокъ. Остальная часть Провала имѣетъ твердый убитый грунтъ. Среди народа, пришедшаго

посмотрѣть Провалъ, слышишь рядъ разсказовъ и легендъ самаго нелѣпаго свойства: одинъ, напр., разсказываетъ, что если окунуться въ бассейнѣ, то можно свариться, что подобный случай былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ; другой увѣряетъ, что у бассейна дна нѣтъ, и т. д. Водой Провала съ лѣчебными цѣлями не пользуются, хотя мѣстные жители и увѣряютъ, что она полезна противъ глазныхъ болѣзней. Въ правомъ углу въ стѣнѣ сдѣлана небольшая ниша со стоящей въ глубинѣ ея иконой.

Одна изъ лучшихъ прогулокъ—это на вершину Машука. Дорога превосходная и разнообразная, подъемъ—два часа. На вершинѣ горы находится небольшая лѣтняя гостиница, гдѣ можно переночевать и достать холодныя закуски, чай, молоко, пиво и т. д. Здѣсь же находится могила извѣстнаго русскаго альпиниста, Пастухова; онъ завѣщалъ похоронить себя на вершинѣ Машука, «чтобы видѣть Эльбрусъ и Казбекъ»—вершины, на которыя онъ взошелъ первый изъ русскихъ.

Хорошо, чудно хорошо на вершинѣ! Душистый горный воздухъ волной врывается въ грудь, горные цвѣты пестрымъ ковромъ усѣяли вершину, поросшую густой травой. Тихо, спокойно вверху. Огромные орлы рѣютъ въ воздухѣ. Вершины другихъ горъ, покрытыя синею дымкою, рѣзко выдѣляются въ прозрачномъ воздухѣ. Бештау съ Машука кажется настоящимъ великаномъ. А внизу какъ красивъ городъ съ его бѣленькими домиками и крохотными садиками! За ними лентой вьется быстрый Подкумокъ. Далеко, синѣя, раскинулась степь. Соляныя озера и нѣмецкія колоніи нарушаютъ однообразіе степи. Отъ Карраса зеленымъ ковромъ поднимается къ западу лѣсъ все выше и выше, почти до вершины Бештау. А Желѣзная гора сплошь покрыта лѣсомъ, который издали кажется густою травой или мелкимъ кустарникомъ. Вьется дымокъ. Показался паровозъ съ вагонами и скрылся въ лѣсу подъ Машукомъ, только тонкая струйка дыма тянется полоской надъ лѣсомъ. Вотъ снова показался поѣздъ. Медленно, словно муравьи, другъ за другомъ ползутъ по дорожкѣ вагоны. Какъ малы, малы до смѣшного и вагоны и паровозъ. Къ югу виднѣются Кисловодскія горы, передъ которыми внизу, словно въ ямѣ, притаились Ессентуки. На сѣверъ далеко раскинулась степь. Вонъ пестрѣетъ станція «Минеральныя Воды». Дальше и дальше, не знаешь на что смотрѣть, на чемъ остановиться. Хорошо и направо и налѣво, хорошо и здѣсь на вершинѣ. Не хочется уходить туда, къ людямъ, къ говору и пыли, къ грохоту и къ глупой суматохѣ. Тихо на вершинѣ, хорошо, отдыхаетъ сердце, замолкнулъ озлобленный умъ. Дышится ровно, свободно.

Военно-Грузинская дорога.

(По Дубянскому, Владыкину, Филиппову и др.)

Военно-Грузинская дорога—это тотъ путь, по которому ещѣ въ самой глубокой древности двигались народы изъ Азіи въ Европу. Путь этотъ пролегаетъ по долинамъ и ущельямъ Терека, текущаго на сѣверъ, и Арагвы, текущей на югъ. Перевалъ черезъ главный хребетъ (черезъ Гудъ-гору и Крестовую), раздѣляющій истоки этихъ рѣкъ, составляетъ всего 15 верстъ.

Въ настоящее время Военно-Грузинская дорога—одна изъ безопаснѣйшихъ, интереснѣйшихъ и живописнѣйшихъ дорогъ въ свѣтѣ. Переѣхавъ во Владикавказѣ Терекъ, ѣдешь сначала его лѣвымъ берегомъ. Дорога идетъ довольно близко отъ берега, и передъ глазами открывается вся низовая долина Терека, то разбивающагося въ своемъ извилистомъ теченіи на нѣсколько рукавовъ, то вновь сливающагося въ одно русло и съ сдержаннымъ рокотомъ катящаго по каменистому ложу свои мутныя воды. Скоро позади остаются «Черныя горы», сложенныя изъ глинистыхъ сланцевъ и покрытыя сплошь лѣсомъ, а также укрѣпленіе Редантъ—излюбленное мѣсто прогулокъ владикавказской публики.

Дорога замѣтно подымается въ гору, но съ половины одиннадцатой версты идетъ подъ уклонъ до самой станціи Балты. Горы здѣсь съ двухъ сторонъ подходятъ къ самому Тереку, довольно круто спускаясь къ его берегамъ и убѣгая по прямому направленію съ сѣверо-запада на юго-востокъ длинною цѣпью, извѣстной подъ названіемъ «Пестрыхъ горъ». Это четвертая по порядку изъ параллельныхъ горныхъ цѣпей, отдѣляющихъ Главный хребетъ отъ равнинъ сѣвернаго Кавказа.

За Балтинской станціей, расположенной на высотѣ 2754 фут. надъ уровнемъ моря, дорога все время идетъ въ гору, лишь изрѣдка прерываясь небольшими спусками. Долина Терека то значительно расширяется, то суживается надвигающимися съ обѣихъ сторонъ горами. Склоны горъ то отлоги и покрыты великолѣпными пастбищами, оглашаемыми изрѣдка окриками пастуховъ, то представляютъ голыя скалы, за которыя тамъ и сямъ цѣпляется тощая растительность. Порой бурный ручей попадается вамъ на пути, и только массы гальки и слѣды разрушенія на его берегахъ позволяютъ догадываться о его истинныхъ размѣрахъ и силѣ воды во время таянія снѣговъ, когда подобные горные потоки сокрушаютъ все на своемъ пути и во многихъ мѣстахъ прорываютъ самое полотно дороги. Надъ вашей головой вдоль пути часто нависаютъ громадныя глыбы известняковъ, въ то время какъ внизу, у ногъ бурлитъ рѣка,—такова, напримѣръ, извѣстная скала «Пронеси Господи», на шестой, приблизительно, верстѣ отъ станціи Балты. На девятой верстѣ, за Терекомъ, разбросаны сакли ингушскаго селенія, отъ котораго вьется

по склону горы надъ самой водой узкая дорожка, прорубленная въ скалахъ. Порой нѣсколько арбъ тянутся по ней, издавая своими колесами монотонный скрипъ, доносящійся до васъ, несмотря на шумъ Терека, или горецъ въ черной папахѣ и буркѣ горячитъ своего коня, осторожно ступающаго въ холодныя волны рѣки. Недалеко отъ станціи Ларсъ, на скалахъ, виденъ могильникъ,—длинное полуразвалившееся каменное сооруженіе, и развалины сакли съ бойницами, въ которой, вѣроятно, въ былыя времена устраивали засады удалые джигиты на проходившіе у подножія скалы караваны.

Въ этомъ мѣстѣ дорога круто поворачиваетъ къ юго-западу и входитъ въ селеніе Ларсъ, на окраинѣ котораго прислонилась къ скаламъ убогая церковка, напоминающая собою скорѣе бѣдный домикъ, съ простымъ крестомъ на крышѣ и небольшой деревянной звонницей. По обѣимъ сторонамъ дороги разбросано нѣсколько саклей съ земляными плоскими крышами. Часть зданій приспособлена для постоялыхъ дворовъ. Коегдѣ мелькаетъ аляповатая вывѣска на стѣнѣ такъ называемыхъ духановъ, напоминающихъ собой наши деревенскія бакалейныя лавчонки, съ присоединеніемъ сюда продажи водки, пива и дешеваго кахетинскаго вина. Тутъ всегда можно встрѣтить сидящихъ на бревнахъ или на камняхъ туземцевъ, грѣющихся на солнышкѣ, тихо напѣвающихъ свои заунывныя пѣсни и передающихъ другъ другу новости дня, а то просто молча строгающихъ кинжалами деревянныя палочки. Подобные духаны можно часто встрѣтить по Военно-Грузинской дорогѣ, при чемъ нерѣдко ихъ входы украшены игривыми надписями съ оригинальной орѳографіей, въ родѣ, напримѣръ, красующейся надъ дверями одного духана близъ станціи Балты: «Не уѣзжай голубчикъ мой, а доѣзжай повеселиться въ садыкъ мой».

За селеніемъ Ларсъ, или, иначе говоря, за Старымъ Ларсомъ, природа становится все суровѣе и суровѣе; пологіе склоны замѣтно исчезаютъ, дѣлаясь все круче и круче, и постепенно суживаютъ ложбину. Терекъ сильнѣе даетъ знать о своемъ присутствіи; чаще попадаются на глаза валуны: въ одномъ мѣстѣ, влѣво отъ шоссе, они покрыли довольно большую площадь, представляющую какое-то хаотическое море камней. Немного поодаль, на маленькомъ островкѣ среди Терека, возвышается громадный гранитный валунъ, достигающій 95 футовъ длины и 55 футовъ ширины. Онъ носитъ названіе «Ермоловскаго камня», такъ какъ, по преданію, подъ нимъ нѣкогда, во время первобытнаго еще состоянія Военно-Грузинской дороги, отдыхалъ А. И. Ермоловъ, извѣстный герой Кавказа. За этимъ камнемъ, въ 15—20 саженяхъ отъ него бѣлѣетъ двухъэтажное зданіе станціи Ларсъ (3682 фут. надъ уровнемъ моря).

Всѣ здѣшнія станціи—очень большіе, въ два-три этажа, дома. Въ

каждой имѣется общая комната для путешественниковъ, съ широкими, мягкими диванами, и, въ большинствѣ случаевъ, отдѣльныя комнаты, или нумера, со всѣмъ необходимымъ,—понятно за отдѣльную плату.

Когда подъѣзжаете къ Ларсу, вамъ кажется, что вы попали въ глухой переулокъ, изъ котораго нѣтъ другого пути, кромѣ обратнаго. Вамъ дѣлается жутко отъ этой тѣсноты, но вы еще только у входа въ Дарьяльское ущелье, которое чернѣетъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца станціи. Кто хотя одинъ разъ видѣлъ знаменитый Дарьялъ, тотъ навѣрное его никогда не забудетъ. Тѣснина, въ которой иногда вверху видна только одна узкая полоса неба, кажется, сдавливаетъ путника стоящими по обѣ стороны отвѣсными громадами.

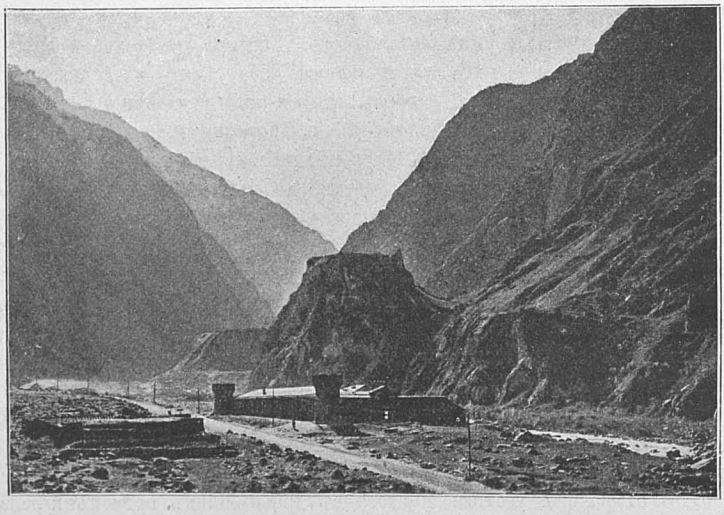
Въ самой узкой и дикой части ущелья перекинутъ желѣзный «Чортовъ мостъ», однимъ концомъ примыкающій къ обрывистой скалѣ, а другимъ упирающійся въ правый берегъ, гдѣ подъ горой нашлась узенькая полоска, по которой и вьется шоссе. Немного въ сторонѣ, налѣво отъ моста, виднѣется внизу полуразвалившаяся дорожная сторожка. Съ той и другой стороны угрюмыя, дикія скалы, полныя какой-то таинственной дремоты, тѣсной толпой склоняются надъ бурной рѣкой. Ихъ раздѣляетъ столь узкое пространство, что чудится невольно, будто и въ самомъ дѣлѣ онѣ жаждутъ встрѣчи каждый мигъ и простираютъ свои каменныя объятія; но «дни бѣгутъ, бѣгутъ года,—имъ не сойтися никогда». А внизу тоскливо реветъ сильно сдавленный ими Терекъ, ворочая каменья, и, весь покрытый грязной пѣной, тщетно старается выбраться на волю изъ сдерживающихъ его бѣгъ тисковъ.

Этотъ мрачный уголокъ Кавказа съ древнѣйшихъ временъ игралъ роль важнаго стратегическаго пункта, представляя какъ бы природныя ворота на пути изъ сѣверныхъ предгорій въ самое сердце Кавказа. Такой взглядъ на Дарьялъ подтверждаютъ самыя названія, которыя давали ему различныя племена, въ разныя времена населявшія эту часть Кавказа: «Caucasicae piloe», «Porta cumana», «Хевисъ-хари» («ворота долины» по-грузински), «Даріалъ» («ворота» по-персидски), откуда, наконецъ, и нашъ «Дарьялъ».

За «Чортовымъ мостомъ» дорога идетъ по правому берегу Терека и вскорѣ минуетъ небольшое Дарьяльское укрѣпленіе, имѣющее форму прямоугольника, съ красивыми круглыми, зубчатыми сверху, башенками по угламъ. Такихъ укрѣпленій по Военно-Грузинской дорогѣ нѣсколько, но, представляя собою полузаброшенныя старыя крѣпостцы, напримѣръ, близъ самой станціи Балты, они далеко уступаютъ по красотѣ Дарьяльскому; гарнизонъ ихъ обыкновенно состоитъ изъ двухъ-трехъ десятковъ казаковъ, на обязанности которыхъ лежитъ, между прочимъ, сопровожденіе почты, слѣдующей изъ Владикавказа въ Тифлисъ и обратно.

На правомъ берегу склоны горъ становятся болѣе пологими, и на

нихъ во многихъ мѣстахъ лежатъ довольно внушительныя глыбы гранитовъ и другихъ массивныхъ породъ, упавшія съ вершины сосѣднихъ гребней и угрожающія вотъ-вотъ скатиться на дорогу или прямо въ Терекъ, что нерѣдко и случается, особенно во время весенняго таянія снѣговъ. Еще съ полверсты, и передъ вами открывается видъ на Кистинское ущелье, уходящее въ глубь горъ. По его каменистому дну



Дарьяльское укрѣпленіе.

стремительно несется горная рѣчка Кистинка, тутъ же близъ шоссе впадающая широкимъ устьемъ въ Терекъ. Шумъ отъ нея далеко разносится вверхъ по ущелью, она вся покрыта бѣлоснѣжной пѣной, а самыя воды ея имѣютъ какой-то мутновато-зеленый отливъ, что придаетъ ея волнамъ неизъяснимую прелесть.

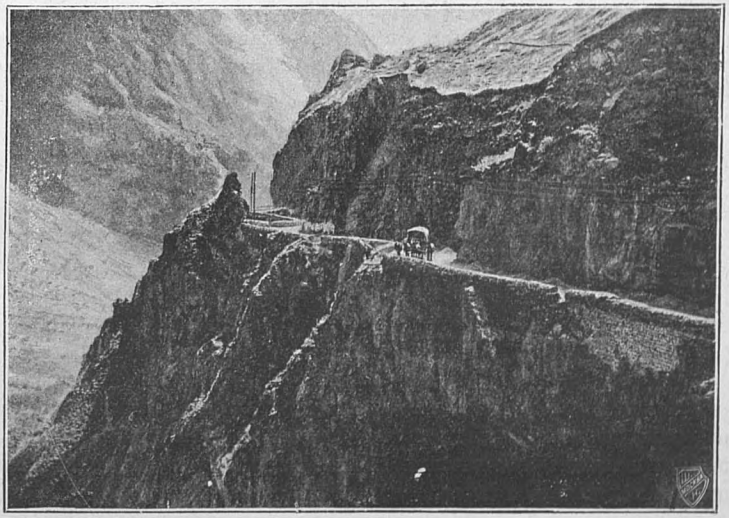
За Кистинскимъ мостомъ, нѣсколько наискось отъ него, у лѣваго берега Терека возвышается угрюмый утесъ, словно приросшій къ ближайшимъ скаламъ. На его плоской вершинѣ, по свидѣтельству грузинскихъ лѣтописей, еще во II вѣкѣ по Р. Хр., при царѣ Мирванѣ, грузинами были возведены въ защиту отъ нападенія аланъ, или осовъ (прямыхъ предковъ нынѣшнихъ осетинъ), особыя укрѣпленія и ворота, получившія впослѣдствіи поэтическое названіе «замка царицы Тамары» и воспѣтыя М. Ю. Лермонтовымъ въ стихотвореніи:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла.
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,

Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.

На восточномъ откосѣ скалы зіяетъ отверстіе, заканчивающее собой крытый подземный ходъ, который велъ на случай осады изъ внутренняго двора крѣпости внизъ до самой рѣки. Уцѣлѣла и та дорога, по которой ходили въ укрѣпленіе грузинскіе воины. Теперь это просто тропинка, по которой бродятъ одни горскіе пастухи со своими стадами, спѣша укрыться отъ непогоды въ развалинахъ стариннаго замка.

Въ верстахъ двухъ отъ Кистинскаго ущелья слѣва впадаетъ въ Терекъ Девдоракское ущелье. Внизу изъ темной лощины съ страшнымъ шумомъ вырывается мутная рѣчка Кабахи, бѣшено мчась по крутому ложу, грохоча камнями, падая каскадами съ уступовъ и окутанная какъ бы прозрачнымъ облакомъ водяной пыли.



Въ Дарьяльскомъ ущельѣ.

Эта лощина и есть тотъ путь, по которому устремляются внизъ грозные обвалы изъ снѣга, льда и каменьевъ, перемѣшанныхъ съ грязью, причиняющіе большой вредъ Военно-Грузинской дорогѣ. О подобныхъ обвалахъ до насъ дошли достовѣрныя свѣдѣнія еще отъ конца XVIII столѣтія и въ длинномъ спискѣ годовъ, ознаменованныхъ такими обвалами, мы находимъ 1776, 1778, 1785, 1808, 1810, 1832, 1842, 1855 и 1891 годы.

Судить о предстоящемъ обвалѣ можно по нѣкоторымъ внѣшнимъ при-

знакамъ, подмѣченнымъ туземцами: трескъ на ледникѣ, неравномѣрное теченіе Кабахи, грязный, мутный цвѣтъ воды, куски снѣга и льда, несущіеся по волнамъ. При появленіи этихъ признаковъ мѣстные жители торопятся угнать свои стада въ безопасное мѣсто и, какъ показали факты, безошибочно за нѣсколько дней предсказываютъ паденіе обваловъ—такъ было, напримѣръ, и въ памятномъ 1832 году.

13-го августа этого года, около пяти часовъ утра, изъ Девдоракскаго ущелья ринулись массы льда, снѣга и камней, почти моментально завалившія сосѣдній Дарьялъ на протяженіи двухъ верстъ и засѣвшія между отвѣсными скалами. Неугомонный Терекъ долженъ былъ остановиться и образовалъ выше завала огромное озеро; ниже можно было переходить по сухому руслу. Но вода все напирала и напирала и черезъ восемь часовъ ей удалось-таки найти небольшой выходъ внизу подъ снѣгомъ. Она прорвалась, при чемъ массы воды, смѣшанной со снѣгомъ и льдомъ, неслись съ такой быстротой, что сдавленный этимъ впереди воздухъ поднималъ и вертѣлъ въ вихрѣ громадные обломки скалъ. Къ этому событію относятся извѣстные стихи Пушкина:

Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга...
Ты затопилъ освирѣпѣвъ
Свои брега.

Обвалъ имѣлъ очень важныя послѣдствія. Дороги, съ такими невѣроятными усиліями продѣланныя въ скалахъ, были разрушены до основанія; приходилось все начинать съ начала, да вдобавокъ еще ожидать, пока растаютъ ледъ и снѣгъ, завалившіе ущелье. Въ это время сообщеніе велось по узкой тропѣ, проложенной частью по скаламъ, частью по залежамъ снѣга на 30—40 саж. выше уровня Терека. Иногда въ обвалѣ появлялись трещины, и черезъ одну изъ нихъ, наиболѣе широкую, пассажировъ переправляли въ особыхъ лебедкахъ, укрѣпленныхъ на толстомъ канатѣ. Только въ 1834 году явилась возможность возобновить движеніе по твердому грунту, а на высотѣ 80—100 футовъ, на скалѣ у Военно-Грузинской дороги, противъ устья р. Кабахи, и понынѣ еще красуется надпись: «Девдоракское ущелье. Тропа въ обходъ Казбекскаго завала 1832 года».

Чѣмъ дальше отъ Девдоракскаго ущелья подвигается путникъ, тѣмъ

долина дѣлается все шире, и наконецъ въ разстояніи приблизительно трехъ верстъ отъ станціи Казбекъ появляется вправо бѣлая снѣговая шапка кавказскаго великана. Свѣтлѣе становится на душѣ путника при взглядѣ на долину, кажущуюся очень широкой послѣ только что покинутаго ущелья. Не доѣзжая версты до станціи, переѣзжаютъ по висячему мосту черезъ Бѣшеную балку. Самое названіе достаточно характеризуетъ этотъ потокъ, мгновенно превращающійся послѣ дождя и во время таянія снѣга на горахъ изъ мелкаго ручейка въ бурную рѣку и выносящій цѣлую массу камней.

Станція Казбекъ расположена на высотѣ 5681 футовъ надъ уровнемъ моря, по правую сторону дороги. Въ общей залѣ станціи на окнахъ разложены куски горнаго хрусталя, мѣдная руда и другія горныя породы, которыя находятъ около Казбека. Все это назначено для продажи туристамъ, при чемъ цѣны объявляются самыя несуразныя: за кусокъ кристалла вершка въ три-четыре съ васъ просятъ отъ 5 до 10 рублей, но зато турьи рога, которые также здѣсь продаются, сравнительно недороги. Туровъ здѣсь очень большое количество, охота на нихъ составляетъ любимѣйшее занятіе туземцевъ, хотя и опасна, потому что требуетъ большой привычки и сноровки въ хожденіи по горамъ.

Вблизи станціи находится много жилыхъ построекъ, а нѣсколько поодаль, на противоположной сторонѣ дороги, передъ вами подымается большой оригинальной архитектуры двухъэтажный домъ князей Казбековъ, по фамиліи которыхъ и названа самая гора. За домомъ разбросаны низенькія, грязныя сакли аула Казбекъ, составлявшаго до освобожденія крѣпостныхъ собственность князей Казбековъ.

Отъ станціи до горы Казбекъ верстъ двѣнадцать. Его величественная вершина, испещренная блистающими снѣжными полосами, поднимается изъ-за другихъ ближайшихъ къ станціи горъ, на одной изъ которыхъ (гора Квенемъ-Мты) высоко-высоко надъ вами пріютилась церковь Цминда-Самёба (св. Троицы), а еще ниже—аулъ Гергеты, выстроенный вдоль ручья, сбѣгающаго въ Терекъ.

Подъемъ на гору Квенемъ-Мты не представляетъ затрудненія, и туда стоитъ предпринять экскурсію верхомъ, если позволяетъ свободное время. Нетрудность подъема доказывается уже тѣмъ, что сюда взбираются въ положенные праздники массы богомольцевъ, среди которыхъ есть, конечно, и старые, и малые.

Первое, что попадается, когда взберешься на гору, это—остатки какихъ-то развалинъ и могильныхъ плитъ, подъ которыми, по преданію, погребены работники, строившіе церковь. Когда вы подойдете къ церковной оградѣ, то совершенно неожиданно передъ вами откроется огромная долина между Квенемъ-Мты и Казбекомъ, царственно возвышающимся надъ окрестностью. Здѣсь, на вершинѣ Квенемъ-Мты, на

высотѣ болѣе $7^1/_2$ тысячъ фут. надъ моремъ, спитъ эта церковка съ узкими и высокими окнами, съ коническими куполами, съ разрушенной фресковой живописью по стѣнамъ и глядитъ съ вершины своего каменнаго подножія въ обѣ долины. Одна долина съ Терекомъ, ауломъ Гергеты, станціей Казбекомъ уныло улеглась у подножія Квенемъ-Мты, другая, уже упомянутая выше, отдѣлила ее отъ Казбека. Сколько молчанія, унынія, покоя въ этихъ снѣговыхъ поляхъ, черныхъ утесахъ, глыбахъ камней!

На возвратномъ пути, проходя черезъ Гергеты, стоитъ заглянуть изъ любопытства въ одну изъ саклей. Здѣшнія сакли обыкновенно съ плоскими землебитными крышами и выстроены въ два этажа: въ нижнемъ помѣщается скотъ, въ верхнемъ—люди. Въ людскомъ помѣщеніи двѣ дощатыя перегородки образуютъ закромъ, въ которомъ хранится весь скудный запасъ зерна; закромъ этотъ раздѣляетъ саклю на двѣ части: въ одной, подъ отверстіемъ, продѣланнымъ въ потолкѣ для выхода дыма, виситъ крючокъ, на которомъ вѣшается котелокъ для приготовленія пищи. Топливомъ за отсутствіемъ дровъ служитъ кизякъ, и огонь разводится прямо на земляномъ полу. Свѣтъ проходитъ только черезъ двери и дымовое отверстіе. Нары да небольшіе треногіе столики для ѣды составляютъ всю мебель. На стѣнахъ полки для посуды; на нихъ же виситъ и оружіе хозяина. Когда вы войдете въ это жалкое обиталище, то глаза ваши не скоро будутъ въ состояніи различить что-нибудь въ темнотѣ. Воздухъ наполненъ запахомъ кизячьяго дыма, которымъ прокопчена насквозь вся сакля.

Отъ станціи Казбекъ до слѣдующей станціи Коби ($15^1/_2$ верстъ) дорога продолжаетъ идти долиною Терека и подымается все выше и выше частыми и многочисленными зигзагами. Кругомъ скалы и горы, почти лишенныя растительности, но самая долина шире, свѣта въ ней больше и мѣстность не такъ угрюма. На выступахъ кое-гдѣ очень высоко виднѣются осетинскіе аулы; словно орлиныя гнѣзда, смотрятъ они съ неприступныхъ скалъ своими сторожевыми четырехугольными башнями на мертвую окрестность и на нагроможденные повсюду камни. Грозныя, сѣрыя, съ поломанными зубьями, сложенныя изъ валуновъ и камней, иногда въ шесть этажей вышины, стоятъ эти башни, свидѣтельницы прошлыхъ войнъ. Каждый такой аулъ былъ крѣпостью, каждая такая башня хранила хлѣбъ и добро жителей и зорко глядѣла, не приближается ли врагъ.

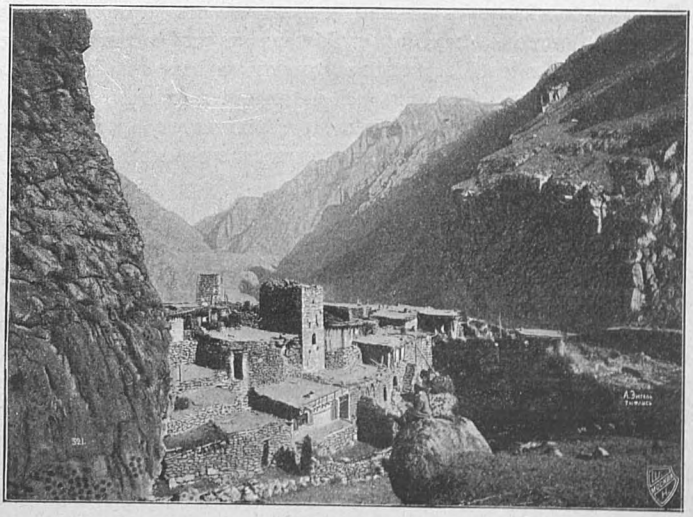
Изрѣдка вамъ бросится въ глаза гора, окрашенная ярко-красными полосами: это—желѣзистый источникъ, таящійся въ какой-нибудь разсѣлинѣ. Или длинная кружевная лента ниспадаетъ внизъ и теряется между камнями: это—горный ручей, текущій на страшной высотѣ.

Ѣхать приходится по узенькому шоссе, въ иныхъ мѣстахъ котораго едва могутъ разъѣхаться два экипажа. Дорога выдолблена въ скалахъ,

и лишь низенькій, едва аршинной высоты барьерчикъ отдѣляетъ ее отъ страшной пропасти, на днѣ которой вьется Терекъ. Въ такихъ мѣстахъ жутко дѣлается, особенно если видишь, что навстрѣчу тянется какой-нибудь обозъ.

Между станціей Коби и Гудауромъ и находится собственно перевалъ черезъ главный хребетъ Кавказа. Въ Коби Терекъ повертываетъ вправо, и вы съ нимъ разстаетесь навсегда.

Путь этотъ многими описывается, какъ очень опасный отъ снѣжныхъ заваловъ, скатывающихся съ горъ. «Но не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ». Завалы между Коби и Гудауромъ дѣйствительно



Горскій аулъ близъ Военно-Грузинской дороги.

бываютъ поздней весной, т.-е. въ первой половинѣ апрѣля, когда снѣгъ на горахъ начинаетъ таять и дѣлается рыхлымъ, и осенью, когда онъ еще не совсѣмъ улегся и окрѣпъ отъ морозовъ; лѣтомъ же дороги совершенно безопасны. Къ тому же зимніе заносы, такъ же какъ весенніе и осенніе завалы, постоянно расчищаются командами солдатъ, для которыхъ и выстроено здѣсь нѣсколько казармъ. Вообще приняты всѣ мѣры предосторожности, и движеніе дилижансовъ происходитъ круглый годъ почти безостановочно. Около наиболѣе опасныхъ мѣстъ выстроены для защиты отъ заваловъ массивныя каменныя галлереи-туннели, прислоненныя вплотную къ стѣнѣ, съ односкатными крышами: падая на

эти крыши, глыбы снѣга скатываются съ нихъ прямо въ пропасть, по краю которой проведено шоссе.

Дорога отъ Коби все время поднимается вверхъ. Холодъ здѣсь уже очень ощутителенъ, и вездѣ вокругъ васъ, въ ущельяхъ и по склонамъ горъ, лежатъ снѣга, которые не таютъ даже лѣтомъ.

Изъ горныхъ расщелинъ вырываются и съ шумомъ бѣгутъ потоки, черезъ нѣкоторые изъ которыхъ приходится переѣзжать, такъ какъ они пересѣкаютъ дорогу. Еще нѣсколько сотъ саженъ извивающейся зигзагами дороги, и вы подъѣзжаете къ дому, выстроенному на самой высокой точкѣ Военно-Грузинской дороги на высотѣ 8732 футовъ, какъ гласитъ прибитая на домѣ доска.

Въ этомъ домѣ живутъ осетины, получающіе отъ управленія дороги опредѣленное ежегодное жалованье. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы во время метелей звонить въ колоколъ и оказывать гостепріимство и помощь нуждающимся въ ней путешественникамъ.

Нѣсколько далѣе отъ дома находится знаменитая Крестовая гора; на ней, влѣво отъ дороги, стоитъ крестъ, поставленный Ермоловымъ въ 1824 г.

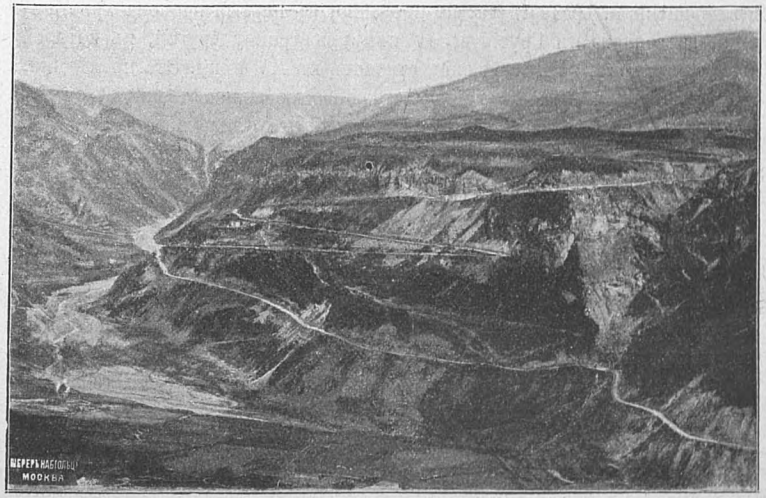
До сихъ поръ приходилось все подниматься, отъ Крестовой начинается спускъ внизъ, въ началѣ сравнительно отлогій и малозамѣтный до станціи Гудауръ.

Величественная, дикая и мрачная панорама, которая окружала васъ до сихъ поръ, отодвигается назадъ, и едва вы подъѣдете къ краю горы, какъ подъ вами, далеко внизу, откроется совершенно другая картина. Здѣсь, позади, все голо, дико, сумрачно, величаво, страшно: здѣсь туманъ, низко нависшія облака, снѣга, холодное вѣяніе зимы. Тамъ, впереди, все мягко, привѣтливо, тамъ все зеленѣетъ, все покрыто разнообразной роскошной листвой, тамъ все смѣется и нѣжится подъ горячими солнечными лучами; тамъ царствуетъ лѣто, горячее южное лѣто.

Отъ станціи Гудауръ до слѣдующей станціи Млеты считается пятнадцать верстъ, и все это разстояніе вы только съѣзжаете внизъ, не подвигаясь ни на шагъ впередъ. Это нѣчто въ родѣ вертикальной линіи, одинъ конецъ которой будетъ Гудауръ, другой—Млеты. Спускъ совершается сразу на три съ половиною тысячи футовъ. Дорога эта красива и своеобразна. Среди массы каменныхъ обломковъ извивается крутыми многочисленными зигзагами знаменитый Гудаурскій спускъ къ Млетамъ. Едва вы проѣдете одинъ зигзагъ, какъ бричка быстро повертываетъ на другой, третій и т. д. безъ конца. Спускъ этотъ, особенно въ своей верхней части,—одно изъ красивѣйшихъ мѣстъ всей Военно-Грузинской дороги: по крутому склону направо и налѣво разстилаются альпійскіе луга,—пышный цвѣточный коверъ, по которому въ изобиліи разбросаны кусты рододендрона съ темно-зеленой листвой и букетами

крупныхъ душистыхъ желтыхъ цвѣтовъ. Прямо противъ васъ поднимается вертикальная, какъ кажется, стѣна, по которой разбросаны аулы и небольшія поля горцевъ, своей пестротой напоминающія шахматную доску. Направо, замыкая долину, возвышается величественная Гудъ-гора въ ряду другихъ снѣговыхъ великановъ, а внизу, прямо подъ ногами—станція Млеты, такая маленькая-маленькая на берегу Арагвы, серебристой лентой извивающейся по долинѣ.

За Млетами дорога идетъ берегомъ Арагвы; кругомъ возвышаются зеленѣющія горы, увѣнчанныя лѣсами; по склонамъ—распаханныя подъ поля пространства, пестрѣющія разноцвѣтными квадратами засѣяннаго



Млетскій спускъ.

хлѣба, журчатъ ручьи и открываются ярко-зеленыя свѣтлыя долины; то тамъ, то сямъ на неприступныхъ выступахъ горъ мелькаютъ грузинскіе аулы со своими квадратными въ формѣ высокаго столба сторожевыми башнями.

Слѣдующая станція Пасанауръ—очень хорошенькое мѣстечко, расположенное среди горъ, густо поросшихъ лѣсомъ. Дикій плющъ заплелъ стволы деревьевъ и скалы. Станція вся тонетъ въ окружающей ее зелени. Вишни, дикія груши, кизиль, боярышникъ раскинули во всѣ стороны свои вѣтви и окружили красивую церковь въ русскомъ стилѣ.

Чѣмъ дальше подвигаешься къ Ананауру (слѣдующей станціи послѣ Пасанаура), тѣмъ болѣе мѣстность принимаетъ земледѣльческій харак-

теръ. Встрѣчаются постройки уже совершенно русской деревенской архитектуры, выстроенныя изъ дерева, а не изъ камня и обнесенныя плетнями. На поляхъ устроено искусственное орошеніе, и вообще все указываетъ на иной строй жизни. Въ одной изъ тѣснинъ поднимаются двѣ сѣрыя башни: Черчали и Ванселобъ—два стража, защищавшіе входъ въ ущелье, въ которомъ въ 10 верстахъ отъ нихъ лежитъ селеніе и станція Ананурь. Ананурь—это ключъ и ворота къ центру Грузіи, это прежняя грузинская крѣпость, гдѣ хозяйничали арагвскіе христовы, или намѣстники, и гдѣ они запирались во время кровавыхъ усобицъ.

Развалины старинной крѣпости виднѣются на холмѣ, направляясь отъ дороги. Среди нихъ возвышаются двѣ церкви: одна, развалившаяся и заброшенная, воздвигнута, по преданію, въ первыя времена христіанства, введеннаго въ Грузіи въ IV вѣкѣ; постройку другой, въ которой совершается нынѣ богослуженіе, относятъ къ XV вѣку. Эта послѣдняя, представляющая какъ бы копію, только болѣе величественную, старой руины, является замѣчательнымъ памятникомъ грузинской архитектуры. Вся изъ желтаго камня, стройная, она подняла высоко надъ крѣпостной стѣной свой цилиндрическій барабанъ, увѣнчанный коническимъ куполомъ изъ зеленой черепицы. На наружныхъ стѣнахъ высѣчены замѣчательные барельефы и между ними гигантское изображеніе креста св. Нины, просвѣтительницы Грузіи. Тутъ же высѣчены два льва, херувимы и какіе-то невѣдомые звѣри. Эта барельефная стѣна видна и съ шоссе и изъ селенія Ананурь. Внутри церковь вся замазана бѣлой штукатуркой, подъ которой исчезла вся старинная живопись.

За Ананурьмъ Арагва и ея долина остаются влѣво. Дальше дорога начинаетъ опять подниматься въ горы; только горы эти уже не тѣ, что мы видѣли въ главномъ хребтѣ; здѣсь ихъ очертанія гораздо мягче, всѣ онѣ покрыты зеленью, голаго камня и торчащихъ скалъ совсѣмъ не видно. Не доѣзжая станціи Душетъ находится перевалъ черезъ южныя предгорья главнаго хребта,—послѣдній перевалъ на пути отъ Владикавказа къ Тифлису (2915 ф.). Съ перевала открывается чудный видъ на широкую зеленую долину, среди которой пріютился хорошенькій городокъ Душетъ, и обломкомъ синяго зеркала сверкаетъ небольшое горное озеро. За переваломъ дорога утрачиваетъ прежнія красоты. Мѣстность становится болѣе открытой, лѣса меньше, зато почти повсюду обработанныя поля, сады съ шелковицей и фигами. Такой характеръ дороги сохраняется въ общемъ до самаго Мцхета; только за Душетомъ еще чаще попадаются виноградники и фруктовые сады, которые тянутся на громадномъ пространствѣ. Весной, когда всѣ деревья въ цвѣту, когда миндаль стоитъ совсѣмъ розовый, когда груши и черешни словно покрыты хлопьями снѣга, а персикъ одѣтъ словно въ ярко-розовое кружевное платье,—эти фруктовые сады очаровательны.

На половинѣ пути между Душетомъ и Цилканами дорога снова выходитъ въ долину Арагвы. Сама станція Цилканы потонула въ тѣни чинаръ и орѣховъ. Заборы и стѣны садовъ завиты вьюнками и розами. Розъ здѣсь всюду масса. Онѣ заползаютъ вмѣстѣ съ плющомъ и на пирамидальный тополь, и на чинары.

Мцхетъ—послѣдняя станція Военно-Грузинской дороги—считается святымъ городомъ Грузіи. Здѣсь короновались цари Грузіи на царство, здѣсь жила просвѣтительница Грузіи, св. Нина, и отсюда проповѣдывала христіанство, здѣсь водрузила она свой крестъ, величайшую святыню для всего народа, здѣсь жили всѣ грузинскіе патріархи, именовавшіеся

Селеніе Анануръ.

католикосами Грузіи, и теперь здѣсь спятъ подъ сводами собора многіе цари и знаменитые люди грузинскаго царства.

Но слава, величіе и блескъ давно прошли для Мцхета. Теперь это—небольшое селеніе, нагроможденіе землянокъ и домишекъ съ плоскими крышами, обнесенныхъ плетневыми заборами изъ вѣтокъ дрока и держи-дерева. Городъ лежитъ на самомъ мысу при сліяніи мутной Куры и горной Арагвы; по другую сторону Куры поднимаются пустынныя желтыя горы, на которыхъ растетъ только дикій дрокъ да унылое колючее держи-дерево, придающее еще болѣе унылости утесамъ и скаламъ. Бѣшеная Кура мчится по своему каменному ложу и грызетъ берега, на которыхъ взгромоздились землянки Мцхета. Соборъ и церкви города

особенно рельефно поднимаются на фонѣ этихъ грязныхъ, приземистыхъ саклей, среди камней и плетней. Вся долина, несмотря на безжизненность и безотрадность, поражаетъ своею суровою красотой, особенно церковь Св. Креста, взгромоздившаяся на страшную высоту и владычествующая надъ всею окрестностью.

Эта церковь воздвигнута на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, по молитвѣ святой Нины, гроза разрушила капище и низвергла языческаго идола Армаза, которому царь Маріанъ съ большою торжественностью готовился вмѣстѣ съ народомъ принести жертвы.

Мцхетскій соборъ своими строгими линіями, своимъ коническимъ куполомъ изъ зеленыхъ черепицъ, своими рельефными изображеніями представляетъ образецъ грузинской архитектуры. Несмотря на нѣкоторыя заимствованія у византійской архитектуры, грузинскій стиль сохранилъ все-таки въ значительной степени свою своеобразность. Внутри стѣны собора сплошь покрыты фресками и характерными образами. Очень интересны эти громадныя фигуры грузинскихъ царей въ ихъ пестрыхъ національныхъ костюмахъ, съ коронами на головахъ, подпоясанныхъ пестрыми поясами, съ ихъ большими блѣдными лицами. Пестрота храма производитъ своеобразное впечатлѣніе, а гробницы грузинскихъ царей дѣлаютъ храмъ особенно чтимымъ. Здѣсь спятъ они, всѣ эти злосчастные цари и царицы Грузіи, и славные и сильные, и слабые и ничтожные, при которыхъ страна процвѣтала и при которыхъ терзалась безпорядками и отъ нашествій и отъ внутренней усобицы.

Горы, окружающія Мцхетскую долину, безплодны и не покрыты растительностью. Выше развалинъ церкви Св. Креста, о которой мы уже упоминали, за горой, находится пещера св. Шіо, одного изъ сирійскихъ отцовъ, и тысячи другихъ пещеръ. Вообще пещеры, вырубленныя въ трудно или совсѣмъ недоступныхъ высокихъ скалахъ, встрѣчаются почти повсемѣстно на Кавказѣ и извѣстны подъ общимъ названіемъ жилищъ троглодитовъ.

Дальнѣйшій путь отъ Мцхета до Тифлиса въ настоящее время доѣзжаютъ обыкновенно по желѣзной дорогѣ, которая близъ деревни Дигоми переходитъ съ праваго берега Куры на лѣвый. Долина Куры между Мцхетомъ и Тифлисомъ безплодна и мало воздѣлана; только вдоль ручьевъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Куру, виднѣются поселенія съ воздѣланными полями и орошаемыми садами и виноградниками. При приближеніи къ Тифлису сначала показывается городской садъ Муштаидъ, а за нимъ и весь городъ, раскинувшійся по обѣ стороны Куры.

Восхожденіе на Казбекъ.

(А. Пастухова.)

Давно я уже имѣлъ намѣреніе побывать на вершинѣ Казбека. 26 іюля я отправился съ пятью казаками къ горячимъ источникамъ Тмени-кау-карма-донъ, находящимся у ледника Майли, спускающагося съ западныхъ склоновъ Казбека. Отправились мы изъ селенія Тмени-кау въ 6 час. утра и прибыли на мѣсто въ $8^1/_2$ часовъ. Дорога отъ селенія до источниковъ идетъ по лѣвой сторонѣ горной рѣки Геналъ-дона; сначала она проходитъ на значительной высотѣ надъ рѣкою, затѣмъ переходитъ на русло рѣки и далѣе опять поднимается вверхъ. Тропы на руслѣ нѣтъ, а приходится ѣхать по самому руслу среди цѣлой массы нагроможденныхъ камней. Въ общемъ дорога весьма плохая. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ источникамъ, тѣмъ растительность становится бѣднѣе, но вдали, на нѣкоторой высотѣ отъ источниковъ, на склонахъ горъ имѣются довольно хорошія пастбищныя мѣста, на которыхъ и пасутся водящіеся здѣсь въ значительномъ количествѣ туры. Одинъ изъ людей, бывшихъ со мной при восхожденіи, житель с. Тмени-кау, осетинъ Цараховъ, разсказывалъ, что онъ однажды накосилъ на этихъ пастбищахъ пять копенъ сѣна и оставилъ его въ полѣ. Туры въ нѣсколько ночей все это сѣно поѣли. Зимой, во время глубокаго снѣга, они, отыскивая себѣ кормъ, доходятъ нерѣдко до самыхъ селеній.

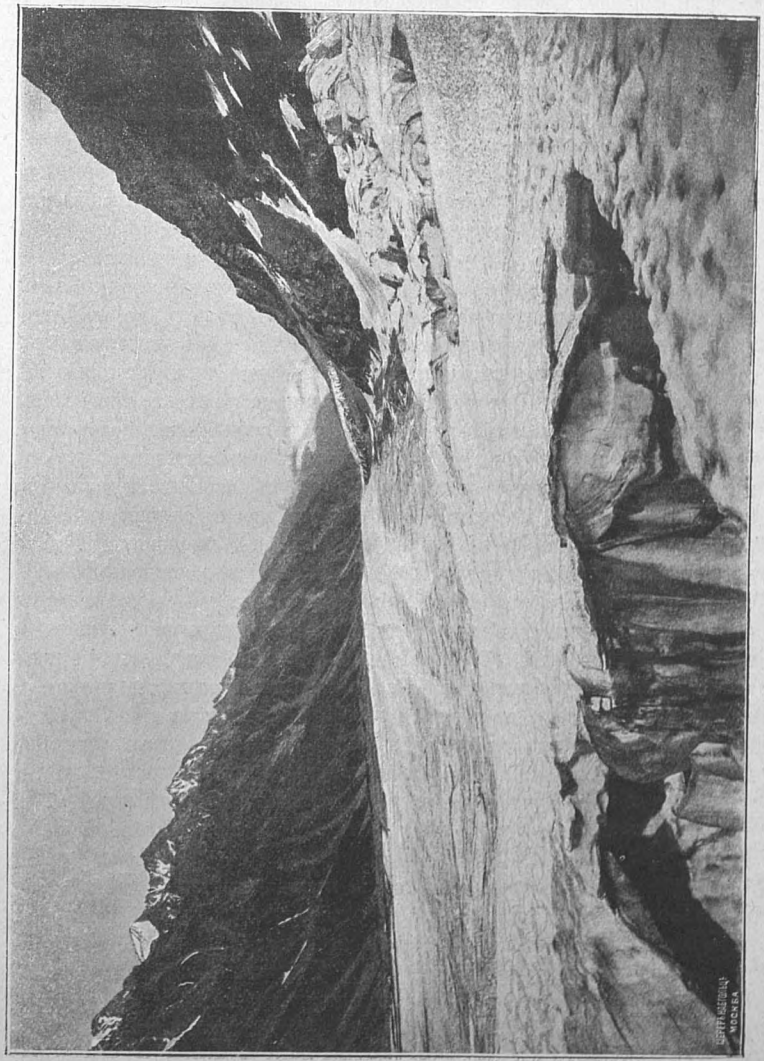
Въ 15-ти саженяхъ отъ этихъ источниковъ начинается одинъ изъ величайшихъ ледниковъ на Кавказѣ—Майли. Лѣтъ 60 тому назадъ ледникъ этотъ простирался на 2 версты ниже теперешняго его конца. Затѣмъ въ теченіе пяти лѣтъ онъ настолько стаялъ, что конецъ его очутился почти около горячихъ источниковъ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1834 г. онъ двинулся внизъ и съ страшнымъ шумомъ и трескомъ продолжалъ свое движеніе до марта мѣсяца слѣдующаго года. За это время онъ опустился болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ версты внизъ. Ранѣе на поверхности этого ледника находился огромный камень, около котораго охотники наблюдали туровъ, но во время движенія ледника камень этотъ подпрыгнулъ съ такой силой, что потомъ отлетѣлъ на 20 саженъ отъ прежняго своего мѣста. Затѣмъ онъ былъ отнесенъ ледникомъ внизъ и втиснутъ въ наносный грунтъ ущелья Геналъ-дона, гдѣ онъ находится и теперь на высотѣ отъ уровня рѣки приблизительно 70—80 саж.; послѣ этого черезъ разные промежутки времени ледникъ двигался еще пять разъ и каждый разъ проходилъ все меньшій и меньшій путь. Наконецъ, въ послѣдній разъ, 9 лѣтъ тому назадъ, онъ прошелъ только 50 саженъ.

27-го іюля, въ три часа пополудни, я, въ сопровожденіи двухъ казаковъ и осетина Царахова, подвязавъ къ ногамъ стальныя гошки и вооружившись палками со стальными наконечниками, отправился въ путь.

Провизіи мы имѣли съ собой на 2 дня, такъ какъ я былъ увѣренъ, что путешествіе наше продолжится не болѣе этого времени. Погода въ этотъ день была тихая и ясная. Сначала путь нашъ лежалъ чрезъ ледникъ. Вслѣдствіе теплой и ясной погоды ледникъ въ этотъ день особенно таялъ. По леднику мы прошли съ сѣвера на югъ полторы версты. На этомъ разстояніи намъ пришлось встрѣтить на ледникѣ очень много глубокихъ трещинъ, которыя мы перепрыгивали, нѣкоторыя, болѣе широкія, обходили. Въ иныя трещины приходилось спускаться, идти нѣкоторое разстояніе по ихъ дну и снова карабкаться наверхъ. Пройдя $1^1/_2$ в., мы повернули на востокъ и начали подниматься по недавно упавшему снѣговому обвалу. Дойдя до его средины, я провалился въ трещину и, благодаря только тому, что несъ съ собой въ горизонтальномъ положеніи длинный шестъ для флага, мнѣ не пришлось полетѣть на дно этой трещины. Шедшій за мною осетинъ взялъ немного влѣво и тоже провалился. Тогда я, испробовавъ крѣпость краевъ этой трещины, велѣлъ казакамъ прыгать черезъ нее, что они и совершили благополучно. Чтобы не подвергать себя новой опасности провалиться въ трещину, мы вышли на скалы и по нимъ продолжали свой путь. Тутъ приходилось натыкаться на совершенно отвѣсные обрывы, которые мы обходили, и, наконецъ, въ 6 часовъ пополудни достигли одной скалы, которая представила собой всѣ удобства для ночлега. Здѣсь я и рѣшилъ переночевать.

Не успѣли мы устроиться, какъ снизу, изъ ущелья, подулъ вѣтеръ, пахнуло сыростью и хлынулъ неудержимыми волнами туманъ. Въ одну минуту онъ закрылъ всю величественную картину снѣговыхъ горъ, и я видѣлъ теперь передъ собой только пріютившую насъ скалу и угрюмыя лица моихъ спутниковъ. Не дожидаясь сумерекъ, мы улеглись спать. Въ 6 ч. вечера термометръ показывалъ $+3{,}5^0$ Р. Проснувшись ночью, я замѣтилъ, что туманъ спустился внизъ и сгустился на днѣ ущелья. Это мнѣ подало надежду, что на другой день погода будетъ ясная; предположенія мои оправдались. Утромъ, въ $5^1/_2$ часовъ, термометръ показывалъ $-0{,}5^0$ Р., и камни всѣ были покрыты инеемъ. Оставивъ здѣсь бурки и немного провизіи, мы отправились въ дальнѣйшій путь. По обледенѣлому щебню путь былъ весьма тяжелъ. Пройдя нѣкоторое разстояніе, мы наткнулись на полосу крѣпчайшаго льда при покатости болѣе 60^0. Чтобы пересѣчь ее, намъ пришлось вырубить болѣе 200 ступеней. Затѣмъ мы снова выбрались на скалы, въ концѣ которыхъ опять должны были пройти такую же полосу льда, гдѣ вырубили 116 ступеней. Далѣе путь пошелъ по скаламъ. Въ 10 ч. утра мы позавтракали и снова тронулись въ путь.

Пройдя саженъ сто, одинъ изъ моихъ спутниковъ, казакъ, почувствовалъ тошноту и сильное головокруженіе, что и заставило меня оста-



Баксанскій ледникъ.

вить его на этомъ мѣстѣ; тутъ же мы оставили провизію и лишнюю одежду и налегкѣ продолжали свой путь. Въ двѣнадцать часовъ мы достигли фирноваго поля, начинающагося на высотѣ 13.664 футовъ и занимающаго пространство около 6-ти квадр. верстъ. Увидѣвъ передъ собой такую равнину, находившійся при мнѣ казакъ не могъ воздержаться отъ восклицанія и сказалъ:

— Вотъ если бы здѣсь построить станицу и кататься на саняхъ!

По фирновому полю мы пошли довольно быстро, несмотря на то, что оттаявшій фирнъ представлялъ собою сыпучую массу, въ которую погружались наши ноги по самое колѣно, и мы брели по немъ, какъ по водѣ. Здѣсь начала томить насъ жажда, которая по мѣрѣ движенія впередъ все усиливалась и усиливалась и, наконецъ, нестерпимо стала мучить насъ. Воды кругомъ нигдѣ не было, и мы, чтобы утолить хоть сколько-нибудь томившую насъ жажду, стали глотать ледъ, но отъ этого жажда нисколько не уменьшалась, а какъ будто даже увеличивалась. Остановившись немного отдохнуть и прислушиваясь, не шумитъ ли гдѣ-нибудь вода, я вдругъ, къ общей нашей радости, услыхалъ вправо отъ себя тихое журчанье. Я сейчасъ же пошелъ по направленію доносившагося до меня шума, но не успѣлъ я сдѣлать и десяти шаговъ, какъ вдругъ, будто бы ступивъ съ высоты на воздухъ, провалился въ замаскированную трещину, и опять былъ обязанъ своимъ спасеніемъ находившемуся у меня въ рукахъ шесту. Употребивъ страшное усиліе, я выскочилъ изъ трещины, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, остановился и посмотрѣлъ назадъ; въ это время фирнъ сыпался массой съ обѣихъ сторонъ, края трещины обваливались, и она дѣлалась все шире и шире, и черезъ какихъ-нибудь двѣ минуты на ея мѣстѣ зіяла бездонная пропасть, которою я невольно залюбовался. Но это продолжалось недолго— томившая меня жажда напомнила мнѣ о водѣ, и я снова сталъ прислушиваться и осматриваться кругомъ, и опять услышалъ то же журчаніе, на этотъ разъ довольно близко. Присмотрѣвшись по направленію, откуда доносился до меня шумъ, я замѣтилъ, что онъ былъ вовсе не отъ воды,— это катились потревоженныя вѣтромъ мелкія льдинки по обледенѣлому же снѣгу.

Убѣдившись, что воды нигдѣ нѣтъ, я объявилъ это и моимъ спутникамъ, и мы снова, глотая ледъ, продолжали свой путь. Черезъ полчаса послѣ этого я сталъ чувствовать тошноту; когда я сообщилъ объ этомъ моимъ спутникамъ, то услышалъ, что и они испытываютъ то же самое; ко всему этому прибавилось еще новое несчастіе: я замѣтилъ надвигающійся съ юга туманъ, который то всплывалъ надъ хребтомъ, то снова прятался, какъ бы силясь перевалить черезъ него. Вдругъ онъ заколыхался, поднялся надъ хребтомъ и неудержимо повалилъ на окружавшую насъ снѣговую равнину. Туманъ былъ настолько густой, что

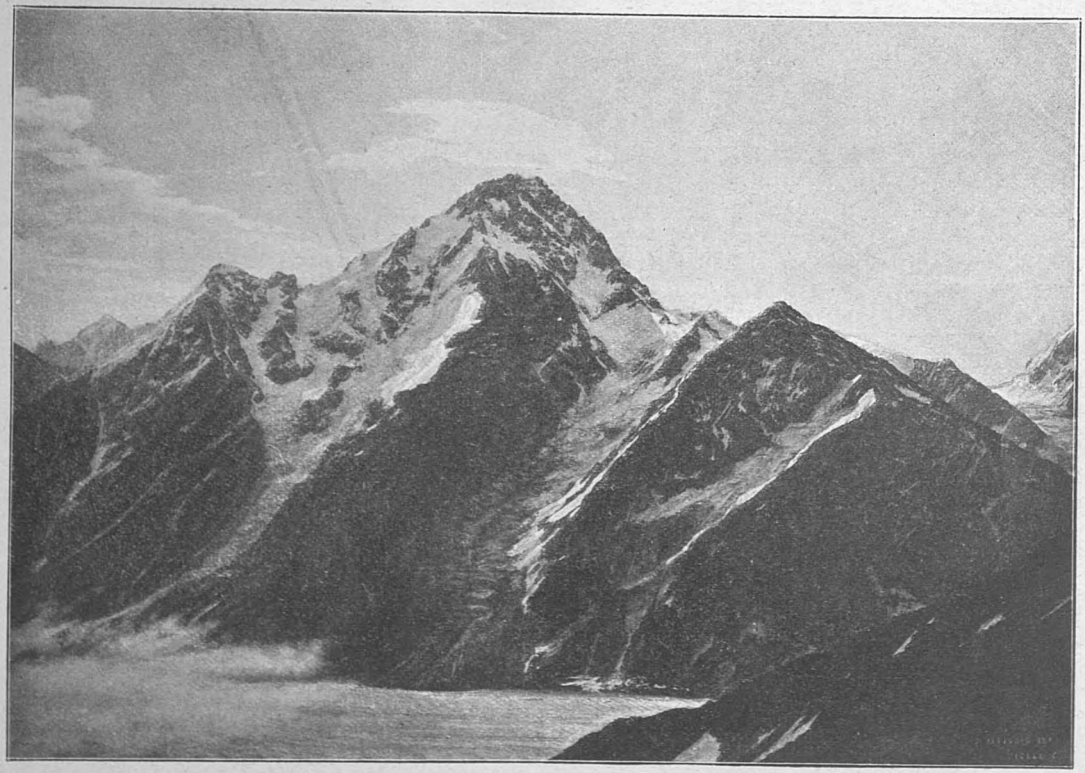
въ десяти шагахъ ничего не было видно, и такой холодный, что одежда наша стала покрываться инеемъ. Въ это время мы поднимались на небольшой хребетъ, проходящій по фирновому полю съ юга на сѣверъ; переваливъ черезъ него, мы снова очутились среди равнины, гдѣ не было ничего, чѣмъ можно было бы оріентироваться, и мы шли наугадъ. Тошнота между тѣмъ все усиливалась и, наконецъ, дошла у меня до того, что я принужденъ былъ остановиться; я легъ на снѣгъ и вскорѣ заснулъ. Но когда черезъ полчаса отъ холода проснулся, то замѣтилъ, что тошнота еще увеличилась; дѣлая надъ собой страшное усиліе, я снова двинулся въ путь. Но чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ тошнота у всѣхъ насъ усиливалась, и, наконецъ, я не выдержалъ. Посмотрѣвъ на часы, я увидѣлъ, что идти дальше уже поздно, такъ какъ было $3^1/_2$ ч. пополудни; я рѣшилъ вернуться назадъ, отыскать удобное мѣсто для ночлега и тамъ переночевать. Въ сѣверо-западномъ углу фирноваго поля, на высотѣ 13.664 футовъ, мы встрѣтили небольшую площадку, покрытую мелкимъ щебнемъ глинистаго сланца; это было единственное мѣсто свободное отъ снѣга, тутъ я и остался ночевать.Ославъ казака внизъ за оставшимся тамъ его товарищемъ и за вещами, я съ осетиномъ расчистилъ щебень, собралъ болѣе крупные камни и сложилъ изъ нихъ ограду фута въ 2 высоты, чтобы хоть сколько-нибудь защитить себя отъ подувшаго довольно холоднаго вѣтра.

По окончаніи работы я подошелъ къ краю площадки, откуда мнѣ было видно то мѣсто, гдѣ мы оставили своего спутника. Какъ разъ въ это время посланный казакъ дошелъ туда. Встрѣтившись со своимъ товарищемъ и поговоривъ немного, онъ спрятался съ нимъ за скалу; минутъ черезъ десять они снова вышли изъ-за скалы, и одинъ изъ нихъ началъ кричать; я откликнулся; тогда онъ объявилъ мнѣ, что «хлѣба осталось только на два раза укусить», и спросилъ, идти ли наверхъ; получивъ отъ меня утвердительный отвѣтъ, онъ сталъ подниматься. Когда онъ дошелъ до насъ, то объявилъ мнѣ, что другой казакъ подняться не можетъ, такъ какъ чувствуетъ головокруженіе и тошноту, и проситъ позволенія вернуться назадъ; при этомъ онъ показалъ остатокъ провизіи, который состоялъ изъ половины пятикопеечной булки. Я разрѣшилъ ему вернуться назадъ, затѣмъ, не дожидаясь сумерекъ, мы легли спать и вслѣдствіе сильной усталости скоро заснули. Но недолго намъ пришлось спать,—наступившая ночь принесла съ собою холодъ.

Когда я проснулся, то замѣтилъ, что укутавшій вершину Казбека и ползавшій кое-гдѣ по фирновому полю туманъ совершенно разсѣялся. Надъ нами было темно-синее, почти черное небо, усѣянное звѣздами. Изъ-за вершины Казбека тихо всплывала луна, обливая своимъ свѣтомъ серебряную поверхность снѣговъ. Тишина была невозмутимая; но иногда среди этой тишины раздавался страшный трескъ льда и, повторившись стоголо-

сымъ эхо, тихо замиралъ гдѣ-нибудь въ отдаленномъ ущельи. Побѣгавъ немного по площадкѣ и нѣсколько согрѣвшись, мы рѣшили опять лечь; при этомъ я объявилъ моимъ спутникамъ, что будемъ ложиться въ средину по очереди. Ложившійся въ средину засыпалъ моментально, такъ какъ ему было тепло, но зато крайніе не могли долго выдерживать холода и вскорѣ принуждены были вставать, а всѣдъ за ними вставалъ и средній; и опять начиналась бѣготня по площадкѣ до тѣхъ поръ, пока не согрѣвались, потомъ опять ложились, и снова холодъ заставлялъ вставать. Такъ продолжалось всю ночь, во время которой морозъ крѣпчалъ и крѣпчалъ, и, наконецъ, когда на разсвѣтѣ я посмотрѣлъ на термометръ, то онъ показывалъ —$9^1/_2{}^0$ Р. Одежда на насъ была покрыта инеемъ. Мы такъ окоченѣли отъ холода, что не могли двинуться въ путь; но употребивъ крайнія усилія, кое-какъ выбрались на вершину, закрывавшую отъ насъ солнце; тутъ мы просидѣли около двухъ часовъ, отогрѣваясь, и только послѣ этого двинулись въ путь. Вскорѣ насъ опять начала томить жажда, и мы снова стали глотать ледъ, но на этотъ разъ тошноты никто уже не чувствовалъ.

Оставленный нами наканунѣ слѣдъ показалъ, что мы, благодаря туману, сильно повернули на югъ и подошли къ основанію западной вершины Казбека. На этотъ разъ мы держались юго-восточнаго направленія, но, дойдя до соединенія основаній обѣихъ вершинъ, повернули на востокъ и стали подниматься къ перевалу между вершинами Казбека. Скоро покатость сдѣлалась настолько крута, что намъ пришлось рубить ступени, и мы не переставали дѣлать ихъ до самой вершины, а встрѣчавшіяся снѣговыя террасы заставляли насъ дѣлать большіе зигзаги и уклоняться все болѣе и болѣе къ западу. Жажда между тѣмъ все усиливалась; другой казакъ, кромѣ того, сталъ чувствовать сильное головокруженіе, а черезъ нѣкоторое время у осетина Царахова полилась изъ носа кровь, которую едва удалось остановить снѣгомъ; послѣ этого онъ не хотѣлъ идти далѣе; я посовѣтовалъ ему вернуться къ мѣсту нашего ночлега, а самъ съ казакомъ пошелъ въ дальнѣйшій путь, но, сдѣлавъ саженъ 30, я оглянулся на моего осетина, въ полной увѣренности, что увижу его идущимъ внизъ; къ моему удивленію я замѣтилъ, что онъ лѣзетъ вслѣдъ за нами; я рѣшилъ обождать его, и потомъ мы опять втроемъ продолжали путь. Покатость становилась все круче, и я съ безпокойствомъ сталъ оглядываться на казака, по лицу котораго было видно, что ему дѣлается все хуже и хуже—къ головокруженію прибавилась лихорадка, которая трясла его немилосердно, заставляя сильно стучать зубами. Наконецъ, онъ остановился и объявилъ мнѣ, что дальше идти не можетъ, потому что въ глазахъ темнѣетъ и ноги не повинуются. Отпустивъ его назадъ, я сталъ слѣдить за нимъ, пока онъ не выбрался на равнину, по которой и побѣжалъ, а я съ осетиномъ пошелъ дальше



Вершина Коштанъ-тау.

и, послѣ разныхъ препятствій, въ $12^1/_2$ ч. дня достигъ средины хребта, идущаго отъ западной вершины къ перевалу; при спускѣ по этому хребту я нашелъ флагъ, поставленный Бимъ-Булатомъ Тулатовымъ. На перевалѣ я рѣшилъ отдохнуть. Перевалъ этотъ представлялъ площадку длиною по направленію хребта саженъ 30 и поперекъ хребта саженъ 50. Здѣсь опять у осетина пошла кровь, которую на этотъ разъ было труднѣе остановить. Послѣ этого я сталъ любоваться открывавшимся отсюда видомъ; было совершенно ясно и такая тишина, которая выражалась не отсутствіемъ шума, а какъ бы существовала сама по себѣ; ничто здѣсь не напоминало о жизни, и вся земля, насколько было ее видно, казалась какъ бы вымершей; но вдругъ я замѣтилъ летящую надъ нами красную бабочку. Это такъ насъ поразило, что мы не вѣрили своимъ глазамъ; бабочка между тѣмъ летѣла и, какъ бы играя въ воздухѣ, то поднималась, то опускалась; мы слѣдили за ней, пока она не скрылась изъ виду. Черезъ пять минутъ въ томъ же направленіи пролетѣла и другая бабочка, а черезъ десять еще одна, съ сѣвера на югъ. Въ половинѣ второго мы подошли къ основанію восточной вершины, которая возвышалась передъ нами почти отвѣсной стѣной. Осетинъ опять сталъ отказываться идти, говоря, что на такую стѣну взобраться нельзя; я посовѣтовалъ ему ждать меня на перевалѣ, а самъ началъ рубить ступени и подниматься понемногу вверхъ; но не успѣлъ я вырубить и десяти ступеней, какъ осетинъ пошелъ за мной, и мы опять вмѣстѣ стали продолжать путь, который на этотъ разъ шелъ по обледенѣлому снѣгу. Потомъ перешли мы на скалы, среди которыхъ также попадался ледъ; выбравшись изъ скалъ, мы очутились опять на снѣгу, и тутъ, немного отдохнувъ, двинулись въ путь и, наконецъ, ровно въ 4 часа пополудни мы достигли самой высшей точки Казбека. Это было 29-го іюля.

Высота Казбека 16.546 ф. Величественный видъ, открывающійся отсюда, не поддается описанію. Меня поразила фигура вершины, которая всегда казалась мнѣ шапкой; теперь же я видѣлъ передъ собой дугу, острую во всей своей длинѣ и на протяженіи 35-ти шаговъ не имѣющую никакого паденія; очевидно, что тутъ былъ когда-то кратеръ, сторона котораго, обращенная на югъ, провалилась. Ниже дуги по направленію къ востоку есть плечо, образующее довольно большую площадку, которая закрывала отъ меня теперь станцію Казбекъ и которую оттуда принимаютъ за вершину.

Такъ какъ я слышалъ, что въ концѣ іюня на этой же вершинѣ былъ англичанинъ Волей, то, осмотрѣвъ поверхность снѣга и не найдя никакихъ знаковъ, которые въ подобныхъ случаяхъ всегда оставляются, я взялъ лопатку и началъ рыть снѣгъ, а осетина заставилъ дѣлать то же самое штыкомъ; но взрывъ и прощупавъ на значительной глубинѣ снѣгъ

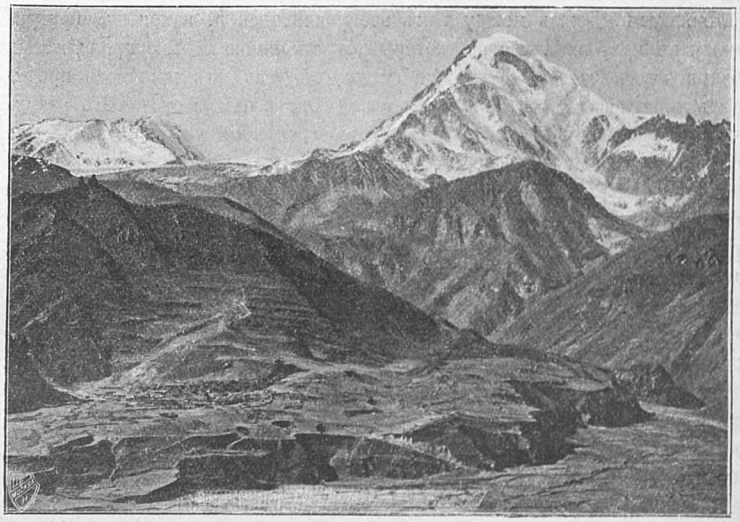
по всей длинѣ вершины, мы все-таки ничего не нашли, что заставило меня усомниться въ справедливости упомянутаго слуха.

Сдѣлавъ наблюденіе надъ термометромъ, который показывалъ въ это время ($4^1/_4$ ч.) —$^3/_4{}^0$ Р., я сталъ приготовлять флагъ, который состоялъ изъ краснаго кумача, длиною 4 аршина и шириною 3 аршина, и изъ древка, длиною, считая и желѣзный наконечникъ, въ 17 фут., который я и водрузилъ посрединѣ дугообразной вершины, воткнувъ рядомъ съ нимъ колышекъ длиною около 2 фут. Флагъ мой виденъ былъ въ бинокль изъ Владикавказа, а изъ ближайшихъ къ Казбеку селеній его видѣли простымъ глазомъ. Полюбовавшись въ послѣдній разъ чудной картиной, мы ровно въ $4^1/_2$ час. пошли обратно. Теперь мы подвигались впередъ по готовымъ ступенямъ очень быстро, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось просто скатываться, притомъ съ такою быстротой, что духъ захватывало; но выбравшись на фирновое поле, мы снова пошли медленно, такъ какъ голодъ, проведенная безъ сна ночь и неимовѣрные труды давали себя чувствовать. Въ $7^1/_2$ часовъ вечера мы были на мѣстѣ второго нашего ночлега, гдѣ насъ ожидалъ второй изъ отставшихъ казаковъ. Забравъ остальныя вещи, я еще разъ оглянулся на Казбекъ, который въ это время весь былъ залитъ лучами заходящаго солнца, а на вершинѣ его гордо развѣвался мой красный флагъ. Глядя на эту картину, я невольно вспомнилъ стихотвореніе Лермонтова «Казбеку», гдѣ между прочимъ говорится:

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый міръ не возмутитъ.

Теперь уже не только былъ возмущенъ его гордый міръ, но и чалма была украшена султаномъ въ видѣ краснаго флага. Спустившись къ тому мѣсту, гдѣ оставался первый казакъ, мы въ первый разъ послѣ двухъ ночей встрѣтили воду, которой и стали утолять непереставшую ни на минуту мучить насъ жажду; но чѣмъ болѣе мы пили, тѣмъ болѣе хотѣлось пить; однако вода придала намъ нѣсколько силы, и мы, выбравшись на скалы, быстро пошли впередъ. Солнце въ это время закатилось, и наступившая вслѣдъ за этимъ темнота заставила насъ остановиться и подумать о ночлегѣ. Мы стали осматриваться кругомъ, ища мѣста, гдѣ можно было бы прилечь, но, кромѣ льда и острыхъ скалъ, ничего не было видно. Тогда, снявъ съ себя совершенно размокшую обувь и поджавъ подъ себя ноги, мы въ сидячемъ положеніи провели всю ночь, хотя здѣсь морозъ былъ меньше, но зато негдѣ было походить, чтобы согрѣться. На разсвѣтѣ термометръ показывалъ —2^0 Р. Обувь наша замерзла, и мы едва натянули ее на ноги. Скалы, по которымъ намъ теперь пришлось идти, совершенно обледенѣли, и мы почти

на каждомъ шагу скользили и падали. Въ 10 часовъ утра мы достигли мѣста перваго нашего ночлега, гдѣ и нашли наши бурки и около фунта хлѣба изъ оставленной нами здѣсь провизіи, которую съѣлъ вернувшійся раньше казакъ; послѣдній объяснилъ намъ потомъ, что онъ съѣлъ все, потому, что, во-первыхъ, хотѣлъ кушать, а во-вторыхъ, что не надѣялся, чтобы мы могли вернуться, а слѣдовательно не для кого было и оставлять провизію. Несмотря на то, что мы уже двое сутокъ ничего не ѣли, у насъ не было никакого аппетита и мы кое-какъ съ водою съѣли этотъ кусокъ хлѣба. Забравъ бурки, мы снова отправились въ путь и въ $11^1/_2$ час. спустились на ледникъ Майли. Тутъ мы опять,



Казбекъ.

какъ и прежде, встрѣтили безчисленное множество журчавшихъ на разные лады ручьевъ, шумъ которыхъ, сливаясь въ общій гулъ, производилъ волшебную гармонію. Въ разстояніи одной версты отъ горячихъ источниковъ насъ окуталъ туманъ. Въ это время мы находились среди ледяныхъ холмовъ, вдали былъ слышенъ шумъ водопада, напоминавшій собою отдаленный шумъ моря, и эта картина живо напомнила мнѣ полярныя страны, съ которыми я, впрочемъ, знакомъ только по описанію. Вдругъ подулъ легкій вѣтерокъ; туманъ быстро поднялся, и началъ накрапывать дождикъ; въ это время мы увидѣли горячіе источники и толпу людей, которые, очевидно, уже насъ замѣтили. По мѣрѣ нашего приближенія къ источникамъ толпа все увеличивалась, и когда мы,

наконецъ, спустились къ горячимъ водамъ, то всѣ лѣчившіеся здѣсь собрались у крайней землянки и ожидали насъ: они, какъ потомъ оказалось, узнавши отъ вернувшагося казака о нашемъ положеніи, считали насъ погибшими и теперь встрѣчали, какъ выходцевъ съ того свѣта. Ровно въ 2 часа мы достигли горячихъ источниковъ. Тутъ же я встрѣтилъ случайно пріѣхавшаго сюда знакомаго доктора, который, оказывается, собирался уже уѣзжать и извѣстить кого слѣдуетъ о нашей гибели. Доктора поразили наши лица, которыя онъ нашелъ совершенно черными, какъ бы обожженными, что онъ и объяснилъ сильнымъ приливомъ крови, вслѣдствіе разрѣженнаго воздуха, къ наружнымъ покровамъ тѣла. Черезъ полчаса докторъ уѣхалъ, а я остался на горячихъ источникахъ. Дождь между тѣмъ все усиливался и, наконецъ, превратился въ настоящій ливень, который съ страшною грозою продолжался болѣе двухъ часовъ. Когда же на другой день мнѣ пришлось проѣзжать черезъ селеніе Тмени-кау, то я замѣтилъ слѣды страшнаго разрушенія, произведеннаго ливнемъ: хлѣбъ, созрѣвшій уже, былъ снесенъ вмѣстѣ съ почвой, нѣсколько саклей размыто, мосты снесены и всѣ мельницы разрушены. Проѣзжая черезъ селеніе Саниба, я встрѣтилъ на площади толпу осетинъ, одинъ изъ которыхъ, указывая мнѣ на картину разрушенія, сказалъ: «Вотъ во всемъ этомъ виноватъ ты; ты поднялся на Казбекъ, а насъ Богъ наказалъ за это». Видно было по всему, что и вся толпа согласна съ ораторомъ. Я хотѣлъ было разувѣрить ихъ въ этомъ, но, зная изъ опыта, что это ни къ чему не приведетъ, я только могъ въ утѣшеніе имъ сказать, что если бы зналъ, что мое восхожденіе будетъ имѣть такія печальныя послѣдствія, то я бы не пошелъ на Казбекъ. Въ заключеніе я долженъ разсказать осетинскую легенду, которая разъяснитъ, почему осетины считали меня виновникомъ своего несчастія.

Вотъ содержаніе ея. «Когда Господь рѣшилъ послать на землю Іисуса Христа, то Онъ не могъ найти мѣста на всей землѣ, которое не было бы осквернено грѣшной ногой человѣка, кромѣ вершины Казбека; здѣсь Онъ и помѣстилъ младенца Христа, положивъ Его въ золотую колыбель; тутъ же Онъ помѣстилъ голубя и золоторогаго барана; голубь долженъ былъ качать колыбель и ворковать надъ младенцемъ, а баранъ своимъ блеяніемъ забавлять Его; а чтобы голубь и баранъ не умерли отъ голода, Онъ насыпалъ тамъ большую кучу пшеницы. Затѣмъ Іисусъ Христосъ выросъ, сошелъ на землю, совершилъ извѣстныя намъ дѣянія и вознесся на небо; но въ воспоминаніе пребыванія Его на Казбекѣ Господь навсегда оставилъ тамъ колыбель, голубя и барана; попрежнему голубь качаетъ колыбель и воркуетъ надъ ней, а по вечерамъ слышится блеяніе барана и попрежнему они питаются тою же пшеницей, которая никогда не уменьшается». Вотъ потому-то осетины

и говорили мнѣ, что Богъ никого не допускаетъ на вершину Казбека, что многіе пытались взойти туда—между ними были англичане, французы, нѣмцы и осетины,—но никому это не удавалось. Однихъ Богъ ослѣплялъ, другихъ вихремъ сносило въ пропасть, а третьихъ погребалъ подъ снѣгомъ. Теперь они говорятъ: «одному русскому удалось взойти на вершину Казбека, откуда онъ взялъ съ собою золотую колыбель, за что Богъ и наказалъ ближайшихъ жителей тѣмъ, что послалъ имъ ливень».

У осетинъ.

(Россиковой.)

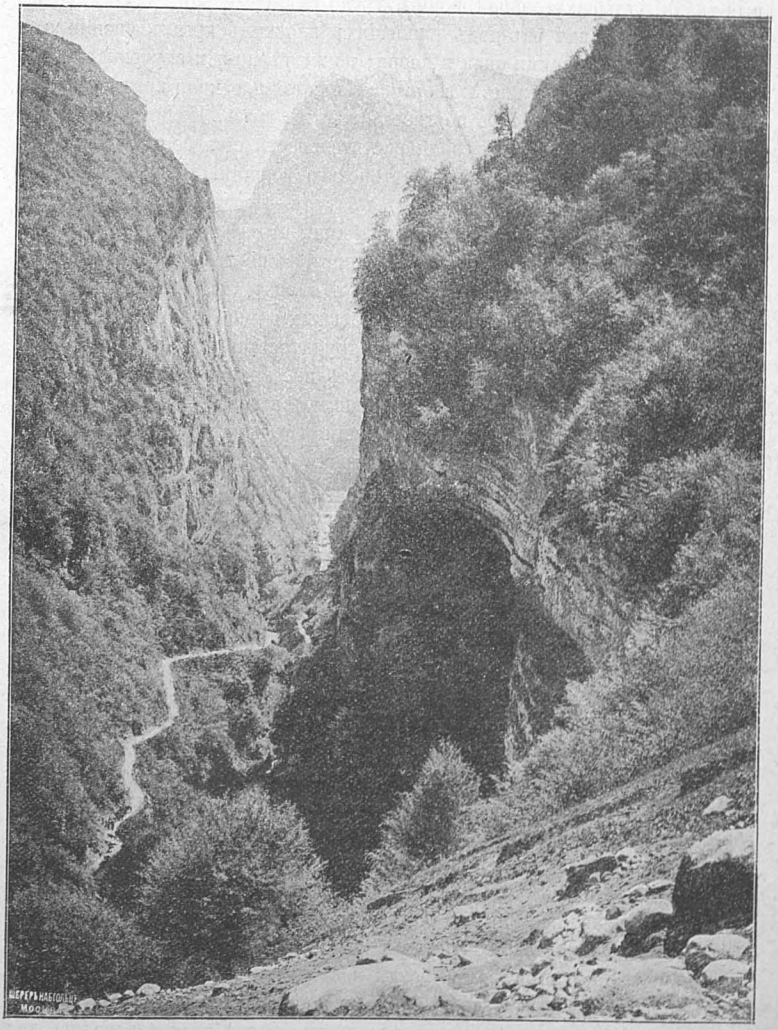
Едва занялась заря, мы были уже на ногахъ. У моста на противоположномъ берегу стояла одноконная осетинская арба и дожидался насъ проводникъ, молодой парень лѣтъ восемнадцати, осетинъ, довольно хорошо говорящій по-русски, даже грамотный—явленіе весьма рѣдкое въ горахъ, съ двумя своими сотоварищами, которые явились просто изъ любопытства. Утро было ясное. На синемъ небѣ ни облачка. Въ воздухѣ свѣжо, даже холодно. Мы поспѣшили нагрузить вещи на арбу и двинулись въ путь. Намъ предстояло пройти одно изъ интересныхъ мѣстъ, тѣсное ущелье, извѣстное подъ именемъ Зивгисскаго. Два громадныхъ хребта замыкали ущелье съ обоихъ боковъ. Дорога жалась къ подошвѣ праваго склона, по дну тѣснины, загроможденному обломками скалъ, засыпанному щебнемъ, и мѣстами исчезала подъ сводами громадныхъ скалъ. Тѣ же уступы, террасы, скалы, громоздясь одна надъ другой, бороздили отвѣсные склоны, но уступы тѣснины были острѣе, террасы положе, скалы выше, глаже, громаднѣе и нависали съ такой удручающей силой, точно собирались сорваться и похоронить подъ своею тяжестью узкій проходъ. Казалось, въ природѣ не было силы, которая могла бы соперничать съ гигантскою мощью сумрачныхъ великановъ, а между тѣмъ сила эта была здѣсь же, сила эта—вода, та самая рѣка, которая, зарывшись на днѣ, лизала подошвы великановъ и разбивала о нихъ свои мутныя волны. Ничто не можетъ сравниться съ дѣятельной силой воды, ничто не можетъ остановить ея неустанной энергіи. Бѣгутъ ручьи, собираются въ потоки, рѣки и опять бѣгутъ. Проходятъ вѣка, и самые громадные горные великаны не могутъ устоять подъ этимъ ежечаснымъ, неустаннымъ натискомъ воды. Она размываетъ ихъ бока, распиливаетъ трещины и шагъ за шагомъ, пролагая себѣ ложе, кладетъ начало тому разрушенію, результатомъ котораго явилась и Зивгисская тѣснина. Зивгисскую тѣснину прорылъ Фіагъ-донъ; онъ распилилъ поперекъ хребетъ скалистыхъ горъ и, углубляясь все ниже и ниже, до нашихъ дней еще не закончилъ своей разрушительной дѣятельности. Чахлый кустарникъ, вперемежку съ стройными тонкими соснами, которыя, едва цѣпляясь за

скалы, одиноко торчали среди сѣрыхъ безжизненныхъ массъ, тамъ и сямъ оживлялъ суровые склоны. Всюду ручьями и бѣшеными потоками струилась, скатывалась и падала съ громадныхъ высотъ вода. Рѣка плескалась на берегъ и заливала дорогу. Приходилось буквально идти по водѣ, а мѣстами переѣзжать на арбѣ струившіеся по дорогѣ потоки.

Со дна тѣснины дорога круто полѣзла въ гору по склону поперечнаго отрога, которымъ, точно громаднымъ порогомъ, замыкалось Зивгисское ущелье. Горизонтъ, чѣмъ дальше, становился все шире. Теперь горы выступали передъ нами цѣлой вереницей гребней, съ царящими надъ ними скалистыми вершинами: Каріу-хоха—на юго-западѣ и Тбаухоха—на сѣверѣ. Фіагъ-донъ отклонился влѣво и скрылся въ расщелинѣ, настолько узкой, что, казалось, горы въ этомъ мѣстѣ не имѣли прохода. Это—самая интересная часть Зивгисскаго ущелья. Видъ на расщелину сверху поражаетъ своею оригинальностью. Сглаженныя и обточенныя водой скалы, ощетинившись, торчатъ надъ трещиной. Двѣ глыбы громадной величины, сорвавшіяся съ сосѣдняго скалистаго склона, прикрываютъ трещину въ двухъ мѣстахъ, образуя два естественныхъ моста. Мы взобрались на одинъ изъ нихъ. Внизу, на протяженіи трехсотъ-четырехсотъ саженъ, разверзалась, въ буквальномъ смыслѣ, щель, шириною не больше двухъ аршинъ. На днѣ ея, на глубинѣ тридцати-сорока саженъ, между двухъ известняковыхъ стѣнъ, едва замѣтный, мирнымъ желтоватымъ потокомъ безшумно катилъ свои мутныя воды Фіагъ-донъ. Обломки скалъ, нѣкогда преграждавшіе путь водѣ, съ просверленными сквозными отверстіями, наподобіе арокъ, перекинутыхъ черезъ рѣку, тамъ и сямъ виднѣлись по руслу, дополняя картину грандіозной работы рѣки.

Едва мы переступили порогъ Зивгисскаго ущелья, характеръ мѣстности совершенно измѣнился. Горы больше не наступали тѣсной толпой, не подавляли своею грандіозностью. Онѣ точно разбѣжались въ разныя стороны, образуя широкую котловину, извѣстную подъ именемъ Куртатинскаго ущелья. Пологіе склоны, широкое каменное русло, гдѣ въ раздробленной на множество рукавовъ рѣкѣ едва можно было признать недавно бурный Фіагъ-донъ, и полное отсутствіе древесной растительности придавали котловинѣ видъ безплодной пустыни.

Впереди темнѣло селеніе Зивгисы, такое же сѣрое и непривѣтливое, какъ окружающія горы. Оно пріютилось недалеко отъ входа въ котловину, у скалистаго подножья горы Каріу-хохъ, на небольшой террасѣ, и скорѣе напоминало груду сложенныхъ камней, нежели человѣческія жилища. Перескакивая съ камня на камень черезъ множество ручьевъ, на которые распадается протекающій черезъ селеніе потокъ, мы, наконецъ, вступили въ аулъ. Зивгисы—селеніе небольшое: состоитъ всего изъ 25 дворовъ съ населеніемъ около 362 душъ обоего пола. По срав-



Горное ущелье въ Осетіи.

ненію съ другими селеніями горной Осетіи оно не представляетъ ничего оригинальнаго. Тѣ же сложенныя изъ сѣраго камня безъ цемента курныя сакли, четырехугольной формы, тѣсно гнѣздятся одна надъ другой, хмуро и дико глядя изъ-подъ нависшихъ плоскихъ крышъ своими отверстіями, замѣняющими окна и двери; тѣ же тѣснота и скученность (въ Зивгисахъ всего одна улица и дворы замѣняются плоскими крышами хлѣвовъ и другихъ надворныхъ построекъ), та же грязь. Полное отсутствіе какой бы то ни было культурной растительности еще больше увеличиваетъ печальный видъ горнаго осетинскаго селенія. Встрѣтить подлѣ сакли дерево или, тѣмъ болѣе, садъ въ аулѣ—чрезвычайная рѣдкость. Да оно и понятно, если принять во вниманіе, что за недостаткомъ земли обитатель горнаго аула вынужденъ обходиться не только безъ сада, но даже безъ двора, иногда безъ улицы. Въ силу ли неблагопріятныхъ климатическихъ условій или вслѣдствіе какихъ-либо другихъ причинъ, изъ всѣхъ отраслей земледѣльческаго труда осетины-горцы занимаются только хлѣбопашествомъ. Въ самое послѣднее время кое-гдѣ въ горахъ стали появляться огороды, гдѣ выращиваются лукъ, рѣдька, изрѣдка картофель для собственнаго употребленія. По карнизу горы, нависшей надъ селеніемъ, мѣстахъ въ двухъ-трехъ лѣпятся каменныя сооруженія въ видѣ полуразрушенныхъ стѣнъ со множествомъ отверстій—бойницъ. Это остатки древней крѣпости, единственные свидѣтели историческаго прошлаго зивгисцевъ.

Все наличное населеніе аула высыпало изъ своихъ темныхъ и тѣсныхъ конуръ на улицу. Переднюю позицію, конечно, заняли ребятишки, грязные, полунагіе, съ громадными животами, за немногими исключеніями съ чесоточными струпьями на головахъ и лицахъ. Не менѣе печальный видъ имѣли и женщины въ своихъ грязныхъ рубищахъ, съ истощенными, болѣзненными лицами. По вѣроисповѣданію здѣшніе осетины православные. Въ аулѣ имѣется старинная грузинская церковь, обнесенная каменной стѣной. Черезъ новыя тесовыя ворота мы вошли во дворъ. Прямо противъ воротъ—просторный навѣсъ съ нарами, предназначенный для богомольцевъ, которые въ дни церковнаго праздника стекаются сюда со всѣхъ концовъ Осетіи. Между безчисленнымъ множествомъ турьихъ, козьихъ и оленьихъ роговъ, которые, какъ свидѣтели наивысшей доблести современнаго осетина, по обычаю хранятся въ каждомъ священномъ мѣстѣ, намъ попалась любопытная вещь: на столбѣ, которымъ подпирается навѣсъ, на ржавомъ гвоздѣ висѣли такіе же ржавые кандалы. Какъ попали эти далеко не доблестные предметы за церковную ограду, кому они нѣкогда принадлежали и съ какою цѣлью предназначались для храненія при церкви, никто изъ сопровождающихъ насъ осетинъ не могъ или не хотѣлъ намъ объяснить.

Сама по себѣ церковь не поражаетъ изяществомъ архитектуры, но

по характеру постройки несомнѣнно принадлежитъ къ сѣдой древности и имѣетъ большое сходство съ типомъ древнихъ могильниковъ, которые въ безчисленномъ множествѣ разсѣяны по всей горной Осетіи.

Иногда они находятся въ самомъ центрѣ селенія, иногда близъ него, наподобіе второго мертваго селенія. Всѣ могильники построены по одному типу: конусообразной формы зданіе въ три-четыре сажени высотою сложено изъ каменныхъ плитъ, скрѣпленныхъ очень прочнымъ цементомъ. На днѣ могильника—глубокая яма, вверху же онъ перегораживался досками, настланными на балки. Трупы умершихъ втаскивались черезъ единственное небольшое отверстіе наверху и располагались въ рядъ на доскахъ. Когда рядъ наполнялся, доски приподнимались и трупы сваливались въ яму, очищая мѣсто для новыхъ мертвецовъ.

Внутри церковь имѣетъ такой же печальный видъ, какъ и снаружи. На голыхъ смазанныхъ глиной стѣнахъ ни одной иконы, никакихъ признаковъ украшеній. Въ серединѣ восточной стѣны небольшая дверь, сердцевидной формы, ведущая въ алтарь; сбоку, около лѣвой стѣны, какая-то полка съ битой посудой,—вотъ и все, что мы видѣли въ церкви.

Сейчасъ за аломъ тянулись зивгисскія пашни. По склонамъ горъ, по берегу рѣки, всюду, гдѣ только есть клочокъ удобной земли, засѣянъ хлѣбъ. У горныхъ осетинъ вообще земли мало. Зивгисцы, напримѣръ, имѣютъ всего 64 десятины удобной земли на 362 души. Понятно, имъ приходится не щадить ни труда, ни времени для расчистки и защиты своихъ полей. Встрѣтить каменную ограду вокругъ пашни въ горахъ не рѣдкость. Изъ года въ годъ съ вершинъ осыпаются камни и изъ года въ годъ, прежде чѣмъ начать пахоту, нужно расчистить пашню отъ камней. Если вообще трудъ земледѣльца зависитъ отъ случайностей, то въ горахъ этихъ случайностей гораздо больше, чѣмъ на равнинѣ. Проливной дождь, буря, случайный обвалъ—здѣсь все угрожаетъ земледѣльцу, его полямъ и даже жилищамъ. Иногда цѣлые аулы вмѣстѣ съ грунтомъ, на которомъ они стоятъ, срываются съ горъ на дно ущелья. Мы видѣли такія пашни, съ которыхъ дождемъ былъ смытъ не только посѣвъ, но и самая почва. Нужно прибавить при этомъ, что земля въ горахъ давно не родитъ безъ удобренія. Сколько нужно труда и энергіи, чтобы при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ заниматься земледѣліемъ.

Мы снова шли по дну широкой котловины. На горизонтѣ, увѣнчанные снѣгами и льдами, сверкали гребни Большого хребта, расчлененные балками, сумрачными ущельями, какъ бы оттѣняя сверху желтыя обнаженія обрамляющихъ котловину близкихъ горъ. При яркомъ заревѣ солнца послѣдняя казалась еще печальнѣе, она какъ бы замерла: ни единаго живого штриха, ни одной отрадной картины! По склонамъ горъ, по дну котловины тамъ и сямъ темнѣли селенія.

Теперь ближайшимъ селеніемъ на нашемъ пути было Дала-Кау. Оно

раскинулось по обѣ стороны Фіагъ-дона, но главнымъ образомъ по лѣвому его берегу, и принадлежитъ къ числу крупныхъ (54 двора) и населенныхъ (536 душъ обоего пола) пунктовъ горной Осетіи; въ немъ есть даже нѣкоторые намеки на разведеніе фруктовыхъ садовъ. Въ Дала-Кау двѣ церкви: одна православная, другая деревянная грузинская; есть школа, въ которой обучаются грамотѣ до сорока человѣкъ учениковъ; сельское правленіе; постоянно живетъ священникъ, старшина, и даже имѣются двѣ лавки съ краснымъ товаромъ—явленіе весьма рѣдкое въ горахъ.

По внѣшнему виду оно производитъ лучшее впечатлѣніе, не такъ скучено и даже разбросано, что всего оригинальнѣе, среди цѣлой массы могильниковъ. Дорога прямо вела насъ въ селеніе. Съ вершины холма, или вѣрнѣе выступа надъ самой рѣкой, гдѣ подъ тѣнью могильника мы присѣли отдохнуть, открывался замѣчательный видъ. Селеніе Дала-Кау и вся Куртатинская котловина, тщательно расчищенная отъ камней и распаханная подъ хлѣба, разстилалась передъ нами какъ на ладони.

Потребности современнаго осетина до сихъ поръ уживаются съ курной саклей, гдѣ мракъ невѣжества и полное отсутствіе экономическаго благосостоянія идутъ рука объ руку. Подобное состояніе не есть результатъ нашихъ дней,—оно коренится въ историческихъ условіяхъ: съ одной стороны, во внутреннемъ духовномъ упадкѣ самихъ осетинъ, съ другой—въ недостаткѣ годной для обработки земли, что непосредственно вытекаетъ изъ неблагопріятныхъ условій мѣстности, самой котловины, которую ни измѣнить, ни обработать у населенія не хватаетъ ни силъ, ни умѣнія, ни энергіи. Несмотря на существованіе множества христіанскихъ церквей, осетины до сихъ поръ не имѣютъ религіи. Сумбуръ заимствованій изъ христіанской, магометанской и языческой религій, которыми ограничивается религіозное міровоззрѣніе осетинъ, нельзя назвать религіей. У осетинъ-магометанъ, напримѣръ, въ праздникъ, совпадающій съ нашей Троицей, пекутся хлѣбы непремѣнно треугольной формы; въ кунацкой же христіанина не рѣдкость встрѣтить икону Божіей Матери или Іисуса Христа рядомъ съ портретомъ хозяина или съ картинкой, вырѣзанной изъ какого-нибудь моднаго иллюстрированнаго журнала. Объ умственномъ развитіи нечего и говорить. Существующая въ Дала-Кау школа—формально-офиціальная; въ ней, по словамъ нашего проводника, ученики не выучиваются даже грамотѣ. Къ величайшему нашему сожалѣнію ни школы, ни церкви мы посѣтить не могли, такъ какъ, благодаря начавшимся полевымъ работамъ, большая часть населенія, священникъ, учитель и даже старшина отсутствовали изъ селенія. По дорогѣ мы зашли въ лавку. Судя по наличности товара, торговля въ аулѣ идетъ не бойко. Два-три куска кумачу, нѣсколько штукъ ситцу, спички, разноцвѣтное мыло и что-то скрытое отъ глазъ въ коробкахъ соста-

вляли все достояніе лавки. Вообще торговыя учрежденія плохо уживаются съ патріархальными нравами осетинъ-горцевъ. Они привыкли сами удовлетворять всѣ свои потребности. Начиная отъ араки (водки) и кончая чувяками (обувью), въ аулѣ приготовляется все дома, своими средствами. Насколько патріархаленъ бытъ осетинъ, можно судить по тому, что въ горныхъ аулахъ не рѣдкость семья въ тридцать и сорокъ человѣкъ. На вопросъ нашъ, какъ они уживаются въ такомъ огромномъ

Осетинки.

количествѣ, осетины отвѣчали: «Что же намъ дѣлать? Земли у насъ такъ мало (135 дес. на 536 душъ населенія), что вмѣстѣ мы еще можемъ какъ-нибудь жить, а врозь каждому не достанется и по полдесятинѣ».

Интересна женская половина такой семьи, главныя представительницы которой, несомнѣнно, чужды другъ другу, въ большинствѣ случаевъ собранныя изъ разныхъ концовъ Осетіи, если не подъ одну

крышу, то къ одному очагу; но заглянуть въ этотъ своеобразный мірокъ до крайности трудно. Мужчины очень мало вникаютъ въ отношенія женщинъ между собою. Для него она раба, и какъ раба заслуживаетъ вниманія настолько, насколько она ему нужна, полезна; отъ женщины же трудно добиться толковаго слова, такъ какъ по-русски никто изъ нихъ не говоритъ, бесѣду же черезъ переводчика стѣсняетъ обычай, налагающій на женщину обѣтъ молчаливой скромности въ присутствіи посторонняго мужчины. Всѣ домашнія работы обыкновенно распредѣляются между женщинами такимъ образомъ, что каждая дѣлаетъ то, въ чемъ она наиболѣе искусна. Одна шьетъ черкески, другая приготовляетъ обувь, третья ткетъ сукно, четвертая печетъ хлѣбы и т. д., но при необходимости каждая дѣлаетъ то, что потребуется въ семьѣ. Вся черная работа: уходъ за скотомъ, очистка хлѣвовъ отъ навоза, тасканіе изъ лѣсу дровъ, съ мельницы муки, даже полевыя работы лежатъ исключительно на женщинахъ. Робкая, застѣнчивая въ обществѣ мужчинъ, осетинка совершенно измѣняется, едва переступаетъ порогъ въ женскую половину. Здѣсь обычай не предъявляетъ къ ней никакихъ требованій, здѣсь изъ манекена она превращается въ живого человѣка, подвижного, веселаго, со всѣми слабостями, свойственными вообще женщинѣ. Шумныя бесѣды, смѣхъ почти не умолкаютъ въ женской половинѣ въ отсутствіе мужчинъ, но достаточно одному изъ нихъ промелькнуть мимо двери, чтобы улыбка застыла на устахъ осетинки, а голова скромно опустилась внизъ. Только старость освобождаетъ осетинку отъ необходимости вѣчно прятаться отъ мужского взгляда, но зато въ старости она окончательно переходитъ на степень домашняго животнаго въ глазахъ осетина. Мы встрѣтили одну женщину, уже не молодую, по крайней мѣрѣ съ виду (благодаря непосильному труду осетинки старятся рано), которая тащила на спинѣ съ мельницы въ гору мѣшокъ муки. Впереди, заложивъ руки за спину, шелъ ея мужъ. На наше замѣчаніе осетинъ разсмѣялся и равнодушно отвѣтилъ: «Помретъ—другую куплю. Развѣ мало дѣвокъ въ аулѣ».

За сернами и турами.

(Динника.)

Нашъ проводникъ Дочхай замѣтилъ вдали серны. Горцы много разъ удивляли меня своимъ острымъ зрѣніемъ, но Дочхай въ этомъ отношеніи, кажется, превзошелъ ихъ всѣхъ. Серны ходили на выдающемся остромъ гребнѣ и въ такомъ разстояніи, что я въ большой хорошій бинокль не сразу замѣтилъ ихъ даже тогда, когда мнѣ точно было указано мѣсто, гдѣ нужно было ихъ искать. О солидности разстоянія, отдѣлявшаго насъ, свидѣтельствовало ужъ одно то, что первый моментъ,

когда я замѣтилъ ихъ, онѣ поразили меня своею миніатюрностью: я ожидалъ увидѣть животныхъ среднихъ размѣровъ, но вмѣсто нихъ передъ моими глазами какъ будто бы явились гипсовыя фигурки, величиною не больше кролика. Замѣчательно между прочимъ и то, что, вслѣдствіе чистоты и прозрачности воздуха, въ бинокль серны были видны столь отчетливо, что можно было хорошо разсмотрѣть всѣ части ихъ тѣла и наблюдать всѣ ихъ движенія.

Хотя до захода солнца оставалось не болѣе трехъ часовъ, а разстояніе до сернъ было довольно порядочное, но тѣмъ не менѣе мы не прочь были отправиться за ними.

Долго пришлось намъ пробираться по дну пологой лощины, засыпанной снѣгомъ, и каждыя минуты пять влѣзать на невысокій гребень, идущій параллельно лощинѣ, съ цѣлью посмотрѣть, что дѣлаютъ серны и не ушли ли онѣ куда-нибудь. Выглядывалъ обыкновенно Дочхай, мы же старались какъ можно скорѣе пробираться вверхъ подъ прикрытіемъ гребня, чтобы потомъ подкрадываться къ сернамъ не снизу, а сверху или сбоку. Подъемъ былъ крутой, но такъ какъ снѣгъ не проваливался, то идти было еще не особенно плохо; но опасаясь, что серны могутъ уйти, мы должны были торопиться до послѣдней возможности. Это, конечно, вызывало сильное утомленіе и заставляло насъ обливаться потомъ.

Когда мы пробирались такимъ образомъ, то вдругъ на снѣжное поле, черезъ которое пролегалъ нашъ путь, выскочила серна. Сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ и выбравшись на самую середину поля, она остановилась шагахъ въ 600 выше того мѣста, гдѣ мы находились. Минуты двѣ серна стояла неподвижно и, какъ кажется, внимательно смотрѣла въ нашу сторону. Мы въ это время присѣли, но, находясь на чистомъ снѣгу, не могли, конечно, укрыться отъ взоровъ такого бдительнаго и осторожнаго животнаго. Имѣя въ виду цѣлое стадо сернъ и боясь испугать ихъ выстрѣломъ, мы рѣшили оставить эту въ покоѣ, тѣмъ болѣе, что и разстояніе до нея было настолько значительно, что не позволяло вполнѣ разсчитывать на удачный выстрѣлъ. Постоявъ нѣсколько времени, серна быстрыми и красивыми прыжками направилась въ ту сторону, гдѣ находилось стадо, замѣченное нами раньше.

Спустя еще нѣсколько времени Дочхай снова взобрался на гребень съ цѣлью посмотрѣть, что дѣлаютъ серны, но едва успѣлъ выглянуть, какъ снова спрятался за камень и сталъ звать насъ къ себѣ. Минуты черезъ двѣ мы уже были около него и черезъ верхнія точки гребня могли любоваться замѣчательной картиной: на небольшомъ снѣжномъ полѣ, шагахъ въ 500 отъ насъ, пять штукъ туровъ (Aegoceros Pallasii Rouil), гоняясь и играя другъ съ другомъ, выдѣлывали самые курьезные прыжки и вольты. Они то набѣгали другъ на друга и чуть не сталки-

вали одинъ другого съ ногъ, то разбѣгались въ разныя стороны, то присѣдали и какъ будто бы хотѣли перепрыгнуть одинъ черезъ другого. Особенно курьезно было смотрѣть, когда подъ ихъ копытами снѣгъ проваливался, туры вязли въ немъ по самое туловище и потомъ съ трудомъ освобождали свои ноги. Хотя разстояніе до нихъ было довольно порядочное, но вслѣдствіе прозрачности горнаго воздуха они были видны такъ отчетливо, какъ будто бы насъ раздѣляла какая-нибудь сотня шаговъ. Безъ сомнѣнія, туры увлеклись своей игрой и совершенно не думали о томъ, что и въ заоблачномъ царствѣ, гдѣ они обитаютъ, человѣкъ, ихъ злѣйшій врагъ, уже готовитъ посягательство на ихъ жизнь.

Несмотря на страсть къ охотѣ, я довольно долго съ наслажденіемъ смотрѣлъ на веселую и беззаботную игру этихъ животныхъ, и въ первое время мнѣ не приходило на умъ лишить которое-нибудь изъ нихъ жизни. Я продолжалъ любоваться ими и послѣ того, когда Дочхай уже звалъ меня какъ можно поспѣшнѣе подкрасться къ нимъ; но, конечно, особенно долго заниматься наблюденіемъ ихъ мы не могли: туръ такая цѣнная и рѣдкая дичь, что упустить случай поохотиться за нимъ и добыть его шкуру или черепъ—невозможно; поэтому нами было рѣшено даже оставить безъ вниманія сернъ и скорѣе отправиться за турами. Мы предполагали частью пройти, частью пролѣзть еще шаговъ 300 и изъ-за скалъ, находящихся недалеко отъ упомянутаго снѣжнаго поля, стрѣлять по турамъ. Здѣсь намъ пришлось съ крайнею поспѣшностью карабкаться на очень крутой склонъ, чтобы туры не ушли куда-нибудь дальше. Дочхай все время шелъ впереди, шагахъ въ 60 отъ насъ, и нѣсколько разъ съ большою осторожностью, снявши шапку, выглядывалъ изъ-за гребня по тому направленію, гдѣ были туры. Поспѣвать за нимъ очень было трудно, потому что онъ обладалъ способностью прыгать съ камня на камень и бѣгать на гору съ легкостью и быстротою серны. Наконецъ, онъ взобрался на тѣ скалы, съ которыхъ мы предполагали стрѣлять, и, выглянувъ изъ-за нихъ, сталъ энергично махать руками и шапкой, давая этимъ знать, чтобы мы какъ можно скорѣе пробирались къ нему. Догадываясь, въ чемъ дѣло, я употреблялъ отчаянныя усилія, работалъ руками и ногами, но круча была страшная, ноги тонули въ щебнѣ, а камни катились изъ-подъ нихъ на каждомъ шагу; кромѣ того, я былъ сильно утомленъ еще раньше, когда въ теченіе слишкомъ получаса чуть не бѣгомъ взбирался на гору; все мое бѣлье и все тѣло были мокры, по лицу текли цѣлые ручьи пота, самъ я задыхался, ноги дрожали, а сердце стучало, какъ молотокъ. Не имѣя силъ идти, я рѣшилъ послѣдніе шаговъ 15 проползти хоть на колѣняхъ, но этому страшно мѣшала моя винтовка, цѣплявшаяся за камни. Наконецъ, остается какихъ-нибудь 7—8 шаговъ, а я рѣшительно не

Охотники на туровъ.

могу сдѣлать ихъ, не остановившись на минуту или на двѣ, хотя и понимаю, что, пропустивъ лишнія 5—10 секундъ, могу испортить все дѣло. Черезъ двѣ или три минуты я былъ почти у самаго Дочхая и подалъ ему свою винтовку, чтобы самому, работая руками и ногами, какъ можно скорѣе взобраться на гребень, но ни на снѣжномъ полѣ, ни вблизи его ни одного тура не оказалось. Дочхай потомъ объяснилъ мнѣ, что въ то время, когда онъ махалъ намъ руками, туры шли тихимъ шагомъ на выстрѣлъ отъ него, при чемъ онъ не хотѣлъ стрѣлять по нимъ, желая это удовольствіе предоставить мнѣ; но пока я взбирался на гребень, туры дошли до выступа скалы и скрылись за нимъ.

Оставить туровъ намъ не хотѣлось, а поэтому едва только мы успѣли перевести духъ, какъ снова полѣзли за ними по скаламъ и осыпямъ. Я не стану описывать здѣсь подробности нашихъ похожденій за этими животными, но скажу только, что туры все время были выше насъ; мы нѣсколько разъ пытались подкрасться къ нимъ изъ-за скалъ, но они вѣроятно чуяли насъ и поэтому не останавливаясь шли впередъ. Наконецъ, завернувъ за одинъ скалистый выступъ, они совершенно скрылись отъ нашихъ взоровъ. Тогда Дочхай предложилъ мнѣ попытать свое счастіе на охотѣ за сернами. Онъ увѣрялъ, что серны будутъ пастись на одномъ мѣстѣ, и потому мы навѣрно застанемъ ихъ тамъ, гдѣ онѣ были раньше. Я не зналъ, на что рѣшиться, болѣе всего меня приводило въ раздумье то, что, отправившись за сернами, мы должны будемъ возвращаться ночью, въ потемкахъ лазить по кручамъ и перебираться черезъ рѣчки, скалы, снѣга и вообще такія мѣста, хожденіе по которымъ даже днемъ нельзя считать вполнѣ безопаснымъ. Правда, ночь ожидалась лунная, но извѣстно, что при свѣтѣ луны предметы представляются иногда совсѣмъ не въ томъ видѣ и не въ томъ положеніи, какое занимаютъ на самомъ дѣлѣ, а это, конечно, можетъ быть причиною ошибки, влекущей за собой очень серьезныя послѣдствія. Особенно опасно ходить въ это время по бѣлому снѣжному покрову, кручи, ямы и трещины котораго представляются часто въ совершенно ложномъ свѣтѣ. Однако пріятная перспектива добыть серну, которая такъ рѣдко достается въ руки охотника европейца, заставила забыть объ опасностяхъ ночного путешествія по скаламъ, осыпямъ и снѣгамъ, и я съ Дочхаемъ направился къ тому мѣсту, на которомъ мы предполагали застать сернъ. Болѣе чѣмъ половина нашего пути пролегала по осыпямъ, гдѣ то камни сыпались изъ-подъ ногъ, то ноги глубоко тонули въ мелкомъ щебнѣ; но великимъ облегченіемъ для меня было то, что приходилось идти вдоль склона, а не взбираться вверхъ. Вслѣдствіе этого мы шли довольно быстро, почти не останавливаясь и не задыхаясь, какъ прежде. Правда, встрѣчались кое-гдѣ небольшіе впадины и подъемы, но это была капля въ морѣ по сравненію съ тѣмъ, что пришлось намъ испытать раньше.

Немного уже оставалось до того, сравнительно, невысокаго гребня, усѣяннаго крупными обломками скалъ, съ котораго мы должны были увидѣть сернъ. Съ замираніемъ сердца мы приблизились къ нему и выглянули изъ-за него вдаль. Ни одной серны не было видно. Мы пробрались еще дальше къ слѣдующей большой кучѣ камней, но за нею также не увидѣли ничего. Дочхай однако продолжалъ увѣрять меня, что серны гдѣ-нибудь очень близко, и звалъ еще впередъ, но, къ моему удовольствію, не только не вверхъ, но даже слегка внизъ. Такимъ образомъ, мы еще нѣсколько разъ перебѣгали отъ одной группы камней къ другой, осторожно высматривая сернъ. Мѣстность была здѣсь замѣчательно привлекательная, обѣщавшая удачу. Она представляла довольно крутой склонъ, усѣянный множествомъ свалившихся сверху громадныхъ каменныхъ глыбъ, достигавшихъ нѣсколькихъ тысячъ пудовъ вѣса, но между ними оставалось много чистыхъ мѣстъ, покрытыхъ свѣжей бархатистой травкой. Очевидно, такая мѣстность должна была придтись очень по вкусу сернамъ.

Выглядывая то изъ-за того, то изъ-за другого камня, Дочхай, наконецъ, замѣтилъ ихъ и рукой указалъ мнѣ направленіе, гдѣ онѣ находились. Дѣйствительно, выглянувъ изъ-за каменной глыбы, я увидѣлъ штукъ 8 этихъ стройныхъ животныхъ, быстро бѣжавшихъ отъ насъ. Моментально въ моей головѣ явилась мысль, что онѣ почуяли запахъ человѣка и стараются спастись бѣгствомъ. Разстояніе до нихъ было не менѣе 300 шаговъ. Когда я смотрѣлъ на нихъ, не зная, что дѣлать, онѣ вдругъ остановились, и, какъ мнѣ казалось, съ еще большею быстротой бросились назадъ, т.-е. въ нашу сторону. Я сначала не понялъ, что все это означаетъ, и подумалъ, что, быть можетъ, онѣ, чего-нибудь испугавшись, набѣгутъ на насъ и, такимъ образомъ, сами представятъ случай стрѣлять на близкомъ разстояніи; но въ это время Дочхай шепнулъ мнѣ на ухо: «ему играетъ» (т.-е. онѣ играютъ), и тотчасъ же, сдѣлавъ еще шаговъ 10, сталъ наблюдать за ними изъ-за слѣдующаго камня. Я, также пробѣжавъ немного впередъ и выглянувъ изъ-за другой глыбы, увидѣлъ замѣчательную картину: нѣсколько сернъ ходили между камнями и по кучамъ щебня шагахъ въ 150 отъ меня, а одна, взобравшись на острый гребень огромнаго камня, стояла неподвижно какъ изваяніе и смотрѣла внизъ; правый бокъ ея былъ обращенъ ко мнѣ, а разстояніе до нея равнялось шагамъ ста. Ея красивые рожки и темная полоска на щекахъ были видны прекрасно. Бѣдныя животныя и не подозрѣвали, что ихъ злѣйшій врагъ у нихъ подъ бокомъ и уже намѣтилъ себѣ жертву.

Болѣе удобнаго момента для выстрѣла невозможно было и ожидать, а поэтому нельзя было терять ни одной секунды. Въ одинъ мигъ я поднялъ винтовку, положилъ ее на камень, почти такъ же быстро прицѣлил-

ся и выстрѣлилъ. Въ тотъ же моментъ серна, опрокинувшись черезъ голову, упала къ подножію камня, а всѣ прочія, бывшія недалеко отъ нея, бросились бѣжать. Оказалось, что сернъ было штукъ 25, но большую часть ихъ мы не могли видѣть по причинѣ пересѣченной мѣстности.

Вскорѣ послѣ моего выстрѣла раздался другой изъ кремневой винтовки Дочхая. Онъ также стрѣлялъ по одной изъ сернъ и сдѣлалъ промахъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы подошли къ убитому животному. Оно лежало безъ всякихъ признаковъ жизни. Пуля ударила его въ верхнюю часть груди и, встрѣтивъ позвоночный столбъ, совершенно раздробила его. Серна оказалась самкой довольно порядочнаго роста съ красивыми, черными, загнутыми назадъ рожками. Такимъ образомъ наша охота закончилась удачно; отъ радости усталость прошла совершенно и были забыты всѣ труды, перенесенные нами въ этотъ день. Что касается меня лично, то я на этотъ разъ долженъ былъ считать себя счастливымъ охотникомъ, такъ какъ зналъ, что убить серну удается далеко не каждому, и что швейцарцы и тирольцы изъ-за этого удовольствія лазятъ по горамъ нерѣдко цѣлыя недѣли.

По Сванетіи.

(Каневскаго.)

Сталкиваясь на каждомъ шагу въ узкихъ улицахъ съ неповоротливыми арбами и буйволами, тихо выѣхали мы изъ Кутаиса. Путь нашъ шелъ зеленою долиною вверхъ по правому берегу рѣки Ріона, по довольно порядочному шоссе, съ легкими подъемами и спусками. Утро было отличное, солнце не успѣло накалить земли и съ каждымъ поворотомъ дороги открывалась панорама за панорамой зеленыхъ горныхъ хребтовъ, толпившихся предъ глазами, поросшихъ лѣсомъ и окаймляющихъ ложе Ріона, по очереди заслонявшихъ и вновь выраставшихъ другъ изъ-за друга пока еще въ мягкихъ, ласкающихъ глазъ очертаніяхъ. Только вдали, на самомъ заднемъ планѣ этой панорамы, смутно обрисовывался голый скалистый хребетъ Хвамли, мелькавшій какъ сѣрый маякъ изъ-за огромныхъ зеленыхъ волнъ; къ нему и вела насъ дорога. Мѣстность дѣлалась все живописнѣе, горы, обступавшія долину Ріона, поднимались выше, надвигались на рѣку и тѣсно прижимали къ ней дорогу, порой обрываясь прямо на шоссе своими отвѣсными скалистыми боками и крутыми осыпями. Со скалъ, прорывая груды зелени, падали прямо на край дороги подъ мостикъ красивые небольшіе водопады; въ особенности былъ хорошъ одинъ изъ нихъ; скатываясь нѣсколькими пѣнистыми бѣлыми уступами съ полуотвѣсной скалы, между двухъ стѣнъ яркой зелени, онъ падалъ въ большой природный резервуаръ, выдолбленный водою въ скалѣ. Эта каменная чаша съ прозрачною

холодною водой, въ которой дрожали отраженія тѣсно обступившихъ ее молодыхъ деревьевъ и кустовъ, такъ и звала окунуться и освѣжиться въ ней, тѣмъ болѣе, что солнце начинало жечь сильнѣе, но терять время нельзя было, и мы миновали искушеніе. Дорога, хотя попрежнему широкая и безопасная, становилась для животныхъ все труднѣе; избѣгая обрывистыхъ стѣнъ ущелья, она чаще и выше взбѣгала на лѣсистые хребты, то пролегая по ихъ боковымъ склонамъ, то перерѣзывая небольшіе поперечные ихъ отроги; порою она поднималась очень высоко, и открывался видъ на Ріонъ, извивавшійся на днѣ глубокой долины сизосѣрой лентой. Съ обѣихъ сторонъ дорогу обступали большіе кусты краснаго рододендрона; мѣсяца полтора назадъ каждая вѣтка этого красиваго кустарника украшалась на концѣ пышною кистью крупныхъ цвѣтовъ отъ красно-розоваго до бѣлаго оттѣнка; теперь только изрѣдка среди блестящихъ темныхъ листьевъ висѣли неуспѣвшіе свалиться увядшіе вѣнчики. Кромѣ рододендроновъ, подлѣсокъ составляли лавровишневые кусты съ яркими какъ бы лакированными большими листьями, между которыми темными пятнами вырѣзывались кустарники остролистника или падуба (Ilex aquifolium) съ колючими черно-зелеными, точно гофрированными листьями.

Надъ дорогой, цѣпляясь корнями за каменные пласты, попадались стройныя деревца самшита или такъ называемой кавказской пальмы (Buxus sempervivens). Это превосходное дерево, съ твердою, какъ кость, бѣло-желтою древесиной и мелкими, какъ у митры, блестящими листочками, состоящими изъ двухъ пластинокъ, срастающихся по краямъ и образующихъ какъ будто маленькій овальный конвертикъ, въ огромномъ количествѣ вывозится за границу, главнымъ образомъ на машинныя веретена; намъ попадались деревца въ полторы-двѣ сажени вышиной и толщиной въ руку; но нѣсколько выше въ здѣшнихъ горахъ попадаются деревья самшита толщиной въ человѣческую ногу. По краямъ дороги попадалось много каштановыхъ деревьевъ, или вѣрнѣе пней отъ нихъ, обросшихъ круглыми шапками молодыхъ побѣговъ и листьевъ; кое-гдѣ на длинныхъ прутьяхъ сидѣли плотные, круглые колючіе шарики несозрѣвшихъ плодовъ.

За подлѣскомъ стройными рядами всходилъ по склонамъ и бокамъ до самыхъ вершинъ хребтовъ черный лѣсъ, преимущественно изъ дуба и ясеня; но лѣсъ этотъ былъ тихъ и мертвъ, какъ большинство лѣсовъ на Кавказѣ; щебетанье птицъ не оживляло его, и единственными представителями, заявлявшими объ обитаемости этихъ тихихъ убѣжищъ, были черные дрозды, изрѣдка перелетавшіе съ трескучимъ крикомъ дорогу и исчезавшіе въ дали лѣсного зеленаго сумрака; еще рѣже слышался крикъ сойки и мелькали между вѣтками ея голубыя крылья, затѣмъ— ни звука, ни движенія.

Другой недостатокъ, отнимавшій много прелести у этихъ красивыхъ издали лѣсовъ, было почти полное отсутствіе травы на землѣ. Не только въ чащѣ, у подножія стволовъ каменистая почва была полуприкрыта только сухими и гніющими листьями, но и тамъ, гдѣ лѣсъ отступалъ предъ полянками, земля была или засыпана мелкими острыми камешками, остатками вывѣтривающихся и разсыпающихся пластовъ, поросшими рѣдкою щетиною короткой травы, или поляны покрывались сплошнымъ свѣтло-зеленымъ кружевомъ папоротника. Этотъ недостатокъ мы особенно близко приняли къ сердцу, когда остановились отдохнуть и покормить животныхъ на 34 верстѣ отъ Кутаиса. Бѣдныя животныя, слоняясь между кустами, натыкались или на сухія сорныя травы или на негодный папоротникъ и едва ли въ теченіе трехчасовыхъ поисковъ наѣлись досыта. Тѣмъ же шоссе, все по склонамъ лѣсистыхъ горъ, поздно вечеромъ доѣхали мы до Альпано. Подъѣхавъ къ канцеляріи, т.-е. въ сущности къ волостному правленію, мы расположились ночевать на дворѣ на буркахъ, сквозь которыя утомленное тѣло очень чувствительно кололи мелкіе камешки; но все же мы предпочли эти камешки широкимъ лавкамъ канцеляріи, гдѣ несомнѣнно въ каждой щелочкѣ и дырочкѣ милліоны голодныхъ клоповъ томительно поджидали рѣдкихъ здѣсь путешественниковъ, чтобы слѣдомъ за духанщиками взять съ нихъ свою долю добычи.

Ранній прохладный вѣтерокъ, шелестившій высокими стеблями кукурузы, поля которой окружали канцелярію, разбудилъ насъ. Солнце еще не выходило изъ-за горъ, дворъ канцеляріи тонулъ въ густой холодной тѣни ближайшихъ хребтовъ и послѣднія звѣздочки гасли на бѣловатомъ небѣ, когда подъ нашимъ чайникомъ трещалъ уже костеръ. Вода закипѣла быстро, и чай, положительно драгоцѣннѣйшій напитокъ въ путешествіяхъ подобнаго рода, живо прогналъ непріятную дрожь, вызванную въ тѣлѣ свѣжимъ утромъ. Я приказалъ Николаю сѣдлать животныхъ и самъ неотступно слѣдилъ за нимъ, наблюдая за каждою пряжкой, каждымъ ремешкомъ. При дальнихъ верховыхъ поѣздкахъ правильная сѣдловка — обстоятельство крайне важное. Приведя всѣ пряжки и ремешки въ порядокъ, мы тронулись дальше. Дорога все еще шла по хорошо раздѣланному шоссе и, обогнувъ Альпанскую канцелярію, повернула въ ущелье рѣки Ладжіануры, перерѣзавъ ее прочнымъ деревяннымъ мостомъ. Сейчасъ же за мостомъ она втянулась въ гигантскія каменныя ворота, выпускавшія изъ ущелья Ладжіануру. Чрезъ нѣсколько верстъ шоссе вывело насъ изъ ущелья и повернуло вправо; здѣсь мы должны были разстаться съ нимъ: оно вело въ селеніе Лайлаши, административный центръ, наша же дорога лежала влѣво, къ ущелью рѣки Цхенисъ-Цхале.

До сихъ поръ мы не нуждались въ проводникѣ,—имъ служила бѣ-

лая лента шоссе, но тутъ дорога стала разбиваться на множество тропинокъ, влѣво, вправо, вверхъ, внизъ, слѣдуя вдоль той же рѣчки, протекавшей здѣсь въ отлогой котловинѣ, обрамленной горами, на которыхъ вездѣ виднѣлись разбросанныя селенія и отдѣльныя усадьбы. Потому, чтобы не заблудиться, мы, подъѣхавъ къ канцеляріи деревни Орбели, попросили себѣ проводника. Намъ дали мальчугана имеретина лѣтъ десяти, къ которому скоро присоединились еще два-товарища, и они повели насъ небольшимъ переваломъ чрезъ глинистую гору въ деревню Мури.

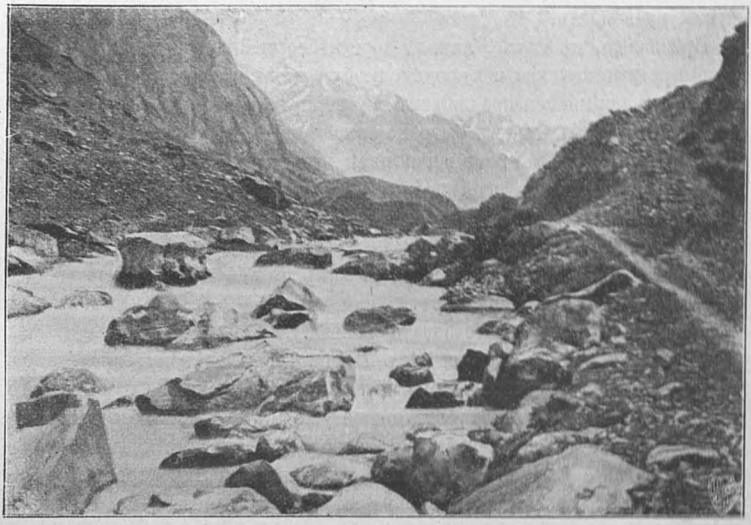
Тропинка, подымаясь и опускаясь, вилась среди усадьбъ и садовъ, огороженныхъ частоколомъ, полузакрытымъ перевѣсившимися вѣтками грушъ, яблонь и длинными усатыми побѣгами виноградныхъ лозъ. Культура винограда здѣсь такъ же, какъ и во всей почти Гуріи, Мингреліи и Имеретіи, довольно своеобразна: у большихъ деревьевъ обрубаютъ вѣтки до самой вершины, оставляя отъ нихъ только короткіе сучья, и у подножія дерева сажаютъ лозу, которую и не обрѣзываютъ. Такимъ образомъ деревья служатъ подпорой лозамъ и эти послѣднія, достигая громадныхъ размѣровъ, вьются кругомъ дерева толстыми черными змѣями, добираясь до самыхъ верхушекъ и бросая оттуда внизъ красивые зеленые каскады молодыхъ побѣговъ. Въ третьемъ часу дня мы въѣхали въ ущелье рѣки Цхенисъ-Цхале, поражающее дикою красотой своего преддверія.

Гигантская сѣрая скала разсѣкалась на-двое, едва давая проходъ бѣшеной рѣкѣ, съ глухимъ ревомъ и рокотомъ бросающейся на каменныя стѣны. Узкая дорога, вырубленная въ одной изъ стѣнъ, идетъ круто, подымаясь по карнизу, открывая справа ничѣмъ неогороженную пропасть саженъ въ пятнадцать. Животныя наши, сами сторонясь отъ пропасти, жались къ отвѣсу съ лѣвой стороны дороги, и мы невольно примолкли, поглядывая съ затаеннымъ дыханіемъ въ черную холодную глубину. Въ сущности опасности не было никакой; даже если бы лошадь споткнулась и упала, ширина дороги позволила бы ей удержаться и не упасть въ пропасть, но при видѣ послѣдней, и такъ близко, невольно рисовалась въ воображеніи возможность такого паденія, и отъ этой воображаемой картины кровь стыла въ жилахъ.

Скоро угрюмыя ворота, ведущія въ ущелье Цхенисъ-Цхале, остались назади, и дорога спустилась къ самой рѣкѣ. Съ громомъ и грохотомъ, высоко взметывая брызги и пѣну, она перескакиваетъ черезъ обточенные ею же валуны, перегораживающіе ей дорогу, или съ глухимъ клокотаньемъ, сжатая въ узкую струю, проходитъ между ними, точно стараясь раздвинуть эти мертвыя неподвижныя массы. Порою сквозь ревъ и шумъ воды прорывается скрежетъ другъ о друга огромныхъ камней; рѣка ворочаетъ ихъ и тащитъ по дну, нагромождая на своемъ пути и загораживая такимъ образомъ иногда сама себѣ дорогу.

Съ трудомъ обмѣнивались замѣчаніями за шумомъ воды, подвигались мы впередъ; узкая рамка, въ которой была заперта бѣснующаяся рѣка-водопадъ, совершенно гармонировала съ послѣднею своимъ грознымъ и дикимъ характеромъ. Веселые зеленые виды Ріонской долины не повторялись; сквозь лѣсъ чаще и чаще обнажались скалистыя ребра хребтовъ, они то врѣзывались въ рѣчку зубчатыми, разорванными уступами, то свѣшивались надъ нею сплошными отвѣсными стѣнами.

Черный или темно-сѣрый цвѣтъ ихъ пластовъ еще болѣе увеличивалъ суровый и мрачный колоритъ общей картины; на карнизахъ и уступахъ скалъ сквозь свѣтлую листву чернолѣсья вырѣзывались въ



Каменный обвалъ въ рѣкѣ.

одиночку и группами темныя стрѣлы елей. Какъ и въ Ріонской долинѣ, никакихъ признаковъ животной жизни кругомъ замѣтно не было; изрѣдка только бѣлогрудая оляпка срывалась съ прибрежныхъ камней и, мелькая въ брызгахъ и пѣнѣ волнъ надъ самою водой, переносилась на противоположный берегъ. Эта замѣчательная птичка, величиною съ небольшого дрозда, обыкновенно придерживается горныхъ рѣчекъ и тамъ, гдѣ вода, заходя въ впадины и котловины, идетъ тихо, она, какъ водолазъ, спускается на дно, и, расхаживая между камнями, отыскиваетъ себѣ пищу: во время подводныхъ экскурсій птичка закрываетъ ноздри особыми клапанами, не допускающими воды въ легкія.

Приблизительно чрезъ полтора часа пути нашъ проводникъ остано-

вился и сталъ говорить съ Николаемъ; онъ говорилъ долго и убѣдительно, временами посматривая на меня и показывая на рѣчку.

— Что онъ говоритъ, Николай?—спросилъ я.

— Онъ говоритъ, что его надо отпустить домой, что съ дороги мы не собьемся: она идетъ все время по рѣкѣ, никуда не сворачивая, а что онъ человѣкъ бѣдный и ему надо работать.

— А какъ вы думаете, не вретъ ли онъ, не заблудимся мы, если отпустимъ его?

— Кто его знаетъ, можетъ и вретъ, они всѣ врутъ.

— Какъ же быть?

— Ничего, отпустите, какъ-нибудь доѣдемъ, до Лентехъ осталось верстъ пятнадцать.

Признаюсь, съ самаго начала дороги босыя ноги проводника, попиравшія острые каменья и колючки, возбуждали во мнѣ такое сожалѣніе, что я самъ порывался предложить ему вернуться. Весьма вѣроятно, что этимъ привычнымъ ногамъ было не такъ больно, какъ моему сердцу за нихъ, но тѣмъ не менѣе именно ради нихъ я сдѣлалъ первую и послѣднюю глупость въ этой поѣздкѣ: вручивъ проводнику два абаза, (а по-русски два двугривенныхъ), отпустилъ его съ миромъ, и мы поѣхали дальше одни.

Не проѣхали мы и двухъ верстъ, какъ судьба послала первое предостереженіе нашей неопытности, напоминая, что въ такихъ дикихъ мѣстахъ наобумъ путешествовать нельзя.

Тропа, обогнувъ надъ самымъ Цхенисъ-Цхале скалу, привела къ мосту, перекинутому черезъ горный потокъ, вырывавшійся изъ бокового ущелья, хотя этотъ потокъ былъ вдвое уже Цхенисъ-Цхале, но паденіе его было вдвое круче; онъ такими бѣшеными каскадами прыгалъ среди огромныхъ камней, что низко висящій надъ нимъ мостикъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Да и какъ было не дрожать ему. Представьте себѣ двѣ свѣже-срубленныя ели, корни которыхъ укрѣплены наваленными каменьями съ одной стороны на берегу, а тонкія вершины переброшены на другой берегъ; на эти ели, лежащія параллельно на аршинъ другъ отъ друга, въ видѣ настилки уложены поперекъ круглыя палки толщиной въ руку, на концы палокъ съ обѣихъ сторонъ также навалены камни, чтобы палки не сдвигались съ мѣста: вотъ и вся конструкція и все скрѣпленіе этого первобытнаго моста.

Мой опытный катеръ [1]) вѣроятно хорошо понималъ всю ненадежность представшаго предъ нимъ сооруженія и шага за три до мостика остановился; я также понялъ, что гораздо безопаснѣе будетъ переѣхать потокъ въ бродъ, и двинулъ лошадь выше мостика въ воду. Конь мой

[1]) Помѣсь лошади и осла.

сразу погрузился въ хаосъ камней и бѣлой пѣны по лопатки и, спотыкаясь, скользя, придерживаясь грудью противъ теченія, вывезъ меня на другой берегъ.

Едва я обернулся назадъ, чтобы предупредить ѣхавшихъ сзади меня относительно ненадежности моста, какъ увидѣлъ на противоположномъ концѣ послѣдняго силуэтъ всадника, а черезъ мгновеніе силуэтъ этотъ превратился въ какую-то черную массу, безпомощно бьющуюся на срединѣ дрожащаго моста.

Если на этотъ разъ не случилось катастрофы, если моего спутника не измололъ о камни и не унесъ въ бѣшеную Цхенисъ-Цхале потокъ, то единственно благодаря замѣчательному благоразумію или инстинкту его катера: проваливши передними ногами сквозь раздвинувшуюся настилку моста, катеръ сдѣлалъ два-три усилія вытащить свои ноги; но вслѣдъ затѣмъ, понявъ, что отъ его усилій мостъ разрушается болѣе и болѣе, стихъ, пересталъ биться, вытянулъ вдоль уцѣлѣвшей настилки шею и замеръ. Такое драгоцѣнное поведеніе въ критическую минуту дало возможность моему товарищу освободить ноги изъ стремянъ и осторожно перейти черезъ мостъ. Затѣмъ всѣ мы сдвинули настилку, укрѣпили ее, какъ могли, и тихонько вытащили катера, который во все время нашихъ хлопотъ около него велъ себя, какъ куль съ мукой. Однако, когда мы оправились отъ страха и собрались тронуться дальше, провалившійся катеръ отказался идти; осмотрѣвъ его, мы увидѣли, что онъ сильно ободралъ себѣ переднія ноги. Пришлось одному изъ насъ поочередно идти пѣшкомъ и усиленно тащить за поводъ бѣдное животное, и безъ сѣдока едва передвигавшее ноги. Какъ на грѣхъ, небо заволокло густыми тучами, пошелъ сильный дождь, и свѣтъ дневной померкъ въ угрюмомъ и мрачномъ ущельѣ. Справа и слѣва едва вырисовывались на сумрачномъ фонѣ черныя тѣни скалъ, по которымъ тихо ползли сѣрыя полосы тумана, то скрывая, то открывая ихъ зубцы и ребра. Только бѣлая дрожащая, вся состоящая изъ пѣны и брызговъ лента Цхенисъ-Цхале рѣзко извивалась на днѣ, въ черной мглѣ ущелья.

Едва замѣтная тропа дѣлалась также труднѣе и труднѣе, всѣмъ намъ пришлось слѣзть и идти пѣшкомъ; чаще и чаще она отходила отъ рѣки, чтобы обойти отвѣсную стѣну или обрывистый мысъ, вдвинувшійся въ воду. Въ такихъ случаяхъ она круто поднималась и затѣмъ опять падала внизъ; мѣстами, гдѣ болѣе слабыя прослойки между вывороченными и стоящими вертикально пластами скалы разрушились и вывѣтрились, тропа представляла собою не то изуродованную лѣстницу, не то огромную каменную пилу, по острымъ зубцамъ которой мы едва карабкались, спотыкаясь и падая на каждомъ шагу.

Дождь не переставалъ ни на минуту, въ темнотѣ едва можно было разбирать тропинку, а желаемые Лентехи все не показывались. При

вспышкахъ съ трудомъ зажигаемыхъ спичекъ я разсмотрѣлъ, что стрѣлки близятся къ девяти часамъ вечера; по расчету намъ давно слѣдовало бы быть въ селеніи, и въ голову стало закрадываться сомнѣніе, не сбились ли мы съ дороги. Прошли мы версту, другую и остановились въ полномъ недоумѣніи; ущелье, а съ нимъ и тропинка раздвоялись и расходились направо и налѣво; вопросъ, куда идти, гдѣ Лентехи, былъ для насъ такъ же теменъ, какъ и ночь, окружавшая насъ; справа и слѣва сквозь мракъ и шумъ дождя доносился до насъ только ревъ воды и больше ничего.

Прижавшись къ кустамъ, мокрые до послѣдней нитки, стояли мы подъ ливнемъ, стараясь сквозь ревъ и грохотъ воды уловить какой-нибудь утѣшительный звукъ. Прошло полчаса, прошелъ часъ, вдругъ въ двухъ шагахъ отъ меня скользнула тѣнь человѣка. Я бросился къ нему, но едва онъ замѣтилъ мое движеніе, какъ отпрянулъ назадъ и исчезъ въ кустахъ. Черезъ минуту послышались голоса, и предъ нами выросли четыре фигуры съ длинными палками на плечахъ; они остановились въ трехъ шагахъ отъ насъ и молча на насъ смотрѣли.

— Лентехи, Лентехи!—закричалъ я имъ, тоже не двигаясь съ мѣста изъ боязни, чтобы они не ушли отъ насъ.

Тогда они подошли ближе къ намъ, и Николай объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло; они молча взяли нашихъ лошадей за поводья и повели ихъ направо. Черезъ десять минутъ мы были у дверей спасительной лентехской канцеляріи.

Избавителями нашими оказались сванеты, возвращавшіеся въ Лентехи съ покоса; Лентехи—первое селеніе Дадіановской Сванетіи, лежащей вдоль южнаго склона Сванетскихъ горъ.

Когда въ каминѣ канцеляріи запылалъ привѣтливый огонекъ, онъ освѣтилъ нашихъ проводниковъ; они стояли передъ нами, опершись на палки, и ожидали отъ насъ абазовъ за свои труды; они были босы до колѣнъ, въ холщевыхъ штанахъ и рубахахъ, а поверхъ рубахъ на нихъ были надѣты какія-то странныя безрукавки изъ шкуръ шерстью вверхъ, на трехъ—козьи, а на одномъ медвѣжья, спускавшіяся до колѣнъ; головы ихъ были закутаны башлыками.

При красноватомъ освѣщеніи огня эти дикія, странныя фигуры со сверкающими глазами казались картиной изъ далекаго прошлаго, когда человѣчество одѣвалось только въ звѣриныя шкуры и не знало другого оружія, какъ палки и камни. Получивъ по свѣтленькому абазу, сванеты удалились съ низкими поклонами, а мы принялись сушиться и пить чай.

Надежды мои сбылись: къ десяти часамъ слѣдующаго дня дождь утихъ. Тучи стали расползаться и, разрываясь, открывали снѣжные пики и вершины Сванетскихъ горъ, мѣстами торчавшіе изъ-за ближайшихъ

лѣсистыхъ хребтовъ. Мы двинулись въ дальнѣйшій путь и къ вечеру были въ Чолури, гдѣ и переночевали.

Утро оказалось тихое и ясное, вполнѣ благопріятное для восхожденія на перевалъ въ 9.000 слишкомъ футовъ высоты. Солнце еще не всходило, когда мы проснулись; гдѣ-то высоко и далеко изъ-за темныхъ деревьевъ мерцали тусклыми бѣлыми пятнами снѣжныя вершины; несмотря на іюль мѣсяцъ, отъ нихъ вѣяло холодкомъ, пробиравшимъ до костей. Согласно уговору, сванетъ еще ночью привелъ маленькую гнѣдую лошадку, взамѣнъ нашей пострадавшей, и насъ ничто не задерживало.

Проѣхавъ мостъ, мы потянулись берегомъ вверхъ по рѣкѣ, проѣхали селеніе съ каменною башней и углубились въ густой, черный лѣсъ, въ которомъ, благодаря раннему часу, царили глубокія сумерки. Лѣсъ и подлѣсокъ составляли пока тѣ же древесныя породы, какія мы встрѣчали и до сихъ поръ; хотя, двигаясь противъ теченія Цхенисъ-Цхале, мы поднялись довольно высоко, но благодаря тому, что склонъ хребта былъ обращенъ къ югу, на немъ еще находили себѣ пріютъ розовые рододендроны, лавровишневые кусты, желтыя азаліи и колючіе падубы, только самшиты перестали уже попадаться.

Пока мы ѣхали верхомъ, но вотъ дорожка опустилась въ глубокую балку и подошла къ широкому ручью. Проводникъ нашъ, сванетъ, перешелъ впередъ насъ воду по перекинутому бревну и, когда мы переѣхали ручей слѣдомъ за нимъ, предложилъ намъ слѣзть.

— Спросите его, Николай, зачѣмъ слѣзать.

— Онъ говоритъ, что начинается подъемъ, и надо пѣшкомъ идти, а то лошади будутъ падать: очень мокро и скользко. Подъемъ начинался отъ самаго ручья; по лѣсистому боку горы, извиваясь, ползла вверхъ глубокая узкая рытвина, промытая дождевыми водами, дно ея, не шире аршина, сплошь было завалено огромными булыжниками, величиной съ голову, дѣйствительно мокрыми и скользкими. Крутизна этой ужасной водомоины, съ обрывистыми боками выше сажени, была около 40 градусовъ.

Съ первой минуты мы поняли, какое испытаніе намъ предстоитъ, какое неимовѣрное напряженіе ногъ и легкихъ потребуется отъ насъ, пока мы одолѣемъ открывшійся подъемъ. На каждомъ шагу ноги скользили и подворачивались, камни подъ ногами разъѣзжались и опрокидывались, заставляя спотыкаться и падать, падали мы, падали даже наши лошади, теряя равновѣсіе на этомъ головоломномъ подъемѣ. Нечего и говорить, что каждые сто-двѣсти шаговъ мы, задыхаясь и изнемогая, останавливались и падали спиной на мокрыя глинистыя стѣны рытвины, потому что сѣсть и отдохнуть, какъ слѣдуетъ, въ узкой канавѣ не было возможности.

Пытка наша тянулась версты двѣ и продолжалась болѣе часа, ужас-

ная канава вывела прямо на отлогій хребетъ и смѣнилась битою, хорошею тропинкой.

Мы поднялись разомъ довольно высоко, потому что лѣсъ началъ рѣзко мѣнять свой характеръ, рододендроны и лаврововишневые кусты исчезли, тропинку густо окаймляли кусты лещины, калины, бересклета и деревца ясени и рябины, за ними высились большіе темные дубы. Стали попадаться очаровательныя полянки, поросшія свѣжей зеленой травой, на окраинахъ ихъ густо толпился стройный сѣрый осинникъ и мелькали молодыя кудрявыя березки.

Еще двѣ-три версты сравнительно легкаго подъема, и изъ пояса дуба мы въѣхали въ веселое царство однѣхъ березъ; изрѣдка бѣлая колоннада ихъ стволовъ красиво разсыпалась по зеленому склону горы, давая просторъ и свѣтъ молодой березовой поросли и травяному ковру, роскошно покрывавшему землю.

Мы слѣзли съ лошадей и пошли пѣшкомъ; мои спутники, уроженцы восточной Россіи, не могли надышаться роднымъ воздухомъ, наглядѣться на милую картину березоваго рѣдколѣсья.

— Чисто Вятская губернія, да и шабашъ!

— А земляны, земляны-то сколько!—раздавались ихъ веселыя восклицанія при видѣ роскошной спѣлой земляники, рдѣвшей алыми пятнами въ волнахъ зелени.

Кончился и березовый лѣсъ, только отдѣльныя группы молодого березняка и одиночные кусты его, все болѣе рѣдкіе и мельчайшіе, ползли вверхъ по травянистому склону горы. Тропинка вилась зигзагами и привела насъ къ послѣднему ручью на этой сторонѣ подъема; здѣсь мы рѣшили пообѣдать и покормить лошадей; до вершины перевала оставалось версты три, и мы надѣялись засвѣтло спуститься къ мѣсту ночлега.

При помощи собранной дорогою бересты живо загорѣлся костеръ, закипѣла вода и поспѣла гречневая каша съ саломъ; только у дѣтей да у землекоповъ можетъ быть такой аппетитъ, съ какимъ мы накинулись на это нехитрое кушанье.

Я двинулся по склону горы по колѣно въ густой зеленой травѣ; попадавшіяся дорогой небольшія котловины поросли мелкимъ березнякомъ, а изъ опушекъ этихъ березовыхъ островковъ тянулись къ солнцу очаровательныя желтыя лиліи. Зеленые стебли ихъ высотой въ два и въ два съ половиною аршина, прямые какъ стрѣлы, развѣтвляются наверху 10—12 вѣтками, а каждая вѣтка оканчивается огромнымъ блестящимъ цвѣткомъ отъ блѣдно-палеваго до густо-лимоннаго оттѣнка. Внутри вѣнчики осыпаны мелкими коричневыми крапинками. Все растеніе изображаетъ собою какой-то волшебный канделябръ, на изумрудныхъ вѣтвяхъ котораго висятъ большіе янтарные колокольчики.

Выше по склону, куда березнякъ не рѣшался уже подниматься, не-

большія котловины и впадины представляли собою буквально чаши, полныя цвѣтовъ.

Вотъ, напримѣръ, одна такая клумба, шириной не болѣе шести шаговъ; изъ самаго центра ея узкой пирамидой поднимаются сажеиные прутья голубого прикрыта (Aconitum variegatum), тѣсно усаженные въ верхней трети оригинальными шлемовидными цвѣтами. Ихъ обступаютъ свѣтло-розовою узорною стѣнкой прелестные дельфиніумы; они нѣсколько ниже и представляютъ второй поясъ прекраснаго букета. Еще ниже ихъ жмутся кругомъ широкіе кусты водосбора (Aquilegia) съ крупными блѣдно-голубыми снаружи и бѣлыми внутри цвѣтками, висящими по концамъ вѣтокъ. Дальше пестрою лентою окружаютъ клумбу розовыя и лиловыя астры, положительно не уступающія красотой лучшимъ садовымъ разновидностямъ; желтые піоны съ вершковыми плоскими вѣнчиками, сверкающими на солнцѣ, какъ новенькіе червонцы; крайне оригинальныя соцвѣтія астранціи (Astrancia) въ видѣ розовыхъ плоскихъ геометрически правильныхъ звѣздъ съ розовою щетиною цвѣточковъ въ центрѣ, и еще многое, многое множество веселыхъ дѣтей альпійской флоры, нарядно сверкающихъ всѣми красками и оттѣнками, жадно пьющихъ яркій свѣтъ южнаго солнца, спѣшащихъ насладиться короткимъ горнымъ лѣтомъ.

Чѣмъ выше я поднимался, тѣмъ трава дѣлалась ниже, но была такъ густа и свѣжа, какъ тщательно выхоленный искусственный газонъ. Высоко-растущіе цвѣты и растенія попадались рѣже; дальше и выше всѣхъ забралась горная ромашка (Pyrethrum); ея свѣтло-розовыя головки съ желтою серединкою толпились большими обществами и казались издали сплошными розовыми пятнами.

Вотъ и послѣднее такое пятно осталось назади, въ травѣ замелькали небесно-синія горечавки (Genciana), точно сапфировыя звѣздочки, разсыпанныя по зеленому бархату.

Выше надъ головой, уже недалеко отъ бѣлѣвшей полосы снѣга, на свѣтлой зелени травы выступали какія-то пятна; я добрался до одного изъ нихъ, и—да проститъ мнѣ читатель слишкомъ продолжительное восхожденіе и частыя остановки—еще разъ остановился съ наслажденіемъ: предо мною была послѣдняя кайма дивно расшитой ризы, одѣвающей южный склонъ Латпарскаго перевала,—на меня глядѣли роскошные букеты бѣлаго рододендрона, бывшаго въ полномъ цвѣту.

Этотъ прелестный кустарникъ (Rhododendron caucasicum), въ 6—8 вершковъ высотой, растетъ сплошными густыми оазисами, разсыпанными вблизи снѣговой линіи. Каждая вѣтка каждаго куста несетъ на концѣ пирамидальный букетъ тѣсно сидящихъ крупныхъ цвѣтовъ нѣжнаго жемчужно-сѣраго цвѣта, испещренныхъ внутри свѣтло-зелеными крапинками. Каждый такой букетъ сидитъ въ вѣнкѣ изъ блестящихъ темно-зеленыхъ листьевъ. Красоту этихъ жемчужныхъ цвѣтовъ, ихъ особенно нѣжный

оттѣнокъ, какъ будто прозрачно восковыхъ вѣнчиковъ, могли бы передать развѣ только масляныя краски.

Въ этомъ высокомъ поясѣ, навѣрное превышавшемъ 8.000 футовъ, я замѣтилъ много прекрасныхъ большихъ бабочекъ Аполлоновъ (Parnassius Apollo), съ красными глазками на полупрозрачныхъ блѣдно-палевыхъ крыльяхъ; быстро носились онѣ отъ оазиса къ оазису, отъ букета къ букету рододендроновъ, точно считая только эти царственные цвѣты достойными себя; несмотря на всѣ попытки, я не могъ поймать ни одной изъ нихъ, вслѣдствіе быстраго, порывистаго ихъ полета.

Кончился и поясъ рододендроновъ; трава стала рѣдѣть, обнажая вертикально стоящіе, разрушающіеся тонкіе пласты сѣраго сланца; мелкіе острые камешки, продуктъ этого разрушенія, мѣстами сплошь засыпали землю. Вотъ, наконецъ, и вѣчный снѣгъ, лежащій громадными сплошными полями въ пологихъ впадинахъ и изгибахъ хребта почти на самой вершинѣ перевала. Поджидая моихъ спутниковъ, я остановился на краю снѣжнаго поля: снѣгъ былъ рыхлый, какой иногда можно найти и въ низменныхъ мѣстахъ, позднею весной въ глубокихъ лѣсныхъ оврагахъ; края поля еще таяли, но вся масса этой снѣговой залежи уже не растаетъ: іюль въ концѣ, а съ августа начнутъ сыпаться на перевалъ новые снѣжные запасы.

Но и тутъ, у самой границы вѣчнаго снѣга, жизнь еще не замерла: въ 2—3 аршинахъ отъ края поля, откуда снѣгъ отступилъ, быть можетъ всего три дня назадъ, тянутся къ солнцу хорошенькія аврикулы (Primula auricula) съ бархатно-фіолетовыми вѣнчиками, украшенными въ серединѣ свѣтлою звѣздочкой; еще ближе, у самаго края поля, гдѣ снѣгъ стаялъ, вѣроятно, только сегодня, сквозь мокрую, покрытую тончайшею сѣтью какихъ-то волоконъ землю прорѣзываютъ блѣдные морщинистые листья тѣхъ же аврикулъ; завтра, послѣзавтра онѣ зацвѣтутъ, а еще черезъ день, подъ дыханіемъ морозной ночи, свернутъ свои нѣжныя головки и окончатъ свое мимолетное существованіе.

На мокрую землю въ двухъ-трехъ шагахъ отъ меня садились дурачки (Emberiza eia), единственная птичка, замѣченная мною на перевалѣ; онѣ копались въ землѣ, съ удивленіемъ повертывали на меня свои пепельно-сѣрыя головки и оглашали нѣмую тишину перевала печальнымъ, отрывистымъ пискомъ.

Спутники мои подъѣхали, я сѣлъ на лошадь, и мы потянулись черезъ снѣжное поле глубокою саженною траншеей, протоптанною въ снѣгу; дно траншеи мѣстами было рыхло, лошади проваливались по брюхо и съ трудомъ выбирались на болѣе плотный снѣгъ. Впереди за полемъ виднѣлась большая черная куча камней, она сложена на высшей точкѣ перевала, опредѣленной въ 9.273 фута; изъ-за неровной линіи гребня перевала выглядывали отдѣльныя бѣлыя вершины, которыя росли и росли по мѣрѣ нашего подъема.

Гора Ушба въ Сванетіи.

Вотъ, наконецъ, мы поровнялись съ кучей камней и остановились нѣмою, неподвижною группою.

Предъ нами, заслоняя небо, высился бѣлою стѣною сплошной кряжъ Главнаго Кавказскаго хребта.

Сотни пиковъ, зубцовъ и вершинъ сіяли на солнцѣ матовымъ свѣтомъ; сквозь ровную бѣлую пелену скатовъ, громоздясь другъ на друга, черными ребрами высовывались скалы, на отвѣсныхъ граняхъ которыхъ снѣгъ не могъ задержаться. Неимовѣрные размѣры этой стѣны, этой дивной панорамы, подавлявшей душу своимъ величіемъ, обманывали непривычный глазъ и скрадывали разстояніе; казалось, до этихъ сіяющихъ вершинъ всего двѣ-три версты, но довольно было взглянуть себѣ подъ ноги, чтобы положить между собою и ими цѣлые десятки верстъ. Направо отъ насъ склонъ горы обрывался страшною стремниной куда-то безконечно далеко внизъ; впереди и налѣво уступъ за уступомъ, пропасть за пропастью, смѣняя другъ друга, казалось, опускались прямо къ подножію великой стѣны, но и за послѣднею пропастью, съ рѣчкой на днѣ, казавшеюся сверху бѣлымъ волоскомъ, шли опять хребты и ущелья, поросшіе щетиной хвойнаго лѣса и тянувшіеся къ главному кряжу.

Я жадно смотрѣлъ налѣво, на западъ, стараясь разсмотрѣть тамъ Эльбрусъ, который хотя стоитъ и въ сторонѣ отъ главнаго кряжа, но, говорятъ, виденъ изъ-за него съ Латпарскаго перевала. Къ сожалѣнію, на западѣ толпились облака, закрывавшія всю западную часть хребта.

Слѣва потянулъ вѣтерокъ, недалеко отъ насъ въ сѣдловинѣ Латпарскаго хребта стояло огромное сѣрое облако, оно дрогнуло, зашевелилось и, какъ гигантскій корабль, снявшійся съ якоря, тихо потянулось мимо насъ; пикъ за пикомъ, вершина за вершиной Главнаго хребта исчезали предъ нашими глазами за облакомъ, точно духъ этихъ таинственныхъ странъ задергивалъ предъ нами занавѣсъ, закрывая волшебную панораму своего царства.

Туманное облако шло мимо, росло и вздувалось, за нимъ потянулись изъ ущелій и складокъ Латпарскихъ горъ еще клочья и обрывки тумана, и скоро все это слилось въ сѣрую густую мглу, плотно окутавшую насъ и мѣшавшую разбирать каменистую тропинку труднаго спуска; сквозь туманъ полилъ дождь вперемежку съ мелкимъ частымъ градомъ и провожалъ насъ на протяженіи трехъ или четырехъ верстъ спуска; за дождемъ и туманомъ мой конь не замѣтилъ пересѣкавшаго тропу полуаршиннаго уступа и полетѣлъ, перевернувшись черезъ голову; я очень счастливо свалился во время этого паденія въ сторону, иначе лошадь раздавила бы меня своимъ тѣломъ: но все же, упавъ на груду камней, я жестоко разбилъ себѣ лицо и зубы, изъ нихъ хлынула кровь, которую едва удалось остановить собраннымъ въ ближайшей трещинѣ снѣ-

гомъ. Нижняя челюсть и голова такъ заболѣли, что я не въ силахъ былъ ѣхать и продолжалъ спускаться пѣшкомъ.

Тропа, пройдя нѣсколько верстъ по голымъ изгибамъ склона сѣверной стороны хребта, пошла кустарникомъ и затѣмъ лѣсомъ, дождь пересталъ, туманъ сталъ разрываться и открывать торчащіе изъ сѣрыхъ волнъ надъ его головой острые скалы и уступы, а внизу глубокую долину, со дна которой ползли низкіе хребты и отроги, покрытые хвойнымъ лѣсомъ. На одномъ изъ поворотовъ, далеко, въ открывшемся боковомъ ущельѣ направо, показалось что-то непонятное: не то кладбище со стоящими группой гигантскими памятниками, не то каменная колоннада, уцѣлѣвшая отъ развалившагося огромнаго зданія; это торчали сванетскія башни селеній Уткульскаго общества.

Проводникъ, шедшій впереди, показалъ рукой на черную точку, лежавшую глубоко у насъ подъ ногами и казавшуюся большимъ камнемъ на берегу чуть бѣлѣвшейся рѣчки.

— Это канцелярія Кальскаго общества,—перевелъ Николай,—гдѣ мы будемъ ночевать.

И пора, пора намъ было ночевать, успокоить измученное подъемомъ и спускомъ тѣло и утомленную сильными впечатлѣніями душу; совсѣмъ стемнѣло и на темно-синемъ небѣ надъ узкимъ ущельемъ горѣли звѣзды, когда мы подъѣхали къ этой канцеляріи, стоявшей подъ огромною плакучею березой.

Сванеты.

(А. Краснова.)

Издали сванетскій поселокъ напоминаетъ скопище печей съ громадными толстыми трубами бѣлаго цвѣта. Роль печей играютъ двухъэтажные и четырехъэтажные дома, сложенные изъ осколковъ камней. Какъ у большинства саклей, стѣны такихъ домовъ толстыя и состоятъ просто изъ кусковъ, положенныхъ другъ на друга, ничѣмъ не цементированныхъ, а только побѣленныхъ снаружи. Оконъ въ нашемъ смыслѣ въ этихъ зданіяхъ нѣтъ, существуютъ только узенькія щелки, настолько широкія, чтобы въ нихъ можно было всунуть ружейное дуло. Такими же отдушинами снабжены похожія на исполинскія печныя трубы башни, также выбѣленныя. Такой поселокъ выглядитъ крайне своеобразно, хотя нельзя сказать, чтобы красиво. Внизу зданій помѣщаются широкія, какъ ворота, входныя двери, чрезъ которыя вы попадаете въ нижнюю комнату, служащую одновременно и кухнею, и столовою, и конюшнею. Въ верхній этажъ входятъ по наклонно положенной доскѣ съ зарубками, замѣняющей лѣстницу.

Улицы поселковъ узки и извилисты; то и дѣло попадаются ограды, за которыми хранится навозъ, конечно не содѣйствующій чистотѣ воз-

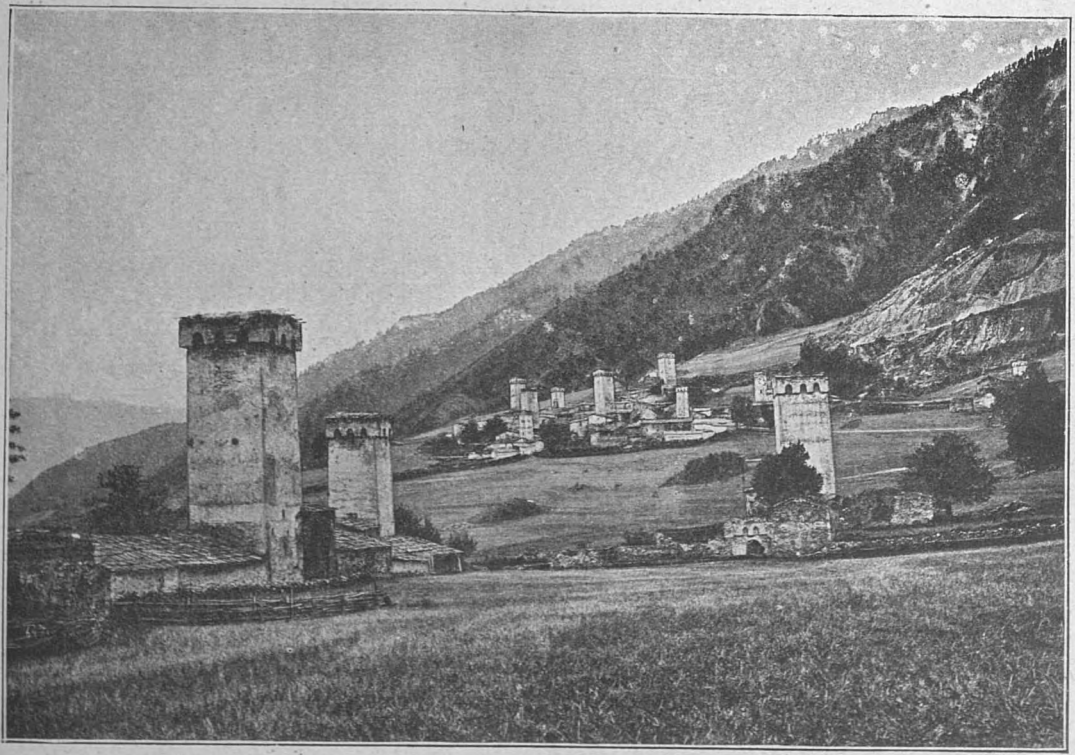
духа. Что дѣлать! Это одно изъ сокровищъ домохозяина; поневолѣ станешь его хранить, когда, по сванетскому обычаю, онъ составляетъ одну изъ важныхъ статей приданаго сванетской невѣсты.

Вообще, попавши въ эту страну, на каждомъ шагу начинаешь встрѣчаться съ обычаями и порядками или очень древними, теперь въ другихъ странахъ совершенно исчезнувшими, или присущими лишь одной Сванетіи. Картины первобытной культуры являются на каждомъ шагу. Здѣсь еще не имѣютъ понятія о колесныхъ экипажахъ и ѣздятъ исключительно на саняхъ. Странно было намъ въ іюлѣ, въ разгаръ лѣта, услышать отъ проѣзжаго изъ сосѣдней Уткульской общины фразы въ родѣ слѣдующей: «О, къ намъ въ Уткуль вы легко доберетесь, туда прекрасная санная дорога». И этотъ санный путь лежитъ не по снѣгу, а по той же пыли, камнямъ и ухабамъ, словомъ, по тому же самому проселку, по которому ѣздить на саняхъ и въ голову не придетъ не бывавшему въ Сванетіи человѣку.

Каждый сванетъ обязательно носитъ за поясомъ огниво и въ карманѣ трутъ и кремень для добыванія огня. Употребленіе спичекъ, которыя давно уже нашли себѣ доступъ и въ юртѣ киргиза, живущаго въ дебряхъ Тянь-Шаня, и быстро распространяются далѣе въ глубь Кашгаріи, мало извѣстны здѣсь. Шведская спичка здѣсь еще повергаетъ въ полное недоумѣніе простодушнаго туземца.

Пища сванетовъ крайне первобытнаго приготовленія. Мясо они ѣдятъ обыкновенно лишь тогда, когда удается убить какую-либо дичь на охотѣ; рѣже колютъ барановъ или козъ. Мясо ѣдятъ вареное или жареное на вертелѣ безъ всякихъ приправъ. Молоко и сыръ фигурируютъ иногда за столомъ, обыкновенно же бобы и хлѣбныя лепешки составляютъ главную пищу сванетовъ.

Условія климата не благопріятствуютъ здѣсь разведенію кукурузы. Вотъ почему на крутыхъ склонахъ, мѣстами на откосахъ, куда едва отважится влѣзть человѣкъ, до высоты 7.000 ф., встрѣчаете вы поля хлѣбныхъ растеній, пшеницы, овса и ячменя, посѣянныхъ обыкновенно между дресвою и щебнемъ, удобренныя навозомъ, столь тщательно, какъ мы видѣли, сохраняемымъ во дворахъ деревень. Изъ хлѣба, вымолоченнаго ногами лошадей, обыкновенно приготовляютъ богатую мякиною муку на крайне первобытныхъ мельницахъ. Отводятъ отъ быстраго горнаго потока въ канаву или просто въ желобъ бушующія воды и на пути ихъ ставятъ горизонтально вертящееся маленькое деревянное колесо о четырехъ крылышкахъ. Ось этого колеса служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и осью для жернова, помѣщающагося въ небольшомъ зданіи, въ которомъ незнакомый съ краемъ ни за что не признаетъ водяной мельницы. Изъ грубой, едва перемолотой муки сванетъ печетъ свой хлѣбъ еще болѣе первобытнымъ способомъ. Гдѣ нѣтъ домашняго очага, онъ



Аулъ въ Сванетіи.

разводитъ громадный костеръ и, накидавъ туда плоскихъ камней, даетъ имъ раскалиться докрасна; тогда, вынувши ихъ, онъ кладетъ на нихъ свалянныя изъ этой смоченной водою муки лепешки. Давши имъ слегка поджариться съ одной стороны, онъ переворачиваетъ ихъ на другую. Такимъ образомъ получается твердая хлѣбная лепешка, около полуфута въ діаметрѣ и съ палецъ толщиною, изъ вязкаго вещества, для непривычнаго желудка совершенно неудобоваримаго.

Та же самая первобытная простота господствуетъ и въ одѣяніи сванета. Правда, въ глаза путешественнику повсюду кидается та же черкеска, что и въ другихъ частяхъ Кавказа, и обычныя бурки. Однако нигдѣ, кажется, эти принадлежности кавказскаго костюма не кажутся такими жалкими и истрепанными, какъ здѣсь. Бурка болѣе напоминаетъ кусокъ войлока, привязанный къ шеѣ, а черкеска—лохмотья. Я глубоко убѣжденъ, что значительная часть сванетскихъ костюмовъ (я разумѣю здѣсь вольную Сванетію) не мѣстнаго происхожденія, а что они куплены, вымѣнены или украдены изъ другихъ мѣстъ или изъ княжеской Сванетіи. У насъ не разъ выпрашивали рубашки наши проводники. У многихъ сванетовъ эти части костюма совершенно отсутствуютъ, и черкески ихъ надѣты прямо на голое тѣло, оставляя открытою голову и обыкновенно до безобразія мохнатую грудь. Вообще волосы у сванетовъ растутъ очень сильно, и можно видѣть стариковъ, совершенно какъ будто одѣтыхъ сѣрою шерстью. Настоящій, коренной сванетскій костюмъ встрѣчается лишь въ болѣе глухихъ общинахъ. Онъ крайне простъ. Это панталоны и звѣриная или баранья шкура, въ которой продѣланы два отверстія для рукъ. Такая шкура надѣвается на спину; грудь и верхняя часть живота остаются совершенно голыми. Голова также не покрывается ничѣмъ, и при всклоченныхъ волосахъ сванетъ весьма напоминаетъ тѣхъ варваровъ, которые наводили нѣкогда ужасъ на Римскую имперію.

Голосъ туземцевъ очень грубъ и необыкновенно громокъ. Разговоръ двухъ-трехъ человѣкъ можно легко принять за ссору.

Въ противоположность мужчинамъ, женщины одѣваются красиво и опрятно. Городской мѣщанскій костюмъ, вытѣснившій изъ нашихъ русскихъ селъ отходящіе уже въ исторію сарафаны, завоевалъ себѣ гражданство и здѣсь. Меня увѣряли, что костюмъ, носимый здѣсь женщинами,—національный. Однако юбки и кофты, входящія въ его составъ, ничѣмъ не отличаются отъ городскихъ, и если принять во вниманіе, что на нѣкоторыхъ я видѣлъ костюмы, напоминающіе малороссійскіе, трудно думать, чтобы женское одѣяніе было здѣсь туземнаго происхожденія. Да вообще говоря, и сами сванеты несомнѣнно представляютъ изъ себя смѣсь разнообразнѣйшихъ народностей, которыя судьба загнала, въ силу различныхъ случайностей, на Кавказъ, въ ущелье Ингура. Рядомъ съ дикими и звѣрскими лицами, обросшими всклоченными волосами,

здѣсь встрѣчаются, какъ между мужчинами, такъ и между женщинами, особи бѣлокурыя, голубо-или сѣроглазыя, до такой степени похожія на бѣлокурыхъ малороссовъ, что, глядя на женщинъ въ платочкахъ или на какого-нибудь Грицько въ чемаркѣ, забываешь, что находишься въ Сванетіи. Попадаются лица чисто русскія, татарскія или грузинскія. Единственно, что своеобразно у сванетовъ—это ихъ оригинальный языкъ и постройки. Быть можетъ, здѣсь и были какіе-нибудь аборигены, говорившіе на коренномъ сванетскомъ языкѣ, но они давно растаяли въ волнахъ пришлаго люда, всюду оставившаго слѣды своего вліянія. Между собственными именами здѣсь нерѣдки такія, какъ Кай, Кней или Гела—чисто римскія; рядомъ съ ними вы услышите Османа и другія татарскія имена. Татарскія же слова нерѣдки и въ самомъ языкѣ. Въ домашней утвари древнеримская, малороссійская и татарская имѣютъ своихъ представителей.

Такъ или иначе, вся эта масса сванетскаго разношерстнаго народа, признавшаго добровольно русское владычество, до сихъ поръ не знаетъ ни слова по-русски. За исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, случайно вырванныхъ изъ Сванетіи, жившихъ внѣ ея и теперь опять попавшихъ туда въ качествѣ переводчиковъ, тутъ никто не знакомъ ни съ русскимъ языкомъ, ни съ русскими обычаями. Во всей Сванетіи нѣтъ ни одной школы, гдѣ бы можно было выучиться русскому языку, и развѣ только священники, изъ которыхъ немногіе владѣютъ ломанымъ русскимъ языкомъ, могли бы пособить этому горю. Когда мнѣ приходилось попадать одному въ глухія сванетскія селенія, мой провожатый объяснялъ, что я русскій, что русскіе такіе же христіане, какъ и сванеты, и слѣдовательно ихъ друзья по религіи. Это производило хорошее впечатлѣніе, и я встрѣчалъ радушный пріемъ. Такъ мало сдѣлано до сихъ поръ русскими, чтобы укрѣпить свое культурное вліяніе въ краѣ, которымъ мы давно владѣемъ.

Религія туземцевъ, судя по извѣстнымъ мнѣ описаніямъ и личнымъ впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ Сванетіи, есть такая же смѣсь религій, какъ они сами—смѣсь народностей. Они считаютъ себя христіанами; теперь у нихъ есть священники, и, быть можетъ, со временемъ здѣсь и водворится что-либо въ родѣ христіанства. Пока же ихъ религія далека отъ ученія Христа. Сванетскій храмъ есть маленькая четырехугольная сакля, столь же невзрачная, какъ и прочіе дома деревень. Онъ строится поодаль отъ селенія, нерѣдко на горѣ, въ лѣсу; онъ такъ малъ, что въ немъ едва помѣстится съ десятокъ человѣкъ. Гигантскими крестами, между которыми висятъ древніе, потерявшіе видъ образа, безъ боковыхъ дверей, съ отверстіемъ, завѣшаннымъ грязною тряпицею, вмѣсто царскихъ вратъ, раздѣлена обыкновенно такая церковь на двѣ части—алтарь и собственно церковь. Мрачна ея внутренняя обстановка: потерявшіе человѣческое подобіе лики иконъ, закоптѣлые исполинскіе, во

всю церковь, четырехконечные кресты, между которыми навалены кучи турьихъ роговъ и другіе охотничьи трофеи. Сванеты не любятъ и боятся ходить въ свой храмъ. Еще недавно въ нихъ не производилось и службъ. Доселѣ еще женщина не осмѣливается входить въ храмъ или присутствовать при важномъ служеніи. И теперь еще въ особенно торжественные дни послѣ служенія закалывается баранъ или теленокъ. Каждая семья приноситъ треножникъ съ хлѣбомъ, и надъ всѣми этими яствами совершается нѣчто въ родѣ литіи. Свидѣтелемъ приготовленій къ одной изъ такихъ службъ я былъ въ Уткульской общинѣ. Оригинальную и далеко не христіанскую картину представляла тамъ церковная стѣна; на вбитыхъ въ стѣну кольяхъ висѣли зарѣзанные телята, бараны и ихъ головы и внутренности; здѣсь же лежали цѣлыя груды хлѣбовъ и яствъ, и среди нихъ, передъ толпою благоговѣйно стоявшаго народа, священникъ въ церковномъ облаченіи. Признавая Бога христіанъ, сванетъ боится Его одновременно, какъ Бога магометанъ и евреевъ. Знакомый лишь съ обрядовой стороной этихъ религій, онъ, какъ и крестьяне наши, въ соблюденіи обрядовъ думаетъ главнѣйшимъ образомъ исполнить Божью волю. И между немногими извѣстными сванету обрядами соблюденіе праздниковъ пришлось ему наиболѣе по вкусу. Онъ чтитъ пятницу, чтобы не обидѣть Бога магометанъ, субботу, чтобы не разгнѣвался Богъ евреевъ, и воскресенье, какъ истый христіанинъ. И какъ христіанинъ, празднуя воскресенье, онъ чтитъ и понедѣльникъ для отданія праздника. Свято и строго чтутся эти дни, и за вычетомъ другихъ праздниковъ православной церкви, имъ чтимыхъ, лишь остающіеся отъ праздниковъ будничные дни—вторники, среды и четверги—онъ осмѣливается посвящать работѣ. И несмотря на это, онъ успѣваетъ управиться со своими полями. Низведя свои потребности въ пищѣ и питьѣ до минимума, онъ не заботится объ увеличеніи комфорта и улучшеніи своей обстановки. Умѣренно-холодный климатъ Сванетіи щедро вознаграждаетъ его за труды, и вольный сванетъ, добросовѣстно трудясь три дня въ недѣлю, можетъ безъ ущерба для себя гулять четыре остальные, считая за грѣхъ работать въ теченіе этихъ дней. Бесѣда о событіяхъ дня въ теченіе свѣтлыхъ часовъ, пѣсни и хороводы въ сумерки—вотъ чѣмъ наполнено его беззаботное существованіе.

Никогда не признавая надъ собой ничьей власти, населеніе это дѣлилось и дѣлится на нѣсколько вольныхъ обществъ, и доселѣ исполняющихъ приказанія нашей администраціи скорѣе по собственному желанію, нежели изъ страха. Но пока населеніе это не имѣетъ причины быть недовольнымъ нами, а потому посѣщеніе самыхъ отдаленныхъ угловъ страны не представляетъ опасности.

Сочи.

(А. Краснова.)

Сочинскій районъ представляетъ узкую, около 40 верстъ шириной, береговую полосу между Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ и Чернымъ моремъ, лежащую между р. Шахи и границею Кутаисской губерніи. Кромѣ Главнаго хребта, параллельно ему пробѣгаютъ два второстепенныхъ, дѣлая, за исключеніемъ широкой равнины у Адлера, мѣстность очень гористою. Ни одинъ изъ хребтовъ не покрытъ однако вѣчными снѣгами. Если отдѣльныя скалистыя вершины и кажутся голыми живописными пиками, украшающими наиболѣе возвышенныя части хребтовъ, то остальныя горы здѣсь покрыты густыми лѣсами. Малая разница въ высотѣ параллельныхъ хребтовъ служитъ причиною того, что Главный хребетъ Кавказа бываетъ большею частью скрытъ отъ глазъ параллельными ему, болѣе близкими къ морю, и общая картина берегового ландшафта здѣсь можетъ скорѣе разочаровать, чѣмъ восхитить вновь прибывшаго.

Вообще говоря, первыя ощущенія по пріѣздѣ здѣсь непріятны. Хотя три пароходныхъ общества, конкурируя другъ съ другомъ, заходятъ въ Сочи и Адлеръ, но ни одно изъ нихъ не позаботилось объ удобствахъ своихъ пассажировъ. Пароходъ приходитъ или глухою ночью, или тогда, когда уже совершенно стемнѣетъ. Такъ какъ ни Сочи, ни Адлеръ не суть гавани, а просто селенія на открытомъ, подверженномъ прибою морскому берегу, то условія высадки здѣсь необыкновенно затруднительны. Зачастую пароходъ выходитъ изъ Новороссійска при превосходной погодѣ, качки пассажиры не испытываютъ почти никакой. Но изъ Сочи пароходу показываютъ красный огонь, означающій, что у берега сильный прибой, и пассажировъ провозятъ мимо; ихъ везутъ въ Сухумъ-Кале, гдѣ они принуждены дожидаться обратнаго парохода, который зимою далеко не всегда обѣщается ихъ высадить въ Сочи. Такъ нерѣдко недѣлями гуляютъ въ зимнее время пароходы вдоль Черноморскаго побережья между Новороссійскомъ и Сухумомъ или Туапсе, а жители, ходя по берегу, не только бываютъ лишены возможности вернуться въ Россію, но нерѣдко чувствуютъ существенный недостатокъ въ мукѣ для хлѣба и другихъ предметахъ насущной необходимости.

Но даже и тогда, когда, къ радости пассажира, съ берега засвѣтится спасительный бѣлый огонь, далеко не всегда его ожидаетъ спокойная и пріятная высадка. Въ лѣтнія ночи, когда море иногда бываетъ тихо и спокойно, какъ масло, вы высаживаетесь еще сравнительно удобно. Удобства эти, конечно, совершенно относительныя и чисто азіатскія, такъ какъ даже снисходительныя требованія путешественника, привыкшаго спускаться съ высокихъ океанскихъ пароходовъ по узкому трапу

въ прыгающія на волнахъ лодочки, здѣсь далеко не всегда могутъ быть удовлетворены. Для русскаго же путешественника, обыкновенно знакомаго лишь съ удобствами нашихъ рѣчныхъ пароходовъ, спускъ по шаткой, висящей надъ моремъ лѣстницѣ, когда по ней, никѣмъ не сдерживаемые, стремятся снизу или толкаютъ васъ сзади пассажиры 3-го класса—туземцы, со своими мѣшками, тюками и чемоданами, а турки-лодочники не только не помогаютъ вамъ, но дѣлаютъ еще бо́льшую толкотню и суматоху,—прямо не безопасенъ. До сихъ поръ доста́вка пассажировъ на берегъ здѣсь находится въ рукахъ турокъ, турецкихъ подданныхъ, не знающихъ и, повидимому, не желающихъ знать ни слова по-русски. Кромѣ словъ «дэнги давай», необходимыхъ для полученія платы за провозъ, они ничего не понимаютъ, и пассажиру предоставляется или изучить турецкій языкъ, или прибѣгать къ пантомимѣ. Послѣднее предпочитается. Съ ея помощью вамъ кое-какъ удается достигнуть того, чтобы вашъ ручной багажъ и чемоданы очутились въ безпорядочной грудѣ мѣшковъ, ящиковъ, сундуковъ и другого скарба, безпорядочно бросаемаго на дно такъ называемой фелюги, рыбачьей или грузовой турецкой лодки, совершенно не приспособленной для перевозки пассажировъ. Послѣдніе гурьбою лѣзутъ въ такую лодку, лишенную достаточнаго количества скамей, такъ какъ, кромѣ тѣхъ, которыя предназначены для гребцовъ, здѣсь обыкновенно нѣтъ сидѣній. Ихъ замѣняютъ ваши вещи или приходится стоять, тѣснясь въ толпѣ турокъ и грузинъ. Во мракѣ ночи вы подплываете къ берегу. Тамъ нѣтъ ни фонаря, ни пристани. Кое-какъ, по доскѣ, вы перескакиваете на берегъ. Туда же грудою бросаютъ вещи пассажировъ, предоставляя въ темнотѣ отыскивать всякому свое, такъ какъ турокъ не помнитъ да и не понимаетъ, что кому принадлежало. И надо только удивляться, какъ еще не пропадаютъ, или, вѣрнѣе, не особенно часто пропадаютъ, вещи злосчастнаго пассажира. Описаннаго характера высадка можетъ быть названа, по сочинскимъ понятіямъ, благополучною и удобною. Гораздо чаще при высадкѣ море волнуется, фелюга прыгаетъ подъ трапомъ парохода, и только путемъ ловкаго сальтомортале попадаетъ въ нее во мракѣ ночи пассажиръ. Еще хуже бываетъ ему, когда онъ достигнетъ берега. Тутъ одинъ бурунъ за другимъ налетаетъ на лодку, обдавая морскими брызгами, какъ душемъ; лодку шатаетъ изъ стороны въ сторону, сойти съ нея по доскѣ невозможно, и нѣтъ другого исхода, какъ быть снесеннымъ на берегъ въ объятіяхъ того же мокраго турка, подъ душемъ изъ брызговъ налетѣвшаго буруна. Высадки этого рода на нервныхъ особъ производятъ глубокое впечатлѣніе и у многихъ отбивали навсегда охоту высаживаться у черноморскихъ береговъ Кавказа.

Въ темную осеннюю ночь, если вы не предупредите телеграммою одного изъ владѣльцевъ здѣшнихъ гостиницъ, вы рискуете остаться

одни на пустынномъ берегу. Лѣтомъ сюда къ пароходу высылаются или иногда линейки, а какъ рѣдкость, иногда и самостоятельно выѣдетъ какой-нибудь дрогарь съ первобытными дрогами въ одну лошадь, на которыхъ возможно положить вещи, но, конечно, не ѣхать самому.

Общій обликъ кавказскаго берега близъ Сочи также далеко не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Ялта съ моря неизмѣримо красивѣе. Тамъ—контрасты скалъ, то одѣтыхъ зеленымъ лѣсомъ сосенъ, то обнаженныхъ, то имѣющихъ на себѣ бѣленькіе домики, господствующіе надъ пріютившимся въ глуби залива городкомъ, контрасты голубого моря и горъ, безбрежной стихіи и мирной жизни. Здѣсь—монотонная блѣдная зелень однообразно гористаго берега; изъ нея выглядываютъ нѣсколько жалкихъ домиковъ да маякъ. Нѣтъ красоты, нѣтъ выдающихся контуровъ. Берегъ не изрѣзанъ, нѣтъ манящихъ бухтъ: немногіе выступающіе мысы не вносятъ ничего новаго, и полоса зеленой суши, отороченной бѣлой каймой прибоя, граничитъ съ блѣдно-голубымъ моремъ. Пейзажъ наводитъ скуку и уныніе. Это—пейзажъ скорѣе сѣвера, чѣмъ юга; глазъ тщетно ищетъ въ немъ чего-нибудь, на чемъ бы остановиться. И это въ хорошую погоду. Когда же откроются хляби небесныя и свинцовыя тучи обложатъ горизонтъ, вы очутитесь въ обстановкѣ сѣренькаго дня на Балтійскомъ побережьѣ, вы можете забыть, что вы гораздо южнѣе Ялты, и перенестись въ окрестности Выборга. Ни въ природѣ, [illegible] горахъ нѣтъ ничего мощнаго, южнаго, кавказскаго, напоминающаго то, что видитъ взоръ у горъ Новаго Аѳона, или съ парохода, идущаго отъ Сухума въ Батумъ, когда величественная цѣпь Кавказскаго хребта высится надъ голубымъ моремъ. Сочи такъ же блѣдно и монотонно по первому впечатлѣнію, какъ и то побережье, среди котораго оно расположено.

Если, какъ рѣдкое исключеніе, пароходъ привезъ васъ сюда днемъ и вы отъ берега поѣдете въ городъ, то первое, что откроется вашимъ взорамъ,—это большая зеленая поляна, вдоль которой идетъ дорога, обсаженная исполинской величины пирамидальными тополями. На этой полянѣ живописными группами располагаются переселенцы и рабочіе, очевидно ожидающіе найма или рѣшенія своей участи. Подъ прямымъ угломъ съ этой тополевой аллеей идетъ базарная улица, на которой столпились всѣ лавки, лавочки и духаны города, такъ какъ за ними лежитъ и базарная площадь.

Главная торговля въ рукахъ армянъ, большая часть кабаковъ въ рукахъ имеретинъ; одиноко возвышается весьма подозрительнаго характера трактиръ на русскихъ основаніяхъ, расположившійся въ концѣ улицы, тогда какъ въ началѣ ея—нѣсколько турецкихъ или греческихъ кофеенъ. Элементы турецкаго, имеретинскаго городка и русской станицы въ самыхъ зародышевыхъ формахъ встрѣчаются здѣсь въ пестрой

смѣси, не сумѣвъ слиться во что-то среднее и существуя каждый порознь. Тутъ, какъ гдѣ-нибудь въ Трапезундѣ, въ кофейнѣ съ такими же какъ тамъ дверями и окнами, за такими же столами, изъ такихъ же маленькихъ чашечекъ попиваютъ горячій турецкій кофе раскуривающіе трубки и кальяны отбросы греческихъ и турецкихъ селеній Малой Азіи; рядомъ, въ тѣсномъ и вонючемъ духанѣ, за грязными столами, подъ цѣлой горой винныхъ бочекъ, галдятъ обтрепанные имеретины и мингрельцы,—и этотъ шумъ издалека покрываетъ громъ органа трактирнаго заведенія, изъ котораго вырываются звуки родной приволжской пѣсни и звонкія ругательства пьяныхъ новороссійскихъ босяковъ. Эти послѣдніе въ праздничные дни составляютъ на улицахъ преобладающій элементъ. Въ противоположность оживленію, господствующему на этой главной улицѣ, остальныя части Сочи отличаются тишиною и скукою.

Городокъ довольно ясно дѣлится по характеру населенія на двѣ части: верхнюю и нижнюю.

Нижняя, прилегающая къ рѣкѣ Сочи, часть селенія, лежащая между базарною площадью и рѣкою, застроена мелкими домиками собственно обывателей города: имеретинъ, армянъ, грековъ и русскихъ, самыхъ различныхъ выходцевъ, привлекаемыхъ сюда торговлею или работами. Эта часть Сочи носитъ характеръ не то станицы, не то грузинскаго селенія и съ противоположнаго берега рѣки имѣетъ довольно живописный видъ.

Верхняя, аристократическая часть города—будущая «русская Ницца»—пока имѣетъ болѣе чѣмъ скромную внѣшность. Старая церковь, обсаженная кривыми и косыми, не удающимися на здѣшней почвѣ кипарисами, еще носитъ черты архитектуры обыкновенной станичной церкви—бѣлаго, казеннаго типа, съ зеленою крышею и высокою колокольней, зданія, какихъ не мало въ Малороссіи; отъ нея идетъ широкая улица, которую соединяютъ нѣсколько столь же широкихъ поперечныхъ съ 2—3-й параллельными, дѣля будущую Ниццу на нѣсколько кварталовъ. Кварталы эти еще не застроены, и отдѣльные небольшіе, большею частью наскоро застроенные домики чередуются съ обширными пустырями. Напрасно будете вы искать около этихъ домиковъ чего-нибудь, что бы напомнило вамъ о югѣ или субтропическихъ странахъ. Гдѣ улица обсажена деревьями, вы увидите тотъ же пестролистный кленъ и бѣлую акацію, которые надоѣли вамъ въ степной полосѣ Россіи; около домовъ какой-нибудь пучокъ серебристаго гипсрія, двѣ-три, по старой памяти сѣверянъ, родныя березки, на диво уживающіяся въ этомъ субтропическомъ климатѣ, или сосенки—жалкая пародія палисадника петербургскаго дачника,—вотъ и все, что останавливаетъ взоръ пріѣзжаго. Только бѣлыя, желтыя и алыя розы, здѣсь и тамъ безъ умѣнія ткнутыя и, несмотря на то, обильно цвѣтущія, свидѣтельствуютъ о болѣе благопріятномъ, чѣмъ въ Петербургѣ, климатѣ.

Не вѣрится, что находишься въ Колхидѣ, въ климатѣ лавровъ и апельсиновъ.

Большинство сочинскихъ построекъ—легонькія дачки, очень простенькаго стиля. До сихъ поръ мѣстные жители, видимо, не остановились на типѣ построекъ, наиболѣе отвѣчающемъ мѣстному климату, а потому большинство ихъ разнокалиберно и далеко не цѣлесообразно. Естественнѣе всего казалось бы встрѣтить въ этой странѣ лѣса постройки деревянныя, соотвѣтствующія здѣшнему климату. Однако деревянныхъ домиковъ вы въ Сочи насчитаете очень немного. Мѣстные жители находятъ, что въ нихъ холодно зимою и что они обходятся дорого, такъ какъ лѣсъ приходится сюда выписывать изъ Пермской губерніи. Я сначала думалъ, что со мной шутятъ, говоря, что для постройки дома нужно выписывать доски съ Волги черезъ новороссійскія конторы, но вскорѣ убѣдился, что дѣйствительно возводить деревянныя постройки изъ мѣстнаго лѣса невыгодно и неблагоразумно.

Господствующій въ здѣшнихъ лѣсахъ букъ и грабъ вовсе непригодны для дѣла. Вполнѣ надежнымъ матеріаломъ считается уже рѣдкій и дорогой каштанъ, что же касается до мѣстнаго дуба и граба, то, хотя для столбовъ и стропилъ они и пригодны, но на доски и прочія подѣлки они не рекомендуются: не говоря о малой прочности матеріала, легко загнивающаго, въ большей части деревьевъ мѣстнаго лѣса насѣкомыя положили свои яички въ такомъ множествѣ, что подѣлки изъ него черезъ нѣсколько лѣтъ покрываются дырами и расползаются во всѣ стороны. Вслѣдствіе этого многіе жители какъ въ самомъ Сочи, такъ и его окрестностяхъ уже и начали возводить каменныя, хотя нѣсколько болѣе дорогія, но несравненно болѣе прочныя постройки.

Насколько оживлена базарная часть города, настолько монотонна и скучна жизнь въ самомъ Сочи. Нѣкоторое оживленіе наблюдается только около гостиницъ. Здѣсь преобладаетъ временно пріѣхавшій народъ, люди, пріѣхавшіе сюда искать участковъ для постройки дачъ или, чаще, для спекуляціи, въ виду съ ненормальною быстротою растущихъ цѣнъ на здѣшнія земли. Немногіе только поселяются здѣсь надолго, пользуясь Сочи какъ курортомъ. Но хотя число этихъ немногихъ очень невелико, они уже теперь начинаютъ испытывать тѣ же невзгоды, на которыя жалуются обыватели Ялты и другихъ переполняемыхъ пріѣзжимъ людомъ курортовъ Крыма.

Чтобы оцѣнить достоинства сочинскаго района Черноморской губерніи, надобно видѣть или дикую его природу, или имѣть ясное представленіе о томъ, что можетъ изъ нея сдѣлать человѣкъ въ будущемъ.

Удалимся для этого на нѣсколько верстъ къ югу отъ города, въ тѣ пункты, которыхъ еще не тронула рука человѣка, и посмотримъ, что представляетъ здѣсь кавказская природа. Экскурсія въ эту сторону

района не представляетъ трудности, такъ какъ отъ Сочи и вплоть до Адлера вдоль берега вьется бѣлой лентой прекрасное шоссе, содержимое въ образцовомъ порядкѣ, снабженное желѣзными мостиками и могущее соперничать съ лучшими дорогами Крымскаго полуострова. Какъ въ Крыму, оно вьется на болѣе или менѣе значительной высотѣ отъ берега, давая возможность ѣдущему то погружаться подъ сѣнь чудныхъ субтропическихъ лѣсовъ, то въѣзжать на крутые обрывы, откуда открываются виды на море съ прилегающими бухтами. Ландшафты пути отъ Сочи до Адлера довольно разнообразны и могутъ представить въ хорошую погоду много пріятнаго для того, кто верхомъ или въ экипажѣ пожелалъ бы прокатиться до Адлера. При попутномъ вѣтрѣ ту же прогулку можно сдѣлать подъ парусомъ, взявъ одну изъ турецкихъ фелюгъ, которая, лавируя вдоль берега, позволитъ обозрѣвать его особенности съ моря.

Первыя версты такого морского пути нѣсколько монотонны. Обрывы берега, поросшіе лѣсомъ, напомнятъ вамъ скорѣе побережье большой русской рѣки, въ родѣ Волги, чѣмъ приморскіе ландшафты. Но отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе, если небо ясно, вы будете вознаграждены роскошною панорамою большую часть года одѣтаго снѣгомъ Гагринскаго хребта, бѣлыя вершины котораго, обрамленныя свитою зеленыхъ холмовъ, эффектно выдѣляются на голубыхъ водахъ моря, придавая виду красоту, подобную которой можно найти развѣ гдѣ-нибудь на итальянскихъ озерахъ Швейцаріи.

Вѣковые дубы, громадные ясени, грабы и липы, подобныхъ которымъ не встрѣтишь въ нашихъ лѣсахъ, скрываютъ уступы горъ, обрывающихся по направленію къ морю. Эти горы сложены здѣсь изъ песчаниковъ и сланцевъ, необыкновенно легко пропитывающихся водами дождей и вывѣтривающихся. Свойство грунта здѣсь таково, что онъ стремится давать многочисленные оползни. Обширные участки вѣкового лѣса сползаютъ нерѣдко къ морю. Деревья вырываются съ корнями и падаютъ, но падая не погибаютъ, какъ они погибали бы въ другомъ краѣ: ихъ вѣтви, вонзившись въ землю, даютъ начало новымъ деревьямъ, упавшее дерево поднимаетъ свою вершину, продолжающую свой ростъ, и сваленное оползнемъ дерево нерѣдко даетъ начало пяти или шести новымъ. Быть можетъ, стволы этихъ несчастливцевъ бываютъ иногда и кривы, но число сползающихъ деревьевъ ничтожно мало въ сравненіи съ тысячами прекрасныхъ исполиновъ, которыми одинаково любуется глазъ ѣдущаго по шоссе и вдоль берега.

Волны моря не хлещутъ здѣсь о береговыя скалы, какъ въ Крыму. Обширное лукоморье отдѣляетъ границу моря отъ настоящихъ береговыхъ обрывовъ. Этотъ естественный пляжъ, столь высоко цѣнимый купальщиками, усыпанъ здѣсь то пескомъ, то крупнымъ плоскимъ мор-

скимъ галечникомъ и достигаетъ 25 и болѣе саженъ въ ширину, суживаясь тамъ, гдѣ короткіе мыски выдаются въ море. Черное море не имѣетъ приливовъ, и при обыкновенныхъ условіяхъ эта полоса сохраняетъ во всѣ часы дня ту же ширину. Но зато во время сильныхъ бурь громадные морскіе буруны несутся на берегъ, захлестываютъ большую часть лукоморья, и тогда тамъ, гдѣ оно болѣе узко, море продолжаетъ свою работу подмыва и разрушенія береговыхъ скалъ. Надъ лукоморьемъ непосредственно возвышаются крутыя горы, сверху до низу одѣтыя густыми дѣвственными лѣсами. Немногіе кустарники, какъ облѣпиха—та самая, изъ ягодъ которой сибиряки приготовляютъ вкусную наливку, и витека,—средиземноморское растеніе, встрѣчающееся на югѣ отъ Ривьеры до западныхъ Гималаевъ (Vitex agnus castus), вмѣстѣ съ ежевикою, средиземноморскимъ тростникомъ и держи-деревомъ держаютъ спуститься даже на песокъ и галечникъ лукоморья, представляя въ укромныхъ мѣстахъ рѣдкое сообщество представителей холоднаго сибирскаго сѣвера и жаркаго индійскаго юга. Но обыкновенно на дрябло-каменистой почвѣ вывѣтрѣлыхъ песчаниковъ и сланцевъ ютятся здѣсь древесныя породы, коренясь въ вязкой глинѣ, въ которую превратились ихъ верхніе слои.

Этотъ прибрежный лѣсъ представляетъ дикую мощь субтропической растительности.

На болѣе крутыхъ и сухихъ холмахъ господствуетъ дубъ—не жалкій дубъ горъ южнаго берега Крыма, но исполинскаго роста и поразительной толщины колоссы. Такихъ дубовъ вы насчитываете цѣлыя сотни на протяженіи немногихъ верстъ. Дубъ однако рѣдко является одинъ. Не менѣе громадная широколистая липа, ясень, береза, крупный и мелкій грабъ такъ же обыкновенны въ здѣшнихъ лѣсахъ; въ болѣе влажныхъ лѣсахъ къ нимъ присоединяется каштанъ и букъ, тогда какъ въ наиболѣе сухихъ лѣскахъ, на обращенныхъ на югъ откосахъ, господствуетъ сосна—не наша сѣверная сосна, но сосна побережья Средиземнаго моря съ тонкою нѣжною хвоей и неправильными, причудливыми кронами. Подъ сѣнью этихъ деревъ, въ тѣхъ мѣстахъ берега, гдѣ онъ наилучше защищенъ отъ холодныхъ вѣтровъ, мы видимъ густыя заросли благороднаго лавра. Если бы не варварскій обычай имеретинъ, имѣющихъ обыкновеніе подрубать деревья лавра для сбора съ него листьевъ, стволы здѣшнихъ деревьевъ достигали бы толщины человѣческой ноги и многосаженной высоты. Но обыкновенно ихъ вырубаютъ и, идя вновь отъ корня, они образуютъ густой, благовонный, вѣчнозеленый кустарникъ-подлѣсокъ, стѣною заслоняющій входъ въ таинственныя дебри берегового лѣса. Дебри эти недоступны для обыкновеннаго смертнаго. Крутой подъемъ по заросшему деревьями береговому обрыву затрудняется тысячами цѣпкихъ ліанъ, перевивающихъ деревья и спутывающихся на

землѣ. Первое мѣсто между ними занимаютъ саженной длины гибкія и необыкновенно цѣпкія и колючія плети ежевики. Это растеніе, которое въ средней полосѣ Россіи мы даже охотно садимъ въ своихъ огородахъ и такъ любимъ встрѣчать среди поросли пойменныхъ лѣсовъ, здѣсь, на Кавказѣ, несмотря на прекрасныя качества вкусныхъ, громадными гроздьями вырастающихъ на концахъ вѣтвей ягодъ, считается бичомъ садовода и отъ души ненавидимо всѣми. Переплетая длинными, до крови раздирающими тѣло и въ клочки рвущими одежду плетями всѣ опушки лѣсовъ, оно дѣлаетъ мѣстности некультурныя непроходимыми безъ помощи топора, и здѣшній піонеръ, какъ житель дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, не можетъ пробираться по странѣ безъ помощи ножа. Не лучше ему придется, если, пробившись черезъ колючія заросли ежевики, онъ попадетъ въ самую глубь лѣса. Тутъ ежевику смѣнятъ крѣпкія и тонкія какъ проволока заросли смилакса или сарсапарили. Онѣ усажены колючками не менѣе острыми и крѣпкими; какъ тысячи капкановъ, зацѣпляютъ онѣ на каждомъ шагу ваши ноги, и горе вамъ, если вы, оступившись и потерявъ равновѣсіе, падая, попробуете ухватиться за сѣть ея проволочныхъ вѣтвей, которою перепутаны всѣ пространства между деревъ. Глубокіе шрамы на лицѣ и на рукахъ на многія недѣли оставятъ вамъ воспоминаніе о вашемъ паденіи.

Необыкновенно нѣжными воздушными гирляндами и фестонами, перебрасываясь съ дерева на дерево, заполняютъ между ними пространства сѣтки нѣжной листвы смилакса. Въ однихъ мѣстахъ его сплетенія образуютъ на опушкахъ родъ естественныхъ гротовъ, въ другихъ все дерево кажется покрытымъ сѣткою, украшенною нѣжными зелеными листиками. Смилаксъ не одинъ покрываетъ дерева. Стебли дикой жимолости, какъ настоящія ліаны тропиковъ, свѣшиваются съ недосягаемой высоты, гдѣ весною они усѣиваютъ кроны поддерживающихъ ее деревъ тысячами благовонныхъ розовыхъ цвѣтовъ. Но болѣе эффектною ліаною является здѣсь виноградъ. Здѣсь, на своей родинѣ, эта могучая ліана, иногда съ ногу толщиною, какъ корабельный канатъ свѣшивается съ деревъ, крона которыхъ отягощена ея развѣтвленіями, ея крупными красивыми листьями, а подъ осень и гроздьями рдѣющихъ ягодъ.

Но главнымъ и лучшимъ украшеніемъ прибрежнаго лѣса является безспорно плющъ. Съ руку толщиною при основаніи, онъ снизу доверху одѣваетъ стволы деревъ, превращая ихъ въ колонны, увитыя вѣчно темною зеленью, пучками свѣшивающеюся сверху и придающею лѣсамъ какую-то своеобразную таинственность. Здѣсь и тамъ по опушкѣ увидите вы весною группу усыпанныхъ цвѣтами ярко-желтыхъ благовонныхъ кавказскихъ азалій или усыпанныхъ бѣлыми цвѣтами кустовъ калины, мушмулы. Лѣтомъ шиповникъ, подобно ліанамъ, взбирается своими вьющимися стеблями высоко на вершины сосенъ, чтобы

одѣть ихъ своими нѣжными цвѣтами; или кусты кизиля, усыпанные яркими, какъ изъ сургуча сдѣланными, плодами, привлекаютъ взоръ. Вообще же здѣсь мало цвѣтовъ. Какъ во всякой субтропической странѣ, листва господствуетъ всюду, но, въ противоположность нашимъ лѣсамъ, флора обращаетъ вниманіе не на землѣ, не подъ ногами, но между стволовъ въ воздухѣ. На стволахъ деревьевъ ютятся даже эпифиты—правда, только въ лицѣ красиваго папоротника, изящными группами одѣвающаго стволы старыхъ деревъ.

Болѣе сырыя мѣста одѣты, впрочемъ, папоротниками и на землѣ. Какъ вездѣ въ Колхидѣ, порубки зарастаютъ орлякомъ (Pteris aquilina), иногда исполинскихъ размѣровъ. Подъ сѣнью деревъ ютятся болѣе нѣжные папоротники, а на болотахъ хвощи выше человѣческаго роста заставляютъ вспомнить о древнихъ геологическихъ эпохахъ.

Такой характеръ имѣетъ этотъ первобытный прибрежный лѣсъ. При всей своей красотѣ онъ представляетъ большія неудобства для культурнаго человѣка, и неудивительно, что владѣльцы участковъ обыкновенно начинаютъ съ того, что нанимаютъ рабочихъ для такъ называемой чистки лѣса.

Описаннаго характера увитые ліанами лѣса благодаря этому исчезли на большей части протяженія шоссе. Ихъ все болѣе и болѣе смѣняютъ эти чищенные лѣса, которые очень мало похожи на настоящіе кавказскіе. Теперешніе чищенные лѣса напоминаютъ видъ лѣса помѣщичьяго имѣнія средней Россіи, съ тою только разницею, что лишены поэзіи этихъ послѣднихъ: обилія пѣвчихъ птицъ и весеннихъ цвѣтовъ. Здѣсь нѣтъ ни ландышей, ни дроковъ, ни пролѣсковъ нашего чернолѣсья. Почва долгое время остается голою или покрытою колючимъ рускусомъ. Но мало-по-малу землю, особенно раннею весною, начинаетъ затягивать зеленый газонъ изъ различныхъ, большею частью однолѣтнихъ, травокъ южныхъ средиземноморскихъ странъ.

Если не считать немногихъ строящихся дачъ, участки, одѣтые лѣсами, совершенно пустынны. Шакалъ еще гнѣздится въ ихъ дебряхъ, чтобы задавать концерты подъ окнами одиноко стоящихъ домовъ. Дикіе кабаны ходятъ стадами въ осеннее время въ болѣе теплыхъ долинахъ рѣкъ, и красивыя дикія козы—далеко не рѣдкая добыча для сочинскаго охотника. Крупныя, почти въ руку толщиною, змѣи и черепахи ютятся въ зарослякъ колючки. Зайцы и особая порода мелкихъ сѣрыхъ бѣлокъ попадаются въ сосновыхъ рощахъ, но особымъ разнообразіемъ и богатствомъ поражаетъ міръ насѣкомыхъ. Какъ въ Крыму, по вечерамъ цикады наполняютъ воздухъ своимъ стрекотаніемъ. Замѣчательны отсутствіе столь тягостныхъ для крымскихъ обывателей москитовъ и рѣдкость комаровъ. Зато въ теплыхъ каменистыхъ мѣстахъ начинаютъ попадаться маленькіе черные скорпіоны; съ ними, впрочемъ, обывателю приходится

имѣть дѣло гораздо рѣже, чѣмъ съ блохами, истиннымъ бичомъ здѣшняго края, къ счастью, появляющимися и исчезающими какъ-то періодически. Свирѣпствуя въ началѣ лѣта, эти насѣкомыя исчезаютъ подъ осень. Осы здѣсь такъ же многочисленны, какъ мухи подъ осень въ Малороссіи. Сладкія блюда, оставленныя на воздухѣ, дѣлаются черными отъ осъ. Онѣ выѣдаютъ мякоть нѣжныхъ фруктовъ и совершаютъ опустошенія въ незакрытыхъ запасахъ, гдѣ имъ на помощь приходятъ муравьи, здѣсь необыкновенно разнообразные и многочисленные. Человѣка не видно въ лѣсныхъ дебряхъ,—только тамъ, гдѣ совершается расчистка лѣса, подымаются столбы дыма или гуляетъ пламень по кучамъ сжигаемыхъ вѣтвей. Особенно эффектны эти очистки позднимъ вечеромъ, когда, ѣдучи по шоссе, которое вьется среди темнаго дремучаго лѣса, вы вдругъ наталкиваетесь на группу людей, ютящуюся у костра, краснымъ заревомъ освѣщающаго высокіе своды лѣса и окрестные стволы.

Эти люди, въ разодранныхъ лѣсными колючками рубахахъ, съ изнуреннымъ въ работѣ тѣломъ и съ покрытыми синяками лицами, производятъ впечатлѣніе бандитовъ, дѣлящихъ добычу, награбленную на большой дорогѣ. На дѣлѣ это—совершенно безобидные бѣдняки, которыхъ собрала на эту тяжелую работу роковымъ образомъ сложившаяся судьба. Немногіе изъ нихъ отложатъ на черный день заработанную копейку; большинство снесетъ ее въ кабакъ, чтобы опять и опять продолжать тяжелый трудъ дровосѣка. И откуда только ни собрался этотъ народъ! Здѣсь есть и жители Ковенской губерніи, и пермяки, угрюмый финнъ и гонимый голодомъ казанскій татаринъ, нѣмцы, обрусѣвшіе горцы, малороссы всѣхъ типовъ и губерній и отбившіеся отъ соотечественниковъ персіяне. Особнякомъ держатся рабочіе имеретины. Они работаютъ артелями, чтобы собрать денегъ побольше и отвезти ихъ въ деревню на родину. Несмотря на эти добродѣтельныя задачи, по добросовѣстности отношенія къ дѣлу они стоятъ много ниже русскихъ, въ чемъ легко убѣдится всякій, испробовавъ тѣхъ и другихъ, хотя на первый взглядъ имеретинъ подкупаетъ кажущеюся культурностью и лестью. Таковы эти дѣятели-піонеры въ дѣвственныхъ лѣсахъ Сочинскаго побережья.

Здѣсь можно ѣздить и верхомъ, такъ какъ въ здѣшнемъ краѣ дорогою только и принято называть то, куда можетъ ступить не оборвавшись лошадь. Въ самое послѣднее время, впрочемъ, начинаютъ проводиться и настоящія дороги, но ихъ очень мало, большинство не окончено, и потому единственною «дорогою» въ краѣ можно назвать береговое шоссе, которое западнѣе Сочи отходитъ довольно далеко отъ берега, давая ѣдущему нѣкоторое представленіе и о пунктахъ удаленной отъ моря полосы. Здѣсь, подымаясь на значительную высоту, ѣдущій получаетъ возможность любоваться чуть ли не самыми красивыми ландшафтами края.

Пріятна прежде всего ширь открывающейся панорамы. Далеко передъ вами, подъ ногами вашими, лежитъ въ мягкихъ холмистыхъ берегахъ зеленѣющая долина рѣки, по которой течетъ живописными извивами эта послѣдняя. На лѣвомъ высокомъ зелено-холмистомъ берегу ея раскинулось селеніе Сочи, съ его бѣлыми хатками, красиво виднѣющеюся церковью, рядами пирамидальныхъ тополей и группами садовъ съ цвѣтущими деревьями. Мягкій, красивый, родной, знакомый ландшафтъ. Но эта красивая, родная, зеленая панорама, соединяющая въ себѣ нѣжность красокъ средней Россіи съ красотами, характерными для Малороссіи, вставлена въ рамку совершенно иного характера. Справа вы видите берегъ голубого моря съ бѣлыми пѣнящимися бурунами, обрамляющими причудливые фестоны зеленаго съ сѣрою галечниковою каймою гористаго берега. Прямо же передъ вами селеніе съ его холмами на болѣе темномъ, зеленомъ же, фонѣ болѣе высокихъ, причудливаго очертанія горъ, тянущихся то грядою, то возвышающихся отдѣльнымъ конусомъ, точно Везувій надъ берегами Неаполитанскаго залива. Это Большой Охунъ, наибольшая прибрежная возвышенность между Сочи и Адлеромъ. За нимъ виднѣются одѣтыя добрыя три четверти года снѣгами Гагринскія горы, и эти горы, играя роль Альпъ въ швейцарскомъ ландшафтѣ, не имѣя грубаго величія Кавказа, придаютъ пейзажу необыкновенную красоту, давая между голубымъ небомъ и зеленою землею еще эту бѣлую изящную зубчатую линію. Имѣй Сочи такіе виды отовсюду, это былъ бы одинъ изъ красивѣйшихъ уголковъ земли, но, къ сожалѣнію, надо выѣхать изъ селенія, чтобы имъ любоваться, при чемъ девять-десять мѣстъ съ этой чудной панорамой занято виноградниками частнаго лица.

Несмотря на красоты природы, береговое шоссе не даетъ правильнаго представленія о природѣ внутреннихъ частей сочинскаго района. Полное понятіе о природѣ этой не дадутъ и «проселочныя» дороги, ведущія къ большинству селеній и проложенныя большею частью по долинамъ рѣкъ. Даже значительное удаленіе отъ берега мало мѣняетъ растительность; только преобладаніе высокихъ ольхъ да дикихъ яблонь и грушъ свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь когда-то было черкесское хозяйство, слѣды котораго стерла могучая растительность.

Иная совершенно картина представится вамъ, если вы попадете въ узкое боковое ущелье,—въ ущелье, гдѣ не свищутъ бризы, гдѣ воздухъ большею частью недвижимъ, застаивается, гдѣ днями, а когда и недѣлями виснутъ облака и туманы, а почва, не просыхая никогда, постоянно напитана влагою. Съ удаленіемъ отъ берега песчаники и глинистые сланцы третичной эпохи смѣняются обыкновенно известняками мѣловой системы. Въ нихъ ущелья особенно узки и склоны круты, и на нихъ-то, въ этой затхлой обстановкѣ, и развивается совершенно особый типъ флоры, отличной отъ прибрежной, создающій совершенно особыя панорамы.

Это та флора, которую открыто по берегу мы встрѣтимъ только значительно южнѣе въ Батумской области.

Тамъ она господствуетъ, здѣсь она прячется въ болѣе сырые, затхлые, къ сѣверу смотрящіе уголки. Нѣкогда господствующимъ деревомъ этой формаціи былъ, повидимому, тиссъ, это драгоцѣнное красное дерево, играющее столь важную роль въ разныхъ подѣлкахъ. Тиссъ (Taxus baccata) однако истреблялся здѣсь промышленниками съ давнихъ поръ, и теперь, когда казна положила конецъ хищенію, въ лѣсахъ остались одни подгнивающіе ветераны да крайне немногочисленные молоденькіе экземплярчики этого, очевидно, вымирающаго дерева. Старые изуродованные временемъ и молніями экземпляры даютъ мало понятія о необыкновенной красотѣ этого исполинскаго дерева, когда оно, стоя въ полной силѣ, соединяетъ въ себѣ изящество хвои пихты съ могучимъ обликомъ дуба.

Теперь въ своеобразныхъ вѣчнозеленыхъ лѣсахъ этихъ тѣнистыхъ, мало провѣтриваемыхъ известковыхъ ущелій главную роль играетъ самшитъ. Незнакомый съ этимъ растеніемъ человѣкъ назоветъ его миртою, хотя овальный, похожій на брусничный листъ его мало похожъ на миртовый.

Здѣсь это—высокое дерево, высотою превосходящее наши бульварныя липы. Его черно-зеленая мелкая листва сидитъ на тяжелыхъ желтозелено-бѣлыхъ вѣтвяхъ, изящно украшенныхъ лишайниками и мхомъ. Этотъ мохъ какъ длинная борода свѣшивается со ствола и со всѣхъ вѣтвей самшита, достигая невиданной въ нашихъ лѣсахъ длины и придавая всему лѣсу фантастическій видъ зеленаго мховаго царства. Зеленый пушистый мохъ надъ головами, зеленый пушистый мохъ вокругъ васъ, среди черной мрачной зелени неподвижныхъ вѣтвей въ сѣромъ туманномъ полумракѣ. Все блеститъ, какъ наведенное лакомъ, все черно-зеленое въ этомъ самшитовомъ лѣсу, помимо этого нѣжнаго бархата свѣтлаго пушистаго мха.

Мертвая тишина царствуетъ въ самшитовыхъ лѣсахъ. Ни птицы, ни стрекотанія насѣкомаго. Ни дать, ни взять какъ въ царствѣ облаковъ тропическихъ горъ,—и весь обликъ растительности содѣйствуетъ иллюзіи: все вѣчнозеленыя, не хотящія знать зимы растенія. Громадныя синія жужелицы однѣ попадались мнѣ здѣсь, охотясь на беззащитныхъ слизняковъ, изобилующихъ въ этихъ лѣсахъ.

Самшитъ—одно изъ самыхъ цѣнныхъ для токарныхъ работъ дерево. Для экспорто пальмоваго дерева были уничтожены массы такихъ лѣсовъ, но кое-что еще сохранилось въ назиданіе потомству.

По Чороху.

(Е. Маркова и Ковалевскаго.)

«Артвинъ, Артвинъ!» повторяли мы, вперивъ наши восхищенные взоры въ развернувшуюся внезапно передъ нами чудную картину. Живописно раскинулся городъ Артвинъ на склонѣ высокой, образующей полукругъ, каменистой горы, спускающейся въ видѣ амфитеатра въ ущелье. Его бѣлые, изящные домики, широко лѣпящіеся по всему склону, почти отъ самой вершины и до подножія горы, утопающіе въ яркой зелени многочисленныхъ садовъ, представляли рѣзкій контрастъ съ окружающими городъ мрачными, сѣрыми, оголенными скалами. Справа, у края города, на высокой, совершенно отвѣсной скалѣ одиноко возвышается полуразвалившаяся крѣпость, считавшаяся, благодаря своему господствующему положенію надъ окружающею мѣстностью, когда-то неприступною.

А внизу, на днѣ ущелья, ворочая на своемъ пути огромные камни, ударяясь о прибрежныя скалы и отскакивая отъ нихъ назадъ, съ шумомъ и грохотомъ несетъ свои мутныя воды знаменитый Чорохъ, теряющійся своими верховьями гдѣ-то въ турецкихъ горахъ и сливающійся немного ниже съ синими волнами Чернаго моря.

Расположенъ Артвинъ весьма оригинально. Высоко забралась верхняя часть города, рано наступаетъ тамъ суровая холодная зима, коротко тамъ лѣто. Чѣмъ ниже сползаетъ по горѣ городъ, тѣмъ ярче, тѣмъ роскошнѣе становится окружающая зелень; стройныя сосны замѣняются тѣнистыми орѣхами, и кисти чуднаго винограда вызрѣваютъ въ многочисленныхъ садахъ. Тепло внизу подъ горой, тепло и во время безснѣжной зимы, тепло и въ жаркіе мѣсяцы года. Тутъ есть и персики, и гранаты, и цѣлыя рощи ярко оттѣняющихся оливокъ, купающихъ свои корни въ мутныхъ волнахъ Чороха.

Благодаря такому расположенію города, артвинскіе жители пользуются большую часть года всевозможными огородными и садовыми продуктами. Въ то время, какъ наверху вершины окружающихъ горъ изнемогаютъ подъ тяжестью покрывающаго ихъ снѣга, на берегу Чороха уже поспѣваютъ овощи, ягоды и фрукты. Не успѣли они кончиться, какъ созрѣваютъ плоды на срединѣ горы, и такъ далѣе до самаго верха, гдѣ уже позднею осенью жители собираютъ огородные продукты.

Главное достоинство Артвина составляетъ многоводный Чорохъ, соединяющей широкою, относительно удобною, естественною дорогою Артвинъ съ Батумомъ, а черезъ него и со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Городъ Артвинъ, второй по населенности пунктъ въ округѣ послѣ Батума, имѣетъ около 1.330 дворовъ, при чемъ количество населяющихъ его душъ обоего пола достигаетъ 8.000 человѣкъ слишкомъ.

Населеніе Артвина довольно смѣшанное—заключаетъ въ себѣ три

національности: армянъ-католиковъ, турокъ и грузинъ. Сообразно съ величиною населенія число церквей въ городѣ довольно значительно: одна православная, одна армяно-грегоріанская, четыре католическихъ костела и три мечети. Главное занятіе жителей—садоводство. Благодаря продолжительному жаркому лѣту жители успѣваютъ собрать въ теченіе года двѣ жатвы и послѣ кукурузы сѣютъ обыкновенно ячмень. Въ многочисленныхъ садахъ, разбросанныхъ по всему округу и расположенныхъ на крутыхъ склонахъ, въ видѣ террасъ, вызрѣваютъ разнообразные сорта яблокъ, грушъ, персиковъ, сливъ, винограда, грецкіе орѣхи, тута и оливка.

Разведеніе оливокъ довольно развито, такъ что ежегодно вывозится изъ Артвинскаго округа въ Батумъ и за границу до 100.000 пудовъ оливокъ двухъ сортовъ,—для выдѣлки масла и для ѣды. Кромѣ того, въ Артвинѣ существуютъ особыя заведенія, выдѣлывающія «каурму», вареную баранину, залитую своимъ саломъ, которая вывозится въ глиняныхъ кувшинахъ въ Турцію, а также кожевенные заводы, снабжающіе заграницу тысячами козлиныхъ шкуръ для выдѣлки перчатокъ, изъ которыхъ многія отправляются обратно въ Россію и расходятся тамъ, конечно, по утроенной цѣнѣ.

Солнце уже высоко поднялось надъ окружающими горами, когда мы поднялись послѣ покойно проведенной ночи. Весь день мы рѣшились посвятить на осмотръ достопримѣчательностей города, въ которомъ каждый предметъ вызываетъ въ васъ удивленіе. Выходите вы изъ дому и останавливаетесь, пораженные видомъ улицы, по которой вы идете. Узенькія, кривыя, онѣ всѣ или поднимаются въ гору, или спускаются подъ гору и до того круты, что лошадь еле карабкается наверхъ, благодаря чему во всемъ городѣ нѣтъ ни одного экипажа. Иногда же встрѣчаются настоящія лѣстницы, на которыя приходится въѣзжать верхомъ. Идете вы дальше и приходите въ восхищеніе отъ архитектуры и красоты возвышающагося передъ вами небольшого домика... Попадающіеся вамъ по дорогѣ туземцы поражаютъ васъ красотою и мужественностью своей фигуры. Вотъ на камняхъ, у дороги, вамъ бросается въ глаза живописная группа мальчиковъ, которая такъ и просится на полотно художника.

Около 4-хъ часовъ дня мы посѣтили самый большой изъ католическихъ костеловъ. При нашемъ входѣ обширная внутренняя зала церкви, не отличающаяся особымъ богатствомъ отдѣлки, была совершенно пуста. На хорахъ мы застали нѣсколькихъ молоденькихъ колѣнопреклоненныхъ монахинь-армянокъ съ длинными, откинутыми немного назадъ бѣлыми покрывалами на головахъ, красивыми складками ниспадавшими до самаго пола. При костелѣ существуетъ школа для дѣвочекъ, въ которой обучаютъ видѣнныя нами монахини.

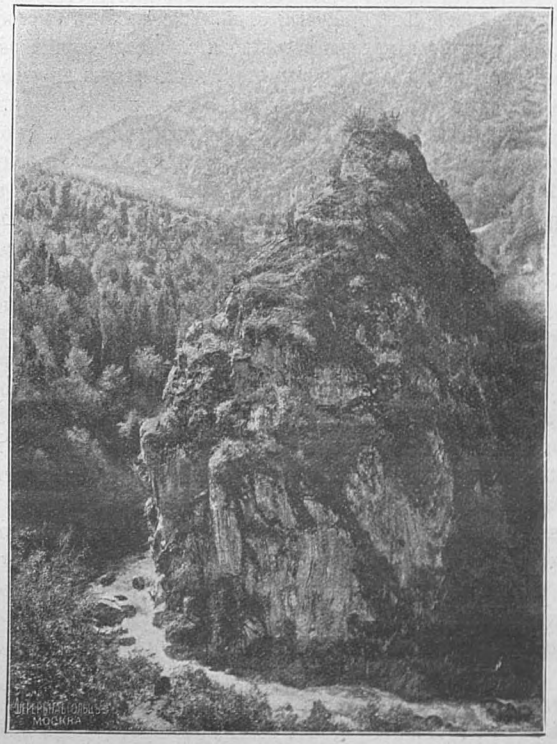
Я сижу у открытаго окна. Внизу у моихъ ногъ, среди тѣнистыхъ

смоковницъ, шелковичныхъ и орѣховыхъ деревьевъ, раскинулись высокіе бѣлые артвинскіе домики, на окнахъ которыхъ играютъ лучи заходящаго солнца. Вотъ виднѣется большое бѣлое зданіе единственной гостиницы Артвина съ безчисленнымъ количествомъ балкончиковъ у оконъ. Предъ окнами, прямо передо мной высится къ небу стройный минаретъ. Кругомъ глядятъ на меня высокія мрачныя скалы, представляя рѣзкій контрастъ съ раскинувшимися у ихъ ногъ садами и зелеными рощами. Снизу изрѣдка доносится вѣтромъ ворчаніе бѣшенаго Чороха. Вотъ на балкончикѣ минарета показалась какая-то фигура въ пестрой одеждѣ и зеленой чалмѣ, послышался чей-то заунывный, хватающій за душу голосъ. Это мулла призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ... На голосъ муллы откликнулся протяжный звонъ колокольчиковъ—начинается вечерняя служба въ католическихъ костелахъ.

Всѣ добываемые въ Артвинскомъ округѣ продукты сплавляются внизъ по теченію рѣки, въ Батумъ; благодаря этому образовался въ Артвинѣ классъ людей, спеціально посвятившихъ себя судоходству, которое поражаетъ своей оригинальностью. Тутъ нѣтъ громадныхъ рѣчныхъ пароходовъ, которые плаваютъ по Волгѣ, нѣтъ и легкихъ, мелкосидящихъ пароходиковъ, въ родѣ тѣхъ, которые бѣгаютъ по Екатерининскому каналу въ С.-Петербургѣ. Здѣсь, на Чорохѣ, всѣ эти суда моментально разбились бы въ куски о прибрежные утесы. Сама природа указала на пригодный для плаванія по Чороху типъ судовъ, называемыхъ «каюкъ». Это заостренная съ обоихъ концовъ, аршинъ 15 длиною, лодка изъ буковаго дерева, имѣющая дно плоское, нѣсколько выгнутое. Она и легка, и прочна, и удобна. Не сила вѣтра, надувающаго парусъ, не усилія гребцовъ, напирающихъ на весла, двигаютъ каюкъ—нѣтъ, онъ несется самъ, увлекаемый теченіемъ, несется въ полую воду быстрѣе поѣзда. Сидящіе въ каюкѣ два гребца работаютъ веслами лишь для того, чтобы парализовать силу теченія, чтобы каюкъ, увлекаемый водоворотомъ, не наткнулся на скалы. Сзади на кормѣ стоитъ капитанъ, такъ называемый «рейсъ», и при посредствѣ двухъ веселъ даетъ каюку нужное направленіе. Кромѣ гребцовъ, въ каюкѣ на носу сидитъ еще матросъ, главная обязанность котораго состоитъ въ отталкиваніи багромъ отъ скалъ, если каюкъ слишкомъ приблизится къ берегу... Въ обыкновенное время разстояніе въ 90 слишкомъ верстъ, отдѣляющее Артвинъ отъ Батума, каюкъ пробѣгаетъ въ 5—6 часовъ, со скоростью 15—20 верстъ въ часъ; въ полую же воду, ранней весной, каюкъ долетаетъ, говорятъ, до Батума въ $1^1/_2$—2 часа, достигая скорости почти 60 верстъ, превышающей быстроту нашихъ курьерскихъ поѣздовъ.

Какъ разъ напротивъ подножія скалы, на которой высятся развалины крѣпости, правый берегъ Чороха отходитъ нѣсколько въ сторону, образуя довольно широкую низменную полосу земли, усѣянную мелкими

гальками; это—старое ложе Чороха, который пробилъ себѣ новый путь тутъ же рядомъ въ скалахъ. Съ этого самаго мѣста, носящаго громкое названіе пристани, отправляются въ путь каюки съ пассажирами и товарами; здѣсь же ожидалъ и тотъ каюкъ, который долженъ былъ доставить насъ въ Батумъ. Мы удобно размѣстились въ широкой, просторной ладьѣ; Мамедъ-Катанъ-Оглы, одинъ изъ лучшихъ рейсовъ во



Ущелье рѣки Чороха въ верхнемъ теченіи.

всемъ округѣ, въ рукахъ котораго съ этого момента находилась наша судьба, сталъ на своемъ мѣстѣ, матросы оттолкнулись отъ берега длинными шестами; сдвинутый съ мѣста каюкъ какъ-то тихо выплылъ на середину рѣки, остался одно мгновеніе неподвиженъ, какъ бы въ раздумьѣ—бѣжать ему дальше или вернуться назадъ, и потомъ вздрогнувъ, съ страшной быстротой рванулся впередъ.

Прошло мгновеніе; пристань осталась далеко позади, и мы, подхва-

ченные бурнымъ потокомъ, быстро несемся впередъ, мимо нависшихъ надъ нами мрачныхъ, грозныхъ скалъ. Шипитъ и пѣнится кругомъ насъ вода, и сердитыя волны то и дѣло ударяются о бока лодки, обдавая насъ брызгами. Трр... трр... трр... слышится треніе каюка о каменистое дно рѣки. Мы проѣзжаемъ по мелкому мѣсту—это продолжается недолго, и лодка, пролетѣвъ черезъ мель, несется далѣе. Вотъ прибрежныя скалы разступаются въ стороны, русло расширяется, и теченіе рѣки, выйдя на просторъ, замедляетъ свой бѣшеный бѣгъ. Уже не такъ быстро мчится каюкъ, все медленнѣе и медленнѣе становится его движеніе; онъ почти останавливается. Избалованные быстротой, мы невольно начинаемъ роптать въ душѣ на эту остановку и какъ бы погоняемъ лодку. Но это замедленіе не надолго, это какъ бы затишье передъ бурею. Русло сразу суживается, и рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ. Передъ нами опять прежній могучій и быстрый Чорохъ; нашъ каюкъ дѣлаетъ бѣшеный прыжокъ и устремляется въ узкій проходъ. Опять замелькали мимо насъ сѣрыя, угрюмыя скалы, опять мы несемся съ ужасною быстротой. Сердце усиленно бьется въ груди, и жутко, и хорошо въ одно время. Передъ нами въ нѣсколькихъ шагахъ высится огромная скала,—каюкъ несется прямо на нее, вотъ она становится все ближе и ближе. Уже меньше сажени отдѣляетъ насъ отъ страшной громады. Гребцы налегаютъ на весла, капитанъ, упершись ногами въ бортъ каюка, всею тяжестью своего тѣла напираетъ на весло, передній рулевой держитъ наготовѣ свой багоръ. Отъ скорости движенія захватываетъ духъ. Еще секунда—и мы разобьемся въ куски объ эти твердые камни, и волны рѣки понесутъ дальше лишь обезображенные трупы и обломки разбитой лодки... На лодкѣ раздается веселое гиканье пассажировъ (среди туземцевъ принято кричать на опасныхъ мѣстахъ; они этимъ какъ бы ободряютъ рулевыхъ). Одно движеніе капитана, одно усиліе гребцовъ—каюкъ круто поворачиваетъ въ сторону и выносится на средину рѣки. Я оборачиваюсь назадъ; роковая скала чернѣется вдали, и мы продолжаемъ нашъ бѣшеный бѣгъ.

— Это самое опасное мѣсто, которое мы сейчасъ проѣхали,—обратился ко мнѣ нашъ попутчикъ.—Послѣ дождей, во время сильной воды здѣсь приходится на веревкѣ съ противоположнаго берега удерживать каюкъ, а то какъ налетитъ, моментально въ куски, и тутъ никакой рулевой не поможетъ. Вы и представить себѣ не можете, какіе ужасы здѣсь творятся.

Кромѣ насъ, на каюкѣ находилось человѣкъ 15 пассажировъ, по большей части армяне и турки. Какой-то бродячій музыкантъ, случайно находившійся на нашемъ каюкѣ, заигралъ на своей дудкѣ; его сосѣдъ, молодой армянинъ, развеселившійся отъ частаго прикладыванія во время пути къ бутылкѣ съ свѣтлою жидкостью, сталъ неистово колотить въ барабанъ, издавая отъ времени до времени пронзительные крики, осталь-

ные затянули какую-то веселую пѣсню; вышелъ такой концертъ, что можно было вообразить себя въ какомъ-нибудь неважномъ провинціальномъ театрѣ. То и дѣло намъ попадались навстрѣчу обратные каюки, спѣшившіе въ Артвинъ за новыми пассажирами и товарами. Своеобразную картину представляютъ эти встрѣчные каюки. Нѣсколько человѣкъ съ оголенными ногами, по колѣна въ водѣ, ступая по острымъ камнямъ, усыпающимъ дно рѣки, изнемогая отъ усталости и жары, тянутъ на канатѣ каюкъ, нагруженный припасами для расположенныхъ въ Артвинѣ войскъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ все время отпихивается при помощи длиннаго шеста отъ берега. Отвѣсные берега то надвигались почти совершенно, такъ что оставляли виднымъ лишь клочокъ синяго неба надъ нами, то расходились въ стороны, раскрывая передъ нашими восхищенными взорами красивыя лужайки, кое-гдѣ поросшія соснами и «горными пальмами», особымъ видомъ растеній, нисколько не похожихъ на ихъ стройныхъ африканскихъ собратьевъ, въ такомъ изобиліи наполняющихъ все побережье Средиземнаго моря. Эта горная пальма очень распространена въ Артвинскомъ округѣ и до 1878 г. ее вывозили въ большомъ количествѣ въ Малую Азію, послѣ же войны на вывозъ пальмы было положено запрещеніе. Благодаря необыкновенной крѣпости этого дерева, оно служитъ для выдѣлки различныхъ предметовъ для домашняго обихода—ложекъ, ножей, чашекъ, тросточекъ и т. д. Вотъ и турецкое селенье Борчка, наполовину покинутое жителями. Получасовая остановка доставила намъ возможность плотно позавтракать имѣвшимися при насъ припасами въ небольшомъ садикѣ, на берегу рѣки.

Опять вокругъ насъ пѣнится вода и бѣснуются разъяренныя волны, какъ бы собираясь поглотить насъ вмѣстѣ съ нашей утлой ладьей, опять шумящій Чорохъ несетъ насъ своимъ быстрымъ теченіемъ. Берега потеряли прежній дикій и суровый характеръ, яркая зелень сплошнымъ ковромъ покрываетъ прибрежныя скалы, красиво оттѣняясь на темной синевѣ южнаго неба. Все ниже и шире разступается передъ нами долина, все шире и шире разливается Чорохъ, безпощадно поглощая своими мутными волнами чистыя воды вливающихся въ него горныхъ потоковъ. Тише, тише подвигается каюкъ. Чорохъ выходитъ на равнину—немного дальше разстилается безбрежная даль Чернаго моря. Вотъ показались на берегу какіе-то домики. Рейсъ налегаетъ на весла, и каюкъ тихо подходитъ къ берегу.

Окончилось наше путешествіе по водѣ. Рессорный фаэтонъ ждетъ насъ у берега; быстро пролетятъ сытые кони небольшое разстояніе въ нѣсколько верстъ, отдѣляющее насъ отъ Батума.

По Закавказской желѣзной дорогѣ.

(Е. Маркова.)

Желѣзная дорога изъ Батума въ Тифлисъ идетъ по самому берегу моря, мимо нефтяного городка. Побережье отъ Батума до Цихидзира—рядъ прелестныхъ картинъ. Курчавые, густолиственные лѣса одѣваютъ ближнія гряды горъ. Вездѣ яркая, молодая зелень, сверкающіе весеннимъ лакомъ листья лавровишней и фотиній, малиновые гроздья цвѣтущихъ рододендроновъ, терновники и груши въ бѣлоснѣжномъ пуху, кизильникъ, осыпанный золотомъ своихъ цвѣтовъ, копны перепутанныхъ ліанъ на каждомъ деревѣ.

За этимъ ярко-зеленымъ, радостно сіяющимъ первымъ планомъ высятся пирамиды болѣе далекихъ темно-зеленыхъ горъ, еще посыпанныхъ—будто волосы первою сѣдиной—снѣгами зимы, и еще дальше за ними, еще выше, еще туманнѣе, сплошная цѣпь вѣчныхъ снѣговъ.

Поѣздъ несется сначала вровень съ гладью моря, по голышамъ береговой отмели, но уже скоро начинаетъ врѣзаться въ скалы берега; свѣжія обнаженія утесовъ, осыпи камней, обвалившихся въ море, среди которыхъ сѣро-зеленый трахитъ эффектно отдѣляется отъ ярко-красныхъ глинъ, чуть даютъ тѣсный проходъ чернымъ ниточкамъ рельсовъ, дерзко ворвавшимся въ ихъ каменное царство.

Непремѣнно оглянитесь назадъ, проѣхавъ первый туннель. Красно-желтая скала съ уцѣпившимися за неё изогнутыми деревьями, съ черною дырою туннеля внизу, живописнымъ мысомъ закрываетъ отъ васъ, какъ декорація театра, повороты желѣзной дороги, а за нею далеко и высоко, будто нарисованные нѣжною акварелью, вырѣзываются на мягкомъ голубомъ фонѣ морской дали бѣлые башни и домики Батумскаго порта, съ чуть видными дымками пароходовъ и мачтами кораблей.

Чаква—первая станція въ семнадцати верстахъ отъ Батума. Растительность тутъ тропической роскоши. Это природная оранжерея, сочащаяся обильной водой, всегда залитая солнцемъ, поэтому постоянно жаркая и влажная. Тутъ можно разводить самыя нѣжныя растенія дальняго юга. Но сила растительности такова, что необходимо сначала бороться съ нею и побѣдить ее, иначе она задавитъ всѣ дѣла рукъ человѣческихъ. Тутъ вездѣ приходится сначала выжигать всѣ лѣсныя поросли, а уже потомъ обрабатывать землю. А запустите какіе-нибудь два-три года, и опять все зарастетъ, заглушится, опять нужно начинать сызнова. Уже много земель этого берега раздѣлано и обработано, много виднѣется садовъ и плантацій всякаго рода. Почва здѣшняя—латеритъ, ярко-красная глина, изумительно плодородная при обиліи воды. Вообще вся эта мѣстность удивительно удобна для самыхъ цѣнныхъ культуръ. На каждомъ шагу ручьи, водопады, болота, озерки. Скалистыя стѣны

желѣзнодорожнаго туннеля сочатся сплошною скатертью воды; черезъ каждый аршинъ въ нихъ продѣланы сточныя трубы. Кукурузы тутъ видимо-невидимо, шелковица захватываетъ все больше мѣста. Можно смѣло сказать, что эта страна блестящей будущности плодороднѣе и роскошнѣе южнаго берега Крыма. Уже теперь земли на равнинахъ стоятъ здѣсь огромныхъ цѣнъ.

Передъ Кобулетами на высокой скалѣ, царящей надъ берегомъ, очень картинно нарисовались вдругъ развалины большой крѣпости. Зубчатыя стѣны, башни съ разбитыми амбразурами, почернѣвшія отъ копоти вѣковъ, живописно задрапированныя колыхающимися шпалерами плюща.

Сами Кобулеты мало интересны. Они лежатъ на низкомъ поморьѣ, куда обыкновенно пріѣзжаютъ для морскихъ купаній. За Кобулетами мѣстность рѣзко измѣняется и теряетъ свой декоративный характеръ. Море уходитъ налѣво, горы уходятъ направо, и васъ окружаетъ однообразная широкая равнина, заросшая чуть не дѣвственными лѣсами, покрытая плантаціями кукурузы. Собственно говоря, это сплошное болото, но болото при здѣшней тропической жарѣ очень плодородное, вездѣ, гдѣ его сколько-нибудь приспособятъ къ посѣвамъ. Колоссальные, прямые, какъ мачты, стволы деревьевъ, дубы, грабы, карачаги, чинары, до макушки увитые цвѣтущими ліанами, поднимаются прямо изъ трясинъ, залитыхъ водою, и большею частью гніютъ тутъ же на корню. Лихорадки здѣсь вѣкуютъ, какъ въ своемъ родимомъ гнѣздѣ. На расчищенныхъ, нѣсколько болѣе сухихъ полянахъ почти сплошная кукуруза. Эти кукурузныя поля имѣютъ оригинальный видъ: они всѣ усѣяны своего рода избушками на курьихъ ножкахъ, камышевыми и плетневыми кукурузницами, высоко поднятыми на столбахъ, какъ двѣ капли воды похожія на тѣ хижины островитянъ-дикарей, которыя изображаются у старыхъ путешественниковъ по океанамъ. Сѣно тутъ тоже намотано, какъ клубки шерсти на веретена, на высокіе шесты или уложено стожками между вѣтвей деревьевъ. Съ непривычки кажется издали, будто какіе-то гигантскіе грибы вытянулись высоко въ воздухъ изъ этой сказочно-плодородной почвы. Все тутъ нужно спасать отъ прикосновенія губительной болотной влаги.

Народъ здѣсь—красавецъ на красавцѣ, статный, рослый, со смѣлымъ взглядомъ глазъ, съ тонкими чертами сухого лица, напоминающими породистаго арабскаго коня. Аджарцы и гурійцы мало разнятся другъ отъ друга и лицомъ, и нарядомъ, и языкомъ.

По дорогамъ не только видны всадники и пѣшеходы, но и арбы. Здѣшнія арбы—двухколесныя. Колеса ихъ—это тяжелые сплошные круги изъ толстѣйшихъ буковыхъ досокъ, безъ спицъ и ободьевъ; конечно, и горныя дороги здѣсь тоже напоминаютъ времена Ноя, и по нимъ дѣйствительно не поѣдешь на рессорахъ; но все-таки эта тяжесть

огромныхъ и неуклюжихъ жернововъ, скрипящихъ на немазанной оси, не подъ силу даже и выносливымъ буйволамъ, обычнымъ перевозочнымъ животнымъ этого края.

На станціяхъ большое стеченіе народа, настоящій базаръ. Хорошенькія гурійки въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ сѣткахъ на головахъ, щеголевато одѣтыя, продаютъ шелковыя матеріи, платки и шарфики своей работы. Хотя особеннаго достоинства эти легкія ткани и не имѣютъ, но зато онѣ удивительно дешевы: мѣстную чесучу, или, вѣрнѣе, шелковое полотно, можно купить здѣсь по 70, по 80 коп. за аршинъ.

Красавцы-гурійцы съ воинственною осанкой толпятся здѣсь во множествѣ, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ кокетливо завязанныхъ башлыкахъ; мальчишки ихъ, глазастые, румяные брюнеты, смотрятъ совсѣмъ итальянцами. Меня и здѣсь, какъ въ Палестинѣ, какъ въ Египтѣ, какъ на островахъ греческаго Архипелага, удивляла эта потребность южнаго человѣка, жителя горячихъ странъ, кутаться даже лѣтомъ въ теплое и черное, въ то время, какъ мы, сѣверяне, въ своемъ сыромъ и холодномъ климатѣ щеголяемъ съ мая до сентября въ бѣлой парусинѣ.

Мы накупили у женщинъ кое-какихъ шелковыхъ мелочей, захватили у черномазаго мальчугана, осчастливленнаго полученіемъ пятиалтыннаго, кружокъ мѣстнаго мягкаго сыра и съ этою добычею поспѣшили возвратиться въ вагонъ. Проѣхали Нотанеби проѣхали Сужу. За Сужей равнина Гуріи дѣлается еще привольнѣе; горы видны направо и налѣво, вездѣ журчатъ ручьи, борозды полей залиты водою, поля раздѣлены плетнями на участки, кукуруза и кукурузницы на курьихъ ножкахъ вездѣ, куда ни оглянешься. А селеній между тѣмъ почти не видно. Тѣ хижины безъ оконъ, что ютятся въ тѣни маленькихъ садиковъ,— скорѣе лѣтніе хутора и хозяйственные склады, чѣмъ постоянныя жилища гурійца. Селенья его, должно быть, въ предгорьяхъ, подальше отъ этой болотистой низины. Въ многочисленныхъ канавахъ, откуда до одури кричатъ лягушки, то и дѣло видишь валяющихся свиней и буйволовъ.

Мы уже приближаемся къ Ріону и то и дѣло касаемся его береговъ. Намъ уже видна на той сторонѣ Имеретія съ мерцающими за нею стѣнами Большого Кавказа. Поля перемѣняютъ свой характеръ. Почва тутъ вся изъ мелкихъ голышей, смѣшанныхъ съ иломъ, особенно подходящая для винограда.

Отъ станціи Негоити и Саджевахо вездѣ тутъ рѣдко раскинуты по полямъ старыя рогатыя деревья, кругомъ которыхъ обвиваются могучіе многолѣтніе канаты виноградной лозы, толщиною въ добрую руку. Въ прежнее время всѣ поля были въ такихъ деревьяхъ, и всякое дерево въ обильно осыпанныхъ гроздями лозахъ винограда. Но сбытъ кукурузы оказался проще и выгоднѣе виноградарства, и народъ бросился на

новую наживу, сталъ подсѣкать подъ корень старыя свои деревья, а вмѣстѣ съ ними и старыя лозы, дававшія виноградъ, какъ увѣряютъ здѣшніе люди, несравненно болѣе душистый и сочный, чѣмъ болѣе цивилизованный способъ культуры кустами. За Самтреди уже начинается Имеретія. Горы отступаютъ еще дальше въ знойную синеву, откуда вырѣзаются на сине-зеленомъ фонѣ предгорій бѣленькіе домики многочисленныхъ имеретинскихъ деревень.

Мы переѣхали по низенькому мосту быстрый и мутный Ріонъ, текущій здѣсь совсѣмъ въ плоскихъ берегахъ. Имеретія уже замѣтно культурнѣе полудикой Гуріи. Правильные виноградники, хорошіе фруктовые

Гурійская изба.

сады, полевые участки, обсаженные рядами тутовыхъ деревьевъ, большіе и красивые сельскіе дома. Оттого и цѣна земли здѣсь гораздо выше, чѣмъ въ Гуріи. Десятина земли съ какимъ-нибудь маленькимъ садикомъ стоитъ 500, 600, 1.000 руб. Земля здѣсь воздѣлывается гораздо тщательнѣе, хотя и тутъ, какъ въ Гуріи, гуляетъ по полямъ первобытная соха, это—простой деревянный крюкъ, выпиленный изъ доски, съ надѣтымъ вмѣсто сошника деревяннымъ клиномъ. У рѣдкаго хозяина кончикъ этого клина немножко окованъ желѣзомъ. И однако благодарная мягкая почва Колхидскаго бассейна довольствуется и этимъ проскребываньемъ ея деревяннымъ зубомъ и даетъ огромные урожаи.

Имеретины уже далеко не такого благороднаго типа, какъ гурійцы.

Всѣ они какіе-то носатые и черные: черныя бороды, черные глаза, черныя лица, одѣтые всѣ въ черномъ, въ черныхъ буркахъ, въ черныхъ куртkахъ, въ черныхъ башлыкахъ. Въ типѣ имеретина есть что-то рѣзкое, жесткое и недоброе. По характеру своему они такъ же, какъ и мингрельцы, далеко не то, что наивные и честные храбрецы гурійцы.

Равнина Ріона и его притока Квириллы, по которой мы теперь ѣхали,—само плодородіе. Почва тутъ—жирный глинистый лёсъ. Безъ сомнѣнія, обиліе въ ней плодоноснаго ила, какъ и въ Нильской долинѣ, зависитъ отъ разлива рѣкъ, если не теперешнихъ, то старыхъ временъ, болѣе богатыхъ водами.

Въ апрѣлѣ яровая пшеница уже ростомъ четверть аршина и очень густа. Круглый годъ тутъ подножный кормъ для скота. Имеретины сѣютъ много такъ называемой «енжи», особаго рода люцерны, которая даетъ нѣсколько укосовъ въ лѣто. Эта райская равнина къ тому же пользуется и очень здоровымъ климатомъ, въ отличіе отъ гурійскихъ лихорадочный топей.

За Свиро и сама Квирилла. Это уже настоящій городокъ, довольно большой и живописный. Старинные имеретинскіе дома въ два яруса, съ галлереями, съ колоннами, съ множествомъ лавчонокъ въ нижнемъ ярусѣ, очень характерныхъ, указываютъ на зажиточность народа. Красивыя темныя горы надвинулись кругомъ, и въ этой немного суровой рамѣ долина, сверкавшая яркою зеленью, глядѣла очаровательно. Мостъ изъ чугунныхъ рельсовъ перекинутъ здѣсь черезъ Квириллу. И около него, и около вокзала, и на улицахъ только и увидишь, что цѣлые караваны маленькихъ ушатыхъ осликовъ, совсѣмъ, кажется, раздавленныхъ нацѣпленными на нихъ громоздкими корзинами съ марганцомъ, добываемымъ недалеко отсюда, въ Чіатурахъ.

Теперь мы уже совсѣмъ попали въ царство горъ. Мы двигаемся узкимъ и глубокимъ ущельемъ Квириллы все вверхъ и вверхъ. Десятки разъ желѣзная дорога переѣзжаетъ поперекъ эту бурную рѣчку, капризно кидающуюся изъ стороны въ сторону. Темный коридоръ, пробитый дерзостью человѣка, съ трудомъ отвоевываетъ для своей пары рельсовъ узкую пядь земли отъ этого неистоваго звѣря, вѣковѣчнаго хозяина недоступной горной тѣснины, и даетъ намъ заглянуть въ ея долго сокрытыя тайны. Вокругъ насъ настоящіе альпійскіе виды. Тѣснина наша, иногда похожая болѣе на каменоломню, чѣмъ на долину, сверкаетъ изломами своихъ трахитовъ, сланцевъ, алебастровъ, свѣжими, какъ колотый сахаръ, и, облитая прямо сверху солнцемъ, кишитъ цвѣтущими травами и кустами, бархатомъ барвинковъ, золотомъ цитизуса, пестрыми орхидеями. А надъ нами, на подоблачной высотѣ, зеленыя пастбища на гигантскихъ косогорахъ, домовитые хуторки имеретинъ, курчавые виноградники, мирно пашущіе плуги! Совсѣмъ Швейцарія.

Вотъ поѣздъ нашъ прогремѣлъ въ темномъ туннелѣ, и передъ нашими глазами открылась величественная картина. Стѣны всѣхъ цвѣтовъ, бѣло-сѣрыя, бѣло-желтыя, малиновыя, какъ кровь, встаютъ отвѣсно со дна глубокаго ущелья; онѣ угрожающе нависли надъ полотномъ дороги, по которой мы несемся. Плющъ устилаетъ нѣкоторыя изъ этихъ стѣнъ отъ основанія своими блестящими, словно полированными листьями, расписываетъ ихъ затѣйливыми арабесками своихъ капризныхъ побѣговъ. Цѣлыя деревья лѣпятся на другихъ стѣнахъ, вися надъ пропастью, будто приклеенныя, вцѣпившись своими терпкими корнями въ малѣйшій выступъ гладкой отвѣсной скалы. Но вдругъ я вздрогнулъ и отшатнулся невольно назадъ. Надъ нами на огромной высотѣ, тоже на чуть замѣтныхъ карнизикахъ утесистой стѣны стояли въ живописныхъ позахъ, спокойно опершись на свои кирки и глядя внизъ на нашъ поѣздъ, нѣсколькими ярусами другъ надъ другомъ, ряды рабочихъ имеретинъ. Они проводили новую дорогу на Бежатубанъ, значительно выше, но и короче теперешней.

А въ поворотахъ въ ущелья, при впаденіи въ нихъ другихъ, еще болѣе тѣсныхъ и дикихъ трещинъ, откуда прыгаютъ навстрѣчу Квириллѣ неистовые потоки, вырѣзаются въ горячей синевѣ неба, на высокихъ скалахъ и холмахъ развалины древнихъ замковъ, когда-то зорко сторожившихъ эти ущелья и сурово царившихъ надъ ними. Кое-гдѣ однако виднѣются изрѣдка наверху и хорошенькіе помѣщичьи домики, и зажиточныя крестьянскія избы. Вонъ даже на одномъ обрывистомъ и высокомъ выступѣ забѣлѣлся старинный христіанскій храмъ... Колокольня его живописно обвита, будто стволъ вѣкового дуба, густыми темно-зелеными плетями плюща... Внизу хотя дикая пустыня, зато вверху, на облегающихъ насъ кругомъ поляхъ, все людно, полно жизни и дѣятельнаго хозяйства.

Въ воздухѣ замѣтно свѣжѣетъ по мѣрѣ подъема. Мы, должно быть, забрались уже очень высоко. Какой часъ ѣдемъ и все карабкаемся вверхъ. А съ нами вмѣстѣ, черезъ всѣ изгибы дикихъ ущелій, по которымъ мы несемся, ползетъ вверхъ рядомъ съ нашими рельсами черная труба чугуннаго нефтепровода, которымъ керосинъ перекачивается изъ Михайловской станціи въ батумскія цистерны, чтобы избѣжать труднаго перевала керосиновыхъ вагоновъ черезъ Сурамскія горы. Нашъ поѣздъ, сдерживая легонько ходъ, тихо въѣзжаетъ въ старинное грузинское селеніе «Старую Ципу», мимо старинной церкви первобытнаго грузинскаго типа, въ видѣ дома съ узкими бойницами вмѣсто оконъ и съ крошечной башенкой на краю высокой крыши. Незамѣтно изъ улицы села мы выѣзжаемъ и подъ темные своды Сурамскаго туннеля. Туннелемъ поѣздъ идетъ двѣнадцать минутъ въ абсолютномъ могильномъ мракѣ. Удушливый запахъ нефтяныхъ остатковъ, которыми здѣсь топятъ паровозы, стоитъ неподвижно въ туннелѣ. Протяженіе туннеля безъ

малаго четыре версты, и постройка его стоила четыре милліона, болѣе чѣмъ по милліону верста.

Выѣздъ изъ Сурамскаго туннеля не представляетъ ничего эффектнаго. Напротивъ того, пейзажъ дѣлается скуднымъ и прозаическимъ сравнительно съ тѣмъ, который мы только что покинули, словно мы въѣхали совсѣмъ въ другое царство.

Вмѣсто ущелья—широкая равнина, только вдали окаймленная справа и слѣва горами. Подъ гребнемъ правыхъ, болѣе къ намъ близкихъ горъ, сверкаетъ широкою лентою величественная Кура, только что вырвавшаяся здѣсь изъ суроваго Боржомскаго ущелья. Мы теперь въ бассейнѣ Каспія,—въ царствѣ дряхлой Азіи. Долина или, вѣрнѣе, равнина Куры густо населена и хорошо обработана. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ полотна желѣзной дороги, не доѣзжая станціи Михайловки, на продолговатомъ словно насыпанномъ холмѣ виднѣется въ тѣни такихъ же многовѣковыхъ старцевъ-деревьевъ очень древняя, очевидно давно запустѣвшая церковь, вся поросшая сверху кустами и бурьяномъ. Станція Михайловка—теперь большое мѣстечко и центръ торговли лѣсомъ, который въ огромномъ количествѣ вывозится изъ Боржомскаго ущелья и составляетъ между прочимъ главный доходъ великокняжескаго имѣнія. Кромѣ того, въ Михайловкѣ главная мастерская Батумо-Бакинской, прежней Поти-Тифлисской желѣзной дороги. Поэтому Михайловка незамѣтно перерождается въ маленькій и дѣятельный городокъ. Здѣсь насъ встрѣтила сцена еще болѣе во вкусѣ мѣстныхъ нравовъ, вполнѣ уже кавказская. Сейчасъ, чуть не на нашихъ глазахъ, рослый молодой чеченецъ изрубилъ въ какомъ-то неясномъ для публикѣ спорѣ богатаго мѣстнаго помѣщика князя Абашидзе. Судебный слѣдователь болѣе чѣмъ мирнаго вида снималъ въ эту минуту опросъ съ задержаннаго горскаго богатыря, предлагая ему своимъ вѣжливымъ голосомъ обычные вопросы: «какъ васъ зовутъ? какого вѣроисповѣданія?» А посреди залы кучка такихъ же, какъ чеченецъ, огромныхъ и могучихъ фигуръ въ черкескахъ, съ свирѣпыми черными и сѣрыми усами, съ свирѣпымъ взглядомъ огненныхъ глазъ, такъ же, какъ онъ, сверкавшихъ бѣлыми зубами, бѣлыми бѣлками, серебряными патронами, серебряными поясами и ручками кинжаловъ, горячо и громко толковали другъ съ другомъ, взмахивая руками, сжимая кулаки, на гортанномъ, какъ клекотъ ворона, непонятномъ для насъ языкѣ... Очевидно, это были родственники или друзья заинтересованныхъ сторонъ, чѣмъ-то возмущенные въ этомъ дѣлѣ и, безъ сомнѣнія, кипѣвшіе внутри страстною потребностью вспомнить доброе старое время и разрѣшить спорный вопросъ тутъ же на мѣстѣ, безъ участія судебнаго слѣдователя, тѣми простыми и вразумительными средствами, которыя у каждаго изъ нихъ были въ изобиліи натыканы за чеканные пояса.

Майданъ въ Тифлисѣ.

(Филиппова.)

Отъ Мцхета до Тифлиса двадцать верстъ и почти все это пространство приходится проѣзжать голыми, безжизненными пустынями. Послѣ Мцхетскихъ горъ эти желтовато-сѣрыя равнины способны довести до отчаянія, до тоски. Двадцать верстъ кажутся необыкновенно длиннымъ пространствомъ; не чаешь и конца имъ.

— Гдѣ же Тифлисъ?—въ десятый разъ спрашиваю я ямщика.

— А вотъ онъ, виднѣется,—указываетъ онъ на рядъ возвышающихся холмовъ на горизонтѣ.

Ѣдемъ далѣе. Холмы все увеличиваются, переходятъ въ цѣлыя горы, очень невысокія, впрочемъ, а города все нѣтъ, какъ нѣтъ. Его и не увидишь, впрочемъ, съ дороги, пока не въѣдешь въ самый городъ.

Тифлисъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горами и находится въ котлоочень невысокія, впрочемъ, а города все нѣтъ, какъ нѣтъ. Его и не Муштаидъ, огромный, тѣнистый садъ, расположенный на берегу Куры, а затѣмъ и весь Тифлисъ, разбросавшійся по обоимъ берегамъ Куры, открывается взору.

Уже смеркалось, когда мы въѣхали въ Тифлисъ. Въ вечернемъ сумракѣ ничего невозможно было разглядѣть ясно. Кое-гдѣ мелькали огоньки, двигались какія-то темныя фигуры, откуда-то доносились звуки зурны и бубна, слышалась гнусливая восточная пѣсня...

— На почтовую станцію или въ гостиницу прикажете везти?—спрашиваетъ ямщикъ.

— Вези въ гостиницу.

Проколесивъ кривыми переулками, мы въѣхали на широкую освѣщенную улицу и остановились у подъѣзда высокаго трехъ-этажнаго дома. Это гостиница «Россія», одна изъ лучшихъ и недорогихъ на Головинскомъ проспектѣ.

— Номеръ есть?

Навстрѣчу выбѣжалъ красивый грузинъ въ ливреѣ и съ ловкостью придворнаго камеръ-лакея помогъ намъ выбраться изъ брички.

— Есть, мсье, номеръ... Прошу, мсье, наверхъ.

И указалъ на широкую лѣстницу, ведущую въ коридоры гостиницы. Тамъ уже другой грузинъ, во фракѣ, съ изысканною вѣжливостью и съ тѣмъ же неизбѣжнымъ прибавленіемъ «мсье», приглашаетъ слѣдовать за нимъ. Намъ отвели небольшія, но очень чистыя комнаты.

Гостиница оказалась дѣйствительно хорошей, а главное чрезвычайно оригинальной. Она выстроена въ восточномъ вкусѣ, т.-е. съ внутреннимъ дворомъ, а каждый этажъ имѣетъ отдѣльную галлерею, на которую выходятъ всѣ находящіяся въ немъ номерныя двери, такъ что

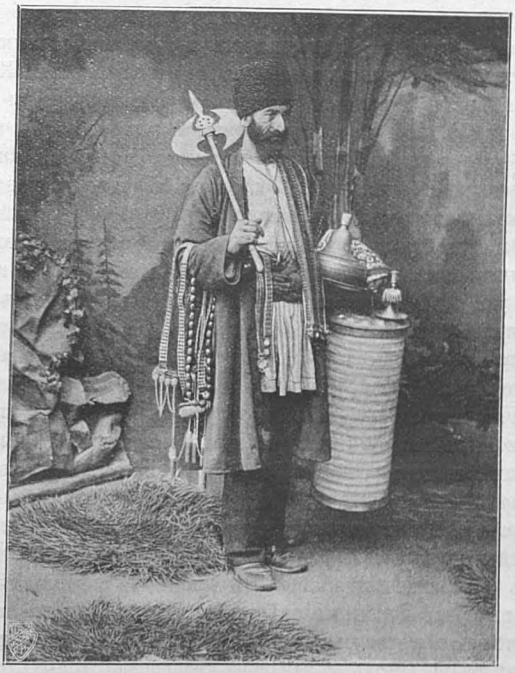
каждый изъ живущихъ имѣетъ какъ бы собственный балконъ. Одна сторона остается открытой, и тутъ перекинутъ мостикъ, соединяющій оба конца галлереи. Когда вы встанете на этотъ мостикъ, большая часть Тифлиса у вашихъ ногъ. Особенно эффектная картина получается вечеромъ, когда жгутъ огни.

Такъ какъ Тифлисъ расположенъ и на горахъ, и подъ горами, то свѣтящіяся точки огоньковъ блестятъ и наверху, и внизу, и съ боковъ, кажутся отраженіями въ водѣ, словно вы стоите на берегу, а передъ вами разлилось широкое безбрежное море... Вообще Тифлисъ красивѣе и эффектнѣе вечеромъ. Тогда въ немъ просыпается жизнь: улицы и сады наполняются гуляющими, слышится говоръ и смѣхъ; чувствуется жизнь и движеніе, вялое и мало замѣтное днемъ, благодаря раскаленной безвѣтренной атмосферѣ и жгучимъ солнечнымъ лучамъ, которые немилосердно палятъ городъ вплоть до сумерекъ. На всякаго пріѣзжающаго въ Тифлисъ этотъ городъ, гдѣ происходитъ самое странное сплетеніе Запада и Востока, азіатской жизни и жизни европейской— Тифлисъ производитъ двоякое впечатлѣніе: сейчасъ вы находитесь въ европейскомъ кварталѣ, но поверните въ переулокъ, пройдите нѣсколько шаговъ, и передъ вами Востокъ, самая глубокая Азія, во всей ея оригинальности и пестротѣ. Весь интересъ для туриста Тифлисъ представляетъ не въ европейской своей части, а въ тѣхъ, которыя зовутъ Майданомъ и Армянскимъ базаромъ. Тамъ только вы узнаете, что такое настоящій, коренной Тифлисъ.

Чтобы попасть туда, слѣдуетъ миновать Эриванскую площадь и углубиться нѣсколько влѣво. Очутившись въ этихъ мѣстахъ, вы сразу даже и не поймете, что такое происходитъ вокругъ васъ, надъ вами и подъ вами. Это какая-то каша изъ людей и животныхъ, бараньихъ шапокъ и бритыхъ головъ, фесокъ и картузовъ, женщинъ и мужчинъ, лошадей иословъ, верблюдовъ и собакъ, стариковъ и молодыхъ и т. д., и т. д. И все это кричитъ, стучитъ, смѣется, бранится, толкается, поетъ, работаетъ и потрясаетъ на разные тона и голоса знойный недвижимый воздухъ.

Это какое-то Вальпургіево сборище, адскій шабашъ Лысой горы, который и оглушаетъ, и поражаетъ, и сбиваетъ съ толку каждаго, кто попадаетъ сюда въ первый разъ. Кривыя улицы, въ которыхъ трудно разъѣхаться двумъ экипажамъ, идутъ въ гору и подъ гору, ежеминутно пересѣкаются темными переулками, гдѣ, протянувъ руки, можно упереться ладонями о стѣны домовъ, стоящихъ по обѣ стороны. Нельзя ступить шагу, чтобы не наткнуться на что-нибудь живое, сидящее тутъ же на землѣ. Нѣтъ возможности повернуть, чтобы не задѣть кого-либо или что-либо. Постройки расположены и на верху, и въ уровень съ вами, и подъ вашими ногами. Идешь и едва не проваливаешься въ ка-

кую-то яму, которая оказывается караванъ-сараемъ, а черезъ нѣсколько шаговъ надъ головою уже виситъ длинная ветхая галлерея съ сгнившими подпорками и тутъ же спускъ къ Курѣ, грязно-желтыя воды которой плещутъ между берегами, и на отмеляхъ движутся стаи большихъ рыжихъ крысъ. Ступеньки крылечекъ купаются въ водѣ и ведутъ въ узкіе дома, многоэтажные фасады которыхъ какъ кружевомъ опутаны цѣлою сѣтью сквозныхъ балкончиковъ.



Персіянинъ торговецъ въ Тифлисѣ.

Вся Азія, кажется, выслала сюда своихъ представителей.

Вотъ татаринъ осторожно пробирается между тюками товаровъ, и узкіе глазки его быстро бѣгаютъ по сторонамъ изъ-подъ надвинутой на брови войлочной шапки. Рядомъ съ нимъ виднѣется нахмуренная воинственная фигура лезгина. Важною поступью проходитъ задумчивый персіянинъ въ своей островерхой бараньей шапкѣ, въ толстыхъ цвѣтныхъ чулкахъ и башмакахъ, едва прикрывающихъ пальцы ногъ. Длинная борода его и ногти выкрашены въ ярко-красную краску. Тутъ же два

армянина въ чухахъ и московскихъ картузахъ на затылкахъ, съ длинными красными носами, хлопаютъ другъ друга по животу и радостно гогочутъ на всю улицу. Красивый профиль грузина съ изящными тонкими усиками показывается за ними и самъ его обладатель ловко протискивается въ толпѣ, слегка наклонивъ свой стройную высокую талію. Медленно подвигается маленькій мулла съ огромной сѣрой бородой и въ бѣлой чалмѣ. Статная фигура гурійца въ коротенькой курткѣ и шароварахъ въ обтяжку, расталкивая встрѣчныхъ прохожихъ, перебирается на другую сторону улицы. Изъ-подъ коричневаго башлыка, которымъ закутана голова гурійца, выглядываетъ мужественное загорѣлое лицо съ щетинистыми усами и давно небритымъ подбородкомъ. Изрѣдка поспѣшно пробѣгаетъ покрытая длинною чадрой женщина и скрывается въ какомъ-нибудь переулкѣ. Размѣреннымъ шагомъ идетъ ишакъ, навьюченный корзинами съ углями, а сзади его въ нѣсколькихъ шагахъ бредетъ проводникъ—полуголая фигура съ заложенными назадъ руками—и во все горло оретъ какую-то пѣсню. Немного дальше слышится скрипъ арбы, доверху нагруженной какимъ-то товаромъ, который везетъ пара черныхъ огромныхъ буйволовъ. Едва отведешь отъ нихъ глаза, какъ надъ ухомъ раздается сапъ цѣлой вереницы верблюдовъ, въ ноздри которыхъ продѣты веревки. Сильный толчокъ заставляетъ оглянуться въ другую сторону—это носильщикъ тяжестей, «муша», у котораго на спинѣ саженный сундукъ, неизвѣстно чѣмъ набитый, но муша даже и вниманія не обращаетъ и продолжаетъ себѣ двигаться, согнувшись въ три погибели. А вотъ коренастая фигура верхового казака показывается въ этой сутолокѣ и, не церемонясь, опускаетъ свою нагайку на спину зѣваки, который только почешется и пуститъ въ отвѣтъ какое-то высокогортанное слово. А вотъ оселъ вырвался отъ своего проводника, который бѣжитъ за нимъ съ поднятой палкой, свистя и крича вперемежку, чтобы остановить убѣгающее животное. Въ одномъ мѣстѣ онъ наткнулся на лежащую поперекъ дороги человѣческую фигуру и полетѣлъ черезъ голову, но тотчасъ же вскочилъ и, выругавшись на ходу, продолжаетъ свое преслѣдованіе. Вотъ цѣлая куча совершенно голыхъ ребятишекъ, грязныхъ и загорѣлыхъ, дерется на кулачки и кричитъ высокими пронзительными голосами, а на нихъ съ тупымъ вниманіемъ уставилась неподвижная фигура краснобородаго персіянина. Да и не перечтешь всѣ эти типы, группы и сцены, которые здѣсь на каждомъ шагу! И все это загорѣлое, пестрое, яркое, горячее, лѣнивое, апатичное или стремительное—шумитъ, жестикулируетъ, двигается, толкается, оретъ во все горло, словно стараясь перекричать другъ друга.

Вся жизнь совершается на улицѣ подъ открытымъ небомъ. Вотъ цѣлый рядъ башмачниковъ, тутъ же изготовляющихъ чувяки и прочую обувь. Рядомъ помѣстился хлѣбопекъ и вывѣсилъ огромный левашъ,

сквозь который просвѣчиваетъ сальный огарокъ. Немного далѣе цырюльники бреютъ персіянъ, самымъ оригинальнымъ образомъ совершая эту операцію: плюнетъ на щеку или макушку своего кліента и какимъ-то узенькимъ, наподобіе бритвы, ножомъ соскоблить съ нихъ волосы. Около цырюльниковъ возсѣдаютъ портные и мѣховщики. Тамъ молотъ выковываетъ кинжалъ, и палатка оружейника завѣшана самымъ разнообразнымъ оружіемъ. Здѣсь прямо на полу навалены персики, изюмъ и груши, а на другой сторонѣ на вертелѣ жарятъ шашлыкъ и въ огромныхъ кастрюляхъ варится какая-то жидкость. И тутъ же насытившійся армянинъ растянулся на порогѣ и храпитъ во всѣ завертки, нисколько не безпокоясь о томъ, что кто-нибудь можетъ наступить на его длинный носъ или руки, раскинутыя по сторонамъ.

Тутъ же невдалекѣ приходится проходить мимо открытыхъ лавокъ, передъ которыми устроены навѣсы, ужасно напоминающіе наши великорусскіе лабазы. Чѣмъ-то русскимъ, хорошо знакомымъ, много разъ видѣннымъ сразу повѣетъ на васъ отъ этого полу-сарая, стоящаго почти бокъ-о-бокъ съ окружающей его азіатчиной. Да, да! это русское, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній, въ этомъ убѣждаетъ прибитая къ лабазу вывѣска съ изображеніемъ пузатаго самовара съ чайникомъ и чашками на подносѣ. Оказывается, что находишься около молоканской харчевни, гдѣ, кромѣ чаю, достать ничего нельзя. Я нарочно зашелъ въ эту харчевню и сразу почувствовалъ себя среди земляковъ; коротенькіе кафтаны, картузы, русскія окладистыя бороды и круглыя, чисто русскія лица. Молокане стали селиться на Кавказѣ съ тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Они крѣпко держатся своей вѣры, а еще крѣпче— обычаевъ далекой родины. Это небольшая кучка трудолюбивыхъ и абсолютно-трезвыхъ людей, ничего общаго не имѣющихъ съ мѣстнымъ населеніемъ; благодаря своей трезвости и трудолюбію, молокане живутъ безбѣдно. Кромѣ землепашества, они занимаются извозомъ; подрядная часть въ Закавказьи у нихъ всецѣло въ рукахъ.

Здѣсь они торгуютъ желѣзомъ. Эта торговля вся за ними. Лавки тутъ же около харчевни, и, стоя около нихъ, вамъ кажется, что вы находитесь у себя дома, но не здѣсь въ Тифлисѣ, на этомъ Майданѣ, который кружитъ вамъ голову и одуряетъ своею азіатскою пестротой.

Ступите нѣсколько шаговъ, и васъ снова охватитъ этотъ гнусливый выкрикъ многотысячной азіатской толпы. Вы снова на Майданѣ и вновь затерялись въ его толпѣ, которая стискиваетъ васъ, толкаетъ и увлекаетъ, какъ бурный потокъ... На каждомъ шагу новыя сцены, новые типы: богатѣйшій матеріалъ для художника!..

И, двигаясь съ этою толпою, мѣстами приходится наталкиваться на сонныя фигуры полицейскихъ, апатично поглядывающихъ на все происходящее вокругъ нихъ...

Таковъ татарскій Майданъ.

Армянскій базаръ тутъ же и весь состоитъ изъ караванъ-сараевъ и лавокъ. Товары навалены всюду: и на площади, и на улицахъ, и внутри лавокъ, и въ переулкахъ. Гамъ и толкотня такая же, какъ и на Майданѣ,—различія нѣтъ никакого.

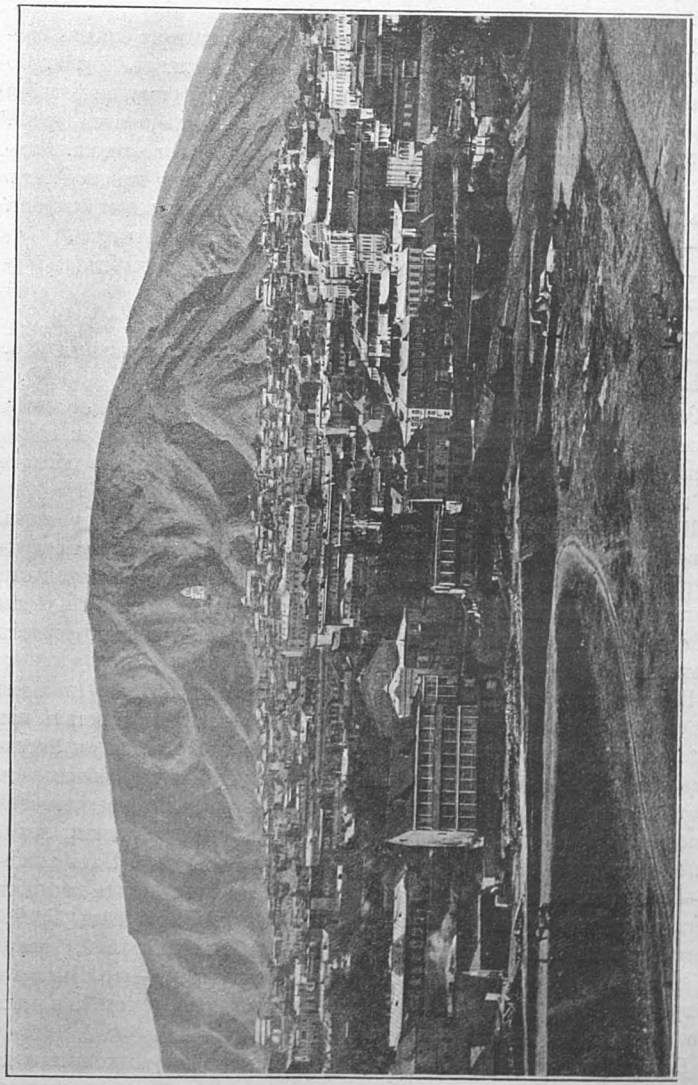
Чтобы попасть въ какой-нибудь изъ караванъ-сараевъ, нужно спуститься внизъ, подняться вверхъ, попасть на какую-нибудь галлерею, сойти съ нея опять внизъ и послѣ многочисленныхъ переходовъ снизу вверхъ и сверху внизъ вы, наконецъ, попадаете въ лабиринтъ какихъ-то коридоровъ, изъ которыхъ, кажется, нельзя выбраться безъ Аріаднина клубка. Здѣсь кругомъ васъ безпорядочно навалены кучи ковровъ, шелковыхъ тканей и всевозможныхъ персидскихъ матерій. Цѣны на все ужасныя—запрашиваютъ не вдвое, а въ десять разъ: вещь, за которую по первому слову назначаютъ рубль, можно купить чуть ли не за гривенникъ... Въ караванъ-сараяхъ не только торгуютъ, но и живутъ. Я зашелъ въ комнату къ одному изъ купцовъ. Признаюсь, такой обстановкѣ позавидовалъ бы каждый; и полъ, и стѣны, и потолокъ обтянуты персидскими коврами, кругомъ стѣнъ установлены тахты съ мягкими мутаками. Постель прямо на полу, на грудѣ пуховыхъ тюфяковъ; вмѣсто одѣяла мягкая шелковая перинка. Такой же мутакъ замѣняетъ подушки. Находясь въ такомъ помѣщеніи, отлично понимаешь, что такое восточная нѣга. Но грязно здѣсь, начиная съ ковра до послѣдняго мутака, и все пропитано какимъ-то страннымъ, сладковато-тяжелымъ, непривычнымъ запахомъ.

Хозяинъ, какъ истое дитя Востока, принялъ меня съ большимъ радушіемъ и угощалъ табакомъ, довольно слабымъ, сладковатымъ, чрезвычайно душистымъ персидскимъ табакомъ. Вѣроятно, его запахъ и чувствуется въ комнатѣ. Наша бесѣда имѣла самый оригинальный характеръ. Персіянинъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи десятокъ русскихъ словъ, а его гость не зналъ ни одного персидскаго, но интернаціональная мимика замѣняла незнаніе языка. Мы поняли другъ друга и даже обнялись на прощанье...

Ночью Майданъ еще своеобразнѣе и характернѣе. Все, что толчется здѣсь днемъ, здѣсь и спитъ, развалившись на чемъ попало. Товары остаются на своихъ мѣстахъ и никогда не убираются. Тусклые фонари, поставленные въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, слабо освѣщаютъ всю эту картину спящихъ людей, которые вскочатъ спозаранку и тотчасъ же начнутъ свое галдѣнье и суету...

По ночамъ сюда приходитъ цѣлый полицейскій взводъ и полсотни казаковъ, въ разныхъ мѣстахъ устанавливаются пикеты, совершается постоянный обходъ.

Тутъ же на Армянскомъ базарѣ находится Сіонскій соборъ. Это



Тифлисъ.

древнѣйшая святыня грузинъ и по своему внѣшнему виду ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ другихъ грузинскихъ храмовъ. Внутри тоже онъ ничего интереснаго не представляетъ.

Если вы пошлете за ключаремъ, то онъ вамъ покажетъ крестъ святой Нины, съ которымъ она проповѣдывала христіанство въ Грузіи. По преданію, крестъ былъ врученъ св. Нинѣ Божіей Матерью, явившейся ей во снѣ и приказавшей благовѣствовать Евангеліе въ Иверской землѣ.

Крестъ сдѣланъ изъ виноградныхъ лозъ и перевитъ волосами. Ключарь увѣряетъ, что это волосы самой св. Нины... Тутъ же погребенъ князь Цициановъ, извѣстный дѣятель временъ нашей кавказской войны.

— У васъ тутъ на грузинскомъ языкѣ служатъ, батюшка?

— Да! и на урусскомъ также: по очереди, на урусскомъ и грузинскомъ.

— Значитъ священники есть и изъ русскихъ?

— Нэтъ! нэтъ! усэ грузины. Но мы хорошо знаемъ русскій языкъ.

— Да, это замѣтно по вашему выговору...

Заговоривъ о Сіонскомъ соборѣ, нельзя умолчать о другой не менѣе важной религіозной достопримѣчательности Тифлиса, имѣющей для насъ, русскихъ, немаловажное значеніе,—это церковь св. Давида, находящаяся внѣ города, на высокой горѣ Мта-Цминда.

Церковь св. Давида стоитъ на высотѣ 1.900 футовъ надъ уровнемъ моря—саженъ на сто выше, чѣмъ самый городъ. Поэтому съ нея открывается панорама всего Тифлиса. Къ сожалѣнію, скала, на которой она воздвигнута, и примыкающія къ ней другія высоты совершенно безлѣсны и вообще лишены всякой растительности. Черезъ это она много теряетъ въ красотѣ.

Подъ сводомъ церкви покоится прахъ нашего знаменитаго писателя Грибоѣдова. Надъ могилою его стоитъ четырехугольный пьедесталъ изъ чернаго мрамора, на которомъ водруженъ бронзовый крестъ съ Распятіемъ. Къ подножію креста, символу скорби и утѣшенія, обнявъ его руками, припала, также изъ литой бронзы, фигура колѣнопреклоненной женщины. Тутъ же, наверху пьедестала, изображены двѣ книги, лежащія одна на другой. На верхней надпись: «Горе отъ ума». Надъ книгами—лира, увитая лаврами. На передней сторонѣ пьедестала портретъ поэта и надпись золотыми буквами: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился 1795, января 4 дня, убитъ въ Тегеранѣ 1829, января 30 дня». На другой сторонѣ написано: «Незабвенному—его Нина», а на третьей: «Умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»

Благодаря своему каменистому грунту и постоянному нахожденію на припекѣ солнца, Тифлисъ не можетъ похвастаться особенно роскошною растительностью. Собственно садовъ, т.-е. того, что принято у насъ по-

нимать подъ этимъ названіемъ, въ немъ только три: Городской, Ботаническій и Муштаидъ. Но даже сохраненіе и этого незначительнаго количества садовъ, благодаря здѣшнимъ климатическимъ условіямъ, сопряжено для города съ большими хлопотами и издержками: требуется искусственное орошеніе, постоянный уходъ и присмотръ и пр. Ботаническій садъ находится недалеко отъ Мта-Цминда. Онъ виднѣется вполнѣ отчетливо, если смотрѣть на него съ вершины этой горы. Попасть въ этотъ садъ можно прямо изъ Майдана. Повернувъ однимъ изъ переулковъ послѣдняго и выбравшись изъ другихъ, опутывающихъ какъ бы сѣтью весь Майданъ, подходишь къ ступенямъ въ горѣ. Это и есть подъемъ къ Ботаническому саду. Лѣстница устроена въ горѣ, и сначала приходится взбираться по настоящимъ ступенямъ, которыя вскорѣ переходятъ въ простыя ямы, вырытыя одна выше другой и долженствующія изображать ступени лѣстницы. Подъемъ очень крутъ и очень высокъ, и взбираться приходится какъ разъ на солнечномъ припекѣ. Это цѣлое паломничество, за которое каждый въ правѣ ожидать себѣ награды. Но тифлисская Мекка на дѣлѣ оказывается, пожалуй, и не стоящей трудовъ, положенныхъ для ея достиженія.

Садъ расположенъ на гребнѣ горы и растительность его довольно жидка, вѣроятно благодаря плохо устроенной системѣ орошенія. Есть, впрочемъ, большой цвѣтникъ и собраны разнообразныя породы кавказской флоры.

Но если самый садъ ничего собою не представляетъ, то панорама, которая открывается изъ него, очаровательна: весь Тифлисъ какъ на ладони. Большой городъ разбросался по обѣ стороны Куры въ самомъ живописномъ, картинномъ безпорядкѣ: рѣку въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкаютъ мосты; мѣстами поднимаются тонкія башни минаретовъ, коническіе купола грузинскихъ церквей; длиннымъ темнымъ пятномъ вытянулся садъ Муштаидъ; кишмя кишитъ какой-то муравейникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ долженъ быть Майданъ; дома разрѣзываются площадями; улицы и переулки открываются цѣлою сѣтью прихотливыхъ узоровъ и, словно змѣйки, ползаютъ во всѣ стороны. А кругомъ города желтовато-сѣрыя каменистыя горы, на одной изъ которыхъ возвышается церковь, а другая увѣнчана руинами старинной крѣпости. А еще далѣе желтѣетъ ровное низменное пространство и сливается вдали съ горизонтомъ.

И надъ всѣмъ этимъ сѣровато-голубое небо раскинулось безпредѣльнымъ шатромъ, и горячее южное солнце заливаетъ всю землю цѣлымъ потокомъ золотого свѣта. И все блеститъ и искрится подъ его лучами.

Сельская жизнь въ Грузіи.

(А. Лейста.)

Городовъ въ Грузіи немного, и потому деревня и до настоящаго времени сохранила преобладающее значеніе. Деревни по большей части имѣютъ многочисленное населеніе, состоящее не только изъ крестьянъ, но изъ помѣщиковъ-дворянъ и мелкихъ торговцевъ, такъ что всѣ три сословія одинаково представлены въ деревнѣ. Такъ какъ дворянскія семейства не имѣютъ большихъ имѣній, то они живутъ разсѣянно по всей странѣ, по большей части въ своихъ старинныхъ усадьбахъ. Большая часть дворянскихъ семей обитаетъ въ той или другой мѣстности цѣлыми родами, и поэтому часто случается, что всѣ помѣщики въ деревнѣ носятъ одну и ту же фамилію и часто находятся въ родствѣ другъ съ другомъ.

Даже состоятельные помѣщики рѣдко имѣютъ большія обособленныя помѣстья. По большей части старинная усадьба состоитъ только изъ дома помѣщика, отдѣльной кухни, кладовой и погреба, тогда какъ хлѣвъ и конюшня находятся гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а овины совсѣмъ отсутствуютъ. Ради безопасности въ прежнія времена всякій стремился селиться поближе къ своимъ сосѣдямъ, и только съ недавней поры нѣкоторые стали покидать тѣсную деревню и строить усадьбы внѣ ея предѣловъ.

Дома помѣщиковъ по большей части двухъэтажные съ большими комнатами; особенно помѣстительны гостиная и столовая. Вдоль обѣихъ продольныхъ стѣнъ, а иногда и вокругъ всего дома тянется крытая галлерея, или веранда, перила и столбы которой украшены рѣзьбой въ грузинскомъ стилѣ. Почти всегда дома очень просты, но выглядятъ довольно уютно, благодаря своимъ ослѣпительно бѣлымъ стѣнамъ и такимъ же галлереямъ съ поддерживающими ихъ колоннами. Веранды обыкновенно бываютъ открыты и только на сырыхъ низменностяхъ вдоль Чернаго моря въ нихъ вставляютъ стекла для защиты отъ вѣтра и дождя. Въ домашней жизни грузинъ эти веранды имѣютъ большое значеніе: здѣсь обитатели дома лѣтомъ проводятъ большую часть времени, въ особенности въ утренніе и вечерніе часы, когда на балконѣ царитъ пріятная прохлада. Такъ какъ дома помѣщиковъ расположены, гдѣ возможно, на возвышенномъ мѣстѣ, то съ балкона открывается широкій кругозоръ на живописныя окрестности, и грузинъ охотно проводитъ здѣсь цѣлые часы, погруженный въ созерцаніе или въ лѣнивую мечтательность. Веранды помѣщичьихъ домовъ рѣдко бываютъ обвиты вьющимися растеніями: грузинъ не терпитъ никакой зелени на стѣнахъ своего дома.

Въ выборѣ мѣста для своихъ жилищъ грузины обнаруживаютъ немало вкуса, и въ Грузіи часто встрѣчаются усадьбы, расположенныя очень живописно.

Подобно наружному виду и внутреннее убранство помѣщичьяго дома отличается простотой. Устройство комнатъ въ настоящее время носитъ

почти всюду европейскій характеръ, и только многочисленные ковры какъ на полу, такъ и на стѣнахъ напоминаютъ посѣтителю, что онъ находится на востокѣ. Неотъемлемую принадлежность обстановки грузинской комнаты составляетъ тахта—широкій диванъ безъ спинки, состоящій изъ деревянной рамы, покрытой матрацомъ и коврами. По обѣимъ сторонамъ тахты лежатъ длинныя цилиндрическія подушки—«мутаки», на которыя опираются локтемъ, чтобы удобнѣе сѣсть. Къ стѣнѣ прислонены большія четырехугольныя подушки, наружная сторона которыхъ украшена пестрыми шнурами и вышивками. Изготовленіе этихъ вышивокъ составляетъ для многихъ женщинъ важный промыселъ и требуетъ не только большого искусства, но и знакомства съ характеромъ арабесокъ, при всемъ ихъ разнообразіи слѣдующихъ извѣстнымъ правиламъ.

Тахта прежде всего диванъ, но для многихъ богатыхъ людей она замѣняетъ постель. Въ прежнее время, когда меблировка въ грузинскихъ домахъ была еще очень скудная, все убранство даже гостиной состояло изъ нѣсколькихъ очень длинныхъ тахтъ, разставленныхъ вдоль стѣнъ, что, впрочемъ, изрѣдка наблюдается еще и теперь. Гости сидѣли на нихъ по восточному обычаю, поджавъ подъ себя ноги.

Грузинъ человѣкъ общества; онъ, если только позволяютъ ему средства, любитъ проводить время весело и оживленно, любитъ принимать гостей, иногда даже затрачивая на это все свое состояніе; онъ цѣнитъ очень высоко пріятное общество. Лѣтъ пятьдесятъ, шестьдесятъ тому назадъ, когда помѣщики въ общемъ были еще довольно зажиточны, даже несостоятельные изъ нихъ могли, благодаря широко развитому гостепріимству, вести беззаботную жизнь. Гостиницъ тогда не было во всей странѣ; любой домъ былъ открытъ для каждаго, даже для незнакомаго. Посѣтитель былъ всегда желаннымъ гостемъ и за то развлеченіе, которое онъ доставлялъ хозяевамъ, его не только принимали и угощали, но и увеселяли музыкой, пѣніемъ и танцами.

Многочисленные обѣднѣвшіе дворяне проводили свою жизнь, посѣщая по очереди родственниковъ и друзей или даже подолгу гостили въ одномъ мѣстѣ. Каждый состоятельный помѣщикъ, стремившійся сохранить свою популярность, считалъ долгомъ при всякомъ торжественномъ случаѣ угощать у себя всѣхъ бѣдняковъ округи и обижался, если послѣдніе отсутствовали. Они приходили незваными къ каждому семейному празднику, на каждое пиршество, ѣли за однимъ и тѣмъ же столомъ и еще получали подарки для своихъ женъ и дѣтей.

Это неограниченное гостепріимство породило значительную склонность къ праздности, выработало особый типъ приживальщика, но при тогдашнихъ условіяхъ это мало отражалось на общемъ благосостояніи, основанномъ въ значительной степени на крѣпостномъ трудѣ; съ отмѣной крѣпостного права дѣло значительно измѣнилось.

При нынѣшнихъ условіяхъ гостепріимство у грузинъ уже не отличается такой широтой, но тѣмъ не менѣе оно сохранилось. Угощеніе во время празднествъ, какъ и обычный обѣденный столъ грузина, довольно просто и отличается больше количествомъ блюдъ, чѣмъ ихъ разнообразіемъ и приготовленіемъ. Обѣдъ даже въ торжественныхъ случаяхъ состоитъ рѣдко болѣе чѣмъ изъ четырехъ-пяти блюдъ, обыкновенно изъ супа, рыбы, жаркого и плодовъ. Мучныя блюда и зелень были въ старину, повидимому, незнакомы грузинамъ и введены только русскими. Среди наиболѣе любимыхъ кушаній можно указать на «чичеруму», кисловатый супъ изъ баранины съ шафраномъ, «босбаши», который также приготовляется изъ баранины съ лукомъ, рисомъ и перцемъ, и на супъ изъ лососей. Лососи и форели водятся въ такомъ большомъ количествѣ во многихъ рѣкахъ края, что ихъ подаютъ къ столу даже у несостоятельныхъ людей.

Какъ и всюду на Кавказѣ, въ Грузіи употребляютъ въ большомъ количествѣ баранину, которая, будучи поджарена на вертелѣ, составляетъ любимое національное блюдо—шашлыкъ. Къ числу наиболѣе распространенныхъ національныхъ блюдъ относится пилавъ, приготовляемый различнымъ образомъ изъ риса съ куринымъ мясомъ, или бараниной и сушеными плодами. Пищу подаютъ къ столу въ большомъ количествѣ.

Вообще говоря, грузина нельзя назвать любителемъ поѣсть, но онъ имѣетъ большую склонность къ общественнымъ пиршествамъ и охотно пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для этого. Если у помѣщика соберется нѣсколько гостей къ обѣду, то хозяинъ изъ всѣхъ силъ старается придать этому случаю торжественный характеръ и веселостью и богатымъ угощеніемъ прогнать изъ дому обыденное настроеніе. Во время такого обѣда главную роль играетъ, конечно, вино, и надо быть привычнымъ человѣкомъ, чтобы остаться на ногахъ. Питье и пѣніе—главная утѣха собравшихся, и чтобы и то и другое шло по порядку, передъ обѣдомъ избирается «толумбáши» или «тамадá», на обязанности котораго лежитъ провозглашеніе тостовъ. Если общество состоитъ изъ остроумныхъ людей, то обязанность толумбаши далеко не изъ легкихъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ ему приходится каждому изъ гостей экспромптомъ держать рѣчь, которая должна отличаться остроуміемъ и юморомъ. Признаннымъ толумбаши можетъ быть только такой человѣкъ, котораго не приведешь въ смущеніе никакой остротой, онъ долженъ быть силенъ на голову и крѣпокъ на ноги, долженъ быть хорошимъ пѣвцомъ и вообще веселымъ собесѣдникомъ. Только если онъ обладаетъ всѣми этими качествами, онъ можетъ разсчитывать на всеобщее признаніе, но тогда онъ уже приглашается какъ незамѣнимый почетный гость на каждое торжественное празднество.

Первый тостъ провозглашается всегда за здоровье старѣйшаго или

наиболѣе виднаго гостя (все равно изъ мужчинъ или изъ женщинъ), тогда какъ за здоровье хозяевъ пьютъ въ концѣ пира. Послѣ каждаго тоста всѣ присутствующіе поютъ «Мравалъ джаміеръ» (Долго жить!). Послѣ этого пѣвцы повторяютъ другими словами то же пожеланіе и въ заключеніе благодарятъ отъ лица гостя словами «Вашдлобели воръ» (Благодарю!). Напѣвъ застольныхъ пѣсенъ различенъ, но всѣ онѣ отличаются мелодичнымъ темпомъ и звучатъ заунывно, какъ вообще всѣ грузинскія народныя пѣсни. По большей части поютъ хоромъ. Всегда пѣніе занимаетъ значительную часть пира; если онъ продолжается нѣсколько часовъ, то за краткими застольными пѣснями слѣдуютъ пѣсни другого характера, которыя поются или хоромъ подъ аккомпанементъ «тари» (родъ гитары) или отдѣльными пѣвцами. Многія изъ этихъ пѣсенъ относятся къ современной литературѣ, другія заимствованы изъ богатой народной поэзіи и по большей части воспѣваютъ любовь или тоску по милой.

Послѣ обѣда звуки тари и пѣсни не умолкаютъ, звенятъ бокалы или серебряныя чаши, гости смѣются и шутятъ, молодые люди переглядываются съ красивыми дѣвушками, и никто не думаетъ положить конецъ этому веселью. Часто подаютъ еще бокалъ изъ турьяго рога, и наиболѣе сильные въ винѣ осушаютъ его до дна за какую-нибудь изъ присутствующихъ красавицъ. Веселье съ каждымъ часомъ растетъ и продолжается иногда до поздней ночи. Звучатъ бокалы, произносятся тосты, и звонко разносится пѣніе сотенъ голосовъ, нарушая тишину сосѣднихъ деревень. Грузинъ не любитъ тихой радости, онъ веселится шумно и безъ удержа обнаруживаетъ свою жизнерадостность.

Большія пиршества происходятъ теперь только во время свадебъ, именинъ и крестинъ у зажиточныхъ людей.

Свадьба для грузина всегда праздникъ, справляемый шумно и съ большимъ великолѣпіемъ. Только въ Тифлисѣ теперь свадьбы иногда справляются просто, но въ деревнѣ онѣ сохранили прежній характеръ. Издержки при этомъ часто превосходятъ средства устроителя праздника и въ значительной степени обусловливаются не гостепріимствомъ, а легкомысленнымъ желаніемъ пустить пыль въ глаза, весьма свойственнымъ дворянству Грузіи.

Свадьба происходитъ обыкновенно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда спустя годъ или два послѣ обрученія. Въ утро торжественнаго дня женихъ въ сопровожденіи многочисленной свиты отправляется въ домъ невѣсты, гдѣ уже собрались гости. Свита жениха состоитъ изъ родственниковъ и друзей и нерѣдко бываетъ больше ста человѣкъ, въ особенности если женихъ богатъ и происходитъ изъ знатной семьи. Если позволяютъ средства, спутники жениха являются въ древней національной грузинской одеждѣ: въ длинныхъ, до колѣнъ, бархатныхъ

казакинахъ, опушенныхъ мѣхомъ, бѣлыхъ узкихъ шароварахъ, съ низкими барашковыми шапками на головѣ и всегда вооруженными саблей и кинжаломъ въ серебряныхъ или позолоченныхъ ножнахъ. Остальные одѣты въ длинныя черкески, но непремѣнно имѣютъ при себѣ оружіе. Подъ верхней одеждой у каждаго узкая, застегивающаяся на крючки, куртка, по большей части изъ шелка или изъ другой тонкой матеріи бѣлаго цвѣта.

По древнему грузинскому обычаю всѣ спутники жениха должны ѣхать верхами, но современная городская жизнь отучила уже нѣкоторыхъ помѣщиковъ отъ такого способа передвиженія; въ Грузіи теперь существуютъ люди, которые никогда не садились на лошадь, а потому естественно предпочитаютъ ѣхать въ экипажѣ. Такіе горожане въ черныхъ сюртукахъ или фракахъ нарушаютъ, конечно, пеструю и живописную картину свадебнаго шествія, съ пѣніемъ и музыкой проходящаго черезъ деревни.

Впереди кортежа скачетъ посолъ, чтобы извѣстить собравшихся въ домѣ невѣсты о прибытіи жениха; затѣмъ дѣлаются всѣ приготовленія къ вѣнчанію. Невѣсту одѣваетъ какая-нибудь родственница изъ ея семьи, часто ея бывшая кормилица, которая остается на всю жизнь ея подругой и пользуется въ домѣ большимъ вліяніемъ. Впереди свадебнаго шествія ѣдетъ почетный гость, который во время вѣнчанія держитъ вѣнецъ надъ головой жениха и невѣсты. По окончаніи церемоніи поздравляютъ еще въ церкви молодыхъ, а затѣмъ всѣ возвращаются домой съ радостными пѣснями и выстрѣлами, при чемъ молодые на порогѣ церкви проходятъ подъ двумя скрещенными надъ ними саблями.

Въ домѣ происходитъ сначала передача приданаго, которое по большей части состоитъ изъ различнаго рода нарядной одежды; затѣмъ слѣдуетъ вторичное поздравленіе, и начинается свадебный пиръ, приготовленія къ которому тянулись нѣсколько дней. Въ лѣтнюю пору пиръ происходитъ въ саду или на дворѣ въ нарочно устроенныхъ съ этою цѣлью бесѣдкахъ изъ зеленыхъ вѣтвей. Нерѣдко въ немъ принимаютъ участіе двѣ-три сотни персонъ, такъ какъ, кромѣ родственниковъ и друзей новобрачныхъ, приглашаютъ также сосѣдей, да и неприглашенныхъ принимаютъ радушно. Заколото нѣсколько дюжинъ барановъ, двѣ-три коровы, нѣсколько сотенъ различной птицы, изъ сада принесено нѣсколько корзинъ съ плодами, а изъ погреба много бочекъ вина, которое льется рѣкой. Десятокъ слугъ неслышно убираютъ пустыя бутылки и приносятъ полныя.

Болѣе пожилые гости еще продолжаютъ сидѣть, пьютъ и поютъ, а молодежь уже принялась за танцы, при чемъ обыкновенно танцуютъ сначала національный «лекури». Два зурнача и барабанщикъ внезапно начинаютъ заунывную, страстную мелодію, которая даже усталыхъ и лѣнивыхъ подымаетъ на ноги. Лекури обыкновенно танцуетъ одна пара,

мужчина и женщина, при чемъ танцоры не подаютъ другъ другу руки, а каждый изъ нихъ выдѣлываетъ различныя па самостоятельно. Главное искусство состоитъ въ быстромъ движеніи ногъ, тогда какъ верхняя часть тѣла—туловище должно оставаться въ спокойномъ и граціозномъ положеніи. Танцоръ приближается къ своей дамѣ, и, когда находится противъ нея, она легкимъ движеніемъ ускользаетъ отъ него, а онъ преслѣдуетъ ее, пока опять не настигнетъ. Танецъ по мѣрѣ своего развитія дѣлается все быстрѣе и быстрѣе и сопровождается сочувственными возгласами зрителей, хлопаньемъ въ ладоши, а также страстными звуками зурны и бубна. Уже давно въ Грузіи распространились всѣ европейскіе танцы, и не только въ городахъ, но и въ деревнѣ, гдѣ ихъ танцуютъ подъ рояль. Свадебный балъ замираетъ только подъ утро, но этимъ далеко не заканчивается торжество, продолжающееся еще два-три дня, а затѣмъ снова возобновляется уже въ домѣ молодого.

Приданое состоятельной грузинки въ настоящее время далеко не такъ роскошно, какъ въ прежнія времена, когда еще большая часть помѣщиковъ обладала значительными средствами и изъ года въ годъ накопляла его. Невѣста получала не только значительный запасъ платьевъ, бѣлья, различныхъ украшеній, но также ковры, подушки, меблировку цѣлыхъ комнатъ, запасъ матерій, хватавшій на много лѣтъ. Перечисленіе всѣхъ предметовъ, включенныхъ въ приданое, заблаговременно составляется съ большою тщательностью, при чемъ не забывается даже мельчайшей вещицы. Эта запись, часто на нѣсколькихъ страницахъ, служила какъ бы рекомендаціей для невѣсты, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ заключался черезъ посредниковъ.

Кромѣ свадебъ, большое количество гостей собирается также на крестинахъ, при чемъ, согласно существующему обычаю, каждый изъ гостей привозитъ какой-нибудь подарокъ. Обыкновенно крестины происходятъ спустя нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда и цѣлый годъ послѣ рожденія ребенка. Въ крестные отцы приглашаютъ всегда людей съ положеніемъ, а кормилицу для ребенка избираютъ изъ женщинъ честныхъ и пользующихся извѣстнымъ уваженіемъ; на нее смотрятъ какъ на родственницу, и она по большей части остается навсегда въ семьѣ и часто обнаруживаетъ большую привязанность къ дому. Во многихъ домахъ кормилицѣ поручаютъ веденіе хозяйства и надзоръ за прислугой.

Послѣдняя теперь менѣе многочисленна, чѣмъ прежде, но все же въ домѣ помѣщика и теперь прислуги больше, чѣмъ членовъ семьи: количествомъ прислуги по древнему грузинскому обычаю измѣряется важность хозяевъ. Первое мѣсто занимаетъ поваръ, по большей части имеретинъ, который, кромѣ проворства въ своемъ искусствѣ, обладаетъ также недюжинными способностями копить деньгу и часто послѣ болѣе или менѣе продолжительной службы открываетъ собственный ресторанъ или гостиницу.

Лакей часто бываетъ другомъ всѣхъ членовъ семьи, въ особенности если онъ долго служилъ вѣрой и правдой и, такъ сказать, сросся съ интересами дома. Кромѣ лакея и повара, въ богатомъ домѣ находятся по большей части еще нѣсколько мальчиковъ, отъ пятнадцати до двадцати лѣтъ, нѣсколько горничныхъ, а иногда также особый управляющій виннымъ погребомъ. Обыкновенную службу исполняетъ только мужская прислуга, тогда какъ женская исключительно обслуживаетъ женскую половину семьи или смотритъ за дѣтьми.

Особенно своеобразный типъ въ грузинскомъ помѣстьѣ представляетъ управляющій «мурави». Обыкновенно это обѣднѣвшій дворянинъ съ скуднымъ образованіемъ и лишь практическими свѣдѣніями по сельскому хозяйству, которое онъ ведетъ съ грѣхомъ пополамъ, по-старинѣ, не думая объ улучшеніяхъ. Соотвѣтственно этому онъ получаетъ небольшое жалованье, но такъ какъ самъ помѣщикъ обыкновенно по своему легкомыслію не слѣдитъ за хозяйствомъ, то управляющій успѣшно хозяйничаетъ себѣ въ карманъ и въ концѣ-концовъ скопляетъ порядочное состояніе. Настоящій типичный мурави почти всегда человѣкъ упитанный и не дуракъ выпить, такъ какъ онъ завѣдуетъ виннымъ погребомъ и, естественно, привыкаетъ къ виноградному соку. Передъ своимъ господиномъ онъ раболѣпенъ, льститъ его тщеславію и всячески старается вкрасться въ его расположеніе, которымъ часто пользуется во зло.

Помѣщеніе, отводимое мурави, почти всегда очень скромное и соотвѣтствуетъ его скромнымъ потребностямъ. Двѣ перемѣны платья, немного бѣлья, кинжалъ, ружье и нѣсколько книгъ составляютъ, если онъ не женатъ, все его движимое имущество.

Какъ уже было сказано, мелкіе помѣщики живутъ обыкновенно тѣсно другъ около друга, такъ что между ихъ усадьбами не остается мѣста для большого сада. Чаще всего передъ домомъ находится небольшая, покрытая травой площадка, на которой возвышается нѣсколько дубовъ и орѣшинъ, рѣже липъ и плодовыхъ деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ обѣдаютъ и отдыхаютъ. Клумбы съ цвѣтами встрѣчаются рѣдко, чаще всего разводятъ розы. Стройные кипарисы рѣдко поднимаются среди зелени сада, при устройствѣ котораго обращаютъ мало вниманія на декоративную сторону. Въ этомъ отношеніи грузины уступаютъ другимъ восточнымъ народамъ, въ особенности персамъ и туркамъ. Если онъ сажаетъ дерево, не приносящее плодовъ, то при этомъ думаетъ только о прохладѣ, которое оно доставитъ ему лѣтомъ, но не принимаетъ въ расчетъ красоту самого растенія.

Виноградники лежатъ почти всегда за деревней или по крайней мѣрѣ по окраинамъ ея и очень многочисленны въ Кахетіи. Снаружи они обносятся частоколомъ, а чаще заборомъ изъ хвороста, около котораго растутъ тутовыя деревья, тополи и ветлы. Кусты винограда разсаживаютъ-

ся не рядами, а въ безпорядкѣ. Въ Имеретіи и Мингреліи виноградъ растетъ часто въ обыкновенныхъ садахъ между деревьями и оплетаетъ ихъ стволы и вѣтви до самой вершины. Культура винограда еще повсюду примитивна, богатые сады кажутся одичавшими, но, именно благодаря этому, они отличаются большою прелестью. Тамъ, гдѣ бываютъ сухія лѣта, приходится обращать особое вниманіе на искусственное орошеніе не столько изъ-за виноградниковъ, сколько ради плодовыхъ деревьевъ и посѣвовъ; а такъ какъ въ восточной Грузіи воды мало, то распредѣленіе ея вызываетъ часто ссоры.

Грузинки.

Грузинское винодѣліе стоитъ въ общемъ на низкой степени развитія, и вино приготовляется примитивнымъ способомъ. Сборъ начинается въ серединѣ сентября и заканчивается въ послѣднихъ числахъ октября. Крестьяне собираютъ виноградъ всегда раньше, чѣмъ крупные помѣщики, такъ какъ обращаютъ болѣе вниманія на количество, чѣмъ на качество вина. Виноградъ выдавливается ногами, и выжимки остаются лежать въ соку во время броженія, отчего большая часть винъ, въ особенности красныя, получаютъ терпкій вяжущій вкусъ. По окончаніи броженія вино сливается въ деревянныя бочки или глиняные кувшины и идетъ въ дѣло уже черезъ четыре, шесть недѣль. Грузины любятъ молодое вино, и ихъ запасы рѣдко хватаютъ болѣе, чѣмъ до слѣдующаго года. Для сохраненія вина еще и теперь предпочитаютъ глиняные кувшины, въ которыхъ вино будто бы сохраняется дольше и лучше. Они достигаютъ часто громадныхъ размѣровъ и вмѣщаютъ въ себя тысячи бутылокъ. Ихъ зарываютъ до самаго горла въ землю, такъ что вино мало подвергается измѣненіямъ температуры.

Разведеніемъ плодовъ занимаются, какъ и винодѣліемъ, повсемѣстно, но не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. На ряду съ обыкновенными сортами плодовыхъ деревьевъ, какъ яблоня, груша, слива, вишня, растутъ повсюду персики, абрикосы, фиги, грецкіе орѣхи, благородный каштанъ, миндаль, тутовое дерево. Благодаря теплому лѣту плоды получаются сладкіе и нѣжные, но обыкновенно простыхъ сортовъ, такъ какъ еще недавно не обращалось никакого вниманія на облагораживаніе ихъ. Исключеніе представляютъ только персики, которые превосходны. Во многихъ деревняхъ насажденія персиковыхъ деревьевъ занимаютъ значительныя пространства и во время цвѣтенія представляютъ прелестную картину. Весьма распространены въ Грузіи консервированные фрукты (мураба), въ особенности вишни и персики; ихъ можно найти почти во всякомъ хозяйствѣ.

Во многихъ мѣстностяхъ винодѣліе и разведеніе плодовъ и овощей даетъ главный доходъ помѣщикамъ, которые вслѣдствіе недостатка въ землѣ и въ пастбищахъ не могутъ на широкую ногу заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ. Только тамъ, гдѣ виноградъ растетъ плохо, преобладающее значеніе получило хлѣбопашество. Грузинъ больше всего сѣетъ пшеницы, ячменя и кукурузы и только въ болѣе высокихъ мѣстностяхъ—овесъ и рожь. Пшеница составляетъ основу хлѣбопашества, такъ какъ она даетъ грузину его хлѣбъ. Ржаной хлѣбъ употребляется очень мало, а изъ маисовой или гороховой муки хлѣбъ выпекаютъ только по низменному побережью Чернаго моря и въ Имеретіи, ячмень же идетъ почти исключительно на кормъ лошадямъ.

Вслѣдствіе сухости климата и тяжелой обработки земли хлѣбопашество сопряжено съ большими затрудненіями, которыя не всегда вознаграждаются хорошимъ урожаемъ. Почва по большей части глинистая, а во многихъ мѣстахъ известковая или каменистая, и даже при обильномъ орошеніи пашется настолько трудно, что въ плугъ приходится впрягать по меньшей мѣрѣ четыре пары буйволовъ или быковъ. Такъ какъ и помѣщики и крестьяне употребляютъ при распашкѣ старинный, громоздкій грузинскій плугъ, то въ него приходится впрягать даже до восьми паръ быковъ. Пахота при такихъ условіяхъ—тяжелая работа, которую мелкіе помѣщики могутъ выполнить только соединенными силами. Кромѣ работниковъ, ведущихъ плугъ, при распашкѣ необходимо имѣть еще нѣсколько погонщиковъ (обыкновенно мальчиковъ), которые криками и ударами понуждаютъ животныхъ идти ровнымъ шагомъ. Дальнѣйшая обработка поля при помощи бороны не производится, да и вообще грузинская борона не имѣетъ своею цѣлью разрыхленіе почвы, а предназначена лишь для того, чтобы прикрыть сѣмена возможно толстымъ слоемъ земли. Она состоитъ изъ шеста, къ которому прикрѣплено нѣсколько длинныхъ, толстыхъ вѣтвей, и напомина-

етъ собой метлу. Такого рода бороненіе обусловливается, по словамъ грузинскихъ помѣщиковъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что осенью большею частью стоитъ сухая погода и часто дуютъ сильные вѣтры, такъ что необходимо позаботиться, чтобы вѣтеръ не выдувалъ сѣмена. Въ самомъ дѣлѣ, даже нѣмецкіе колонисты и русскіе переселенцы усвоили отъ грузинъ нѣкоторыя особенности обработки земли, соотвѣтствующія мѣстнымъ климатическимъ условіямъ. Недостатокъ влаги сильно вредитъ мѣстному хлѣбопашеству, но, съ другой стороны, рѣдкость дождя облегчаетъ нѣкоторыя земледѣльческія работы, какъ, напримѣръ, покосъ, жатву и молотьбу.

Послѣдняя производится очень оригинальнымъ способомъ. Токъ, большая круглая площадка, находится подъ открытымъ небомъ гдѣнибудь поблизости отъ стоговъ хлѣба. Поутру развязанные стога раскладываются на току и затѣмъ цѣлый день по нимъ ѣздятъ на молотилкѣ, покамѣстъ вся солома не разотрется на мелкія части. Молотилка состоитъ изъ тяжелой доски, утыканной снизу острыми камнями, предназначенными для размельченія соломы. Молотилку тащитъ по большей части волъ или буйволъ, а погонщикъ для большей тяжести стоитъ на доскѣ. Такая молотьба—очень скучная работа; молотилка должна нѣсколько сотенъ разъ проѣхать по току, прежде чѣмъ солома превратится въ мелкій мягкій «саманъ»; но, несмотря на это, такую молотьбу считаютъ здѣсь единственно цѣлесообразной, такъ какъ кавказскій скотъ ѣстъ только мягкую солому.

Для работъ грузинъ пользуется исключительно буйволами и быками, тогда какъ лошадь ходитъ только подъ верхомъ или въ упряжкѣ. Предпочтеніе онъ отдаетъ буйволамъ, которые являются прекраснымъ рабочимъ скотомъ и незамѣнимы въ горахъ для перевозки тяжестей, такъ какъ они легко идутъ даже по крутымъ дорогамъ съ тяжелой ношей. Кавказскій буйволъ—добродушное терпѣливое животное, и грузинъ относится къ нему съ большею заботливостью и больше его жалѣетъ, чѣмъ быковъ. Универсальнымъ экипажемъ служитъ «уреми» (по-татарски арба)—это первобытная двухколесная повозка съ неподвижнымъ дышломъ, къ переднему концу котораго прикрѣплено двойное ярмо, которое толкаютъ грудью и затылкомъ буйволы или быки. Повозка неособенно тяжела и болѣе пригодна на крутыхъ дорогахъ, чѣмъ четырехколесный экипажъ. На «уреми» грузинскій крестьянинъ свозитъ домой хлѣбъ, доставляетъ дрова, вино и хлѣбъ въ городъ на базаръ и даже возитъ жену и дѣтей въ гости. Въ послѣднемъ случаѣ дно экипажа устилаютъ ковромъ и подушками, а для защиты отъ дождя и солнца покрываютъ его верхомъ изъ натянутой на обручи матеріи. Передвиженіе совершается невѣроятно медленно, но ѣдущіе уже привыкли къ этому и коротаютъ время болтовней и пѣніемъ. Лошадь, какъ

уже упомянуто, рѣдко употребляютъ для тяжелыхъ работъ, а въ прежнее время ею пользовались исключительно для верховой ѣзды. Такъ какъ въ старину въ Грузіи не было извѣстно никакихъ экипажей, кромѣ уреми, а верблюды были рѣдки, то даже дальнія поѣздки совершались и мужчинами и женщинами верхомъ. Грузинъ—ловкій и смѣлый всадникъ. Онъ безстрашно ѣдетъ черезъ бурный потокъ или по тѣсной тропинкѣ надъ пропастью, не боясь головокруженія. Уже маленькимъ мальчикомъ онъ охотно гарцуетъ на конѣ, такъ что съ возрастомъ изъ него выходитъ настоящій, неутомимый и неустрашимый ѣздокъ, какимъ были и его предки въ неисчислимыхъ поколѣніяхъ. Онъ не считаетъ для себя затруднительнымъ проѣхать цѣлый день верхомъ и даже предпочитаетъ этотъ способъ передвиженія всякому другому. Съ кинжаломъ за поясомъ, въ черной буркѣ, сидитъ онъ свободно и легко на сѣдлѣ, наслаждаясь окружающей природой или напѣвая пѣсню. Впереди сѣдла висятъ мѣшки съ провизіей: виномъ, сыромъ, хлѣбомъ, свѣжими огурцами и мясомъ, изъ котораго онъ въ лѣсу или въ полѣ зажаритъ себѣ на деревянномъ вертелѣ жаркое. Даже люди, привыкшіе, благодаря своимъ средствамъ и воспитанію, къ извѣстнаго рода удобствамъ, предпринимаютъ охотно продолжительныя поѣздки верхомъ, чтобы одинъ-два дня прожить такою жизнью, какую изъ года въ годъ вели ихъ предки. Скотоводствомъ грузинскіе помѣщики занимаются вообще мало за недостаткомъ хорошихъ пастбищъ, которыя находятся только въ горахъ, обыкновенно далеко отъ усадьбы. Поэтому надзоръ за скотомъ затруднителенъ и оказывается болѣе выгоднымъ отдавать пастбища въ аренду. За исключеніемъ двухъ или трехъ мѣсяцевъ, скотъ круглый годъ и при всякой погодѣ пасется на подножномъ корму, но большей части на выгонахъ или въ лѣсу. Кормовыхъ травъ здѣсь не сѣютъ, хотя въ Мингреліи и въ нижней Имеретіи онѣ могли бы расти превосходно. Зимой кормъ состоитъ исключительно изъ кукурузной соломы, самана и сѣна. При такихъ условіяхъ молочное хозяйство малодоходно и имъ занимаются только въ горахъ, да русскіе и нѣмецкіе колонисты поблизости отъ Тифлиса.

Овецъ и свиней разводитъ почти каждый помѣщикъ. Впрочемъ, въ широкомъ размѣрѣ овцеводство ведется только въ горахъ, гдѣ оно, благодаря тучнымъ пастбищамъ, составляетъ для крестьянъ единственную доходную статью. На горныя пастбища пригоняютъ на все лѣто также овечьи отары изъ низменныхъ мѣстъ, при чемъ за надзоръ за стадами пастухи не получаютъ платы деньгами, а берутъ въ свою пользу часть приготовленнаго сыра и нѣсколько ягнятъ изъ приплода.

Грузинскій овечій сыръ вкусенъ и легко переваривается, почему его въ большомъ количествѣ употребляютъ какъ богатые, такъ и бѣдные. Къ числу домашнихъ животныхъ принадлежатъ еще ослы и мулы, ко-

торые весьма многочисленны и употребляются для перевозки тяжестей. Много разводятъ также козъ. Почти каждый помѣщикъ и крестьянинъ держитъ куръ, гусей, утокъ и индюшекъ, хотя ухода за ними никакого не бываетъ.

Въ Нагорномъ Дагестанѣ.

(Россикова.)

Съ перевала передъ нами открылась во всемъ подавляющемъ величіи часть Нагорнаго Дагестана, Андія. На смѣну богатѣйшей зелени смежной Чечни предстали дикія пустыни Дагестана; огромные хребты и ихъ отроги, скалистые кряжи и безчисленныя возвышенности, изрѣзанные долинами, ущельями и котловинами, надвигались со всѣхъ сторонъ, а известковыя скалы, вывѣтрившіяся мергелистыя осыпи безъ малѣйшихъ признаковъ жизни производили гнетущее впечатлѣніе. Не веселили взоръ и виднѣвшіеся аулы. Ихъ каменныя первобытныя постройки жались и лѣпились по уступамъ горъ, почти сливаясь съ окружающими горами. Въ поляхъ, засѣянныхъ озимою пшеницею, раздавались крики перепеловъ.

Хлѣбныя поля здѣсь чрезвычайно оригинальны. По всему южному склону горъ въ горизонтальномъ направленіи тянутся участки; послѣдніе обнесены стѣнами, выложенными изъ камней, для предохраненія отъ заносовъ и разрушительнаго дѣйствія ливней. Стѣны невысоки, но настолько капитальны, что приводятъ въ изумленіе жителя равнины. Величина участковъ также поразительна. Порою они до того незначительны, что даже не хочется вѣрить, чтобы на него стоило затрачивать тотъ громадный трудъ, который необходимъ для его разработки. До чего, впрочемъ, незначительны клочки земли, воздѣлываемые горцами, лучше всего видно изъ анекдота, пользующагося громадною популярностью въ мѣстномъ населеніи. Однажды лезгинъ обрабатывалъ свой участокъ. Палящіе лучи солнца и сильное изнеможеніе заставили его разостлать бурку и прилечь отдохнуть. Послѣ отдыха первымъ желаніемъ его было поглядѣть на участокъ. Каково же было удивленіе, когда, осмотрѣвшись кругомъ, онъ не нашелъ своего участка! Лезгинъ потерялся въ догадкахъ и, послѣ долгихъ размышленій, въ отчаяніи рѣшился идти въ аулъ. Съ этимъ намѣреніемъ поднялъ онъ бурку и несказанно обрадовался своей находкѣ: обработанный имъ участокъ былъ покрытъ буркой, на которой онъ отдыхалъ.

Созрѣвшую пшеницу на нѣкоторыхъ участкахъ жали. Ближе къ аулу жатва шла въ полномъ разгарѣ. Почти все женское населеніе аула, отъ мала до велика, въ своихъ типичныхъ головныхъ уборахъ занято было работами. Громкія, хотя и нестройныя, пѣсни оглашали воздухъ и далеко разносились по сосѣднимъ вершинамъ. Способъ жатвы привлекъ мое

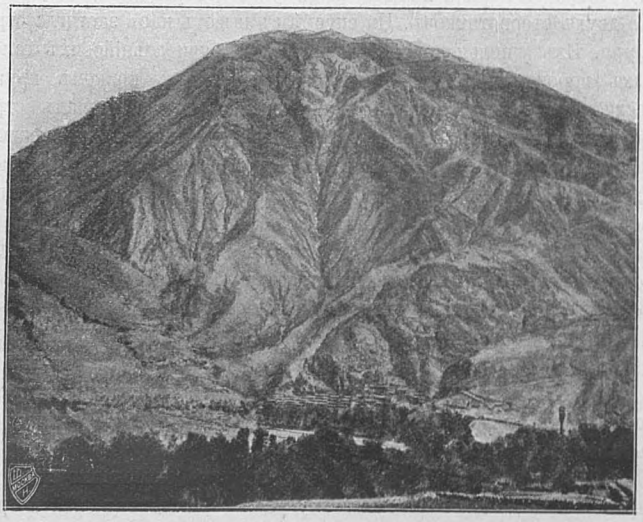
вниманіе. Жницы по большей части сидѣли на корточкахъ, попадались и стоявшія на колѣняхъ. Приглядываясь къ нимъ, я убѣдился, что онѣ не жали пшеницу серпами, а просто выдергивали съ корнями. На разспросы мои въ аулѣ о способѣ жатвы мнѣ объяснили, что въ неурожайные годы, какъ настоящій, у нихъ не жнутъ, въ хорошій же урожай пшеница снимается серпами.

Аулъ Анди показывается за послѣднимъ крутымъ зигзагомъ и своими бѣлыми минаретами стушевываетъ непривлекательный видъ нагроможденныхъ другъ на друга каменныхъ построекъ съ безчисленнымъ множествомъ бойницъ. Расположенъ аулъ въ глубинѣ дикаго, лишеннаго малѣйшей растительности ущелья, на крутомъ, но невысокомъ песчаномъ обрывѣ потока Годаръ. Онъ занимаетъ первое мѣсто по числу дворовъ и количеству душъ въ Андійскомъ округѣ. По своей зажиточности онъ также выдѣляется изъ ряда другихъ ауловъ округа. Послѣднему обстоятельству способствуетъ производство жителями бурокъ и войлоковъ и хорошій сбытъ ихъ въ Дагестанѣ и Персіи, а въ послѣднее время—и на Нижегородской ярмаркѣ. Андійцы, кромѣ того, занимаются въ значительныхъ размѣрахъ овцеводствомъ. Что же касается земледѣлія, то развитію его здѣсь чрезвычайно неблагопріятствуютъ, во-первыхъ, недостатокъ годной земли и, во-вторыхъ, баснословная дороговизна этой послѣдней.

Мнѣ пришлось остановиться часа на полтора въ аулѣ для корма лошадей у кунака моего переводчика, обывателя средней зажиточности. Не безъ затрудненій по узенькимъ, заваленнымъ глыбами и камнями проходамъ между постройками добрались мы до его сакли. Насъ встрѣтилъ хозяинъ Ибрагимъ, статный, съ открытымъ типичнымъ лицомъ мужчина лѣтъ подъ 30. Взявъ подъ уздцы коня, онъ привѣтствовалъ насъ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Передавъ лошадей стоявшему подростку, Ибрагимъ ввелъ насъ въ саклю. Она состояла изъ одной комнаты «кунацкой», въ которой насъ встрѣтила сестра Ибрагима, стройная и довольно красивая дѣвушка. Ея красотѣ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ щегольской костюмъ, въ которомъ главное вниманіе обращалъ на себя тщательно отдѣланный головной уборъ, называемый по-аварски «чохто». Это длинное, ниспадающее почти до земли, узкое, вершковъ 6—8, полотнище изъ красной, цвѣтной матеріи; верхній конецъ его, сложенный серпообразно и подбитый изнутри ватой, надѣвается на темя. Поверхъ синей рубашки былъ надѣтъ на ней дорогой шелковый бешметъ, съ длинными вырѣзными рукавами, ловко обхватывавшій станъ и перетянутый въ таліи серебрянымъ вызолоченнымъ поясомъ. Изъ-подъ полъ бешмета виднѣлись шелковые голубые шальвары, опущенные въ желтые чувяки, поверхъ которыхъ надѣты были сафьяновые сапожки.

Насъ любезно угощали калмыцкимъ чаемъ и жареной бараниной.

За ауломъ Анди тропа минуетъ потрясающую картину грандіознаго разрушенія. Справа высоко вздымается полуразвалившаяся конусообразная вершина съ глубокими трещинами, нависшими скалами и массивными глыбами, разбитыми на безконечное число безобразно торчащихъ осколковъ и камней, угрожающихъ паденіемъ; слѣва опять пропасти и балки, погребенныя подъ обломками горныхъ породъ. Переѣздъ по глыбамъ и камнямъ для лошадей невыносимъ, пѣшимъ же пройти все это пространство нѣтъ никакой возможности.



Видъ въ Дагестанѣ.

— Гора Шайтанъ,—замѣтилъ переводчикъ, указывая по направленію къ вершинѣ.—Много людей она схоронила,—произнесъ онъ послѣ короткой паузы.

Проѣзжая обвалъ, я впервые на своемъ пути замѣтилъ сидѣвшаго на самой вершинѣ скалы бѣлоголоваго грифа, одиноко созерцавшаго съ недоступной высоты страшную картину разрушенія; тутъ же увидѣлъ я и ягнятника, вѣроятно молодого, судя по его сплошному темно-каштановому оперенію. Онъ плавно и тихо пролетѣлъ надъ обрывами и пропастями и опустился на край скалы. Долго я любовался ими въ подзорную трубу, но они, должно быть, замѣтивъ наше присутствіе, одновременно поднялись и скрылись за утесами.

Подъемъ на Ботлихскія высоты отличается своею трудностью: при-

ходится подниматься по такимъ узенькимъ и крутымъ зигзагамъ дороги, что малѣйшая невнимательность влечетъ за собою непремѣнное паденіе.

Съ вершины открывается видъ на Ботлихскую котловину, изрѣзанную незначительными скалистыми и песчаными отрогами, постепенно понижающимися въ южномъ направленіи къ рѣкѣ Андійскому-Койсу. Изъ балокъ, овраговъ и разсѣлинъ, прилежащихъ къ Койсу, отовсюду выглядывали сады; въ юго-восточномъ же углу котловины, изъ-за зелени тѣхъ же садовъ, мелькали часть укрѣпленія Ботлиха и самый аулъ. Надъ котловиной парили хищныя птицы, изъ которыхъ я могъ отличить только двухъ стервятниковъ. На спускѣ съ высотъ насъ застигла страшная буря. Изъ ущелья налетѣлъ шквалъ. Тысячи альпійскихъ галокъ, черныхъ воронъ и клушицъ съ оглушительнымъ крикомъ кружась пронеслись надъ вершинами. Затѣмъ все смолкло... Полилъ страшный ливень. Мгновенно цѣлыя массы воды устремились съ вершинъ: шумъ и стукъ увлекаемыхъ обломковъ мѣшался съ грохотомъ и гамомъ, доносившимся изъ ущелья. Черезъ четверть часа ураганъ и ливень прошли, выглянуло изъ-за облаковъ солнышко и заходящими лучами освѣтило высоты, и только гулъ и грохотъ изъ сосѣдняго ущелья все такъ же шумно разносился среди воцарившейся тишины.

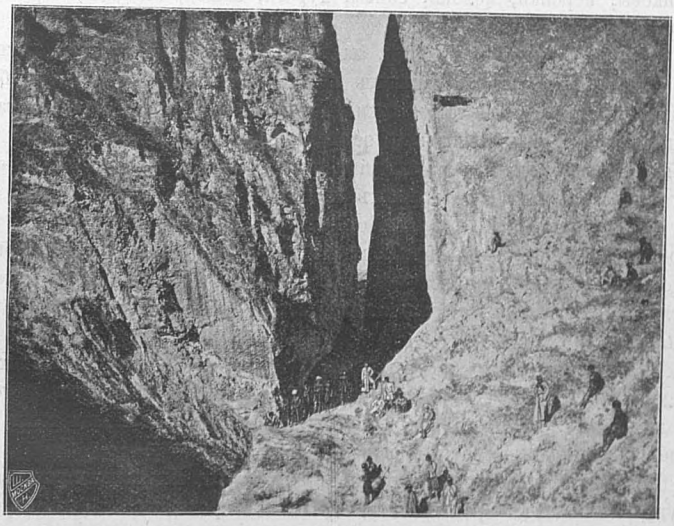
Вечерѣло, когда мы спустились въ узкую лощину ущелья. Здѣсь я воочію увидѣлъ причину того демоническаго гула, который стоялъ надъ всею мѣстностью. Съ страшной, невообразимой силой бурлилъ и клокоталъ въ узкомъ ложѣ черный бушующій потокъ. Камни, глыбы, щебень и песокъ—все мѣшалось въ этой грязной массѣ, стучало, гудѣло, сливаясь въ одинъ оглушительный ревъ.

Подъѣхавъ къ потоку, переводчикъ не разъ озабоченно повторилъ «яманъ». Послѣ долгихъ поисковъ ему удалось, наконецъ, найти бродъ, и мы уже въ глубокихъ сумеркахъ по плитняковому дну, загроможденному пескомъ, щебнемъ и гальками, переправились на противоположный берегъ, гдѣ расположенъ аулъ и укрѣпленный пунктъ Ботлихъ.

Ботлихская котловина лежитъ слишкомъ на 3.000 ф. надъ уровнемъ моря. Въ юго-восточномъ углу котловины, на площадкѣ, обрывистой съ юга и покатой съ сѣверо-запада, построено укрѣпленіе подлѣ аула Ботлихъ, лежащаго сѣвернѣе. Укрѣпленіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики съ стратегической точки зрѣнія, но оно имѣетъ другія достоинства: окруженное со всѣхъ сторонъ садами, оно тонетъ въ ихъ зелени и съ окружающихъ котловину высотъ кажется раемъ въ безжизненной пустынѣ съ песчаными и мергелистыми осыпями, дикими каменистыми склонами и известняковыми скалами.

Упорный трудъ ботлихцевъ превратилъ этотъ уголокъ въ одинъ сплошной садъ, поражающій жителя плоскости тѣмъ изумительнымъ умѣ-

ніемъ, съ которымъ использованъ каждый клочокъ безплодной земли. На известняковыхъ и песчаныхъ склонахъ и обрывахъ, по балкамъ, оврагамъ и лощинамъ, спускающимся къ р. Андійскому-Койсу, въ горизонтальномъ направленіи идутъ безчисленные ряды террасъ, то длинныхъ и широкихъ, то узкихъ и короткихъ, не превышающихъ одной-двухъ саженъ. Попадаются террасы, сложенныя изъ камня и достигающія нѣсколькихъ саженъ высоты, по большей части подлѣ утесовъ и скалъ, при чемъ промежутки между скалами и выложенными изъ камня стѣнами засыпаны землею. Удобренныя, онѣ представляютъ или роскошные сады, въ ко-



Сланцевое ущелье въ Дагестанѣ.

торыхъ нерѣдко можно видѣть гигантскіе орѣшники, или участки съ посѣвами кукурузы.

При видѣ этихъ сооруженій приходится невольно удивляться упорному и тяжелому труду жителей. Помощницей ихъ является такая стихія, какъ вода. И дѣйствительно, здѣсь что ни шагъ, то приходится изумляться системѣ орошенія, какая вообще господствуетъ въ Дагестанѣ и въ частности у ботлихцевъ. Маленькій источникъ или ручей, едва примѣтный, пробивающійся на свѣтъ Божій, окопанъ заботливой рукой, выложенъ камнями и спущенъ для орошенія такой же почти крохотной террасы, ютящейся гдѣ-нибудь подъ обрывомъ или скалой. Большія травянистыя поля орошаются еще мудренѣе дождевою водой, которая по особо устроеннымъ канавкамъ стекаетъ съ возвышенностей и поло-

гихъ склоновъ въ особыя водохранилища, откуда уже проходитъ по участкамъ, при чемъ порядокъ орошенія строго оберегается и всякое нарушеніе со стороны кого-либо карается денежными пенями.

Ботлихскіе сады отличаются не только устройствомъ, но и своей физіономіей отъ садовъ плоскости. Встрѣтить сплошной садъ здѣсь рѣдкость; обыкновенно же мѣсто подъ садомъ обсажено по краямъ фруктовыми деревьями въ одинъ, много въ два ряда, смотря по величинѣ участка; все же остальное пространство засѣвается маисомъ, пшеницей или просомъ. Изъ фруктовыхъ деревьевъ разводятся: грецкій орѣхъ, груши, абрикосы, персики, яблоки, сливы, курага, алыча, миндаль, черешня, виноградъ въ изобиліи.

Остальная часть котловины, за небольшими исключеніями, носитъ характеръ окружающихъ горныхъ хребтовъ и ихъ отроговъ. Они безлѣсны, мѣстами скалисты и дики. Оттого-то во всей котловинѣ такъ рельефно выступаютъ повсюду осыпи и обломки горныхъ породъ; зелень пробивается только маленькими клочками по глинистымъ оползнямъ и глубокимъ ложбинамъ горныхъ потоковъ.

Кромѣ укрѣпленій и аула Ботлихъ, въ котловинѣ пріютились: въ юго-западномъ углу—маленькій, въ 68 дворовъ, аулъ Міарсу, сѣвернѣе котораго на глинистомъ вертикальномъ обрывѣ, господствующемъ надъ котловиной, грозно выдвигаются массивныя каменныя постройки аула Тандо въ 138 домовъ.

И Міарсу и Тандо населены различными народностями лезгинскаго племени: жители перваго говорятъ на ботлихскомъ нарѣчіи, а второго—на аварскомъ. Впрочемъ, общеупотребительный языкъ почти всего населенія Андійскаго округа—аварскій.

Постройки ауловъ разнообразной архитектуры. Назначеніе ихъ было, служа жилищемъ, представлять въ то же время оплотъ въ случаѣ нападенія врага. Въ Ботлихѣ аульныя постройки выложены изъ камня и цементированы. Онѣ различной величины: высота ихъ отъ двухъ аршинъ до 3—4 саженъ; сакли имѣютъ плоскія крыши, утрамбованныя и смазанныя глиною. Постройки громоздятся безъ всякаго порядка, больше у отвѣсныхъ скалъ, по уступамъ, надъ узкой лощиной, въ которой течетъ шумный горный потокъ, впадающій въ Андійское-Койсу. Между постройками не существуетъ правильныхъ улицъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли ихъ понимать. Узенькіе, кривые проходы, часто упирающіеся въ глухія каменныя стѣны, всѣ почти извиваются среди навороченныхъ каменныхъ глыбъ и глубокихъ выбоинъ, а иногда проходятъ по низкимъ и темнымъ коридорамъ, напоминающимъ отчасти ходы въ каменоломняхъ. Въ такіе проходы, изрѣдка превышающіе ширину, удобную для проѣзда всадника, выходятъ обыкновенно двери или полукруглыя калитки, рѣдко въ ростъ человѣка, а то и просто темныя

отверстія изъ нижнихъ этажей построекъ, служащихъ и хлѣвами, и конюшнями, и овчарнями. Въ нихъ содержатся по большей части ишаки, козы и бараны; коровы и телята встрѣчаются въ ограниченномъ количествѣ, лошади находятся только у зажиточныхъ домохозяевъ, такъ называемыхъ нукеровъ, несущихъ обязанности: полицейскую, почтовую и чапарскую (конвойную).

Въ гигіеническомъ отношеніи помѣщенія чрезвычайно грязны и лишены доступа воздуха и свѣта. Изъ нижнихъ отдѣленій ведутъ лѣстницы, или пологіе подъемы, или же глыбы и насыпи камней на площадки крышъ нижнихъ этажей, надъ которыми возвышаются сакли; послѣднія всегда почти съ маленькими навѣсами въ родѣ крытыхъ террасъ или балконовъ; туда выходятъ двери и, если есть, окна.

Сакли чаще состоятъ изъ одной, рѣже изъ двухъ смежныхъ или раздѣленныхъ комнатъ, оштукатуренныхъ и выбѣленныхъ, но быстро утрачивающихъ первоначальный цвѣтъ отъ копоти, которая распространяется отъ топки дурно устроенныхъ каминовъ. Жилыя комнаты освѣщаются маленькими отверстіями-бойницами, а кунацкія очень часто—только входною дверью.

Сакля богатаго ботлихца лучше устроена. Она ничѣмъ не отличается по наружному виду отъ другихъ построекъ, состоитъ изъ трехъ отдѣленій жилыхъ, не включая сюда помѣщеній для скота. Одна комната, совершенно отдѣльная, называется кунацкой; въ другой—семейной—помѣщается хозяинъ съ семьей, а третья занимается взрослымъ сыномъ и кухней. Кунацкая комната—небольшая, уютная, чистенькая и не закопченная благодаря отсутствію камина. На обстановкѣ ея, пестрой, горской, замѣтны уже слѣды новшества современной цивилизаціи, проникающей мало-по-малу и въ замкнутый міръ горца. По стѣнамъ кунацкой устроены въ одну доску скамьи, на которыхъ стоятъ ближе къ такъ называемому почетному мѣсту кованые сундуки и сундучки различныхъ размѣровъ и величинъ съ дорогимъ имуществомъ всего семейства. Рядомъ съ сундуками лежатъ войлоки, ковры, ситцевыя, шелковыя одѣяла и маленькія подушки. Войлоки и ковры постилаются на полу, смазанномъ глиной, на почетномъ мѣстѣ сейчасъ же при посѣщеніи кунацкой гостемъ, при чемъ на ковры кладутся, по числу гостей, подушечки, замѣняющія мебель. На видномъ мѣстѣ противъ сундуковъ лежитъ коранъ, а у западной стѣны красуется довольно опрятная, европейскаго издѣлія, кровать, надъ которой возвышается альковъ, наглядно представляющій смѣсь восточнаго вкуса съ плохо воспринятымъ европейскимъ. У двери стоятъ громадные металлическіе луженые кувшины съ водою. Всего же оригинальнѣе среди всей обстановки выглядитъ стѣна противъ входной двери. Она сверху донизу увѣшана домашнею утварью. Самый верхній рядъ состоитъ изъ глубокихъ и мелкихъ фаянсовыхъ тарелокъ, ми-

сокъ, блюдецъ и чашекъ, подвѣшенныхъ на тонкихъ бечевкахъ, продѣтыхъ сквозь нарочно провернутыя дырочки въ днѣ посуды. Во второмъ ряду виднѣются металлическіе казаны, чайники съ длинными горлышками и такими же изогнутыми носками, котелки и тазы. Въ третьемъ ряду—одни громаднѣйшія металлическія блюда, отъ 1 до 2 аршинъ въ діаметрѣ и отъ 2 до 5 вершковъ глубины.

Утварь составляетъ исключительное достояніе женщинъ и употребляется только во время праздниковъ и обрядовъ, служа до нѣкоторой степени мѣриломъ зажиточности. Кромѣ всего описаннаго, въ углахъ кунацкой на громадныхъ крючьяхъ виситъ копченая и сушеная баранина, говорящая тоже въ пользу зажиточности семьи.

Семейная, доступная для постороннаго глаза только по особому расположенію къ кунаку (пріятелю),—это небольшая комната, хорошо устланная войлоками и коврами, съ широкой, но низкой, восточнаго происхожденія, кроватью посрединѣ. Три-четыре подушки на коврахъ подлѣ кровати и нѣсколько маленькихъ сундуковъ дополняютъ незатѣйливую обстановку. Третья комната, служа помѣщеніемъ для взрослыхъ сыновей и работниковъ, отличается меньшими удобствами; въ ней сдѣланы всѣ необходимыя приспособленія для незатѣйливой горской кухни.

Въ иномъ видѣ представляется сакля бѣдняка, по большей части маленькая и тѣсная; если она и просторна, то темна, сыра и закопчена, рѣдко когда оштукатурена, съ бойницами или безъ нихъ. Камины, плохо устраиваемые, здѣсь положительно отсутствуютъ и замѣняются небольшими углубленіями въ стѣнахъ и малыми отверстіями въ крышѣ для выхода дыма, который, впрочемъ, обыкновенно стелется по саклѣ. Объ обстановкѣ нечего и говорить,—такъ она жалка и убога. Если попадаются кровати, то онѣ самаго первобытнаго устройства: сложены или изъ камней, или изъ дровъ, прикрываются соломой и ворохами разнаго грязнаго хлама, а иногда одною подстилкой изъ стеблей кукурузы. Какъ бы ни была убога сакля бѣдняка, но и въ ней стѣна противъ входа непремѣнно украшена домашнею утварью. Правда, эта утварь жалка: черепки битой посуды преобладаютъ надъ металлической; послѣдняя же, можно сказать, совершенно отсутствуетъ, за исключеніемъ однако одного-двухъ маленькихъ котловъ и казановъ. Дорогихъ сосудовъ и въ поминѣ нѣтъ,—ихъ замѣняютъ глиняные кувшины. Часто въ такой саклѣ скучены вмѣстѣ и животныя, и весь скромный запасъ провизіи: два-три чувала кукурузы и мѣшокъ одинъ-другой кукурузной же муки. Будь горецъ богатъ, будь бѣднякъ, у него всегда найдется кинжалъ, шашка, пистолетъ, рѣже ружье; оружію отведено самое видное мѣсто: оно виситъ на столбѣ, поддерживающемъ потолокъ.

Въ Ботлихѣ всѣхъ дворовъ насчитывается до 280, а жителей—около

тысячи. По своему благосостоянію аулъ стоитъ въ ряду лучшихъ ауловъ въ округѣ. Этимъ Ботлихъ обязанъ главнымъ образомъ своему мѣстоположенію. Между тѣмъ какъ три четверти ауловъ округа расположены на малодоступныхъ скалахъ, по высокимъ горнымъ хребтамъ, вслѣдствіе чего лишены удобной земли и воды, ботлихцы сравнительно находятся въ лучшихъ условіяхъ: у нихъ есть возможность упорнымъ трудомъ и энергіей расширять свои участки и не подвергаться страшнымъ опустошеніямъ, какимъ подвергаются обитатели горныхъ ауловъ. Случается, что цѣлый аулъ лишается всѣхъ своихъ полей, расположенныхъ по склонамъ горъ. Продолжительные ливни, часто повторяющіеся въ Дагестанѣ, производятъ разрушительное дѣйствіе: они размываютъ сакли, а иногда и сносятъ ихъ совершенно, оставляя однѣ голыя скалы. Почти одна треть населенія аула занимается исключительно садоводствомъ, остальное же населеніе—садоводствомъ и посѣвами кукурузы, пшеницы и проса. Избытокъ фруктовъ и винограда, а всего болѣе грецкихъ орѣховъ находитъ хорошій сбытъ въ сосѣдней Чечнѣ, гдѣ въ обмѣнъ на эти продукты ботлихцы получаютъ кукурузу, главный источникъ пропитанія горца.

Женщины въ Дагестанѣ.

Владѣніе землей у ботлихцевъ частное—участковое. Предметомъ общаго нераздѣльнаго владѣнія являются лишь выгоны и берега рѣки; тѣ же аулы округа, которые занимаютъ горное положеніе, пользуются,

на основаніи общиннаго землевладѣнія, горными лугами, представляющими прекрасныя пастбища и богатые покосы.

Всматриваясь во внутреннюю жизнь ботлихцевъ, въ ихъ семейныя отношенія, нельзя не сознаться, что отпечатокъ ислама—деспотизмъ въ семейномъ быту—сквозитъ на каждомъ шагу и всею тяжестью падаетъ на женщину, которая, какъ извѣстно, во всемъ магометанскомъ мірѣ занимаетъ далеко не такое положеніе, какое ей отведено у народовъ западныхъ. Даже тамъ, гдѣ женщина пользуется извѣстною долею свободы, участь ея положительно невыносима. Съ утра до поздней ночи, будь это мать семьи, дѣвушка, подростокъ или дышащая на ладанъ старуха, она обречена на трудъ, обезсиливающій и доводящій ее до отупѣнія. Вся семья на плечахъ ея; мало того, всѣ попеченія о хозяйствѣ, не исключая обработки земли, ложатся на нее и, разумѣется, неблагопріятно отражаются на ея физической и нравственной физіономіи, особенно если еще принять въ соображеніе то обстоятельство, что мать семейства ничѣмъ не гарантирована отъ случайности очутиться завтра внѣ семейнаго очага. Въ такое печальное положеніе ставитъ женщину освященный временемъ и религіей обычай покупать себѣ жену за извѣстный калымъ, при чемъ самый актъ покупки не обусловленъ какими-либо обязательствами со стороны покупателя. Мужчина, внесшій установленный калымъ, считается обладателемъ дѣвушки или женщины, ея повелителемъ и владыкой съ неограниченнымъ правомъ располагать ею по своему усмотрѣнію. Отсюда и та зависимость и приниженность, какими отличаются здѣсь женщины, и тотъ характерный фактъ, что въ Ботлихѣ, напримѣръ, изъ десяти замужнихъ женщинъ непремѣнно одна вдова, т.-е. жена, брошенная мужемъ, мыкающая горе, и двѣ-три, промѣнявшія вдовью долю на вторичное замужество.

Говоря о женщинахъ, нельзя не упомянуть о дѣтяхъ. Отецъ относится съ полнымъ равнодушіемъ къ дѣвочкамъ, такъ же относится и къ мальчикамъ, но только до извѣстнаго возраста. Обыкновенно въ семь или восемь лѣтъ отцовское равнодушіе постепенно замѣняется нѣкоторыми, хотя и слабыми, попеченіями о подрастающихъ мальчикахъ. Я часто обращался къ своимъ кунакамъ, сидя съ ними въ кунацкихъ за стаканами вина, съ вопросами, касающимися системы ихъ воспитанія, но всегда получалъ уклончивые отвѣты. Вотъ, впрочемъ, что я слыхалъ отъ одного изъ нихъ: «Я люблю своихъ сыновей, ласкаю ихъ, говорю имъ, чтобы они не дичились русскихъ. Черезъ годъ они начнутъ учиться, и тогда изъ нихъ выйдутъ хорошіе горцы». Слова кунака были искренни. Онъ, какъ и другіе отцы, твердо увѣренъ, что воспитаніе и образованіе дѣтей—за предѣлами семейнаго очага: «Мулла—учитель», «Коранъ—та книга, которая создаетъ изъ ребенка мужчину-горца».

Послѣднее справедливо, если обратить вниманіе на тотъ фактъ, что

въ западномъ Дагестанѣ не существуетъ ни общественныхъ, ни учрежденныхъ правительствомъ школъ; дѣти болѣе или менѣе зажиточныхъ семействъ отдаются для обученія муллѣ. Мальчики ходятъ въ мечеть и тамъ изучаютъ, подъ руководствомъ муллъ и ихъ помощниковъ, коранъ и арабскій языкъ. Насколько такое обученіе богато результатами въ смыслѣ развитія грамотности—это другой вопросъ. Главное же,—такой способъ обученія дѣтей въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ исключительнымъ вліяніемъ духовныхъ наставниковъ несомнѣнно вырабатываетъ будущихъ фанатиковъ-горцевъ. Мнѣ пришлось убѣдиться и въ томъ, что горцы не чужды желанія учить дѣтей по-русски: такъ, въ Ботлихѣ я зналъ двухъ ссыльныхъ, возвращенныхъ послѣ 17-тилѣтняго пребыванія въ Костромской губерніи; выучившись въ ссылкѣ грамотѣ, они теперь на родинѣ распространяютъ ее въ средѣ своихъ родственниковъ.

Въ общественной жизни ботлихцевъ интересенъ налогъ въ пользу неимущихъ; онъ установленъ для поднятія благосостоянія бѣдныхъ сочленовъ общества, число которыхъ въ аулѣ достаточно. Налогъ распредѣленъ такимъ образомъ, что всею тяжестью падаетъ исключительно на лицъ болѣе зажиточныхъ, при чемъ обусловленъ доходомъ двора. Дворъ, имѣющій дохода десять рублей, уплачиваетъ съ нихъ 25 копеекъ, другими словами, по $2^1/_2$ к. съ рубля. Дворъ, не располагающій деньгами, уплачиваетъ съ 60 сабъ кукурузы, пшеницы, проса, безразлично и всего вмѣстѣ, одну сабу; дворъ же, имѣющій доходъ выше 60 сабъ даетъ съ каждыхъ лишнихъ десяти сабъ по одной сабѣ.

Бѣдность развита въ аулахъ округа неравномѣрно: большій процентъ падаетъ на аулы промышленные и близкіе къ нимъ, гдѣ гнетъ слабыхъ въ послѣднее время становится ощутительнымъ. Въ глухихъ уголкахъ округа это явленіе еще неизвѣстно, а потому, какъ передавали мнѣ, тамъ очень часто встрѣчаются аулы, въ которыхъ сохраняется полное равенство какъ во владѣніи землею, такъ и въ несеніи платежей и повинностей.

Невыгодныя климатическія условія для населенія аула становятся очевидными даже при самомъ бѣгломъ взглядѣ на котловину. Охваченная кольцомъ высокихъ горъ, съ однимъ лишь узкимъ ущельемъ, по которому течетъ р. Андійское-Койсу, она представляетъ богатый резервуаръ скопленія міазмъ, имѣющихъ сильное вліяніе на общее состояніе здоровья населенія котловины. Сады, посѣвы и луга ботлихцевъ служатъ однимъ изъ источниковъ зарожденія и распространенія міазмъ. Обыкновенно посѣвы и сады при поливкѣ заливаются водою. Послѣдняя, не имѣя стока, стоитъ сплошнымъ болотомъ на всей орошаемой площади. При часто повторяемыхъ поливкахъ, отъ 3 до 4 разъ въ недѣлю, въ сильнѣйшіе жары, когда термометръ держится на 35—40° Р. (въ тече-

ніе всей второй половины лѣта), происходитъ почти повальная заболѣваемость лихорадкою. Особенно зловредными оказываются нижніе посѣвы кукурузы, заливные луга, густыя заросли тальника по берегу Андійскаго-Койсу; они очень напоминаютъ трясины: ступая по нимъ, тонешь по колѣно въ какой-то черной иловатой смѣси, густо прикрытой осокою, ряскою и камышомъ; зараженный воздухъ, пропитанный влажностью, наполняющей эти мѣста, дѣлаетъ невозможнымъ пребываніе въ нихъ послѣ заката солнца.

Природа Восточнаго Закавказья.

(А. Краснова.)

Берега Каспійскаго моря имѣютъ природу въ высшей степени характерную и своеобразную. Это уже Средняя Азія со всѣми чертами, ей присущими.

Покидая Тифлисъ подъ вечеръ, вы засыпаете въ вагонѣ желѣзной дороги, проносясь среди ландшафтовъ, хорошо знакомыхъ по видамъ окрестностей названнаго города. Вы мало потеряете, проѣзжая ихъ ночью. Зато на утро, когда вы проснетесь, совершенно новая, чуждая вамъ природа Муганской степи будетъ окружать васъ со всѣхъ сторонъ. Природа эта уныла и печальна, но крайне своеобразна.

Ровная какъ столъ Муганская степь скатертью разстилается по пути локомотива. Слѣва, задернутыя въ туманную, присущую среднеазіатской атмосферѣ, дымку, почти невидимы массы горъ главнаго хребта, и только, прорываясь среди этой мглы, высоко въ голубомъ небѣ блестятъ бѣлыя снѣговыя вершины отдѣльныхъ пиковъ. Горы не играютъ видной роли въ пейзажѣ. Онѣ лишь этими плавающими въ воздухѣ, какъ бѣлые призраки, вершинами напоминаютъ вамъ, что васъ отдѣляетъ отъ Россіи громадный хребетъ, всю грандіозность котораго вы созерцаете съ сѣвера.

Вашъ глазъ невольно поэтому останавливается на степи, разстилающейся со всѣхъ сторонъ на необъятныя пространства. Степь эта совершенно особенная. Она не похожа на травяныя степи черноземной полосы Россіи, нынѣ повсюду уже превращенныя въ пашни, но которыя еще помнятъ наши отцы и напоминаніемъ о которыхъ являются обрывки цѣлинъ на склонахъ балокъ, съ ихъ волнующимися ковылями и ковромъ душистыхъ цвѣтущихъ травъ. Не напоминаетъ Муганская степь въ мѣстахъ, пересѣкаемыхъ желѣзною дорогою, и солнцеватой степи калмыцкой, покрытой рѣдко другъ отъ друга стоящими кустиками сѣдо-сѣрой полыни или похожими на нее, такими же низенькими, такими же мелколистными и сѣдо-сѣрыми многолѣтними травами. Если такія полынныя заросли здѣсь кое-гдѣ и попадаются, то лишь изрѣдка, отнюдь не составляя характерной черты пейзажа.

Голая, солонцеватая, желто-бурая почва здѣсь не одѣта дерномъ

травъ. Она суха и, повидимому, безплодна. На далекихъ другъ отъ друга разстояніяхъ, какъ на настоящемъ солонцѣ, торчатъ здѣсь жирныя солончаковыя травы, эти кустики, не превышающіе фута вышины, съ жирными, сочными зелеными листьями и уродливо искривленными вѣтвями. Имѣя темно-зеленую окраску, они какъ темныя пятна пестрятъ поверхность степи, придавая ей мрачный колоритъ. Эти два-три вида солянокъ одни господствуютъ въ степи, покрывая ее на далекія пространства, не оживляемыя ни домомъ, ни деревнею, ни даже лѣсомъ. Изрѣдка лишь въ рѣчной долинѣ увидишь группу деревьевъ,—ни дать, ни взять пейзажъ сѣверной тихо-океанской дороги по ту сторону Скалистыхъ горъ, на плоскогорьѣ Ута, гдѣ-нибудь въ штатѣ Монтана. Но вмѣсто приземистыхъ кактусовъ Америки, наша Закавказская пустыня оживляется образующимъ цѣлыя клумбы на голой землѣ растеніемъ, всей цѣнности котораго, повидимому, еще не знаютъ туземцы: это—каперсы, которые развиваются здѣсь гораздо роскошнѣе, чѣмъ на берегахъ Средиземнаго моря, откуда нашимъ колоніальнымъ лавкамъ поставляется эта всѣмъ извѣстная приправа. Эти клумбы изъ темныхъ, круглыхъ, глянцевитыхъ листьевъ и распростертыхъ по землѣ рыжихъ вѣтвей бываютъ очаровательны подъ вечеръ, когда распускаются ихъ крупные, нѣжные, невыносящіе сильнаго лѣтняго зноя цвѣты. Цвѣты эти о 4-хъ лепесткахъ съ массою тычинокъ посрединѣ, напоминаютъ издали цвѣты мирты, но, достигая величины съ пятакъ и болѣе и усыпая весь кустъ, издали привлекаютъ вниманіе и украшаютъ степи.

Другое растеніе, не менѣе интересное, также характеризующее средиземно-морскія страны и столь же часто попадающееся здѣсь на глаза—бѣшеный огурецъ (Momordica elateria). Дѣйствительно, оно всего болѣе напоминаетъ огуречные побѣги своими сѣдо-сѣрыми листьями, такими же, какъ огуречные, цвѣтами и чрезвычайно похожими на маленькіе огурчики плодами. Но бѣда тому, кто вздумаетъ неосторожно сорвать его плодъ! Прежде чѣмъ вы прикоснетесь къ такому огурчику, онъ самъ, оторвавшись отъ сотрясенія, причиненнаго растенію, отскочитъ и брызнетъ вамъ въ лицо цѣлой струей липкой жидкости и мелкихъ, мокрыхъ, похожихъ на огуречныя сѣмянъ. Вмѣстѣ съ поименованными растеніями въ степи попадается и такъ называемая верблюжья колючка (Alhaga camelorum)—въ футъ высотою кустикъ, одѣтый листьями и розовыми цвѣтами лишь раннею весной; нѣсколько позже вся листва его обваливается,—остаются однѣ голыя колючки, длинныя и острыя, изъ которыхъ состоитъ все растеніе. Несмотря на такой его неказистый видъ, верблюды съ жадностью истребляютъ это растеніе. Ихъ стада, тамъ и сямъ попадаясь въ степи, одни только разнообразятъ ея монотонность.

Днемъ здѣсь жара дѣлается нестерпимою. Далеко не на всѣхъ станціяхъ возможно здѣсь достать свѣжую воду, да и самыя станціи не

представляютъ изъ себя оазисовъ въ пустынѣ. Удаленныя отъ деревень, онѣ обыкновенно являются уединенными группами домиковъ, разбросанныхъ въ сухой и пустынной степи. Незавидно должно быть житье тѣхъ, кому приходится служить по этой линіи. Жара и вредныя насѣкомыя не позволяютъ здѣсь въ лѣтнее время даже жить въ постройкахъ и—характерный для закавказскихъ станцій атрибутъ—вездѣ вы видите высокую желѣзную постройку, á la Эйфелева башня, о нѣсколькихъ платформахъ, куда на лѣто выносятся постели и гдѣ на высотѣ нѣсколькихъ саженъ надъ раскаленною почвою, продуваемые вѣтеркомъ, спятъ несчастные жители этихъ станцій, буквально проводя большую часть жизни своей между небомъ и землею и слѣзая по узкой витой лѣстницѣ съ этихъ построекъ лишь на время прихода поѣзда.

Несмотря на пустынность мѣстности, здѣшняя почва далеко не безплодна: посаженныя около станцій деревья развиваются весьма успѣшно. При большей заботливости эти убогія станціи могли бы выглядѣть гораздо веселѣе и привѣтливѣе.

Вотъ и все, что вы, томясь отъ жару, можете видѣть, проѣзжая по Муганскимъ степямъ. Не болѣе увидитъ малонаблюдательный взоръ и тогда, когда поѣздъ повернетъ на Апшеронскій полуостровъ и справа откроется просторъ сердитыхъ зеленоватыхъ водъ Каспійскаго моря. Но натуралистъ здѣсь на каждомъ шагу найдетъ интересный объектъ для изслѣдованія. Хотя море здѣсь и близко, но ничто не свидѣтельствуетъ, чтобы оно благотворно дѣйствовало на природу своихъ береговъ. Какъ только вы покинете полосу, гдѣ волны гложутъ берегъ, пустыня вступаетъ въ свои права и та же бѣдная муганская природа сопровождаетъ васъ здѣсь, на самомъ побережьи Каспія. Скажу болѣе, открытая сильнымъ восточнымъ вѣтрамъ почва здѣсь уже даетъ возможность наблюдать явленія, общія съ низиною Туркестанскаго края. Для русскаго человѣка, привыкшаго на родинѣ своей всюду видѣть, что всѣ неровности почвы произведены, главнымъ образомъ, размывающею дѣятельностью воды, странно бываетъ здѣсь видѣть совершенно обратное: не вода, а вѣтеръ теперь, главнымъ образомъ, видоизмѣняетъ поверхность здѣшней почвы, придавая ей мѣстами весьма курьезныя очертанія. Только наблюдая здѣшнюю растительность, можно судить о томъ, какая масса почвы вздымается и уносится отсюда вѣтрами. Мѣстами солонцеватая степь кажется совершеннымъ подобіемъ кочковатаго болота, такъ какъ вѣтромъ снесенъ уже болѣе чѣмъ полуфутовой слой почвы и развѣянъ въ видѣ пыли, а у корней растеній онъ остался сдерживаемый ими и кажется, что каждый кустикъ выросъ на особой кочкѣ; на дѣлѣ же эти кочки показываютъ уровень прежней почвы.

Рядомъ же можно наблюдать, какъ такіе кустики, задерживая на пути болѣе тяжелыя, неспособныя подыматься на воздухъ песчинки,

способствуютъ накопленію ихъ въ барханы, или песчаныя горки. Впрочемъ, на Апшеронскомъ полуостровѣ рѣдко гдѣ наблюдаются настоящіе сыпучіе пески.

Несравненно интереснѣе и оригинальнѣе здѣсь другія явленія природы, которыя плохо поддаются наблюденію изъ окна вагона. Чтобы ихъ видѣть, необходимо сойти на одной изъ ближайшихъ къ городу Баку станцій, напримѣръ, на станціи Пута, и сдѣлать прогулку по самой степи. Мы разумѣемъ явленія, связанныя съ присутствіемъ нефти на Апшеронскомъ полуостровѣ.

Первое мѣсто между этими явленіями занимаютъ грязевые вулканы, которые здѣсь, въ окрестностяхъ Баку, гораздо болѣе эффектны и поучительны, чѣмъ знаменитые вулканы Таманьскаго полуострова.

Какъ только поѣздъ вступитъ въ предѣлы Апшеронскаго полуострова и на горизонтѣ засверкаетъ море, легко замѣтить, что на вершинахъ многихъ гребней прибрежныхъ холмовъ возвышаются различной величины конусы, по цвѣту своему отличающіеся отъ окружающей ихъ почвы. Въ то время, какъ вся мѣстность имѣетъ унылый желто-бурый колоритъ, прекрасно гармонирующій съ мутнымъ азіатскимъ небомъ, эти конусы, съ весьма правильно падающими во всѣ стороны склонами, окрашены въ синевато-сѣрый цвѣтъ. Величина этихъ вулкановъ весьма различна, но многіе, какъ грязевой вулканъ Локъ-Батанъ, около станціи Пута, имѣютъ довольно большіе размѣры. Этотъ вулканъ стоитъ на бугристой возвышенности и имѣетъ правильную форму усѣченнаго конуса, замыкающаго обширный кратеръ. Высота стѣнокъ этого кратера не менѣе, чѣмъ высота трехъэтажнаго дома. Съ сѣверо-востока и юго-запада стѣнки кратера провалились, давъ съ юго-западной стороны выходъ громадному грязевому потоку до полуверсты длиною, покрытому складками и глубокими, зіяющими, трудно переходимыми трещинами, какъ у настоящаго вулкана. Вообще вся внѣшность Локъ-Батана необыкновенно напоминаетъ видъ небольшого потухшаго вулкана, какихъ много въ Оверни и другихъ странахъ утихающей или утихшей вулканической дѣятельности. Но Локъ-Батанъ не есть окончательно потухшій вулканъ. Правда, теперь его дѣятельность прекратилась; вы безнаказанно можете проникнуть въ брешь, сдѣланную его грязевою лавою, войти въ его полуразрушенный кратеръ, чтобы собрать тамъ красные какъ кирпичъ, обожженные дѣятельностью когда-то пылавшаго пламени комья глины. Но, подобно всѣмъ здѣшнимъ грязевымъ вулканамъ, Локъ-Батанъ дѣйствуетъ періодически. Гуляя у его подножія, вы легко замѣтите, что бурая почва, вами попираемая, не есть глинистый наносъ настоящей степи. Это есть также изверженная грязь—старый грязевой потокъ. Но эта древняя грязь, подобная древней лавѣ Везувія, уже вывѣтрилась, потеряла характерныя трещины и морщины и покрылась растительностью. Стѣнки

древняго кратера размыты и стерты съ лица земли. Мнѣ говорили, что существовало по крайней мѣрѣ три изверженія Локъ-Батана, прежде чѣмъ произошло то, которое насыпало современный конусъ. Это послѣднее имѣло мѣсто всего лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ и надѣлало много шуму. Начальникъ желѣзнодорожной станціи Пута еще раньше замѣчалъ гулъ какъ бы въ подземной пустотѣ, находившейся подъ станціей, и содроганіе почвы. Наконецъ, въ одну прекрасную ночь послышался сильный шумъ и свистъ, и изъ холма, господствующаго надъ станціей и расположеннаго къ востоку отъ полотна желѣзной дороги, вдругъ стали выбрасываться на большую высоту камни, куски глины и комья жидкой грязи; черезъ нѣсколько времени появился громадный столбъ яркаго пламени, взлетавшаго на много саженъ вверхъ, окруженнаго чернымъ дымомъ и цѣлымъ градомъ комьевъ грязи, которые, падая вокругъ кратера, мало-по-малу нагромоздили цѣлую гору Локъ-Батана. Свѣтъ отъ пламени былъ настолько силенъ, что зарево видно было и въ Баку. Затѣмъ, какъ у настоящаго вулкана, изверженіе закончилось мощнымъ потокомъ грязи, направившимся къ полотну желѣзной дороги, но далеко не дошедшимъ до него. Изверженіе Локъ-Батана было столь величественно, настолько напоминало настоящее вулканическое изверженіе, что напуганный начальникъ станціи просился о переводѣ, опасаясь, что дрожащая, дающая и теперь чувствовать существованіе подземныхъ пустотъ, почва подъ станціей провалится и онъ сдѣлается жертвою подземнаго огня. Но вулканическая дѣятельность прекратилась, и вновь тишина и покой водворились въ окрестностяхъ надѣлавшей переполохъ огнедышащей горы. Грязь Локъ-Батана въ сущности неправильно называть грязью: это синяя глина съ характернымъ запахомъ лѣпной скульптурной глины. Она однородна, чиста, и изрѣдка въ ней попадаются кристаллики блестящаго какъ золото сѣрнаго колчедана.

Большая часть вулкановъ Апшеронскаго полуострова, подобно Локъ-Батану, находится въ состояніи покоя. Въ немногихъ изъ нихъ кратеръ еще и доселѣ наполненъ жидкою грязью, изъ которой, какъ изъ котла, съ клокотаніемъ поднимаются и лопаются пузыри, распространяя вонючіе, удушливые газы.

Гораздо интереснѣе для наблюденій попадающіеся по сосѣдству вулканы песчаные. Занимая обыкновенно ровныя, лишенныя растительности солонцеватыя низинки, вулканы эти расположены длинными рядами, наподобіе Андъ или другихъ цѣпей тихоокеанскихъ вулкановъ. Названіе вулкановъ къ нимъ примѣнимо лишь условно. Они не извергаютъ пламени: продукты ихъ изверженія—лишь вода и песокъ. Они не возвышаются надъ почвою болѣе 3—4 саженъ, обыкновенно же значительно ниже. Но ихъ правильно коническая форма, кратеры, увѣнчивающіе вершины или расположенные сбоку склона, какъ у настоящихъ вул-

кановъ, высоко бросаемый во время изверженія песокъ или тихо струящаяся въ періодъ покоя горько-соленая вода,—все это дѣлаетъ ихъ хорошенькими, чисто игрушечными моделями вулкановъ.

Причина происхожденія какъ песчаныхъ, такъ и настоящихъ грязевыхъ вулкановъ однако вовсе не та, что у огнедышащихъ горъ. Скопленіе нефтяныхъ газовъ—легкихъ углеводородовъ—вызываетъ наконецъ прорывъ ихъ вдоль трещинъ горныхъ породъ, чаще всего идущихъ по гребнямъ холмовъ. Прорываясь тамъ и сямъ вдоль такихъ трещинъ, газы эти увлекаютъ за собою со страшною силою обломки камней и жидкую, подъ землею въ нефти находящуюся грязь; вылетая изъ узкихъ щелей и воспламеняясь отъ тренія, газы эти даютъ высокіе столбы пламени и производятъ ту эффектную картину изверженія, которую можно было наблюдать при изверженіи Локъ-Батана и которая повторялась и у другихъ грязевыхъ вулкановъ края.

Чудная картина развернется передъ глазами того, кто, пренебрегая лѣтнею жарою, рискнетъ взобраться на стѣнки кратера Локъ-Батана и станетъ съ ихъ вершины любоваться окрестнымъ пейзажемъ. Голая, чисто азіатская пустыня раскинулась со всѣхъ сторонъ. Невысокія, бураго цвѣта скалы, послѣдніе отроги Кавказскаго хребта, со всѣхъ сторонъ выступаютъ передъ вами. А между ними участки гладкой, ровной, какъ столъ, такой же мертвенной, обнаженной степи—покинутое дно Каспійскаго моря, отступившаго далеко къ востоку. Такія же степи и такія же скалы обрамляютъ берега этого моря и съ востока, гдѣ передъ нами развертываются контрасты яснаго голубого неба, зеленаго пѣнящагося моря и желто-бурыхъ, то высокихъ и скалистыхъ, то ровныхъ, только что покинутыхъ моремъ береговъ съ пѣнящимися бурунами... Картина уныла, мертвенна, не оживлена ни постройкой, ни зеленью, но она величественна, по своему красива и наводитъ на глубокія размышленія.

Въ царствѣ нефти.

(Е. Маркова.)

Баку—городъ не только настоящаго, но и широкаго будущаго, городъ какой-то американскій, а не русскій; онъ растетъ, какъ въ сказкѣ, не по днямъ, а по часамъ. Возникаютъ на глазахъ новые кварталы, цѣлыя новыя улицы, всякіе склады товаровъ, агентства, товарищества, являются конки, газъ, водопроводъ; иностранцы-предприниматели, купцы, промышленники, техники стремятся въ него вмѣстѣ съ русскими и армянскими капиталистами. Словомъ, Баку дѣлается центральнымъ торговымъ портомъ всего восточнаго кавказскаго побережья, царящимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и надъ персидскимъ и надъ туркменскимъ берегами Каспія.

Съ одной стороны, это главный очагъ керосина и нефти, разливающій ихъ по всѣмъ странамъ Европы, Азіи, Африки, по всѣмъ областямъ и городамъ необъятнаго русскаго царства; съ другой стороны, это вывозной портъ въ Азію, въ русскія закаспійскія и туркестанскія владѣнія для товаровъ Кавказа и Россіи, и ввозный портъ для персидскихъ, индійскихъ и центрально-азіатскихъ товаровъ.

Вслѣдствіе такого выгоднаго положенія своего на перекресткѣ большихъ путей сообщенія Баку невольно является и чрезвычайно важнымъ военнымъ пунктомъ. Кавказъ и Россія черезъ него поддерживаютъ военныя сношенія съ нашими среднеазіатскими владѣніями.

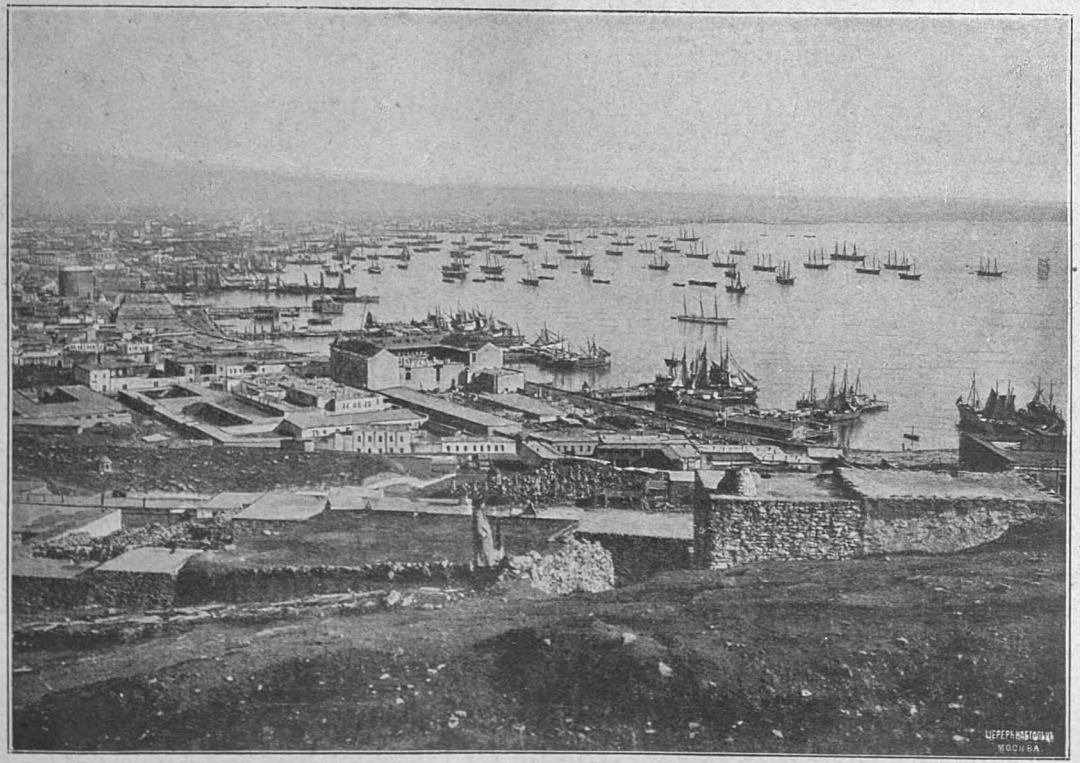
Въ персидское владычество и при своихъ татарскихъ ханахъ Баку дѣйствительно былъ всегда важною крѣпостью. Высокія стѣны и башни ея до сихъ поръ уцѣлѣли на большомъ пространствѣ въ самой центральной части города, окружая собою высокій холмъ, увѣнчанный укрѣпленнымъ замкомъ старыхъ хановъ.

Внутри кремля гауптвахта, русскій соборъ и множество переулочковъ съ магазинами и восточными лавочками, ведущихъ въ характерные крытые базары внизу холма. Тутъ можно найти филигранныя издѣлія изъ серебра и бирюзы очень оригинальнаго персидскаго вкуса и золотыя женскія украшенія съ разноцвѣтною финифтью замѣчательной красоты; особенно отличаются своеобразнымъ изяществомъ своей эмали и золотого чекана большія многоярусныя татарскія серьги тюльпанами и колокольчиками. Мастера-персы торгуютъ и работаютъ заодно тутъ же въ своихъ крохотныхъ шкапчикахъ-лавчонкахъ; они постукиваютъ молоточками на своихъ ручныхъ наковальняхъ, раздуваютъ свои маленькіе горны, спаиваютъ и куютъ, на глазахъ публики, постоянно снующей мимо нихъ, постоянно зѣвающей и на ихъ заманчивый товаръ, и на ихъ удивительно ловкую и терпѣливую работу.

Самая нижняя башня крѣпости, такъ называемая «Дѣвичья башня», колоссальной величины, стоитъ близко къ морю и обращена теперь въ маякъ.

Съ башенъ замка видны всѣ его кварталы и переулки, и примыкающій къ нему своими вѣчно дымящими трубами «Черный городокъ», и уходящій за нимъ вдаль «Бѣлый городокъ», и еще далѣе далекіе Балаханы и весь широкій просторъ моря.

Ближе, у самыхъ ногъ, старинные купола соборной мечети Джума-Джаміе съ ея двумя минаретами, глиняные многочисленные купольчики общественныхъ бань и весь переплетающійся паутиною своихъ переулковъ и проходовъ татарскій базаръ... Городской бульваръ съ новенькими раскрашенными бесѣдками и чахлыми деревцами тянется блѣдно-зелеными лужайками и желто-красными дорожками сейчасъ же за стѣною, съ трудомъ защищая свое жалкое существованіе отъ изсушающаго



Баку.

дыханія бакинскаго солнца и бакинскихъ глинистыхъ горъ. Дальше видны большія красивыя зданія губернаторскаго дома, женской гимназіи и цѣлые сплошные кварталы новыхъ многоэтажныхъ домовъ, гостиницъ, магазиновъ, направляющіеся къ «Черному городку».

А на другой сторонѣ—на голубой скатерти совсѣмъ затихшаго моря многочисленныя мачты кораблей, трубы двигающихся и стоящихъ пароходовъ, рѣющіе во всѣхъ направленіяхъ бѣлые паруса, вся оживленная сутолока лихорадочно дѣятельнаго торговаго порта...

Справа портъ замыкается высокимъ Баиловымъ мысомъ, около котораго раскинулся русскій военный поселокъ съ величественнымъ бѣлокаменнымъ пятиглавымъ соборомъ и съ огромными зданіями мастерскихъ, казармъ и складовъ.

Тутъ же покачиваются на своихъ якоряхъ и внушительные военные пароходы каспійской флотиліи, съ помощью которой Каспійское море, еще недавно кишѣвшее туркменскими пиратами, сдѣлалось теперь безопасно вполнѣ. Каменный молъ длинною дугою защищаетъ отъ прибоевъ открытаго моря казенный портъ, гдѣ стоятъ эти корабли...

Оригиналенъ видъ Баку съ моря; чтобы видѣть его весь, приходится отплыть довольно далеко въ открытое море.

Мы отправились. Дулъ вѣтеръ отъ берега, качало изрядно, и нашу большую неуклюжую лодку подбрасывало волной, какъ орѣховую скорлупу. Но лодочникъ-персъ ловко справлялся въ одиночку и съ парусомъ, который онъ поочередно перекидывалъ то на ту, то на другую сторону, и съ веслами, которыми постоянно приходилось помогать вѣтру.

Персъ говорилъ немного по-русски, и мы разговорились.

— Прежде какой Баку?.. Все равно деревня, ничего нѣтъ!—говорилъ онъ съ очевидною искренностью.—Теперь что Тифлисъ есть, то Баку есть... Каждый день базаръ, каждый день пароходъ. Купецъ много, деньга много... Человѣкъ богатый у Баку... Персъ богатый, армянъ богатый, татаръ богатый, русскій богатый... А все керосинъ, нефть,—керосинъ, нефть! Вода только нѣтъ. Вода нѣтъ, садъ нѣтъ. Садъ много есть, да далеко. Этотъ мѣсяцъ прошелъ, весь человѣкъ изъ Баку садъ ѣхалъ. Вода и тутъ есть, да глубоко... 20 сажень, 30 сажень, 40 сажень... У гора много вода, провести можно, только надо деньга...

Наконецъ мы отплыли довольно далеко въ море, и можно было окинуть теперь весь Баку однимъ взглядомъ.

Сухимъ, голымъ, безотраднымъ смотрѣлъ онъ со ступеней своего горнаго амфитеатра, такого же сухого, голаго и безотраднаго. Каменисто-глиняныя горы охватываютъ полукругомъ вдавшійся въ нихъ заливъ моря, и на скатахъ ихъ, у ихъ подножія насыпаны цѣлые ярусы, цѣлыя чередующіяся террасы плоскокрышихъ домовъ того же цвѣта,

того же камня, какъ окружающія ихъ скалы. Ни одного зеленаго деревца, ни одной веселой лужайки не видно издали среди этого желтосѣраго пейзажа; зато откуда-то сзади, словно изъ-подъ земли, подымаются, чуть погибаясь отъ вѣтра, черные дымы безчисленныхъ трубъ.

Голыя горы, обступающія кругомъ Баку, выглядятъ вдвое печальнѣе отъ множества кладбищъ, ихъ покрывающихъ: персидское, татарское, армянское, еврейское и наконецъ русское кладбище—одно за однимъ, одно надъ другимъ.

Издали Баку уже не производитъ впечатлѣнія мусульманскаго города. Ветхіе купола Джумы-Джаміе да высоко забравшійся минаретъ ханской мечети незамѣтно тонутъ среди европейскихъ домовъ и христіанскихъ церквей.

Хотя персовъ и татаръ живетъ еще много въ Баку, особенно внутри старой крѣпости, но и они уже строятъ себѣ двухъэтажные дома и магазины съ цѣлыми стеклами, гоняютъ пароходы съ керосиномъ и посылаютъ своихъ дѣтей въ русскія школы и гимназіи.

Въ новыхъ улицахъ города нѣтъ уже ничего похожаго на вьющіеся переулочки старой крѣпости. Вездѣ массы строящихся и только что отстроенныхъ домовъ, и все большихъ, многоэтажныхъ, приспособленныхъ ко всякимъ торговымъ предпріятіямъ, вездѣ склады, магазины, гостиницы, конторы...

Дома однако не русскаго типа, а того плоскокрышаго, богатаго галлереями и окнами, который господствуетъ вездѣ въ населенныхъ европейцами восточныхъ портахъ Средиземнаго моря. Хорошія мостовыя вездѣ; вездѣ бѣгаютъ переполненныя конки, лошадныя и паровыя, движеніе народа огромное. При выѣздѣ изъ города большой красивый вокзалъ паровыхъ конокъ, въ родѣ обычныхъ вокзаловъ желѣзныхъ дорогъ. Въ городѣ есть прекрасный оперный театръ, концерты всякихъ знаменитостей, всякія удовольствія. Присутствіе большихъ денегъ, дѣятельной наживы ощущается на каждомъ шагу. Ощущается это и на цѣнѣ всего. Гостиницы берутъ по-столичному: за номеръ 4, 5, 6 рублей, за самоваръ—25 коп., за свѣчу—20 коп., извозчикъ въ часъ—два рубля!

Народная толпа здѣсь не только шумна и многочисленна, но и интересна. Татарки, закутанныя съ головой въ свои розовыя ситцевыя простыни, бѣгаютъ здѣсь совершенно свободно по улицамъ, попадаясь толпами на каждомъ шагу, громко шлепая по камнямъ своими оригинальными желтыми калошами, надѣтыми на одинъ только носокъ ноги... И на многихъ мужчинахъ такія же потѣшныя калоши до половины ступни, крайне неудобныя при ходьбѣ и достигающія невѣдомо какой цѣли.

Персіяне даютъ свой характеръ физіономіи города. Ихъ важныя ветхозавѣтныя фигуры въ широкихъ коричневыхъ мантіяхъ, въ огромныхъ

синихъ тюрбанахъ, а еще чаще въ опрокинутыхъ на затылокъ высокихъ черныхъ смушковыхъ шапкахъ, расширенныхъ кверху вродѣ камилавокъ, видны у дверей каждаго магазина, каждой кофейни... Подъ мантію надѣвается бѣлый или желтый ситцевый бешметъ, а изъ-подъ разрѣза бешмета виднѣется цвѣтная рубаха. Такова лѣтняя одежда этихъ дѣтей юга. Рѣзко очерченныя лица ихъ, черномазыя, обрамленныя красною бородою и красными усами, словно приклеенными смазывающей ихъ краской, сообщаютъ еще больше парадности ихъ наружному виду.

Чтобы видѣть добываніе нефти, надо отправиться въ одну изъ богатыхъ нефтью окрестностей Баку, напримѣръ Балаханы. Хотя туда съѣздить можно и по желѣзной дорогѣ, но мы наняли покойный фаэтонъ парою туда и обратно.

Дорога въ Балаханы идетъ сначала мимо «Чернаго городка», который остается вправо, къ сторонѣ моря. За «городкомъ» моря уже больше не видишь, потому что его загораживаютъ холмистые берега.

Ослики, или, по-мѣстному, ишаки, съ навѣшанными на нихъ по обѣ стороны огромными глиняными кувшинами въ деревянныхъ рамахъ, толпами встрѣчаются на пути. На нихъ сидятъ, свѣсивъ вбокъ ноги, иногда на самомъ хвостѣ, татары-хозяева, нагрузившіе сѣдло разнымъ товаромъ.

Длиннѣйшія дороги со всякими тяжестями и огромныя раскрашенныя мажары или телѣги, и тѣ и другія запряженныя четверкою здоровыхъ коней, съ трудомъ выволакиваются изъ трясинъ, перебивающихъ дорогу въ каждой лощинкѣ. Но самый распространенный мѣстный экипажъ— это легкая рѣшетчатая арба на двухъ громаднѣйшихъ колесахъ, иногда снабженная холщевымъ верхомъ и даже раскрашенная очень ярко красными, золотыми и зелеными узорами... Впереди у нея всегда высокая скамеечка вмѣсто козелъ, порою на точеныхъ столбикахъ и тоже раскрашенная. Колеса ихъ такъ велики (до трехъ съ половиною аршинъ), что подъ дрогами арбы почти всегда свободно виситъ на цѣпи, не задѣвая земли, большая сороковая бочка съ нефтяными остатками. Вся тяжесть арбы и бочки, людей и товаровъ, находящихся въ арбѣ, лежитъ прямо на хребтѣ лошади, для которой выбоины и трясины дороги чистое убійство. Верблюдовъ тутъ тоже много.

Въ разныхъ мѣстахъ пришлось переѣзжать множество чугунныхъ трубъ въ 2 и 3 вершка толщины, которыя безконечно длинными черными змѣями ползутъ по пескамъ, сгибаясь и перепалзывая другъ черезъ друга, карабкаясь на пригорки, пересѣкая дороги, направляясь отъ нефтяныхъ колодцевъ Балаханъ къ керосиновымъ заводамъ «Чернаго городка».

Ничего не можетъ быть своеобразнѣе вида Балаханъ. Издали вамъ мерещится впереди частый лѣсъ черныхъ пирамидальныхъ кипарисовъ,

тающій въ какой-то синеватой дымкѣ. Но подъѣзжая ближе, вы убѣждаетесь, что это вовсе не лѣсъ, а цѣлый городъ изъ множества дымящихся трубъ, изъ многихъ сотенъ нефтяныхъ вышекъ, усѣченныхъ вверху деревянныхъ пирамидъ, которыя и казались вамъ издали гигантскими траурными кипарисами. Среди этого лѣса пирамидъ разбросано множество прудковъ и озерокъ съ коричневою, бурою, желтою водою, насквозь пропитанною нефтяною грязью, среди плотинъ и перешейковъ, залитыхъ тою же табачнаго цвѣта жидкостью.

Фантастическій, донельзя странный видъ для непривычнаго глаза представляетъ эта площадь тѣсно набитыхъ другъ на друга черныхъ вышекъ, черныхъ трубъ, черныхъ строеній. Все здѣсь пропитано нефтью, прокопчено дымомъ: вода, деревья, дома, люди, одежды, все тутъ черно или буро.

Мы медленно двигались среди прудковъ и ручьевъ, полныхъ, какъ лампа масломъ, густой и жирной буро-зеленой жидкостью, среди безпорядка наскоро сооруженныхъ построекъ.

Прежде всего мы посѣтили бакинскій нефтепроводъ, принадлежащій товариществу четырехъ капиталистовъ, устроенный со всѣми новѣйшими приспособленіями. Въ огромныхъ каменныхъ корпусахъ отчаянно работаютъ, тяжко дыша и торопливо ворочая свои стальные поршни, громадные паровые насосы. Проходя къ нимъ, вы неминуемо должны пройти черезъ широкіе коридоры кочегарни, гдѣ съ двухъ сторонъ сверкаютъ на васъ, опаляя вамъ лицо, докрасна раскаленныя, круглыя заслонки, прикрывающія жерла печей. Ихъ темный чугунъ сквозитъ теперь огнемъ и кажется прозрачнымъ какъ стекло.

Паровыхъ насосовъ такой силы, кажется, нѣтъ на другихъ нефтепроводахъ. Они гонятъ по трубамъ по 6.000 пуд. нефти въ одинъ часъ на разстояніи 12-ти верстъ, до заводовъ «Чернаго города». Нефть поступаетъ подъ насосы изъ громадныхъ герметически закупоренныхъ желѣзныхъ круглыхъ башенъ. Каждая изъ нихъ можетъ вмѣстить до 175 и 200 тысячъ пудовъ. Въ башни эти нефть гонится изъ источниковъ небольшими насосами, а изъ башенъ уже поступаетъ подъ большіе насосы пріемной станціи и перекачивается оттуда въ «Черный городокъ», на особую «раздаточную станцію» товарищества. Гонится туда не только собственная нефть товарищества, но и изъ многихъ чужихъ источниковъ, не имѣющихъ собственныхъ нефтепроводныхъ станцій.

Добываніе нефти производится въ вышкахъ.

Неприглядное зрѣлище представляютъ вблизи эти вышки: все кругомъ нихъ завалено горами песку, изрыто канавами, въ которыхъ течетъ буро-зеленая жидкость, покрытая желтою пѣною. Она быстро струится въ ямы, назначенныя для ея храненія. Только очень небольшая часть этихъ ямъ выложена камнемъ и способна хотя нѣсколько сберечь

отъ напрасной потери драгоцѣнную горючую влагу. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ нефть стекаетъ въ простыя глиняныя ямы, вырытыя среди валовъ песка. Эти горы песку навалены нефтяными фонтанами, фонтанами налиты эти озера нефтью. Они неузнаваемо измѣняютъ поверхность почвы, среди которой начинаютъ дѣйствовать.

Когда мы вошли внутрь такой вышки, гдѣ билъ фонтанъ, мы увидѣли столбъ коричневыхъ струй и брызгъ, поднимавшійся изъ торчавшей въ землѣ желѣзной трубы. Онъ сразу обдалъ насъ своимъ маслянистымъ теплымъ дождемъ и хватилъ еще далеко позади насъ, подхваченный налетѣвшимъ вѣтромъ. Этотъ горячій дождь собирается на днѣ вышки и по канавамъ стекаетъ въ сажалки, рвы и всевозможныя углубленія почвы. Нефть выбрасываетъ съ собою изъ глубинъ земныхъ много песку, воды. Внутри вышки все каплетъ и сочится нефтью, все прокопчено ея цвѣтомъ, ея запахомъ.

Фонтаны бьютъ изъ большой глубины и потому поднимаются иногда очень высоко, постоянно обдавая своими брызгами бревенчатый скелетъ вышки и ея дощатую обшивку. Фонтанъ, который намъ показывали, имѣетъ 103 сажени глубины. Оставалось докапаться до него еще 45 саженъ, когда онъ самъ вдругъ вырвался наружу, подбросивъ будто горсть песку эту сорокапятисаженную пробку, разбивъ ею въ прахъ все, что было кругомъ, и засыпавъ землянымъ обваломъ работавшія надъ нимъ лебедки и паровую машину, которыя и теперь еще торчатъ наполовину изъ-подъ земли.

Въ другой вышкѣ мы смотрѣли, какъ производится такъ называемое «тартаніе». Фонтанъ, прежде бившій здѣсь, уже замеръ (давъ, впрочемъ, за время своего дѣйствія ни болѣе, ни менѣе какъ 17 милліоновъ пудовъ нефти), и нефть нужно теперь искусственно вытягивать изъ трубы. Дѣлается это очень просто. Наверху вышки устроенъ колесо-блокъ. Съ помощью его одинъ рабочій на лебедкѣ, управляемой паровою машиною, опускаетъ въ трубу такъ называемую «желонку»,—длинный мѣдный цилиндръ съ клапаномъ вмѣсто дна; клапанъ открывается вверхъ, поэтому нефть, наполняющая трубу, свободно входитъ черезъ него въ цилиндръ, когда тотъ опускается внизъ; когда же цилиндръ поднимается, то тяжесть набравшейся въ него нефти сама собою запираетъ сейчасъ же клапанъ, и нефть остается въ цилиндрѣ. Вытащивъ желонку, рабочій стукаетъ ее дномъ о землю, клапанъ опять поднимается, и нефть быстро вытекаетъ изъ цилиндра. Она собирается или въ канавы, или въ особый бассейнъ, по обыкновенію окружающій трубу. Нефть никогда не получается чистою, а всегда съ водою, пескомъ и разными примѣсями, почему она и кажется бурою.

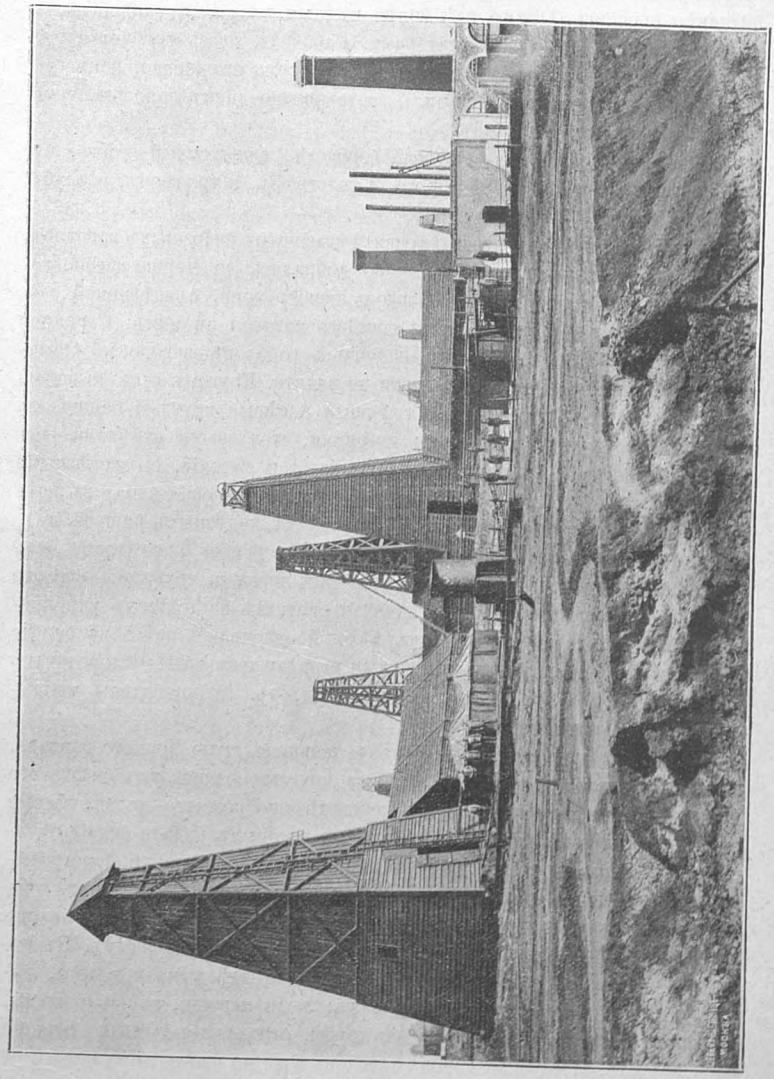
Очень интересно первоначальное буреніе скважины, на которомъ намъ тоже удалось побывать. Вышка собственно и устраивается для буренія. Надъ предположеннымъ мѣстомъ будущаго колодца строятъ

изъ толстыхъ бревенъ высокую сквозную башню, суживающуюся кверху; къ ней пристраиваютъ сарай для паровой машины, лебедки и разныхъ другихъ орудій. Подъ срединою вышки выкапываютъ узкую яму и вставляютъ туда желѣзную трубу вершковъ 8 въ поперечникѣ. Надъ трубой вѣшаютъ тяжелое стальное долото на цѣпи, перекинутой черезъ верхній блокъ и намотанной другимъ концомъ на лебедку. Долото это опускается внутрь трубы и начинаетъ ворочаться и долбить твердую почву. Когда труба вся уйдетъ въ землю, то къ ней приклепываютъ сверху другую такую же, для чего во всѣхъ колѣнахъ трубы заранѣе приготовлены необходимыя отверстія для заклепокъ. Другая труба постепенно опускается вслѣдъ за первою, по мѣрѣ работы долота, третье колѣно прикладывается ко второму, и такъ идетъ дальше и дальше, на сто, на полтораста, на двѣсти саженъ въ глубь, пока не достигнется нефтяной пластъ. А чтобы и само долото могло опускаться на ту же глубину, какъ и трубы, внутри которыхъ оно должно работать, къ нему сверху постоянно навинчиваются длинныя желѣзныя штанги, сначала потолще, потомъ все тоньше и тоньше; особый работникъ все время стоитъ надъ ямою, на внутреннихъ балкончикахъ вышки, перемѣщаясь то ниже, то выше, по мѣрѣ углубленія трубы, чтобы безостановочно навинчивать другъ на друга эти штанги, выбирая ихъ изъ запаснаго гнѣзда тутъ же у него подъ рукою.

Во время внезапныхъ взрывовъ фонтановъ всѣ трубы, штанги, цѣпи, блоки нерѣдко выбрасываются Богъ знаетъ на какую высоту и въ какую даль вмѣстѣ съ огромными камнями, вылетающими изъ глубины земной. Нефтяные колодцы—это уже совсѣмъ обезсилѣвшіе прежніе фонтаны. Изъ нихъ однако продолжаютъ доставать нефть иногда очень долго, по многу лѣтъ сряду. Прежде глубина ихъ была меньше, но съ каждымъ годомъ она увеличивается и теперь доходитъ большею частью до 150, иногда же и до 200 саженъ и болѣе, но это очень рѣдко. Толщину самаго слоя нефти въ колдцахъ опредѣлить трудно. Столбъ ея бываетъ иногда до десяти саженъ высоты, иногда до нѣсколькихъ вершковъ.

Воздухъ вышекъ и сараевъ, стоящихъ надъ колодцами и фонтанами, весь насквозь пропитанъ испареніями нефти. Одна искорка огня, и все можетъ взлетѣть на воздухъ—люди, строенія и машины. Поэтому здѣсь строго запрещается курить, и все освѣщеніе—электрическими лампами. Несмотря на ежеминутную грозящую опасность, рабочіе на скважинахъ получаютъ довольно умѣренное вознагражденіе. Цѣну на нихъ больше всего сбили персы, довольствующіеся всякимъ грошомъ. Они—самые дешевые и самые распространенные рабочіе Закавказья. Здѣсь они получаютъ 15 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, имѣя отъ владѣльца скважины только казарму для жилья.

Русскихъ рабочихъ пока очень мало въ Баку, да и какіе есть, по-



Балаханы.

явились только недавно. Они и за поденную работу получаютъ здѣсь на скважинахъ двойную плату противъ персовъ. Татары тоже много понятливѣе персіянъ. Оттого всѣ болѣе важныя должности рабочихъ заняты теперь въ Балаханахъ татарами. Рабочихъ здѣсь требуется громадное количество, потому что скважины растутъ ежедневно, какъ грибы, а добыча нефти происходитъ безостановочно днемъ и ночью, перемѣнными артелями рабочихъ.

Балаханы—теперь многолюдный городокъ, снабженный всѣмъ, что требуется. Тутъ и желѣзная дорога, и телеграфъ, и телефонъ, и клубъ, и всякія лавки, и даже извозчики.

Слѣдующій день мы всецѣло посвятили осмотру нефтяныхъ заводовъ.

Мы выѣхали рано и очень скоро добрались до Чернаго городка. Онъ тянется версты на 3 или 4 вдоль берега моря, съ сѣверной стороны Баку, и уже успѣлъ почти совсѣмъ слиться съ нимъ. Странное впечатлѣніе производитъ этотъ сплошной городокъ заводовъ. Обыкновенныхъ домовъ вы въ немъ почти не видите. Кругомъ васъ со всѣхъ сторонъ толпятся многочисленныя черныя и сѣрыя круглыя башни, съ желѣзными стѣнами, желѣзными крышами, желѣзными стрѣлами громоотводовъ. Иныя изъ этихъ башенъ—узкія и высокія, съ желѣзными лѣсенками снаружи, словно дозорныя башни, охраняющія входъ въ крѣпость. И дѣйствительно, вся эта тѣсная кучка желѣзныхъ башенъ вмѣстѣ со стоящими рядомъ плоскокрышими каменными блокгаузами безъ оконъ, закопченными дымомъ, съ высокими черными трубами,—все это обнесено кругомъ каменными стѣнами и смотритъ настоящимъ укрѣпленіемъ. Нѣсколько сотъ такихъ укрѣпленій стѣснились здѣсь на берегу моря. Въ дополненіе картины запасныя развѣтвленія желѣзнодорожныхъ рельсовъ, въ 10 и 12 параллельныхъ рядовъ, загромождены множествомъ вагоновъ-цистернъ.

Ближе къ Балаханамъ, на самомъ дальнемъ краю Чернаго городка, находятся заводы Нобеля. Желѣзныя круглыя башни ихъ нефтяного депо эффектно возвышаются на вершинѣ прибрежнаго холма тѣсною группою огромныхъ бѣлыхъ шатровъ, по которымъ издали всякій узнаетъ «Нобелевъ городокъ». За нимъ виднѣются дальше по берегу моря заводы Шибаева, Каспійско-Черноморскаго товарищества (или, вѣрнѣе, Ротшильда) и другіе. Это уже «Бѣлый городокъ» въ отличіе отъ Чернаго. Городокъ заводовъ не даромъ названъ былъ Чернымъ. Въ недавнее еще время все, что жило въ этомъ гнѣздѣ дыма и копоти, дѣлалось неминуемо чернымъ, какъ сажа: люди и вещи, звѣри и птицы. Но послѣ были придуманы высокія трубы, отводившія дымъ въ верхніе слои воздуха. Новѣйшая группа заводовъ уже по праву заслужила свое бѣлое имя.

Мы остановились у большого каменнаго дома конторы завода Нобе-

ля; отыскавъ главнаго представителя конторы, я вручилъ ему свою карточку и просилъ позволенія осмотрѣть заводы подъ чьимъ-нибудь руководствомъ. Толпа дѣлового народа наполняла обширныя комнаты конторы, гдѣ производились всякіе справки и расчеты. Черезъ нѣсколько минутъ явился управляющій заводомъ. Онъ вызвался самъ показать и объяснить намъ въ послѣдовательности весь ходъ заводскихъ работъ.

Прежде всего посѣтителя поражаютъ удивительная чистота, порядокъ и отсутствіе суеты во всѣхъ этихъ громадныхъ и многочисленныхъ заведеніяхъ, составляющихъ изъ себя цѣлый отдѣльный городокъ. Тутъ однихъ рабочихъ 800 человѣкъ, а вы ихъ почти не видите и не слышите. Каждый знаетъ свое дѣло, каждый у своего мѣста. Всякая подробность заводскихъ процессовъ такъ обдумана и прилажена, что дѣло двигается словно само собою, безостановочно, дружно, безшумно, какъ колеса хорошо устроенныхъ часовъ. Вездѣ, гдѣ было возможно, механическое приспособленіе замѣнило тяжелый трудъ человѣка, и вездѣ, гдѣ возможно было упростить и улучшить, улучшено и упрощено. И почти всѣ эти упрощенія и улучшенія, всѣ остроумные способы замѣнять живого человѣка машиною были изобрѣтены самимъ Нобелемъ. Нобель первый ввелъ у насъ перекачиваніе нефти по трубамъ нефтепровода изъ колодцевъ въ заводы, такъ же какъ желѣзныя хранилища нефти и керосина. Нобель первый изобрѣлъ и завелъ у себя наливные пароходы и баржи, первый выстроилъ цѣлую армію вагоновъ-цистернъ для перевозки нефтяныхъ продуктовъ по желѣзнымъ дорогамъ, въ то время, когда еще сама Америка не знала другихъ способовъ перевозки нефти по морямъ и сушѣ, какъ простыя бочки.

Каждый служащій на заводѣ является въ извѣстной мѣрѣ его пайщикомъ, то-есть получаетъ, кромѣ жалованья, назначенный ему процентъ съ дохода; чрезъ это всякій рабочій дѣлается нѣкоторымъ образомъ заинтересованнымъ въ успѣшномъ ходѣ завода и мало-по-малу привыкаетъ считать его дѣйствительно «своимъ» заводомъ. На заводѣ устроены и общая столовая для холостыхъ служащихъ, и бильярдъ, и кегли, и библіотека, и школы для дѣтей, и аптека, и пріемный покой, и 24 кровати въ больницѣ, и сберегательная касса, и линейки для даровыхъ разъѣздовъ по заводамъ, и пароходъ для даровыхъ поѣздокъ въ городъ, и даровой ежедневный привозъ изъ Астрахани всѣхъ необходимыхъ продуктовъ по оптовой цѣнѣ. Рабочіе, постигнутые какими-нибудь несчастіями, и ихъ семьи получаютъ денежныя пособія и пожизненныя пенсіи; въ настоящее время у него до 30 такихъ пенсіонеровъ. На однѣ награды служащимъ своего завода онъ ежегодно расходуетъ, словно любое министерство, до 180.000 руб. А сколько служащихъ на заводѣ, можно судить по тому, что однихъ только получающихъ жалованья болѣе 1500 руб. въ годъ считается на заводѣ 120 человѣкъ!

Собственно говоря, смѣшно называть заводомъ этотъ цѣлый Нобелевскій городокъ, въ которомъ сосредоточены многіе разнообразные заводы и который занимаетъ собою пространство въ 35 десятинъ, не считая 23 десятинъ, занятыхъ нефтяными колодцами Балаханъ.

Нобель все стремился къ такому усовершенствованію заводскихъ процессовъ, при которомъ ничто бы не терялось даромъ, а все служило источникомъ дохода. Черезъ это онъ попутно основалъ при своемъ керосинномъ заводѣ цѣлый рядъ побочныхъ самостоятельныхъ производствъ, необходимыхъ для его главной цѣли.

Нефть, прибывающая по нефтепроводу изъ Балаханъ въ пріемную станцію, особыми насосами толкается оттуда въ первый очистительный заводъ. Но чтобы не тратить на ея согрѣваніе слишкомъ много топлива, а съ другой стороны, чтобы охладить дешевымъ способомъ такъ называемый «мазутъ», или нефтяной деготь, стекающій по трубамъ совсѣмъ горячимъ, какъ ненужный остатокъ при выработкѣ керосина, заставляютъ сначала притекающую нефть соприкасаться съ горячими трубами мазута, чѣмъ въ одно и то же время достигаютъ двухъ цѣлей— нагрѣванія нефти и охлажденія мазута.

Въ первомъ очистительномъ заводѣ происходитъ только умѣренное нагрѣваніе нефти посредствомъ девяти паровыхъ цилиндровъ; наиболѣе легкіе газы, какъ газолинъ и др., выдѣляются здѣсь изъ нея и по верхнимъ трубамъ уходятъ въ заводъ, гдѣ приготовляется бензинъ, самое легкое и самое легковоспламеняющееся вещество изъ всѣхъ горючихъ продуктовъ нефти. Болѣе же тяжелыя составныя части нефти, изъ которыхъ долженъ получиться керосинъ, переливаются по нижнимъ трубамъ изъ этого перваго завода во второй. Тамъ уже не 9, а 42 паровыхъ цилиндра и нагрѣваніе болѣе сильное. Чтобы не производить взрыва, паръ пускается въ паровики предварительно нагрѣтый до 200°. Страшно двигаться съ непривычки мимо этихъ многочисленныхъ огнедышащихъ жерлъ, гдѣ толстые чугунные котлы, раскаленные пламенемъ, кажутся какими-то сквозными хрустальными кружками нѣжнаго огненно-краснаго цвѣта. Топка производится «салоровымъ» масломъ, получаемымъ тутъ же на заводѣ въ числѣ нефтяныхъ отбросовъ; оно льется постепенно само собою въ горячія печи изъ невидимаго намъ хранилища, и рука человѣка нигдѣ не прикасается ни къ печи, ни къ топливу. Длинные коридоры, гдѣ раскаляется столько котловъ и бушуетъ столько пламени, остаются безмолвными и безлюдными, сверкая въ полутьмѣ рядами своихъ огромныхъ кроваво-огненныхъ глазъ... При этой разумной механической системѣ на 14 паровиковъ полагается всего одинъ истопникъ, чѣмъ достигается точно такъ же, какъ и собственнымъ топливомъ, значительное удешевленіе производства.

Газы, получаемые здѣсь, уже тяжелѣе первыхъ; они перегоняются

по трубамъ въ третье отдѣленіе завода, гдѣ имъ предстоитъ обратиться въ жидкость. Для этой цѣли устроено цѣлое громадное грандіозное сооруженіе. Морская вода особыми насосами накачивается въ громадный резервуаръ, или скорѣе въ искусственный прудъ, насосами же поднимается оттуда высоко наверхъ и оттуда льется потоками на частую систему трубъ, по которымъ проходятъ нагрѣтые газы... Ежедневно расходуется на эту процедуру до 2 милліоновъ ведеръ воды. Газы охлаждаются и въ третьемъ отдѣленіи завода выливаются въ видѣ жидкостей разнаго цвѣта и плотности изъ своихъ трубъ въ особые желѣзные закрома, раздѣленные продольными перегородками на нѣсколько отдѣле-

Пожаръ въ Черномъ городѣ.

ній. Опытные рабочіе стоятъ около этимъ закромовъ и направляютъ краны трубъ то въ одно отдѣленіе, то въ другое, смотря по плотности и цвѣту жидкости, которую они ежеминутно черпаютъ и испытываютъ ареометромъ въ особыхъ черпакахъ на длинныхъ рукояткахъ. Тутъ получаются въ одно и то же время самые разнообразные горючіе продукты: разные сорта керосина, салоровое и другія масла. Вещества эти всѣ однако смѣшаны здѣсь съ водою, такъ что въ отдѣленіяхъ закромовъ вода собирается внизу, а болѣе легкій керосинъ и масла—наверху ея. Отворяя верхнія отверстія, даютъ керосину стекать въ особыя трубы, а вода удаляется послѣ чрезъ нижнія отверстія. Отсюда керосинъ поступаетъ уже въ очистку отъ цвѣтныхъ и всякихъ другихъ примѣсей.

Съ этою цѣлью устроенъ большой особый заводъ для добыванія сѣрной кислоты.

Сѣрная кислота, примѣшиваясь къ керосину, очищаетъ его отъ цвѣтныхъ примѣсей, но ее самое необходимо удалить изъ керосина. Для этого подсыпаютъ въ керосинъ натръ, съ которымъ кислота неудержимо соединяется въ сѣрнокислую соль натра, осаждающуюся въ видѣ твердаго порошка. Цѣлый рядъ башенъ-мѣшалокъ устроенъ съ этою цѣлью сейчасъ же за сѣрнымъ заводомъ. Мы входили по желѣзнымъ лѣсенкамъ наверхъ этихъ башенъ и сквозь отверстія крыши любовались водоворотами и брызгами керосина, клокочущаго, какъ пучина ада. Способъ мѣшать натръ съ керосиномъ посредствомъ сильнаго притока воздуха изобрѣтенъ также самимъ Нобелемъ. Могучіе насосы гонятъ чрезъ особыя трубы воздухъ въ башни-мѣшалки, и этотъ воздухъ заставляетъ пѣниться, волноваться и клокотать налитыя въ башни массы керосина. Освобожденный отъ сѣрной кислоты, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезцвѣченный, керосинъ стекаетъ по трубамъ въ особое помѣщеніе, гдѣ онъ отстаивается и перекачивается затѣмъ въ резервуары, откуда уже прямо поступаетъ для продажи на желѣзную дорогу и пароходы, а остающійся на днѣ мѣшалокъ сѣрнокислый натръ поступаетъ въ свою очередь на содовый заводъ, гдѣ съ помощью хлористаго кальція его обрабатываютъ въ углекислый натръ, т.-е. обыкновенную соду.

Мы осмотрѣли и способъ наливки керосина въ вагоны-цистерны. Множество трубъ вспалзываютъ на высокую сквозную платформу и свѣшиваются съ нея внизъ своими колѣнчатыми концами. Съ помощью ихъ подвигаемые снизу по рельсамъ вагоны-цистерны наливаются чрезъ верхнія свои устья; въ 12 минутъ наполняется цѣлый вагонъ.

Заводъ имѣетъ свою собственную желѣзную дорогу, идущую съ одной стороны до морской пристани, съ другой—до Бакинско-Батумской желѣзной дороги, на которую прямо въѣзжаютъ ея готовые поѣзда вагоновъ-цистернъ, полныхъ керосиномъ.

Кромѣ керосиновыхъ, есть заводы различныхъ маслъ, болѣе тяжелыхъ, чѣмъ керосинъ.

Бензиновый заводъ, хотя въ общемъ устроенъ такъ же, какъ керосиновый, имѣетъ нѣкоторыя свои особенности. Прежде всего доступъ въ него строго воспрещенъ. Онъ обнесенъ особенною каменною стѣною, и тамъ зорко слѣдятъ, чтобы никто изъ входящихъ не курилъ и не зажигалъ огня ни подъ какимъ предлогомъ. Освѣщеніе здѣсь только электрическое, да и то устроено не внутри завода, а снаружи, за стеклами оконъ. Такъ боятся взрывовъ въ этомъ воздухѣ, наполненномъ однимъ изъ самыхъ летучихъ и самыхъ быстро-воспламеняющихся газовъ. Какъ ни разумно устроено все на этомъ заводѣ, какъ ни внимательно слѣдитъ за порядкомъ здѣшняя администрація, но въ этомъ громадномъ

очагѣ всякихъ горючихъ веществъ, разумѣется, невозможно уберечься отъ неожиданныхъ несчастій, и случаи взрывовъ и увѣчья здѣсь, конечно, бываютъ. Какъ-то лопнула, напримѣръ, труба и убила взрывомъ газа до пятнадцати человѣкъ рабочихъ и любопытныхъ зрителей.

Послѣ осмотра бензиноваго завода мы попросили показать намъ жилища рабочихъ. Они помѣщались въ особомъ дворѣ, съ особыми воротами, которыя мы нашли запертыми на ключъ, вѣроятно потому, что хозяева квартиръ были всѣ на работѣ. Чистота и порядокъ во дворѣ и жилищахъ были образцовые. Крытыя галлереи выходятъ на вымощенный дворъ, служа очень удобнымъ лѣтнимъ помѣщеніемъ для своихъ хозяевъ, особенно для дѣтей. На дворѣ фонтанъ съ водою и резервуаръ для салороваго масла, которое служитъ топливомъ. Хозяйкѣ не нужно никуда ходить: ни за водою, ни за дровами—все у нея подъ рукою. Каждый семейный рабочій имѣетъ особую комнату, достаточно просторную, свѣтлую и убранную очень опрятно. Сейчасъ у входа крошечная экономическая печь для кухни, въ которой все приспособлено къ быстрому и удобному приготовленію. Салоровое масло само течетъ въ печь изъ особаго резервуара на стѣнкѣ. Въ глубинѣ комнаты спальня хозяевъ, почти у всѣхъ разукрашенная занавѣсками, пологами, картинками. У старшихъ рабочихъ по двѣ комнаты—жилая и кухня, и убранство еще болѣе приличное и красивое. Харчи всѣ рабочіе имѣютъ отъ себя. Жалованья они получаютъ отъ 18 до 12 руб. въ мѣсяцъ. Очень многіе получаютъ отъ 18 до 60 руб. въ мѣсяцъ, но есть и такіе, особенно на механическомъ заводѣ, которые вырабатываютъ по 4 руб. въ день, работая издѣльно. Работы на заводахъ продолжаются непрерывно день и ночь. Однѣ артели смѣняютъ другія. Рабочій день для всѣхъ—10 часовъ. Даже въ первый день Свѣтлаго праздника работы не останавливаются; но тогда христіанъ замѣняютъ персами и татарами.

У персидской границы.

(Динника.)

Черезъ двое сутокъ послѣ отъѣзда изъ Петровска мы увидѣли съ западной стороны, вдали на горизонтѣ, узкую свѣтло-синюю или свѣтло-фіолетовую зубчатую полоску. Это было давно ожидаемое мною ленкоранское побережье и находящійся верстахъ въ 35-ти отъ него гребень Талышскаго хребта. Нашъ пароходъ довольно быстро подвигался, мощно разсѣкая пѣнящіяся волны, которыя чудно блестѣли и искрились въ лучахъ полутропическаго солнца.

Съ дальнѣйшимъ приближеніемъ парохода къ Ленкорани видъ на ея окрестности становился все болѣе и болѣе живописнымъ и интереснымъ, такъ какъ съ каждой проходимой пароходомъ верстой горы, а

частью и берегъ обрисовывались яснѣе и яснѣе, и на нихъ выступали все новыя и новыя подробности. Наконецъ, когда до берега оставалось верстъ 7—8, то уже ясно обрисовывались прибрежная полоса и подножье горъ, покрытое сплошными лѣсами. На вершинахъ можно было уже отличать группы скалъ и горные луга. Между зелеными кронами деревьевъ, растущихъ на берегу, начали показываться крыши ленкоранскихъ домиковъ.

Въ первомъ часу дня нашъ пароходъ бросилъ якорь въ полуверстѣ отъ ленкоранскаго берега. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ окруженъ множествомъ баркасовъ и лодокъ, хозяева которыхъ, черные, загорѣлые персіяне и татары, торопились изо всѣхъ силъ захватить себѣ пассажировъ, отправлявшихся въ городъ, и ихъ багажъ. Конечно, здѣсь, какъ и вездѣ на востокѣ, это никакъ не могло обойтись безъ такого страшнаго крика и брани, что легко было принять этихъ людей за пиратовъ, напавшихъ на пароходъ и рѣшившихся ограбить его.

При ближайшемъ знакомствѣ Ленкорань оказалась еще болѣе привлекательной, чѣмъ издали. На всѣхъ ея дворахъ и улицахъ красовались вѣковыя деревья различныхъ сортовъ. Необыкновенно красиво растетъ здѣсь особый видъ клена съ пестрыми листьями, имѣющими пластинку часто не менѣе фута въ діаметрѣ и черешокъ въ $^1/_2$ аршина длиною. Нерѣдко деревья противоположныхъ сторонъ улицы или противоположныхъ дворовъ и садовъ сходятся своими вершинами и образуютъ сплошной зеленый сводъ, покрывающій всю улицу. Гранаты, инжиръ или смоковницу, мушмулу и виноградъ здѣсь можно найти почти въ любомъ дворѣ, при чемъ виноградъ обвиваетъ многіе дома и заборы снизу доверху. Здѣсь же растетъ въ дикомъ состояніи много гледичій съ огромными вѣтвистыми колючками, каштанолиственный дубъ съ крупными листьями, липы, пирамидальные тополи и т. д., не говоря уже о множествѣ фруктовыхъ деревьевъ, каковы: яблони, груши, сливы и черешни. Почти всѣ эти деревья растутъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ Ленкорани. Больше всѣхъ этихъ растеній обращаютъ на себя вниманіе гранаты, которые образуютъ мѣстами сплошныя заросли и усѣяны въ теченіе значительной части лѣта такимъ множествомъ крупныхъ огненно-красныхъ цвѣтовъ, что издали сами кажутся красными. Плоды гранатовъ употребляются здѣсь въ пищу въ свѣжемъ видѣ, на щи; изъ нихъ же приготовляютъ и квасъ. Только узкая полоска ленкоранскаго побережья, граничащая непосредственно съ моремъ, имѣетъ болѣе или менѣе пустынный характеръ и представляетъ рядъ валовъ изъ крупнаго чернаго песка. Въ полуденные часы онъ нагрѣвается солнцемъ такъ сильно, что ступить на него босой ногой невозможно, а ходить и въ сапогахъ очень непріятно.

Ленкорань находится въ 30-ти верстахъ отъ персидской границы,

почти подъ одной широтой съ берегами Алжира и, за исключеніемъ Мерва, южнѣе всѣхъ городовъ Россіи. Кромѣ того, она расположена на 30 метровъ ниже уровня моря. Изъ всего этого нельзя не заключить, что Ленкорань должна имѣть климатъ довольно жаркій. Средняя годовая температура ея равняется + 14,8° С., т.-е. выше, чѣмъ въ любомъ русскомъ городѣ. Средняя температура іюля + 25,9°, а января + 3,6°. Климатъ Ленкорани былъ бы еще жарче, если бы не умѣрялся вѣтрами, дующими съ одной стороны съ моря, а съ другой—съ Талышскаго хребта. Благодаря послѣднимъ, въ Ленкорани по вечерамъ даже въ іюнѣ бываетъ настолько прохладно, что приходится надѣвать легкое суконное платье, въ полуденные же часы, особенно отъ часа до трехъ или четырехъ, лѣтомъ солнце жжетъ очень сильно. Въ лѣтнее время дожди въ Ленкорани крайне рѣдки; наоборотъ, зимою, напримѣръ въ декабрѣ, количество выпадающаго дождя бываетъ очень велико. Всѣ осенніе мѣсяцы также отличаются очень частыми и обильными дождями.

Дичи, особенно водяной птицы, здѣсь масса.

Въ устьяхъ Ленкоранки бакланы сидятъ по цѣлымъ днямъ стаями штукъ въ 200—300, выстраиваясь въ довольно правильные ряды вдоль берега моря или рѣчки, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ очень медленно, имѣетъ небольшую глубину и ширину шаговъ въ 10—20. Каждый изъ баклановъ отдыхаетъ здѣсь, сидя на берегу, часъ-другой, потомъ улетаетъ саженъ за 100—200 въ море, опускается тамъ, наполняетъ рыбой свой желудокъ и снова возвращается на берегъ. Множество чаекъ снуютъ взадъ и впередъ по воздуху. Чайка-хохотунья, повидимому, любитъ общество баклановъ и часто подолгу сидитъ въ одномъ ряду съ ними на берегахъ рѣчки или моря.

Въ лѣтнее время окрестности Ленкорани настолько же бѣдны болотной птицей, насколько богаты ею зимой. Зимою масса птицъ живетъ здѣсь по всѣмъ лужамъ, болотцамъ, камышевымъ зарослямъ, кустарникамъ и т. д. Море въ тихую погоду кажется иногда темнымъ на пространствѣ въ полверсты отъ берега вслѣдствіе огромнаго количества птицъ, сидящихъ на его поверхности. Такое скопленіе пернатой дичи вполнѣ понятно, такъ какъ ленкоранскій берегъ представляетъ въ высшей степени удобную для птицъ зимнюю стоянку, на которую онѣ слетаются съ сѣверо-востока Европы, сѣвера Азіи, а также со многихъ озеръ Средней Азіи, какъ, напримѣръ, Балхаша, Зайсана и т. д. Съ ленкоранскимъ побережьемъ въ этомъ отношеніи конкурируетъ Кизиль-агачскій заливъ, находящійся вблизи устьевъ Куры. Здѣсь, какъ въ дельтахъ всѣхъ большихъ рѣкъ, находится множество острововъ, косъ, болотъ, небольшихъ озеръ и изобиліе самаго разнообразнаго пищевого матеріала. Все это въ связи съ очень теплой зимой должно также привлекать очень большое количество птицъ. Заливъ получилъ свое названіе «Кизиль-

агачъ», означающее красное дерево или красная палка, отъ множества краснокрылыхъ фламинго, прилетающихъ сюда на зиму съ соленыхъ озеръ Азіи. Когда эти птицы стоятъ длинными вереницами вдоль береговъ залива, то ихъ ярко-красныя высокія ноги и длинныя розовыя шеи издали напоминаютъ ограду или рѣшетку изъ вертикально стоящихъ палокъ, окрашенныхъ въ красный цвѣтъ. Лѣтомъ ни въ окрестностяхъ Ленкорани, ни на Кизиль-агачскомъ заливѣ нельзя увидѣть ни одного краснокрыла.

Огромное количество водяной птицы, а въ особенности утокъ разныхъ видовъ, ловятъ здѣсь сѣтями исключительно ради перьевъ и пуха, отправляемыхъ за границу. Поэтому зимою въ Ленкорани можно купить сколько угодно ощипанныхъ утокъ по 5—6 коп. за штуку, тогда какъ въ перьяхъ ихъ почти не продаютъ. Вообще на ленкоранскомъ побережьѣ зимою истребляется людьми безчисленное множество птицъ, почему количество ихъ въ послѣдніе годы стало сильно уменьшаться. Вмѣстѣ съ болотной и водяной птицей сюда слетаются на зиму цѣлыя стада хищниковъ. Кромѣ хищниковъ, множество водяныхъ и болотныхъ птицъ, здѣсь же зимуютъ безчисленныя стада скворцовъ, дроздовъ, щурокъ и различныхъ мелкихъ птичекъ.

Устье Ленкоранки кишитъ черепахами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по берегамъ лужъ и рѣчныхъ протоковъ черепахи сидятъ цѣлыми десятками, если не сотнями, при чемъ однѣ изъ нихъ располагаются на сушѣ, другія же погружены въ воду и выставляютъ изъ нея только свою голову. Очень часто онѣ держатся въ лужахъ съ самой скверной, вонючей водой, и потому тѣло ихъ пріобрѣтаетъ отвратительный болотный запахъ. Въ этихъ же мѣстахъ попадается очень много молодыхъ черепахъ длиною отъ $1^1/_2$ до 2 дюймовъ. Такъ какъ ихъ часто преслѣдуютъ птицы, то онѣ рѣдко выходятъ на открытыя мѣста, а живутъ по преимуществу въ лужахъ и болотахъ, сильно заросшихъ.

Послѣ осмотра ближайшихъ окрестностей Ленкорани я отправился на Талышскій хребетъ, который составляетъ, какъ извѣстно, границу Россіи съ Персіей. Часовъ въ 8 утра мы выѣхали изъ Ленкорани. Дорога наша на протяженіи верстъ 15-ти тянулась по равнинѣ, вдоль берега Ленкоранки, и безпрерывно переходила съ одной стороны ея на другую. По бокамъ дороги всюду виднѣлись лѣса, рощи и заросли кустарниковъ, раздѣленные болѣе или менѣе значительными полянами; что касается самыхъ береговъ рѣчки, то они были завалены грудами голышей, принесенныхъ ею съ Талышскаго хребта и состоящихъ изъ вулканическихъ породъ, а также сланцевъ и песчаниковъ. По мѣрѣ приближенія къ горамъ все чаще и чаще попадались вблизи дороги рисовыя поля, имѣющія видъ очень правильныхъ квадратныхъ площадокъ, окаймленныхъ невысокими валиками и расположенныхъ для удобства

орошенія одна немного выше другой. Чѣмъ дальше удалялись мы отъ берега моря, тѣмъ большія и большія пространства захватывали густые лѣса. По берегамъ рѣчки, въ сторонѣ отъ нея, росло много ольхи, которая достигаетъ здѣсь часто огромныхъ размѣровъ, а также вербы; по полянамъ и опушкамъ лѣсовъ всюду виднѣются гранаты, боярышникъ, виноградъ, ожина и очень много гледичій, которыя нерѣдко сплошь покрываютъ довольно значительныя пространства какъ внизу, у подножья горъ, такъ и на склонахъ ихъ. Очень часто встрѣчается здѣсь такъ называемое желѣзное дерево, жемчугъ-агачъ по-туземному, замѣчательное во многихъ отношеніяхъ. Это дерево растетъ крайне медленно, достигая лѣтъ въ 150 одного фута въ діаметрѣ, имѣетъ поэтому крайне мелкія, видимыя только въ лупу, годичныя кольца и въ высшей степени твердую, тяжелую, красноватую древесину. Кора на немъ гладкая, свѣтло-сѣрая, а листья овальной формы и средней величины. Растетъ оно вмѣстѣ съ дубомъ, грабомъ, кленомъ у подножія горъ и только изрѣдка попадается въ горахъ, не подымаясь выше 600—700 фут. надъ уровнемъ моря. Къ замѣчательнымъ особенностямъ этого дерева относится частое срастаніе двухъ или нѣсколькихъ деревьевъ, а также ихъ вѣтвей. Замѣтимъ, что срастаются они въ большинствѣ случаевъ такъ сильно, что ихъ невозможно раздѣлить. Древесина желѣзнаго дерева даетъ прекрасный, съ металлическимъ звономъ, уголь и хорошій матеріалъ для токарныхъ и столярныхъ работъ. Ясень встрѣчается сравнительно рѣдко, а гораздо чаще дубъ, грабъ и кленъ. Кленъ встрѣчается въ числѣ нѣсколькихъ видовъ. Онъ растетъ очень красивыми деревьями и достигаетъ часто громадныхъ размѣровъ. Въ дупло одного дерева я поставилъ трехъ человѣкъ съ тремя осѣдланными и навьюченными лошадьми и съ нихъ сдѣлалъ фотографическій снимокъ. Грецкій орѣхъ встрѣчается какъ внизу, въ приморской части, такъ и на склонахъ горъ, при чемъ поднимается по нимъ довольно высоко. Букъ тоже встрѣчается очень часто и нерѣдко довольно обширными сплошными лѣсами. Къ очень распространеннымъ здѣсь деревьямъ принадлежитъ лапина, обращающая на себя вниманіе своими большими перисто-сложными листьями и очень длинными висячими колосьями цвѣтовъ. Плющъ принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ растеніямъ Ленкоранскаго уѣзда и нерѣдко такъ сильно заплетаетъ деревья, что они представляются зелеными колоннами, сплошь покрытыми гирляндами листьевъ плюща. Изъ хвойныхъ встрѣчается только можжевельникъ; сосны же или пихты нѣтъ вовсе ни на Талышскомъ хребтѣ, ни на прилежащихъ къ нему мѣстахъ.

Верстахъ въ 12-ти отъ Ленкорани мы вступили уже въ болѣе сплошной лѣсъ и, проѣхавъ по нему еще верстъ 10, увидѣли маленькій татарскій аулъ, также окруженный со всѣхъ сторонъ густымъ лѣсомъ. Въ немъ мой спутникъ и сопровождавшій его чапаръ должны были пе-

ремѣнить лошадей, въ ожиданіи чего и мнѣ пришлось сдѣлать здѣсь привалъ на часъ или полтора. Старшина аула, во дворъ котораго мы въѣхали, отвелъ намъ помѣщеніе въ своемъ домѣ, въ верхнемъ этажѣ, который имѣлъ соломенную крышу, поддерживаемую деревянными столбами, и былъ совершенно открытъ съ боковъ. Онъ напоминалъ такимъ образомъ простую вышку и отличался отъ нея только большею помѣстительностью. Со двора шла къ нему крутая деревянная лѣстница, а полъ его былъ выстланъ коврами и цыновками. Болѣе или менѣе прохладный горный вѣтерокъ, безпрепятственно проникавшій сюда со всѣхъ сторонъ, а также отсутствіе мухъ и другихъ насѣкомыхъ дѣлали отдыхъ въ немъ очень пріятнымъ; поэтому мы нисколько не жалѣли, что принуждены были пробыть здѣсь до тѣхъ поръ, пока привели лошадей.

Утромъ на слѣдующій день мы отправились дальше по направленію къ персидской границѣ и, проѣхавъ въ гору нѣсколько верстъ, попали на высокій безлѣсный кряжъ, съ котораго открывался чудный видъ съ высоты птичьяго полета на огромное разстояніе. Вдали, на востокъ, верстахъ въ 30-ти отъ насъ, разстилалась необъятная, блестѣвшая въ лучахъ утренняго солнца, свѣтло-сѣрая равнина—Каспійское море. Особенно поражало глаза то обстоятельство, что море казалось много выше окружающихъ его береговъ. Далеко въ сторонѣ замѣтно было нѣсколько островковъ, казавшихся темными точками, разбросанными по гладкой блестящей поверхности моря. Морской берегъ, заросшія камышомъ «морцы», какъ называютъ здѣсь длинныя и узкія озера, расположенныя вдоль берега, и находящіеся недалеко отъ берега лѣса также можно было различить довольно хорошо. Необыкновенно красивый видъ открывается и на склоны Талышскихъ горъ, почти сплошь покрытыхъ густыми лѣсами и представляющихъ безконечную цѣпь ущелій, глубокихъ долинъ и балокъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга то крутыми, то сравнительно пологими хребтами.

Южный склонъ хребта, по которому я поѣхалъ дальше, имѣетъ печальный видъ. Онъ совершенно лишенъ той богатой и разнообразной растительности, которая встрѣчается обыкновенно на соотвѣтствующихъ высотахъ западной и центральной части Главнаго Кавказскаго хребта и его отроговъ. Трава здѣсь рѣдкая, тощая и, какъ замѣтно было, успѣла уже очень сильно пострадать отъ жгучихъ лучей солнца. Нельзя было не обратить вниманія на то, что всѣ растенія этой мѣстности отличаются сухими, мелкими и жесткими листьями, приспособленными къ борьбѣ съ засухой. Здѣсь растетъ, наприм., въ изобиліи колючій астрагалъ, часть листьевъ котораго превращается въ тонкія, острыя колючки; очень много молочайниковъ, васильковъ, полыни, нѣсколько видовъ роговика и т. д. На нѣкоторыхъ мѣстахъ этой долины почва совершенно была лишена какой бы то ни было растительности. На Талышскомъ хребтѣ

вовсе не водятся ни серны, ни горные козлы, ни туры. Кромѣ недостатка въ травѣ, есть еще и другія причины, которыя мѣшаютъ этимъ животнымъ водиться здѣсь. Всѣ сколько-нибудь удобныя для пастьбы мѣста Талышскаго хребта въ лѣтнее время бываютъ сплошь покрыты стадами крупнаго и мелкаго рогатаго скота, близкое сосѣдство котораго не можетъ нравиться дикимъ животнымъ.

Что касается косули или дикой козы, также дикихъ свиней, то онѣ живутъ почти во всѣхъ лѣсахъ, а свинья, кромѣ того, въ камышевыхъ зарослях вблизи моря, а медвѣди во всѣхъ горныхъ лѣсахъ. Къ самымъ замѣчательнымъ изъ здѣшнихъ хищниковъ принадлежатъ тигръ и пантера. Хотя тигровъ здѣсь и немного, тѣмъ не менѣе ихъ видятъ и убиваютъ ежегодно.

Пантера, или леопардъ, попадается гораздо чаще, чѣмъ тигръ, но ее совершенно неосновательно считаютъ здѣсь барсомъ, который къ западу отъ Каспійскаго моря не встрѣчается. Здѣшнія пантеры достигаютъ иногда огромной величины. Такъ, одна изъ видѣнныхъ мною шкуръ имѣла въ длину 2 арш. 2 верш., да сверхъ того на долю хвоста приходилось 1 арш. 10 верш. Лѣтомъ тигры и пантеры рѣдко нападаютъ на людей и домашній скотъ, зимой же это случается здѣсь гораздо чаще. Мѣсяца за полтора до моего пріѣзда въ Ленкорань пантера бросилась изъ камышей на нѣсколькихъ мальчиковъ-пастуховъ и одного 15-лѣтняго мальчика загрызла. Къ замѣчательнымъ животнымъ этой мѣстности принадлежитъ дикобразъ. Около самой Ленкорани онъ не живетъ, но встрѣчается не особенно далеко, верстахъ въ 20-ти къ югу отъ нея, вблизи поста.

Проѣхавъ верстъ 12 по этой унылой и однообразной мѣстности, мы добрались до поста Османкеты. Онъ расположенъ на высотѣ около 6000 ф. надъ уровнемъ моря и верстахъ въ 3-хъ отъ персидской границы. Къ югу отъ поста разстилалась неглубокая, но довольно широкая впадина, за которой тянулся длинный пологій гребень, а на сѣверѣ и западѣ громоздились высокія скалистыя горы. Все это выглядѣло въ высшей степени пустынно и мертво: на скалахъ не было ни зелени, ни снѣговъ, не замѣтно было ни одной рѣчки или ручья, а на глинистой почвѣ, усѣянной множествомъ крупныхъ и мелкихъ обломковъ различныхъ вулканическихъ породъ, не росло почти никакой травы. Вдали глазъ также не находилъ ничего такого, на чемъ могъ бы остановиться. Вершины Талышскихъ горъ состоятъ по преимуществу изъ вулканическихъ породъ, сѣрые, зеленоватые и темно-бурые обломки которыхъ всюду валяются на склонахъ и въ руслахъ вытекающихъ изъ нихъ рѣчекъ. Нагромождаясь большими массами, они придаютъ мѣстности еще болѣе унылый и печальный видъ.

По средне-азіатской желѣзной дорогѣ.

(По А. Кауфману и Шевченко-Красногорскому.)

У хорошенькаго, ослѣпительно бѣлѣющаго на яркомъ южномъ солнцѣ красноводскаго вокзала, съ его вычурными восточными узорами и граціозными полуарками, стоитъ готовый къ отправкѣ пассажирскій поѣздъ, съ бѣлыми или блѣдно-желтыми вагонами, чтобы не такъ поглощать солнечные лучи. Съ высоко приподнятаго перрона—чудный видъ на изумрудно-зеленую красноводскую бухту съ ея пристанями и съ нагружающимися и разгружающимися пароходами. По другую сторону вокзала городской садъ—довольно большая, чѣмъ-то огороженная площадь, засаженная чахлыми, выжженными солнцемъ, едва достигающими человѣческаго роста деревцами какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ породъ, а кругомъ въ видѣ амфитеатра расположился весь городъ,—одноэтажные ярко-бѣлые или блѣдно-голубые домики съ плоскими азіатскими крышами,—окруженный амфитеатромъ невысокихъ, лишенныхъ всякой растительности горъ.

Первый звонокъ. Публика стремглавъ бросается въ вагоны, второклассные и первоклассные пассажиры осаждаютъ начальника станціи разными основательными и неосновательными претензіями: второклассный пассажиръ не желаетъ сидѣть въ купэ, куда «затесались» сарты, и требуетъ на этомъ основаніи, чтобы его перевели въ первый классъ; первоклассные пассажиры прибѣгаютъ къ разнымъ ухищреніямъ, чтобы остаться по-двое (а хорошо бы и одному) въ четырехмѣстномъ купэ; начальникъ станціи мечется, чтобы поудобнѣе устроить въ первомъ классѣ многочисленную семью какого-то средней руки желѣзнодорожнаго служащаго, съ безконечными кульками, корзиночками и самоваромъ, и, не успѣвъ въ этомъ, приказываетъ прицѣпить лишній вагонъ.

Наконецъ суматоха затихаетъ. Третій звонокъ, поѣздъ трогается. Публика начинаетъ облегчать свою одежду: дамы облекаются въ тончайшіе капоты, дѣти остаются въ однихъ рубашкахъ и передникахъ. Потъ со всѣхъ катится градомъ.

— Помилуйте, тридцать три градуса въ вагонѣ—это что жъ такое!—жалуется пассажиръ, первый разъ попавшій въ Среднюю Азію.

— Это, батенька, что,—утѣшаетъ его другой, мѣстный:—вѣдь ужъ августъ мѣсяцъ, какія теперь жары! Вотъ въ іюнѣ мѣсяцѣ въ вагонахъ чуть не до сорока доходило—вотъ это плохо было. Въ то время вѣдь и ночью градусовъ тридцать стояло, а теперь ночью, вотъ увидите, совсѣмъ прохладно.

Поѣздъ между тѣмъ отошелъ отъ Красноводска и идетъ сначала нѣсколько станцій кряду вдоль самаго берега Каспійскаго моря. Голая сѣровато-бурая пустыня, съ изрѣдка сидящими, то бурыми, то сѣрыми,

то ярко-зелеными шапками «колючки»—двухъ-трехъ видовъ не то бурьяна, не то кустарника, которые только одни и могутъ выносить нестерпимый зной и лѣтнее безводье этой пустыни. Станціи—маленькіе бѣленькіе домики; около нихъ—ни травинки, не говоря уже о традиціонныхъ станціонныхъ садикахъ и огородахъ. Во всѣ стороны отъ станціи все та же бурая, унылая пустыня. На станціяхъ ни души, кромѣ очередныхъ станціонныхъ служащихъ. На одной станціи пробую напиться чаю, — нѣтъ возможности пить мутную, солоновато-горькую бурду...

Воды Каспійскаго моря скрылись изъ виду. Направо отъ желѣзной дороги широко раскинулись пески вперемежку съ солончаками; налѣво поднимаются въ отдаленіи сопутствующія намъ горы Большіе Балханы. Каменистыя, съ обнаженными крутыми скатами, горы эти въ полумракѣ выглядятъ очень грандіозными; въ дѣйствительности онѣ не такъ велики, лишь наивысшая изъ нихъ достигаетъ 800 саженъ. Потомъ опять съ обѣихъ сторонъ стелются пески. Дальше, съ юга, выдвигается другой, столь же дикій, какъ и первый, только вдвое ниже, известково-песчанистый хребетъ—Малые Балханы. Мы переваливаемъ черезъ его сѣверные отроги, но въ сгустившейся тьмѣ на этотъ разъ не различаемъ ни суровыхъ контуровъ его, ни ровной песчаной степи, скудно одѣтой жесткими травами и тощими кустарниками, способными расти даже на этой, повидимому совершенно безплодной почвѣ.

На первой же станціи, потомъ на другихъ нашъ поѣздъ скрещивается съ «водянкой»; это—поѣздъ изъ платформъ съ громадными водяными баками или изъ употребляемыхъ подъ перевозку воды нефтяныхъ резервуаровъ. И красноводская и всѣ ближайшія къ ней станціи не имѣютъ своей воды и получаютъ воду со станціи Джебелъ, въ 125 верстахъ отъ Красноводска.

Джебелъ проѣзжаемъ уже поздно вечеромъ. Я успѣваю однако замѣтить, что станція окружена довольно большимъ садомъ, что по платформѣ движутся какія-то высокія фигуры въ черныхъ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, что третьеклассная публика несетъ къ себѣ въ вагоны кто бутылку молока, кто коровай хлѣба, кто арбузъ или дыню.

Еще двѣ станціи, и во второмъ часу ночи поѣздъ на нѣсколько минутъ останавливается въ Казанджикѣ, лежащемъ у подножія хребта Кюрень-Дага, который небольшимъ промежуткомъ отдѣляется отъ Малыхъ Балхановъ. Это первая станція, гдѣ, благодаря горнымъ родникамъ, не только не нуждаются въ водѣ, но еще снабжаютъ ею всѣхъ живущихъ на промежуточныхъ станціяхъ. Присутствіе прѣсной воды дало возможность устроить здѣсь хлопковую плантацію и даже развести питомникъ.

Гдѣ вода, тамъ и жизнь!.. Мало воды, мало и жизни до самаго Асхабада, а пожалуй и дальше, до Чарджуя и бухарской границы. Мѣстность до послѣдней степени однообразна: ровная, плоская степь или пустыня, только не бурая, какъ около Красноводска, а сѣровато-желтая, то усѣянная тоже рѣдкими шапками разнообразной «колючки», съ ея удивительными влагосберегающими и замѣняющими приспособленіями, то покрытая блѣдно-желтымъ ковромъ какой-то мелкой и тощей, совершенно высохшей травки. Параллельно желѣзной дорогѣ тянется невысокая, также совершенно голая, покрытая безконечными складками, горная цѣпь Копетъ-Дага.

На этой пустынѣ не видно никакихъ признаковъ жизни и культуры, и только изрѣдка въ окнѣ вагона мелькаетъ одинокій тощій верблюдъ, уныло подбирающій бурую колючку, или показывается всадникъ въ мохнатой бараньей шапкѣ, потихоньку пробирающійся невѣдомо куда. Однако кое-гдѣ начинаютъ попадаться какія-то развалины, мѣстами еще сохранившія очертанія саклей или оградъ, мѣстами превратившіяся въ пустыя кучи глины; вокругъ каждой такой развалины степь изрѣзана слѣдами дѣйствовавшихъ когда-то оросительныхъ канавокъ и гдѣ-нибудь поблизости непремѣнно вьется высохшее ложе горнаго ручья. Что это? слѣды былыхъ войнъ и междоусобій или просто высохла вода въ ручьѣ, а съ нею изсякла и жизнь?! Вотъ однако начинаетъ попадаться и живая жизнь: здѣсь нѣсколько рослыхъ человѣческихъ фигуръ, точно вылитыхъ изъ темной бронзы, въ однихъ широкихъ штанахъ и огромныхъ бараньихъ шапкахъ, углубляютъ и расчищаютъ сухое ложе оросительной канавки. Тамъ, около самаго полотна дороги, разбросано нѣсколько квадратиковъ темно-зеленой люцерны или рослой джугары [1]). Тутъ подъ желѣзнодорожнымъ мостикомъ протекаетъ небольшая канавка съ оросительной водой, и гдѣ-нибудь поодаль виднѣется питаемый этой канавкой туркменскій кишлачокъ—свѣтло-сѣрыя глинобитныя стѣны, свѣтло-сѣрые глинобитные домики съ плоскими или куполообразными крышами, окруженные темною зеленью садовъ и блѣдно-зелеными или желтыми мелко разбитыми квадратиками полей. На поляхъ копошатся рослыя фигуры туркменъ, всѣ въ тѣхъ же огромныхъ бараньихъ шапкахъ, кто полуголый, кто въ короткой темной неподпоясанной рубахѣ съ пестрыми разводами; незанятые работой—въ буровато-красныхъ, съ черными полосками халатахъ бухарскаго фасона.

Это начинается такъ недавно покоренный Ахалъ-текинскій оазисъ. Сѣро-желтая почва той безплодной равнины, которую дорога прорѣзываетъ почти отъ самаго Красноводска,—знаменитый средне-азіатскій лёссъ, ожидающій только орошенія, чтобы изъ безотрадной пустыни

[1]) Мѣстное названіе сорго.

превратиться въ хлопковое поле или роскошный фруктовый садъ. Когда-нибудь человѣкъ достанетъ эту воду, и тогда закаспійскія пустыни, съ ихъ плодороднымъ лёссомъ и горячимъ солнцемъ, будутъ кормить сотни тысячъ, если не милліоны новаго населенія. Но пока въ распоряженіи туземцевъ только немногіе мелкіе ручьи, стекающіе съ Копетъ-Дага, и потому небольшіе аулы и незначительныя площади посѣвовъ почти до самаго Асхабада теряются среди необъятной пустыни.

Казанджикъ считается начальнымъ пунктомъ Ахалъ-текинскаго оазиса, длинной и узкой, не шире 30 верстъ, плодородной полосы между горами съ одной и Каракумомъ съ другой стороны. Каракумомъ зовется громадная, равная почти половинѣ Закаспійской области, площадь песковъ вперемежку съ солончаками и глинистыми пространствами. Пески эти частью блѣдно-, частью красновато-желтаго цвѣта; названіе же «черный» дано имъ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ и у насъ говорится, напримѣръ, о «черныхъ дняхъ», и т. д. Въ общемъ Каракумъ—пустыня, орошаемая только рѣдко выпадающими дождями.

Мѣстами Каракумъ врывается въ оазисъ и такимъ образомъ превращаетъ его въ 300-верстную вереницу обособленныхъ плодородныхъ участковъ. По нимъ и проходитъ желѣзная дорога параллельно Кюрень-Дагу, отдѣляющему русскія владѣнія отъ Персіи.

Насколько Каракумъ можетъ назваться злымъ недругомъ, настолько же горы эти, по справедливости, нужно признать добрымъ другомъ оазиса. Какъ ни благодатна почва оазиса, великолѣпный желтоземъ или лёссъ, но безъ воды и она обречена на совершенное безплодіе. Между тѣмъ здѣсь нѣтъ ни рѣкъ, ни прѣсныхъ озеръ, а дожди бываютъ лишь позднею осенью да зимою. Понятно поэтому, какое важное значеніе имѣютъ воды, сбѣгающія по сѣвернымъ склонамъ хребтовъ Кюрень- и Копетъ-Даговъ, когда снѣгъ на нихъ начинаетъ таять. Безъ горныхъ водъ не только земледѣліе, но и никакая осѣдлость не были бы возможны въ оазисѣ.

Много этой драгоцѣнной влаги пропадаетъ однако даромъ, просачиваясь черезъ различные сланцы, изъ которыхъ по преимуществу состоятъ горные склоны. Потоковъ же, которые сравнительно далеко проникаютъ въ оазисъ, крайне мало, и они отстоятъ другъ отъ друга на десятки верстъ. Вотъ почему мѣстное населеніе всегда старалось ютиться къ горамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно вынуждено было заботиться и о томъ, чтобы какъ можно лучше использовать горныя воды. Съ этой цѣлью издавна устраивались водохранилища, проводились оросительныя канавы—арыки, сооружались своеобразные подземные водопроводы—кяризы и проч. Особенно интересно устройство кяризовъ. Отъ подошвы горы по направленію къ данному участку выкапывается, на разстояніи 10—15 саженъ одинъ отъ другого, рядъ колодцевъ, соединенныхъ подъ землею

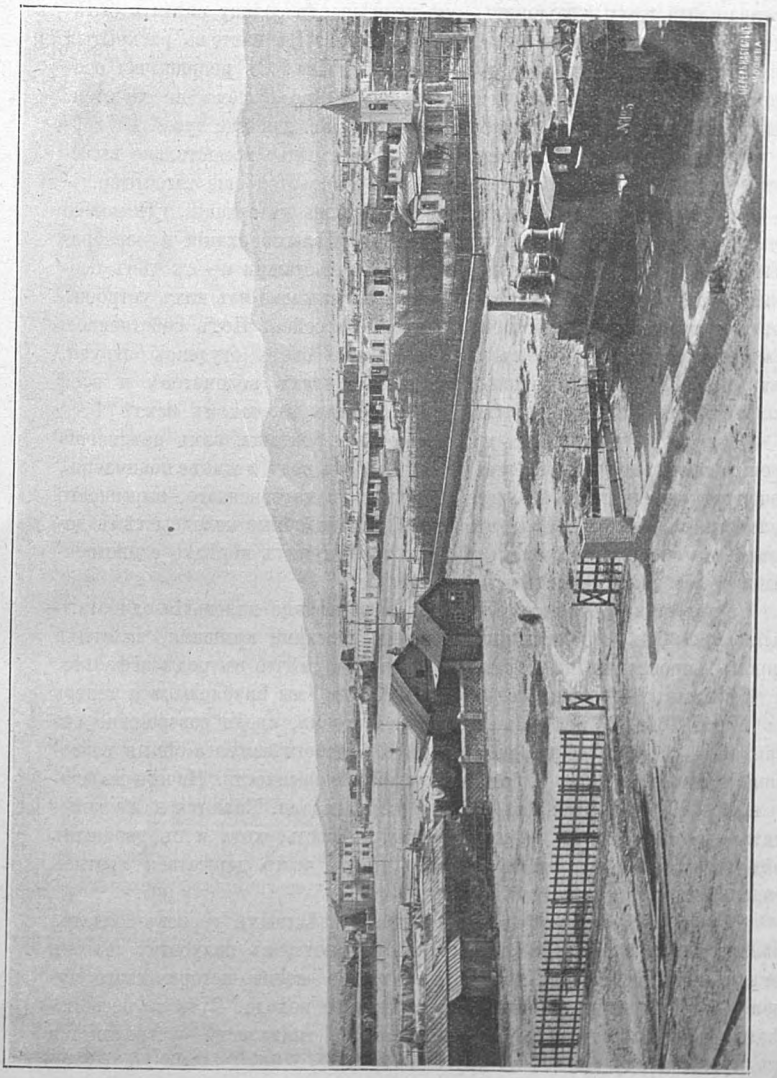
между собою узкою галлереей; задача заключается въ томъ, чтобы вода, этимъ способомъ защищенная отъ лѣтнихъ жгучихъ солнечныхъ лучей, не направлялась напрасно по длинному пути къ мѣсту назначенія и, стекая по наклонной галлереѣ, могла въ концѣ-концовъ выходить на поверхность, чтобы наполнять арыки.

Тѣмъ не менѣе до полнаго орошенія оазиса еще далеко. Да пока и нельзя навѣрное сказать, хватитъ ли горныхъ водъ на орошеніе всѣхъ плодородныхъ участковъ, оставшихся внѣ обработки. Во всякомъ случаѣ возможность этого въ значительной степени будетъ зависѣть отъ прекращенія истребленія лѣсовъ на Копетъ-Дагѣ. Сѣверные склоны его и безъ того уже не богаты растительностью, но и ей не даютъ пощады, вырубая деревья главнымъ образомъ на топливо. Между тѣмъ въ здѣшнемъ краѣ больше, чѣмъ гдѣ-либо, растительность и орошеніе неразрывно связаны между собой; одно безъ другого совершенно немыслимо.

На протяженіи первыхъ 70 верстъ отъ Казанджика, т.-е. до Кизилъ-Арвата, плодородные участки сравнительно попадаются рѣдко, притомъ всѣ они небольшихъ размѣровъ. Лишь немногіе изъ нихъ обрабатываются; остальные, орошаемые исключительно дождями, служатъ пастбищемъ для туркменскихъ стадъ, пока палящее солнце не выжжетъ травы и не заставитъ скотоводовъ перекочевать поближе къ горамъ и въ самыя горы; тамъ, при болѣе низкой температурѣ воздуха и большей влажности почвы, подножный кормъ сохраняется дольше и лучше. Теперь, въ послѣднихъ числахъ мая, когда эта перекочевка уже совершилась, покинутыя пастбища представляютъ собой чрезвычайно унылое зрѣлище. На мутномъ желтомъ фонѣ ихъ не видно ничего, кромѣ темно-бурыхъ пучковъ сгорѣвшихъ травъ, только горькая полынь, попрежнему сѣро-зеленая, еще не поддается жгучему зною.

Кизилъ-Арватъ—конечный пунктъ перваго по времени постройки участка Закаспійской желѣзной дороги.

Онъ расположенъ на правой сторонѣ дороги, среди зеленыхъ садовъ. Станція уже лежитъ на противоположной сторонѣ, поодаль отъ того мѣста, гдѣ на небольшомъ возвышеніи находится укрѣпленный текинскій аулъ, взятый русскими войсками въ 1877 году. Еще хорошо сохранились слѣды разрушенной ими крѣпости-вала, въ глинобитныхъ стѣнахъ своихъ вмѣщавшей глинобитныя же сакли и войлочныя кибитки текинцевъ. Вблизи довольно красиваго каменнаго вокзала разведенъ древесный питомникъ, снабжающій саженцами какъ мѣстечко, такъ и ближайшія станціи. Невдалекѣ сгруппировались центральныя желѣзнодорожныя мастерскія и домики для служащихъ. Эти служащіе составляютъ большую часть кизилъ-арватскаго населенія.



Кизилъ-Арватъ.

Дорога идетъ все къ юго-востоку почти совершенно прямою линіей. Воздухъ мглистъ отъ мельчайшей лессовой пыли. Придавая пейзажу оригинальный желтый колоритъ, она не мѣшаетъ солнцу свѣтить ослѣпительно ярко и страшно накаливаетъ вагонъ. Въ настежь раскрытыя окна и двери его такъ и пышетъ сухимъ зноемъ. Съ непривычки особенно тяжело. Ни разговаривать, ни думать ни о чемъ не хочется. Сидишь въ изнеможеніи, словно разваренный; лежать еще хуже. Въ горлѣ пересыхаетъ; пробуешь пить, но холодное питье моментально вызываетъ обильную испарину, послѣ которой становится еще тягостнѣе.

Зато съ какимъ наслажденіемъ подъѣзжаешь къ станціи, гдѣ можно хоть немного освѣжиться въ тѣни таловъ, бѣлыхъ акацій и серебристыхъ тополей. Садики разведены при каждой станціи и—съ чѣмъ особенно пріятно встрѣтиться здѣсь лѣтомъ—въ каждомъ изъ нихъ устроенъ фонтанъ въ срединѣ круглаго каменнаго бассейна. Подъ собственною тяжестью вода сбѣгаетъ съ горъ и высоко бьетъ студеною струей. Какихъ усилій стоило однако сооруженіе этихъ водометовъ и всей желѣзной дороги, когда нужно было работать въ такомъ пеклѣ?!

Въ знойный день, глядя на станціонные фонтаны, самъ начинаешь проникаться какимъ-то особымъ уваженіемъ къ водѣ и живѣе понимаешь, почему туркмены такъ благоговѣйно чтутъ память всякаго, вырывшаго колодецъ въ пустынѣ. Надо прибавить, что подобные колодцы тѣмъ дороже, что среди монотонныхъ песковъ они служатъ нерѣдко единственными путеводными пунктами.

Самыя станціи не интересны. Это обыкновенно маленькія одноэтажныя зданія изъ сырцоваго кирпича, съ плоскими крышами, залитыми киромъ—пропитаннымъ нефтью песчаникомъ, нѣчто въ родѣ асфальта.

Отъѣхавъ 160 верстъ отъ Кизилъ-Арвата, мы приближаемся теперь къ Геокъ-Тепе. У подножья невысокаго холма, среди совершенно открытой мѣстности, видны въ сторонѣ отъ дороги изжелта-сѣрыя развалины этого послѣдняго оплота текинской независимости. Ничего поразительнаго въ нихъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ издали. Кажется даже непонятнымъ, какъ могла эта глинобитная крѣпость, хотя и съ двойнымъ рядомъ высокихъ и толстыхъ стѣнъ, такъ долго держаться противъ европейскихъ вооруженныхъ силъ.

Внутри крѣпости—братская могила безвѣстныхъ героевъ-солдатъ, павшихъ при штурмѣ, а у входа въ крѣпость, въ полусотнѣ шаговъ отъ станціи, небольшое хорошенькое зданіе «военно-историческаго музея», съ разными воспоминаніями текинскаго похода. Чуть не весь поѣздъ—офицеры, текинцы, дамы, персіяне, гимназисты—устремляется въ музей; я иду вслѣдъ за другими

Музей—какъ всѣ военно-патріотическіе музеи; самый интересный экспонатъ—карты, принадлежавшія Скобелеву и, повидимому, бывшія

съ нимъ во время текинскаго похода; нѣсколько картъ знаменитыхъ осадъ, съ пространными критическими примѣчаніями русскаго полководца, и небольшая, тоже съ его помѣтками, карта театра войны. Карта эта—англійскаго изданія.

Отъ Геокъ-Тепе къ Асхабаду уже сплошной оазисъ: непрерывная цѣпь кишлаковъ или ауловъ, потонувшихъ въ зелени пирамидальныхъ тополей или развѣсистыхъ карагачей; около глинобитныхъ саклей разбросаны камышевыя юрты, въ которыхъ проводятъ лѣто туркмены, хотя и осѣвшіе, но не забывшіе еще кочевыхъ традицій. Вокругъ обширныя поля, изрѣзанныя арыками и, какъ и вездѣ, разбитыя на маленькія клѣтки; однѣ изъ этихъ клѣтокъ только что политы подъ какой-то посѣвъ, на другихъ лѣсомъ стоитъ джугара или стелется арбузная ботва, на третьихъ стоятъ высокія кучи уже обмолоченной и измельченной соломы—самана, а около этихъ кучъ текинцы въ бараньихъ шапкахъ молотятъ хлѣбъ, гоняя по нѣсколько запряженныхъ въ рядъ быковъ или лошадей.

— Славный народъ, — говоритъ попутчикъ, старый туркестанскій офицеръ, выглядывая изъ окна столоваго вагона:—посмотрите, какіе здоровенные, молодецъ къ молодцу; и настоящіе труженики, не то, что персюки или сартишки.

Страна какъ будто на военномъ положеніи. На станціяхъ кишмя кишатъ солдаты всѣхъ родовъ оружія въ бѣлыхъ рубахахъ и характерныхъ красныхъ шароварахъ изъ туземной замши. На каждой станціи въ нашъ поѣздной клубъ заходятъ пѣхотные, казачьи, желѣзнодорожные, пограничные офицеры, требуютъ водки или пива и разговариваютъ объ окладахъ, лагерныхъ сборахъ и производствахъ.

Мы добрались до Асхабада въ 3 часа дня.

Подобно Кизилъ-Арвату, Асхабадъ возникъ на мѣстѣ укрѣпленнаго аула. Отъ большого красиваго вокзала, задней стороной выходящаго на площадь, съ фонтаномъ посрединѣ, въ городъ тянется почти двухверстное шоссе—Анненковская улица, по обѣимъ сторонамъ обсаженная деревьями. Впрочемъ, трудно сказать, гдѣ собственно начинается городъ. Расширяясь, онъ все ближе подвигается къ станціи, такъ что, вѣроятно, въ близкомъ будущемъ подойдетъ къ ней вплотную. Анненковская улица, названная такъ въ честь генерала Анненкова, подъ руководствомъ котораго строилась бо́льшая часть желѣзной дороги, пролегаетъ мимо хорошо разросшагося городского сада, съ горкою и тоже съ фонтаномъ, и ведетъ въ шумный торговый кварталъ, населенный главнымъ образомъ персами и армянами. Къ нему уже примыкаетъ остальная часть города.

По внѣшности Асхабадъ похожъ на всѣ наши средне-азіатскіе города. Въ большинствѣ прямыя, довольно широкія и, за немногими исключеніями, замощенныя улицы окаймлены справа и слѣва вереницей топо-

лей, акацій и другихъ деревьевъ, посаженныхъ вдоль неглубокихъ канавокъ съ проточною водой. Въ городѣ много растительности. Чуть не при каждомъ домикѣ имѣется отдѣльный садикъ, что придаетъ Асхабаду привѣтливый дачный характеръ.

Городскія постройки въ Асхабадѣ или изъ туземнаго сѣроватаго камня, легко поддающагося ножу, или изъ обожженнаго, обыкновенно же просто изъ сырцоваго кирпича—глиняныхъ брусковъ, просушенныхъ на солнцѣ. Жилыя помѣщенія большею частью въ одинъ этажъ, что не только дешевле, но и безопаснѣе для квартирующихъ. Дѣло въ томъ, что дѣятельность подземныхъ силъ въ здѣшнемъ районѣ обнаруживается еще очень энергично, и сильныя колебанія почвы бываютъ довольно часто. Такъ, наприм., въ ноябрѣ 1893 г. персидскій городокъ Куганъ, лежащій всего въ 140 верстахъ отъ Асхабада, на южномъ склонѣ Копетъ-Дага, былъ совершенно разрушенъ землетрясеніемъ, которое отозвалось и въ Асхабадѣ. Послѣ этого землетрясеніе повторилось въ январѣ 1895 года. Для Асхабада оно не сопровождалось серьезными послѣдствіями, но возродившійся изъ праха Куганъ снова былъ превращенъ въ груду развалинъ, при чемъ погибло около 3.000 человѣкъ и масса животныхъ. Затѣмъ черезъ полгода произошло новое землетрясеніе, распространившееся къ сѣверо-западу. Асхабадъ опять счастливо отдѣлался; лишь нѣсколько зданій въ немъ дали глубокія трещины. О силѣ землетрясенія можно судить уже по тому, что, по разсказамъ очевидцевъ, вода выплескивалась изъ арыковъ, деревья качались какъ пьяные, и листья на нихъ шумѣли, точно въ бурю, хотя не было ни малѣйшаго вѣтра. Въ архитектурномъ отношеніи здѣшнія постройки не интересны; чаще всего видишь передъ собою удлиненные ящики съ гладкими, безъ всякихъ украшеній, бѣлыми стѣнами и плоскими крышами изъ полужидкой, быстро высыхающей на солнцѣ смѣси глины, песку и самана, иногда съ прибавленіемъ еще кира. Важное преимущество такихъ крышъ—ихъ дешевизна, благодаря которой онѣ могутъ быть ежегодно возобновляемы. Рѣдко выпадающіе дожди не размываютъ ихъ, продолжительныхъ же ливней здѣсь не бываетъ; между тѣмъ для защиты комнатъ отъ солнечной жары эти крыши чрезвычайно пригодны, такъ какъ не накаливаются, подобно деревяннымъ, а тѣмъ болѣе желѣзнымъ. Поэтому онѣ и распространены повсюду въ нашей среднеазіатской окраинѣ. Сами азіаты предпочитаютъ плоскія крыши еще и потому, что онѣ замѣняютъ собой террасу, на которой по вечерамъ можно отдыхать на чистомъ воздухѣ въ кругу родныхъ и знакомыхъ.

Мѣстоположеніе Асхабада незавидное. Онъ находится у подножья горъ, почти голыя кручи которыхъ закрываютъ его отъ теплыхъ южныхъ вѣтровъ. Открытый со всѣхъ остальныхъ сторонъ, онъ доступенъ надвигающимся на него пескамъ съ сосѣдняго съ нимъ Каракума. Бли-

зость пустыни сказывается уже въ томъ, что при малѣйшемъ вѣтрѣ съ сѣвера иногда въ городѣ появляются тучи солоноватой, мелкой какъ пудра пыли, несмотря на регулярную и щедрую поливку улицъ и площадей. Эта пыль, крайне сухой воздухъ и адская духота дѣлаютъ лѣтнее пребываніе въ Асхабадѣ тягостнымъ даже для тѣхъ, кто уже успѣлъ свыкнуться съ здѣшними климатическими условіями.

Собственной воды въ Асхабадѣ нѣтъ. Она очень мягка и пріятна на вкусъ, проведена съ горъ, верстъ за десять.

Съ точки зрѣнія житейскихъ удобствъ юный Асхабадъ лучше многихъ старыхъ городовъ европейской Россіи. Пріѣзжіе прежде всего чувствуютъ это, находя сносныя гостиницы, удовлетворительныя бани и хорошихъ извозчиковъ—пароконныя коляски, почему-то величаемыя фаэтонами. Помимо военнаго клуба—военный элементъ преобладаетъ въ Асхабадѣ, какъ и въ прочихъ нашихъ средне-азіатскихъ городахъ—существуетъ общественное собраніе съ читальнею и даже кружкомъ велосипедистовъ.

Всѣ пищевые продукты, какъ хлѣбъ, овощи, мясо и т. п., доставляются въ городъ преимущественно изъ Персіи и лишь въ незначительномъ количествѣ изъ ближайшихъ ауловъ и русскихъ поселковъ. Отличныя душистыя дыни копейки три за штуку, сочные сладкіе арбузы, огурцы, капуста, свекла, морковь, картофель и прочіе овощи,—все это, обыкновенно, персидскаго происхожденія. Молоко, творогъ, сметана, яйца и т. д. поступаютъ на асхабадскіе базары главнымъ образомъ изъ хохлацкаго поселка Козельный, находящагося въ 25 верстахъ отъ Асхабада.

За Асхабадомъ оазисъ скоро смѣняется опять безводною степью: тотъ же желтоватый лёссъ, покрытый большею частью блѣдно-желтой рѣденькой травкой. Раннею весной эта степь покрыта сплошь зеленою травою, густо усѣянною всевозможными цвѣтами; но въ какой-нибудь мѣсяцъ все это выгораетъ дотла, и на степи не остается ничего, кромѣ приспособившейся къ засухѣ «колючки» и пожелтѣвшихъ метелочекъ высохшей травы. Мѣстами лёссовая степь прерывается неширокими полосками песковъ. Эти песчаныя полоски не только не выдѣляются особеннымъ безплодіемъ, напротивъ, онѣ покрыты лучшею растительностью и болѣе цѣнны для населенія, нежели неорошенный лёссъ: на пескахъ растутъ высокіе, кудрявые кусты саксаула, дающаго столь драгоцѣнное здѣсь топливо и матеріалъ для обжига на уголь; на нихъ даже косятъ мелкую травку; въ пескахъ всегда близко подпочвенная вода, и зимою пески—излюбленныя мѣста для стоянокъ кочевниковъ... Но пески въ этомъ видѣ—это спящій звѣрь, который никого не трогаетъ, пока его не раздразнили...

А отъ Мерва до Чарджуя, на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, вы видите проснувшагося, разнузданнаго звѣря: дорога сплошь идетъ сыпучими песками, которые за ночь покрываютъ васъ черезъ открытое окно вагона густымъ слоемъ тончайшей пыли. И эти пески не вездѣ голы: и здѣсь попадаются то единичные экземпляры, то негустыя заросли саксаула или джиды. Но гдѣ человѣкъ уничтожилъ эти заросли, когда-то скрѣплявшія песокъ своими вѣтвистыми корнями, тамъ на версты и десятки верстъ тянутся зловѣщіе темно-желтые барханы: пустыня сплошь какъ бы покрыта длинными темно-желтыми песчаными волнами, круто обрывающимися къ югу и отлого спускающимися къ сѣверу, откуда дуютъ господствующіе вѣтры. И чуть легкій вѣтерокъ— все это море песку начинаетъ точно дымиться; песокъ потихоньку пересыпается съ мѣста на мѣсто, барханы медленно плывутъ одинъ за другимъ въ направленіи господствующаго вѣтра, занося и полотно желѣзной дороги, и культурныя земли прилегающихъ къ пескамъ оазисовъ.

За громаднымъ двухверстнымъ Чарджуйскимъ мостомъ, подъ которымъ протекаютъ свѣтло-шоколадныя, отъ массы увлекаемыхъ теченіемъ частицъ взвѣшеннаго лёсса, воды Аму-Дарьи, дорога идетъ бухарскими владѣніями.

— За границу выѣхали!—остритъ кто-то изъ пассажировъ въ поѣздной столовой.

— Какъ не за границу!—отзывается другой, только-что покупавшій фрукты:—посмотрите, и деньги не наши.

И всѣ начинаютъ разсматривать грубо отчеканенныя серебряныя «теньги», величиною приблизительно съ нашъ пятиалтынный.

— Бывалъ я на монетномъ дворѣ у нихъ,—разсказываетъ третій пассажиръ:—курьезно! обнесенъ цѣпями, и кто туда попалъ въ рабочіе, тотъ ужъ до самой смерти за эту цѣпь не можетъ выйти. По тридцати лѣтъ иные безвыходно сидятъ.

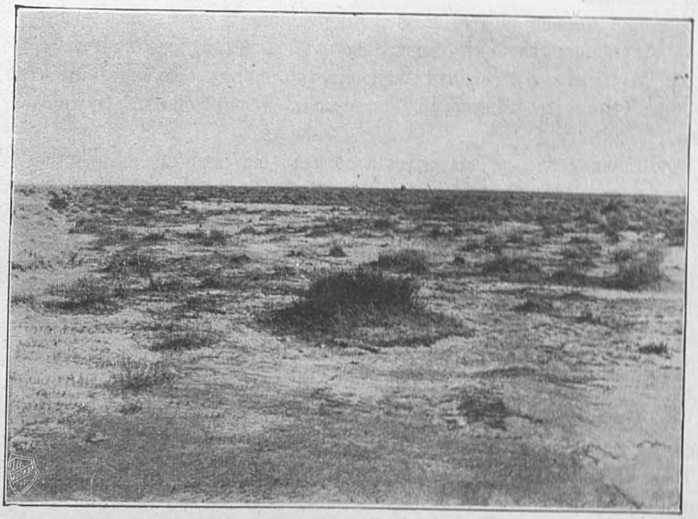
— Это ужъ по-восточному,—восклицаетъ кто-то изъ пассажировъ.

— Ну, у нихъ еще много по-восточному!.. Вѣдь бухарецъ богатый денегъ ни за что въ Бухарѣ держать не станетъ,—все равно какъ въ Персіи, а все у насъ въ банкахъ держатъ. Изъ-за этого у насъ и сторонниковъ такъ много въ ханствахъ: хоть и гяуры мы, хоть и не вѣсть какой у насъ «правовой порядокъ», а все-таки за нами жить спокойнѣе...

Отъ Бухары до ближайшаго русскаго уѣзднаго города Каттыкургана, а затѣмъ и до самаго Самарканда, дорога идетъ по окраинѣ прославившейся своимъ плодородіемъ Зеравшанской долины. Нашъ поѣздъ то врѣзывается въ оазисъ, то идетъ по его окраинѣ, то выходитъ на голую, неорошаемую степь, и только издали виднѣются сплошною темно-зеленою полосою высокіе пирамидальные тополя, кудрявыя ивы и карагачи разведенныхъ вокругъ усадебъ и по арыкамъ насажденій. Воды, очевидно,

много больше, чѣмъ въ асхабадскомъ районѣ. Кишлаки поэтому сидятъ вплотную одинъ къ другому, усадьбы съ ихъ глинобитными стѣнами и куполообразными крышами располагаются гораздо гуще, а культурныя земли, разбитыя для орошенія на мелкіе правильные квадратики, тянутся сплошною широкою полосою.. И вся эта жизнь, и въ бухарскихъ, и въ нашихъ предѣлахъ, питается водой большого арыка, выведеннаго изъ Зеравшана, неподалеку отъ Самарканда.

На поляхъ Зеравшанскаго района уже почти не видно ни кучъ обмолоченнаго самана, ни пшеничныхъ жнивьевъ, которыхъ такъ много въ Асхабадскомъ оазисѣ. Чаще всего, вперемежку съ рослою джу-



Закаспійская степь.

гарой, мѣстами вдвое превышающей человѣческій ростъ, съ темною зеленью и фіолетовыми цвѣточками люцерны и съ полузатопленными полями риса, попадаются поля, не слишкомъ густо засаженныя низенькими, раскидистыми кустиками хлопка, съ его желтовато-бѣлыми или розоватыми цвѣточками. Зеравшанская долина—теперь одинъ изъ главныхъ хлопковыхъ и рисовыхъ районовъ края; подъ интенсивныя культуры занята почти вся площадь поливныхъ земель, а пшеница оттѣснена на неорошаемыя предгорья.

Поѣздъ проносится мимо небольшого прудика—«кауса», съ мутною свѣтло-сѣрою арычною водой; у кауса сидитъ сартъ на корточкахъ и пьетъ изъ пригоршни мутную воду.

— Вотъ она малярія-то!—восклицаетъ попутчикъ.—И какъ они, подлецы, всѣ не передохнутъ!.. Вѣдь у нихъ какое повѣрье: если вода три сажени протекла—значитъ чистая; въ арыкѣ грязное бѣлье стираютъ или промываютъ бараньи кишки, а тутъ же, десять шаговъ ниже по арыку, сырую воду пьютъ!..

Вотъ около самой станціи маленькій караванъ-сарай. Передъ чайханою на цыновкахъ сидятъ на корточкахъ фигуры въ бѣлыхъ чалмахъ и необыкновенно яркихъ и пестрыхъ, видимо шелковыхъ, халатахъ.

Возлѣ стоятъ вѣсы и валяется въ безпорядкѣ нѣсколько кипъ сырого хлопка.

Я вопросительно смотрю на моего попутчика.

— Скупщики хлопокъ-сырецъ скупаютъ. Сарту гдѣ же везти въ городъ! Ну, эти вотъ господа авансомъ отъ фирмъ возьмутъ—кто три, кто пять тысячъ, ѣздятъ по кишлакамъ и покупаютъ. Наживаютъ ловко.

Вотъ, наконецъ, и Ташкентскій оазисъ. На первый взглядъ все то же, что и въ Зеравшанскомъ. Но, присматриваясь внимательнѣе, замѣчаете и нѣкоторыя особенности: гораздо больше древесныхъ насажденій, то въ видѣ ивовыхъ или тополевыхъ аллей, вдоль арыковъ и дорогъ, то въ видѣ небольшихъ, невѣроятно густыхъ рощицъ на усадьбахъ. На поляхъ особенно много хлопка и риса. Множество полей, занятыхъ подъ огородную культуру, при чемъ растенія, чтобы лучше использовать поливную воду, посажены у самыхъ краевъ и по откосамъ грядъ. Много полевыхъ квадратиковъ, сплошь заросшихъ густымъ, въ два человѣческихъ роста камышомъ; попадаются и совершенно заболоченныя площади.

Нѣсколько измѣняется подъ Ташкентомъ и типъ населенія: преобладаютъ, правда, еще и здѣсь сарты, почему-то однако не въ чалмахъ, а въ однѣхъ только красиво расшитыхъ тюбетейкахъ. Но чѣмъ ближе къ Ташкенту, тѣмъ больше виднѣется своеобразныхъ сѣрыхъ войлочныхъ треуховъ. Это киргизы, которые на сѣверъ и на сѣверо-востокъ отъ Ташкента составляютъ главную массу населенія. Въ окрестностяхъ Ташкента они уже совершенно осѣдлы и ведутъ поливное хозяйство, почти не отличающееся отъ хозяйства сартовъ и другихъ осѣдлыхъ туземцевъ края.

Туркмены.

(Шевченко-Красногорскаго.)

Въ Кизилъ-Арватѣ я въ первый разъ близко увидѣлъ текинцевъ. Ихъ было человѣкъ десять, все молодежь, едва ли старше 20 лѣтъ. Босоногіе, въ засаленныхъ полосатыхъ халатахъ, перетянутыхъ матер-

чатыми кушаками, въ громадныхъ темно-рыжихъ бараньихъ шапкахъ, сильно скрадывавшихъ густо загорѣлыя физіономіи, они столпились въ концѣ длинной станціонной платформы и молча поглядывали на вылѣзавшую изъ вагона публику. Вчера вечеромъ они кончили какую-то работу на дорогѣ и сегодня ожидали расчета.

Лица ихъ худощавыя, безбородыя, съ чуть пробивающимися усами, были у всѣхъ, какъ на подборъ, очень некрасивы. Ихъ безобразили длинные плосковатые носы, низкіе широкіе рты и въ особенности замѣтно выдающіяся скулы. Хороши были только черные глаза, живые и выразительные. Позднѣе, въ Асхабадѣ и Мервѣ, встрѣчая текинцевъ на каждомъ шагу, я нерѣдко наталкивался среди нихъ на красавцевъ въ полномъ смыслѣ слова. Въ массѣ однако ни текинцы, ни текинки не удовлетворяютъ нашимъ на этотъ счетъ требованіямъ. Принадлежа, какъ и всѣ туркмены, къ тюркскому племени, они путемъ браковъ съ другими племенами той же монгольской расы утратили первоначальную чистоту типа.

Всматриваясь теперь въ этихъ юныхъ полудикарей, я не примѣтилъ въ нихъ рѣшительно ничего, что оправдывало бы ходячее мнѣніе о текинцахъ, какъ о «прирожденныхъ разбойникахъ», отчаянныхъ головорѣзахъ, по разсказамъ, готовыхъ лить кровь, какъ воду. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, всѣ они показались совсѣмъ безобидными существами.

Дѣйствительно, нынѣшніе текинцы уже не тѣ, какими были они до присоединенія оазиса къ Россіи.

Будучи единственными обладателями края, туркмены прежде вели пастушескій образъ жизни, съ мѣста на мѣсто перекочевывая со своими стадами. Позднѣе часть этихъ кочевниковъ перешла къ осѣдлости, обратившись къ земледѣлію, но продолжала однако заниматься и скотоводствомъ, какъ подсобнымъ занятіемъ. Въ политическомъ отношеніи туркмены были совершенно свободны, не зная надъ собой никакого начальства. Ни аристократіи, ни наслѣдственныхъ повелителей у нихъ не существовало. Каждый родъ самъ для себя выбиралъ хана, который игралъ роль не столько предводителя, сколько совѣтника, обязаннаго неуклонно слѣдовать установившимся обычаямъ; лишь при военныхъ дѣйствіяхъ практиковалось безпрекословное подчиненіе распоряженію хана.

Для сосѣднихъ народовъ кочевые туркмены, особенно текинцы, были поистинѣ грозою. Хуже всего доставалось персіянамъ. Не избѣгали нападеній ни бухарцы, ни хивинцы, ни даже туркмены-земледѣльцы. По всему оазису доселѣ торчатъ на поляхъ глиняныя башенки, аршина два въ поперечникѣ и сажени полторы вышиною. Это сторожевые столбы, на которыхъ помѣщались дежурные, обязанные предупреждать своихъ односельчанъ о приближеніи разбойниковъ.

Полевыя работы, требующія отлучки текинцевъ за предѣлы аула,

исполняются только мужчинами. Они же занимаются и въ огородахъ, но уже при дѣятельномъ сотрудничествѣ женщинъ, на которыхъ лежатъ и всѣ домашніе труды: приготовленіе пищи, тканье и шитье одежды, уходъ—правда, ничтожный—за скотиною и тому подобныя занятія. Сборъ кибитокъ, похожихъ на слегка приплюснутые стоги сѣна, также входитъ въ кругъ обязанностей текинокъ. Устраиваются кибитки изъ длинныхъ, нѣсколько согнутыхъ жердей, соединенныхъ другъ съ другомъ рѣшетчатыми перекладинами такимъ образомъ, что въ случаѣ надобности кибиточный остовъ легко можетъ быть сложенъ и перевезенъ на верблюдѣ въ другое мѣсто. На жерди, упирающіяся верхними концами въ широкій обручъ, накладываются войлоки-кошмы и паласы—простые, неворсованные ковры. На зиму, для защиты отъ пронизывающихъ вѣтровъ, нѣкоторые хозяева вплотную окружаютъ свои кибитки длинными камышевыми стеблями, связанными между собою и затѣмъ обмазанными глиною.

Внутренность кибитки убирается тоже кошмами и паласами, а у богатыхъ—цѣнными мѣстными и персидскими коврами; чѣмъ зажиточнѣе хозяинъ, тѣмъ обширнѣе его кибитка и тѣмъ роскошнѣе ея убранство, видную роль въ которомъ играетъ развѣшиваемое по стѣнамъ разное оружіе въ болѣе или менѣе дорогой оправѣ. Впрочемъ, большинство текинцевъ не имѣетъ не только такого декоративнаго, но и никакого оружія, хотя ношеніе и не возбраняется русскимъ начальствомъ, нѣсколько ограничившимъ лишь свободу пріобрѣтенія ружей и револьверовъ.

Положеніе женщины у текинцевъ несравненно лучше, чѣмъ у давно осѣдлыхъ мусульманъ. По условіямъ кочевого быта текинка должна была пользоваться извѣстною долей независимости. Та рабская подчиненность, въ какой находятся сосѣднія женщины: персіянки, бухарки и хивинки, была просто немыслима при постоянно бродячей жизни въ степи. Дочь и жена кочевника силою обстоятельствъ были дѣятельными членами семьи, совѣтницами и помощницами отца и мужа. Переходъ къ осѣдлости не измѣнилъ характера этихъ отношеній, не только не сокративъ, но скорѣе даже увеличивъ труды текинки; чѣмъ бѣднѣе семья, тѣмъ въ дѣйствительности свободнѣе текинка. Она не знаетъ гаремнаго затворничества; ходитъ съ открытымъ лицомъ, закрывая, и то не всегда, только ротъ и подбородокъ; при встрѣчѣ съ посторонними не спѣшитъ скрыться и спокойно, безъ всякаго смущенія, глядитъ прямо въ глаза. Мнѣ хотѣлось посмотрѣть выдѣлку прославленныхъ текинскихъ ковровъ, и я какъ-то зашелъ подъ навѣсъ, гдѣ нѣсколько старыхъ и молодыхъ текинокъ, сидя на землѣ, плели широкій узорчатый коверъ. Только одна изъ нихъ, какъ оказалось, невѣста, торопливо встала и ушла въ мазанку; остальныя безъ малѣйшаго замѣшательства продолжали работу.

У текинцевъ существуетъ многоженство; но оно мало примѣняется на практикѣ, уже потому, что маложенство обходится дешевле. За всякую жену нужно заплатить калымъ (выкупъ) ея родителямъ, иной разъ въ нѣсколько сотъ рублей; содержаніе же въ домѣ лишней женщины требуетъ лишнихъ расходовъ и прежде всего добавочной кибитки. Браки заключаются обыкновенно по взаимной склонности; въ случаѣ отказа родителей выдать ее замужъ за того, кто ей нравится, она попросту похищается у нихъ. Это, впрочемъ, не избавляетъ похитителя отъ необходимости заплатить за нее калымъ.

У туркменовъ кочевничество и скотоводство нераздѣльно связаны между собою. Нужна постоянная, сообразно времени года, перекочевка

Текинцы.

съ мѣста на мѣсто, чтобы найти пригодныя пастбища, гдѣ не было бы недостатка ни въ травахъ, ни въ водопоѣ и гдѣ стада не страдали бы отъ комаровъ и оводовъ. Нельзя сказать, что не хватаетъ пастбищъ. Ихъ столько еще, что они смѣло могли бы прокормить въ нѣсколько разъ большее количество скота, чѣмъ имѣется у всѣхъ туркменъ, вмѣстѣ взятыхъ. Мѣста для пастбища находятся даже для чужеземныхъ скотоводовъ: персовъ, афганцевъ и бухарцевъ, пригоняющихъ сюда на зиму свои стада. Кочевничество, а вмѣстѣ съ нимъ и скотоводство, какъ самостоятельное занятіе, сокращаются съ каждымъ годомъ.

Неприхотливость—общее свойство туркменскаго скота. За нимъ нѣтъ почти никакого ухода. Круглый годъ пребываетъ онъ подъ открытымъ

небомъ на подножномъ корму. Только для лошадей и коровъ заготовляютъ на зиму жесткое сѣно и мелко изрубленную солому—саманъ. Даже домашнюю скотину лишь немногіе хозяева держатъ зимою въ глинобитныхъ загонахъ. Немудрено поэтому, что здѣшній скотъ, какъ ни выносливъ онъ и какъ ни приспособленъ къ рѣзкимъ смѣнамъ дневной жары ночнымъ холодомъ, не выдерживаетъ иногда жестокихъ, съ сильными буранами, морозовъ, какіе по временамъ посѣщаютъ Закаспійскую область.

Здѣсь разводятся длинноухія темно-рыжія овцы, большею частью мелкія и тощія, съ плохо развитыми курдюками и грубою шерстью. Жирными баранами могутъ похвалиться только мервскіе текинцы. Туркменскіе верблюды двухъ сортовъ—одногорбые и двугорбые. Первые еще довольно сильны, такъ что ходятъ подъ 18-пудовымъ вьюкомъ; вторые же гораздо слабѣе и не въ состояніи поднять свыше 13—15 пудовъ, не то что бухарскіе, хотя бухарцы, какъ всѣ сарты, обращаются со скотомъ гораздо хуже, чѣмъ туркмены.

Изъ продуктовъ скотоводства важнѣйшее значеніе въ торговомъ отношеніи имѣетъ шерсть овечья и верблюжья. Овецъ стригутъ два раза въ годъ, при чемъ осенняя стрижка даетъ болѣе выгодные результаты, чѣмъ весенняя, такъ какъ лѣтняя шерсть по своему достоинству лучше зимней. Затѣмъ идутъ издѣлія изъ шерсти: кошмы, паласы, ковры и матеріи, далѣе—овчины, изъ которыхъ текинцы дѣлаютъ себѣ папахи, въ Ахалъ-текинскомъ же оазисѣ и тулупы, потомъ кожи и наконецъ бараньи кишки въ соленомъ видѣ, отправляемыя отсюда въ Европейскую Россію для колбасъ и сосисекъ и за границу для выдѣлки струнъ.

Землевладѣніе у туркменъ неразрывно связано съ водовладѣніемъ. При крайнемъ недостаткѣ въ области воды населеніе должно прибѣгать къ искусственному орошенію. За каждымъ семейнымъ туркменомъ закрѣпляется пай воды, потребной для орошенія отведеннаго ему участка. Продавшіе свой пай тѣмъ самымъ становятся безземельными. Земля очень поверхностно обрабатывается въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ, а затѣмъ, по истощеніи, отдыхаетъ два-три года, какъ говорятъ, «запускается въ перелогъ», и только послѣ этого снова поступаетъ въ обработку; пашня производится очень небрежно, допотопнымъ плугомъ, который, несмотря на мягкій лессовый грунтъ, не можетъ поднять почву больше, чѣмъ на два или на три вершка, при чемъ на поляхъ остается много сорныхъ травъ. Къ удобренію не прибѣгаютъ: въ этомъ пока нѣтъ надобности, да къ тому же здѣсь почти нѣтъ навоза: онъ дочиста пожирается жуками-навозниками. Жнутъ серпами безъ зазубринъ, высоко срѣзая стебель, чтобы потомъ пустить въ поле на скудную кормежку домашній скотъ, чаще всего не имѣющій отдѣльныхъ пастбищъ. Молотятъ на токахъ лошадьми и ишаками, некрупными, но настолько крѣпкими ослами, что они свободно могутъ

идти подъ тяжестью даже двухъ взрослыхъ людей, ноги которыхъ при этомъ почти волочатся по землѣ.

Каждый текинецъ обыкновенно собственными силами, лишь при помощи семьи, обрабатываетъ свой участокъ. «Безводные» текинцы либо обращаются къ другимъ занятіямъ, либо арендуютъ землю изъ половины, трети, а не то и четверти урожая.

Главнымъ продуктомъ сельскохозяйственной дѣятельности туркменъ являются злаки: пшеница, ячмень, рисъ и джугара, или хивинское просо,—растеніе, своими длинными и узкими листьями на прямомъ высокомъ стеблѣ, иногда въ ростъ человѣка, очень похожее на кукурузу. Крупными кистями ниспадающія зерна джугары употребляются на кормъ скота и на плохого качества лепешки для самихъ пахарей. Случается, что джугара даетъ урожай самъ-двѣсти.

Туркмены воздѣлываютъ и хлопокъ, но въ очень ограниченномъ количествѣ и лишь для собственной потребы. Воздѣлываютъ туркмены еще масличное травянистое растеніе—кунжутъ. Почва для него совсѣмъ не вспахивается, и сѣмена его просто бросаются въ мокрую землю: оно такъ неприхотливо, что всходитъ даже между верблюжьей колючкой и бурьяномъ. Кунжутъ идетъ на молочнаго цвѣта масло, выжимаемое ручными прессами изъ сѣмянъ, которыя туркмены предварительно толкутъ въ деревянныхъ ступахъ.

Все туземное населеніе раздѣляется на волости, а эти послѣднія—на аулы. Во главѣ каждой волости поставленъ волостной управитель, во главѣ аула—аульный старшина, назначаемые администраціей области изъ среды туземцевъ, наиболѣе вліятельныхъ. Волостной управитель долженъ наблюдать за полицейскимъ порядкомъ въ волости, вести счетъ кибиткамъ, семьямъ, собирать подати, слѣдить за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, короче говоря, нести такую же службу, какую у насъ въ деревняхъ несутъ волостные старшины. При этомъ ему предоставлено право подвергать своихъ односельчанъ, виновныхъ въ неисполненіи его распоряженій, аресту до трехъ дней или штрафу до трехъ рублей. Что особенно пріятно отмѣтить здѣсь—это отсутствіе порки: по закону текинцы не подвергаются тѣлесному наказанію.

Какъ самъ волостной управитель, такъ и находящіеся при немъ письмоводитель и разсыльные получаютъ жалованье.

Въ окрестностяхъ Чарджуя.

(Э. Циммермана.)

Миновавъ станцію Барханы, мы въѣхали въ область садовъ и полей Чарджуйскаго оазиса и вмѣстѣ съ тѣмъ въ предѣлы Бухарскаго ханства, такъ какъ, по послѣднему договору, вытянутыя широкою поло-

сой плодоносныя земли вдоль по лѣвому берегу Аму-Дарьи остались во власти эмира. Съ согласія послѣдняго желѣзная дорога направилась къ Самарканду, прорѣзая отсюда его владѣнія до сѣверныхъ бухарскихъ границъ. Туземный городъ Чарджуй остался верстахъ въ пяти вправо отъ рельсовъ. Опасаясь, какъ надо полагать, разливовъ Аму-Дарьи, туземные жители построили свой городъ подальше, а именно верстахъ въ десяти отъ береговъ ея. Здѣшнія постройки нельзя назвать даже домами. Пыльно-сѣрыя стѣны глинобитныхъ жилищъ, слѣпленныхъ изъ той же земли, что у насъ подъ ногами, по обѣ стороны такой же пыльной улицы, способны навести тоску на непривычнаго посѣтителя; все смотритъ сѣро, даже при столь яркомъ сіяніи здѣшняго яснаго дня. По обѣ стороны неширокой улицы, защищаемой отъ солнечныхъ лучей раскинутыми надъ ней цыновками, безпрерывными рядами тянулись невысокія открытыя лавки. Въ нихъ пестрѣли всякаго рода туземные и привозные товары. Въ иныхъ мѣстахъ предлагались въ продажу снѣди въ родѣ жареной баранины, пилава. Въ другихъ бухарцы, сидя на кошмахъ, распивали чай. По тѣснымъ проходамъ проѣзжали всадники и толкались толпы пѣшихъ. Между ними встрѣчались также женщины; закутавшись съ головой до ногъ въ блѣдно-синіе халаты и закрывъ лицо черными волосяными сѣтками, онѣ, словно живыя муміи, робко пробирались въ толкотнѣ. Своеобразное зрѣлище представляетъ эта суетливая базарная толпа. Дойдя до конца базара, я на подъемѣ холма увидѣлъ ворота Чарджуйской крѣпости, въ которой живетъ здѣшній бекъ, какъ называется начальникъ округа.

Въ верстѣ разстоянія отъ станціи, внизъ по теченію рѣки, у самаго берега находится рощица, состоящая изъ не густо разросшагося тала. Въ просторныхъ промежуткахъ между деревьями возвышаются надъ землей продолговатыя, почти призматической формы, гробницы туземцевъ; а тутъ же рядомъ торчатъ кресты надъ могилами русскихъ покойниковъ, почившихъ вдали отъ родины о бокъ съ мусульманами, какъ бы знаменуя тѣмъ, что какъ въ жизни, такъ и по смерти они могутъ мирно занимать мѣсто другъ возлѣ друга. Желая ознакомиться съ окрестными селеніями, или по-туземному съ кишлаками, я часто проходилъ черезъ эту рощу, направляясь далѣе по дорогѣ, проторенной колесами. При этомъ не разъ случалось переходить по мостамъ, перекинутымъ черезъ арыки. Эти мосты строятся очень просто: перекидываютъ поверхъ воды съ одного берега канавы до другого на разстояніи около двухъ саженъ нѣсколько бревенъ, застилаютъ ихъ хворостомъ и покрываютъ все это толстымъ слоемъ земли. По сторонамъ дороги показывались обычные курганчики и прилегающія къ нимъ поля, засѣянныя пшеницей, кукурузой или люцерной, которая здѣшними русскими жителями неправильно называется клеверомъ. Послѣдняго я

нигдѣ не встрѣчалъ во всемъ краѣ. Нѣкоторыя поля были залиты водою, проведенною туда изъ арыковъ. Въ случаѣ, если канава такъ глубока, что вода изъ нея не можетъ быть направлена непосредственно на поле, то поселяне употребляютъ въ дѣло водоподъемныя колеса, приводимыя въ движеніе простымъ коннымъ приводомъ. Глиняными кувшинами, придѣланными къ окружности колеса, вода черпается изъ арыка и при посредствѣ желобовъ разливается по полю. Это напомнило мнѣ точь въ точь такія же первобытнаго свойства водоподъемныя машины въ Египтѣ на берегахъ Нила. Да и самыя сакли здѣшнихъ жителей совершенно схожи съ такими же глинобитными жилищами феллаховъ въ Египтѣ, развѣ съ той разницей, что послѣдніе не обводятъ своихъ жилищъ высокими стѣнами, такъ какъ имъ нечего опасаться нападенія хищныхъ враговъ.

Надъ разлитой по пашнѣ водой съ крикомъ носились бѣлогрудыя чайки, а по окраинамъ разлива весело перебѣгали кулики. Когда пропитанная водою почва просыхаетъ немного, то ее подвергаютъ тщательной обработкѣ плугомъ, бороной и мотыкой. Несмотря на первобытныя орудія, воздѣлываніе здѣсь доводится до высшей степени совершенства, съ какимъ у насъ можетъ сравниться развѣ огородная разработка. Подъему мѣстной культуры болѣе всего способствуетъ сознаніе земледѣльца, что весь успѣхъ его хозяйства зависитъ отъ его личнаго труда. Посѣявъ хлѣбъ, онъ не предается беззаботной надеждѣ на погоду, на ниспаденіе съ неба дождя, а, напротивъ, самъ распоряжается надлежащимъ орошеніемъ своихъ полей: онъ, можно сказать, самъ творецъ той жатвы, что сторицею вознаграждаетъ его трудъ. При видѣ множества арыковъ, при посредствѣ которыхъ вода изъ рѣки проводится по всѣмъ полямъ въ надлежащее время, нельзя не изумляться, тѣмъ болѣе что вся эта сложная система орошенія выполнена самыми первобытными средствами, безъ помощи какихъ-либо нивелирныхъ или другихъ инструментовъ. Земля здѣсь даетъ обильные урожаи, такъ что, по словамъ здѣшнихъ хлѣбопашцевъ, сорго или джугара, какъ они называютъ его, на ихъ поляхъ родится самъ-сто или даже самъ-полтораста. Мало того, съ одного и того же поля они снимаютъ въ годъ по двѣ обильныя жатвы. Понятно, что, въ виду такихъ урожаевъ, земледѣльцы издревле не щадили труда для проложенія арыковъ, тѣмъ еще болѣе, что безъ орошенія, подъ вліяніемъ тѣхъ же жгучихъ солнечныхъ лучей, растительность высыхаетъ, и поле обращается въ мертвую пустыню, среди которой человѣку грозитъ голодная смерть. А потому поселенцы и заботятся такъ ревностно о проведеніи воды на свои поля. Орошеніе соединяетъ здѣсь земледѣльцевъ въ общинныя группы, но только въ отношеніи пользованія водою, а отнюдь не землею. Однако земля все-таки составляетъ принадлежность государства, а потому, кто бы ни

оливань ее—общество поселянъ или частное лицо, во всякомъ случаѣ за пользованіе участками каждый изъ хозяевъ обязанъ вносить въ казну извѣстный налогъ.

Наблюдая за здѣшними хозяйствами въ кишлакахъ, можно убѣдиться на самомъ дѣлѣ, что орошаемыя земли при нихъ разбиты обыкновенно на мелкіе участки, принадлежащіе разнымъ хозяевамъ, какъ ихъ собственность, но подъ условіемъ непрерывной обработки.

Проходя по дорогѣ далѣе, я увидѣлъ въ сторонѣ на полѣ люцерны туземца, сидѣвшаго на корточкахъ и срѣзавшаго серпомъ пучки сочной травы. Такимъ-то копотливымъ образомъ убирается здѣсь люцерна, служащая главнымъ кормомъ для лошадей. Нашей косы въ здѣшнихъ мѣстахъ мнѣ не случалось видѣть. А между тѣмъ они люцерну жнутъ по четыре и по пяти разъ въ годъ съ одного и того же поля.

По краямъ дороги стали чаще появляться тутовыя деревья, по которымъ суетливо перелетали длиннохвостыя сороки. Мѣстами показывалась дикая маслина съ ея тусклою, серебристою листвой. Вскорѣ меня нагнала арба, на которой подъ навѣсомъ сидѣло 5 человѣкъ туземныхъ горожанъ. Арба служила для нихъ какъ бы омнибусомъ. Она остановилась у ограды, за которой показался прудъ, полный воды. Веселая компанія, праздновавшая какое-то торжество, размѣстилась на площадкѣ возлѣ пруда, поставила тутъ же самоваръ и въ ожиданіи кипятка занялась музыкой. Одинъ изъ туземцевъ игралъ на гармоникѣ, проникшей сюда, какъ надо полагать, изъ Москвы, а другой вторилъ ему на мѣстномъ тамбуринѣ. Когда я мимоходомъ заглянулъ къ нимъ за ограду, то они привѣтливымъ жестомъ пригласили меня къ чаю. Поблагодаривъ, я пошелъ далѣе.

На пятой верстѣ дорога перешла уже въ тропинку, проторенную между полями. Далѣе этого, повидимому, не ходятъ арбы, и незнакомому со всѣми переплетающимися по полямъ тропами трудно бываетъ пробраться по этимъ селеніямъ или кишлакамъ. Не желая возвращаться назадъ прежнимъ путемъ, я пустился наудачу впередъ по извивавшейся то вправо, то влѣво тропѣ, и тутъ-то испыталъ на дѣлѣ, какъ легко въ этихъ мѣстахъ запутаться въ лабиринтѣ полей, тѣмъ еще болѣе, что путь то и дѣло пересѣкался наполненными водою арыками. Въ какую бы сторону я ни направился, вездѣ натыкался на широкую канаву. Подойдя наконецъ къ жилищу поселенца сарта, я крикомъ вызвалъ хозяина. На вопросъ мой о Чарджуѣ онъ указалъ мнѣ на перекинутое черезъ арыкъ бревно, по которому я и перебрался на другую сторону. Потомъ сартъ услужливо вывелъ меня на тропу, по которой я и вышелъ, наконецъ, къ знакомой мнѣ рощѣ съ кладбищемъ.

Съ наступленіемъ жаркихъ дней, когда температура доходила до 35° въ тѣни, часто раннимъ утромъ я пускался на прогулки по окрест-

ностямъ Чарджуя. Вставалъ на разсвѣтѣ и выходилъ на берегъ рѣки. Все еще тихо кругомъ. Вотъ на горизонтѣ показалось солнце и освѣтило все яркимъ блескомъ. Рабочій людъ сталъ пробуждаться. На плоскихъ крышахъ домовъ здѣсь и тамъ поднимаются съ ложа спавшіе наверху люди, расположившіеся на возвышеніи ради болѣе свѣжаго ночного воздуха. Обратившись лицомъ къ востоку, мусульмане творятъ свою обычную молитву. Раздался свистокъ локомотива на желѣзной дорогѣ, куда собрались уже толпы поденщиковъ. Заработалъ коперъ и раздался громкій стукъ тяжеловѣсной бабы, вбивающей сваи близъ берега для огражденія его отъ напора водъ быстрой рѣки. Къ берегу стали приставать туземные каюки съ тюками хлопка изъ Бухары или съ грузомъ ячменя, замѣняющаго здѣсь нашъ овесъ для лошадей. Зерно тутъ же у берега ссыпается большими грудами. Вокругъ тюковъ хлопка прилегли на землѣ верблюды. Совершивъ нагрузку, вожаки отводятъ ихъ вереницей къ станціи для перегрузки хлопка на платформы. По всему берегу поднялась шумная суета и раздались гортанные звуки восточнаго люда.

А рѣка неудержимо-стремительнымъ потокомъ несетъ свои красновато-глинистыя воды. Въ этомъ отношеніи Аму-Дарья напомнила мнѣ другую такую же бурную рѣку въ Сѣверной Америкѣ—Миссури; но только въ ней вода болѣе темно-бураго цвѣта. Размывая берега, Аму густо пропитывается глиной, такъ что зачерпнутая въ стаканъ вода въ скоромъ времени образуетъ на днѣ значительный желтоватый осадокъ. Жители для питья употребляютъ ее не иначе, какъ давъ ей отстояться въ посудѣ. Окончательно вода очищается только при помощи фильтра. Съ перваго раза мнѣ показалось, что и купаться въ этой густой жижѣ нельзя безъ того, чтобы на тѣлѣ не осѣла глинистая муть, но на самомъ дѣлѣ оказалось, что въ этомъ отношеніи опасаться нечего: при такой быстротѣ теченія ничего не успѣваетъ осѣсть на тѣлѣ, и, купаясь въ рѣкѣ, я выходилъ изъ воды совершенно чистымъ.

Благодаря этой глинистой мути, вода Аму-Дарьи, проводимая арыками на поля, не только орошаетъ ихъ, но служитъ также отличнымъ удобреніемъ; чѣмъ долѣе эта густая влага стоитъ на полѣ, тѣмъ свѣтлѣе становится она, по мѣрѣ того какъ глинистая муть осѣдаетъ на почву, оставляя на ней тонкую слойку самаго плодоноснаго назёма. И дѣйствительно, этотъ суглинистый мергель, этотъ желтоземъ, или такъ называемый лёссъ, по содержащимся въ немъ составнымъ частямъ и порошкообразному состоянію смѣси представляетъ какъ бы нарочно приготовленную для питанія растеній почву. Однако желтоземъ распространяется не однимъ только путемъ орошенія, иначе нельзя бы объяснить себѣ, какъ образовался лёссъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда искони не попадало ни капли рѣчной влаги.

Порошкообразный лёссъ обязанъ своимъ распространеніемъ вѣтру. И въ самомъ дѣлѣ, въ знойные лѣтніе дни бурные вихри поднимаютъ въ песчаныхъ пустыняхъ громадныя массы пыли. Намъ не разъ приходилось видѣть, какъ эта степная пыль, поднятая вѣтромъ по ту сторону рѣки, разносится по обширной равнинѣ громадными клубами. Самый песокъ, задерживаемый встрѣчными неровностями почвы, скопляется мѣстами въ большіе барханы. Но болѣе легкая пыль уносится высоко вверхъ восходящими потоками сильно нагрѣтаго воздуха. Тогда безоблачное съ утра небо застилается этою пылью словно мутною пеленой. На солнце можно смотрѣть невооруженными глазами; блѣдное, оно не даетъ своихъ лучей и походитъ на потускнѣвшій оловянный кружокъ. По охлажденіи атмосферы съ закатомъ солнца восходящіе потоки воздуха прекращаются, и вся масса поднятой ими пыли, опустившись, покрываетъ собою необъятное пространство. Небо вновь выясняется, и наступаетъ чудная, прохладная ночь съ ярко сверкающими звѣздами въ вышинѣ. Изъ этой-то осѣвшей атмосферной пыли и образуются лёссовыя отложенія, составляющія плодородную желтоземную почву, богатый даръ природы, дорого цѣнимый туземнымъ населеніемъ.

И дѣйствительно, лёссъ дорогъ жителямъ не только своимъ плодородіемъ, но и тѣмъ еще, что входитъ, можно сказать, во всѣ отрасли житейскаго быта туземцевъ. Изъ него, какъ мы уже знаемъ, они строятъ свои жилища, возводятъ крѣпостныя стѣны и, пережигая въ кирпичъ, воздвигаютъ свои мечети; изъ того же лёсса готовятъ узкогорлые кувшины, большіе и малые тазы, чаши, плошки, лампочки, подсвѣчники, даже своеобразнаго вида чернильницы. Не употребляя почти никакой мебели, они однако слагаютъ изъ глины нѣчто въ родѣ кроватей, а по дворамъ стоятъ кормушки, замѣняющія ясли для лошадей, сдѣланныя также изъ лёссовой земли. Такъ широко пользуются они ею, благодаря тому, что она у нихъ всегда тутъ же подъ руками. Въ отношеніи плодородія слѣдуетъ замѣтить, что лёссовая почва превосходитъ даже черноземную, такъ какъ она оказывается неистощимою; она достигаетъ нѣсколькихъ сотъ футовъ толщины и на одномъ и томъ же мѣстѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ даетъ все тѣ же богатые урожаи, лишь бы человѣкъ орошалъ благодарную почву.

Проходя вверхъ по рѣкѣ, я часто заставалъ тамъ съ полдюжины приставшихъ къ берегу каюковъ, въ которыхъ туземцы подвозили произведенія своихъ полей, снабжая жителей и стоящія здѣсь войска провіантомъ. Сарты доставляютъ также топливо для стоящаго тутъ близъ берега кирпичнаго завода. Но такое топливо можетъ годиться развѣ только въ здѣшнемъ знойномъ климатѣ, благодаря которому для обжиганія кирпичей не требуется сильнаго жара. И въ самомъ дѣлѣ, обыкновенныя дрова здѣсь рѣдки за недостаткомъ лѣсовъ; саксаулъ так-

же сильно вырубленъ, а потому они замѣняются связками гребенщика, вообще всякаго бурьяна, въ большихъ грудахъ наваленнаго на берегу. Навѣсовъ для просушки сырого кирпича при заводѣ вовсе нѣтъ, такъ какъ при постоянномъ ясномъ лѣтнемъ небѣ кирпичъ гораздо лучше просыхаетъ на солнечномъ припекѣ. Его зачастую употребляютъ даже на постройку домовъ въ видѣ сырца. Обжиганію сырецъ подвергается только для болѣе прочныхъ построекъ.

Миновавъ кирпичный заводъ, я вышелъ на обширную равнину, гдѣ передо мною разстилалось травяное поле. Его нельзя назвать лугомъ, съ понятіемъ о которомъ у насъ связана ласкающая взоры зелень нашего дерна; здѣсь мы напрасно стали бы искать знакомой намъ бархатистой муравы; подъ вліяніемъ жгучаго солнца трава либо вырастаетъ въ видѣ высокой осоки, если въ почвѣ достаточно влаги, либо она высыхаетъ, не образуя дерна. Впереди по тропѣ весело перебѣгали подорожки съ хохолками, а надъ рѣкой носились чайки, по берегу посвистывали кулики. Издали навстрѣчу тянулся караванъ, состоящій изъ дюжины верблюдовъ, съ кладью для желѣзной дороги. А тамъ проскакали два бухарца, сидя на одной лошади. Часто даже и на маленькомъ ишакѣ помѣщаются два сѣдока, и подъ этою тяжестью выносливое животное бодро сѣменитъ ногами.

Бухарскій праздникъ.

(Свирскаго.)

Былъ май мѣсяцъ. Жара стояла невыносимая. Бухара буквально задыхалась отъ жару и пыли. Единственная дверь моей каморки выходила на плоскую глиняную крышу сосѣдняго караванъ-сарая. Только къ вечеру, когда спала жара, стало легче. Придвинувъ къ раскрытой двери свою узенькую «тахту» (кровать), я легъ и отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать небо. Наступили сумерки. Кругомъ было тихо и безлюдно. Далеко передо мною, словно гигантская колонна, темнѣла въ предвечернемъ воздухѣ круглая башня мечети. На вершинѣ этой башни, точно вылитый изъ гипса, неподвижно стоялъ на одной ногѣ бѣлый аистъ. Сумерки сгущались и темнѣло небо. На горизонтѣ кое-гдѣ загорались звѣзды.

— Вы чего развалились? Пойдемте на базаръ лучше,—вдругъ услыхалъ я возлѣ себя звонкій молодой голосъ. Отъ неожиданности я вздрогнулъ и быстро поднялъ голову. Въ двухъ шагахъ отъ меня стоялъ мой сослуживецъ и сосѣдъ по саклѣ, Калмыковъ. Онъ одинъ изъ первыхъ прибылъ въ Бухару и уже успѣлъ освоиться съ мѣстною жизнью и обычаями и прекрасно изучилъ туземный языкъ.

— Куда идти?

— Говорю же я вамъ на базаръ.

— На ночь-то глядя?

— Эхъ вы, европеецъ, ничего-то вы не знаете... Вѣдь сегодня послѣдній день «уразы» (поста), и бухарцы всю ночь будутъ бодрствовать. Вотъ увидите, какая интересная картина получится. Вставайте же!

Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были на улицѣ. Внизу у воротъ «сарайманы» (дворники) варили «шурпу» (супъ). Это они готовили себѣ завтракъ. Мусульмане постятся не такъ, какъ христіане: они весь день ничего не ѣдятъ, не пьютъ и даже не курятъ, но съ наступленіемъ вечера, когда на небѣ покажутся первыя звѣзды, они принимаютъ пищу, при чемъ въ продолженіе ночи ѣдятъ три раза, т.-е. завтракаютъ, обѣдаютъ и ужинаютъ. Лѣтній постъ, заканчивающійся «Коранъ-Байрамомъ» (праздникъ корана), длится три недѣли. Во время поста сарты бываютъ очень злы, угрюмы и молчаливы. Весь день они ходятъ полусонные, едва передвигая ноги. Голодъ, жажда и желаніе курить причиняютъ имъ огромныя страданія, но они стоически переносятъ всѣ мученія въ ожиданіи вечера. Помню, мнѣ однажды довелось быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Первый день поста прошелъ и наступилъ вечеръ. Наши дворники, собравшись вмѣстѣ, усѣлись вокругъ котла, въ которомъ кипѣлъ супъ изъ баранины. Горячій паръ густыми клубами вырывался изъ котла, распространяя запахъ вареной говядины. Сарты хранили глубокое молчаніе. Они сидѣли въ пестрыхъ халатахъ, поджавъ подъ себя ноги, и по ихъ смуглымъ изнеможеннымъ лицамъ ясно было видно, какъ страшно имъ хотѣлось ѣсть и какъ мучительно раздражалъ ихъ запахъ кушанья. Но вотъ съ высокаго ближайшаго минарета раздался рѣзкій крикливый голосъ муллы, который возвѣщалъ, что наступила пора принятія пищи. Наши дворники (ихъ было пять человѣкъ), услыхавъ голосъ муллы, встрепенулись и сразу ожили. Двое изъ нихъ кинулись къ котлу и съ лихорадочной быстротой стали наливать въ миску горячую «шурпу». Остальные тѣмъ временемъ ухватились за «чилимъ» (кальянъ) и съ жадностью затянулись нѣсколько разъ табачнымъ дымомъ. Въ это время я замѣтилъ, что съ курильщиками происходитъ нѣчто весьма странное. Ихъ лица поблѣднѣли, глаза закатились подъ лобъ, изъ рукъ выпали длинные чубуки, а вслѣдъ затѣмъ и сами они упали навзничь и такъ остались лежать безъ движенія, безъ всякихъ признаковъ жизни. Но не прошло и минуты, какъ курильщики, все еще блѣдные и слабые, стали постепенно приходить въ себя; а спустя еще немного, я видѣлъ, какъ они съ чисто волчьей жадностью вылавливали руками изъ миски куски баранины, быстро глотая и ежеминутно обжигаясь.

Точно такую же сцену я увидалъ и теперь, когда мы съ Калмыковымъ выходили изъ караванъ-сарая. Мы стали подходить къ центральному бухарскому базару. Несмотря на поздній часъ, улицы кишмя кишѣли народомъ. Въ другое время въ такой часъ Бухара уже спитъ и на

Знатные бухарцы.

улицахъ не видно ни одной души. По мѣстнымъ законамъ, ни одинъ бухарецъ не смѣетъ послѣ захода солнца выйти изъ дому безъ особаго разрѣшенія начальства. Лѣтомъ, въ седьмомъ часу вечера, когда на дворѣ еще довольно свѣтло, лавки запираются, и все многочисленное населеніе Бухары мгновенно исчезаетъ, спрятавшись въ свои глиняныя гнѣзда. Пройдитесь въ такое время по бухарскимъ улицамъ, и вамъ покажется, что вы разгуливаете по вымершему городу. Подъ каменными и камышевыми сводами узенькихъ улицъ вы не встрѣтите ни одной души. Только изрѣдка до вашего слуха донесется неуклюжій барабанный бой «миршапа» (полицейскаго) или тягучая заунывная пѣсня индуса, судьбой заброшеннаго сюда изъ далекой Индіи. И невольно въ душу закрадется тоска, и вы поспѣшите скорѣй домой, чтобы въ бесѣдѣ съ товарищами скоротать время.

Вотъ почему меня такъ удивило это необычное движеніе въ недозволенное время.

— Что это значитъ? Откуда эта толпа?—спросилъ я у Калмыкова, съ любопытствомъ слѣдя за толпою, которая такъ же, какъ и мы, двигалась по направленію къ центральному базару.

— Это послѣдній ночной концертъ,—отвѣтилъ мнѣ Калмыковъ.— Вотъ уже три недѣли, какъ мы имѣемъ удовольствіе ежедневно бывать на даровыхъ представленіяхъ. Сегодня въ полночь закончится у нихъ постъ и наступитъ праздникъ.

Мы вышли на площадь, и передъ нами неожиданно развернулась поразительная картина. Обширная площадь, посрединѣ которой возвышался башенный дворецъ эмира съ двумя заржавленными пушками на подъѣздѣ, была вся запружена народомъ. Бритоголовые граждане Бухарскаго ханства оглашали ночной воздухъ дикими криками, топтались какъ бараны на одномъ мѣстѣ и никому не давали прохода. Время отъ времени толпа мальчишекъ съ зажженными факелами бѣгала взадъ и впередъ по площади, выкрикивая непонятныя слова. У каждаго бухарца имѣлся фонарь. Множество огоньковъ, сливаясь вмѣстѣ, волшебными красками освѣщали площадь и толпу. Въ общемъ получалась картина грандіозная и таинственная. Эта тихая майская ночь, эта блуждающая съ бумажными фонарями азіатская толпа, эти пестрые халаты, чалмы, смуглыя лица, этотъ шумный говоръ тысячи голосовъ и эти рѣзкія, безумныя взвизгиванія мальчишекъ дѣйствовали на свѣжаго человѣка ошеломляющимъ образомъ.

— Что здѣсь происходитъ?—спросилъ я у Калмыкова.

— Развѣ вы не видите? Постъ провожаютъ, а въ полночь они будутъ праздникъ встрѣчать. Вонъ и луна показалась. Сейчасъ начнется преинтересное зрѣлище.

Луна дѣйствительно показалась. Медленно поднималась она изъ-за

стѣны городской крѣпости, и блѣднымъ свѣтомъ озарила площадь, дворецъ и толпу. Появленіе луны было встрѣчено бухарцами пронзительными воплями. Они съ мольбой протягивали къ мѣсяцу руки, точно прося его сойти на землю, и безчисленное множество разъ повторяли имя Бога. Но луна и не думала спускаться на землю; напротивъ, она все дальше и дальше уходила въ глубь темно-синихъ небесъ.

— Смотрите, смотрите сюда!—вдругъ ухватилъ меня за рукавъ Калмыковъ, указывая на громадную толпу, съ пѣснями и барабаннымъ боемъ двигавшуюся по направленію къ Шарабудинскимъ воротамъ. Толпа вела кого-то, но кого—нельзя было разглядѣть.

— Что это?—обратился я къ своему спутнику.

— Это преинтересная штука: толпа ведетъ въ Шарабудинъ осужденнаго на смертную казнь преступника.

— Для чего же его ведутъ въ Шарабудинъ?

— Для помилованія. Завтра эмиръ въ честь праздника всенародно объявитъ свое помилованіе. Впрочемъ, вы же будете съ нами на праздникѣ, тогда увидите, какой процедурой будетъ сопровождаться помилованіе.

— Такъ что осужденный, котораго ведутъ, знаетъ уже сейчасъ, что его ждетъ завтра?

— Конечно, знаетъ.

— А для чего это въ барабаны бьютъ и пѣсни распѣваютъ?

— Это родственники и друзья осужденнаго восхваляютъ милосердіе своего эмира.

Я еще хотѣлъ что-то спросить, но въ это время мое вниманіе было отвлечено слѣдующимъ зрѣлищемъ. Недалеко отъ насъ человѣкъ двѣсти, собравшись въ тѣсный кружокъ, выдѣлывали какія-то невозможно-дикія вещи. Они срывали съ себя чалмы, кулаками били себя въ грудь, падали на землю, царапали себѣ лица и такъ кричали, что ихъ вопль заглушалъ барабанный бой и шумъ многотысячной толпы. Сначала я было подумалъ, что бухарцы дерутся между собой, но, вглядѣвшись повнимательнѣе, я понялъ, что здѣсь происходитъ нѣчто другое. Никогда еще мнѣ не приходилось наблюдать ничего подобнаго. Передо мною бѣсновалась озвѣрѣвшая толпа. Вокругъ этой толпы горѣли жестянки съ кунжутнымъ масломъ. Пламя горящаго масла поднималось вверхъ, точно огненныя змѣи, извивалось въ ночномъ воздухѣ и ярко озаряло толпу бичевавшихъ себя людей. Жутко было смотрѣть на все происходившее и страшно становилось за людей. Охваченные безумнымъ фанатизмомъ, эти несчастные сами не вѣдали, что творили. Тамъ были старики и юноши. У многихъ лица были въ крови. Полуобнаженные, они вертѣлись, пищали, рвали на себѣ одежду и не переставали кричать ни на минуту.

— Уйдемте, пока насъ еще не замѣтили,—услыхалъ я тревожный шопотъ Калмыкова.—Мы наткнулись на гусейнистовъ. Это фанатики, поклонники святого Гусейна.

— Что же они дѣлаютъ?—невольно понизивъ голосъ до шопота, спросилъ я.

— Они бичуютъ себя и этимъ какъ бы выгоняютъ свои грѣхи. Уйдемте. Не дай Богъ, если они насъ увидятъ,—убьютъ...

Нечего и говорить, что я не заставилъ себя долго просить и послѣдовалъ за пріятелемъ.

Черезъ полчаса мы уже были дома.

На другой день, чуть только стало свѣтать, мы съ Калмыковымъ сѣли на лошадей и отправились въ Шарабудинъ. Все населеніе Бухары было уже на ногахъ. Городъ имѣлъ праздничный видъ. Всѣ лавки были закрыты, а улицы чисто выметены. Бухарцы въ шелковыхъ халатахъ и бѣлоснѣжныхъ чалмахъ сплошной массой двигались по улицамъ, направляясь, какъ и мы, въ Шарабудинъ. Всѣ они сидѣли верхомъ—кто на лошадяхъ, кто на ослахъ; пѣшихъ совсѣмъ не видно было. За городомъ оживленіе было еще болѣе сильное. Со всѣхъ сторонъ стекались всадники, разодѣтые по-праздничному. Даже лошади и ослы были разукрашены стеклярусомъ и другими блестящими бездѣлушками.

Когда мы выѣхали изъ городскихъ воротъ, солнце только что взошло. Въ прозрачномъ утреннемъ воздухѣ чувствовалась прохлада. Косые лучи взошедшаго солнца золотыми полосами упали на обширныя бухарскія поля. Миновавъ некрасивыя мусульманскія кладбища, окруженныя безчисленными скелетообразными карагачами, мы въѣхали въ широкую тутовую аллею и невольно залюбовались чудной картиной среднеазіатской природы. На блѣдно-зеленыхъ зубчатыхъ листьяхъ гигантскихъ деревъ сверкали крупныя капли росы. Колоссальныя шапки тутовиковъ были густо унизаны кремовыми ягодами, похожими на малину, но посуше и безъ аромата. Издали можно было подумать, что деревья унизаны крупнымъ, дорогимъ жемчугомъ. По обѣимъ сторонамъ дороги виднѣлись гранатовыя рощи. Оттуда утренній вѣтерокъ приносилъ тонкій легкій ароматъ. Мы ѣхали молча и съ любопытствомъ оглядывали обширную окрестность Бухары, которая теперь была полна жизни и движенія. Всѣ дороги и всѣ тропинки были запружены всадниками въ пестрыхъ халатахъ. Изъ Чарджуя, изъ далекой Керки, изъ Термесса, изъ всѣхъ дальнихъ и близкихъ угловъ Бухарскаго ханства стекался народъ на великій праздникъ, въ надеждѣ узрѣть своего эмира.

Какъ рано мы ни выѣхали изъ дому, однако къ въѣзду эмира въ Шарабудинъ мы опоздали: онъ уже былъ въ лѣтнемъ дворцѣ и совершалъ свой утренній намазъ. Наскоро привязавъ своихъ лошадей къ дереву, мы пѣшкомъ черезъ паркъ отправились къ дворцу, который ко-

кетливо выглядывалъ изъ-за густой зелени деревъ. Зубчатыя башни, выкрашенныя въ зеленую краску, золотые карнизы и разноцвѣтныя ступени широкой лѣстницы придавали дворцу красивый видъ.

Намъ удалось захватить мѣсто почти у самаго входа дворца; тамъ мы утвердились, рѣшивъ не уходить отсюда, пока не увидимъ эмира. Толпа между тѣмъ все росла и множилась. Обширная поляна передъ дворцомъ была переполнена народомъ. Настроеніе было праздничное. Слышался веселый говоръ, смѣхъ и шутки. Мальчишки, точно бѣлки, забрались на деревья и оттуда во всѣ глаза смотрѣли на то, что происходило внизу.

Вдругъ среди общаго веселья раздался изъ глубины парка рѣзкій трубный звукъ, и толпа заволновалась.

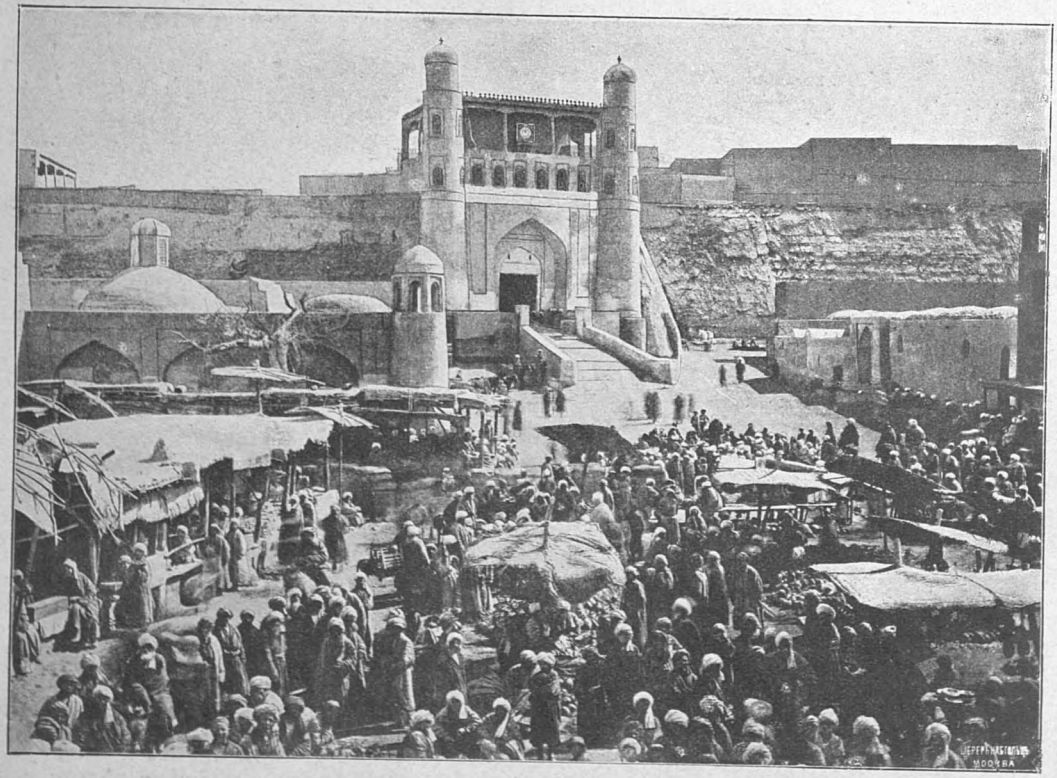
— Сейчасъ начнется представленіе,—шепнулъ мнѣ на ухо Калмыковъ.

— Какое представленіе?

— Помилованіе осужденнаго. Въ прошломъ году то же самое происходило.

Не успѣлъ еще Калмыковъ кончить, какъ изъ парка показался сѣдобородый старикъ въ бѣломъ халатѣ! Толпа моментально раздвинулась на двѣ части и дала старику дорогу. То былъ придворный скороходъ. Положивъ сжатые кулаки на грудь и согнувшись въ дугу, старикъ съ необычайной быстротой забѣгалъ по полянѣ.

— Кэтъ, кэтъ (сторонитесь)!—задыхающимся голосомъ выкрикивалъ скороходъ, и толпа покорно сторонилась. Черные глаза старика горѣли, какъ раскаленные угли; борода чуть ли не до пояса пышнымъ вѣеромъ покрывала обнаженную грудь. Но вотъ старикъ остановился, и въ ту же минуту изъ-за деревъ парка показалась процессія. Толпа таджиковъ, одѣтыхъ въ бѣлые халаты, съ громкимъ воемъ и плачемъ медленно подвигалась впередъ. Въ серединѣ этихъ плакальщиковъ, еле передвигая ноги, шелъ осужденный преступникъ, молодой рослый таджикъ съ круглой черной бородкой. На немъ вмѣсто халата была надѣта длинная бѣлая рубаха. Онъ шелъ босикомъ, съ обнаженной бритой головой. Преступникъ шелъ не одинъ: его вели подъ руки два палача въ красныхъ чалмахъ. На широкихъ красныхъ поясахъ палачей висѣли длинные ножи. Осужденнаго подвели къ самому дворцу и поставили на колѣни. Онъ сталъ молиться и плакать. Палачи тѣмъ временемъ точили о голенища своихъ сапогъ широкія стальныя лезвія ножей; становилось не на шутку страшно. Толпа притихла. Съ замираніемъ сердца слѣдилъ я за всѣмъ происходившимъ, не понимая, въ чемъ дѣло. Но вотъ наступила грозная минута. Одинъ изъ палачей подошелъ къ осужденному, закинулъ ему голову назадъ, крѣпко захватилъ ее обоими колѣнями и подобралъ бороду преступника такъ, что шея совершенно обнаружилась. Тогда съ ножомъ въ рукахъ подошелъ другой палачъ и прокричалъ надъ головой



Базаръ въ Бухарѣ.

осужденнаго: «Сечка чельда!» (смерть идетъ). Едва онъ это сказалъ, какъ воздухъ огласился барабаннымъ боемъ, трубными звуками и громкимъ плачемъ таджиковъ въ бѣлыхъ халатахъ. Палачъ, не обращая вниманія на поднявшійся шумъ и вой, протянулъ ножъ впередъ и предварительно провелъ имъ черту надъ самой шеей преступника. Казалось, еще мгновеніе—и голова несчастнаго отлетитъ прочь отъ туловища. Но въ это время широкія двери дворца невидимой рукой раскрылись, на каменную площадку упалъ большой персидскій коверъ и показался эмиръ, окруженный пышной, богатой свитой. Появленіе эмира вышло въ высшей степени эффектнымъ. Золотая чалма эмира горѣла драгоцѣнными камнями. Изъ-подъ этой чалмы рельефно вырисовывалось красивое смуглое лицо хана съ черными жгучими глазами. Наступила мертвая тишина. Толпа замерла въ нѣмомъ благоговѣніи.

Эмиръ сдѣлалъ плавный жестъ рукой и мягкимъ груднымъ голосомъ сказалъ:

— Во имя Магомета, дарую жизнь рабу своему.

Проговоривъ это, эмиръ скрылся. Освобожденный преступникъ доползъ на колѣняхъ до площадки и нѣсколько разъ поцѣловалъ то мѣсто ковра, на которомъ стоялъ эмиръ. Затѣмъ онъ всталъ на ноги, низко и многократно поклонился народу и тихо заплакалъ слезами радости. Богатые таджики сейчасъ же окружили его со всѣхъ сторонъ и наперерывъ стали приглашать его къ себѣ въ гости.

Ночь совсѣмъ уже спустилась на землю, когда мы выѣхали изъ Шарабудина. На темномъ небѣ ярко горѣли звѣзды. На обширной равнинѣ вырисовывались силуэты всадниковъ, возвращавшихся домой, въ свои кишлаки. Было тихо, только временами вѣтеръ шелестилъ листвой да иногда слышно было, какъ сочилась вода изъ арыковъ.

Сарты.

(Изъ И. Гейера и Б. Тагѣева).

Сарты составляютъ преобладающее населеніе осѣдлыхъ пунктовъ Туркестана, за исключеніемъ, впрочемъ, Хивинскаго ханства. Въ наукѣ еще не рѣшенъ вопросъ о происхожденіи сартовъ, изъ всѣхъ объясненій наиболѣе вѣроятнымъ надо считать догадку, что племя это произошло отъ смѣшенія таджиковъ съ завоевателями-узбеками. Сартъ очень строенъ, имѣетъ нѣсколько смуглый цвѣтъ кожи, большіе выразительные глаза; овальное лицо сарта покрыто густой растительностью, ростъ средній, зубы ровные и бѣлые. Тѣмъ не менѣе фигура таджика изящнѣе сарта, и въ то время, какъ характерной особенностью перваго является большее различіе между отдѣльными личностями, вторые утратили эту разницу и очень часто походятъ другъ на друга.

Сарта нельзя упрекнуть въ особенной приверженности къ постоянному и настойчивому труду. Онъ не раздѣляетъ мнѣнія, что хлѣбъ человѣка долженъ добываться въ потѣ лица, и весьма склоненъ при первой, даже ничтожной возможности мѣнять атрибуты земледѣльца на аршинъ и безмѣнъ. Благопріятныя климатическія условія облегчаютъ ему жизнь, а наслѣдственное легкомысліе родителя-кочевника миритъ его съ примитивными удобствами жизни, поэтому и работаетъ онъ столько, сколько это необходимо для того, чтобы вести лишь сносное существованіе. Такая основная черта характера въ значительной мѣрѣ отражается на качествахъ рабочаго. Тамъ предлагаютъ свой трудъ въ рабочее время лишь тѣ, кто вынужденъ на это крайностью, и бросаютъ работу вслѣдъ за заработкомъ перваго рубля, удаляясь либо домой, либо въ ближайшую «чайхану», гдѣ покупаютъ себѣ копеечный комфортъ и разстаются съ нимъ не раньше, какъ опустошивъ свой карманъ. Вслѣдствіе этого серьезныя сооруженія, какъ, напримѣръ, желѣзная дорога, должны запасаться рабочими либо въ Персіи, либо въ предѣлахъ Европейской Россіи. Почти каждый житель имѣетъ клочокъ земли, который при удивительномъ плодородіи почвы и системѣ искусственнаго орошенія съ избыткомъ покрываетъ нехитрыя потребности сарта—отъ уплаты податей до куска пестрой матеріи на халатъ и чайника чаю, до котораго они большіе охотники. Но если сартъ не обладаетъ склонностью напряженно проявлять силу своихъ мышцъ въ ручномъ трудѣ, то онъ зато очень энергиченъ на поприщѣ торговомъ. Для каждаго сарта идеаломъ жизненнаго благополучія является торговля, и къ ней обращается онъ при первой возможности. Скопивъ пару рублей, онъ тотчасъ же пускаетъ ихъ въ оборотъ, превращаясь либо въ торговца фруктами, либо въ старьевщика, продаетъ такую дрянь, которая, по понятіямъ европейца, никогда не могла бы стать предметомъ торга. Такъ какъ при этомъ онъ мирится съ самою мизерною прибылью, то въ этой сферѣ онъ завоевалъ себѣ первенствующее положеніе и держитъ въ своихъ рукахъ всю мелкую торговлю, тѣсня кончурентовъ всѣхъ націй, за исключеніемъ армянъ. Несмотря, однако, на коммерческія способности, къ сложнымъ торговымъ операціямъ сартъ еще не подготовленъ, и здѣсь онъ сталкивается съ бухарскимъ евреемъ—королемъ мануфактурнаго, а отчасти и хлопковаго рынковъ.

Ремесла, какъ занятія, не требующія особаго напряженія мышцъ и производящіяся не подъ жгучими лучами солнца, также привлекаютъ къ себѣ значительное число сартовъ. Эти промыслы имѣютъ цеховую организацію, которая напоминаетъ таковую же среднихъ вѣковъ Европы.

Ремесленники располагаются по улицамъ, отдѣльно по цехамъ: мѣдники, кузнецы, ножевщики, токари, сѣдельники, портные, сапожники и т. д. Каждый цехъ имѣетъ своего старосту и свои особые обычаи, свято

соблюдаемые. Членъ цеха подчиняется товариществу, которое для исправленія уклонившихся отъ правильнаго пути прибѣгаетъ къ офиціальнымъ исправительнымъ мѣрамъ въ видѣ наложенія запрещенія на заработокъ провинившагося. Мастеръ каждаго ремесла называется «уста» и при работѣ всегда окруженъ подмастерьями, до минимума облегчающими его трудъ. Такъ, напримѣръ, каменщикъ ждетъ, пока его подручный не положитъ глину на мѣсто будущаго кирпича, и т. п. Обладая достаточно развитой смѣткой, ремесленникъ-сартъ скоро перенимаетъ чужіе пріемы работы, и въ настоящее время есть много мастеровъ, особенно слесарей, столяровъ и жестянниковъ, удовлетворяющихъ спросу европейцевъ и изготовляющихъ вещи, совершенно неизвѣстныя въ обиходѣ туземцевъ. Работа ихъ, правда, не отличается чистотою отдѣлки и очень груба, но за послѣднее время стала улучшаться.

Знатный таджикъ.

Въ обработкѣ земли сартъ очень искусенъ, хотя и уступаетъ во многомъ таджику. Поля его тщательно разбиты и обработаны и напоминаютъ собою огородъ русскаго крестьянина. Они не отличаются значительной величиной, но содержатся въ образцовомъ порядкѣ, что не такъ-то легко, если принять во вниманіе зависимость воздѣлки отъ искусственнаго орошенія, при которомъ мало вспахать поле и держать его въ чистотѣ отъ сорныхъ травъ, но и надо такъ выровнять поверхность, чтобы каждая точка его была доступна для воды, съ экономіей отпускаемой изъ общаго оросительнаго канала.

Предпочитая покой труду, сартъ старается возможно удобнѣе обставить мѣсто отдыха. Поэтому на полѣ его всегда есть группа деревьевъ,

въ тѣни которыхъ расчищается небольшая площадка, непремѣнно на берегу оросительнаго канала или канальца (арыка), нерѣдко обсаженная цвѣтами,—любимые изъ нихъ бальзамины, васильки,—и покрытая у бѣдняка камышевыми плетенками, а у болѣе или менѣе зажиточныхъ—войлокомъ. Невдалекѣ устраивается очагъ для варки пищи и чая, который пьютъ всѣ безъ исключенія и въ большомъ количествѣ; на протекающемъ арыкѣ нерѣдко ставится водяное игрушечное колесо, приводящее въ движеніе игрушечную толчею, подъ монотонные звуки которой дремлетъ первобытный сибаритъ, а иногда тутъ же прилаженъ и вѣеръ, обвѣвающій въ полуденный жаръ своего счастливаго хозяина.

Не менѣе искусны сарты и въ садоводствѣ, хотя плодовыя деревья, исключая виноградъ и персики, не отличаются разнообразіемъ, а тѣмъ болѣе качествомъ фруктовъ. Яблоки (альпа) и груши (пашвиты) представляютъ собой товаръ самаго низкаго качества. Однако, благодаря переимчивости, сарты скоро признали превосходство европейскихъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ и не замедлили перенести культуру въ ихъ собственные сады.

Жилище сартовъ, какъ и остальныхъ осѣдлыхъ туземцевъ, отличается примитивною простотою устройства. На фундаментѣ изъ булыжника, часто едва углубленномъ въ землю, или изъ кирпичной кладки, устанавливается деревянная рама, по угламъ которой вдалбливаютъ стойки. Пространство между краеугольными стойками, съ промежутками до $^3/_4$ аршина, забирается наискось поставленными болѣе или менѣе толстыми жердями, концы которыхъ также вдалбливаются въ нижнюю и верхнюю рамы. Поперечными перемычками ограничиваются проемы для дверей и для оконъ. Такая основа жилья называется каркасомъ, и, чтобы обратить ее въ сплошныя стѣны, всѣ промежутки между жердями, стойками и рамами закладываются комьями высушеннаго на солнцѣ лёсса, который предварительно вымѣшиваютъ, пользуясь землею двора и водою протекающаго черезъ дворъ арыка. Закладка каркаса ведется на густомъ растворѣ того же лёсса. При такомъ способѣ кладки стѣны имѣютъ очень неровную поверхность, которая сглаживается штукатуркою стѣнъ тѣмъ же густымъ растворомъ лёсса, но замѣшаннаго на пшеничной мякинѣ и продолжительное время перебродившаго въ ямѣ. Стѣны штукатурятся съ обѣихъ сторонъ, при чемъ внутренняя сторона ихъ у болѣе богатыхъ домовладѣльцевъ поверхъ глиняной штукатурки покрывается еще и алебастровой. Потолокъ и крыша устраиваются также просто. На верхнюю раму довольно густо укладываютъ нетолстыя балки, а въ пролеты между ними плотно укладываются строганыя палочки. Поверхъ палочекъ разстилаются камышевыя плетенки, а на нихъ кладется слой камыша, до $^1/_2$ аршина; камышъ засыпается землею, которая смазывается тѣмъ же перебродившимъ растворомъ лёсса съ мякиной. Благодаря химическимъ

процессамъ, сопровождающимъ броженіе, смазка пріобрѣтаетъ особенныя качества водонепроницаемости, и крыши, подобнымъ образомъ устроенныя, не протекаютъ даже и во время осеннихъ и весеннихъ дождей, если, конечно, смазка сдѣлана добросовѣстно и ежегодно ремонтируется. Двери выходятъ во дворъ. Комнаты располагаются въ одинъ рядъ, и не болѣе двухъ-трехъ изъ нихъ связано внутренними дверями. Большею же частью каждая комната имѣетъ свою дверь, выходящую на общую крытую террасу. Какъ бы ни былъ бѣденъ хозяинъ, жилье его устроено такъ, что мужская половина тщательно отдѣлена отъ женской; тамъ имѣются такія же, въ одинъ рядъ расположенныя комнаты, выходящія на террасу. Внутреннее убранство комнатъ не блещетъ особою роскошью. Глиняный полъ устланъ цыновками, поверхъ которыхъ у бѣдняка лежитъ кошма, а у богача—коверъ. Въ срединѣ комнаты устроено квадратное углубленіе, глубина котораго $^1/_4$ аршина. Все оно выложено жженымъ кирпичомъ квадратной формы и замѣняетъ собою печь. Въ него кладутъ горячіе древесные угли, а сверху устанавливаютъ низкій табуретъ, который покрываютъ большимъ ватнымъ одѣяломъ. Всѣ желающіе погрѣться усаживаются вокругъ табурета, просовывая ноги подъ одѣяло. На табуретъ ставится чайникъ или тарелки съ пищею; тогда онъ замѣняетъ обѣденный столъ. Ночью обитатели такихъ домовъ спятъ вокругъ такой печи, располагаясь по радіусамъ и держа все туловище подъ покрывающимъ табуретъ одѣяломъ. При такой системѣ отопленія выходитъ очень мало топлива, но, съ другой стороны, въ подобномъ жильѣ парализуется свобода движеній, такъ какъ холодъ всѣхъ приковываетъ къ печи; во-вторыхъ, живущіе въ немъ страдаютъ ревматизмомъ и, въ-третьихъ, не рѣдки случаи угара.

Кромѣ табурета, покрывающаго печь, и одного-двухъ сундуковъ съ домашнимъ скарбомъ, въ комнатѣ нѣтъ другой мебели, но зато по стѣнамъ лежатъ сложенныя одѣяла, число которыхъ прямо пропорціонально зажиточности хозяина. Въ нишахъ, несмотря на тонкость стѣнъ, дѣлаемыхъ въ каждомъ простѣнкѣ, стоятъ посуда, мѣдные чеканные кувшины (кунганы), такія же блюда, лежатъ книги и т. п.

Во дворѣ располагаются такой же постройки конюшни и чуланы для склада разныхъ хозяйственныхъ запасовъ. Иногда дома строятся въ два этажа, при чемъ система построекъ остается все та же. Какъ раньше сказано, на улицу окна дѣлаютъ очень рѣдко. Здѣсь оставляется только дверь во дворикъ, черезъ которую ходятъ люди и проводятъ домашнихъ животныхъ; экипажъ же (арба) большею частью оставляется на улицѣ. При описанной архитектурѣ улицы сартовскихъ городовъ и кишлаковъ производятъ впечатлѣніе нескончаемо длинныхъ и узкихъ глиняныхъ коридоровъ, черезъ стѣны которыхъ то тамъ, то здѣсь простираютъ къ свѣту свои вѣтви раскидистыя деревья.

По обѣимъ сторонамъ улицы бѣгутъ ручьи оросительной воды, давая или принимая рукава въ каждый отдѣльный дворъ. Въ центрѣ города или кишлака находится базаръ. Это—сравнительно небольшая площадь, съ четырехъ сторонъ обставленная такими же домами, съ тою только разницею, что въ каждомъ изъ нихъ помѣщается лавка. По конструкціи своей лавки эти скорѣе напоминаютъ раздѣленные на клѣтки навѣсы, такъ какъ передняя стѣна ихъ состоитъ изъ вертикально поставленныхъ досокъ, на день вынимающихся изъ своихъ пазовъ. Вся лавка наполнена товаромъ, и въ ней можетъ повернуться лишь самъ хозяинъ. Покупатель обыкновенно сидитъ на порогѣ и разсматриваетъ товаръ, который раскидываетъ передъ нимъ торговецъ на войлокѣ, выстилающемъ полъ. Передъ лавками обыкновенно тянется общій навѣсъ (айванъ), а если базаръ располагается не на площади, а на улицѣ, то надъ нею устраивается общая крыша, и получается нѣчто въ родѣ пассажа. Такъ же устраиваются и мастерскія туземныхъ кустарей. Такимъ образомъ каждый изъ нихъ работаетъ на виду у всѣхъ. Конечно, кромѣ базарной площади или улицы, лавки бываютъ и въ другихъ частяхъ кишлака или города.

Необходимою принадлежностью каждаго населеннаго пункта сартской осѣдлости является чайная, «чай-хане». Чайная устраивается такъ же, какъ и лавки, т.-е. въ видѣ навѣсовъ, открытыхъ на улицу. Полъ ихъ устланъ войлокомъ и, смотря по обширности заведенія, въ немъ устроена одна, двѣ, три и даже четыре печи. Отъ улицы чайную отдѣляетъ узкая терраска. Небольшой уголъ занятъ особою печкою, въ которой имѣются угли и стоятъ чайники съ завареннымъ чаемъ. Кипятокъ получается изъ большого самовара, стоящаго рядомъ съ печкою. Около же печи часто врывается въ землю огромныхъ размѣровъ глиняный сосудъ, куда наливается арычная вода, гдѣ она и отстаивается. Если позволяетъ мѣсто, передъ чай-ханою ставятся двѣ-три огромныхъ квадратныхъ кровати, также устланныхъ войлокомъ, на которыхъ посѣтители располагаются лѣтомъ. Чайникъ чая, вмѣстимостью въ три стакана, стоитъ 2 коп. Чай—зеленый (кокъ-чай). Обыкновенно посѣтителю подается чайникъ, чашка—въ родѣ маленькой полоскательницы на ножкѣ, подносъ съ горстью изюма и одна пшеничная лепешка. За изюмъ и лепешку плата особая. По желанію въ чай-хане можно заказать и любое туземное мясное кушанье. Въ обыкновенные дни посѣтителями чай-хане являются проѣзжіе. По вечерамъ же каждая чайная обращается въ клубъ, гдѣ собираются компаніи и весело проводятъ время, занимаясь разсказами, пѣніемъ и пляскою.

Въ большихъ кишлакахъ и въ городахъ, кромѣ чайныхъ, существуютъ и харчевни, гдѣ можно получить порцію плова, пельменей, пирожковъ, шашлыка и т. п. Къ услугамъ обоихъ заведеній прибѣгаютъ нерѣдко и европейцы.

Одежда сарта отличается простотою покроя и относительною дешевизною. Она состоитъ изъ длинной, ниже колѣнъ рубахи, сшитой большею частью изъ мѣстной бумажной ткани, такихъ же штановъ, болѣе или менѣе широкихъ и заправленныхъ въ чулки (ичиги) изъ козьей или бараньей кожи, хорошо выдѣланной, имѣющей видъ средняго качества шагрени; поверхъ ичиговъ надѣваются кожаныя калоши, которыя оставляются на террасѣ при входѣ въ комнату, мечеть, лавку, чай-хану и т. п. Въ таліи рубаха опоясана поясомъ изъ яркаго ситца, въ нѣсколько аршинъ длиною. Эта принадлежность костюма служитъ въ одно и то же время поясомъ и набрюшникомъ—весьма полезною защитою отъ той сырости, которая развивается отъ частой поливки земли. Поверхъ рубахи надѣвается одинъ, два и болѣе халатовъ, сообразно средствамъ ихъ обладателя; халаты изготовляются изъ московскихъ ситцевъ съ яркою окраскою; у болѣе богатыхъ — изъ полушелковой ткани, а у вкусившихъ европейской цивилизаціи—изъ тонкаго сукна или трико скромныхъ темныхъ цвѣтовъ. Бритую голову покрываетъ тюбетейка, либо вязаная изъ бумажной пряжи, либо сшитая изъ цвѣтной шелковой или полушелковой ткани, расшитой красивымъ узоромъ разноцвѣтными шелками или бумагой. Сверху еще накладывается чалма изъ кисеи, большею частью бѣлая.

Богатый сартъ.

Костюмъ женщины также простъ. Длинная до щиколотковъ рубаха, смотря по достатку, изъ маты, ситца или полушелка, такіе же штаны, заправленные въ тѣ же кожаные чулки, сверху рубахи цвѣтной бешметъ. Волосы заплетены въ нѣсколько косъ, къ которымъ привѣшиваются украшенія изъ шелковыхъ кистей и серебряныхъ привѣсокъ. Волосы всегда должны быть покрыты платкомъ; отсутствіе его считается неприличіемъ и даже грѣхомъ, особенно въ томъ случаѣ, если непокрытая платкомъ женщина находится въ комнатѣ, гдѣ лежитъ коранъ.

При выходѣ на улицу, по мусульманскому этикету, всю эту пестроту женщина прячетъ подъ особымъ, длиннымъ, почти до земли волочащимся сѣрымъ халатомъ (фараджа), надѣтымъ въ накидку поверхъ головы, съ которой на лицо спускается густая сѣтка изъ конскаго волоса; рукава халата заброшены на спину, очень длинны и сшиты вмѣстѣ у нижняго края халата. Такое одѣяніе скрываетъ отъ прохожаго не только лицо женщины, но и складъ ея фигуры, и она производитъ впечатлѣніе неуклюжей муміи, безмолвно скользящей по улицѣ. У незамужнихъ женщинъ лицо закрывается густой кисеей. Въ дѣтскомъ возрастѣ дѣвочки ходятъ не закрытыми, и ребятишки обоего пола цѣлый день проводятъ на улицахъ, что очень оживляетъ послѣднія.

Домашняя жизнь сартовъ сосредоточивается въ двухъ строго разграниченныхъ половинахъ: мужской и женской, весьма рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Мужчины ведутъ полеводство, если они земледѣльцы, торгуютъ, работаютъ въ мастерскихъ, т.-е. проводятъ большую часть дня внѣ дома и получаютъ массу разнообразныхъ впечатлѣній отъ широкаго общенія другъ съ другомъ. Женщины же, наоборотъ, весь день сидятъ на своей половинѣ и занимаются рукодѣліемъ, изготовленіемъ пищи, сушкою фруктовъ. На полевыя работы онѣ допускаются только для сбора хлопка. Все нужное имъ приноситъ мужская прислуга, и только для покупокъ мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ онѣ ходятъ сами. Гостей своихъ мужей онѣ не видятъ и развлекаются только посѣщеніемъ такихъ же затворницъ. Такой образъ жизни, при существованіи многоженства, создалъ страсть къ сплетнямъ и развилъ любопытство до крайнихъ предѣловъ. Онъ же является причиною частыхъ ссоръ между скучающими женами правовѣрнаго. Авторитетъ старшей жены нѣсколько дисциплинируетъ ея младшихъ подругъ, но онѣ очень часто выходятъ изъ повиновенія, и мелкая интрига почти всегда чувствуется въ женской половинѣ. Замкнутая жизнь женщины—большая преграда для проникновенія цивилизаціи въ среду сартовъ, и она же является причиною того, что въ мѣстной литературѣ нѣтъ до сихъ поръ беллетристическихъ произведеній, изображающихъ семейный бытъ.

Чистоплотность у сартовъ условная. Они дѣлаютъ нѣсколько разъ въ день омовенія, передъ ѣдой и приготовленіемъ пищи моютъ руки; женщины разъ въ недѣлю моютъ волосы, ходятъ въ баню, бѣлье же моютъ очень рѣдко и, не стѣсняясь, обтираютъ объ него руки во время ѣды и работы. Бѣдныя женщины совсѣмъ не моютъ бѣлья и носятъ его до тѣхъ поръ, пока оно истлѣетъ на тѣлѣ. Возобновленіе одежды производится два раза въ годъ: передъ праздниками Рамазанъ и Курбань, въ это время даже и бѣдняки дѣлаютъ себѣ обновки. Въ случаяхъ крайней бѣдности, не позволяющей сшить новую рубаху, къ рукавамъ старой пришиваются надставки изъ новаго ситца. При всемъ этомъ сартянки не чу-

жды кокетства и часто прибѣгаютъ къ косметикамъ,—конечно, не парикмахерскимъ, а домашнимъ. Такъ, напримѣръ, красятъ брови, ногти и т. п.

Сарты исповѣдуютъ мусульманскую религію суннитскаго толка. Въ основаніи ея лежитъ коранъ, который провозглашаетъ слѣдующіе основные догматы:

1) Единобожіе; 2) Магометъ высшій и послѣдній пророкъ; 3) коранъ высшее и послѣднее откровеніе Бога людямъ; 4) Богъ управляетъ міромъ и судьбою человѣка; 5) воскресеніе изъ мертвыхъ и страшный судъ; 6) спасеніе есть удѣлъ однихъ правовѣрныхъ, и 7) рай есть удѣлъ праведниковъ, а адъ—грѣшниковъ. Кромѣ догматовъ религіи, коранъ заключаетъ въ себѣ и юридическій кодексъ, примѣненія къ которому собраны въ особыхъ книгахъ шаріата, опредѣляющаго поступки мусульманина въ разныхъ случаяхъ жизни.

Сартянка.

Хранителемъ религіи у сартовъ является духовенство. Каждый грамотный имѣетъ право на избраніе и носитъ названіе муллы, т.-е. учителя, а будучи выбранъ на духовную должность, называется имамомъ. При каждой мечети состоятъ: имамъ и азанчи (призывающій на молитву); изъ нихъ состоитъ причтъ.

Приготовленіе къ званію муллы начинается съ ранняго возраста. Лѣтъ десяти мальчикъ сартъ поступаетъ въ школу, гдѣ учится сначала чтенію и письму, а затѣмъ постепенно переходитъ къ изученію молитвъ. Обыкновенно при каждой мечети имѣется школа, въ которой собираются мальчики. Мирза или мулла, обучающій ихъ, не щадитъ ни ушей, ни рукъ мальчиковъ, немилосердно дергая или ударяя по нимъ длинной палкой. Необыкновенно терпѣливо переносятъ ученики побои своего учителя и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ аккуратно посѣщаютъ школу. Но вотъ уже мальчикъ достигъ шестнадцатилѣтняго возраста, и ему предоставляется право поступить въ медрессе. Здѣсь его ожидаетъ уже болѣе широкая работа. Онъ изучаетъ ариѳметику, богословіе и философію. Его знакомятъ даже съ астрономіей и древней мудростью. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимается такой студентъ въ своемъ медрессе подъ руководствомъ опытныхъ и мудрѣйшихъ изъ муллъ. Если во

время лекцій войти въ большое обыкновенно двухъэтажное зданіе медрессе, можно видѣть слѣдующую картину: въ одномъ изъ обширныхъ помѣщеній, въ кружокъ на полу, поджавъ подъ себя ноги, сидятъ до сорока чисто одѣтыхъ юношей студентовъ. У каждаго въ рукахъ открытая книга богословія; обыкновенно полный, съ окладистою сѣдой бородой, сартъ-мулла читаетъ священное писаніе и толкуетъ слушателямъ ученіе пророка. Послѣ окончанія лекціи всѣ ученики, проговоривъ: «Алла-Акбаръ!» встаютъ и расходятся, за исключеніемъ тѣхъ, которые не могли отвѣтить на вопросы учителя. Они остаются для новой бесѣды.

Жизнь муллы такъ же своеобразна, какъ и его наружность. Не рѣдкость встрѣтить муллу молодого съ густою, черною, тщательно расчесанною бородою и сѣдого старика, одѣтаго лѣтомъ въ бѣлоснѣжную рубашку и халатъ (зимою халатъ пестрый шелковый); на головѣ у него красиво навернута бѣлая чалма. Утромъ, лишь только первый лучъ восходящаго солнца окраситъ пурпуровымъ свѣтомъ бѣгущія облака, дежурный мулла идетъ на возвышеніе и призываетъ на молитву жителей. Вдали ему вторитъ другой крикъ, и муллы, перекликаясь такимъ образомъ, начинаютъ свой день. Въ промежутокъ между молитвенными часами они или сидятъ у воротъ мечети, или идутъ навѣстить своихъ коллегъ въ другихъ мечетяхъ. Въ еженедѣльный праздникъ Джумма, совпадающій съ нашей пятницею, мулла, какъ каждый мусульманинъ, стрижетъ свои ногти и бреется, при чемъ ногти тщательно завертываетъ въ бумажку и суетъ куда-нибудь въ щель дома,—этотъ обычай соблюдается среди всего туземнаго населенія. Во время мѣсячнаго поста—уразы—у него особенно много дѣла. Тогда вся жизнь туземца—ночью. Днемъ онъ не можетъ не только ѣсть, но и пить воду; съ заходомъ солнца всѣ собираются въ мечети и послѣ долгой службы ѣдятъ особое кушанье изъ взбитыхъ бѣлковъ, пьютъ чай и ѣдятъ пловъ. Мулла же въ продолженіе всего поста не вкушаетъ совершенно мяса.

Погребеніе, отчитыванья больныхъ и разныя лѣченія также производятся духовными, и туземцы безгранично вѣрятъ въ цѣлительную силу отчитыванія муллы. Проживъ въ благочестіи много лѣтъ и умеревъ въ глубокой старости, мулла причисляется къ лику святыхъ и надъ могилой его ставится памятникъ, около котораго высится огромный шестъ, на верхнемъ концѣ котораго болтается конскій хвостъ.

Нѣкоторые муллы еще при жизни своей за благочестивые подвиги признаются святыми и носятъ названіе хазретовъ.

Населеніе Туркестанскаго края особенно заботится о благосостояніи своихъ мечетей. Въ каждомъ, самомъ даже незначительномъ, кишлакѣ всегда встрѣтите вы чистенькую мечеть, рѣзко выдѣляющуюся среди убогихъ туземныхъ построекъ; при мечети всегда фруктовый садъ и ку-

пальня. Около калитки въ немолитвенное время вамъ бросается въ глаза сидящій тузѣмецъ, въ чистомъ халатѣ и бѣлоснѣжной, красиво намотанной чалмѣ, и вы безъ ошибки узнаете въ немъ муллу. Въ болѣе крупныхъ кишлакахъ и туземныхъ городахъ почти въ каждомъ кварталѣ встрѣчаются мечети, которыя поражаютъ васъ своею красотою, чистотою и оригинальностью архитектуры. Миновавъ ворота, вы вступате на довольно большой чистый дворъ, и вашимъ глазамъ представляется тѣнистый садъ, среди котораго возвышаются столѣтніе карагачи (дерево, считающееся у туземцевъ святымъ), манящіе утомленнаго путника въ свою прохладную тѣнь. Обыкновенно среди такого сада поставлена мечеть. Устройство мечети довольно просто. Это большое четырехугольное зданіе, покрытое плоской крышей. Половина его занята жилымъ помѣщеніемъ для служащихъ, а другая часть представляетъ собою мѣсто для молитвы «правовѣрныхъ». Это какъ бы крутая галлерея или терраса, поддерживаемая нѣсколькими карагачевыми столбами и огороженная деревянной рѣшеткой ажурной работы. Полъ весь застланъ коврами, а потолокъ и стѣны разукрашены фантастическими узорами всевозможныхъ цвѣтовъ и искусно сдѣланными лѣпными украшеніями. На стѣнахъ, среди такихъ же узоровъ, красуются надписи, представляющія собою разныя изреченія изъ корана. Тутъ же сдѣлана небольшая комнатка, гдѣ мулла молится за народъ и гдѣ хранятся святыни мечети и коранъ. Недалеко отъ мечети возвышаются башни, откуда муэдзинъ четыре раза въ день призываетъ народъ къ молитвѣ. Оборотившись къ востоку лицомъ и приставя растопыренные пальцы къ ушамъ своимъ, онъ громко поетъ свою молитву: «Алла-Акбаръ, Алла»... Одинъ за другимъ тянутся богомольные туземцы и собираются около мечети. Ни болтовни, ни смѣха не слышно въ это время, всѣ чинно ожидаютъ начала молитвы. Но вотъ мулла входитъ въ мечеть, и всѣ, снявъ туфли, слѣдуютъ за нимъ. Мулла зажигаетъ свѣчу, какъ по командѣ всѣ молящіеся становятся на колѣни, падаютъ ницъ и снова встаютъ, внимая чтенію корана. Но вотъ молитва окончена, и всѣ снова безъ болтовни, соблюдая полную тишину, расходятся по домамъ, оставивъ въ мечети свою лепту.

Множество туземцевъ, умирая, завѣщали въ пользу разныхъ мечетей свое имущество или деньги; это вызвало необходимость учредить при мечетяхъ особую администрацію. Еще въ очень древнія времена при каждой мечети одинъ изъ муллъ избирался какъ бы завѣдующимъ хозяйствомъ мечети и назывался мутеваліемъ; кромѣ того, онъ обязанъ поддерживать всѣ святыни и платить въ казну налоги.

Многія изъ мечетей и принадлежащія имъ земли были освобождены ханами отъ податей совершенно, и такія земли назывались вакуфами. Нѣкоторые вакуфы имѣютъ по нѣскольку тысячъ тамановъ земли (5 та-

мановъ—десятина) и занимаютъ собою иногда цѣлыя волости. Конечно, мутевалiи отъ такихъ вакуфовъ сильно наживались, и русское правительство установило надъ ними контроль; теперь они утверждаются въ должность съ вѣдома начальника уѣзда. Чудную картину представляютъ собою нѣкоторые вакуфы: громадные сады, поля и великолѣпный скотъ невольно останавливаютъ взглядъ проѣзжающаго, и на вопросъ: чья это земля? всегда получается отвѣтъ: вакуфа.

Дервишъ.

Нерѣдко на базарахъ, особенно въ базарные дни, попадаются цѣлыя вереницы туземцевъ, одѣтыхъ въ пестрые, сшитые изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ халаты, въ высокихъ пестрыхъ коническихъ шапкахъ, опушенныхъ снизу бараньимъ мѣхомъ, съ длиннымъ посохомъ въ рукѣ и мѣшкомъ за спиною. Это дуваны, т.-е. дервиши, члены какого-нибудь монастыря. Они, преимущественно въ большіе праздники, ходятъ по базарамъ, и старшій изъ нихъ поетъ молитвы, а другіе послѣ каждаго перерыва подпѣваютъ хоромъ: «Алла-Иль-Алла». Каждый, даже самый бѣдный, мусульманинъ подаетъ странствующей братіи, такимъ образомъ собирающей въ пользу своей обители большія суммы, на которыя возникаютъ новыя мечети или поддерживаются и украшаются уже существующія.

Между послѣдователями ислама фанатиковъ немного; они встрѣчаются въ болѣе отдаленныхъ пунктахъ, изолированныхъ отъ русскаго населенія. Нѣкоторые изъ нихъ или удалились куда-нибудь въ

горы, гдѣ нашли себѣ пріютъ въ одной изъ многочисленныхъ пещеръ, которыми изобилуютъ горы Туркестанскаго края, или поселились гдѣ-нибудь въ необитаемой степи, гдѣ изъ глины и камня сложили себѣ убогое жилище. Эти отшельники проводятъ свои дни въ молитвѣ, питаясь однимъ хлѣбомъ и фруктами, которые приносятъ имъ благочестивые мусульмане, приходящіе за благословеніемъ. Въ рубищѣ, босой, съ непокрытою головою, иногда въ веригахъ, съ изможденнымъ лицомъ, попадается гдѣ-нибудь въ степи такой отшельникъ и производитъ впечатлѣніе сумасшедшаго. Встрѣтя путника, онъ обыкновенно начинаетъ махать руками, сопровождая жесты какими-то громкими восклицаніями. Туземцы подаютъ ему милостыню, и онъ читаетъ надъ ними напутственныя молитвы. Совсѣмъ противоположное происходитъ при встрѣчѣ такого аскета съ русскими: онъ начинаетъ дрожать, взглядъ его загорается какимъ-то зловѣщимъ огнемъ, и въ бѣшеномъ порывѣ самаго дикаго фанатизма онъ съ пѣною у рта произноситъ, хрипя и задыхаясь, свои проклятія. Но такіе фанатики рѣдки, и число ихъ съ каждымъ годомъ становится все незначительнѣе.

Самаркандъ.

(А. Краснова.)

Изъ всѣхъ городовъ Средней Азіи Самаркандъ производитъ самое сильное впечатлѣніе: нигдѣ русская культура не сдѣлала столько успѣховъ, нигдѣ не чувствуется она такъ сильно, какъ въ Самаркандѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ жизнь осѣдлыхъ народностей Средней Азіи не выступаетъ съ такою рельефностью и полнотою, какъ опять-таки въ Самаркандѣ, гдѣ она не стѣснена новыми порядками, гдѣ она не подлаживается подъ русскій образецъ, но бьетъ въ глаза своею оригинальностью. Два города—старый азіатскій и новый русскій,—слившись въ одно цѣлое, образовали нѣчто до крайности своеобразное. Соединившись другъ съ другомъ, они, однако, не измѣнили своихъ основныхъ чертъ и индивидуальныхъ отличій; соединеніе это не только ихъ не обезличило, но, напротивъ, послуживъ для взаимнаго развитія, дало возможность еще рѣзче выразиться тѣмъ контрастамъ и противоположностямъ между западомъ и востокомъ, которые здѣсь мирно уживаются другъ съ другомъ. Въ древнемъ городѣ все еще дышитъ азіатской самобытностью. Куда ни повернете голову, всюду вы видите колонны и синіе купола многочисленныхъ мечетей и медрессе; съ каждой изъ этихъ мечетей и медрессе связаны свои преданія, и видомъ своимъ онѣ свидѣтельствуютъ о глубокой древности. Если въ ясный день смотрѣть на городъ съ возвышенія, то вездѣ, куда только хватитъ глазъ, среди низенькихъ четырехугольниковъ земляныхъ построекъ современнаго города

видны колоссальныя мозаично-изразцовыя колонны, развалины сводовъ, арокъ, куполы мечетей или полуобсыпавшіяся стѣны громадныхъ построекъ медрессе. Вотъ въ зелени деревьевъ недавно разведеннаго русскими сада тонетъ небольшая постройка желто-бураго цвѣта, украшенная пестрыми изразцами: это святыня города—гробница Тимура, или Темура, какъ произносятъ это имя здѣшніе магометане.

Откуда бы вы ни смотрѣли на городъ, три медрессе, Ширдаръ, Итилякаръ и Хаи, будутъ всегда играть главную роль въ пейзажѣ. Обращенныя фасадами другъ къ другу, эти колоссальныя строенія образуютъ большую четырехугольную площадь. Высотою превосходя наши шестиэтажныя зданія, съ громадными мозаичными колоннами по бокамъ, выложенными бѣлыми, синими и желтыми изразцами, колоссальныя арки этихъ строеній производятъ необыкновенный эффектъ своею грандіозностью и пестротою, такъ хорошо гармонирующими съ голубымъ небомъ и пестрою толпою, съ утра до ночи толкущеюся на площадяхъ. Невольно пожалѣешь, что никто до сихъ поръ не реставрируетъ обсыпающіеся карнизы, не пополнитъ испорченные рисунки мозаикъ.

Только здѣсь, подъ этимъ вѣчно голубымъ небомъ, среди этого сухого и теплаго воздуха, можетъ такъ кипѣть жизнь, какъ мы это видимъ на площадяхъ Самарканда. Вездѣ на сѣверѣ, въ сѣверномъ Туркестанѣ, даже отчасти и въ Ташкентѣ, вы видите въ костюмахъ тѣ неопредѣленные унылые цвѣта, къ которымъ такъ привыкаетъ глазъ въ городахъ Европы. Между тѣмъ въ Самаркандѣ, этомъ центрѣ шелководства, шелковыя матеріи всевозможныхъ цвѣтовъ и рисунковъ, но всѣ яркія и эффектныя, являются преобладающей частью костюма. Сартъ, этотъ прирожденный хвастунъ и франтъ, въ Самаркандѣ довелъ свое искусство одѣваться до послѣдней степени совершенства. Самаркандъ въ отношеніи костюмовъ можно назвать средне-азіатскимъ Парижемъ, а его улицы и площади—живыми модными картинками. Способъ завязыванія чалмы, безъ которой не выходитъ на улицу ни одинъ порядочный человѣкъ, самый рисунокъ этой чалмы, фасонъ сапоговъ и халата, даже цвѣтъ халата—все здѣсь измѣнчиво, и за всѣмъ зорко слѣдятъ глаза тысячи праздныхъ торговцевъ, которые сидятъ въ лавчонкахъ или за уличными прилавками не столько для того, чтобы продать на нѣсколько грошей своего немногочисленнаго товара, сколько ради того, чтобы посмотрѣть на костюмы гуляющихъ и вдвоемъ съ товарищемъ или съ покупателемъ за чашкой зеленаго чаю поболтать, покритиковать костюмы или жесты проходящихъ.

Площадь — это мѣсто времяпровожденія большинства обезпеченныхъ жителей города. Чего-чего только не насмотришься на такой площади! Вотъ кучка народа, съ напряженнымъ вниманіемъ глядя въ одно мѣсто, сидитъ на корточкахъ. Здѣсь происходитъ бой перепеловъ, люби-

мая азартная игра сартовъ. Двухъ птицъ ставятъ другъ противъ друга, заставляя смотрѣть другъ другу въ глаза. Когда птицы достаточно разгорячатся, ихъ пускаютъ другъ на друга и держатъ пари, кто останется побѣдителемъ. Тутъ же, черезъ нѣсколько шаговъ, отчаянно размахивая руками, говоритъ энергичную проповѣдь противъ азартныхъ игръ проповѣдникъ. Его слушаютъ внимательно и даже благоговѣйно, хоромъ поддерживаютъ въ патетическихъ мѣстахъ рѣчи или умиляясь произносятъ: «Эхудай ни Алали». Но стоитъ ему кончить рѣчь,—и слушатели сами примутъ немедленно же участіе въ игрѣ.

Мѣнялы въ Самаркандѣ.

Но если здѣсь, на обыкновенной площади, халаты зеленые, красные, золотые, чалмы желтыя и полосатыя до того пестрятъ, что рябитъ въ глазахъ, и не знаешь, на чемъ остановиться, то можно себѣ представить, что должно быть на настоящей базарной! Тутъ уже совершенная каша. Въ самую многолюдную ярмарку врядъ ли можно увидѣть то, что совершается здѣсь каждый день. Люди здѣсь перемѣшаны съ ослами и набиты такъ тѣсно, что совершенно недоумѣваешь, какъ можно протискаться, не рискуя получить ударъ ногою отъ какого-нибудь ослика или лошадки. Говоръ безчисленнаго множества людей покрывается концертомъ ишаковъ, а глаза разбѣгаются на пестрыхъ товарахъ, поражающихъ своимъ разнообразіемъ. Вотъ круглое зданіе съ крестообразно раздѣляющими его проходами, это бывшій невольничій рынокъ. Теперь

здѣсь торгуютъ всевозможными мѣхами, тюбетейками, бирюзою, настоящей и поддѣльной, и разною мелочью. Неподалеку отсюда помѣщается лавка съ халатами. Какъ у французскихъ модистокъ, вы найдете здѣсь халаты самыхъ модныхъ фасоновъ подъ вычурными названіями. Вотъ халатъ «мулла»—сѣрый, полосатый, шелковый съ серебристымъ отливомъ; его принято носить только солиднымъ пожилымъ особамъ; вотъ черно-желтый или зеленый халатъ съ тонкими черными полосками и короткими рукавами. Его носитъ теперь вся самаркандская молодежь—это костюмъ фатовъ и франтоватыхъ юношей. Вотъ халаты въ родѣ ризы священника—образцовый халатъ бухарскаго покроя. Въ Самаркандѣ такихъ уже не носятъ; это мода бухарская, и по ней вы всегда узнаете человѣка, прибывшаго изъ Бухары или вернувшагося оттуда изъ гостей. Халаты знатныхъ бековъ, на мѣху и опушенные бобромъ, цѣнятся дорого и не носятся простолюдинами. При этихъ халатахъ всегда надѣвается шапочка съ мѣховой опушкой.

Рядомъ съ матеріями въ москательныхъ лавкахъ вы найдете цѣлый рядъ сартовскихъ спецій и лѣкарствъ и возбуждающихъ приправъ къ чаю. Съ ихъ помощью можно усилить кровообращеніе, поднять температуру тѣла, сдѣлаться оживленнымъ и интереснымъ и т. п. До нихъ сарты большіе охотники. Еще большіе охотники они до гашиша. Этотъ послѣдній здѣсь не только курится, но также входитъ въ составъ разнообразныхъ вареній и леденцовъ, угостившись которыми, можно довести себя до различныхъ степеней одурманенія, начиная отъ веселости и истерическаго хохота до чудовищныхъ видѣній.

Желающій покупать въ сартовскихъ лавкахъ долженъ запастись значительною долею терпѣнія. Сартъ страшно любитъ торговаться и запрашивать невозможныя цѣны за товары. Не столько надежда выторговать лишнюю копейку, сколько самый процессъ торговли кажется для него привлекательнымъ, и вы не можете доставить ему большаго наслажденія, какъ просидѣвъ въ его лавкѣ за чаемъ нѣсколько лишнихъ минутъ.

Ходя по лавкамъ Самарканда, я много разъ вспоминалъ анекдотъ, случающійся со всякимъ нашимъ путешественникомъ, который, подобно всѣмъ пріѣхавшимъ изъ Россіи, тяготится вначалѣ этимъ длиннымъ процессомъ торговли и немедленно уходитъ изъ лавки, какъ только запросятъ несообразную цѣну. «Постой, тюря,—кричитъ ему вслѣдъ торговецъ:—спрошу сорокъ, а возьму двадцать, только не сейчасъ, а прежде поговоримъ»; и дѣйствительно черезъ четверть часа отдаетъ товаръ за сходную цѣну.

Сартовскія лавки имѣютъ большое сходство по внѣшнему виду съ нашими лавками толкучаго рынка, только онѣ гораздо меньше по объему и разнообразію содержанія. Мелочной товаръ и галантерейныя

вещи, свѣчи, урюкъ, кишмишъ и др. сушеные плоды значительно преобладаютъ надъ остальнымъ.

Большую роль играетъ въ городѣ улица, сплошь состоящая изъ кузницъ, въ которыхъ полунагіе рабочіе съ шумомъ и грохотомъ съ утра до вечера куютъ различныя вещи, особенно же много такъ называемыхъ сартовскихъ подковъ, легкихъ подковообразныхъ пластинокъ, которыя, будучи гораздо тоньше нашихъ, при мягкомъ лессовомъ грунтѣ гораздо удобнѣе для лошадей, чѣмъ русскія.

Что это за шумъ слышится на улицѣ? Это идетъ цѣлая вереница нищихъ, которые однообразнымъ голосомъ просятъ подаянія. Эти обходы совершаются довольно часто. Еще чаще вы видите мальчиковъ, которые, ходя съ погремушками, пріятнымъ голосомъ и отбивая ногою тактъ, поютъ стихи духовнаго содержанія, собирая вокругъ себя толпы народа.

Унылый, протяжный звукъ, въ родѣ звука нашего петербургскаго фабричнаго гудка, извѣщаетъ народъ, что хамамъ, т.-е. публичныя бани, уже натоплены. За исключеніемъ особыхъ дней, когда моются женщины, онѣ всегда доступны для публики. Самаркандскія бани однѣ изъ самыхъ чистыхъ и лучшихъ въ краѣ, если не считать ташкентскихъ. Это рядъ полутемныхъ комнатъ со сводообразными потолками. Изъ просторной раздѣвальной, завернувшись обязательно простынею и надѣвъ особый халатъ, вы идете въ полупрохладную пріемную съ сидѣньями, гдѣ можно дѣлать холодныя омовенія или совершать мытье ногъ. Слѣдующая часть бань—это рядъ звѣздообразно расположенныхъ комнатъ, также со сводообразными потолками, обладающихъ температурою болѣе высокою. Здѣсь васъ встрѣчаютъ банщики, которые путемъ массажа умѣютъ такъ укрѣпить усталые члены, что изъ бани выходишь освѣженнымъ, совершенно новымъ человѣкомъ, несмотря на то, что васъ мяли и колотили самымъ безцеремоннымъ образомъ. По выходѣ изъ бани вамъ немедленно предлагаютъ чай, виноградъ, если это осень, различные плоды и неизмѣнные въ Средней Азіи изюмъ, фисташки и урюкъ. Если вы охотникъ поболтать и знаете туземный языкъ, то можете здѣсь прохлаждаться сколько угодно, что и дѣлаютъ многіе изъ гражданъ Самарканда, пока крикъ муэдзина не призоветъ ихъ къ молитвѣ.

Таковъ древній туземный городъ, такова жизнь въ его узкихъ и тѣсныхъ улицахъ, набитыхъ народомъ, столь узкихъ, что если ѣдетъ русскій экипажъ, то туземныя двухколесныя арбы, съ колесами болѣе сажени въ діаметрѣ, не будучи въ состояніи дать дороги, принуждены сворачивать въ первый попавшійся переулокъ. Улицы эти, состоящія изъ однихъ голыхъ, желто-бурыхъ невысокихъ стѣнъ и заборовъ, мало интересны, такъ какъ вся жизнь перенесена на базаръ, на площадь, гдѣ и живетъ сартовскій людъ, приходя домой только ночевать или на-

вѣстить женъ, которыя то и дѣло попадаются на улицахъ съ лицами, затянутыми темною матеріей. Стыдливо отворачиваясь, онѣ жмутся къ забору, если случайно ихъ застигнутъ съ открытыми лицами въ пустынной улицѣ. Онѣ выдѣляются своею быстрой походкой, равно какъ и евреи, въ большомъ количествѣ шмыгающіе тамъ и тутъ по улицамъ. Евреи одѣты здѣсь въ халаты, какъ и сарты. Но длинные черные локоны даютъ сразу возможность отличить этого «кафыря» невѣрнаго отъ правовѣрнаго, бритая голова котораго скрывается подъ благородною чалмой.

Рѣзкій контрастъ съ суетливымъ и тѣснымъ сартовскимъ городомъ, гдѣ бьющая ключомъ жизнь и знать ничего не хочетъ о неизбѣжности смерти, о которой ей постоянно напоминаютъ разваливающіеся остатки старины, представляетъ русская часть Самарканда. Это чинный богатый европеецъ, важный тюря, сознающій свое положеніе среди азіатовъ. Дѣйствительно, русскій Самаркандъ не имѣетъ въ себѣ рѣшительно ничего изъ того, что связано обыкновенно съ понятіемъ о русскомъ губернскомъ городѣ. Дома чистенькіе, бѣленькіе, какъ игрушечки, едва видны изъ-подъ густой сѣни деревьевъ, самыхъ колоссальныхъ, самыхъ разнообразныхъ. Вязы обыкновенные и пробковые, айлантусы и уксусныя деревья, ясени и всевозможные тополи, начиная отъ длинныхъ, какъ башня минарета, и кончая развѣсистыми серебристыми тополями, перемѣшиваются съ бегоніями и другими деревьями юга, которыя всѣми силами и не безъ успѣха стараются здѣсь акклиматизировать.

Но вся прелесть этихъ улицъ, усаженныхъ деревьями, блѣднѣетъ, когда въѣдешь на новый, усыпанный пескомъ, городской бульваръ, содержимый въ удивительномъ порядкѣ и чистотѣ. Это—длиною ровно въ версту, прямая какъ струнка аллея изъ колоссальныхъ, одна къ одной подобранныхъ, круглыхъ какъ шаръ, бѣлыхъ акацій, прелестная зелень которыхъ необыкновенно гармонируетъ съ темной и густой зеленью посаженныхъ справа и слѣва аллей изъ массивныхъ пробковыхъ вязовъ.

Просто не вѣрится, что эти колоссальныя деревья аллей, что постоянно попадающіеся скверы и сады съ разнообразнѣйшими породами деревъ и кустарниковъ, съ чисто содержимыми дорожками, мраморными спусками и вазами, сады, занимающіе въ городѣ по многу десятинъ, были созданы въ короткое время нашего владычества. Диву даешься, наблюдая эту чистоту и порядокъ, эту поражающую массу зелени, эти привѣтливые домики, этихъ полисменовъ изъ туземцевъ въ оригинальной туземной формѣ и при шашкѣ, любезно отвѣчающихъ на ваши разспросы.

Памятники Самарканда.

(Е. Маркова.)

Улицы, лавки, базарная толпа туземнаго Самарканда не представляютъ собою ничего новаго для того, кто былъ въ Бухарѣ, Ташкентѣ, Коканѣ, Маргеланѣ. Куда ни глянешь, вездѣ слишкомъ знакомые типы, картины и сцены. Въ Самаркандѣ къ тому же нѣтъ тѣхъ громадныхъ крытыхъ базаровъ, которыми славятся другіе большіе города Туркестана и въ которыхъ обыкновенно сосредоточиваются самыя характерныя черты жизни средне-азіатскаго города. Но когда вы вползете въ своей извозчичьей коляскѣ изъ зеленыхъ садовъ русскаго города черезъ узкую и грязноватую базарную улицу въ самое нутро туземнаго города и очутитесь среди четырехугольной площади, кишащей чалмами и халатами, вы сразу поймете, почему городъ Тимура пользуется такою давнею и повсемѣстной славой. Вы въ Ригистанѣ—сердцѣ Самарканда. Тутъ кругомъ главныя святыни его, его слава, его ученость, его богатство; на этой царственной площади объявлялись народу милость и кара жестокаго властителя; производились всенародныя казни, провозглашалась война, сообщались вѣсти о побѣдахъ и пораженіяхъ, шумными пиршествами и ликованіями праздновались счастливыя событія ханства. И до сихъ поръ Ригистанъ сохранилъ въ нѣкоторой степени это значеніе широкой народной трибуны, гдѣ самодѣльные ораторы, богословы и политики не перестаютъ по-своему поучать народъ, жаждущій новостей всякаго рода, и гдѣ вѣсти изъ самыхъ далекихъ угловъ Азіи распространяются бродячими дервишами и смѣлыми торгашами быстрѣе всякихъ телеграфовъ и телефоновъ.

Посреди площади—могильный камень какого-то хазрета (святого), увѣнчанный знаменами и, очевидно, глубоко чтимый. Вокругъ него суевѣрные наѣздники степей, туркмены, узбеки, киргизы, обводятъ по три раза своихъ больныхъ лошадей, чтобы получить исцѣленіе ихъ молитвами святого, вѣроятно, тоже одного изъ древнихъ наѣзниковъ степей, положившаго душу свою на защиту ислама.

Съ трехъ сторонъ Ригистана поднимаются чудные колоссы древнихъ медрессе. Въ срединѣ «Золотая мечеть»—«Тилла-Кари», налѣво отъ нея—«Ширъ-Даръ» и направо—мечеть «Улугъ-Бегъ». Всѣ онѣ какъ будто одинаковы и размѣрами, и архитектурнымъ стилемъ своимъ, и отдѣлкой подробностей. Но всмотритесь ближе, и вы поразитесь изумительнымъ разнообразіемъ частностей, своеобразностью художественнаго замысла каждой изъ нихъ.

Тилла-Кари сохранилась лучше всѣхъ изъ нихъ и, кажется, всегда была самая богатая, самая красивая. Колоссальная стѣна, словно цѣликомъ вылитая изъ пестраго голубого фарфора, поднимается надъ вашей

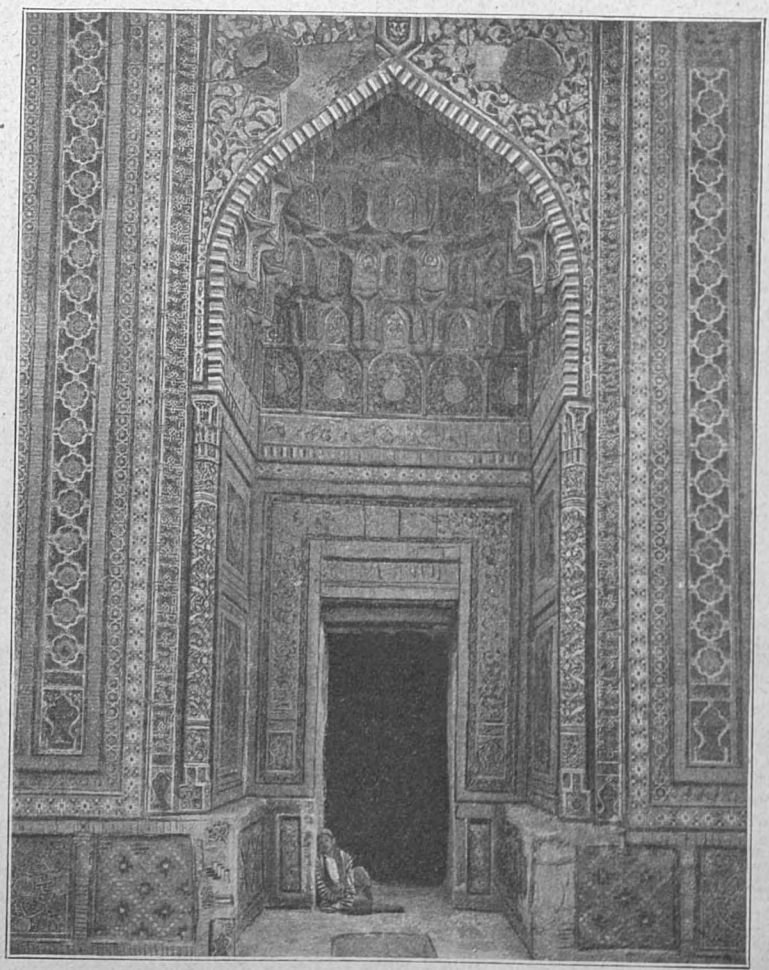
головой, образуя въ своей серединѣ такой же громадный альковъ чудной формы—гигантскія сомкнутыя ворота. Это такъ называемый «пикъ-ташъ», характерная и вездѣ здѣсь господствующая форма арабо-персидской архитектуры.

Этотъ сверкающій альковъ въ свою очередь весь въ маленькихъ альковчикахъ и нишахъ. Изящныя колонки, легко, будто затѣйливо сплетенные шнурки, взбѣгаютъ по угламъ стѣны, по очертаніямъ алькововъ до граненыхъ карнизовъ, опоясывающихъ вершину стѣны. А съ обѣихъ сторонъ ея поднимаются высоко въ синее небо такіе же пестро-голубые, такіе же ослѣпительно сверкающіе своими фаянсовыми изразцами острые круглые минареты. Минареты эти выложены вплоть до самыхъ фарфоровыхъ куполовъ голубыми, синими, желтоватыми и зеленоватыми фарфоровыми изразцами, а круглыя шейки ихъ обмотаны тройною строкою корана, такъ же писанною темно-синимъ фарфоромъ.

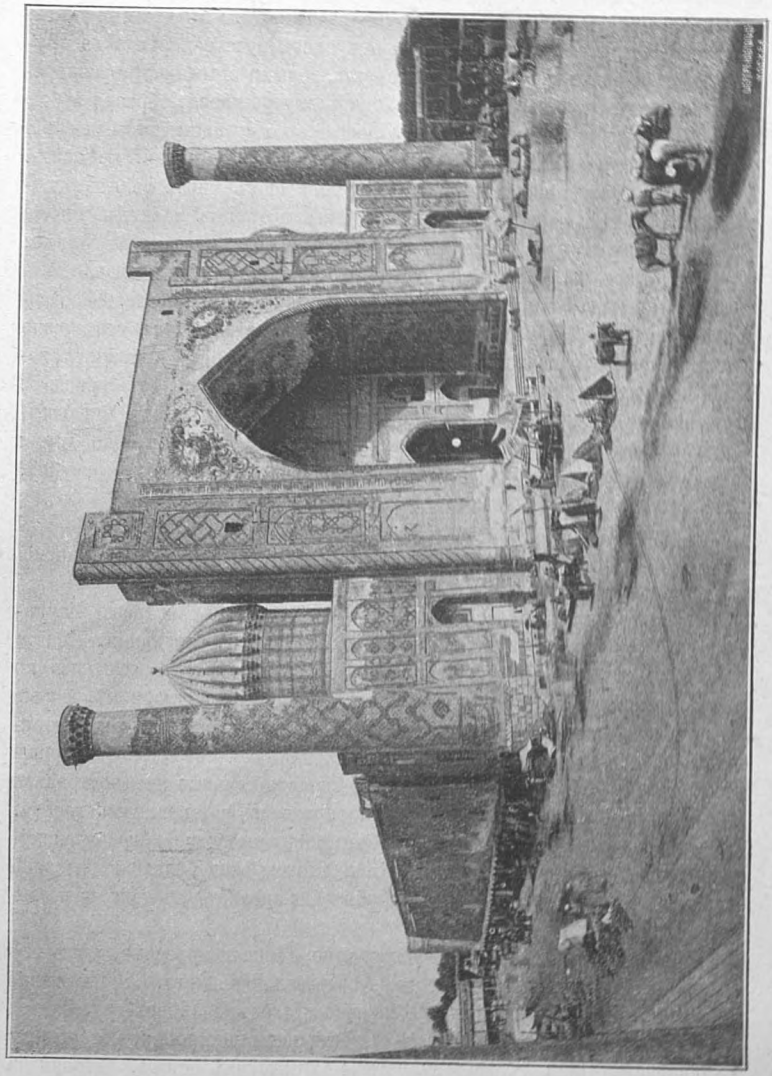
И медрессе Тилла-Кари, и Ширъ-Даръ, и Улугъ-Бегъ, всѣ кажутся фарфоровыми. Каждая башенка минарета, каждый поясъ стѣны имѣютъ свой особый замысловатый узоръ, безпрестанно мѣняющійся, которымъ не налюбуется очарованный глазъ.

Сверкающіе изразцы, которыми одѣты знаменитыя самаркандскія медрессе, приготовлялись въ Персіи персидскими мастерами, которые во множествѣ выписывались сюда Тимуромъ и его преемниками, строителями этихъ медрессе. Какъ-то несмѣло входитъ непривычный человѣкъ подъ величественную арку этихъ колоссальныхъ воротъ алькова. Маленькія дверочки, которыхъ сначала даже не замѣчаешь среди пестраго убранства «пикъ-таша», ведутъ васъ внутрь двора, просторнаго какъ пустыня. Тамъ тишина монастыря. Да это и есть мусульманскій монастырь. Четыре великолѣпные пикъ-таша, стѣны—альковы, безмолвными громадами поднимаются со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, одѣтые въ тѣ же сплошныя сверкающія брони изъ голубой и синей фаянсовой глазури, какъ и наружный фасадъ медрессе, и увѣнчанныя вздутыми какъ дыни и какъ дыни рубчатыми куполами голубой эмали. Только альковы ихъ много глубже наружнаго. Внутри лѣваго алькова—мечеть. Мечеть всегда полна тишины и благоговѣнія. Молящіеся стоятъ неподвижно на своихъ мѣстахъ, какъ бы передъ лицомъ незримаго Бога, безшумно вздымая руки горѣ, безшумно простираясь ницъ по направленію священной для нихъ Каабы. Никто не позволяетъ себѣ оглядываться на сосѣдей, никто не смѣетъ произнести слова, помимо словъ молитвы. Ковры и войлоки, покрывающіе обыкновенно полъ мечети, и трогательный обычай мусульманъ снимать съ ногъ грязную обувь передъ входомъ въ мечеть еще болѣе усиливаютъ впечатлѣніе благоговѣйной тишины.

Въ самаркандскомъ медрессе обучаются софты—будущіе муллы, ко-



Входъ въ мечеть.



Медрессе Ширъ-Даръ.

торые и живутъ при медрессе. На каждыхъ двухъ софтъ полагается отдѣльная комната съ кухонкой. Такихъ комнатъ въ Улугъ-Бегѣ 24. Эти келіи мусульманскихъ богослововъ расположены въ два этажа, занимая собою всю окружность двора отъ одной мечети портала до другой. Ихъ дверочки и окошечки съ оригинальными ставенками, разукрашенныя восточною рѣзьбою, всѣ выходятъ внутрь двора, образуя собою какъ бы двухъярусную круговую галлерею, а со стороны улицъ высятся только сплошныя, фаянсомъ одѣтыя стѣны, недоступныя, какъ крѣпость. На уютныхъ балкончикахъ въ амбразурѣ окошекъ мирно сидятъ, поджавъ ноги, отдыхающіе софты въ красныхъ и бѣлыхъ чалмахъ, многіе уже съ длинными и даже сѣдыми бородами, какъ подобаетъ истому муллѣ.

Ширъ-Даръ и Улугъ-Бегъ устроены внутри приблизительно такъ же, какъ и Тилла-Кари. «Ширъ-Даръ» значитъ «носящая льва». Дѣйствительно, надъ аркою главнаго портала въ верхнихъ углахъ его можно замѣтить не особенно искусныя изображенія голубыми и желтыми изразцами персидскаго льва и солнца. Ширъ-Даръ, пожалуй, еще красивѣе Тилла-Кари, потому что главный фасадъ его, кромѣ двухъ чудныхъ, словно выточенныхъ изъ фарфора минаретовъ, увѣнчанъ еще двумя голубыми эмалевыми куполами самаго типическаго восточнаго рисунка. Медрессе Улугъ-Бегъ—самое древнее изъ трехъ.

Минареты Улугъ-Бега какъ будто покривились на сторону. Но жители увѣряютъ, что это обманъ глазъ, вызываемый тѣмъ, что одна стѣна сдѣлана прямо, а другая наклонной.

Всѣ три великія медрессе Ригистана, и болѣе всѣхъ медрессе Улугъ-Бегъ, въ большомъ запустѣніи и даже отчасти въ разрушеніи. Мечети обнажены отъ всякихъ украшеній, глазуревые изразцы осыпались во множествѣ, внутри двора даже цѣлыми сплошными стѣнами; нѣкоторые минареты наполовину обрушились. Но все-таки въ общемъ эти историческія зданія до сихъ поръ вполнѣ сохраняютъ и свой архитектурный стиль, и свою оригинальную прелесть. Гораздо сильнѣе ихъ пострадали постройки временъ Тимура, очутившіяся теперь на окраинахъ города. Вѣнцомъ мусульманскихъ храмовъ Средней Азіи нужно признать полуразвалившееся теперь медрессе Биби-Ханымъ на большой базарной площади, черезъ которую въѣзжаютъ въ Самаркандъ изъ такъ называемыхъ Бухарскихъ воротъ.

Биби-Ханымъ было много пространнѣе, выше и красивѣе, чѣмъ всѣ медрессе Ригистана. Это видно даже по развалинамъ его. Землетрясеніе раскололо громадное зданіе на нѣсколько кусковъ, и теперь громоздятся среди праха, будто отдѣльныя самостоятельныя постройки, совершенно разобщенные другъ съ другомъ четыре гигантскихъ остова. Устояли на ногахъ только самыя массивныя части зданія. Промежуточныя части и остальные минареты обратились теперь въ прахъ. Впрочемъ и то, что

еще стоитъ, грозитъ неминуемымъ паденіемъ. Чудные купола голубой эмали въ видѣ дыни, съ такими же выпуклыми округленными ребрами, теперь наполовину раскрыты. Минареты оборваны и обглоданы со всѣхъ сторонъ, изъ-подъ спавшей съ нихъ драгоцѣнной мозаики краснѣетъ обнаженная кирпичная кладка, тонкая и искусная. Изъ кирпичной кладки торчатъ задѣланныя въ ней бревна, поддерживавшія прежде тяжелую броню глазури.

Уцѣлѣвшія стѣны зданія уже взялись глубокими трещинами, пронизывающими ихъ съ макушки до пятокъ, и настолько всѣ разсѣлись, что страшно приблизиться къ нимъ. Вскинешь глаза кверху, и инстинктивно отскочишь въ сторону, потому что какъ разъ надъ головою вашею виситъ прямо въ воздухѣ ничѣмъ уже болѣе не подпертый обломокъ верхней стѣны, пока еще скрѣпляемый съ остальною постройкой закаменѣвшимъ цементомъ, но ожидающій перваго хорошаго толчка, чтобы сорваться внизъ...

Въ иныхъ мѣстахъ вмѣсто этой кирпичной кладки повисла косякомъ въ воздухѣ цѣлая роскошная панель изъ голубыхъ и зеленыхъ мозаикъ. Придите сюда черезъ мѣсяцъ, черезъ недѣлю, и уже, пожалуй, не увидите ея больше. Эта фаянсовая мозаика отстаетъ отъ расшатанныхъ кирпичныхъ стѣнъ, какъ обои отъ отсырѣвшей штукатурки. Особенно тонка и изящна художественная плетеница этихъ зелено-голубыхъ арабесковъ на стѣнахъ минаретовъ. Среди сплошной пестроты стѣнъ вставлены другъ надъ другомъ скрижали съ знаменательными надписями, изящныя рамки, окаймляющія собою мозаиковый узоръ другого стиля и колера.

Недалеко отъ главнаго входа въ медрессе, среди пустыря, заваленнаго обломками, стоитъ огромный массивный столъ изъ бѣлаго мрамора, верхняя доска котораго образуетъ какъ бы двѣ страницы громадной раскрытой книги. Это такъ называемый «рааль»—столъ для чтенія корана, неизбѣжная принадлежность всякой мечети. Подъ этотъ низенькій столъ, утвержденный на десяти короткихъ и толстыхъ мраморныхъ ножкахъ, вѣрующіе мусульмане пролѣзаютъ по нѣсколько разъ, съ твердою надеждою излѣчить этимъ благочестивымъ упражненіемъ свою страдающую спину или поясницу.

Совсѣмъ близко отъ Биби-Ханымъ, на стѣнахъ желто-сѣрыхъ, песчано-глинистыхъ холмовъ, сплошь покрытыхъ и сплошь изрытыхъ старыми могилами, въ уединенномъ заворотѣ уже загородной дороги виднѣется цѣлою семьей своихъ живописныхъ и характерныхъ купольчиковъ древній мусульманскій монастырекъ Шахъ-Зинде.

Рѣдко можно встрѣтить даже въ глуби Азіи такой глубоко восточный, такой глубоко азіатскій характеръ постройки. Это полная противоположность великимъ медрессе Тимура и Улугъ-Бега.

Тутъ нѣтъ ни фарфоровыхъ стѣнъ, охватывающихъ цѣлые кварталы, ни колоссальныхъ «пикъ-ташей» съ минаретами-исполинами, подавляющихъ собою весь городъ, горделиво выставляющихъ себя на показъ за десятки верстъ. Тутъ все удивительно скромно, въ крошечныхъ размѣрахъ, въ тѣсномъ пространствѣ, все будто прячется отъ празднаго взора.

Весь Шахъ-Зинде, можно сказать, представляетъ изъ себя одну узкую лѣстницу съ многочисленными площадками, взбирающуюся сорока довольно крутыми ступенями на верхъ горы и обставленную по сторонамъ сплошными рядами крошечныхъ мечетей, мавзолеевъ, коридорчиковъ и разныхъ уютныхъ таинственныхъ каморокъ... Это не столько монастырь, сколько усыпальница, одна изъ величайшихъ святынь для всей Средней Азіи, куда бредутъ толпы поклонниковъ изъ Бухары, Кокана, Балха и Герата.

Передъ входными воротами внизу горы водруженъ неизбѣжный при могилѣ святого высокій шестъ съ хвостомъ яка на мѣдномъ шарѣ. Два ряда сѣдобородыхъ муллъ почтеннаго вида, въ зеленыхъ и бѣлыхъ громадныхъ тюрбанахъ, безмолвно вытянулись по обѣ стороны въ темномъ проходѣ воротъ. Всѣ они стоятъ здѣсь въ ожиданіи приношеній благочестивыхъ правовѣрныхъ, притекающихъ къ могилѣ ихъ святого патрона; нельзя пройти мимо, не заплативъ этимъ нѣмымъ стражамъ мусульманской святыни обязательной входной пошлины своего рода.

Эти хаджи, хозяева монастыря, не вполнѣ однако монахи. Всѣ они живутъ съ своими семьями въ городскихъ домахъ неподалеку отъ Шахъ-Зинде и проводятъ въ монастырѣ только день. На ночь же остаются здѣсь только человѣкъ пять-шесть очередныхъ старцевъ, караулящихъ святыню. Содержатся они на добровольныя приношенія: кто дастъ овцу, кто верблюда, кто деньги, кто хлѣбъ; впрочемъ у нихъ много земель, пожертвованныхъ на монастырь еще Тимуромъ.

Каменная лѣстница, которою поднимаются наверхъ, была прежде покрыта плитами бѣлаго мрамора, но мраморъ былъ расхищенъ въ теченіе времени, и теперь незамѣтно и слѣда его. Лѣстница эта обставлена съ обѣихъ сторонъ постройками. Мечетей здѣсь не перечтешь. Каждая изъ нихъ—гробница какой-нибудь родственницы Тимура, строителя этого чуднаго монастыря-могилы. Въ каждую нужно подниматься съ площадки лѣстницы по нѣсколькимъ боковымъ ступенямъ. Всѣ эти маленькія часовенки изящны, какъ драгоцѣнныя бездѣлушки, и вблизи даже купольчики ихъ кажутся не сѣрыми, какъ издали, а голубыми. По крайней мѣрѣ съ внутренней стороны на нихъ еще большею частью уцѣлѣла нѣжная бирюзовая эмаль, удивительно ласкающая глазъ. Нижняя часть мечетей почти совсѣмъ осьмигранная, а верхняя—или круглая, или тоже какая-нибудь граненая. А такъ какъ всѣ наружныя стѣнки ихъ выложены художественною разноцвѣтною мозаикою самыхъ очаровательно-

ныхъ, фантастически затѣйливыхъ и невообразимо разнообразныхъ рисунковъ, то онѣ производятъ общее впечатлѣніе какихъ-то граненыхъ изъ пестраго фарфора башенокъ-игрушекъ.

Тутъ не одна темно-синяя и лазорево-голубая эмаль, почти безраздѣльно господствующая въ громадныхъ «пикъ-ташахъ» Биби-Ханымъ и Ригистана. Тутъ уже примѣшивается вездѣ, гдѣ нужно, и желтая, и золотая, и зеленая мозаика. Колонки, окаймляющія двери, окна, углы, ниши, всѣ изъ вьющихся фарфоровыхъ цвѣтовъ. Нигдѣ нѣтъ однообразія и повторенія. Тамъ ниши, тамъ красивый выступъ, тамъ сверкающая грань, тамъ стройная колонка, тамъ художественная строка корана, опоясывающая золотымъ поясомъ подножіе голубого купола.

Рѣзныя дверочки артистической работы изъ массивнаго темнаго орѣха или шелковицы, съ рѣзными мѣдными приборами старинныхъ узоровъ, и изящныя точеныя рѣшеточки окошекъ такого же темнаго дерева вырѣзаются особенно эффектно среди сверкающихъ голубыхъ изразцовъ. Внутри та же красота.

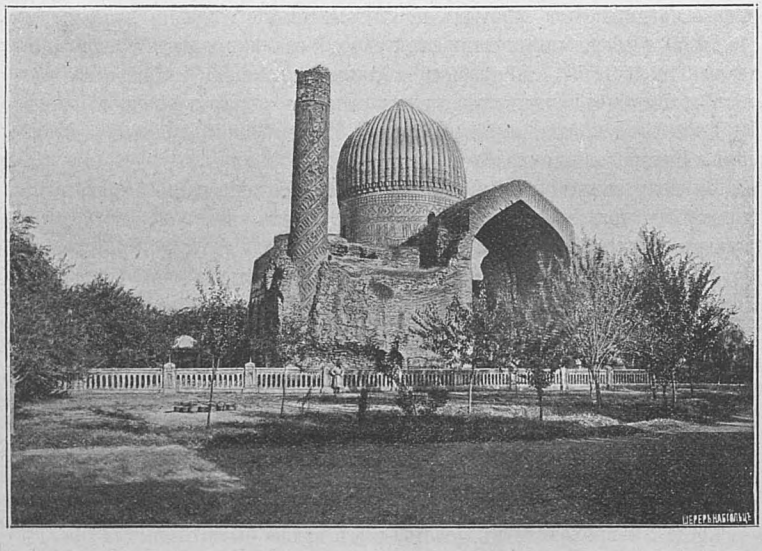
Въ полу каждой часовни вдѣланы простые дикіе камни, прикрывающіе собою, вмѣсто пышныхъ гробницъ, прахъ похороненныхъ домочадцевъ Тимура.

Мечети больше сгруппированы въ концѣ, то-есть на верху лѣстницы. Послѣдняя мечеть значительно обширнѣе другихъ; кибла ея и вся панель внутренней стѣны отдѣланы мозаикою; передъ киблою неизбѣжное страусовое яйцо; сверху спускается очень неказистая жестяная люстра, которыми вообще не могутъ похвастаться самыя богатѣйшія мечети Стамбула, Каира и другихъ центровъ ислама. На громадномъ «раалѣ» покоится коранъ, тоже громадной величины, не менѣе 3 футовъ длины, писанный на древнемъ пергаментѣ, съ изящно раскрашенными заглавными буквами.

Когда мы проходили въ мечеть, намъ видны были открытыя дверочки полутемныхъ келій, въ которыхъ опрятно были разложены тюфячки и одѣяла старцевъ, караулящихъ свою святыню, ихъ мѣдные узкогорлые кунганы и чайнички, все скромное монашеское хозяйство ихъ. Много муллъ, поджавъ ноги, отдыхали на коврикахъ въ самой мечети, покачиваясь и перебирая пальцами четки.

Изъ этой мечети мы прошли въ гробницу Шахъ-Зинде, вѣнчающую всю эту маленькую лавру мечетей и часовень. Огромное зеленое знамя пророка, покрытое пылью вѣковъ и водруженное на бамбучинѣ въ бревно толщиною, стоитъ передъ темною орѣховою рѣшеткою, окруженное другими такими же знаменами. На стѣнахъ налѣплены рисунки, привезенные изъ Мекки; и арабскіе стихи, тамъ писанные. Цѣлая толпа муллъ сидѣла на колѣняхъ передъ рѣшеткою и усердно молилась. Въ базарные дни массы сартовъ, таджиковъ, киргизовъ набиваются въ мечеть.

Гробница знаменитаго Тамерлана, которую сарты называютъ «Гуръ-Эмиръ», совсѣмъ на противоположномъ концѣ города; снаружи она очень напоминаетъ Биби-Ханымъ и медрессе Ригистана, только по размѣрамъ нѣсколько менѣе ихъ. Ворота съ островерхою аркою, покрыты, какъ и вся мечеть, сверкающей черепицей, расписанною по бѣлому голубыми и синими узорами. Оріенталисты прочли на этихъ воротахъ арабскую надпись: «Строилъ это ничтожный рабъ Мухамедъ, сынъ Мухамеда, изъ Испагани», что несомнѣнно доказываетъ персидское происхожденіе архитектуры древнихъ самаркандскихъ и бухарскихъ



Гробница Тимура.

мечетей и медрессе. Внутри ограды мечеть съ обычнымъ «пикъ-ташемъ» и двумя минаретами. Какъ и всѣ древнія мечети Самарканда, гробница Тимура уже осыпана собственными развалинами.

Съ трудомъ отбившись отъ необыкновенно назойливыхъ мальчишекъ, преслѣдовавшихъ насъ своими надоѣдливыми предложеніями показать намъ всѣ рѣдкости гробницы Тимура и купить у нихъ подобранные ими кусочки голубыхъ мозаикъ, мы вошли въ маленькую боковую дверочку мечети, гдѣ нашли молящагося муллу. Онъ оставилъ свою молитву и ввелъ насъ внутрь мечети. Въ боковой комнатѣ, у окошка, на шкуркѣ газели сидѣлъ очень старый мулла въ очкахъ съ бѣлою до-желта бородою и читалъ коранъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то,

что совершалось вокругъ. Повидимому, онъ жилъ въ этой комнатѣ, охраняя гробницу великаго эмира.

Проводникъ нашъ повернулъ направо, и мы очутились подъ соединеннымъ куполомъ. Сюда проникалъ мягкій и спокойный свѣтъ сквозь цѣлый рядъ высоко поднятыхъ окошекъ. Съ угловъ висѣли наподобіе балдахиновъ характерныя алебастровыя ниши изъ заостренныхъ глубокихъ ячеекъ. Нижній поясъ стѣнъ выложенъ сплошными шестигранными табличками какого-то сверкающаго полупрозрачнаго камня, въ родѣ алебастра или сердолика. Мулла назвалъ его почему-то яшмою. Мѣстами эта хрустальная стѣна украшена тонкою рѣзьбою съ остатками чуть видной теперь позолоты. Выше нея идетъ отдѣльный поясъ мраморныхъ украшеній и надписей. А еще выше, къ куполу, стѣны были, повидимому, обиты раззолоченною бумагою, которая теперь уже почти вся истлѣла и виситъ оттуда не совсѣмъ красивыми лохмотьями.

Посреди мечети, за очень низенькой оградой бѣлаго мрамора, лежитъ на мраморномъ пьедесталѣ продолговатый, довольно узкій камень изъ чернаго нефрита въ формѣ простого ящика. Это гробъ великаго Тимура. Онъ окруженъ многими другими камнями бѣлаго и сѣраго мрамора, съ длинными надгробными надписями. Это гробницы его учителя, внуковъ, правнуковъ. На гробѣ Тимура начертаны его титулы и годъ его смерти, 807 годъ геждры, что соотвѣтствуетъ нашему 1405 году.

Въ головѣ всѣхъ гробницъ стоитъ какая-то странная мраморная посудина съ отверстіями, куда, вѣроятно, кладется ѳиміамъ и жертвы по покойникамъ. Два огромные ствола толстаго бамбука съ знаменемъ и висящимъ конскимъ хвостомъ стоятъ около; нужно думать, что это подлинные стяги грознаго завоевателя Азіи, пережившіе его на столько столѣтій.

Подъ мечетью идетъ подземелье, которое собственно и служитъ могильнымъ склепомъ Тимуру и его загробнымъ спутникамъ. Мы зажгли свѣчки, врученныя намъ муллою, и спустились туда по винтовой лѣсенкѣ сквозь круглую черную дыру. Кирпичные своды склепа не украшены ничѣмъ. Два старые деревянные подсвѣчника, стоящіе на полу, слабо освѣщаютъ низенькое, но просторное подземелье. Подъ каждымъ верхнимъ гробомъ, какъ разъ противъ соотвѣтствующаго ему мѣста, лежатъ плиты сѣраго мрамора со множествомъ надписей, покрывающія прахъ умершихъ. Только плита самого Тимура высѣчена изъ того же алебастра или яшмы, которыми обложены стѣны верхней мечети.

Мулла пригласилъ насъ положить въ двѣ впадины этой плиты нѣсколько серебряныхъ монетъ, предназначенныхъ на освѣщеніе подземелья. А когда мы поблагодарили тѣмъ же способомъ его самого, то онъ сообщилъ намъ тономъ, не допускающимъ возраженій, что еще не-

обходимо подарить что-нибудь «мутавели», то-есть главному настоятелю и хозяину мечети, которымъ и оказался тотъ именно сѣдой мулла, что читалъ коранъ въ боковой комнатѣ.

Природа Кизылъ-Кумовъ.

(А. Никольскаго.)

По мѣрѣ того какъ мы углублялись внутрь степи, передъ нами постепенно развертывалась величавая картина песчаной пустыни. Уже на второмъ переходѣ стали попадаться отдѣльные песчаные холмы. Ихъ называютъ барханами. Чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ ихъ было больше. Наконецъ, начались сплошные пески, кое-гдѣ прерываемые небольшими площадками солонцеватой глины, или такырами. На сотни верстъ протяженія, какъ застывшія волны, стоятъ холмы сыпучаго песку. Ихъ крутые склоны смотрятъ въ одну сторону. Ихъ верхушки при порывахъ бури взметаются, подобно гребнямъ волнъ. Уже при слабомъ движеніи воздуха острые гребни бархановъ начинаютъ какъ бы дымиться: то песокъ, сдуваемый съ верхушки, пересыпается съ навѣтреннаго бока на подвѣтренный. Слой за слоемъ переползаетъ песокъ съ одной стороны на другую; вмѣстѣ съ тѣмъ медленно и неудержимо ползетъ и весь холмъ, засыпая на пути кусты, такыры и все, что стоитъ ему поперекъ дороги. Чѣмъ сильнѣе становится вѣтеръ, тѣмъ больше начинаютъ дымиться верхушки бархановъ. Въ бурю уже не видать границы, гдѣ кончается гребень холма и гдѣ начинается струя летящаго песку. Воздухъ наполняется пескомъ, становится душно, темно. Путешественникъ, какъ въ густомъ туманѣ, видитъ неясныя очертанія однихъ ближайшихъ холмовъ. Дальше же все сливается въ одну сплошную желтую массу летящаго песка. Настоящій песчаный душъ обдаетъ путника, застигнутаго бурей въ Кизылъ-Кумахъ. Песокъ набивается въ уши, въ глаза, хруститъ на зубахъ... Съ поразительной быстротой засыпаетъ онъ всѣ преграды, которыя попадаются ему на пути, угрожая и людямъ и верблюдамъ. Въ такую погоду, если нѣтъ поблизости большого такыра, надо идти во что бы то ни стало: иначе путешественникъ рискуетъ быть засыпаннымъ. Въ одну изъ подобныхъ бурь, пока мы поили у колодца верблюдовъ, наша телѣга была засыпана выше ступицъ колесъ, и намъ пришлось отрывать ихъ, чтобы сдвинуть съ мѣста. Обыкновенно буря кончается къ вечеру. Тогда пустыня принимаетъ прежній видъ: тѣ же песчаные, дымящіеся на верхушкахъ барханы, тѣ же выбоины между ними. Только тамъ, гдѣ была яма, теперь стоитъ огромный бугоръ сыпучаго песку и наоборотъ.

Наблюдая разбушевавшуюся песчаную стихію, я понялъ, что засыпать цѣлый городъ для нея ничего не стоитъ. Во многихъ мѣстахъ Сред-

ней Азіи пески медленно, но вѣрно поглощаютъ деревни и цвѣтущіе оазисы. Никакая сила не въ состояніи удержать ихъ побѣдоноснаго шествія. Даже города становятся ихъ жертвой. Такъ погибъ въ Бухарѣ городъ Варданзи, который еще на картахъ первой половины нынѣшняго столѣтія значится большимъ городомъ. Въ одномъ только округѣ Ромптанъ за какія-нибудь двадцать лѣтъ шестнадцать тысячъ жителей должны были покинуть свои сады и поля и переселиться въ Хиву. Около бухарскаго города Каракуля, столь знаменитаго своими мерлушками, еще недавно было много соляныхъ озеръ; теперь одни изъ нихъ засыпаны сплошь, отъ другихъ остались крошечныя лужи. Самый городъ исчезъ подъ песками: путешественникъ видитъ на его мѣстѣ жалкую, полузасыпанную деревню; среди бархановъ въ 7 саженъ вышиною темнѣютъ остатки старыхъ построекъ и полузасохшія деревья. Даже столицѣ бухарскаго ханства грозитъ поглощеніе песками.

Страшный зной царитъ среди этихъ песковъ. Средняя температура іюля 20—25° Ц.; бываютъ жары въ 44°. Отсюда сильное испареніе. Вѣтеръ уноситъ съ поверхности бархановъ послѣдніе остатки влаги. Новымъ запасамъ влаги взяться неоткуда. Въ теплое время года въ Кизылъ-Кумахъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ дождя. Только изрѣдка появляются тучи. Но если случится, что такая туча разразится легкимъ дождемъ, капли воды испаряются раньше, чѣмъ достигнутъ земли. Не бываетъ въ Кизылъ-Кумахъ и росы.

Повидимому, здѣсь немыслимо существованіе даже самой скудной растительности. Между тѣмъ на склонахъ песчаныхъ холмовъ мы видимъ заросли кустарниковъ. Мѣстами попадаются настоящіе лѣса. Но что это за кустарники, что за лѣса!

Прежде всего здѣсь нѣтъ травы, той травы, которая зеленымъ ковромъ покрываетъ у насъ пространство между отдѣльными деревьями и кустами. Здѣсь въ этихъ промежуткахъ—голый сыпучій песокъ, постоянно сдуваемый вѣтромъ и постоянно наносимый снова. На желтой раскаленной почвѣ высятся уродливые, узловатые стволы съ пучками вѣтокъ, торчащихъ кверху. Съ перваго взгляда кажется, что все это растенія мертвыя, давно засохшія, что въ нихъ нѣтъ ни одного листа. Въ дѣйствительности, листья замѣнены у нихъ крошечными чешуйками, плотно прилегающими къ вѣткамъ. Цвѣтъ чешуекъ—сѣрый или зеленовато-сѣрый. Понятно, въ такомъ лѣсу не найти сплошной тѣни. Лучи солнца насквозь пронизываютъ самый густой кустъ, самое развѣсистое дерево и нагрѣваютъ обнаженный песокъ. Поэтому въ здѣшнихъ лѣсахъ царитъ тотъ же зной, какъ и въ окружающей пустынѣ, только еще болѣе душно.

Если мы попытаемся выкопать хотя одинъ кустъ съ корнемъ, то скоро убѣдимся, что у одного человѣка на это не хватитъ ни силъ, ни

терпѣнія, какъ ни легко разрывать рыхлый песокъ. Корни кизылъ-кумскихъ растеній проникаютъ на чудовищную глубину. Они прободаютъ всю толщу песчанаго слоя, лежащаго на глинистой, непроницаемой для воды почвѣ. Только тамъ, на этой глинѣ, подъ защитой мощнаго песчанаго слоя, все лѣто сохраняется влага, накопляющаяся весною во время таянія снѣга. Весьма понятно, почему въ Кизылъ-Кумахъ нѣтъ мелкой травы: она просто не въ силахъ отрастить себѣ такихъ гигантскихъ корней, какіе необходимы для жизни въ песчаной пустынѣ.

Но даже и крупныя растенія получаютъ самое незначительное количество воды. Нужно во что бы то ни стало сохранить ее. Нужно уменьшить испареніе. Для растенія это вопросъ жизни и смерти.

Вотъ почему здѣшнія растенія выработали цѣлый рядъ удивительныхъ приспособленій для сохраненія влаги. Отсюда ихъ своеобразный видъ.

Чтобы защититься отъ испаренія, большинство кизылъ-кумскихъ растеній уменьшили поверхность листьевъ. Растенія съ широкими тонкими листьями должны были неизбѣжно погибнуть. У оставшихся листья замѣнены крошечными чешуйками, плотно прижатыми къ вѣткамъ. Самой густой и яркой листвой отличается гребенщикъ или тамарискъ, растущій на болѣе сырыхъ участкахъ песковъ. Это кустъ съ тонкими, гибкими вѣтвями. Но и здѣсь листочки настолько сухи и мелки, настолько сближены между собой, что напоминаютъ чешуйку кипариса. Кстати сказать, тамарискъ бываетъ довольно красивъ весною: его покрываютъ тогда массы розовыхъ цвѣтовъ, которые замѣчательно гармонируютъ съ матовою зеленью листочковъ и съ красноватымъ оттѣнкомъ гибкихъ вѣтвей.

Сравнительно немногія растенія Кизылъ-Кумовъ позволяютъ себѣ нѣкоторую роскошь: мы видимъ на нихъ хоть некрупные, но все же настоящіе листочки. Зато эти листочки покрыты густымъ бѣлымъ пушкомъ, состоящимъ изъ волосковъ самой разнообразной формы. Сочетаясь въ сплошной покровъ, волоски прекрасно прикрываютъ поверхность листа отъ жгучихъ лучей солнца. Оттого нигдѣ не видно яркой зелени: преобладаетъ сѣроватый или сѣровато-зеленый тонъ. Иные листья такъ обильно покрыты волосками, что кажутся серебристыми. Особенно оригиналенъ кустъ куянъ-сюука съ серебристыми листьями и черно-фіолетовыми цвѣтами. Иногда пушокъ замѣненъ восковымъ налетомъ.

Иногда поверхность листа защищена отъ испаренія соленою коркой. Этимъ удивительнымъ приспособленіемъ обладаютъ солянки—крошечные кустики, прозябающіе на солонцахъ пустыни. Корни ихъ втягиваютъ изъ почвы значительное количество соляного раствора. Вода испаряется; соль бѣлымъ налетомъ покрываетъ поверхность мелкихъ жирныхъ листочковъ. Этотъ налетъ является прекрасною защитой отъ палящихъ лучей. Въ то же время онъ оказываетъ растенію другую услугу. Извѣстно, что соль очень хорошо втягиваетъ изъ окружающаго воздуха

влагу. Въ теченіе дня воздухъ въ Кизылъ-Кумахъ настолько сухъ, что изъ него нельзя вытянуть ни капли влаги. Зато ночью листья солянки, благодаря соляному раствору, покрываются росой, въ то время какъ остальныя растенія остаются совершенно сухими.

Нѣкоторые кустарники жаркихъ пустынь защищаются отъ солнца, выдѣляя изъ особыхъ железокъ душистыя эѳирныя масла. Такимъ образомъ вокругъ растенія создается особая ароматическая атмосфера, достаточно предохраняющая листья отъ высыханія.

Есть еще одно средство, дающее растеніямъ возможность существовать въ такихъ жаркихъ и безводныхъ пустыняхъ, какъ Кизылъ-Кумы; растеніе старается покончить всѣ счеты съ жизнью въ возможно короткій срокъ, пока еще не исчезла весенняя влага, пока зной не слишкомъ жестокъ. Проѣзжая по пустынѣ ранней весной, путешественникъ не узнаетъ знакомыхъ мѣстъ, если онъ раньше видѣлъ ихъ только лѣтомъ. Степь положительно преображается: появляются растенія съ широкими свѣтло-зелеными листьями, напримѣръ, ревень; расцвѣтаютъ нѣжныя лиліи, красный макъ,—словомъ, откуда что берется. Недолго однако носитъ пустыня этотъ весенній нарядъ: не пройдетъ двухъ-трехъ недѣль, какъ отцвѣтутъ эти яркіе цвѣты, созрѣютъ сѣмена, увянутъ листья, и степь опять получитъ обычный безжизненный сѣроватый колоритъ. Иногда уже въ апрѣлѣ настоящая зелень исчезаетъ, остаются только тѣ сѣроватые кусты, которые придаютъ растительности пустынь столь оригинальную физіономію.

Особенно странное впечатлѣніе производитъ саксауловый лѣсъ. Въ немъ нѣтъ ни прохлады, ни тѣни, поэтому онъ нисколько не радуетъ путника; напротивъ, даже какую-то тоску нагоняетъ онъ своимъ мертвеннымъ видомъ. Не слышно въ немъ пѣнія птицъ, не стрекочутъ кузнечики, даже шума листвы вы не услышите здѣсь, потому что и листьевъ настоящихъ въ немъ нѣтъ; вмѣсто нихъ какіе-то зеленовато-сѣрые бугорки, какъ сыпь покрывающіе вѣтки. Какъ заколдованный молчитъ саксауловый лѣсъ; только въ сильный вѣтеръ слышатся въ немъ скрипъ вѣтвей и шорохъ песку, ударяющаго въ корявые стволы деревъ.

Описывая растительность ада, Дантъ какъ будто изобразилъ саксаулъ: «Зеленыхъ листьевъ здѣсь нѣтъ, а какіе-то темные, сумрачные; нѣтъ широкихъ раскидистыхъ вѣтвей, а какіе-то узловатые, корявые, свившіеся между собой сучья; нѣтъ плодовъ, а какія-то ядовитыя иглы»...

И фауна Кизылъ-Кумовъ оригинальна; въ здѣшней пустынѣ водятся не животныя, а какъ будто тѣни ихъ. При бѣгломъ взглядѣ на поверхность песковъ сначала вы ничего не видите: повидимому, пусто. Но присмотритесь внимательнѣе; тамъ и здѣсь вы замѣтите неясныя, какъ тѣнь, очертанія ящерицы, словно слѣпленной изъ песку. Что это? Комочекъ песку, принявшій форму животнаго или дѣйствительно ящерица? Подой-

дите ближе, и вы увидите, какъ этотъ комочекъ вдругъ встрепенется, неслышно помчится отъ васъ и вдругъ исчезнетъ, какъ тѣнь. Въ большинствѣ случаевъ вы даже не замѣтите ящерицы, если только она не начинаетъ двигаться. На вашихъ глазахъ, среди голаго песку, она явится какъ привидѣніе. Въ другомъ мѣстѣ вы можете увидѣть комочекъ, похожій на птицу. Шагните къ нему,—комочекъ вспорхнетъ и превратится въ жаворонка. Вотъ онъ сѣлъ на голый песокъ и исчезъ, какъ видѣніе. Эти таинственныя появленія и исчезновенія объясняются тѣмъ, что большинство животныхъ песчаныхъ пустынь окрашены подъ цвѣтъ песка. Какія же однако эти животныя, кромѣ упомянутыхъ? А вотъ какія: ящерицы, ящерицы и опять ящерицы. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь настоящее царство этихъ длиннохвостыхъ проворныхъ гадовъ. Всѣ остальные обитатели степи—суслики, зайцы, жаворонки и еще кое-какія птицы—составляютъ только едва замѣтное прибавленіе къ этому царству. Ящерицы сотнями снуютъ по голымъ склонамъ песчаныхъ бархановъ; однѣ крошечныя, другія въ полъ-аршина длиной; у однѣхъ голова круглая, у другихъ трехугольная; однѣ съ ушами, другія безъ ушей; но только всѣ песочнаго цвѣта. Ихъ кожа—поддѣлка подъ песокъ, до такой степени совершенная, что онѣ сами не могли бы видѣть другъ друга, если бы предусмотрительная природа не надѣлила ихъ особымъ приспособленіемъ. На нижней сторонѣ хвоста, на самомъ кончикѣ, у нихъ накрашены широкія ярко-красныя и черныя поперечныя полосы, очень рѣзко выдающіяся среди желтоватаго колорита песку, когда животное подниметъ хвостъ кверху и начнетъ выдѣлывать имъ замысловатыя штуки.

Вотъ по этимъ-то сигнальнымъ значкамъ ящерицы и отыскиваютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Мѣстами, гдѣ этихъ животныхъ особенно много, наблюдатель видитъ любопытную картину. Тамъ и здѣсь на голомъ склонѣ песчанаго бархана, словно флагъ на военной картѣ, пестрѣютъ яркіе значки. Они завиваются въ спираль, опять раскручиваются, мѣстами бѣгутъ по песку, кое-гдѣ исчезаютъ и снова появляются, блестя своимъ пурпуромъ на желтомъ фонѣ холма. Подойдя очень близко, вы видите, что эти значки не что иное, какъ хвостики ящерицъ, песочно-желтое тѣло которыхъ издали совершенно невидимо на пескѣ.

При первомъ переполохѣ шустрыя животныя опускаютъ хвосты-флаги и исчезаютъ безслѣдно. Любопытно также видѣть, какъ ловко умѣютъ эти ящерки спасаться отъ своихъ заклятыхъ враговъ, степныхъ хищныхъ птицъ. Попытайтесь догнать одну изъ этихъ невидимокъ; сначала она побѣжитъ безъ оглядки; затѣмъ, когда убѣдится, что опасность у нея на хвостѣ, быстрыми движеніями брюшка вправо и влѣво она раздвигаетъ песокъ и на вашихъ глазахъ тонетъ въ немъ, забрасывая тѣло лапами. На ея мѣстѣ остается едва замѣтная песчаная рябь. Эта уловка, прекрасно спасающая отъ преслѣдованія птицъ, не разсчитана однако

на человѣка. Вамъ стоитъ только запустить два пальца въ то мѣсто, гдѣ остался этотъ слѣдъ, и вы извлечете на Божій свѣтъ ящерицу. На ея хорошенькой круглой мордочкѣ, въ черныхъ бойкихъ глазахъ вы ясно видите удивленіе. Вотъ такъ штука, думаетъ она навѣрно, какъ же это могло случиться! кажется, ужъ вся зарылась!

Тамъ, гдѣ пески смѣняются такыромъ, путешественника обязательно встрѣчаютъ агамы—крупныя ящерицы съ сердцевидной головой и колючей чешуей. Агама напоминаетъ хамелеона своею способностью мѣнять цвѣтъ кожи. Горло ея и грудь замѣчательно играютъ красками. Обыкновенно они окрашены въ желтоватый цвѣтъ. Но при малѣйшемъ волненіи ящерицы горло начинаетъ синѣть и, наконецъ, принимаетъ цвѣтъ синьки, который вскорѣ расползается на грудь, брюшко и даже ноги; иногда синева смѣняется краснымъ оттѣнкомъ, который опять переходитъ въ синій или желтый, и такъ далѣе, пока не исчезнетъ причина волненія ящерицы. Интересно посмотрѣть, какъ агама спасается отъ зноя. Зарываться въ песокъ она не умѣетъ, да и не любитъ, другихъ же укромныхъ мѣстъ въ пустынѣ не существуетъ; между тѣмъ глинистая поверхность такыровъ раскаляется до такой степени, что вы рискуете обжечься, ежели приложите къ ней руку. Агама же могла бы изжариться на глинѣ, если бы оставалась здѣсь въ самое жаркое время дня. Чтобы избѣжать этого удовольствія, ящерица взбѣгаетъ по возможности выше на вѣтви кустовъ и деревьевъ и сидитъ на нихъ, широко разинувъ ротъ и раздвинувъ ноги. Здѣсь ее не жжетъ раскаленная почва; къ тому же ея тѣло нѣсколько освѣжается вѣтромъ, который свободно гуляетъ между безлистными вѣтвями деревьевъ пустыни.

Я настойчиво разыскивалъ варана, этого великана среди ящерицъ, достигающаго до двухъ аршинъ въ длину. Къ сожалѣнію, на пути намъ не попадалось это замѣчательное животное; по словамъ киргизовъ, нашихъ проводниковъ, оно водится нѣсколько южнѣе, около степныхъ горъ Буканъ-Тау. Не будучи крокодиломъ, варанъ не уступаетъ однако этому пресмыкающемуся въ хищности и является самымъ страшнымъ врагомъ другихъ ящерицъ, змѣй, птенцовъ, мелкихъ звѣрковъ и даже зайцевъ.

Изъ другихъ гадовъ мы нерѣдко встрѣчали неуклюжихъ степныхъ черепахъ и различныхъ змѣй. Среди этихъ послѣднихъ самая замѣчательная змѣйка—это степной удавъ, всего около полъ-аршина въ длину. Несмотря на лилипутскіе размѣры, онъ имѣетъ всѣ повадки своихъ гигантскихъ родственниковъ. Онъ такъ же неподвижно караулитъ свою добычу, мышей и тушканчиковъ, такъ же давитъ ее изгибами своего тѣла и, проглотивъ звѣрка втрое толще себя, отправляется въ укромное мѣсто заниматься пищеваренiемъ. Проживая постоянно среди бархановъ, степной удавъ очень хорошо приспособился къ жизни въ пескахъ. Онъ умѣетъ съ удивительной быстротой зарываться въ свою родную стихію

и ползать въ ней на значительной глубинѣ. Онъ дѣлаетъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда голодъ заставляетъ его отправляться на поиски жуковъ, которыхъ загоняетъ въ песокъ полуденный зной. Несмотря на то, что по формѣ и расположенію темныхъ пятенъ степной удавъ походитъ на своихъ родичей, настоящихъ удавовъ, общій тонъ его окраски замѣчательно гармонируетъ съ цвѣтомъ песка. Въ этомъ отношеніи онъ нисколько не уступаетъ песчанымъ ящерицамъ.

Насколько степной удавъ толстъ и коротокъ, настолько стрѣла-змѣя длинна и тонка. Это настоящій живой жгутъ, съ замѣчательной быстротой скользящій по пескамъ въ погонѣ за ящерицами и насѣкомыми. Длинное полосатое тѣло стрѣлы-змѣи и ея манера выбрасывать наподобіе стрѣлы переднюю половину туловища навстрѣчу добычѣ вполнѣ оправдываютъ ея названіе.

Изъ ядовитыхъ змѣй въ Кизылъ-Кумахъ водится только «анцистродонъ», по-киргизски «буща-джилянъ», принадлежащій къ одному семейству съ знаменитой гремучей змѣей. Длиной онъ не больше нашей гадюки, но кусается сильнѣе; по крайней мѣрѣ киргизы очень боятся его. Мелкіе звѣрки, укушенные «анцистродономъ», умираютъ почти мгновенно.

Мы часто видѣли звѣрковъ пустыни, крошечныхъ песчаныхъ зайцевъ, тонкопалыхъ сусликовъ и песчанокъ, по вечерамъ—еще тушканчиковъ. Подобно ящерицамъ Кизылъ-Кумовъ, всѣ эти звѣрки окрашены подъ цвѣтъ песка, притомъ настолько удачно, что если бы не бѣлый или черный кончикъ хвоста, они не въ состояніи были бы отыскивать другъ друга.

Вообще цвѣтъ животныхъ часто находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ окраской обстановки. Это явленіе получило въ наукѣ названіе мимикріи или мимитизма. По-русски это значитъ «подражательная окраска». Чѣмъ полнѣе совпаденіе, тѣмъ лучше обезпечено существованіе животнаго: при подражательной окраскѣ ему легче скрываться отъ враговъ или подкрадываться къ добычѣ.

Тонкопалый сусликъ живетъ въ норахъ съ довольно широкимъ полукруглымъ входомъ. Величиной онъ съ бѣлку. Его лапы кончаются длинными тонкими пальцами съ длинными прямыми когтями. Такая лапа прекрасно приспособлена къ бѣганью и рытью въ песчаной почвѣ. Пустыня наложила отпечатокъ на самое строеніе этого звѣрка. Есть еще одна особенность, которою тонкопалый сусликъ отличается отъ своихъ родичей. Всѣ остальные виды сусликовъ зимою впадаютъ въ спячку, тонкопалый сусликъ остается исключеніемъ. Соотвѣтственно съ этимъ у него два мѣха: лѣтній и зимній. Лѣтомъ спина его покрыта жесткою и короткою шерстью рыжевато-буланаго цвѣта, зимою ее замѣняютъ длинные, тонкіе, шелковистые волосы превосходнаго палеваго или золотисто-песчанаго цвѣта. У другихъ видовъ сусликовъ свойства мѣха не мѣня-

ются по сезонамъ. Опять бросается въ глаза соотношеніе между перемѣнами окраски и образомъ жизни.

Песчанки во многомъ напоминаютъ крысъ. Живутъ песчанки обществами. Питаются сѣменами и другими частями растеній пустыни. Роютъ по склонамъ бархановъ норы со множествомъ ходовъ и нѣсколькими выходами—отверстіями. Много этихъ звѣрковъ попало въ мою охотничью сумку.

Тушканчики встрѣчались значительно рѣже. Это—животное ночное. Они выползали изъ своихъ норокъ поздно вечеромъ, когда, сидя у костра, мы заливали свой голодъ несчетнымъ количествомъ чашекъ чаю. Прыгая на своихъ длинныхъ заднихъ ногахъ и помахивая хвостомъ со знаменемъ на концѣ, эти миловидные звѣрки оказывались иногда очень близко отъ нашей телѣги. Но стоило мнѣ шевельнуться, и они мгновенно скрывались за ближайшимъ барханомъ.

На 4-й день мы подошли къ такъ называемой станціи. Это хорошенькій кирпичный домикъ, который какъ-то странно видѣть среди безлюдной песчаной пустыни. На всемъ 500-верстномъ разстояніи такихъ станцій поставлено всего три. Повидимому, онѣ выстроены только для того, чтобы дать возможность путешественнику обогрѣться зимой или укрыться отъ песчаной бури, если она застигнетъ гдѣ-нибудь поблизости. Никакого другого значенія онѣ имѣть не могутъ, если не считать того обстоятельства, что у сторожа станціи можно получить казенный самоваръ. Первую станцію караулитъ одинъ единственный киргизъ, у котораго, кромѣ муки, нѣтъ никакой провизіи; нѣтъ здѣсь ни верблюдовъ, ни телѣгъ, ни даже колесъ, а они могли бы очень пригодиться проѣзжающему въ случаѣ поломки своихъ. Мы даже не воспользовались самоваромъ. Напоивъ здѣсь верблюдовъ и захвативъ запасъ воды, мы тронулись дальше. Только на 5-й день судьба, наконецъ, сжалилась надъ нашей, по крайней мѣрѣ надъ моей, голодной участью,ославъ мнѣ на охотѣ зайца. Правда, это былъ небольшой кроликъ, мѣстной породы зайчишка, съ огромными ушами и съ необыкновенно поджарымъ и сухимъ тѣломъ. Все же это была дичь. Нѣсколько разъ намъ попадались крупные лохматые пауки—фаланги. Укушеніе фаланги чрезвычайно болѣзненно и, какъ говорятъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже смертельно. Эта гадина бѣгаетъ замѣчательно быстро. Не успѣете вы придти въ себя, какъ она уже взобралась до лица. Боже сохрани придавить ее здѣсь: непремѣнно укуситъ. Лучше дать ей сползти на платье или смахнуть быстрымъ движеніемъ въ сторону.

Значительно рѣже попадались намъ скорпіоны, но на нихъ мы не обращали особаго вниманія. Во-первыхъ, во внѣшнемъ видѣ ихъ нѣтъ ничего страшнаго; будучи пауками, они скорѣе походятъ на маленькаго рачка; а во-вторыхъ, по словамъ туркестанскихъ жителей, и жа-

лятъ они не такъ больно и не съ такими непріятными послѣдствіями, какъ фаланги.

Впрочемъ, тамъ, гдѣ скорпіоновъ много, киргизы, ночующіе на бивуакѣ, принимаютъ противъ нихъ простую, но дѣйствительную мѣру. Они окружаютъ бивуакъ волосянымъ арканомъ, чрезъ который эти ядовитыя гадины не рѣшаются ползти, опасаясь, вѣроятно, жесткихъ торчащихъ вокругъ аркана волосковъ. Замѣчательно, что бараны поѣдаютъ и скорпіоновъ и фалангъ, какъ траву, чѣмъ пользуются, какъ говорятъ, киргизы во время своихъ перекочевокъ. Прежде чѣмъ разбить юрту, они пускаютъ на это мѣсто свое стадо, которое будто бы истребляетъ всѣхъ ядовитыхъ пауковъ ближайшаго клочка степи.

Меня постоянно удивляло, какъ наши проводники-киргизы находятъ дорогу среди однообразныхъ холмовъ песка, гдѣ къ тому же всякій слѣдъ быстро заметается вѣтромъ. Правда, мѣстами дорога обозначена пирамидами изъ саксауловыхъ полѣньевъ, но эти значки разставлены на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга, видимы же они только съ ближайшаго бархана. Еще труднѣе отыскивать ихъ въ потемкахъ, а мы большую часть пути прошли ночью. Раза два въ темнотѣ, во время вѣтра, проводники плутали, и даже довольно долго; но какими-то судьбами все-таки выходили къ пирамидѣ. До какой степени легко заблудиться въ песчаной пустынѣ, я испыталъ самъ на себѣ. Въ то время, когда верблюды шли, я слѣзъ было съ телѣги и свернулъ въ сторону, чтобы застрѣлить суслика. Не сдѣлалъ я и 50 шаговъ, какъ уже рѣшилъ вернуться, такъ какъ сусликъ спрятался въ нору. Каково же было мое удивленіе, когда оказалось, что телѣга вмѣстѣ съ верблюдами тоже спряталась. Я бѣгомъ пустился въ томъ направленіи, гдѣ они должны были быть, взлѣзъ на холмъ и увидѣлъ все тѣ же барханы, кое-гдѣ поросшіе кустами. Телѣга словно провалилась сквозь землю. Она шла гдѣ-нибудь поблизости, можетъ быть въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, но она скрыта была этими застывшими песчаными волнами. Верблюды совершенно неслышно ступаютъ даже по твердому грунту; на бѣду, и колеса телѣги были только что смазаны, такъ что и по звуку нельзя было опредѣлить, гдѣ находятся мои спутники. Долго метался я отъ бархана къ бархану, хотѣлъ уже было кричать, какъ вдругъ одинъ изъ нашихъ «кораблей пустыни» догадался заскрипѣть.

На 7-й день рано утромъ, когда небо только-только начало блѣднѣть на востокѣ, когда утренняя звѣзда еще горѣла брилліантовымъ блескомъ, мы подошли къ прѣсной лужѣ, неисповѣдимыми судьбами уцѣлѣвшей среди раскаленныхъ солнцемъ сыпучихъ песковъ. Въ среднеазіатской пустынѣ прѣсная вода настолько драгоцѣнна, что малѣйшій источникъ ея составляетъ замѣтный пунктъ въ географіи страны. Здѣсь перекрещиваются караванные пути; здѣсь же кочуютъ киргизы со своими

кормильцами баранами, и даже дикія птицы, жаворонки, степные рябки и горлинки, ютятся поблизости этихъ источниковъ жизни. Несмотря на то, что лужа, гдѣ мы остановились, была не больше и не глубже тѣхъ лужъ, которыя въ провинціальныхъ городахъ послѣ ливня появляются на всякой площади, она имѣла собственное названіе и величалась даже озеромъ Кучка-Куль. Чтобы составить представленіе о томъ, какова вода въ этомъ озерѣ, надо въ стаканъ чистой воды насыпать ложку песку. Впрочемъ, эта жидкая грязь много лучше соленой ящеринной настойки здѣшнихъ колодцевъ: во-первыхъ, она совершенно прѣснаго вкуса, а во-вторыхъ, песокъ скоро отстаивается. Въ Кизылъ-Кумскихъ колодцахъ вода настолько дурна, что, если бы она была хоть чуточку похуже, ее не сталъ бы пить ни одинъ киргизъ. Края ихъ по большей части не ограждены никакимъ барьеромъ, поэтому ящерицы и черепахи могутъ топиться тамъ сколько имъ угодно; онѣ продѣлываютъ это тѣмъ охотнѣе, что здѣсь имъ слишкомъ тѣсно; очень ужъ много развелось ихъ въ песчаной степи. Отъ такой примѣси вода, конечно, не много выигрываетъ; она становится затхлой, мѣстами прямо съ запахомъ гнили, къ тому же она всегда солоновата и жестка на вкусъ.

Надо видѣть, какое оживленіе вноситъ небольшая прѣсная лужа въ природу пустыни. По берегамъ Кучка-Куля во множествѣ бѣгали степные жаворонки; мѣстами сидѣли и пили воду горлицы, Богъ знаетъ зачѣмъ поселившіяся въ степи; тутъ же выхаживалъ одинъ воронъ; нѣсколько красивыхъ пестрыхъ пчелоѣдовъ носились надъ лужей, и лишь только показалось солнце, на озеро полетѣли степные рябки и саджи. Стая за стаей съ громкимъ гиканьемъ летѣли эти истыя дѣти пустыни на лужу; со свистомъ они опускались около воды и начинали жадно пить. Невзирая на мою отчаянную пальбу, прилетали новыя стаи и хотя бы урывкомъ пытались напиться. Бѣдные, какъ имъ хотѣлось пить!.. Но мнѣ еще больше хотѣлось ѣсть. Они, по крайней мѣрѣ, пили вчера, а я уже третій день, съ тѣхъ поръ, какъ застрѣлилъ зайца, не ѣлъ ничего, кромѣ сухарей, а сухари развѣ пища? Понятно, что я палилъ направо и налѣво, но—увы!—попадалъ больше въ широкое небо, въ которое, какъ извѣстно, трудно промахнуться. Однако я убилъ четырехъ рябковъ; къ вечеру, заложивъ верблюдовъ, мы поѣхали дальше.

Теперь намъ посчастливилось на птицъ. Пробираясь среди сыпучихъ песковъ, верблюды не разъ вспугивали тѣхъ самыхъ рябковъ и саджъ, которые отсюда летали на лужу Кучка-Куль. Эти птицы представляютъ нѣчто среднее между куропаткой и голубемъ. Острыми крыльями и быстрымъ полетомъ онѣ напоминаютъ голубей, пьютъ, какъ голуби, не отрывая клюва отъ воды. Но по формѣ клюва это—настоящія куриныя. Насъ поражала быстрота ихъ полета, онѣ могутъ пролетѣть 90 и 100 вер. въ часъ; для нихъ, можно сказать, не существуетъ разстоянія; дѣлать

ежедневно прогулку верстъ за сто, единственно за тѣмъ, чтобы напиться, для нихъ ровно ничего не стоитъ. Эта особенность позволяетъ имъ жить и гнѣздиться въ такихъ мѣстахъ пустыни, которыя отдѣлены отъ ближайшаго источника или лужи цѣлыми сотнями верстъ. Кормятся эти птицы сѣменами астрагаловъ и другихъ степныхъ растеній. Жизнь ихъ проходитъ среди песковъ. Зато ихъ красивое узорчатое оперенiе прекрасно гармонируетъ съ цвѣтомъ песка. Когда онѣ сидятъ неподвижно, прижавшись къ почвѣ, ихъ невозможно замѣтить даже на разстоянiи нѣсколькихъ шаговъ. Трудно было бы охотиться на этихъ птицъ, будь онѣ немного осторожнѣе. Но, вѣроятно, въ глухихъ мѣстахъ Кизылъ-Кумовъ онѣ рѣдко видѣли человѣка и не привыкли считать его непримиримымъ врагомъ. Онѣ не прятались при нашемъ приближенiи и спокойно небольшими стайками бѣгали вблизи нашей телѣги. Въ тотъ же переѣздъ мы впервые встрѣтили еще одну достопримѣчательность Кизылъ-Кумовъ—саксауловую сойку. Пепельно-сѣрая, съ чернымъ хвостомъ, отливающимъ зеленымъ металлическимъ блескомъ, птица эта по складу тѣла, въ дѣйствительности, походитъ на нашихъ соекъ. Но въ образѣ жизни и повадкахъ ея много своеобразнаго. Если попытаться преслѣдовать ее, она не полетитъ отъ васъ, какъ это дѣлаютъ другiя птицы. Вытянувъ голову впередъ, крупной рысью, непомѣрно большими шагами она побѣжитъ по песку по направленiю ближайшаго куста саксаула, спрячется за него и оттуда начнетъ выглядывать—то по одну, то по другую сторону куста, желая убѣдиться, здѣсь ли еще ея врагъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ саксауловая сойка прибѣгаетъ къ помощи крыльевъ, и то лишь затѣмъ, чтобы взлетѣть на верхушку куста и поглядѣть оттуда на предметъ, который кажется ей подозрительнымъ; какъ большинство птицъ изъ семейства воронъ, эта сойка кормится всякой всячиной: сѣменами саксаула и астрагаловъ, личинками степныхъ жуковъ, ящерицами и даже падалью.

8-й и 9-й дни дорога шла все также барханами и только изрѣдка выходила на такыры, уцѣлѣвшiе отъ поглощенiя летучими песками. Съ утра верхушки холмовъ начинали куриться, къ полудню воздухъ наполнялся летящимъ пескомъ, а къ вечеру становилось опять тихо. Поэтому мы предпочитали идти по ночамъ, останавливаясь днемъ гдѣ-нибудь посреди такыра, чтобы быть далеко отъ песочныхъ душей. Ночные переѣзды были тѣмъ болѣе удобны, что дневной жаръ смѣнялся тогда большой свѣжестью. Намъ приходилось даже надѣвать драповое пальто. Въ этомъ отношенiи Кизылъ-Кумъ напоминаетъ Сахару, гдѣ, какъ говорятъ, днемъ можно печь яйца въ раскаленномъ дневнымъ солнцемъ пескѣ, а ночью замерзаетъ вода. Вечеромъ девятаго дня мы подошли къ послѣдней станцiи въ пустынѣ.

Черезъ Алай.

(А. Волконскаго.)

5-го августа утромъ выступилъ въ путь нашъ караванъ. Мы размѣстились въ парныхъ, съ пристяжкою на отлетѣ, извозчичьихъ коляскахъ, которымъ могла бы позавидовать далекая столица, и направились по красивымъ улицамъ Новаго Маргелана, одного изъ тѣхъ юныхъ туркестанскихъ городовъ, которые, какъ бы по волшебному слову, выросли среди пустынной степи, растянули на ея пространствѣ сѣть своихъ прямыхъ, какъ стрѣла, улицъ-аллей и потонули въ зелени своихъ быстро растущихъ садовъ. Коляски неслышно катились по гладкому шоссе, и скоро высокіе тополя по сторонамъ улицы, почти скрывавшіе своими вѣтвями отъ глазъ проѣзжаго ряды низенькихъ одноэтажныхъ домовъ, смѣнились молодыми посадками, дававшими просвѣтъ на вновь строящіяся въ концѣ города зданія. Миновавъ крѣпость—такъ зовется въ Маргеланѣ кирпичная бѣлая стѣна, охватывающая неправильнымъ четырехугольникомъ нѣсколько казарменныхъ строеній,—мы переправились черезъ Маргеланъ-сай, воды котораго даютъ жизнь городу, и выѣхали на просторъ.

Невесело смотрѣла эта южная окраина «роскошной» Ферганы: небольшія площади полей спѣющей джугары (родъ кукурузы), окаймленныя кое-гдѣ рядами рѣдко посаженныхъ деревьевъ, чередовались то съ пространствами желтой, почти голой земли, то съ полосой яркой зелени рисовыхъ посѣвовъ, слегка оживляющихъ однообразный пейзажъ.

Я ѣхалъ теперь по этой долинѣ и съ уваженіемъ глядѣлъ на арыки (канавы), несущіе воду въ сплошь залитое поле, и на работающаго близъ дороги сарта, который, подставивъ солнечнымъ лучамъ оголенную спину, загорѣвшую до цвѣта античной бронзы, высоко поднималъ надъ головою кетмень и съ размаху опускалъ его на землю, сильнымъ ударомъ разрыхляя твердую почву.

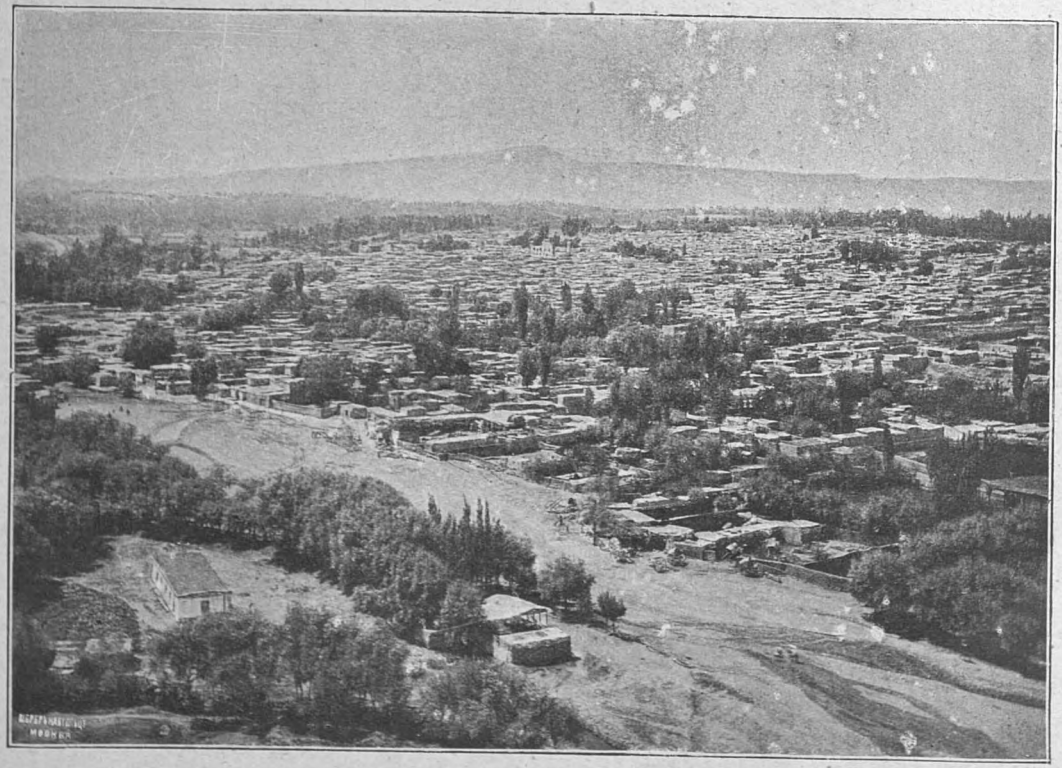
Коляска остановилась; навстрѣчу двигалось густое облако пыли: изъ кишлака, къ которому мы подъѣхали, гнали стадо курдючныхъ барановъ. Раскачивая свои жирныя спины, они обходили по сторонамъ экипажа, протискиваясь между нимъ и высокими глиняными заборами, которые огораживали дорогу. Стадо прошло, мы въѣхали въ кишлакъ; его улицы узки и кривы; сложенныя изъ глины сакли, лишенныя со стороны улицъ оконъ, такъ низки, что до плоскихъ крышъ человѣкъ высокаго роста могъ бы достать рукой. Передъ однимъ изъ такихъ примитивныхъ строеній, немного получше другихъ, тянулся навѣсъ изъ цыновокъ, поддерживаемый рядомъ жиденькихъ столбовъ: это былъ «чайхане»—чайный домъ, любимое мѣсто для сборищъ праздныхъ или отдыхающихъ жителей; они и теперь сидѣли здѣсь на широкихъ глиняныхъ площадкахъ, покрытыхъ войлокомъ, и, поджавъ ноги, попивали

«кокъ-чай» изъ зеленыхъ чашечекъ безъ ручекъ. Они были одѣты въ пестрые, яркихъ цвѣтовъ, хотя и поношенные халаты, сшитые или изъ матерій мѣстнаго производства, съ красными, бѣлыми и зелеными полосами, или изъ московскихъ ситцевъ разнообразныхъ рисунковъ, приноровленныхъ къ здѣшнему вкусу; одни живописно обмотали себѣ голову чалмой; большинство сидятъ въ вышитыхъ шелкомъ шапочкахъ, покрывающихъ макушки бритыхъ головъ. Выраженіе ихъ узбекскихъ лицъ, между которыми иногда попадается рѣзко очерченный арійскій профиль таджика, полно унынія и скучно. Нѣкоторые при видѣ начальства нехотя встаютъ и, сложа руки на животѣ, сгибаютъ спину, не наклоняя однако головы, а продолжая глядѣть вамъ въ глаза: есть что-то отталкивающее въ этомъ уродливомъ поклонѣ, въ которомъ такъ и сквозитъ восточное низкопоклонство.

Толпа босоногихъ ребятишекъ бѣжитъ за коляской; у этихъ еще незамѣтно ни обычнаго спокойствія, ни апатичности ихъ отцовъ; это все бойкій народъ, съ оживленными лицами, съ быстрыми темно-карими глазами. Они гонятся за экипажемъ, весело кричатъ какія-то, вѣроятно, нелестныя на нашъ счетъ замѣчанія и, запыхавшись, останавливаются среди пыльной дороги; на смѣну имъ изъ каждой сакли, изъ каждаго переулка выбѣгаютъ другіе; иные же стоятъ неподвижно на порогѣ покривившихся дверокъ и пристальнымъ взглядомъ слѣдятъ за проѣзжающими, сдвинувъ вдумчивую не по годамъ складку на высокомъ лбу. Еще нѣсколько поворотовъ между дуваловъ, нѣсколько дворовъ, осѣненныхъ широковѣтвистыми карагачами, и мы опять среди полей.

Въ благодатной долинѣ Ферганы солнце жжетъ и томитъ человѣка, убиваетъ его волю, сковываетъ умъ; здѣсь лѣтній дождь никогда не омываетъ потускнѣвшей отъ пыли листвы, и, глядя на здѣшнія деревья, чувствуешь, что имъ чего-то недостаетъ до полноты жизни, какъ тѣмъ далекимъ ихъ собратьямъ, что выросли среди каменныхъ стѣнъ европейскихъ столицъ. Здѣсь дерево растетъ только потому, что по его корнямъ бѣжитъ вода въ искусственно прорытой канавѣ; но подъ его тѣнью, въ двухъ шагахъ отъ этой канавы, нѣтъ ни одной травки, и желтая земля гола, какъ въ пустынѣ. Оцѣнить богатство этого края можно, подведя итогъ пудамъ хлопка, вывозимымъ каждую осень безпрерывно идущими другъ за другомъ караванами; но для глазъ путешественника тутъ нѣтъ ничего отраднаго, нѣтъ ничего, кромѣ лёссовыхъ, щебневыхъ или песчаныхъ пустынь, отъ времени до времени прерываемыхъ на 10 и 20 верстъ оазисами, созданными трудолюбіемъ человѣка...

Солнце безжалостно жгло и теперь; изъ-подъ копытъ лошадей подымались облака пыли, мельчайшей, ѣдкой, настоящей туркестанской пыли, которая стояла въ воздухѣ, мѣшала дыханію и застилала природу сѣрой пеленой... Все это мало располагало къ разговорчивости. Впереди



Средне-азіатскій туземный городъ.

на горизонтѣ смутно рисовались очертанія горъ: это былъ Алайскій хребетъ, южная грань Ферганской долины.

Послѣ трехчасового пути, спустившись въ небольшой оврагъ, по дну котораго текла рѣка, мы очутились на улицѣ расположеннаго по его склону кишлака Учу-Курганъ, лежащаго въ 32 верстахъ отъ новой столицы Ферганы. На улицѣ происходила невообразимая суета. Обозъ прибылъ: арбы, вьючныя и верховыя лошади, извозчичьи коляски—все это столпилось у спуска къ мосту черезъ бѣжавшую по оврагу рѣку, мѣшая другъ другу двинуться впередъ; джигиты и арбакеши, толкаясь и бранясь между собою, суетились среди нихъ; кругомъ стояли жители кишлака, пришедшіе поглядѣть на рѣдкое зрѣлище, которое представлялъ для нихъ проѣздъ столькихъ русскихъ тюря (господъ). Какой-то сартъ, дотолѣ спокойно глядѣвшій вмѣстѣ съ другими, неожиданно вмѣшался въ споры погонщиковъ: онъ почему-то нашелъ, что одинъ изъ арбакешей, тянувшій подъ уздцы свою лошаденку, заставлялъ ее повернуть арбу не въ ту сторону, куда слѣдовало, и съ гнѣвнымъ лицомъ, съ сверкающими глазами онъ налетѣлъ на него, бранясь и крича, какъ будто это было важное, близкое ему дѣло. Остальные жители не могли устоять передъ соблазномъ принять участіе въ спорахъ и увеличить безпорядокъ; поднялся гвалтъ, тотъ невѣроятный гвалтъ, на который способны только азіаты съ ихъ крикливыми голосами, съ ихъ неудержимой потребностью отъ времени до времени, безъ всякой видимой причины, вознаградить себя шумомъ и гамомъ за свое обычное восточное спокойствіе. Надъ обрывомъ рѣки живописно стоялъ аксакалъ съ бѣлой чалмой на головѣ, одѣтый въ бѣлый, подхваченный зеленымъ поясомъ съ серебряными бляхами халатъ; онъ, видимо, желалъ угодить начальству и распоряжался, усиленно размахивая руками и тщетно стараясь перекричать остальныхъ. Мало-по-малу безцѣльный шумъ унялся; тогда дѣло пошло успѣшнѣе, и арбы двинулись дальше.

Завернувъ въ одинъ изъ переулковъ и выѣхавъ изъ кишлака, мы очутились въ красивой долинѣ, окаймленной довольно высокими горами. Алайскій хребетъ въ Маргеланскомъ уѣздѣ рѣзко подымается надъ плоскостью равнины, почти не отдѣляясь отъ нея предгорьями, которыя въ другихъ мѣстностяхъ Ферганы придаютъ его сѣверному склону столь разнообразныя очертанія. Это обстоятельство уменьшаетъ въ уѣздѣ площадь пригодной для культуры земли, такъ какъ на подобныя предгорья въ другихъ уѣздахъ выпадаетъ рѣдкій вообще въ Ферганѣ дождь, рождаемый прикосновеніемъ горячихъ сѣверныхъ вѣтровъ къ холоднымъ вершинамъ хребта. На такихъ именно предгорьяхъ, на высотѣ 4—4$^1/_2$ тысячъ футовъ, обыкновенно располагаются прекрасныя «богарныя» поля, т.-е. поля, орошаемыя атмосферными осадками. Лишенное ихъ населеніе Маргеланскаго уѣзда вынуждено довольствовать-

ся исключительно посѣвами на земляхъ, орошаемыхъ искусственно, предѣлы которыхъ строго ограничены количествомъ воды, приносимой въ долину горными рѣчками.

Мы шли по Нефайрамскому ущелью, которое считается самымъ красивымъ изъ ущелій, прорѣзывающихъ Алайскій хребетъ. Здѣсь, близъ Учъ-Кургана, оно представляетъ долину версты въ 2 ширины, окаймленную по сторонамъ цѣпью горъ, подымающихся впереди все выше и выше. Рѣка Нефайрамъ, вытекающая на водораздѣлѣ Алайскаго хребта въ 70 верстахъ отъ его подножія, близъ перевала Тенгизъ-Бай, къ которому мы направлялись, извивается по долинѣ, скрытая отъ взора крутыми берегами промытой ею въ теченіе вѣковъ рытвины. Кое-гдѣ въ долинѣ, у подножія горъ, подъ тѣнью рощицъ пирамидальныхъ тополей виднѣются группы низкихъ саклей киргизскихъ зимовокъ, кое-гдѣ одинокій карагачъ поднимаетъ свою густую шаровидную шапку на крѣпкомъ и прямомъ стволѣ; его темная зелень рѣзко выдѣляется то на сѣромъ фонѣ голыхъ скалъ, то на фонѣ ярко-красной глины, мѣстами выступающей на склонахъ богатаго различными горными породами Алая.

Довольные, что избавились надолго отъ степной пыли, мы ѣхали веселой рысью, прислушиваясь къ мѣрному щелканью копытъ о каменистую дорогу, и были рады, что наконецъ началось «настоящее» путешествіе. Впереди насъ виднѣлся на днѣ долины укутанный зеленью кишлакъ, раскинувшій свои домики среди хлопковыхъ полей, изрѣзанныхъ линіями глиняныхъ заборовъ; густая тѣнь отъ осѣнявшей кишлакъ скалы ложилась на него, разстилаясь по дну долины, и всползала на подножіе противолежащихъ утесовъ. За нимъ два отрога скалы отдѣлялись отъ боковыхъ стѣнъ долины, преграждая ее, спускаясь красивымъ изгибомъ къ ея серединѣ, и охватывали своей рамкой картину горной дали, утопавшей въ розовомъ туманѣ неизвѣстно откуда падавшихъ лучей шедшаго за гору солнца.

Но вотъ долина стала суживаться, горы мѣстами подступили вплотную къ рѣкѣ; по дорогѣ съ трудомъ можно двоимъ ѣхать рядомъ, и мы вытягиваемся по ней слѣдомъ одинъ за другимъ. Она то поднимается по склону скалы на нѣсколько саженей надъ рѣкой, то спускается на дно ущелья; рѣка съ шумомъ бѣжитъ намъ навстрѣчу, взбивая о камни въ бѣлую пѣну свою прозрачную воду чуднаго зеленаго цвѣта.

Мы обгоняемъ арбы; лошади, съ утра некормленныя и съ утра безъ отдыха, съ трудомъ взбираются на подъемъ овраговъ; мальчуганы сарты, сидящіе верхомъ, безжалостно цукаютъ и бьютъ лошадей, усиленно напирая босыми ногами на оглобли, чтобы дать арбѣ равновѣсіе при подъемѣ. Съ своей стороны джигиты торопятъ внизъ. Это постоянное понуканіе уставшихъ лошадей и людей начинаетъ надоѣдать, назойливо раздражаетъ... А склоны горъ все круче; крупные камни, скатившіеся

съ нихъ на дорогу, все чаще загораживаютъ путь арбамъ, и наконецъ обозъ останавливается; широкій ходъ передней арбы уперся однимъ концомъ оси въ стѣну откоса, а другое колесо готово повиснуть надъ обрывомъ. Дальше идти невозможно, хотя до кордона Нефайрамскаго поста остается всего 4 версты. Надо снимать вещи съ арбъ и навьючивать ихъ. Опять крики, опять брань на непонятномъ языкѣ...

Темнѣетъ. Горы, теряя очертанія, сливаются въ полумракѣ въ однообразную, безжизненную громаду; рѣзкимъ, какимъ-то зловѣщимъ чернымъ пятномъ выдѣляются рѣдкія деревья на ихъ тускломъ сѣромъ

Кара-киргизскія женщины.

фонѣ; только изломанная причудливымъ узоромъ линія вершинъ вырисовывается еще отчетливо своими зубцами на не совсѣмъ стемнѣвшемъ небѣ, и бѣлая въ сумракѣ лента рѣки окаймляетъ ихъ подножіе. Глазъ не различаетъ разстоянія.

Скоро однако глазъ привыкаетъ къ темнотѣ; у человѣка и у лошадей появляется какой-то инстинктъ, и точно ощупью пробираешься въ потемкахъ, угадывая спуски въ овраги или изгибы дороги въ расширяющейся долинѣ. Наконецъ я подъѣхалъ къ весело свѣтившемуся своими окнами домику Нефайрамскаго поста...

Было чудное, радостное утро. Такъ же, какъ вчера, насъ сопровождалъ неумолкающій шумъ Нефайрама; картины были тѣ же, только

скалы росли все выше, и скоро мы увидѣли впереди первыя снѣжныя вершины. Дорога была въ отличномъ состояніи, карнизы нигдѣ не были менѣе аршина шириной, и мы безпрепятственно подвигались впередъ.

Алайскій хребетъ принадлежитъ вмѣстѣ съ идущимъ параллельно ему Заалайскимъ хребтомъ къ системѣ Тянь-Шаня; онъ отдѣляется отъ главной ея части въ юго-восточномъ углу Ферганы, близъ китайской границы, и тянется въ прямомъ направленіи на западъ на протяженіи болѣе 300 верстъ. Средняя его высота надъ уровнемъ моря 11.000 ф., а надъ Ферганской долиной—9500 ф. Шесть дорогъ, длиною около 80-ти верстъ каждая, прорѣзаютъ хребетъ съ сѣвера на югъ, подымаясь изъ Ферганской долины вдоль горныхъ рѣкъ на снѣжные перевалы и круто спускаясь въ долину Алая.

Трудно передать впечатлѣніе того разнообразія, которое глазъ подмѣчаетъ въ картинахъ Алайскаго хребта. Вотъ поднимается отвѣсная скала, она изборождена глубокими трещинами, рѣка омываетъ ея подножіе. Потомъ горы отходятъ отъ рѣки, и вода бѣжитъ между глинистыхъ кирпичнаго цвѣта береговъ, а дальше потокъ то пѣнится по камнямъ пороговъ, то шумитъ, ниспадая водопадомъ...

Карнизъ продолженъ по каменистой осыпи: когда-то здѣсь обрушилась часть скалы и, разбившись на милліоны обломковъ, легла отъ верхняго края горъ до дна рѣки покатой плоскостью, узкою въ своей далекой вершинѣ, что уперлась въ расщелину сосѣдей-утесовъ, широкою въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее пересѣкаемъ по карнизу, еще шире подъ нами, тамъ, внизу, на днѣ рѣки... А дальше гдѣ-нибудь высоко-высоко, на самомъ верхнемъ краю скалы выдѣляется на голубомъ небѣ одинокое дерево: такъ оно далеко и кажется такимъ маленькимъ... Кругомъ все пустынно и мрачно; только иногда у крутого поворота рѣки, гдѣ вода, въ теченіе вѣковъ подрывая глину берегового обрыва, отошла отъ противоположнаго берега, видишь въ укромномъ уголкѣ покинутаго теченіемъ рѣчного дна двѣ-три березы, и въ тѣни ихъ какіе-то желтые цвѣты, привѣтливо пестрѣющіе среди сочной травы.

Передъ вечеромъ прошелъ дождь. Уже смеркалось, когда мы стали спускаться въ небольшую долину, затерянную среди горъ; густой вечерній туманъ поднимался съ пропитанной сыростью почвы, стелясь по землѣ; въ туманѣ мы различили круглые своды юртъ, предназначенныхъ для нашей ночевки.

Обыкновенныхъ размѣровъ юрта свободно навьючивается на одного верблюда: большіе четырехугольные куски войлока (кошма), покрывающіе ея деревянный остовъ, кладутся на спину животному; поверхъ ихъ помѣщается самый остовъ—складная рѣшетка изъ прутьевъ, служащая стѣной этого остроумнаго зданія, при чемъ образуется что-то въ родѣ платформы, на которой иной разъ возсѣдаетъ супруга владѣльца верблюда, окруженная ребятишками и всякимъ скарбомъ; третья часть

юрты, ея сводъ, состоитъ изъ выгнутыхъ прутьевъ, нижніе концы которыхъ привязываются къ краямъ рѣшетчатой стѣнки, а верхніе соединяются въ центрѣ свода, упираясь въ края обода, служащаго въ то же время дымовымъ отверстіемъ. Весь этотъ сводъ въ разобранномъ видѣ, связанный въ одинъ пучокъ прутьевъ, также находитъ свое мѣсто на спинѣ верблюда. Если вамъ придется провести нѣсколько дней среди кочевниковъ, вы скоро освоитесь съ ихъ жилищемъ, и, привыкнувъ сидѣть на войлокахъ, которые разстилаются на землѣ, вы найдете въ немъ своеобразную прелесть. Только вотъ въ дождливую погоду оно не совсѣмъ пріятно тѣмъ запахомъ промокшей кошмы, который встрѣтилъ и меня, когда, согнувшись въ три дуги, я входилъ въ низенькую дверь одной изъ юртъ, гдѣ и засталъ моихъ спутниковъ среди оживленныхъ разговоровъ.

Голодъ утоленъ, и путешественники одинъ за другимъ вынимаютъ книжечки и начинаютъ при свѣтѣ огарка записывать событія дня. Все вносится въ эти книжечки: и часы приваловъ, и число мостовъ, и цвѣтъ небесъ, и то, что среди горныхъ породъ попадаются сіениты, и то, что у повстрѣчавшейся намъ старушки-киргизки лицо не было покрыто фатой, и высота показаній анероида.

На дворѣ шумъ... Выхожу изъ тепла на вечернюю свѣжесть и сырость, дождь льетъ. Вьюки пришли... развязали веревки, внесли ятаны, и черезъ полчаса въ юртѣ настала тишина... Потомъ и на дворѣ прекратился шумъ, смолкли голоса джигитовъ, и было слышно только, какъ лилъ безостановочный дождь и какъ привязанныя къ колышкамъ сонныя лошади переступали копытами въ промокшей муравѣ.

Весь слѣдующій день прошелъ въ безостановочномъ подъемѣ на перевалъ Тенгизъ-Бай. Мы вступили въ другой климатъ; температура днемъ едва достигала 20^0 Р., къ вечеру спустилась до 7^0. Здѣсь мы были уже въ поясѣ арчи; это красивое дерево съ бѣлымъ кручепымъ, точно канатъ, стволомъ, съ темной хвойной зеленью, принадлежитъ къ породѣ можжевеловыхъ и растетъ на высотѣ 1500—3000 метровъ; въ наше время арча—единственное дерево, растущее здѣсь въ достаточномъ изобиліи, чтобы образовать нѣчто въ родѣ рощъ, правда, очень не густыхъ. Изъ арчи сдѣланы также многочисленные мосты, переброшенные черезъ рѣку Нефайрамъ.

Устройство этихъ мостовъ очень незамысловато: два выступа, сложенные изъ камней, иногда съ промежуточными слоями древесныхъ кольевъ, выдвигаются отъ каждаго берега навстрѣчу другъ другу настолько близко, чтобы ширина пролета между ними не превышала длины переброшеннаго черезъ него бревна; настилка аршина $1^1/_2$ шириною состоитъ изъ жердей, присыпанныхъ землей. Получается мостъ вполнѣ крѣпкій и надежный, несмотря на его воздушный видъ. Во всей постройкѣ нѣтъ ни

одного гвоздя, и крупныя бревна связаны помощью хворостинъ. Очевидно, такой мостъ при значительной длинѣ (до 30—40 шаговъ) не отличается особенною устойчивостью: когда по немъ ѣдешь шагомъ, онъ качается какъ рессорный экипажъ и въ длину и поперекъ; это двойное качаніе при большой высотѣ надъ уровнемъ рѣки настолько непріятно, что даже туземцы считаютъ нужнымъ слѣзать и проводить лошадей въ поводу.

Мы все поднимались. На одномъ поворотѣ я оглянулся: позади меня сумрачно-лиловыя скалы сдвинулись глубокимъ амфитеатромъ; свинцовыя облака нависли надъ ними тяжелой крышей; а впереди, надо мной, ничего не было видно, кромѣ вырисовывавшагося на чистомъ небѣ края горы, по которой я взбирался. Казалось, еще нѣсколько саженъ, и я на вершинѣ перевала, но доберешься до края, а тамъ неожиданно сѣдловина и снова подъемъ.

Наконецъ, къ вечеру мы достигли унылой, безжизненной поляны у подножія горы, подобной огромному кургану: путь черезъ нее и есть перевалъ Тенгизъ-Бай; по ту сторону начинается спускъ по южному склону Алайскаго хребта въ долину Алая. Кругомъ стояли снѣжныя вершины.

Сильный холодъ заставилъ насъ рано проснуться на другой день: было 6° тепла, но послѣ недавнихъ 40-градусныхъ жаровъ намъ казалось, будто это было осеннее утро; разрѣженный горный воздухъ былъ свѣжъ и живительной струей вливался въ грудь.

Три четверти часа подъема—и мы на вершинѣ перевала, на высотѣ 11.800 футовъ. Дулъ холодный вѣтеръ. «Въ прошломъ году,—разсказываетъ мнѣ спутникъ, съ которымъ мы остановились, чтобы записать показанія барометра,—я былъ здѣсь двумя недѣлями раньше, и все еще было занесено снѣгомъ». Теперь снѣгъ лежалъ небольшими пятнами въ складкахъ косогора; едва замѣтный зарождающійся ручеекъ протекалъ вдоль дороги. Спускъ очень крутъ, и скоро мы опять очутились среди скалъ; снова появилась растительность сперва въ видѣ жалкихъ, стелющихся по землѣ экземпляровъ арчи, ниже—въ видѣ кустовъ рябины и березы. Ручеекъ превращается въ шумный потокъ, дорога врѣзается все глубже въ ущелье, входитъ наконецъ въ Дараутскую тѣснину; двѣ совершенно отвѣсныя гранитныя скалы сближаются между собой, оставляя путнику лишь узкій, въ 12 шаговъ шириною, проходъ, наполовину занятый теченіемъ рѣки. Подобныя мѣста опасны въ непогоду, когда быстро поднимающіяся воды ручьевъ, ворвавшись въ тѣснину, могутъ унести съ собою цѣлые караваны.

Еще верстъ 10 по хорошо разработанному карнизу, проложенному то черезъ черныя осыпи грифельныхъ сланцевъ, то въ полутьмѣ извилистаго коридора,—и къ полудню мы увидѣли въ концѣ тѣснины просвѣтъ: горы разступились, и нашимъ глазамъ представился залитый солнцемъ просторъ Алайской долины; по ту сторону ея, на томъ берегу

«красноводной» рѣки, за гладью зеленыхъ луговъ, прорѣзавъ бѣлоснѣжныя облака, уходили въ небесную высь вершины Заалая.

Слово «алай» значитъ «рай» по-киргизски; этимъ именемъ киргизы называютъ долину, заключенную между двумя почти параллельными хребтами, такъ называемымъ Алайскимъ и Заалаемъ. Долина эта со времени Федченко, открывшаго ее, заинтересовала геологовъ вопросомъ о своемъ происхожденіи: одни полагаютъ, что въ былое время ее заполняло ледниковое море, что позднѣе она служила дномъ нагорному озеру; другіе объясняютъ образованіе долины дѣйствіемъ рѣчныхъ водъ, размывшихъ мягкія породы окрестныхъ горъ.

Долина тянется въ широтномъ направленіи на протяженіи 120 верстъ, равномѣрно поднимаясь съ 8000 ф. на западномъ концѣ до 12.000 ф. у своего верховья; ширина ея остается почти та же на всемъ протяженіи и не превышаетъ 40 верстъ. Верховья долины находятся на томъ горномъ узлѣ, который, связывая Заалай, Алайскій и Ферганскій хребты, образуетъ водораздѣлъ трехъ бассейновъ: на сѣверъ текутъ притоки Сыръ-Дарьи въ Ферганскую долину, на востокъ и на западъ—двѣ одноименныя рѣки, два Кизылъ-Су; красная вода восточной, принявъ имя Кашгаръ-Дарьи, впадаетъ въ Таримъ, западный Кизылъ-Су впадаетъ въ Аму-Дарью.

Южная грань Алая—это громадный трехсотверстный Заалайскій хребетъ, поднимающійся въ среднемъ на 5 верстъ; начиная съ 13 т. ф., онъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, а въ средней его части поднимается на высоту $6^1/_2$ верстъ пикъ, носящій имя Пика Кауфмана. Восточнѣе поднимается почти на такую же высоту гигантскій Гурунчиды. На западѣ отроги Алая выдвигаются къ югу навстрѣчу Заалайскому хребту, оставляя лишь узкую тѣснину для водъ Кизыла, который здѣсь мѣняетъ свое названіе на Сурхъ-Объ; этотъ поперечный кряжъ замыкаетъ Алайскую долину.

Таково географическое положеніе Алая. Бѣднымъ, не избалованнымъ щедротами природы киргизамъ эта долина, съ ея сочной травой, съ многоводной рѣкой, прорѣзывающей ее въ длину, и обиліемъ ручьевъ, ниспадающихъ на склонахъ обоихъ гигантскихъ горныхъ кряжей, дѣйствительно должна казаться раемъ. Это—любимое мѣсто лѣтнихъ кочевокъ многочисленныхъ киргизскихъ родовъ, ходящихъ сюда изъ омскаго, андижанскаго и маргеланскаго уѣздовъ Ферганы. Въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ собирается здѣсь до 15 тыс. семей, откармливающихъ на просторѣ алайскихъ луговъ свой рогатый скотъ и овецъ; количество скота достигаетъ 500.000 головъ; встрѣчаются одногорбые верблюды, но изрѣдка, по нѣсколько штукъ у самыхъ богатыхъ хозяевъ. Съ половины августа кочевники начинаютъ возвращаться въ свои зимовки, долина постепенно пустѣетъ, и зимою глубокій снѣгъ покрываетъ сплошнымъ саваномъ

мертвую долину. Только въ низовьяхъ ея жизнь продолжается круглый годъ: въ боковыхъ ущельяхъ разбросаны жалкія сакли, въ которыхъ укрываются на зиму отъ непогоды около 150 семействъ. Кромѣ барановъ, главнымъ богатствомъ кочевниковъ являются яки—домашнее животное, весьма цѣнимое киргизами и какъ вьючная сила, и какъ скотъ, доставляющій молоко, шерсть и крѣпкую, толщиною въ палецъ, шкуру. Изъ длинной шерсти яка и пушистаго хвоста плетутся мягкія веревки для вьюковъ и лучшія подпруги. Зимою яки уходятъ въ горы, верстъ за 20 отъ жилища своихъ хозяевъ, и пасутся тамъ, пробивая крѣпкими копытами снѣгъ и даже ледъ.

Земледѣліе въ Алайской долинѣ возможно въ весьма незначительномъ размѣрѣ лишь въ низовьѣ ея, въ районѣ, занятомъ осѣдлыми киргизами, которые сѣютъ ячмень и пшеницу.

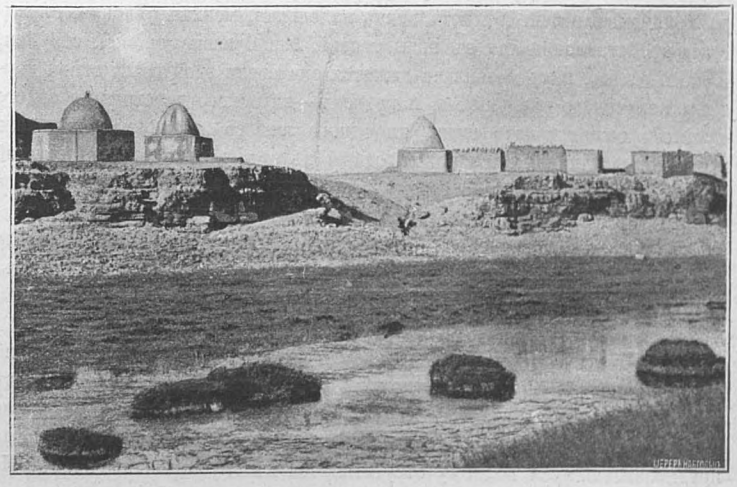
На „Крышѣ міра“.

(М. Воскобойникова.)

«Еще одинъ переходъ, всего какихъ-нибудь 40 верстъ,—и я увижу Памиръ!» Помню, какъ сильно волновала меня эта простая мысль въ продолженіе всей нашей стоянки въ Бардаба, мрачномъ ущельѣ Заалайскаго хребта. Да это и понятно. Памиръ!.. Какъ много привлекательнаго заключается въ этомъ простомъ словѣ для каждаго любознательнаго человѣка. Огромная высота страны надъ уровнемъ моря и недоступность, вызванная ея сосѣдствомъ съ такими горными хребтами, какъ Заалайскій съ сѣвера и Гиндукушъ съ юга, создали для нея фантастическое названіе «Крыши міра». Оригинальность природы, своеобразіе ея животныхъ формъ, необычайныя для глазъ картины, однимъ словомъ, самый характеръ Памира, какъ страны, какихъ немного на земномъ шарѣ,—вотъ что придаетъ обаятельность Памиру и теперь въ глазахъ всякаго интересующагося путешествіями человѣка.

Эта характерность памирскаго пейзажа была выражена до извѣстной степени въ мрачномъ, безжизненномъ колоритѣ ущелья Бардаба, гдѣ мы расположились на отдыхъ. Но вотъ лошади осѣданы; караванъ съ багажомъ уже далеко впереди; наконецъ и мы спускаемся съ пригорка, за которымъ укрывались наши юрты, въ широкую, усѣянную галькой долину. Узенькая дорожка довольно долго вьется у лѣваго склона широкаго ущелья и, круто повернувъ налѣво, сразу вступаетъ въ узкую тѣснину; обломки скалъ самой разнообразной формы и величины заваливаютъ дно ея, круто поднимающееся кверху. Рѣчка, несущаяся навстрѣчу намъ отъ перевала, то шумно бурлитъ между камнями, то болѣе спокойно журчитъ, разливаясь на широкихъ и свободныхъ отъ обломковъ мѣстахъ.

Мы подвигаемся все выше и выше, то по правому, то по лѣвому берегу потока, переправляясь черезъ него большею частью въ бродъ и изрѣдка по мосткамъ, переброшеннымъ въ особенно узкихъ и глубокихъ мѣстахъ. Холодный вѣтеръ дуетъ съ правой стороны, изъ другого ущелья: тамъ вдали, какъ бы загораживая выходъ изъ него, виднѣется огромная вся бѣлая отъ снѣга вершина. Скоро неудобная тропинка, по которой съ трудомъ ступаютъ лошади, переходитъ въ хорошую, только что исправленную дорогу. Правильные зигзаги ея краснаго цвѣта—цвѣта горной породы—видны далеко вверху до самаго перевала Кизылъ-Артъ.



Киргизскія могилы на Памирѣ.

Медленно подвигается нашъ караванъ, извиваясь змѣею по зигзагамъ дороги. Далеко внизу остались вьючные лошади и верблюды: мы давно обогнали ихъ. Но и наши лошади ступаютъ медленно и часто останавливаются: сильно разрѣженный воздухъ на высотѣ около четырехъ верстъ надъ уровнемъ моря такъ затрудняетъ дыханіе, что послѣ каждыхъ двухъ-трехъ десятковъ шаговъ у лошадей является одышка. Но вотъ послѣдній крутой поворотъ, и мы медленно выѣзжаемъ на небольшую площадку, раздѣляющую сѣверный и южный склоны Заалайскаго хребта.

Одиноко возвышается на ней киргизскій «мазаръ» (могила), сложенный изъ камней и украшенный рогами горныхъ козловъ и барановъ съ привязанными къ нимъ яркими лоскутками—убогими приношеніями киргизовъ. Внизу съ одной стороны ущелье, по которому мы поднялись, съ

другой—начало спуска, а дальше,—отчасти скрытая выступами горъ,—одна изъ типичнѣйшихъ долинъ Памира.

Уже съ половины спуска хорошо видны характерныя черты этой оригинальной страны. Унылая, мертвая тишина! Кругомъ невысокія горы съ округленными верхушками; ихъ склоны, сплошь покрытые осыпями изъ песка и мелкихъ камней, невольно вызываютъ въ воображеніи путника картину длиннаго періода медленнаго, постепеннаго разрушенія. Широкая долина между горами, вся усѣянная галькой сѣроватаго цвѣта, кажется какъ бы образованной какой-либо мощной, раньше протекавшей здѣсь рѣкой, а между тѣмъ съ верхней стороны долины по вѣерообразно расходящейся осыпи сбѣгаетъ внизъ маленькая, мелкая рѣчонка, съ высоты представляющаяся въ видѣ тонкой бѣлой извивающейся струйки, и какъ жалка, какъ безсильна кажется она среди этой грандіозной картины медленнаго разрушенія! А кругомъ—ни одного деревца, ни одного кустика, оживляющаго видъ, ни одного живого звука, нарушающаго мертвенную тишину; только холодный вѣтеръ дуетъ съ невѣроятной силой, какъ бы заявляя о своемъ господствѣ въ этой странѣ, о своемъ участіи въ созиданіи этой наводящей унынie картины.

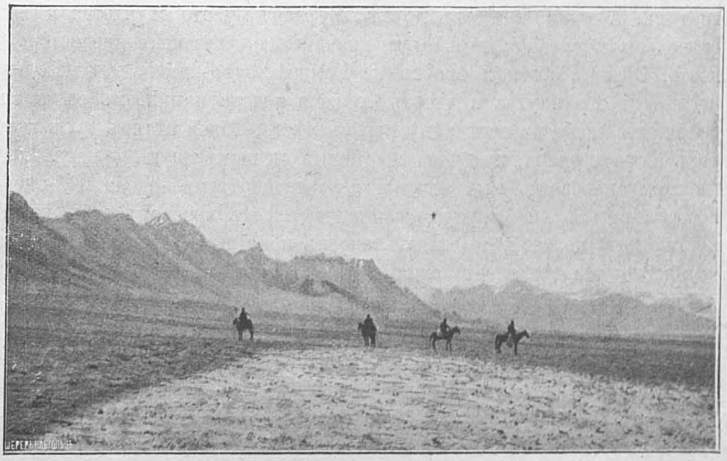
Спускаешься ниже—то же впечатлѣніе. Кое-гдѣ разбросанныя среди моря гальки и песка зеленыя розетки низкорослыхъ альпійскихъ травъ, да еще рѣже попадающіяся на глаза птицы, преимущественно удоды, мало нарушаютъ общій характеръ мѣстности.

Это кажущееся почти полнымъ отсутствіе жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ—первое, что поражаетъ васъ на Памирѣ. При первомъ взглядѣ на здѣшнія мѣста, особенно издали, сверху, невольно является мысль объ отсутствіи жизни на такихъ большихъ высотахъ, подобно нѣкогда предполагавшемуся полному отсутствію ея въ глубинахъ океановъ. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь подобное заключеніе оказывается несостоятельнымъ. Чѣмъ ближе узнаешь Памиръ, тѣмъ больше убѣждаешься, что и на такой высотѣ жизнь довольно сильна, хотя жизнь эта своеобразная, какъ и всегда, вполнѣ приспособленная къ мѣстнымъ условіямъ. Мелкая зеленая травка ютится по берегамъ рѣдкихъ рѣчекъ и ручейковъ, особенно по ущельямъ, гдѣ тающіе снѣга даютъ необходимую для нея влагу; тамъ же вверху, питаясь этой травой, живутъ наиболѣе крупные обитатели Памира: горные бараны—аркары [1]) и горные козлы—кіики; пепельно-желтый цвѣтъ ихъ шкуры какъ нельзя болѣе подходитъ къ цвѣту скалъ и осыпей, такъ что, несмотря на крупные размѣры этихъ животныхъ, ихъ очень трудно увидѣть издали.

По рѣчной галькѣ, ощипывая молодые побѣги жалкихъ кустиковъ травы, бѣгаютъ стаи пестрыхъ, необыкновенно красивыхъ саджей (Syr-

[1]) Взрослый аркаръ ростомъ приблизительно равенъ годовалому жеребенку; кіикъ—немного меньше.

rhaptes tibetanus); и этимъ птицамъ опереніе много помогаетъ укрываться отъ враговъ, къ числу которыхъ нельзя не отнести въ послѣднее время и любознательныхъ путешественниковъ. Ѣдешь по берегу рѣки, и вдругъ изъ-подъ самыхъ ногъ лошади срывается стая курочекъ и опускается въ нѣкоторомъ разстояніи на гальку; подъѣзжаешь ближе и на совершенно ровномъ мѣстѣ не видишь ни одной птицы до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь изъ нихъ не вздумаетъ перелетѣть отъ одного кустика травы къ другому: пока птица сидитъ, нужны очень хорошій глазъ и большая опытность, чтобы отличить ея пестрое опереніе отъ мелкихъ разноцвѣтныхъ камешковъ гальки.



На Памирѣ.

Труднѣе всего, конечно, увидѣть мелкихъ грызуновъ, какъ полевки и т. п., въ изобиліи населяющихъ Памиръ: норы ихъ въ огромномъ количествѣ попадаются на каждомъ шагу, а самаго звѣрка увидишь развѣ случайно, если онъ ночью забѣжитъ въ юрту. Изрѣдка за камнемъ замѣтишь торчащаго столбикомъ желтаго сурка, да и тотъ сейчасъ же спрячется въ норку. Даже насѣкомыхъ, благодаря скудной растительности, видно какъ-то мало. Довольно много пауковъ, но и они очень хорошо прячутся между камнями.

И вотъ хотя мало-по-малу убѣждаешься, что и на Памирѣ есть жизнь, первое безотрадное впечатлѣніе долго сохраняетъ еще свою силу: признаковъ жизни не видишь сразу, не присмотрѣвшись внимательно.

Верстахъ въ семи отъ перевала Кизылъ-Артъ, на берегу рѣчки Мар-

канъ-Су, ожидали насъ двѣ юрты, выставленныя памирскими киргизами. Выставляются юрты по особому распоряженію начальства; это—своего рода повинность и довольно тяжелая, несмотря на то, что путешествующіе обыкновенно платятъ киргизамъ: юрты на Марканъ-Су, напримѣръ, выставляются киргизами, живущими верстъ за 200 отъ этого мѣста. Когда мы вошли въ одну изъ нихъ, насъ прежде всего удивило, что она была привязана къ землѣ двумя широкими тесьмами, протянутыми отъ крыши къ полу. Обыкновенно этого не дѣлается, такъ какъ юрта и безъ такого укрѣпленія, благодаря своей тяжести, твердо стоитъ на землѣ, да и вообще тому, кто видѣлъ юрту и имѣлъ съ нею дѣло, и въ голову не придетъ, чтобы юрта могла когда-нибудь подняться на воздухъ. А между тѣмъ въ долинѣ Марканъ-Су это случается и случалось бы еще чаще, если бы не принималась указанная предосторожность. Вѣтеръ, обычный вообще на Памирѣ, здѣсь дуетъ каждый день часовъ съ 11-ти утра и часовъ до семи вечера и притомъ съ такою силой, что свободно срываетъ юрты съ мѣста. Такой вѣтеръ дулъ какъ разъ и въ то время, когда мы спустились съ перевала въ долину. Если къ этому прибавить еще очень низкую температуру—около 0°, сѣрое небо, а потомъ еще крупу, покрывшую передъ вечеромъ всѣ окрестности бѣлой пеленой, то станетъ вполнѣ понятнымъ, насколько и климатическія условія, встрѣтившія насъ на Памирѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, усиливали общую непріятность обстановки.

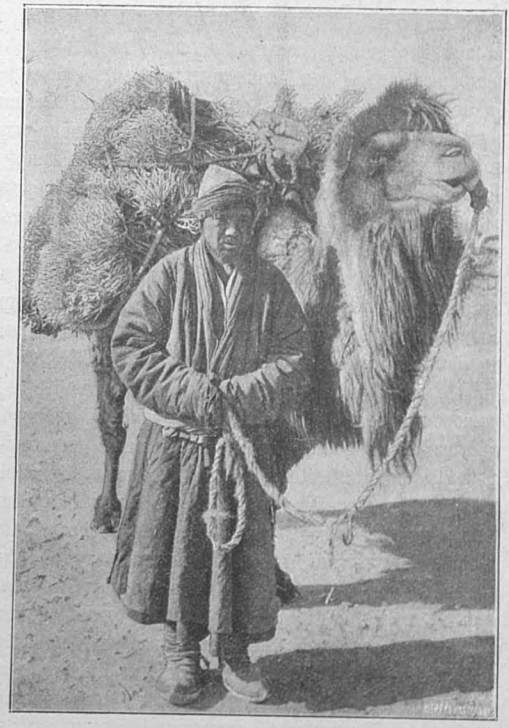
Къ вечеру холодъ настолько усилился, что намъ поневолѣ пришлось прибѣгнуть къ мѣстному топливу, чтобы нагрѣть юрту; такимъ топливомъ здѣсь служатъ довольно длинныя и широкія, какъ бы сплющенныя съ боковъ корневища мѣстнаго растенія «терескенъ»; низенькіе, плоскіе какъ тарелки, приплюснутые къ землѣ, круглой формы, кустики его, растущіе по всему Памиру, вытаскиваются изъ земли вмѣстѣ съ корнями и складываются около юртъ въ большія кучи для просушки. Изъ этого «терескена» мы устроили посреди юрты костеръ и наслаждались тепломъ, долго вдыхая ѣдкій, хотя и довольно пріятнаго запаха дымъ, наполнявшій юрту. А ночью холодъ еще усилился, и когда утромъ мы посмотрѣли на минимальный термометръ, оставленный на воздухѣ, то онъ показывалъ много ниже нуля (около — 10° С.). Рѣка была покрыта льдомъ, не успѣвшимъ оттаять и утромъ, несмотря на теплоту лучей южнаго солнца.

Скоро однако же воздухъ началъ нагрѣваться, и когда мы около восьми часовъ утра тронулись въ путь, было уже жарко, а нѣсколькими часами позже лучи солнца обжигали кожу на лицѣ.

Сильно измѣнился и характеръ мѣстности, по которой намъ приходилось теперь проѣзжать—остались только тѣ же низкія округлыя горы по бокамъ широкой долины. Гальку вездѣ замѣнялъ мелкій песокъ, гладко

покрывавшій всю долину; изъ ущелій какъ бы вытекали огромные вѣерообразные потоки такого же песка, сливающіеся съ пескомъ долины. Воды ни капли; травы—тоже. Кругомъ мертвая пустыня, безъ звука, безъ движенія, безъ жизни... Солнце печетъ съ страшной силой, а необыкновенно прозрачный, на этотъ разъ совершенно неподвижный воздухъ даетъ возможность различать издали всѣ детали этой чудной картины.

Но вотъ мы спускаемся въ небольшую рѣчную долинку, и вдругъ рѣзкій порывъ ледяного вѣтра изъ сосѣдняго ущелья заставляетъ теплѣе закрыть одну сторону тѣла; останавливаемся, чтобы напоить лошадей, и видимъ, что рѣка еще покрыта льдомъ. такъ сильна разница въ температурѣ на разстояніи одной-двухъ верстъ! Переѣзжаемъ рѣку, поднимаемся немного въ гору, и снова полная тишина, и снова солнце печетъ съ страшной силой. Некрутой подъемъ по широкой долинѣ приводитъ насъ къ небольшому перевалу Уй-Булакъ, пользующемуся печальной извѣстностью на Памирѣ: говорятъ, что на немъ особенно часто почему-то обнаруживаются признаки горной болѣзни. Хотя мы, проѣзжая здѣсь, ничуть не оправдали своимъ примѣромъ репутаціи этого страшнаго мѣста, тѣмъ не менѣе мы не остановились здѣсь на отдыхъ, разсчитывая скоро встрѣтить болѣе удобную и безопасную стоянку. И расчетъ нашъ оказался вѣрнымъ. Едва успѣли мы немного отъѣхать отъ перевала, яркая синяя полоса далеко внизу бросилась намъ въ глаза. Спустились немного ниже, и передъ нами въ огромной котловинѣ,



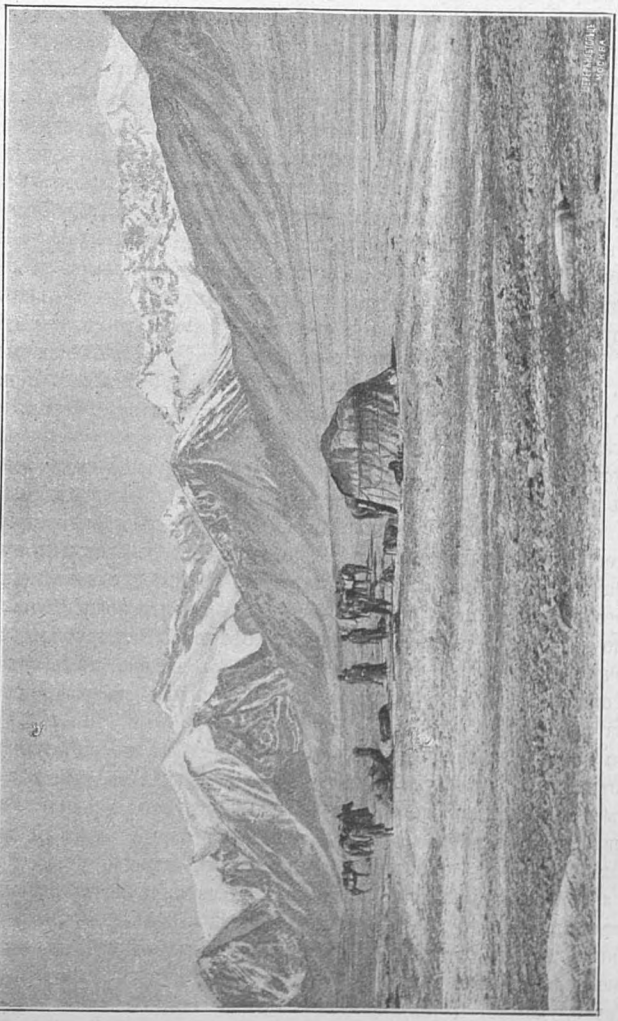
Перевозка терескена.

окруженной горами, открылся весь низкій восточный берегъ озера Большой Кара-Куль; верстъ на 15—20 тянулся онъ на югъ, какъ будто до самыхъ снѣжныхъ горъ, стоявшихъ вдали бѣлою стѣною. Пепельно-желтый цвѣтъ этого плоскаго берега и прилегающей къ нему части котловины составлялъ эффектный контрастъ съ темно-синимъ цвѣтомъ воды озера, раскинувшагося до самыхъ горъ западной ея части. Обиліе воды, яркость красокъ такъ пріятно ласкали глазъ, утомленный скучными однообразными видами, что трудно было оторваться отъ этого рѣдкаго явленія на такой огромной высотѣ (около 4 верстъ надъ уровнемъ моря). Мы сошли съ лошадей и расположились около большого камня, торчавшаго одиноко среди мелкихъ обломковъ скалъ. Самая форма этого камня, выдолбленнаго съ одной стороны въ видѣ пещеры, заинтересовала насъ, но при дальнѣйшихъ странствованіяхъ по Памиру мы такъ часто встрѣчали подобное явленіе, что скоро перестали обращать на него вниманіе; въ нѣкоторыхъ обломкахъ углубленіе проникаетъ такъ далеко, что доходитъ до противоположной стороны и образуетъ сквозную дыру; такія углубленія у сосѣднихъ камней всѣ направлены въ одну опредѣленную сторону, и это, очевидно, стоитъ въ связи съ преобладающимъ направленіемъ вѣтра, способствующаго ударомъ песчинокъ о камни разрушенію горныхъ породъ.

Не такъ однако привлекательна долина Кара-Куля вблизи, какъ она кажется сверху. Климатическія условія неблагопріятны для кочевокъ киргизовъ въ этой мѣстности: сильные снѣжные бураны очень часты здѣсь даже и лѣтомъ. Но намъ судьба благопріятствовала и избавила насъ отъ всѣхъ ужасовъ, о которыхъ насъ предупреждали. Только одинъ вечеръ погода немного испортилась: облака окутали горы, спустившись чуть не въ самую долину; дулъ сильный, очень холодный вѣтеръ и шелъ дождь, а потомъ и снѣгъ; но уже на другой день снѣгъ весь растаялъ подъ теплыми лучами солнца и сохранился только вверху на горахъ, гдѣ еще долго висѣли тучи и виднѣлись полосы падающаго снѣга. Вѣтеръ продолжался и днемъ, и озеро при яркомъ солнечномъ освѣщеніи казалось почти чернымъ, а вздымавшіяся на немъ большія волны съ бѣлыми гребешками придавали ему довольно внушительный видъ.

Пустынный характеръ Памира вполнѣ сохраняется и на сѣверо-восточномъ берегу Кара-Куля. Рѣдко разбросанныя на желтомъ фонѣ глинистой почвы пятна низкихъ растеній въ видѣ правильныхъ зеленыхъ кружковъ мало разнообразятъ мѣстность; но чѣмъ дальше подвигаешься къ югу, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе оживляется характеръ берега: множество небольшихъ озерковъ различной формы и величины разбросаны по всему берегу; почти всѣ они соединены притоками другъ съ другомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ соединяются и съ самымъ Кара-Кулемъ. Гуси,

утки, бакланы плаваютъ по этимъ озерамъ и у берега Кара-Куля; стаи разныхъ куликовъ постоянно перелетаютъ съ берега на берегъ; чайки



Стоянка на Памирѣ.

медленно плаваютъ въ воздухѣ, оглашая его своимъ пронзительнымъ крикомъ. Вода этихъ небольшихъ озеръ и лужъ настолько переполнена мелкими ракообразными, что самый цвѣтъ ея зависитъ отъ цвѣта этого

почти микроскопическаго населенія: попадаются лужи съ краснымъ, чернымъ и другими оттѣнками цвѣта воды.

Впрочемъ, жизнь окрестностей Кара-Куля не ограничивается одними берегами озера; она есть и въ горахъ, окружающихъ котловину. Стоитъ только посмотрѣть на склоны этихъ горъ, какъ сейчасъ же замѣтишь множество узкихъ тропинокъ, перекрещивающихся въ разныхъ направленіяхъ и уходящихъ далеко вверхъ; это—слѣды аркаровъ, или горныхъ барановъ. Въ долинѣ постоянно попадаются валяющіеся на землѣ то тамъ, то здѣсь ихъ огромные винтообразные закрученные рога съ остатками черепа, нѣкогда украшавшіе самцовъ-аркаровъ. Разбросанные по гладкой поверхности здѣшнихъ долинъ, рога эти являются одной изъ характернѣйшихъ чертъ памирскаго пейзажа.

Собираніе аркарьихъ роговъ и продажа ихъ осѣдлымъ жителямъ Туркестана на различнаго рода подѣлки составляетъ здѣсь нѣкотораго рода промыселъ, правда, мало доходный вслѣдствіе дороговизны перевозки. На Памирѣ, около русскаго укрѣпленія «Памирскій постъ», можно купить пару роговъ копеекъ за 40—50. Мясо аркаровъ довольно вкусно, и изъ-за него главнымъ образомъ охотятся на аркаровъ мѣстные жители.

Охота эта далеко не легка. Аркары держатся, впрочемъ, всегда на горахъ съ болѣе или менѣе отлогими склонами и, повидимому, избѣгаютъ крутыхъ скалъ, мѣшающихъ имъ пользоваться быстротою своихъ ногъ въ случаяхъ опасности. Необыкновенно осторожные, они при малѣйшемъ намекѣ на опасность стараются убѣжать; однако, пораженные неожиданнымъ выстрѣломъ, часто нѣсколько времени стоятъ неподвижно и только потомъ, опомнившись, убѣгаютъ. Вся трудность охоты заключается въ томъ, чтобы увидѣть аркаровъ прежде, чѣмъ они замѣтятъ опасность, и подкрасться обходнымъ путемъ на разстояніе выстрѣла (шаговъ 400—800).

По широкой ровной долинѣ, усѣянной пескомъ, подвигаемся мы къ югу отъ озера Кара-Куля. Далеко впереди виднѣются снѣжныя горы; ѣдешь прямо на нихъ, но онѣ нисколько не становятся ближе. Но вотъ тропинка заворачиваетъ налѣво, въ узкое ущелье; у входа въ него на холмикѣ виднѣются загородки, сложенныя изъ камней; по кучамъ роговъ аркаровъ и кіиковъ съ привязанными на нихъ лоскутками мы догадываемся, что это опять киргизскія могилы. На землѣ около одной изъ нихъ лежитъ камень съ небольшимъ углубленіемъ, въ которомъ обыкновенно скопляется вода.

Узкое ущелье, начинающееся у могилъ, соединяетъ долину Кара-Куля съ другой долиной, носящей оригинальное названіе Мусъ-Колъ—ледяная долина. Лѣвый склонъ этого ущелья состоитъ изъ сланцеватыхъ породъ различныхъ цвѣтовъ, отъ краснаго до зеленаго, образующихъ

при разрушеніи необыкновенно оригинальныя фигуры; вся нижняя часть склона покрыта гладкими осыпями, надъ которыми тянется какъ бы цѣлый непрерывный рядъ легкихъ готическихъ построекъ, задней своей стороной непосредственно примыкающихъ къ верхней крутой части горы; узкая долина въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сплошь усѣяна обломками породъ, имѣющихъ видъ пластинокъ разныхъ цвѣтовъ и величины. Постепенно поднимаясь по ущелью, мы достигаемъ наконецъ небольшого, едва замѣтнаго перевала, служащаго водораздѣломъ, немного спускаемся, и передъ нами внизу открывается самая долина Мусъ-Колъ, по которой прокладываетъ себѣ путь маленькая рѣчка обычнаго памирскаго характера. Въ верхней части долины по берегамъ рѣки зеленѣетъ трава, ниже—травы меньше, виднѣются только отдѣльныя темно-зеленыя пятна; это—кустики ревеня, изъ листьевъ котораго путешественники обыкновенно приготовляютъ себѣ салатъ; еще ниже—и рѣчка и трава совершенно исчезаютъ, и все пространство долины занято однимъ сплошнымъ пластомъ льда, прикрытаго снѣгомъ. Испытавъ силу солнечныхъ лучей на Памирѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ, неохотно вѣришь разсказамъ о громадныхъ количествахъ льда, сохраняющагося въ долинѣ Мусъ-Колъ и лѣтомъ. Тѣмъ болѣе поражаешься, когда увидишь самъ это странное явленіе. Въ двухъ сосѣднихъ съ Мусъ-Коломъ долинахъ рѣкъ Акъ-Байтала и Кизилъ-Джіика находятся такія же ледяныя поля. Что-то весеннее чувствуется въ этомъ сочетаніи палящихъ солнечныхъ лучей, ярко-зеленой травы и бѣлаго, блестящаго на солнцѣ снѣжнаго поля.

Когда мы выѣзжали изъ Мусъ-Кола, было ясно и тепло. Оставивъ въ сторонѣ ледяное поле, мы скоро выѣхали на обычную широкую долину съ разноцвѣтными горами по сторонамъ. Далеко впереди виднѣлись на горахъ облака; можно было разсмотрѣть даже полосы падающаго снѣга. По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, становилось все холоднѣе; сильный вѣтеръ пронизывалъ насъ, несмотря на запасъ теплаго платья. Перевалъ весь былъ окутанъ какою-то смѣсью облаковъ, тумана и падающаго снѣга. Кое-какъ, наконецъ, мы его перешли и начинаемъ спускаться. Ѣдемъ нѣсколько минутъ, и вдругъ, точно въ театрѣ, картина сразу мѣняется. Вѣтра уже нѣтъ; выглянувшее изъ-за тучъ солнце ярко освѣщаетъ медленно падающіе хлопья снѣга и красную отвѣсную стѣну песчаника съ зубцами и оврагами, по которымъ медленно ползутъ кверху легкія, почти прозрачныя струйки облаковъ.

Спустившись еще немного съ перевала, мы должны были остановиться на ночевку на берегу небольшой горной рѣчки. Къ несчастію, на этотъ разъ юрты не были выставлены заранѣе и, главное, не было заготовлено топливо. Сильно продрогшіе, мы особенно нуждались въ огнѣ, чтобы погрѣться чаемъ. Впрочемъ, скоро киргизы, провожавшіе насъ, притащили разобранную юрту, которую они взяли у жившаго недалеко почто-

ваго джигита [1]). Топливо тоже нашлось. Киргизы тутъ же поблизости нарыли терескену, но такъ какъ онъ былъ сырой, то очень большихъ трудовъ стоило развести костеръ, принимая во вниманіе еще, что сверху не переставалъ падать мокрый снѣгъ. Какъ бы то ни было, въ концѣ-концовъ костеръ запылалъ; скоро подоспѣлъ нашъ караванъ, и тогда все пошло успѣшнѣе, такъ что скоро мы уже блаженствовали за чаемъ.

На другой день рано утромъ солнце свѣтило ярко, и вся долина зеленѣла, совершенно свободная отъ снѣга; только вверху кое-гдѣ уцѣлѣлъ легкій снѣжный покровъ; тамъ же лѣпились еще бѣлоснѣжныя золотистыя кучки облаковъ. По мѣрѣ того, какъ мы удалялись отъ Кизилъ-Джіика, становилось все жарче и жарче, и наконецъ, когда мы были въ той самой долинѣ, которую видѣли внизу съ перевала, солнце грѣло уже такъ сильно, что пришлось отвернуть края шляпы, чтобы защитить ими лицо.

Но вотъ мы уже въ долинѣ и—увы!—испытываемъ нѣкоторое разочарованіе: небольшой кусочекъ зеркальной поверхности воды налѣво да нѣсколько побольше направо; ѣдемъ прямо впередъ, и эти жалкіе кусочки почти скрываются. Это были видны части двухъ озеръ—Рангъ-Куля (восточнаго) и Шоръ-Куля (западнаго), расположенныхъ въ одной долинѣ и соединенныхъ другъ съ другомъ узкимъ проливомъ версты въ три длиною. Далеко направо, на берегу Шоръ-Куля, сильно выдается отдѣльная скала, называемая у киргизовъ Чиракъ-Ташъ — «свѣтящійся камень». Наверху этой скалы есть пещера, и въ ней, говорятъ киргизы, всегда свѣтится огонь, который можно легко увидѣть, если смотрѣть съ опредѣленнаго мѣста берега Шоръ-Куля. Мѣсто это обозначено кучкой камней, и каждый киргизъ, проѣзжающій мимо него, считаетъ долгомъ остановиться, посмотрѣть на огонь и совершить молитву. Оставляя далеко въ сторонѣ эту скалу, мы съ нѣкоторыми затрудненіями переправляемся черезъ проливъ и долго ѣдемъ по южному берегу Рангъ-Куля, и все время справа отъ насъ близко торчитъ стѣна причудливыхъ скалъ, а слѣва теперь уже далеко видна гладь озера съ зелеными, покрытыми травой берегами. Въ этой мѣстности, богатой пещерами, виднѣющимися далеко вверху на скалахъ, естественно главной темой легендъ сдѣлались именно эти пещеры съ зарытыми въ нихъ кладами. Одна изъ нихъ наверху огромной скалы, называемая Салыкъ-Ташъ, пользуется особенною извѣстностью среди киргизовъ. Въ этой пещерѣ, го-

[1]) На Памирѣ существуетъ почтовое сообщеніе. Почта перевозится конными джигитами отъ станціи до станціи (верстъ 50). Станціями называются пункты, на которыхъ въ одной или двухъ юртахъ живутъ два-три запасныхъ джигита. Почтовое сообщеніе установлено между Ферганской долиной и русскими крѣпостями на Памирѣ, главной изъ которыхъ считается „Памирскій постъ“.

ворятъ киргизы, спрятанъ богатый кладъ; бѣлая полоса внизу пещеры— это кошма, которою прикрыты сокровища.

Солнце уже низко стояло надъ горизонтомъ, косыми лучами освѣщая всю долину; совершенно зеркальная поверхность озера рѣзко отражала пологія горы противоположной стороны; кое-гдѣ только гладь ея нарушалась плывущими стадами гусей, возвращающихся на ночлегъ съ восточнаго болотистаго берега на низкій островъ, расположенный на срединѣ озера. Небольшія стайки утокъ изрѣдка пролетали низко, почти надъ самою поверхностью воды. Прямо передъ нами на восточной сторонѣ долины бѣлѣли снѣжные гребни горъ, лежащихъ уже за русской границей, а правѣе, на юго-востокѣ, едва виднѣлась двуглавая вершина гиганта Мустагъ-Ата (отецъ льда). Расположившись прямо на землѣ, мы ожидали прибытія юртъ, за которыми поскакалъ одинъ изъ киргизовъ въ ближайшій населенный пунктъ.

Памирскіе киргизы.

Лишь только въ окрестностяхъ стало извѣстно о нашемъ прибытіи, къ намъ явились представиться три киргиза, занимающіе наиболѣе почетное положеніе среди мѣстнаго населенія. Это были: волостной, судья и третій, толстый, уже нѣсколько обрюзгшій киргизъ, хотя и не занимавшій никакой должности, но уже своею наружностью говорившій о томъ, почему онъ явился въ качествѣ почетнаго лица: это былъ, какъ намъ объясняли киргизы, «самый богатый человѣкъ». Интереснѣе

всѣхъ былъ судья, высокій, стройный, съ умными, хитрыми глазками; онъ главнымъ образомъ поддерживалъ съ нами разговоръ, конечно, черезъ переводчика. Въ качествѣ подарка киргизы привезли намъ необыкновенно вкуснаго каймака въ вывернутомъ бараньемъ желудкѣ; такой подарокъ былъ необыкновенно кстати, такъ какъ караванъ нашъ отсталъ по дорогѣ и безъ него нельзя было приготовить обѣда, а мы успѣли уже сильно утомиться длиннымъ переходомъ и изрядно проголодались.

Осматривая пещеру, въ которой, по словамъ киргизовъ, китайцы бродили три дня, мы убѣдились въ значительной ея величинѣ; развѣтвленій въ этой пещерѣ такъ много, что при неосторожности можно не только проходить по коридорамъ три дня, но и навсегда остаться тамъ, заблудившись. Существованіе известковыхъ натековъ въ этой и другихъ пещерахъ достаточно объясняетъ происхожденіе бѣлой полосы въ недоступной таинственной пещерѣ. Скоро и чудесная свѣтящаяся пещера (Чиракъ-Ташъ) утеряла всю прелесть таинственности, послѣ того какъ мы убѣдились, что всему виною сквозное отверстіе въ скалѣ, черезъ которое виденъ освѣщенный склонъ сосѣдней горы въ видѣ свѣтлаго кружка.

Свѣтлая лунная ночь. Ясное прозрачное небо широкимъ куполомъ покрываетъ долину и, соединяясь на горизонтѣ съ гребнями горъ, какъ бы отдѣляетъ ее отъ всего остального міра. Изрѣдка подуетъ вѣтерокъ и снова стихнетъ. Гдѣ-то раздается свистъ кулика. Яркій круглый мѣсяцъ стоитъ какъ разъ надъ высокой отвѣсной скалой Салыкъ-Ташъ, оставляя въ тѣни всю ея сторону, обращенную къ озеру; искоса поглядываетъ онъ только на сосѣднія скалы, и ихъ причудливыя рѣзкія формы, освѣщаемыя его свѣтомъ, постепенно сглаживаются, удаляясь туда, на западъ, къ озеру Шоръ-Кулю, а тамъ, далеко на его берегу, одиноко стоитъ Чиракъ-Ташъ съ своей странной свѣтящейся пещерой. Далеко, далеко на юго-востокѣ бѣлѣетъ, точно прозрачное облако на горахъ, громадный Мустагъ-Ата съ своей двуглавой вершиной, покрытой вѣчныхъ снѣгомъ, а лѣвѣе тянется такимъ же прозрачнымъ облакомъ длинный снѣжный хребетъ. Озеро едва замѣтно; въ его зеркальной поверхности отражаются пологія горы противоположнаго берега, и это отраженіе незамѣтно сливается съ настоящими горами, блѣдно освѣщаемыми луною. Полная тишина. Темною стѣной стоятъ безмолвныя каменныя громады, хранящія въ своихъ нѣдрахъ чудесныя тайны киргизскихъ легендъ. Неподвижна и молчалива высокая скала Салыкъ-Ташъ съ своей заваленной кладомъ пещерой. Ни звука не доносится со стороны Шоръ-Куля и его свѣтящейся скалы. Все какъ бы замерло, и только легкій дымокъ, выходящій изъ юрты нашихъ проводниковъ, заготовляющихъ провіантъ для пути, нарушаетъ общій тонъ картины.

Отъ долины Рангъ-Куля недалеко уже было и до конечнаго южнаго пункта нашего путешествія, именно до русскаго укрѣпленія «Памирскій

постъ». На слѣдующій день часа въ 4 мы уже подъѣзжали къ нему. Еще сильно пекло солнце, когда мы быстрѣе погнали лошадей, увидавъ на горизонтѣ низкія сѣрыя стѣны крѣпости. Онѣ были первымъ бросившимся намъ въ глаза признакомъ цивилизаціи на Памирѣ.

Ташкентъ.

(А. Кауфмана.)

Попавъ въ Ташкентъ, вы съ изумленіемъ видите себя среди сплошного чисто итальянскаго сада, въ густой зелени котораго тонутъ одноэтажные, по большей части аккуратно и не безъ вкуса выстроенные, свѣтло окрашенные каменные домики. Вечеромъ даже старожилъ не безъ труда оріентируется въ городѣ: при слабомъ, еще поглощаемомъ густою листвою свѣтѣ керосиновыхъ фонарей, едва мерцающихъ среди темной южной ночи, всѣ улицы похожи одна на другую; это все широкія, прямыя, по большей части шоссированныя (впрочемъ, плохо шоссированныя) аллеи; питаясь водою изъ пробѣгающихъ тутъ же небольшихъ арычковъ, высятся въ два ряда густо посаженныя деревья. И что за деревья! Гигантскіе пирамидальные тополя, айланты съ ихъ громадными перовидными листьями и кистями желтовато-бѣлыхъ или красныхъ сѣменныхъ крылатокъ, абрикосы, шелковица, развѣсистый чинаръ или платанъ, кое-гдѣ туйя, адамово дерево съ остроконечными большими листьями и длинными узкими стручками и удивительные карагачи съ ихъ густой яйцевидной кроной, не оставляющей никакого просвѣта для палящихъ солнечныхъ лучей. И благодаря постоянной поливкѣ, при горячемъ средне-азіатскомъ солнцѣ и благодатной лессовой почвѣ, деревья достигаютъ прямо-таки необыкновеннаго роста: тополь въ пятьшесть лѣтъ вырастаетъ уже на полную высоту; деревья 25—30-лѣтняго возраста имѣютъ десять, двѣнадцать, шестнадцать вершковъ въ поперечникѣ. При каждомъ домѣ садъ съ тою же чудною растительностью, нѣсколько прекрасныхъ общественныхъ садовъ,—словомъ, нигдѣ въ Россіи вы не найдете въ большомъ городѣ такого изобилія зелени и такой массы тѣнистой, слишкомъ тѣнистой прохлады.

Но тѣ же самыя небольшія канавки, расположенныя по обѣ стороны каждой улицы и забѣгающія во всѣ дворы, канавки, всюду разносящія жизнь, со своею веселою журчащею, слегка мутною водой,—эти канавки вмѣстѣ съ жизнью всюду разносятъ малярію. Малярія—это властительница думъ русскихъ жителей Ташкента, и куда вы ни зайдете, начиная отъ просторныхъ, тонущихъ въ дивномъ саду, генералъ-губернаторскихъ палатъ и кончая скромною квартирой мелкаго чиновника или торговца, вездѣ вы непремѣнно услышите разговоры о маляріи и почти вездѣ увидите больныхъ этою болѣзнью. Благодаря массѣ воды

и тѣни, жара во время дня не такая жгучая, какъ на открытой не орошенной степи, но зато тяжелая и душная, а вечеромъ, среди самаго жаркаго лѣта, чувствуется пронизывающая сырость.

Ташкентъ по преимуществу городъ военныхъ и чиновниковъ, административный центръ обширной окраины, до сихъ поръ еще состоящей на военномъ положеніи. На каждой улицѣ вывѣски разныхъ штабовъ, управленій и канцелярій; на каждомъ шагу кокарды офицеровъ и чиновниковъ и красныя шаровары солдатъ. Магазиновъ и лавокъ въ русскомъ городѣ очень мало и всѣ они обслуживаютъ того же офицера или чиновника. Только въ самые послѣдніе годы средне-азіатская дорога соединила Ташкентъ съ Россіей, впрочемъ очень длиннымъ и кружнымъ путемъ; открыта Оренбургско-Ташкентская желѣзная дорога, обѣщающая открыть край настежь для нашествія капитала, и уже теперь ташкентскій районъ сдѣлался однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ туркестанскаго хлопководства. Какъ и на нашемъ Дальнемъ Востокѣ, здѣсь дороги всякіе продукты, но еще дороже—люди. И тѣмъ не менѣе многіе, несмотря на лихорадки, несмотря на дороговизну, тоже часто привязываются къ Туркестану. Нечего уже и говорить о такъ называемыхъ «старыхъ туркестанцахъ»—во многомъ симпатичный типъ, если не вымирающій, то во всякомъ случаѣ уже теряющійся среди массы наѣзжаго люда, для которыхъ Туркестанъ вторая родина,—даже люди, пріѣхавшіе сравнительно недавно, сплошь и рядомъ укореняются въ краѣ и не мечтаютъ о возвращеніи «въ Россію». Что ихъ привязываетъ къ краю, они часто сами не могутъ сказать. Но не послѣднюю роль здѣсь играетъ горячее южное солнце, длинное лѣто и яркая природа, послѣ которыхъ какъ-то странно возвращаться куда-нибудь въ Москву съ ея полугодичною зимой или въ Петербургъ съ его слякотью и туманами.

Какъ я уже сказалъ, русскій Ташкентъ имѣетъ видъ довольно благоустроеннаго европейскаго города, хотя въ немъ почему-то нѣтъ не только электрическаго освѣщенія, но даже такой вещи какъ телефонъ, вездѣ привившійся, даже въ Сибири. Прекрасные тротуары изъ сырцоваго кирпича, тщательная или даже чрезмѣрная, съ точки зрѣнія маляріи, поливка улицъ, библіотеки, музеи, хорошіе на видъ магазины. Но на каждомъ шагу вы видите, что этотъ почти европейскій городъ заброшенъ въ самое сердце Средней Россіи. Вотъ наперерѣзъ Константиновскаго сквера, гдѣ на мѣстѣ бывшей могилы «устроителя края» Константина Петровича фонъ-Кауфмана устроенъ оригинальный памятникъ, тянется караванъ верблюдовъ, несущихъ низкосортную московскую мануфактуру «пунцъ» куда-нибудь въ глубь киргизскихъ кочевьевъ, а навстрѣчу этому каравану среди густого клуба пыли нѣсколько киргизовъ въ сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ гонятъ отару вымѣненныхъ, вѣроятно,

Улица въ русской части Ташкента.

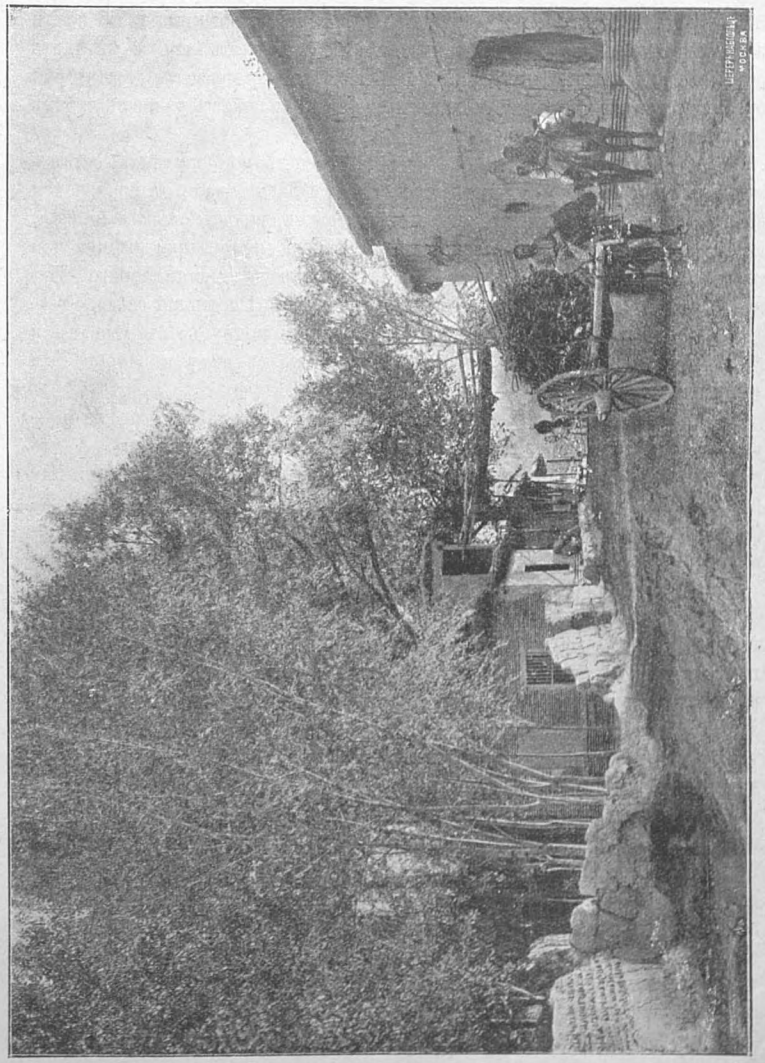
на такой же пунцъ барановъ, съ отвисшими жирными курдюками. По всѣмъ улицамъ, вперемежку съ цивилизованными пролетками (извозчики, впрочемъ, почти исключительно сарты или киргизы), медленно двигаются скрипучія арбы, съ ихъ огромными, чуть не въ два человѣческихъ роста, широко разставленными колесами, такъ хорошо приспособленными для передвиженія безъ дорогъ, черезъ крупныя рытвины и небольшіе арыки; а на арбахъ то снопы люцерны въ круглыхъ плетеныхъ кузовахъ, то мусоръ съ какой-нибудь постройки, то горой наваленныя дыни, то группа женщинъ-сартянокъ съ наброшенными на голову, обязательно сѣрыми, халатами и со спущенными на лицо частыми волосяными сѣтками. Около присутственныхъ мѣстъ на привязи всегда масса верховыхъ лошадей, а по улицамъ то и дѣло снуютъ или стоятъ небольшими группами верховые киргизы или, чуть не волоча ногами по землѣ, проѣзжаетъ сартъ верхомъ на маленькомъ длинноухомъ ишакѣ, который, кромѣ своего хозяина, несетъ еще батманъ пшеницы или хорошій вьюкъ люцернаго сѣна.

Въ Ташкентѣ вся черная работа лежитъ на смугломъ, чернобородомъ, по большей части довольно благообразномъ сартѣ. Онъ въ чистомъ чесунчовомъ халатѣ и въ расшитой тюбетейкѣ встрѣчаетъ васъ на порогѣ самыхъ важныхъ домовъ русскаго Ташкента и замѣняетъ кухарку даже въ средне-состоятельныхъ русскихъ семьяхъ, которыя не нахвалятся его честностью и трудолюбіемъ. Онъ является въ гостиницу къ пріѣзжему «тюрэ», какъ комиссіонеръ и факторъ, предлагая найти ковры, лошадей, квартиры; онъ же въ рубахѣ и широкихъ шароварахъ ходитъ по улицамъ съ корзиною фруктовъ, заглядывая во всѣ окна и оглашая воздухъ причудливо варіированными выкриками: «крупнòй виноградъ», «французской пырсикъ», «настоящій душэсъ», и въ тотъ самый моментъ, когда я пишу эти строки, я слышу въ окно: «товаръ не надо ли? шелковый платокъ? вышитой туфли?» Сартъ, стоя по колѣни въ арыкѣ, быстрыми и ровными взмахами ведра поливаетъ улицу, подметаетъ колею трамвая, бьетъ щебень для шоссе. Онъ же, одѣтый въ лохмотья или полуголый, строитъ всѣ эти европейскаго вида дома, окруживъ постройку вмѣсто забора камышевыми плетенками («чіями»), и, проѣзжая по улицамъ Ташкента, вы вездѣ видите сарта то штукатурящаго по-европейски домъ, то размѣшивающаго кетменомъ лёссовую замазку для облицовки сложенной изъ комьевъ того же лёсса изгороди сада, то ловко перебрасывающаго лёссовые кирпичи на крышу, гдѣ другой такой же сартъ перекладываетъ дымовую трубу. И русскій обыватель Ташкента привыкъ и приспособился къ «мужику» въ тюбетейкѣ и, какъ на Дальнемъ Востокѣ, выработалъ для разговора съ нимъ особый жаргонъ, уснащаемый безконечными «мало-мало» и отличающійся отсутствіемъ склоненій и упрощенными формами спряженія.

Открытый вагонъ трамвая биткомъ набитъ публикой. Двѣ-три русскихъ физіономіи, остальное—сарты въ тюбетейкахъ, изрѣдка въ чалмахъ, нѣсколько сартянокъ, закрытыхъ частыми волосяными сѣтками, нѣсколько дѣтишекъ съ черными, какъ изюминки, глазами. Хотя вагонъ открытый, но въ носъ такъ и бьетъ острый запахъ перепрѣлаго пота, неотступно сопровождающій неуспѣвшаго понатереться около русскихъ сарта.

Вотъ и старый городъ: извилистая, вымощенная булыжникомъ улица, съ узенькими высокими валиками или тротуарами по бокамъ. По этой улицѣ проходитъ конка, здѣсь же и разные продукты цивилизаціи въ родѣ амбулаторіи, русско-туземной школы, арестнаго дома; вправо и влѣво отъ нея, то въ гору, то подъ уклонъ, отвѣтвляются узкіе боковые улицы и переулки, уже не мощеные, или совсѣмъ ужъ узенькіе проходы, ведущіе то къ чьему-нибудь дому, то къ арыку, то къ каузу—небольшому общественному пруду. По обѣимъ сторонамъ и этой улицы, и всѣхъ другихъ—безконечный рядъ невысокихъ, желто-сѣрыхъ отъ лёссовой обмазки, по большей части двухъэтажныхъ построекъ. Нижній этажъ—либо конюшни, съ узенькими, во всю длину, окнами или щелями, либо запертые на замокъ амбары, либо лавки, гдѣ торгуютъ дынями и жевательнымъ табакомъ, цырюльни, гайтаны, въ которыхъ на виду у всѣхъ бреются, распиваютъ чай или просто, въ самыхъ непринужденныхъ позахъ, предаются сладкому отдохновенію. Въ одномъ мѣстѣ—рядъ мастерскихъ кузнечнаго цеха; кузнецы работаютъ также на виду у всѣхъ, сидя на краю ямъ, въ которыхъ поставлены ихъ наковальни. Во второмъ этажѣ иногда жилыя помѣщенія—комнаты, террасы съ небольшими колонками, но чаще тоже какіе-нибудь амбары или склады; жилище свое сартъ, какъ истый сынъ востока, старается запрятать подальше отъ любопытныхъ глазъ. Вперемежку съ жилыми домами и лавками нѣсколько мечетей или медрессе, всѣ того же желто-сѣраго цвѣта, изъ характернаго мѣстнаго плоскаго кирпича, проложеннаго толстыми пластами лёссовой замазки, съ плоскими, тоже желто-сѣрыми, куполами и почему-то съ очень низкими минаретами, которые заканчиваются полукруглымъ куполомъ; на нѣкоторыхъ полосы чудесныхъ эмалированныхъ изразцовъ, съ темно-синими и блѣдно-зелеными узорами. Зелени на улицѣ совершенно не видно; но по-надъ невысокими домами и «дувальными» стѣнами видна масса зелени: какъ и все, что онъ имѣетъ, сынъ востока и свою зелень прячетъ въ глубинѣ своихъ усадебъ, подальше отъ постороннихъ глазъ.

Однако вагонъ добѣжалъ до конечнаго пункта. Нѣсколько сотъ шаговъ пѣшкомъ—и мы на базарѣ, въ этомъ сердцѣ азіатскаго города. Безконечный лабиринтъ широкихъ улицъ и узкихъ переулковъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ тянутся дощатые балаганы-лавки. Всѣ улицы



Улица въ туземной части Ташкента.

и переулки перекрыты навѣсомъ изъ нетолстыхъ жердей, поверхъ которыхъ кое-гдѣ набросана солома. Еще недавно надъ всѣми улицами и переулками базара были устроены плоскія земляныя крыши, но послѣ андижанскаго землетрясенія начальство велѣло снять ихъ и замѣнить нынѣшними легкими навѣсами. Но и подъ этими навѣсами достаточно прохладно, и на постоянно поливаемыхъ изъ бурдюковъ улицахъ стоитъ мѣстами порядочная грязь.

Недалеко отъ входа въ базарный лабиринтъ мой спутникъ останавливается около одной сравнительно большой лавки, мало отличающейся впрочемъ на видъ отъ другихъ окружающихъ лавокъ: всякая мелкая, низкопробная бакалея, и только стоящіе горою около лавки цыбики чая позволяютъ предположить, что это не простая мелочная лавочка. Передъ лавкой стоитъ невысокаго роста, худощавый, пожилой сартъ, одѣтый немногимъ лучше и не чище, нежели всѣ вокругъ, съ умнымъ и серьезнымъ лицомъ. Мой спутникъ подходитъ къ нему и здоровается за руку.

— Это,—говоритъ онъ, обращаясь къ сарту и указывая на меня,— мой знакомый, господинъ такой-то, пріѣхалъ изъ Петербурга. А это Юсупъ—аксакалъ, бывшій базарный староста, хорошій человѣкъ. Не пройдете вы съ нами, Юсупъ?.. Мы, можетъ быть, ковры покупать будемъ, такъ вы намъ поможете, да и такъ на базарѣ я одинъ, пожалуй, запутаюсь.

Юсупъ съ видимымъ удовольствіемъ соглашается быть нашимъ чичероне, и мы пускаемся въ дальнѣйшій путь уже втроемъ. Юсупъ, видимо, пользуется на базарѣ большимъ почтеніемъ: вездѣ, гдѣ мы проходимъ, ему дѣлаютъ кулдукъ—слегка наклоняются, прижимая обѣ руки къ груди; болѣе цивилизованные, впрочемъ, очень немногіе, дѣлаютъ козырекъ или даже приподнимаютъ тюбетейку. Кто куритъ свой чилимъ [1]), съ поклономъ протягиваетъ его къ Юсупу, который дѣлаетъ глубокую затяжку.

На базарѣ самая строгая спеціализація. Каждый видъ торговли, каждый промыселъ имѣетъ свою улицу или свой переулокъ. Вотъ длинный и широкій мануфактуръ-рядъ, съ сравнительно большими лавками, гдѣ торгуютъ частью сарты, но больше, кажется, бухарскіе евреи, рѣзко отличающіеся отъ сартовъ красивыми, правильными чертами лица, черными шапочками вмѣсто сартовскихъ расшитыхъ тюбетеекъ и непробритыми, хотя коротко подстриженными прядками волосъ на вискахъ, выглядывающими изъ-подъ шапки; это—туземные евреи, пользующіеся въ Туркестанѣ всѣми правами мѣстныхъ обывателей, если только они или отцы ихъ проживали въ краѣ во время присоединенія.

---

[1]) Мѣстное названіе кальяна.

Въ мануфактурныхъ лавкахъ—мѣстныя бумажныя матеріи, и тутъ же «пунцъ» россійскихъ фабрикантовъ. Среди массы розничныхъ лавокъ обычнаго восточнаго типа нѣсколько фабричныхъ лавокъ — Карла Шейблера, Морозовыхъ и другихъ, изъ Лодзи и подмосковнаго района. Вотъ шелковый рядъ—шелковыя и полушелковыя матеріи, платки, косынки и т. п. Покупатели почти вездѣ мужчины, и только въ двухъ или трехъ мѣстахъ на порогѣ лавокъ сидятъ женщины-сартянки, совершенно закрытыя своими сѣрыми халатами и волосяными фатами, и ведутъ какіе-то переговоры съ продавцомъ.

Еще и еще торговые ряды: вотъ спеціально сундучный рядъ; вотъ рядъ лавокъ съ кошмами, деревянными остовами для киргизскихъ юртъ, грубыми коврами и другими атрибутами кочевого киргизскаго обихода; здѣсь длинный рядъ небольшихъ лавочекъ, гдѣ торгуютъ дынями и арбузами; тамъ лавчонки съ сартовскимъ мыломъ, угольный рядъ, бакалейная улица, гдѣ располагаются вперемежку, почти не отличаясь по виду, маленькія торговлишки, съ нѣсколькими десятками рублей оборотнаго капитала, и большія оптово-розничныя дѣла, съ оборотомъ въ сотни тысячъ.

Рядъ другихъ улицъ—ремесленники разныхъ спеціальностей, которые тутъ и работаютъ, и продаютъ свои издѣлія. Громкій стукъ молотковъ по металлу привлекаетъ насъ въ мѣдный рядъ: нѣсколько десятковъ лавокъ, гдѣ куютъ мѣдныя издѣлія, дѣлаютъ на нихъ высѣчки, лудятъ; на выставкѣ готовыя издѣлія—по большей части дешевые кунганы или мѣдныя ведра, но по просьбѣ Юсупа выносятъ и показываютъ намъ и дорогія вещи, съ чудною, мелкою, художественною высѣчкой. Вотъ токарный рядъ, гдѣ на глазахъ у всѣхъ точатся и отдѣлываются ручки для бритвъ, дѣтскія люльки и всякія другія деревянныя издѣлія; первобытнаго устройства станокъ приводится въ движеніе ремнемъ, который перекинутъ черезъ ось и за который тянетъ то въ одну, то въ другую сторону полуголый сартъ, помощникъ токаря. По сосѣдству изготовляются деревянные частые гребни, которые выпиливаются ручною пилой на небольшомъ, но остроумно приспособленномъ станочкѣ. Вотъ продавцы тюбетеекъ. Заказчикъ выбираетъ у нихъ матерію и указываетъ рисунокъ для шитья по одному изъ готовыхъ, разложенныхъ на прилавкѣ штамповъ; торговецъ снимаетъ мѣрку, тутъ же, на глазахъ у заказчика, выкраиваетъ тюбетейку, отпечатываетъ на ней штампомъ рисунокъ и передаетъ другому работнику, который дѣлаетъ вышивку и сшиваетъ тюбетейку. Поблизости отъ мануфактурнаго ряда лавки «машиначей»—портныхъ, которые кроятъ и на машинѣ шьютъ общераспространенные у сартовъ и киргизовъ бухарскіе халаты.

Еще и еще разнообразные ремесленники. Вотъ, между прочимъ, пе-

каря, изготовляющіе излюбленныя сартовскія лепешки; въ пекарнѣ работаютъ трое: одинъ раскатываетъ куски тѣста, другой на уже раскатанной лепешкѣ накалываетъ зубчатымъ колесикомъ традиціонные узоры, третій, полуголый, съ головою, повязанною платкомъ, влѣзаетъ въ жарко истопленную печь и прилѣпляетъ готовую лепешку къ ея своду, гдѣ она печется «до готовности». Вотъ рядъ серебрениковъ, дѣлающихъ разнообразныя, по большей части очень грубыя по отдѣлкѣ, но красивыя по общему рисунку серебряныя украшенія. А вотъ среди горы битаго фарфора сидитъ старичокъ-клейщикъ, который какъ разъ въ данную минуту чинитъ разбитую чашку. Мы останавливаемся посмотрѣть, какъ онъ ловко и быстро дѣлаетъ свою очень тонкую и деликатную работу: составивъ чашку, онъ особеннымъ сверломъ продѣлываетъ въ ней небольшія дырочки, въ которыя вставляются металлическія скобки, и починенная такимъ образомъ чашка служитъ нерѣдко еще много лѣтъ. Юсупъ тѣмъ временемъ перекидывается какими-то непонятными намъ фразами со старикомъ, а старикъ, между дѣломъ, исподлобья разсматриваетъ насъ. Къ намъ присоединился еще какой-то зритель, тоже русскій, въ фуражкѣ съ кокардою и съ толстою тростью въ рукахъ, тоже, очевидно, знакомый Юсупа. Старикъ и на него посматриваетъ исподлобья, не задавая никакихъ вопросовъ; все время опиравшійся на палку перехватываетъ ее за середину,—палка оказывается съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ въ формѣ фантастической птицы, не то орла, не то пеликана. Старикъ-клейщикъ сразу прерываетъ свою работу и закидываетъ Юсупа оживленными вопросами, все время посматривая на господина съ птицей. Я разбираю слова «улкунъ-тюрэ»: старикъ принялъ палку съ птицей за какой-то атрибутъ власти и на этомъ основаніи рѣшилъ, что владѣлецъ палки какой-нибудь «большой начальникъ».

Базаръ—сердце стараго Ташкента; сердце базара—широкая улица, сплошь занятая чай-ханами (чайными) и ашъ-ханами (харчевнями); вперемежку съ ними то цырюльни, гдѣ на виду у всѣхъ сарты бреютъ голову и лицо, то лавочки, гдѣ продаются дыни и жевательный табакъ. Тутъ же на улицѣ стоятъ нѣсколько мороженіковъ—только роль мороженаго играетъ глыба снѣга, которая поливается патокой и въ такомъ видѣ подается потребителямъ; тутъ же и фонографъ со множествомъ слуховыхъ трубокъ.

«Чайная» улица биткомъ набита народомъ: во всѣхъ чайныхъ масса сартовъ и киргизовъ, кое-гдѣ между ними русскіе, мѣщане или солдаты; на порогѣ одной изъ чайныхъ сидитъ туземный полицейскій въ длинномъ коломянковомъ халатѣ и мерлушковой папахѣ, но съ жгутами и шашкой, какъ у настоящаго городового, и мирно пьетъ чай изъ круглой чашки; завидѣвъ проходящихъ «тюрэ», изъ которыхъ одинъ въ полувоенной формѣ, онъ приподнимается и дѣлаетъ подъ козырекъ.

Въ одномъ мѣстѣ большое собраніе народа: тѣсными рядами по обѣимъ сторонамъ улицы сидятъ сарты и киргизы, въ чалмахъ, тюбетейкахъ и сѣрыхъ войлочныхъ треухахъ, а посреди улицы стоитъ длиннобородый старикъ въ бѣлой чалмѣ, опираясь на длинный посохъ, и что-то оживленно разсказываетъ, усиленно жестикулируя и оборачиваясь то къ одному, то къ другому ряду своихъ слушателей; порою онъ прерываетъ свое повѣствованіе какимъ-нибудь вопросомъ; ему отвѣчаютъ изъ толпы, иногда много человѣкъ заразъ, иногда только одинъ или двое, сидящихъ прямо противъ старика и, повидимому, поддерживающихъ съ нимъ особенно оживленную бесѣду. Это «маддахъ», спеціалистъ-разсказчикъ, который ходитъ по чай-ханамъ и увеселяетъ собирающуюся здѣсь публику разсказами на всевозможныя темы; чтобы не дать остыть живому интересу публики, онъ пересыпаетъ свой разсказъ разными вопросами, а среди слушателей сидятъ его негласные сотрудники, которыхъ обязанность— отвѣчать на его вопросы и такимъ образомъ придавать представленію «маддаха» видъ оживленнаго діалога. Окончивъ какой-то длинный разсказъ, маддахъ обходитъ публику и собираетъ мелкія подаянія. Я тоже даю какую-то мелкую монету.

— Вотъ ему и тема для слѣдующаго разсказа,—говоритъ мой спутникъ:—какъ пришелъ на базаръ большой тюрэ и какъ онъ, прослушавъ разсказъ маддаха, щедро одарилъ его.

Юсупъ утвердительно киваетъ головой.

Немного дальше—опять сплошные ряды сидящихъ по обѣимъ сторонамъ улицы пестрыхъ халатовъ,—всѣ въ чалмахъ или тюбетейкахъ, киргизскихъ треуховъ не видно. Здѣсь уже нѣтъ никакой центральной фигуры, а просто ведется какой-то оживленный общій разговоръ.

— Маслякáтъ держатъ?—спрашиваетъ мой спутникъ Юсупа.

— Такъ тошно, маслякáтъ,—отвѣчаетъ тотъ.

Это оказывается, сарты собрались обсуждать какія-то свои общественныя дѣла.

Еще дальше—опять небольшая кучка халатовъ, на этотъ разъ уже не сидящихъ, а стоящихъ, а посреди этой кучки, оживленно жестикулируя, громкимъ и рѣзкимъ голосомъ разсказываетъ что-то точно сошедшій съ верещагинской картины дервишъ, въ остроконечной расшитой шапкѣ, обмотанной бѣлою чалмою, въ грязномъ и ободранномъ халатѣ, съ посохомъ и съ висящею черезъ плечо дорожною флягой изъ тыквы-горлянки,—разсказываетъ, очевидно, о святыхъ мѣстахъ, чудодѣйственныхъ могилахъ и благочестивыхъ ишанахъ. Тутъ же среди толпы похаживаетъ мальчуганъ съ корзиною небольшихъ незатѣйливо связанныхъ букетовъ.

— Это для кого букеты?—спрашиваю я моего спутника.

— Какъ для кого! Сарты же страшно любятъ цвѣты, вотъ посмо-

трите,—указалъ онъ мнѣ на нѣсколько человѣкъ изъ толпы: изъ-подъ тюбетеекъ выглядывали, падая на лобъ, небольшія вѣточки цвѣтущей люцерны

Заглянули въ двѣ-три чай-ханы; всѣ онѣ болѣе или менѣе одного типа: чай изъ круглыхъ фарфоровыхъ чашекъ, сартовскія лепешки, дыни, горою наваленныя у входа; въ углу стоитъ обязательный чилимъ, изъ котораго, по исконному обычаю, можетъ сдѣлать затяжку каждый прохожій, хотя бы онъ и не потребовалъ никакой платной порціи, и тутъ же обязательная туземная гитара или домра, на которой играетъ каждый потребитель, которому захочется усладить свой кейфъ тихимъ и меланхолическимъ перебираніемъ струнъ; въ нѣкоторыхъ висятъ своеобразныя коническія клѣтки съ перепелами, воспитываемыми то для пѣнія, то для боя.

Однако чистота во всѣхъ этихъ чайныхъ болѣе нежели сомнительна, и потому мы направляемся пить чай въ извѣстную и среди жителей русскаго города, болѣе культурную чай-хану. Передняя часть ея предоставлена туземцамъ, которые попиваютъ чай, сидя на корточкахъ на достаточно грязномъ коврѣ; тутъ же въ переднемъ углу сидитъ на корточкахъ небольшой оркестръ—четыре человѣка, исполняющіе между прочимъ и русскія пѣсни, за переложеніе которыхъ на туземные инструменты содержатель ханы получилъ даже, какъ гласитъ висящій на стѣнѣ дипломъ, какую-то награду на мѣстной выставкѣ. Задняя часть чайханы, съ окнами, выходящими на большой, обсаженный деревьями арыкъ, предназначается для привилегированныхъ посѣтителей изъ русскаго города, а потому здѣсь стоятъ нѣсколько столовъ со стульями и не слишкомъ мягкими диванами. Мы располагаемся, вмѣстѣ съ Юсупомъ, за однимъ изъ нихъ; намъ подаютъ порцію чая, тѣ же сартовскія лепешки, еще какое-то печенье и тарелку съ фруктами—персиками и виноградомъ; мой спутникъ и Юсупъ дѣлаютъ по затяжкѣ изъ чилима и только послѣ того приступаютъ къ чаепитію.

У подножія Ханъ-Тенгри.

(А. Краснова.)

Въ Пржевальскѣ мнѣ предстояло снарядиться въ длинный путь по хребтамъ и долинамъ Тянь-Шаня, на ледники группъ Ханъ-Тенгри, этого высокаго бѣлаго конуса въ 24.000 футовъ высоты, царящаго надъ хребтами, которые раздѣляютъ двѣ великія имперіи—Азіатскую Россію и Китайскую Кашгарію.

Проѣхавъ рядъ полей, я достигъ Теплоключинскаго селенія, названнаго такъ потому, что въ семи верстахъ отъ него въ живописнѣйшемъ ущельѣ на берегу горнаго потока, бушующаго между поросшими елью

скалами, бьютъ изъ земли топлые цѣлебные ключи, имѣющіе температуру 40° Цельсія. Надъ ключами устроенъ рядъ бараковъ, гдѣ за 7 руб. въ мѣсяцъ можно имѣть комнату и куда крестьяне поставляютъ провизію, а киргизы кумысъ.

Вскорѣ за Теплоключинскимъ селеніемъ я выѣхалъ изъ района полей и сталъ приближаться къ высокой массивной цѣпи Терскей Тау, какъ бы громадной зубчатой стѣнѣ, отдѣляющей Китай отъ Россіи.

Чѣмъ больше приближаемся къ этой цѣпи, тѣмъ роскошнѣе становится растительность. Печальныя, однообразныя сѣдовато-сѣрыя степныя низины смѣняются сперва высокими пестрѣющими цвѣтами травами, а эти послѣднія—кустарниками желтыхъ и бѣлыхъ розъ тянь-шаньскаго барбариса съ темно-синими ягодами, похожими на смородину. Наконецъ, вы въѣзжаете въ область стройнаго еловаго лѣса, кучами раскиданнаго по склонамъ, среди котораго журчатъ и прыгаютъ со скалъ ручьи и каскады и гдѣ вы еще можете спугнуть робкаго оленя или чернаго козла, снабженнаго длинными, загнутыми надъ спиною, громадными рогами.

Вотъ здѣсь-то, въ этой лѣсной зонѣ Тянь-Шаня, между громадныхъ лѣсныхъ колокольчиковъ, оранжево-желтыхъ маковъ и другихъ чудныхъ лѣсныхъ цвѣтовъ, отдѣльными группами, не тревожимые ни однимъ животнымъ, растутъ темно-зеленые кусты, украшенные кистями темно-фіолетовыхъ цвѣтовъ, знаменитаго иссыкъ-кульскаго корешка. Если вѣрить единогласному свидѣтельству всѣхъ мѣстныхъ жителей, это въ буквальномъ смыслѣ корень смерти. Порошокъ изъ этого корня незамѣтно, быстро и безповоротно, а главное не поддаваясь существующимъ методамъ открытія ядовъ, отправляетъ на тотъ свѣтъ. Ботаническое изслѣдованіе показало, что иссыкъ-кульскій корешокъ есть не что иное, какъ разновидность всѣмъ извѣстнаго аконита, пріобрѣвшаго здѣсь на горахъ столь сильно дѣйствующія свойства.

По мѣрѣ поднятія вверхъ еловый лѣсъ смѣняется низкорослымъ и приплюснутымъ можжевельникомъ, а этотъ послѣдній—сочными альпійскими лугами, усѣянными множествомъ яркихъ цвѣтовъ тѣхъ же родовъ или близкихъ тѣмъ, которые одѣваютъ вершины Кавказа и Альпъ, не исключая и знаменитаго въ Швейцаріи эдельвейса.

За этою зоною вы доходите до полосы вѣчнаго снѣга. Здѣсь приходится переваливать черезъ первый изъ хребтовъ Тянь-Шаня, какъ бы черезъ амбразуру высокой стѣны. Перевалъ Тургень Аксу, черезъ который мнѣ пришлось переходить, не принадлежитъ къ числу пріятныхъ для путешественника, хотя въ сравненіи съ другими проходами этой цѣпи онъ долженъ считаться еще очень удобнымъ.

Расположенный на такой высотѣ, гдѣ воздухъ уже настолько рѣдокъ, что при быстромъ движеніи дѣлается одышка, перевалъ этотъ

труденъ для перехода пѣшкомъ. Между тѣмъ склоны, покрытые снѣгомъ, настолько круты, что лошади, идя по нимъ, скользятъ, а обрываясь, летятъ внизъ по крутому склону, рискуя разбиться вдребезги о нижележащіе склоны. Силясь подняться, несчастныя животныя тяжело дышатъ и вся ихъ фигура выражаетъ крайнее истомленіе. Хорошо еще, если вы попадете на перевалъ въ ясный, свѣтлый день. Когда же свищетъ вѣтеръ, нагоняя тучи и посыпая снѣгомъ или градомъ, здѣсь становится жутко даже и туземцамъ-киргизамъ.

Перейдя черезъ перевалъ, вы попадаете въ область сыртовъ, т.-е. страну высоко лежащихъ (выше зоны лѣсовъ и не ниже 3000 метровъ) плоскогорій, по которымъ пробѣгаютъ цѣпи горъ и которыя еще въ недавнее время всѣ были скрыты подъ толщами снѣговъ и льдовъ. Средняя Азія, съ каждымъ годомъ бѣднѣя водою, лишается вмѣстѣ съ тѣмъ и снѣжныхъ запасовъ на горахъ. Линія вѣчныхъ снѣговъ на горахъ поднимается все выше и выше. Ледники, нѣкогда подобно ледянымъ рѣкамъ спускавшіеся на сырты, которые представляли одно общее ледяное море, теперь растаяли; большинство изъ нихъ уже высохло; другіе представляютъ лишь жалкіе остатки прежняго величія.

Сѣверные склоны Тянь-Шаня защищены всею массою горъ отъ мертвящаго дыханія пустыни Гоби. Въ ихъ долинахъ и ущельяхъ растутъ деревья и кустарники, придавая пейзажу оживленіе и живописность. Иное дѣло здѣсь, на этихъ высокихъ плато-водораздѣлахъ системъ рѣкъ Гарима, Или и Сыръ-Дарьи. Здѣсь изсушающіе вѣтры, отъ которыхъ лишь слабо охраняютъ цѣпи южной амбразуры, живо высушили территорію, освободившуюся изъ-подъ ледяныхъ морей, и теперь покрытая галькою и ледниковою пылью почва сыртовъ представляетъ обширныя пространства для населенія растеніями.

На этихъ страшныхъ высотахъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ тающими льдами и снѣгами горныхъ вершинъ (изъ коихъ многія, какъ, напр., гора Ханъ-Тенгри, или Царь-Неба, самая высокая въ Россіи, и ея сосѣдки, съ ногъ до головы одѣты въ саванъ изъ снѣга), въ этомъ царствѣ холода разселились растительные виды полярныхъ странъ, виды изъ сѣверной Сибири или со снѣжныхъ вершинъ Гималая. Но эти дѣти сѣвера требуютъ влажности; они образуютъ богатые яркими, бьющими въ глаза цвѣтами ковры лишь на вымочняхъ.

И тѣмъ страннѣе на мѣстахъ болѣе сухихъ, рядомъ съ ними, видѣть представителей весенней флоры жаркихъ южныхъ степей—сѣдыя полыни, злаки въ родѣ ковыля или тирсы, крестоцвѣты. Всѣ эти растенія здѣсь миніатюрны, но вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно красивы. Сухая азіатская степь и ковры пестрыхъ альпійскихъ цвѣтовъ здѣсь постоянно чередуются другъ съ другомъ на такихъ высотахъ, гдѣ на Альпахъ или другихъ горахъ запада лежали бы непроглядныя толщи вѣчныхъ снѣ-

говъ. Но тяжела и рискованна жизнь этихъ существъ въ этихъ единственныхъ въ своемъ родѣ условіяхъ. На цѣлыя сажени земля остается обнаженной, такъ какъ заселеніе ея идетъ крайне медленно. Въ полдень эта голая почва суха и пыльна и бываетъ столь же горяча, какъ въ степи; ночью, напротивъ, она до того охлаждается, что замерзаетъ вода. И надо только удивляться выносливости этихъ хорошенькихъ миніатюрныхъ травокъ, которыя каждое утро привѣтствуютъ солнце распусканіемъ своихъ пестрыхъ вѣнчиковъ.

Но ни одни только климатическія условія вредятъ этой растительности. Въ животныхъ эти немногія травки встрѣчаютъ враговъ еще болѣе страшныхъ. Спасаясь отъ преслѣдованія охотниковъ, сюда убѣгаетъ архаръ, этотъ гигантскій горный баранъ съ громадными, колесомъ вывернутыми рогами, для котораго эти травки горныхъ луговъ составляютъ главную пищу; тутъ же пищатъ всюду сурки и горныя мыши. Чтобы избѣгнуть полнаго истребленія, здѣшнія растенія выработали удивительныя свойства. Такъ, напр., здѣшняя низкорослая акація одѣта длинными и острыми колючками съ верху до низу, превращающими растеніе въ нѣкоторое подобіе верблюжьяго хвоста. Другое растеніе съ цвѣтами, похожими на крупные цвѣты земляники, еще оригинальнѣе. Не обладая самъ по себѣ никакимъ запахомъ, этотъ кустарникъ возбуждаетъ сильнѣйшее чиханіе у того, кто попробуетъ его понюхать, и тѣмъ самымъ отбиваетъ у архаровъ всякую охоту жевать его листья. Наконецъ, чтобы спастись отъ зерноядныхъ животныхъ, стручья многихъ видовъ имѣютъ форму и окраску необыкновенно похожія на гальки, устилающія почву.

Долинки и горныя плато, гдѣ развивается подобная жизнь, со всѣхъ сторонъ окружены высокими горами, съ верху до низу закутанными въ вѣчные снѣга. Въ ущельяхъ этихъ горъ еще донынѣ сохраняются остатки ледниковъ. Ледники эти, за исключеніемъ немногихъ, имѣютъ мало общаго съ альпійскими: ихъ ледъ грязенъ, изрытъ ручьями, забросанъ гальками. Но, несмотря на то, все-таки и эти ледники имѣютъ много прелести, а нѣкоторые большіе, какъ ледники Петрова, по величинѣ не уступаютъ ледникамъ другихъ горныхъ странъ. Въ нѣкоторыхъ среди льдовъ образуются озера, окаймленныя небесно-голубовато-зелеными глыбами льда. Рѣка Сары-Джаза, по долинѣ которой мы ѣхали, вытекаетъ изъ глубокаго ледяного тоннелеобразнаго грота. Она оказалась однимъ изъ главныхъ притоковъ Тарима.

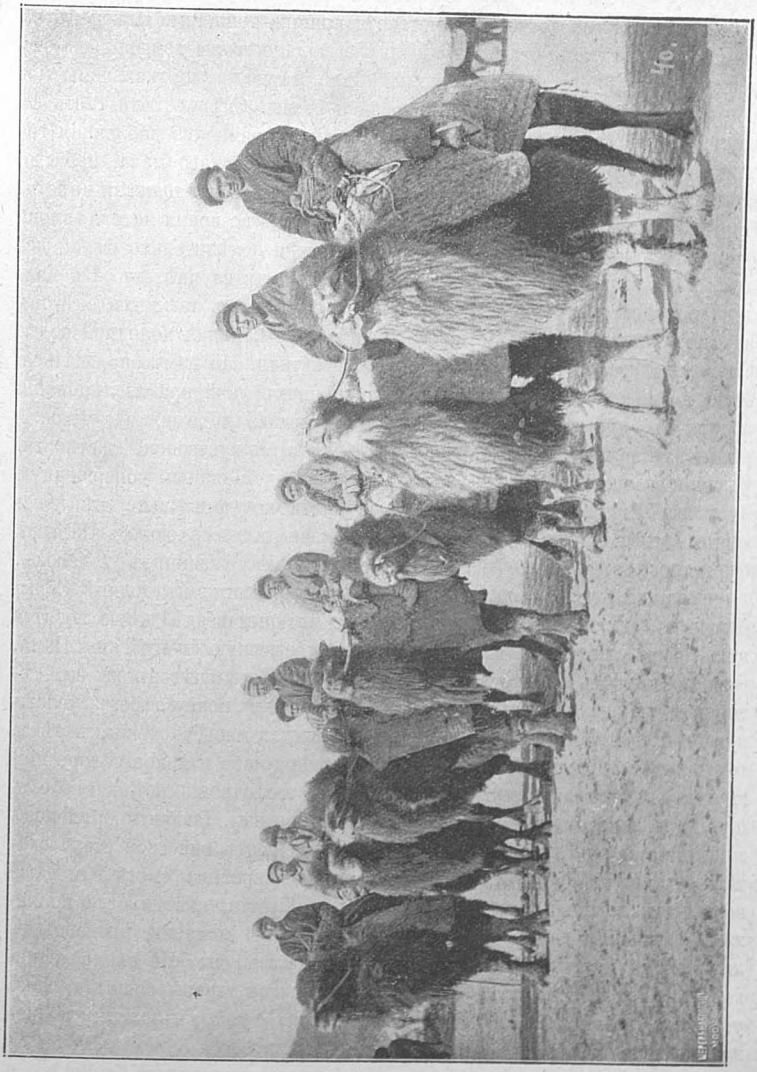
Погода на этихъ страшныхъ высотахъ необыкновенно измѣнчива. Въ теченіе одной недѣли можно бываетъ видѣть по нѣскольку разъ картины лѣта и зимы. Такъ, напр., окончивъ изслѣдованіе ледниковъ, я хотѣлъ уже направиться къ южному склону горъ, чтобы спуститься въ Кашгарію, какъ вдругъ поднялась страшная снѣжная метель. Цвѣтущій

лугъ, на которомъ была раскинута палатка, въ скоромъ времени покрылся густымъ слоемъ снѣга, и 29-го іюля, кутаясь въ шубу, я долженъ былъ грѣться у костра.

Два дня продолжалась такая метель. Невозможно было въ снѣгу и туманѣ различать лошадей, пасшихся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ палатки, и только изрѣдка долетавшее фырканье и храпѣнье показывало, что онѣ еще не ушли. Объ экскурсіяхъ нечего было и думать. Приходилось лежать закутавшись въ палаткѣ, приводить въ порядокъ дневники или слушать разсказы и сказки, которые мнѣ сообщали киргизы—мои провожатые.

Народная литература киргизовъ представляетъ много интереснаго. Ихъ сказки, въ которыхъ то слашатся отголоски сказаній сѣверныхъ народовъ и фигурируютъ баба-яга и говорящія животныя, то являются проблески южной арабской фантазіи,—знакомятъ вмѣстѣ съ тѣмъ со всею обстановкой и жизнью степняка-кочевника. Не менѣе интересны и былины. Подобно героямъ Греціи, герои киргизовъ совершаютъ удивительные подвиги, сражаются съ семиглавыми драконами, похищаютъ молоко у охраняемой страшными звѣрями верблюдицы или одерживаютъ побѣду надъ цѣлыми войсками. Вѣрный и любимый конь является въ былинахъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Онъ выручаетъ хозяина изъ бѣды, онъ спасаетъ его отъ смерти или способствуетъ его оживленію, отправляясь въ длинный путь къ друзьямъ или доброжелателямъ героя, чтобы извѣстить ихъ объ его участи. Надо видѣть киргиза, проливающаго горькія слезы при разлукѣ съ любимымъ конемъ; надо видѣть тѣхъ красавцевъ, которыхъ хозяинъ не отдастъ ни за какія деньги, которые, расширивъ ноздри и поднявъ уши, бѣгутъ на зовъ своего хозяина; надо наконецъ по опыту убѣдиться, какъ умны эти животныя, какъ скоро изучаютъ они нравъ своего сѣдока, какъ они осторожны на горныхъ тропинкахъ,—чтобы понять, что хорошая киргизская лошадь можетъ быть истиннымъ и вѣрнымъ другомъ и товарищемъ богатыря киргиза. Но въ степи вы рѣдко увидите киргиза на любимомъ конѣ, особенно лѣтомъ. Конь этотъ пасется на лучшемъ отдаленномъ пастбищѣ, а какой-нибудь несчастный, опаршивѣвшій, съ обстриженной гривой жеребенокъ, еле волоча ноги, перевозитъ хозяина съ мѣста на мѣсто.

Внутренняя семейная жизнь, обстановка юрты, условія перекочевокъ (сравнительно лучшія, чѣмъ у другихъ магометанскихъ народовъ), положеніе женщины—все это выступаетъ на сцену въ киргизскихъ поэмахъ и былинахъ. Ихъ урочища и особенно могилы героевъ связаны съ длинными и интересными преданіями. Здѣсь—колодецъ, въ который заставила спуститься нелюбимаго жениха невѣста; тамъ—утесъ, съ котораго бросился несчастный влюбленный; тутъ—широкая долина, черезъ которую въ одинъ махъ перепрыгивалъ конь такого-то героя, и т. д.



Кара-киргизы на верблюдахъ.

Метель продолжалась два дня. Холодный вѣтеръ, сопровождаемый снѣгомъ, намелъ его цѣлые сугробы около палатки; на лугахъ же и склонахъ слой его достигъ до четверти аршина толщины. Наконецъ на третье утро вѣтеръ стихъ. Проглянуло солнце, горы задымились отъ испареній подъ его яркими лучами; стало жарко, и картина зимы моментально смѣнилась пейзажемъ поздней весны. Снѣгъ сталъ таять съ изумительной быстротой, и одна за другой выпрямились поблекшія головки цвѣтовъ. Оранжево-желтыя чашечки альпійскаго мака, набитыя снѣгомъ, какъ ни въ чемъ не бывало выпрямились и продолжали цвѣсти. Синіе колокольчики генціанъ, свернувшіеся было во время метели, вновь раскрылись навстрѣчу лучамъ солнца, а среди ослѣпительно бѣлой пелены тамъ и сямъ засверкали синія и желтыя пятна цвѣтовъ. Въ полдень появились бабочки, порхая между ручьями отъ тающихъ снѣговъ и садясь на полузамерзшіе цвѣты, блистающіе каплями холодной воды. Словомъ, картина получилась весьма эффектная. Но намъ, признаться, было не до нея. Потерявъ нѣсколько лишнихъ дней при изслѣдованіи ледниковъ, просидѣвъ двое сутокъ въ палаткѣ, пережидая метель, я рисковалъ остаться безъ припасовъ среди этой пустынной мѣстности. Высокія плоскогорья Тянь-Шаня лѣтомъ представляютъ совершенную пустыню. Тогда киргизы по большей части кочуютъ ниже, въ предгоріяхъ, въ альпійской зонѣ сѣвернаго склона или верховьяхъ Нарына. Окрестности же Ханъ-Тенгри составляютъ мѣсто зимнихъ кочевокъ.

Страшный холодъ царитъ, по словамъ киргизовъ, въ долинѣ Сары-Джаза въ зимнее время. Тучи и облака, которыя вездѣ зимою носятся ниже, чѣмъ лѣтомъ, не перелетаютъ черезъ высокую стѣну Тянь-Шаня. Онѣ оставляютъ свои осадки въ видѣ обильныхъ снѣговъ на его сѣверныхъ склонахъ. Тутъ глубокіе снѣга одѣваютъ почву лѣсовъ, увлажняя ее на все лѣто и давая источникъ воды для многочисленныхъ рѣкъ, текущихъ въ Иссыкъ-Куль. Наоборотъ, ясное небо и яркое солнце сіяютъ надъ долиною Сары-Джаза. И вотъ, захвативши всѣ какія есть шубы, съ запасами дровъ, спѣшатъ сюда киргизы. Разбивъ юрты подъ защитою скалы, гдѣ-нибудь на припекѣ, пускаютъ они свои стада скитаться по пастбищамъ, покрытымъ тонкимъ покровомъ снѣга или даже вовсе имъ не покрытымъ. Мнѣ показывали мѣста, гдѣ никогда не лежитъ снѣгъ. Здѣсь почва, увлажняемая рѣдкими дождями, производитъ лишь степную полынь и нѣсколько степныхъ злаковъ. Но около ледниковъ, гдѣ земля питается подпочвенною влагой, травы сочны и, какъ утверждаютъ киргизы, особенно питательны. Сюда-то, къ самому подножію ледниковъ, и загоняютъ они свои стада.

Но въ описываемое время года, кромѣ многочисленнаго бараньяго и конскаго помета, на сыртѣ ничего не было. Правда, пометъ этотъ былъ для насъ вещью весьма цѣнною. При сухости здѣшняго воздуха онъ

былъ такъ же сухъ, какъ и въ степи, а потому могъ служить для топлива, и изъ него мы могли складывать наши костры, такъ какъ на сыртѣ нѣтъ ни прутика, ни кустика, кромѣ изрѣдка попадающагося «верблюжьяго хвоста»—«тюе-куй-рюкъ», который могъ бы служить для топлива. Между тѣмъ ближе какъ на водораздѣлѣ Нарына и Сыръ-Дарьи встрѣтить киргизовъ было нельзя, да и тамъ найти аулы представляло весьма мало вѣроятія.

Отрядъ нашъ состоялъ изъ пяти человѣкъ: двухъ погонщиковъ лошадей изъ кара-киргизовъ, моего слуги и переводчика, Ахмета Бекбаулова, казака и меня. Запасъ хлѣба, чаю и четырехъ изжаренныхъ барановъ истощался: его оставалось всего на одинъ день; между тѣмъ дойти до аула скорѣе, чѣмъ въ три дня, было невозможно. Кромѣ того, предстояло дѣлать два перевала: Минъ-Туръ и Кюйлю, а движеніе по тающему, скользкому, свѣже-выпавшему снѣгу было затруднительно. Такъ какъ возвращаться обратно на перевалъ Турчены-Аксю было мѣшкотно и рискованно, ибо мы и тамъ рисковали не найти киргизовъ, то оставалось послѣднее средство—зарѣзать одну изъ молодыхъ лошадей, захваченную погонщиками, дабы продовольствовать отрядъ. Но я не хотѣлъ прибѣгать къ этой рѣшительной мѣрѣ, все еще надѣясь найти другой исходъ изъ затруднительнаго положенія. Признаться, надежду мою главнымъ образомъ поддерживали архары, то и дѣло виднѣвшіеся на бѣломъ снѣгу; длинными вереницами осторожно пробирались они по уступамъ скалъ, предводительствуемые вожакомъ. Но не будучи самъ охотникомъ, я поневолѣ долженъ былъ поручить стрѣлять по нимъ моимъ спутникамъ. Къ сожалѣнію, никто изъ нихъ не былъ хорошимъ стрѣлкомъ, и мы только понапрасно пускали заряды по животнымъ, скакавшимъ по неприступнымъ кручамъ. Наконецъ, когда съ перевала мы спустились въ долину Кюйлю, я уступилъ просьбамъ моихъ магометанъ. Разбили палатку, и, пока я занимался собираніемъ растеній по склонамъ и по берегамъ рѣки, они живо закололи животное, и къ моему приходу горячій шашлыкъ изъ нѣжнаго конскаго мяса уже дымился въ моей палаткѣ.

Подкрѣпленные этимъ свѣжимъ запасомъ, мы двинулись къ перевалу Кюйлю, лежащему въ области горъ, еще до сихъ поръ изобилующихъ ледниками. Одинъ изъ нихъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться поближе, представляетъ изъ себя гигантскую ледяную лѣстницу. Ледникъ, спускаясь внизъ, встрѣтилъ здѣсь крутой обрывъ. Подобно водѣ водопада, ледъ разбился на множество громадныхъ ледяныхъ ступеней, раздѣленныхъ зіяющими трещинами. Самая дорога лѣпится съ боку ледника по моренамъ и осыпямъ. Самъ перевалъ, высотою 13.700 футовъ надъ уровнемъ моря, лежитъ уже въ той полосѣ, гдѣ невозможна никакая растительность. Скалы, черныя какъ уголь, обнажаются лишь на

самое короткое время изъ-подъ снѣга, а всякое быстрое движеніе здѣсь производитъ одышку и даже головокруженіе.

Спустившись съ перевала, попадаемъ въ область, еще болѣе подверженную дыханію Гоби, чѣмъ предыдущія. Просто не вѣрится, что находишься на громадной высотѣ около 10.000 футовъ. Кругомъ полувыжженные пыльные склоны, галька, валуны и пыль, отложившаяся въ видѣ толщъ лёсса,—вотъ все, что представляется глазу въ громадныхъ, подобныхъ Дарьяльскому, ущельяхъ этихъ горъ. Сейчасъ же за ледниками начинается эта сухая пустыня, на которой рѣдкая полынь да двѣ-три жалкихъ степныхъ травки являются единственными представителями флоры, если не считать жалкихъ кустиковъ тамариска. И только мутно-желтыя рѣки быстро, точно спѣша убраться изъ непривѣтливой страны, катятъ свои волны по каменистому, усѣянному галькой и валунами ложу.

Наконецъ въ глухомъ ущельѣ завиднѣлись юрты кара-киргизовъ. Мы опять увидали живого человѣка. Но вся обстановка этихъ юртъ, видъ ихъ хозяевъ какъ-то гармонировалъ съ грандіозною, но вмѣстѣ съ тѣмъ мертвенною природою страны, ихъ окружавшей.

Если обстановку киргиза-казака нельзя назвать богатою, то что же сказать о юртѣ дико-каменнаго киргиза, или такъ называемаго кара-киргиза? Котелъ, необходимая деревянная посуда, нѣсколько сундуковъ съ платьемъ, коверъ, войлокъ на полу и плохая кровать въ углу—вотъ все, что вы увидите въ кара-киргизской юртѣ. Монотонно-печальны лица ея хозяевъ: въ нихъ меньше живости, присущей этому народу; нѣтъ и той общительности, которая бросается въ глаза у жителей низины. Нѣкогда кочевавшіе въ богатой долинѣ Текеса, эти кочевники послѣ отдачи Кульджи принуждены были перейти въ пустыню Тянь-Шаньскихъ горъ. Ихъ стада быстро уменьшаются въ числѣ, хозяева страдаютъ отъ стужи и вѣтра, и, недовольные своей участью, потихоньку эмигрируютъ въ Китай. Лучше ли ихъ участь тамъ, неизвѣстно, но здѣсь она весьма незавидна, и я, сравнивая лѣтнія кочевки на Алатау или горахъ Кетлинскихъ, гдѣ скотъ пасется на прекрасныхъ пастбищахъ и гдѣ природа прекрасна и разнообразна, не удивляюсь, почему она оказала такое вліяніе и на характеръ народа. Кара-киргизъ—дикарь въ сравненіи съ киргизомъ степей. Его поэзія бѣдна, однообразна и прозаична, какъ скучна и однообразна природа окружающихъ горъ. И верблюдъ, уныло ревущій среди этихъ скалъ, не представляетъ, какъ въ другихъ мѣстахъ горъ, дисгармоніи; этому кораблю пустыни какъ разъ мѣсто среди этихъ сухихъ и мертвенныхъ скалъ.

Охота съ ястребомъ или ружьемъ составляетъ немаловажное подспорье для скотоводовъ этихъ горъ. Но на этихъ высотахъ и она лишена той прелести, какъ въ другихъ мѣстахъ. Часто случалось, что охотникъ, погнавшись за животнымъ, полѣзшимъ на высокую скалу, падалъ съ

лошади отъ головокруженія и одышки, товарищи привозили его домой полумертвымъ. Во многія мѣстности даже и не отваживаются ходить въ одиночку: ѣздятъ всегда вдвоемъ или втроемъ на тотъ случай, что если съ однимъ случится обморокъ, такъ чтобы другіе могли ему помочь.

Насколько внезапно наступаетъ здѣсь горная болѣзнь, мнѣ пришлось испытать на себѣ нѣсколькими днями позже. Пробираясь къ перевалу Бедель, отрядъ мой былъ застигнутъ на пути ночью. Найти аулъ было затруднительно. Разославъ во всѣ стороны людей, я, лишь когда совершенно стемнѣло, встрѣтилъ одного изъ проводниковъ, возвѣстившаго мнѣ съ радостью, что юрты найдены. Между тѣмъ сгустился туманъ, сталъ падать не то снѣгъ, не то дождь, и темнота была такая, что едва можно было различать предметы. Приходилось торопиться, такъ какъ черезъ какіе-нибудь полчаса наступилъ бы такой мракъ, что не возможно было найти дорогу даже киргизу. Мы ѣхали рысью, то поднимаясь на крутые перевалы, то спускаясь внизъ. Пока мы скакали, я отъ напряженія нервовъ не чувствовалъ ничего; но лишь только я достигъ юрты и сошелъ съ лошади, какъ почувствовалъ сильнѣйшую тошноту и головокруженіе. Казака, меня сопровождавшаго, стало рвать. Я боялся той же участи; но киргизы, опытные въ подобныхъ случаяхъ, предложили такъ называемый крутъ или сушеную бѣлковину молока, и заставили вдыхать дымъ отъ можжевельника, нюхать какой-то корень— и тошнота и головокруженіе прошли быстро. Но случай этотъ навсегда отбилъ у меня охоту галопировать по сырту Тянь-Шаня. Я не стану описывать подробности моего пути отъ перевала Кюйлю до Беделя. Скажу одно: вся мѣстность представляетъ широкія долины, на которыя до сихъ поръ спускаются громадные, по нѣскольку верстъ шириною, ледники. Геологическое изслѣдованіе показываетъ однако, что долины эти были своего рода «ледяными морями» для этихъ ледниковъ, которые были притоками этого моря. Въ недавнія еще времена сырты Тянь-Шаня представляли единственныя въ своемъ родѣ по громадности скопленія льда и снѣга. Но теперь его ледники не могутъ спорить съ ледниками южныхъ хребтовъ Азіи, а территорія, лишенная снѣга, придаетъ странѣ унылость и однообразіе. Перевалъ Бедель есть послѣдній перевалъ, ведущій къ Китаю. Это переходъ черезъ южную амбразуру Тянь-Шаньской стѣны. Подобно перевалу Кюйлю, проходъ Бедель необыкновенно крутъ, его вершина лишена растительности и усѣяна мелкимъ щебнемъ. Воздухъ очень рѣдокъ, и потому здѣсь, какъ и вообще на сыртахъ, господствуетъ томительная тишина. Звуки пропадаютъ и теряются; какъ сейчасъ помню случай, бывшій со мной на ледникѣ Семенова. Забравшись по грудамъ камней, покрывающихъ конецъ ледника, къ ледяному гроту, изъ котораго вытекаетъ рѣка Сары-Джаза, я сталъ кричать, зовя къ себѣ проводника, котораго оставилъ на берегу ледника. Несмотря

на то, что я изо всѣхъ силъ напрягалъ мои легкія, проводникъ и не думалъ откликаться. Тогда я сталъ махать ему фуражкой; онъ немедленно вскочилъ на лошадь и прискакалъ ко мнѣ. Когда же я спросилъ, почему же онъ не отвѣтилъ на мои крики, онъ сказалъ, что не слыхалъ ровно ничего и видѣлъ только, что я безмолвно махаю ему шляпой.

Взойдя на высоту перевала, я надѣялся увидѣть передъ собою безконечную даль восточнаго плоскогорья, ея оазисы и пустыню Гоби. Но тщетно: мрачныя скалы загораживаютъ со всѣхъ сторонъ кругозоръ, и кромѣ сѣрыхъ сланцевъ и пятенъ снѣга среди ущелій зубчатыхъ стѣнъ, ничего не видно.

Долина Иссыкъ-Куля.

(По А. Краснову.)

Подобно великой китайской стѣнѣ, громада Тянь-Шаня отдѣляетъ Иссыкъ-Кульскій уѣздъ отъ Кашгаріи. Окруженная со всѣхъ сторонъ бѣловерхими горами, долина Иссыкъ-Куля представляетъ особенный, замкнутый отъ всего міра уголокъ. Средину этого мірка занимаетъ Иссыкъ-Куль—озеро съ туманами и бурями, сердито волнующееся и плещущееся среди скалистыхъ утесовъ. Киргизы такъ и зовутъ его Денгизъ-море.

Оно составляетъ громадный водный бассейнъ, почти въ двѣсти верстъ длиной; ширина его различна,—наибольшая около сорока верстъ. Къ западу и къ востоку озеро суживается. Съ одного берега этого моря, если день мало-мальски ясный, можно всегда различить хребты противоположнаго берега.

Въ неясной голубоватой дымкѣ рисуются блистающіе на солнцѣ льды Терскей-Тау, постепенно утопая въ туманной дали. Тамъ море и небо сливаются до такой степени, что невозможно отличить одно отъ другого. Названіе Иссыкъ-Куль, т.-е. «Теплое озеро», объясняется тѣмъ, что оно не замерзаетъ зимой. Въ декабрѣ, январѣ и февралѣ ледъ только узкою каймой покрываетъ озеро у самыхъ береговъ, разбивается напоромъ волнъ и сдвигается на берегъ. Монгольское названіе Тимурту-норъ, т.-е. желѣзное, указываетъ на обиліе желѣзной руды, и дѣйствительно въ устьяхъ рѣчекъ крестьяне находятъ много желѣзнаго блеска, изъ котораго выдѣлываютъ себѣ гвозди, косы, топоры и т. д.

Слабо солоноватыя воды Иссыкъ-Куля отличаются необыкновенно голубымъ цвѣтомъ. Это не тотъ зеленовато-аквамариновый цвѣтъ, которымъ отливаютъ озера горъ Сѣверной Азіи, какъ, напримѣръ, озера Алтая; нѣтъ, это чисто голубой цвѣтъ, присущій лишь Женевскому озеру, цвѣтъ столь нѣжный и чувствительный, что уже въ близкомъ сосѣдствѣ горныхъ рѣкъ онъ теряетъ свою чистоту и мутится. Глубина озера крайне измѣнчива: въ однихъ мѣстахъ не достать дна, въ другихъ уже высту-

паютъ на поверхность песчаныя отмели, являются островки. Озеро быстро усыхаетъ. Поселки, основанные лѣтъ двѣнадцать назадъ на самомъ берегу, теперь уже лежатъ почти въ четверти версты отъ берега.

Въ этомъ чудномъ голубомъ морѣ фауна не отличается особеннымъ разнообразіемъ. Маринка и османъ—костистыя, мало вкусныя рыбы—и громадные сазаны составляютъ его главное населеніе.

На поверхности водъ его изрѣдка появляется утлая первобытная ладья переселенца, поспѣшно приближающаяся къ берегу, лишь только начинается замѣтное волненіе, предвѣстникъ вѣтра, быстро и внезапно поднимающагося въ стѣсненной горами долинѣ.

Зато на днѣ озера скрыто много тайнъ. Когда поднимается сильная буря, волны озера выносятъ на берегъ кости и черепа племени, когда-то населявшаго пустынныя побережья, а рыбачьи сѣти сплошь да рядомъ вытаскиваютъ изъ воды орудія и сосуды, по красотѣ и отдѣлкѣ говорящіе о высокой культурѣ этого народа. То выловятъ громадный мѣдный котелъ, формою напоминающій купель, съ двумя ручками и на высокой ножкѣ, то найдется посеребренный изящной рѣзной работы сосудъ—точь въ точь нашъ самоваръ, только безъ крана и меньшей величины.

До сихъ поръ древнее населеніе долины и его бытъ покрыты мракомъ неизвѣстности, а теперь семь большихъ русскихъ деревень раскинулись среди обширныхъ пашенъ восточнаго побережья озера.

Сѣверный берегъ озера поражаетъ своимъ однообразіемъ. На западѣ онъ имѣетъ видъ пустынной, каменистой покатости; растительности нѣтъ, побережье усѣяно черными осколками горныхъ породъ. По мѣрѣ движенія на востокъ, по тракту въ Пржевальскъ, мѣстность оживаетъ; по обѣ стороны дороги поднимаются густые и высокіе пучки травы чуйника (Lasigrostis splendens), мѣстами въ ростъ человѣка. Далѣе встрѣчаются сплошныя пространства кузьмичевой травы, а самый берегъ окаймленъ колючими кустами облѣпихи. Около одной изъ почтовыхъ станцій, въ полуверстѣ отъ берега, на днѣ озера видны затонувшія кирпичныя постройки.

Далѣе встрѣчаются уже посѣвы проса, пшеницы, овса и ячменя, очень часто киргизскіе, а съ горнаго хребта, смежныя вершины котораго придвигаются здѣсь ближе къ берегу, шумно сбѣгаютъ по широкимъ, усѣяннымъ валунами балкамъ горныя рѣчки. Первое село по тракту Сазоновка, получившее свое названіе отъ «сазовъ», или болотъ съ соленой водой, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ убывающему озеру. Это—большое селеніе, дворовъ около 200 и до 1600 жителей. Дома въ селеніи бревенчатые, часть даже съ тесовыми крышами, но обмазанные глиной, какъ малороссійскія хаты.

Внѣшность села производитъ пріятное впечатлѣніе двумя широкими,

перекрещивающимися третьей, улицами, красивою новою деревянною церковью, просторными домами, обиліемъ скота и т. д. До 1889 года село стояло ближе къ озеру, но землетрясеніе 30 іюня разрушило большую часть глинобитныхъ построекъ вмѣстѣ съ церковью, и крестьяне перебрались дальше отъ берега, замѣнивъ вмѣстѣ съ тѣмъ глинобитныя постройки деревянными. Наиболѣе пострадало тогда одно селеніе въ 30 верстахъ отъ Сазоновки; тамъ разрушились почти всѣ дома, и 7 человѣкъ было убито; въ Сазоновкѣ погибло только 2 человѣка, но 160 домовъ разрушилось. Бѣдствіе произошло днемъ, и сильный ударъ былъ предваренъ болѣе слабымъ, отъ котораго разбились оконныя рамы и посыпалась глина съ потолковъ, что и выгнало испуганное населеніе изъ домовъ. Отъ второго, болѣе сильнаго удара балки выскочили изъ своихъ гнѣздъ, потолки рухнули, стѣны стали валиться, изъ почвы выступила вода до колѣнъ и затѣмъ моментально скрылась. Озеро шумно волновалось, хотя погода была совершенно тихая; волны то надвигались на берега, заливая прибрежную полосу, то отступали, обнажая дно у берега. Отъ самыхъ горъ до озера, на протяженіи около 5 верстъ, образовались глубокія, 1—1½ аршина трещины, сильно затруднившія сообщеніе между селеніями.

За Сазоновкой мѣстность еще болѣе оживляется; встрѣчаются уже хорошіе сѣнокосы: шалфей, мышиный и душистый горошекъ, куколь, полевой вьюнокъ, звѣробой пестрѣютъ по сторонамъ дороги. Горы придвигаются еще ближе къ озеру; изъ ущелій выглядываютъ темно-зеленыя чащи еловаго лѣса, каменныя балки обросли густой уремой облѣпихи. Дальше начинается самая плодородная часть Иссыкъ-Кульскаго берега. Сначала небольшими полосами, потомъ уже сплошною площадью здѣсь лежитъ черноземъ.

Какъ-то странно въ этой исполинской щели, на краю глубокихъ водъ, среди громадныхъ бѣлоснѣжныхъ хребтовъ видѣть отдѣльными оазисами на сѣровато-бурой поверхности степного побережья раскиданныя деревеньки, вся обстановка которыхъ, начиная съ склонившей свои вѣтви надъ колодцемъ съ длиннымъ шестомъ ивы и съ рѣзными ставнями окна избушки, переноситъ васъ въ среднюю Россію. Ребятишки, съ льняного цвѣта волосами, бѣгающіе по улицамъ; возвращающіеся съ покоса съ громкими пѣснями крестьяне въ красныхъ кумачныхъ рубахахъ, съ косами на плечахъ; тройка лошадей, со звономъ пронесшаяся, разгоняя куръ и свиней по улицѣ; наконецъ, звуки давно неслышанной гармоники,— все это послѣ степей съ верблюдами и киргизскими юртами производитъ чарующее впечатлѣніе. На видъ русскіе колонисты Иссыкъ-Куля сохранили всѣ черты своихъ русскихъ соотечественниковъ. Представляя пеструю смѣсь хохловъ и русскихъ, крестьянъ Орловской, Воронежской, Астраханской и Тамбовской губерній, сибиряковъ и мордвы, они сохра-

нили всѣ черты своихъ земляковъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляютъ нѣсколько тысячъ верстъ. Попрежнему словоохотливый балагуръ великоруссъ остритъ надъ своимъ односельчаниномъ мордвиномъ, почти уже утратившимъ отличительныя черты мордовскаго племени; такъ же, какъ и на своей родинѣ, скрытенъ и мало расточителенъ на слова малороссъ.

Но рядомъ съ этимъ новая страна наложила и свою печать на крестьянина. Это уже не тотъ робкій и забитый мужикъ, какимъ онъ былъ въ Великороссіи. Нѣтъ, его обращеніе открыто и фамильярно; сперва оно даже шокируетъ васъ своею гордостью, но скоро понравится отсутствіемъ приниженности. И чѣмъ больше вы будете всматриваться въ жизнь и нравы иссыкъ-кульскаго крестьянина, тѣмъ больше найдете въ немъ отличій отъ коренного русака и тѣмъ рѣзче станетъ видно, какъ внѣшнія условія измѣняютъ характеръ человѣка.

Исключая села Преображенскаго, повсюду въ долинѣ введено искусственное орошеніе полей. Вездѣ по канавкамъ струится вода, отведенная изъ горныхъ рѣчекъ, поочередно затопляющая то тотъ, то другой изъ четырехугольныхъ участковъ, засѣянныхъ пшеницей, просомъ, ячменемъ и другими яровыми хлѣбами. Между ними возвышается овесъ, хватающій выше человѣческаго пояса. Не думайте, чтобы кто-либо сѣялъ этотъ овесъ; не думайте, чтобы жители радовались его урожаю, напротивъ, этотъ дикорастущій овесъ (или, какъ здѣсь его зовутъ, овсюкъ) ненавидимъ населеніемъ. Распашите цѣлинную землю и посѣйте на ней какой-нибудь хлѣбъ: въ первый годъ поле дастъ прекрасный урожай, но на слѣдующій—точно посѣянный невидимою рукою—пашню заполонитъ овсюкъ. И остается только скосить этотъ самородный овесъ на кормъ скоту. Русскіе поселенцы ведутъ, однако, упорную борьбу съ этой травой и годъ отъ году увеличиваютъ свои запашки. Пшеница, ячмень, яровая рожь, просо и другія произведенія черноземной Россіи растутъ здѣсь прекрасно, и, гуляя среди волнующихся нивъ, забываешь невольно, что находишься не у себя въ Россіи, не на берегу какого-либо средне-русскаго озера. Но не одинъ только хлѣбъ внесли съ собой русскіе колонисты. Пчеловодство даетъ здѣсь баснословные доходы, и вкусный бѣлый душистый медъ не только фигурируетъ здѣсь за столомъ поселенца, но въ большомъ количествѣ отправляется за границу—въ Китай и Бухару. Цѣлый рядъ медоносныхъ растеній, сравнительно рѣдкихъ въ краѣ, со введеніемъ пчеловодства страшно размножился и увеличивается съ каждымъ годомъ около поселковъ. Особенно это замѣтно на одномъ видѣ мяты, шалфеѣ, душицѣ, донникѣ.

Если въ чемъ можно упрекнуть иссыкъ-кульскаго крестьянина, такъ это въ непослѣдовательности. Значительная часть колонистовъ явилась сюда не прямо изъ Россіи. Это народъ, побывавшій первоначально на Кавказѣ или въ Сибири, народъ, пріобрѣвшій страсть къ передвиже-

ніямъ, навыкъ къ легкой наживѣ путемъ эксплуатаціи цѣлинной земли. По этой причинѣ какой-нибудь овсюкъ, или внезапный неурожай, или даже просто дешевизна хлѣба является уже достаточнымъ поводомъ для выселенія, а пущеннаго какимъ-нибудь проходимцемъ слуха, что въ Ташкентѣ или въ Мервѣ есть доходныя свободныя земли, довольно, чтобы поднять на ноги чуть не половину населенія.

Кромѣ русскихъ, въ долинѣ Иссыкъ-Куля много дунганъ. Большинство дунганъ крайне низкаго роста, обладаютъ темно-желто-коричневымъ цвѣтомъ кожи, обыкновенно старческой сморщенною физіономіей, женскимъ, вѣрнѣе бабьимъ голосомъ и непріятнымъ носовымъ акцентомъ.

Дунгане, приправляя, подобно китайцамъ, свою пищу кунжутнымъ масломъ, какъ и послѣднее, пропитались его отвратительнымъ запахомъ. Ихъ дыханіе, одежда, жилища, лавки, кварталы за нѣсколько саженъ разятъ этою вонью, которая непріятна не только русскимъ, но и туземцамъ, не разъ жаловавшимся мнѣ, что хлѣбъ и провизія дунганъ «душныя», т.-е. вонючія. Если вы къ этимъ внѣшнимъ качествамъ дунганъ прибавите неутомимое, чисто китайское трудолюбіе, гораздо большее, чѣмъ у другихъ колонистовъ Россіи, порядочно развитой фанатизмъ, замкнутость и, наконецъ, злобную вспыльчивость, при чисто китайскомъ отношеніи къ смерти, то вы получите характеристику дунганъ.

Костюмъ дунганъ есть подражаніе китайскому. Синяя кофта, юбка и китайскія туфли на ногахъ составляютъ неотъемлемую принадлежность дунгана. Но, будучи магометанами, они не носятъ косъ, а бреютъ головы, завязывая ихъ синимъ или клѣтчатымъ платкомъ, какъ наши женщины. Въ такомъ видѣ оживленно о чемъ-либо разсуждающій дунганъ производитъ впечатлѣніе некрасивой старой бабы. Дунгане возятъ цѣлыми пачками разводимую ими одними рѣдиску, рѣзко выкрикивая по улицамъ. Ихъ лавки, издалека выдающія себя запахомъ, составляютъ принадлежность городскихъ базаровъ, и тамъ, за прилавкомъ, уложеннымъ всякой дрянью, вы видите торговца съ громадными китайскими очками на носу.

Караколъ, переименованный въ Пржевальскъ, въ честь знаменитаго русскаго путешественника, можно назвать городомъ по преимуществу русскимъ. При всей разнокалиберности населенія, состоящаго изъ сартовъ, татаръ, киргизовъ, таранчей, русскихъ и дунганъ, всѣ народности эти, за исключеніемъ дунганъ, поддѣлываются здѣсь подъ русскіе порядки.

Караколъ въ сущности очень большая южно-русская деревня. Подобно другимъ городамъ края, онъ утопаетъ въ зелени, но зелень эту даютъ исключительно ивы, рябины и душистые тополи. Прямыя длинныя улицы съ чистенькими, бѣленькими домиками, съ арыками, по которымъ журчитъ вода, и аллеями высокихъ деревьевъ производятъ пріі-

ятное впечатлѣніе. Туземцы здѣсь живутъ въ домахъ, построенныхъ на русскій образецъ, и жилище татарина, сарта или разбогатѣвшаго осѣдлаго купца-таранчинца вы сразу не отличите отъ русскаго.

Домики всѣ на одинъ ладъ; базаръ, если не считать дунганскихъ лавокъ, представляетъ мало своеобразнаго. Торговцами являются по преимуществу татары. Только у нихъ достанете хорошіе чай и сахаръ; они же заправляютъ и прочею торговлею. Русскихъ лавокъ немного, а цѣны на предметы, вывезенные изъ Европы, страшно дороги.

На улицахъ все-таки преобладаютъ русскія физіономіи; что же касается до костюмовъ, то мужчины еще сохранили русскую косоворотку, поддевку и картузъ, а женщины давно уже промѣняли сарафанъ на городскія кофты.

Климатическія условія Иссыкъ-Кульской долины совершенно особенныя. Окруженная съ сѣвера и съ юга горами, она, пока продолжается таяніе снѣга на ихъ склонахъ, обладаетъ температурой довольно непостоянной. Въ мартѣ здѣсь уже таетъ снѣгъ, является зелень, цвѣты; тогда же пашутъ поля и сѣютъ хлѣбъ. Но до іюля луга выглядываютъ какъ-то по-весеннему; въ названный же мѣсяцъ и особенно въ августѣ степныя побережья вдругъ покрываются массами медоносныхъ растеній, волнуются тырса и тонконогъ, и іюльская картина южно-русской степи развертывается передъ вами во всей своей красотѣ. Въ это самое время поспѣваютъ и хлѣба, тогда же и пчелы, берущія взятокъ значительно позже, чѣмъ у насъ, начинаютъ носить обильно медъ, давая неслыханные сборы. Одновременно, пользуясь темными вечерами, распускаетъ свои крылья свѣтящійся комаръ. Въ это время отрѣзанная отъ остального міра горными хребтами долина особенно хороша.

На южныхъ берегахъ Балхаша.

(А. Краснова.)

Пустынныя и степныя пространства нашихъ туркестанскихъ владѣній, начиная отъ побережій Аральскаго моря и до персидской границы— отъ Красноводска и до предгорій Тянь-Шаня и Алая, представляютъ изъ себя по условіямъ природы и жизни особое царство, особый міръ животныхъ и растеній, имѣющій весьма мало общаго съ тѣмъ, что мы привыкли видѣть въ Россіи и Сибири. Прибрежныя равнины, разстилающіяся передъ глазами путешественника, живо напоминаютъ безграничную морскую гладь. Сравненіе это является тѣмъ болѣе справедливымъ, что дѣйствительно въ весьма мало отдаленную отъ насъ геологическую эпоху здѣсь волновались воды, слѣды которыхъ и доселѣ видны на каждомъ шагу то въ видѣ раковинъ морскихъ моллюсковъ, тамъ и здѣсь разбросанныхъ среди пыльныхъ степей, то въ видѣ безбрежныхъ зеле-

ныхъ солонцовъ, цѣлыми верстами тянущихся вдоль почтоваго тракта. Каспій и Аралъ суть какъ бы лужи, оставшіяся отъ этого великаго океана, тянувшагося отъ Малороссіи и Карпатъ до подножія Тянь-Шаня, волны котораго единовременно омывали скалы Урала и кручи утесовъ приморскихъ странъ. Горныя цѣпи и цѣпи холмовъ, тянущіяся теперь среди Туркестанскихъ степей, были островками, утесами, рифами и отмелями этого моря, и только постепенно его усыханіе въ связи съ поднятіемъ, продолжающимся, какъ показываютъ постоянныя землетрясенія въ Туркестанѣ, и донынѣ, создали изъ нихъ то, что представляется теперь глазу путешественника. Изъ страны морей и болотъ, подъ вліяніемъ вѣками дующаго сѣверо-восточнаго вѣтра, создались сухія, безводныя пустыни; вся природа стала носить характеръ природы странъ безводныхъ, томимыхъ жаждою.

Отроги Тянь-Шаня и Ханъ-Тау, повидимому, были нѣкогда островами или мысомъ, раздѣлявшимъ между собою обширные водные бассейны рѣкъ Чу и Или. Нѣкогда морскія волны плескались о ихъ массивы, и до сихъ поръ еще на сторонѣ горъ, обращенной къ Балхашу, видны выбоины, оставленныя морскимъ прибоемъ. Но воды, окружавшія со всѣхъ сторонъ эти скалы, удалились. Сухая безплодная степь стала на ихъ мѣсто, и дожди, нѣкогда обильно извергавшіеся на ихъ невысокія вершины, теперь почти перестали навѣщать безплодныя скалы. Тучи проносятся дальше по направленію къ возвышающемуся до небесъ Тянь-Шаню, чтобъ осѣсть на его снѣговыхъ вершинахъ. Облака проносятся мимо, не проливая ни капли на раскаленные камни. Ручьи и рѣки, когда-то текшіе между утесами, изсякли. Только раннею весною лѣниво струится по ихъ песчаному дну ручеекъ, но и онъ скоро скрывается подъ толщами песка, покрывающаго дно.

Палящіе лучи солнца и леденящіе зимніе вѣтры, непрерывно воздѣйствуя на обнаженныя скалы, отрываютъ отъ нихъ одинъ за другимъ куски вывѣтрившейся породы. Явленіе это, происходящее во всякой горной странѣ, далеко не вездѣ, однако, замѣтно. Быстрые потоки подхватываютъ отлетѣвшіе осколки и уносятъ ихъ далеко внизъ по теченію, усѣивая свое русло гальками и валунами. Здѣсь же некому снести эти массы щебня и осколковъ, на которые крошится порода. И горы годъ отъ года болѣе и болѣе скрываютъ отъ взора лицо свое подъ грудами осколковъ, скользящихъ подъ ногами. Мѣстами уже и не видно твердаго остова. Онъ погребенъ подъ слоемъ кусковъ камней, на которые разсыпалась порода. Слоистые сланцы и твердая яшма побережій Балхаша—ничто не можетъ устоять противъ разрушающаго дѣйствія погоды, и мѣстами уже не скалы древнихъ острововъ, а груды нагроможденныхъ другъ на друга осколковъ рисуются взору, тщетно ищущему въ дрожащей атмосферѣ раскаленнаго воздуха кустика или деревца, гдѣ могъ

бы отдохнуть глазъ, утомленный однообразіемъ щебневыхъ осыпей или грудъ мертвенныхъ раскаленныхъ камней, возвышающихся надъ гладкою, дрожащею отъ миража степью. Напрасно будетъ онъ искать здѣсь деревьевъ—ихъ нѣтъ.

Лишь нѣсколько холодныхъ весеннихъ недѣль пользуются растенія прибалхашскихъ горъ влагою отъ ничтожнаго количества тающихъ снѣговъ, наметенныхъ гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ берега, или водою, текущею по умирающему руслу рѣчки. Только эти нѣсколько недѣль—періодъ иногда болѣе короткій, чѣмъ на крайнемъ сѣверѣ—и могутъ

Видъ въ Семирѣченской области.

прозябать представители здѣшней растительности. Затѣмъ безжалостное солнце высушитъ землю и накалитъ ее до температуры, которая исключаетъ возможность прозябанія.

Понятно поэтому, что изъ представителей прежней луговой флоры лишь весьма немногіе могли ужиться при подобныхъ условіяхъ. Рѣдко гдѣ между скалъ блеснетъ зеленый кустикъ приземистой таволги, пріобрѣвшей здѣсь видовыя отличія; еще рѣже степная вишня покажетъ свои бѣдныя, искрюченныя, одѣтыя узкою листвою вѣтви. Остальное все, кромѣ рѣдкихъ, ярко-красныхъ весеннихъ тюльпановъ, какъ огоньки вспыхивающихъ между скалъ, скрыто отъ бѣглаго взора. Надобно ближе всматриваться въ эти груды и ущелья, чтобы между ними разсмотрѣть

распростертые астрагалы, кое-гдѣ борющійся за свое существованіе типчакъ или выродившійся ковыль, неохотно распускающій по вѣтру свои перья. Но обыкновенно только глазъ ботаника отличаетъ среди камней, близъ высохшихъ руслъ рѣкъ, ту самую флору, которая, не будучи замѣтна для глазъ проѣзжающаго, числомъ своихъ видовъ настолько обогащаетъ общую сумму растительности края, что ставитъ его, несмотря на всю его мертвенность и пустынность, далеко выше сосѣднихъ съ нимъ песчаныхъ, солончаковыхъ и полынныхъ степей пустыни. На взглядъ всадника это ничтожныя моховинки, зеленоватые налеты подъ сѣнью скалъ, производящіе такое впечатлѣніе, какъ будто бы раннею весною здѣсь стала всходить изъ мелкихъ сѣмянъ какая-нибудь однолѣтняя травка. Каково же было мое изумленіе, когда, пригнувшись къ землѣ, вмѣсто воображаемыхъ всходовъ я увидалъ цѣлыя миніатюрныя лужайки,—лужайки, составленныя изъ тѣхъ же видовъ, что даютъ дѣйствительные покосы въ предгоріяхъ Тянь-Шаня, или другихъ новыхъ и рѣдкихъ видовъ, которые всѣ были такъ малы, что въ высоту имѣли не больше двухъ, пяти, рѣдко десяти сантиметровъ.

Здѣсь возвышаются молочайники въ нѣсколько линій съ тоненькими, какъ ниточки, листочками, но уже со зрѣлыми плодами; подъ ними, похожій на нашъ лютикъ, развертываетъ величиною съ просяное зерно цвѣточекъ остророгъ. Синенькая вероника, похожая на ту, что синѣетъ во всѣхъ паркахъ Петербургской губерніи, развертываетъ свои цвѣточки съ булавочную головку на стебелькѣ, не превышающемъ ростъ молочайника. Микроскопическая пастушья сумка на тоненькихъ, какъ волоски, ножкахъ составляетъ цѣлые газоны, среди которыхъ, какъ у насъ одуванчики, расцвѣтаютъ такой же формы сложноцвѣтныя растенія въ полсантиметра высотою. Вмѣсто клевера нашихъ луговъ подъ сѣнью этихъ лилипутовъ стелется приносящій длинные стручья тонколистный астрагалъ... Но всего эффектнѣе здѣсь миніатюрные злаки, образующіе газонъ въ $^1/_2$ сантиметра вышиною, подобно нашей мятлицѣ, выметающей колоски или метелочки въ $^1/_2$ дюйма длиною. И надъ всѣмъ этимъ, подобно исполинскому лопуху, вполнѣ подражая послѣднему и формою цвѣточныхъ головокъ, и видомъ листьевъ, возвышаются въ полфута кузиніи на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Все лишнее въ растеніи уничтожено. Всѣ претензіи на красоту и пышность сокращены. Остается одна-двѣ пары листьевъ и одинъ стручокъ.

Подъ скалами здѣсь мы находимъ скорпіоновъ и хищныхъ жуковъ изъ рода жужелицъ. Неумолимые вѣтры, дующіе цѣлый день, и страшная жара мѣшаютъ имъ появляться днемъ; только позднимъ вечеромъ—время, когда въ степяхъ просыпается жизнь—оживаютъ животныя луговъ. Въ знойный же день лишь одни клещи, похожіе на нашихъ клещей, населяютъ эти заросли, и стоитъ только долгое время остаться тамъ, чтобы

замѣтить, какъ опрометью, со всѣхъ своихъ 8-ми ногъ, побѣгутъ съ разныхъ сторонъ эти животныя, обрадовавшіяся случаю перемѣнить тревожную кочевую жизнь на спокойную жизнь паразита. И нельзя позавидовать животнымъ, которыя вздумаютъ расположиться здѣсь на ночлегъ.

Странная вещь: въ растеніяхъ здѣсь замѣчаешь ту же наклонность. Сѣмена нѣкоторыхъ изъ нихъ усажены множествомъ мелкихъ крючочковъ; головки крошечнаго мака, ростъ котораго не превышаетъ 4-хъ сантиметровъ, а цвѣты величиною съ цвѣты лютиковъ, усажены шипами; даже стручья бобовыхъ кончаются здѣсь крючками. Словомъ, все, подобно клещамъ, стремится прицѣпиться къ первому проходящему существу, и кажется, что всѣ эти существа одарены инстинктивнымъ стремленіемъ тѣмъ или инымъ способомъ покинуть этотъ негостепріимный край.

Груды камней лишены растительности; она ютится на песчаныхъ ложбинахъ умершихъ рѣчекъ и ручьевъ. Жизнь на скалахъ идетъ на другой образецъ. Вмѣсто того, чтобы тратить свои силы на цвѣты и сѣмена, растенія скалъ всѣ соки и питательныя вещества, которыя вырабатываетъ слабенькій листочекъ, вышедшій изъ сѣмени и сожигаемый въ нѣсколько недѣль солнцемъ, отправляютъ внизъ. Потому-то въ серединѣ апрѣля—въ этотъ весенній праздникъ Балхашскихъ побережій—горы и предгорія убираются, правда, лишь на недѣлю, восхитительнымъ ковромъ малиновыхъ, желтыхъ и пестрыхъ тюльпановъ, лиловыхъ азіатскихъ амариллисовъ и другихъ лилейныхъ. Но цѣлый рядъ другихъ растеній получаютъ здѣсь клубни, и большая часть растеній щебневыхъ осыпей имѣетъ подземныя хранилища питательныхъ веществъ. Одни изъ нихъ мучнисты и годны въ пищу человѣку, другія богаты млечными каучукоподобными смолами, наконецъ третьи содержатъ драгоцѣнныя смолы востока—гельбанумъ и ассу-фетиду—здѣсь еще, повидимому, неизвѣстныя туземцамъ, зовущимъ это дорогое растеніе просто «сассыкъ-сассыръ»—вонючая дудка.

Когда смягченная отъ стаявшаго снѣга и политая весеннимъ дождемъ земля нагрѣется палящими лучами солнца, когда камни раскалятся, какъ плита, и лишенныя влаги растенія-лилипуты начнутъ уже сохнуть и разноситься вѣтрами, пробуждается жизненная сила въ этихъ подземныхъ хранилищахъ пищевыхъ запасовъ. И вотъ въ это время каменистая почва вдругъ оживляется, скалы скрываются подъ зеленью распростертыхъ, попарно расположенныхъ громадныхъ листьевъ, то цѣльнокрайнихъ, какъ листья лопуха, то, напротивъ, раздѣленныхъ на бархатистыя лопасти, какъ у асса-фетиды. Въ какую-нибудь недѣлю изъ громадныхъ, подобныхъ капустнымъ, кочановъ, расположенныхъ между листьями, развертываются палево-желтыя соцвѣтія, то раскидывающіяся

многочисленными зонтиками, то, напротивъ, скученныя въ головки. Подобіе цѣлой рощицы кустарниковъ раскидывается на каменистомъ грунтѣ, и вмѣстѣ съ ихъ появленіемъ проявляется и животная жизнь степей.

Степная черепаха, которой цѣлые мѣсяцы не встрѣтишь ни одного экземпляра, появляется цѣлыми массами. Всюду видишь эти движущіеся щиты, изъ коихъ нѣкоторые достигаютъ величины небольшой тарелки. Часовъ въ 5 или 6 вечера онѣ особенно оживлены,—однѣ ѣдятъ листья растеній, которые, благодаря своей сочности, замѣняютъ имъ и питье; другія гоняются другъ за другомъ; самцы злобно шипятъ, нерѣдко вступая въ драку, при чемъ сильнѣйшій старается повалить слабѣйшаго на спину, такъ что тотъ безсильно барахтается на спинѣ. Громадные черные жуки изъ отряда дровосѣковъ жадно поѣдаютъ зонтики и незрѣлыя сѣмена гельбанума; наконецъ, теперь въ эти мѣста забѣгаетъ куланъ. Сѣро-бурый, подъ цвѣтъ каменистой степи, всегда избираетъ онъ ровныя открытыя низины, откуда далеко виденъ непріятель, о появленіи котораго даетъ знать жеребецъ—вожакъ стада. Эти животныя, своимъ строеніемъ напоминающія лошадь, а длинными ушами и темной полосой на спинѣ—осла, постоянно кочуя по степи, умѣютъ здѣсь выбрать лучшіе уголки.

Ни одинъ степной разбойникъ-киргизъ—«барантачъ»—не знаетъ съ такою подробностью тѣ незначительные ключики или озерки прѣсной воды, которые раскиданы среди безводной степи, гдѣ бы могло утолить свою жажду утомленное переходами стадо, какъ эти вожаки куланы. Какъ сейчасъ помню ту ночь, когда на сѣверо-востокѣ отъ Ханъ-Тау въ голодной степи, предводительствуемый старымъ киргизскимъ разбойникомъ, отрядъ мой остановился въ небольшой ложбинѣ около едва пробивающагося изъ камней и сейчасъ же изсякавшаго ключика. Вода въ ключѣ этомъ не всегда, по словамъ провожатаго, и бываетъ. Лишь весною, въ дождливую пору, можно надѣяться найти здѣсь воду, и пунктомъ этимъ пользовался въ своей молодости этотъ старикъ, рыская за добычей по степи. Но не успѣлъ отрядъ мой заснуть, какъ послышался топотъ и какой-то совершенно особенный звукъ, издаваемый многочисленнымъ стадомъ кулановъ, шедшимъ на водопой. И имъ очевидно не безызвѣстно было это мѣсто, единственное на перепутьи отъ водоемовъ голодной степи къ прѣсноводнымъ частямъ Балхаша. Преждевременные выстрѣлы казаковъ разогнали стадо, и когда я выскочилъ изъ палатки, только отдаленный грохотъ тысячи копытъ, отбивавшихъ землю, раздавался въ степи.

Но томимое жаждою стадо, ободренное и вмѣстѣ съ тѣмъ заинтересованное видомъ моихъ пасущихся лошадей, подъ утро вновь появилось на горизонтѣ, при чемъ многіе смѣльчаки приближались настолько, что

легко можно было разсмотрѣть ихъ формы, по правдѣ сказать, по изяществу и граціи много уступающія нашей лошади.

Киргизы говорятъ, что куланы похищаютъ изъ табуновъ лошадей, и эти послѣднія, дичая, бродятъ вмѣстѣ съ ними. Въ разсказахъ этихъ есть много вѣроятнаго. Разглядывая многочисленные отпечатки копытъ, оставленные пробѣжавшимъ вчера стадомъ, нельзя было не замѣтить между множествомъ узкихъ и маленькихъ слѣдовъ куланьяго копыта нѣсколько болѣе круглыхъ и широкихъ слѣдовъ, весьма похожихъ на слѣды нашихъ лошадей. Но гораздо чаще киргизы ловятъ кулановъ. Обыкновенно отбиваютъ маленькаго жеребенка отъ матери и, загнавши его до изнеможенія, подхватываютъ на руки и воспитываютъ въ юртѣ. Въ послѣднее время киргизы стали возить продавать этихъ животныхъ въ Вѣрный, гдѣ сравнительно за безцѣнокъ весеннею порой можно пріобрѣсти жеребенка. У меня былъ въ степи такой жеребенокъ. Сколько трудовъ стоило приручить это хорошенькое существо съ твердыми, какъ камень, крошечными черными копытцами на тоненькихъ, какъ у антилопы, стройныхъ ножкахъ, съ черными выразительными глазами и длинными ушами. Какъ трудно было добиться того, чтобы онъ пересталъ неистово лягать своими маленькими ножками своего хозяина, бралъ бы изъ рукъ молоко, дозволялъ бы дотрогиваться и гладить по спинѣ.

Кромѣ кулановъ, мѣсто водопоя здѣсь прекрасно знаютъ бультруки, или, какъ ихъ называютъ русскіе, степные рябки, и уже по одному присутствію этой птицы можно знать, что поблизости находится вода.

Породы, изъ которыхъ составлены скалы побережій Балхаша, весьма разнообразны. Тутъ можно встрѣтить и граниты, и яшмы, и кварциты, и сланцы. Но чаще всего выступаютъ тутъ на поверхность земли песчаники. Каждая изъ этихъ породъ, подвергаясь дѣйствію атмосферы и колебаній температуры, вывѣтривается различно. Сланцы и кварциты колются на щебень; песчаники подвергаются дальнѣйшему вывѣтриванію,—они распадаются на мелкій песокъ, который ихъ нѣкогда составлялъ, и песокъ этотъ, подверженный дѣйствію вѣтра, скопляется въ цѣлыя дюноподобныя гряды глубокаго сыпучаго песка. Но здѣсь песокъ этотъ еще не превратился въ ту страшную песчаную пустыню, какую мы привыкли представлять себѣ въ воображеніи при словѣ: сыпучіе пески Средней Азіи,—нѣтъ, здѣсь они расположены грядами, которыя сплошь закрѣплены кустарниками.

Пески Тау-Кумы, простирающіеся къ юго-западу отъ Балхаша, повидимому нѣкогда составляли часть дельты Или. Воды, раздѣлявшія островки отъ песчаника, теперь изсякли или находятся на всѣхъ степеняхъ изсяканія. На ихъ мѣстѣ являются площадки овальной, продолговатой формы, или заросшія камышомъ, или совершенно сухія, съ почвою твердою, какъ камень, звучащею подъ копытомъ лошади.

Это такъ называемый такыръ, солоноватый илъ, который спекся здѣсь въ твердую массу, гладкую, какъ паркетъ, лишенную всякой растительности. И только по краямъ такихъ такыровъ, точно ивы, посаженныя вокругъ искусственно вырытыхъ прудовъ, саксаулъ и тамарискъ образуютъ густыя заросли. Такова природа южной оконечности Балхаша. Намъ остается взглянуть еще на самое озеро.

Съ высоты прибрежныхъ горъ, куда хватаетъ глазъ, разстилается водная поверхность.

Гранитныя высокія скалы и утесы врѣзываются въ воды озера, которыя, набѣгая на нихъ, разбиваются въ пѣну и брызги среди голыхъ камней. Эта водная скатерть не сіяетъ голубизною водъ Иссыкъ-Куля... Это не сине-зеленыя воды Каспійскаго моря; скорѣе нѣжный аквамариновый цвѣтъ сѣверныхъ солоноватыхъ озеръ отливаетъ въ водахъ Балхаша, гармонируя съ туманною атмосферою неба.

Какова вода этого озера? Это любопытный спорный вопросъ, изъ-за котораго часто спорятъ между собою туземцы, при чемъ обѣ стороны бываютъ, сами того не зная, правы.

Кто пивалъ воду балхашскихъ заливовъ, тотъ не отзовется о нихъ съ похвалой. Берега залива Ала-Куля, который мнѣ пришлось объѣхать кругомъ, усѣяны солью. Въ весеннее время, когда солянки не успѣли ихъ покрыть своею зеленью, это—ослѣпительно бѣлыя поля соли, на которыя невозможно смотрѣть простыми глазами, и на нихъ плещется соленая вода. Но это только въ заливахъ. Въ самомъ же Балхашѣ вода прѣсная и чистая, такъ что даже въ чаѣ не чувствуется соли. Заливы его дѣйствуютъ подобно громаднымъ выпарительнымъ чашкамъ. Соединенные лишь узкими проливами съ главнымъ бассейномъ, мелководные, они представляютъ громадную площадь для испаренія водъ, весьма мало подновляемыхъ тихими теченіями, идущими сквозь камышомъ заросшіе проливы, которые у Ала-Куля такъ мелки, что въ самомъ узкомъ мѣстѣ киргизы переходятъ озеро въ бродъ. Явленіе это, совершающееся въ грандіозныхъ размѣрахъ въ Кара-Бугазѣ на Каспійскомъ морѣ, повторяется въ каждомъ изъ заливчиковъ Балхаша.

Если сѣверо-западный берегъ Балхаша каменистъ и голъ, то, напротивъ, восточный, занятый дельтой Или, представляетъ море камышей. Пески переходятъ въ камыши, а камыши, сливаясь съ водою, совершенно маскируютъ то мѣсто, гдѣ кончается суша и начинается вода. Сухіе и желтые, постоянно дымящіеся весною отъ пожаровъ, камыши эти представляютъ лѣтомъ громадный непроходимый джунгль, гдѣ, среди увитыхъ вьюномъ многосаженныхъ камышевыхъ стеблей, кишатъ міріады желтыхъ комаровъ, которые дѣлаютъ совершенно невозможною человѣческую жизнь въ этихъ трущобахъ. Кабанъ и тигръ тогда царствуютъ въ этомъ лѣсу.

Страшилище камышей тигръ, «жолъ-барсъ» по-киргизски, похищаетъ у киргизовъ ежегодно нѣсколько лошадей, но, вообще говоря, разсказы о его злодѣйствахъ преувеличены. Тигровъ здѣсь вовсе уже не такъ много, но киргизы слишкомъ трусливы, чтобы когда-либо отважиться идти на «жолъ-барса», и если тигровая шкура попадаетъ въ руки киргиза, то это навѣрное жертва отравы, положенной на тропинку, посѣщаемую звѣремъ.

Южные берега Балхаша не имѣютъ жителей. Многія обстоятельства обусловливаютъ это явленіе. Безводная степь и скалы неудобны для ауловъ, потому ближе горъ Ханъ-Тау киргизы и не откочевываютъ. Пастбища здѣсь скудны или, вѣрнѣе, ихъ нѣтъ вовсе. Лошадямъ и людямъ тяжело переносить лѣтнія жары. Но главная причина безлюдія— это то, что здѣсь какъ разъ пролегаетъ граница между Семирѣченскою и Семипалатинскою областями—обстоятельство, крайне удобное для того, чтобы, ограбивъ и убивъ кого-нибудь въ одной изъ областей, безнаказанно скрыться въ другую. Вотъ это-то и является причиною, что здѣсь только разбойникъ-барантачъ да проѣзжій рыбопромышленникъ изрѣдка оживятъ пустыню.

Черезъ Кара-Кумы.

(Сорокина.)

Въ туманной мглѣ раскаленнаго горизонта еле виднѣется одинокая станція Кара-Кудукъ. Длинной черной лентой растянулся нашъ караванъ. Ревъ верблюдовъ, ржаніе лошадей, крики киргизовъ оглашаютъ безконечную пустынную равнину. Впрочемъ, равниной нельзя назвать мѣстность, въ которую мы теперь вступаемъ. Плоская гладкая степь осталась назади; здѣсь песчаная почва дѣлается все болѣе и болѣе волнистою, а тамъ, впереди на горизонтѣ, уже виднѣются настоящіе барханы, бѣлѣютъ и сверкаютъ ихъ сыпучія верхушки.

Во главѣ каравана ѣдетъ вожакъ киргизъ. На головѣ у него надѣтъ косматый малахай; широкое плоское лицо совсѣмъ спряталось въ густомъ лисьемъ мѣху, которымъ обшиты наушники, и только черные блестящіе глаза смотрятъ бойко изъ-подъ приподнятыхъ черныхъ бровей. Пестрый, темный халатъ сидитъ мѣшкомъ на коренастомъ тѣлѣ и стянутъ узкимъ ремнемъ; сбоку прицѣплена кривая сабля. За киргизомъ слѣдуемъ мы верхами, а тамъ дальше грузно тащатся тарантасы; ихъ влекутъ медленно верблюды. Казаки гарцуютъ въ сторонкѣ и гонятъ нѣсколько бычковъ, предназначенныхъ поступить въ полное распоряженіе повара, когда появится надобность.

Безотрадная картина развертывается передъ нами—вездѣ песокъ и сухая выжженная трава. Справа и слѣва поднимаются барханы. Они дѣлаются все больше и больше, попадаются все чаще и чаще. Не успѣли

проѣхать и десятка верстъ, а попали въ настоящее песчаное царство. Дорога стала очень тяжелою. Конечно, болѣе всего хлопотъ съ тарантасами. Верблюды, непривычные къ упряжкѣ, то рвутся въ разныя стороны, то остановятся и, несмотря на нагайки, стоятъ какъ вкопанные, то вдругъ круто сворачиваютъ въ сторону, летятъ стремглавъ, не слушая криковъ киргизовъ, не видя ничего передъ собою. Тарантасъ врѣзался по самыя оси въ песокъ. Тройка верблюдовъ уперлась въ крутой откось бархана; упряжь изорвана, коренной упалъ и переломилъ оглоблю. Недоумѣвая поглядываютъ пристяжныя на своего лежащаго товарища; у одного вырвана веревка, которая была продѣта черезъ ноздри, изъ раны капаетъ алая кровь; верблюдъ жалобно реветъ и поворачиваетъ голову во всѣ стороны, точно проситъ помощи. Толпа конныхъ и пѣшихъ суетится, шумитъ и приводитъ все въ порядокъ. Ѣдемъ дальше.

Песчаные бугры точно раздвинулись. Узкая, ровная долина неожиданно развернулась передъ нами и ушла вдаль версты на три; тамъ она опять уперлась въ барханы, которые отсюда кажутся громадными темными волнами, застывшими во время сильной бури. Далѣе она представляетъ собою точно дно какого-то высохшаго бассейна. По бокамъ стоятъ густыя заросли сухого камыша, кое-гдѣ зеленѣетъ трава. Грунтъ земли глинистый, твердый. Колеса тарантасовъ громко застучали, верблюды, обрадованные, что имъ стало легче тащить необыкновенныя для нихъ повозки, пустились вприпрыжку, раскачивая длинной шеей. Насилу остановили.

Несмотря на сентябрь, солнце жаритъ довольно сильно. На небѣ ни облачка; какимъ-то сѣрымъ, пыльнымъ куполомъ прикрыло оно насъ и уперлось въ дрожащую полоску горизонта. Даже вожакъ снялъ свой малахай и потираетъ бритую голову, которая блеститъ, какъ вычищенный металлическій шаръ.

Здѣсь, въ долинѣ, стало невыносимо душно. Казалось, съ удовольствіемъ можно бы было подставить раскраснѣвшееся лицо налетѣвшему вѣтерку, но этотъ «зефиръ» жжетъ какъ огнемъ, отъ него трескаются губы и сохнетъ во рту.

Молча продолжаемъ путь. Лошади фыркаютъ и машутъ понурыми головами. Какой-то киргизъ, повязанный краснымъ платкомъ по-бабьему, затянулъ заунывную, длинную пѣсню, такую же дикую и однообразную, какъ окружающая природа. Смотрѣлъ онъ куда-то вдаль, раскачивался, сидя на горбахъ верблюда, и не обращалъ ровно никакого вниманія на своихъ товарищей, знакомыхъ и незнакомыхъ. Ему хотѣлось пѣть, онъ и пѣлъ, импровизировалъ, глядя на однообразную долину, на крутые песчаные берега ея, чувствуя горячій вѣтеръ и считая себя, вѣроятно, за самаго счастливаго человѣка въ свѣтѣ.

Прошло еще полчаса. Вдругъ изъ-за бархана выглянуло небольшое бѣлое зданіе съ крышей въ видѣ купола.

— Это что такое?—спросилъ я у вожака, говорившаго немного по-русски.

— Могила, или мазарка по-нашему; здѣсь похороненъ очень хорошій человѣкъ. И семья тоже похоронена вмѣстѣ съ нимъ. Богатый киргизъ былъ, много барановъ и верблюдовъ имѣлъ, въ дальнія страны ѣздилъ, гдѣ живутъ другіе народы, а киргизовъ и русскихъ нѣтъ.

— А посмотрѣть мазарку можно?

— Отчего же нельзя? Свернемъ немного въ сторону, крюку не больше полверсты будетъ, если къ ней подъѣхать.

Караванъ остановился. Послѣзали съ лошадей, начали оправлять сѣдла. Въ нѣкоторыхъ тарантасахъ достали жестяные ящики съ провизіей и принялись наскоро завтракать. Интересующихся посмотрѣть мазарку нашлось нѣсколько человѣкъ, и мы, не медля ни минуты, пустились рысью къ небольшому возвышенію, на которомъ стояла могила «хорошаго человѣка».

Площадка, гдѣ мы остановились, была лишена почти всякой растительности; чахлые сухіе пучки песчанаго камыша вылѣзали изъ трещинъ земли наподобіе верблюжьей шерсти, да тамъ и сямъ торчали мертвые зонтики отцвѣтшихъ еще весною растеній; только кизиль-джузгены чувствовали себя очень хорошо въ этой раскаленной почвѣ и весело протягивали во всѣ стороны узловатыя кроваво-красныя вѣтки. Нѣсколько ящерицъ суетливо забѣгали по песку, испуганныя нашимъ появленіемъ; изъ какой-то разсѣлины въ куполѣ вылетѣла небольшая сова и, ныряя въ воздухѣ, исчезла за барханомъ.

Мазарка была построена изъ глиняныхъ кирпичей; кое-гдѣ на стѣнахъ и на крышѣ виднѣлись слѣды извести, которою вѣроятно было обмазано все зданіе. Невысокія стѣны были украшены возвышеніями въ видѣ колоннъ, разставленныхъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга. Фундаментъ имѣлъ форму круга и весь исчезалъ въ волнахъ песка, который постепенно началъ засыпать даже дальнюю стѣну постройки.

Узкая и низкая дверь помѣщалась въ срединѣ высокаго фронта. Всеразрушающее время наложило на все свою руку: карнизъ началъ осыпаться, углы фронтона обрушились.

У входа валялось два лошадиныхъ черепа и нѣсколько костей. Надо было согнуться, чтобы войти въ дверь, суживающуюся кверху. Она вела въ необыкновенно тѣсный и короткій коридорчикъ, изъ котораго уже мы попали въ небольшое круглое помѣщеніе. Стѣны постепенно переходили въ довольно высокій сводъ и сохранились весьма хорошо; чисто выбѣленныя, онѣ всѣ были покрыты довольно оригинальной живописью. Смѣлая рука азіатскаго художника набросала здѣсь фигурки верблюда, овцы, барана, лошади, а тамъ и копья, кольчуги, топора,

лука, стрѣлы, слона, птицы, рыбы и пр. Верблюды, привязанные одинъ за другимъ, должны были изображать длинный караванъ; овцы во всѣхъ положеніяхъ и возрастахъ представляли многочисленныя стада; лошади, осѣдланныя и безъ сѣделъ, указывали на большіе табуны, которыми владѣлъ покойникъ.

На одной изъ стѣнъ живописецъ представилъ даже нѣсколько сценъ изъ охоты: скачущій всадникъ нагоняетъ сайгака и пронзаетъ его непомѣрно большимъ копьемъ, другой цѣлитъ изъ лука въ громаднаго тигра, третій несетъ на рукѣ сокола съ распущенными крыльями. На третьей стѣнѣ можно видѣть сраженіе, бой на копьяхъ, мечахъ и въ рукопашную; тутъ же помѣщались розовые и синіе слоны съ возсѣдающими на нихъ путешественниками. Фигуры разныхъ цвѣтовъ, сгруппированныя описаннымъ выше образомъ, составляли полосы, идущія параллельно карнизамъ, и раздѣляли такимъ образомъ стѣны на нѣсколько отдѣленій съ извѣстнымъ характеромъ; кромѣ того, между сценами замѣчалась извилистая линія съ украшеніями въ видѣ звѣздъ, небывалыхъ цвѣтовъ, листьевъ и пр. Такимъ образомъ получались разныя картинки, и, просматривая ихъ, можно было читать чуть не всю біографію киргиза и судить о его зажиточности. Посреди мазарки возвышалась длинная и узкая глиняная гробница, крышка которой суживалась кверху наподобіе остраго гребня. По бокамъ ея находилось еще нѣсколько подобныхъ же памятниковъ самыхъ разнообразныхъ величинъ: то были могилы женъ и дѣтей умершаго.

Киргизы, кочуя въ Кара-Кумахъ, привлекаемые сочной травой, растущей между барханами во многихъ мѣстахъ, проводятъ въ нихъ всѣ зимніе мѣсяцы. Съ одной стороны, кормъ для скота здѣсь находится въ изобиліи, а съ другой—холода въ пескахъ не такъ чувствительны, какъ въ глинистой степи, охватывающей Кара-Кумы со всѣхъ сторонъ. Киргизы любятъ окружающую своеобразную природу, и многіе изъ зажиточныхъ номадовъ выбираютъ себѣ еще при жизни мѣстечко для будущей могилы. Подъ ихъ наблюденіемъ строятъ мазарки, приготовляютъ матеріалы для гробницы, разукрашиваютъ стѣны и послѣ смерти кладутъ чуть не на поверхность земли, засыпаютъ надъ ними глиняный холмъ и придаютъ ему форму ящика или куполообразнаго возвышенія. По смерти домочадцевъ ихъ трупы также попадаютъ въ семейную мазарку, если средства родственниковъ позволятъ тащить ихъ иногда изъ довольно далекихъ мѣстъ. Мертвеца связываютъ и окутываютъ полотномъ, прикрѣпляютъ какъ вьюкъ на верблюда и отправляются къ мазаркѣ. Молчаливо сидятъ киргизы, мѣрно покачивается трупъ, и печальный кортежъ проходитъ иногда нѣсколько сутокъ подъ однообразный звукъ колокольчиковъ, прежде чѣмъ достигнетъ до мѣста похоронъ. Уложатъ мертвеца на свое мѣсто, сядутъ опять на высокія сѣдла и черезъ пол-

часа снова все стихнетъ въ окрестностяхъ мазарки, точно никто не нарушалъ мертвой тишины пустыни.

Такъ случилось и съ «хорошимъ человѣкомъ», похороненнымъ въ зданіи, которое мы осматривали, такъ похоронили и всю его семью. А по рисункамъ дѣйствительно можно было видѣть, что онъ и въ Индіи побывалъ, и на слонахъ покатался.

Мы долго сидѣли на гробницахъ, срисовали стѣнныя изображенія и очень рады были тѣни и прохладѣ. Свѣтъ падалъ черезъ узкую входную дверь, да и въ куполѣ замѣтна была трещина, въ которую виднѣлось синее небо; никакихъ оконъ не существовало.

На гробницахъ, на стѣнахъ и на полу было что-то написано на непонятномъ для насъ языкѣ,—вѣроятно, потомки похороненныхъ или вообще благочестивые мусульмане, заброшенные судьбою въ эти мѣста, спѣшили поклониться праху покойника и начертать какой-нибудь красивый стихъ изъ корана.

Поодиночкѣ, согнувшись, чуть не на колѣняхъ выбрались мы изъ мазарки. Яркій свѣтъ ударилъ въ глаза и послѣ темноты казался ослѣпительнымъ; жаръ становился невыносимымъ. Мы усѣлись на нашихъ коней и догнали караванъ, который ушелъ версты на двѣ впередъ. Поднимался вѣтеръ, раскаленныя песчинки били въ лицо и засыпали глаза. Горизонтъ окончательно стушевался, вершины бархановъ дымились; пучокъ сухой травы прыгая пронесся черезъ дорогу.

Съ шумомъ и гамомъ расположился караванъ на ночевку. Три кибитки, убранныя со всею киргизскою роскошью, предоставлены въ полное наше распоряженіе. Тарантасы выстроились въ одну шеренгу. Отпряженные верблюды съ важнымъ видомъ расхаживаютъ между снующимъ народомъ и пережевываютъ свою жвачку. Немного въ сторонѣ два казака хлопочутъ надъ костромъ. Бѣлый, густой дымъ прямымъ столбомъ подымается въ тихомъ вечернемъ воздухѣ и таетъ высоко, высоко надъ нашими головами; пахнетъ гарью и печенымъ картофелемъ.

Недалеко отъ кибитокъ киргизы принялись копать колодецъ; вооруженные широкими, круглыми желѣзными лопатами, насаженными на древко такъ, что составляютъ съ ручкой прямой уголъ, они быстро и ловко углубляли яму. Съ каждымъ взмахомъ этого оригинальнаго инструмента отдѣлялась большая глыба плотнаго влажнаго песка, которая легко выбрасывалась на берегъ будущаго колодца. Почва становилась все болѣе и болѣе мокрою, наконецъ изъ-подъ ногъ рабочихъ стала просачиваться вода, и яма быстро наполнилась ею. Тонкія, еле замѣтныя струйки показались со всѣхъ сторонъ; но вода отзывалась сѣрнистымъ водородомъ и была противнаго затхлаго вкуса. Киргизы почерпали разъ, другой и оставили ее на время въ покоѣ. Черезъ четверть часа колодецъ глубиною не болѣе полутора аршина весь наполнился свѣтлою,

прѣсною и вкусною водою, которая прибывала съ такою быстротой, что даже выступила изъ береговъ.

Описаннымъ способомъ въ любомъ мѣстѣ Кара-Кумовъ кочевники выкапываютъ себѣ кудуки, изъ которыхъ поятъ скотъ. Это удобство происходитъ отъ того, что на небольшомъ разстояніи отъ поверхности земли находится водоупорный пластъ, глубже котораго дождевая вода, просачивающаяся сверху, не можетъ идти. Во время таянія снѣговъ, весною, громадное количество влаги пробирается между песчинками и скопляется въ подземныхъ, такъ сказать, резервуарахъ. Стоитъ только прокопать отъ 1 до 2—3 аршинъ верхній песчаный слой, какъ тотчасъ натыкаешься на воду. Водоупорный пластъ состоитъ изъ глины и того же песка, но только болѣе уплотненнаго, превратившагося въ песчаникъ. Онъ окрашенъ въ болѣе темный цвѣтъ отъ присутствія громаднаго количества органическихъ веществъ, увлекаемыхъ и смываемыхъ съ поверхности водою. Въ Казалинскѣ разсказывали, что этотъ песчаникъ можетъ горѣть, что куски его, брошенные въ огонь, сильно раскаляются и даже будто бы могутъ сами издавать пламя. Въ этихъ разсказахъ есть много правдоподобнаго, но самъ я ничего подобнаго не видѣлъ.

Итакъ, страшные пески Кара-Кумы, съ названіемъ которыхъ тѣсно связано представленіе о чемъ-то ужасномъ, въ дѣйствительности не такъ страшны; вода, это главное и необходимое условіе для существованія всего живущаго, вездѣ очень близко.

Вырывши нѣсколько колодцевъ, киргизы, всѣ выпачканные грязью и мокрые, растянулись на пескѣ и съ наслажденіемъ заложили себѣ за губы тертаго табаку. Расправивши усталые члены, закрывъ глаза, они неподвижно предались отдыху.

Мѣсто ночевки выбрано весьма удачно. Барханы окружаютъ насъ съ трехъ сторонъ. Съ четвертой виднѣется большой солончакъ. Онъ весь покрытъ толстымъ бѣлымъ слоемъ соли, точно снѣгомъ. На его поверхности проложено множество пересѣкающихся птичьихъ слѣдовъ, а въ одномъ мѣстѣ у берега легко отличить отпечатки лошадиныхъ копытъ; должно быть, кто-то собирался переѣхать прямикомъ, но вовремя повернулъ назадъ. Эти солончаки только издали кажутся сухими и твердыми; подъ бѣлымъ налетомъ обыкновенно находится топь, изъ которой никому не удавалось выбраться, если только, вслѣдствіе незнанія или неосторожности, онъ попадалъ въ нее.

Берега предательской топи покрыты мелкими растеніями съ толстыми жирными листиками. Какъ только ударятъ морозы, листики принимаютъ кроваво-красный цвѣтъ. Отъ этого яркіе края бѣлоснѣжныхъ площадей кажутся чрезвычайно эффектными. Цвѣта красный и бѣлый необыкновенно рѣзко отдѣляются другъ отъ друга и производятъ сильное впечатлѣніе.

За солончаками на горизонтѣ виднѣлась синяя полоска дальней возвышенности. Она теперь, при вечернемъ освѣщеніи, отливаетъ всѣми тѣнями лиловаго цвѣта, отъ самаго темнаго до самаго свѣтлаго.

Сумерки быстро наступаютъ. Красное пламя зари уже потухло. Въ воздухѣ разливается темно-сѣрый колоритъ; какая-то мгла окутываетъ всѣ предметы, стушевываетъ очертанія бархановъ, затягиваетъ все легкой дымкой. Точно свѣчка затеплилась на небѣ первая звѣздочка. Она дрожитъ и мигаетъ. Большая Медвѣдица широко развернулась надъ головой и обозначается все рѣзче и рѣзче. Свѣтъ отъ костровъ дѣлается замѣтнѣе. Красный колоритъ ложится на лица сидящихъ поблизости, на лошадей, стреноженныхъ и неподвижно стоящихъ въ кучѣ, на ближнюю кибитку. Говоръ и шумъ начинаютъ утихать—всѣ заняты ѣдой; всякій спѣшитъ поужинать и лечь на мягкій песокъ.

Кто-то тащитъ цѣлую вязанку сухого камыша изъ-за бугра; виднѣется какая-то масса, темная, безформенная, на двухъ ногахъ; трава шумитъ и раскачивается во всѣ стороны.

Изъ дальняго тарантаса слышенъ хохотъ и звукъ балалайки.

Вотъ уже нѣсколько дней идемъ мы Кара-Кумами. Проѣхали ихъ центральную часть, недалеко и Сыръ-Дарья,—конецъ нашего странствованія. И странное дѣло: чѣмъ глубже проникаемъ въ эту песчаную пустыню, тѣмъ удобнѣе становится путь. Поверхность бархановъ скрѣплена растительностью, прѣсной воды вездѣ достаетъ въ изобиліи, попадаются довольно часто аулы, стада барановъ. Въ одномъ мѣстѣ мы даже наткнулись на широкую, плотно утоптанную верблюжью тропу, которая есть не что иное, какъ ближайшій караванный путь, извѣстный только кочевникамъ; онъ значительно сокращаетъ дорогу и время перехода.

То и дѣло встрѣчаются небольшія, но густыя заросли тальника, джузгеновъ, джиды, астрагаловъ, дрока и проч., пріютившіяся въ котловинкахъ между буграми, а камышъ, чій и кіякъ раскидываются по всей поверхности бархановъ, скрѣпляя подвижную почву своими длинными и крѣпкими корнями. Если бы оставить эту растительность въ покоѣ, то о сыпучихъ передвижныхъ пескахъ не было бы и помину; но киргизы со своими многочисленными стадами портятъ почву и доставляютъ горе себѣ и другимъ. Животное, срывая траву, выдергиваетъ весьма часто и самый ея корень, образуется небольшое голое мѣстечко песка; подуетъ вѣтеръ, сухія, ничѣмъ не скрѣпленныя песчинки разсыпаются во всѣ стороны, покрываютъ сосѣднія растенія, зарываютъ ихъ листья... Представьте себѣ, сколько такихъ голыхъ мѣстъ появится на извѣстномъ пространствѣ послѣ того, какъ цѣлое стадо попасется на

немъ въ продолженіе недѣли, двухъ, а иногда и болѣе, и какая громадная поверхность песка, способнаго передвинуться, выглянетъ на свѣтъ Божій. Кромѣ того, животныя очень легко скусываютъ и огрызаютъ верхушки и молодые побѣги кустарниковъ. Самой собой разумѣется, что это также не служитъ на пользу растительности. Но болѣе всего вредитъ дѣлу закрѣпленія песковъ самъ кочевникъ. Онъ не только уничтожаетъ траву своими стадами и разрыхляетъ этимъ почву, но даже вырываетъ корни на топливо.

Упрекъ относится не къ однимъ киргизамъ, но и къ русскимъ. Въ прежнее время въ Кара-Кумахъ и прилежащихъ мѣстностяхъ встрѣчались цѣлыя рощи своеобразнаго дерева, саксаула. Теперь саксаулъ здѣсь можно найти только около какихъ-нибудь священныхъ мѣстъ и въ такихъ мѣстахъ, куда очень трудно проникнуть человѣку. Древесина саксаула превосходно горитъ, и потому цѣлые караваны верблюдовъ нагружаются кривыми уродливыми стволами и тянутся въ Казалинскъ.

Цѣлый день ѣхали мы совершенно скрѣпленными песками. Небольшія рощицы тальника, покрытаго уже покраснѣвшею листвою, то и дѣло попадались по дорогѣ. Въ долинахъ, по берегамъ какой-нибудь промоины, тянулись заросли свѣжаго, сочнаго камыша. Эти узкія зеленыя полоски расширялись иногда въ настоящіе луга и охватывали большіе и маленькіе солончаки съ кроваво-красными берегами.

Иногда на бугрѣ чернѣлась могила киргиза. Но это была не мазарка, подобная той, которую мы разсматривали на первомъ переходѣ отъ Кара-Кудука, а самое простое сооруженіе, имѣющее цѣлью указать на мѣсто погребенія простого смертнаго. Средства покойнаго не позволяли ему воздвигнуть даже скромнаго зданія, по рисункамъ на стѣнахъ котораго можно было бы судить о его богатствахъ, о его подвигахъ и путешествіяхъ.

Иногда изъ-за бархана виднѣлся столбъ дыма. Тамъ стоятъ нѣсколько кибитокъ. Кругомъ пасутся лошади и овцы, важно расхаживаютъ верблюды и съ любопытствомъ поглядываютъ на насъ. Нѣсколько голыхъ дѣтей испуганно бѣгутъ во-свояси и прячутся куда попало. Двѣ-три женщины съ бѣлыми высокими повязками на головахъ робко выглядываютъ изъ-подъ полуопущеннаго войлока, закрывающаго входъ въ кибитку. Собаки съ громкимъ лаемъ летятъ къ намъ навстрѣчу. Надъ головой проносятся то и дѣло стаи куропатокъ. Вотъ онѣ опустились недалеко, какъ разъ за тѣмъ бугромъ. Изъ каравана отдѣляется одинъ казакъ и съ ружьемъ на-перевѣсъ скачетъ туда. Онъ слѣзъ съ лошади, припалъ къ землѣ, ползетъ... Стволъ блеснулъ на солнцѣ. Прошла минута томительнаго ожиданія. Вдругъ бѣлый клубокъ дыма точно выросъ изъ земли, что-то стукнуло... Куропатки поднялись. Но изъ летящей птицы одна вдругъ начинаетъ отставать. Она усиленно работаетъ

крыльями и между тѣмъ опускается все ниже и ниже и, наконецъ, какъ камень падаетъ на землю.

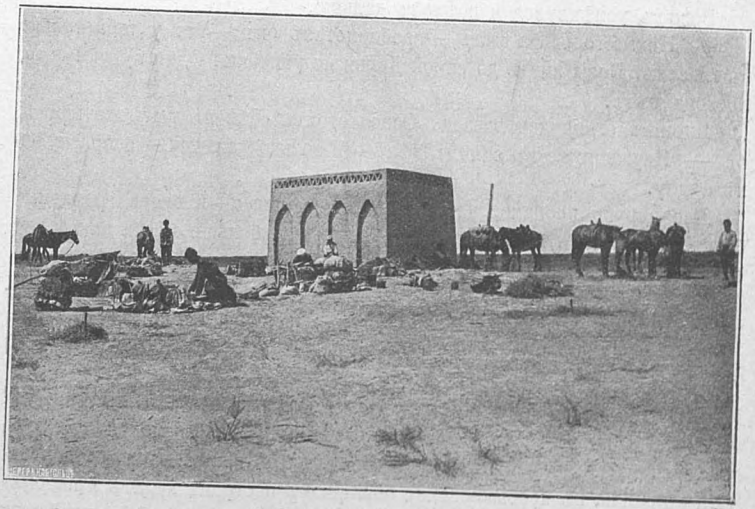
Казакъ скачетъ за добычей.

Выбрались на ровную мѣстность. Какъ будто и конца нѣтъ этой плоскости. Вдали несется облачко пыли. Въ немъ, въ этомъ облачкѣ, замѣчается что-то рыжеватое, круглое, точно шарикъ.

— Что это?—спрашиваю переводчика.

— Сайгакъ!.. вишь какъ жаритъ, и догнать-то его трудно. Смотрика, смотри!

Облачко остановилось, разсѣялось; можно различить животное. Оно вѣроятно утомилось и съ недоумѣніемъ и ужасомъ смотритъ на эту шум-



Станція въ Кара-Кумахъ.

ную массу людей. Мы продолжаемъ двигаться. Сайгакъ сдѣлалъ прыжокъ, которымъ онъ обыкновенно начинаетъ свой бѣгъ, и покатилъ дальше.

А отъ безоблачнаго неба опять пышетъ жаромъ. Просто не вѣрится тому, что во время ночевки было такъ холодно, что принуждены были цѣлую ночь поддерживать огонь въ кибиткѣ. Когда съ восходомъ солнца мы, закутанные въ шубы, садились на лошадей, песокъ былъ влаженъ отъ легкаго морозца и бѣлый иней лежалъ въ лощинахъ. И послѣ такого утра опять такая жара.

Я оглянулся назадъ, что за чудо? У подножія цѣпи бархановъ, которую мы проѣхали съ полчаса тому назадъ, блеститъ озеро. Голубая

поверхность его углубляется между высокими песчаными буграми и отражаетъ въ себѣ каждый предметъ съ необыкновенной отчетливостью. И въ немъ, въ этомъ озерѣ, тоже виднѣются барханы и темные и свѣтлые, только все обращено внизъ верхушкою. Направо водяная гладь слилась съ синевой горизонта, и кажется, будто узкій осколокъ неба вонзился въ землю. Я былъ пораженъ.

— Какое это озеро?—спросилъ я вожака.—Вѣдь мы не проѣзжали мимо него?

— Озеро? Гдѣ озеро?—и киргизъ съ удивленіемъ оглянулся по моему указанію.

— А вонъ, видишь? около бархановъ.

Вожакъ усмѣхнулся и поѣхалъ дальше.

— Никакого озера нѣтъ,—пробормоталъ онъ.—Это у тебя только въ глазахъ. Воды нигдѣ до самой Дарьи не увидишь. Одни кудуки есть, а озера нѣтъ.

Я опять оглянулся назадъ. Озеро стоитъ себѣ на томъ же мѣстѣ.

— Неужели же въ самомъ дѣлѣ это только кажется,—и пригнулся къ сѣдлу.

Все вдругъ пропало, исчезло. Я приподнялся—и снова громадный бассейнъ разлился передъ глазами, даже еще больше мѣста захватилъ онъ подъ себя. Это былъ миражъ.

Послѣдній ночлегъ въ Кара-Кумахъ. Завтра должны добраться до Сыръ-Дарьи.

Кибитки поставлены опять довольно удачно. Кругомъ высятся неподвижные барханы, поросшіе джузгенами. Колодцы полны свѣжею, чистою водой. Не успѣли остановиться, какъ явился какой-то киргизскій старшина въ необыкновенно обширномъ пестромъ халатѣ и необыкновенно уродливой шапкѣ, по формѣ напоминающей собой китайскую башню. На груди виднѣлась громадная золотая медаль, повѣшенная на длинной красной лентѣ. Лошадь его была также убрана со всею роскошью востока: сбруя, сѣдло, чепракъ такъ и переливали пестрыми шелками, блестѣли золотомъ и серебромъ. Въ его свитѣ находилось еще одно должностное лицо крошечнаго роста, въ татарской тюбейтейкѣ и полуказачьемъ мундирѣ. Черезъ плечо у него была привѣшена длинноѣйшая сабля, на шеѣ блестѣла тоже медаль. Этотъ человѣкъ ужасно трусилъ передъ нашимъ начальникомъ и, когда тотъ обращался къ нему съ какимъ-нибудь вопросомъ, вытягивался во весь свой маленькій ростъ и, заикаясь, величалъ его всѣми извѣстными титулами: то назоветъ «ваше превосходительство», то «ваше высокородіе», то «ваше царское благородіе» и т. д.

Послѣ обычныхъ привѣтствій началось угощеніе. Конечно, прежде всего мы набросились на чудный кумысъ, о которомъ у насъ въ Россіи и понятія не имѣютъ. Затѣмъ не былъ оставленъ безъ вниманія айранъ, т.-е. баранье кислое молоко, разбавленное водою.

Но вотъ и обѣдъ. Нѣсколько человѣкъ одинъ за другимъ несутъ сначала шурпу—бараній супъ, нѣчто ужасное, мутное, холодное, жирное и безъ соли. Потомъ такая же вереница людей явилась съ кавардакомъ, или жареной бараниной, разрѣзанной на кусочки. Въ заключеніе происходила болтовня черезъ переводчика съ киргизами, и когда все это кончилось, всѣ вздохнули свободно, точно пудовикъ свалился съ плечъ.

Между тѣмъ начало темнѣть. Зажгли опять костры. Нѣкоторые изъ насъ отправились погулять по «табору».

Изъ крайней кибитки слышится пѣніе и звуки какого-то инструмента. Идемъ туда. Войлочныя стѣнки подняты и черезъ рѣшетку видна группа. Въ срединѣ разложенъ огонь. На угольяхъ стоятъ мѣдные дымящіеся кунганы; нѣсколько казаковъ полулежатъ на кошмахъ и слушаютъ. Тутъ же, поджавъ по-восточному ноги, помѣщается стройный молодой киргизъ. Онъ перебираетъ пальцами по струнамъ самодѣльной гитары или, скорѣе, балалайки и во всю грудь выкрикиваетъ быстрые речитативы. Каждый куплетъ начинается необыкновенно высокой, сильной и длинной нотой. Отъ этого лицо пѣвца дѣлается багровымъ, жилы на шеѣ вздуваются, ожидаешь, что вотъ-вотъ оборвется голосъ, «перехватитъ» горло. Не тутъ-то было—сильная грудь степняка вынесетъ и не такія усилія. Иногда киргизъ самъ улыбается своей пѣснѣ, видимо довольный словами.

— И чего смѣется?—презрительно заявлялъ всякій разъ одинъ казакъ, обращаясь къ переводчику, прикурнувшему въ тѣни, въ самой глубинѣ кибитки.

— Про любовь поетъ.

— Про любовь? Вишь вѣдь, азіатъ, а все же любитъ долженъ.

— А какъ эта пѣсня прозывается?—въ свою очередь спрашиваетъ молодой казакъ съ глуповатымъ лицомъ.

— Никакъ не называется,—продолжаетъ пояснять переводчикъ.— Это онъ свою жизнь воспѣваетъ. Что въ голову взбредетъ, то и поетъ.

Послушавши импровизатора, мы направились къ своей кибиткѣ. Въ тарантасахъ уже спали. Изъ-подъ одного фартука выглядывали подошвы громадныхъ сапоговъ, изъ другого торчалъ уголъ подушки въ ситцевой наволочкѣ. Кто-то храпѣлъ чуть не на всю степь... Изъ-за бархана виднѣлось красное зарево—то всходила луна. Летучая мышь повертѣлась надъ нашими головами и юркнула въ сторону.

Вечеръ былъ такой чудный, тихій. Луна уже вышла, и какой-то холодный голубоватый свѣтъ, разлитый всюду, придавалъ необыкновен-

ную прелесть всему ландшафту. Длинныя тѣни барханов ложились одна на другую, небольшіе кусты, растущіе въ лощинахъ, превращались въ деревья огромныхъ размѣровъ. Неподвижно лежали верблюды, пофыркивали пасущіяся лошади, потрескивали догоравшіе костры, и надъ всѣмъ этимъ темный, почти черный сводъ неба, усѣянный блестящими звѣздами.

Холодный порывистый вѣтеръ пронизывалъ насъ насквозь и заставлялъ потеплѣе кутаться въ шубы. Вдали темной полоской тянулась какая-то возвышенность, а какъ доберемся до нея—увидимъ Сыръ-Дарью. Съ напряженнымъ вниманіемъ смотримъ мы на эту полоску; время ожиданія кажется намъ безконечнымъ, а бодрый шагъ нашихъ киргизскихъ лошадокъ представляется необыкновенно медленнымъ. На вожака никто ужъ не обращаетъ вниманія, всѣ ѣдутъ впереди его, благо сбиться съ пути ужъ нѣтъ никакой возможности.

А между тѣмъ вокругъ насъ происходитъ довольно интересное явленіе природы. Дѣло въ томъ, что мы выбрались на глинисто-солонцеватую почву. Изъ трещинъ земли торчатъ сухіе пучки прошлогодней травы, грустные остатки кое-какихъ кустиковъ... Вѣтромъ несетъ съ ближайшихъ барханов песокъ. Съ сухимъ звономъ летятъ песчинки, скользя по поверхности почвы, прыгаютъ, взвиваются на небольшую высоту, снова падаютъ и все дальше и дальше мчатся отъ родныхъ мѣстъ. Но вотъ на пути попадаются трава, камень или какой-нибудь другой предметъ. Песчинки задерживаются, предметъ все больше и больше засыпается. Новый порывъ вѣтра подгоняетъ еще цѣлую армію песчинокъ, и мало-по-малу растетъ холмикъ. Ростъ его продолжается годами, и едва замѣтное возвышеніе превращается въ настоящій барханъ. На той ровной площади, по которой мы ѣхали, можно было прослѣдить весь постепенный ходъ развитія песчаныхъ бугровъ. Тамъ виднѣлось еле замѣтное возвышеніе, въ другомъ мѣстѣ оно уже выросло въ довольно замѣтный холмикъ, въ третьемъ онъ достигъ весьма солидныхъ размѣровъ, изъ верхушки торчитъ засохшая вѣтка уродливаго саксауловаго дерева. Сторона бархана, обращенная къ вѣтру, крута и почти отвѣсно опускается къ основанію, противоположная же постепенно сливается съ почвою и какъ бы стушевывается.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько молодыхъ барханчиковъ соединились въ ряды и образуютъ пока миніатюрную гряду песчаныхъ бугровъ.

Тѣмъ временемъ мы все-таки подвигались впередъ. Вдругъ на горизонтѣ что-то блеснуло. Это вода, это Сыръ-Дарья. Всѣ встрепенулись, ожили.

Наконецъ-то можно будетъ умыться, привести себя въ порядокъ, думалось каждому; какое наслажденіе! Невольно горячишь лошадь; она

ускоряетъ шагъ; нѣсколько человѣкъ не выдержало и пустилось рысью. Пыль поднялась столбомъ и быстро сносится вѣтромъ въ сторону. Передній всадникъ поскакалъ, за нимъ ринулись всѣ.

Съ высокаго бархана стало наконецъ видно на далекое разстояніе. Налѣво, на такомъ же бугрѣ, въ верстѣ отъ насъ, громоздились какія-то зданія, бѣлыя, сѣрыя, темныя... Одни были высоки, другія низки, торчали бѣлыя колокольни.

Что это такое?

— Мазарки.

Подъѣхали. Дѣйствительно цѣлый городъ, состоящій изъ мазарокъ самой разнообразной величины, выстроенъ былъ довольно живописно. Это былъ городъ мертвыхъ.

Свернули вправо. Выбрались на почтовую дорогу съ выбоями и колеями, которую мы такъ давно не видали; она идетъ какъ разъ по крутому берегу широкой Сыръ-Дарьи, которая съ глухимъ шумомъ катитъ свои желтыя, мутныя волны. Еще полчаса, и мы подскакали къ одинокой станціи. Покосившійся полосатый столбъ съ разбитымъ фонаремъ напоминалъ о Европѣ. Надъ входною дверью висѣла доска съ надписью «Кара-Тугай» и съ обозначеніемъ числа верстъ до ближайшихъ станцій.

Когда мы вошли въ маленькую комнатку «для пріѣзжающихъ», когда почувствовали надъ своей головой кровлю и когда, наконецъ, могли укрыться отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра, насъ охватилъ восторгъ неописанный. Всѣ лишенія, усталость—все было забыто.

Въ низовьяхъ Аму-Дарьи.

(А. Никольскаго.)

Аму—великолѣпный гигантскій потокъ, прорѣзывающій Туранскую низменность съ сѣверо-востока на юго-западъ. Ни Волга, ни Днѣпръ, никакія другія россійскія рѣки не могутъ дать представленія о томъ, что такое Аму. Уже близъ Петро-Александровска рѣка такъ широка, что противоположный берегъ виднѣется неясно, какъ въ туманѣ; если же смотрѣть наискось, поверхность воды сливается съ горизонтомъ. Эта масса воды несется въ Аральское море съ головокружительной быстротой. Зубчатыя волны вѣчно бороздятъ поверхность Аму. Это не тѣ волны, которыя разводитъ вѣтеръ; это сама рѣка несется и скачетъ по каменистому дну, повторяя всѣ его неровности; кое-гдѣ вода бурлитъ и кипитъ, какъ въ котлѣ. Мѣстами, втягивая плывущіе предметы, крутятся суводи, замѣтныя издали по своей гладкой блестящей поверхности. Неудивительно, что русло, пробитое Аму-Дарьей среди низменной пустыни, не всегда можетъ сдержать этотъ могучій потокъ. Безъ всякой видимой причины то тамъ, то здѣсь Аму начинаетъ вдругъ подмывать

берегъ, обыкновенно правый. Глыба за глыбой съ грохотомъ, напоминающимъ пушечный выстрѣлъ, валится въ воду, и все, что есть на берегу, летитъ туда же. Водоподъемныя машины, кишлаки съ пашнями, сады, ничто не въ силахъ удержать яростныя волны. До какой степени быстро пробиваетъ Аму новое русло, можно было видѣть близъ Петро-Александровска. Нѣсколько ниже укрѣпленія изъ рѣки былъ проведенъ арыкъ, черезъ который сначала прыгали сартовскіе мальчики. Аму почему-то полюбился этотъ арыкъ. Она направила туда свои воды, быстро раздвинула его берега, и не прошло лѣта, какъ онъ превратился въ огромный протокъ, около версты въ ширину. Сады, кишлаки и пашни, растянувшіеся вдоль этой канавки, все было подхвачено бѣшеной рѣкой и исчезло безъ всякаго слѣда.

Эта величайшая изъ рѣкъ, протекающихъ по пустынѣ, съ давнихъ поръ славится своими капризами. Извѣстно, что въ прежнее время она впадала въ Каспійское море; затѣмъ почему-то перемѣнила направленіе и стала изливаться въ Аралъ. До сихъ поръ сохранилось древнее русло, такъ называемое Узбой; а въ Красноводскомъ заливѣ на берегу Каспійскаго моря находится мѣсто, представляющее всѣ признаки прежняго устья огромной рѣки. Когда совершился этотъ переворотъ, достовѣрно неизвѣстно; во всякомъ случаѣ настолько недавно, что преданія объ Аму, впадающей въ Каспій, до сего времени сохранились въ памяти мѣстныхъ жителей.

Такова Аму, по которой плылъ теперь нашъ каюкъ.

Какъ быстро мчало его теченіе, можно судить по тому, что, отваливъ въ 2 часа дня, на другой день поздно вечеромъ мы были уже въ Нукусѣ, т.-е. прошли болѣе 200 верстъ; при этомъ мы ночевали на берегу, а днемъ нѣсколько разъ останавливались въ аулахъ, чтобы купить баранины. Отъ Петро-Александровска Аму протекаетъ по большей части среди пустыни. Съ каюка мы видѣли песчаные барханы, которые такъ надоѣли въ Кизылъ-Кумахъ. Мѣстами холмы прерывались ровными пространствами, поросшими кустами тамариска, дикаго барбариса, колючки; вѣроятно, то были такыры. Только кое-гдѣ по берегу узкой каемкой зеленѣетъ тальникъ, или джида,—мѣстное дерево, плоды котораго такъ похожи на крошечные финики. Сады и пашни попадались намъ рѣдко. Очевидно, въ настоящее время оазисъ не есть сплошная полоса обработанной земли, скорѣе это цѣпь небольшихъ, вытянутыхъ по обоимъ берегамъ рѣки оазисовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга широкими промежутками пустыни.

Нукусъ—это маленькая крѣпость, которая была бы игрушкой гдѣ-нибудь на западныхъ границахъ нашего государства, но здѣсь она держитъ въ страхѣ все Хивинское ханство. Впрочемъ, въ настоящее время она постепенно утрачиваетъ свое значеніе.

Изъ Нукуса мнѣ надо было плыть дальше, въ устье рѣки, въ протокъ Кукъ. Я отправился внизъ по Аму въ каюкѣ съ товаромъ, владѣлецъ котораго намѣренъ былъ торговать въ аулахъ, лежащихъ въ устьѣ рѣки, и между прочимъ посѣтить протокъ Кукъ. Мой хозяинъ нагрузилъ каюкъ хлопкомъ еще въ коробочкахъ, деревянными сундуками, халатами, разной посудой, чаемъ, всякою мелочью, и мы поплыли внизъ по Аму. Такимъ образомъ я очутился въ обществѣ 7 человѣкъ туземцевъ—одного сарта хозяина и 6 человѣкъ каракалпаковъ, рабочихъ; изъ нихъ ни одинъ не зналъ по-русски. Къ счастію, я съ грѣхомъ пополамъ умѣлъ объясняться на киргизскомъ нарѣчіи, по крайней мѣрѣ зналъ съ полсотни самыхъ необходимыхъ словъ. Этого было достаточно, чтобы у насъ завязалась довольно оживленная бесѣда. Каюкъ приставалъ къ каждому аулу, и хозяинъ открывалъ свою лавочку; онъ съ азіатскимъ краснорѣчіемъ распинался за свой товаръ передъ покупателями каракалпаками. Я подозвалъ каракалпачонка и объяснилъ ему, что мнѣ нужна курица; бѣгомъ отправился онъ въ юрту, и вскорѣ вмѣстѣ съ нимъ, съ курицей въ рукахъ, явилась очень старая каракалпачка. Въ здѣшнихъ аулахъ никогда не спрашивали съ меня болѣе 5 копеекъ за курицу. Уплативъ, что слѣдуетъ, я немедленно прекратилъ ея существованіе; затѣмъ, продѣлавъ все, что въ этихъ случаяхъ полагается, началъ варить супъ. Вмѣстѣ съ этимъ я поставилъ на костеръ и чайникъ для чаю. Пока я занимался этимъ дѣломъ, явилась цѣлая орда каракалпакскихъ дамъ, по большей части старухъ, и дѣтей. Въ рукахъ они держали по курицѣ, а нѣкоторыя даже по двѣ, зажавъ ихъ подъ мышками. Все это предназначалось для продажи; но такъ какъ мнѣ и одной было много, то отъ остальныхъ приходилось отказываться. Тогда каракалпачки начинали предлагать пару за 5 коп. Чтобы не обидѣть старухъ, я далъ имъ по горсти сухарей, а ребятамъ по куску сахару, и они съ довольнымъ видомъ унесли своихъ куръ.

Ночевали мы точно такъ же близъ аула. Едва только начало смеркаться, появились всесвѣтные кровопійцы комары. Мои спутники забились въ наскоро разбитую палатку, а я поставилъ на каюкѣ свой пологъ, зная по опыту, что значитъ ночевать на комарахъ. Хорошо лежать въ пологѣ, когда за его стѣной раздается голодный вой этихъ возмутительныхъ насѣкомыхъ. Міріады ихъ густымъ роемъ облѣпливаютъ снаружи кисею полога; чуя кровь, они снуютъ вверхъ и внизъ, отыскивая, нѣтъ ли гдѣ дырочки. Вы лежите и слышите яростный гулъ; по временамъ его покрываетъ высокій писк отдѣльнаго комаришки, который вертится около вашего уха, по ту сторону тонкой стѣнки. Вы лежите и, глядя на мерцающія сквозь кисею звѣзды, думаете: «Ничего, пищи себѣ, а я буду спать». Утромъ, когда я проснулся, каюкъ уже плылъ посреди рѣки. Ниже Нукуса Аму разсыпается на нѣсколько рукавовъ, впадаю-

щихъ самостоятельно въ море. Мы шли сначала протокомъ Куня-Дарьей, затѣмъ Ишаномъ и наконецъ повернули въ Кукъ.

Въ дельтѣ природа береговъ носитъ иной характеръ, нежели выше Нукуса. Здѣсь уже не видно пустыни. Зеленымъ бордюромъ окаймляютъ протоки тугаи, или прибрежные лѣса джиды и тальника.

Джида—небольшое дерево, или скорѣе кустарникъ, съ мелкими свѣтло-зелеными листочками и съ мучнистыми сладкими плодами, очень похожими на финикъ. Кромѣ ивы и джиды, въ прибрежныхъ аму-дарьинскихъ лѣсахъ небольшими рощицами встрѣчается разнолистный тополь, называемый такъ потому, что верхніе листья его имѣютъ совершенно иную форму, нежели нижніе.

Кое-гдѣ тугаи прерываются темной зеленью камышей; чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ гуще и выше эти камыши, тѣмъ шире захватываютъ они берегъ; мѣстами они превращаются въ огромныя заросли. Особенно удобно любоваться этой чащей съ песчаныхъ холмиковъ, которые тамъ и сямъ въ видѣ островковъ торчатъ среди сплошной зелени листьевъ. Цѣлое море темно-зеленыхъ верхушекъ камыша до самаго горизонта разстилается передъ нашими глазами. Какъ въ открытомъ морѣ, глазъ не видитъ никакихъ неровностей; кое-гдѣ только желтѣютъ гребни этихъ одинокихъ холмиковъ или возвышается отдѣльное деревцо джиды. Словно море, камышъ шумитъ и волнуется. Вы видите, какъ зеленая волна, взрытая подлѣ васъ порывомъ вѣтра, быстро несется впередъ; вотъ она открыла верхушку скрывшагося въ камышѣ дерева, перескочила черезъ него, промчалась еще немного дальше и исчезла въ массѣ листьевъ. Аму-дарьинскіе камыши—настоящіе джунгли здѣшнихъ мѣстъ. Въ нихъ съ успѣхомъ можетъ укрыться верблюдъ и даже всадникъ, сидящій на его горбѣ: такъ высоки эти заросли. Только кабанамъ и тиграмъ доступна непроходимая чаща гибкихъ, упругихъ какъ сталь стеблей, увѣнчанныхъ метелкой крупныхъ темныхъ листьевъ. Кабаны чувствуютъ себя здѣсь какъ рыба въ водѣ. Въ низовьяхъ Аму ихъ такъ много, что казаки зимой бьютъ ихъ цѣлыми возами. Настоящій хозяинъ здѣшнихъ джунглей однако не кабанъ, а тигръ. Мнѣ не случалось ни видѣть этого звѣря, ни слышать его рева; видѣлъ только его слѣды—овальныя ямки, оттиснутыя на пескѣ подушками его лапъ. Какъ царь звѣрей, тигръ показывается только за дѣломъ, а дѣла у него много и въ камышѣ.

Въ противоположность своему африканскому собрату льву, онъ рѣдко выдаетъ свое присутствіе ревомъ. Только весной, когда кошки задаютъ свои концерты, въ непролазной чащѣ, какъ разсказывали казаки, иногда раздается глухое урчанье: это—тигровая серенада. Нерѣдко, по словамъ мѣстныхъ жителей, въ камышѣ можно слышать пронзительный визгъ кабана: это тигръ хозяйничаетъ въ своемъ царствѣ. Я видѣлъ однако

казака, года два тому назадъ на охотѣ имѣвшаго столкновеніе съ царственнымъ звѣремъ. Столкновеніе кончилось тѣмъ, что тигръ ушелъ, а казакъ на память объ этой встрѣчѣ до сихъ поръ носитъ на своемъ лицѣ глубокіе слѣды его когтей. Хивинцамъ и каракалпакамъ частенько приходится сталкиваться съ тигромъ, и встрѣчи эти не всегда благополучно кончаются для людей.

Сколько фазановъ въ этихъ камышахъ и тугаяхъ! Рано утромъ, едва только взойдетъ солнце, тамъ и здѣсь по берегамъ рѣки раздается отрывистый крикъ пѣтуха, похожій на сокращенное «кукуреку». Идете вы камышомъ или кустарникомъ, вдругъ изъ-подъ самыхъ ногъ вашихъ съ крикомъ и шумомъ столбомъ кверху вылетаетъ фазанъ. Дайте ему подняться вверхъ, насколько онъ можетъ; затѣмъ, когда онъ начнетъ летѣть по прямой линіи, стрѣляйте. Нѣтъ ничего легче, какъ попасть въ него въ это мгновеніе,—и если у васъ достанетъ хладнокровія, вы можете въ короткій срокъ настрѣлять десятки фазановъ.

Глупость этой красивой птицы можетъ поспорить съ глупостью индюка. Проживая въ непролазной чащѣ камышей, фазанъ воображаетъ, что стоитъ ему притаиться, и никакой глазъ не откроетъ его присутствія. Расчетъ этотъ вѣренъ, но только до тѣхъ поръ, пока фазанъ находится въ чащѣ камыша. На свою бѣду онъ нерѣдко выходитъ на голыя глинистыя полянки, среди которыхъ кое-гдѣ торчатъ чахлые кустики. Завидѣвъ охотника, онъ прячется подъ кустикъ, но прячется такъ, что его красный хвостъ, какъ сигнальный флагъ, виденъ безъ малаго за версту. Подъ этимъ прикрытіемъ фазанъ сидитъ до послѣдней возможности, т.-е. до тѣхъ поръ, пока охотнику останется сдѣлать еще два-три шага, чтобы наступить птицѣ на хвостъ.

Такъ же искусно прячутся фазаны, когда сидятъ на вѣтвяхъ джиды, гдѣ частенько лакомятся сладкими ягодами. Мнѣ не разъ случалось заставать ихъ за этимъ занятіемъ. На одномъ деревцѣ сидитъ нѣсколько штукъ фазановъ. Подхожу къ этому обществу шаговъ на двадцать, стрѣляю. Убитый фазанъ валится на землю, а остальные плотнѣе прижимаются къ тонкимъ вѣтвямъ дерева, очевидно воображая, что ихъ не видно. Стрѣляю второй разъ, падаетъ еще фазанъ. Тогда только оставшіеся начинаютъ догадываться, что дѣло ихъ плохо, и улетаютъ въ чащу.

Истиннымъ украшеніемъ здѣшнихъ мѣстъ является зеленая щурка. Она придаетъ пейзажу тропическій оттѣнокъ. Небольшими стайками носятся эти моливидныя птицы надъ камышомъ вблизи воды. По временамъ то та, то другая садится на стебель и тогда совершенно исчезаетъ изъ глазъ наблюдателя. Ея травяно-зеленое тѣло съ заостреннымъ хвостомъ на нѣкоторомъ разстояніи чрезвычайно походитъ на листъ камыша.

Особенное оживленіе царитъ въ низовьяхъ Аму-Дарьи на озерахъ

съ берегами, поросшими камышомъ. Тысячи крачекъ и чаекъ съ крикомъ носятся надъ водою. Стайки черныхъ лысухъ, завидя приближающуюся лодку, спѣшатъ уйти въ камыши. Тамъ и здѣсь среди желтыхъ или зеленыхъ стеблей виднѣются высокія фигурки пурпуровыхъ и бѣлыхъ цапель. По временамъ пролетаютъ мимо черные ибисы или каравайки, бѣлыя колпицы, пеликаны и утки...

12-го іюня, послѣ многочисленныхъ остановокъ съ торговыми цѣлями, наконецъ, доставили меня на кукскіе рыбные промыслы. На Кукѣ нѣтъ постояннаго населенія. Лѣтомъ, во время лова красной рыбы, сюда заѣзжаютъ каракалпаки, узбеки, киргизы, русскіе, даже армяне и евреи. Всѣ эти рыболовы поселяются въ юртахъ или въ наскоро сколоченныхъ домикахъ и живутъ здѣсь, пока не окончится промысловый сезонъ. Еще болѣе временный характеръ носятъ жилища каракалпакскихъ рыболововъ на озерахъ дельты Аму. Это просто-напросто плоты съ камышевымъ же навѣсомъ. На такихъ плотахъ каракалпаки живутъ среди озера цѣлое лѣто, ночуютъ, варятъ пищу и только изрѣдка на каюкѣ навѣщаютъ сосѣдній аулъ.

На Кукѣ мнѣ была поставлена каракалпакская юрта. Мой любезный хозяинъ показалъ мнѣ все, что касается рыболовства. Въ это время порядочно ловится шипъ, единственный представитель красной рыбы въ бассейнѣ Аральскаго моря.

Шиповъ то и дѣло вытаскиваютъ сѣтями; шипы плавали въ садкахъ; за обѣдомъ подавали жаренаго или варенаго шипа, и даже въ пловъ изъ курицы кухарка моего хозяина не задумалась налить шиповьяго жира. Пойманную рыбу здѣсь сажаютъ въ садки, чтобы выдержать ее до глубокой осени. Тогда ее рѣжутъ и въ свѣжемъ видѣ отправляютъ въ Оренбургъ. Остальныя породы рыбъ здѣсь въ полномъ пренебреженіи. Только туземцы ловятъ еще сазановъ, но и то исключительно для собственнаго употребленія. Между тѣмъ сазановъ здѣсь такъ много, что ими можно было бы прокормить все населеніе Туркестана. Чтобы показать мнѣ, какъ велико обиліе рыбы, мой хозяинъ велѣлъ забросить въ воду небольшой ручной бредешокъ. Не прошло и часа, какъ въ нашей лодкѣ лежало болѣе сотни сазановъ въ полъ-аршина длиной.

Отсюда мнѣ надобно было ѣхать въ хивинскій городокъ Кунградъ, до котораго отъ кукскихъ промысловъ считаютъ около 40 верстъ.

Кунградъ—типичный средне-азіатскій городъ. Настоящихъ домовъ въ европейскомъ смыслѣ слова въ немъ нѣтъ. Вмѣсто нихъ низенькія глиняныя мазанки съ плоскими крышами, съ навѣсами, обращенными на улицу, и съ дверью, продѣланной подъ навѣсомъ. Наружныя стѣны совершенно безъ оконъ, да и на дворъ, какъ говорятъ, выходятъ не окна, а просто четырехугольныя дыры, въ холодную погоду прикрываемыя доской или тряпкой. Улицы кривыя и узкія, такъ что въ случаѣ если

встрѣтятся двѣ арбы, одну необходимо остановить и на рукахъ оттащить къ самой стѣнѣ, иначе онѣ не разъѣдутся. Мѣстами съ одной улицы на другую поверхъ крыши положены жерди, а на нихъ набросаны вѣтки, камышъ и всякій мусоръ. Всюду грязь и вонь... Вотъ какова физіономія Кунграда. Совершенно тотъ же обликъ имѣютъ и всѣ хивинскіе города, не исключая и столицы ханства. Какъ всѣ азіаты, кунградскіе жители ведутъ уличную жизнь; въ особенности большое оживленіе царитъ на базарѣ. Здѣсь по обѣ стороны довольно длинной крытой улицы тянется сплошной рядъ лавокъ. Вотъ мясная лавка съ бараньими тушами, съ лошадиными окороками, висящими подъ навѣсомъ, и съ тучами мухъ, носящихся надъ мясомъ. Рядомъ, среди обрѣзковъ кожи, хивинецъ тачаетъ азіатскія калоши. Напротивъ, черезъ улицу лежатъ груды арбузовъ, дынь, луку и другой зелени; тутъ же въ одномъ домѣ примостился мастеръ, деревяннымъ штампомъ набивающій аляповатые узоры на бумажной ткани. Немного дальше вы встрѣтите заводъ кунжутнаго масла,—такую мазанку, какъ и всѣ; сквозь отворенныя двери ея виденъ верблюдъ, вращающій пестъ въ большой деревянной ступѣ. Рядомъ продаютъ кирпичный чай, чуреки, то-есть прѣсныя лепешки, рисъ, какіе-то сухіе корешки и травы, развѣшанныя гирляндами, какія-то снадобья въ видѣ порошковъ; тамъ опять арбузы или ресторанъ съ дымящимися котлами и съ запахомъ горѣлаго сала. Картину дополняетъ пестрая толпа суетящихся около лавокъ людей. Тутъ и хивинцы въ полосатыхъ халатахъ, и каракалпаки; вонъ чернѣетъ огромная яйцевидная папаха туркмена, а вотъ и киргизы съ красными платками на бритыхъ головахъ; въ толпу замѣшался одинъ казакъ изъ сотни, стоящей въ Кунградѣ... Все это споритъ, прицѣнивается, кричитъ, гдѣ-то скрипитъ верблюдъ, пищитъ козленокъ, и весь этотъ содомъ покрываетъ оглушительный звонъ котельщиковъ, нещадно бьющихъ молотомъ по мѣдной посудѣ.

На Аральскомъ морѣ.

(Изъ Л. Берга и А. Никольскаго.)

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я выѣхалъ изъ Ташкента, чтобы въ Казалинскѣ сдѣлать всѣ нужныя приготовленія къ морскому плаванію. Нужно замѣтить, что въ Аральскомъ морѣ парового судоходства нѣтъ, да, собственно говоря, нѣтъ и никакого судоходства, если не считать шести рыбачьихъ такъ называемыхъ «кусовыхъ судовъ», не рѣшающихся отважиться на плаваніе въ открытомъ морѣ.

Большихъ трудовъ стоило достать у рыбаковъ подходящую лодку. Послѣ долгихъ разговоровъ, споровъ и переговоровъ я, наконецъ, нанялъ у одного изъ ссыльныхъ уральцевъ парусную лодку, длиною въ 5 саж. Это было крайне неуклюжее самодѣльное судно, совершенно неспособное

идти противъ вѣтра и въ такой степени подверженное качкѣ, что при малѣйшей зыби оно ложилось почти на бокъ, при чемъ людямъ приходилось порядкомъ терпѣть. Лодка эта, приспособленная для перевозки соленой рыбы, а никакъ не для научныхъ изысканій, причинила мнѣ впослѣдствіи много горя, но волей-неволей приходилось воспользоваться ею, такъ какъ ничего другого подходящаго не было. Къ этому нужно прибавить, что кормчій мой и вмѣстѣ съ тѣмъ и хозяинъ лодки имѣлъ только весьма смутное представленіе объ употребленіи компаса.

Въ началѣ іюня, получивъ необходимые инструменты, я выѣхалъ на небольшой лодкѣ изъ Казалинска въ устья Сыръ-Дарьи. Отъ Казалинска до устьевъ 150 верстъ. Я проплылъ это разстояніе въ 4 дня и 12 іюня пріѣхалъ на Косоралъ—низменный островокъ среди необозримаго моря камышей.

12-го іюня производилась нагрузка лодки балластомъ, провіантомъ и инструментами. Команда моя, если можно такъ выразиться, состояла изъ пяти человѣкъ: двоихъ русскихъ и троихъ киргизовъ-матросовъ. Тѣ, кто бывалъ въ киргизскихъ степяхъ, конечно, улыбнутся, услыхавъ необычное сочетаніе словъ—киргизъ-матросъ, понятій столь же чуждыхъ другъ другу, какъ ледъ и огонь. Но на берегахъ Арала это не такъ: нужда заставила киргиза идти въ услуженіе къ рыбакамъ и истаго сына степей, чьимъ кораблемъ мы привыкли считать верблюда, сдѣлала мореходомъ.

Когда всѣ приготовленія были закончены, утромъ 13-го числа мы при юго-западномъ вѣтрѣ подняли паруса и вышли изъ устьевъ Сыръ-Дарьи въ море. Прежде всего я рѣшилъ установить на берегахъ нѣсколько футштоковъ, чтобы можно было впредь судить о степени убыванія и прибыванія моря. Дѣло въ томъ, что мнѣ удалось обнаружить, что Аральское море не убываетъ, какъ это общепринято думать, а наоборотъ, въ сильномъ размѣрѣ прибываетъ. Явленіе это по всѣмъ признакамъ началось уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ. Далѣе мы должны были подойти къ устьямъ, наполнить бочки прѣсной водой и затѣмъ уже приступить къ работамъ въ открытомъ морѣ.

Отъ устьевъ предстояло направиться къ острову Барса-Кельмесъ. Дулъ попутный вѣтеръ. Отъѣхавъ верстъ тридцать, я сдѣлалъ остановку; была опредѣлена глубина, оказавшаяся равной всего 15 метр. Вода здѣсь имѣетъ великолѣпный синій цвѣтъ, который тѣмъ болѣе поразилъ насъ, что у береговъ, близъ устьевъ, отъ которыхъ мы сейчасъ отъѣхали, вода была мутно-зеленая. И прозрачность здѣсь довольно велика.

Къ вечеру на горизонтѣ показался Барса-Кельмесъ. Это довольно большой островъ, отстоящій отъ сѣверныхъ береговъ въ разстояніи 22 верстъ. Въ длину онъ имѣетъ немного болѣе 20 верстъ. По-киргизски названіе его значитъ «поѣдешь—не вернешься». Прельщаемые обиль-

ными кормами, киргизы часто по льду переправляются сюда со скотомъ. Нерѣдко случается, что, не успѣвая во-время передъ весеннимъ ледоходомъ убраться отсюда, они принуждены ждать слѣдующей зимы. Эти случаи, повидимому, и послужили поводомъ къ наименованію острова. И во время моего пріѣзда тутъ оказались киргизка и два сына ея съ 30 верблюдами.

Подъѣзжая къ берегу, мы еще издали замѣтили на возвышенности цѣлое стадо мирно пасущихся сайгаковъ. Какъ только мы высадились, они моментально скрылись въ середину острова. Очевидно, они сюда заходятъ съ берега по льду. Сѣверные берега острова плоскіе, песчаные. Они заросли въ изобиліи гребенщикомъ (тамарискомъ).

Почва острова песчаная или глинистая, со скудною растительностью, которая можетъ удовлетворять только неприхотливаго верблюда. Животная жизнь также бѣдна, птицъ совсѣмъ нѣтъ. Только ящерицъ и змѣй довольно много.

26-го іюня мы вышли при сильномъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ къ острову Николая.

Островокъ Николая пользуется дурной славой у мѣстныхъ рыбаковъ, и тѣ немногіе, кому удалось побывать на немъ, считаютъ себя отважными мореходами. Впрочемъ, дурная слава установилась за нимъ основательно, потому что на этомъ пустынномъ островѣ погибло и уже похоронено четыре человѣка.

Въ 1881 году пытался плавать по морю казалинскій мѣщанинъ Кривохижинъ. Но его затѣя кончилась настоящей робинзонадой, только съ трагическимъ концомъ.

Кривохижинъ построилъ морское судно «Кусовую» съ тѣмъ, чтобы доставлять пшеницу и другія произведенія Хивинскаго оазиса съ низовьевъ Аму въ Казалинскъ. Въ одинъ несчастный день съ командой изъ 5 человѣкъ онъ отправился въ Хивинскій оазисъ за хлѣбомъ. Тотъ годъ оказался на Хивѣ неурожайнымъ, пшеница была дорога, и Кривохижинъ, чтобы не возвращаться безъ всякаго товара, пошелъ на необитаемый островъ Николай за саксауломъ, который продается въ Казалинскѣ на дрова по 10 к. за пудъ. Въ небольшой бухточкѣ острова «Кусовая» сѣла на мель и притомъ такъ крѣпко, что всѣ усилія стащить ее оказались напрасными. Нимало не медля, всѣ участники плаванія перебрались на берегъ, перетащили туда все, что было нужно и можно, построили шалашъ и стали жить. Вскорѣ вышла вся провизія. По русской безпечности Кривохижинъ не захватилъ съ собой ни ружья, ни удочекъ, никакихъ другихъ орудій, которыми можно было бы промыслить пищу. Поэтому нашимъ робинзонамъ оставалось только поглядывать на антилопъ, изъ любопытства подходившихъ къ ихъ лагерю, и на рыбъ, плескавшихся около берега. Такъ какъ поверхность острова

представляетъ клочокъ той же пустыни, какая на необозримое протяженіе тянется по берегамъ моря, не могло быть и рѣчи о примѣненіи изобрѣтательности по образцу Робинзона. Глина, песокъ и саксаулъ мало могли принести пользы въ данномъ случаѣ. Хорошо еще, что на «Николаѣ» нашлась прѣсная вода: могло и не быть ея. Къ счастію, въ командѣ Кривохижина было двое киргизовъ. Они-то и выручили экспедицію. Хорошо зная пустыню и ея растительность, они вспомнили объ одномъ степномъ растеніи «чочимулдукъ», у котораго на корняхъ находится по одному клубню, вполнѣ съѣдобному и напоминающему по вкусу картофель. Этими-то клубнями и стали питаться Кривохижинъ и его рабочіе, когда былъ съѣденъ послѣдній сухарь. Такое существованіе, конечно, не могло быть продолжительнымъ. Приходилось искать радикальное средство спасенія, потому что не было ни малѣйшей надежды на помощь со стороны. На Аралѣ, кромѣ той самой «Кусовой», которая сослужила такую скверную службу, не было ни одного судна. Поэтому Кривохижинъ рѣшился на отчаянную попытку: онъ задумалъ плыть къ берегу моря ни больше, ни меньше какъ на душегубкѣ, бывшей при суднѣ. Лодчонку покрыли сверху брезентомъ и, приколотивъ края его къ бортамъ, устроили нѣчто въ родѣ палубы. На носу противъ скамейки для гребца и на кормѣ въ брезентѣ прорѣзали по отверстію такой ширины, чтобы туда могъ пролѣзть человѣкъ. Затѣмъ, когда въ душегубку былъ положенъ запасъ чочимулдука, боченокъ воды и компасъ, стали усаживаться люди. Двое киргизовъ залѣзли подъ брезентъ, русскій рабочій сѣлъ въ весла, а Кривохижинъ на руль, при чемъ тотъ и другой привязали веревкой къ поясу края отверстія въ брезентѣ. Въ такомъ видѣ мореплаватели тронулись въ опасный путь, придерживаясь курса на востокъ. Остальные двое рабочихъ, оба русскіе, не рискнули присоединиться къ своимъ товарищамъ и рѣшили остаться на островѣ. Впрочемъ, все равно кому-нибудь надо было обречь себя на это, такъ какъ въ лодкѣ было слишкомъ тѣсно. Семь дней лодка носилась по морю. Уже въ началѣ пути задулъ сильный вѣтеръ, волны перекатывали поверхъ лодки, и если бы не импровизированная палуба, первый такой валъ залилъ бы маленькую душегубку: руль все-таки былъ смытъ. Въ довершеніе несчастія не хватило чочимулдука; онъ былъ съѣденъ до послѣдняго клубня, вода также была выпита; но какъ разъ въ то время, когда смерть отъ жажды была не за горами, выпалъ легкій дождь. Путешественники принялись сосать намокшее платье и брезентъ. Наконецъ, на седьмыя сутки они пристали къ берегу гдѣ-то между Аму и Сыръ-Дарьей. Но спасеніе было еще далеко. Пройдя широкую полосу густыхъ камышей, они вышли въ песчаную пустыню Кизилъ-Кумъ. Долго тащились они по сыпучему песку. Кривохижинъ первый выбился изъ силъ; изнуренный голодомъ и жаждой, онъ упалъ. Остальные пошли дальше

и вскорѣ замѣтили вдали голову барана, торчавшую изъ-за верхушки холма. Тамъ оказалась одинокая семья киргизовъ, пріютившаяся у колодца. Наскоро утоливъ голодъ и жажду, рабочіе Кривохижина захватили верблюда и отправились отыскивать своего хозяина. Къ ихъ радости, онъ былъ еще живъ. Ему дали немного воды, молока, затѣмъ доставили въ киргизскую юрту, гдѣ онъ скоро поправился. Отсюда при содѣйствіи киргизовъ, или, вѣрнѣе, ихъ верблюдовъ, уже не трудно было добраться до Казалинска. Чудомъ избавившійся отъ смерти Кривохижинъ считалъ своимъ священнымъ долгомъ употребить всѣ усилія, чтобы спасти двухъ своихъ рабочихъ, оставшихся на островѣ.

Немедленно по прибытіи въ Казалинскъ онъ телеграфировалъ въ Петербургъ обществу спасанія на водахъ. Но что могло сдѣлать общество въ этомъ случаѣ? Оно, конечно, отвѣтило, что совершенно безсильно помочь горю.

Кривохижинъ однако не потерялся. Такъ поспѣшно, какъ только было возможно, онъ сталъ строить новую кусовую. Въ концѣ осени онъ окончилъ постройку, забралъ въ избыткѣ провизіи и съ большей командой поплылъ на выручку. Еще когда судно шло Сыръ-Дарьей, по рѣкѣ плавали льдины. Кое-какъ все-таки Кривохижинъ выбрался въ открытое море. Но скоро кусовую затерло льдомъ, уже недалеко отъ «Николая», именно у острова Барса-Кельмесъ, гдѣ и пришлось зазимовать. Ранней весной, какъ только позволили льды, мореплаватели пошли дальше и на другой день бросили якорь у острова «Николая». Но уже было поздно. На берегу бухты они увидѣли такую картину: все такъ же накренившись на бокъ, стояла «Кусовая», на землѣ близъ моря лежалъ высохшій трупъ одного изъ несчастныхъ; недалеко отъ него на возвышеніи стоялъ саксауловый крестъ; подъ нимъ, очевидно, былъ похороненъ второй рабочій. Около трупа лежала палка, на которой зарубками отмѣчались прожитые дни. Шесть мѣсяцевъ насчиталъ Кривохижинъ на этой палкѣ. Послѣдняя зарубка была сдѣлана за 40 дней до прибытія запоздавшаго спасенія. Кривохижинъ похоронилъ несчастнаго подлѣ его товарища, затѣмъ снялъ съ мели «Кусовую» и съ двумя судами вернулся въ Казалинскъ.

Сравнительно недавно раскольники-уральцы рѣшили, что не можетъ быть лучше мѣста, гдѣ бы спасаться вдали отъ мірской суеты, и постановили устроить здѣсь скитъ. Съ этою цѣлью осенью 1897 года трое уральцевъ съ дѣтьми отправились на двухъ кусовыхъ на островъ «Николая». По пути поднялась буря и разбросала лодки въ разныя стороны: одну изъ нихъ разбило у острова Барса-Кельмесъ, люди же успѣли выбраться на берегъ и остались тутъ зимовать. Другая лодка, на которой ѣхалъ старикъ лѣтъ 60-ти и молодой парень вмѣстѣ съ охотниками за сайгаками, благополучно прибыла къ острову Николая. Охотни-

ки, набивъ сайгаковъ, уѣхали, оставивъ уральцевъ на островѣ. Здѣсь послѣдніе вырыли себѣ землянку, которая стоитъ и до сихъ поръ. Весной 1898 г. изъ Казалинска послали имъ на кусовой провіантъ съ уральцемъ Горѣловымъ. Пріѣхавъ, онъ направился къ землянкѣ, но засталъ ее запертою. Черезъ окно были видны хлѣбы на столѣ. Сколько ни стучались, добиться ничего не могли. Когда выломали дверь, на кровати нашли парня мертвымъ, а возлѣ землянки оказалась поблизости могила старика. Отчего они умерли—неизвѣстно, вѣроятно, съ тоски, потому что провіантъ у нихъ не вышелъ. За барса-кельмесскими пустынниками еще въ 1897 году отправился братъ Горѣлова, но его постигла та же участь, что и ихъ. У береговъ Барса-Кельмеса кусовую разбило, но люди спаслись. Пришлось ему зимовать здѣсь вмѣстѣ со старцами. Когда море стало, Горѣловъ по льду прошелъ въ устья Сыръ-Дарьи. Братъ его весной 1898 года, возвращаясь съ острова Николая, забралъ и невольныхъ сидѣльцевъ на Барса-Кельмесѣ. Съ тѣхъ поръ больше никто не рѣшается ѣхать на островъ Николай.

Природа острова не отличается богатствомъ. Узкая береговая полоса покрыта зарослями гребенщика и саксаула. Внутренность острова представляетъ собою невысокое плоскогорье, покрытое скудной солончаковой растительностью. Только обширныя стада быстроногихъ сайгаковъ оживляютъ эту пустынную мѣстность. За ними-то и пріѣзжаютъ сюда промышленники изъ Казалинска.

Татары зачѣмъ-то скупаютъ рога этихъ животныхъ и, какъ говорятъ, отправляютъ въ Китай. Цѣна сравнительно высокая: за пару даютъ иногда до 5 рублей. Какъ много сайгаковъ на островѣ, можно судить по тому, что одинъ промышленникъ весной 1897 года собралъ до 1.500 паръ роговъ. Убиваютъ только самцовъ, у которыхъ снимаютъ рога, а тушу и шкуру бросаютъ.

1-го іюля я оставилъ островъ Николая, чтобы отправиться къ западному берегу. Это была самая рискованная часть моего плаванія, потому что западные берега обрывисты, скалисты и рѣшительно нигдѣ нѣтъ гаваней или заливовъ, гдѣ бы можно было укрыться въ случаѣ непогоды.

4-го іюля мы высадились на западномъ берегу. Здѣсь находится область небольшихъ глубинъ моря, отъ 32 до 67 метровъ. Во всей же восточной части моря глубины не превышаютъ 31 метра.

Западный берегъ съ моря очень красивъ. Глыбы нагроможденнаго въ хаосъ краснаго известняка, расщелины и овраги, поросшіе зеленымъ камышомъ, красивыя сочетанія цвѣтовъ,—все это радовало глазъ послѣ успѣвшаго наскучить однообразія морского пейзажа и унылой монотонности плоскихъ восточныхъ береговъ. Мы ждали берега съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что вода у насъ начала портиться и мы надѣялись найти свѣжей. Дѣйствительно, мы нашли здѣсь источникъ съ пре-

красной чистой водой. На верху обрыва, представляющемъ собою восточный край Усть-Урта, предъ нами разстилалась невеселая картина—повсюду ровная, однообразная, безводная глинистая пустыня. Человѣческаго жилья нигдѣ нѣтъ на сотни верстъ кругомъ. По краю обрыва проходитъ караванная дорога изъ Уральска въ Хиву. Отсюда я направился далѣе къ сѣверу вдоль западныхъ береговъ.

Ужъ около мѣсяца мы путешествовали по безлюднымъ мѣстамъ, питаясь однимъ чаемъ съ сухарями за неимѣніемъ лучшей провизіи, которую лѣтомъ на лодку взять нельзя. Необходимо было зайти въ одинъ изъ населенныхъ пунктовъ, чтобы запастись свѣжимъ провіантомъ. Я рѣшилъ направиться къ полуострову Куланды. Вечеромъ, показавъ рулевому направленіе по компасу, я легъ спать—удовольствіе, котораго не позволялъ себѣ уже въ теченіе цѣлой недѣли, такъ какъ ночью не давала спать качка, а весь день уходилъ на промѣры. Къ утру я надѣялся быть на Куландахъ. Однако вышло иначе. Рулевой, уставъ отъ безсонныхъ ночей, послѣдовалъ моему примѣру и, сидя у руля, сладко заснулъ. Вѣтеръ былъ сильный, сѣверо-западный, и лодка, никѣмъ не управляемая, конечно, понеслась по вѣтру. Рулевой, проснувшись въ 2 часа ночи и увидѣвъ, что дѣло совсѣмъ плохо, разбудилъ насъ. Измѣривши глубину, мы нашли 25 метровъ, тогда какъ у Куландовъ должно было быть всего 10. Гдѣ мы находились, рѣшить было невозможно. Ничего не оставалось болѣе, какъ бросить якорь. Между тѣмъ вѣтеръ крѣпчалъ съ каждой минутой. Сквозь темноту кругомъ ничего не было видно, а до разсвѣта было еще далеко. О снѣ нечего было и думать. Насъ бросало изъ стороны въ сторону, и волны хлестали на палубу. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я восхода солнца. Наконецъ востокъ побѣлѣлъ, и мы увидѣли верстахъ въ 10 полоску у берега—это былъ островъ Барса-Кѣльмесъ.

Черезъ два дня мы дождались попутнаго вѣтра и 12-го іюля пристали къ Куландамъ. По берегамъ мы всюду видѣли затопленные кусты гребенщика—несомнѣнные слѣды прибыванія моря.

Полуостровъ Куланды—мѣстность довольно оживленная. Лѣтомъ тутъ много рыбаковъ, пріѣзжающихъ сюда изъ Казалинска, а на зиму сюда прикочевываютъ киргизы. Многіе изъ нихъ промышляютъ рыбной ловлей, добывая шипа подо льдомъ длинными въ 6—7 саженъ острогами.

Предстояло отправиться въ дальнѣйшій путь, чтобы проѣхать вдоль всего моря, что составляетъ разстояніе въ 180 верстъ.

Въ полдень 18-го іюля мы пришли къ острову Меньшикова, лежащему у восточныхъ береговъ моря между устьями Сыръ- и Аму-Дарьи. Живутъ здѣсь рыбаки-уральцы. Почва песчаная, покрытая кустарниками. Вслѣдствіе прибыли воды въ морѣ на островѣ въ затопленныхъ мѣстахъ развелось необыкновенное количество комаровъ, отъ которыхъ

ни днемъ, ни ночью не было спасенія. Верблюды, принадлежащіе рыбакамъ, уходятъ съ вечера по морду въ море и въ такомъ положеніи остаются до утра.

Когда мы высадились на берегъ, старикъ-рыбакъ посовѣтовалъ намъ завести лодку за островъ въ бухту, предупреждая, что мы выбрали неудобную стоянку на случай бури. Но мы не послушались его, такъ какъ небо было безоблачное, ясное, а вѣтра совсѣмъ не было, и мы рано улеглись спать на берегу. Дѣйствительно, всю ночь было совершенно тихо, какъ вдругъ, въ 6 часовъ утра, внезапно налетѣлъ сильный сѣвѣро-западный вѣтеръ. Мои матросы немедленно поспѣшили на лодку, чтобы сдѣлать всѣ нужныя на случай бури приготовленія. Съ берега видно было, какъ суетились на палубѣ матросы, крѣпили веревки и свертывали паруса. Лодка качалась на волнахъ такъ, что мачты почти ложились на воду. Вдругъ я замѣтилъ, что якорный канатъ лопнулъ и лодку понесло къ берегу. Одинъ моментъ, и она разбилась бы вдребезги о прибрежныя мели и вмѣстѣ съ ней погибли бы всѣ плоды моихъ двухмѣсячныхъ трудовъ. Въ это время матросы, напрягая всѣ свои силы, успѣли бросить другой якорь и закрѣпить канатъ; лодка стала. Рулевой, желая съѣхать на берегъ, умудрился какъ-то сѣсть въ маленькую подъѣздную лодочку, которая была привязана канатомъ къ большой. Однако вѣтеръ, который все крѣпчалъ, достигъ такой силы, что пристать къ берегу все равно было немыслимо. Рулевой намѣревался уже перебраться обратно въ большую лодку, какъ вдругъ порывъ вѣтра оборвалъ канатъ и повернулъ его лодочку. Голова рулевого мелькнула въ волнахъ возлѣ лодки и скрылась.

Помочь ему мы были безсильны: у берега волны такъ бурлили, что выплыть не было никакой возможности. Опрокинувшуюся лодку волнами и вѣтромъ стало прибивать къ берегу, и вдругъ мы увидѣли, что на одномъ концѣ ея, уцѣпившись, повисъ нашъ рулевой, котораго мы считали погибшимъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ, здравый и невредимый, сушился на берегу.

Между тѣмъ вѣтеръ достигъ необычайной силы; стало очевидно, что еще немного, и якорный канатъ на большой лодкѣ снова лопнетъ. Чтобы облегчить лодку, было рѣшено выбросить часть груза, и вотъ сначала полетѣли въ море мѣшки съ пескомъ, служившіе балластомъ, затѣмъ лѣсъ и наконецъ мука, провіантъ и прочее. Не знаю, чѣмъ бы это кончилось,—быть можетъ, очередь дошла бы затѣмъ и до ящика съ инструментами, но очевидно стихія сжалилась надъ нами, и вѣтеръ началъ понемногу стихать...

1-го августа я въѣхалъ, наконецъ, въ устья Сыръ-Дарьи и черезъ нѣсколько дней былъ въ Казалинскѣ.

Усть-Уртъ.

(А. Никольскаго.)

Мой путь лежалъ отъ Кунграда прямо на сѣверъ мимо Аральскаго моря, чрезъ верховья р. Эмбы по направленію къ Оренбургу. На верблюдахъ здѣсь приходится идти верстъ 700 до Темирскаго укрѣпленія, иначе называемаго Каракамышъ; отсюда до Оренбурга можно ѣхать уже на почтовыхъ.

Я охотно отмѣтилъ бы этотъ маршрутъ названіями промежуточныхъ пунктовъ, да никакихъ другихъ пунктовъ по дорогѣ не существуетъ. На подробныхъ картахъ, впрочемъ, вся степь на сѣверъ отъ Арала испещрена тюркскими названіями, но это или колодцы, по большей части изсякшіе, или просто «урочища», т.-е. участки степи, въ предѣлахъ которыхъ кочуютъ опредѣленные киргизскіе роды. На старыхъ картахъ изображены здѣсь даже озера; но отъ нихъ не осталось и лужъ: все высохло, и только послѣ таянія снѣговъ на мѣсяцъ или на два на ихъ мѣстѣ скопляется немного вешней воды. Даже Эмба въ своихъ верховьяхъ изсякаетъ въ концѣ лѣта.

О телѣгѣ или о верховыхъ лошадяхъ нечего было думать. Только одни верблюды, оправдывая свою славу «кораблей пустыни», могутъ довольствоваться той чахлой полынью, какая растетъ на протяженіи 10—15 дней караванной дороги. Въ лѣтнее время степь между Араломъ и верховьями Эмбы абсолютно пуста; кромѣ изрѣдка проходящихъ каравановъ, здѣсь на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ не попадается ни единой живой души. Въ концѣ лѣта, когда высыхаютъ хаки, или степныя лужи, путешественникъ по трое сутокъ не встрѣчаетъ ни капли воды. Словомъ, географъ, описывая эту мѣстность, съ полнымъ правомъ можетъ сказать, что тамъ ничего нѣтъ, и этого будетъ достаточно, чтобы дать довольно полное представленіе о ней. Нѣтъ ни людей, ни животныхъ, ни травы, ни воды и, если хотите, нѣтъ даже настоящей земли: одна твердь небесная да голая, растрескавшаяся на солнцѣ глина. Этимъ-то живописнымъ пейзажемъ мнѣ предстояло любоваться съ высоты верблюжьяго горба не менѣе двухъ недѣль, въ сообществѣ одного проводника киргиза.

Я бралъ съ собой трехъ верблюдовъ, а чтобы не сидѣть верхомъ, я пріобрѣлъ для себя особую корзинку съ навѣсомъ, сдѣланную изъ дощечекъ и ивовыхъ прутьевъ. Въ ней можно сидѣть, протянувъ ноги впередъ; если же согнуться въ три погибели, то можно и лежать. Такая корзинка, напоминающая по формѣ кузовъ крытыхъ дѣтскихъ колясокъ, подвѣшивается сбоку верблюда; съ другой стороны горба она уравновѣшивается кладью. Необходимо, чтобы съ обѣихъ сторонъ верблюда

грузъ имѣлъ хотя бы приблизительно одинаковый вѣсъ, иначе одна сторона станетъ перетягивать и весь вьюкъ можетъ свалиться.

Снарядившись такимъ образомъ, мы, наконецъ, выступили въ походъ вмѣстѣ съ проводникомъ киргизомъ, молодымъ парнемъ Ахметомъ. Это было 12 іюля. Хозяинъ проводилъ насъ до окраины города. Дальше мы поплелись вдвоемъ съ Ахметомъ.

Если кого укачиваетъ въ морѣ, то же самое будетъ съ нимъ и на верблюдѣ, въ особенности, если онъ ѣдетъ въ корзинкѣ; другими словами, путешественникъ, подверженный морской болѣзни, будетъ испытывать всѣ ея послѣдствія среди пустыни, гдѣ на сотни верстъ нѣтъ ни капли воды. На меня почти не дѣйствуетъ качка въ морѣ, но здѣсь первое время начинало мутить, и даже довольно ощутительно. Сначала разбирало также большое сомнѣніе насчетъ устойчивости вьюка моего верблюда. Вдругъ все это полетитъ на землю!—думалось мнѣ. Хорошо еще, если багажъ перетянетъ; а что если я окажусь внизу и съ высоты горба на меня обрушится 4-пудовый тюкъ, этотъ ящикъ съ острыми ребрами, окованными желѣзомъ... Однако всѣ эти страхи скоро миновали, да и тошнота прошла, такъ что уже на третьемъ переходѣ я чувствовалъ себя, какъ будто родился киргизомъ. Медленно и методически шагали верблюды; съ тою же правильностью качалась моя люлька. Впереди ѣхалъ Ахметка, за нимъ шелъ мой верблюдъ, сзади всѣхъ плелся запасный, и всѣ мы были связаны другъ съ другомъ. Въ своей корзинкѣ я изображалъ собою не больше какъ кладь, которую Ахметка взялся доставить въ Каракамышъ. Я могъ только выражать свои желанія, и это было единственное мое отличіе отъ неодушевленнаго предмета. Самостоятельно я не могъ ни остановить своего верблюда, такъ какъ онъ былъ привязанъ къ переднему, ни тѣмъ болѣе слѣзть съ него, такъ какъ для этого надо было остановить и положить его. Сквозь овальное отверстіе навѣса я вижу кусочекъ степи, переднюю ногу верблюда, его шею и отъ времени до времени вижу, какъ изъ-за кузова корзинки выставляется мозолистая лапа задней ноги. Сквозь дырочки, которыя я продѣлалъ по бокамъ крышки, слѣва мнѣ представляется видъ на степь, а справа столь же живописный видъ на верблюжьи горбы, одѣтые грязной кошмой. Сначала меня сильно донималъ запасный верблюдъ. Это было тощее животное, съ кожей, покрытой какими-то болѣзненными чесоточными наростами. Всю дорогу онъ думалъ только о томъ, какъ бы почесаться, а такъ какъ въ степи, кромѣ другихъ нашихъ верблюдовъ, ничего подходящаго для этой цѣли не было, то при малѣйшей остановкѣ или даже на ходу онъ норовилъ подобраться къ моей корзинкѣ и всякій разъ начиналъ тереть объ ея край свою корявую спину. Корзинка трещала и, что хуже всего, подъ напоромъ горба поднималась кверху, а вьюкъ опускался внизъ; однимъ

словомъ, грозило сальтомортале, котораго я такъ боялся сначала. Шомполомъ отъ ружья я прогналъ несносную животину; но какъ ни въ чемъ не бывало, верблюдъ переходилъ на другую сторону и начиналъ чесаться о вьюкъ. Еще того хуже! Тогда я опускался внизъ, а тюкъ собирался обрушиться на меня своей 4-пудовой тяжестью. Пришлось перевести этого любителя чесаться въ середину, а меня въ хвостъ каравана, но на остановкахъ продолжалась та же исторія, и вообще этотъ возмутительный верблюдъ причинилъ намъ много хлопотъ, а пользы отъ него не было ни на грошъ, такъ какъ всю дорогу онъ только и дѣлалъ, что чесался.

Въ концѣ второго дня пути по крутой узкой тропинкѣ мы поднялись на ровное, какъ полъ, плато Усть-Уртъ, отдѣляющее Аралъ отъ Каспія, откуда передъ нами открылся видъ на море. Когда мы взошли на Усть-Уртъ, было тихо. Какъ зеленое стекло, блестѣла гладкая поверхность Арала. На морѣ ни паруса, ни чайки, никакой другой птицы. Всюду пусто, мертво и тихо. Такая же мертвая однообразная пустыня подходитъ къ берегамъ Арала. Насколько хватаетъ глазъ, вдоль берега тянется крутой обрывъ Усть-Урта, сѣрый, мрачный и мертвый. Нигдѣ ни кустика, ни зеленой травы, ни ручья; не слышно щебетанія птицъ, не стрекочутъ кузнечики. Словомъ, какъ на морѣ, такъ и на берегу нѣтъ ничего. Тамъ одна вода, здѣсь голая глина.

Берегомъ Арала мы шли не болѣе часа. Забравъ воды изъ колодца въ уступѣ обрыва Усть-Урта, мы направились въ глубь степи. Потянулись дни за днями; началась однообразная дорога; завтра, какъ сегодня; послѣзавтра, какъ завтра; все та же ровная, какъ полъ, глинистая степь, широкая, какъ море, и голая, какъ ладонь. Ни малѣйшій бугорокъ, ни одинъ кустикъ не разнообразятъ этого унылаго пейзажа. Степь впереди, степь сзади и, куда ни взглянете, до самаго горизонта все степь и степь, покрытая синимъ куполомъ безоблачнаго неба.

Изрѣдка изъ-подъ ногъ верблюда выпорхнетъ грязно-желтый, какъ глина, крошечный жаворонокъ, Богъ знаетъ зачѣмъ поселившійся здѣсь. Одинъ разъ вдали, какъ тѣни, промелькнули три антилопы-сайги и, какъ бы растаявъ, скоро исчезли въ пустынѣ. Гдѣ-то посрединѣ дороги мы встрѣтили стаю грифовъ, сидящихъ около растерзаннаго трупа павшаго верблюда. Вотъ и всѣ обитатели этой страны глины, которыхъ мы видѣли въ теченіе девяти дней пути. Здѣсь только становится понятнымъ, что значатъ «корабли пустыни». Дѣйствительно, надо только удивляться, какъ могутъ верблюды, при всей ихъ неприхотливости, поддерживать свое существованіе въ здѣшней степи.

Правда, присмотрѣвшись къ ея поверхности, не трудно убѣдиться, что она не такъ ужъ гола, какъ кажется съ перваго взгляда: на ней все-таки есть растительность. Но что это за растительность! Кое-гдѣ торчатъ былинки выжженной солнцемъ полыни, высотой около трехъ

вершковъ и во всякомъ случаѣ не больше четверти аршина. Онѣ такого же грязнаго цвѣта, какъ сама глина; поэтому онѣ и не замѣтны при поверхностномъ взглядѣ. Къ тому же нельзя сказать, чтобы былинки эти слишкомъ жались другъ къ другу. Мѣстами одна отъ другой растетъ не ближе, какъ на аршинъ, а въ промежуткахъ чистѣйшая глина.

Вотъ этимъ-то призракомъ травы и питается верблюдъ. Сколько надо ему отдѣльныхъ травинокъ, сколько щипковъ долженъ онъ сдѣлать, сколько верстъ нужно пройти ему по степи, чтобы набить свой трехъ-этажный желудокъ! Между тѣмъ и на этомъ подобіи корма, безъ воды въ теченіе 4, даже 6 сутокъ, верблюдъ идетъ, да еще какъ идетъ! Мы выступали обыкновенно вскорѣ послѣ полуночи. Начнется разсвѣтъ, я ужъ выспался въ своей корзинкѣ, а верблюды все еще идутъ. Опять засну, снова проснусь, уже солнце начинаетъ печь, а верблюды все идутъ да идутъ. Незадолго до полудня мы останавливались часа на два варить обѣдъ, а затѣмъ снова шли до самаго вечера. 14 часовъ въ сутки изо дня въ день двѣ недѣли шагали наши верблюды; на остановкахъ, хотя и безъ вьюка, они все-таки бродили по степи, отыскивая призраки пищи. Едва ли они отдыхали болѣе двухъ-трехъ часовъ въ сутки. Такъ работали наши «корабли пустыни». Что же дѣлали мы сами? А вотъ что.

Ахметка, въ качествѣ спеціалиста, былъ въ нѣкоторомъ родѣ начальникомъ движенія. Онъ назначалъ мѣсто остановокъ, время выступленія и проч., такъ какъ онъ одинъ зналъ положеніе колодцевъ, зналъ дорогу, или, вѣрнѣе, чутьемъ угадывалъ, куда надо идти; мѣстами не было никакого подобія тропинки. Чѣмъ руководствовался въ этихъ случаяхъ Ахметка, Богъ его знаетъ. Ночью, должно быть, звѣздами или вѣтромъ, съ вечера до утра дующимъ здѣсь въ одномъ направленіи; а днемъ, вѣроятно, солнце показывало ему дорогу, а можетъ быть, жаворонки, или полынь, или вонъ тотъ уголокъ отставшей отъ земли глиняной плитки,—какъ знать?

Киргизы, какъ истыя дѣти пустыни, знаютъ ее, какъ собственную нагайку. Тамъ, гдѣ для посторонняго природа пустыни молчитъ, киргизъ ясно слышитъ ея голосъ. Могъ ли я послѣ этого вмѣшиваться въ распредѣленіе времени въ дорогѣ? Положимъ, я хочу ѣхать, а Ахметка заявляетъ, что въ этомъ мѣстѣ надо идти только въ то время, когда солнце будетъ на три нагайки отъ земли или когда Джитты-карабчи [1]), Большая Медвѣдица, своимъ хвостомъ подойдетъ къ землѣ на высоту трехъ верблюдовъ. На вопросъ—почему?—онъ можетъ отвѣтить, что въ

[1]) *Джитты-карабчи* въ переводѣ значитъ семь воровъ. Эти семь воровъ, по представленію киргизовъ, бѣгаютъ вокругъ желѣзнаго кола (Темиръ-кызы) или полярной звѣзды.

такомъ только случаѣ на ночевку придемъ какъ разъ къ колодцу или на остановкѣ кормъ будетъ лучше.

Обыкновенно еще задолго до разсвѣта, иногда ровно въ полночь онъ подходилъ къ моей корзинкѣ и со словами: «тамыръ (парень или господинъ), айда!», дергалъ меня за ногу. Это означало, что «тамыръ» долженъ былъ вставать и идти вьючить верблюдовъ.

«Тамыръ» вдвоемъ съ Ахметкой поднималъ на горбъ сидящаго верблюда 4-пудовый тюкъ, затѣмъ подставлялъ подъ него свою спину, а Ахметка переходилъ на другую сторону верблюда связывать съ вьюкомъ корзинку. Покряхтѣвъ, сколько надобно было для связыванія, «тамыръ» получалъ, наконецъ, отпущеніе грѣховъ, затѣмъ залѣзалъ въ свое висячее логово, Ахметка на свое, верблюды, колыхнувшись три раза, вставали, и караванъ выступалъ въ путь...

Во время остановокъ приходилъ мой чередъ обнаруживать свои таланты. Изъ всѣхъ нашихъ общихъ дѣлъ единственное, не выходившее изъ предѣловъ моего пониманія занятіе было кулинарное дѣло, но зато во всемъ его объемѣ, начиная съ добыванія топлива. Пока Ахметка возился съ верблюдами, удовлетворяя ихъ справедливыя требованія, я забиралъ шерстяной мѣшокъ и отправлялся собирать верблюжій кизякъ. Дѣло это было простое, въ особенности если мы стояли у колодца, гдѣ каждый караванъ оставляетъ по себѣ слѣды. Гораздо труднѣе набрать здѣсь сухихъ полынныхъ былинокъ для растопки, а еще труднѣе разжечь кизякъ. Такъ какъ погода была по большей части тихая, приходилось раздувать костеръ, и я дулъ, дулъ до тѣхъ поръ, пока глаза не начинали обнаруживать несомнѣннаго желанія выскочить на лобъ. Тогда приходилъ Ахметка и тоже дулъ и до тѣхъ же самыхъ поръ. При такомъ усердіи кизякъ, конечно, разгорался, и я начиналъ варить нѣчто въ родѣ каши изъ риса и сухого мясного фарша. Когда это блюдо моего собственнаго изобрѣтенія оказывалось готовымъ, мы постилали вмѣсто ковра все тотъ же шерстяной мѣшокъ и начинали ѣсть. Ѣли мы съ одинаковой готовностью уничтожить свою порцію дотла. Затѣмъ принимались за чай. По этому пункту наши взгляды съ Ахметкой расходились. Я, какъ это и слѣдуетъ, относился къ чаю, какъ къ напитку; поэтому пилъ его съ клюквеннымъ экстрактомъ; выходило освѣжительно, да и соленый вкусъ колодезной воды скрадывался. Ахметка же видѣлъ въ чаѣ нѣчто въ родѣ похлебки; поэтому норовилъ, чѣмъ только возможно, сдабривать его. Для этой цѣли онъ везъ съ собой небольшой кожаный турсучокъ съ жидкимъ бараньимъ саломъ. Въ чай же онъ клалъ сухари, и если была подъ руками соль, то и соль. Получалась настоящая похлебка, но, я думаю, она была не лучше спартанской. Признаться, было довольно-таки тошно смотрѣть, какъ Ахметка, причмокивая, пилъ это пойло; поэтому мнѣ очень хотѣлось на-

учить своего полудикаго спутника пить чай, какъ чай, и я предложилъ вмѣсто сала прибавлять клюквеннаго экстракта. Сначала Ахметка подозрительно относился къ этой красной тягучей жидкости, но когда я объяснилъ, что это, дескать, «бульдрюгунъ» (ягода), онъ рѣшился сдѣлать опытъ.

— «Якши?» (хорошо?)—спрашиваю я.

— «Якши»,—отвѣчаетъ Ахметка и вслѣдъ за этимъ въ тотъ же чай наливаетъ съ полстакана сала.

— «Якши?»—любопытствую я опять.

— «Чокъ якши» (очень хорошо),—говоритъ Ахметка, прибавляя туда же сахару.

Должно быть, это было дѣйствительно «чокъ якши», потому что съ тѣхъ поръ мой ученикъ неизмѣнно придерживался этого новаго способа приготовленія чая и скоро перевелъ весь экстрактъ.

Что касается нашего туалета въ дорогѣ, у Ахметки его не полагалось, да и я очень скоро приблизился къ такому киргизскому идеалу. Только у колодцевъ, стало быть, дня черезъ два-три, я мылъ руки; это было все, чѣмъ отличался я въ отношеніи туалета отъ своего спутника. Въ промежуткахъ между колодцами такую роскошь нельзя позволить изъ экономіи въ водѣ, а беречь воду намъ приходилось, въ особенности потому, что Ахметкинъ турсукъ еще въ началѣ пути прорвался.

На Усть-Уртѣ въ теченіе 9 дней пути только одинъ разъ мы встрѣтили «хакъ». Это была лужа не больше обѣденнаго стола и въ $1^1/_2$ вершка глубиной, такъ что воду приходилось чрезвычайно осторожно снимать сверху, какъ сливки, при помощи блюдечка; безъ такой предосторожности со дна поднималась глинистая муть. Хотя поверхность лужи отливала зеленцой плѣсени, но, къ моему удивленію, вода, сравнительно съ колодезной, оказалась превосходной; во всякомъ случаѣ она имѣла совершенно прѣсный вкусъ, а легкому букету плѣсени можно было не придавать особаго значенія.

Я спалъ не раздѣваясь и всѣ 14 дней до самаго Каракамыша ни разу не умылъ лица. Словомъ, мы жили совершенно по-киргизски.

Такъ протекла наша кочевая жизнь. Какъ уже сказано было, часовъ 14 въ сутки мы шли. Собственно шли-то верблюды, а мы, сидя на нихъ, глазѣли по сторонамъ, подмѣчая каждую былинку полыни, если она повыше другихъ вершка на два, или просто-напросто спали. Впрочемъ, надо правду сказать, что спалъ больше я; Ахметкѣ же, хотя онъ и выросъ на верблюжьихъ горбахъ, все-таки не слишкомъ удобно было лежать со свѣсившейся внизъ головой. Поэтому на мѣстахъ ночевки при первой возможности онъ постилалъ на землю халатъ тамъ, гдѣ стоялъ передъ этимъ, ложился и мгновенно засыпалъ, а я отправлялся бродить по степи.

Удивительныя ночи бываютъ въ здѣшней пустынѣ! Звѣздныя, теплыя и тихія, тихія! Какъ теперь помню одну такую ночь, когда меня особенно поразила тишина. Можно описать какой угодно шумъ, крикъ, звонъ, но какъ описать тишину, въ особенности ту абсолютную тишину, какая бываетъ здѣсь ночью. Ни малѣйшаго звука!—вотъ и все. Въ другихъ мѣстахъ, какъ бы тихо ни было, всегда можно открыть хоть какой-нибудь звукъ. Если тихо въ комнатѣ, вы все-таки слышите или гулъ, доносящійся съ улицы, или чириканье сверчка за печкой. Если этого нѣтъ, ну, тараканъ шуршитъ по обоямъ, или, наконецъ, гудитъ горящая лампа, или щелкаетъ пламя свѣчки.

Ночная тишина лѣса, сада, пашни никогда не бываетъ полной: непремѣнно дрогнетъ листъ, крикнетъ сонная птица, прожужжитъ летящій жукъ, пискнетъ комаръ, а не то такъ раздастся одинъ изъ тѣхъ неясныхъ, таинственныхъ ночныхъ звуковъ, происхожденіе которыхъ извѣстно одному Богу. Словомъ, вездѣ и всегда слышно хоть что-нибудь, а здѣсь ничего, такъ-таки ровно ни малѣйшаго звука. Да и откуда взяться ему въ тихую ночь среди спящей пустыни, когда воздухъ совершенно неподвиженъ! Тихо такъ, что, когда я зажегъ спичку и поднялъ ее надъ головой, пламя стояло безъ движенія, какъ въ комнатѣ. Это не та минутная удушливая тишина, какая бываетъ у насъ передъ грозой. Здѣсь дышится легко, воздухъ чистъ и спокоенъ. Вы чувствуете, что такъ будетъ всю ночь, такъ можетъ быть и завтра ночью, и послѣзавтра, и цѣлыя недѣли, пока не разыграются стихіи, а стихіи играютъ здѣсь больше зимой. Я бродилъ по степи и, глядя на серпъ молодой луны, думалъ, что, должно быть, только тамъ, на лунѣ, гдѣ нѣтъ ни атмосферы, ни жизни, бываетъ такъ же тихо, какъ здѣсь ночью. Я бродилъ и прислушивался, не зашуршитъ ли гдѣ, бѣгая по глинѣ, хотя бы фаланга, но и ея не было.

Вонъ бѣлѣетъ крышка моей корзинки, а рядомъ, навѣрно, спитъ Ахметка. Но и тотъ не храпитъ, и даже не сопитъ, иначе было бы слышно за нѣсколько верстъ. Нагнувшись, я вижу на небѣ черный силуэтъ нашего верблюда, беззвучно, какъ привидѣніе, шагающаго по степи. Вонъ, опустивъ голову внизъ, стоитъ и другой. Чтобы нарушить мертвую тишину ночи, я крикнулъ, но и самъ испугался собственной дерзости. Звукъ замеръ мгновенно безъ малѣйшаго эхо. Ахметка отозвался на крикъ... и опять стало тихо.

Я еще ничего не сказалъ о нашихъ встрѣчахъ съ людьми во время дороги. Ихъ было немного. Гдѣ-то на срединѣ пути мы повстрѣчали длинный караванъ, направлявшійся въ Хиву изъ Оренбурга съ грузомъ чугунныхъ котловъ, тагановъ и какихъ-то ящиковъ. Караванъ сопровождали четверо киргизовъ, загорѣлыхъ, какъ мы съ Ахметкой, оборванныхъ, какъ нищіе на картинкахъ, и голодныхъ, какъ шакалы;

послѣднее было видно по ихъ лицамъ. Каждый по очереди, по мѣрѣ того, какъ равнялся съ нами, неизмѣнно задавалъ вопросъ: «шунда су баръ-ма? (есть ли тамъ вода?). Они спрашивали о хакѣ, который мы прошли наканунѣ и въ которомъ не нашли ни капли воды. Такъ какъ приблизилось время дневной остановки, я предложилъ киргизамъ сдѣлать привалъ съ цѣлью напоить ихъ чаемъ. Они выпили два чайника, съѣли изрядное количество сухарей и, какъ потомъ оказалось, ухитрились прорѣзать мѣшокъ и утащить у насъ все сушеное мясо. Мы остались при одномъ фаршѣ, который, къ счастію, лежалъ отдѣльно.

Другой разъ, уже въ концѣ дороги, насъ разбудилъ однажды утромъ окрикъ нѣсколькихъ голосовъ. Проснувшись, мы увидѣли вокругъ себя цѣлую орду киргизовъ на верблюдахъ. Тутъ были и старики, и молодые, и нѣсколько женщинъ. Мужчины обступили Ахметку и принялись допрашивать его, какъ и что. Судя по тому, что при этомъ они ежеминутно заглядывали въ мою корзинку, допросъ касался меня. Ахметка съ важнымъ видомъ вполголоса отвѣчалъ на вопросы своихъ соплеменниковъ. Должно быть, онъ вралъ преисправно, если судить по тому, что киргизы въ отвѣтъ на его слова прищелкивали языками, качали головами, ахали и все съ большимъ и большимъ любопытствомъ заглядывали въ мою корзинку.

Пока шли эти разговоры, нашъ запасный верблюдъ сообразилъ, что не слѣдуетъ упускать такого прекраснаго случая почесаться, и потому, подойдя втихомолку къ своему новому знакомому, на которомъ сидѣли двѣ киргизки, началъ тереть свою корявую спину объ ихъ кошемное сидѣнье. Сидѣнье сползло на бокъ, бабы начали падать и, цѣпляясь за кошму, завизжали на всю степь, а мужчины принялись хохотать. Когда наконецъ Ахметка отвелъ несносную животину въ сторону, я, чтобы чѣмъ-нибудь вознаградить перепуганныхъ дамъ, подарилъ имъ двѣ перламутровыя пуговицы отъ блузы и столько же пустыхъ револьверныхъ патроновъ, и мы разстались друзьями. Навѣрно, все это киргизки подвѣсятъ себѣ на кончикъ косы.

Почти восемь сутокъ отъ самаго Аральскаго моря шли мы ровной, какъ полъ, глинистой степью. Казалось бы, что, пройдя такую обширную равнину, путешественникъ долженъ будетъ подниматься въ гору, между тѣмъ на девятый день мы подошли къ крутому спуску: то былъ сѣверный край плато Усть-Урта, по которому мы шли до сихъ поръ. Впереди, какъ въ туманѣ, виднѣлись неясныя очертанія Мугоджарскихъ горъ; внизу разстилалась другая степь, но уже много болѣе оживленная. Полынь была гуще, мѣстами попадалась даже зеленая трава и низкій кустарникъ. Степныя иголицы, стаи черныхъ жаворонковъ, мелкіе сокола—все это свидѣтельствовало, что здѣсь кончается средне-

азіатская пустыня и начинается черноземная степь предгорій Урала. По мѣрѣ нашего движенія къ сѣверу, ночи становились замѣтно свѣжѣе, въ особенности мнѣ холодно было на ходу въ корзинкѣ. Не помню, въ какой по счету день перешли мы Эмбу. Во всякомъ случаѣ это было совершенно незамѣтное событіе: верблюды просто перешагнули черезъ нее, не замочивъ лапъ. Наконецъ, на 14-й день среди ровной степи показались крыши Темирскаго укрѣпленія. «Начальникъ кибитъ», проговорилъ Ахметка, указывая нагайкой по направленію самой высокой красной крыши; такъ величалъ онъ двухъэтажный домъ уѣзднаго начальника. Впрочемъ, киргизы любой дворецъ назовутъ кибиткой, развѣ только прибавятъ «улькунъ» (большая). Въ Карамышѣ я распрощался со своимъ спутникомъ. Отсюда уже на почтовыхъ чрезъ Илецкую Соляную Защиту я доѣхалъ до Оренбурга.

Въ Киргизскихъ степяхъ.

(М. Леваневскаго.)

Хорошо дышится въ степи весной. Апрѣль, май и начало іюня—это лучшіе ея мѣсяцы. Вся безпредѣльная степная ширь, сохраняя въ себѣ еще влагу весеннихъ водъ, тѣшитъ глаза свѣжестью зелени. Солнце пріятно грѣетъ, но не жжетъ, какъ въ іюлѣ и въ августѣ. Воздухъ легокъ и ароматиченъ. Теплый пахучій вѣтерокъ сорвется откуда-то со стороны и, поигравъ верхушками ковыля, пропадетъ вдали.

Воспользуемся, читатель, этимъ дивнымъ временемъ, сядемъ верхомъ на добрыхъ коней и совершимъ маленькое путешествіе въ степь, распредѣливъ его въ такомъ порядкѣ: проѣдемъ сначала безводную часть степи, покрывающуюся весенней травой, весенними цвѣтами, заглянемъ затѣмъ въ сторону озеръ, рѣкъ, солонцовъ, песковъ, лѣсныхъ зарослей и вездѣ мы увидимъ такія картины, которыя такъ и просятся на полотно. Надъ проснувшейся отъ зимняго сна землей раскинуто голубое небо, по которому чуть замѣтный весенній вѣтерокъ несетъ легкія облачка. Лучи солнца, пробиваясь сквозь нихъ, какъ черезъ легкую прозрачную фату, производятъ такія свѣто-тѣни въ степи, что нѣтъ возможности оторваться отъ всего, что только можетъ окинуть зритель своимъ восторженнымъ взглядомъ. Вотъ уже болѣе двухъ часовъ ѣдемъ безводною степью, и ни одной минуты не умолкалъ жаворонокъ. Да ихъ тутъ такая масса, что кто не видѣлъ степи весной, тотъ не можетъ себѣ этого и представить. Не менѣе шести породъ жаворонковъ оживляютъ степь съ утра до вечера своимъ пѣніемъ. Куда ни взглянешь, всюду видишь, какъ одинъ жаворонокъ поднимается за другимъ въ небесную высь и поетъ, другой спускается къ землѣ и тоже поетъ, третій маленькой точкой виднѣется на землѣ между зеленой травкой и тоже поетъ. Пѣсни высоко

гдѣ-то въ небѣ, пѣсни надъ землей, пѣсни на самой землѣ сливаются въ одну дивную вдохновенную пѣснь, которая дѣйствуетъ на зрителя до того упоительно, что онъ невольно умиляется душой.—Но что это за птицы, что справа и слѣва отъ насъ летятъ почти надъ самой землей, другъ дружкѣ навстрѣчу, и по мѣрѣ того какъ разстояніе между ними уменьшается, поднимаются все выше и выше и наконецъ, слетѣвшись, начинаютъ кувыркаться въ воздухѣ, издавая какіе-то хриплые звуки? Это степной лунь. Жаворонки на минуту пріутихли, затѣмъ снова начали свою пѣснь.

Изъ-за куста чіевника, услышавъ близкій топотъ коней, выбѣжала ожерельчатая дрохва и, вполоборота смотря на всадниковъ, иноходью убѣгаетъ въ сторону. Киргизы называютъ эту птицу «джурга», иноходецъ. Чуть только она исчезла изъ глазъ, это значитъ, что она сѣла, и тогда къ ней можно подойти очень близко охотнику. А вонъ и настоящая дрохва-самецъ, опустивъ крылья, хвостъ поднявъ вѣеромъ, гордо ходитъ по скату небольшого холмика. Между лошадьми шмыгнула бѣлогрудая ласточка, со стороны повѣяло прохладой: должно быть, близко вода и зимовки киргизовъ или могилы ихъ. Такъ и есть, вонъ показался возвышенный берегъ изъ красной глины, а затѣмъ блеснула и вода одной изъ степныхъ рѣкъ. На этомъ берегу рядъ землянокъ, а на еще болѣе возвышенной части берега группа мазарокъ. Ласточекъ все больше и больше, цѣлой вереницей носятся онѣ около лошадей и своимъ веселымъ щебетаньемъ какъ бы изъявляютъ свою радость, что увидали людей. Разобьемъ нашъ шатеръ, отдохнемъ сами, дадимъ отдыхъ и лошадямъ. На одной изъ мазарокъ сидитъ кончикъ и повидимому нимало не интересуется тѣмъ, что вокругъ него происходитъ; но сильно ошибается тотъ, кто сочтетъ его за такого флегматика: онъ зорко слѣдитъ за малѣйшимъ движеніемъ въ зеленой травѣ, покрывающей землю. Вотъ онъ граціозно сорвался съ своего мѣста, красиво взлетѣлъ на воздухъ, остановился и, минуту покачавшись въ немъ, камнемъ упалъ внизъ, схватилъ какого-нибудь жучка или конька, на лету растерзалъ его и снова задрожалъ въ воздухѣ, высматривая новую добычу.

Берегъ рѣки, гдѣ разбитъ нашъ шатеръ, лишенъ камыша, который зеленѣетъ отъ насъ вверхъ по рѣкѣ верстахъ въ двухъ. Пока поставятъ самоваръ да приготовятъ что-нибудь перекусить, успѣемъ отдохнуть, а затѣмъ пройдемъ пѣшкомъ и къ камышамъ, и къ тому довольно большому озеру, которое пока скрыто отъ глазъ нашихъ. Лежа на коврѣ, то и дѣло приходится сбрасывать съ него то какого-нибудь жучка, то кузнечика. Черный большой жукъ-копръ прилетѣлъ уже къ лошадямъ и изъ конскаго навоза катаетъ шаръ, кладя въ него свои яички. На длинномъ стволѣ дикой спаржи виднѣется продолговатое тѣло богомолки. Сидитъ она вся зеленая неподвижно, вытянувъ впередъ одну изъ своихъ

переднихъ лапокъ. У нѣкоторыхъ киргизовъ существуетъ повѣрье, что когда человѣкъ заблудится, то достаточно найти богомолку, которая вытянутой лапкой своей и укажетъ направленіе, въ которомъ нужно искать дорогу. Идя вдоль берега, спугнули двухъ лысухъ; шлепая по водѣ, онѣ въ испугѣ стараются скорѣе подняться на воздухъ и наконецъ-таки грузно поднимаются, опустивъ книзу свои неуклюжія съ вырѣзанной фестонами перепонкой ноги. Около ряда береговыхъ кочекъ зеленая, покрытая водой лужайка, на которой цѣлая стая турухтановъ; одни изъ нихъ гоняются за водяными жуками, другіе ловятъ мушекъ, а третьи, повидимому, ожесточенно дерутся, но это больше ничего какъ дружеское, веселое препровожденіе времени. Бросаясь другъ на друга съ своими растопыренными пестрыми воротниками, противники наносятъ удары своими довольно длинными клювами именно въ эти воротники; достаточно малѣйшаго шума, и вся стая ихъ въ одно мгновеніе снялась съ своего мѣста и быстро исчезла изъ глазъ, чтобы на новой зеленой лужайкѣ предаваться и кормежкѣ, и своимъ веселымъ занятіямъ. Нѣтъ, нѣтъ—и плеснетъ въ водѣ рыба. Запасаясь удочками, сѣтями, а то и неводомъ, можно въ такой степной рѣчкѣ изловить много судаковъ, лещей, окуней, карповъ, щукъ, сомовъ, язей и разной мелкой рыбы, а въ озерахъ линей и замѣчательной величины карасей. Водяныхъ черепахъ и раковъ мѣстами такая масса, что лучше не забрасывай удочки: то ракъ сорветъ насадку, то наклюнется на нее черепаха.

На поемныхъ лугахъ, что широкой площадью примыкаютъ къ рѣкѣ, слышится курлыканье журавлей; изъ глубины камышей, къ которымъ мы уже успѣли подойти, несется глухое цуканье выпи. Стая розовыхъ скворцовъ вырвалась изъ камышей и понеслась вверхъ рѣки; обыкновенные скворцы держатся въ тальникѣ и джидѣ, которыми заросла сосѣдняя долина; оттуда вмѣстѣ съ ихъ голосами доносится стрекотанье сороки и воркованье горлинки. Маленькія птички: славки, малиновки, пѣночки, коноплянки, то и дѣло попадаются на глаза. По луговымъ кочкамъ бѣгаютъ трясогузки и нимало не боятся приближенія людей, какъ бы сознавая, что человѣкъ не сдѣлаетъ имъ никакого вреда. На противоположномъ берегу рѣки гдѣ-то кукуетъ кукушка; тамъ же пара воронъ вьетъ гнѣздо на покинутой, полуразвалившейся землянкѣ. Въ сторонѣ блеститъ своей поверхностью небольшой заливчикъ; по берегу его пасутся нетигели, куликъ- красноножка, а по водѣ шмыгаетъ массами мелкій куличокъ. Съ нашимъ приближеніемъ все это поднялось на воздухъ; нетигели съ крикомъ «авдотья!» начали кружить около насъ, а красноножка, выдѣлывая нѣжныя трели, держится нѣсколько дальше; мелкіе кулички, сорвавшись съ быстротою молніи, небольшимъ облачкомъ пропали вдали.

А вотъ по берегу, песчаной косой выдавшемуся въ рѣчку, сидитъ

цѣлая семья колпиковъ и тутъ же пара куликовъ-сорокъ. По мелкимъ мѣстамъ рѣки нѣсколько пеликановъ занимаются ловлей мелкой рыбешки; цапля, высоко поднявшись на воздухъ и время отъ времени покрикивая, тянетъ куда-то вдаль, ищетъ должно быть себѣ болѣе привольныхъ мѣстъ. На самой водѣ ничего не видно, кромѣ лысухъ, нырковъ, поганокъ. Но вотъ изъ-за изгиба рѣки появился камышевый лунь, и картина сразу измѣнилась: чирки, широконоски, а за ними и болѣе крупныя утки—кряква, свіясь, шилохвость—съ крикомъ слетаются къ водѣ и, цѣлыми стаями поносившись въ воздухѣ далеко отъ береговъ рѣки, снова садятся на воду. Откуда ни взялась пара пиголицъ и, жалобно крича, преслѣдуетъ хищника. Веселая казарка, постоянно разговаривая, летитъ стая за стаей; а вонъ и лебеди, вытянувшись серебрянымъ трехугольникомъ, плавно двигаются на страшной высотѣ и ихъ звонкимъ голосамъ отвѣчаютъ такіе же голоса съ обширнаго озера, посрединѣ котораго другая стая лебедей расположилась на отдыхъ. Недалеко отъ рѣки на зеленой травкѣ пасутся дикіе гуси. Изрѣдка раздается непріятный крикъ морской утки. Величественный свистъ кроншнепа невольно заставляетъ оборачивать голову въ ту сторону, откуда онъ несется. Съ низменнаго берега рѣки и сосѣднихъ ржавыхъ болотъ передъ закатомъ солнца то и дѣло зигзагами поднимается бекасъ и затѣмъ съ высоты падаетъ внизъ, распустивъ хвостъ и отставивъ въ сторону два боковыхъ пера, которыя колеблясь производятъ звукъ, похожій на блеяніе барашка.

Рѣчной плесъ, около котораго мы теперь находимся, скоро закончится; пройдемъ его и направимся небольшимъ овражкомъ въ сторону рѣки; онъ приведетъ насъ къ большому озеру, на которомъ мы найдемъ ту же жизнь пернатыхъ, что и на рѣкѣ, только въ бо́льшихъ размѣрахъ. Тѣ же кулики, лебеди, гуси, утки всевозможныхъ породъ сплошь покрываютъ это озеро; крикъ, шумъ, возня на немъ съ утра и до вечера невообразимые. Пробираясь рѣкой къ озеру, видѣли гоголя, который, нырнувъ около одного берега, вынырнулъ къ другому и, ежесекундно оглядываясь на насъ, торопливо поплылъ внизъ по рѣкѣ, готовый каждую минуту снова нырнуть при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи съ нашей стороны. Изъ норъ почти отвѣснаго берега рѣки то и дѣло вылетаютъ береговыя ласточки. Разные виды чаекъ то носятся съ крикомъ надъ водой, то летятъ въ степь, то снова возвращаются изъ нея къ водѣ. Возвращаясь къ мѣсту стоянки, встрѣтили сначала на сухомъ берегу партію зуйковъ, характерный бѣгъ которыхъ, какими-то порывами, привлекъ наше вниманіе, затѣмъ большую партію, штукъ около пятидесяти, стрепетовъ; они до того заняты были отысканіемъ корма, что подпустили насъ на половину ружейнаго выстрѣла, затѣмъ поднялись и, звеня крыльями, отлетѣли въ сторону шаговъ на пятьдесятъ.

Комары, мошки, мухи, оводы до того надоѣли намъ своими нападеніями, что пришлось поторапливаться къ шатру, около котораго давно уже вьется дымокъ отъ костра, разложеннаго киргизами.

Вечерняя заря начала гаснуть, шумъ и возня на рѣкѣ и озерахъ начали мало-по-малу утихать. Изрѣдка пронесется надъ рѣкой стая свіязей, да какъ будто изъ-подъ самыхъ небесъ слышится говоръ казарокъ.

Сычъ и филинъ, а также масса летучихъ мышей, беззвучно носятся въ воздухѣ. Земляной заяцъ, покинувъ свою норку, то ощупываетъ травку своими усиками, то быстрымъ прыжкомъ несется по ломаной линіи впередъ и исчезаетъ въ вечернемъ сумракѣ. Гдѣ-то недалеко просвистала мышь. Въ степи—и чѣмъ она глуше, тѣмъ чаще—мнѣ приходилось слышать свистъ нашей обыкновенной мыши, нѣсколько похожій на птичій; мышь какъ бы поетъ, между тѣмъ пѣнія ея нельзя сравнивать съ пѣніемъ какой-либо изъ нашихъ пѣвчихъ птичекъ. Это что-то своеобразное. Навозникъ, носорогъ и майскіе жуки разсѣкаютъ воздухъ по всѣмъ направленіямъ. Со стороны песчаныхъ барахановъ, которые темной массой чернѣютъ вдали, доносится мелодическій свистъ ночного песчанаго кулика; куликъ этотъ нѣсколько схожъ съ кроншнепомъ, но наполовину меньше его и съ желтыми глазами. Комары и мошки все назойливѣе начинаютъ нападать; скорѣе укрыться подъ пологъ и уснуть, чтобы завтра съ разсвѣтомъ двинуться дальше.

Какъ ни пріятно на зарѣ покрѣпче укрываться въ одѣяло отъ утренняго весенняго холодка, но еще лучше встать, отправиться къ рѣкѣ, умыться свѣжей водой и затѣмъ посмотрѣть въ сторону восхода солнца, прислушиваясь къ просыпающейся въ степи жизни. Солнца еще не видно, только восходящіе лучи его золотятъ верхушки песчаныхъ холмовъ. Легкій туманъ стелется надъ рѣкой, озерами, заливными лугами. Но вотъ солнце всплываетъ золотымъ шаромъ надъ горизонтомъ; туманъ, замѣтно колыхаясь, все больше и больше рѣдѣетъ, пока совсѣмъ не пропадетъ.

Вся окрестность какъ бы нѣжится подъ лучами солнца, милліоны водяныхъ брызгъ осыпали сверкающими алмазами всю растительность; рыба весело плещется въ водѣ, запѣли птички, задвигалось все водяное пернатое царство. Нѣсколько орловъ въ поднебесьѣ описываютъ большіе круги, поднимаясь все выше и выше, пока не станутъ для глаза наблюдателя чуть замѣтной точкой. Суслик, время отъ времени посвистывая, сидитъ на заднихъ лапкахъ около своей норы, готовый при малѣйшей опасности юркнуть въ нее.

Нашъ путь лежитъ къ сторонѣ Мугоджарскихъ горъ. Поспѣшимъ туда, чтобы полюбоваться ихъ каменистыми вершинами, покрытыми по балкамъ деревьями и кустарникомъ. Тамъ, около журчащаго ручейка,

въ кустахъ шиповника и черемухи, поетъ соловей, на уступахъ скалъ гнѣздятся орелъ и беркутъ, лиса и волкъ охотятся на утокъ и зайцевъ. Дятлы, сивоворонки, иволги, не говоря уже о массѣ мелкихъ пѣвчихъ птичекъ, перепархиваютъ съ вѣтки на вѣтку, оглашая воздухъ своими голосами. Копчикъ и пустельга десятками дрожатъ въ воздухѣ; подъ какимъ-нибудь камнемъ пріютилась гадюка, изъ-подъ котораго злобно смотритъ и шипитъ на все, что хоть чуточку нарушаетъ ея покой. Зеленый самецъ ящерица гоняется за своей сѣрой самкой; ежъ, увидя человѣка, свернулся и, недовольно пофыркивая, лежитъ колючимъ клубомъ, съ нетерпѣніемъ ожидая, когда ему представится возможность улизнуть благополучно въ свою нору. Козодой, потревоженный чѣмъ-то въ своемъ отдыхѣ, безшумно выпорхнулъ изъ-подъ корня березы и столь же безшумно, обогнувъ нѣсколько деревьевъ, упалъ въ чащу ихъ. Проснувшись послѣ вечерней зари, будетъ носиться онъ въ ночномъ полумракѣ за ночными жуками и бабочками, пока первый лучъ утренней зари снова не загонитъ его подъ какой-нибудь кустъ или дерево. Горы полны жизни, аромата отъ цвѣтущихъ черемухи, шиповника, разныхъ медоносныхъ травъ, а надъ всѣмъ этимъ вверху чистое голубое небо...

Переправимся черезъ Эмбу, въ береговыхъ барханахъ которой много русака, лисъ, волковъ, гдѣ попадается барсукъ и норка, и будемъ подвигаться къ Усть-Урту, пескамъ Исенъ-Чагыла и западному берегу Аральскаго моря. Въ степи чуть не на каждомъ шагу сѣро-бурая ящерица; загнувъ хвостъ въ сторону, быстро бѣжитъ она впередъ лошади, еще шагъ, и будетъ она подъ ея копытомъ,—но нѣтъ, увильнула въ сторону и вытянулась около корня кустика полыни, не обращая больше никакого вниманія на чуть не наѣхавшаго на нее всадника. Громадное пространство покрыто красной галькой, между которой прыгаютъ красные какъ кораллъ кузнечики. Изъ небольшого овражка выгнали сайгака; прыгнувъ вверхъ со всѣхъ четырехъ ногъ, онъ вихремъ уносится въ безпредѣльное пространство степи.

Попался на глаза сайгакъ, разскажу кстати охоту на него киргизовъ. Солнце печетъ такъ, что и лошадь, и всадникъ двигаются, понуря головы. Несчастный конь то и дѣло махаетъ головой, отфыркиваясь отъ мелкой мошкары, которая лѣзетъ ему въ носъ и въ уши, бьетъ въ землю копытомъ, машетъ хвостомъ, чтобы отогнать отъ своего, наболѣвшаго отъ укусовъ оводовъ тѣла. Тѣ же мученія испытываетъ отъ этихъ насѣкомыхъ и сайгакъ. Палимый лучами солнца, облѣпленный мошкарой и оводами, стоитъ онъ въ какой-нибудь лощинкѣ, опустивъ голову и закрывъ глаза. Въ такомъ состояніи сайгакъ подпускаетъ къ себѣ охотника на ружейный выстрѣлъ. Киргизъ-охотникъ пользуется этимъ временемъ и выѣзжаетъ охотиться на него со своимъ мултукомъ, устанавливаемымъ на сошки. Другой способъ охоты на сайгаковъ—болѣе слож-

ный и обыкновенно губитъ цѣлое стадо ихъ. Состоитъ онъ въ томъ, что прежде всего киргизъ выслѣживаетъ водопой этой антилопы, затѣмъ верстахъ въ двухъ впереди этого водопоя устраиваетъ четырехугольную изгородь изъ заостренныхъ толстыхъ стеблей рѣчного камыша. Изгородь эта устраивается слѣдующимъ образомъ: двѣ камышины втыкаются въ землю крестъ-накрестъ, а третья укрѣпляется между первыми двумя въ самомъ углу ихъ соединенія, направляясь остріемъ внутрь загороди. Изъ устроенныхъ такимъ образомъ звеньевъ, вышиною около аршина, составляется загородь въ 7 и 12 рядовъ, при чемъ одинъ рядъ отъ другого отстоитъ отъ $^3/_4$ аршина до 1 аршина и ограничиваетъ собою пространство, смотря по количеству экземпляровъ въ сайгачьемъ стадѣ, отъ 2 до 4 десятинъ. Въ той сторонѣ, съ которой сайгаки направляются на водопой, оставляется въ загороди проходъ саженъ въ 50 шириной; по фасамъ ея выкапываются ровики, въ которыхъ могли бы залечь участники охоты, кто съ ружьемъ, кто съ палкой, кто просто съ комомъ глины или камнемъ въ рукѣ. Изготовленная такимъ образомъ загородь называется по-киргизски «аранъ». Охотники залегли во рвы по фасамъ арана, нѣсколько сайгачьихъ чучелъ поставлены въ проходѣ его, а двое верховыхъ охотниковъ изъ какой-нибудь лощины или оврага ждутъ появленія самаго ядра сайгачьяго стада. Чуть только оно появится и начинаетъ приближаться къ водопою, оба верховыхъ стремительно выскакиваютъ изъ своей засады и, кружа по временамъ своихъ лошадей, махая руками и крича, несутся наперерѣзъ сайгачьему стаду. Сайгакъ, томимый жаждой, измученный оводами и мошкарой, неизмѣнно держась разъ избраннаго водопоя, видя въ проходѣ арана своихъ собратій и надѣясь на быстроту своихъ ногъ, старается прорваться къ водопою и попадаетъ въ средину загороди. Верховые занимаютъ ея проходъ. Бросился загнанный звѣрь къ одному фасу арана, оттуда летятъ въ него комки глины, камни, раздаются выстрѣлы, крики; у другого и третьяго тоже. Пометавшись изъ стороны въ сторону, сайгакъ въ страшномъ испугѣ порывается перепрыгнуть камыши, загораживающіе ему путь, но, не будучи въ силахъ этого сдѣлать, падаетъ въ 5—6, много 7-мъ ряду арана и натыкается на заостренные камыши. Теперь ужъ онъ никуда не двинется; довольно для него незначительнаго укола, чтобы онъ остался недвижно около той камышины, на которую наткнулся. Ножъ охотника оканчиваетъ дѣло.

Внизъ по Эмбѣ попадаются соляныя озера. Встрѣчая на пути солонцы, удивляешься, что и на такой безотрадной мѣстности по временамъ кипитъ жизнь. Громадное пространство солонцовъ, пока въ нихъ еще достаточно влаги, имѣетъ видъ грязной площади, на которую выпалъ снѣгъ, мѣстами онъ растаялъ, мѣстами еще держится. По мѣрѣ же того какъ вода испаряется, кристаллы соли все болѣе выдѣляются на

поверхности, и солонцы образуютъ въ концѣ-концовъ какъ бы сплошную ледяную поверхность, по которой разбросаны грязныя лужи. Несмотря на то, много небольшихъ стаекъ шилоклювокъ копошатся въ грязныхъ лужахъ соленой воды; тамъ и снмъ по берегу соляного озера торчитъ фигура одногорбаго верблюда вперемежку съ двугорбымъ. Любятъ они очень эти неприглядные солонцы. На сторонѣ слышится крикъ осла; присутствіе этихъ животныхъ указываетъ на близость кибитки кочевника, и дѣйствительно, вскорѣ мы натыкаемся на цѣлый рядъ кибитокъ кочующаго табынца, расположенныхъ за небольшимъ переваломъ, окружающимъ соляное озеро. Рѣзвыя стаи бульдуруковъ и карабауровъ то и дѣло срываются съ береговъ озера и спѣшатъ улетѣть подальше къ его срединѣ отъ спугнувшаго ихъ человѣка, оглашая окрестность своимъ характернымъ крикомъ.

Вотъ, наконецъ, и пески Исенъ-Чагыла, а за ними и западный берегъ Аральскаго моря. Пески эти, занимая сравнительно незначительное пространство въ длину и ширину, представляютъ собою прекрасное мѣсто для остановокъ путниковъ. Песокъ отличается способностью вбирать въ себя, если можно такъ выразиться, весь выпавшій на него снѣгъ. Снѣгъ выпадаетъ и покрываетъ собою песчаные барханы; вслѣдъ затѣмъ поднимается вѣтеръ; пески зашевелились, и снѣга на нихъ какъ не бывало. Вся степь покоится подъ болѣе или менѣе толстымъ слоемъ снѣга, а песчаные барханы снова высятся, какъ и прежде, безъ снѣжинки на своихъ сыпучихъ вершинахъ. Когда въ лѣтнее время вся степная равнина представляетъ изъ себя совершенно сухую поверхность, пески барханов сохраняютъ такую массу влаги, что мѣстами достаточно бываетъ руками выкопать неглубокую яму, какъ она наполняется уже водой,— она какъ бы выжимается изъ песка при копаніи его. Около песковъ Исенъ-Чагыла пасется ожерельчатая дрохва; заяцъ, много меньшій русака, «толай», перебѣгаетъ отъ одного куста полыни къ другому, плотно западая въ первую попавшуюся ямку при приближеніи путника. Огромныя стада бульдуруковъ и карабауровъ носятся отъ одного колодца къ другому. Изрѣдка попадается ящерица аршина до полтора длиною, которую можетъ догнать въ сыпучихъ пескахъ лишь одна пуля. Гоняясь за такой ящерицей верхомъ на лошади болѣе 10 минутъ, я совершенно потерялъ ее изъ виду за небольшимъ песчанымъ холмомъ,—такъ быстро она успѣла зарыться въ песокъ.

Иногда вниманіе путниковъ привлекаетъ чуть замѣтное облачко въ степи. Степь до того однообразна, что какъ-то невольно ничто не ускользаетъ въ ней отъ взгляда. Облачко растетъ и, наконецъ, обращается въ стадо кулановъ (степная лошадь). Куланъ величиной съ годовалаго жеребенка, уши у него немного больше лошадиныхъ. Масти соловой, на спинѣ имѣется темно-бурый ремень, грива короткая искрасна-черная,

конецъ короткаго хвоста покрытъ длинными черными волосами. Нерѣдко попадаются чубарые куланы (по рыжему фону бѣлыя пятна).

Легкость и быстрота бѣга кулана удивительны. Онъ какъ бы шутя, играя, удаляется отъ преслѣдующаго его охотника. Какъ ни скачи за нимъ, какой быстроты ни будь подъ сѣдокомъ лошадь, а разстояніе между нимъ и убѣгающимъ куланомъ постоянно остается одно и то же. Но вотъ видно своенравному животному надоѣло видѣть за собой хотя безполезную, но назойливую погоню,—онъ на минуту останавливается, какъ бы съ удивленіемъ оглядывается назадъ, затѣмъ, ударивъ себя хвостомъ по одному, другому боку, вскидываетъ задними ногами, еще минута—и передъ удивленнымъ человѣкомъ облачко пыли на далекомъ горизонтѣ показываетъ направленіе, по которому унеслось благородное животное.

Куланъ-жеребенокъ, только что пойманный, обыкновенно крайне довѣрчиво относится къ человѣку и, вскормленный молокомъ домашней кобылицы, дѣлается совершенно ручнымъ, идетъ на кличку, ѣстъ изъ рукъ сахаръ, охотно позволяетъ себя оглаживать и тогда только изъявляетъ желаніе укусить или лягнуть человѣка, когда ласкающая рука коснется хребта животнаго. Только что родившійся куланъ ничѣмъ почти не отличается отъ нашего жеребенка, на видъ онъ какъ будто бы неуклюжѣе его, что не мѣшаетъ однако ему быть очень игривымъ и ловкимъ. Киргизы по западному берегу Аральскаго моря и Усть-Урту охотятся на кулановъ и подкарауливаютъ ихъ, стрѣляя изъ ружей на тропахъ, по которымъ куланы слѣдуютъ на водопой. Морскую горько-соленую воду куланы пьютъ совершенно свободно, когда нѣтъ прѣсной воды. Западные берега Аральскаго моря, какъ я уже выше говорилъ, имѣютъ видъ утесовъ. Въ утесахъ этихъ есть тропинки, пробитыя куланами, по которымъ они и спускаются къ водопою. Выслѣдивъ такой водопой, киргизы-охотники подкарауливаютъ ихъ, засѣвъ за уступами известковыхъ береговыхъ утесовъ невдалекѣ отъ воды. Вотъ стадо кулановъ подошло уже къ водѣ и подъ карауломъ своего вожака-самца, не чувствуя никакой опасности, опустило свои морды къ водѣ. Нѣсколько выстрѣловъ, громкіе крики киргизовъ-охотниковъ—и рядъ пораженныхъ кулановъ бьется въ предсмертныхъ судорогахъ, а остальные въ страшномъ испугѣ бросаются въ морскую воду и, плывя вдоль берега, стараются избѣжать ожидающей ихъ участи. Плыть дальше не хватаетъ больше силъ, куланы выходятъ на берегъ и дѣлаются добычей киргизовъ, которые не переставали ихъ преслѣдовать. Мясо ихъ идетъ въ пищу, а шкура продается обыкновенно хивинцамъ.

Ранней весной, когда почва еще вязка, благодаря растаявшимъ снѣгамъ, куланъ скоро устаетъ отъ сильнаго бѣга. Киргизы пользуются этимъ временемъ и ловятъ кулановъ укрюками (длинная гибкая палка съ петлей изъ волосяного аркана на тонкомъ концѣ), преслѣдуя ихъ на лучшихъ своихъ скакунахъ.

Киргизы.

(По Зеланду, А. Краснову и др.)

По своей численности киргизы занимаютъ первое мѣсто среди кочевыхъ народовъ Азіи. Обыкновенно подъ этимъ названіемъ объединяютъ всѣ племена, кочующія въ обширныхъ степяхъ Средней Азіи отъ низовьевъ Волги до рѣки Иртыша. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ «киргизами» или кара-киргизами называется народъ, кочующій по сѣвернымъ склонамъ Тянь-Шаня; всѣ же остальные киргизы называются киргизъ-казаками. По языку, одеждѣ, обычаямъ, устройству жилья и образу жизни киргизы и киргизъ-казаки немногимъ отличаются другъ отъ друга, но по численности послѣдніе далеко превосходятъ первыхъ. Общее число кара-киргизовъ, подвластныхъ Россіи, не превышаетъ 300.000, тогда какъ численность киргизъ-казаковъ превышаетъ 3 милліона. Какъ тѣ, такъ и другіе представляютъ собою смѣсь различныхъ народностей кавказской и монгольской расъ; но кара-киргизы отличаются большей энергіей и воинственностью.

Киргизъ средняго роста, довольно строенъ, широкъ въ плечахъ, шея въ отличіе отъ монгола не коротка и не толста, грудь очень хорошо развита; кисти рукъ и ступни небольшія; тѣло крѣпкое, склонное къ ожирѣнію въ старости. Цвѣтъ кожи смуглый, волосы черные, прямые и довольно жесткіе, сѣдѣютъ поздно. Лицо довольно скуластое, съ темнымъ цвѣтомъ кожи и широкимъ носомъ, борода рѣдкая. Выраженіе лица бодрое. Жизнь въ степи съ рѣзкими перемѣнами температуры лѣта и зимы, дня и ночи закалила киргиза и сдѣлала его выносливымъ и мало чувствительнымъ къ холоду и жару. Киргизамъ, особенно кочующимъ по тянь-шаньскимъ хребтамъ, нерѣдко въ теченіе сутокъ приходится испытывать большія крайности температуры. Въ полдень онъ, можетъ быть, проѣзжаетъ по знойной степи, а къ вечеру возвращается на ночевку на такую высоту, гдѣ и лѣтомъ идетъ снѣгъ. Вообще можно сказать, что эти кочевники холоду подвергаются даже больше, чѣмъ жару. Съ этимъ легко согласиться, если представить себѣ, что такое зимняя вьюга въ степи и какъ мало тепла задерживается юртою и даже землянкой. Не менѣе замѣчательна и способность киргиза переносить голодъ и жажду. Та же жизнь въ степи развила въ киргизѣ превосходное обоняніе и слухъ, и острое зрѣніе. Киргизы слышатъ запахъ дыма въ степи на такихъ разстояніяхъ, что европейцу это кажется почти невѣроятнымъ.

Одежда киргизовъ состоитъ изъ длинной холщевой или бумажной рубашки, надѣваемой непосредственно на тѣло, широкихъ бумажныхъ или кожаныхъ штановъ и войлочныхъ чулокъ; затѣмъ халатъ съ длинными рукавами, кожаные сапоги, на бритой головѣ ермолка, поверхъ

которой надѣвается мѣховая шапка или остроконечная войлочная шляпа съ загнутыми кверху полями. Халатъ, смотря по состоянію, бываетъ бумажный, изъ армячины, иногда суконный или шелковый и стягивается поясомъ, украшеннымъ металлическими бляхами. Зимой бараній тулупъ и мѣховые же штаны. Женскій костюмъ во многомъ похожъ на мужской; на головѣ женщины носятъ бѣлый бумажный башлыкъ или платокъ. Волосы заплетаютъ въ косы, замужнія киргизки—въ двѣ косы, а дѣвушки—въ нѣсколько тонкихъ косичекъ, которыя висятъ по плечамъ и спинѣ; косы украшаются серебряными монетами и побрякушками.

Большую часть года киргизы живутъ въ юртахъ или кибиткахъ—войлочныхъ палаткахъ. Такая кибитка состоитъ изъ деревяннаго рѣшетчатаго разборнаго остова, образующаго кольцеобразную стѣну въ видѣ низкаго цилиндра; этотъ послѣдній обтягивается со всѣхъ сторонъ войлоками и покрывается сверху крышей конусообразной формы, образуемой слегка изогнутыми палками, которыя однимъ концомъ связываются со стѣнами, а другимъ прикрѣпляются къ кольцу, помѣщающемуся въ центрѣ. Обтянутыя кошмами, эти палки образуютъ сводообразную крышу съ круглымъ отверстіемъ для прохода дыма наверху, которое по желанію можетъ быть заткнуто кускомъ войлока. Когда рѣшетки, составляющія стѣны юрты, и палки, образующія ея потолокъ, связаны между собой и обтянуты войлоками, юрта имѣетъ видъ приплюснутаго сверху стога сѣна, и 3—4 человѣка могутъ легко переносить ее съ мѣста на мѣсто.

Необходимую принадлежность внутренняго убранства юрты составляетъ плетенка изъ травы чій; соломины чія, длиною въ человѣческій ростъ, переплетаются различно окрашенными шерстями и образуютъ цыновку, по внѣшнему виду напоминающую наши соломенныя шторы. Красота узора зависитъ отъ вкуса женщинъ, и иногда такія цыновки бываютъ очень недурны. Кусокъ войлока, подшитый чіемъ и спущенный сверху внизъ, закрываетъ входъ въ юрту. Иногда дверь бываетъ и деревянная. Свѣтъ проникаетъ въ юрту только чрезъ куполъ и чрезъ дверь; поэтому, когда то и другое закрыто, бываетъ темно. Пола нѣтъ, вмѣсто него на землю настилаютъ кошмы. Въ теплое время боковыя части кошмъ кругомъ поднимаются и куполъ открывается. Въ дождливую погоду въ юртѣ бываетъ непріятный войлочный запахъ, самый же дождь новыми плотными кошмами удерживается довольно хорошо. Мѣсто посрединѣ занимаетъ котелъ на треногѣ—домашній очагъ, а около стѣнъ бываетъ разложена домашняя утварь, посуда, деревянныя сѣдла, постели, а въ зажиточныхъ семьяхъ сундуки, погребцы, самовары русской работы или татарскіе кунганы.

Таковъ общій видъ юрты въ будничный день. Если же ожидаютъ прибытія гостя, юрта преображается. Особенно привлекательна юрта,

выставляемая спеціально для ожидаемаго гостя—чиновника и почетнаго киргиза. Въ этомъ случаѣ юрта освобождается отъ домашняго скарба, по стѣнамъ развѣшиваются ковры яркаго рисунка, стелются новыя кошмы; на почетномъ мѣстѣ разстилаются шелковыя одѣяла и кладутся подушки.

Юрты расположены какъ попало; издали ихъ можно принять за стога снѣга; около нихъ ржутъ кони, лаютъ собаки, трубятъ верблюды, играютъ голые или полуголые ребятишки. Кромѣ кучки навоза, кучки хвороста или бурьяна, какихъ-нибудь камней для временной кухни, никакихъ хозяйственныхъ приспособленій нѣтъ. Конюшенъ и хлѣвовъ не полагается, но молодыхъ животныхъ въ большіе морозы берутъ въ кибитку, и тогда, конечно, внутренность ея не отличается ни чистотою воздуха, ни опрятностью пола.

Главное занятіе киргиза—скотоводство. Кромѣ лошадей, киргизы держатъ коровъ, овецъ, козъ и верблюдовъ. Животныя эти даютъ киргизу въ пищу молоко и мясо, а на одежду—шкуру и шерсть; лошадь служитъ преимущественно для верховой ѣзды. Киргизскій баранъ ростомъ больше всѣхъ другихъ барановъ; вмѣсто хвоста у него такъ называемый курдюкъ. Курдюкъ представляетъ изъ себя огромную массу сала, фунтовъ до 40, сверху онъ покрытъ шерстью, снизу голый. Потѣшное зрѣлище представляетъ баранье стадо, когда оно чего-нибудь испугалось и убѣгаетъ. Шерсть киргизскаго барана груба и употребляется для валки кошмъ и выдѣлки ковровъ. Войлоки или кошмы валяются слѣдующимъ образомъ. На плетенки изъ чія насыпается волосъ, поливаемый водою. Выровнявъ поверхность и придавъ нужную форму, чіевую плетенку свертываютъ трубкою, сильно уколачиваютъ и потомъ катаютъ, поперемѣнно свертывая и развертывая приборъ, пока волосъ не сляжется въ плотный войлокъ. Смотря по величинѣ, такая кошма на мѣстѣ стоитъ отъ полутора до четырехъ рублей. Зимой по небольшому снѣгу баранъ самъ отыскиваетъ себѣ кормъ. Когда же снѣгъ настолько глубокъ, что ходить барану на подножномъ корму не представляется болѣе возможнымъ, то киргизъ выкапываетъ въ снѣгу ровъ шириною нѣсколько больше длины барана и такой длины, чтобы въ немъ могли помѣститься и кормиться подножнымъ кормомъ, стоя рядомъ и не мѣшая другъ другу, всѣ его бараны. Снѣгъ изъ такого рва выбрасывается къ сторонѣ вѣтра, и баранъ такимъ образомъ не только получаетъ достаточный для себя кормъ, но еще и укрытіе отъ вѣтра. Мясо киргизскаго барана, зарѣзаннаго и свареннаго въ степи самимъ киргизомъ, очень вкусно, а въ особенности молодого барана. Изъ молока овцы киргизъ приготовляетъ особый родъ сыра—«крутъ». Для полученія его устраиваютъ въ землѣ яму, имѣющую видъ цифры 8. Надъ однимъ изъ отверстій ставится котелъ, въ другое накладывается топливо. Когда сы-

воротка укипитъ до полученія густой массы, ее вынимаютъ и высушиваютъ, сминая въ плотные комья. Такой сыръ твердъ какъ камень и кисловатъ на вкусъ. Растеревъ его въ порошокъ и растворивъ въ водѣ, киргизъ получаетъ прохладительный напитокъ, прекрасно утоляющій жажду.

Еще большее значеніе въ хозяйствѣ киргиза имѣетъ верблюдъ, который у киргизовъ бываетъ двухъ породъ—одногорбый и двугорбый; одногорбый верблюдъ по своей силѣ и выносливости, впрочемъ, предпочитается двугорбому. Обѣ породы очень неприхотливы, способны долгое время оставаться безъ воды, а благодаря своимъ упругимъ, широкимъ, мягкимъ подошвамъ, свободно, не увязая, могутъ ходить по сыпучимъ пескамъ. Верблюдъ поитъ, кормитъ, одѣваетъ киргиза, перетаскиваетъ на спинѣ своей съ мѣста на мѣсто его семью, его кибитку со всей принадлежащей ему рухлядью. Одногорбый верблюдъ несетъ на спинѣ груза среднимъ числомъ 18 пудовъ, двугорбый—меньше. Управляютъ верблюдомъ помощью особаго прибора, называемаго «мурундукъ». По второму году у верблюженка носовой хрящъ прокалывается ножомъ, сквозь него продѣвается деревянный гвоздь, по формѣ своей схожій съ желѣзнымъ гвоздемъ; къ тонкому концу гвоздя привязывается веревка, которою киргизъ и управляетъ верблюдомъ во время ѣзды на немъ. Къ холоду верблюдъ очень чувствителенъ, а потому зимою тщательно укрывается толстыми кошмами. По небольшому снѣгу верблюдъ самъ отыскиваетъ себѣ кормъ; во время же очень сильныхъ морозовъ или сильныхъ снѣговъ держится около землянки и прокармливается тѣми запасами сѣна, которые киргизъ себѣ заготовилъ, при чемъ не пренебрегаетъ ни тальникомъ, ни камышомъ, ни степной осокой. Вообще верблюдъ въ состояніи ѣсть такія травы и колючія растенія, какихъ ни одно изъ другихъ жвачныхъ животныхъ не рѣшится попробовать, какъ бы голодно ни было.

Киргизы до сихъ поръ народъ по преимуществу кочевой, хотя нужда заставила ихъ заняться и земледѣліемъ. Лишь только снѣгъ начинаетъ стаивать, киргизы предпринимаютъ свой обычный ежегодный переходъ. Эти перекочевки скорѣе обусловливаются многовѣковой привычкой, чѣмъ поисками лучшихъ пастбищъ. Каждый родъ или аулъ изъ году въ годъ слѣдуетъ по одному и тому же пути, останавливаясь у тѣхъ же ключей и колодцевъ, у которыхъ останавливались его предки сотни лѣтъ тому назадъ, и постоянно возвращаясь на зимовку въ одно и то же мѣсто. Горные киргизы съ наступленіемъ весны перекочевываютъ въ степь, а лѣтомъ поднимаются въ горные альпійскіе луга, которые носятъ названіе «джайлау».

Забота о перекочевкѣ лежитъ всецѣло на женщинѣ. Барановъ за нѣсколько часовъ посылаютъ впередъ по условленной дорогѣ, избран-

ной главою семьи. Эти животныя двигаются медленно; при ихъ безтолковости гнать ихъ весьма хлопотливо и потому перекочевку стараются расположить такъ, чтобы нагнать барановъ только къ концу пути. Верблюды, лошади и коровы кочуютъ вмѣстѣ съ ауломъ.

Во время передвиженія аула отецъ семейства играетъ пассивную роль. Его дѣти и жена должны гнать барановъ, наблюдать за табунами; онъ же обязанъ позаботиться, чтобы какъ слѣдуетъ были собраны и навьючены юрты и домашняя утварь. Женщины кочуютъ на особенно красиво убранныхъ и осѣдланныхъ лошадяхъ, нерѣдко въ праздничныхъ одеждахъ. Для дѣвушекъ это дѣйствительно, несмотря на всѣ хлопоты, праздничное время. Только теперь имѣютъ онѣ возможность поджигитовать на лошадяхъ, показать свою ловкость; и вотъ, отставши версты на двѣ отъ своихъ, онѣ пускаютъ вскачь коней, стремясь перегнать одна другую. Перекочевка иногда длится нѣсколько дней. Ставить юрту каждую ночь хлопотливо и послѣ длиннаго пути утомительно. Поэтому ограничиваются тѣмъ, что изъ рѣшетокъ стѣнъ, ставя ихъ подъ угломъ, подобно картамъ карточныхъ домиковъ, и покрывая кошмами, устраиваютъ нѣчто въ родѣ палатки для нѣсколькихъ человѣкъ, гдѣ и располагаются спать.

По водвореніи на мѣстѣ лѣтней кочевки наступаетъ самое веселое и лучшее время жизни киргиза. Лошади окончательно входятъ въ тѣло. Трудно повѣрить, что эти жирныя красавицы съ лоснящеюся шерстью, длинными гривами и гордою поступью—тѣ же самыя лошади, которыя еле дотащились сюда съ зимнихъ кочевокъ. Теперь наступаетъ время кумыса. Исключая кобылицъ и жеребятъ, табунъ угоняется на лучшія пастбища; жеребята же остаются при аулахъ, привязанные около юртъ. Кобылы пасутся поблизости. Ихъ ежедневно доятъ, и въ это время кумысъ постоянно фигурируетъ за столомъ мало-мальски зажиточнаго киргиза. Кумысъ приготовляютъ въ особыхъ кожаныхъ мѣшкахъ—«турсукахъ», выдѣлываемыхъ обыкновенно изъ цѣльной шкуры барана; турсуки, изготовленные изъ бычьей, лошадиной или верблюжьей шкуры, носятъ названіе «саба».

Въ готовый турсукъ вливается свѣжее кобылье молоко и въ отверстіе, соотвѣтствующее шеѣ животнаго, вставляется деревянная палка, очищенная отъ коры. Киргизка время отъ времени палкой этой болтаетъ молоко, и чѣмъ чаще болтаетъ его, тѣмъ лучшаго качества получается кумысъ. Когда молоко достаточно окисло, то черезъ одно изъ нижнихъ, соотвѣтствующихъ заднимъ ногамъ животнаго отверстій, завязываемыхъ волосяными веревочками, кумысъ наливается передъ употребленіемъ его въ большую деревянную чашку, при чемъ киргизка или киргизъ, которые занимаются наливаніемъ кумыса, каждый разъ, наливъ кумысъ, обсасываютъ очень старательно то отверстіе, изъ котораго его наливали.

Обыкновенно лѣто—это время визитовъ. Лѣтомъ ѣздятъ другъ къ другу въ гости, устраиваютъ игры и увеселенія. Гостепріимство очень развито у киргизовъ. Хозяинъ, завидѣвъ знакомаго всадника, выѣзжаетъ къ нему навстрѣчу и, послѣ обычнаго селяма, провожаетъ до юрты. Къ подъѣзжающему выбѣгаютъ джигиты или сыновья и помогаютъ слѣзть съ лошади, которую немедленно отводятъ и привязываютъ къ сосѣднему

Киргизская дѣвушка.

дому. Между тѣмъ вошедшаго гостя сажаютъ на почетное мѣсто. Жена разспрашиваетъ его о здоровьи, какъ личномъ, такъ и всей семьи, послѣ чего идетъ хлопотать объ угощеніи, тогда какъ хозяинъ переходитъ къ новостямъ дня, которыхъ жаждетъ услышать отъ пріѣхавшаго или не прочь сообщить самъ. До сплетенъ и новостей киргизы большіе охотники; всякая новость, какъ по телеграфу, облетаетъ всю степь и, конечно, нерѣдко искажается до неузнаваемости. При большихъ съѣздахъ бываютъ джигитовки и борьба, но такими увеселеніями обыкновенно сопро-

вождаются только свадьбы или поминки. Чаще же гость или играетъ или слушаетъ пѣніе и игру на балалайкѣ, отличающейся отъ нашей болѣе длинною шейкой. Стихи поются по большей части импровизированные, но на извѣстный мотивъ. Рѣже играютъ въ разныя игры или карты, которыя начинаютъ находить поклонниковъ и здѣсь.

Но вотъ наступаетъ осень, и степной житель начинаетъ заботиться о приготовленіи себѣ зимняго пристанища; аулъ возвращается на мѣсто зимовки, а горные киргизы перекочевываютъ снова изъ горъ въ степь. Бѣдные киргизы зимой живутъ въ землянкахъ, матеріаломъ для постройки которыхъ служатъ глина, камышъ и липовыя жерди. Поверхъ камышевой крыши наваливается большей или меньшей толщины слой навоза съ землей, и затѣмъ все это смазывается глиной. Къ такой землянкѣ пристраиваются обыкновенно сѣни, въ которыхъ помѣщается крупный скотъ; къ сѣнямъ, въ свою очередь, лѣпятся помѣщенія для мелкаго скота. Попавъ въ этотъ лабиринтъ подпорокъ, перегородокъ то изъ дерна и глины, то изъ плетня, трудно сразу увидать ту дверь, которая ведетъ въ жилище хозяина. Внутренность такой землянки еще непригляднѣе. У одной изъ боковыхъ стѣнъ виднѣются 1—2 сундука, на которыхъ сложено все остальное богатство землянки въ видѣ запасныхъ ковровъ, кошмъ, одѣялъ и халатовъ; для вѣшанія сбруи, сѣделъ и веревокъ по стѣнамъ набиты колышки. Ступа для толченія проса, закоптѣлый, зеленый отъ плѣсени самоваръ, 2—3 деревянныхъ чашки, проржавѣвшій подносъ съ рядомъ чайныхъ чашекъ на немъ— дополняютъ убранство. Съ наступленіемъ темноты является жестяная керосиновая лампочка, очень часто безъ стекла, которая зажигается и ставится куда-нибудь на окно или печь; коптитъ она и пахнетъ керосиномъ немилосердно. Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, кто-нибудь изъ семьи лѣзетъ со двора на крышу, чтобы закрыть для большаго тепла трубу старымъ мѣшкомъ или кошмой; несмотря на эту предосторожность, къ утру въ землянкѣ дѣлается очень холодно, а духота конечно нестерпимая.

Киргизъ болѣе состоятельный строитъ землянку бо́льшихъ размѣровъ; у него есть уже деревянная кровать, встрѣчаются и зеркало, и столъ, и стулъ. Самоваръ не такъ грязенъ, лампа не такъ коптитъ. Передъ гостемъ во время ѣды разстилается довольно чистая скатерть. Въ самое послѣднее время нѣкоторые зажиточные киргизы начинаютъ строить и деревянныя избы, и вообще, въ зависимости отъ увеличивающагося земледѣлія, ускоряется переходъ изъ кочевого состоянія въ осѣдлое.

Хлѣбопашествомъ занимаются теперь уже многіе киргизы. Способъ земледѣлія первобытный. Одни и тѣ же поля безъ удобренія засѣиваютъ нѣсколько лѣтъ сряду, потомъ оставляютъ на 4—5 лѣтъ, вслѣдствіе обилія сорныхъ травъ, которыя послѣ нѣсколькихъ лѣтъ посѣвовъ уси-

ливаются настолько, что заглушаютъ хлѣба. Явленіе это стоитъ отчасти въ связи съ несовершеннымъ способомъ обработки земли. Соху представляетъ кусокъ дерева съ желѣзнымъ наконечникомъ безъ отвала, а вмѣсто бороны служатъ древесные сучья. При всемъ томъ дѣвственная земля даетъ хорошіе урожаи. Сѣютъ преимущественно просо, но кромѣ того немного пшеницы и ячменя. Причина такого предпочтенія проса передъ другими хлѣбами та, что продуктъ этотъ представляетъ возможность обрабатывать его самымъ первобытнымъ способомъ, не выходя изъ жилого помѣщенія. Для этого въ каждой киргизской семьѣ имѣется деревянная ступа. Захотѣлось семьѣ ѣсть, тотчасъ же одна изъ женщинъ беретъ нужное количество проса, промываетъ и варитъ его въ водѣ, затѣмъ кладетъ въ горячій котелъ для просушки. Чтобы не дать просу подгорѣть, а лишь должнымъ образомъ поджариться, мѣшаютъ его ложкой. Послѣ просушки кто-нибудь изъ мужчинъ устанавливаетъ на земляной полъ ступу, береть въ руки большой деревянный пестъ, засыпаетъ въ ступу просо и начинаетъ его толочь. Въ котлѣ между тѣмъ закипаетъ молоко или вода; засыплютъ въ него толченаго проса, и готова киргизская похлебка. Изъ пшеничной муки на бараньемъ салѣ жарится такъ называемый «боурсакъ». Чтобы приготовить его, валяютъ изъ муки длинныя колбасики и, разрѣзавши ихъ на кусочки, поджариваютъ на огнѣ.

Вообще, можно сказать, что воздѣлываніе земли подъ пашни у киргизовъ—дѣло укрѣпившееся.

Всѣ киргизы—магометане-сунниты, но у нихъ нѣтъ обычнаго фанатизма магометанъ, скорѣе они относятся къ религіознымъ вопросамъ съ безразличіемъ, и только въ послѣднее время исламъ пускаетъ болѣе глубокіе корни. На ряду съ этимъ сохранилось много и языческихъ обычаевъ и суевѣрій. Одними изъ важнѣйшихъ распространителей магометанства среди киргизовъ являются татары и устраиваемыя послѣдними школы, въ которыхъ учатъ муллы. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ подобнымъ муллою бываетъ грамотный казанскій татаринъ или сартъ, набѣдокурившій въ городѣ и принужденный бѣжать отъ преслѣдованія въ степь. Такого рода проходимецъ снискиваетъ себѣ пропитаніе въ степи, обучая ребятъ и получая за то какъ должное вознагражденіе, такъ и столъ и кровъ у ихъ родителей. Понятно, что онъ заинтересованъ въ томъ, чтобы сдѣлать курсъ обученія возможно болѣе длиннымъ. Собирая по нѣскольку ребятишекъ вмѣстѣ, такой мулла устраиваетъ кочующую школу, которая и слѣдуетъ за ауломъ.

Дѣти учатся долго и безъ всякаго пониманія, всѣ вслухъ, перекрикивая другъ друга, почему магометанская школа похожа на жужжащій улей пчелъ. Обученіе въ громадномъ большинствѣ случаевъ ограничивается чтеніемъ. Научившійся читать киргизъ уже зовется муллою. Вмѣстѣ съ грамотностью онъ усвоиваетъ отъ своего учителя множество

предразсудковъ, пріобрѣтаетъ большую долю фанатизма, отвращеніе отъ христіанскихъ и русскихъ обычаевъ и громадное самомнѣніе. Русскихъ школъ мало и русское вліяніе сравнительно ничтожно.

Киргизская байга.

(А. Ивановскаго.)

«Байга, байга!..» Достаточно, чтобы это слово вырвалось изъ устъ какихъ-нибудь богатыхъ киргизовъ, рѣшившихъ устроить по своемъ умершемъ родственникѣ «асъ» (поминки) съ байгой, какъ вѣсть о ней съ неимовѣрной быстротою полетитъ сейчасъ же по всѣмъ направленіямъ широкой киргизской степи. Она живо облетитъ всѣ аулы, богатые и бѣдные, проберется во всѣ ущелья горъ, самыя отдаленныя и глухія, чтобы и ихъ обитатели, непроходимостью дорогъ почти отрѣзанные отъ всего остального киргизскаго міра, постоянно видящіе только горы да небо, небо да горы, слышащіе только блеянье овецъ, ржанье лошадей да жалобные крики верблюдовъ, чтобы и они знали о готовящейся байгѣ...

И всѣ встрепенутся, какъ бы оживутъ, проснутся отъ долгой спячки. Слово «байга» будетъ произноситься не одною тысячею устъ, имъ будутъ привѣтствовать другъ друга при встрѣчахъ, вмѣсто обычнаго «аманъ-ба» или «малъ джанъ аманъ-ба», съ нимъ будутъ и прощаться. Кто начнетъ самъ готовиться къ байгѣ, кто готовитъ своихъ «бѣгунцовъ» къ бѣгу, кто, если онъ борецъ, упражнятъ свою силу и ловкость; пѣвецъ чаще будетъ браться за свою двухструнную «домбру» (родъ балалайки), повторяя подъ ея аккомпанементъ весь репертуаръ знакомыхъ ему пѣсенъ или составляя новыя спеціально для предстоящей байги...

Что же привлекаетъ къ себѣ такое вниманіе, что заставляетъ иныхъ проѣхать иногда сотни верстъ, чтобы только посмотрѣть на байгу? Прежде всего байга—довольно рѣдкое событіе въ киргизской жизни; соединенные съ устройствомъ ея многотысячные расходы подъ силу немногимъ, и только самые богатые, самые знатные киргизы могутъ почтить ею память своего умершаго родственника. Такимъ образомъ въ жизни каждаго киргиза оно можетъ случиться только разъ, много два, а бываетъ и такъ, что извѣстное поколѣніе проживетъ и умретъ, и совсѣмъ не видавъ байги. Вдобавокъ и въ богатомъ и знатномъ родѣ она устраивается только въ память большею частью представителя рода. Со дня смерти поминаемаго лица до байги должно протечь не менѣе 40 дней и не болѣе года, смотря по тому, въ какое время умерло оно, такъ какъ байга всегда устраивается въ лѣтніе мѣсяцы, обыкновенно въ іюлѣ или августѣ. О времени байги возвѣщается за мѣсяцъ или за

два. Къ болѣе или менѣе виднымъ родственникамъ умершаго и къ знатнымъ киргизамъ, въ знакъ особаго уваженія къ нимъ, посылаются устроителями байги послы съ приглашеніемъ не оставить поминокъ своимъ посѣщеніемъ; большинство же ѣдетъ на байгу безъ всякихъ приглашеній. Въ почетномъ приглашеніи богатыхъ родственниковъ не послѣднее мѣсто занимаетъ и чисто матеріальный расчетъ: такіе родственники являются значительнымъ подспорьемъ устроителямъ байги, внося на расходы свою посильную лепту, а расходы эти весьма и весьма крупные.

Остается три-четыре дня до байги, и уныло однообразная степь оживаетъ. Со всѣхъ сторонъ по направленію къ мѣсту байги потянутся разношерстныя группы киргизовъ, оглашающихъ воздухъ своими оживленными разговорами; они до тонкости разберутъ знатность рода покойника, оставленное имъ наслѣдство, щедрость или скупость наслѣдниковъ и впередъ дадутъ почти безошибочную оцѣнку предстоящей байгѣ. Однѣ группы ѣдутъ налегкѣ, захвативъ съ собою только для необходимой перемѣны праздничное платье, за другими идутъ цѣлые караваны верблюдовъ, грузно навьюченныхъ частью платьемъ, частью разными подарками родственникамъ покойнаго, а главнымъ образомъ нѣсколькими десятками турсуковъ съ кумысомъ. У киргизовъ существуетъ обычай привозить съ собою на подобнаго рода многолюдныя сборища какъ можно болѣе кумыса. Обычай этотъ вызывается тѣмъ, что сколько бы хозяева ни наготовили кумыса, его всегда будетъ недостаточно удовлетворить тысячи желудковъ, способныхъ принимать этого напитка неимовѣрное количество: есть киргизы, выпивающіе его въ день по ведру и болѣе.

За день до байги всѣ собираются на назначенное мѣсто. И поистинѣ поражающая картина открывается глазамъ наблюдателя! На томъ мѣстѣ, гдѣ назадъ тому нѣсколько дней царила безмолвная тишина, гдѣ спокойно покачивался серебристый чій, поигрывая ударяющимися въ него солнечными лучами, гдѣ не было ни одного живого существа — развѣ изрѣдка только пробѣгалъ заяцъ, спасаясь отъ одного изъ многочисленныхъ своихъ враговъ, да жаворонокъ заливался пѣсней,—теперь на пространствѣ кругомъ въ 6—7 верстъ раскинуты сотни разнообразныхъ юртъ, горятъ десятки костровъ, представляющихъ ночью эффектную иллюминацію, далеко разносится запахъ варящагося мяса; слышатся голоса тысячъ людей, лай собакъ, блеянье овецъ, мычаніе коровъ, ржаніе лошадей, уныло-протяжные крики верблюдовъ,— все это сливается въ одинъ общій хаотическій гулъ, далеко потрясающій воздухъ.

Но вотъ наступаетъ и самый день поминокъ и байги, день величайшаго киргизскаго празднества. Раннимъ утромъ всѣ собравшіеся, предводительствуемые муллами и родственниками покойнаго, отправляются на могилу его (байга устраивается обыкновенно неподалеку отъ могилы).

Здѣсь, прослушавъ чтеніе нѣсколькихъ молитвъ изъ корана, приличныхъ случаю, и плачевныя пѣсни по умершему нарочно приглашенныхъ для этого пѣвцовъ, всѣ опять возвращаются въ юрты. Часовъ въ 8—9 слѣдуетъ угощеніе всѣхъ собравшихся. Еще съ вечера хозяевами было заколото нѣсколько десятковъ лошадей и не одна сотня барановъ. Мы не будемъ удивляться этому, кажущемуся на первый взглядъ неимовѣрнымъ количеству, если вспомнимъ, что нужно насытить нѣсколько (отъ 5—10) тысячъ человѣкъ, и примемъ во вниманіе тотъ аппетитъ киргиза, съ какимъ онъ обыкновенно уничтожаетъ все подаваемое ему. Находятся между ними такіе, которые въ состояніи съѣсть буквально цѣлаго барана; находятся, хотя и чрезвычайно рѣдко, даже и такіе, что съѣстъ одного барана да спроситъ, нѣтъ ли еще другого. Сваренное мясо хранилось ночью въ отдѣльныхъ юртахъ. Такъ какъ при многочисленности юртъ и разбросанности ихъ нерѣдко не на одну версту было бы слишкомъ утомительно и долго разносить его по юртамъ, то оно обыкновенно развозится верховыми, изъ которыхъ каждый, захвативъ объемистую деревянную чашку и мѣшокъ, наполненный мясомъ, везетъ его въ какую-нибудь юрту, ставитъ тамъ чашку и высыпаетъ въ нее изъ мѣшка мясо. Мясо за ночь успѣваетъ уже остынуть и подается холоднымъ или немного тепловатымъ. Горячее мясо подаютъ только въ ту юрту, гдѣ собралась, такъ сказать, высшая аристократія киргизовъ, т.-е. ханы, султаны, біи; тутъ же находятся и ближайшіе родственники умершаго. Со стороны хозяевъ нуженъ большой тактъ и умѣнье разсадить гостей такъ, чтобы каждый считалъ себя на своемъ мѣстѣ. Посадить когонибудь ниже, чѣмъ слѣдуетъ, считается кровной обидой, обидой цѣлаго рода въ лицѣ его представителя, и можетъ вызвать весьма плачевныя послѣдствія. Когда гости разсядутся, прислуга приноситъ мясо, выбранное обыкновенно изъ лучшихъ частей, а передъ самымъ почетнымъ гостемъ ставятъ голову убитаго животнаго. Начинается ѣда при глубокомъ молчаніи вкушающихъ, прерываемомъ изрѣдка словами: «тайныръ джайлгазем» (покорно благодарю), обращенными кѣмъ-либо изъ гостей къ первенствующему члену, въ случаѣ если онъ, желая показать свое благорасположеніе, вложитъ ему въ ротъ своими жирными пальцами кусочекъ мяса. Принесенное мясо съѣдено; подаютъ кумысъ; является «акомъ» (пѣвецъ) и въ то время, когда всѣ займутся питьемъ кумыса, начинаетъ пѣть заранѣе имъ уже составленную «хвалебную пѣснь» въ честь умершаго. Она состоитъ почти изъ сухого перечня различныхъ эпитетовъ, которыми пѣвецъ хочетъ указать на то или другое качество умершаго, при чемъ, по мнѣнію пѣвца, чѣмъ значеніе эпитета малоизвѣстнѣе или вовсе неизвѣстно слушающимъ, тѣмъ большую цѣну имѣетъ этотъ эпитетъ, хотя бы онъ иногда ничего не означалъ или былъ совершенно безсмысленъ. Такъ, воспѣвая прежде всего наружность умершаго, онъ

говоритъ: «ты былъ, какъ гора; ты былъ, какъ жеребая кобылица (чѣмъ очевидно указывается на тучность покойника); сопѣлъ ты, какъ самоваръ, пыхтѣлъ, какъ пароходъ, бѣгалъ, какъ летящій иноходецъ» (послѣднее, въ видахъ только что описанной пѣвцомъ тучности покойника, довольно сомнительно) и т. п. Затѣмъ, указывая на нравственныя качества, онъ поетъ: «ты былъ жалостливѣе верблюдицы, потерявшей своего дѣтеныша; твои руки протягивались на нѣсколько верстъ, твои ноги дѣлали шагъ во сто локтей (этимъ онъ указываетъ на его всегдашнюю готовность помочь ближнему и на скорость этой помощи); глаза твои видѣли черезъ горы, видѣли всѣхъ несчастныхъ тамъ, и ты помогалъ имъ» и т. д. Между эпитетами встрѣчаются и такіе, которые рѣшительно отказываешься понять, къ какому качеству умершаго они относятся; такъ, напр., «ты былъ, какъ жареная индѣйка; ты сладокъ, какъ аракъ», т.-е. водка...

Наконецъ, гости выпили кумысъ, и пѣвецъ отправляется по другимъ юртамъ, восхваляя и тамъ покойника. Послѣ кумыса гостямъ опять подали мясо, которое они опять запиваютъ кумысомъ. Питьемъ кумыса и закончилось все угощеніе гостей. Послѣ того слѣдуетъ состязаніе пѣвцовъ-импровизаторовъ. Но это время выбрано для состязателей самое неблагопріятное, и они привлекаютъ къ себѣ весьма незначительную сравнительно группу слушателей. Дѣло въ томъ, что черезъ какой-нибудь часъ должна начаться самая байга, долженъ начаться бѣгъ лошадей, приведенныхъ сюда изъ разныхъ уѣздовъ и областей, и всѣ съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждутъ назначенія мѣста, откуда должны пустить «бѣгунцовъ». Назначеніе этого мѣста зависитъ отъ распорядителей байги и сохраняется ими втайнѣ до самаго момента начала бѣга. Это дѣлается въ слѣдующихъ видахъ. Естественное желаніе каждаго участвующаго въ байгѣ получить призъ нерѣдко влечетъ за собой всевозможнаго рода ухищренія со стороны владѣльцевъ «бѣгунцовъ» и крайне отважныя выходки. Если о мѣстѣ байги объявлено задолго до нея, они убѣгаютъ впередъ съ подставными лошадьми, прячутъ ихъ тамъ или за какимъ-нибудь кустикомъ, если онъ есть, или за кучей наваленнаго чія, или, наконецъ, въ нарочно вырытой для этого ямѣ. Затѣмъ, когда съ ними поровняются «бѣгунцы», они выскакиваютъ изъ-за засады, подбѣгаютъ каждый къ своей лошади, участвующей въ бѣгѣ, и начинаютъ немилосердно хлестать ее нагайками, отгоняя въ то же время другихъ лошадей, или же съ уставшей лошади пересаживаютъ сѣдока на свѣжую, а сѣдоковъ чужихъ лошадей стараются стащить съ нихъ. Но подбѣгаютъ хозяева этихъ лошадей, и начинается страшнѣйшая схватка, почти всегда кончающаяся кровопролитіемъ. Чтобы устранить подобнаго рода схватки, распорядители байги и держатъ втайнѣ назначеніе мѣста ея до тѣхъ поръ, пока не наста-

нетъ самое время бѣга. Настаетъ, наконецъ, для всѣхъ желанный моментъ объявленія о мѣстѣ байги. Выѣзжаютъ нѣсколько верховыхъ, держа въ рукахъ длинную палку, на концѣ которой привязанъ красный платокъ, и, объѣзжая юрты, выкрикиваютъ: «атъ чегаръ, атъ чегаръ» (выпускайте лошадей). Всѣ выводятъ своихъ лошадей, сажаютъ на нихъ мальчиковъ отъ 10 до 15 лѣтъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ, съ повязанными платкомъ головами. Когда всѣ соберутся, являются распорядители и начинаютъ дѣлить всѣхъ «бѣгунцовъ», число которыхъ доходитъ до нѣсколькихъ сотъ, на два разряда: на «бѣгунцовъ» для такъ называемой «улькунъ-байге» (большой скачки) и «бѣгунцовъ» для «кунанъ-байге» (скачки жеребятъ); для первой выбираются лошади старше 3-хъ лѣтъ, для второй—моложе. Разстояніе для «улькунъ-байге» назначается отъ 30 до 40 верстъ, а для «кунанъ-байге»—отъ 10 до 12. Когда всѣ лошади разсортированы, впередъ выступаетъ самый старшій изъ рода покойнаго, главный распорядитель байги, и объявляетъ число и цѣнность назначенныхъ призовъ. Голоса смолкаютъ, гулъ стихаетъ, наступаетъ полнѣйшая тишина; только слышатся какъ-то особенно торжественно выкрикиваемыя распорядителемъ названія призовъ.

Чтобы не слишкомъ длинными показались часы томительнаго ожиданія возвращенія «бѣгунцовъ», въ этотъ промежутокъ времени устраивается обыкновенно борьба и разнаго рода зрѣлища. Борьба начинается съ слабѣйшихъ. Каждые борцы борются до трехъ разъ. Поборовшій два раза считается побѣдителемъ. За побѣжденнаго вступается другой борецъ, сильнѣе, и т. д., до тѣхъ поръ, пока пальма первенства не останется, наконецъ, за какимъ-нибудь однимъ богатыремъ. Борцы, схвативши другъ друга за пояса, ходятъ обыкновенно довольно долго, напирая плечомъ одинъ на грудь другого, и при борьбѣ ихъ не столько значитъ ловкость, сколько дѣйствительная сила. Нѣтъ при этомъ ничего позорнѣе, ничего оскорбительнѣе для павшаго въ борьбѣ киргиза, какъ если противникъ, поборовъ его, перешагнетъ черезъ него да вдобавокъ, перешагивая, еще присядетъ надъ его физіономіей...

Изъ зрѣлищъ обычны слѣдующія.

Во-первыхъ, доставать ртомъ серебряныя монеты изъ большого чана, наполненнаго простоквашей. Ставится чанъ, наливаютъ его полный простоквашей, подсыпаютъ иногда въ нее нюхательнаго табаку, бросаютъ туда монету, и охотники должны доставать ее, не прибѣгая къ помощи рукъ, а только ртомъ. Иной только что успѣетъ окунуть въ простоквашу свою голову, какъ тотчасъ же, захлебнувшись ею, вскакиваетъ и, при общихъ насмѣшкахъ и хохотѣ, безпрестанно чихая отъ попавшаго въ носъ табаку, съ криками: «ой бой, ой бой, джаманъ!» бѣжитъ къ водѣ обмываться. Другой, и найдя монету, не можетъ взять ее, долго водя передъ собой носомъ по круглому дну чана. Болѣе

же опытный, какъ только найдетъ монету, сейчасъ же большимъ глотокомъ захватываетъ въ этомъ мѣстѣ въ ротъ простоквашу, а вмѣстѣ съ нею обыкновенно вытаскиваетъ и самую монету, но бываетъ и такъ, что захвативши полный ротъ простокваши долго потомъ выпускаетъ ее изо рта на руки, тщетно ожидая, когда глаза его увидятъ такъ дорого стоившій ему серебряный. Когда же при напряженномъ вниманіи, устремленномъ на него публикой, онъ выпуститъ уже всю простоквашу, а серебрянаго все нѣтъ, то раздаются насмѣшливые крики: «проглотилъ, проглотилъ, полѣзай снова за другимъ». Находятся для потѣхи публики такіе, которые, прежде чѣмъ окунуться въ чанъ, надѣваютъ треухій малахай (тумакъ) и затѣмъ уже погружаютъ въ простоквашу голову; треухъ наполнится простоквашей; киргизъ, быстро вскочивъ, начинаетъ махать имъ въ разныя стороны, обдавая всѣхъ вблизи стоящихъ цѣлымъ дождемъ простокваши, и въ то время, когда тѣ, спасаясь, бросятся бѣжать, вынимаетъ изъ чана серебряный руками, увѣряя потомъ, что досталъ ртомъ.

Киргизъ.

Доставать монету продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не раздадутся крики: «киліятыръ, киліятыръ!» (т.-е. ѣдутъ, ѣдутъ!), и всѣ бросаются въ ту сторону, въ какую несутся «бѣгунцы». Но это еще только «бѣгунцы», бѣгавшіе на «кунанъ-байге»...

Когда настанетъ время возвращенія бѣгунцовъ съ «улькунъ-байге», всѣ собираются у высокихъ шестовъ, съ развѣвающимися на концахъ ихъ, вмѣсто флаговъ, красными платками, къ которымъ должны под-

бѣжать бѣгунцы. Всѣ напряженно смотрятъ вдаль, туда, откуда должны показаться бѣгунцы. Вотъ далеко-далеко показалась какъ бы тонкая струйка дыма, видимая только зоркому киргизскому глазу. Струйка съ каждой секундой все растетъ и растетъ; черезъ минуту видно уже густое облако пыли. Возбужденіе публики дошло до послѣднихъ предѣловъ, и всѣ съ оглушительными криками: «киліятыръ, киліятыръ!» бросаются навстрѣчу бѣгущимъ, махая руками и платками, что-то крича, и никакая сила, кажется, не въ состояніи бы была остановить ихъ. Наконецъ, крики съ той и другой стороны, со стороны встрѣчающихъ и со стороны бѣгущихъ, сливаются въ одинъ гулъ, въ которомъ трудно что-либо разобрать. Для распорядителей байги почти нѣтъ возможности во всей этой свалкѣ, среди густо всѣхъ покрывающей пыли, точно опредѣлить порядокъ, въ которомъ прибѣжала та или другая лошадь. Отсюда являются безконечные споры и ссоры изъ-за призовъ.

Когда призы такъ или иначе, правильно или неправильно, розданы, всѣ сейчасъ же разъѣзжаются по своимъ ауламъ. Остаются еще на ночь только тѣ, у которыхъ лошади пускались въ бѣгъ и требуютъ отдыха. На другой день всѣ юрты сняты, и снова на томъ мѣстѣ, гдѣ еще вчера было такое оживленіе, гдѣ такъ шумно справлялись поминки, снова голая, мертвая пустыня... Только груды костей уничтоженныхъ животныхъ еще долго будутъ свидѣтельствовать о бывшемъ когда-то на этомъ мѣстѣ величайшемъ празднествѣ киргизскаго народа.

Въ Степномъ краѣ.

(П. Головачева.)

Во второй половинѣ мая степь къ югу отъ Петропавловска еще не утратила свѣжихъ, смѣющихся красокъ степной весны. По обѣимъ сторонамъ почтоваго тракта на изумрудномъ коврѣ густой травы время отъ времени показываются темно-зеленыя рощи, состоящія изъ березъ и сосенъ, и подлѣ нихъ иногда блестятъ гладкія зеркала лѣнивыхъ степныхъ озеръ, эти «голубыя очи степи», какъ говорятъ киргизы. Чистый воздухъ напоенъ острымъ, но пріятнымъ ароматомъ степныхъ травъ. Наступаетъ ночь, и поднявшійся вѣтеръ мчитъ съ сѣверо-востока очень чувствительныя ледяныя струйки. Степь кажется еще болѣе безбрежной, безконечной, чѣмъ днемъ. Она какъ будто дышитъ подъ покровомъ темно-синяго неба, усѣяннаго золотыми звѣздами; за много верстъ доносится каждый звукъ: крикъ верблюда, ржаніе лошади, скрипъ тяжелой двухколески. Высокое небо, какъ гигантскій резонаторъ, возвращаетъ потемнѣвшей степи ея земные звуки. Вдоль дороги расположились ужъ цѣлые лагери—обозы съ разными товарами, отправляющіеся на атбасарскую ярмарку, и цѣлые таборы переселенцевъ, подвигаю-

щихся въ глубину степи. Огни костровъ освѣщаютъ своимъ трепетнымъ нервнымъ блескомъ лежащихъ воловъ, верблюдовъ, неуклюжія двухколесныя таратайки съ опущенными оглоблями, перегруженныя телѣги новоселовъ, бѣлыя маленькія палатки. Съ первыми лучами утренняго солнца все это приходитъ въ движеніе, и по дорогѣ медлительные волы снова тянутъ архаическія скрипящія сооруженія, у которыхъ колесныя втулки грубо сдѣланы изъ тяжелыхъ обрубковъ; за ними шагаютъ цѣлыя вереницы кроткихъ, выносливыхъ верблюдовъ, кажущихся какими-то изваяніями темно-сѣраго цвѣта (шерсть вылѣзла почти совершенно). Подъ страхомъ жестокой боли верблюды должны соблюдать строжайшую дисциплину: черезъ ноздри у каждаго изъ нихъ продернута волосяная веревка, которая привязывается къ слѣдующему животному, такъ что уклоненіе въ сторону самымъ чувствительнымъ образомъ отзывается на каждомъ верблюдѣ въ отдѣльности и на всѣхъ вмѣстѣ. Этотъ варварскій обычай практикуется одними киргизами. По дорогѣ то и дѣло попадаются биткомъ набитые тарантасы, въ которыхъ ѣдутъ петропавловскіе и кокчетавскіе татары и сарты на атбасарскую ярмарку. Несмотря на зной, эти путешественники одѣты тепло: на нихъ черные и сѣрые драповые капоты, касторовыя шляпы странной формы и новенькія резиновыя калоши. Иногда встрѣчается богатый татаринъ или сартъ съ женой въ кафтанѣ и юбкѣ яркихъ цвѣтовъ, съ нарумяненнымъ лицомъ, которое она слегка прикрываетъ бѣлымъ кисейнымъ платкомъ. Татарки считаютъ неприличнымъ входить въ комнаты станціонныхъ пикетовъ и жмутся во время остановокъ гдѣ-нибудь на дворѣ. Ѣдутъ и конные киргизы. Иной гарцуетъ на хорошей лошади, сбруя которой украшена серебряными бляхами; на самомъ всадникѣ надѣтъ короткій темный халатъ, перехваченный поясомъ, испещреннымъ серебряными бляшками, кораллами и бирюзой, и малахай изъ краснаго бархата, опущенный лисицей. Катаныя или резиновыя калоши обязательны. Это, конечно, «бай», «байксы», богачъ, быть можетъ, «почетный киргизъ, волостной управитель». Его окружаетъ свита изъ 5—6 человѣкъ, работниковъ или прихлебателей. По направленію къ Петропавловску тянутся обозы съ лѣсомъ изъ южныхъ частей Кокчетавскаго уѣзда и гурты скота. Отдѣльныя семьи переселенцевъ и цѣлыя группы ихъ подвигаются къ югу, въ Акмолинскій и Атбасарскій уѣзды. Вообще теперь движеніе здѣсь гораздо значительнѣе, чѣмъ было раньше: желѣзная дорога произвела свое дѣйствіе, да и переселенческая волна стала сильнѣе. Это движеніе людей и животныхъ до нѣкоторой степени маскируетъ пустынность пути отъ Петропавловска до Кокчетава: дорога проходитъ по «пикетамъ», отстоящимъ одинъ отъ другого на 20—25 верстъ,—одинокимъ казеннаго вида домишкамъ, дымнымъ и мрачнымъ, со службами и нѣсколькими киргизскими кибитками поблизости. Внутренность этихъ станціонныхъ

домовъ крайне непривлекательна: покосившіеся, дырявые полы, угрожающіе паденіемъ потолки, разбитыя стекла въ окнахъ, убогая мебель, всюду отпечатокъ заброшенности и запущенности. Эти жалкіе дома принадлежатъ казнѣ. Петропавловскіе и кокчетавскіе казаки берутъ на себя обязанность за извѣстное вознагражденіе перевозить почту и имѣть отъ 4—6 лошадей для проѣзжающихъ. Экономическія причины прикрѣпляютъ къ каждому пикету по нѣсколько киргизскихъ кибитокъ, чѣмъ и пользуются почтосодержатели: такъ какъ эти киргизы состоятъ у нихъ кругомъ въ долгу, то они позволяютъ имъ возить проѣзжающихъ, получая за это извѣстный, очень высокій процентъ съ прогоновъ. И все-таки на пикетахъ иногда приходится подолгу ожидать лошадей; киргизы бѣдны, малолошадны, это—«байгуши».

Къ югу отъ Петропавловска, до предѣловъ Голодной степи, на протяженіи до 800 в., находятся только три города: Кокчетавъ, Атбасаръ и Акмолинскъ. Всѣ они расположены на безлѣсныхъ степныхъ равнинахъ и очень похожи другъ на друга. Областный городъ Акмолинскъ, или Акмолы, основанъ по чисто стратегическимъ соображеніямъ—для удержанія въ повиновеніи киргизовъ, кочевавшихъ по Ишиму. Городъ окруженъ съ одной стороны цѣлой сотней вѣтряныхъ мельницъ, которыя, словно добрые великаны, отмахиваютъ отъ него своими длинными руками злыхъ духовъ степи. Онъ состоитъ изъ трехъ главныхъ частей, отдѣленныхъ одна отъ другой громадными пустырями, изъ которыхъ одинъ называется базарной площадью. На видномъ мѣстѣ, на одной площади съ соборомъ, думой и гостинымъ дворомъ находится острогъ, квадратъ въ 20 саженъ по сторонамъ, огороженный «палями» (заостренными бревнами) сажени въ три высотой. У воротъ острога стоитъ единственный часовой. Внутренность тюрьмы не имѣетъ ничего устрашающаго: длинный деревянный домъ, раздѣленный коридоромъ съ камерами по обѣ стороны. Выпускаемые на прогулку могутъ свободно переговариваться со знакомыми черезъ широкія щели «палей». Въ кухнѣ хлопочутъ два повара киргиза. У самыхъ палей брошена пила. Такая тюрьма ни на минуту не удержала бы опытнаго преступника, но акмолинскіе арестанты, почти исключительно киргизы, спокойно валяются по нарамъ и не думаютъ о побѣгѣ. Часть ихъ работаетъ надъ благоустройствомъ городского сада, двое-трое дежурятъ на поромѣ черезъ Ишимъ. Въ Акмолинскѣ есть даже нѣсколько каменныхъ домовъ скучной, мѣщанской архитектуры, принадлежащихъ мѣстнымъ богатымъ купцамъ, и нѣсколько большихъ деревянныхъ съ безобразными подъѣздами и фасадами по одному шаблону—здѣсь живутъ богатые татары и сарты; остальное населеніе ютится въ домахъ очень неудобныхъ, холодныхъ, не имѣющихъ самыхъ необходимыхъ приспособленій, для сколько-нибудь культурной жизни.

Улицы Акмолинска, конечно, не освѣщаются. Нѣсколько фонарей горятъ только у большихъ магазиновъ для лучшей охраны ихъ отъ воровъ. Въ обычное время эти широкія и длинныя улицы никогда не подметаются, хотя и унавожены гораздо лучше крестьянскихъ полей въ центральныхъ губерніяхъ; ихъ очищаютъ вѣтры, часто поднимающіе цѣлыя тучи пыли и затхлаго навоза. Если лѣтніе вѣтры выметаютъ городскія улицы, то зимніе бураны прекращаютъ всякое сообщеніе. Трудно представить себѣ всю силу и весь ужасъ степныхъ бурановъ: ничего не видно и ничего не слышно буквально въ двухъ шагахъ. Степные поселки заносятся по самыя трубы, и путникъ только по чему-то теплому, оказывающемуся затѣмъ трубой, можетъ понять, что онъ очутился на крышѣ какого-то жилья. Бураны въ Акмолинскѣ прекращаютъ сношенія даже между сосѣдними домами: отойти въ буранъ вечеромъ въ сторону отъ своего дома—значитъ рисковать жизнью. Не проходитъ ни одной зимы, чтобы на улицахъ не оказалось замерзшихъ, иногда въ двухъ шагахъ отъ жилья. Въ обширныхъ акмолинскихъ дворахъ во время бурановъ протягиваются веревки, держась за которыя только и можно добраться до службы, не рискуя заблудиться въ собственномъ дворѣ. Хотя главная, значительнѣйшая часть населенія Акмолинска состоитъ изъ русскихъ казаковъ и мѣщанъ, однако при первомъ взглядѣ кажется, что киргизы и вообще инородцы преобладаютъ въ этомъ степномъ городѣ: киргизы и толпами, и въ одиночку галопируютъ по улицамъ, поднимая цѣлые столбы пыли, толкутся на базарной площади, наполняютъ лавки и магазины, камеры обоихъ мировыхъ судей, уѣздное правленіе; всюду слышится киргизская рѣчь. Киргизы всѣ на виду, на улицахъ, въ то время какъ русскіе сидятъ въ канцеляріяхъ, въ лавкахъ, находятся въ отлучкѣ или заняты домашними дѣлами. Множество киргизовъ ежедневно является въ городъ съ кумысомъ за покупками для продажи степныхъ продуктовъ; кучерами и работниками служатъ почти исключительно киргизы и безпрестанно гоняютъ на водопой цѣлые табуны лошадей На улицахъ, ближе къ выѣзду изъ города, часто приходится наблюдать такія сцены: ѣдутъ верхами нѣсколько киргизовъ и киргизка въ «легчанкѣ» (плетеный кузовъ, поставленный на обыкновенный колесный ходъ). Вдругъ вся компанія останавливается, одинъ киргизъ сходитъ съ лошади, а киргизка вылѣзаетъ изъ легчанки, накрываются одной шалью и по-киргизски начинаютъ что-то жалобно пѣть. Черезъ нѣкоторое время оба раскрываются съ совершенно равнодушными лицами, киргизъ возвращается въ городъ, а остальная компанія продолжаетъ свой путь. Это—прощаніе брата съ нѣжно любимой сестрой. Во время іюльской ярмарки городъ положительно наводняется киргизами. Всѣ магазины и лавки переполнены ими; степные дикари на корточкахъ сидятъ около лотковъ съ разными бездѣлушками, разсматриваютъ цѣ-

почки, запонки, мыло и покупаютъ всѣ эти ненужныя для нихъ вещи; прилавки сартовскихъ рядовъ заняты играющими въ карты, всюду осѣдланныя лошади, верблюды и надъ всѣмъ этимъ носятся облака пыли. Но центръ ярмарочныхъ операцій за городомъ въ нѣсколькихъ верстахъ. Тамъ устраиваются пріѣзжіе купцы, русскіе и азіатскіе, чтобы не платить за права въ пользу города, тамъ расположены продажные гурты, стада и табуны. На базарной площади расположились старые деревянные ряды, исключительно занятые сартовскими и татарскими лавками, гдѣ продаются туркестанскіе фрукты, орѣхи, выдѣланныя кожи, ковры и проч. На хлѣбномъ базарѣ находится нѣсколько десятковъ киргизскихъ кабаковъ, «кумысенъ». Эти кумысни представляютъ собою ряды деревянныхъ маленькихъ лавочекъ, на дверяхъ которыхъ красуются «русскія» надписи: «кымызами», «кумузной» и т. п. Внутренняя обстановка кумысенъ очень проста и однообразна: посрединѣ небольшого квадратнаго помѣщенія низенькій круглый столикъ, около котораго на полу помѣщается котлообразная большая деревянная чаша съ кумысомъ; подлѣ нея на полу сидитъ киргизка въ бѣломъ покрывалѣ на головѣ, похожемъ на тѣ головныя покрывала, какія носятъ католическія монахини нѣкоторыхъ орденовъ. Большой деревянной ложкой киргизка постоянно мѣшаетъ кумысъ. На столикѣ стоятъ маленькія чашки, похожія на наши полоскательныя, а вокругъ него размѣщаются потребители. У задней стѣны стоитъ скамья. Есть кумысни болѣе благоустроенныя, помѣщающіяся въ домахъ, или, вѣрнѣе, хижинахъ изъ дерна или саманнаго кирпича. Полъ устланъ войлокомъ и покрытъ тонкимъ сартовскимъ ковромъ. Одна стѣна уставлена «джукомъ»—приданымъ хозяйскихъ дочерей. Этотъ «джукъ» состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ сундуковъ, блестящихъ желтой и бѣлой жестью и увѣнчанныхъ толстымъ слоемъ перинъ и одѣялъ, желтыхъ, красныхъ, съ зелеными и розовыми цвѣтами и разводами. Въ углу пріютился мѣдный кунганъ для намаза, а въ стѣнахъ виднѣется солидныхъ размѣровъ кожаная саба съ кумысомъ. Русская культура проникла въ кумысню въ видѣ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, деревянныхъ шкатулокъ, чашекъ и блюдецъ съ причудливымъ разводомъ, которыми заставленъ цѣлый столъ, и лампъ на окнѣ. Въ этомъ киргизскомъ кабачкѣ не замѣтно никакихъ признаковъ, такъ свойственныхъ русскимъ питейнымъ домамъ: пьяныхъ физіономій, безсмысленныхъ взглядовъ, рѣзкихъ жестовъ, крика, брани, ссоръ,—здѣсь бесѣда течетъ ровно, пристойно, публика, сидящая за полукругомъ столика, обмѣнивается или тихими длинными рѣчами, или короткими замѣчаніями. Это—дѣйствительный клубъ, куда люди собираются для обмѣна мыслей и впечатлѣній. Въ нѣкоторыхъ кумысняхъ играютъ, впрочемъ, въ карты, но тайкомъ и урывками. Возлѣ хлѣбнаго базара находятся и сартовскіе рестораны, гдѣ продаются «манты» (пельмени), пилавъ и

кумысъ. Соблазнительная вывѣска—блюдо съ какъ бы летящими мантами и горизонтально направленная къ нему вилка (произведеніе мѣстнаго киргизскаго художника)—указываетъ входъ въ гостепріимный ресторанъ, гдѣ посѣтителей встрѣчаетъ хозяинъ-поваръ съ низкими поклонами и прижиманіями къ сердцу лѣвой руки. Кухня занимаетъ цѣлую стѣну—котелъ для пилава и другой, двухъэтажный, цилиндрическій, для мантовъ, въ которомъ они варятся на пару, на блюдечкахъ, по 10 штукъ на каждомъ. Подъ котлами пылаетъ непрерывный огонь. Меблировка состоитъ изъ наръ, покрытыхъ коврами, и обычно низенькаго столика посрединѣ комнаты.

Въ Акмолахъ существуетъ цѣлая киргизская «джатацкая» (джатаками называются здѣсь осѣдлые киргизы) слободка съ сотней лачугъ, слѣпленныхъ изъ дерна. Странное и непріятное впечатлѣніе производитъ эта слободка: по обѣимъ сторонамъ широкой улицы тянется непрерывный рядъ примкнутыхъ другъ къ другу землянокъ, едва имѣющихъ форму человѣческаго жилища, вышиной въ сажень, съ плоскими крышами, заросшими сорной травой. Узенкія, едва замѣтныя ворота ведутъ въ полутемные дворы, которые на зиму закрываются сверху. Внутренность землянокъ слабо освѣщается однимъ, рѣдко двумя окошечками, полъ земляной, стѣны часто небѣленыя, потолокъ поддерживается деревянными столбами. Два-три сундука, камелекъ съ казаномъ, два-три горшка, самоваръ и мѣдный кунганъ—все имущество въ бѣднѣйшихъ землянкахъ. Въ самой зажиточной мы встрѣтили болѣе утвари разнаго рода, больше сундуковъ, даже постели съ ковриками передъ ними и подлѣ нихъ на стѣнѣ. На дворѣ находилась цѣлая мастерская—старая юрта съ кузнечнымъ горномъ—здѣсь приготовляются разныя принадлежности сбруи. Степной художникъ беретъ серебряную проволоку особаго рода и по узорамъ, какіе создаетъ ему фантазія и примѣръ уже сдѣланныхъ вещей, при помощи молотка вбиваетъ ее въ кожу и расплющиваетъ по ней. Получаются довольно красивыя арабески, которыми украшаются сѣдла, сбруя, кожаные пояса. Джатаки занимаются мелкой торговлей на базарѣ, нанимаются въ работники къ горожанамъ, а зимой, да часто и лѣтомъ, каждая землянка превращается въ постоялый дворъ для пріѣзжихъ киргизовъ.

Временный, но довольно замѣтный слой акмолинскаго населенія составляютъ переселенцы, появившіеся вообще здѣсь въ незначительномъ количествѣ съ 80-хъ годовъ, преимущественно изъ средней Россіи, изъ губ. Пермской, Самарской, Курской, Подольской. Часть первыхъ переселенцевъ осѣла въ самомъ Акмолинскѣ и уже достигла благосостоянія; у киргизовъ тогда за безцѣнокъ можно было арендовать баснословное количество тучной, нетронутой степи, и всѣ, кто имѣлъ возможность воспользоваться этимъ многоземельемъ, выстроили приличные дома, пріі-

обрѣли много домашняго скота и успѣли составить нѣкоторое состояніе. Въ настоящее время благодушныя отношенія киргизовъ къ новоселамъ измѣнились: появилось много новыхъ поселковъ, киргизскія земли были въ значительномъ количествѣ отчуждены въ пользу переселенцевъ, и между туземцами и пришельцами начались недоразумѣнія не столько изъ-за земли, сколько изъ-за воды. Киргизскіе зимники всегда устраиваются около озеръ или рѣдкихъ степныхъ рѣчекъ, и трава тамъ тщательно сберегается для подножнаго корма киргизскому скоту зимой; теперь эти земли захватываются новоселами подъ покосы и пастбища. Въ глубинѣ степи излюбленныя лѣтнія кочевья около воды также оспариваются новоселами. Территорія для киргизскихъ кочевокъ мало-по-малу сокращается, и они незамѣтно оттѣсняются въ неудобныя мѣста, гдѣ много горъ и солончаковъ.

Въ настоящее время Акмолинскъ сталъ пунктомъ, куда прибываютъ переселенцы изъ Россіи и откуда распредѣляются по участкамъ; поэтому на улицахъ города можно встрѣтить хохловъ, мордву, черемисъ, даже нѣмцевъ, говорящихъ на такомъ варварскомъ «мужицкомъ» нѣмецкомъ языкѣ, что ихъ почти не понимаютъ даже лица, хорошо знакомыя съ этимъ языкомъ. За Атбасаромъ и далѣе къ югу переселенческіе поселки состоятъ изъ двухъ рядовъ землянокъ, сдѣланныхъ изъ высушеннаго дерна, въ два ската, крытыхъ соломой или тоже дерномъ, низенькихъ, не выше сажени, съ двумя окнами на улицу, съ кадками и горшками вмѣсто трубъ. Часть землянокъ вымазана сѣрой глиной, а нѣкоторыя выбѣлены и имѣютъ довольно пріятный видъ. Около землянокъ въ безпорядкѣ скучились несложныя надворныя постройки, тоже изъ дерна. Двухъ мѣсяцевъ совершенно достаточно для устройства такого поселка.

Вторую, болѣе старинную часть населенія Степного края представляютъ казаки. Ихъ нужно считать наиболѣе привилегированной и обезпеченной частью населенія. Во второй половинѣ прошлаго вѣка и въ первыя десятилѣтія нынѣшняго, когда еще киргизскія орды не были замирены окончательно, сибирскіе линейные казаки играли роль охранителей русскихъ границъ, но теперь они потеряли всякое мѣстное значеніе въ этомъ смыслѣ и даже службу свою отбываютъ за тысячу верстъ отъ Степного края. Казаки никогда не играли видной роли въ дѣлѣ проведенія русской культуры въ киргизскую среду; напротивъ, они сами въ значительной степени подчинились вліянію киргизской степной культуры: усвоили киргизскій языкъ, полюбили кумысъ, переняли маленькіе столики, за которыми въ лѣтнее время пьютъ чай и обѣдаютъ, сидя на полу. У нихъ въ большомъ ходу киргизскія пословицы, загадки, сказки. Собственно пѣсеннаго творчества у казаковъ нѣтъ—въ пьяномъ видѣ они выкрикиваютъ обыкновенныя солдатскія пѣсни.

Казаки достигли нѣкотораго благосостоянія: имѣютъ дома, несравнимые съ жилищами крестьянъ Европейской Россіи, домашнюю обстановку, сундуки съ добромъ, разные предметы культурнаго обихода, скотъ. Но эта извѣстная зажиточность казаковъ создана не земледѣльческимъ трудомъ, даже не выгодными, болѣе или менѣе обширными операціями скотомъ и продуктами скотоводства, а представляетъ, съ одной стороны, естественный результатъ земельнаго богатства, позволяющаго имѣть много скота, а съ другой—безцеремонной и беззастѣнчивой эксплуатаціи окрестныхъ киргизовъ. Обезпеченная жизнь, достигнутая такимъ способомъ, наложила несимпатичныя черты на характеръ казаковъ.

Въ Семипалатинской области.

(К. Носилова.)

Еще одинъ день пути по рѣкѣ Иртышу, еще одна ночь стоянки парохода у степного пустыннаго берега—и мы подходимъ къ Семипалатинску.

Пассажиры съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, когда они, наконецъ, освободятся отъ парохода; эти тысячи верстъ по рѣкѣ, эти шесть сутокъ пути на пароходѣ уже многимъ прискучили; хочется разнообразія, другой жизни, и это приближеніе перемѣны всѣхъ волнуетъ такъ, что, казалось, мы ѣдемъ Богъ знаетъ въ какую столицу. Но самыя горячія ожиданія, какъ часто это бываетъ въ Сибири, словно нарочно сбываются не такъ, какъ думаешь. Мы думали подъѣхать къ самому городу, мы надѣялись видѣть его съ рѣки, любоваться его панорамой; но вмѣсто всего этого насъ высадили на какой-то грузовой пристани, даже не показавъ города. Иртышъ, словно нарочно, измельчалъ, и намъ предстояло тащиться до города пять верстъ на извозчикахъ, которыхъ было ровно три человѣка на всѣхъ пассажировъ нашего парохода; и толпа народа съ массой мѣшковъ, ящиковъ, багажа, выбравшаяся на голый берегъ рѣки, стояла въ смѣшномъ недоумѣніи, казалось, только что потерпѣвъ кораблекрушеніе...

Это обычная картина неустройства сибирскихъ рѣкъ; это мы видѣли не разъ на пути, когда на нашихъ глазахъ выкидывали человѣка съ парохода на берегъ, съ его мѣшками, подушками, и, предоставляя его судьбѣ, уходили дальше, даже не думая, какъ онъ оттуда попадетъ во-свояси... Но то были промежуточныя станціи, села, поселки, то часто дѣлалось по просьбѣ самихъ пассажировъ, тогда какъ здѣсь была конечная станція и городъ...

Но вотъ на усиленные, продолжительные, оглушительные свистки парохода являются изъ города спасители, и мы, обгоняя вереницу бѣдныхъ пассажировъ, которые пѣшкомъ тащатся туда, наконецъ подъѣзжаемъ къ городу.

Съ голой степи, при утреннихъ лучахъ солнца, онъ кажется намъ красивымъ; рощи тополей дышатъ свѣжестью; военный лагерь блеститъ бѣлыми палатками; вдали видны стройные минареты мечетей, бѣлыя колокольни церквей и цѣлая линія сѣрыхъ домовъ, словно нарочно облитыхъ свѣтомъ солнца. Иртышъ течетъ рядомъ съ городомъ; онъ здѣсь не широкъ, съ песчаными мелями, но его острова, заросшіе роскошными тополями, такъ и манятъ къ себѣ своею свѣжестью и густотой, темной тѣнью. Передъ самымъ городомъ насъ обгоняетъ толпа всадниковъ-татаръ, и мы узнаемъ среди нея нашихъ спутниковъ по пароходу, поклонниковъ Мекки, которые теперь, окруженные родными, знакомыми, шумно ѣдутъ толпой въ городъ, торопя своихъ тощихъ, степныхъ, бойкихъ лошадокъ. И эта толпа всадниковъ, въ халатахъ, въ шапочкахъ, съ монгольскимъ типомъ, чуждымъ намъ говоромъ, какъ-то невольно придаетъ городу восточный характеръ, о которомъ говорятъ и многочисленные минареты мечетей. Вотъ и улица. Мѣщанскіе домики, постройки зажиточныхъ людей, заборы, садики, зеленыя крыши—все какъ въ любомъ изъ нашихъ русскихъ городовъ, и если что бросается въ глаза, то развѣ только бѣдность мазанокъ, заброшенныхъ бѣдныхъ жилищъ, пустота, ширина улицъ и масса, масса сѣраго песку, который, словно снѣгъ послѣ метели, усыпалъ улицы и переулки. Онъ здѣсь всюду,—его цѣлые сугробы наметены около пустынныхъ длинныхъ заборовъ домовъ, онъ цѣлыми дюнами лежитъ по проулкамъ, онъ настоящимъ снѣжнымъ полемъ замелъ площади и забился въ каждую щель дома, окрасивъ ихъ въ сѣрую, пыльную окраску. Это уже особенность этого города, въ вѣтреные дни обращающагося въ одно пыльное облако, которое засыпаетъ все и даже проникаетъ въ дома черезъ малѣйшія скважины. Это бичъ города, и жители совершенно справедливо называютъ свой городъ «чортовой перечницей»... Но, къ нашему счастію, сегодня тихо; городъ можно видѣть безъ пыли въ воздухѣ, и мы проѣзжаемъ по его улицамъ длиннымъ, прямымъ и широкимъ, даже не подозрѣвая того, что въ немъ бываетъ въ вѣтреный день.

Городъ недостаточно хорошо обстроенъ, въ немъ много каменныхъ зданій, есть очень даже приличные домики, магазины, лавки, но въ немъ совсѣмъ почти нѣтъ садовъ, и это отсутствіе зелени придаетъ ему унылый, невеселый видъ среди этихъ сыпучихъ сѣрыхъ песковъ. Онъ широко раскинутъ: его площади—цѣлыя поля, и эта разбросанность зданій и отсутствіе почти всякаго движенія на улицахъ еще болѣе придаютъ ему видъ захолустья; только въ восточной части городъ пріобрѣтаетъ видъ чего-то цѣльнаго, опредѣленнаго. Эта часть принадлежитъ татарамъ; это старый городъ, это гнѣздо его, и онъ особенно характеренъ.

Узкія улицы, сплоченные дома скромной деревянной постройки, та-

тарскія дѣти, женщины на улицахъ и въ окнахъ, десятокъ своеобразныхъ старыхъ деревянныхъ минаретовъ выше крышъ придаютъ этой части города чисто восточный характеръ, и, когда я гулялъ послѣ по этимъ улицамъ, мнѣ казалось, что я нахожусь въ какой-нибудь отдаленной части Казани, гдѣ-нибудь въ Касимовѣ, въ центрѣ татарской жизни, а не въ далекомъ уголкѣ южной Сибири. Эта часть и есть старинный Семипалатинскъ, куда, вѣроятно, привлеченные монгольскимъ населеніемъ и торговлей съ нимъ, въ началѣ этого столѣтія переселялись татары съ Камы и Волги и сарты изъ свободнаго Туркестана. Бойкій, торговый, промышленный народъ здѣсь какъ нельзя лучше воспользовался стариннымъ караваннымъ путемъ Кашгара, Яркенда и Кульджи въ Сибирь, который въ настоящее время въ этомъ пунктѣ пересѣкаетъ Иртышъ, направляясь къ сѣверу. Обширныя степи, бродячій киргизъ со стадами тоже дали имъ не мало выгодъ въ торговлѣ, и вотъ изъ маленькаго поселка вырастаетъ бойкій торговый городъ съ полутатарскимъ населеніемъ и, благодаря центральному положенію, дѣлается и административнымъ пунктомъ. Теперь это уже крупный центръ степной торговли, которая все еще держится въ рукахъ татаръ и сартовъ, но видимо начинаетъ уступать русскимъ, и въ русской части города уже можно видѣть богатые магазины, склады и дома русскихъ торговцевъ.

Намъ пришлось пробыть въ городѣ два дня, и, гуляя по нему, осматривая его достопримѣчательности, своеобразную полурусскую, полутатарскую жизнь, мы находили въ ней много интереснаго. Особенно насъ привлекали татарская часть города, торговая площадь и перевозъ черезъ Иртышъ. Эта своеобразная жизнь, обстановка ея, эти старыя мечети съ вычурными минаретами, эти узкія улицы, полныя татаръ въ самыхъ пестрыхъ, разнообразныхъ, порой дорогихъ костюмахъ, эти площади, гдѣ рядомъ съ шикарнымъ магазиномъ можно было видѣть во всякое время простоту восточной торговли, разную публику въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, съ полосатыми халатами, эти верблюды съ грузомъ, крикъ уставшаго животнаго среди песковъ, понуканія ямщиковъ-киргизовъ, эти арбы, кучи хлопка и арбузовъ и яркое солнце на свѣтло-голубомъ, безоблачномъ, чисто-южномъ небѣ,—все это совсѣмъ не походитъ на наши города. Здѣсь пахнетъ востокомъ, и только русскіе дома, улицы, обстановка города говорятъ, что мы еще въ Россіи.

Перевозъ черезъ рѣку—это цѣлая панорама восточной жизни. За рѣкой, въ степи вы видите караваны верблюдовъ, ословъ и верховыхъ лошадей. Они идутъ къ городу; вотъ они столпились на берегу рѣки, ждутъ поромовъ, смѣшались, и крики животныхъ, увидѣвшихъ воду, такъ и прорѣзываютъ воздухъ. Вотъ ихъ гонятъ на поромы, вотъ ихъ ударами палокъ укладываютъ рядами на мостъ, и вы видите цѣлую

картину лежащихъ подъ тяжелымъ хлопкомъ животныхъ, которыхъ везутъ черезъ рѣку, которыхъ плавятъ по быстрому Иртышу къ берегу города. Вотъ они уже здѣсь; вотъ снова составили караванъ изъ нихъ, его загоняютъ въ воду протока; они осторожно, съ пронзительнымъ крикомъ переходятъ его и поднимаются въ гору, къ улицамъ города; еще немного, и вы видите ихъ уже въ улицѣ, мѣрно, тяжело шагающими по ней, удивленныхъ необычной картиной и движеніемъ города послѣ голой, печальной, однообразной пустыни. На ихъ спинахъ привезли сюда изъ Китая, Кульджи рисъ, хлопокъ, ягоды, шерсть и даже виноградъ. Здѣсь они сложатъ все это и нагрузятся уже русскимъ товаромъ, по преимуществу желѣзомъ и мануфактурой, болѣе всего нужной для степной мѣновой торговли.

Географическое положеніе Семипалатинска крайне для него выгодно: у него теперь водный путь въ Сибирь и, несомнѣнно, будетъ и рельсовый, когда наши средне-азіатскія владѣнія придется соединить съ великимъ сибирскимъ путемъ. Недалеко отъ него богатый минеральными богатствами Алтай, гдѣ уже началась частная горная дѣятельность, не говоря о той, которая давно принадлежитъ иниціативѣ казны. Степь по правую сторону Иртыша тоже богата въ минеральномъ отношеніи; здѣсь уже давно найдены и начинаютъ разрабатываться мѣдныя и серебро содержащія свинцовыя руды, тамъ есть и золото, и каменный уголь, цвѣтные и драгоцѣнные камни, и соль, и сѣра, и графитъ, и разные строительные матеріалы, такъ что Семипалатинскъ, пожалуй, скоро будетъ настолько же горнымъ городомъ, насколько теперь онъ считается степнымъ, торговымъ, караваннымъ.

Административный центръ тоже много оживляетъ городъ; въ немъ стоятъ войска, въ немъ живетъ много чиновничества, генералъ-губернаторъ, въ немъ есть прекрасный клубъ, музей и библіотека, и если стоитъ пожалѣть пока о чемъ, то только объ учебныхъ заведеніяхъ, которыхъ слишкомъ мало, чтобы воспитать даже этотъ слабо населенный край съ 570.000 населенія.

Довольно ровная, каменистая дорога повела насъ вдоль рѣки Иртыша. Кругомъ сѣрая, выжженная степь; вдали, въ сторонѣ отъ дороги, видны сосенки, остатки когда-то бывшаго бора, на мѣстѣ котораго теперь одни лишь пески, и только одна лента рѣки, темные пышные тополи близъ воды немного оживляютъ скучный видъ степи. Иртышъ здѣсь уже въ высокихъ, каменистыхъ увалахъ; они пологими скатами подходятъ къ его извилистому ложу и постоянно измѣняютъ его теченіе. Между ними къ рѣкѣ бѣгутъ веселые, холодные ручейки и ключи, и человѣкъ, ловя эту влагу среди сѣрой пустыни, то селится на нихъ заимками, то ставитъ мельницы, то просто юрты. Тамъ, около нихъ, непремѣнно есть маленькій, чистый прудокъ съ яркою зеленью, а ши-

роколиственный камышъ по берегамъ его такъ и блеститъ своею свѣжестью и зеленью, отражаясь въ тихой водѣ. Тамъ, по ручью, вдоль каменистаго, песчанаго ложа, которое все заросло, въ противоположность степи, сочной, высокой, густой травой, вы встрѣтите и кусты рябины, и кусты черемухи, и красивый спирей, и разные шиповники, вѣтви которыхъ обвилъ блѣдный хмель, въ тѣни которыхъ попрятались цѣлыя заросли черной и красной смородины. Это настоящій оазисъ: здѣсь такъ густа трава, что трудно пройти, такъ высока, что даже всадника скроетъ, и, проѣзжая мимо такого зеленаго уголка степи, какъ-то невольно хочется остаться въ немъ, насладиться этою прелестью зелени рядомъ съ прозрачной водой.

Порой, на склонахъ къ Иртышу, попадаются пашни. Но здѣсь какъ-то мало человѣкъ обрабатываетъ землю, хотя она и богата, хотя она и можетъ давать хорошій урожай. Здѣсь только рѣдкіе клочки земли обработаны, и на нихъ мы видимъ то высокую поросль цвѣтущихъ подсолнечниковъ, то сѣрое поле арбузныхъ бакчей. Одни, какъ желтая стѣна, стоятъ вдоль дороги, покачивая своими тяжелыми цвѣтами, другое кажется издали совсѣмъ необработаннымъ, если бы на немъ не были видны сѣрые полосатые арбузы, лежащіе одиноко на сѣрой голой землѣ, какъ валуны.

Бакчи и поля подсолнечниковъ—это одно изъ самыхъ выгодныхъ хозяйствъ здѣшняго жителя, и каждую осень можно видѣть, какъ отсюда цѣлые плоты арбузовъ сплавляются внизъ по рѣкѣ Иртышу къ тѣмъ городамъ сѣвера, гдѣ арбузы считаются чуть ли не единственнымъ лакомствомъ изъ фруктовъ, посылаемымъ имъ далекимъ югомъ. Для нихъ нарочно оттуда пріѣзжаютъ скупщики, которые покупаютъ ихъ прямо въ полѣ, сами дѣлаютъ сборъ, сами сгружаютъ ихъ на плоты или, въ лучшемъ случаѣ, на плоскія, широкія лодки и плывутъ съ ними сотни верстъ и тысячи, куда-нибудь къ холодному Тобольску. Широко пользуются арбузомъ и мѣстные жители, и въ зажиточномъ домѣ казака вы можете встрѣтить его въ соленомъ видѣ даже въ серединѣ зимы; нѣкоторые гонятъ изъ него водку.

Вотъ и поселокъ. Прямая, чистая улица; рядъ приличныхъ деревянныхъ домовъ съ чистыми двориками; на улицѣ ни соломинки, потому что скотъ весь въ полѣ. Но видъ поселка мертвый: окна закрыты, на улицахъ не видно даже пѣтуха, все живое словно спряталось отъ яркаго солнца, отъ лѣтней жары. Это уже совсѣмъ южный видъ деревни. Здѣшніе казаки живутъ очень зажиточно. Рабочій трудъ въ этомъ краю очень дешевъ, цѣна на продукты поля и скотоводства ничтожна. Почти у каждаго казака поселка есть стадо коровъ, лошадей и овецъ, почти каждая хозяйка въ поселкѣ содержитъ большой и богатый овощами огородъ, снабжая послѣдними городской рынокъ. Рабочіе здѣсь

киргизы, которыхъ здѣсь, среди русскаго населенія, много. Они обрабатываютъ казакамъ ихъ поля, они пасутъ ихъ стадо, служатъ имъ на дворѣ, въ огородѣ; женщины-киргизки даже няньчатся съ ихъ дѣтьми, и маленькіе казачата уже съ пеленокъ научаются болтать по-киргизски, такъ же, какъ у насъ учатся дѣти французскому и англійскому языкамъ. Такихъ обѣднѣвшихъ киргизовъ, которые поневолѣ должны идти къ русскому человѣку и жить у него въ работникахъ, годъ отъ году становится все больше и больше. Молодежь, одинокій киргизъ живутъ при домахъ своихъ хозяевъ, особо, гдѣ-нибудь въ малой избѣ; семейные же люди большею частью поселяются на задворкахъ около поселка, и, въѣзжая въ поселокъ, вы, прежде чѣмъ увидать улицу, сначала обыкновенно видите кучи какихъ-то соломенныхъ, витыхъ изъ тростника, тальника, ивы лачугъ, что-то въ родѣ жилища первобытнаго человѣка, гдѣ и живетъ зиму этотъ степной пролетаріатъ. Отсюда имъ уже нѣтъ выхода снова въ родную, привольную степь; заработокъ ихъ ничтоженъ; слиться съ русскимъ населеніемъ они, при существующихъ отношеніяхъ къ нимъ русскихъ, не могутъ, хотя бы изъ нихъ могли выйти хорошіе хозяева, земледѣльцы, самостоятельные владѣльцы земли; но у нихъ нѣтъ даже клочка ея, и никто не хочетъ помочь имъ устроиться самостоятельно; и вотъ этотъ пролетаріатъ увеличивается и скоро, пожалуй, превыситъ русское населеніе въ краѣ. Одни изъ нихъ приживаются въ семьѣ казаковъ и принимаютъ православіе, другіе переходятъ отъ одного хозяина къ другому, третьи снова уходятъ въ степь, но уже не мирными жителями, съ стадомъ, а «барантой»—разбойниками...

Было жарко, и мы пошли выкупаться въ ручьѣ, у котораго стоитъ поселокъ. Мы его тотчасъ же нашли за деревней; онъ протекаетъ подъ самымъ уваломъ, на которомъ она стоитъ; серебристые тополи, ивы и осокори обрамляютъ его извилистое теченіе. Къ его водѣ тянутся и казацкіе огороды, и мы невольно остановились при видѣ богатой растительности, которая здѣсь сгруппировалась около воды. Это была настоящая иллюстрація того, что могутъ при этомъ краѣ сдѣлать климатъ, почва и трудолюбивый человѣкъ.

Мы перешли ручей и пошли дальше въ луга. Весь лугъ былъ въ цвѣтахъ, и намъ трудно было бы пробиться до изгиба ручья,—такъ высока и сильна здѣсь растительность,—если бы не тропинки, которыя привели насъ сюда изъ деревни. Какая богатая растительность! Это не трава, а заросль; въ ней едва видна голова человѣка; она густа, она переплелась другъ съ другомъ, цѣпляется за одежду, не даетъ шагнуть въ сторону одного шагу. И какое разнообразіе здѣсь цвѣтовъ! Тамъ стоятъ стволы зонтичныхъ и сложноцвѣтныхъ, тутъ цѣлою порослью покрываетъ собой лугъ нѣжно-малиновыми цвѣтами могучій кипрей, здѣсь стоятъ высокіе, стройные стебли сараны, тамъ красуется царская свѣча,

прячется бѣлоголовникъ и красивый прикрытъ, и сколько знакомаго въ этой зелени, сколько нашихъ обычныхъ садовыхъ и полевыхъ цвѣтовъ, которые здѣсь такъ выросли, такъ развились, какъ никогда у насъ, въ средней Россіи.

Но вотъ мы пробрались сквозь нихъ къ самому ручью, что-то зашелестѣло въ зелени, и мы видимъ, какъ оттуда выплываетъ цѣлый выводокъ кряковыхъ утокъ; но прежде чѣмъ мы могли ими полюбоваться, онѣ съ крикомъ поднимаются съ воды, летятъ вдоль ручья и падаютъ тутъ же, недалеко, на другую широкую ямку стоячей воды. Нашъ проводникъ-киргизъ говоритъ, что здѣсь это обычное дѣло—встрѣтить утокъ возлѣ самаго поселка, что онѣ живутъ здѣсь цѣлыми выводками все лѣто, что дѣти ловятъ ихъ маленькими и приносятъ домой въ хлѣва, что рядомъ, на Иртышѣ, по озерамъ, въ лугахъ еще того больше дичи, и что охоты на нихъ здѣсь почти не существуетъ, такъ какъ казакъ лѣнится стрѣлять такую мелкую дичь, предпочитая ей гусей, которыхъ масса водится по камышамъ озеръ. По его словамъ, въ этихъ же порослях мы безъ труда могли бы найти тетеревей, куропатокъ, рябчиковъ, не мудрено встрѣтить тутъ же недалеко въ кустахъ дрофъ, по полямъ—стрепетовъ и пропастъ разныхъ куликовъ по болотамъ и берегамъ рѣчки. Тутъ сосредоточивается лѣтомъ все живое полей, лѣсовъ и озеръ, сюда весной все пернатое царство слетается выводить дѣтенышей; здѣсь въ густой, высокой травѣ оно скрывается до осени отъ беркутовъ, орловъ, соколовъ и ястребовъ, и незамѣтно для хищниковъ проводятъ лѣто и трусливый заяцъ, и хитрая хищная лиса, и бойкій тушканчикъ, и кроты, суслики и волки. Такія заросли вдоль ручьевъ—настоящее эльдорадо для охотника, если бы только у кого хватало терпѣнія бродить въ высокой травѣ, бороться съ этими колючими, хватающими кустарниками.

Но не однимъ только пернатымъ царствомъ и звѣрями оказался богатъ нашъ ключъ, и только что затихли волны послѣ утокъ, только что снова всколыхнутая поверхность воды стала зеркальной, какъ мы увидѣли въ ея глубинѣ тѣни рыбъ. Однѣ изъ нихъ были четверти въ двѣ, другія меньше, и, присматриваясь къ нимъ, не трудно было угадать, что это бродятъ красноперые чебачки и харіусы. Послѣдніе упорно держатся вблизи маленькаго каменистаго переката и каждый разъ, когда черезъ него, прыгая на маленькихъ волнахъ, несется какая-нибудь мушка, налетѣвшая на воду стрекоза и неосторожно прыгнувшая кобылка, они съ замѣчательною ловкостью схватываютъ ее среди волнъ и скрываются въ глубь ямки, оставивъ на поверхности воды чуть замѣтный кружокъ. Ихъ здѣсь никто не ловитъ, и только развѣ сѣрая чайка—«халева», бойкая, крикливая «рыболовка»—съ крикомъ когда бросится на воду, пролетая съ Иртыша, вдоль этой узкой заросшей долинки.

Здѣсь, по ямкамъ ручья, этой рыбы множество, но лѣнивый казакъ даже не научился ее ловить запоромъ, и лишь дѣти, и тѣ рѣдко, рѣдко, только развѣ на самомъ Иртышѣ, удятъ ее удочкой и ловятъ маленькою сѣтью.

Мы прекрасно выкупались въ холодной прозрачной водѣ и пошли къ рѣкѣ, которая привѣтливо мелькала вдали.

Рѣка пустынна, только у противоположнаго берега идетъ подъ парусами широкій каюкъ; онъ старательно избѣгаетъ быстраго мѣста рѣки и придерживается того берега, изъ-за мыса котораго его не такъ упираетъ быстрое теченіе. На немъ куча товаровъ, все покрыто рогожками, и въ то время, когда три человѣка помогаютъ движенію тяжелаго плоскоднаго судна съ боковъ шестами и четвертый сидитъ на рулѣ и правитъ парусомъ, хозяинъ его беззаботно сидитъ возлѣ своего имущества, которое онъ хочетъ доставить вверхъ по рѣкѣ. Подобный способъ сплава товаровъ по этой быстрой, каменистой, порожистой рѣкѣ немного удивителенъ при здѣшней дешевизнѣ лошадей и извоза, но онъ выгоднѣе сухопутнаго, потому что мѣстный казакъ не любитъ заниматься извозомъ, слишкомъ богатъ для такого труда, а заплавленный съ товаромъ каюкъ съ товаромъ же возвратится и обратно къ низовьямъ рѣки, куда онъ сплавитъ медъ и воскъ пасѣчниковъ Алтая, арбузы, овощи и разные сырые продукты охоты и скотоводства. И если сплавщикамъ трудно поднимать его теперь, вверхъ по рѣкѣ, одолѣвать пороги, избѣгать камней, тащить порой лямкой вдоль песчаныхъ береговъ рѣки и спать подъ открытымъ небомъ, то зато будетъ легко и весело сплавлять его оттуда книзу, когда быстрое теченіе можетъ въ сутки пронести его то пространство, которое онъ теперь дѣлаетъ въ пять дней. Здѣсь даже чиновники предпочитаютъ ѣздить внизъ по рѣкѣ на этихъ каюкахъ, чѣмъ тащиться на лошадяхъ по осенней, грязной и битой дорогѣ.

А на томъ берегу, за рѣкой, опять сѣрая, изрытая, неровная равнина, выжженная трава, безжизненность и тишина.

Наступаетъ вечеръ. Яркое солнце хотя еще печетъ, но уже меньше; оно склоняется къ горизонту, и степь, сѣрая степь, румянится въ его красныхъ лучахъ и еще рѣзче выступаетъ на небосклонѣ. На рѣку уже легли тѣни, въ оврагахъ тоже темно. Степь дышитъ тепломъ, высохшей травой, жаромъ. Этотъ жаръ, тепло нагрѣтой поверхности тянется къ рѣкѣ, и она по всей своей длинѣ скоро покрывается бѣлой дымкой, разбрасывая ее оттуда на луга и долинки впадающихъ рѣчекъ. Этотъ туманъ закуталъ рѣку, пробился въ заросли ея береговъ, выжилъ оттуда дикихъ утокъ и баклановъ, и мы видимъ, какъ они носятся надъ этой бѣлой кисеей рѣки, какъ они со свистомъ крыльевъ проносятся надъ степью, какъ они улетаютъ въ степь, на озера. Вмѣстѣ съ ихъ кри-

комъ появляются ястреба; вечеръ пробуждаетъ хищный инстинктъ; въ кустахъ замираетъ птичка, и хищники летятъ въ степь словно на разбой. Тамъ, на озерахъ, въ камышахъ, на илу высохшихъ болотъ, они взбудятъ все пернатое царство, будутъ преслѣдовать его, будутъ нападать на него послѣ цѣлаго дня голода, и послѣ заката солнца тамъ долго еще будутъ слышаться тревожные голоса гусей, караваекъ, кроншнеповъ, дупелей, степныхъ куличковъ и утокъ.

Въ глуши Алтая.

(А. Краснова.)

Уже изъ Бійска виднѣются на горизонтѣ голубыя очертанія горъ; здѣсь уже начинается Алтайскій округъ.

Что такое Алтай? Какъ всякая горная страна, онъ долженъ имѣть свои характерныя отличія. Для человѣка, который посмотрѣлъ бы на него съ высоты птичьяго полета, онъ показался бы обширною горною страною, горы которой, наподобіе морскихъ волнъ, безпорядочно раскидались во всѣ стороны. Среди такого океана волнъ отдѣльно и отчетливо выдѣляются нѣсколько высокихъ хребтовъ со снѣжными вершинами—это бѣлки Коргонскій, Катунскій и Курчумскій. Для смотрящаго съ юга Алтай покажется моремъ желто-бурыхъ волнъ, среди которыхъ сіяютъ снѣговыя вершины названныхъ хребтовъ. При взглядѣ внутрь, въ Среднюю Азію, онъ, по всей природѣ своей съ этой стороны, напоминаетъ эту послѣднюю; напротивъ, съ сѣвера онъ будетъ казаться лѣсистымъ и зеленымъ. Его предгорія расположены среди роскошной зеленой равнины окрестностей Бійска. Мало-по-малу мѣстность дѣлается болѣе гористою, и, перерѣзая многочисленныя долины, путникъ постепенно и незамѣтно въѣзжаетъ въ область величественной горной природы.

Если не считать немногочисленныхъ остатковъ кочевниковъ-тузѣмцевъ, край населенъ почти сплошь кореннымъ великороссійскимъ населеніемъ. Однако какъ неодинакова въ различныхъ частяхъ края его природа, такъ же точно несходно и это населеніе. Путь, пройденный мною отъ Бійска къ югу внутрь страны, къ бѣлкамъ Катунскимъ, и затѣмъ далѣе на юго-западъ, къ степнымъ предгоріямъ, далъ мнѣ возможность видѣть всѣ типы природы и жизни горной страны. Съ четырьмя товарищами по путешествію въ прекрасный іюньскій день мы покинули Бійскъ, чтобы, перебравшись черезъ рѣки Бію и Катунь, ѣхать далѣе въ глубь страны. Несмотря на то, что мы здѣсь отклонялись отъ большого тракта, страна, благодаря присутствію великороссійскихъ селъ, уже настолько культурна, что можно путешествовать, какъ и въ остальной части Россіи, въ экипажѣ. Дорога содержится въ большомъ порядкѣ, и тройка лошадей, весело побрякивая бубенчиками, быстро не-

сетъ почтовый экипажъ по равнинѣ, усѣянной перелѣсками, раскиданными на пестрѣющихъ цвѣтами лугахъ. Здѣсь, въ южной части Бійскаго округа, вы окружены уже настоящей сибирской природой, со всѣми ея характерными отличіями. Хотя это та же сѣверная природа съ ея хвойными лѣсами и болотистыми лугами, степями, однако какъ рѣзко отличается она отъ нашей, русской.

Гдѣ у насъ увидите вы, напримѣръ, чтобы влажные луга вдоль береговъ ручьевъ пестрѣли въ іюнѣ мѣсяцѣ множествомъ яркихъ, крупныхъ лилій, тѣхъ самыхъ лилій, которыя, какъ украшеніе, разводятся въ цвѣтникахъ нашихъ садовъ? Гдѣ у насъ пурпурными пятнами на изумрудномъ фонѣ луга раскиданы цвѣты барской спеси—этого лучшаго украшенія цвѣтника,—барской спеси, называемой сибиряками «татарскимъ мыломъ», которая перемѣшана здѣсь съ бѣлыми душистыми цвѣтами таежной фіалки, наполняющей подъ вечеръ воздухъ чуднымъ ароматомъ своихъ цвѣтовъ? И рядомъ съ этими извѣстными красивыми цвѣтами множество другихъ, еще болѣе чудныхъ формъ, чисто сибирскихъ, одѣваютъ эти луга. Тутъ вы увидите и крупные цвѣты пурпуровыхъ орхидей, и красивыя метелки дикой гречихи, и множество цвѣтовъ, поражающихъ величиною и яркостью своихъ вѣнчиковъ, какъ, напримѣръ, огромные розовые піоны по опушкамъ лѣсовъ, заросли изъ лилій, высокихъ синихъ аконитовъ и лигулярій, превышающихъ человѣческій ростъ зонтичныхъ на степи и холмахъ, все еще покрытыхъ черноземомъ, глубокимъ и тучнымъ.

Среди такихъ прерій, гдѣ травы, состоящія изъ красиво цвѣтущихъ многолѣтниковъ, превышаютъ нерѣдко ростъ человѣка, раскиданы перелѣски, протекаютъ впадающіе въ Катунь ручейки.

Тамъ и сямъ по сторонамъ дороги попадаются поля съ пшеницей, рожью и другими русскими хлѣбными растеніями, которыя, становясь все чаще и чаще, приводятъ васъ къ поселку. Расположенныя въ этой привольной мѣстности сибирскія поселенія хотя по архитектурѣ своихъ избъ и напоминаютъ наши русскія деревни, но рѣзко отличаются отъ нихъ многими чертами. Какъ и у насъ, деревня состоитъ изъ длинной улицы съ прижавшимися другъ къ другу домами, около которыхъ обыкновенно нѣтъ ни садика, ни деревца. Улица-дорога, какъ всегда, широка и грязна. Но за послѣднею избою далеко еще не кончается деревня. Громадное пространство съ правой и лѣвой стороны отгорожено заборомъ; оно представляетъ такъ называемую поскотину. Здѣсь пасутся многочисленныя стада, не требуя ни присмотра, ни призора. Загородка, захватывающая иногда нѣсколько квадратныхъ верстъ, препятствуетъ животнымъ уходить изъ предѣловъ отведеннаго имъ пространства; вмѣстѣ съ тѣмъ поля обезпечены отъ потравъ. Конечно, такой способъ содержанія скота возможенъ лишь въ столь обильной лѣсомъ и богатой по-

рожними землями странѣ, какъ южная Сибирь. Дѣйствительно, проѣхавъ немало времени по поскотинѣ, вы въѣзжаете далѣе въ область засѣянныхъ полей. Поля эти тянутся на значительныя пространства, и весьма нескоро попадете вы вновь въ область цѣлинной степи.

Обстановка зажиточнаго алтайскаго крестьянина гораздо привлекательнѣе той, которую мы видимъ у россійскихъ крестьянъ. Его изба, съ просторными комнатами, съ двустворчатыми окнами, украшенными цвѣтами, чиста; въ ней вы найдете хорошіе стулья, одѣтый чистою скатертью столъ, шкафчикъ съ посудою. Самоваръ и хорошій столовый приборъ также не составляютъ здѣсь рѣдкости. Занавѣски на окнахъ, роскошный пологъ надъ кроватью,—всѣ эти предметы, въ черноземной Россіи давно уже забытые, здѣсь составляютъ обыденное явленіе. И рядомъ съ этою культурностью обстановки я нигдѣ не видѣлъ народа столь привѣтливаго, открытаго, во всѣхъ отношеніяхъ дѣтей природы, какъ въ этихъ сѣверныхъ предгорьяхъ Алтая. Проѣзжій здѣсь рѣдкость; его принимаютъ радушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ кажется такою диковинкою, что на него сбѣгаются смотрѣть, какъ на чудо, со всѣхъ концовъ деревни.

Въ настоящее время проникнуть въ самую глубь Алтайскихъ горъ не представляетъ никакой трудности. Раскиданные тамъ поселки соединены другъ съ другомъ дорогами; пріѣзжая въ деревню, можно всегда остановиться въ такъ называемой въѣзжей избѣ, спеціально предназначенной для проѣзжихъ чиновниковъ или имѣющихъ соотвѣтствующія бумаги лицъ. Здѣсь всегда чисто и комфортабельно, насколько это возможно при деревенской обстановкѣ; васъ накормятъ и напоятъ какъ слѣдуетъ. Но обстановка деревень уже не та, что въ предгорьяхъ. Онѣ гораздо менѣе многолюдны. Вмѣсто волнистой степи со всѣхъ сторонъ возвышаются скалы; хребты раздѣляются тамъ и тутъ раскиданными долинами со степнымъ характеромъ. Склоны этихъ хребтовъ одѣты лѣсами уже иного характера, чѣмъ въ предгоріяхъ. Не сосна и не береза, а лиственница, и почти исключительно лиственница, одѣваетъ ихъ склоны, придавая природѣ этой части Алтая совершенно особенный, несходный ни съ одними европейскими или средне-азіатскими горами, видъ. Некрасивы эти высокія исполинскія деревья. Нимало не напоминаютъ они наши растущія въ садахъ и паркахъ лиственницы. Одѣтыя чахлою хвоей, во всѣ стороны растопыриваютъ они безобразныя свои вѣтви, выгнутыя снизу вверхъ.

Рѣдко другъ отъ друга стоятъ эти деревья, подъ сѣнью которыхъ развиваются высокія травы прерій. Здѣсь, какъ въ настоящей сибирской тайгѣ, все лѣто кишмя кишитъ мошка, живетъ различный лѣсной звѣрь, начиная съ медвѣдя и кончая оленемъ и бѣлкою. Какъ въ сибирской тайгѣ, звѣроловство даетъ здѣсь главный доходъ крестьянину, если не считать существующаго на ряду съ нимъ скотоводства. Высокія

горныя вершины, равно какъ и степного характера долины, питаютъ здѣсь громадные табуны лошадей—главную гордость ихъ владѣльцевъ, позаимствовавшихъ любовь къ лошадямъ отъ вытѣсненныхъ ими туземцевъ.

Послѣдніе теперь составляютъ здѣсь уже рѣдкость. Проѣхавъ отъ Бійска до расположенной въ глубинѣ страны деревни Уймонъ, я только разъ или два встрѣчалъ на пути своемъ войлочныя юрты кочующихъ здѣсь алтайцевъ.

Самую замѣчательную часть здѣшняго населенія составляютъ такъ называемые ясачные крестьяне. Селенія ихъ расположены въ самой глубинѣ Алтайскихъ горъ, въ верховьяхъ рѣки Катуни, въ области глубокихъ ущелій и пропастей, одѣтыхъ дремучею сибирскою тайгою скалъ. Недавно еще туда не было никакого доступа. Въ глазахъ прочаго населенія это былъ дикій камень, на которомъ могли жить столь же дикіе, столь же мало любимые русскимъ крестьянствомъ, какъ и природа ихъ, крестьяне-ясачные, т.-е. платящіе, подобно инородцамъ, ясакъ шкурами убитыхъ ими звѣрей. Наслушавшись въ деревняхъ разсказовъ о дикости природы и различныхъ качествахъ, не особенно симпатичныхъ у ясачныхъ крестьянъ, невольно представляешь себѣ путешествіе въ страну ихъ крайне затруднительнымъ; думаешь, что придется имѣть столкновеніе съ народомъ дикимъ и варварскимъ. Ничуть не бывало! Съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ гдѣ-либо, ѣдете вы по прекраснымъ высѣченнымъ въ скалахъ дорогамъ, которыя сдѣлали бы честь инженерамъ болѣе культурныхъ странъ. Ѣдучи такою дорогою, вы попадаете въ воздѣланную долину верхней Катуни, гдѣ поля орошаются искусственно проведенными отъ ручьевъ канавками, гдѣ пасутся чудные табуны коней, гдѣ, наконецъ, вы видите большія, просторныя избы-дома о многихъ комнатахъ, настоящія наши дачи, съ чисто европейскою обстановкою, начиная съ ручекъ у дверей, тарелокъ и мельхіоровыхъ приборовъ до мебели и получаемыхъ нѣкоторыми газетъ (правда, только мелкихъ иллюстрированныхъ). Чистота здѣсь поразительная. Насъ, проѣзжихъ, просили не вносить въ комнаты, а положить въ сѣняхъ нашъ багажъ, дабы не занести какъ-нибудь таракановъ! Населеніе, насъ встрѣчающее, производитъ впечатлѣніе крестьянъ-старообрядцевъ. Та же русская рубаха и штаны, тотъ же кафтанъ, та же мягкая, круглая войлочная, домашняго издѣлія, черная съ красною лентою шляпа. Это та шляпа, которую носила когда-то вся православная Россія и которую вытѣснилъ теперь почти повсюду въ европейской части нашего отечества нѣмецкій картузъ. Словомъ, ничто ни въ костюмѣ, ни въ чистой великороссійской рѣчи населенія деревень какъ мужского, такъ и женскаго не объясняетъ названіе «русскіе инородцы», которое имъ дано ихъ сосѣдями. А между тѣмъ, по своимъ правамъ это инородцы.

Еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, когда горныя дебри, на-

селенныя этими людьми, принадлежали Китайской имперіи, нѣсколько преступниковъ, нѣсколько гонимыхъ за вѣру сектантовъ бѣжало въ эту часть Алтая, гдѣ они и скрывались по пещерамъ и въ лѣсахъ, живя исключительно одною охотою. Когда, наконецъ, такая жизнь имъ наскучила, они обратились было къ китайскому правительству, чтобы оно записало ихъ въ свои земледѣльцы. Скоро однако порядки Небесной имперіи оказались слишкомъ тяжелыми для привыкшаго своевольничать люда. Они вновь вернулись въ долины Катуни и, пользуясь тѣмъ, что въ это время русская колонизація подошла близко къ занятой ими области, подали челобитную императрицѣ Екатеринѣ, прося прощенія за прежніе проступки и позволенія перейти въ русское подданство, наравнѣ съ прочими присоединенными къ Россіи инородцами и на одинаковыхъ съ ними правахъ.

Просьба ихъ была уважена, и они, явившись законными обладателями горной страны, плодородной, богатой лѣсами и звѣремъ, воспользовались ею гораздо лучше, нежели сосѣди ихъ, алтайцы и киргизы. Въ то время какъ тѣ постепенно нищали и разорялись, эти привели весь край въ цвѣтущее состояніе.

Однако и до сихъ поръ слѣды прежняго состоянія отражаются на населеніи. До сихъ поръ они сѣютъ хлѣбъ и накашиваютъ сѣно въ неприступныхъ ущельяхъ. Въ деревняхъ нѣтъ почти телѣгъ. Все дѣлается на лошадяхъ. Нерѣдко вы видите цѣлыя кавалькады женщинъ и дѣвушекъ, ѣдущихъ въ поле и, сидя по-мужски, гарцующихъ не хуже самыхъ ловкихъ киргизскихъ наѣздниковъ.

Съ крайнимъ удивленіемъ услышалъ я въ домѣ моего хозяина, что жена его, пожилая женщина, учила своего семилѣтняго сына грамотѣ. Я уже говорилъ, что нѣкоторые богатые крестьяне выписываютъ здѣсь газету; кромѣ того, читая прошенія нѣкоторыхъ деревень ясачныхъ крестьянъ, я былъ пріятно пораженъ тѣмъ, что всѣ просители собственноручно подписали прошеніе. Эти подписи были крайне разнообразны. Въ то время какъ большинство подписало свою фамилію болѣе или менѣе красиво, общепринятыми буквами, я встрѣтилъ нѣсколько подписей, буквы которыхъ были скопированныя славянскія. Учившійся, очевидно, не имѣлъ другого образца, кромѣ церковной книги древней печати.

Развитые, здраво обо всемъ разсуждающіе, ясачные крестьяне не имѣютъ ни одной школы. Ихъ образованіе и развитіе есть продуктъ сознанной всею массою необходимости въ немъ. Здѣсь, на этой далекой сибирской окраинѣ, точно такъ же, какъ въ среднемъ Поволжьѣ и на востокѣ Россіи, мнѣ неоднократно приходилось встрѣчаться съ такими явленіями самообразованія и саморазвитія у крестьянъ.

Культурное превосходство ясачныхъ крестьянъ обусловлено между прочимъ и ихъ несравненно большею предпріимчивостью. Поддерживая

сношенія съ китайцами, они сильно обогатились, торгуя съ ними предметами охоты: бѣличьими шкурками и шкурами звѣрей, въ особенности же рогами благородныхъ оленей, такъ называемыхъ мараловъ. Рога ихъ, когда они срѣзаны еще мягкими, налитыми кровью и выварены въ водѣ извѣстнымъ способомъ, высоко цѣнятся китайцами (они продаются по 15 руб. за фунтъ, такъ что каждый рогъ стоитъ отъ 150 до 200 руб.). Добыча такого рода роговъ сопряжена съ большими трудностями. Чтобы добыть ихъ, надо охотиться на животное зимою на крутизнѣ по неприступнымъ ущельямъ и вершинамъ. Уймонецъ подвязываетъ себѣ къ ногамъ лыжи и съ быстротою паровоза кидается внизъ за бѣгущимъ подстрѣленнымъ звѣремъ, лавируя между стволами деревъ и постоянно подвергаясь опасности вдребезги о нихъ разбиться, настигаетъ его и наноситъ ему послѣдній ударъ. Охотою за маралами занимается и населеніе Алтая и Тянь-Шаня, гдѣ также попадаются эти животныя. Но въ то время какъ годъ отъ году количество мараловъ становится меньше, и скоро, особенно съ истребленіемъ лѣсовъ, они будутъ окончательно уничтожены, ясачные крестьяне навсегда обезпечены запасомъ роговъ. Преслѣдуя оленей на лыжахъ, нѣкоторые отважные молодцы ухитрились поймать живьемъ нѣсколькихъ самцовъ и самокъ. Отгородивъ имъ обширную территорію, гдѣ бы былъ и лѣсокъ и ручей, они достигли того, что маралы, размножить которыхъ въ неволѣ не удавалось опытнѣйшимъ акклиматизаторамъ, дали приплоды. Теперь есть крестьяне, имѣющіе до 40 головъ. Ежегодно въ іюнѣ, спиливая отрастающіе рога, они теперь получаютъ со своего маральника порядочный доходъ.

Но главное богатство ясачныхъ крестьянъ безспорно составляютъ ихъ табуны. Многіе имѣютъ болѣе 1000 головъ лошадей. Любовь къ конямъ они заимствовали отъ своихъ сосѣдей-кочевниковъ, и только развѣ еще отъ киргиза услышите вы съ такимъ восторгомъ изложенный разсказъ о своемъ табунѣ, отъ топота копытъ котораго за версту дрожитъ земля; только киргизъ сумѣетъ съ такою ловкостью сѣсть на дикаго коня и, въ короткое время объѣздивъ, привести домой взмыленнаго, дрожащаго, но смирнаго и покойнаго какъ ягненокъ.

Табуны такихъ коней пасутся по преимуществу на высокихъ альпійскихъ пастбищахъ Катунскихъ бѣлковъ. Чтобы переѣхать Катунскій хребетъ, вы должны бросить экипажъ, такъ какъ въ Уймонѣ кончаются колесныя дороги. Вы садитесь верхомъ на лошадь, ваши вещи, чемоданы, ящики, все это навьючивается на лошадей. Образуется длинная вереница отягощенныхъ коней. Впереди и сзади ея ѣдетъ по вожатому. Лошади, употребляющіяся уймонцами и другими ясачными крестьянами, не разъ уже дѣлали переходы въ горахъ. Онѣ чрезвычайно умны, спокойны, дрессированы. Идя гуськомъ одна за другою, ничѣмъ не связанныя, онѣ осторожно ступаютъ по крутымъ каменистымъ тропинкамъ.

Рѣдко когда которая-нибудь изъ нихъ увлечется кустикомъ или травкою, растущею въ сторонѣ отъ дороги; но и тогда достаточно легкаго крика проводника, чтобы она тотчасъ вновь заняла свое мѣсто въ каравапѣ. Ѣдучи такимъ образомъ, вы медленно поднимаетесь сперва въ область лиственничныхъ, кое-гдѣ чередующихся съ березою лѣсовъ, затѣмъ мало-по-малу въѣзжаете въ рощу съ чудными пирамидальными елями и еще болѣе стройными темно-зелеными, какъ стрѣлки высоко поднимающимися пихтами; наконецъ, послѣднимъ выше всего является опять сибирскій кедръ, здѣсь еще болѣе величественный и красивый. Высокіе альпійскіе луга горъ, расположенные близъ снѣговой линіи, здѣсь не менѣе красивы, не менѣе блещутъ массами разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ, какъ и въ Швейцаріи. И на ряду съ восхитительными вѣнчиками эдельвейсовъ и другими характерными альпійскими цвѣтами вы видите здѣсь цѣлыя заросли алтайскихъ фіалокъ, столь же крупныхъ, какъ наши садовые Иванъ-да-Марьи, еще болѣе крупные и голубые цвѣты троецвѣтки или огромнаго алтайскаго водосбора и какъ огоньки раскиданные вѣнчики золотоглава. Прободая черными пушистыми волосатыми бутонами снѣгъ, они раскрываютъ свои желтые, похожіе на цвѣты нашего курослѣпа, вѣнчики, какъ только начнетъ обнажаться изъ-подъ снѣга черная влажная земля, и образуютъ такимъ образомъ яркую желтую кайму вокругъ пятенъ тающаго снѣга.

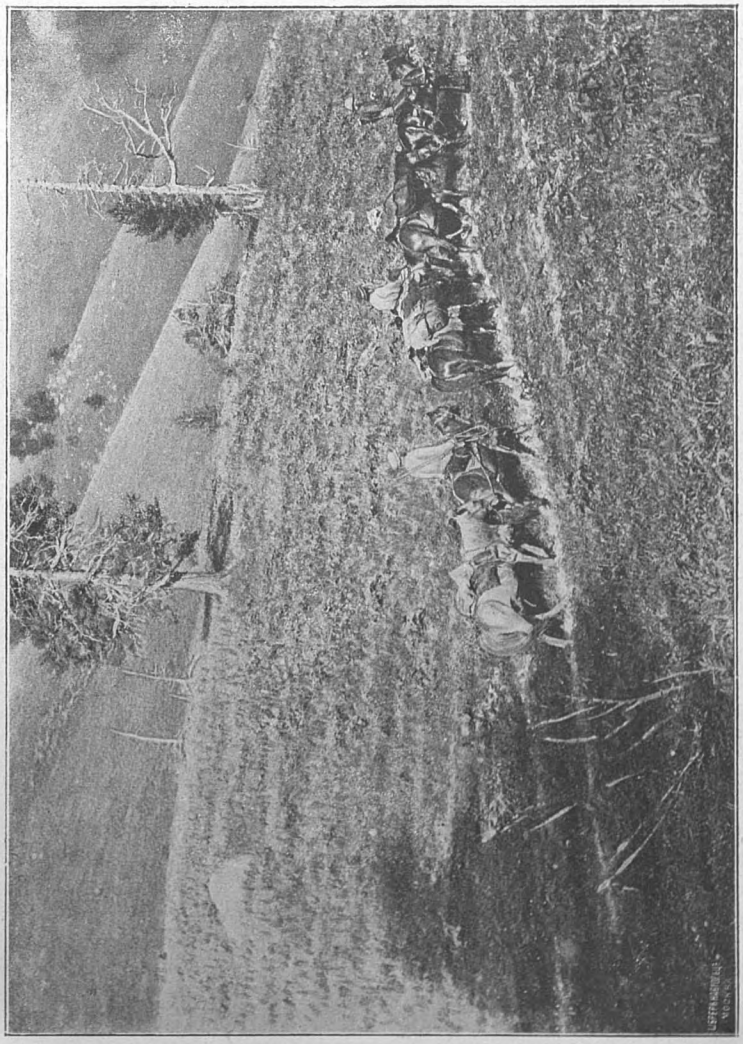
Съ вершины горныхъ переваловъ открываются чудные виды на лежащую подъ ногами горную страну съ ея рѣками, озеровидными долинами и закинутыми среди волнъ взбудораженной поверхности бѣлѣющими снѣговыми хребтами. Надо сознаться, что эти горныя алтайскія панорамы съ птичьяго полета гораздо цвѣтистѣе, эффектнѣе альпійскихъ. Тамъ вся низина, обыкновенно полузадернутая дымкою тумана, окрашена въ какой-то болотный блѣдно-зеленый цвѣтъ, среди котораго темными пятнами выдѣляется лѣсъ; здѣсь, напротивъ, выгорѣвшіе, обращенные на югъ желто-бурые или сѣрые отъ сланцевъ склоны рѣзко отличаются отъ темно-зеленыхъ ущелій или сторонъ, обращенныхъ къ западу или сѣверу, а среди желтыхъ долинъ зеленая кайма рѣкъ и озеръ оттѣняется особенно эффектно. Но наиболѣе грандіозны горы Катунскія въ окрестностяхъ Бѣлухи, гдѣ ущелья и пропасти становятся глубоки и мрачны, гдѣ со стѣнъ ихъ низвергаются водопады и каскады, гдѣ, наконецъ, расположены большіе ледники, по красотѣ далеко оставляющіе за собою ледники Тянь-Шаня и смѣло могущіе конкурировать съ кавказскими и альпійскими. Особенно хорошъ ледникъ Катунскій, образующій въ концѣ своемъ обширный сводъ, изъ-подъ котораго, какъ Рона изъ своего ледника, вытекаетъ родоначальница великой Оби, воды которой такимъ образомъ и родятся и умираютъ среди льдовъ.

Катунскими бѣлками съ юга и кончаются высокія цѣпи Малаго Ал-

тая. Затѣмъ вы постепенно спускаетесь въ долину Бухтармы, которая, начиная съ своего средняго теченія, принимаетъ уже совершенно степной, азіатскій характеръ: лѣса, кромѣ побережій рѣки, исчезаютъ, является голая, выжженная къ концу лѣта степь. Но степь эта, какъ и степи сѣвернаго склона Алтая, теперь густо заселена русскимъ крестьянствомъ. Если, подобно населенію другихъ горныхъ странъ, Алтай не представляетъ изъ себя теперь пестрой смѣси различныхъ народностей, и калмыки, киргизы и татары тамъ не играютъ большой роли, зато здѣсь необыкновенно велико разнообразіе сектъ, обычаевъ и обрядовъ, уживающихся другъ съ другомъ у пришедшихъ сюда изъ разныхъ концовъ Россіи поселенцевъ. Въ верховьяхъ, какъ мы видѣли, сидятъ ясачные крестьяне. Далѣе вы встрѣтите рядъ деревень, составленныхъ изъ раскольниковъ; между ними раскиданы православные. Вотъ сибирскіе казаки, станицы которыхъ выглядятъ особенно хорошо. Бѣленькіе домики имѣютъ палисадники съ деревьями; кругомъ канавы съ протекающей водой. Еще далѣе, при сліяніи Бухтармы съ Иртышомъ, являются поселенія малороссовъ, сохранившихъ еще отчасти свое нарѣчіе и внѣшній видъ своихъ тонущихъ въ садахъ деревень съ бѣлыми хатками.

Все это населеніе, несмотря на различіе религіозныхъ воззрѣній, тѣсно перемѣшано другъ съ другомъ, такъ что въ одной и той же семьѣ отецъ, мать и сыновья являются раскольниками различныхъ толковъ. Нерѣдко, слѣдуя религіознымъ предразсудкамъ, мужъ и жена не ѣдятъ изъ одной и той же посуды, считая, что стаканъ или чашка, изъ которой ѣлъ одинъ изъ супруговъ посторонней секты, уже опоганены. Мнѣ самому приходилось на одномъ деревенскомъ праздникѣ видѣть, какъ хозяйка, сильно хмельная, угощала насъ, меня и товарищей, усердно домашняго приготовленія брагою; при этомъ она строго слѣдила, чтобы кто-нибудь изъ насъ не взялъ того стакана, изъ котораго пила она сама, или чтобы не выпить изъ нашихъ.

Если теперешнее населеніе центральной части Алтая и Бухтарминской долины и имѣетъ довольный, зажиточный видъ и отличается самостоятельностью, то все-таки впечатлѣніе это, къ сожалѣнію, нельзя распространять на весь Алтай. Западная его половина, менѣе высокая, скорѣе холмистая, чѣмъ гористая, сравнительно густо населенная, въ сущности представляетъ несравненно болѣе грустную картину. Здѣсь, въ этой части горъ, населеніе издавна было на положеніи крѣпостныхъ; оно было выписано сюда для разработки многочисленныхъ серебряныхъ, золотыхъ и мѣдныхъ рудниковъ, раскиданныхъ въ горахъ. Всѣ черты, налагаемыя рабствомъ, еще можно встрѣтить въ этомъ населеніи: лукавство, скрытность, ложь и низкопоклонство здѣсь развиты весьма сильно. И грустно бываетъ видѣть послѣ гордаго, независимаго ясачнаго крестьянина, потомка Богъ знаетъ какихъ преступниковъ, безъ всякой



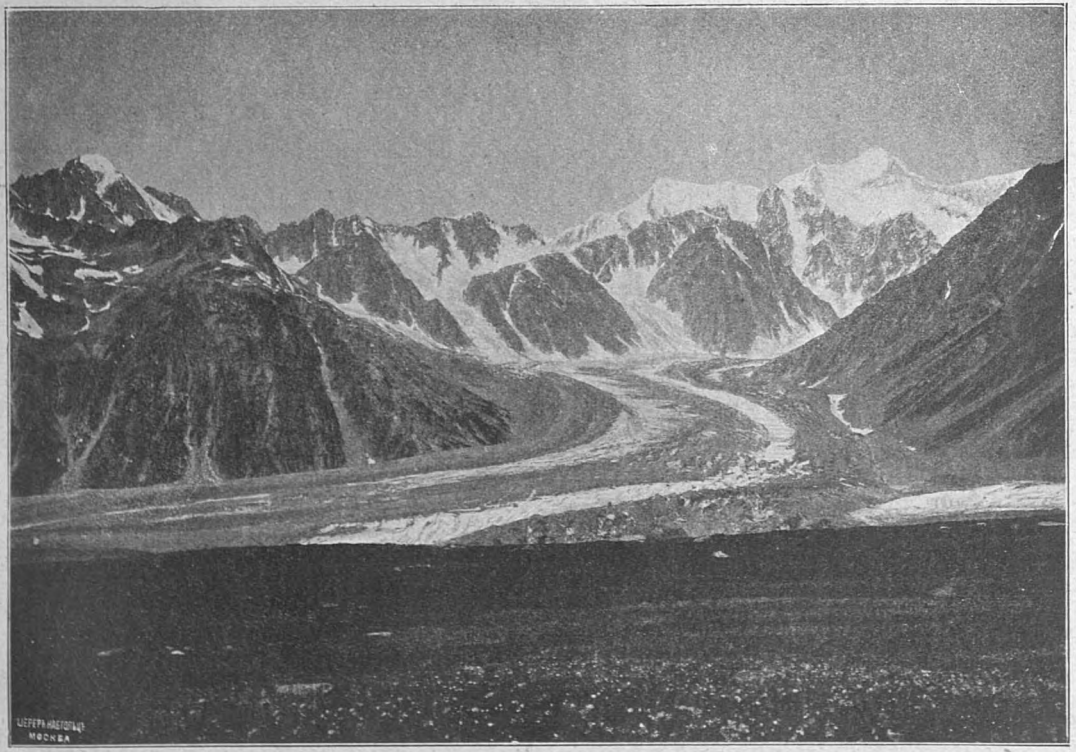
Въ Алтайскихъ горахъ.

нужды падающаго въ ноги заводскаго мужика. Рудники разрослись здѣсь въ значительные мѣстечки и городки, хотя нельзя думать, чтобы только тѣми мѣстами, гдѣ теперь устроены шахты, и ограничивались мѣста нахожденія золота. Сплошь и рядомъ слышишь разсказъ, какъ то тамъ, то здѣсь нашли драгоцѣнный металлъ. Хотя часто такіе слухи оказываются ложными, однако при мнѣ былъ случай, что крестьяне нашли близъ своей деревни розсыпи и потихоньку, построивъ на томъ мѣстѣ бани, мыли себѣ золото и продавали его въ Китай. Они пробовали было даже оказать вооруженное сопротивленіе, когда правительство, открывъ это дѣло, послало произвести слѣдствіе. Въ настоящее время казенное населеніе болѣе и болѣе теряетъ охоту заниматься рудничнымъ дѣломъ, увлекаясь въ сторону земледѣлія, такъ что въ концѣ-концовъ лучшій контингентъ рабочихъ поставляютъ киргизы.

Явленіе это перестанетъ казаться страннымъ, если послѣ прогулки среди чудной горной природы вы спуститесь въ одинъ изъ здѣшнихъ рудниковъ,—хотя въ Зыряновскій, наиболѣе чистый изъ всѣхъ. Здѣсь устройство еще вполнѣ примитивное. Нѣтъ ни подъемныхъ машинъ, ни хорошо устроенныхъ спусковъ. Надѣвъ рудокопную блузу, повѣсивши фонарь на шею, вы должны спускаться въ узкія дыры-колодцы, въ которыя поставлены лѣстницы. Чтобы спуститься на 30 съ лишнимъ саженъ, приходится порядкомъ испачкаться въ этихъ сырыхъ, грязныхъ трубахъ. Далѣе вы попадаете въ узкіе подземные коридоры съ липкою грязью внутри. Мѣстами они выстланы досками, составляющими обивку ихъ стѣнъ. Плѣсень, не тревожимая вѣтромъ, образуетъ на такихъ стѣнахъ прихотливые узоры, причудливостью своею мало уступающіе тѣмъ, которые дѣлаетъ зимою морозъ на стеклахъ. Тамъ же, гдѣ стѣны не закрыты, вы видите зеленыя и синія полосы разныхъ окисей металловъ, среди которыхъ, какъ звѣздочки, блестятъ кристаллы колчедана, которые неопытный глазъ приметъ за кусочки золота.

Но, несмотря на эту красивую, оригинальную подземную обстановку рудника, пребываніе въ спертомъ, сыромъ и холодномъ воздухѣ не можетъ быть ни здорово, ни пріятно. Работать мотыкою цѣлый день подъ этими мрачными сводами, слыша отъ времени до времени раскаты отъ взрывовъ динамита при разработкѣ новыхъ ходовъ, не можетъ показаться пріятнымъ. Неудивительно поэтому, что ни кратковременность работы, ни хорошая цѣна не влекутъ работника подъ землю, когда и на землѣ можно заработать немало.

Окрестности рудниковъ давно уже лишились лѣса. Высокія горы какъ бы оплѣшивѣли, покрылись степною флорою. Много лѣсовъ погибло отъ пожара, и не даромъ, проѣзжая по этимъ мѣстамъ, туземецъ-киргизъ поетъ свою унылую пѣсню, заканчивающуюся словами: «Бѣдный Алтай мой,—обобранъ онъ, несчастный». Но у того, кто познако-



Гора Бѣлуха въ Алтаѣ.

мится съ нимъ ближе, я думаю, останется убѣжденіе, что обобрать этотъ край не такъ-то легко; долго еще его богатства будутъ обусловливать довольство его симпатичнаго населенія, и не скоро будетъ звучать ироніей фраза русскаго алтайца, что «настоящая Россія—у насъ, у васъ же за Ураломъ осталась Сибирь».

Алтайцы.

(М. Соболева.)

Въ первый разъ мы застали алтайцевъ въ то время, когда они косили траву, какъ работники, у русскаго крестьянина. Чрезвычайная худоба, загорѣлое почти дочерна туловище, покрытое только около поясницы какой-то тряпкой, маленькая сережка въ ухѣ, тонкая коса сзади и монгольскій складъ лица бросаются въ глаза. Какъ работники, алтайцы малосильны и лѣнивы. Земледѣліе осѣдлыхъ инородцевъ стоитъ на низкой степени развитія: землю какъ попало разрыхляютъ, бросаютъ зерна, и если хлѣбъ выросъ, то срѣзаютъ его ножами или прямо выдергиваютъ съ корнемъ и колотятъ палками. Они питаются кореньями, ячменемъ и кирпичнымъ чаемъ; утвари почти нѣтъ. Нужда преслѣдуетъ алтайцевъ, жестокія болѣзни съ каждымъ годомъ получаютъ среди нихъ все большее распространеніе и, благодаря отсутствію медицинской помощи, ускоряютъ вымираніе инородца.

Нѣсколько менѣе плачевное положеніе представляютъ алтайцы, кочующіе въ степяхъ Абая и Капа, начинающихся въ 20 верстахъ отъ Тюдралы. Здѣсь туристъ вступаетъ въ тѣ благословенные края Алтая, куда рѣдко проникаетъ нога переселенца и гдѣ на волѣ кочуютъ орды теленгетовъ; кажется, что живешь съ народами Средней Азіи тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда европейское вліяніе не успѣло еще проникнуть сюда. Пространная равнина, покрытая низкими травами, носитъ характеръ спокойствія, совершенно противоположнаго съ дикими видами окрестныхъ горъ. Широкая, плоская долина Капа лежитъ между пологими известковыми холмами, въ которыхъ нерѣдко встрѣчаются пещеры, дающія во время непогоды убѣжище скоту. Среди желтой, низкой, сухой травы мелькаетъ кое-гдѣ солончакъ, маленькія озерки и небольшіе валуны. По степи аулами стоятъ алтайцы. Дымъ выходитъ изъ верха ихъ коническихъ юртъ, кругомъ прилегли ихъ стада. Скворцы прыгаютъ около овецъ и нерѣдко залѣзаютъ къ нимъ на спину. Суслики и каменки бѣгаютъ взадъ и впередъ по выжженной землѣ, прячась въ норы при приближеніи почты, мелкіе сокола кружатся въ воздухѣ, ища поживиться многочисленными кузнечиками, а вдали по озеркамъ или берегу рѣчки стоятъ сѣрые журавли. Однообразный колоритъ солончаковой степи скрадывается зачастую зеленью лѣсовъ, расположенныхъ по склонамъ

холмовъ, окружающихъ долину. Кажется, что часть глинистой пустыни побережій Каспія выхвачена и, поднятая на высоту въ 3210 футовъ надъ уровнемъ моря, искусственно вставлена въ рамки лѣсистыхъ горъ. Разсѣянные тамъ и сямъ участки солончаковъ, полыни и чесночнаго гулявника, вытѣснившіе роскошныя степныя формы, указываютъ на отсутствіе дренажа, а медленное теченіе рѣки—на малый наклонъ долины. Между тѣмъ холмы, полого спускающіеся къ ея дну, покрыты роскошной степной травой и лѣсомъ.

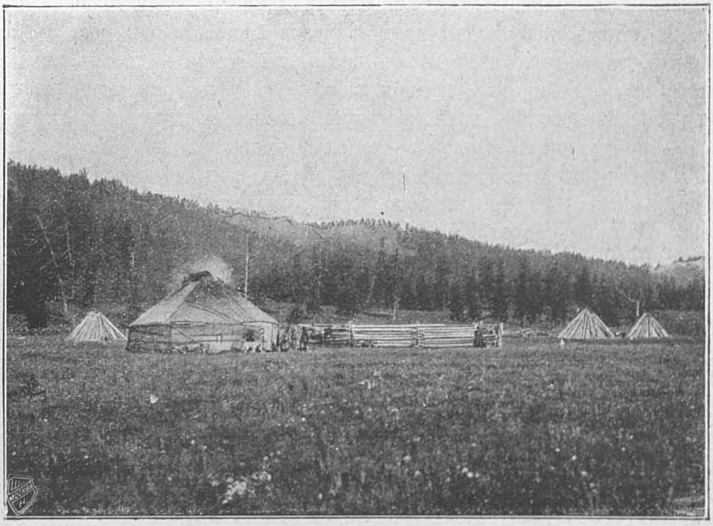
Прекрасныя травы холмовъ, близость воды и солончака даютъ выгодныя условія для скотоводства, а лѣсъ, расположенный по холмамъ, до сихъ поръ еще обиленъ дичью и звѣремъ, шкурами котораго алтайцы платятъ свою дань Россіи и Китаю.

Характеръ ровной, однообразной степи отразился на человѣкѣ и его занятіяхъ. Спокойный, почти унылый, безпечный и лѣнивый—таковъ кочевникъ. Онъ не любитъ ходить, жизнь сдѣлала его наѣздникомъ, ноги его изогнуты, ступня маленькая. Пасти стада, объѣзжать лошадей—вотъ все его занятіе. Онъ неспособенъ къ тяжелому труду. Дома его работница—жена. Чуть свѣтъ она встаетъ, чтобы принести дровъ для очага, отдоить скотъ. Когда она воротилась, уже проснулись дѣти, нужно приготовить кушанье, убирать юрту. Днемъ она шьетъ одежды, готовитъ кумысъ и аракъ, плететъ сѣти. Алтаецъ просыпается поздно, идетъ взглянуть на лошадей и затѣмъ садится около очага и способенъ цѣлыми днями сидѣть, покуривая табакъ, смѣшанный съ берестой корой, изъ длинной китайской трубки, перебирая съ сосѣдями событія послѣднихъ дней или придумывая, не предстоитъ ли гдѣ-нибудь въ ближнемъ аулѣ какого-либо торжества, гдѣ можно было бы пить аракъ и ѣсть мясо; и если у сосѣда верстъ за 40 или 50 начинается жертвоприношеніе, или женится сынъ, или предстоятъ похороны,—мигомъ вся степь пустѣетъ, и въ юртахъ вы встрѣтите только женщинъ и дѣтей. Всякое маленькое происшествіе уже вноситъ разнообразіе въ монотонную жизнь кочевника. Стоитъ путнику заѣхать въ аулъ, и толпа алтайцевъ вмигъ окружаетъ хижину, въ которую онъ вошелъ. Вопросы сыплются градомъ на проводника: кто такіе, откуда пріѣхали, куда ѣдутъ и т. д., и навѣрное много времени пройдетъ по отъѣздѣ, а аулъ, собравшись около очага и покуривая длинныя трубки, будетъ вспоминать о вашемъ посѣщеніи.

Прибытіе путешественника производитъ большое смятеніе. Собаки, похожія на зырянскихъ лаекъ, худыя и грязныя, съ яростью бросаются на васъ, изъ дверей юрты высовываются головы и тотчасъ прячутся назадъ. Проходитъ около пяти минутъ, и вотъ наконецъ старшій и болѣе богатый алтаецъ выходитъ изъ юрты, бросаетъ чѣмъ попало въ собакъ, послѣ чего онѣ съ воемъ укладываются около загоновъ скота,

а самъ съ привѣтствіемъ «эзень» подходитъ къ вамъ и проситъ войти въ его жилище.

Юрты имѣютъ двѣ характерныя формы. Одна, оригинальная для Алтая, коническая, сдѣланная изъ жердей, соединенныхъ наверху у дымового отверстія кольцомъ и обложенныхъ снаружи корой сосны и лиственницы, наиболѣе распространена между бѣднымъ классомъ кочевниковъ. Зимой въ ней такъ холодно, какъ снаружи, и чтобы сдѣлать пребываніе въ юртѣ во время сильныхъ морозовъ возможнымъ, ее обкладываютъ навозомъ и снѣгомъ, а внутри зажигаютъ неугасимый огонь.



Кочевье алтайцевъ.

Другая форма юртъ заимствована, вѣроятно, у киргизовъ и составляетъ принадлежность болѣе состоятельныхъ алтайцевъ. Она дѣлается изъ войлока, натягивается на рѣшетчатыя деревянныя стѣнки. Хотя толстый плотный войлокъ болѣе предохраняетъ обитателя отъ зимней стужи, чѣмъ кора, тѣмъ не менѣе даже ночью, при огнѣ очага, хозяева не скидаютъ съ себя мѣховой одежды. Входъ въ юрту завѣшивается кожей или шкурой. За послѣднее время выработался еще третій типъ юрты, которая является переходною ступенью отъ кочевой постройки къ осѣдлой. Шестигранный срубъ въ человѣческій ростъ довершается круглой конической крышей. Постройка такого рода еще не имѣетъ дымовой трубы, но плотный срубъ напоминаетъ избу. Юрта только

тѣмъ и хороша для безпечнаго алтайца, что онъ безъ сожалѣнія бросаетъ ее, когда недостатокъ травъ вынуждаетъ его къ перекочевкѣ или массы насѣкомыхъ, нерѣдко покрывающихъ всѣ стѣны, слишкомъ безпокоятъ его семью. Въ другой долинѣ онъ найдетъ достаточно матеріала, чтобы построить себѣ такое же новое, неприхотливое жилье.

При входѣ въ юрту какой-то ѣдкій, кислый запахъ ошибаетъ васъ. Недостатокъ дымовой трубы даетъ себя чувствовать. Неугасаемый очагъ горитъ посрединѣ юрты, дымъ разстилается по ней, покрываетъ густою копотью стѣны и медленно выходитъ въ отверстіе наверху. Съ непривычки рѣжетъ глаза, спирается дыханіе; алтайцы часто страдаютъ воспаленіемъ глазъ, и нерѣдки случаи слѣпоты, происходящей отъ такого отопленія. У стѣны противъ двери висятъ идолы, или скорѣе фетиши, такъ какъ нерѣдко въ число ихъ входятъ кольца, камни, ремни и др. вещи, не имѣющія никакого сходства съ человѣческой фигурой. Въ рядъ съ ними протянута веревка съ девятью лоскутами въ честь умершихъ предковъ—добрыхъ геніевъ семьи. По стѣнамъ подъ потолкомъ развѣшаны капканы, ружья, нагайки, звѣриныя шкуры, кишки съ масломъ, заготовленныя впрокъ заботливыми хозяйками. На землѣ по стѣнамъ стоятъ вьючныя сумы, въ которыхъ хранятся одежды и имущество семьи. Чѣмъ больше у алтайца такихъ сумъ, тѣмъ богаче считается онъ. Около нихъ помѣщается аркытъ—мѣшокъ для храненія кумыса. На сумахъ прилажена постель хозяевъ, завѣшанная иногда у богатыхъ кускомъ матеріи; налѣво отъ входной двери мужская половина, направо—женская и дѣтская. Гостя сажаютъ на какую-нибудь шкуру передъ очагомъ, растапливаютъ послѣдній, если онъ загашенъ, хозяинъ набиваетъ трубку, затягивается и подаетъ ее новоприбывшему.

Длинная глиняная или желѣзная трубка, часто китайскаго издѣлія, сопутствуетъ алтайцу повсюду; онъ носитъ ее въ кожаномъ футлярѣ за голенищемъ сапога, такъ что дома и въ дорогѣ верхомъ онъ всегда готовъ выкурить. Масса любопытныхъ показывается у порога, старшіе входятъ въ юрту и садятся полукругомъ на мужской половинѣ сзади гостя, младшіе тѣснятся у входа. Когда трубка обошла весь кругъ, гость обращается къ хозяину съ вопросомъ: «малашъ канды туру?» (т.-е. какъ здоровы ваши стада). «Все благополучно» (табышъ іокъ туру), отвѣчаетъ тотъ. Тогда гость освѣдомляется о здоровьи хозяина и его семьи, послѣ чего уже разговоръ переходитъ на другую почву: «нэ та бышъ?» (какія новости у васъ). «Іокъ, слерды нэбаръ» (ничего новаго). Въ то время, когда ведется этотъ стереотипный обмѣнъ фразъ, хозяйка уже достала изъ аркыта кумысъ или аракъ изъ деревянной кадки и, почерпнувши питье большой чашкой, подаетъ ее гостю, придерживая одной рукой косу, что дѣлаютъ всѣ женщины вмѣсто по-

клона. Послѣ этого хозяинъ наливаетъ аракъ самъ и угощаетъ гостя, низко кланяясь и прикладывая обѣ руки къ вискамъ. Затѣмъ самаго маленькаго изъ дѣтей заставляютъ коснуться рукой сосуда, и если вы откажетесь выпить третью порцію, то алтаецъ почтетъ себя глубоко оскорбленнымъ. Пріѣздъ гостя мало волнуетъ только женское населеніе юрты. Домашнія обязанности не должны оставаться въ пренебреженіи; пусть мужчины говорятъ, курятъ и угощаются, на женской половинѣ должны подумать объ обѣдѣ. Дѣвочки-подростки тутъ же у очага продолжаютъ мыть кишки убитаго барана и начиняютъ ихъ

Алтаецъ.

потрохами съ кровью и крупой—это «тергомъ», національное кушанье алтайца. Молочные продукты и мясо животныхъ—вотъ пища кочевника. Все его состояніе—скотъ; послѣдній даетъ ему одежду, пищу, а избытокъ, продаваемый купцамъ, позволяетъ ему пріобрѣсти табакъ, матеріи для женскихъ одеждъ, порохъ и другія необходимыя принадлежности его неприхотливой жизни.

Алтаецъ сохранилъ во всей чистотѣ свой языкъ и типъ. Плоское лицо, выдавшіяся скулы, черные жесткіе волосы, отсутствіе бороды, гладко выстриженная голова и назади пукъ волосъ, заплетенныхъ въ косу,—вотъ его видъ. Женщины заплетаютъ двѣ косы, дѣвушки—три, пять или семь; онѣ сильно заботятся о длинѣ косъ, нерѣдко вплетаютъ

въ нихъ чужіе волосы; короткая коса считается позоромъ. Привѣтствуетъ ли алтайка гостя, угощаетъ ли его, всегда она вмѣсто поклона дотрогивается до косы. Но если волосы и составляютъ предметъ заботъ алтаекъ, то того же нельзя сказать объ одеждѣ. Дѣти бѣгаютъ совершенно голыя; ихъ длинныя, тонкія руки, большая голова и животъ свидѣтельствуютъ о томъ, что англійская болѣзнь имѣетъ здѣсь большое распространеніе. Дѣвочки-подростки и нѣкоторыя женщины одѣты въ кожаны изъ длинной лошадиной шкуры. Несмотря на лѣтнюю жару, доходящую до 40°, мы видѣли лѣтомъ очень часто алтайцевъ въ такомъ тепломъ костюмѣ.

На иной женщинѣ надѣтъ нанковый или дабинный халатъ съ широкими рукавами и поверхъ него оригинальный для Алтая чегэдэкъ, сдѣланный изъ нанки или китайки, преимущественно синяго цвѣта. Спереди чегэдэкъ доходитъ до таліи, около которой застегивается или завязывается ленточкою, сзади онъ свисаетъ, какъ фракъ, до колѣнъ; рукавовъ эта одежда не имѣетъ и потому сохраняетъ характеръ накидки. Мужчины ходятъ лѣтомъ въ рубахахъ съ широкими рукавами и косымъ воротомъ, въ короткихъ штанахъ изъ холста, едва доходящихъ до колѣнъ и стянутыхъ у таліи прочнымъ шнуркомъ. Очень часто поверхъ этого платья надѣвается халатъ или кожанъ съ широкими рукавами и нашивками. Зимой алтаецъ носитъ полушубокъ, сдѣланный изъ лошадиныхъ шкуръ, который не снимается даже въ юртѣ въ ночное время и нерѣдко набрасывается на плечи даже лѣтомъ. На женщинахъ наброшенъ поверхъ платьевъ чегэдэкъ, у пояса поверхъ халата ножъ, кремень, огниво и кисетъ съ табакомъ, на ногахъ надѣта легкая остроконечная обувь изъ мягкой кожи безъ каблуковъ. У мужчинъ за широкимъ голенищемъ сапога спрятана трубка въ футлярѣ, его постоянная спутница и дома, и въ разъѣздахъ.

Неопрятны алтайцы страшно. Надѣвши новую рубаху, алтаецъ не снимаетъ ее до тѣхъ поръ, пока она не изорвется; такъ поступаетъ какъ богатый, такъ и бѣдный, а различить состоятельнаго по одеждѣ на Алтаѣ вещь совершенно невозможная. Алтаецъ никогда не умывается и только передъ празднествами натираетъ себѣ лицо и руки жиромъ или сывороткой кумыса. Обиліе насѣкомыхъ внутри юрты и груды навоза около нея свидѣтельствуютъ о равнодушіи хозяевъ къ чистотѣ.

Лѣность, неопрятность и пьянство—вотъ главные пороки алтайца. Зато до послѣдняго времени они честны, гостепріимны и прямодушны.

Я говорю до послѣдняго времени потому, что экономическій кризисъ, переживаемый въ этихъ краяхъ, несомнѣнно отзывается на характерѣ и наклонностяхъ инородца.

Наивность и довѣрчивость дикаря эксплуатируются безпощаднымъ образомъ; его обольщаютъ блестящими бездѣлушками, даютъ въ долгъ

грошовыя вещи и требуютъ за нихъ страшные проценты, скупаютъ за безцѣнокъ скотъ и обворовываютъ настолько безцеремонно, что алтайцы, еще недавно пользовавшіеся благосостояніемъ, совершенно обѣднѣли и отваживаются иногда на кражи. Однако, эти проступки, совершонные въ громадномъ большинствѣ случаевъ изъ голода или крайней нужды, никакъ не могутъ сравниться съ произволомъ ихъ русскихъ сосѣдей: переселенцы селятся на ихъ земляхъ, забираются съ оружіемъ въ рукахъ въ аулы, сжигаютъ юрты, угоняютъ табуны. А дикарь не знаетъ даже, къ кому обратиться за помощью. Начальство рѣдко заѣзжаетъ въ эти края, а если и бываетъ, то нагоняетъ безотчетный ужасъ на алтайца; чуть только заслышитъ онъ звукъ колокольчика и вмигъ, бросивъ при дорогѣ свою лошадь, бѣжитъ прятаться въ лѣсъ, пока почтовая тройка не минуетъ его мѣстъ. Сосѣди-крестьяне называютъ его не иначе какъ «собакой», не считаютъ инородца за человѣка, за существо равное имъ; общее презрѣніе—вотъ удѣлъ дикаря.

На Телецкомъ озерѣ.

(В. Сапожникова.)

Обычный путь изъ Бійска на Телецкое озеро идетъ на село Алалу, восточнѣе Катуни, и оттуда сѣверными предгоріями Алтая, такъ называемой «чернью». Это названіе совершенно не соотвѣтствуетъ русскому понятію чернолѣсья. Чернью въ сѣверномъ Алтаѣ называютъ густые лѣса изъ кедровъ, пихтъ и ели, къ которымъ присоединяется осина, а въ болѣе свѣтлыхъ мѣстахъ и береза, но отъ этихъ лѣсовъ здѣсь сохранились только жалкіе остатки, и настоящую чернь мнѣ удалось видѣть только ближе къ Телецкому озеру.

Отъ Кебезени—небольшого села и мѣста нашей послѣдней остановки—къ Телецкому озеру ведутъ двѣ тропы, одна по берегу Біи, другая въ сторонѣ отъ рѣки, лѣсистыми горами. Первая въ то время была почти непроходима, потому что была завалена камнями и деревьями, и мы отправились по второй.

Отъ южнаго конца селенія сейчасъ же начинается подъемъ на невысокую террасу, обставленную рѣдкими соснами, которая дальше переходитъ въ возвышенное плато. Здѣсь раскинулись широкія свѣтлыя поляны съ группами сосенъ и березъ; но это—ненадолго: за небольшимъ ручьемъ лѣсъ становится гуще и постепенно переходитъ въ настоящую темную чернь, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тропа все круче взбирается на гору...

Больше часу поднимаемся мы узкой тропой въ мрачномъ «черневомъ» лѣсу. Темные кедры и до черноты густыя заросли пихтъ и елей сжимаютъ тропу съ обѣихъ сторонъ, оставляя надъ головой узкую свѣтлую

полоску. Несмотря на высоко стоящее солнце, здѣсь—сумерки, которыя лишь мѣстами пронизываются непривычно-яркой полосой свѣта изъ немногихъ лѣсныхъ прогалинъ. Узкая тропа мѣстами преграждается громадными завалившимися стволами; одни изъ нихъ, которые постарше и подгнили, просто растоптаны лошадьми, въ другихъ—вырубленъ небольшой кусокъ, чтобы могла пройти лошадь, а тѣ, которые повалились недавно, лежатъ нетронутые, и лошади приходится перескакивать черезъ нихъ, переставляя обѣ ноги въ разъ. Иногда твердый песчаный грунтъ, на которомъ нерѣдки свѣжіе отпечатки медвѣжьихъ лапъ, смѣняется топкимъ болотомъ, гдѣ лошадь тонетъ по колѣно, съ трудомъ вытаскивая уставшія ноги изъ вязкой грязи. Подъемъ дѣлается все круче. Привычныя вьючныя лошади съ мокрой отъ пота мордой и посоловѣвшими глазами то и дѣло останавливаются, и слышно ихъ отрывистое учащенное дыханіе; а впереди все еще тянется круто поднимающаяся тропа, теряясь въ зеленоватомъ полумракѣ узкаго лѣсного коридора... Но вотъ лѣсъ начинаетъ рѣдѣть, прогалины попадаются чаще, и скоро нашъ караванъ въ четырнадцать лошадей вышелъ на открытый хребетъ перевала Кодюбашъ (871 метръ надъ ур. моря). Отступившій въ стороны лѣсъ открываетъ чудную панораму на югъ, гдѣ насъ ждетъ Телецкое озеро съ его дикими красотами. За небольшой поляной, съ брошенными тамъ и сямъ купами кустарниковъ, вновь тянется лѣсъ, который густой щетиной спускается въ глубокую долину; за ней отлогими контурами вновь возвышается лѣсистая, взъерошенная гора, за ней еще такая же гора, а дальше—нѣсколько синихъ хребтовъ, изъ которыхъ самый дальній укутанъ въ туманную дымку, и его неясныя очертанія сливаются съ грядой облаковъ, неподвижно растянувшейся надъ горизонтомъ. Солнце спустилось и уже ослабѣвшими, мягкими лучами обливаетъ всю эту картину, еще ярко играя на немногихъ отдѣльныхъ снѣжныхъ пятнахъ и полоскахъ, которыя сохранились по сѣвернымъ склонамъ далекихъ горъ. Но здѣсь еще нѣтъ грозныхъ красотъ глубокаго Алтая: все заключено въ округленныя очертанія и мягкіе тоны.

Однако пора въ путь,—недалеко до озера! Мы вновь садимся въ сѣдла, проводники-алтайцы отрывистыми окриками подбодряютъ уставшихъ лошадей, и караванъ начинаетъ спускаться. Здѣсь лѣсъ уже не такъ густъ, чаще попадаются свѣтлыя поляны, обставленныя группами сосенъ и березъ; весь ландшафтъ привѣтливѣе и дорога удобнѣе. Какой-нибудь часъ неторопливой ѣзды, и мы подъѣхали къ Телецкому озеру, которое подъ послѣдними лучами заходящаго солнца заиграло передъ нами темно-синими тонами изъ-за вѣтвей послѣднихъ деревьевъ. Еще небольшой спускъ вдоль горнаго ручья, и караванъ столпился на небольшой прибрежной полянкѣ вблизи двухъ остроконечныхъ алтайскихъ юртъ и почернѣвшей рыбацкой избенки. Развьюченныя лошади весело

отфыркивались и встряхивались всѣмъ корпусомъ, расправляя намятые вьюками бока, а черезъ десять минутъ уже бѣлѣлись двѣ палатки подъ самымъ откосомъ горы.

Мы были на сѣверномъ берегу Телецкаго озера, верстахъ въ 4 отъ истока Біи. Послѣ мрачной черни видъ этого алтайскаго озера, находящагося на высотѣ 473 метр. надъ моремъ, особенно поражаетъ дикой красотой своихъ береговъ. Синяя полоса воды, вправленная въ узорчатую темно-зеленую раму гористыхъ береговъ, постепенно расширяясь, уходитъ на востокъ и скрывается за крутымъ мысомъ, а на западѣ

Видъ въ Алтаѣ.

понемногу суживается и въ 4-хъ верстахъ отъ нашего стана переходитъ въ наклонное каменистое русло р. Біи, усѣянное бѣляками пѣны. Противоположный южный берегъ озера, до котораго здѣсь версты $1^1/_2$, также быстро возвышается и переходитъ въ горы, доверху покрытыя черневымъ лѣсомъ, оставляя небольшую болотистую и тоже заросшую лѣсомъ прибрежную низину.

Скоро вокругъ нашего костра собрались алтайцы или, вѣрнѣе, теленгеты изъ сосѣднихъ ауловъ и, держа во рту неизмѣнныя трубки, поглядывали на насъ съ какимъ-то вялымъ любопытствомъ. Одинъ изъ нихъ принесъ налима и двухъ харюзовъ, другой—горсть земляники въ собственной засаленной войлочной шапкѣ. Понемногу завязалась бесѣда,

конечно черезъ толмача, и тутъ я, между прочимъ, услышалъ миѳъ, съ которымъ связано имя озера Алтынъ-коль, или Золотого озера. Былъ голодный годъ, и люди умирали отъ недостатка пищи. У одного алтайца былъ кусокъ золота съ конскую голову, но не было хлѣба и скота; пошелъ онъ по своимъ сосѣдямъ, предлагая золото и прося за него немного пищи, но всюду получалъ отказъ. Наконецъ, приведенный въ отчаяніе, обладатель условнаго богатства взошелъ на вершину Алтынъ-ту и оттуда бросилъ свое сокровище въ глубокое озеро... Отсюда и пошло названіе горы и озера. Какъ бы отголоскомъ этого сказанія является наивно-равнодушное отношеніе алтайцевъ къ деньгамъ, которыми я расплачивался за рыбу, лошадей и т. п.

На другой день послѣ экскурсіи по берегамъ озера мы начали грузить багажъ въ приготовленную для насъ дощатую лодку, въ которой нужно было проплыть до южнаго конца озера, т.-е. не менѣе 75 верстъ, а можетъ быть, и выдержать волненіе, которыя нерѣдки на озерѣ и, говорятъ, довольно опасны при господствующей здѣсь ужасной путаницѣ вѣтровъ. Лишь только багажъ былъ уложенъ, лодка потекла по всѣмъ швамъ, и намъ пришлось заняться ея ремонтомъ, или, попросту, заткнуть дыры тряпками и паклей. Это, однако, помогло не много, и вода продолжала накопляться на днѣ лодки. Чтобы не терять времени, я рѣшилъ отправиться, превративъ одного изъ гребцовъ-алтайцевъ въ постоянно дѣйствующую помпу съ ковшомъ въ рукѣ, а самъ всталъ на руль. Всего насъ въ лодкѣ было 9 человѣкъ, считая толмача и 5 алтайцевъ, да около 25 пудовъ багажа. Мы направились на востокъ, придерживаясь середины озера, чтобы не попасть на прибрежные подводные камни. Прозрачная зеленовато-голубая вода, напоминающая швейцарскія озера, покрылась быстро бѣгущей рябью, которая подъ свѣжимъ западнымъ вѣтромъ перешла въ волны съ красивыми барашками на гребняхъ. Съ этимъ попутнымъ вѣтромъ мы подвигались довольно быстро, несмотря на безтолковую работу гребцовъ, и черезъ $2^1/_2$ часа уже огибали крутой мысъ горы Четту, за которымъ озеро расширяется до 3 или 4 верстъ. Тутъ потянулъ свѣжій встрѣчный вѣтеръ, производя рябь на волнахъ, катившихся намъ по пути; скоро волны такъ перепутались, что невозможно было опредѣлить ихъ направленіе. Облака быстро окутали вершины горъ, и едва мы успѣли укрыть кожами багажъ и натянуть на себя кожаны,—хлынулъ дождь, который совершенно закрылъ отъ насъ видъ озера впереди. Пристать было негдѣ и оставалось подвигаться впередъ подъ дождемъ. Еще часъ работы веслами—и мы, обогнувъ мысъ, далеко врѣзавшійся въ озеро, пристали у южнаго берега на низкой наносной площадкѣ, проплывъ около 25 верстъ.

Дождь прекратился; надъ успокоившеюся поверхностью озера протянулись бѣлыми клубами остатки облаковъ, а рѣдкіе порывы вѣтра сбра-

сывали съ вѣтвей густого кедра крупныя капли, которыя звонко шлепались въ натянутый холстъ палатки. Тишина нарушалась только шумомъ близкой рѣки. Вода озера поражаетъ своею безжизненностью: всплесковъ рыбы почти не слышно, птицъ—никакихъ, и только въ прозрачной водѣ около песчанаго берега вьются какіе-то мелкіе водяные жучки; водорослей тоже очень мало. Такая бѣдность фауны и водяной флоры вполнѣ объясняется низкой температурой воды; несмотря на 25 іюня, въ водѣ было всего $+4^0$ С. Мѣстный рыбакъ разсказывалъ мнѣ, что вода дѣлается нѣсколько теплѣе въ серединѣ іюля, и только тогда начинаетъ ловиться извѣстная въ Сибири телецкая сельдь. Низкая температура воды вліяетъ на температуру воздуха: въ 10 час. вечера было всего $8{,}5^0$ С.; а это въ свою очередь оказываетъ вліяніе на время распусканія цвѣтовъ. Такъ, недалеко отъ берега я нашелъ много весеннихъ цвѣтовъ, которые въ окрестностяхъ Томска къ этому времени отцвѣтаютъ. Суровость климата вмѣстѣ съ недоступностью береговъ дѣлаетъ озеро почти необитаемымъ, если не считать нѣсколькихъ отдѣльно разбросанныхъ юртъ у сѣвернаго и юго-восточнаго конца. Несмотря на низкую температуру воды, озеро замерзаетъ, благодаря громадной глубинѣ, очень поздно, а именно къ началу декабря или даже къ Рождеству, а въ южномъ широкомъ концѣ часто остаются обширныя полыньи, которыя дѣлаютъ озеро непроѣзднымъ. Вскрывается озеро въ апрѣлѣ, а иногда и раньше.

На другой день утромъ, желая лучше ознакомиться съ растительностью лѣса, мы отправились на одну изъ близлежащихъ горъ. Продравшись сквозь прибрежныя заросли таловъ, мы вышли на узкій невысокій прилавокъ, заросшій настолько высокою травой, что человѣкъ въ ней исчезаетъ съ головой; за прилавкомъ внезапно поднимаются крутые лѣсистые уступы горы, по которымъ приходится карабкаться, цѣпляясь за вѣтви кустарниковъ и случайные выступы скалъ. Неширокія площадки густо заросли кедромъ, пихтой, мѣстами березой. Громадные камни, скатившіеся съ верхнихъ уступовъ, и гигантскіе гніющіе стволы деревьевъ перепутываются съ продирающимися между ними живыми великанами и густою зарослью жимолости, рябины, черемухи, смородины, бузины и др. кустарниковъ. Между послѣдними особенно интересны маральникъ, родной братъ альпійской розы, и жимолость съ продолговатыми синими ягодами, которую алтайцы называютъ «таа».

Трудно пробираться черезъ эту дѣвственную заросль, гдѣ нога то проваливается въ щель между камнями, то глубоко утопаетъ въ рыхломъ, перегнившемъ стволѣ, но еще труднѣе взбираться на почти отвѣсныя скалы, одѣтыя густымъ покровомъ влажнаго мха и лишайниковъ, сквозь который пробиваются мелкіе папоротники, кустики черники и ярко-зеленыя розетки кожистыхъ листьевъ бадана со стрѣлками нѣжно-розовыхъ цвѣтовъ. Мохъ ползетъ подъ ногой, иногда обрывается, и тогда прихо-

дится скатываться на нѣсколько аршинъ внизъ, чтобы вновь искать сколько-нибудь удобнаго мѣста для подъема.

Прокарабкавшись часа два, мы уперлись въ совершенно непроходимые уступы; оставалось полюбоваться съ высоты на озеро, которое на с.-в. образуетъ довольно глубокую бухту, и затѣмъ спуститься къ стану. И вотъ въ такой-то трущобѣ промысловые охотники-алтайцы по недѣлямъ гоняются за бѣлками, соболемъ, медвѣдемъ и другими звѣрями.

Послѣ полудня мы сложили багажъ и отплыли дальше. Вскорѣ озеро почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на югъ. Миновавъ небольшую дельту, мы обогнули крутой мысъ и направились на ю.-в., перерѣзывая широкую бухту, обставленную высокими отвѣсными скалами. Жутко становится на этой мертвенно-застывшей поверхности воды, сжатой мрачными стѣнами. Только удары веселъ нарушаютъ томительное безмолвіе; человѣческій голосъ звучитъ какъ-то странно, и всѣ невольно умолкаютъ... За поворотомъ озеро имѣетъ до 4 верстъ ширины и уходитъ на югъ, постепенно расширяясь до 6 верстъ. Отсюда мы увидѣли озеро во всю длину до южнаго конца, на протяженіи около 50 вер. Синяя полоса воды, обставленная съ обѣихъ сторонъ высокими горами съ снѣжными пятнами и полосками, уходитъ на югъ и упирается въ массивъ горы Туолокъ, по которой протянулась вертикальная бѣлая полоска. Сначала мы ее принимали за гигантскій водопадъ, но потомъ она оказалась полосой снѣга. Прибрежныя горы, достигающія до 2 или даже $2^1/_2$ тысячъ метровъ, отсылаютъ въ озеро крутые скалистые мысы, которые придаютъ ему нѣкоторое сходство съ озеромъ Четырехъ Кантоновъ въ Швейцаріи, но разница въ томъ, что тамъ берега весело пестрѣютъ городами и виллами, а здѣсь въ средней части озера не видно даже отдѣльныхъ ауловъ.

Берегъ принимаетъ все болѣе дикій характеръ. Узкая береговая полоса часто прерывается отвѣсными или круто-покатыми скалами сланца. Въ трещинахъ скалъ прилѣпились кусты спиреи и жимолости, желтые очитки и лиловая альпійская астра. Надъ этими скалами громоздятся крутые уступы, покрытые густой, перепутавшейся зарослью хвойныхъ деревьевъ и кустарниковъ. Съ крутыхъ карнизовъ висятъ громадные стволы, еще живые, но готовые каждую минуту оборваться и упасть въ озеро; а на берегу,—тамъ, гдѣ онъ есть,—скопились цѣлыя груды свалившагося лѣса. Лишь изрѣдка за узкой береговой полоской идутъ довольно широкія покатыя террасы, богато заросшія травой и далѣе переходящія все-таки въ отвѣсные уступы; но эти удобныя для остановки мѣста—всѣ наперечетъ и далѣе на югъ они почти не попадаются... Водопадовъ въ этой части озера не видно,—въ серединѣ лѣта горныя рѣчки сильно усыхаютъ.

Къ южному концу озера вода дѣлается постепенно теплѣй. Въ мелкой юго-западной бухтѣ, гдѣ мы закончили нашъ переходъ по озеру, термометръ показывалъ уже 18° С. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что сюда приносится масса теплой воды рѣкой Чулышманомъ, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что южный конецъ озера гораздо мельче и солнечные лучи скорѣе прогрѣваютъ воду, тогда какъ въ средней части озера глубина должна быть очень большая; по крайней мѣрѣ отдѣльныя попытки измѣрить его глубину не привели ни къ чему.

Мы разбили станъ въ дельтѣ Чулышмана на лѣвомъ песчаномъ берегу подъ нижними уступами высокой Алтынъ-таганъ, вершины которой отсюда не видать. Передъ устьемъ Чулышмана образуются нѣсколько песчаныхъ отмелей, которыя уже начинаютъ зарастать мелкимъ тальникомъ; одна изъ нихъ въ видѣ узкаго барьера вытянулась полукругомъ поперекъ озера, которое здѣсь до 6 верстъ шириной.

Взгляните отсюда на сѣверъ! Широкая синяя лента, серебрящаяся на солнцѣ, сжатая крутыми великанами, уходитъ вдаль, и тамъ, за синими мысами, которые врѣзываются въ озеро съ обоихъ береговъ, теряется въ туманной дымкѣ. Безмолвно, пустынно озеро; только за лѣвымъ мысомъ еще виднѣется неясный контуръ нашего «фрегата», на которомъ пятеро алтайцевъ возвращаются къ своимъ закоптѣлымъ, грязнымъ юртамъ...

Отъ Урала до Томска.

(А. Исаева.)

Мы выѣхали изъ Тюмени въ теплое лѣтнее утро. Хотя былъ разгаръ лѣта, однако разливъ сибирскихъ рѣкъ стоялъ чуть не на высшей точкѣ и, повидимому, спадъ былъ еще далеко. Весь путь отъ Тюмени до Томска составляетъ водою около 2.800 верстъ, тогда какъ почтовымъ трактомъ на Омскъ только 1.524 версты. Это почти двойное разстояніе пароходы пробѣгаютъ въ 9, 10, 11 сутокъ. Если же на пути нѣтъ противнаго вѣтра и въ самомъ пароходѣ не обнаруживается никакой неисправности, то они ускоряютъ движеніе и совершаютъ рейсъ однѣми-двумя сутками скорѣе. Пассажирское движеніе по сибирскимъ рѣкамъ далеко не имѣетъ той важности, какъ по рѣкамъ европейской Россіи; каюты 1-го и 2-го класса большею частью довольно пусты, и даже въ 3-мъ классѣ, не будь переселенцевъ, число пассажировъ измѣрялось бы десятками. Поэтому центромъ тяжести сибирскихъ пароходовъ служитъ буксированіе баржей съ грузами, и каждый пароходъ ведетъ за собою одну или даже двѣ и три баржи, что и не позволяетъ ускорить движеніе болѣе, чѣмъ до 20 верстъ въ часъ по теченію и до 13—14 верстъ противъ него.

Длинный переѣздъ отъ Тюмени до Томска долженъ быть отнесенъ

къ наиболѣе утомительнымъ и однообразнымъ. Отъ Тюмени до села Іевлева, на протяженіи 300 верстъ, путь идетъ Турою, которая въ половодье довольно глубока, а въ сухое лѣто позволяетъ ходить только мелко сидящимъ пароходамъ. Берега Туры пустынны, но все-таки довольно часто видишь признаки человѣческаго жилья. Изрѣдка правый берегъ чуть возвышается и напоминаетъ характеръ береговъ у рѣкъ европейской Россіи. По большей же части онъ, какъ и лѣвый, низмененъ и покрытъ молодымъ лѣсомъ, елью, осиной, березой и тальникомъ. Небольшія деревни каждыя 10—15 верстъ, огороженныя пашни и скотъ, пасущійся безъ пастуха, согласно съ сибирской системой хозяйства, нѣсколько разнообразятъ монотонность береговъ. Изъ Туры мы вошли въ Тоболъ, довольно большую и многоводную рѣку, и плыли по ней 150 верстъ, до впаденія ея въ Иртышъ подъ Тобольскомъ.

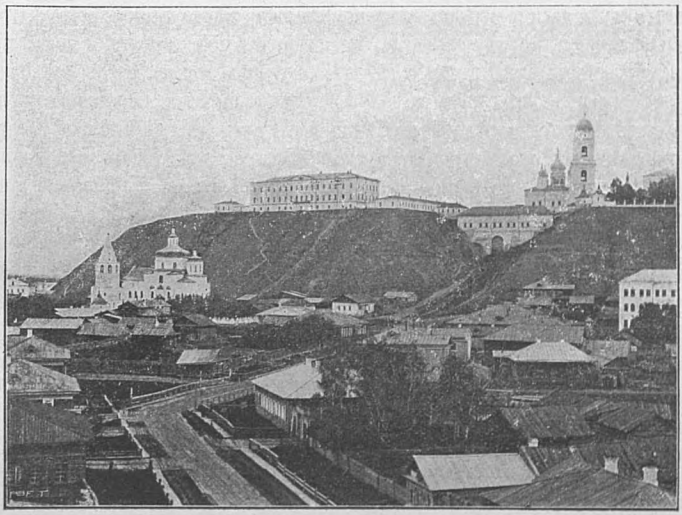
Тобольскъ, этотъ древнѣйшій и стольный городъ Сибири, производитъ съ рѣки очень хорошее впечатлѣніе. Уже верстъ за 15 довольно отчетливо различаешь двѣ бѣлыя линіи церквей и домовъ, образующія нижній городъ по самому берегу Иртыша, и верхній—на довольно высокихъ холмахъ, господствующихъ надъ рѣкой. Одну изъ высшихъ точекъ этихъ холмовъ занимаетъ городской садъ; около него въ живописномъ безпорядкѣ размѣстились храмы, деревянные домики съ желѣзными крышами, обширное зданіе присутственныхъ мѣстъ. Кое-гдѣ высокій холмъ перерѣзанъ оврагами. Широкій Иртышъ дѣлаетъ мѣстоположеніе еще болѣе картиннымъ.

Однако путника быстро охватываетъ разочарованіе, какъ скоро онъ въѣзжаетъ въ самый городъ. Отъ пристани ѣдетъ онъ по деревянной мостовой изъ наскоро сколоченныхъ досокъ, которыя приподнимаются и дребезжатъ, какъ клавиши, подъ колесами экипажей.

Весь нижній городъ, гдѣ сосредоточиваются учебныя заведенія и торговые обороты, производитъ впечатлѣніе чего-то неряшливаго, безалабернаго, полуразрушеннаго, забытаго Богомъ и людьми. Тобольскъ служитъ центромъ значительной торговли рыбой. А базаръ, на которомъ производится эта торговля, загрязненъ до такой степени, что охотникамъ до рыбныхъ кушаній всего лучше и не заглядывать на него. Такъ какъ въ Тобольскѣ нѣтъ садовъ и очень немного огородовъ и некуда класть навоза для удобренія, то все это свозится на берегъ Иртыша, размывается водою, заполняетъ набережную и распространяетъ зловоніе. На этихъ-то кучахъ навоза и стоятъ убогія лавчонки, въ которыхъ торгуютъ рыбой. Рыба огромными массами валяется тутъ же въ навозной жижѣ.

Но и верхній городъ производитъ самое безотрадное впечатлѣніе. Средину занимаетъ огромный пустырь, съ узенькой полоской, выстланной досками; площадь совершенно безлюдна; кое-гдѣ на окраинахъ этого

пустыря стоятъ деревянные домишки. На дворѣ архіерейскаго дома вамъ показываютъ колоколъ изъ Углича, звонившій послѣ убіенія царевича Дмитрія. Единственнымъ украшеніемъ верхняго города служитъ довольно большой садъ, разбитый вокругъ памятника Ермаку. Самый памятникъ имѣетъ видъ четырехугольнаго столба. Садъ, разбитый вокругъ, состоитъ изъ кедровъ, елей и березъ и содержится въ полномъ порядкѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Тобольскѣ было положено начало этнографическому музею, который помѣщается въ небольшомъ и довольно красивомъ зданіи, при входѣ въ садъ Ермака. Я воспользовался двухчасовой остановкой парохода, чтобы завернуть въ музей и хоть бѣгло



Улица въ Тобольскѣ.

познакомиться съ предметами, которые онъ содержитъ. Въ немъ обращено вниманіе на то, чтобы представить возможно полнѣе бытъ инородческаго населенія Тобольской губерніи. У самыхъ дверей вы находите фигуры остяка и остячки въ національной одеждѣ, модель убогой юрты, въ которой они проводятъ свою жизнь. Довольно много мѣста отведено охотничьимъ и рыболовнымъ снарядамъ этого племени.

Пароходъ вышелъ изъ Тобольска передъ вечеромъ. Намъ предстояло сдѣлать по Иртышу около 700 верстъ. Иртышъ, судоходный отъ Семипалатинска, является въ нижнемъ своемъ теченіи, отъ Тобольска и до устья, большой и многоводной рѣкой; его средняя ширина отъ $^1/_2$ до 1 версты и болѣе. Чѣмъ далѣе подвигались мы къ сѣверу, тѣмъ болѣе

становилась мѣстность однообразнѣе и непріятнѣе. Лѣвый берегъ, затопленный позднимъ лѣтнимъ разливомъ, былъ совершенно безжизненъ; куда ни достигалъ глазъ, вездѣ виднѣлись только тощіе перелѣски и низкорослый кустарникъ, залитые водой. Иногда далеко на горизонтѣ обрисовывались песчаные бугры, поросшіе хвойнымъ лѣсомъ, а на правомъ берегу, болѣе возвышенномъ, виднѣлись кедровыя рощицы по вершинамъ и склонамъ холмовъ. Коренные жители этого края не даромъ дали рѣкѣ имя «Иртышъ», что значитъ «землерой»; она очень извилиста въ своемъ теченіи и изъ года въ годъ отмываетъ края рыхлыхъ береговъ и уноситъ съ собой глыбы земли съ растущими на нихъ деревьями.

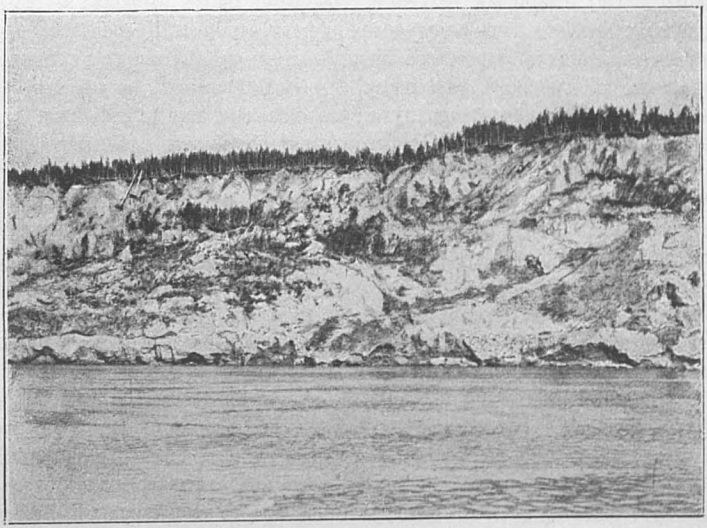
Чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ рѣже становится населеніе, тѣмъ меньшее значеніе имѣетъ земледѣліе, уступая главное мѣсто рыболовству. Правильное земледѣліе съ посѣвами, преимущественно ячменя и овса, при частыхъ вымерзаніяхъ этихъ хлѣбовъ, оканчивается въ Юговской волости тобольскаго округа, около 59° сѣверной широты. Однако изъ разспросовъ мѣстныхъ жителей я убѣдился въ томъ, что не климатъ, будто бы слишкомъ суровый, препятствуетъ успѣхамъ земледѣлія. Низменное положеніе всего этого края—вотъ что служитъ главной причиной того, что жители не занимаются земледѣліемъ; большія рѣки и ихъ многочисленные притоки разливаются нерѣдко на многія сотни верстъ и затопляютъ даже тѣ клочки земли, которые имѣютъ сравнительно высокое положеніе. Деревушки, избирающія себѣ пріютъ по склонамъ холмовъ, оказываются каждыя 5—6 лѣтъ окруженными водою, которая и подступаетъ къ порогамъ домовъ.

Вслѣдствіе этого главнымъ промысломъ и главнымъ источникомъ доходовъ здѣшняго населенія является рыболовство.

Въ десяти верстахъ къ сѣверу отъ села Самарова Иртышъ впадаетъ въ Обь. Отъ самаго селенія можно различить далеко на горизонтѣ довольно широкую темную полосу; кажется, будто до нея двѣ-три версты, а между тѣмъ пароходъ идетъ около часа. Обь, сравнительно даже съ большими рѣками европейской Россіи, очень широка и полноводна. Мѣстные жители усмѣхаются, когда спрашиваешь, нѣтъ ли на ней перекатовъ; они отвѣчаютъ, что даже лѣтомъ, и притомъ въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ, глубина рѣки не менѣе 5 аршинъ, а ширина, особенно во время весенняго разлива, достигаетъ во многихъ мѣстахъ 5—10 верстъ и болѣе. Благодаря низменному положенію всего этого края, вода заливаетъ очень обширное пространство, и если бы не верхушки тальника, которыя остаются открытыми, можно было бы подумать, что водному царству нѣтъ границъ.

Берега Оби развертываютъ передъ путникомъ картину самую унылую и безотрадную. Отъ Самарова и вплоть до села Тымскаго, на протяженіи около 1000 верстъ, глазу рѣшительно не на чемъ остановиться.

Почти нѣтъ поселеній, кромѣ изрѣдка разбросанныхъ остяцкихъ юртъ, которыя сильно страдаютъ отъ очень большого разлива. Но остяки вовсе не смущаются тѣмъ, что вода сноситъ ихъ шалаши и затопляетъ землянки. Какъ скоро наступила такая бѣда, остякъ перебирается на одинъ изъ ближайшихъ холмовъ, а послѣ спада воды опять быстро устраиваетъ шалашъ или вырываетъ землянку. Какъ пахарь старается имѣть въ сосѣдствѣ свое поле, такъ и остякъ поселяется поближе къ рѣкѣ, которая служитъ главнымъ источникомъ его пропитанія. На всемъ тысячеверстномъ разстояніи путникъ видитъ только окружной городъ Сургутъ, отстоящій далеко отъ пристани, село Тымское съ небольшою церковью и двумя десятками домовъ и нѣсколько мелкихъ поселковъ въ два-три дома. Какъ ни кажется уныла жизнь въ этомъ краю, однако, говорили мнѣ, Сургутъ—городокъ съ полутора тысячами жителей—служитъ по зимамъ торговымъ центромъ, куда съѣзжаются изъ окрестныхъ селеній промышленники: одни скупаютъ, другіе продаютъ рыбу и звѣрей; устанавливается правильный зимній путь къ Ледовитому океану,—путь, настолько проторенный, что даже разсчитано время, которое необходимо, чтобы его пройти: этотъ срокъ считаютъ въ 66 дней.



Берегъ Иртыша.

Нашъ пароходъ шелъ болѣе 4 сутокъ самой глухой и безлюдной мѣстностью. Изрѣдка показывались лодки остяковъ, большею частью пустыя, но иногда нагруженныя мелкой рыбой.

Тамъ, гдѣ Обь дѣлаетъ поворотъ къ юго-востоку, стоитъ небольшое село Тымское, населенное русскими и остяками. Къ пристани, находящейся въ двухъ верстахъ отъ селенія, бѣгомъ бѣжали мужики и бабы, чтобы распродать запасы своихъ ненужныхъ товаровъ. Хотя здѣсь еще нѣтъ земледѣлія, но видно было, что мы приближаемся къ мѣстности, которой уже извѣстны нѣсколько бо́льшія удобства жизни: въ продажѣ предлагались пакетики съ чаемъ и сахаромъ, баранки, сдобные сухари и даже нѣчто въ родѣ пряниковъ. Пароходъ стоялъ здѣсь часа полтора. Пассажиры высыпали на пристань: переселенцы съ особеннымъ удивленіемъ смотрѣли на то, что три лошади были запряжены въ сани. Великороссы, покачивая головами, говорили: «вотъ сторона! У насъ даже и въ пятьсотъ лѣтъ не случится ни разу, чтобы въ Петровку народъ ѣздилъ въ саняхъ». Простымъ людямъ этимъ и въ голову не приходило, что на огромномъ разстояніи, болѣе 1200 верстъ по обоимъ берегамъ Оби, нѣтъ колеснаго пути, что есть или только тропинки для пѣшеходовъ, или порубы съ невыкорчеванными пнями, гдѣ невозможно ѣхать на колесахъ. Около десятка остяковъ, выбѣжавшихъ на пристань, вызывали разныя насмѣшливыя замѣчанія со стороны переселенцевъ. И дѣйствительно, инородцы имѣютъ видъ жалкій и приниженный. Они одеждой почти не отличаются отъ русскихъ; но слабое, тщедушное сложеніе, малый ростъ, четырехугольныя смуглыя лица, черные какъ смоль волосы, а главное—какое-то задумчивое выраженіе лица рѣзко отличаютъ ихъ отъ русскаго населенія и сразу выдаютъ болѣе слабую расу. Мнѣ припомнились описанія остяковъ, которыя были сдѣланы Палласомъ и другими учеными путешественниками въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго вѣка. И теперь они живутъ при совершенно тѣхъ же условіяхъ, какъ 100 лѣтъ тому назадъ: то же рыболовство и звѣриный промыселъ, тѣ же жалкія юрты, та же оспа, которая производитъ огромныя опустошенія, та же забитость и покорность своей судьбѣ, та же готовность безропотно переносить все, что исходитъ отъ русскаго господствующаго племени. Но, мнѣ кажется, рѣшительно неправы тѣ, которые смотрятъ на сибирскихъ инородцевъ какъ на племена, вовсе неспособныя къ умственному развитію и осужденныя на безостановочное вымираніе. Въ селѣ Тымскомъ я разговорился съ однимъ остякомъ; онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе. Онъ объяснилъ мнѣ на довольно чистомъ русскомъ языкѣ, какъ онъ самъ и вообще прибрежное населеніе занимается рыболовнымъ промысломъ; онъ замѣтилъ, что въ этомъ краю могъ бы дозрѣвать хлѣбъ, да рѣка оставляетъ очень мало возвышенныхъ мѣстностей; ближайшіе лѣса стоятъ на болотѣ. Сжато, но вполнѣ понятно описалъ онъ устройство жилищъ остяками и тутъ же замѣтилъ, что когда его соплеменники поумнѣютъ, навѣрное будутъ жить не въ землянкахъ, а въ избахъ, подобно русскимъ. Нако-

нецъ, онъ сказалъ, что онъ грамотенъ, умѣетъ читать, хотя пишетъ съ большимъ трудомъ.

По мѣрѣ того, какъ пароходъ приближался къ Томску, мы снова вступали въ полосу земледѣлія; она начинается немного южнѣе Нарыма, приблизительно подъ $58^1/_2{}^0$ сѣверной широты. А верстъ на 100 отъ Нарыма вверхъ по Оби оно становится уже совершенно правильнымъ занятіемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сполна обезпечиваетъ населеніе хлѣбомъ. Пароходъ на полчаса останавливается у небольшого заселка Подъельникъ, состоящаго изъ 9 дворовъ. По всему было видно, что это вновь возникающее селеніе: жители еще не успѣли отстроиться; довольно просторныя и высокія избы уже были готовы, а надворныя постройки состояли изъ непокрытыхъ сараевъ или просто небольшихъ плетневыхъ четырехугольниковъ; повсюду валялись бревна, доски, драницы. Мы узнали отъ мѣстнаго крестьянина, что эти 9 дворовъ—выходцы изъ довольно большого селенія, лежащаго ниже на берегу Оби. Тамъ населеніе настолько возросло, что было мало пахотной земли, и вотъ они рѣшили переселиться.

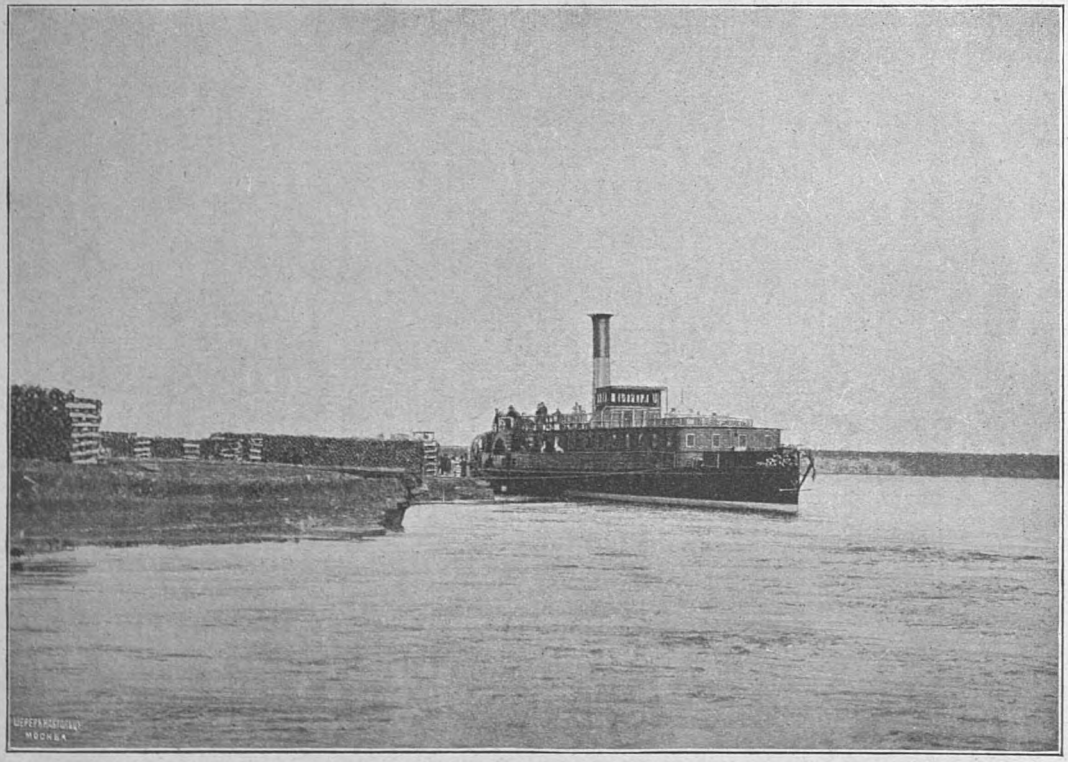
За 350 верстъ отъ Томска пароходъ остановился у большого села Колпашева. Здѣсь начиналась, если можно такъ выразиться, культурная Сибирь съ разнообразными занятіями населенія. Послѣ нѣсколькихъ сутокъ пути мы въ первый разъ увидѣли русскую телѣгу и узнали, что отъ этого селенія колесный путь идетъ на 10 верстъ въ одну сторону и на 7 верстъ въ другую. На пристани было нѣсколько десятковъ женщинъ съ хлѣбомъ, молокомъ, яйцами, масломъ; явилась даже одна старуха, продававшая пестрыя шерстяныя вязаныя рукавицы—первое произведеніе ремесла, которое я увидѣлъ послѣ Тобольска. На пароходъ вошло нѣсколько десятковъ крестьянъ, которые отправились въ Томскъ, одни—по дѣламъ, другіе—на богомолье. Всего набралось на пароходѣ до 40 колпашевскихъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ. Мнѣ было больно за европейскую Россію, когда я сравнивалъ этотъ людъ не только съ горемычными переселенцами, но даже съ рядовыми крестьянами нашихъ среднихъ и южныхъ губерній. Я предположилъ было, что на пароходъ сѣли самые зажиточные колпашевскіе крестьяне. Мнѣ сказали однако, что большинство рядовые хозяева, которые ничѣмъ не отличаются отъ массы сельскаго населенія. Едва они успѣли взойти на палубу, какъ усѣлись за столами пить чай, закусывая хорошимъ полубѣлымъ домашнимъ хлѣбомъ и мясомъ. Всѣ они были одѣты очень хорошо: суконныя чуйки, такія же шаровары на мужчинахъ, опрятныя ситцевыя, частью шерстяныя платья на женщинахъ; на всѣхъ были хорошіе кожаные сапоги и башмаки. У нѣкоторыхъ молодыхъ людей и даже крестьянъ среднихъ лѣтъ былъ бритый подбородокъ, оставались только одни усы. Обычай брить бороду, вовсе неизвѣстный въ Великороссіи и такъ распро-

страненный въ губерніяхъ малороссійскихъ, заставилъ меня предположить, что предки этихъ крестьянъ были происхожденія малороссійскаго; на мою догадку они дали утвердительный отвѣтъ.

Въ 60 верстахъ отъ Томска Обь принимаетъ Томь, и нашъ пароходъ медленно вступилъ въ нее, чтобы раннимъ утромъ достигнуть цѣли путешествія. Все способствовало тому, чтобы забыть о суровой Сибири и перенестись въ одну изъ средне-русскихъ губерній. Ночь была лунная, тихая и теплая; можно было безъ пальто сидѣть на верхней палубѣ. Огромное водное пространство Оби было за нами; мы ѣхали между привѣтливыхъ, иногда холмистыхъ береговъ, поросшихъ молодымъ лѣсомъ. Тихо, почти безшумно двигался пароходъ; трели соловьевъ раздавались всю ночь до самаго Томска. Соловей порадовалъ меня тѣмъ болѣе, что незадолго до того, какъ мы услыхали знакомые звуки, одинъ спутникъ-сибирякъ жаловался на полное отсутствіе въ Сибири пѣвчихъ птицъ.

Сибиряки отличаются очень сильнымъ мѣстнымъ патріотизмомъ; онъ распространяется на всѣ частности сибирской жизни, не исключая и благоустройства, которое будто бы царствуетъ въ сибирскихъ городахъ. Объ Иркутскѣ говорятъ съ восторгомъ: онъ, по ихъ мнѣнію,—точная копія съ Петербурга и развѣ только немногимъ уступаетъ своему великому образцу. Но и въ честь Томска охотно поются хвалебные гимны. Когда нашъ пароходъ въ прекрасное лѣтнее утро дѣлалъ частые зигзаги по извилистой голубоватой Томи, два сибиряка знакомили меня съ Томскомъ, виднымъ на рѣкѣ за 10—12 верстъ. Они указывали зданіе университета, присутственныхъ мѣстъ, называли церкви и не сомнѣвались, что я приду въ несказанный восторгъ, увидѣвъ лучшую гостиницу города—Европейскую.

Но русскій человѣкъ, котораго губернскій городъ по сю сторону Урала вовсе не избаловалъ ни красотою зданій, ни благоустройствомъ, все же ужаснется, въѣхавъ въ этотъ, благодаря основанію университета, нынѣ первый сибирскій городъ. Онъ не вымощенъ, и только двѣ горы кое-какъ шоссированы; вслѣдствіе этого невыносимая пыль и непроходимая грязь смѣняютъ другъ друга. Когда весенняя вода размоетъ берега рѣчки, на сцену является навозъ. Навозъ выручаетъ и при выравниваніи бугровъ и овраговъ, которыми такъ изобилуетъ большинство улицъ. Подъѣзды къ мостамъ дѣлаются изъ навоза. Есть переулки и площади, въ которыхъ верхній слой на 8—10 вершковъ и болѣе сплошь состоитъ изъ навоза, частью перепрѣвшаго, частью свѣжаго. Въ этомъ царствѣ пыли, грязи и навоза участокъ земли, занимаемый университетомъ и прилежащими ему зданіями, является какимъ-то прелестнымъ оазисомъ. Представьте себѣ обширную березовую рощу (къ сожалѣнію только березовую, что дѣлаетъ ее нѣсколько однообразной), въ которой разбросаны каменные университетскіе флигеля съ главнымъ 4-хъэтаж-



На Оби.

нымъ корпусомъ, занимающимъ большую площадку въ срединѣ этой рощи. Самое зданіе университета, ярко выдѣляющееся своимъ бѣлымъ цвѣтомъ изъ густой зелени травы и деревъ, по красотѣ превосходитъ всѣ зданія русскихъ университетовъ, не исключая кіевскаго.

Переселенцы.

(Н. Телешова.)

Городъ Тюмень стоитъ при впаденіи рѣчки Тюменки въ рѣку Туру, по которой въ сороковыхъ годахъ развилось пароходство, давшее мѣстной торговой дѣятельности новыя силы. Товарное движеніе на Обь и Иртышъ теперь достигло большихъ размѣровъ, и рабочіе на пристаняхъ добываютъ рубля до полтора за день; по деревнямъ работаютъ сита, кули и сани, но болѣе широкою извѣстностью пользуются здѣшніе ковры. Самъ по себѣ городъ вообще грязный и неряшливый; улицы немощеныя, изрытыя ямами, и не въ диковинку встрѣтить домъ, передъ которымъ разстилается громадная лужа и, свѣсивъ въ нее голыя ноги, сидитъ на крылечкѣ мальчишка и беззаботно насвистываетъ пѣсню. Экипажей рессорныхъ здѣсь нѣтъ, да и врядъ ли возможно на нихъ ѣздить; дома преимущественно деревянные, почернѣвшіе, но есть и оштукатуренные, приличные и даже красивые.

Проѣзжая по городу, я столкнулся на какой-то площади съ громадною партіей арестантовъ; ихъ гнали на берегъ,—на баржу. Сначала было видно, какъ надвигалась эта сѣрая колыхающаяся масса, потомъ забѣлѣли солдатскія рубашки, засверкали штыки, и звуки шаговъ зашумѣли вмѣстѣ со скрежетомъ цѣпей. Люди съ бритыми головами, въ сѣрыхъ халатахъ или курткахъ, нагруженные связками и пожитками, обремененные кандалами, нерѣдко босые, съ высоко засученными штанами, иные въ сапогахъ, торопливо проходили широкою полосой среди конвойныхъ, опрятно одѣтыхъ въ бѣлыя рубахи; словно сѣрый бурный потокъ мчался среди своихъ береговъ; проходя черезъ городскія лужи, они шлепали по нимъ ногами или перепрыгивали ихъ и бряцали цѣпями, то дружно, то вразбродъ,—и эта невозможная музыка, терзающая непривычные нервы, слышалась еще издали.

Партія была огромная—не менѣе тысячи человѣкъ, а то, пожалуй, и больше. Сначала гнали мужчинъ, потомъ шли женщины, также съ узлами, въ халатахъ и бѣлыхъ платкахъ; также перескакивали онѣ черезъ лужи, а другія, у которыхъ были босыя ноги, шлепали по водѣ. Потомъ тянулся цѣлый обозъ телѣгъ и кибитокъ съ больными; тутъ же ѣхали и женщины съ грудными дѣтьми. Что особенно поражало—это общее настроеніе, гнетущее и странное. Конвойные мѣрнымъ шагомъ идутъ по сторонамъ партіи и сурово молчатъ, точно исполняютъ какое-

то несвойственное человѣку и непріятное дѣло, а между тѣмъ каторжные развлекаются бесѣдой другъ съ другомъ, нерѣдко пересмѣиваются, и хохотъ ихъ еще болѣе угнетаетъ посторонняго зрителя.

Я зналъ, что здѣсь, въ Тюмени, сосредоточиваются переселенческія партіи, что именно отсюда разсылаются онѣ по разнымъ областямъ и губерніямъ [1]), и я поспѣшилъ поѣхать въ поле, которое раскинулось подъ самымъ городомъ по берегу рѣки и которое было занято почти сплошь прибывшими переселенцами.

Что такое переселенецъ? Къ чему вообще стремится онъ и отъ чего бѣжитъ съ родины?

Бѣжитъ онъ съ родины потому, что ему тамъ тѣсно, потому что малъ надѣлъ, потому что на родинѣ нечего ѣсть, а въ Сибири даютъ надѣлы большіе, земля родитъ много хлѣба и даже подати не берутъ на первое время, а въ дальнихъ мѣстахъ, кромѣ того, деньги даютъ на хозяйство и сыновей не берутъ въ солдаты, такъ что здѣсь возможно жить со всею семьей, сравнительно съ родиной, припѣваючи. Таковъ идеалъ обыкновеннаго переселенца и таковы причины, погнавшія его въ невѣдомую сторону, на «новое мѣсто».

И вотъ такіе крестьяне оставляютъ на родинѣ свои надѣлы, дома, постройки, хозяйство—или продавши ихъ, или заложивъ, или, наконецъ, оставивъ недоимки, ѣдутъ семьями искать новую «родину». Если для многихъ это новое мѣсто является «родною матерью», то путь до него для большинства бываетъ «злою мачехой» и, кромѣ полнаго разоренія, продолжительнаго страданія, а иногда и потери цѣлой семьи, ничего не приноситъ.

Объ этомъ знаютъ теперь, кажется, всѣ, но все-таки число переселенцевъ возрастаетъ годъ отъ года, потому что годъ отъ года и родимая сторона обращается незамѣтно въ злую мачеху.

Главное переселеніе наблюдается изъ Курской, Тамбовской и Полтавской губерній, меньшинство идетъ изъ Тульской, Подольской и Могилевской; но въ общемъ переселяются чуть не изъ всѣхъ губерній Европейской Россіи.

Пріѣхавъ на тюменское переселенческое поле, я въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ наблюдалъ слѣдующія картины и сцены, которыя навсегда останутся у меня въ памяти.

Это было широкое поле, раскинувшееся верстахъ въ двухъ за городомъ. Если глядѣть на него издали, то можно было подумать, что оно покрыто почти сплошь бѣлыми овцами, на самомъ дѣлѣ это бѣлѣли низенькія палатки, настолько низенькія, что въ нихъ едва-едва могъ

---

[1]) Дѣло было въ 1894 году, когда Сибирская желѣзная дорога не доходила еще до Омска и главная часть переселенцевъ направлялась черезъ Тюмень.

помѣститься человѣкъ въ сидячемъ положеніи; это были даже не палатки, а груды тряпокъ, висѣвшія на шестахъ. Все поле, насколько его окинетъ взглядъ, пестрѣло такими тряпками, среди которыхъ то тутъ, то тамъ возвышались дощатые шалаши, сѣрые и тощіе, съ покатыми крышами. Повсюду стоятъ огромныя лужи дождевой воды, гдѣ голоногіе ребятишки развлекаются перехожденіемъ въ бродъ; въ травѣ возлѣ палатокъ сидятъ и лежатъ люди и преимущественно безъ всякаго дѣла, безъ всякихъ занятій, очевидно изнывающіе въ тоскѣ и бездѣйствіи. Кое-гдѣ встрѣчается баба, которая сидя шьетъ рубашку, а рядомъ валяется ничкомъ на травѣ бородатый мужикъ и дуетъ въ кулакъ отъ нечего дѣлать; тутъ же сушится на палкахъ бѣлье, тутъ же охаетъ старуха или компанія хохловъ, поджавши по-турецки ноги, раскуриваетъ общую трубку, или молодая мать, разстегнувъ сорочку, кормитъ ребенка; здѣсь же кричатъ и рѣзвятся подростки или дымится костеръ подъ маленькимъ котелкомъ, либо молчаливая дѣвушка разбираетъ внимательно голову подруги, лежащую у нея на колѣняхъ, а рядомъ дуются въ засаленныя карты молодые парни; гдѣ-то внутри палатки слышится дѣтскій хриплый кашель и плачъ, либо доносится нехорошее бранное слово, либо старческій глубокій вздохъ съ причитаньемъ молитвы...

Всего на полѣ жило народа въ это время около 20.000 человѣкъ, обносившихся, неумытыхъ, прятавшихся въ свои палатки только на ночь да въ проливной дождь; въ остальное время большая часть этой массы бродила по полю, стояла, сидѣла, лежала, сходилась толпами и, въ ожиданіи отправки, совершенно бездѣйствовала дни, недѣли и даже мѣсяцы. Они уже такъ истомились бездѣйствіемъ, такъ стосковались, что стоило мнѣ обратиться къ какому-нибудь мужику съ самымъ пустымъ вопросомъ, какъ сейчасъ же вокругъ насъ образовывалась кучка любопытныхъ, а черезъ минуту это была уже цѣлая толпа скучающихъ и поневолѣ праздныхъ людей, которые сбѣгались со всѣхъ сторонъ, окружали меня огромнымъ непролазнымъ кольцомъ и, не понимая, въ чемъ дѣло, интересовались и ждали, не скажу ли я имъ чего-нибудь новаго. По преимуществу это были малороссы, съ типичными загорѣлыми лицами, въ шапкахъ или широкихъ соломенныхъ шляпахъ, въ пестрыхъ жилетахъ поверхъ рубахъ; тутъ же толпились русскіе бородатые мужики, печальныя слезливыя бабы и нарядныя хохлушки. Богъ вѣсть, за кого меня принимая, всѣ обнажали головы и на разныхъ нарѣчіяхъ восклицали:

— Ваше благородіе!

Мгновенно поднимался такой говоръ и шумъ, что, кромѣ этого «благородія», разобрать было нельзя ничего; но по лицамъ было замѣтно, что говорятъ они о чемъ-то важномъ для нихъ, близко касающемся ихъ жизни, а можетъ быть и благополучія. И чѣмъ громче они кричатъ,

тѣмъ больше и плотнѣе становится народное кольцо отъ прибѣгающихъ издали людей, желающихъ узнать, какъ рѣшу я ихнюю участь.

Съ трудомъ удавалось мнѣ объяснить, что я ровно ничего не значу для нихъ и что не могу ничего сдѣлать.

Повсюду повторялось одно и то же. Если черезъ сто шаговъ дальше я обращался съ вопросомъ къ какому-нибудь новому хохлу, то сбѣгались опять любопытные, и опять та же толпа вмѣстѣ съ новою обступала меня, вѣроятно надѣясь, что тогда я ничего не сказалъ, а теперь ужъ навѣрное что-нибудь сдѣлаю.

Нужды ихъ и просьбы, съ которыми они обращались ко мнѣ, были вездѣ однѣ и тѣ же.

Иногда, раздвигая галдящую толпу, ко мнѣ протискивался крестьянинъ и громко взывалъ:

— Ваше благородіе!

Онъ махалъ рукой толпѣ, чтобы затихла, и начиналъ объяснять, что всѣ они здѣсь «амурскіе», то-есть ѣдущіе на Амуръ, а ихъ не отправляютъ, не даютъ пароходовъ, а отправляютъ ближнихъ, то-есть тѣхъ, которые ѣдутъ въ Томскую губернію. Первыя слова его производятъ на толпу впечатлѣніе: она молчитъ, видя передъ собой выразителя общаго мнѣнія; но выразитель этотъ сбивается съ рѣчи и его поправляютъ и пополняютъ—сначала сосѣди, потомъ раздаются голоса откуда-то изъ средины, а потомъ опять гудитъ и кричитъ вся толпа.

Оказывается, это амурскіе стоятъ здѣсь уже около трехъ недѣль и все ждутъ, что ихъ отправятъ.

— Что же вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ я.

— Что дѣлаемъ?—угрюмо отвѣчалъ переселенецъ.—Ребятъ хоронимъ да послѣднія деньги проѣдаемъ...

— Проѣлись, совсѣмъ проѣлись!—жаловались мнѣ въ другой группѣ. Это были кіевляне. Они разсказывали мнѣ въ короткихъ словахъ свое путешествіе.

— Пріѣхали мы въ Нижній... Чѣмъ бы дальше ѣхать, насъ поставили на квартирахъ и брали по 2 копейки съ души... Такъ недѣли двѣ стояли; потомъ отправили насъ въ Казань; тамъ по берегу въ палаткахъ на песку страдали 18 дней. Изъ Казани до Перми плыли пять сутокъ да въ баракахъ жили 2 дня. Потомъ сюда пріѣхали да здѣсь третью недѣлю проѣдаемся, а хлѣбъ-то здѣсь три копейки за фунтъ.

— Если бы безъ задержекъ,—говорили другіе,—то у насъ хватило бы денегъ, а теперь—прохарчились!

Третьи указываютъ на то, что привезутъ ихъ на Амуръ къ самой осени: «Чѣмъ мы тамъ будемъ жить?..»

И повсюду, гдѣ ни послушаешь, главная забота, главная жалоба—

это страшная задержка въ пути, поглощающая ихъ капиталы. «Прохарчились, проѣлись»—только и слышно.

Напрасно я старался увѣрить ихъ, что ничего не могу сдѣлать,—они жаловались, кланялись, просили помочь и кому-то «поговорить»... Иногда, расталкивая толпу, протискивался ко мнѣ какой-нибудь человѣкъ и начиналъ громко излагать несчастіе, часто личнаго свойства. Такъ вспоминается мнѣ молодой парень, хохолъ, который, устремивъ на меня свои быстрые глаза, взволнованно требовалъ отъ меня «правды» и кричалъ: «Разсуди!» Дѣло въ томъ, что этотъ парень—екатеринославецъ—«засваталъ» въ пути у полтавскаго переселенца дочь и выдалъ ему одиннадцать рублей; дѣло однако разошлось, но старикъ ему не возвращаетъ эти одиннадцать рублей.

Переселенческій лагерь близъ станціи желѣзной дороги.

— Разсуди насъ!—кричалъ парень на своемъ хохлацкомъ нарѣчіи, браня при этомъ старика, кажется, бѣсомъ, а невѣсту—собакой.

Хотя среди переселенцевъ встрѣчаются представители чуть ли не 60 губерній, но хохловъ здѣсь больше всего, и на вопросъ: «какой ты губерніи?» почти всегда получается отвѣтъ: «Полтавской». Идутъ они тоже въ разныя мѣстности Сибири, даже, какъ я уже сказалъ, на Амуръ; но главная цифра переселенія падаетъ на Томскую губернію и преимущественно на ея южную часть. Такъ, въ прошломъ году сюда прибыло около 70% всего переселенія.

Проходя далѣе по полю, я былъ внезапно пораженъ звуками—странными, тягучими; это напоминало хоровую пѣсню, хотя было вовсе не пѣсней; это вѣтеръ донесъ до меня откуда-то издали звуки неясные и непонятные, но заставившіе меня оглянуться. Среди поля, среди общей

массы народа и палатокъ, я увидалъ, какъ двигалась по направленію къ лѣсу небольшая кучка людей; когда они проходили невдалекѣ отъ меня, я разслышалъ уже ясно это нестройное пѣніе, мѣшающееся съ бабьимъ причитаніемъ и воемъ. Впереди несли крышку гроба, затѣмъ несли покойника, котораго сопровождала семья съ пѣніемъ и плачемъ; семья сама его оплакивала, сама и отпѣвала. Слѣдомъ за ними несли вторую крышку и второго покойника, а за нимъ, такъ же какъ и за первымъ, шли поющія и воющія бабы... Гроба были открытые, наскоро сколоченные изъ досокъ. Процессія двигалась такъ поспѣшно, такъ быстро, точно боялась опоздать куда-то.

Оказывается, здѣсь умираетъ такъ часто и такъ много народа, что покойниковъ даже не отпѣваютъ, а просто, какъ сказывали мнѣ мужики, попъ благословитъ—и только.

Особенно велика смертность дѣтей.

Немного далѣе, на томъ же мѣстѣ, выстроены деревянные бараки; въ общемъ это цѣлое селеніе, напоминающее не то подмосковныя дачи, не то какую-то благотворительную колонію. Между прочимъ, здѣсь ведется обширное хозяйство; помимо временныхъ ночлежныхъ квартиръ, больницы и прачечной, здѣсь помѣщается спеціальное переселенческое статистическое отдѣленіе, гдѣ лѣтомъ работаютъ пріѣзжіе студенты; есть также кухня, гдѣ пекутся хлѣбы и варится пища. О дѣятельности этой кухни одинъ изъ крестьянъ отозвался такъ:

— Хорошее дѣло: на дѣтей, которымъ меньше десяти лѣтъ, полагается по фунту хлѣба да супу черпакъ—даромъ!.. Только трудно добиться...

Понятно, что ни пищей, ни квартирами нѣтъ возможности удовлетворить всю эту 20-тысячную толпу, не прекращающуюся съ весны до глубокой осени; поэтому большинство переселенцевъ живетъ подъ открытымъ небомъ и питается собственными сухарями да варитъ въ собственныхъ котлахъ Богъ вѣсть изъ чего и Богъ вѣсть какое кушанье, называемое «хлебово».

Бараки дѣлятся на три двора.

«Старый дворъ» состоитъ изъ 16 мрачныхъ корпусовъ, съ нарами по стѣнамъ, и двухъ большихъ бараковъ, съ расчетомъ на 350 человѣкъ въ каждомъ, грязные, холодные, съ невыносимымъ удушьемъ и зловоніемъ; здѣсь же находится аптека, амбулаторія, баракъ для медиковъ, служащихъ и статистиковъ; здѣсь же построенъ баракъ для семействъ тѣхъ переселенцевъ, которыхъ взяли въ больницу на «новый дворъ».

Этотъ новый дворъ занятъ исключительно больничными постройками.

Третій дворъ—«Сибиряковскій», вполнѣ опрятный, съ новыми чистенькими постройками, разсчитанными на 60 человѣкъ въ каждомъ изъ четырехъ бараковъ; здѣсь устроена чайная и столовая, гдѣ ежедневно

отпускается до тысячи обѣдовъ, и переселенцы, попавшіе въ этотъ дворъ, устраиваются, какъ дома...

Я прошелъ далѣе... За бараками, по берегу рѣки, толпилось опять множество народа, а въ водѣ около пристани стояли двѣ громадныхъ баржи, на которыхъ должны были отплыть въ этотъ день 2000 переселенцевъ.

Тѣ, для которыхъ предназначены были эти баржи, назывались счастливцами. Имъ завидовали, даже сердились на нихъ за выпавшее на ихъ долю счастіе, а счастіе это заключалось лишь въ томъ, что они съ одного мѣста стоянки недѣли черезъ двѣ попадутъ на другое—все-таки ближе къ цѣли!

И вотъ толпа этихъ «счастливцевъ» стоитъ на берегу и ожидаетъ своей очереди. Они уже ѣхали по водѣ, ѣхали по желѣзной дорогѣ, стояли въ поляхъ, то здѣсь, то тамъ, и ихъ не удивишь уже никакими приключеніями, никакими неудобствами. Они со всѣмъ свыклись и ко всему притерпѣлись. Если даже платный пассажиръ, ну хоть второго класса, испытываетъ разницу по удобству между желѣзнодорожнымъ вагономъ и пароходною каютой, то разница эта существуетъ и для «дешеваго» пассажира-переселенца. Понятіе о томъ, какъ перевозятъ переселенцевъ по Уральской желѣзной дорогѣ, можно составить со словъ одного доктора, который самъ проѣхалъ въ вагонѣ съ переселенцами. «Въ вагонѣ грязь и тѣснота. Мы всѣ знаемъ товарные вагоны, но не разсматривали ихъ никогда съ точки зрѣнія перевозки людей. Они предназначаются для клади или скота; но если представимъ, что въ нихъ перевозится нѣсколько тысячъ людей, то можно вообразить, что происходитъ.

«Начиная съ того, что вагонъ этотъ на полтора аршина отъ земли, а въ него приходится влѣзть цѣлой семьѣ съ дѣтьми; кладутся двѣ плахи, по которымъ предоставляется взбираться, при чемъ многіе падаютъ, и, наконецъ, кое-какъ взгромождаются. Помѣщаются кое-какъ, вповалку; на станціяхъ съ короткою остановкой не выходятъ даже за водой.

«Когда наступила ночь, переселенцы сначала сидѣли на отдѣльныхъ доскахъ, на которыя улечься нельзя; наконецъ, утомленіе взяло свое, и буквально весь грязный полъ былъ покрытъ людьми, цѣлую ночь слышались вопли и плачъ дѣтей. Въ этой грязи и духотѣ невозможно было выдержать ночь даже вполнѣ здоровому человѣку»...

Не знаю, можетъ быть потому, что я осматривалъ приготовленныя баржи еще пустыми, то-есть безъ пассажировъ, но мнѣ казалось, что здѣсь не будетъ того удушья, той грязи, которыя наблюдались въ вагонахъ, служащихъ поперемѣнно для перевозки товара и скота и переселенцевъ.

На рѣкѣ стояли рядомъ двѣ баржи, касаясь другъ друга бортами;

на нихъ возвышались мачты и развѣвались по вѣтру торговые флаги. Трудно представить, какъ веселили эти цвѣтныя тряпки настрадавшіяся сердца переселенцевъ!.. Первая огромная баржа была соединена съ берегомъ небольшимъ мостикомъ на тоненькихъ сваяхъ и притянута крѣпкими канатами.

Пока приводили въ порядокъ ожидающую отправки толпу, пока съѣзжались и сходились лица, завѣдующія переселенческими дѣлами, я перешелъ этотъ маленькій мостикъ и вступилъ на баржу. Это было судно, длиною въ 35 саженъ и въ пять саженъ шириной, выстланное прочными досками, въ видѣ пола. Здѣсь, на палубѣ, складывается багажъ переселенцевъ и покрывается брезентомъ. Тутъ же стоятъ чаны съ кипяченою водой, съ ковшами и кранами; здѣсь же настроены небольшіе домики—одинъ для «водолива», изображающаго начальство на баржѣ, другой для фельдшерицы, гдѣ помѣщается безплатная аптека и крошечная больница; въ третьемъ домикѣ находится кухня съ плитой и тремя котлами. За проѣздъ до Томска берется съ души, какъ мнѣ сказали, по пяти рублей, а съ дѣтей—половина.

Я подошелъ къ одному изъ люковъ, ведущихъ въ глубину баржи, и по деревянной лѣстницѣ опустился на ея дно, то-есть въ то самое мѣсто, гдѣ будутъ размѣщены пассажиры, называющіе свою «каюту» попросту—ямой. Она дѣйствительно похожа на яму, потому что въ ней нѣтъ ни дверей, ни оконъ, ни перегородокъ, и свѣтъ въ нее проникаетъ исключительно въ верхніе четыре люка, которые, впрочемъ, въ ненастье закрываются наглухо... Можно себѣ представить, что дѣлается тогда въ этой 35-саженной комнатѣ безъ малѣйшаго луча свѣта, безъ доступа свѣжаго воздуха.

Когда, выбравшись изъ «ямы», я вышелъ на палубу и взглянулъ на берегъ, то берегъ былъ буквально весь усѣянъ народомъ. Опять виднѣлись въ изобиліи хохлацкія лица, шапки, соломенныя шляпы, русскіе картузы и русскія лица, рубахи, пестрые жилеты, сермяги, лапти, заплаты, босыя ноги... Внизу, почти подъ мостомъ, двѣ-три бабы, нагнувшись къ водѣ, полоскались: одна мыла бѣлье, другая—ноги, третья—хохлушка—посуду, или, вѣрнѣе, черепки. Среди гулкаго неяснаго говора кричали и плакали дѣти, кашляли, кряхтѣли, вздыхали...

На мостикѣ, у самаго входа, стояли уже должностныя лица и готовились къ пріему пассажировъ. Тутъ былъ чиновникъ по переселенческимъ дѣламъ, по народному прозвищу—«переселенный», медикъ-студентъ, два-три матроса, одинъ съ бумагой—вѣроятно, со спискомъ, другой со счетами.

— Вороньковцы!—закричалъ вдругъ матросъ.—Вороньковская волость!

Толпа «вороньковцевъ» выступила впередъ.

— Выбрали старосту?

Они отвѣчали, что выбрали, и, какъ бы въ подтвержденіе, изъ толпы выдѣлился мужикъ, на обязанности котораго было знать всѣ вороньковскія семьи для того, чтобы не было подмѣновъ.

— Вороньковцамъ идти на дальнюю баржу!—провозгласилъ матросъ, и пріемъ начался.

Каждую семью, а можетъ быть, и каждаго человѣка, провѣряли по списку, откладывали на счетахъ и спрашивали о здоровьѣ. Съ дѣтьми поступали нѣсколько строже. Студентъ раскрывалъ имъ ротъ деревянною лопаткой или щепочкой и осматривалъ горло. Только послѣ этого ихъ уже пропускали.

Однако, какъ показываетъ дѣйствительность, такой осмотръ не гарантируетъ переселенцевъ и ихъ дѣтей отъ болѣзней. Въ дорогѣ большинство захварываетъ, и бываютъ случаи, когда привозятъ на баржѣ сразу нѣсколько труповъ.

Громадная смертность, стоящая инымъ потери цѣлой семьи, является важною причиной обратнаго движенія съ полпути, другими словами—бѣгства. И рискованно винить такого человѣка за малодушіе, когда онъ лишился жены и дѣтей, потерялъ въ дорогѣ весь свой капиталъ и бѣжитъ на родину сиротой и нищимъ, желая въ отчаяніи умереть именно тамъ, а не на новой землѣ, которую онъ не знаетъ, но которая уже лишила его всего дорогого, и онъ бѣжитъ безъ оглядки назадъ, притѣсняемый голодомъ и холодомъ, подозрѣваемый въ корысти, чуть не въ кулаческихъ несбывшихся надеждахъ.

Впрочемъ, причины «бѣгства» бываютъ разныя: возвращаются по климатическимъ условіямъ или вслѣдствіе религіозныхъ и бытовыхъ розней, возвращаются изъ-за неудавшагося кулачества; но есть и такіе, о которыхъ я только что говорилъ.

Нѣсколько часовъ длится этотъ пріемъ на баржу; иногда встрѣчаются раздирательныя сцены, когда больного ребенка не пропускаютъ и вся семья изъ-за него должна остаться на берегу, ожидая его выздоровленія либо смерти. Бываютъ случаи и болѣе печальные, когда родители покидаютъ больного ребенка на произволъ судьбы, а сами уѣзжаютъ безъ него дальше. Такіе сироты называются здѣсь «Божьи дѣти». Родители ихъ либо умерли въ пути, либо, спасая остальную семью отъ нищеты и голода, пожертвовали ребенкомъ, больнымъ, по ихъ мнѣнію, безнадежно. Дожидаться его смерти у нихъ не хватаетъ болѣе ни силъ, ни денегъ, и они уходятъ дальше безъ него, считая его все равно погибшимъ. Большинство оставленныхъ, конечно, не выздоравливаетъ, но бываютъ случаи, когда ребенокъ поправляется и вступаетъ въ разрядъ «Божьихъ дѣтей».

Помимо пароходнаго передвиженія, существуетъ еще другой спо-

собъ, даже два: болѣе богатые переселенцы покупаютъ лошадей и телѣги и пускаются цѣлыми обозами въ дальнѣйшій путь; этотъ соблазнъ такъ великъ, такъ хочется всѣмъ поскорѣе раздѣлаться съ томительною и убыточною остановкой, что даже изстрадавшаяся бѣднота пріобрѣтаетъ себѣ телѣжки или тачки и, впрягаясь въ оглобли, тащитъ на своихъ плечахъ эти тачки съ дѣтьми и пожитками.

На своемъ пути я встрѣчался съ такими обозами и «самоходами», какъ называютъ въ Сибири пѣшихъ переселенцевъ.

Это было въ Омскѣ. Я поѣхалъ взглянуть, какъ строятъ «великую» желѣзную дорогу. Направляясь туда, я встрѣтилъ среди поля, поросшаго сѣдою полынью, одинокій огороженный дворъ съ двумя-тремя домиками внутри.

— Что это?—спросилъ я извозчика.

— Загонъ. Переселенцы живутъ.

Оказалось, это былъ когда-то господскій дворъ, впослѣдствіи покинутый и забытый; во время эпидеміи его обратили въ холерный баракъ, а теперь отдали переселенцамъ и всѣмъ безпріютнымъ людямъ, кто хочетъ укрыться отъ непогоды и холода; даже полиція отсылаетъ сюда нуждающихся: ступай, молъ, въ баракъ и живи сколько знаешь, никто тебя тамъ не тронетъ. И баракъ никогда не пустуетъ: одни уходятъ, другіе приходятъ, и во всякое время можно здѣсь наблюдать одну и ту же картину. Временные жильцы сидятъ и лежатъ вразбродъ на голомъ полу; кто свернулся на бокъ, кто распластался во весь ростъ на спинѣ, загнувши за голову руки; тамъ подъ одѣяломъ виднѣются чьи-то ноги, тутъ изъ-подъ одного армяка выглядываютъ сразу двѣ головы—сѣдая и дѣтская, и повсюду узлы и котомки, отдѣляющіе семью отъ семьи...

Въ то время народу жило во дворѣ человѣкъ 40. Когда я вошелъ и оглядѣлся, мое вниманіе привлекъ къ себѣ старичокъ, возившійся среди двора съ небольшою телѣжкой; онъ осматривалъ ее, вздыхалъ и качалъ головою, точно у него что-то не ладилось или что-то его сильно тревожило.

Это былъ одинъ изъ числа «самоходовъ»,—истинный самоходъ, въ полномъ значеніи этого слова. Идетъ онъ съ семьей изъ Челябинска шестую недѣлю, пробираясь въ Барнаулъ. Причины, погнавшія его съ родины, и надежды его очень характерны. Дома неурожай, послѣдніе всходы пожираетъ «кобылка», доходовъ нѣтъ, а подати, пропитаніе и старыя недоимки требуютъ денегъ. Что дѣлать? Какъ утопающій хватается за соломинку, такъ и «самоходъ» довѣряется слухамъ, будто въ Сибири хорошо и хлѣбно; онъ оставляетъ свое родное село, оставляетъ землю и хозяйство въ уплату за недоимки и уходитъ обездоленнымъ и нищимъ искать новое счастливое мѣсто, пробираясь тысячу верстъ пѣш-

комъ и кормясь исключительно «Христовымъ именемъ». Ему все равно: дома онъ нищій и въ пути нищій; утѣшаетъ и влечетъ его впередъ только надежда; будетъ на новомъ мѣстѣ хорошо и сытно—слава Богу, а нѣтъ, то хуже не будетъ. Вотъ и всѣ его расчеты, которые болѣе прилично назвать отчаяніемъ, чѣмъ надеждой.

Мнѣ довелось видѣть «отъѣздъ» этого старика, который среди двора осматривалъ свою телѣжку. На видъ ему было лѣтъ 70, а семья состояла изъ 9 человѣкъ съ женщинами и дѣтьми. Въ телѣжку положили разный скарбъ и тряпье, посадили маленькихъ дѣтей и старуху, и повозка, прошедшая уже верстъ 600—700, была готова къ дальнѣйшему путешествію.

Это была двухколесная ребрастая таратайка, въ родѣ тѣхъ, какія встрѣчаются въ большихъ городахъ для сбора костей и стараго желѣза. Въ оглобли, вмѣсто лошади, впрягся мужикъ, сынъ этого старика, а на пристяжкѣ пошелъ самъ старикъ и съ другой стороны 13-лѣтній мальчикъ, его внукъ. Каждый изъ нихъ надѣлъ на плечи веревку съ широкою петлей, въ родѣ бурлацкихъ помочей, и семейная «тройка» потянула повозку, за которою побрели женщины, нагруженныя узлами.

Такъ и переселялась за тысячи верстъ эта голодная семья, гдѣ сынъ, отецъ и дѣдъ составляли дружную тройку. Эта «тройка» долго потомъ не выходила у меня изъ головы. «Какъ-то бредетъ теперь по степной дорогѣ переселенческая «тройка»? невольно вспоминалось мнѣ...

У вогуловъ.

(П. Инфантьева.)

Рѣка Конда, одинъ изъ самыхъ большихъ притоковъ Иртыша, впадающая въ послѣдній недалеко отъ его сліянія съ Обью, занимаетъ своимъ бассейномъ громадную площадь, ограничиваемую на югѣ рѣкою Тавдою, на сѣверѣ—Сѣверною Сосьвою и на востокѣ—Обью. Все это пространство представляетъ сплошную тайгу съ непроходимыми лѣсами, называемыми здѣсь «урманами», неизмѣримыми тундровыми болотами, съ массою рѣчекъ и озеръ. Этотъ край, почти нетронутый вліяніемъ русскихъ, представляется однимъ изъ интереснѣйшихъ какъ по своей дѣвственной природѣ, такъ въ особенности по жизни его обитателей—вогуловъ.

Жутко и угрюмо въ урманѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги высятся громадные сосны, ели, пихты и кедры, достигающіе нѣсколькихъ обхватовъ толщины. Въ глубинѣ чащи виднѣются гигантскіе стволы упавшихъ деревьевъ, гніющихъ тамъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Кругомъ царитъ мертвая тишина. Ни звѣря, ни птицы. Развѣ только иногда гдѣ-нибудь въ глубинѣ лѣса прозвучитъ дятелъ, нарушая гробовое

молчаніе, да скрипъ подгнившаго дерева возмутитъ эту торжественную тишину, нагоняя тяжелое уныніе на душу.

Лѣтомъ сообщеніе между «паулями», какъ здѣсь называются вогульскіе поселки, почти прерывается, и самый удобный случай проникнуть въ глубь страны—это зимою на саняхъ.

Была половина марта, когда мы отправились въ глубь страны; цѣлью нашей поѣздки было поохотиться за уральскимъ бобромъ—животнымъ, исчезающимъ въ настоящее время и потому очень рѣдкимъ. Начинались оттепели, дорога портилась, и намъ пришлось потратить нѣсколько дней, чтобы добраться до намѣченнаго нами пункта.

Оронтуръ-пауль, въ который мы наконецъ прибыли послѣ многихъ приключеній и задержекъ въ пути, расположенъ при Оронтурскомъ озерѣ, имѣющемъ до 7 верстъ въ длину и около 4 верстъ въ ширину въ восточной части, западная гораздо уже. Глубина этого озера сравнительно незначительна; въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ оно имѣетъ не болѣе двухъ-трехъ саженъ. Берега песчаны и покрыты по большей части краснолѣсьемъ; впрочемъ, кое-гдѣ попадается и березнякъ. На сѣверо-восточномъ берегу издалека виднѣется высокій, весь поросшій хвойнымъ лѣсомъ мысъ, круто опускающійся въ озеро и кажущійся утесистымъ отъ бѣлаго песчанаго берега, размытаго водой. Почва здѣсь, а равно и по всей Кондѣ исключительно или песчаная, или глинистая; камней нигдѣ не встрѣчается, за исключеніемъ мелкихъ кварцевыхъ галекъ, которыми усѣяны берега этого озера. Вода въ озерѣ краснобураго цвѣта вслѣдствіе обилія болотной желѣзной руды, которая въ громадномъ количествѣ разсѣяна на берегу и на днѣ озера.

Оронтуръ-пауль состоитъ собственно изъ двухъ паулей, находящихся на двухъ противоположныхъ берегахъ озера—сѣверномъ и южномъ. Сѣверный пауль расположенъ на ровной лѣсистой мѣстности; южный же, въ которомъ поселились мы, находится на небольшомъ, довольно возвышенномъ мысѣ, вдающемся въ озеро среди урмана. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ паулѣ живетъ всего по одной семьѣ. Нашъ пауль состоялъ изъ 5 юртъ, изъ нихъ 4 принадлежали нашему хозяину Тимоѳею. Первую, самую старую изъ этихъ юртъ, строилъ еще прадѣдъ Тимоѳея, вторую—дѣдъ его, третью—отецъ и четвертую—онъ самъ. У вогуловъ въ большинствѣ случаевъ каждое новое поколѣніе строитъ свою новую юрту. Такимъ образомъ по этимъ четыремъ юртамъ наглядно можно видѣть, какимъ измѣненіямъ съ теченіемъ времени подвергались постройки вогуловъ почти за столѣтній періодъ.

Прадѣдовская юрта состоитъ всего изъ одной довольно обширной комнаты, безъ сѣней, съ окнами, перегороженными деревянными рѣшетками, между которыми прежде, по всей вѣроятности, вставлялись или куски льда, или натягивалась брюшина вмѣсто стеколъ. Въ одномъ изъ

угловъ этой юрты—*чувалъ*, теперь уже почти совершенно развалившійся. Рядомъ съ нимъ вмазанъ чугунный котелъ, служившій для варки пищи. Потолка нѣтъ, прямо крыша. Какъ эта, такъ и другая дѣдовская юрты теперь совершенно необитаемы и служатъ складомъ для рыболовныхъ снастей и охотничьихъ снарядовъ Тимоѳея. Послѣдняя уже значительно отличается отъ первой юрты. Она состоитъ изъ двухъ отдѣленій—одно изъ нихъ предназначалось для помѣщенія семьи, другое служило и кухней, и сѣнями. Въ первомъ отдѣленіи—чувалъ, нары, во второмъ—котелъ для варки пищи. Окна такія же, какъ и въ первой юртѣ, но уже есть потолокъ. Третья юрта, въ которой въ настоящее время живетъ самъ Тимоѳей съ семьей, также во многомъ отличается отъ двухъ предыдущихъ. Во-первыхъ, при ней есть просторныя крытыя сѣни; во-вторыхъ, внутренность ея раздѣлена на двѣ половины: одна мужская, другая женская. Чувалъ замѣненъ печью, почти совершенно подобной русской. Окна въ юртѣ стеклянныя, вмѣсто наръ—кровати. Котелъ для варки мяса и рыбы находится уже въ другой, отдѣльной избушкѣ, какъ и у большинства зажиточныхъ вогуловъ. Наконецъ, послѣдняя юрта, еще совершенно новая, въ которой поселились мы, уже вполнѣ напоминаетъ русскую пятистѣнную избу. Всѣ эти зданія стоятъ кучкой, другъ подлѣ друга. Нѣсколько поодаль отъ этихъ главныхъ построекъ находятся четыре амбара, стоящіе другъ противъ друга. Эти небольшіе амбарчики построены на сваяхъ для предохраненія хранящейся въ нихъ провизіи отъ мышей, водящихся здѣсь въ большомъ изобиліи. Рядомъ съ амбарами находится небольшой погребъ, гдѣ хранятъ рыбу въ лѣтнее время. Впрочемъ, погребъ—рѣдкость у вогуловъ. Лѣтомъ мясо и рыбу они по большей части сушатъ на солнцѣ, а зимой морозятъ.

Для защиты скота отъ зимнихъ холодовъ и вьюги построены три небольшихъ хлѣва съ такой низкой крышей, что человѣку въ нихъ можно ходить не иначе, какъ только согнувшись въ три погибели.

У Тимоѳея двѣ коровы, одна лошадь и нѣсколько штукъ *бѣленькихъ* барашковъ. Я нарочно подчеркнулъ слово *бѣленькихъ*, потому что эти барашки держатся имъ не для какихъ-либо иныхъ цѣлей, а только для жертвоприношеній шайтанамъ, которые любятъ больше всего бѣлыхъ животныхъ: бѣлыхъ барановъ, бѣлыхъ оленей, бѣлыхъ лошадей. Поэтому бѣлыя или сивыя лошади здѣсь цѣнятся очень дорого.

Если прибавить ко всѣмъ мною перечисленнымъ постройкамъ еще сарай съ крытымъ вверху сѣноваломъ, то я могу считать описаніе хозяйственныхъ строеній Тимоѳея законченнымъ.

Глава семьи, а стало быть и глава всего населенія южнаго Оронтуръ-пауля—Тимоѳей. Это довольно высокій съ карими подслѣповатыми глазами и свѣтло-русой бородой мужикъ, лѣтъ 50-ти. Семья его состоитъ изъ жены, четырехъ дочерей и пріемнаго сына. Тимоѳей упрямъ,

скрытенъ, крайне самолюбивъ и чрезвычайно недовѣрчивъ. За все время нашего пребыванія въ Оронтурѣ намъ никакъ не удалось снискать его довѣріе къ себѣ. Онъ смотрѣлъ на насъ, какъ на людей, пріѣхавшихъ съ какими-то тайными, недружелюбными намѣреніями, и мы никакъ не могли разубѣдить его въ этомъ. Онъ не только остерегался самъ давать намъ какіе-то отвѣты на интересовавшіе насъ вопросы, но и другихъ окружающихъ убѣждалъ не довѣряться намъ. Даже на наши просьбы разсказать какую-нибудь сказку, перевести пѣсню у него всегда былъ одинъ отвѣтъ: «не знаю, мы ничего не знаемъ, какія у насъ сказки? тѣ за, что у васъ,—отъ кого намъ ихъ больсе слысать?» Если и можно было что-либо изъ него вытянуть, то не иначе, какъ только угостивъ его водкой, до которой онъ, какъ и всѣ вообще вогулы, былъ большой охотникъ. Въ особенности вогулы были осторожны, когда мы начинали разспрашивать ихъ относительно ихъ языческой религіи, которой, какъ мы слышали по дорогѣ отъ русскихъ, они придерживаются и до сихъ поръ.

Чтобы сдѣлать описаніе этого пауля совершенно полнымъ, я долженъ упомянуть еще объ однихъ его обитателяхъ—объ охотничьихъ собакахъ вогуловъ. Собака—неотъемлемая принадлежность вогула и его незамѣнимый другъ. Безъ собаки охотникъ-вогулъ немыслимъ. Она ходитъ съ нимъ за звѣремъ, на ней возитъ вогулъ зимою изъ урмана сѣно, дрова, убитыхъ звѣрей и т. п. Не даромъ у вогуловъ существуетъ такая легенда о происхожденіи собаки: Тормъ, задумавъ сотворить собаку, далъ ей лукъ и стрѣлы и назначилъ ей быть помощницей человѣку. Но Тормъ-чукъ, мать Торма, замѣтилъ ему, что если у собаки будутъ лукъ и стрѣлы, тогда человѣкъ сдѣлается очень богатымъ и зазнается. Тогда Тормъ взялъ обратно у собаки лукъ и стрѣлы, а вмѣстѣ съ этимъ отнялъ у нея и память и заставилъ ее такъ служить человѣку.

Населеніе сѣвернаго Оронтуръ-пауля не многочисленнѣе южнаго. Тамъ также нѣсколько юртъ, въ которыхъ живетъ старикъ Петръ со своей семьей.

Кромѣ юртъ Петра, въ сѣверномъ Оронтуръ-паулѣ есть еще одна одинокая юрта, принадлежащая слѣпому вогулу Ивану. Этотъ слѣпой Иванъ поочередно живетъ то въ семействѣ Петра, то у Тимоѳея, кормясь на общественный счетъ. Иванъ ослѣпъ уже много лѣтъ тому назадъ, а теперь исправляетъ у оронтурцевъ роль шамана и музыканта. Онъ священнодѣйствуетъ на ихъ языческихъ празднествахъ и играетъ на *лебедѣ* [1]) и *домбрѣ* во время ихъ пирушекъ, а въ обыкновенное время помогаетъ пилить дрова, плететъ сѣти и вообще старается быть чѣмъ-

[1]) Родъ гуслей.

либо полезнымъ. Замѣчательно то, что у этого Ивана жена—тоже совершенно слѣпая старуха, какъ и онъ самъ. Слѣпота и слабость зрѣнія у вогуловъ—явленіе очень обыкновенное. По всей вѣроятности, причина этого заключается въ томъ, что во время лѣта, вслѣдствіе обилія въ тайгѣ комаровъ, вогулы держатъ постоянно свои юрты полными дыма. Даже на охоту или рыболовство они отправляются лѣтомъ не иначе, какъ съ тлѣющей въ лодкѣ березовой губой. Нѣтъ другихъ способовъ уберечься отъ этого бича тайги.

Когда мы пріѣхали въ Оронтуръ, почти все его населеніе было въ урманѣ. Даже собаки не встрѣтили насъ своимъ обычнымъ лаемъ. Дома оставалась одна только жена Тимоѳея Марья съ младшей дочерью да слѣпымъ Иваномъ. Мужчины промышляли верстъ за 30 отъ Оронтура и уже нѣсколько недѣль жили въ урманѣ въ зимнихъ юртахъ. Такъ какъ два дня тому назадъ отъ нихъ пришло извѣстіе, что они убили нѣсколько лосей и оленей, то женщины ушли къ нимъ съ собаками за мясомъ и шкурами, и Марья съ часу на часъ ждала ихъ возвращенія. Мы помѣстились въ новой Тимоѳеевой юртѣ. Сами хозяева давно въ ней не жили, такъ какъ тамъ оказывалось множество клоповъ. Къ сожалѣнію, мы не захватили съ собой никакихъ снадобій для искорененія этихъ паразитовъ, и все время нашего пребыванія въ Оронтурѣ они не давали намъ покоя, заставляя по нѣсколько разъ въ ночь вставать съ постелей, вытаскивать ихъ на снѣгъ и выколачивать. Но больше всего хлопотъ намъ было съ кухней. Оказалось, что вогулки совсѣмъ не умѣютъ готовить хлѣба изъ бѣлой муки, а изъ ржаной стряпаютъ такъ, что только черезчуръ голодному человѣку можно его брать въ ротъ. Мы не захватили съ собой никакихъ консервовъ, ни овощей, а у вогуловъ даже картофеля невозможно было достать ни за какую цѣну, такъ какъ здѣсь ничего не сѣютъ. Такимъ образомъ волей-неволей намъ привелось питаться тѣмъ же, чѣмъ питались и вогулы, т.-е. варенымъ въ одной водѣ, безъ всякихъ приправъ, оленьимъ и лосинымъ мясомъ или жаренымъ на салѣ. Даже лосиную губу, которой мы имѣли въ изобиліи, это роскошное и столь дорогое у насъ въ Россіи лакомство, вогулки ухитрялись такъ приготовлять, что его рѣшительно нельзя было взять въ ротъ безъ отвращенія. По понятіямъ вогуловъ, лосиную губу нельзя палить, иначе будетъ лось бросаться на охотника; поэтому ее варятъ вмѣстѣ съ шерстью, и такимъ образомъ этотъ нѣжный кусокъ весь пропитанъ какимъ-то кислымъ, прогорклымъ вкусомъ. Сколько мы ни умоляли нашихъ кухарокъ изготовить ее намъ по нашему рецепту, мы никакъ не могли добиться этого. Впрочемъ, для вогулокъ въ этомъ случаѣ есть извиненіе: бабы не могутъ пробовать этого блюда, такъ какъ звѣрь будетъ сердиться. Онѣ не могутъ также ѣсть ни языка, ни глазъ лося, а къ медвѣжьему мясу не могутъ даже и прикасаться,

иначе медвѣдь задеретъ. Вообще при обученіи нашихъ кухарокъ изготовленію кушаній намъ постоянно приходилось сталкиваться не только съ ихъ неряшливостью и неумѣньемъ ничего дѣлать, но и съ суевѣріями, такъ что въ концѣ-концовъ все это ужасно надоѣло, и мы стали ѣсть то, что́ намъ подавали.

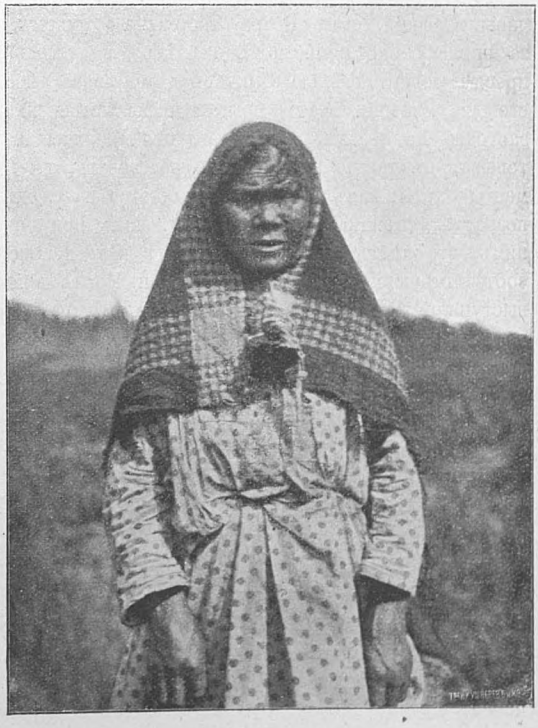
Въ Оронтуръ мы пріѣхали въ концѣ марта. Зима держалась еще крѣпко и выходить изъ юртъ даже за двадцать шаговъ было возможно не иначе, какъ только на лыжахъ. Дорогъ и тропъ здѣсь никакихъ не существовало, а снѣгъ былъ чрезвычайно глубокъ. Такимъ образомъ мы обречены были все время сидѣть дома, въ своей юртѣ, въ ожиданіи весны, которая въ этотъ годъ, къ нашему несчастью, что-то очень замѣшкалась.

Утромъ на слѣдующій день послѣ нашего пріѣзда мы увидали изъ оконъ своей юрты возвращавшихся изъ урмана дочерей Тимоѳея. Онѣ шли на лыжахъ и тащили за собой каждая длинныя, узкія нарты [1]) съ запряженными въ нихъ собаками. На этихъ нартахъ лежали убитые лоси и олени. Сами же охотники намѣревались еще нѣсколько времени пробыть въ урманѣ, а если погода будетъ благопріятствовать и если будетъ хорошій *чарымъ* (гололедица), то и до конца зимы. Весенній чарымъ—это самое удобное время для охоты на лосей и оленей. Весной, во время хорошаго чарыма, хорошій охотникъ убиваетъ не менѣе 20—30 штукъ оленей. Вогулы разсказываютъ, что въ прежніе годы было лучше: прежде хорошій охотникъ билъ до 70—80 штукъ въ весну, но въ послѣднее десятилѣтіе количество звѣрей въ здѣшнемъ мѣстѣ значительно уменьшилось. Во время чарыма охотнику достаточно попасть на свѣжій слѣдъ оленя, и уже тогда послѣдній отъ него никуда не уйдетъ. Олень и лось не могутъ долго бѣжать по обледянѣвшему, проваливающемуся снѣгу; во-первыхъ, онъ скоро устаетъ, а во-вторыхъ, твердая кора снѣга часто колетъ въ кровь его ноги, а разъ олень увидалъ у себя кровь, онъ совершенно останавливается, и тутъ можно бить его въ упоръ. Случалось, что одинъ охотникъ за одинъ разъ перебивалъ цѣлое стадо. При насъ былъ такой случай. Однажды во время чарыма дочери Тимоѳея пошли въ урманъ за дровами. Но едва онѣ сдѣлали нѣсколько шаговъ отъ пауля, какъ наткнулись на оленя, прибредшаго какимъ-то образомъ къ самымъ юртамъ. Не имѣя никакого оружія, кромѣ палокъ въ рукахъ, онѣ набросились на него и не дали ему уйти, убили.

Приближалась Пасха. Праздникъ Пасхи у вогуловъ почти ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ дней. Приготовленій къ празднику рѣшительно никакихъ не было. Въ прежніе годы, когда былъ дешевъ хлѣбъ, къ Пасхѣ варилась *самосадка* (водка), но теперь ржаная мука доходила здѣсь

[1]) Санки на высокихъ копыльяхъ.

до 7 руб. за пудъ, поэтому о самосадкѣ и думать было нечего. Въ день праздника, рано по утру, вогулы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей да одѣлись въ чистую одежду—вотъ и все. У вогуловъ нѣтъ собственно праздничныхъ одеждъ; въ исключительные дни, какъ, напр., при встрѣчѣ священника, который ѣздитъ къ нимъ всего разъ въ годъ, они надѣваютъ ту же одежду, что и въ будни, только болѣе тщательно вымытую. Украшеній у вогуловъ, кромѣ свинцовыхъ колецъ собственнаго издѣлія, рѣшительно никакихъ нѣтъ. Прежній ихъ костюмъ былъ оленьи и звѣриныя шкуры, но познакомившись съ русскими, они сразу перемѣнили свой костюмъ дикаря на русскую одежду, какъ болѣе практичную, при чемъ женщины переняли не сарафанъ, а платье. Впрочемъ, намъ приходилось видать у старыхъ вогулокъ нѣкоторые уборы, шитые бисеромъ, но эти уборы, судя по рисункамъ, на нихъ изображеннымъ, и формѣ, вполнѣ тождественны съ остяцкими и доказываютъ только то, что, прежде чѣмъ обнаружилось вліяніе русскихъ, вогулы были подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей остяковъ, заимствовавъ у послѣднихъ не одни только обычаи и религію, почти совершенно сходную съ остяцкой, но и одежду.



Вогулка.

Послѣ обѣда все населеніе обоихъ паулей съ женами и дѣтьми пришло къ намъ христосоваться. Христосуясь, вогулы крестятся другъ

передъ другомъ, какъ передъ иконой. Хотя наши комнаты и не отличались большою помѣстительностью, однако въ нихъ осталось еще довольно свободнаго мѣста. Мы угостили вогуловъ сначала чаемъ, а потомъ водкой, и скоро они сдѣлались настолько развязны, что изъявили желаніе показать намъ свою пляску. Пляска вогуловъ не отличается граціозностью, но зато очень оригинальна: она замѣняетъ для нихъ въ то же время и драматическія представленія. Сначала плясали мужчины. Савелій, сынъ Петра, вооружился лукомъ, стрѣлами, заткнулъ за опояску охотничій ножъ и сталъ изображать изъ себя охотника, преслѣдующаго оленью самку съ дѣтенышемъ; послѣднихъ изображали его два младшіе брата, прыгавшіе на четверенькахъ. Слѣпой Иванъ заигралъ на лебедѣ, и подъ его меланхолическіе звуки Савелій, притопывая въ тактъ, началъ лицедѣйствовать, т.-е. изображать всѣ моменты охоты: какъ охотникъ натыкается на слѣдъ, какъ ощупью распознаетъ, свѣжій онъ или старый, какъ при видѣ оленя бѣжитъ за нимъ, стрѣляетъ изъ лука, убиваетъ и т. д. Все это сопровождалось соотвѣтствующими позами и гримасами. Послѣ пляски мужчинъ на сцену выступили женщины. Марья и старуха Петра закрыли головы и лица шалями, взяли въ каждую руку по платку и въ тактъ музыки стали повертываться, притопывать ногами, нагибаться то въ ту, то въ другую сторону и въ то же время выдѣлывать руками разнообразныя движенія, такія, какія у насъ дѣлаютъ при комнатной гимнастикѣ.

Балъ закончился состязаніемъ мужчинъ въ стрѣльбѣ въ цѣль изъ ружей и луковъ.

Вскорѣ послѣ Пасхи, въ одинъ прекрасный день изъ урмана показалась кляча, запряженная въ хрясла, на которыхъ сидѣла вогулка изъ ближайшаго пауля съ какимъ-то субъектомъ въ засаленномъ стеганомъ пальто и рваномъ картузѣ; за спиной у него торчала винтовка, рядомъ лежалъ небольшой сундучокъ, а въ рукахъ была гармоника. Появленіе новыхъ гостей было встрѣчено торжественнымъ лаемъ собакъ, всей сворой бросившихся навстрѣчу вновь пріѣзжимъ. Кляча остановилась передъ юртой Тимоѳея. Субъектъ вылѣзъ и, держа въ одной рукѣ гармонику, въ другой сундучокъ, направился въ юрту. Это былъ малый лѣтъ 25—27, средняго роста, коренастый, съ черными курчавыми волосами, широкимъ, безбородымъ лицомъ, круглыми наглыми глазами и картофелеобразнымъ носомъ.

— Купецъ пріѣхалъ!—заявила намъ, вбѣжавъ съ возбужденнымъ лицомъ, одна изъ дочерей Марьи. Вслѣдъ за ней вбѣжала другая съ тѣмъ же заявленіемъ, а за ними явилась и сама Марья, тоже сгорая желаніемъ сообщить новость и изумляясь, отчего мы не бросаемся смотрѣть на такого невиданнаго звѣря. Прибытіе купца составило цѣлое событіе въ монотонной жизни оронтурцевъ. Оказалось, что весь товаръ

у пріѣзжаго купца заключался въ небольшомъ привезенномъ имъ сундучкѣ. Тамъ было нѣсколько коробокъ спичекъ, нѣсколько осьмушекъ махорки, иголки, нитки и т. п. мелочь, всего рублей на пять. Онъ, какъ мы потомъ узнали, оставилъ весь свой товаръ въ одномъ изъ встрѣчныхъ паулей, а самъ пріѣхалъ налегкѣ, чтобы успѣть ранѣе другихъ завладѣть звѣриными шкурами, добытыми за зиму вогулами, жившими въ отдаленныхъ пауляхъ верхней Конды. Всѣ вогулы страшно падки на водку, и этой-то слабостью и пользуются русскіе хищники-торговцы, пріѣзжающіе сюда скупать плоды вогульскихъ промысловъ. Насъ крайне удивляло то обстоятельство, что цѣна на мѣха здѣсь, на мѣстѣ, стоитъ почти та же самая, что и въ Ирбитѣ. Какая же, спрашивается, нужда ѣздить купцамъ за мѣхами такую даль. Дѣло оказалось очень просто. На деньги покупать мѣха здѣсь дѣйствительно нѣтъ никакого расчета. Но стоитъ только вогула угостить водкой, и, подвыпивши, за водку онъ готовъ отдать не только весь свой промыселъ, но и жену и дѣтей... Хищники обыкновенно дѣлаютъ такъ. Пріѣхавъ въ какой-нибудь пауль съ водкой, онъ первую бутылку чистой водки продаетъ по ея номинальной стоимости, а то такъ и даромъ даже угоститъ,—пей только, пожалуйста! Но разъ у вогула въ головѣ зашумѣло, онъ уже не уймется до тѣхъ поръ, пока не напьется въ лоскъ. Вотъ этимъ-то моментомъ и пользуется купецъ. Видя, что охотникъ опьянѣлъ и требуетъ еще, торговецъ назначаетъ за бутылку уже такую цѣну, какая ему вздумается, разбавивъ предварительно водку наполовину, а то и болѣе водой. Совершенно же пьянымъ онъ продаетъ уже чистую воду. А такъ какъ охотники расплачиваются вмѣсто денегъ пушниной, то скоро весь результатъ ихъ промысла переходитъ въ руки торговца. Это дѣлается тѣмъ легче, что у вогуловъ водку пьютъ всѣ безъ исключенія—и мужчины, и женщины, и даже дѣти; стало быть, пропиваніе происходитъ съ общаго согласія и по доброй волѣ. Такимъ образомъ торговцу не только невыгодно уменьшать денежную цѣну промысловыхъ товаровъ, но высокая цѣна прямо въ его интересахъ; иначе: будь денежная цѣна на товаръ низка, можетъ быть нашелся бы какой-нибудь добросовѣстный изъ тѣхъ же торговцевъ и вмѣсто водки сталъ бы скупать продукты вогульскихъ промысловъ за деньги.

За уральскимъ бобромъ.

(П. Инфантьева.)

Рано утромъ, 1-го мая, меня разбудилъ мой хозяинъ Тимоѳей, говоря, что пора отправляться въ путь. Съ вечера я ничего не успѣлъ заготовить для дороги и потому началъ торопиться. Но я уже давно напился чаю, надѣлалъ патроны, собралъ все, что нужно, а Тимоѳей больше не

показывался. Два раза я посылалъ къ нему справиться, скоро ли онъ будетъ готовъ, и оба раза мнѣ отвѣчали, что Тимоѳей еще пьетъ чай. Вогулы не любятъ торопиться, руководствуясь пословицей: «работа не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ». Солнце было уже довольно высоко, когда онъ, наконецъ, показался въ сопровожденіи другого вогула, Левки.

Наконецъ, мы отчалили. Тимоѳей на своей лодкѣ впереди указываетъ дорогу; мы съ Левкой—за нимъ. Наша лодка длиной около двухъ саженъ и ровно одинъ аршинъ ширины. Лодки вогулы дѣлаютъ изъ цѣльныхъ стволовъ осины, выдалбливая ихъ внутренность и распирая поперечными распорками, чтобы не коробило. Въ промежуткахъ между этими распорками садятся пловцы, вооруженные каждый однимъ легонькимъ, имѣющимъ форму пера, весломъ. Эти лодки очень тонки, довольно изящны и чрезвычайно легки, точно сдѣланы изъ картона, такъ что нашу лодку, напримѣръ, свободно можетъ нести на плечѣ одинъ здоровый человѣкъ, но зато и поднять она болѣе трехъ человѣкъ не въ состояніи; а такъ какъ она была нагружена провизіей, которой мы должны были запастись на цѣлую недѣлю, и самымъ необходимымъ для дороги багажомъ, то сидѣть въ ней приходилось, соблюдая крайнюю осторожность: при малѣйшемъ неловкомъ движеніи она могла перевернуться вверхъ дномъ. Лодка Тимоѳея была еще меньше, но зато ничѣмъ не нагружена и предназначалась для перевозки образцовъ матеріала, изъ котораго бобры дѣлаютъ свои постройки.

Погода стояла прекрасная. Ни одного облачка не было видно на небѣ. Вѣяло весной. Деревья уже начинали распускаться. Переплывъ черезъ Оронтурское озеро, мы прямо въѣхали въ лѣсъ, весь затопленный водой, по которому мы должны были плыть для сокращенія пути верстъ десять до рѣки Конды. Оригинальная дорога! Въ воздухѣ невозмутимая тишина, вода точно зеркало, кругомъ стволы густого лѣса, вѣтви деревьевъ задѣваютъ насъ по лицу, и намъ то и дѣло приходилось лавировать, чтобы не засѣсть между березъ. Внизу и вверху голубая бездна. Такъ и чудится, что летишь по воздуху среди какого-то воздушнаго парка, и только струи отъ скользящихъ по водѣ лодокъ нарушаютъ эту иллюзію. По временамъ то тамъ, то тутъ вспорхнетъ стая дикихъ утокъ и съ крикомъ поднимется надъ нашими головами. Сначала мы плывемъ среди березняка, и лишь кое-гдѣ, въ отдаленіи, виднѣются темныя сопки (возвышенности), поросшія краснолѣсьемъ. Но вотъ намъ встрѣчается рѣчка Эхъ, вытекающая изъ Оронтурскаго озера и впадающая въ Конду; но теперь, по причинѣ большой воды въ Кондѣ, вода въ этой рѣчкѣ течетъ обратно въ озеро, а береговъ ея совсѣмъ не видно. Нѣсколько времени мы плывемъ по этой рѣчкѣ, чтобы немного отдохнуть отъ гимнастическихъ упражненій, которыя намъ привелось выдѣлывать, лавируя среди стволовъ деревьевъ. Рѣчка изобилуетъ зыбунами. Зыбуны—

маленькіе островки, поросшіе травой и мелкимъ березнякомъ. Они имѣютъ ту особенность, что уровень ихъ всегда одинаковъ съ уровнемъ воды въ рѣкѣ. Если вода въ рѣкѣ поднимается на сажень, поднимаются и они; если опускается, вмѣстѣ съ водой опускаются и островки. Вѣроятно, это происходитъ отъ того, что эти островки прикрѣплены ко дну длинными корнями растеній, не позволяющими быстринѣ рѣки уносить ихъ съ собой. Зыбуны—это излюбленное мѣсто дикихъ гусей и утокъ; здѣсь они дѣлаютъ гнѣзда и выводятъ птенцовъ.

Черезъ нѣсколько времени мы снова врѣзываемся въ березнякъ, чтобы сократить путь, такъ какъ рѣчка чрезвычайно извилиста. Наконецъ, послѣ долгаго и утомительнаго плаванія по лѣсамъ, по шворамъ и озерамъ, встрѣчающимся на пути, изъ-за вѣтвей и сучьевъ деревьевъ я увидалъ быстро мелькавшіе впереди по одному направленію какіе-то бѣлые предметы. Изъ-за чащи трудно было разглядѣть, что это такое, и я сначала подумалъ, что это летаютъ чайки, но Тимоѳей, плывшій впереди насъ, произнесъ:

— А вотъ и Конта!

Дѣйствительно, бѣлые предметы оказались ничѣмъ инымъ, какъ пѣной на рѣкѣ Кондѣ. Такъ какъ въ гладкой поверхности воды отражались и лѣсъ, и голубое небо, и трудно было издали опредѣлить, гдѣ начинается водяное зеркало, то иллюзія получалась полная: казалось, что эта пѣна несется по воздуху. Мы выплыли изъ чащи и разомъ очутились въ быстромъ руслѣ рѣки Конды. Лѣсная рѣка съ затопленными берегами представляла величественное зрѣлище. Въ лѣсу быстрота рѣчки была едва замѣтна, тогда какъ здѣсь въ своемъ руслѣ, на просторѣ, рѣка бѣшено неслась, извиваясь какъ змѣя по тайгѣ, выбрасывая въ нее избытокъ своей воды и затопляя громадное пространство. Правый берегъ былъ дремучій боръ, весь затопленный водой; лѣвый, болѣе низкій,—березнякъ, смѣшанный съ сосной и осиной. Проплывъ нѣсколько саженъ, мы увидали, что справиться съ быстриной рѣки было почти невозможно, и потому, повернувъ лодки въ лѣсъ, снова врѣзались въ чащу и стали подвигаться впередъ, то гребя веслами, то работая руками, отталкиваясь о стволы деревьевъ.

Тимоѳей отъ времени до времени останавливался около нѣкоторыхъ деревьевъ и вытаскивалъ луки, поставленные имъ на звѣрей еще съ осени. Повидимому, онъ былъ въ этой непроницаемой глуши какъ у себя дома и каждый стволъ дерева былъ ему знакомъ. Проплывъ такимъ образомъ часовъ пять, мы увидали, наконецъ, одинъ возвышенный холмикъ, который не былъ затопленъ водой, и рѣшили сдѣлать на немъ привалъ. Островокъ былъ небольшой, и мы живо осмотрѣли его весь въ надеждѣ встрѣтить какого-либо звѣря, такъ какъ послѣдніе часто спасаются во время половодья на подобныхъ островахъ отъ потопа. Но островокъ

оказался совершенно необитаемъ. Здѣсь мы нашли только сгнившую, совершенно развалившуюся юрту и старый, лежавшій на боку амбаришко, упавшій съ подгнившихъ свай. Стѣны старой юрты послужили намъ готовыми дровами для костра. Въ холодное время вогулы раскладываютъ костры нѣсколько иначе, чѣмъ это дѣлается обыкновенно. Они рубятъ громадныя полѣнья, длиной отъ 3 до 4 аршинъ, кладутъ эти полѣнья, или, лучше, бревна, параллельно одно на другое и зажигаютъ по всей длинѣ, что очень практично, такъ какъ такой костеръ нагрѣваетъ большую площадь и спать подлѣ него гораздо теплѣе. Зимой, во время стужи, раскладываются два такихъ костра, параллельныхъ одинъ другому, на разстояніи саженъ двухъ или трехъ, и въ самый лютый морозъ охотники спятъ между этими кострами какъ у себя въ юртѣ.

Скоро у насъ запылалъ громадный костеръ, освѣщая небольшую площадку среди развѣсистыхъ елей и находившіяся въ сторонѣ развалины старой юрты съ упавшимъ амбаромъ, зіявшимъ въ отдаленіи своей открытой дверью. Напившись чаю и поужинавъ сухой рыбой, запасенной нами на дорогу, мы расположились вокругъ костра на ночлегъ.

Я долго лежалъ, не будучи въ состояніи заснуть, какъ вдругъ мое вниманіе было привлечено отдаленнымъ лаемъ собаки. Откуда могла взяться собака въ тайгѣ, затопленной водой, гдѣ на пространствѣ многихъ десятковъ верстъ нѣтъ ни одного жилища, гдѣ всѣ жители знаютъ наперечетъ другъ друга! Лай собаки, какъ мнѣ почудилось, раздался гдѣ-то далеко, далеко... Но вотъ онъ снова повторился, на этотъ разъ уже гораздо ближе. Я приподнялъ голову и сталъ прислушиваться, не зная, будить ли мнѣ своихъ проводниковъ. Вдругъ, почти надъ самыми нашими головами, среди ночного безмолвія, раздался какой-то дикій, безумный хохотъ, заставившій меня съ суевѣрнымъ ужасомъ вскочить на ноги.

— Тьфу ты, анаѳема! Какъ онъ меня напусалъ!—вскричалъ Тимоѳей, поднимаясь.

— Да кто это?—въ недоумѣніи спросилъ я.

— Та филинъ. Кто польсе! Висъ увиталъ огонь, такъ и прилетѣлъ. Я усъ давно слусаю, какъ онъ лаетъ по-собачьи.

Левко схватилъ ружье и сталъ искать глазами зловѣщую птицу. Вскорѣ грянулъ выстрѣлъ, но прицѣлъ былъ неудаченъ, и филинъ снова началъ кричать въ отдаленіи, то плача, какъ ребенокъ, то подражая голосу разныхъ животныхъ. Наконецъ, утомленіе взяло свое, и я заснулъ. Меня разбудило какое-то непріятное щекотаніе на лицѣ. Открывъ глаза, я увидалъ, что кругомъ было бѣло отъ выпавшаго снѣга. Начинало свѣтать. Мои проводники тоже встали. Снѣгъ усиливался все болѣе и болѣе и перешелъ въ настоящую пургу. Хорошо, что я захватилъ съ собой полушубокъ, и мнѣ было тепло; но мои спутники были

въ однихъ легонькихъ армякахъ, и ихъ донималъ холодъ. Вскорѣ зги не стало видно отъ бурана. Что было дѣлать? Я забрался въ полуразвалившійся амбаришко и скоро снова тамъ заснулъ, предоставивъ своимъ проводникамъ устраиваться, какъ они хотятъ. Когда я проснулся, былъ уже день. Ноги мои окоченѣли отъ холода и меня пробирала дрожь. Я вылѣзъ изъ амбара. Снѣгу навалило болѣе, чѣмъ на четверть, и онъ все еще не переставалъ падать. Я направился къ костру. Оказалось, что мои спутники устроились пречудесно,—гораздо лучше, чѣмъ я. Они подтащили обѣ лодки къ огню, перевернули ихъ вверхъ дномъ и, поставивъ одной стороной, обращенной къ костру, на небольшія подпорки, спали подъ этими лодками, какъ у себя дома, сномъ невинныхъ младенцевъ, въ однѣхъ рубахахъ, слегка только прикрывшись армяками.

Пока мы пили чай, буранъ утихъ, небо прояснѣло, и мы снова двинулись въ путь. Картина рѣки представилась намъ въ другомъ видѣ. Весь лѣсъ былъ въ зимнемъ убранствѣ, и косматыя вѣтви, отяжелѣвшія подъ густыми шапками снѣга, живописно отражались въ невозмутимой зеркальной поверхности воды. И эта быстро несущаяся рѣка въ серебристой оправѣ, эти свѣжіе, утренніе лучи солнца, золотыми нитями скользившіе подъ таинственными сводами залитаго водой дѣвственнаго лѣса, эти мягкія тѣни, этотъ контрастъ зимы и лѣта производили чарующее впечатлѣніе на глазъ.

Рѣка здѣсь чрезвычайно извилиста. Иногда, сдѣлавъ громадное плесо въ нѣсколько верстъ, она снова приближается къ своему прежнему руслу на разстояніи нѣсколькихъ саженъ. Мы обыкновенно старались избѣгать такихъ крутыхъ поворотовъ, направляя лодки прямо черезъ лѣсъ, и такимъ образомъ много выигрывали и во времени, и въ пространствѣ. Заблудиться въ лѣсу было невозможно: стоило только держаться противъ теченія, и рано или поздно—всегда выѣдешь въ рѣку.

Однажды мы причалили къ одному пригорку и на снѣгу, еще не успѣвшемъ стаять, увидѣли свѣжіе слѣды зайца, а вскорѣ и самъ онъ, промелькнувъ въ отдаленіи, скрылся въ чащѣ. Я бросился по его слѣду, который привелъ меня на узенькій мысокъ, и, добѣжавъ до его конца, увидалъ, что слѣдъ исчезъ около самой воды. Я остановился, недоумѣвая: куда скрылся заяцъ? Не могъ же онъ пуститься вплавь по водѣ? Мѣсто кругомъ было чистое, и уйти ему, казалось, совершенно было некуда. Недалеко отъ воды лежалъ покрытый густымъ слоемъ снѣга толстый стволъ дерева, мимо котораго я нѣсколько разъ прошелъ, и только случайно, скользнувъ глазами по его поверхности, увидалъ прижавшагося на немъ, и притомъ на самомъ видномъ мѣстѣ, хитраго грызуна. Расчетъ его провести меня былъ дѣйствительно очень разуменъ. Онъ такъ сливался съ комками снѣга, выдававшимися около сучьевъ, что, если бы не черный блестящій глазъ косого, выдававшій мнѣ его при-

сутствіе, я такъ бы его и не замѣтилъ. Я выстрѣлилъ почти въ упоръ, и заяцъ скатился мертвымъ. Осмотрѣвъ внимательно мѣсто, я увидалъ, что, прежде чѣмъ прыгнуть на стволъ, заяцъ пробѣжалъ нѣсколько шаговъ по водѣ, чтобы скрыть свои слѣды.

Тутъ же мы убили еще одного зайца, но на крупнаго звѣря намъ такъ и не удалось ни разу наткнуться за всю дорогу, хотя они здѣсь водятся въ изобиліи.

Наконецъ, на третій день такого плаванія мы достигли рѣчки Ухъ, въ которую направлялись.

Рѣчка Ухъ, правый притокъ Конды, шириною всего 5—6 саженъ, но чрезвычайно быстрая и очень глубокая. Средняя глубина ея въ обыкновенную воду—отъ $1^1/_2$ до 2 саженъ. При самомъ въѣздѣ въ эту рѣчку природа береговъ сразу измѣнилась. Вмѣсто краснолѣсья пошли березнякъ и осина; лишь кое-гдѣ виднѣлись ель и пихта. Вода здѣсь шла уже на убыль. Кое-гдѣ стали обнаруживаться песчаные берега; кустарникъ, росшій на нихъ, во многихъ мѣстахъ былъ обгрызенъ, и намъ часто попадались стволы осинъ со свѣже-обглоданной на нихъ корой. Очевидно, вблизи находились лоси. Мы плыли, зорко посматривая по сторонамъ и держа ружья наготовѣ. Но ожиданія наши не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Лоси чрезвычайно чутки и при малѣйшемъ неосторожномъ всплескѣ весла даютъ стречка. Отъ времени до времени мы слышали, какъ въ чащѣ лѣса, то на томъ, то на другомъ берегу, раздавалось шлепанье ногъ улепетывавшаго звѣря. Съ самаго утра снѣгъ то таялъ, то снова начиналъ порошить. Мы плыли, смоченные до нитки.

Черезъ нѣсколько времени опять пошло краснолѣсье. Стали попадаться кедры, которыхъ нѣтъ вблизи Оронтура. Рѣчка оказалась запруженной во многихъ мѣстахъ съ одного берега до другого стволами громадныхъ деревьевъ, подмытыхъ водой и упавшихъ въ нее. Нужно было соблюдать большую осторожность, переваливаясь черезъ такія загороди, такъ какъ наши картонныя лодочки могли лопнуть или расколоться. А очутись мы безъ лодки, даже если бы и удалось счастливо достигнуть берега, все равно гибель была бы неизбѣжна: кругомъ—залитая водой тайга, и пробраться черезъ нее рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

Чѣмъ выше мы поднимались вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ все труднѣе и труднѣе становился нашъ путь. Рѣка во многихъ мѣстахъ была загромождена чащей, черезъ которую невозможно было перебраться на лодкахъ. Эти загроможденія походили иногда на плотину, по которой свободно можно было переходить съ одного берега на другой. Намъ приходилось или перетаскивать лодки по берегу, гдѣ это было возможно, или разрубать чащу топоромъ прямо съ лодки. Но иногда случалось, что засореніе рѣки было очень велико, а чаща на берегу была слиш-

комъ густа, такъ что и по берегу лодку протащить было невозможно. Тогда мы, войдя на берегъ, прокладывали сначала топоромъ просѣку въ чащѣ и уже потомъ черезъ нее протаскивали свои лодки. Въ одномъ мѣстѣ, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, пяти верстъ, намъ привелось черезъ каждыя 25—30 саженъ встрѣчаться съ подобными преградами, и Тимоѳей уже начиналъ падать духомъ, поговаривая о томъ, что не лучше ли воротиться, такъ какъ едва ли мы пробьемся до желаемаго мѣста. Самъ онъ, хотя и зналъ эту мѣстность, но бывалъ тутъ зимой, по рѣчкѣ же этой плавалъ всего только разъ въ жизни, много лѣтъ тому назадъ, и притомъ не весной, а лѣтомъ, когда воды было меньше, а берега ея сухи.

Я долженъ былъ прибѣгнуть къ угрозѣ, что Тимоѳей ничего не получитъ изъ условленной платы, если не доставитъ меня до мѣста, и это обстоятельство придало ему новую энергію.

Наконецъ, къ полдню показался урманъ. Урманами вогулы называютъ мѣста, поросшія исключительно сосной. Огромныя деревья здѣсь были разсажены рѣдко другъ отъ друга, какъ въ паркѣ. Нигдѣ не было видно ни валежника, ни чащи, точно кто-нибудь спеціально занимался расчисткой лѣса. Въ дѣйствительности это происходитъ оттого, что вогулы часто выжигаютъ свои лѣса, иногда потому, что на горѣлыхъ мѣстахъ лучше растетъ брусника, сборъ которой служитъ подспорьемъ въ жизни вогуловъ, а по большей части безъ всякой причины, просто потому, что ужъ слишкомъ много лѣса. Благодаря этимъ пожарамъ, уцѣлѣваютъ только нѣкоторыя, болѣе сильныя деревья; всѣ же подсохшія или упавшія сгораютъ дотла. Этотъ урманъ тянулся на нѣсколько десятковъ верстъ вглубь материка и изобиловалъ, по словамъ Тимоѳея, лосями и оленями. Здѣсь, въ полуверстѣ отъ берега, находился охотничій станъ, собственность Тимоѳея, гдѣ онъ промышлялъ по зимамъ. Станъ состоялъ изъ лѣсной хижины, поставленной на очень низкомъ срубѣ и съ досчатой крышей, имѣвшей вверху по всей длинѣ узенькое отверстіе для прохода дыма. Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ этой хижины возвышалось какое-то странное сооруженіе, назначеніе котораго я никакъ не могъ опредѣлить. Это строеніе состояло изъ небольшого крытаго сруба, поставленнаго на двухъ, гладко обструганныхъ, толстыхъ стволахъ сосенъ, срѣзанныхъ на высотѣ двухъ саженъ отъ корня. На мой вопросъ, что это такое, Тимоѳей объяснилъ, что это «шуммихъ», магазинъ для храненія мяса убитыхъ животныхъ отъ хищныхъ звѣрей: волковъ, росомахъ и медвѣдей.

Внутренность хижины представляла одну большую комнату съ земляным поломъ; подлѣ стѣнъ на землѣ были разостланы доски—родъ наръ, служившія охотникамъ постелью. Ночью среди хижины обыкновенно раскладывается костеръ, служащій совершенно достаточной защи-

той во время зимы отъ морозовъ. Старыя нарты, лыжи, прислоненныя къ стѣнѣ, желѣзные заржавѣвшіе капканы въ углу, оленьи рога, топоръ, нѣсколько пайвъ—корзинъ изъ бересты, большая деревянная ложка для доставанія изъ котла мяса и нѣсколько толстыхъ обрубковъ для сидѣнья, валявшихся въ безпорядкѣ по хижинѣ, показывали, что здѣсь еще недавно были охотники.

Въ этомъ урманѣ промышляютъ только зимой, лѣтомъ же хижина стоитъ необитаемой. Прямой дорогой, на лыжахъ, отъ этого стана до селенія Оронтуръ, откуда мы пріѣхали, всего 5 часовъ ходьбы, т.-е. не болѣе верстъ 30, тогда какъ по рѣкѣ мы плыли около 3 сутокъ. Такъ извилисты здѣсь рѣки!

Пообѣдавъ вареными зайцами и напившись чаю, мы, не теряя времени, отправились далѣе, такъ какъ бобрывыя постройки, по словамъ Тимоѳея, находились всего въ двухъ верстахъ отъ становища. Краснолѣсье снова смѣнилось березнякомъ и осиной. Вскорѣ Тимоѳей указалъ мнѣ на одинъ толстый стволъ дерева, лежащій въ рѣкѣ, говоря, что это дерево перегрызъ бобръ. Сначала я подумалъ, что онъ шутитъ, такъ какъ почему-то представлялъ, что если бобръ и въ состояніи перегрызть деревья, то во всякомъ случаѣ не толще, какъ вершка $1^1/_2$, много 2 въ діаметрѣ, между тѣмъ какъ указанное имъ бревно имѣло въ діаметрѣ болѣе четверти аршина. Но вотъ онъ снова указалъ на другое бревно, еще болѣе толстое. На этотъ разъ мы плыли очень близко отъ дерева и, взглянувъ на его комель, я увидалъ, что дѣйствительно онъ былъ какъ бы срѣзанъ какимъ-то острымъ орудіемъ. Я велѣлъ Левкѣ подплыть ближе и съ изумленіемъ разсмотрѣлъ, что это не было дѣло рукъ человѣка: на комлѣ ясно виднѣлись слѣды зубовъ, которыми бобръ работалъ, какъ ножомъ. Скоро намъ все чаще и чаще стали попадаться подобные стволы березъ и осинъ; сучья у нихъ были тоже какъ бы обрѣзаны и стволы лежали почти совершенно голыми. Наконецъ показались и самыя постройки.

Это были двѣ круглыя кучи хвороста, находившіяся рядомъ, около самаго берега. По наружному виду онѣ напоминали собой два большихъ муравейника; только матеріалъ у этихъ муравейниковъ былъ несравненно болѣе крупныхъ размѣровъ. Хворостъ, палки и вѣтви были скрѣплены дерномъ и иломъ, такъ что кучи представляли изъ себя очень плотную массу. Каждая изъ кучъ имѣла у основанія до 4 аршинъ въ діаметрѣ, а высота доходила до 2 аршинъ. Одна изъ этихъ построекъ, по словамъ Тимоѳея, появилась года четыре назадъ, другая—въ третьемъ году. Кромѣ этихъ двухъ, была тутъ еще и третья постройка, самая старая, но въ настоящее время отъ нея не осталось и слѣда: подмыло водой и унесло. Тимоѳей увѣрялъ, что каждый годъ бобры строятъ новую хату, и въ этомъ случаѣ они похожи на своихъ сосѣдей

вогуловъ, у которыхъ также каждое новое поколѣніе любитъ ставить новую юрту.

Оба бобровыя жилища были въ настоящее время необитаемы: осенью прошлаго года вогулъ-охотникъ убилъ здѣсь одного бобра, а остальные переселились, вѣроятно, куда-нибудь выше. Около этого боброваго поселенія, саженъ по крайней мѣрѣ на двадцать въ глубь лѣса, лежало множество сваленныхъ толстыхъ стволовъ березъ и осинъ, и густой лѣсъ значительно порѣдѣлъ отъ работы бобровъ. Стволы нѣкоторыхъ изъ сваленныхъ деревьевъ достигали до полуаршина и болѣе въ діаметрѣ. Мы проплыли еще версты четыре вверхъ по рѣкѣ, и на всемъ этомъ пространствѣ на томъ и другомъ берегу виднѣлись стволы громадныхъ деревьевъ (береза и осина), лежавшіе на землѣ, и торчали пни, правда, уже потемнѣвшіе; свѣжей работы нигдѣ не было замѣтно. Очевидно, въ настоящее время вблизи бобровъ не было.

Къ сожалѣнію, рѣка еще не совсѣмъ вошла въ берега и обѣ постройки были затоплены водой. Первая изъ нихъ, болѣе старая и уже сгнившая, находилась на разстояніи саженъ четырехъ отъ второй, и подступиться къ ней было рѣшительно невозможно, такъ какъ кругомъ были вода и густой валежникъ. Пришлось ограничиться осмотромъ только другой постройки. Но у этой послѣдней внутренность оказалась залитой водой, проникшей туда черезъ отверстіе, сдѣланное въ прошломъ году любознательнымъ охотникомъ, убившимъ здѣсь бобра. Такимъ образомъ внутренность боброваго помѣщенія нельзя было разсмотрѣть какъ слѣдуетъ. Однако, вскрывъ верхній слой, состоявшій изъ прутьевъ, мелкаго хвороста и палокъ, пересыпанныхъ землей и скрѣпленныхъ дерномъ, я увидѣлъ, что сводъ крыши этого оригинальнаго строенія покоится на сваленномъ толстомъ стволѣ березы, комель которой выходилъ наружу, а вершина была погружена въ рѣку. Сначала на стволы были наложены крестообразно толстыя палки, игравшія роль балокъ, и уже на этихъ послѣднихъ лежали хворостъ и дернъ. Толщина крыши достигала до полуаршина. Тотчасъ подъ сводомъ этой кровли, подъ стволомъ березы, была вырыта глубокая яма, глубиною до трехъ четвертей и аршина полтора въ діаметрѣ. Яма эта была теперь залита водой; изслѣдовать ее возможно было не иначе, какъ только при помощи багра, захваченнаго нами на всякій случай на дорогу. Этимъ багромъ я скоро нащупалъ въ жилищѣ бобра нору, выходившую прямо въ рѣку, на самомъ берегу которой находилась постройка. Кромѣ того, я досталъ изъ ямы нѣсколько обглоданныхъ кусковъ березы и осины да большой пучокъ травы, служившей, вѣроятно, подстилкой.

Тимоѳей сталъ увѣрять меня, что жилище бобровъ бываетъ двухъэтажное и что подъ первой ямой должна быть другая, нижняя, въ которую бобръ уходитъ, когда въ рѣкѣ вода спадаетъ. Я сталъ внимательно

зондировать яму, и дѣйствительно мой багоръ скоро провалился еще аршина на полтора въ глубину. Насколько можно было заключить на ощупь, первый этажъ отдѣляется отъ второго палками, хворостомъ и дерномъ.

По словамъ Тимоѳея, который и самъ когда-то охотился за бобрами, и слышалъ отъ другихъ охотниковъ, въ особенности отъ отца и дѣда, занимавшихся этимъ промысломъ въ то время, когда онъ былъ выгоденъ, бобры на зиму уходятъ въ другія жилища, но каковы эти послѣднія, никому ни разу не случалось видѣть. По всей вѣроятности, бобры роютъ гдѣ-либо въ берегу, подъ водой, норы и въ нихъ замираютъ. Иногда зимой охотникамъ случалось встрѣчать недалеко отъ лѣтнихъ построекъ, по большей части на противоположномъ берегу, ряды березовыхъ и осиновыхъ кольевъ, воткнутыхъ въ дно рѣки. Эти колья, по словамъ Тимоѳея, служатъ бобрамъ пищею на зиму. Одинъ изъ такихъ кольевъ мы нашли недалеко отъ изслѣдуемой нами постройки. Этотъ колъ, хотя и не особенно толстый, имѣлъ сажени полторы длины и былъ воткнутъ верхнимъ, болѣе тонкимъ концомъ въ дно рѣки настолько крѣпко, что намъ съ лодки едва удалось его вытащить. Кромѣ березы и осины, бобры грызутъ тальникъ и иву, другихъ деревьевъ не трогаютъ. Верстахъ въ двухъ отъ построекъ мы нашли на берегу два толстыхъ, но короткихъ обрубка (каждый изъ нихъ былъ не менѣе четверти въ діаметрѣ и не болѣе полуаршина длины), назначеніе которыхъ я никакъ не могъ опредѣлить. Вогулы увѣряли, что эти обрубки бобры заготовляютъ себѣ на зиму для пищи и прячутъ ихъ подъ водой, вѣроятно, въ запасныхъ норахъ. Чтобы сплавить подобные обрубки по назначенію, т.-е. къ мѣсту жилища, находящагося иногда на разстояніи нѣсколькихъ верстъ, бобръ дѣлаетъ изъ стволовъ деревьевъ плотъ, скрѣпляя его древесными вѣтвями, складываетъ на этотъ плотъ обрубки, садится на него самъ и, зорко посматривая по сторонамъ, направляя слухъ и обнюхивая воздухъ, нѣтъ ли какой опасности,—плыветъ внизъ по рѣкѣ къ мѣсту назначенія, употребляя свой лопатообразный, мясистый хвостъ вмѣсто руля.

Благодаря очень развитому слуху и обонянію бобръ далеко чуетъ опасность и при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ или запахѣ бросается въ воду, при чемъ ударяетъ своимъ хвостомъ такъ громко, что этотъ звукъ, по словамъ Тимоѳея, слышится иногда за нѣсколько верстъ и служитъ для другихъ бобровъ сигналомъ о близости опасности. Иногда охотникамъ приходилось наблюдать, что бобры, отправляясь на работу, ставятъ на вершинѣ своихъ жилищъ особаго часового, который зорко наблюдаетъ за тѣмъ, нѣтъ ли гдѣ какой опасности, и въ случаѣ таковой сейчасъ же бросается въ рѣчку, производя своимъ хвостомъ тревогу, заслыша которую всѣ остальные работники моментально скрываются подъ водой.

Бобры не только очень осторожны, но и замѣчательно осмотрительны. Такъ, если, подгрызая какое-либо толстое дерево, бобръ замѣчаетъ, что оно уже настолько подрѣзано, что можетъ неожиданно свалиться и задавить его собой, онъ уходитъ и ждетъ иногда по нѣсколько дней благопріятнаго вѣтра, который бы свалилъ это дерево.

Охотиться на бобра съ ружьемъ не совсѣмъ удобно, тѣмъ болѣе съ такимъ примитивнымъ ружьемъ, какъ у вогуловъ. Нужно непремѣнно убить его наповалъ, иначе раненый онъ бросается въ воду и, благодаря своей тяжести, тотчасъ же тонетъ на дно, такъ что если рѣчка глубока, то его трудно, а иногда совершенно невозможно найти и извлечь изъ-подъ воды. Поэтому вогулы, охотясь на бобровъ, пользуются иногда ихъ близорукостью и поступаютъ такъ. Они насаживаютъ на длинное древко копье и подкарауливаютъ изъ засады, когда бобръ плыветъ на своемъ плоту къ постройкамъ, а затѣмъ, подпустивъ его близко къ себѣ, колютъ изъ засады этимъ копьемъ. Разумѣется, такая охота возможна только тогда, когда этому благопріятствуетъ погода, т.-е. если вѣтеръ отъ бобра дуетъ на охотника: иначе бобръ благодаря сильно развитому слуху и обонянію далеко чуетъ опасность и скрывается подъ водой.

Собравъ болѣе характерные образцы бобровой работы, всего пуда три—четыре, сколько могли поднять наши лодки, мы возвратились въ станъ, гдѣ и ночевали. Ночью опять выпалъ снѣгъ и сдѣлалось очень холодно. Послѣ полудня мы тронулись въ обратный путь и прибыли въ Оронтуръ рано утромъ на слѣдующій день, употребивъ на возвращеніе менѣе сутокъ. Такимъ образомъ обратный путь до Оронтура мы сдѣлали втрое быстрѣе, несмотря на то, что теперь уже не старались сокращать дороги, а плыли все время прямо рѣкой. Такъ быстро несло насъ теченіе.

На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири.

(В. Бартенева.)

Обдорскъ находится почти подъ самымъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ, на р. Полуѣ, недалеко отъ впаденія его въ Обь. Это послѣдній населенный пунктъ на сѣверѣ въ пріобскомъ краѣ, послѣдній шагъ русской колонизаціи. Дальше по Оби встрѣчаются только юрты остяковъ и самоѣдовъ и очень рѣдкія постройки кое-кого изъ русскихъ торговцевъ, забирающихся верстъ на 300 и болѣе внизъ по Оби. Дики и непривлекательны окрестности Обдорска: кругомъ бугристая моховая тундра съ изрѣдка встрѣчающимися перелѣсками, состоящими изъ корявой низкорослой березы, лиственницы, ели. По берегамъ рѣкъ много кустовъ тальника.

Собственно близъ Обдорска лѣса нѣтъ вовсе: что и было, то давно

вырублено, и обнаженная тундра служитъ первымъ печальнымъ свидѣтелемъ разоренія всего этого края.

Верстъ за 300 южнѣе Обдорска встрѣчается уже кедръ, а Березовъ (480 верстъ отъ Обдорска) стоитъ среди прекраснаго кедроваго лѣса, но нужно проѣхать къ югу еще около 700 верстъ, чтобы встрѣтить полосу, гдѣ возможно земледѣліе,—это уже на Иртышѣ.

Обдорскъ принадлежитъ къ числу тѣхъ поселеній, которыя сибирскими остряками называются иногда «сѣверными столицами».

Дѣйствительно, многія сѣверо-сибирскія мѣстечки, какъ-то: Средне-Колымскъ, Туруханскъ, Верхоянскъ, Обдорскъ, являются административными и культурными центрами территорій, равныхъ по пространству иному средне-европейскому государству (въ Обдорскомъ участкѣ одинъ полуостровъ Ялмалъ между Обской губой и Карскимъ моремъ имѣетъ около 1.000 верстъ по направленію съ юга на сѣверъ). Но Обдорскъ во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ выше своихъ соперниковъ: населеніе многочисленнѣе, богаче и развитѣе.

Значительная часть избъ въ Обдорскѣ имѣетъ по нѣскольку комнатъ съ крашеными полами, со стѣнами, оклеенными обоями, съ зеркалами и картинками-олеографіями; на окнахъ цвѣты; есть мягкая мебель, только мало приходится видѣть комодовъ и шкаповъ, которые замѣняются сундуками и ящиками. Эти ящики, крашеные, окованные и покрытые коврами, придаютъ комнатѣ обдорянина какой-то старинный колоритъ.

Жизнь среди массы инородческаго населенія успѣла до извѣстной степени повліять на русскихъ. Русскіе усвоили себѣ инородческій зимній костюмъ, зимой вмѣсто шубъ обыкновенно носятъ малицы—рубашки изъ оленьяго мѣха шерстью внутрь съ капюшономъ и рукавичками. На малицу одѣвается еще сорочка изъ какой-нибудь матеріи, для того, чтобы сохранить мездру отъ снѣга и дождя (оленьи шкуры мѣстной выдѣлки боятся сырости). Въ дорогѣ или въ большіе морозы сверху малицы надѣваютъ еще «гусь». Гусь шьется такого же покроя, какъ и малица, только мѣхомъ наружу и изъ болѣе грубыхъ шкуръ. Человѣкъ въ гусѣ напоминаетъ нѣсколько медвѣдя и вообще имѣетъ какой-то дикій для непривычнаго взгляда видъ.

На ноги зимой надѣваютъ мѣховыя пимы (валенки и вообще зимнюю теплую обувь) шерстью наружу; подъ пимы иногда еще «чижи»—мѣховые чулки шерстью внутрь. Пимы прекрасно защищаютъ отъ холода и при этомъ необыкновенно легки.

Мѣстныя условія отразились и на пищѣ жителей. Тамъ ѣдятъ очень часто сырую и мерзлую рыбу и мерзлое сырое оленье мясо. Рыбу ѣдятъ лѣтомъ сырую свѣжую, а зимой—мерзлую. Сырая свѣжая рыба не особенно вкусна, зато мерзлая рыба хороша безусловно, и ее ѣдятъ всѣ, даже новопріѣзжіе. Мерзлую рыбу стругаютъ ножомъ, и получаются

стружки восхитительнаго бѣловато-перламутроваго цвѣта. Такую стружку берутъ рукой за одинъ конецъ, а другой ловятъ ртомъ.

Постоянное общеніе съ инородцами повело къ тому, что почти всѣ обдоряне хорошо говорятъ по-остяцки и по-самоѣдски. Остяки же вообще очень плохо понимаютъ по-русски, а самоѣды, вѣчно кочующіе въ тундрѣ, и вовсе не знаютъ русскаго языка. Русскіе иногда говорятъ по-остяцки и между собой; встрѣчаются и такіе, которые почти забыли родной языкъ и совсѣмъ одичали, но это рѣдко, да и вообще господство инородческихъ языковъ въ Обдорскѣ слабѣе, чѣмъ, напр., въ Якутской области.

Кромѣ русскихъ, населеніе Обдорскаго края состоитъ изъ трехъ народностей: зырянъ, остяковъ и самоѣдовъ. Русскіе и большая часть зырянъ живутъ въ Обдорскѣ и только лѣтомъ промышленники уѣзжаютъ на низовья Оби для рыбнаго промысла. Остяки живутъ по берегамъ Оби и ея притоковъ. Ихъ юрты раскинуты въ видѣ небольшихъ поселеній на разстояніи отъ 20 до 70 верстъ одна отъ другой и встрѣчаются внизъ по Оби почти до самой Обской губы, гдѣ, впрочемъ, больше уже самоѣдскихъ поселеній. Самоѣды, за исключеніемъ сравнительно немногихъ, потерявшихъ оленей и перешедшихъ къ рыболовству, кочуютъ по тундрѣ со стадами своихъ оленей, а въ январѣ пріѣзжаютъ въ Обдорскъ на ярмарку и для «положенія» ясака. Инородческія юрты и чумы стоятъ и въ Обдорскѣ, но это бѣднѣйшая часть народа—разоренный инородческій пролетаріатъ.

Здѣшніе зыряне—всѣ выходцы изъ Печорскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Зыряне очень энергичный, предпріимчивый и работящій народъ. Большинство изъ нихъ знаетъ какое-нибудь ремесло; среди нихъ много плотниковъ, есть столяры, кузнецы, печники. Главный же ихъ конекъ—это торговля. Къ чисто еврейской пронырливости у зырянъ присоединяется еще и любовь, и способность къ тяжелому физическому труду. Физически зыряне очень сильный и здоровый народъ. Съ дѣтскаго возраста они постоянно на воздухѣ. По улицамъ Обдорска постоянно видишь зырянскихъ ребятишекъ, играющихъ въ разныя игры, рѣзвящихся и бѣгающихъ, оживленныхъ и шумныхъ. Зыряне большіе любители оленьяго спорта. Когда они пріѣзжаютъ въ Обдорскъ, начинаются настоящіе бѣга по всѣмъ улицамъ. Цѣлыми вереницами несутся зыряне на легкихъ нартахъ, запряженныхъ обыкновенно четверкой оленей, оглашая морозный воздухъ пронзительнымъ уханьемъ и крикомъ. Съ длиннымъ шестомъ (хорей) въ лѣвой рукѣ, держа единственную возжу въ правой и полустоя на полозѣ съ лѣвой стороны, зырянинъ составляетъ какъ бы одно цѣлое съ нартой и оленями и несется какъ птица.

Домашній бытъ зырянъ подходитъ къ быту великорусскаго крестьянства. Одежда мужчинъ ничѣмъ не отличается отъ русской; только лѣ-

томъ иногда вмѣсто сапогъ носятъ чирки—родъ башмаковъ изъ оленьихъ кисовъ (кисы—шкура съ оленьихъ ногъ). Зимой носятъ малицы, которыя отличаются бѣлой опушкой вокругъ лица. Женщины носятъ русскіе сарафаны, а головы обвертываютъ цвѣтнымъ большей частью краснымъ платкомъ, который у дѣвушекъ концами спускается на затылкѣ, какъ косы, а у бабъ плотно обвязанъ кругомъ. Красный сарафанъ отличаетъ зырянку отъ русской: въ Березовскомъ округѣ всѣ женщины ходятъ въ платьяхъ городского покроя.

Избы зырянъ, домашнее убранство, посуда почти тѣ же, что и у русскихъ, только разница въ томъ, что зыряне живутъ очень грязно и неряшливо, въ прямую противоположность съ обдорянами-русскими, которые, напротивъ, отличаются своей опрятностью и чистотой. Слова «зырянское житье», «по-зырянски»—употребляются русскими хозяйками какъ синонимъ неряшливости и неопрятности.

Между русскими и зырянами въ Обдорскѣ существуетъ довольно сильный антагонизмъ, объясняемый столкновеніемъ экономическихъ интересовъ: зыряне являются конкурентами русскихъ въ ихъ торговыхъ дѣлахъ съ инородцами. Въ лицѣ зырянъ обдоряне встрѣтили предпріимчивыхъ, ловкихъ и небрезгливыхъ въ нравственномъ отношеніи соперниковъ. Въ дѣлѣ «облапошиванія» инородца зыряне положительно превосходятъ русскихъ, и сами инородцы относятся къ зырянамъ хуже, чѣмъ къ русскимъ. Зыряне, напр., часто воруютъ у инородцевъ оленей и что придется Къ этому нужно еще прибавить, что зыряне отличаются замѣчательнымъ духомъ солидарности.

Собственно инородцы Обдорскаго края—самоѣды и остяки. Самоѣды—племя монгольское; остяки—финское. Это отражается на языкѣ обоихъ племенъ, не имѣющихъ между собой ничего общаго.

Даже не знающіе ни по-остяцки, ни по-самоѣдски могутъ отличить эти языки уже по одному говору: самоѣдскій говоръ звучный, рѣзкій, грубый, часто встрѣчается «р» и разные гортанные звуки. Говоръ самоѣда до того дикъ и такъ мало въ немъ человѣческаго, что просто удивляешься тѣмъ русскимъ, которые выучиваются объясняться съ этими истинными сынами тундры. Остяцкій говоръ, наоборотъ, протяжный, мягкій, изобилующій шипящими и свистящими звуками, что придаетъ языку какой-то слюнявый характеръ. Но, несмотря на то, что народы эти принадлежатъ къ различнымъ расамъ, вы, встрѣтивъ на улицѣ инородца, не отличите, кто онъ: остякъ или самоѣдъ. И по одеждѣ, и по чертамъ лица оба племени въ Обдорскомъ краѣ очень схожи между собой. Лица обдорскихъ инородцевъ, въ общемъ, довольно красивы; блестящіе каріе глаза, относительно правильныя черты и густой румянецъ—особенно у женщинъ. На самоѣдскихъ дѣтей, когда они въ мохнатыхъ гусяхъ, просто можно залюбоваться: они напоминаютъ маленькихъ бѣ-

ленькихъ медвѣжатъ. Толстый, мохнатый гусь закрываетъ все тѣло маленькаго дикаря и изъ этого бѣлаго пушистаго покрова выглядываетъ только раскраснѣвшееся, свѣжее личико съ блестящими черными глазенками. Самоѣды, когда имъ живется хорошо, представляютъ изъ себя очень здоровый, сильный народъ. Конечно, когда инородецъ и опустится и сопьется, то въ своихъ грязныхъ, изорванныхъ лохмотьяхъ съ изуродованнымъ морозомъ и пьянствомъ лицомъ онъ производитъ ужасное впечатлѣніе чего-то нечеловѣческаго. Особенно ужасны старики и старухи—нищіе.

Самоѣды.

Большинство самоѣдовъ—кочевники. Кромѣ оленеводства, которое само по себѣ даетъ значительныя выгоды, они занимаются еще охотой на пушного звѣря. Только въ томъ случаѣ, если самоѣдъ разорится и потеряетъ своихъ оленей, онъ переходитъ къ рыболовству. Самоѣды кочуютъ съ оленями по одному и тому же опредѣленному направленію: весной они идутъ на сѣверъ къ берегамъ Ледовитаго океана, гдѣ лѣтомъ прохладнѣе и олени менѣе страдаютъ отъ комаровъ, мошекъ и паутовъ (оводовъ). Осенью стада оленей сами поворачиваютъ на югъ къ Обдорску и дальше на юго-востокъ къ верховьямъ р. Поуля, въ смѣшанную полосу тундры и лѣсовъ. Здѣсь кочевникъ и его олени не такъ страдаютъ отъ морозовъ и бурановъ, да и больше топлива. По пути самоѣды ставятъ капканы для звѣрей (лисицъ, песцовъ, росомахъ, волковъ). Лѣтомъ охотятся также и на дикаго оленя въ тундрѣ, а по берегамъ океана промышляютъ и бѣлаго медвѣдя, шкуры котораго можно видѣть въ Обдорскѣ.

Промыселъ этотъ вовсе не такой опасный, какъ можетъ показаться. Завидя человѣка, звѣрь встаетъ на заднія лапы и ждетъ. Самоѣдъ под-

ходитъ и стрѣляетъ ему подъ лѣвую лопатку. Если охотникъ промахнется (самоѣды вообще прекрасные стрѣлки) и медвѣдь кинется на него, то нужно бросить ему мохнатый гусь. Медвѣдь съ остервенѣніемъ начинаетъ рвать гусь, а тѣмъ временемъ охотникъ успѣетъ зарядить ружье другой разъ.

Ружья большею частью старыя кремневыя, хотя и попадаются иногда даже скорострѣльныя. Остались въ употребленіи еще и луки, большіе, въ ростъ человѣка. Нужна большая сила и умѣнье, чтобы спустить стрѣлу въ $1^1/_2$ аршина длиной съ желѣзнымъ наконечникомъ (раньше были костяные) и оперенную съ другого конца.

Изъ лука можно убить даже медвѣдя. Въ настоящее время луки употребляются больше взамѣнъ капкановъ. Большой лукъ настораживаютъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ проходятъ звѣри. Звѣрь задѣваетъ за веревку, привязанную къ тетивѣ, и стрѣла спускается.

Во время своихъ кочевокъ самоѣды очень часто находятъ мамонтовые клыки, которые они потомъ привозятъ на ярмарку въ Обдорскъ.

И такъ всю жизнь проводятъ самоѣды, кочуя по тундрѣ. Въ январѣ они являются въ Обдорскъ на ярмарку и для «положенія» ясака. Ясакъ должны представлять ватажные старшины, каждый со своей ватагой (самоѣды раздѣляются на нѣсколько родовъ, каждый родъ имѣетъ свое названіе; русскіе зовутъ самоѣдскій родъ—ватагой). При сборѣ ясака старшины, выбираемые самоѣдами изъ своей среды на три года, часто эксплуатируютъ своихъ сородичей: напр., внесетъ старшина ясакъ за бѣднаго самоѣда 7 р. съ души, а потомъ требуетъ съ него вдвое. Самоѣды тоже не прочь эксплуатировать свою братію. Самоѣды и водкой торгуютъ, и отдаютъ въ ростъ. За одного оленя, отданнаго въ долгъ, самоѣдъ требуетъ двухъ.

Самоѣды довольно опрятны: пріѣхавъ на мѣсто стоянки и разбивъ чумъ, они на ночь одѣваютъ другую одежду, а старую—выколачиваютъ на морозѣ, чтобы избавиться отъ насѣкомыхъ. Жилища самоѣдовъ—чумы, какъ извѣстно, представляютъ конусообразную палатку съ отверстіемъ наверху для дыма.

Чумъ покрывается лѣтомъ берестянымъ ковромъ, а зимой—ковромъ изъ оленьей шкуры. Онъ прекрасно вентилируется и въ немъ никогда не бываетъ затхлаго и спертаго воздуха. Неудобство чума—дымъ, который иногда наполняетъ его весь, хотя чаще онъ только сверху. Да еще то, что когда горитъ костеръ, то около него жарко, а подальше къ краю чума—холодно. Впрочемъ, если туда подложить побольше шкуръ, то не дуетъ, и сидѣть, даже лежать, довольно тепло и удобно.

Къ холоду самоѣды привыкаютъ съ самаго дѣтства: ребятишекъ они возятъ съ собой въ особыхъ ящикахъ, куда кладутъ спеленутыми. Надо ѣхать—положатъ ящикъ съ ребенкомъ на нарту и привяжутъ его

ремнемъ, чтобы не свалился на дорогѣ; а пріѣхали въ домъ—поставятъ куда-нибудь въ уголокъ.

Самоѣды отличаются отъ остяковъ и своимъ характеромъ: они неразговорчивы, держатъ себя съ оттѣнкомъ сурового достоинства. Остяки, наоборотъ, народъ веселый, болтливый и нелишенный остроумія. Въ остяцкомъ языкѣ, гораздо болѣе богатомъ, чѣмъ самоѣдскій, очень много различныхъ юмористическихъ оборотовъ. Они мѣтко подмѣчаютъ смѣшныя стороны въ человѣкѣ и вообще мастера давать характерныя прозвища. Остяки, кажется, болѣе способны къ ученію, чѣмъ самоѣды.

Остяки преимущественно рыболовы, но кое-кто изъ нихъ занимается оленеводствомъ. Большихъ стадъ остяки не держатъ и употребляютъ своихъ оленей преимущественно для земской гоньбы. Юрты остяковъ расположены по берегамъ Оби и бываютъ двухъ родовъ: зимнія и лѣтнія. Остяцкая юрта представляетъ небольшой бревенчатый домикъ съ плоской крышей, на которой кладется дернъ. Иногда вся юрта состоитъ изъ одного помѣщенія—жилой комнаты, но чаще есть еще небольшія, холодныя сѣни и маленькая кладовая.

Остячка.

Обстановка юрты очень убогая и неуютная. По стѣнамъ широкія нары, устланныя травяными плетеными цыновками и оленьими шкурами. Окно вмѣсто стекла заставлено льдиной, довольно хорошо пропускающей свѣтъ. Остяки находятъ, что льдина лучше стекла, дешевле, теплѣе и не замерзаетъ. Когда льдина покроется иннеемъ, то ее отскабливаютъ и она становится совершенно прозрачной; между тѣмъ если стекло обмерзнетъ, то его не отскоблишь. Если льдина отъ таянья и отскабливанія сдѣлается слишкомъ тонкой, то ее всегда можно перемѣнить. Въ углу юрты находится чувалъ (очагъ) съ прямой трубой, закрываемой снаружи кускомъ дерна на длинной палкѣ. На палку, прикрѣпленную поперекъ трубы, остяки надѣваютъ деревянный крюкъ, на которомъ подвѣшиваютъ котлы и чайники. Здѣсь остяки готовятъ себѣ пищу: варятъ рыбу, которую потомъ сваливаютъ въ маленькія корытца такого вида, какъ употребляемыя у насъ для стирки бѣлья, только меньше. Изъ этихъ корытцевъ они и ѣдятъ. Сами поѣдятъ, а остатки даютъ собакамъ,

которыя ѣдятъ изъ такого же корытца, при чемъ вылизываютъ его дочиста, такъ что и мыть не надо посуды; это, конечно, представляетъ своего рода удобство. На томъ же чувалѣ остяки варятъ, кипятятъ чай и варятъ бурдюкъ. Для приготовленія бурдюка въ кипятокъ кладутъ: муку, мясо, жиръ. Тутъ же пекутъ лепешки изъ ржаной муки, втыкая ихъ на палочки въ землю у самаго огня. Кромѣ того, конечно, ѣдятъ мясо и рыбу въ сыромъ видѣ.

Остяки живутъ очень грязно: въ юртѣ постоянная вонь рыбьимъ жиромъ, дымомъ и еще чѣмъ-то кислымъ. Грязь повсюду. Неприглядную картину представляетъ юрта, когда вы въ нее войдете: по парамъ сидятъ и лежатъ какія-то грязныя, всклокоченныя фигуры, прикрытыя прокопченными, запачканными и ободранными шкурами. По полу вмѣстѣ съ собаками ползаютъ ребятишки, часто совершенно голыя.

Женщины всегда заняты какимъ-нибудь дѣломъ: или шьютъ что-нибудь оленьими жилами[1]), или возятся съ дѣтьми, или стряпаютъ, или плетутъ цыновки. Лѣтомъ остяки выглядятъ нѣсколько лучше: шалаши, чумы и юртишки, разсыпанные среди кустовъ и зелени по берегу многоводной, широкой Оби, нашесты для вяленья рыбы, просушиваемыя сѣти, легкія лодочки, костеръ по берегу, наконецъ, сами остяки, всклокоченные или же съ длинными косами, перевитыми тесемками,—все это представляетъ картину оригинальную и своеобразную по своей дикости.

Остяки часто ловятъ рыбу, соединяясь для того въ небольшія артели, человѣкъ въ пять-шесть, не больше. Большихъ неводовъ они не употребляютъ, а маленькіе, саженъ до 150—200, не больше.

Уловъ дѣлятъ поровну между участниками, мало разбирая, кто что далъ для промысла. Артели эти всегда работаютъ на русскаго или зырянскаго промышленника-скупщика. Очень рѣдко болѣе богатый остякъ нанимаетъ работниковъ, хотя бываютъ и такіе факты. Большинство работниковъ, нанимающихся на рыболовныя заведенія къ обдорянамъ,—остяки, не имѣющіе средствъ самимъ обзавестись хозяйствомъ. Какъ рыболовные рабочіе, остяки не лучше русскихъ. При неводьбѣ большими неводами отъ главнаго распорядителя неводомъ (башлыка) требуется большое умѣнье и опытность, за что ему платятъ дороже, чѣмъ обыкновеннымъ рабочимъ. Башлыкъ получаетъ 40—60 руб., между тѣмъ какъ средняя плата обыкновеннаго рабочаго около 20 р. за лѣто.

Остяки почти никогда не бываютъ башлыками. Кромѣ того, они очень неопрятно готовятъ рыбу (солятъ и вялятъ). Зато въ единоличной ловлѣ на лодочкѣ остяки не знаютъ себѣ соперниковъ. Вообще они прекрас-

---

1) Вмѣсто нитокъ употребляются для шитья инородческой одежды сухожилья со спины оленя. Сухожилье расщепляется на тонкія жилки, которыя потомъ скручиваются. Эти жилки чрезвычайно прочны и дешевы, отчего ихъ употребляютъ при шитьѣ мѣховыхъ вещей не только инородцы, но и русскіе.

ные гребцы; на маленькой «моржовкѣ»-скорлупкѣ, сшитой ивовыми прутьями, остякъ смѣло пускается по Оби, несмотря ни на какую бурю. Увѣряютъ, что на остяцкой моржовкѣ въ бурю гораздо безопаснѣе, чѣмъ на большомъ паузкѣ или каюкѣ.

Жизнь въ Обдорскѣ.

(В. Бартенева.)

Февраль. Зима еще въ полной силѣ. Зима продолжается въ Обдорскѣ около 8-ми мѣсяцевъ, считая съ половины сентября до половины мая; морозы доходятъ до 45° по R. Средняя температура зимы около 15° R. Вообще въ западной Сибири зимой не такъ холодно, какъ въ восточной, подъ тѣми же сѣверными широтами, зато и лѣтомъ не такъ жарко. Обдорская зима не столько страшитъ своими морозами, сколько надоѣдаетъ своей продолжительностью. Въ началѣ февраля утихаетъ сумятица ярмарки, купцы уѣзжаютъ съ пушнымъ товаромъ въ Ирбитъ. Начинается самый глухой сезонъ обдорской жизни. До самаго вскрытія рѣкъ замираетъ торгово-промышленная жизнь Обдорска. Самоѣды съ своими стадами уходятъ на сѣверъ, запасаясь у обдорянъ необходимыми для нихъ предметами: печенымъ хлѣбомъ, сукномъ, разнаго рода утварью, оружіемъ, инструментами и украшеніями (разнаго рода погремушки и колокольчики, которыми обвѣшиваютъ свои капоры самоѣдки). Все это забирается преимущественно въ кредитъ съ обязательствомъ отдать долгъ пушнымъ товаромъ къ слѣдующей ярмаркѣ.

Нѣсколько оживляются обдоряне на масленицѣ. Еще за недѣлю начинаютъ устраивать катушки (ледяныя горы), чтобы кататься съ нихъ на «кованкахъ»—санкахъ, а то такъ просто на желѣзныхъ листахъ или на кожѣ. Катушки освѣщаются цвѣтными фонарями, которые клеятъ сами устроители катушки. Катушки устраиваются компаніями, нарочно для этого составляемыми. Одни сгребаютъ снѣгъ, устраиваютъ бѣгъ, другіе возятъ воду и поливаютъ «катушку».

Обыкновенно конкурируютъ двѣ или три компаніи; каждая старается какъ можно лучше украсить катушку, чтобъ ходило больше народу. Вечеромъ зажигаютъ фонари—и катушка оживляется; несмотря на жестокіе морозы, обдоряне веселятся отъ души. Морозная пыль и паръ отъ дыханія толпы стоятъ надъ катушкой. Синіе, красные, желтые и зеленые фонари тускло мерцаютъ сквозь облако пара и ночную мглу. Фигуры обдорянъ, то бѣгущихъ съ санками на гору, то стрѣлой съ шумомъ и грохотомъ летящихъ внизъ по бѣгу, имѣютъ какой-то фантастическій видъ: точно адъ съ чертями. Иногда эта картина освѣщается такимъ свѣтомъ, передъ которымъ меркнетъ всякая иллюминація человѣческихъ рукъ: на небѣ разыгрывается сѣверное сіяніе.

Въ прощеное воскресенье иногда устраиваются проводы масленицы. Какъ-то разъ, идя по улицѣ, я услыхалъ какіе-то странные дикіе звуки: тутъ былъ и звонъ колокольцовъ, и грохотъ бубна, и пронзительные звуки гармошки. Обернувшись въ ту сторону, я увидалъ оригинальное зрѣлище: въ крестьянскія дровни, завѣшанныя рогожей, была впряжена лошадь, тоже вся въ рогожѣ, въ лоскуткахъ, лентахъ и колокольцахъ. На ноги лошади были натянуты старые рваные портки и даже сапоги. Изъ-подъ рогожнаго шатра, укрѣпленнаго на дровняхъ вмѣстѣ съ какимъ-то соломеннымъ чучеломъ, неслись дикіе звуки. Это были проводы широкой масленицы. Старый русскій обычай еще хранится на дальнемъ сѣверѣ.

Скучно и однообразно проходятъ конецъ февраля, мартъ, апрѣль и начало мая.

Весна долго заставляетъ себя ждать. Зима страшно надоѣдаетъ, тѣмъ болѣе, что въ это время всего чаще бураны и рѣже сѣверныя сіянія—эта краса нашего крайняго сѣвера. Понемногу прибываетъ день. Въ началѣ апрѣля въ 9 часовъ вечера уже свѣтло; а съ 5—7 мая можно читать безъ огня всю ночь напролетъ. Съ этого времени вплоть до іюля пойдутъ бѣлыя ночи. Солнце только на полчаса зайдетъ за Уралъ и опять снова показывается.

Таянье снѣга начинается только съ конца апрѣля и съ начала мая, но зато какъ скоро идетъ дѣло этого незаходящаго солнца въ открытой безлѣсной тундрѣ. На тундрѣ, по буграмъ, чернѣютъ проталинки, гремятъ ручьи, прилетаютъ вороны, лебеди, гуси, утки, пѣтушки.

Но не радуетъ сердца обдорская весна. Воздухъ не наполняется ароматами распускающихся почекъ; птички не оглашаютъ своимъ веселымъ щебетаньемъ унылой, грязно-бурой тундры и блѣднаго полярнаго неба; только одни пѣтушки гнусливо курлыкаютъ по буграмъ. Весна въ Обдорскѣ, если можно такъ выразиться, исключительно метеорологическая: измѣняется температура, таетъ снѣгъ, прибываетъ день.

Рѣки вскрываются въ концѣ мая, а иногда и въ началѣ іюня. Съ начала апрѣля и до начала іюня благодаря распутицѣ Обдорскъ не получаетъ почты [1]) и вообще отрѣзанъ отъ всего остального міра.

Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ждутъ почты. На «яру» (крутой, высокій берегъ) постоянно толпится народъ съ биноклями и подзорными трубами. Всѣ высматриваютъ, не плыветъ ли каюкъ съ почтой или паузокъ тобольскаго промышленника, поспѣшающаго на рыбный промыселъ.

Со вскрытіемъ рѣкъ Обдорскъ оживаетъ. Рыбопромышленники дѣя-

[1]) Почтоваго отдѣленія въ Обдорскѣ нѣтъ. Почта идетъ изъ Тобольска въ Березовъ и оттуда съ оказіей передается въ Обдорскъ. Отъ Обдорска до Петербурга письмо идетъ 5—6 недѣль.

тельно снаряжаются къ отправкѣ на низъ. Оригинальную и оживленную картину представляетъ тогда берегъ Полуя. Песчаная береговая полоса вся усѣяна разнаго рода «посудами»; тутъ и тяжелые «неводники» (большія лодки) и маленькія городовушки и бадьяновки.

Мѣстами виднѣется цѣлый лѣсъ мачтъ, каюковъ и паузковъ, уже совсѣмъ оснащенныхъ и готовыхъ къ отправкѣ. По берегу горятъ костры, на которыхъ кипятъ котлы со смолой. Промышленники суетятся около своихъ посудъ, конопатятъ, смазываютъ, сталкиваютъ ихъ на воду. Хорошо въ это время въ ясный весенній день пройтись по берегу. Что-то здоровое, бодрящее въ этомъ воздухѣ, напоенномъ запахомъ смолы и дыма, и въ оживленномъ говорѣ дружно работающей толпы.

Сѣверяне и промышленники представляются здѣсь съ своей лучшей, симпатичной стороны и невольно желаешь имъ всѣмъ отъ души хорошаго улова. Всѣ ждутъ «воньзя». Воньзь (остяцкое слово) означаетъ первый подъемъ рыбы съ моря. Тутъ рыбы бываетъ всего больше, и уловъ воньзя нерѣдко окупаетъ затраты на весь лѣтній рыболовный сезонъ. Слова «воньзь идетъ» какъ электрическій токъ пролетаютъ по селу, и всѣ встрепенутся и засуетятся. Больше нельзя ждать ни одного дня. Между тѣмъ къ Обдорску начинаютъ подплывать сверху тобольскіе купцы и промышленники. Это опасные конкуренты для обдорянъ: значительная часть всей низовой рыбы ловится ими. Они ловили бы и больше, но дальность разстоянія и бури многоводной Оби держатъ ихъ суда и мѣшаютъ имъ попасть къ воньзю.

Тоболяки приплываютъ на паузкахъ и баржахъ. Баржи, кромѣ законтрактованныхъ въ Тобольскѣ рабочихъ и разныхъ предметовъ, необходимыхъ для рыбной ловли, везутъ еще товары: хлѣбъ (всего отъ 20 до 40 тысячъ пудовъ ежегодно), соль, разнаго рода мануфактуры, частью закупленныя на Ирбитской ярмаркѣ, частью издѣлія кустарей Тобольскаго округа. Баржи идутъ безъ всякаго буксира «по низъ воды», т.-е. по теченію. Когда мѣшаетъ встрѣчный вѣтеръ, то употребляютъ «водяной парусъ». Для этого къ носовой части баржи привязывается за корень цѣлое дерево съ необрубленными вѣтвями, верхушкой внизъ. Къ верхушкѣ привязывается камень, чтобы «парусъ» опустился въ воду отвѣсно. Напоръ воды двигаетъ баржу внизъ по теченію, несмотря на встрѣчный вѣтеръ.

Наконецъ, большая часть населенія уѣзжаетъ «на низъ». Обдорскъ пустѣетъ. Проходя по улицѣ, часто видишь избы съ заколоченными ставнями. Въ иныхъ домахъ остаются только женщины и дѣти; впрочемъ тѣ, которые уѣзжаютъ далеко и въ продолженіе лѣта не наѣзжаютъ въ село, берутъ съ собой и семейства.

Начинается лѣто. Оживаетъ чахлая растительность. Острова и отмели Полуя покрываются травой; на лазури водъ ярко выступаютъ

изумрудно-зеленые луга этихъ лагунъ, гдѣ потомъ, около Петрова дня, обдоряне будутъ косить сѣно. Оживаетъ и печальная тундра: грязно-бурая окраска ея переходитъ въ зеленѣющую. Подальше отъ села, особенно по южнымъ склонамъ, встрѣчаются разные цвѣточки: колокольчики, шиповникъ, незабудки, а также ягодные цвѣты.

Лѣто въ Обдорскѣ коротко, не больше полутора мѣсяца, съ половины іюня до августа: въ это время можно даже купаться. Обдоряне купаются очень рѣдко и большинство вовсе не умѣютъ плавать.

Остающіеся въ Обдорскѣ, преимущественно служащіе, устраиваютъ иногда прогулки на лодкахъ и пикники въ окрестности Обдорска. Но все удовольствіе прогулки уничтожается тучами мошекъ и комаровъ, отъ которыхъ ничто не спасаетъ. Многіе надѣваютъ на лицо сѣтки, смазанныя дегтемъ, но и это не помогаетъ. Въ самомъ селѣ мошекъ и комаровъ нѣтъ, но стоитъ только выйти въ тундру, такъ и облѣпятъ. Только когда подуетъ холодный вѣтеръ съ Урала, мошкара исчезаетъ, но тогда и гулять не особенно пріятно. Термометръ лѣтомъ не поднимается выше + 20° R., что бываетъ очень рѣдко. Обыкновенная температура + 10 — 12° R. въ тѣни.

Съ середины августа начинается уже осень: тундра темнѣетъ, принимая какой-то бурый колоритъ. Съ сентября начинаются заморозки. Часто снѣгъ выпадаетъ въ первыхъ числахъ сентября, хотя долго не держится. Окончательно покрывается земля снѣгомъ около 1-го октября.

Въ концѣ августа снова оживляется Обдорскъ: къ этому времени съѣзжаются промышленники съ своихъ рыболовныхъ заведеній, разбросанныхъ почти до самой Обской губы. Выйдя на яръ, всегда увидишь каюки, идущіе на веслахъ или парусахъ по Полую. Скоро весь берегъ усѣянъ лодками. Всюду толпится народъ. Воздухъ пропитанъ запахомъ рыбы, идетъ оживленный говоръ объ удачахъ и неудачахъ промысла. Всѣ ждутъ пароходовъ, которые пріѣдутъ за рыбой. Первый пароходъ приходитъ обыкновенно 29—30 августа, послѣдній—не позже 5—7 сентября.

Прибытіе перваго парохода составляетъ цѣлое событіе. Особенно эффектно выходитъ, когда пароходъ подходитъ въ темную, осеннюю ночь. Издали видны снопы искръ, вылетающихъ изъ трубы, гулко раздается по водѣ шумъ колесъ. Весь яръ покрытъ народомъ: тутъ и ряса священника-миссіонера, и мундиръ чиновника, и малицы, малицы безъ счета; вся эта толпа забытыхъ обитателей тундры напряженно ждетъ. Вотъ раздается свистокъ...

Читатель, не бывшій на крайнемъ сѣверѣ, никогда не представитъ себѣ того впечатлѣнія, которое производитъ свистокъ парохода подъ сѣвернымъ полярнымъ кругомъ!.. На минуту забываются тоска и чув-

ство одиночества и заброшенности. Пароходный свистокъ кажется какимъ-то голосомъ изъ родной стороны, гдѣ жизнь бьетъ ключомъ среди всякихъ благъ цивилизаціи.

Вотъ, наконецъ, пароходъ присталъ. Спускается трапъ, и толпа валитъ на палубу. Кто встрѣчаетъ пріѣхавшихъ знакомыхъ и родныхъ, кто спѣшитъ покупать разные рѣдкіе овощи, какъ-то огурцы, капусту, рѣпу, а иногда яблоки и арбузы, привозимые изъ степного края. Другіе просто толкаются по палубѣ и дивятся на давно невиданные предметы. Особенно интересуетъ обдорянъ пароходная машина. Людямъ, къ которымъ никто не пріѣхалъ и которымъ некого ждать, остается послѣ этого отправиться въ буфетъ пить пиво, котораго нѣтъ въ Обдорскѣ. Они это и дѣлаютъ, и когда потомъ, спотыкаясь и ковыляя, они бредутъ по домамъ, то для всякаго встрѣчнаго вполнѣ несомнѣнно, что пароходъ пришелъ.

Постоявъ день, пароходъ идетъ дальше на низъ Оби забирать баржи и паузки крупныхъ рыбопромышленниковъ. Потомъ снова приходитъ «тудъ-ханъ» (огненная лодка) въ Обдорскъ и продолжаетъ нагружаться рыбнымъ товаромъ. Дней десять продолжается пароходное время, и понемногу начинаешь привыкать къ мысли, что пароходъ, собственно говоря, вовсе ужъ не такое чудо, чтобы бѣжать на него дивиться. 10—14 сентября уѣзжаетъ изъ Обдорска послѣдній пароходъ, увозя за собой баржи и паузки, нагруженные обдорской рыбой. Всего вывозится рыбы изъ Обдорска по приблизительному расчету мѣстныхъ жителей около 200.000 пудовъ на сумму около 300.000 рублей (покупная цѣна въ Обдорскѣ).

Уѣхали пароходы, и снова затихаетъ «сѣверная столица». Замираетъ и природа. Тундра имѣетъ самый безотрадный видъ. Далеко въ безпредѣльное пространство уходитъ ея неровная, бугристая поверхность, покрытая мхомъ и пожелтѣвшей теперь осокой. Чахлыя деревца съ облетѣвшими листьями кажутся издали какой-то паутиной, покрывающей неровности почвы. Печальны теперь ямы и озерки, гдѣ уже не встрѣтишь, какъ прежде, цѣлыхъ стай дикихъ утокъ. Вода сбыла, и обнажилась грязная «няша» (илъ, глина) полуйскихъ береговъ. Во время весенняго половодья вода разливается на такое пространство, что рѣки Полуй и Обь сливаются въ одно сплошное водное пространство, такъ что Обдорскъ точно стоитъ на берегу какого-то моря, усѣяннаго островками, гривками и полузатопленными талами.

Но вотъ наступаетъ зима съ ея морозами и буранами. Рѣки замерзаютъ въ серединѣ октября, а въ концѣ этого мѣсяца уже переходятъ за Обь оленеводы, идущіе мимо Обдорска на юго-востокъ, гдѣ потеплѣе. Оленеводы-зыряне привозятъ мерзлое оленье мясо и нѣсколько дней оживляютъ село своей джигитовкой съ уханьемъ и свистомъ. День ста-

новится все короче. Въ декабрѣ читать безъ огня можно только отъ 10 ч. утра и до 1 ч. дня. Все покрыто снѣгомъ; по улицамъ скользятъ легкія нарты, запряженныя оленями, и небольшія саночки, на которыхъ собаки возятъ дрова и воду. Остяцкія собаки бѣлыя, съ лисьей мордочкой, съ торчащими ушами и съ загнутымъ кверху пушистымъ хвостомъ, вообще довольно смирныя и умныя, когда же везутъ, всегда находятся въ самомъ озлобленномъ настроеніи и яростно бросаются на всѣхъ встрѣчныхъ.

Часто въ лунный вечеръ я отправлялся погулять по тундрѣ. Тундра тогда довольно хороша. Снѣгъ весь облитъ серебристымъ свѣтомъ, и луна бросаетъ рѣзкую, почти черную тѣнь на волнообразную поверхность бѣлаго покрова. Небо чисто и прозрачно. Кругомъ нѣмая тишина. Только иногда по дорогѣ раздается тихій топотъ и шелестъ: это самоѣды ѣдутъ на оленяхъ. При лунномъ свѣтѣ они имѣютъ какой-то фантастическій видъ. Олени бѣгутъ изумительно легко по снѣгу, точно не касаясь земли, и легкія нарты точно такъ же беззвучно скользятъ по снѣгу. Мохнатыя фигуры самоѣдовъ неподвижно сидятъ съ шестами въ рукахъ. Тундра въ эту пору производитъ впечатлѣніе очень трудно передаваемое. Особенно унылаго нѣтъ ничего, страшнаго тоже нѣтъ: такъ что-то совсѣмъ безъ всякаго опредѣленнаго выраженія, кромѣ тишины, спокойствія и какого-то величаваго равнодушія. Кажется, что тундра спитъ тихимъ сномъ. А какъ красиво бываетъ, когда разыграется сѣверное сіяніе! Долго стоишь и смотришь, какъ переливаются и играютъ зеленоватые лучи, то собираясь въ бахрому наподобіе гигантскаго волнующагося занавѣса, то распускаясь въ пучки вверхъ отъ горизонта. Обыкновенныя сіянія желтовато-зеленаго цвѣта наблюдаются около 20—30 разъ въ зиму. Они бываютъ на сѣверной сторонѣ неба, и только отдѣльные лучи достигаютъ зенита.

Обдорская ярмарка, играющая не послѣднюю роль въ торговлѣ пушниной вообще въ Россіи, открывается 2-го января. Къ этому времени съѣзжаются самоѣды съ пушнымъ товаромъ, также отчасти съ мамонтовою костью, морковыми клыками, тюленьими шкурами и другими болѣе второстепенными предметами.

Самоѣды сдаютъ свой товаръ обдорянамъ частью за наличныя деньги, частью—въ обмѣнъ за товаръ, преимущественно же въ видѣ отдачи долга, сдѣланнаго за годъ и больше передъ данной ярмаркой. Числа 10—15-го пріѣзжаютъ въ Обдорскъ тобольскіе купцы или ихъ «довѣренные». Сами тоболяне непосредственно отъ самоѣдовъ пушнины не скупаютъ, а берутъ то, что собрано обдорянами.

Съ пріѣздомъ тоболяковъ первый процессъ ярмарки—собираніе пушнины—кончается и начинается второй—сдача товара тоболякамъ. Числа 20-го кончается ярмарка. Тоболяки нагружаютъ нарты пушниной и,

обыкновенно по-двое, по-трое для безопасности, ѣдутъ въ далекій обратный путь до Тобольска, а оттуда въ Ирбитъ на ярмарку.

Самоѣды, спустившись къ Обдорску, останавливаются обыкновенно въ тундрѣ, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ отъ села. Тутъ нѣкоторые изъ нихъ отправляются съ небольшимъ количествомъ пушнины, такъ сказать, на развѣдки, разузнать цѣны на товары. Потомъ уже и остальные начинаютъ наѣзжать въ Обдорскъ со всѣми своими товарами.

Обдорская ярмарка расположена въ концѣ одной изъ улицъ, выходящихъ на тундру. По обѣимъ сторонамъ разбросаны амбары, въ которыхъ обдоряне производятъ свою торговлю.

Инородки Тобольской губерніи.

Впереди этихъ амбаровъ стоятъ еще по обѣимъ сторонамъ улицы нарты, съ которыхъ тоже производится торговля, преимущественно мѣновая. На этихъ нартахъ разложены товары, необходимые самоѣдамъ: кирпичный чай, сукно разныхъ цвѣтовъ для лѣтнихъ гусей и для прошивки женской зимней одежды, мѣдныя побрякушки, которыми обвѣшиваются самоѣдки, пояски, котлы, ножи, топоры, кремни, огниво, ружья, сѣти, ящики, желѣзные листы, на которыхъ разводится костеръ въ чумѣ, капканы разнаго рода, деревянная посуда, изготовляемая зырянами: ложки, чашки всѣхъ величинъ. Тутъ же и остяки со своими убогими произведеніями: тагарами (травяныя цыновки), травяными подстилками, чагой (грибовидные наросты на деревьяхъ), замороженнымъ жиромъ и морошкой, зимней рыбой, собачьей шкурой и проч. Настоя-

щая торговля происходитъ однако не здѣсь, а по домамъ. Съ нартъ на ярмаркѣ торгуютъ преимущественно бѣднѣйшіе обдоряне. Товаръ они беруть въ кредитъ у обдорскихъ же кущовъ, которые ставятъ при этомъ цѣны выше лавочныхъ и вообще сильно эксплоатируютъ обдорскую мелкоту.

Съ виду ярмарка имѣетъ очень оживленный и оригинальный видъ. Такого зрѣлища нигдѣ не увидишь. Вездѣ толкаются неуклюжія фигуры самоѣдовъ. Въ своихъ мохнатыхъ гусяхъ, разукрашенныхъ лоскутьями шкуръ, подбитыхъ цвѣтнымъ сукномъ, они напоминаютъ какихъ-то бѣлыхъ медвѣдей. Особенно оригинальны самоѣдки: вмѣсто малицы и гуся онѣ носятъ «ягушки». Ягушка—шуба, подбитая снизу оленьимъ мѣхомъ, а снаружи украшенная собачиной и полосами разноцвѣтнаго сукна, такъ что внизу, по подолу идетъ полоса бѣлой собачины, затѣмъ выше полоса краснаго сукна (вершка 3 шириной), потомъ полоса черной собачины, далѣе желтое сукно.

Ягушка застегивается спереди и обхватывается широкимъ поясомъ, состоящимъ изъ разнаго рода мѣдныхъ колецъ и щитковъ. На животѣ у пояса мѣдная пряжка около $^1/_4$ аршина въ діаметрѣ. Но всего замѣчательнѣе огромная шапка въ видѣ капора съ большими полями изъ собачьяго мѣха, отчего лицо самоѣдки точно окружено сіяньемъ кругомъ вершковъ на 5. Чтобы такое сооруженіе могло держаться на головѣ, къ нему сзади подвѣшиваются всевозможныя побрякушки, мѣдные круги, колокольчики, бусы—всего фунта 4—5. Все это конечно звенитъ и гремитъ на ходу.

Трудно передать, на что похожа самоѣдка въ своемъ національномъ костюмѣ: что-то пестрое, яркое, пушистое и мохнатое и вдобавокъ тяжелое и нераціозное. Между неуклюжими самоѣдками мелькаютъ юркія фигуры зырянъ въ малицахъ съ бѣлой опушкой вокругъ лица.

Зыряне, какъ «холевы» (чайки), носятся по всей ярмаркѣ, зорко высматривая товаръ. Лишь только пройдетъ самоѣдъ съ какой-нибудь шкуркой, сейчасъ же на него набрасывается цѣлая стая зырянъ и обступаетъ со всѣхъ сторонъ, стараясь поскорѣе перекупить.

Такъ какъ значительная часть товаровъ отпускается въ кредитъ, то обдоряне стараются ловить своихъ должниковъ, а тѣ, съ своей стороны, стараются утечь отъ кредитора, чтобы продать товаръ за деньги, что гораздо выгоднѣе для самоѣда. Происходитъ настоящая ловля самоѣдовъ, принимающая подчасъ довольно курьезный характеръ. Для этого служатъ такъ называемые «толмачи». Толмачъ собственно значитъ, какъ извѣстно, переводчикъ, но не много переводятъ обдорскіе толмачи. Это—скорѣе зазывальщики. Проходя по улицѣ въ той части ея, съ которой видна дорога въ тундру, вы еще задолго до времени открытія ярмарки увидите гдѣ-нибудь на оградѣ кладбища или на бревнахъ

неподвижно сидящія человѣческія фигуры, пристально смотрящія въ безконечную даль тундры. Это толмачи. Издали они напоминаютъ какихъ-то хищныхъ птицъ. Бѣлыя опушки малицъ у зырянъ придаютъ имъ видъ кондоровъ. Вотъ вдали показывается самоѣдская нарта, и скоро угрюмый инородецъ, погоняя хореемъ своихъ оленей, въѣзжаетъ въ село. Въ одну минуту толмачи срываются со своихъ мѣстъ и какъ ястребы налетаютъ на добычу, предлагая или тутъ же продать, или же большею частью зазываютъ къ хозяину въ домъ.

Если пройтись нѣсколько разъ по ярмаркѣ, то скоро начинаешь удивляться отсутствію сколько-нибудь цѣннаго пушного товара у самоѣдовъ; видишь преимущественно разныя лапки: лисьи, песцовыя, крестоватиковыя, да изрѣдка промелькнетъ шкурка бѣлаго песца или оленья. Неужели только и всего привезли самоѣды? Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что главная, настоящая торговля идетъ не здѣсь, на тундрѣ, а по квартирамъ обывателей.

Пріѣхавъ въ село, самоѣдъ направляется къ кому-либо изъ обдорянъ. Здѣсь его гостепріимно встрѣчаютъ, угощаютъ мерзлой рыбой, олениной, рыбьимъ жиромъ и прежде всего водкой. Какого вкуса эта водка, лучше и не говорить. Въ прежнія времена самоѣдовъ не пускали въ дома, а торговались съ ними на дворѣ; потомъ стали пускать въ кухни. А теперь уже во время ярмарки самоѣдовъ можно встрѣтить во всѣхъ «залахъ» и «гостиныхъ». Домъ обдорянина превращается въ маленькую ярмарку: дикіе сыны тундры со своими семействами сидятъ прямо на полу, ѣдятъ, пьютъ и, напившись, начинаютъ пѣть свои безконечныя дикія пѣсни и кричать. Послѣ угощенія начинается торговля, бываетъ, что и не начинается, ибо самоѣды часто ходятъ изъ дома въ домъ, выпиваютъ, ѣдятъ, пьютъ и въ заключеніе ничего не продаютъ.

Конечно, иногда напившійся самоѣдъ и нарвется, и продастъ свой товаръ за безцѣнокъ. Вообще въ этой торговлѣ отношенія между продавцами и покупателями довольно оригинальны. Обдоряне стараются всячески воспользоваться простодушіемъ и пьянствомъ дикарей, а самоѣды стараются о томъ, чтобы какъ можно больше съѣсть, выпить, не продавая ничего до времени. Часто самоѣдъ, который торгуетъ, приводитъ съ собой товарищей, у которыхъ ничего нѣтъ; но вѣдь и имъ хочется выпить и закусить. Нужно, впрочемъ, опять повторить, что торговля производится главнымъ образомъ въ кредитъ, и только тутъ она даетъ дѣйствительныя выгоды. Прямо же на деньги довольно рѣдко удается купить дешево, особенно, если принять во вниманіе расходы на угощеніе и толмачей.

По великой Сибирской желѣзной дорогѣ.

(По А. Коротневу, К. Носилову и др.)

Едва ли не у большинства со словомъ «Сибирь» рождаются однородныя и довольно опредѣленныя представленія. Безграничный просторъ, широкія, спокойно-свѣтлыя ленты сибирскихъ рѣкъ, сѣдая тайга, изъ которой глядитъ на васъ таинственный мракъ, боязливо пробирающійся лѣсною тропою бѣглый—вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ складывается цѣлая картина. Въ этомъ родѣ общераспространенныхъ представленій есть доля правды, хотя дѣйствительность не столько по содержанію, сколько по тону и колориту, конечно, не отвѣчаетъ такому калейдоскопу.

Вотъ поѣздъ перевалилъ черезъ Уралъ, и васъ встрѣчаетъ Сибирь, встрѣчаетъ унынiемъ и пустотою. Тощія поля, большой лѣсъ, состоящій изъ безконечно длинныхъ жердей, точно ходули, на которыя вскарабкалась шапка безформенной и жидкой зелени. Едва ли не наполовину деревья или поломаны или обуглены. Не вѣришь, когда сосѣдъ по вагону, приземистый природный сибирякъ, говоритъ вамъ: «это тайга».

Вотъ и Челябинскъ—довольно крупный центръ хлѣбной торговли Западной Сибири. Собственно только отъ Челябинска начинается великая Сибирская магистраль, отсюда же къ сѣверо-востоку протянулась вѣтка на Екатеринбургъ и Томскъ. До Челябинска поѣздъ идетъ обычнымъ порядкомъ, т.-е. дѣлаетъ отъ 35 до 40 верстъ въ часъ, далѣе же онъ ползетъ по-сибирски, т.-е. подвигается со скоростью 20-ти верстъ. Скорость эта къ тому же крайне неравномѣрна: на гладкомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ значительныхъ изгибовъ, поѣздъ храбро подвигается, дѣлая не менѣе 50 верстъ въ часъ; ночью же, въ случаѣ высокой насыпи и крутыхъ поворотовъ, онъ трусливо ползетъ, боязливо свиститъ, и проснувшійся ночью пассажиръ чувствуетъ каждый поворотъ колеса, который совпадаетъ съ каждымъ біеніемъ сердца. Иногда поѣздъ приходитъ на станцію за четверть часа до срока, долго ждетъ встрѣчнаго поѣзда и въ теченіе этого времени можно и по лѣсу погулять, и перезнакомиться со всѣми обитателями станціи.

Самыя станціи не представляютъ ничего замѣчательнаго. Березовый лѣсъ кругомъ, два-три поля съ пшеницей, трава по колѣно, комары и тишина, нарушаемая только довольно рѣдкимъ приходомъ поѣздовъ. Вотъ телефонъ принесъ вѣсть, что съ ближайшей станціи вышелъ переселенческій поѣздъ, и все населеніе станціи высыпаетъ на платформу. Вотъ на западѣ показался бѣлый дымокъ, какъ точка обрисовался паровозъ, сталъ расти, наконецъ съ шумомъ влетѣлъ на станцію и остановился. Изъ красныхъ товарныхъ вагоновъ высыпалъ народъ и бросился въ разныя стороны. Станція сразу ожила; послышались крики, возгласы. Кто бросился на пашню смотрѣть, какъ растетъ здѣсь хлѣбъ;

кто несъ, показывая всѣмъ, землю; ее брали, растирали въ рукахъ, про нее толковали, спорили. Вагоны набиты биткомъ; кое-гдѣ стоятъ скамьи, въ другихъ всѣ просто сидятъ на полу; плачъ и крики дѣтей, звуки гармоники, пѣсни и говоръ толпы сливаются въ одинъ оглушительный шумъ, который, говорятъ, бываетъ такъ силенъ, что поѣздная прислуга во время движенія поѣзда не слышитъ свистковъ паровоза. Потомъ придетъ товарный поѣздъ съ востока, изъ Сибири, съ шерстью, кожами, чаемъ, или пассажирскій поѣздъ изъ Челябинска съ новыми, какъ съ иголочки, вагонами, тоже набитыми пассажирами. Пассажирскіе вагоны устроены здѣсь очень удобно, съ отдѣльнымъ спальнымъ мѣстомъ для каждаго; все предусмотрѣно и приспособлено для сибирскихъ разстояній, гдѣ пассажиръ не только ѣдетъ, но и живетъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ вагонѣ.

Самый путь далеко не разнообразенъ и не богатъ видами. Сначала степь чередуется съ березовыми перелѣсками, потомъ поѣздъ оставляетъ Тобольскую губернію и вступаетъ въ предѣлы Акмолинской области. Здѣсь уже начинается степь, голая, однообразная, какъ зеленое море развертывающаяся до самаго горизонта. Вагоны, мѣрно постукивая по рельсамъ колесами, тихо катятся по гладкой равнинѣ, въ открытое окно врывается ароматный воздухъ степей. Видъ еще болѣе однообразный: одинъ за другимъ тянутся телеграфные столбы, двѣ проволоки, ровная выемка земли, обнаруживающая полуаршинный черноземъ степи, дальше степь, ровный горизонтъ и сѣровато-голубое небо съ бѣлыми облачками. Вонъ одно озеро лежитъ у самаго полотна дороги; оно сѣро, съ безжизненными низкими берегами, на немъ нѣтъ даже признака растительности, даже тростинки камыша; его берега пусты, и вдоль нихъ тянется только одна сѣрая, грязная черта, гдѣ высыхаетъ соль этого горькосоленаго озера. Когда поѣздъ проходитъ мимо, съ озера несетъ непріятнымъ гнилымъ воздухомъ. Такихъ озеръ здѣсь въ степи много и они часто встрѣчаются рядомъ съ прѣсными озерами.

Странно видѣть этотъ богатый полуаршинный черноземъ: васъ поражаетъ пустынность страны. Вамъ кажется, что эта пустыня только еще ждетъ переселенца, только еще начинаетъ свою жизнь и культуру. Однако даже предпріимчивый русскій крестьянинъ, при всей его любви къ землѣ и нуждѣ въ ней, врядъ ли оживитъ эту страну. Въ ней и теперь есть поселки и деревни переселенцевъ, пріютившіеся по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ, около большихъ прѣсныхъ озеръ. Но этотъ переселенецъ, который только что сѣлъ на свѣжую землю и принялся за ея обработку, уже будетъ вамъ жаловаться, что зимній холодъ вымораживаетъ его зерно, что тонкій покровъ снѣга не защищаетъ посѣвовъ отъ холода и вѣтра, что земля, при всемъ ея богатствѣ черноземомъ, не имѣетъ достаточной влажности. Онъ будетъ жаловаться вамъ на массы степныхъ

насѣкомыхъ; онъ скажетъ, что кобылка поѣла у него половину полей и луговъ. Скотоводство, которое, кажется, могло бы только процвѣтать на такомъ привольѣ, губятъ здѣсь постоянные падежи, сибирская язва, чума, съ которыми рѣшительно нельзя справиться въ степи, гдѣ полный просторъ и свобода перегонять стада съ мѣста на мѣсто безъ ветеринарнаго надзора. Даже этотъ ароматный степной воздухъ, которымъ такъ пріятно дышать изъ окна вагона, оказывается зловреднымъ, насыщеннымъ испареніями гнилыхъ озеръ; отъ него не перемежаются лихорадки въ семьѣ переселенца, отъ него истощаются силы семьи.

Вонъ вдали показалась красная точка,—это степная станція Сибирской дороги. Она, какъ яркое, свѣтлое пятно, оживляетъ эту безжизненную степь. Небольшой деревянный домикъ щеголяетъ своей новизной; около него разбитъ уже садикъ, но онъ вянетъ подъ лучами яркаго лѣтняго солнца, которое словно хочетъ выжечь всю станцію, какъ оно выжигаетъ кругомъ траву на высокихъ мѣстахъ. Кругомъ голая сѣровато-зеленая степь: ни признака лѣса, ни одного клочка тѣни, никакого разнообразія на горизонтѣ.

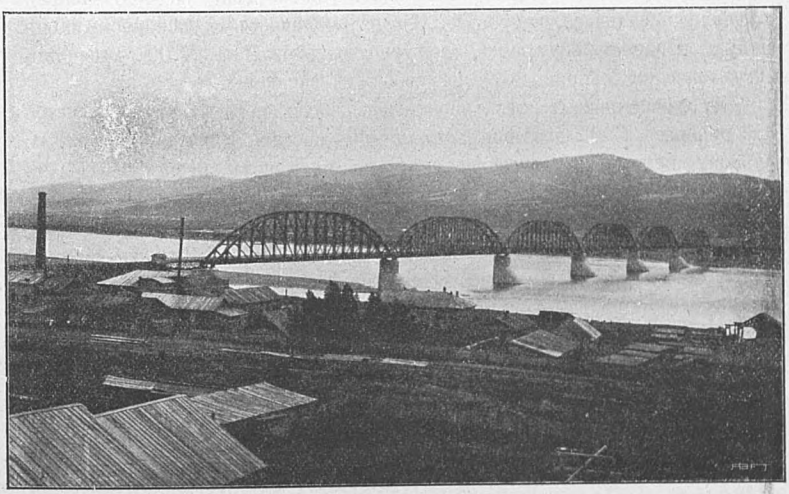
Ближе къ Петропавловску начинаютъ попадаться аулы киргизовъ. Иногда на берегу озера видны ихъ сѣрыя юрты. Въ бинокль можно разсмотрѣть всѣ подробности. Юрты разставлены недалеко другъ отъ друга; около нихъ дѣти, женщины, которыя сидятъ у костра передъ большимъ котломъ; нѣсколько верховыхъ лошадей привязано у кибитокъ. Въ сторонѣ, недалеко, пасется стадо барановъ; они всѣ одной масти, темно-бурые, съ громадными свѣсившимися курдюками, съ длинными повислыми ушами и горбатымъ носомъ.

Вечеромъ, когда солнце, красное, громадное, зайдетъ за горизонтъ и полусумракъ ночи спустится надъ равниной, степь превращается въ настоящее море, среди котораго, какъ маяки, блестятъ огоньки кибитокъ киргизовъ.

Передъ Омскомъ желѣзная дорога пересѣкаетъ Иртышъ. Далѣе, между Иртышомъ и Обью, на протяженіи почти шестисотъ верстъ, тянется Барабинская степь, еще болѣе унылая и однообразная. Луга покрыты едва видною порослью; кое-гдѣ на бѣлесоватой солончаковой почвѣ видны болота, заросшія осокою и мрачно-зелеными камышами; затѣмъ необозримыя площади воды, которыя никакъ уже нельзя считать озерами: это—необъятныя грязныя лужи съ солоноватою жидкостью. Эти лужи, какъ напримѣръ «Чаны», занимаютъ иногда гигантскую площадь въ 2876 квадр. верстъ. Мѣстами впрочемъ попадаются оазисы нетронутаго дѣвственнаго чернозема, которые нарушаютъ унынiе окружающаго пейзажа: почва зеленѣетъ, воздухъ становится пропитаннымъ запахомъ ковыля, кашки. Свободно и весело несутся по необъятному пространству табуны коней; въ воздухѣ звенитъ жаворонокъ; радость наполняетъ

душу. Однако и этимъ оазисамъ далеко до культуры, причиною чему являются цѣлыя облака переносимаго вѣтромъ по степи «гнуса», состоящаго изъ мошкары, комаровъ, оводовъ и тому подобной твари. Иногда встрѣчаются цѣлые поѣзда возвращающихся переселенцевъ, которые на вопросъ, почему они возвращаются, почти постоянно отвѣчаютъ: «Гнусъ одолѣлъ, жить невмоготу, въ сѣткахъ пахать приходится».

Обь тамъ, гдѣ ее пересѣкаетъ желѣзная дорога, уже широкая, полноводная рѣка. Поселокъ, носящій, какъ и желѣзнодорожная станція, названіе «Обь», насчитываетъ теперь уже за 20.000 жителей. Отсюда и до Байкала тянется такъ называемый средне-сибирскій участокъ желѣз-



Мостъ черезъ Енисей.

ной дороги. Мѣстность мѣняется; степь уступила мѣсто средне-сибирской тайгѣ. Лиственница, сосна, ель, кедръ, растущіе цѣлыми группами, образуютъ сплошной лѣсъ, непроходимость котораго увеличивается отъ можжевельника, жимолости и шиповника, густо разросшихся у подножія деревьевъ. Мѣстами лѣсъ прерывается ясной, свѣтлой поляной, которая ласкаетъ глазъ чудной зеленью и яркостью красокъ великолѣпно цвѣтущихъ полевыхъ цвѣтовъ; въ воздухѣ чувствуется запахъ хвои.

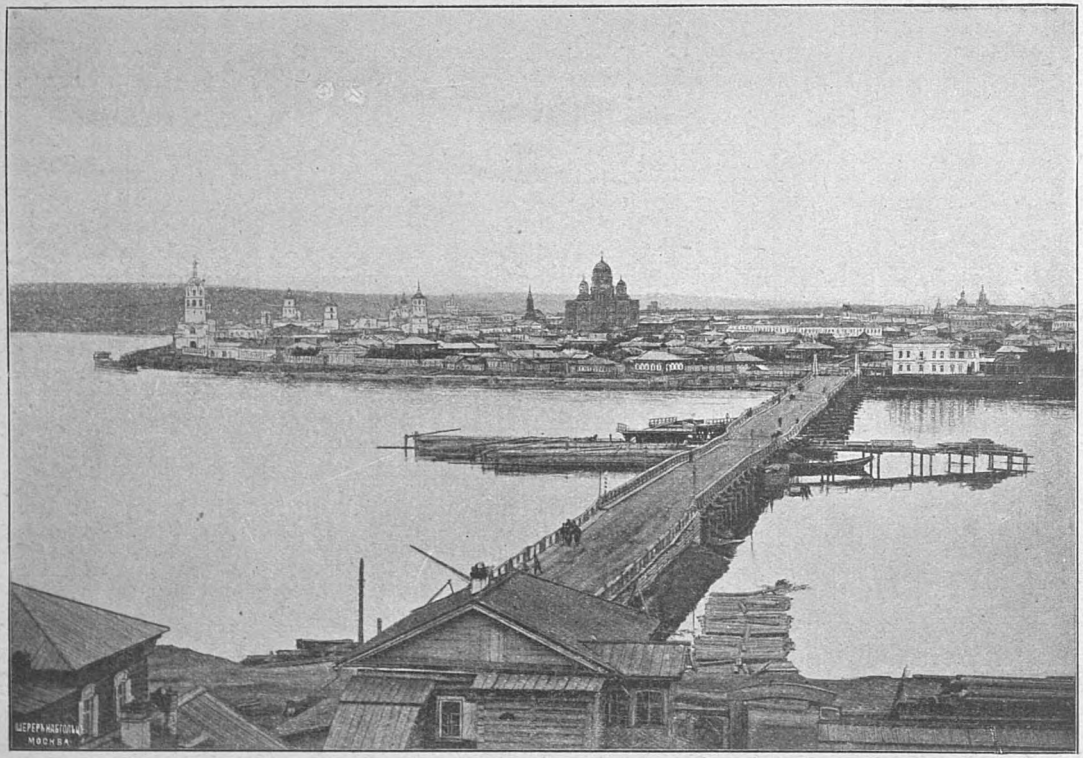
За станціей «Тайга», отъ которой идетъ вѣтка на Томскъ, начинается каменноугольный районъ, тянущійся вдоль Томи, притока Оби. Нѣсколько дальше каменноугольный бассейнъ смѣняется золотоноснымъ. Страна дѣлается все болѣе холмистой, дорога описываетъ повороты, иногда настолько крутые, что изъ окна вагона легко фотографировать паровозъ.

Въ разстояніи двухъ тысячъ слишкомъ верстъ отъ Челябинска и четырехъ тысячъ отъ Москвы, на берегу Енисея, широко раскинулся городъ Красноярскъ. Панорама города не лишена прелести: много простора и воздуха, нелишенныя своеобразности церкви, круто обрывающіеся утесы праваго берега, но главное—красивая и многоводная рѣка, параллельно изгибамъ которой поѣздъ послѣдовательно подбѣгаетъ къ городу съ разныхъ сторонъ. Широкій, быстрый Енисей то, схваченный и сжатый высокими скалистыми берегами, образуетъ пороги, то разливается на десятки верстъ по ровной мѣстности, образуя большіе острова, а поросшіе вѣковымъ лѣсомъ берега съ проглядывающими среди зелени скалистыми утесами усиливаютъ впечатлѣніе чего-то величественнаго, сильнаго и суроваго. Среди сибиряковъ Красноярскъ пользуется завидною репутаціею культурнаго города: на 27.000 красноярскаго населенія приходится 26 учебныхъ заведеній.

За Красноярскомъ желѣзнодорожный путь пересѣкаетъ множество небольшихъ рѣкъ, входящихъ въ составъ системы Енисея. Почва этого района, центромъ котораго является городъ Канскъ, представляетъ собой богатѣйшую черноземную площадь, жители которой пользуются значительнымъ благосостояніемъ. Переселенцы, живущіе здѣсь уже двадцать лѣтъ, имѣютъ обширные пахотные участки, по 15-ти десятинъ на душу. Кромѣ ржи, крестьяне сѣютъ пшеницу, которая даетъ въ урожайный годъ до 150-ти пудовъ съ десятины; 30 головъ крупнаго скота на дворъ—не рѣдкость. Села, расположенныя вблизи станцій, имѣютъ опрятный видъ и щеголяютъ тесовыми крышами.

Отъ Канска до станціи Тайшета желѣзнодорожная линія тянется снова на разстояніи 160 верстъ по громадному каменноугольному бассейну, до сихъ поръ еще не эксплоатируемому, и очень живописна. Изрѣзанная балками, холмистая мѣстность покрыта молодымъ кудрявымъ лѣсомъ, въ которомъ встрѣчается и лиственница. Вдоль полотна на десятки верстъ тянутся сплошныя поля фіолетово-розоваго Иванъ-чая; даль застлана голубоватою дымкой, которая мягкими тонами ложится на вырисовывающіяся на югѣ Саянскія горы; ихъ снѣжныя вершины мѣстами ярко выступаютъ на голубомъ фонѣ неба, несмотря на 200-верстное разстояніе. За Тайшетомъ лѣсъ становится мрачнѣе и гуще, а мѣстность все болѣе гористою. Постоянно приходится переѣзжать широкіе потоки съ утесистыми берегами. Здѣсь въ доисторическія времена жили какія-то относительно культурныя племена, оставившія слѣды своего существованія въ формѣ гигантскихъ изображеній на скалахъ. Недалеко отъ мѣста пересѣченія рѣки Оки линіею желѣзной дороги находятся «писаные камни»: на прибрежныхъ скалахъ изображены всадники своеобразнаго типа съ лошадьми и рогатымъ скотомъ.

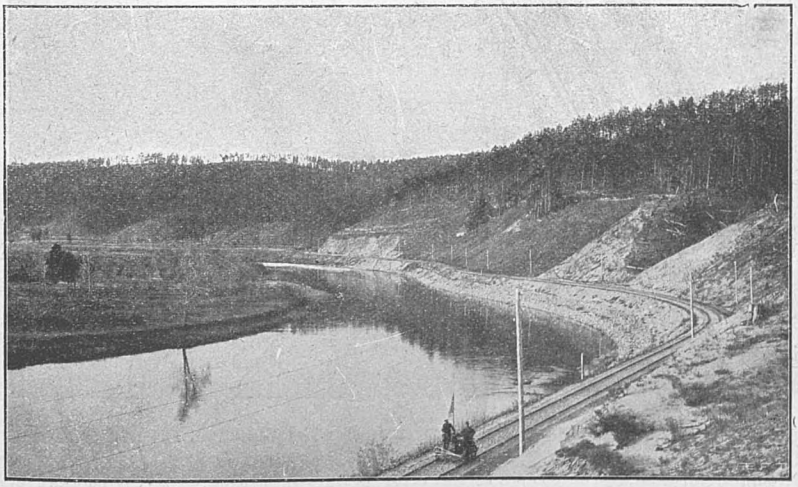
Здѣшнее населеніе вообще живетъ очень зажиточно. Большія села,



Иркутскъ.

какъ, напримѣръ, Тулунъ, могутъ смѣло равняться со многими уѣздными городами не только Сибири, но и Европейской Россіи. Иногда такое село тянется версты 3—4. Домики очень приличные, чистенькіе; въ окнахъ видны гардины, занавѣски и горшки съ цвѣтами. Посрединѣ села—базаръ, дальше лавки, въ которыхъ можно достать все, что угодно; иногда въ такомъ селѣ бываетъ и клубъ, гдѣ по вечерамъ собираются жители поиграть въ карты и на бильярдѣ, а въ зимнее время устраиваются спектакли и танцовальные семейные вечера.

Но вотъ и Иркутскъ. Онъ станціи къ городу приходится переѣхать черезъ Ангару по плашкотному мосту. Холодомъ вѣетъ отъ ея ложа,



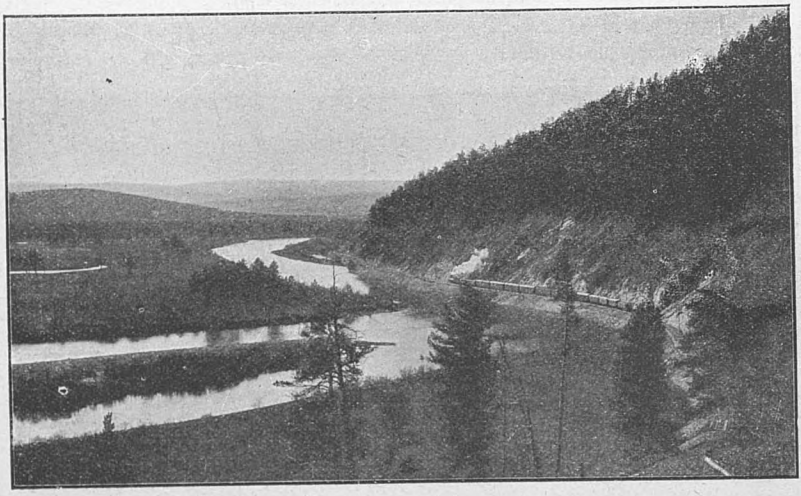
Видъ на Забайкальской желѣзной дорогѣ.

такъ какъ, несмотря на жаркое лѣто, температура воды 8^0 и рѣдко доходитъ до 10^0, но зато изрѣзанная мелкими струйками поверхность при удивительной прозрачности придаетъ чудный блескъ и красоту широкой рѣкѣ.

Въ противоположность большинству городовъ Иркутскъ расположенъ на плоскомъ правомъ берегу. Внѣшность его вполнѣ соотвѣтствуетъ типу губернскаго города, удаленнаго отъ центра, съ примѣсью Замоскворѣчья. Окраина одноэтажная, плоская, сѣренькая (особнячки съ бѣлыми ставнями); центръ каменный, двухъэтажный купецкій, необычайно тяжелый и грузный; фасадъ дома украшенъ обыкновенно колоннами, которыя ничего не поддерживаютъ, къ тому же въ рѣдкомъ домѣ нѣтъ монументальныхъ каменныхъ воротъ, за которыми чувствуется хриплая овчарка

на цѣпи. Дѣйствительнымъ украшеніемъ города служатъ нѣкоторыя церкви византійскаго типа.

Подобно большинству губернскихъ городовъ, цивилизація задѣла Иркутскъ только краемъ: телефоны дѣйствуютъ на славу, что̀, конечно, не мѣшаетъ улицамъ оставаться немощеными. Лѣтомъ пыль обволакиваетъ городъ густымъ вуалемъ, осенью же, въ особенности вечеромъ, выйдя на улицу и погрузившись въ непроницаемый мракъ, висящій надъ



Желѣзная дорога въ долинѣ рѣки Хихолки.

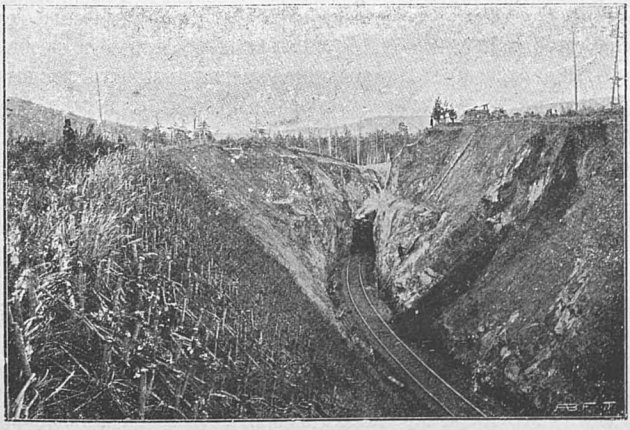
моремъ грязи, чувствуешь себя если не несчастнымъ, то совершенно безпомощнымъ. На центральной «Большой» улицѣ безуспѣшно мигаютъ три-четыре фонаря, что не мѣшаетъ нѣкоторымъ магазинамъ быть освѣщенными электричествомъ. Гостиницы очень плохи и дороги.

И тѣмъ не менѣе Иркутскъ, подобно многимъ сибирскимъ городамъ, нельзя упрекнуть въ отсутствіи культурныхъ начинаній, къ которымъ мѣстное населеніе относится съ значительною симпатіей. На лучшей улицѣ Иркутска находится очень красивое зданіе театра, а недалеко отъ него, на берегу Ангары, зданіе музея, въ которомъ собраны зоологическія и этнографическія коллекціи и находится обширная библіотека. Торговые обороты Иркутска достигаютъ десятковъ милліоновъ, не говоря о тѣхъ товарахъ, которые только проходятъ черезъ него. Такая торговля вмѣстѣ съ золотопромышленностью должна была создать громадные капиталы и рядъ крупныхъ фирмъ. Кромѣ русскихъ фирмъ и магазиновъ, въ Иркутскѣ можно видѣть и богатые торговые дома ки-

тайцевъ, которые торгуютъ главнымъ образомъ шелкомъ, фарфоромъ и чаемъ.

Отъ Иркутска желѣзная дорога идетъ вдоль лѣваго берега рѣки Ангары, вверхъ по ея теченію. Мѣстность, пересѣченная грядами Байкальскихъ горъ, очень живописна. Красивыя горы, покрытыя хвойными лѣсами, обрамляютъ берега широкой и быстро несущейся рѣки, а по самому берегу вьется желѣзная дорога. Пройдя 62 версты отъ Иркутска, поѣздъ останавливается на берегу Байкала. Здѣсь прерывается желѣзнодорожный путь [1]), а переѣздъ черезъ озеро совершается лѣтомъ—на баржахъ, а зимой—на спеціально для этой цѣли устроенныхъ паромахъ-ледоколахъ; послѣдніе, однако, оказались не совсѣмъ пригодными, и потому въ настоящее время сооружается желѣзная дорога, которая обогнетъ Байкалъ съ юга.

За Байкаломъ желѣзная дорога идетъ сначала вдоль южнаго берега озера, а потомъ удаляется отъ него. Большею частью по сторонамъ дороги тянется тайга, но тамъ, гдѣ поѣздъ выѣзжаетъ къ берегамъ



Перевалъ черезъ Яблоновый хребетъ.

Селенги, выступаютъ высокія гранитныя горы, подступающія мѣстами къ самому краю берега. Близъ дороги виднѣются то казачьи станицы, то бурятскіе улусы. Поселившіеся въ этомъ краѣ буряты занимаются земледѣліемъ; они даже орошаютъ свои поля, проводя въ нихъ воду посредствомъ каналовъ, въ родѣ средне-азіатскихъ арыковъ; промышляютъ они также скотоводствомъ.

---

[1]) Въ 1904 году открыта Кругобайкальская желѣзная дорога.

Область за Байкаломъ отличается вообще гористымъ характеромъ. Отчасти вслѣдствіе такого возвышеннаго положенія и климатъ здѣсь еще суровѣе, чѣмъ на западѣ. Проѣзжая лѣсами, можно замѣтить, что въ нихъ зачастую валяются упавшія какъ бы сами собой деревья. Въ этихъ мѣстахъ земля на нѣкоторой глубинѣ вовсе не оттаиваетъ въ теченіе года, такъ что въ ней господствуетъ вѣчная мерзлота. Поэтому деревья, достигнувъ высокаго роста и пустивъ корни въ мерзлую почву, неминуемо должны валиться. Интересна система водоснабженія, примѣняемая въ виду такихъ условій на этой линіи. Такъ какъ даже лѣтомъ почва оттаиваетъ самое большее на полторы сажени, то проложить водопроводныя трубы обыкновеннымъ способомъ въ землѣ представлялось невозможнымъ. Поэтому ихъ провели здѣсь въ особыхъ галлереяхъ, которыя зимою отапливаются.

На 789-й верстѣ отъ Байкала находится станція «Китайскій разъѣздъ», названная такъ потому, что здѣсь желѣзная дорога дѣлится на двѣ вѣтви; изъ нихъ одна идетъ по долинамъ р. Ингоды, Онона и Шилки до расположеннаго на берегахъ послѣдней рѣки города Срѣтенска. Въ Срѣтенскѣ желѣзная дорога оканчивается и начинается пароходное сообщеніе по Шилкѣ и Амуру. Другая вѣтвь, извѣстная подъ именемъ Восточно-Китайской ж. д., отклоняется на юго-востокъ, входитъ въ предѣлы Манчжуріи и соединяетъ далекую Россію съ ея самой восточной окраиной—Владивостокомъ. Общая длина желѣзнодорожнаго пути отъ Китайскаго разъѣзда до Владивостока—1.620 верстъ.

Тайга.

(С. Елпатьевскаго.)

Мы за Томскомъ, на большомъ сибирскомъ трактѣ, въ тайгѣ,—той тайгѣ, которая уже самымъ названіемъ сулила мнѣ нѣчто новое, оригинальное.

Я и здѣсь обманулся. Правда, лѣсъ начинается отъ самаго Томска, но это даже не лѣсъ, а перелѣсокъ нашей Московской и Владимірской губерній, и такимъ лѣсомъ я ѣхалъ болѣе сутокъ. Тѣ же жиденькія березки, та же осина, какіе-то неопредѣленнаго вида кусты; лишь изрѣдка встрѣтится ель или пихта—и все это спутанное, низкорослое, довольно рѣдкое, перерѣзанное тонями и болотцами. Вырвется кусокъ овсянаго поля, промелькнетъ деревня,—и опять этотъ скучный ни лѣсъ, ни кустарникъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всего этого мало-по-малу начинаетъ вырисовываться незамѣтно для васъ какое-то смутное впечатлѣніе. Этотъ идущій безпрерывною полосой лѣсъ, это отсутствіе полей, эти рѣдкія, какъ-то прижавшіяся къ дорогѣ деревни—все это создаетъ впечатлѣніе чего-то огромнаго и пустого.

Какое-то царство лѣса, упорнаго, безпредѣльнаго и расплывающагося лѣса, чувствуется вами и—я не умѣю выразиться лучше—стѣсняетъ васъ, сжимаетъ ваши мысли и не даетъ имъ раскинуться шире, выйти изъ предѣловъ лѣса.

Между Маріинскомъ и Ачинскомъ нѣсколько измѣняется физіономія мѣстности, краски становятся рѣзче, суровѣе, и выпуклѣе очертанія. Деревья сдвигаются плотнѣе, вытѣсняютъ лиственныя породы и протягиваютъ къ самой дорогѣ свои иглистыя лапы. Тамъ, впереди, гдѣ-то далеко-далеко, на синевѣ неба начинаетъ вырисовываться волнистая голубая линія далекихъ горъ восточной Сибири. Попадаются крутые холмы; дорога вьется между глубокими ложбинами.

Только между Ачинскомъ и Красноярскомъ передо мной встала настоящая тайга, встала могучая, суровая, темная. По нашимъ московскимъ и владимірскимъ лѣсамъ трудно себѣ представить, что такое тайга.

Пышнымъ зеленымъ букетомъ поднимается отъ земли нашъ сосновый лѣсъ. Онъ будто только что сошелъ съ картины молодого живописца съ своими кудрявыми вершинами, голыми красными стволами, широкимъ просвѣтомъ, словно аллеей для гулянья, и стоитъ, любуясь на себя, важный, величественный и эффектный. Теменъ и угрюмъ нашъ еловый лѣсъ, когда войдешь въ чащу его; но пройдешь нѣсколько верстъ—пусть десятокъ верстъ—и выйдешь въ поле. Широкое кольцо зеленыхъ луговъ, колосистой ржи и свѣтлыхъ крестовъ деревенскихъ церквей опояшетъ угрюмый лѣсъ и смягчитъ его непривѣтный видъ. Я не говорю ужъ о южномъ лѣсѣ, съ его свѣтомъ, радостью и веселъемъ. Словомъ, знакомый большинству насъ лѣсъ—нѣчто опредѣленное, законченное, окруженное полями и деревнями, охваченное жильемъ, покоренное человѣкомъ...

Въ этомъ смыслѣ тайга—не лѣсъ. Нужно представить себѣ, что мрачный, плотно сдвинувшійся лѣсъ протянулся до тундры, до моря... на тысячи верстъ; нужно вообразить, что можно пройти сотни верстъ, не встрѣтивши человѣка, что въ глубинѣ тайги человѣческая нога не бывала. Все темное, мрачное. Мохнатый, угрюмый кедръ, сумрачная пихта, стройная пирамида ели, таежная красавица, мрачная и печальная лиственница. Изрѣдка мелькнетъ бѣлый стволъ березы; протянетъ къ свѣту свою перистую вѣтвь кривая рябина, какъ тянется за подаяніемъ рука нищаго ребенка между локтями взрослыхъ; притаится въ ложбинѣ задумчивая черемуха, окруженная, какъ малыми дѣтьми, кустами смородины и ежевики, и снова непрерывною полосой потянутся темныя иглы. Кое-гдѣ тайга раздвинулась, чтобы пропустить рѣку, раздалась, чтобы дать мѣсто какой-нибудь сотнѣ-двумъ человѣческихъ жизней, и опять сомкнулась тѣснымъ кольцомъ, опять ревниво хранитъ свою тайну.

Именно тайна чувствуется въ глубинѣ тайги. Мнѣ пришлось долго спустя по пріѣздѣ въ Сибирь цѣлый день ѣхать верхомъ съ проводникомъ въ глухой тайгѣ. День погасъ, бѣлая сѣверная ночь спускалась съ неба, и полосы холоднаго безжизненнаго свѣта вставали между деревьями. Въ тайгѣ ни звука; тамъ не видно и не слышно птицъ, только изрѣдка коротко и глухо стучатъ копыта лошадей о корни. Что-то загадочное, что-то таинственное и суровое чувствовалось въ этомъ странномъ колеблющемся свѣтѣ весеннихъ сумерекъ, въ этихъ неподвижныхъ, молчаливыхъ деревьяхъ, строго и важно обступившихъ меня. Казалось, передо мной былъ храмъ, суровый, мрачный храмъ, гдѣ, какъ черезъ эти иглистыя вѣтви, медленно льется блѣдный свѣтъ сквозь узкія стрѣльчатыя окна, гдѣ человѣкъ придавленъ къ землѣ высокими стѣнами, темными сводами, молитвенною тишиной и только душа его, отрѣшенная отъ всего земного, возносится къ небу,—туда, куда несутся эти строгія линіи храма, эти острые шпили церковныхъ башенъ, эти темныя верхушки елей и пихтъ...

А бѣлая ночь широко простерлась надъ тайгой. Острый ароматъ пихтъ, кедровъ и лиственницъ, какъ чудный ѳиміамъ, стоитъ въ воздухѣ. Какъ блѣдные свѣтильники мерцаютъ желтыя лиліи. Только нѣтъ молящихся,—храмъ пустъ и безмолвенъ, развѣ изрѣдка словно вздохъ пронесется по тайгѣ, вырастетъ, разойдется и снова замретъ гдѣ-то далеко, далеко. Да кукушка вдали печально кричитъ свое «ку-ку», точно тамъ, въ глубинѣ храма, одинокій голосъ повторяетъ все одну и ту же односложную, печальную, строгую, великопостную молитву.

Я не замѣтилъ, какъ чаще и чаще вздыхала тайга, и вздрогнулъ отъ неожиданности. Что-то громко охнуло вдали отъ меня, побѣжало по верхушкамъ, затрепетало надъ моей головой и понеслось дальше по тайгѣ. Глухимъ ропотомъ отозвался другой дальній уголъ. Словно огромный, настраивающійся оркестръ, все громче и громче неслись звуки по тайгѣ; только около меня попрежнему молчаливо и грозно стояли деревья. Вотъ съ тяжелымъ стономъ зашатался огромный, цѣлой головой возвышающійся надъ тайгой кедръ, налетѣла буря и покрыла отдѣльные звуки,—тайга завыла. Я испытывалъ поистинѣ чувство страха. Вы слышите, какъ гнѣвно и мрачно шумятъ близъ васъ стоящія деревья, но вы скоро забываете ихъ; оттуда, изъ глубины тайги, какъ изъ громадной пасти чудовища, подымается глухой, непрерывный шумъ: это—тайга воетъ. И день и ночь, и еще день и ночь ѣхалъ я, и тайга все выла своимъ страшнымъ, угрожающимъ воемъ, все ревѣлъ расходившійся, растревоженный звѣрь.

Подъ эту воющую пѣсню я не могу не думать о тайгѣ. Мнѣ невольно рисуется въ этой сибирской тайгѣ человѣкъ—первый пришелецъ изъ русской земли. Онъ принесъ съ собою оживленный шумъ и

вольный просторъ многоводной Волги, добродушную и широкую натуру русскаго человѣка, принесъ свои пѣсни, свои легенды и сказки.

Онъ—въ тайгѣ, куда ушелъ одинъ, безъ семьи, на звѣроловный промыселъ. Тайга должна покорить его. Онъ дѣлается молчаливъ и серьезенъ. Въ тайгѣ не хочется смѣяться, пѣсня не идетъ съ губъ человѣка,—она такъ странна въ мертвой тишинѣ этого угрюмаго лѣса и такъ безсильно замираетъ въ ревущей таежной пѣснѣ. Онъ не видитъ восхода и захода солнца; свѣтлый шаръ встаетъ изъ-за одной щетинистой стѣны и закатывается за другую, такую же мрачную стѣну,—вотъ и все, что онъ видитъ. И вездѣ, куда ни глянетъ глазъ его, онъ натыкается на обросшіе мохомъ стволы, на иглы елей и пихтъ. Какъ его глазъ видитъ только деревья, такъ и его умственный взоръ суживается болѣе и болѣе, все труднѣе и труднѣе можетъ вырываться изъ предѣловъ этого сжимающаго кольца. Не поется пѣсня, не думается дума, не мечтается мечта. Глохнутъ старыя пѣсни, старыя легенды; тухнутъ старыя воспоминанія, глохнетъ даже голосъ. Тайга не храмъ для звѣролова, и онъ пришелъ не молиться. Кругомъ его борьба,—борьба нестихающая, непримиримая и неумолимая. Подстерегаетъ соболь зазѣвавшуюся птичку, падаетъ съ дерева кровожадная рысь на пробирающагося оленя и кабаргу, ломаетъ медвѣдь огромнаго сохатаго (лося), а человѣкъ уничтожаетъ ихъ всѣхъ.

И этотъ борющійся человѣкъ долженъ быть вѣчно насторожѣ, вѣчно присматриваться и прислушиваться, не хрустнетъ ли вѣтка подъ тяжестью лапы медвѣдя, не мелькнетъ ли голубая спинка песца. По мѣрѣ того какъ онъ забываетъ человѣческую рѣчь, онъ выучивается звѣриному языку—учится безошибочно узнавать крикъ птицъ и ревъ звѣря, понимаетъ манеры ихъ и, какъ тунгусъ, начинаетъ опредѣлять по снѣгу, сердитый ли медвѣдь прошелъ или смирный. По мѣрѣ того какъ отвыкаетъ отъ нравовъ человѣческихъ, онъ больше и больше привыкаетъ жить нравами звѣриными. Онъ одинъ-одинешенекъ и долженъ полагаться только на себя. Съ него быстро сбѣгаютъ русское разгильдяйство и добродушная распущенность: онъ весь подбирается, подтягивается; его толстыя, расплывающіяся губы рѣзче складываются, крѣпче сжимаются; его глаза не смотрятъ открыто, а высматриваютъ исподлобья, выслѣживаютъ... Не дрогнетъ рука, не поблѣднѣетъ лицо, не забьется сердце отъ страха, когда неожиданно вылѣзетъ на него медвѣдь, и ужъ, конечно, не будетъ жалости къ этому медвѣдю.

Звѣроловъ вырывается наконецъ изъ тайги и съ добычей приходитъ къ себѣ въ семью, въ русскій поселокъ. Языкъ не такъ легко ворочается у него во рту, не такъ свободно слетаютъ съ губъ слова нѣжности и любви. Онъ встрѣчается со своими друзьями-односельцами, ему непривычно, онъ отвыкъ отъ сколько-нибудь плавной рѣчи, и вотъ

онъ говоритъ отрывочными предложеніями, на которыя его собесѣдники, такіе же только что вернувшіеся звѣроловы, отвѣчаютъ такими же односложными фразами.

Замѣчательно характеренъ для сибиряка этотъ отрывистый разговоръ. Не рѣчистъ, не ходокъ на плавную рѣчь и нашъ русскій крестьянинъ, но онъ краснорѣчивый ораторъ въ сравненіи со здѣшнимъ крестьяниномъ, несмотря на то, что послѣдній развитѣе, чѣмъ его зауральскій собратъ.

Звѣроловъ поживетъ извѣстное время дома, снова привыкнетъ къ людямъ, потомъ опять уйдетъ въ тайгу. И каждый разъ все большій и большій отпечатокъ будетъ класть тайга на человѣка. А пройдетъ пять-десятъ лѣтъ,—его уже будетъ тянуть въ тайгу, тайга заполонитъ его, онъ почувствуетъ на себѣ ту странную могучую власть ея надъ человѣкомъ, которую я наблюдалъ здѣсь, въ Сибири, на бродягахъ, на старикахъ-крестьянахъ, по году не выѣзжающихъ изъ тайги даже къ роднымъ въ деревню. Я знаю образованнаго человѣка, который искренно говорилъ мнѣ, что не понимаетъ жизни безъ тайги.

Сынъ того звѣролова, о которомъ я говорилъ, ужъ только услышитъ про старыя мѣста и русскую жизнь. Онъ юношей начинаетъ ходить съ отцомъ «бѣлковать» и «соболевать», и на него, еще юношу, тайга налагаетъ свою неизгладимую печать. А дѣти и внуки этого сына потеряютъ уже всякую связь съ Россіей, позабудутъ складъ ея жизни, ея вѣрованія, пѣсни, легенды и будутъ думать, какъ думаютъ крестьяне въ Забайкальѣ, что Ермакъ завоевалъ ихъ предковъ, всегда жившихъ въ Сибири,—они превратятся въ сибиряковъ.

Не удивляйтесь, что я отвелъ такое большое мѣсто тайгѣ и такъ много наговорилъ о своемъ звѣроловѣ. Въ сущности тѣ двѣ-три тысячи верстъ, которыя я проѣхалъ по Сибири,—сплошная тайга, и огромная масса населенія Сибири и теперь живетъ приблизительно въ тѣхъ же условіяхъ звѣроловнаго промысла. Здѣсь не человѣкъ царствуетъ надъ природою, а природа надъ нимъ, и тайга какъ будто только позволяетъ на своихъ полянахъ раскинуться городамъ, а по оврагамъ и рѣчкамъ вытянуться селамъ и деревнямъ.

Странное впечатлѣніе производятъ сибирскія деревни. Первое, что бросается въ глаза и рѣзко обособляетъ эти трактовыя селенія отъ русскихъ,—полное отсутствіе полей около нихъ. Почти прямо изъ тайги въѣзжаешь въ деревню, проѣзжаешь длинную улицу и опять упираешься въ тайгу. Ни овиновъ, ни сараевъ, въ большинствѣ случаевъ даже огородовъ не видно. Все это гдѣ-то тамъ, въ тайгѣ, на заимкѣ, за пятнадцать, двадцать верстъ, куда лѣтомъ перебирается крестьянинъ. Сжатая двумя стѣнами тайги деревня вытянулась длинною лентой, двумя рядами домовъ по бокамъ дороги, и словно боится раздаться шире,

боится заглянуть въ эту темную массу. На краю или въ центрѣ, но всегда нѣсколько изолированно, словно помѣщичья усадьба въ русской деревнѣ, стоитъ этапъ. Это—огромное для села деревянное зданіе съ широкимъ дворомъ, обнесеннымъ стѣной врытыхъ въ землю и заостренныхъ кверху бревенъ.

Оригинальный ростъ этихъ трактовыхъ селъ бросается въ глаза при первомъ поверхностномъ взглядѣ. Въ центрѣ деревни—большіе двухъэтажные и длинные, вытянувшіеся по улицѣ, одноэтажные дома, старые, почернѣвшіе отъ времени и дождей, съ лавками внизу, иногда съ каменными кладовыми и всегда съ громадными крытыми дворами. Вездѣ широкое довольство, сытая обезпеченность—полная чаша. Чѣмъ ближе къ краямъ, тѣмъ новѣе становятся дома, пока не закончатся низенькими избушками въ одно-два оконца, даже полуземлянками на концахъ деревни. Обитатели этихъ домишекъ—только что покинувшіе этапъ питомцы его. Вы буквально видите, какъ годъ отъ году прибавляются новыя избушки переселенцевъ, какъ онѣ шагъ за шагомъ отвоевываютъ мѣсто у тайги. И вотъ деревня вытянулась на семь верстъ, и кладбище, еще недавно бывшее за деревней, оказывается уже въ центрѣ ея.

Какъ разношерстны обитатели этапа, такъ же разнохарактерна и сибирская деревня. За оградой обточенныхъ бревенъ встрѣчаются и еврей, и цыганъ, и полякъ, и малороссъ, кавказскій горецъ и нѣмецъ остзейскихъ провинцій, и, наконецъ, великоруссы всѣхъ губерній и всѣхъ сословій. Такая же разнохарактерность замѣчается и въ деревнѣ, и не въ составѣ только населенія,—она сказывается въ постройкѣ, въ костюмахъ, въ говорѣ. Бокъ о бокъ стоятъ и двухъэтажный, какъ фонарь свѣтящійся окнами, домъ сибиряка-старожила, и полуземлянка уфимскаго башкира съ очагомъ вмѣсто печки и затянутыми пузыремъ вмѣсто стеколъ окнами. И все это, очевидно, не слилось, не сжилось вполнѣ. Всякій, очевидно, живетъ еще своею отдѣльною, особняковою жизнью: онъ не сибирякъ, хотя, впрочемъ, онъ и не тотъ, чѣмъ былъ до этапа.

Какъ ни любопытно всматриваться въ сибирскую деревню, все-таки дорога скучна и тосклива. Чужая земля, чужой воздухъ, чужіе люди, чужія рѣчи... Встрѣчаются, впрочемъ, и свои люди, но мало вносятъ они веселья въ дорожныя впечатлѣнія. По ту и другую сторону грязнаго, изрытаго шоссе вьются многочисленныя тропинки,—то свои русскіе люди проложили дорожки въ чужую сторону.

И вотъ узкою лентой далеко раскинулась арестантская партія. Медленно плетутся сѣрые халаты, жалобно поскрипываютъ телѣги, на которыхъ сидятъ женщины съ грудными дѣтьми. Невесело встрѣчаетъ Сибирь своихъ гостей. Угрюмое, свинцовое небо тяжело повисло надъ головой; октябрьскій дождь холодными иглами сѣчетъ лицо и ледяною корой ложится на арестантскіе халаты; подъ ногами вязкая, полузастыв-

шая грязь, изъ которой такъ тяжко вытаскивать закованныя въ кандалы ноги; справа и слѣва злобно воющая тайга, по краямъ которой мѣрно двигаются штыки конвойныхъ. Только ребята вносятъ нѣкоторое оживленіе въ эту печальную группу. Какъ только перемежится дождь, они спрыгиваютъ съ телѣгъ, бѣгаютъ взапуски, кувыркаются на встрѣчающихся лужайкахъ и съ веселымъ смѣхомъ ощипываютъ запоздалыя кисти рябины, красныя ягоды шиповника и боярышника.

Глубокая зима глянула на меня, когда я выѣхалъ изъ Ачинска. Какъ все измѣнилось кругомъ! Окутанная снѣгомъ тайга затихла и стоитъ неподвижно, покорная и кроткая; безшумно скользятъ, словно плывутъ мои сани въ рыхломъ, еще неумятомъ снѣгу; мягко и какъ-то грустно звенитъ колокольчикъ; безчисленныя пушистыя снѣжинки кружатся на землю, словно колеблющійся бѣлый саванъ тихо опускается съ неба на умирающую землю.

Еще нѣсколько сотъ верстъ, и я пріѣхалъ на мѣсто. Засыпанный четырехаршиннымъ слоемъ снѣга, окруженный тѣснымъ кольцомъ безпредѣльной тайги и окаймленный лишь съ одной стороны широкою полосою Енисея, мой городокъ выглядѣлъ мирнымъ, уютнымъ, хотя и нѣсколько глухимъ уголкомъ.

Глубокая Сибирь чувствуется на каждомъ шагу. Вотъ лохматая собака въ упряжи, какъ истый рысакъ, лихо катитъ маленькія санки съ возсѣдающимъ на вязанкѣ дровъ мальчишкой. Дохи и дохи безъ конца, начиная отъ изящной изъ молодыхъ оленьихъ шкурокъ съ собольимъ воротникомъ дохи мѣстнаго богача и кончая мохнатыми, сохатиными и даже собачьими дохами, въ которыхъ ѣдутъ мужики и бабы на базаръ. Сіяющая сибирская зима въ полномъ разгарѣ. Мертвая тишина въ воздухѣ. Прямыми, высокими столбами, играя въ солнечныхъ лучахъ, поднимается къ небу дымъ изъ трубъ. Снѣгъ не скрипитъ, а визжитъ подъ полозьями, какъ трущееся другъ о друга желѣзо. Сорокаградусный морозъ обжигаетъ лицо...

Золотые пріиски въ Сибири.

(М. С.)

Золото—главная приманка въ тайгѣ. Ради его идутъ промышленники въ глушь и основываютъ тамъ временныя поселенія, называемыя пріисками. Золотопромышленность играла и играетъ огромную роль въ жизни Сибири.

Мѣсторожденія золота бываютъ двухъ родовъ: рудныя и розсыпныя. Первыя встрѣчаются въ горахъ въ видѣ жилъ, пронизывающихъ древнія твердыя породы и состоящихъ изъ золотой руды. Эту руду надо добыть, а затѣмъ уже особыми способами выдѣлить изъ нея золото. Въ Сибири разработка руднаго золота только что начинается, и то преиму-

щественно на Уралѣ, все же остальное золото добывается изъ розсыпей. Розсыпью называются различныя рѣчныя отложенія въ долинахъ. Матеріаломъ для ихъ образованія служили окрестныя горы. Работа воды, льда и воздуха постепенно разрушала скалы, а вода отлагала продукты разрушенія въ долинѣ, образуя слои, состоящіе изъ различныхъ матеріаловъ: валуновъ, гальки, песку, глины, а между ними также и золота, вымытаго изъ первичныхъ мѣсторожденій въ горахъ. Представляя массу болѣе рыхлую, чѣмъ древнія горныя породы, розсыпь болѣе удобна для разработки, и, конечно, за рудное золото примутся только тогда, когда розсыпное истощится. Золотопромышленность въ Сибири находится наканунѣ этого. Теперь уже не открывается тѣхъ баснословныхъ богатыхъ мощныхъ розсыпей, которыя разрабатывались въ 40-ые и 50-ые годы. Постепенно искатели богатствъ подвигались все далѣе на востокъ, и сейчасъ Олекминско-Витимскіе и Амурскіе пріиски представляютъ послѣднія богатыя розсыпи. Быть можетъ, онѣ еще въ труднопроходимыхъ и пока непосѣщаемыхъ золотопромышленникомъ пустыняхъ сѣвера... Алтайскіе промыслы давно уже выработались. Новыхъ богатыхъ открытій нѣтъ и, кажется, не предвидится, потому что большая часть рѣчекъ и ключей развѣдана, и хотя золото почти нигдѣ не отсутствуетъ, но количество его таково, что при теперешнихъ условіяхъ разработки добываніе его невыгодно.

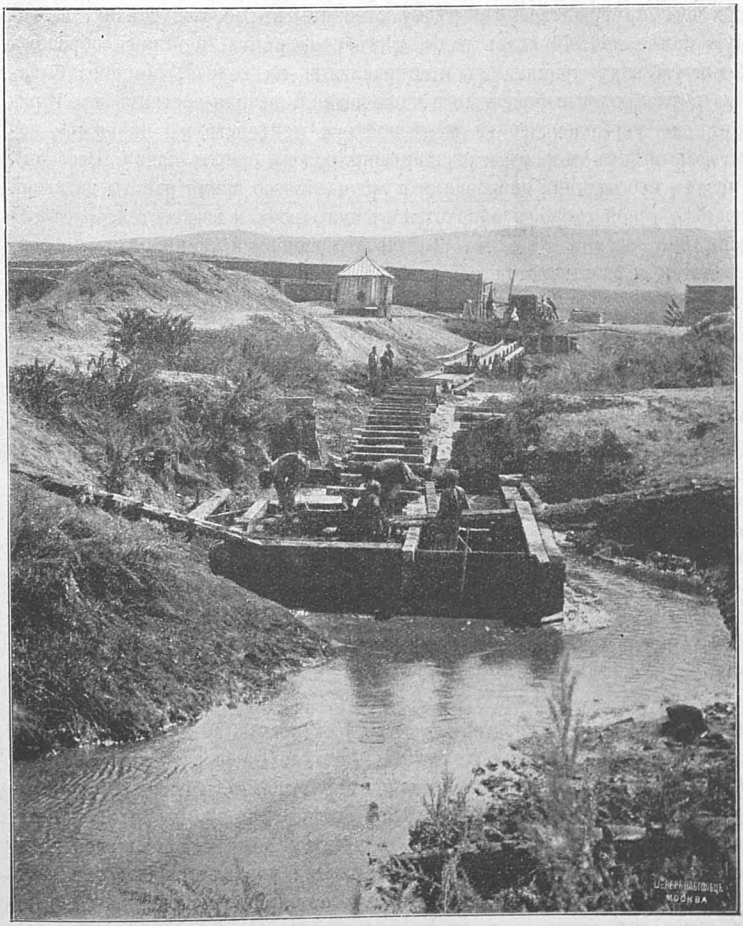
Для отысканія золота снаряжаются поисковыя партіи. Начиная съ мая мѣсяца, часть рабочихъ подъ руководствомъ служащаго отправляется на «развѣдку» тѣхъ рѣчекъ, которыя почему-либо обратили на себя вниманіе. Въ избранной мѣстности строятъ себѣ балаганы и устраиваютъ свое житье по-походному. Привозятъ необходимые инструменты и съѣстные припасы на нѣсколько дней и приступаютъ къ работѣ. Развѣдка состоитъ въ слѣдующемъ. Поперекъ рѣчной долины въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга пробиваютъ рядъ шурфовъ. Шурфъ— квадратная яма, сторона которой обыкновенно равна 1 сажени. Выбрасываемый изъ этой ямы матеріалъ промывается на особыхъ приборахъ, называемыхъ бутарами. Бутара представляетъ деревянный открытый ящикъ, одна болѣе высокая половина котораго закрыта желѣзной рѣшеткой. Золотосодержащій пластъ земли набрасывается лопатами на рѣшетку и посредствомъ особыхъ желѣзныхъ гребковъ подъ непрерывною струей воды пробивается сквозь рѣшетку, такъ что всѣ мелкія частицы гальки, песку, глины, а также и золота проваливаются внизъ, а крупная обмытая галька, оставшаяся на рѣшеткѣ, сбрасывается прочь. Крупная золотина, не прошедшая сквозь отверстія рѣшетки, будетъ при этомъ поднята, такъ какъ бросится въ глаза, мелкое же золото, упавшее внизъ, задерживается особыми поперечными плинтусами. Мелкій и легкій матеріалъ уносится водою, золото же остается почти все тотчасъ

же подъ рѣшеткою. Обыкновенно самый верхній пластъ розсыпи не содержитъ золота; его называютъ «торфомъ», а пластъ съ золотомъ называется «песками». Низъ розсыпи, будутъ ли это коренныя, сплошныя горныя породы или рыхлый, наносный же матеріалъ, но не содержащій уже золота, называется «почвой». «Добить шурфъ до почвы» значитъ дойти до такого пласта, который уже не содержитъ золота. Развѣдка представляетъ одну изъ самыхъ трудныхъ пріисковыхъ работъ какъ потому, что приходится жить въ неудобныхъ условіяхъ, т.-е. въ балаганахъ, питаться соленымъ мясомъ, которое часто портится, не имѣть зачастую возможности хорошенько высушиться, отоспаться, такъ и потому, что самая работа въ шурфахъ очень трудна. Шурфъ—узкая яма, которую приходится съ глубины 1 сажени, а то и сверху крѣпить, чтобы не осыпались стѣнки. Землю изъ шурфа добываютъ или воротомъ съ бадьями или перебрасываютъ съ подмостковъ на подмостки. Шурфъ рѣдко бываетъ сухой, обыкновенно на извѣстной глубинѣ показывается вода, которую откачиваютъ насосомъ. Легко представить себѣ, каково работать въ этой сырости и тѣснотѣ. Особенно трудно «низовикамъ», т.-е. тѣмъ рабочимъ, которые работаютъ внизу и углубляютъ шурфъ; ихъ бываетъ двое. Отъ нихъ требуется большая выносливость, сила и ловкость, особенно когда одолѣваетъ вода, которую иногда еле успѣваютъ откачивать; а въ дождливую погоду низовику еще хуже.

Рядъ шурфовъ, пересѣкающій долину и розсыпь поперекъ, называется «линіей». Если доказано присутствіе золота, то такихъ линій выбиваютъ нѣсколько, чтобы опредѣлить, какъ далеко тянется розсыпь и какъ вести работы. Выработку направляютъ потомъ на болѣе богатые шурфы. Разъ извѣстное мѣсто оказалось достойнымъ разработки, на немъ строятъ пріисковый станъ, запасаются орудіями, съѣстными припасами и начинаютъ разработку. Зимою производятъ подготовительныя работы, и только лѣтомъ производится промывка песковъ. Зимою строятъ жилыя строенія, амбары, золотопромывальную машину, а главное «вскрываютъ шурфа», т.-е. удаляютъ верхній, не содержащій золота пластъ земли и отвозятъ его въ сторону, въ «отвалъ», т.-е. насыпи. Выемка, образовавшаяся отъ этого въ землѣ, называется «разрѣзомъ». Для того, чтобы въ разрѣзѣ не скоплялась вода, подводятъ къ нему снизу долины канаву, которая тѣмъ длиннѣе, чѣмъ положе паденіе долины.

Всякій, увидѣвшій въ первый разъ пріисковыя разработки, громадные разрѣзы, тянущіеся на нѣсколько верстъ, громадные шурфовые и галечные отвалы, бываетъ пораженъ этой циклопической работой, ему не вѣрится, чтобы все это могъ сдѣлать человѣкъ. Въ этихъ долинахъ человѣкъ произвелъ такую громадную геологическую работу, какую бурная, ломающая въ половодье берега, горная рѣчка не смогла бы произвести въ цѣлыя столѣтія. Мѣстность становится неузнаваемой: вмѣсто

ровнаго дна рѣчной долины образуется какъ бы миніатюрная горная страна съ хребтами, долинами, углубленіями... Тысячи и милліоны пудовъ матеріала переворачиваются, перемываются чуть не до послѣдней



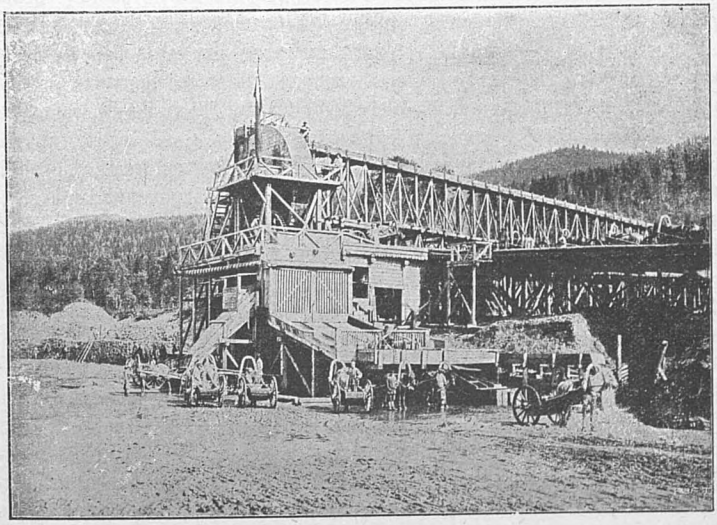
Промывка золота.

пылинки для того, чтобы извлечь небольшое количество золотыхъ зеренъ. Большинство матеріала остается въ долинѣ, но все-таки масса его въ видѣ мути и мелкаго песку уносится рѣчкой, хрустальныя воды

которой становятся мутными и на большомъ пространствѣ мутятъ и главную рѣку, принимающую ее.

Для промывки золотосодержащихъ песковъ строится золотопромывальная машина. Большинство пріисковыхъ машинъ движутся водою, для чего крутую таежную рѣчку отводятъ въ особую канаву, имѣющую болѣе пологій скатъ воды, чѣмъ сама рѣчка, и такимъ образомъ поднятую воду принимаютъ и направляютъ на колесо. Машины бываютъ двухъ родовъ: бочечныя и чашечныя. Бочечная состоитъ изъ горизонтально укрѣпленнаго на желѣзной оси желѣзнаго же цилиндра, полаго съ обѣихъ сторонъ и расширяющагося къ одному концу. Весь онъ унизанъ небольшими дверочками и вращается во время работы на своей оси; съ узкой стороны вливается въ него вода и всыпаются золотосодержащіе «пески». Въ этомъ быстро вращающемся цилиндрѣ пески разбиваются и размываются обильною струею воды и ударами о стѣнки цилиндра; мелкія части и золото проваливаются сквозь дырочки внизъ, а крупныя, совершенно обмытыя постепенно подвигаются къ болѣе широкому концу бочки (такъ называется цилиндръ) и выбрасываются изъ нея. Провалившіяся же съ водою сквозь дырочки бочки мелкія части и золото задерживаются на шлюзу, т.-е. на наклонной плоскости, пересѣченной рядами плинтусовъ. За этими плинтусами задерживаются золото и наиболѣе тяжелыя гальки, а легкая галька, песокъ и муть несутся водою далѣе и непрерывно отвозятся отъ машины на таратайкахъ, такъ же какъ и крупныя гальки, выбрасывающіяся изъ бочки. Галькой называютъ въ тайгѣ болѣе крупный матеріалъ, т.-е. камни не меньше вершка въ діаметрѣ. Разъ или два въ день дѣлается «съемка» золота, т.-е. пески со шлюза промываются для окончательнаго отдѣленія золота. Шлюзъ и промывальня всегда окружены рѣшеткой и заперты во избѣжаніе воровства золота. Другой родъ машинъ—чашечныя—въ сущности устроены такъ же, какъ бутары, то-есть пески промываются также на желѣзной рѣшеткѣ, но вмѣсто ручныхъ скребковъ здѣсь по рѣшеткамъ двигаются кругообразные желѣзные песты, которые разбиваютъ пески. Этотъ родъ машинъ удобенъ для промывки связныхъ глинистыхъ матеріаловъ. На машину ведутъ пологіе, длинные мосты, по которымъ медленно везетъ сильная лошадь таратайку съ песками, зная свое дѣло такъ, что идущій рядомъ возчикъ почти не управляетъ ею: она сама заходитъ по мосту на машину, заворачивается, подпячиваетъ таратайку къ люку, изъ котораго пески проваливаются на промывку, и остается только опрокинуть таратайку. Сваливши пески, возчикъ становится въ таратайку и рысью катитъ въ разрѣзъ, чтобы оттуда, нагрузившись, опять медленно ѣхать въ машину. Въ разрѣзѣ въ это время идетъ горячая работа. Вертикальная стѣнка, около которой работаютъ, называется «забоемъ». Если золотоносный пластъ глубокъ, то выработка рас-

полагается уступами и забоевъ нѣсколько. Орудія разработки—ломъ, кайла, лопата. Рабочій, называемый забойщикомъ, стоя у стѣнки, подкайливаетъ ее, затѣмъ залѣзаетъ наверхъ и ломомъ отворачиваетъ землю, которая или разсыпается падая или отваливается цѣльною глыбой, которую надо раскайлить, а затѣмъ вооружается лопатой и вмѣстѣ съ возчикомъ, т.-е. тѣмъ рабочимъ, который отвозитъ пески на машину, накладываетъ таратайку, которая, нагрузившись, медленно отъѣзжаетъ, и пока возчикъ ѣздитъ, забойщикъ опять подкайливаетъ, отваливаетъ и раздробляетъ землю. Работа у забоя трудная и опасная. Часто случается, что внезапно отвалившаяся глыба убиваетъ или калѣчитъ ра-



Золотопромывальная машина.

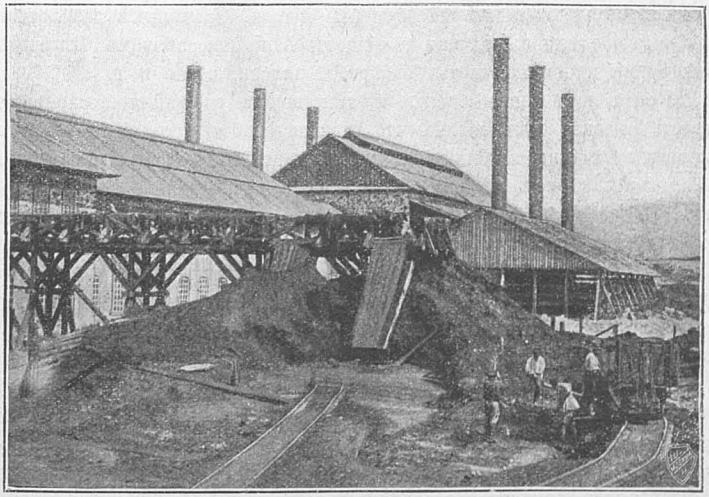
бочаго. «Убило забоемъ»—слишкомъ ходячее на пріискахъ выраженіе. Кромѣ того, пріисковая работа тяжела также тѣмъ, что она происходитъ во всякое время года изо дня въ день. Праздниковъ на пріискахъ до самаго послѣдняго времени не существовало, за исключеніемъ Рождества, Пасхи и немногихъ другихъ; кромѣ ихъ, рабочимъ дается еще одинъ или два раза въ мѣсяцъ отдыхъ, которымъ они пользуются поочередно; и зимой, и весной, и лѣтомъ, въ стужу, въ жаръ, въ дождь рабочій долженъ неизмѣнно находиться на своемъ посту и отработать свой размѣръ земли, который простирается отъ 1 до $1^1/_2$ куб. саж. на двухъ человѣкъ—забойщика и возчика. Зимою онъ меньше, лѣтомъ больше и измѣняется, кромѣ того, въ зависимости отъ свойствъ грунта.

Еще тяжелѣе такъ называемыя «ортовыя» работы; онѣ производятся тамъ, гдѣ пластъ слишкомъ толстъ и его невыгодно «вскрывать». Тогда ведутся подземныя работы: бьется широкій шурфъ и изъ него ведутся подъ землею въ разныя стороны «орты»—узкіе, длинные коридоры, боковыя стѣнки и верхъ которыхъ крѣпятся двумя деревянными столбиками съ толстой перекладиной наверху, по мѣрѣ того какъ выработка подвигается все дальше и дальше подъ землею. Можно себѣ, конечно, представить, каковы эти подземныя работы въ сырости и грязи, въ душномъ сумракѣ, освѣщаемомъ свѣтомъ сальныхъ свѣчей.

Вообще жизнь пріисковыхъ рабочихъ до послѣдняго времени была весьма тяжелой. Не даромъ рабочіе прозвали пріисковую работу «вольной каторгой». Она дѣйствительно была каторжной какъ по своей трудности, такъ и потому, что на рабочаго смотрѣли и обращались съ нимъ, какъ со скотомъ. Розга и кулачная расправа были въ полномъ ходу, а содержался рабочій и кормился поистинѣ ужасно. Даже не вѣрится разсказамъ объ этомъ недавнемъ прошломъ. Теперь уже далеко не то. Общій духъ гуманности, проникающій всюду, измѣнилъ старые порядки и измѣнилъ самого рабочаго. Раньше среди рабочихъ преобладали ссыльные, нынѣ же Алтайскіе пріиски нанимаютъ рабочихъ въ близлежащихъ мѣстностяхъ. При наемкѣ рабочему выдается задатокъ и очень крупный, такъ что ему надо работать мѣсяца 3—4 и болѣе, чтобы отработать его. Всякій рабочій старается взять побольше задатокъ, такъ какъ онъ въ глазахъ его есть нѣкоторая гарантія того, что золотопромышленникъ не выгонитъ его съ пріиска, если онъ ему чѣмъ-либо не понравится. Послѣ наемки служащій ведетъ нанятую партію рабочихъ на пріискъ. Какъ собрать рабочихъ, такъ и привести ихъ на мѣсто—дѣло очень не легкое, потому что немедленно по полученіи задатковъ начинается безпросыпное пьянство, при чемъ пропиваются не только деньги, но и спускается съ себя все до рубашки, такъ что едва только партія рабочихъ подъѣхала къ деревнѣ, какъ рабочіе разбѣгаются по кабакамъ, и ихъ надо разыскивать, тащить силою, зачастую одѣвать и обувать. Многіе, получивъ задатокъ, скрываются, многіе бѣгутъ съ дороги и, наконецъ, бѣгутъ и съ пріиска. Съ пріиска побѣги случаются уже въ весеннее время, когда тепло; бѣгутъ тѣ, которые еще остались должны къ этому времени. Отработавшій задатки рабочій не побѣжитъ. Бѣжавшихъ рабочихъ часто ловятъ и сурово расправляются съ ними, но разъ не поймали, то за рабочимъ пропадаетъ все, такъ какъ хлопоты о взысканіи съ него не стоятъ затратъ на нихъ. Побѣги рабочихъ и безнаказанность ихъ составляютъ самое больное мѣсто золотопромышленниковъ, хотя они и вызываются тяжелыми условіями пріисковой жизни. По прибытіи на пріиски рабочіе водворяются въ предназначенныхъ для нихъ жилищахъ, называемыхъ казармами. Тамъ живутъ вмѣстѣ въ одной

большой комнатѣ и холостые и женатые со своими женами и дѣтьми. Нары раздѣлены проходами и перегородками, такъ что для каждаго рабочаго есть мѣсто, устроены отдѣльныя сушильни, такъ что пришедшій изъ разрѣза, промокшій и прозябшій рабочій можетъ тамъ переодѣться, переобуться и обсушить одежду, а не тащить всю грязь въ казарму.

Работа на пріискахъ начинается рано—чуть свѣтъ. По звону колокола или желѣзной доски рабочіе идутъ на работу, возвращаются на утренній чай, обѣдъ и ужинъ и шабашатъ. Число рабочихъ часовъ различно: лѣтомъ больше, зимой меньше; въ среднемъ можно принять 10 часовъ чистой работы. Кромѣ собственно пріисковыхъ работъ, на



Отвозъ руды.

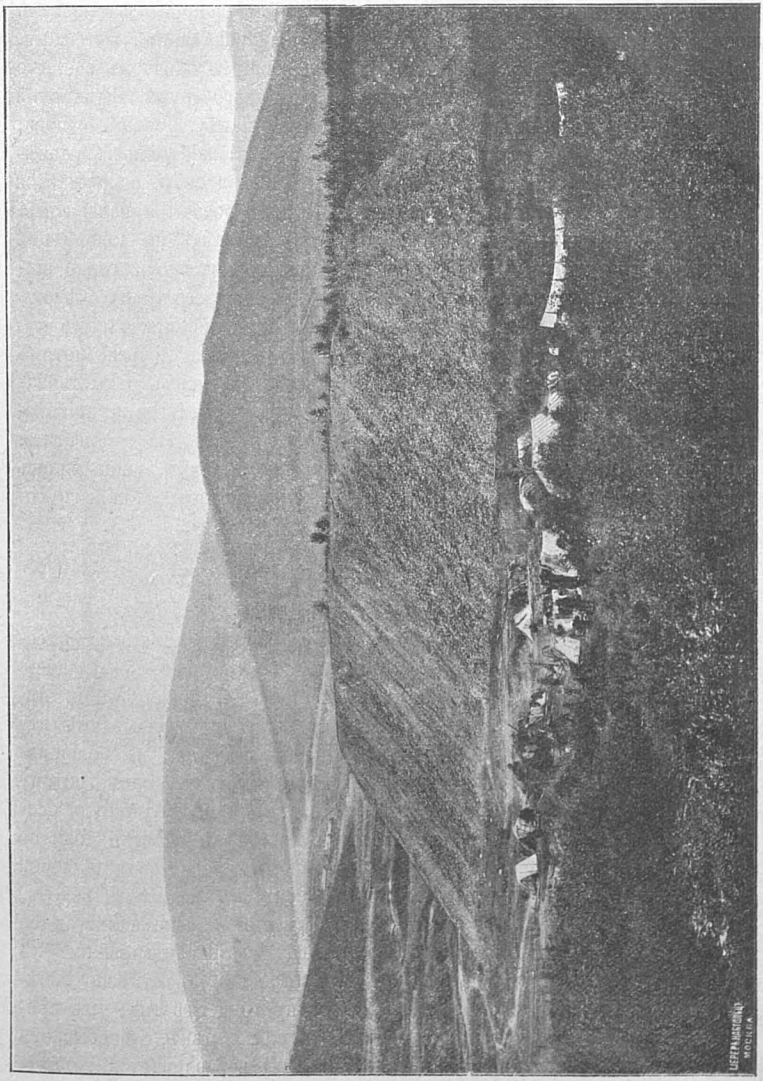
пріискѣ нужны и различные мастеровые. Изъ нихъ кузнецы и плотники нужны постоянно; кромѣ того, многихъ рабочихъ переводятъ съ земляной работы на различныя другія, напр., на рубку и распилку лѣса, заготовку дровъ, выдѣлку кожъ. Особые рабочіе нужны въ конюха—для присмотра за лошадьми, для возки почты, сопровожденія служащихъ и при ихъ поѣздкахъ. Женщины исполняютъ работу прислугъ и кухарокъ у служащихъ, а въ лѣтнее время, надѣвъ мужскія шаровары, занимаются часто и нетрудными мужскими работами, напр., отвозкой гальки отъ машины. Эту работу зачастую исполняютъ и мальчики-подростки.

И рабочіе, и служащіе на пріискахъ обыкновенно находятся на хо-

зяйскомъ содержаніи. Только служащіе иногда получаютъ особыя суммы на содержаніе. Чай, сахаръ, различные товары, какъ-то: ситецъ, холстъ, сукно, бродни, сапоги, азямы, шапки, табакъ, спички,—все это рабочій беретъ изъ пріисковаго магазина за свой счетъ, но при этомъ пріисковая администрація наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы рабочій не забиралъ лишняго и не залѣзалъ въ долгъ. Цѣны на все устанавливаются въ амбарѣ очень высокія. Амбаръ тоже доходная статья для золотопромышленника, такъ какъ торговцевъ всякій золотопромышленникъ имѣетъ право не допускать на пріискъ.

Работа, сонъ, ѣда—этимъ почти исчерпывается жизнь рабочаго въ будни. Если остается свободное время, надо его употребить на себя же: починить обувь, наладить инструменты и т. п. Разумныхъ развлеченій до самаго послѣдняго времени не существовало для рабочихъ. Въ праздники время идетъ на карты, пьянство, пляски, пѣніе и т. д.

До сихъ поръ вино—главное и единственное удовольствіе рабочихъ. Страсть къ вину такъ велика, что развила особый промыселъ—спиртоношество: отчаянныя головы везутъ въ тайгу вино окольными тропинками, чтобы сбывать его за деньги или за наворованное золото рабочимъ. Несмотря на то, что спиртоношество строго преслѣдуется, спиртоносы ухитряются снабжать рабочихъ виномъ, хотя самаго ужаснаго качества, неимовѣрно разбавленнымъ и за бѣшеную цѣну. Рабочій готовъ отдать за вино послѣднее. Но бѣда, если спиртоносы попадутся въ руки золотопромышленника. Съ ними не церемонятся. При поимкѣ пускается въ ходъ оружіе, и кровавыя расправы или жесточайшая порка случаются нерѣдко. Заработки рабочаго различны. Но иногда они достигаютъ солидныхъ размѣровъ; это въ томъ случаѣ, если на пріискѣ богатое подъемное золото. Такъ называется то крупное золото, которое подымается рабочими въ разрѣзѣ. Во избѣжаніе того, чтобы это золото не утаивалось, за него назначается особая плата, такъ что при нахожденіи большого самородка сумма можетъ быть очень значительной. Въ общемъ, однако, небольшія деньги выносятся рабочими съ пріиска. Задатокъ, а затѣмъ заборъ изъ пріисковаго амбара хлѣбомъ, мясомъ, товарами поглощаетъ большую часть заработка, а такъ какъ розсыпи на Алтаѣ не богаты и подъемнаго золота мало, то 50 руб.—это хорошая выдача при расчетѣ, бывающемъ 1-го октября. Послѣ расчета большая часть рабочихъ уѣзжаетъ съ пріиска большею частью съ тѣмъ, чтобы погулять въ «жиломъ мѣстѣ». Въ «зимовку» остаются только тѣ, которые получили мало додачи или остались должны. За разсчитавшимися изъ деревень пріѣзжаютъ крестьяне, привозя съ собою что-нибудь на продажу, а нерѣдко и вино, которое, конечно, тщательно прячется, еще не доѣзжая до пріисковъ, такъ что, благодаря этому, уже въ первые дни послѣ расчета карманы рабочихъ оказываются значительно облег-



Лагерь пріискателей.

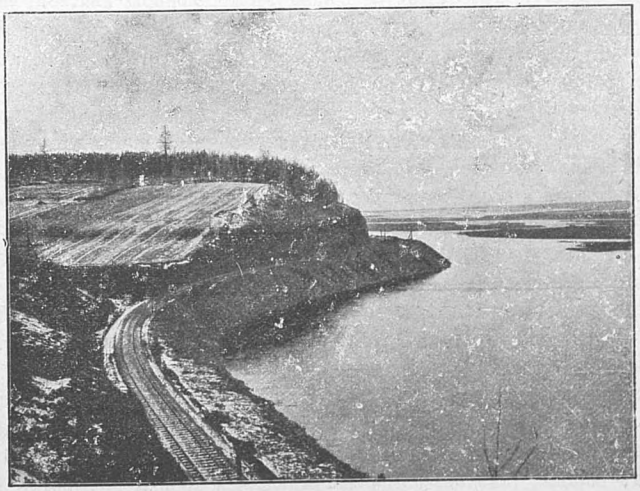
ченными. Выѣхавшій въ деревню рабочій гуляетъ и кутитъ напропалую. Во всѣхъ деревняхъ, въ которыя выѣзжаютъ рабочіе съ пріисковъ, многіе наживаются, эксплоатируя эту потребность рабочихъ въ разгулѣ послѣ тяжелаго труда. «Пріискатели» прославились своими кутежами. Въ нѣсколько дней спускается самымъ безобразнымъ образомъ все, что было заработано цѣлымъ годомъ тяжелаго, упорнаго труда. Выѣхавшій рабочій прежде всего покупаетъ себѣ мохнатую шапку, хорошіе сапоги, яркаго цвѣта опояску и вязаный гарусный шарфъ необъятныхъ размѣровъ, шьетъ широчайшія плисовыя шаровары и поддевку, вооружается гармоникой и безпросыпно пьянствуетъ. Деньги бросаются какъ соръ. Бывали случаи, что пріискатель заставлялъ разстилать по дорогѣ отъ кабака къ кабаку штуку ситца прямо въ осеннюю грязь и гордо шествовалъ по немъ грязными сапогами, а окружающая его толпа слѣдомъ за нимъ расхватывала и рвала этотъ ситецъ. Конечно, при такомъ кутежѣ немного нужно времени, чтобы спустить сначала деньги, потомъ свою франтовскую одежду и затѣмъ остаться въ жалкихъ лохмотьяхъ, а потому идти и снова наниматься на пріиски. Контингентъ пріисковыхъ рабочихъ поэтому болѣе или менѣе постояненъ. Надо замѣтить, что въ послѣдніе годы, послѣ улучшенія жизни рабочихъ, уменьшились и кутежи и нѣтъ уже тѣхъ поразительныхъ подвиговъ, о какихъ сохранились преданія.

Поѣздка въ Тункинскую долину.

(Н. Астырева.)

Озеро Байкалъ со всѣхъ сторонъ окружено горными кряжами, составляющими отроги Саянскаго хребта; эти же отроги, развѣтвляясь, заполняютъ собою почти весь юго-западный уголъ, образуемый р. Ангарой при истокѣ ея изъ озера. Не даромъ иркутяне называютъ эту рѣку «красавицей»: она дѣйствительно хороша мѣстами; но большинство патріотовъ-иркутянъ восхищается ею съ чужихъ словъ, потому что Ангара подъ Иркутскомъ не представляетъ собой чего-нибудь особеннаго, а величаво-хороша она именно тамъ, гдѣ и десятой доли ея восхвалителей никогда не бывало. Роскошные виды представляетъ собой Ангара далеко отъ Иркутска, не ближе десятковъ и сотенъ верстъ, тамъ, гдѣ горные кряжи, одѣтые густыми лѣсами, близко надвигаются съ обѣихъ сторонъ къ быстро несущимся водамъ, раскидывая имъ къ тому же препятствія въ видѣ каменныхъ острововъ съ отвѣсно обсѣченными боками, наподобіе крѣпостныхъ стѣнъ; или гдѣ она, уже принявъ въ себя съ десятокъ также довольно крупныхъ рѣкъ, отвоевываетъ у каменныхъ оградъ русло въ версту ширины и разливается тихимъ, прямымъ, какъ каналъ, плесомъ въ нѣсколько верстъ длиною. Хороша она также у самаго истока, гдѣ грозный Байкалъ какъ бы прорывается

сквозь обступившую его со всѣхъ сторонъ каменную стѣну и въ образовавшееся ущелье спѣшитъ вылить избытокъ своихъ водъ... А ихъ много, этихъ водъ—чистыхъ, какъ кристаллъ, и холодныхъ, какъ весенніе потоки, порожденные тающими снѣгами: цѣлая масса рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ ввергается въ Байкалъ съ горныхъ высотъ, а изъ него вытекаетъ одна только Ангара. У бурятъ существуетъ относительно этого остроумная аллегорія. «Разоряетъ дочка старика Байкала,—говорятъ они.—Сколько ни стараются сыновья его сносить ему со всѣхъ сторонъ добытыя ими богатства, а все растрачиваетъ мотовка Ангара, и не можетъ дальше богатѣть старикъ».



Желѣзная дорога по берегу Ангары.

При самомъ истокѣ Ангары изъ Байкала, среди шумящихъ ея водъ, стоитъ возвеличенный молвою «Шаманскій камень»; въ населеніи существуетъ повѣрье, что онъ, этотъ малюсенькій бѣлый утесикъ, едва-едва виднѣющійся изъ омывающихъ его водъ, сдерживаетъ напоръ всѣхъ водъ байкальскихъ и что придетъ время, когда онъ сдастся,—и тогда горе Иркутску: страшная водяная лавина ринется на городъ [1]) и смоетъ его, не оставивъ камня на камнѣ. Правда, подводная гряда утесовъ, образующихъ ложе рѣки при ея истокѣ, дѣйствительно служитъ краемъ чашки въ 600 верстъ длиною, которую представляетъ собой Байкалъ,

[1]) Иркутскъ отстоитъ отъ Байкала въ 60 верстахъ и расположенъ на низменномъ намывномъ берегу Ангары, которая въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ крутой изгибъ къ сѣверу.

но край этотъ является не хрупкою стѣнкой, а сплошною каменною массой, почвеннымъ материкомъ всей этой мѣстности, и маленькій утесикъ, интересный только тѣмъ, что вокругъ него, вслѣдствіе массы подводныхъ камней, оглушительно шумятъ и бурлятъ ангаро-байкальскія воды, слишкомъ жалокъ для того, чтобы играть роль вѣрнаго стража и спасителя всѣхъ прибрежныхъ селеній внизъ по Ангарѣ, а въ томъ числѣ и города Иркутска; тѣмъ не менѣе бурятская фантазія снабдила этотъ камень какими-то особенными таинственными силами и считаетъ его за самое священное мѣсто въ предѣлахъ района, обитаемаго бурятами: клятва, данная бурятомъ на Шаманскомъ камнѣ или хотя бы только въ виду его, считается самою торжественною клятвой, шутить которою никто изъ шаманистовъ не рѣшится; поэтому обвиняемый въ чемъ-нибудь важномъ, рѣшившійся совершить этотъ обрядъ, освобождается отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и обвиненій, и его невинность должна быть съ этихъ поръ внѣ всякихъ сомнѣній. Отъ бурятъ и русскіе переняли нѣкоторое суевѣрное уваженіе къ этому камню; многіе даже крестятся, проѣзжая мимо него въ лодкахъ.

Отправляясь изъ Иркутска на юго-востокъ, въ Тункинскую долину, мы пересѣчемъ Ангару только разъ на плашкотѣ [1]), подъ самымъ городомъ, и больше съ нею не встрѣтимся, а отъ озера Байкала увидимъ только самый южный заливъ его, у села Култукскаго. Но съ тѣми горными отрогами Саяна, которые обступаютъ Байкалъ и стѣсняютъ бѣгъ Ангары, мы начинаемъ имѣть дѣло со второй же дистанціи отъ Иркутска: мы будемъ безъ передышки то спускаться въ глубокія пади, отдѣляющія одну гору отъ другой, то карабкаться по длиннымъ и крутымъ подъемамъ на гряды этихъ хребтовъ. Тяжела эта дорога, но она вознаграждается чудными видами, которые раскидываются каждый разъ передъ вашими глазами, когда запыхавшаяся тройка почтовыхъ коней преодолѣетъ одинъ изъ такихъ подъемовъ. Далеко, куда только взоръ хватитъ, волнообразно высятся одна надъ другою то острыя, то округленныя вершины горъ и холмовъ, съ ногъ до головы одѣтыхъ таежною

---

[1]) Сибирскіе плашкоты по своему устройству существенно отличаются отъ обыкновенныхъ русскихъ поромовъ. Общее устройство плашкота напоминаетъ маятникъ: на длинномъ канатѣ, прикрѣпленномъ къ мертвому якорю, который опущенъ посреди рѣки, ходитъ отъ одного берега къ другому платформа, состоящая изъ двухъ лодокъ съ настилкой, носомъ обращенныхъ противъ теченія, и съ двумя большими рулями; канатъ поддерживается надъ водой десяткомъ и болѣе лодокъ, на которыхъ онъ покоится. Плашкотъ, отвязанный отъ пристани, напр., лѣваго берега, силою теченія отводится отъ нея; тогда рулямъ дается такое направленіе, чтобы струя ударяла въ правый бокъ плашкота, вслѣдствіе чего онъ направляется носами къ правому берегу и плавно подходитъ къ нему, дѣлая отъ 20 до 30 саженъ въ минуту Плашкоты удобны тѣмъ, что они требуютъ работы только одного человѣка—рулевого да еще развѣ причальщика, складывающаго и накидывающаго чалки на пристаняхъ.

растительностью, хмурою, угрюмою, но величавою въ своей несокрушимой мощи. На болѣе свѣтлыхъ фонахъ лиственницъ и березъ мрачными пятнами выдѣляются пушистыя пихты; высоко вздымаетъ къ небесамъ свои могучія вѣтви царь сибирскихъ лѣсовъ—роскошный кедръ; почти на одномъ уровнѣ съ нимъ красуются золотисто-зеленыя кроны его неразлучныхъ подругъ—гигантскихъ сосенъ; пониже, къ подножію горъ, тѣсно толпятся скромно одѣтыя чернички—короткоиглыя ели съ мшистыми стволами; и все это тянется изъ всѣхъ своихъ силъ въ высь, поближе къ источнику свѣта, блещущему въ лазурной вышинѣ,—солнцу, лучи котораго, однако, оказываются мѣстами безсильными пробить этотъ толстый покровъ хвои и теряются въ немъ, не достигая земли. Тихо кругомъ, какъ можетъ быть тихо только въ совершенно безлюдномъ мѣстѣ, вдали отъ всякаго мірского гомона и суеты; безмолвно стоятъ лѣсные гиганты, какъ бы удивляясь вашему дерзкому появленію среди нихъ,—развѣ изрѣдка прошумитъ порывъ полуденнаго вѣтра въ вершинахъ кедровъ и сосенъ; но здѣсь, внизу, въ вашемъ ничтожествѣ, вы не чувствуете ни малѣйшаго движенія воздуха: только такая буря, которая сокрушаетъ сотнями одряхлѣвшіе отъ старости лѣсные гиганты, имѣетъ достаточно силъ, чтобы проникнуть сквозь чащу до нижнихъ вѣтвей деревьевъ и привести ихъ въ колебаніе.

Любопытное зрѣлище представляетъ собою участокъ тайги, по которому пронесся разрушительный ураганъ: огромные стволы вѣковыхъ деревьевъ, аршина по два въ діаметрѣ, лежатъ рядами, вырванные съ корнемъ, всѣ верхушками въ одну сторону, какъ подкошенный бурьянъ; лѣсная дорожка вьется ужомъ между этими преградами, но не стѣсняется перекидываться черезъ менѣе крупные стволы, въ 10—12 вершковъ толщины, не огибая ихъ: такую лѣсину легко перешагнетъ привычная къ таежнымъ тропамъ верховая лошадь, да и легкія сани при помощи ямщика перевалятъ кое-какъ черезъ эту преграду, сначала поднявшись передкомъ къ небу, а потомъ ринувшись внизъ и тряхнувъ всѣ внутренности злосчастнаго путника; о колесныхъ же путяхъ сообщенія въ этихъ медвѣжьихъ участкахъ нечего пока и думать. Не легко ѣхать слабонервнымъ людямъ даже по культурнымъ трактамъ, въ родѣ кругобайкальскаго: высоко, высоко надъ головой вашей, когда вы ѣдете по узкимъ и глубокимъ падямъ, виднѣются облѣпившія скаты горъ огромныя деревья; снизу они кажутся небольшими вѣточками, воткнутыми шалунами-ребятишками, игры ради, въ рыхлую землю; масса такихъ же «вѣточекъ», сломанныхъ бурей или не удержавшихся по своей тяжести на каменистой почвѣ, не дававшей ихъ корнямъ уходить въ глубь и укрѣпляться, лежитъ на самыхъ скатахъ пади, задержанная въ своемъ паденіи еще стоящими деревьями. А сильный вѣтеръ шумитъ гдѣ-то тамъ, наверху... Вы смотрите туда, закинувъ голову назадъ, и

невольно соображаете, что останется отъ васъ и отъ всей вашей тройки, если такая пятнадцатисаженная вѣточка слетитъ съ этой стосаженной вышины въ то время, какъ вы здѣсь шагомъ карабкаетесь по подъему?

— А что, если такая вотъ штука да упадетъ на насъ?—спрашиваю я своего спутника, уже видавшаго сибирскіе виды на своемъ вѣку.

— Гм... да если еще въ самый глазъ угодитъ—плохо придется!—отвѣчаетъ невозмутимо философъ и аппетитно укладывается спать, отвернувшись въ уголъ повозки.

Но постепенно и вы привыкаете къ этому роду сильныхъ ощущеній и хладнокровно созерцаете нависшіе надъ вами стволы и узенькую полоску тракта, отдѣленную отъ глубокаго обрыва нѣсколькими жиденькими столбиками, изрѣдка разставленными, и крутые спуски съ высокихъ горъ, по которымъ вы мчитесь сломя голову, чтобы нагнать время, потерянное на медленный подъемъ шагомъ въ эту же гору.

Въ Сибири ямщики возятъ, вообще, совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлаютъ ихъ далекіе собратья по профессіи на захолустныхъ почтовыхъ трактахъ Европейской Россіи: русскій ямщикъ любитъ ѣздить ровненькой рысцой, верстъ по 8 въ часъ, рѣдко болѣе; устанутъ слабыя лошаденки, онъ ѣдетъ шагомъ, а потомъ опять трусцой, выматывая душу у нетерпѣливаго сѣдока. Сибирскій средній ямщикъ имѣетъ крѣпкихъ коней и дѣлаетъ на нихъ по 11—12 верстъ въ часъ (попадаются, конечно, такіе, которые едва-едва натягиваютъ узаконенныя 10 верстъ, но есть зато лихачи, отмахивающіе по 15-ти и 18-ти; но тѣ и другіе представляютъ собой исключеніе), никогда не пуская лошадей шагомъ, кромѣ какъ на длинныхъ и крутыхъ подъемахъ,—маленькіе же онъ «беретъ» однимъ духомъ, пуская всю тройку вскокъ. Онъ ѣдетъ все время крупною рысью и пользуется спусками, чтобы превратить эту рысь въ бѣшеную скачку, лишь бы кони поспѣли за раскатившеюся телѣгой; а чтобы дать вздохнуть лошадямъ, онъ одинъ или два раза на протяженіи станка, смотря по длинѣ его (обыкновенный станокъ—верстъ 20—25, но есть и въ 30—35 верстъ), останавливаетъ ихъ, слѣзаетъ съ козелъ, поправляетъ упряжь, выкуриваетъ трубочку и послѣ 3—5 минутъ отдыха вскакиваетъ на свое мѣсто и съ какимъ-нибудь возгласомъ, въ родѣ: «Эхъ, милыя, царапайся!»—летитъ въ атаку на новый горный подъемъ. Такая ѣзда гораздо веселѣе и удобнѣе для пассажировъ. Пріемы ямщиковъ до нѣкоторой степени характеризуютъ самый нравъ населенія какъ россійскаго, уже привыкшаго къ умѣренности и бережливости, такъ и сибирскаго, еще имѣющаго много случаевъ показать свою удаль, менѣе дорожащаго «животиной», которую ему, богачу по сравненію съ русскимъ, гораздо легче и нажить и прожить. Много вліяетъ въ этомъ отношеніи и самая огромность разстояній сибирскихъ: съ нынѣшней русской ѣздой тамъ далеко не уѣдешь.

Но вотъ и Култукъ—селеніе десятковъ изъ семи дворовъ, притиснутое горными кряжами къ самому Байкалу. Отсюда представляется роскошный видъ на это сибирское «море»: опоясывающіе его хребты тянутся по обѣ стороны вдаль, сначала чистые, потомъ постепенно становясь фіолетовыми, и наконецъ сливаются съ голубою далью, только слегка вырѣзываясь изъ нея на правомъ берегу нѣжно серебристою полосой своихъ оголенныхъ вершинъ, называемыхъ поэтому «гольцами». Какъ зеркало спокойно озеро; легкою дымкой затянутъ горизонтъ; спокойно все кругомъ, мертвенно-спокойно, ни одной лодочки не видно на дремлющихъ водахъ Байкала, куда глазъ хватаетъ; вся эта величавая

По кругобайкальскому тракту.

тишь свидѣтельствуетъ о томъ, что человѣкъ здѣсь еще только гость, что онъ далеко не полный хозяинъ этихъ огромныхъ пространствъ, побѣдоносно у него отстаивающихъ до сихъ поръ свою независимость.

Но то, чѣмъ вы, заѣзжій человѣкъ, такъ любуетесь и восхищаетесь, составляетъ предметъ тихой ненависти култуковцевъ: въ окружающихъ ихъ горахъ они находятъ едва-едва по три-четыре десятины на дворъ годной подъ пашню земли; тайга высылаетъ на ихъ немногочисленныя стада хищныхъ звѣрей; Байкалъ годъ отъ году даетъ имъ меньше рыбы... Поэтому-то житель култукскій занимается десяткомъ другихъ дѣлъ, кромѣ земледѣлія, замѣняя одно другимъ, смотря по времени года: онъ ходитъ въ извозъ и содержитъ постоялые дворы весною и осенью,

когда черезъ Байкалъ нѣтъ ни саннаго пути, ни пароходнаго сообщенія; онъ охотникъ позднею осенью и зимою; онъ собираетъ кедровые орѣхи въ сентябрѣ; онъ рыболовъ лѣтомъ и онъ... контрабандистъ круглый годъ. Послѣднее его занятіе обусловлено слѣдующимъ обстоятельствомъ: въ Култукѣ помѣщается таможня, преграждающая доступъ по кругобайкальскому тракту въ Иркутскую губернію китайскимъ товарамъ, обращающимся безпошлино въ Забайкальѣ; но култуковцы знаютъ, кромѣ тракта, потайныя горныя тропинки въ своихъ гольцахъ, а таможенныхъ досмотрщиковъ немного и люди они пришлые, съ мѣстностью незнакомые; такъ почему же,—разсуждаютъ култуковцы, самою природой, ихъ окружающею, осужденные на промысловый, не земледѣльческій образъ жизни,—почему же и не заработать исподволь, въ теченіе года, по нѣсколько десятковъ рублей на брата за счетъ казны, которая и такъ богата?... И зарабатываютъ понемногу, пропорціонально ловкости и удали каждаго.

До сихъ поръ, до Култука, вы ѣхали въ юго-восточномъ направленіи отъ Иркутска; теперь кругобайкальскій трактъ остается у васъ въ сторонѣ, онъ начинаетъ загибать къ сѣверу, въ обходъ моря; вы же круто сворачиваете къ юго-западу: эти два направленія пути въ Тунку и прямой уголъ, ими образуемый, обусловливаются теченіемъ рѣки Иркута, который описываетъ большіе зигзаги, пробираясь между горными кряжами. Рѣка эта довольно большая, но совершенно неудобная для судоходства, по случаю массы пороговъ и каменистыхъ островковъ; берега ея круты и высоки: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она течетъ, или вѣрнѣе бурлитъ, между двумя совершенно отвѣсными стѣнами, образующими подобіе обширнаго коридора. Тункинская долина, въ которую вы теперь направляетесь, составляетъ прирѣчную низменность Иркута и другой рѣчки Тунки, впадающей въ Иркутъ; долина эта, то суживающаяся до 2—3 верстъ сдвигающимися хребтами гольцовъ, которые тянутся по обѣимъ ея сторонамъ, то расширяющаяся до 15—20 верстъ, чтобы опять сузиться къ южному ея концу,—долина эта какъ бы отрѣзана цѣлою массой горныхъ перевалovъ отъ болѣе сѣверныхъ, ровныхъ и низменныхъ районовъ Иркутской губерніи, сравнительно густо заселенныхъ. Черезъ эти горные перевалы, глубокія пади и шумящія рѣчки приходится ѣхать еще полтора перегона. Каждый разъ, какъ въѣзжаешь на какую-нибудь гору, глядишь и глазъ оторвать не можешь отъ чудеснаго вида на тункинскіе гольцы, или «бѣлки», какъ ихъ называютъ по той ихъ особенности, что снѣгъ на вершинахъ ихъ, въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ солнечныхъ лучей, сохраняется почти круглый годъ: онъ сходитъ только недѣли на двѣ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля мѣсяцевъ; такимъ образомъ эти бѣлки съ нѣкоторою натяжкой могутъ быть причислены къ разряду горъ, достигающихъ линіи вѣч-

ныхъ снѣговъ. Но еще одна особенность выдѣляетъ ихъ изъ числа другихъ горныхъ хребтовъ этой мѣстности, именно: тункинскіе бѣлки не имѣютъ характерно выраженныхъ предгорій и сразу вырастаютъ весьма крутыми или даже почти отвѣсными склонами на ровной низменной долинѣ, не представляющей собой мѣстами сколько-нибудь замѣтныхъ повышеній до самаго подножія хребта; это особенно бросается въ глаза въ нѣкоторыхъ уголкахъ Коймарской долины, болотистой и кочковатой, прорѣзанной множествомъ рѣчекъ и ручьевъ; вы можете мѣстами вплоть подойти къ самому хребту гольцовъ и, не нагибаясь, коснуться руками твердыни, вздымающейся къ небесамъ передъ самымъ лицомъ вашимъ.

Помню, однажды вечеромъ, когда уже было темно, я пріѣхалъ въ одинъ бурятскій улусъ, самый дальній изъ тѣхъ, которые расположены въ мѣстности, называемой Коймарами, и, какъ мнѣ говорили, лежащій всего въ 2—3 верстахъ отъ подножія бѣлковъ; переночевавъ, я при первомъ проблескѣ зари вышелъ изъ избы... и замеръ, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ: прямо передо мною, подавляя своей массой, высилась и ширилась, покуда глазъ хваталъ, огромная каменная громада, еще мрачная внизу, гдѣ царствовали предутреннія сумерки, и уже начинавшая свѣтлѣть на высотѣ,—тамъ, гдѣ клубились, свертывались, развертывались и извивались, какъ гигантскія змѣи, длинныя полосы и мягкія толщи утренняго тумана. Граница мрака постепенно спускалась книзу, уступая свѣту, и каменная громада все ярче окрашивалась въ цвѣта радости и юности—розовый и голубой, кое-гдѣ разрывалась на время завѣса тумановъ, давая возможность жадно заглянуть туда, въ манящую высь, гдѣ гордо красовались, ослѣпительно сіяя подъ лучами утренняго солнца, остроребрыя вершины хребта; синими и темно-фіолетовыми полосами въ видѣ геометрическихъ фигуръ, преимущественно треугольниковъ, обращенныхъ однимъ угломъ книзу, вырисовывались ущелья и разсѣлины, составляя эффектные контрасты съ свѣтлыми бликами вершинъ; и всему этому калейдоскопическому рисунку мрачныхъ и нѣжныхъ, темныхъ и яркихъ красокъ служило фономъ блѣдно-голубое утреннее небо... Картина была роскошная, способная поразить своими эффектами жителя равнинныхъ, однообразныхъ мѣстностей Россіи; хотѣлось бы вѣчно глядѣть на эту величавую красоту горныхъ вершинъ, наблюдать переливы красокъ и тѣней на ихъ выступахъ и въ разсѣлинахъ, хотѣлось громко восторгаться изяществомъ то волнообразной, то причудливо изломанной линіи контура хребта, какъ будто рѣзцомъ проведенной на лазурномъ фонѣ небесъ.

— Какъ хорошо!—невольно воскликнулъ я. Стоявшій со мною бурятъ удивленно посмотрѣлъ на меня, потомъ радостно улыбнулся; онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и сочувственно отвѣтилъ мнѣ на своемъ ломаномъ языкѣ:

— Больша, ухъ кака больша гора! Но худой гора, звѣрь мало, промишлять ходить далеко надо, за гора...

Послѣдній спускъ съ горнаго хребта, кольцомъ обхватившаго Тунку,—и вотъ вы въѣзжаете въ эту долину, гдѣ протекаютъ рѣки Иркутъ, Тунка, Талая, Ахаликъ, Комгырга и десять другихъ. Всѣ онѣ имѣютъ горный характеръ: въ обыкновенное время скромно шумящія въ своихъ каменныхъ руслахъ, онѣ въ сильные дожди или въ періодъ таянія снѣговъ въ горахъ обращаются въ бѣшеные горные потоки, которые съ шумомъ и ревомъ ворочаютъ и уносятъ съ собою громадные камни, по аршину въ діаметрѣ и болѣе, рвутъ прибрежныя деревья съ корнемъ, сносятъ безчисленныя маленькія мельнички, устроенныя на нихъ, и прерываютъ всякое сообщеніе, потому что мостовъ здѣсь почти нѣтъ,— безполезно и разорительно было бы ихъ дѣлать тамъ, гдѣ ѣздятъ исключительно верхомъ и гдѣ обычной постройки мосты могутъ продержаться лишь до перваго паводка.

Въ Саянскихъ горахъ.

(Н. Астырева.)

Еще въ Иркутскѣ я слышалъ, что на р. Удѣ, выше села Солонцовъ, есть удивительныя пещеры. 4 декабря 1888 года мы пріѣхали въ Солонцы, сговорились съ проводниками, крестьянами Шуртовыми, а на слѣдующій день рѣшили выѣхать часа въ три ночи, чтобы успѣть засвѣтло окончить осмотръ пещеръ и выѣхать до ночи въ обратный путь. Всѣ приготовленія кончены были еще съ вечера.

Сибирская плохо построенная изба успѣла за ночь сильно нахолодать. Когда меня осторожно разбудилъ хозяинъ и я, при мгновенно воскресшей мысли о предстоящемъ удовольствіи, хотѣлъ было тотчасъ же высвободиться изъ-подъ овчиннаго тулупа, то меня сразу кинуло въ дрожь, и я юркнулъ назадъ въ нагрѣтое гнѣздо.

— Оно точно, стыдь порядочная,—говорилъ сконфуженно мой хозяинъ Игнатъ Алексѣичъ.—Однако хозяйка сичасъ желѣзную печь затапливать будетъ, такъ изба живо нагрѣется.

Я ухватился за этотъ предлогъ и съ наслажденіемъ еще плотнѣе укутался овчиной. Хозяйка громыхала полѣньями о стѣнки желѣзной печи; скоро послышался шипъ и трескъ мерзлыхъ лиственничныхъ дровъ; фантастическіе отблески пламени начали перебѣгать по стѣнамъ комнаты, въ тщетныхъ усиліяхъ разогнать ночной мракъ. Игнатъ то и дѣло хлопалъ дверями, готовясь въ путь: онъ былъ однимъ изъ двухъ ямщиковъ, взявшихся насъ везти. Его хозяйка спѣшно управлялась за перегородкой съ самоваромъ и съ жареньемъ пирожковъ къ чаю. Надо вставать!... Я зажегъ свѣчу, досчиталъ до пяти и сразу вскочилъ, торопясь надѣвать валенки и теплое платье. Тѣмъ временемъ отъ печи стало уже

нести тепломъ, а ночной мракъ испуганно спрятался въ самые дальніе углы нашей горницы, за сундуки, за шкапъ и наваленныя кучей дорожныя наши вещи. Товарищъ все еще спалъ.

Зная по себѣ, какъ отрезвляюще дѣйствуетъ на заспавшагося человѣка чувство холода, я сдернулъ съ него доху. Онъ протестовалъ слабо, съ сознаніемъ правоты моихъ дѣйствій; весело пыхтѣвшій и фыркавшій самоваръ, внесенный хозяйкой, окончательно вселилъ въ него рѣшимость, не откладывая дѣла, приступить къ началу хлопотливаго дня.

Мы допивали чай и доѣдали горячіе, плававшіе въ маслѣ пирожки, камнемъ ложащіеся на желудокъ непривычнаго къ сибирскому меню человѣка и только бодрящіе бывалаго странника, когда раздался звонъ бубенцовъ подъ окнами, фырканье лошадей и скрипъ морознаго снѣга подъ полозьями останавливающихся саней.

Мы вышли садиться. Озябшіе кони нетерпѣливо фыркали, перебирая ногами и позвякивая бубенцами. Фигуры Шуртовыхъ, облеченныхъ поверхъ полушубковъ въ огромные бараньи тулупы, съ обширными малахаями на головѣ, съ ружьями за спиной, поразили насъ своимъ великолѣпіемъ и громадностью: мы едва узнали въ этихъ мастодонтахъ нашихъ вчерашнихъ знакомыхъ, скромно ежившихся на табуреткахъ и отказывавшихся отъ дальнѣйшаго угощенія послѣ каждой выпитой чашки. Сѣдла, топоры и проч. были сложены къ нимъ въ розвальни; въ нашей легонькой кошевочкѣ лежали только мѣшокъ съ провизіей и драгоцѣнная бутылка съ виномъ, о цѣлости которой особенно любовно заботился Игнатъ.

— Готовы?... Трогай!—раздалось съ переднихъ саней. Быстро замелькали мимо немногочисленные домишки села Солонецкаго; вотъ и послѣдній.

Крутой поворотъ направо, куча мелкаго снѣга, взметеннаго ногами коней и раскатившейся кошевкой, и вотъ—едва проложенная, но легкая дорожка по мелколѣсью. Хотъ холодно, но хорошо! Полный мѣсяцъ разливаетъ предутренній молочно-серебристый свѣтъ, тихо трепещущій надъ глубоко задумавшимися полянами и перелѣсками; звѣзды усиленно мерцаютъ, стараясь проникнуть своими нѣжными лучами черезъ толщу луннаго тумана, окутавшаго землю; тишина, властвующая въ этомъ заколдованномъ краѣ, не уступаетъ даже веселому звону бубенцовъ и окрику ямщиковъ: такъ и чувствуется, что нашъ поѣздъ оживляетъ лишь крошечное пространство, со всѣхъ сторонъ тѣснимое громадой самоувѣренной тиши, вѣками накоплявшейся въ тайникахъ этихъ боровъ и логовъ.

Воротникъ тулупа быстро покрывается непріятнымъ куржакомъ; глаза рѣжетъ какъ ножомъ, и слезы повисаютъ на рѣсницахъ, превращаясь въ льдинки; носъ надо отъ времени до времени внѣдрять въ нагрѣтыя

шеей боковыя части воротника; боишься шевельнуть рукою или ногою, чтобы не пустить подъ одѣвающую насъ кошму струю непрошеннаго двадцатиградуснаго мороза. И тѣмъ не менѣе такъ весело и легко на душѣ, какъ рѣдко бывало даже во время наиболѣе комфортабельныхъ переѣздовъ по лучшей дорогѣ въ просторныхъ, крытыхъ санях. Радуешься тому, что впереди—цѣлый день неиспытаннаго удовольствія, цѣлый рядъ новыхъ ощущеній.

Предстояло сдѣлать верстъ тридцать или тридцать пять. Первая треть пути шла по мѣстности, носившей еще на себѣ слѣды близости человѣка: тамъ и здѣсь попадались еще небольшіе зароды накошеннаго сѣна; на краю поляны виднѣлся иногда легкій балаганъ изъ большихъ кусковъ коры лиственницы, которыми обкладываютъ остовъ изъ жердей, составленныхъ въ конусъ; полотно дороги достаточно ясно выдѣлялось изъ окружавшихъ ее пространствъ лѣса, луговъ и болотъ; въ двухъ-трехъ мѣстахъ оказались даже легкіе мосточки, переброшенные черезъ топкіе въ лѣтнее время ручьи. Но вотъ пошла настоящая дичь: ни одного саннаго слѣда, ни признака человѣка; дорога—тамъ, гдѣ стоящія и лежащія деревья даютъ возможность проѣхать; а гдѣ ихъ мало, тамъ еще легче сбиться съ прямого пути, и ямщики ѣдутъ наугадъ или руководствуются затесами на деревьяхъ, сдѣланными топоромъ любителей-рыболововъ, которые изрѣдка, разъ въ два года, проѣзжаютъ этой глухой тропой на одинъ рыбный плесъ р. Уды. Вверхъ, внизъ по пригоркамъ, опять вверхъ, внизъ,—и чудится, что этой вереницѣ пригорковъ и лѣсныхъ гигантовъ конца не будетъ... Кошевка переваливается съ боку на бокъ, круто вздымается на лѣсину, лежащую поперекъ нашего пути, обрывается съ нея внизъ, издавая зловѣщій хрякъ, но мы—уже опытные путники, сидимъ твердо, прижавшись всѣмъ корпусомъ въ уголъ и упираясь ногами въ передокъ: принявъ такія мѣры предосторожности, мы вылетимъ въ снѣгъ только въ томъ случаѣ, если кошевка перевернется вверхъ дномъ.

Вотъ и солнце взошло, брызнувъ золотыми лучами по ослѣпительно-бѣлому покрову земли и деревьевъ.

— Эхъ, поздненько въ дорогу собрались,—какъ бы не опоздать!—замѣчаетъ въ унисонъ нашимъ мыслямъ Игнатъ.

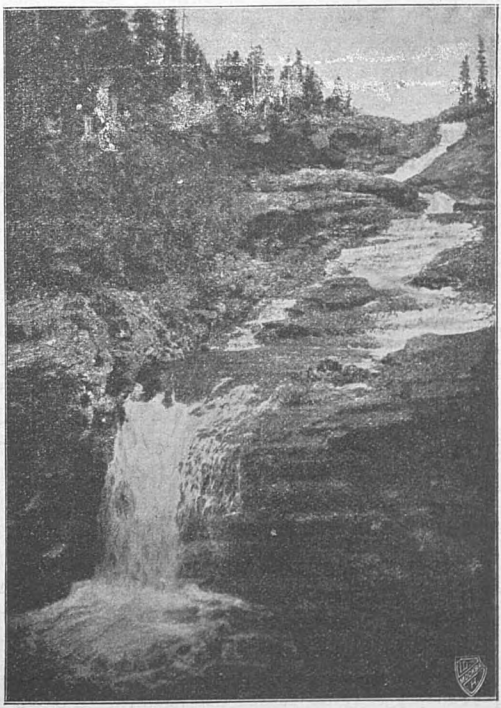
— А что, далеко еще осталось?

— Да верстами-то недалече, а главное-то дорожка поиспортится, вотъ, какъ спускаться начнемъ, тутъ плохое мѣстечко будетъ...

Еще поиспортится?!.. А намъ думалось, что мы вкусили уже отъ предѣльныхъ неудобствъ таежной дороги!..

Да, все въ мірѣ относительно,—въ этомъ я еще разъ убѣдился, когда начался спускъ по дну каменистой пади. Онъ тянулся только съ версту, но дѣлали мы его не меньше часа. Огромные камни, на кото-

рые приходилось втаскивать и съ которыхъ мы на рукахъ спускали кошевку, преграждали путь; трещины и рытвины—на каждомъ шагу; незамерзшій еще горный ручеекъ, журчащій въ глубинѣ каменнаго, въ аршинъ шириною, канала; черезъ этотъ каналъ прыгали мы—люди, лошади, сани—одни граціознѣе другихъ, и хлопъ! кто-нибудь оступается и падаетъ, вызывая общій веселый хохотъ. Послѣ первой же сотни шаговъ стало такъ жарко, что тулупъ надо было бросить въ сани, но и подъ легкимъ полушубкомъ-пиджакомъ потъ струился градомъ.



Видъ въ Саянскихъ горахъ.

Чѣмъ глубже мы спускались, тѣмъ красивѣе становились бока пади. Все выше и выше уходили отъ насъ, купаясь въ золотѣ утренняго солнца и въ блѣдной бирюзѣ чистаго неба, лѣсные гиганты, свѣсившіеся надъ самыми краями каменныхъ утесовъ. Здѣсь, внизу, еще царятъ предутреннія сумерки, еще таятся ночныя тѣни, а глянешь вверхъ—все тамъ залито блескомъ, нестерпимымъ для незащищеннаго глаза. А впереди все шире и шире становится панорама долины р. Уды: лѣсокъ внизу, широкая, налѣво и направо скрывающаяся за боковыми утесами бѣлоснѣжная лента рѣки, высокія и мрачныя, темной тайгой опушенныя горы напротивъ, спускающіяся къ рѣкѣ почти отвѣсной стѣной. Въ правомъ углу картины виднѣлась коническая вершина этой гряды, господствующая надъ всей мѣстностью.

— Вотъ, въ этой самой вершинѣ пещеры и есть; только ихъ не видать снизу,—говоритъ Константинъ Шуртовъ.

Но меня сейчасъ занимаютъ не отдаленныя еще и къ тому же не-

видныя пещеры, а утесъ, стоящій налѣво, у устья пади, и представляющій рѣзкій контрастъ своимъ ярко-краснымъ цвѣтомъ съ окружающими его сѣрыми, зелеными и голубыми тонами лѣсной растительности и неба. Будто циклопы сложили эту громаду изъ правильно обтесанныхъ камней: ясно видны снизу прямоугольныя трещины, отдѣляющія одинъ циклопическихъ размѣровъ кирпичъ отъ другого; хорошо сохранился отвѣсъ стѣнъ, но парапетъ ихъ и бастіоны уже разрушаются: по угламъ ихъ происходитъ осыпь измельченныхъ вѣтромъ и водою буро-красныхъ желѣзистыхъ породъ песчаника, а край стѣны уже глубоко изрѣзанъ мощною рукою времени, представляя рядъ неправильной формы зубцовъ. На противоположной сторонѣ устья пади также высится утесъ, но не столь грозный, съ округленными формами и одѣтый растительнымъ покровомъ. Позади насъ, въ вершинѣ пади, откуда мы только что спускались, эти два удинскихъ стража медленно сдвигаются, сжимая отдѣляющее ихъ другъ отъ друга пространство—высохшее ложе горнаго потока.

Я безмолвно удивлялся этой суровой картинѣ чисто сибирской природы, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ. Его звукъ глухо и лѣниво поползъ въ глубину пади и съ утроенной силой вернулся оттуда, перекатываясь отъ одного утеса къ другому. Это младшій Шуртовъ догадался познакомить насъ съ извѣстнымъ ему эффектнымъ эхо этой мѣстности.

Сѣли въ кошевку и быстро помчались по низменной береговой полосѣ Уды; небольшой прыжокъ на ледъ рѣки, еще полверсты до другого берега, и вотъ мы на мѣстѣ. Надо устраиватъ станъ.

Лошади отпряжены и стоятъ въ сторонѣ. Веселый огонь шипитъ и трещитъ въ кострѣ, искусно сложенномъ опытными въ этомъ дѣлѣ таежниками; повѣшенный на сошкахъ мѣдный чайникъ сейчасъ закипитъ; всѣ мы сидимъ, поджавъ ноги, на кошмахъ вокругъ разложенной на тюменскомъ коврѣ провизіи. Какъ вкусна разогрѣтая на угляхъ баранина, какъ хорошо пробѣжалъ по жиламъ глотокъ изъ тщательно сохраненной Игнатомъ бутылки! Челюсти всѣхъ такъ усердно жуютъ, что разговоры ведутся самые отрывочные. А вотъ и чай, горячій-горячій, въ чашкахъ, ручки которыхъ холодны какъ ледъ!.. Никогда ни одинъ культурный пикникъ не проходилъ для меня такъ радостно, какъ этотъ незатѣйливый завтракъ въ глуши нижне-удинской тайги, въ тридцати верстахъ отъ ближайшаго жилья!

— Однако собираться надо,—говоритъ старшій Шуртовъ:—тутъ еще добрыхъ версты три будетъ.

Оба ямщика объявляютъ свое намѣреніе также посмотрѣть пещеры: «въ кои-то вѣки доведется быть еще, а може и вовсе не доведется!»

Но такъ какъ лошадей всего четыре, то сверхкомплектнымъ экскурсантамъ придется идти пѣшкомъ.

— Ничаго,—говоритъ, радостно ухмыляясь, Игнатъ,—мы отъ васъ не отстанемъ: въ гору-то не дюже шибко и вы поѣдете!

Лошади осѣдланы; мы садимся; раздаются послѣдніе окрики: «свѣчи взяли? веревки гдѣ?.. Ахъ, грѣхи,—веревку вѣдь забыли!.. Ну, вожжу давай! А топоръ?.. Ладно, пошелъ!» На стану вещи остаются раскиданными: ихъ берется стеречь суровый стражъ—сама тайга; только баранину и хлѣбъ на всякій случай подвѣсили въ мѣшкѣ на сукъ.

Начинается довольно крутой подъемъ по заросшей лѣсомъ горѣ. Четверо всадниковъ ѣдутъ то въ хвостъ одинъ другому, то выбирая каждый себѣ путь по вкусу. По сторонамъ смотрѣть почти некогда: надо зорко слѣдить за конемъ, чтобы не удариться колѣномъ о дерево, надо глядѣть въ оба, чтобы вытянувшейся вѣткой на исцарапать себѣ лица. Двое пѣшихъ туристовъ пошли кратчайшей дорогой къ намѣченному пункту встрѣчи по болѣе крутому подъему: мы ихъ давно потеряли изъ вида, и я высказываю свое безпокойство о нихъ Константину Шуртову.

— Они-то заблудятся? Чай, на промыселъ тоже не одинъ годъ уже ходятъ. Раньше нашего дойдутъ.

Кругомъ тайга; даже полотно рѣки и противоположный низкій берегъ, все уходившій вглубь, по мѣрѣ того какъ мы поднимались, скрылись у насъ изъ виду. Тѣмъ не менѣе, пріѣхавъ какъ разъ на условленный пунктъ, къ выдающемуся на рѣку уступу горы, мы застали уже на мѣстѣ нашихъ пѣшеходовъ, мирно покуривавшихъ трубочки. Здѣсь надо было спѣшиться, привязать коней и дальше идти уже пѣшкомъ.

Мы вышли на самый край уступа и по узенькому карнизу стали огибать вершину горы, еще высоко поднимавшуюся надъ нами. Сначала было недурно идти; но чѣмъ дальше, тѣмъ карнизъ становился уже и, наконецъ, сошелъ на нѣтъ: приходилось идти по очень крутому косогору, градусовъ 60-ти наклономъ, имѣя надъ головой массивъ каменной отвѣсной громады, а внизу, на стосаженной глубинѣ, ледъ рѣки Уды. Весь откосъ покрытъ былъ мелкимъ листвякомъ; крупныхъ деревъ не было, потому что мелкій слой почвы не выдерживалъ большой тяжести, и переросшее норму дерево, вырванное съ корнемъ первой значительной бурей, падало, увлекая съ собой еще нѣсколько сосѣдей и ломая встрѣчный молодятникъ; тамъ, далеко внизу, лежали цѣлые ряды и баррикады этихъ жердей. По словамъ Шуртовыхъ, лѣтомъ было удобно подниматься по откосу прямо съ рѣки, цѣпляясь за эту поросль; но зимой она служила плохую службу: ставъ хрупкими отъ мороза, мелкія деревца ломались подъ рукой какъ гнилушки, и только обманывали насъ. Снѣгъ, сравнявшій подъ общей пеленой всѣ впадины и выступы, еще болѣе мѣшалъ успѣху нашего движенія: ноги скользили, руки без-

успѣшно цѣплялись за жидкіе пучки травы, выглядывавшіе изъ-подъ снѣга, и неуклюжія фигуры туристовъ въ полушубкахъ и катанкахъ одна за другой сползали на нѣсколько саженъ внизъ, до перваго серьезнаго препятствія—остроребраго камня или полувзрослой листвены, крѣпче другихъ сидящей въ трещинѣ скалы.

Наши вожаки справлялись съ трудностями пути, конечно, болѣе удовлетворительно, нежели мы, и далеко ушли впередъ; ямщики, не взявшіе на себя никакой обязанности по отношенію къ намъ, также хлопотали только о себѣ; и вотъ мы съ товарищемъ остались въ самомъ хвостѣ экспедиціи. Напрасны были наши окрики: шедшіе впереди не слышали ихъ, поглощенные интересомъ минуты, или не обращали на нихъ вниманія... Наконецъ, случился эпизодъ, доказавшій мнѣ, что «дѣло такъ идти дальше не можетъ»: товарищъ поскользнулся и повисъ на рукѣ, вытянувшись во всю длину своего тѣла по откосу и безпомощно болтая ногами; я, желая придти къ нему на помощь, уперся на поднятый съ земли сукъ и... хрясъ! сукъ разлетается на мелкіе куски, а я, перекувырнувшись, совершаю на спинѣ большое путешествіе книзу...

Не знаю, какъ далеко я отклонился бы отъ истиннаго направленія пути, если бы мнѣ не встрѣтилась благодѣтельная преграда въ видѣ поперекъ лежавшаго ствола лиственницы, упиравшагося о молодыя, вертикально росшія особи. Почувствовавъ, что мое непроизвольное путешествіе закончилось, я оглянулся: не за что ухватиться рукой, не на что поставить ногу, да и пошевелиться даже боязно; а тамъ, повыше, все еще безпомощно виситъ на рукахъ мой спутникъ.

— Шуртовы!... Игнатъ!...—взываемъ мы. Ни отклика, ни звука!.. Я проникаюсь важностью минуты, энергично вынимаю изъ чехла револьверъ и дѣлаю два выстрѣла. Это дѣйствуетъ: сначала слышатся окрики, а потомъ изъ-за одного выступа скалы показываются и наши усердные проводники.

— Вы что жъ это насъ бросили? Развѣ можно такъ?—говорю я по возможности строже, игнорируя наше комично-горестное положеніе, когда они помощью вожжей принялись извлекать насъ.

— Да мы, что жъ?.. Дорожка, думали, одна: сбиться, значитъ, некуда,—спокойно дойдете; а поди жъ ты вотъ, какая оказія приключилась!

— То-то оказія!.. Нѣтъ, пріятели, теперь вотъ какъ: одинъ изъ васъ ступай впередъ, а другой—позади насъ. Этакъ намъ много спокойнѣе будетъ.

Дѣйствительно, при новомъ расположеніи силъ экспедиція пошла значительно успѣшнѣе впередъ, и черезъ четверть часа мы стали уже твердой ногой на ровную платформу, сдѣлавъ около трехъ четвертей версты (по глазомѣру) вдоль этого памятнаго для насъ карниза.

— Вотъ, здѣсь и есть входъ въ малую пещеру; вотъ онъ!—указалъ Константинъ на зіявшую въ толщѣ горы, какъ ночь темную, щель.

Я оглянулся предварительно кругомъ—и забылъ на время о пещерѣ; было чѣмъ залюбоваться.

Глубоко внизу подъ нами тянулась бѣлая лента Уды: направо она уходила вдаль, налѣво кругомъ загибала подъ береговыми утесами и терялась въ цѣломъ рядѣ коническихъ вершинъ, обступившихъ ее съ обѣихъ сторонъ. Вся мѣстность, сколько могъ обнять глазъ, была заставлена этими громадами: изъ-за ближайшихъ, суровыхъ и мрачныхъ, выглядывалъ второй рядъ, уже болѣе свѣтлыхъ тоновъ, а тамъ, заслоняя горизонтъ, вырисовывались на голубоватомъ фонѣ неба бѣлыя остроребрыя пирамиды Саянскихъ хребтовъ. Тишина надъ этой величественной картиной царила невозмутимая...

Въ совершенно отвѣсной части утеса, нѣсколько саженъ ниже его вершины, поросшей лѣсомъ, зіяетъ темнымъ пятномъ гротъ; со всѣхъ сторонъ надъ входомъ въ него нависли остроребрые, выдавшіеся параллелепипеды. Отвѣсная стѣна, обращенная къ рѣкѣ, кажется сложенной рукою титана изъ громадныхъ кирпичей бураго цвѣта; въ дѣйствительности же это—песчаники, давшіе продольныя и поперечныя трещины. Матеріаломъ этимъ породамъ служатъ известняки и зеленовато-сѣрые сланцы. Подъ ногами въ изобиліи валяются обломки разрушенныхъ породъ—отъ большихъ плитъ и многогранниковъ до мелкаго щебня включительно.

Мы зажигаемъ свѣчи и свободно проходимъ во внутренность грота.

Фантастическое зрѣлище иллюминаціи какого-то сказочно-своеобразнаго зала удерживаетъ насъ на мѣстѣ: стѣны и потолокъ горятъ безчисленными огнями; причудливой формы хрустальные сосуды и неизвѣстнаго назначенія предметы заграждаютъ путь смертному. Вотъ дивная по изяществу урна; вотъ полный конусъ; вотъ полусфера въ два аршина діаметромъ, прислоненная къ камню; ея стѣнки не толще стекла карманныхъ часовъ, и когда вы внутрь этого полушарія вводите руку съ зажженной свѣчой, то все оно загорается огнями радуги; вотъ гладко выточенный «штыкъ»,—заостренный на верхнемъ концѣ цилиндръ въ сажень вышины и вершокъ толщины; вотъ сахарная голова, вся плотная, безъ пустоты внутри; вотъ чаша съ застывшими въ ней мыльными пузырями,—каждая стѣнка этой полусферы пузырей представляетъ собой тончайшей работы хрустальную пластинку: ихъ много, очень много, въ самыхъ разнообразныхъ другъ къ другу наклонахъ, и всѣ они блещутъ яркими красками, отражая пламя свѣчи. Съ потолка свѣшиваются пучки бахромы и гирлянды; на полу мѣстами сверкаютъ большіе куски разбитаго зеркала... Спутники со свѣчами въ рукахъ разошлись по разнымъ угламъ зала, и вамъ кажется, что сама Шехеразада ввела васъ

въ одинъ изъ ея сказочно-роскошныхъ дворцовъ: кругомъ одно лишь серебро, хрусталь и драгоцѣнные камни.

Это—ледяной залъ. Какимъ путемъ образовались столь причудливой формы льдины,—неизвѣстно; можетъ быть, вода, просачиваясь черезъ стѣны и потолки, замерзаетъ вслѣдствіе низкой температуры пещеры; но что заставляетъ кристаллы льда складываться въ столь сложныя формы? Или, можетъ быть, наружный сухой воздухъ, проникая въ пещеру, виновникъ этого явленія? Ничего опредѣленнаго по этимъ вопросамъ сказать нельзя; одно только вѣрно: зрѣлище, представляемое этой пещерой, замѣчательно по его изяществу и причудливости.

Я углубился въ разсматриваніе плодовъ труда неизвѣстнаго дѣятеля, какъ вдругъ мое ухо было поражено жалобнымъ звукомъ; вотъ еще и еще, какъ будто вандалы ломаютъ хрустальные сервизы: это проводники и ямщики забавлялись, колотя палками по чудесамъ природы.

— Вы что же это дѣлаете?.. Зачѣмъ?..

— А что на нихъ смотрѣть?.. Ишь ихъ сколько!

Варвары, варвары!.. Я готовъ былъ плакать, если бы умѣлъ, надъ разбитыми вазами и чашами, осколки которыхъ жалобно хрустѣли подъ моими ногами.

Время подвигалось быстро впередъ, такъ что приходилось разстаться съ чудесами пещеры.

Выбравшись на наружную площадку, мы всѣ съ облегченіемъ вздохнули... Горы начали покрываться легкой дымкой наступавшихъ сумерекъ; двѣ-три яркія звѣзды уже загорались на потемнѣвшемъ горизонтѣ; послѣдніе золотистые лучи догоравшей зари пытались еще придать радостный колоритъ картинѣ, но угрюмый сумракъ зимней ночи уже надвигался быстрыми шагами съ сѣверо-востока, затушевывая мелкія подробности ландшафта и напоминая намъ, что пора идти къ стану, если мы хотимъ избѣгнуть ночного путешествія верхомъ по откосамъ горъ, не имѣя даже таежной тропы передъ собою. Въ знакъ радости мы дали нѣсколько выстрѣловъ изъ ружья и револьвера, прислушались къ раскатамъ ихъ, замиравшимъ вдали въ излучинѣ рѣки, и собрались въ обратный путь. Но неужели опять идти по этому надоѣдливому и небезопасному карнизу? Нельзя ли пройти другимъ путемъ, продолженіемъ предыдущаго,—нѣсколько обогнуть утесъ, въ удобномъ мѣстѣ подняться на его платформу и по ней дойти до мѣста, гдѣ привязаны кони? Этотъ путь показался мнѣ заманчивымъ, потому что выступъ карниза по ту сторону пещеры, до перваго поворота, который его скрывалъ изъ глазъ, былъ довольно широкъ и удобенъ для пѣшехода. Я послалъ старшаго Шуртова осмотрѣть карнизъ за поворотомъ и опредѣлить, легокъ ли будетъ подъемъ на платформу утеса. Онъ ушелъ, а мы закурили трубки и папиросы, усѣвшись на камняхъ, и оживленно бесѣдовали

о видѣнномъ. Черезъ нѣсколько минутъ къ намъ долетѣлъ окрикъ развѣдчика:

— Го-го!.. Идите смѣло!

Мы двинулись. До поворота, гдѣ насъ ожидалъ Николай, дѣло шло хорошо; но чѣмъ дальше, тѣмъ карнизъ становился у́же и, наконецъ, сталъ сходить на нѣтъ. А крутизна откоса становилась все болѣе зловѣща, хотя, можетъ быть, это только такъ казалось, благодаря наступившимъ уже въ глубинѣ сумеркамъ. Наконецъ стали: дальше въ горизонтальномъ направленіи идти было нельзя.

— Чего же это вы смотрѣли? Куда вы насъ завели?.. Что жъ, теперь опять назадъ ворочаться?!

На наши гнѣвные упреки развѣдчикъ виновато объяснилъ, что онъ «по этой дорожкѣ допрежь не хаживалъ, а теперь глянулъ впередъ—оно будто ладно показалось,—а вотъ, поди жъ, какая оказія приключилась!»

— Надо лѣзть наверхъ!—рѣшили оба Шуртовы.

Первыя 10—15 саженъ шло, сравнительно, недурно: и я, и мой товарищъ управлялись «своими средствіями», хотя сильно «упарились», но вотъ передъ нами новый подъемъ, еще болѣе крутой, не менѣе чемъ въ 65°. Мы попробовали на немъ свои силы, но тотчасъ же раскаялись: ноги утаптывали снѣгъ, руки съ отчаяніемъ хватались за камни и корни все болѣе рѣдкихъ и низкорослыхъ деревьевъ, но изъ всѣхъ стараній нашихъ ничего или почти ничего не выходило. А подъемъ еще далеко высился надъ нами, пропадая въ ночной мглѣ: мракъ начиналъ уже окутывать все окружающее, и только ближайшіе предметы выдѣлялись своими расплывчатыми и обманчивыми контурами на бѣлой пеленѣ снѣга.

Произошло краткое совѣщаніе, во время котораго новый рядъ горькихъ укоризнъ выпалъ на долю опростоволосившагося развѣдчика.

— Надо веревкой дѣйствовать: безъ нея ничего не подѣлаешь,—рѣшили таежные обыватели.

Игнатъ, какъ самый ловкій изъ всѣхъ насъ, взялся закрѣплять веревку. Онъ отдалъ бывшій при немъ мѣшокъ со свѣчами, отбитыми сталактитами и проч. одному изъ Шуртовыхъ и какъ кошка полѣзъ въ гору, оставивъ у насъ одинъ конецъ отъ двухъ связанныхъ вожжей. Ему вызвался сопутствовать неразлучный его товарищъ, другой ямщикъ, а мы, основательные люди, остались ожидать результатовъ. Черезъ нѣсколько минутъ послышалось откуда-то сверху «готово!» Я распорядился, чтобы первымъ лѣзъ Константинъ, затѣмъ должны были совершать восхожденіе мы съ товарищемъ, а старшему Шуртову слѣдовало пребывать въ арьергардѣ.

Тонкая вожжа, невѣдомо за что прикрѣпленная, дрожитъ какъ струна; цѣпко хватаешься за нее, сдирая кожу съ ладоней; ноги скользятъ

по снѣгу и служатъ плохо... А внизу все темнѣе и темнѣе становится полуторастасаженная глубина, и надъ головой все еще высится проклятый подъемъ! Вотъ и деревцовъ не стало; одни остроребрые камни торчатъ наружу изъ-подъ снѣжной пелены. Игнатъ опять кричитъ: «готово!»—«А за что зацѣпилъ?»—«За камень!»—«Крѣпко будетъ?»—«Не сумнѣвайтесь!..» А все же беретъ сомнѣніе: вдругъ Игнатъ ошибся, и камень, только примерзшій къ землѣ, подастся? Или вдругъ веревка, перетершись объ острое ребро, лопнетъ?..

Упершись пятками въ выдавшійся камень, я лежу на спинѣ, или, если хотите, стою, прислонясь къ покатой стѣнѣ, и отдыхаю послѣ третьяго подъема. Мускулы дрожатъ, въ вискахъ стучитъ, нервы напряжены, потъ крупными каплями течетъ по пылающимъ щекамъ. Теперь карабкается товарищъ, онъ уже на полдорогѣ и проходитъ самое трудное мѣсто, надъ которымъ я не мало побился. Я даю ему совѣты, куда ставить ногу, за что схватиться,—и вдругъ вижу, что, держась за ту же тонкую восьмисаженную вожжу, начинаетъ подниматься коренастый и тяжелый Шуртовъ.

— Куда лѣзешь? Вѣдь веревка можетъ лопнуть! Жди, пока тебѣ крикнутъ!

На слѣдующемъ подъемѣ та же исторія: опять, не дождавшись сигнала, Шуртовъ начинаетъ лѣзть, подвергая себя и моего спутника чрезвычайной опасности.

— Оставаться на мѣстѣ, или...

— Да скучно здѣсь одному!

Тогда было, дѣйствительно, не до веселья, но долго потомъ разбиралъ меня смѣхъ каждый разъ, какъ вспомню, бывало, коренастаго, шестипудоваго мужика, «промышлёнаго», коренного таежника, которому «скучно», т.-е. боязно, оставаться одному въ восьми саженяхъ отъ товарищей.

Семь разъ закидывалъ Игнатъ веревку. Вотъ пошелъ голый камень: снѣгъ не держался на этой открытой для вѣтровъ скалѣ; вотъ уже нѣтъ темной громады надъ самой головой; вотъ еще нѣсколько шаговъ, сдѣланныхъ уже безъ помощи веревки... Ухъ, какъ славно сидѣть подъ защитой каменной глыбы, на подвѣтренной ея сторонѣ, и сушиться около костра, уже разведеннаго расторопнымъ Игнатомъ! Мы поднялись этой отчаянной дорожкой саженъ на семьдесятъ надъ горизонтомъ пещеры, а надъ уровнемъ рѣки находились въ 170 саженяхъ; высшая же точка этого утеса, оставшаяся нѣсколько въ сторонѣ отъ насъ, имѣетъ до 215 саженъ высоты.

Теперь надо было искать лошадей; мы зашли съ другой стороны, а въ темнотѣ трудно было вполнѣ ориентироваться, такъ что насъ тревожила мысль, скоро ли ихъ удастся найти. Но не прошло и четверти ча-

са послѣ того, какъ ямщики отправились на розыски,—и отдаленные крики ихъ возвѣстили намъ, что лошади уже найдены. Мы пошли на голоса.

— Къ самой кручѣ подошелъ, за темью-то чуть было не слетѣлъ!— разсказывалъ Игнатъ.

— Ну, думаю, гдѣ-нибудь тутъ онѣ должны быть! Посвисталъ этакъ, а жеребчикъ мой откликается,—заржалъ! Соскучился, видно.

Вотъ знакомый уже отлогій спускъ къ стану. Кони торопятся къ корму,—надо ихъ сдерживать. Ѣду, ничего не видя подъ ногами коня; раза два слѣзалъ на крутыхъ откосахъ. Ну, наконецъ, мы и дома!.. Домомъ, уютнымъ, прелестнымъ, показалось мнѣ наше становище на открытомъ берегу Уды.

Еще ярче, чѣмъ утромъ, пылаетъ костеръ, обдавая насъ пріятнымъ теплomъ. Мы теперь пьемъ чай и ѣдимъ не торопясь, потому что надо выкармливать коней, да и луна должна вскорѣ взойти, и тогда лучше ѣхать будетъ. Какъ чудесно лежать на коврѣ, раскинувъ ноющія отъ усталости, непривычныя къ столь тяжкимъ испытаніямъ руки и ноги!..

Сборы въ обратную дорогу кончились быстро, благо почти все было пріѣдено и выпито. Усѣлись и тронулись въ путь. На этотъ разъ я уже равнодушно и даже недружелюбно посматривалъ на разныя препоны, которыя намъ ставила живописная, но некультурная дорога, потому что нервы были донельзя утомлены, суставы болѣли и надъ всѣми чувствами господствовало одно только желаніе: спать, спать! А тутъ еще эти камни, рытвины, колоды!

Наконецъ-то проклятое ущелье, которымъ мы такъ восхищались утромъ, осталось за нами! Теперь, ночью, если бы и желать, то нельзя было бы любоваться его скалистыми боками, потому что лунный свѣтъ накладывалъ на нихъ такія густыя тѣни и такъ рѣзко выдвигалъ блики, что получался странный хаосъ черныхъ и бѣлыхъ пятенъ, въ которыхъ нельзя было разобраться. Вотъ полоса тайги уже позади насъ. Лошади пошли крупною рысью по гладкой дорогѣ; колокольцы неумолчно вызваниваютъ свои двѣ ноты; Игнатъ весело свищетъ... Подъ кошмой такъ хорошо, тепло!..

— Вставайте, баринъ,—пріѣхали!

Байкалъ.

(А. Б.)

Изъ Иркутска на Байкальское озеро можно проѣхать двумя путями: первый—по рѣкѣ Ангарѣ, по которой ходятъ пароходы, и второй—дорогой, почтовымъ трактомъ, вдоль праваго берега Ангары, противъ ея теченія до села Листвennичнаго. Теперь есть еще третій путь—желѣзно-

дорожный; но для того, кто ѣдетъ здѣшними мѣстами въ первый разъ, кто желаетъ увидѣть и ознакомиться съ окружающей природой, нельзя рекомендовать желѣзнодорожнаго вагона.

Яркая зелень береговъ, причудливые изгибы рѣки, которая, какъ говорятъ, «играетъ» на поверхности, даль съ синѣющими волнами лѣсовъ, разнообразіе развертывающихся передъ вашими глазами картинъ дѣлаютъ поѣздку изъ Иркутска на Байкалъ пріятною прогулкой.

Еще за нѣсколько верстъ до озера уже чувствуется освѣжающее дыханіе вѣтра, дующаго съ озера. Теченіе Ангары здѣсь бурное; воды рѣки, вырвавшись съ шумомъ изъ озера, бурливо катятся, огибая встрѣчныя горы, разбиваясь о камни и скалы. Чѣмъ ближе къ истоку, тѣмъ шире становится Ангара, тѣмъ выше ея скалистые берега, которые, наконецъ, рѣзко обрываются и даютъ начало байкальскому простору. Вотъ, наконецъ, блеснуло яркой полоской и озеро.

На берегу его раскинулось огромное, богатое торговое село Лиственничное. Длинная линія домовъ протянулась по набережной у подножія высокихъ горъ. У набережной—флотиліи лодокъ разныхъ размѣровъ, плотовъ большихъ и малыхъ; а неподалеку у пристани дымятся пароходы, совершающіе свои рейсы по Байкалу.

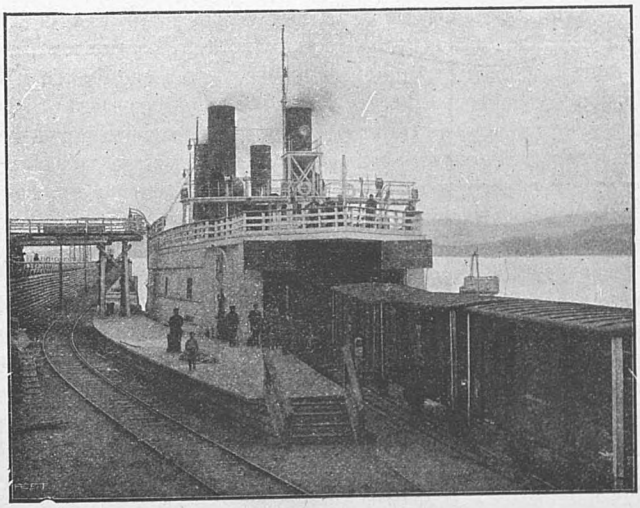
Тутъ же находится и докъ, въ которомъ былъ выстроенъ огромный ледоколъ для перевозки вагоновъ съ одного берега Байкала на другой. Желѣзнодорожный путь подходитъ къ самому озеру, переходитъ на молъ, вдающійся въ озеро; къ нему вплотную подходилъ ледоколъ, на палубѣ котораго также проложены рельсы, вагоны ставились на палубу парохода и перевозились на немъ на другой берегъ. Лишь въ 1904 году была проведена кругобайкальская желѣзная дорога отъ с. Лиственничнаго до другого берега.

Свѣжестью и прохладой вѣетъ съ озера. Байкалъ движется и какъ бы дышитъ. Волны съ слабымъ плескомъ разбиваются о крутые берега. На томъ берегу возвышается цѣпь высокихъ горъ, внизу черныхъ, покрытыхъ лѣсомъ, а выше—болѣе свѣтлыхъ.

Байкалъ—одно изъ самыхъ большихъ озеръ въ мірѣ. Оно имѣетъ площадь въ 30.000 кв. верстъ, до 650 верстъ въ длину и до 80 въ ширину. Его вытянутая форма напоминаетъ Адріатическое море, съ которымъ Байкалъ и равняется по величинѣ. Это самое глубокое озеро въ мірѣ. «Святое море», какъ его называютъ буряты, замкнуто въ высокой котловинѣ, лежащей на 1660 фут. надъ уровнемъ моря. Во многихъ мѣстахъ глубина достигаетъ 600 саженъ. Недавно экспедиція, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работавшая надъ изученіемъ Байкала, нашла недалеко отъ с. Лиственничнаго глубину въ 850 саженъ. Вода въ озерѣ очень холодна и прозрачна. Цѣпь горъ, окружающая Байкалъ, прерывается въ двухъ мѣстахъ, образуя «ворота» для впаденія и истока

Ангары. Около 300 рѣкъ впадаетъ въ озеро; изъ нихъ наиболѣе крупныя судоходны, какъ Ангара, Селенга, Баргузинъ.

Ангара и количество воды въ ней вполнѣ зависятъ отъ Байкала. Въ серединѣ лѣта, когда въ горахъ происходитъ усиленное таянье снѣговъ, рѣка поднимаетъ свой уровень; а весной Ангара, въ противоположность другимъ рѣкамъ, дѣлается мелководной, и на ней въ нѣкоторые годы въ это время прекращается судоходство. Въ это время, т.-е. весной, въ Байкалѣ воды не прибываетъ: его притоки текутъ изъ Забайкалья, гдѣ зимы безснѣжны, и потому рѣки весной несутъ мало воды. Самые боль-



Паромъ-ледоколъ на Байкалѣ.

шіе разливы Ангары бываютъ позднею осенью, когда сѣверный участокъ ея замерзаетъ, а Байкалъ выливаетъ еще избытокъ своихъ водъ. Тогда въ рѣкѣ появляется масса ледяной шуги, которая плыветъ внизъ, наслаивается, образуетъ ледяныя горы до 20 и болѣе саженъ высотой, пока, наконецъ, вся рѣка не покроется шероховатою ледяною корой. Весной ледяныя горы трескаются, отрываютъ отъ береговъ цѣлыя скалы и уносятъ ихъ съ собою по теченію. Нерѣдко вслѣдствіе этого рельефъ дна сильно измѣняется, и это составляетъ немалое затрудненіе для судоходства.

Скалистые берега Байкала почти всѣ покрыты лѣсомъ и отличаются дикою красотою. Скалы состоятъ изъ темнаго гнейса, который черными пятнами выдѣляется на яркомъ покровѣ зелени. Только изрѣдка, тамъ, гдѣ находятся дельты настоящихъ или прежде бывшихъ рѣкъ, скалы

прерываются обширными и совершенно плоскими низинами, покрытыми или сочной травой, или веселымъ, молодымъ лѣсомъ. У западнаго берега, приблизительно на половинѣ его длины, растянулся на цѣлыхъ 60 верстъ островъ Ольхонъ, на холмистомъ хребтѣ котораго буряты пасутъ свои многочисленныя стада; съ противоположной стороны, у восточнаго берега, нѣсколько впрочемъ сѣвернѣе, находится полуостровъ Святой Носъ, связанный съ материкомъ перешейкомъ, скалистый и мѣстами неприступный, поросшій таежнымъ лѣсомъ.

Климатъ Байкала суровъ и отличается большими крайностями; лѣтомъ температура поднимается до 30° и даже выше, зимою же спускается до — 40 и 45°. Нерѣдко разница между температурой дня и ночи лѣтомъ бываетъ 30°. Ясная поверхность озера, голубоватые тона, сглаживающіе отдаленныя очертанія береговъ, необыкновенно быстро мѣняются; вдругъ похолодѣетъ вслѣдствіе того, что съ сѣверо-запада глубокимъ ущельемъ между скалами неожиданно вырвется холодная струя воздуха; небо нахмурится; по грязно-стальной поверхности озера заходитъ крупная и быстро растущая зыбь; не пройдетъ и десяти минутъ, какъ пѣнистыя, куда-то спѣшащія и нагоняющія другъ друга волны съ сухимъ, жесткимъ звукомъ уже шлепаются о берегъ, поднимаясь затѣмъ все выше и выше и обдавая пѣною насупившіяся прибрежныя скалы. Наступившая было тишина нарушается неистовымъ воемъ вѣтра, который съ каждою секундою усиливается и прерывается глухими выстрѣлами прибоя. Это—такъ называемая «сорма», и если она подкрадывается въ темнотѣ, то быть въ такую минуту на озерѣ дѣйствительно ужасно. Но затѣмъ сорма можетъ такъ же быстро (часа въ 2—3) и пройти, и наступившее утро встрѣчаетъ васъ, умывшись, привѣтливой и ласковой улыбкой. Природа успокоилась и обновилась; звуки ясны, и даль прозрачна.

Ознакомившись съ берегами Байкала, мы предприняли прогулку по самому озеру. Былъ ясный день, немного засвѣжѣло, озеро покрылось рябью, и кое-гдѣ показывались бѣлячки. Мы взошли на палубу; пароходъ, слегка покачиваясь, описавъ полукругъ, понесъ насъ къ западному берегу Святого моря. Съ середины озера видны отчетливо оба берега. Лиственничное—какъ на ладони, имѣетъ видъ маленькаго приморскаго порта. Такъ и кажется, что это небольшой портъ Средиземнаго моря, что появятся матросы въ синихъ рубахахъ съ отворотами и, переваливаясь съ ноги на ногу, заговорятъ на итальянскомъ или греческомъ языкѣ. Глазами ищешь невольно продавца губокъ или трактирнаго музыканта съ арфой или мандолиной въ рукѣ. Лиственничное за нами; мы проходимъ мимо воротъ. Шаманскій камень стоитъ одиноко; Ангара сердито толкаетъ его, покрываетъ пѣной и какъ бы хочетъ увлечь его и расширить себѣ выходъ, но утесъ стоитъ крѣпко и борется съ рѣ-

На Байкалѣ.

кой. Зато работаетъ морозъ—вѣрный помощникъ Ангары. Ледъ, трескаясь, отламываетъ куски камня, и эта медленная, но постоянная работа сотретъ со временемъ великана.

Но и ворота миновалъ пароходъ; вотъ рядомъ съ нами молъ—ледокольная пристань, за нимъ скалистые утесы полуостровомъ вдвигаются въ Байкалъ. За полуостровомъ заливъ. Прекрасное горное ущелье, поросшее яркою зеленью и массой цвѣтовъ, переходитъ въ дно залива. Отдали якорь, поправили канатъ, и пароходъ остановился. На озеро спущена шлюпка. Матросы сѣли у веселъ, и мы поплыли къ берегу. Берегъ отлогій, покрытый мелкими камнями. Далѣе по сочной травѣ струится тихо прозрачный ручей. Кусты, широко разросшись, скрываютъ идущую по склону горы тропинку, а тамъ тайга и всюду цвѣты. Роскошные, крупные, растутъ они дико, но такъ пышно, какъ будто опытный садовникъ ухаживалъ за ними. Вдали затосковалъ тетеревъ, отозвалась иволга, и высоко, высоко закричалъ ястребъ. Въ такой мѣстности можно просидѣть въ мечтахъ цѣлый день.

Но раздались людскіе голоса; это другая шлюпка подплывала къ берегу, а на ней матросы съ неводомъ. Подали одинъ конецъ снастей нашимъ гребцамъ, и началась ловля. Вытащили—ничего, другой разъ закинули, третій—опять ни одной рыбы. Насъ это поразило. По разсказамъ, Байкалъ изобилуетъ рыбой, а у насъ неудача. Одинъ изъ матросовъ, опытный рыбакъ, постоянный житель побережья, объяснилъ, что въ это время года, въ особенности при сильномъ вѣтрѣ, вся рыба уходитъ къ сѣверо-восточному берегу озера. Рыбой Байкалъ дѣйствительно богатъ и по качеству, и по количеству; въ немъ водятся осетръ, налимъ, окунь, карась, язь, хайрюзъ и, главнымъ образомъ, омуль. Омуля въ Байкалѣ ловятъ на сотни тысячъ рублей, засаливаютъ, коптятъ и вялятъ. Соленая рыба эта имѣетъ вкусъ хорошей голландской селедки, и ее называютъ сибирской сельдью.

Переночевавъ въ Лиственничномъ на пароходѣ, мы переправились на другой берегъ до станціи Мысовой. Вѣтеръ утихъ, рябь и бѣлянки исчезли, а вмѣсто нихъ появилась мертвая зыбь, началась какая-то неопредѣленная качка. Приноровиться къ ней немыслимо; морскія путешествія можно вынести прекрасно, а здѣсь, на Байкалѣ, почти незамѣтное, но постоянно перемѣнное и мелкое движеніе вызываетъ не то головокруженіе, не то сонливость.

Пароходъ присталъ. Сошедши на берегъ послѣ трехчасового хода, мы были въ Забайкальскомъ краѣ. Этотъ короткій путь возможенъ только лѣтомъ. Весной, во время таянья льда, и осенью, во время замерзанія, приходится ѣхать по кругобайкальской почтовой дорогѣ, что увеличиваетъ путь болѣе чѣмъ на 250 верстъ. Зимой переправляются по льду на лошадяхъ. Ѣзда эта не всегда безопасна. Нерѣдки сильные

бураны; ледъ трескается, даетъ широкія полыньи и иной разъ поглощаетъ путниковъ съ лошадьми и санями. Однако безслѣдно, говорятъ, никто не погибъ. Байкалъ весной выбрасываетъ на берегъ все, что было въ немъ погребено зимой. Это свойство Байкала, частыя сильныя бури на немъ и землетрясенія въ окрестностяхъ вызываютъ у обитающихъ по его берегамъ бурятъ и тунгусовъ религіозный страхъ; они приносили Байкалу жертвы и до сего еще времени молятся на него и называютъ святымъ.

Верхнеудинскіе буряты.

(Потаниной.)

Буряты верхнеудинскаго округа живутъ по правому берегу Уды. Выѣхавъ изъ Верхнеудинска по дорогѣ въ Читу, мы видимъ вправо отъ большой дороги Уду, мѣстами совсѣмъ близко подходящую къ дорогѣ, слѣва—небольшой горный хребетъ, поросшій хвойнымъ лѣсомъ. Рѣка, довольно многоводная и широкая, поражаетъ своею пустынностью, на ней почти никогда не видно ни лодокъ, ни плотовъ; большая дорога также мало оживлена лѣтомъ; обозовъ по ней почти совсѣмъ нѣтъ. Долина Уды не представляетъ луговъ въ точномъ смыслѣ этого слова, потому что растительность, ее покрывающая, степная. Вдали, ближе къ горамъ, степь бѣлѣетъ отъ мелкихъ полынокъ или къ осени краснѣетъ отъ солянковыхъ, ярко окрашенныхъ въ малиновый цвѣтъ. Дорога также мѣстами покрыта солончаковыми лужами, которыя, высыхая, покрываются бѣловатой корой; въ сторонѣ виднѣются даже настоящіе «гуджиры»—мѣста, куда русскіе выѣзжаютъ брать эту солончаковую пыль для мытья половъ. Ближе къ рѣкѣ иногда видны болѣе зеленыя луговины, поросшія осокой. Въ верстахъ шести отъ города показывается первое ущелье въ горахъ, откуда вытекаетъ рѣчка Онгоуотай, и по этой рѣчкѣ видны жилища бурятъ. Точно такія же узкія ущелья съ вытекающими изъ нихъ ручьями тянутся вдоль всего хребта. За Онгоуотаемъ слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ рѣкъ. По этомъ-то рѣчкамъ и располагаются бурятскіе улусы.

Улусъ можно переводить словомъ деревня, но это далеко не то же самое. Буряты не живутъ деревнями—каждый житель улуса живетъ своей усадьбой, общее у нихъ только рѣка, пользованіе водой изъ которой только и соединяетъ ихъ въ одно общество. Подъ деревней мы привыкли представлять рядъ домовъ съ общей улицей, съ рядами амбаровъ, бань, съ кузницей при въѣздѣ и рядомъ колодцевъ вдоль улицы; ничего этого не видно въ бурятскомъ улусѣ.

Проѣзжая по дорогѣ, вы видите, какъ изъ ущельевъ выбѣгаютъ на долину то тутъ, то тамъ отдѣльно расположенные домики. Если они, подходя къ рѣкѣ или сжатые боками ущелья, сидятъ иногда довольно

густо, то все же въ расположеніи построекъ замѣтно стремленіе выстроиться по возможности отдѣльно отъ сосѣда. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ пусты,—это значитъ, что бурята въ нихъ только зимуютъ, а на лѣто переходятъ въ другое жилье. Иногда зимніе и лѣтніе дома отстоятъ всего на нѣсколько саженъ одинъ отъ другого. Такой обычай увеличиваетъ число построекъ; страна кажется населеннѣе, чѣмъ она есть въ дѣйствительности.

Бурятка.

Итакъ, улусъ составляется изъ домовъ, построенныхъ вразсыпную, гдѣ одинъ домъ выбѣжалъ на большую дорогу, другой, напротивъ, углубился въ поле между горами, и его видно только, когда подъѣдешь совсѣмъ близко, и половина домовъ въ улусѣ стоитъ пустая. Часть домовъ въ каждомъ улусѣ носитъ совершенно русскій характеръ: избы—въ два или три окна, иногда даже съ покрашенными ставнями; оконницы—со стекольчатыми рамами. Около дома—амбары, и все это огорожено частоколомъ или пряслами на большое пространство. Другая часть домовъ носитъ болѣе бурятскій характеръ. Это по большей части длинный сарай, сложенный изъ тонкихъ бревенъ, безъ оконъ и безъ крыльца. Что это—человѣческое жилье, можно узнать лишь по тому, что изъ четырехугольной прорѣзки въ кровлѣ, замѣняющей окно и трубу, постоянно тянется дымокъ. Гдѣ-нибудь неподалеку отгорожено пряслами мѣсто, куда загоняютъ на ночь телятъ, да телѣга, чаще всего двухколеска, брошена гдѣ-нибудь возлѣ—вотъ и всѣ признаки человѣческаго обитанія. Прясла, огораживающія зимники, обыкновенно занимаютъ большія пространства, потому что буряты на этихъ земляхъ,

унавоженныхъ на зиму скотомъ, косятъ свое лучшее сѣно. Около лѣтника загородки нѣтъ, скотъ бродитъ лѣтомъ по всей степи, спасаясь отъ жары въ лѣсу и забираясь на высоты отъ комаровъ и мошекъ. Ущелья съ ихъ рѣчками и широкимъ, но хорошо орошеннымъ лугомъ обыкновенно представляютъ очень красивыя мѣста. Чтобы увеличить покосъ, буряты обыкновенно отводятъ рѣчку въ канавы и такимъ образомъ орошаютъ возможно большее пространство. Вслѣдствіе орошенія ихъ луга во все лѣто имѣютъ самый цвѣтущій, ярко-зеленый видъ, и на нихъ не перестаютъ цвѣсти травы до конца лѣта. И вотъ, когда стоишь при входѣ въ ущелье, передъ глазами открывается картина, всѣ части которой какъ будто расположены искуснымъ художникомъ: внизу—яркая полоса луга, справа и слѣва—бока ущелья, одѣтые сосновымъ лѣсомъ, и даль, замыкающаяся синеватыми, дымчатыми вершинами перевала; на днѣ ущелья—бурливая рѣчка, пробирающаяся по камнямъ среди березъ, ольхъ, ветелъ, и гигантскіе стволы стройныхъ елей и яркихъ лиственницъ, идущихъ вдоль подошвы горъ и выдѣляющихся своими красивыми вершинами на болѣе мрачной зелени сосенъ.

Внутреннее убранство зимняго и лѣтняго дома, несмотря на наружную разницу, у здѣшнихъ бурятъ одинаково. Весной, переселяясь въ свою лѣтовку, бурятъ перетаскиваетъ въ нее и весь свой скарбъ. Въ лѣтнемъ его помѣщеніи рѣдко бываетъ настланъ полъ, чаще всего подъ ногами земля. Противъ входа поставленъ пестро разрисованный, въ національномъ бурятскомъ вкусѣ, комодъ и на немъ нѣсколько буддійскихъ идоловъ, передъ которыми, даже и у самыхъ бѣдныхъ, всегда стоятъ маленькія жертвенныя мѣдныя чашечки, «суксу» по здѣшнему произношенію, налитыя водой и насыпанныя зерномъ или наполненныя масломъ. Тутъ же непремѣнно есть какія-нибудь украшенія: то искусственные цвѣты, то вазочки стеклянныя, фарфоровыя или металлическія, иногда тутъ же лежатъ священный колокольчикъ и мѣдныя музыкальныя тарелки, и среди всѣхъ этихъ священныхъ предметовъ и украшеній стоитъ также букетъ изъ полевыхъ цвѣтовъ въ русскомъ чайникѣ, утратившемъ ручку, или въ фигурной бутылкѣ, искусно превращенной въ стаканъ. Часто на одномъ комодѣ идолы не помѣщаются, и тогда рядомъ стоятъ столики съ бурханами, драпированные яркими платками или ковриками. Рядомъ съ такими столиками, вдоль той же стѣны, противоположной входу, стоитъ обыкновенно деревянная кушетка—постель хозяина дома, застланная войлоками, съ большой квадратной подушкой, на бокахъ которой, украшенныхъ вышивкой, непремѣнно блестятъ серебряныя или вообще какія-нибудь металлическія украшенія и вставки изъ коралловъ. Чаще всего поверхъ этой неудобной старинной подушки валяются обыкновенныя русскія подушки въ ситцевыхъ наволочкахъ. Рядомъ съ кушеткой—опять комоды, шкафики и этажерки, всегда своей бурятской

работы, раскрашенные въ узоръ. Иногда у стѣнъ стоятъ такіе же пестрые сундуки, на полу, налѣво, иногда постланы войлока для сидѣнья и поставлены столы, скамейки въ полъ-аршина высоты. Сейчасъ же вправо отъ входа иногда есть лавка и полка для посуды, а чаще посуда стоитъ прямо на землѣ. Въ этомъ углу стоитъ кадушка съ арсой [1]) и саба для приготовленія айрика. Влѣво около войлоковъ иногда стоитъ люлька—длинный, какъ салазки, ящикъ, сдѣланный изъ лубковъ, съ дномъ на выгнутыхъ обручахъ, которые помогаютъ раскачиваться колыбели, какъ только немного наклонить ее въ одну сторону. Середина пола подъ прорѣзкой въ кровлѣ занята очагомъ, т.-е. здѣсь стоитъ желѣзный трехногій таганъ для котла, подъ которымъ почти постоянно курится огонь. Только у болѣе богатыхъ людей въ зимникахъ есть столы и стулья русскаго фасона, но, какъ можно предполагать, бурятской работы. Обыкновенно же въ зимникахъ вдоль стѣнъ устраиваютъ небольшія, вершковъ шесть вышиною, возвышенія изъ дерева, и это замѣняетъ постели и диваны. Зато почти во всѣхъ зимникахъ вдѣлана въ печь обыкновенная кухонная плита, и кушанье варятъ на ней.

Въ одеждѣ верхнеудинскіе буряты также крѣпко держатся своего; всѣ они носятъ халаты монгольскаго фасона, монгольскіе сапоги, которые шьютъ дома ихъ женщины, и островерхія, также домашней работы, шапки, непремѣнно украшенныя пунцовой шелковой кистью на верхушкѣ; въ настоящее время всѣ буряты подъ халатомъ, кромѣ штановъ, носятъ дабовую или ситцевую рубаху. Замѣчательно, что, несмотря на близкое сосѣдство съ русскими, буряты для своихъ нарядныхъ халатовъ предпочитаютъ китайскія матеріи и украшенія.

Впрочемъ, молодое поколѣніе въ настоящее время предпочитаетъ носить русскіе сапоги. Сверхъ этого монгольскаго костюма въ дурную погоду здѣшніе буряты непремѣнно надѣваютъ на себя русскую шинель. Называютъ они ее «соба», и очень вѣроятно, что это слово есть испорченное русское «шуба».

Женщины еще менѣе заимствовали для своего костюма у русскихъ; русскаго у нихъ только ситецъ на рубахѣ. На головѣ непремѣнно должна быть надѣта шапка, одинаковая съ мужской, также съ бархатнымъ околышемъ и пунцовою кистью и часто съ серебрянымъ остріемъ поверхъ кисти. Сверхъ того женщины за ушами втыкаютъ въ волоса двѣ палочки, обшитыя матеріей, которыя торчатъ отъ ушей горизонтально. Къ этимъ палочкамъ по праздникамъ подвѣшиваютъ цѣлые ряды цѣпочекъ и серебряныхъ подвѣсокъ, протянутыхъ съ одной палочки до другой и развѣшанныхъ по груди.

По праздникамъ буряты одѣваются очень нарядно, почти у каждаго

[1]) Арса—сгущенное квашеное молоко или творогъ.

и каждой есть яркій шелковый халатъ, есть серебряныя украшенія, но дома одѣваются неряшливо, носятъ вещь до послѣдней крайности, и такъ какъ халаты никогда не моются, то они покрываются всевозможными пятнами и лоснятся отъ грязи. Даже ситцевыя рубахи буряты моютъ рѣдко, и достаточные люди одѣваются и держатся грязно.

Но праздниковъ у бурятъ мало; въ лѣто, можетъ быть, случится два-три съѣзда; одинъ—въ ближайшемъ монастырѣ въ годовой праздникъ, другой—на ближайшемъ мѣстномъ обонѣ, гдѣ-нибудь въ окрестныхъ горахъ и, можетъ быть, еще какой-нибудь случайный праздникъ, въ родѣ свадьбы у сосѣдей; на лѣтнихъ съѣзжихъ праздникахъ въ монастыряхъ и обонахъ устраиваются старинныя увеселенія—конскіе бѣга, борьба силачей; зимой празднуютъ одинъ только Цаганъ-Саръ, т.-е. праздникъ новаго года, начало весны. Этотъ день празднуютъ болѣе домашнимъ образомъ: въ каждой семьѣ стряпаютъ, ждутъ гостей. Всѣ жители одного улуса стараются побывать другъ у друга, поздравить съ новымъ годомъ, при этомъ молодежь обмѣнивается гостинцами. Эти визиты служатъ также предлогомъ катанья; въ этотъ праздникъ—онъ продолжается три дня—всѣ стараются щеголять лошадьми, сбруей, санями. «На дровняхъ въ праздникъ не поѣдешь», говорятъ буряты. Вечеромъ устраиваютъ игры и пѣніе. Подобныя же вечеринки устраиваются также у сговоренныхъ невѣстъ или даже просто въ тѣхъ домахъ, гдѣ много молодежи; устраиваются онѣ осенью послѣ окончанія работы, а также и зимой: осень буряты считаютъ самымъ веселымъ временемъ года.

Главный предметъ хозяйства у здѣшнихъ бурятъ—сѣно, а подъ него землю не приходится ни пахать, ни боронить. Весь трудъ сводится къ поливкѣ, т.-е. къ пропусканію воды въ канавы; каждому домохозяину придется сдѣлать это раза три-четыре въ лѣто; затѣмъ—городьба луговъ во избѣжаніе потравъ.

Лѣтомъ и весной есть два занятія у бурятъ, неизвѣстныя русскимъ: это—заготовленіе арсы и заготовленіе подстилки для скота на зиму. Послѣднее дѣлается такъ: весной навозъ со дворовъ вывозятъ въ одну кучу и затѣмъ размельчаютъ его лопатами въ порошокъ, оставляя въ такомъ видѣ просохнуть въ продолженіе лѣта; зимой этимъ сухимъ навозомъ посыпаютъ снѣгъ тамъ, гдѣ скотъ укладывается на ночь. Высокія кучи эти придаютъ оригинальность бурятскимъ зимовкамъ.

Кромѣ того, въ большихъ бурятскихъ хозяйствахъ изъ молока въ лѣтнюю пору гонятъ молочную водку. Дѣлаютъ это главнымъ образомъ затѣмъ, чтобы остатки при перегонѣ обратить въ годовой запасъ пищи, извѣстной у бурятъ подъ именемъ арсы. Этихъ творожныхъ скоповъ или арсы буряты стараются наготовить какъ можно больше. Еще недавно арса составляла почти исключительную пищу бурятъ; въ настоя-

щее время въ каждомъ семействѣ кромѣ арсы ѣдятъ хлѣбъ изъ ржаной муки. Для ѣды арсу варятъ, разводя водой и свѣжимъ молокомъ, если таковое есть, и подправляя ржаной мукой. На приготовленіе айрика, кислаго молока, изъ котораго гонятъ водку, и арсы бурятская женщина тратитъ часа два или три каждый разъ, но это дѣлается обыкновенно не каждый день, а когда айрику скопится много. Другихъ запасовъ пищи у бурятъ не дѣлается обыкновенно.

Буряты.

Весь бурятскій народъ дѣлится на 11 племенъ; каждое племя подраздѣляется на нѣсколько родовъ, или аймаковъ. До недавняго времени буряты управлялись наслѣдственными князьями — тайшами — и старшинами. Русское правительство учредило между ними степныя думы, гдѣ засѣдаютъ старшины родовъ. Въ Иркутской губерніи въ настоящее время буряты управляются инородческими управами: тайшей у нихъ уже нѣтъ; да и тамъ, гдѣ власть тайшей сохраняется еще, это уже не наслѣдственное званіе, а должность по избранію. Инородческія управы — то же, что наши волости; онѣ управляются головой; переписка какъ въ нихъ, такъ и въ думахъ ведется по-русски.

Языкъ бурятъ монгольскій, по произношенію онъ ближе къ западномонгольскому. Въ настоящее время, живя среди русскихъ, буряты заимствовали много словъ русскихъ, а мѣстами и совсѣмъ русскій языкъ; въ этихъ случаяхъ бурятскій языкъ дольше сохраняется между женщинами.

Буряты своей письменности не имѣютъ, и потому въ школахъ устраиваемыхъ русскимъ правительствомъ, введена русская грамота. Въ Забайкальѣ, гдѣ бурятское населеніе живетъ почти сплошной массой и гдѣ оно примыкаетъ на югѣ къ своимъ сосѣдямъ-монголамъ, имѣющимъ письменность, буряты чаще изучаютъ родственную имъ грамоту монгольскую. По отзывамъ народныхъ учителей, дѣти бурятъ по способностямъ не ниже русскихъ дѣтей и почти всѣ выказываютъ способность къ рисованію.

Настоящая древняя религія бурятъ—шаманство. Та же религія существуетъ и у другихъ народовъ Сибири.

Въ настоящее время шаманство, какъ религія очень грубая, первобытная, перестало уже удовлетворять бурятъ, и многіе изъ нихъ перешли къ христіанству или буддизму. Тамъ, гдѣ вліяніе русскихъ сильно, какъ это мы видимъ у сѣверо-западныхъ бурятъ, они почти всѣ крещены; въ Забайкальѣ, гдѣ связи съ Монголіей крѣпче, буддизмъ распространился по всему краю и держится крѣпко.

По Забайкалью.

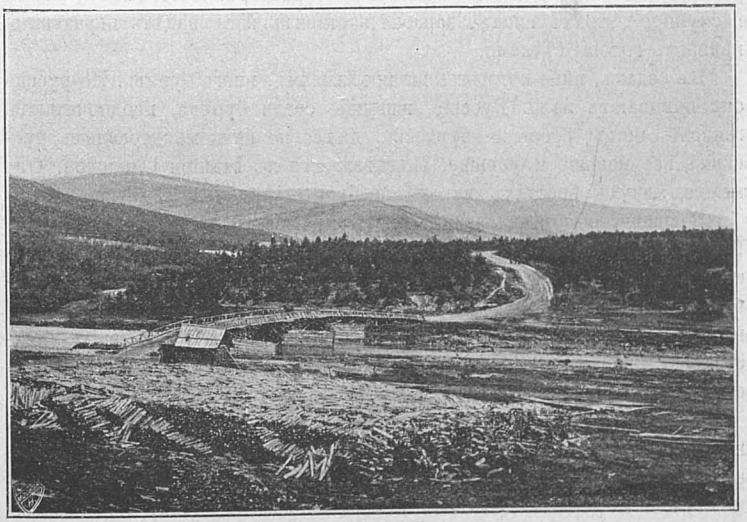
(Бродовича.)

Почтовый трактъ по Забайкалью пересѣкаетъ вдоль всю область. Яблоновый хребетъ раздѣляетъ ее на двѣ части: сѣверо-западную и юго-восточную. Первая—богата лѣсомъ; отроги хребта образуютъ въ ней много долинъ и даютъ начало рѣкамъ, быстро текущимъ къ Байкалу. Дорога по этой части Забайкалья очень живописна. Сначала идетъ она по берегу самаго озера, рядомъ съ желѣзнодорожнымъ путемъ. Байкалъ то скроется за возвышенностью, покрытой хвойнымъ лѣсомъ, то опять представится во всей своей красотѣ, отражая голубое небо въ глубокихъ водахъ. Красота видовъ восхищаетъ только въ началѣ пути. Неудобство дороги и ужасная тряска отвлекаютъ ваше вниманіе. Справа отъ почтоваго тракта для проведенія полотна желѣзной дороги необходимо было сдѣлать выемку въ склонѣ цѣлаго ряда гранитныхъ горъ, ихъ взрывали порохомъ, и осколки камней засыпали колесный путь. Тарантасъ качается во всѣ стороны, мы поминутно переваливаемся то вправо, то влѣво, обивая другъ другу бока и локти. На слѣдующій день мы прибыли въ Верхнеудинскъ.

Городъ этотъ лежитъ у сліянія рѣки Уды съ Селенгой. У въѣзда, справа на горѣ, громадная каменная тюрьма, обнесенная бѣлой стѣной, имѣетъ видъ замка; нѣсколько далѣе раскинулся красивый городъ. Положеніе Верхнеудинска на главномъ пути отъ Амура къ Иркутску и большая пристань на р. Селенгѣ, по которой ходятъ суда отъ Кяхты до Байкала, дѣлаютъ его транзитнымъ пунктомъ европейскихъ и китай-

скихъ товаровъ. Торговля его значительна, обороты ярмарки достигаютъ 2-хъ милліоновъ рублей. Китайскіе товары не обложены пошлиной и потому весьма дешевы. Самый лучшій черный чай не дороже 90 к. за фунтъ. Разница въ цѣнѣ на шелка еще значительнѣе.

Улицы чистыя, широкія, дома большею частью деревянные, но содержатся опрятно. Жители города преимущественно русскіе и буряты. Нѣсколько десятковъ китайцевъ заняты торговлей. Женская прогимназія, нѣсколько начальныхъ школъ и уѣздное училище просвѣщаютъ дѣтей болѣе зажиточныхъ обывателей. Въ пріютѣ арестантскихъ дѣтей



Видъ въ Забайкальѣ.

обучаются дѣти преступниковъ и самаго бѣднаго класса верхнеудинскихъ жителей.

Изъ Верхнеудинска почти вплоть до Читы дорога идетъ, нѣсколько удаляясь отъ полотна новаго Великаго Сибирскаго пути, по долинѣ р. Уды. Безграничная степь, поросшая буйной травой, раскинулась передъ нами; лѣсистыя горы остались позади. Тучи заволокли небо, и сталъ моросить дождь, сначала маленькій, затѣмъ все сильнѣе и сильнѣе. На тарантасахъ поставили верхъ. Слѣва, съ юго-востока, поднялся небольшой вѣтеръ и сталъ задувать капли черезъ щели. Несмотря на это, первое время ѣхать было сносно. Но мало-по-малу старая кожа на верхахъ промокла, и вода цѣлыми струйками потекла за воротникъ и подъ сидѣнья. Лошади все хуже и хуже, еле плетутся, мѣстами совсѣмъ

устаютъ, приходится посылать въ ближайшее селеніе или почтовую станцію за новыми и стоять по цѣлымъ часамъ въ полѣ на дождѣ. Но и этотъ пріемъ приводитъ не всегда къ желанному результату. На станціяхъ недостатокъ лошадей. Ѣдущіе по своей надобности ждутъ по пяти и болѣе сутокъ очереди. У крестьянъ достать подводу почти немыслимо. Сибирская язва истребила лошадей массами и все еще не прекращается, поражая иногда и людей. Оставшіяся лошади измучены, исхудали. Приходится запрягать подозрительныхъ клячъ въ тарантасъ. По дорогѣ мы оставили двухъ лошадей въ полѣ. Дождь льетъ. Мухи, разсадники заразы, прячась отъ дождя, забрались въ тарантасъ. Настроеніе у всѣхъ пасмурное. Страхъ передъ заразой заставилъ насъ надѣть перчатки и прикрыть головы сѣтками.

Въ селахъ, мимо которыхъ мы проѣзжаемъ, много бурятъ. По-русски они понимаютъ мало. Русскіе, живущіе среди бурятъ, предпочитаютъ говорить между собою по-бурятски. Далѣе по пути въ деревняхъ русскихъ все меньше и меньше. Подъѣзжаемъ къ станціи Онинской. Отъ нея въ двухъ верстахъ находится бурятскій дацанъ.

Большинство бурятъ исповѣдуютъ буддійскую религію (ламаизмъ). Главой духовенства считается Далай-Лама, живущій въ Тибетѣ. Представителемъ русскихъ буддистовъ является Бандодо-Хамба, иначе Хамба-Лама, выбранный старѣйшими бурятами—родоначальниками и духовенствомъ. Выборъ Высочайше утверждается по представленію министра внутреннихъ дѣлъ. Мѣстопребываніе Хамба-Ламы въ Гусиноозерскомъ дацанѣ, близъ Байкала.

Во всѣхъ дацанахъ, или монастыряхъ, живутъ ламы—монахи и ихъ настоятель—шуретуй. Образованіе свое ламы получаютъ первоначально въ школахъ при дацанахъ, а затѣмъ ѣдутъ въ Тибетъ, гдѣ продолжаютъ ученіе и держатъ экзаменъ. Возвратившись на родину, они обязаны подвергнуться испытанію по русскому языку и затѣмъ утверждаются въ званіи штатнаго духовнаго лица—ламы. По штату духовенство это немногочисленно, на самомъ же дѣлѣ ламъ значительно больше. Среди бурятъ существуетъ вѣрованіе, что лама ограждаетъ свой родъ отъ всякихъ несчастій, а потому каждая семья старается имѣть хоть одного ламу среди своихъ близкихъ, тѣмъ болѣе, что духовные у нихъ пользуются большимъ уваженіемъ. Лама, и даже ученикъ, желающій со временемъ стать духовнымъ, обрекаетъ себя на безбрачіе и обязанъ вести трезвую жизнь. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ.

Находясь такъ близко отъ дацана, мы свернули съ пути, чтобы познакомиться съ устройствомъ этихъ монастырей. Среди небольшого селенія, въ сто приблизительно дворовъ, стоитъ высокій храмъ, построенный наподобіе китайской пагоды, обнесенный заборомъ. Стѣны и колонны этого зданія изукрашены изображеніями фантастическихъ звѣрей и чудовищъ;

преобладающія краски—зеленая и желтая. У входа висятъ длинныя шелковыя ленты съ надписями на тибетскомъ языкѣ. На всѣхъ заборахъ кругомъ домиковъ-келій, на вѣтвяхъ близкихъ деревьевъ, на шестахъ, вбитыхъ въ землю,—вездѣ навѣшаны тоненькіе лоскуточки матеріи, моточки нитокъ, конскій волосъ. Буряты говорятъ, что это—жертвоприношеніе ихъ божествамъ, что эти лоскуточки, колыхаясь отъ вѣтра, молятся за нихъ и отклоняютъ бѣдствія.

Мы заѣхали къ шуретую. Живетъ онъ въ самомъ большомъ домѣ. Онъ встрѣтилъ насъ, въ сопровожденіи 30-ти ламъ, у входа и черезъ переводчика попросилъ къ себѣ въ гости. Всѣ ламы и шуретуй одѣты въ длинные желтые халаты, въ родѣ рясы изъ узорчатой матеріи, и поверхъ этого носятъ такого же цвѣта мантіи, задрапированныя наподобіе римской тоги на одномъ плечѣ. Голова покрыта высокимъ желтымъ колпакомъ, напоминающимъ по формѣ головной уборъ католическихъ епископовъ. Шуретуй, а за нимъ и весь его синклитъ, низко кланяясь, указали намъ мѣста за длиннымъ столомъ на диванахъ, покрытыхъ подушками того же желтаго цвѣта. Служители, ученики ламъ, что-то въ родѣ послушниковъ, принесли чай въ стаканахъ и кондитерское печенье. Завязался разговоръ. По глазамъ и выраженію лица шуретуя и нѣкоторыхъ ламъ было видно, что они прекрасно понимаютъ русскую рѣчь, но всѣ они дѣлали видъ, что не могутъ говорить, и одинъ изъ присутствовавшихъ бурятъ переводилъ наши и ихъ вопросы и отвѣты.

Послѣ чая шуретуй предложилъ послѣдовать за нимъ въ храмъ и совершить молебствіе о здравіи Государя Императора. Сопровождаемые ламами, послушниками въ красныхъ халатахъ и заштатными духовными въ такихъ же халатахъ, но съ мантіей на правой рукѣ, съ настоятелемъ во главѣ, мы направились въ божницу. У порога стояли мальчики и трубили въ длинныя, прямыя, раскрашенныя трубы, то опуская ихъ къ землѣ, въ нашу сторону, то поднимая кверху, въ сторону храма. Мы вошли. Посреди задней стѣны стояла, а вѣрнѣе—сидѣла, фигура—золоченое изображеніе Будды, почти въ натуральную человѣческую величину. По сторонамъ—два меньшихъ изображенія, а еще далѣе у стѣнки, справа и слѣва, полочки, а на нихъ тысяча малыхъ идоловъ (бурхановъ). Посреди храма поставлены низенькія скамьи, на нихъ намъ указали мѣсто; ламы встали кругомъ, а шуретуй сѣлъ на высокомъ креслѣ передъ небольшимъ столикомъ, на которомъ лежали необходимые для богослуженія предметы.

Взялъ онъ въ руки какую-то катушку, и тотчасъ ламы начали въ унисонъ напѣвать однообразный мотивъ, постепенно возвышая голосъ. Когда пѣніе раздалось уже громко, нѣкоторые изъ нихъ стали хриплымъ голосомъ издавать звуки, сильно напоминающіе лай собакъ. Шуретуй

поднялъ какой-то новый предметъ, зазвучали трубы, раздалось бряцанье ударяемыхъ другъ о друга металлическихъ тарелокъ и звукъ котловъ и бубновъ. Настоятель сдѣлалъ опять новое движеніе, и та же молитва повторилась съ тѣмъ же лаемъ и тѣми же звуками трубъ и бубновъ.

Послѣ молебствія шуретуй увелъ насъ къ себѣ обѣдать. Къ обѣду была подана баранина во всѣхъ видахъ: супъ, вареная баранина, жареный барашекъ, пельмени вареные, жареные,—всего было подано вдесятеро больше, чѣмъ можно съѣсть. Вино удѣльныхъ погребовъ и, какъ десертъ, конфеты Абрикосова. За обѣдомъ узнали мы, что ламы занимаются астрологіей, гадаютъ по особымъ таблицамъ, написаннымъ на тибетскомъ языкѣ. Среди нихъ есть спеціально занимающіеся врачеваніемъ. Такъ называемая тибетская медицина, примѣняемая ламами, есть соединеніе вынесенныхъ изъ Тибета медицинскихъ свѣдѣній съ мѣстными предразсудками, заговорами, остатками прежняго шаманства. Главныя средства ламъ—травы, которыми такъ изобилуютъ степи, опій, ванны, массажъ, припарки всѣхъ видовъ и формъ и дѣйствіе внушеніемъ, особаго рода гипнотизмъ. Среди мѣстнаго населенія сильно развита вѣра въ познанія и врачебное искусство ламъ. Впослѣдствіи я узналъ отъ врача, жившаго долго среди бурятъ и изучавшаго ихъ способы лѣченія, что многія изъ ихъ травъ примѣняются въ научной медицинѣ, другія—совершенно безвредны, были испытываемы, но никакихъ дѣйствующихъ началъ въ себѣ не содержатъ.

Передъ отъѣздомъ изъ дацана шуретуй, прощаясь съ нами, каждому подарилъ «ходакъ»—шелковый платокъ сѣро-голубого цвѣта, на которомъ выткано изображеніе божества, бурханъ, и какіе-то знаки. Ходаки эти должны, по ихъ мнѣнію, предохранять путниковъ отъ несчастныхъ случаевъ. Дарятъ буряты эти ходаки дорогимъ гостямъ въ знакъ большого уваженія; подавая ихъ, низко кланяясь въ поясъ, двумя руками, на которыхъ лежитъ расправленный «ходакъ», захватываютъ правую руку гостя и завертываютъ ее, кладя накрестъ концы шелковой матеріи.

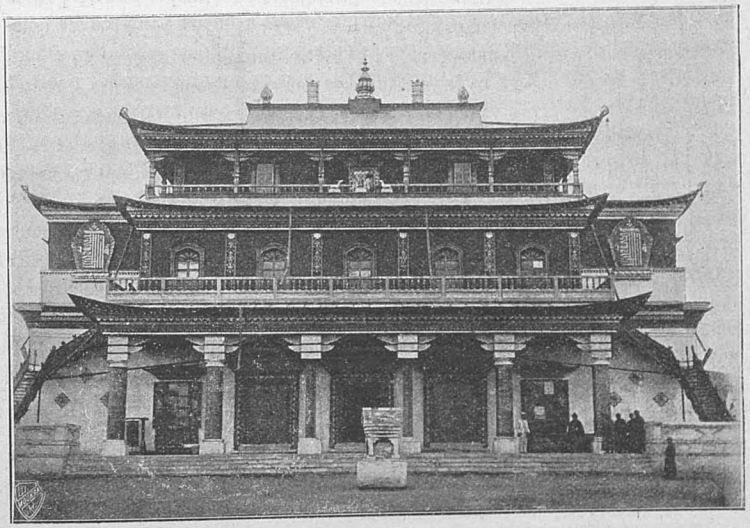
Далѣе продолжали мы путь подъ дождемъ, безъ продолжительныхъ остановокъ. Черезъ два дня послѣ отъѣзда изъ дацана стали мы подниматься на возвышенность и на шестой день отъ переправы черезъ Байкалъ, къ вечеру, были въ областномъ городѣ Забайкалья—Читѣ.

Городъ раскинулся широко въ долинѣ у сліянія рѣчки Читы съ Ингодою, которыя образовали своими притоками нѣсколько небольшихъ острововъ. Кругомъ города высокія, покрытыя лѣсомъ сопки.

Ингода у Читы не судоходна, рѣчка Чита почти совершенно пересыхаетъ, и по ней даже не сплавляютъ лѣса. Осенью обѣ сильно разливаются; въ 1897 г., выступивъ изъ береговъ, онѣ затопили островъ и причинили громадные убытки городу и бѣднѣйшему классу жителей. Это наводненіе было такъ сильно, что отъ полотна желѣзной дороги,

проведеннаго на одномъ изъ острововъ, не осталось и слѣда, и линія пути перенесена теперь на болѣе возвышенное и безопасное мѣсто.

Чита издали и Чита вблизи—это разныя картины. Деревянные, однообразные, невзрачные домишки и длинные некрашеные заборы, принявшіе отъ времени сѣрый цвѣтъ, придаютъ городу грязный видъ. Улицы не мощены; широкія рытвины и ухабы дѣлаютъ ѣзду и ходьбу по городу въ темныя ночи невозможной. Рогатый скотъ и собаки гуляютъ свободно по улицамъ, загрязняютъ ихъ и загромождаютъ проѣзды. Двѣ-три большія постройки—военное собраніе, губернаторскій домъ, гости-



Бурятскій дацанъ.

ница «Восточное подворье» и девять церквей—вотъ выдающіяся точки въ общемъ однообразіи.

Изъ Читы нашъ путь лежалъ черезъ Агинскую степь. Агинская степь къ юго-востоку отъ г. Читы занимаетъ почти все Даурское плоскогорье и заселена бурятами и забайкальскими казаками.

До этой поѣздки видѣлъ я южныя степи европейской Россіи и Барабу. Онѣ почти цѣликомъ воздѣланы и покрыты хлѣбными растеніями. Теперь мнѣ пришлось познакомиться съ дикою степью, которой не коснулись плугъ и соха. Въ воображеніи моемъ рисовались эти глазомъ необъятныя пространства унылыми и тоскливыми. Когда же мы углубились въ степь, представленіе это замѣнилось чувствомъ удивленія и восторга.

Среди буйной, вышиной въ аршинъ и болѣе, травы идетъ едва замѣтная колея проѣзжей дороги. Кругомъ пышная степная растительность, усыпанная яркими цвѣтами, колышется волнообразно отъ дуновенія теплаго, нѣжнаго вѣтра. Солнце на безоблачномъ небѣ горячими лучами извлекаетъ изъ душистыхъ травъ освѣжающій, бальзамическій ароматъ. Глаза не видятъ конца этого моря зелени. Горизонтъ почти прямой линіей отдѣляется отъ небосклона. Поразительно много сходства въ Агинской степи съ моремъ. Песчаныя верхушки холмовъ свѣтятся на солнцѣ, какъ покрытые пѣной бѣлые гребни могучихъ волнъ. Солончаки съ растущей на нихъ болѣе темной жесткой травой напоминаютъ морскую рябь, а разбѣжавшіяся и далеко и близко стада рогатаго скота и овецъ кажутся маленькими шлюпками или чайками на волнахъ колышущагося травяного моря.

Жарко, въ воздухѣ сухо, пыли нѣтъ, запахъ степи сильнѣе, кое-гдѣ отзывается въ травѣ кузнечикъ, вдали слышно ржаніе пасущихся лошадей и блеяніе овецъ,—и опять все тихо, только наши тарантасы глухо звучатъ, катясь по зеленому ковру. На козлахъ сидитъ бурятъ въ синемъ длинномъ халатѣ, круглой шапочкѣ и отъ времени до времени понукаетъ лошадей, мчащихся быстро, гортаннымъ возгласомъ «гха, гха». Справа и слѣва скачутъ на маленькихъ степныхъ лошадкахъ сопровождающіе насъ буряты. Высокая трава заглушаетъ топотъ, лошади по гриву утопаютъ въ зелени. На сѣдокахъ синіе ватные шелковые халаты блестятъ на солнцѣ цвѣтомъ васильковъ. Косоглазыя, смуглыя лица имѣютъ суровый, сосредоточенный видъ. Пояса украшены серебряными насѣчками, у нихъ болтаются большіе монгольскія огнива, коротенькіе ножи въ кожаныхъ чехлахъ и костяныя палочки, служащія имъ, подобно китайцамъ, вмѣсто вилокъ. На головахъ—черныя круглыя шапочки съ бархатными полями, и сверху на нихъ коралловыя или шелковыя красныя шишки.

Вдали виденъ небольшой холмикъ, и намъ говорятъ, что это Чингисханово городище. Останавливаемся. Слѣды древней постройки, куски обтесанныхъ камней, большіе, очень твердые кирпичи и много осколковъ не то цвѣтной черепицы, не то изразцовъ, сохранившихъ различные цвѣта: желтый, зеленый, голубой. Видно, что строеніе раздѣлялось на нѣсколько частей, быть можетъ, комнатъ. Все это поросло густой травой, степнымъ бурьяномъ и издали напоминаетъ украинскій казацкій курганъ.

Нѣсколько небольшихъ рѣчекъ и ручейковъ проѣзжаемъ въ бродъ и приближаемся къ бурятскому монастырю. Здѣсь шуретуй во главѣ ламъ встрѣтилъ насъ съ балдахиномъ, хоругвями, трубами и бубнами у воротъ храмовой изгороди. Двѣ трубы были невообразимой величины. На красныхъ шелковыхъ шнуркахъ, задѣтыхъ за кольца, четверо несли одну такую трубу, а пятый дулъ въ нее изо всей мочи. Звукъ выходилъ изъ этого чудовищнаго инструмента похожій на ревъ громаднаго дикаго

звѣря. Къ этому звуку присоединялись другіе: кларнетовъ, малыхъ прямыхъ трубъ, бубновъ, и все сливалось въ оригинальную, дикую, восточнаго характера, но интересную мелодію. Получивъ новые ходаки, мы поѣхали ночевать въ ближайшее село.

Здѣсь собралась толпа бурятъ: обрусѣвшіе, крещеные—въ пиджакахъ и курткахъ, буддисты—въ національныхъ костюмахъ—синихъ узорчатыхъ халатахъ съ черными бархатными воротниками и обшлагами. Бурятскія же женщины и дѣвицы тоже въ синихъ костюмахъ. Головной уборъ ихъ очень оригинальный: что-то въ родѣ кокошниковъ, а надъ ушами торчатъ высокія лопасти, сдѣланныя изъ бусъ, янтаря, серебра

Бурятскіе монахи.

и коралловъ. Вся грудь и шея покрыты такими же бусами. Наряды цѣнны и богаты. Лица у бурятокъ смуглыя, румяныя, глаза косые и маленькіе. Красивыми ихъ назвать нельзя, но спокойная, добрая улыбка, національный костюмъ и небольшой ростъ придаютъ имъ видъ миловидныхъ куколъ.

Въ Забайкальѣ зима морозная (температура понижается до — 30°), но безснѣжная; это обстоятельство даетъ возможность бурятамъ круглый годъ кочевать по обширнымъ степямъ, живя въ войлочныхъ юртахъ, и не дѣлать заготовокъ корма: скотъ все время пасется на буйной, хотя и мерзлой травѣ. Отсутствіе снѣга зимой и обильные дожди лѣтомъ объясняются свойствами дующихъ въ Забайкальѣ періодическихъ вѣтровъ.

Рогатый скотъ невеликъ ростомъ, но даетъ очень много молока, изъ котораго буряты приготовляютъ разные продукты: творогъ, сухой сыръ, запеканыя, сушеныя сливки, особаго рода водку—арака. Овцы съ курдюками и простыя доставляютъ имъ мясо. Баранину ѣдятъ они приготовленную во всѣхъ видахъ, и она служитъ, на ряду съ молокомъ, главной пищей. Хлѣба они почти не знаютъ, покупаютъ у русскихъ, и считается онъ лакомствомъ. Только очень еще немногіе изъ бурятъ занимаются хлѣбопашествомъ. Рѣзвыя, выносливыя лошади представляютъ что-то среднее между мохнатой, коренастой шведкой и стройными арабскими. Ноги у нихъ тонкія, сухія, но гривы и хвосты длинные, ростъ небольшой, грудь довольно широкая.

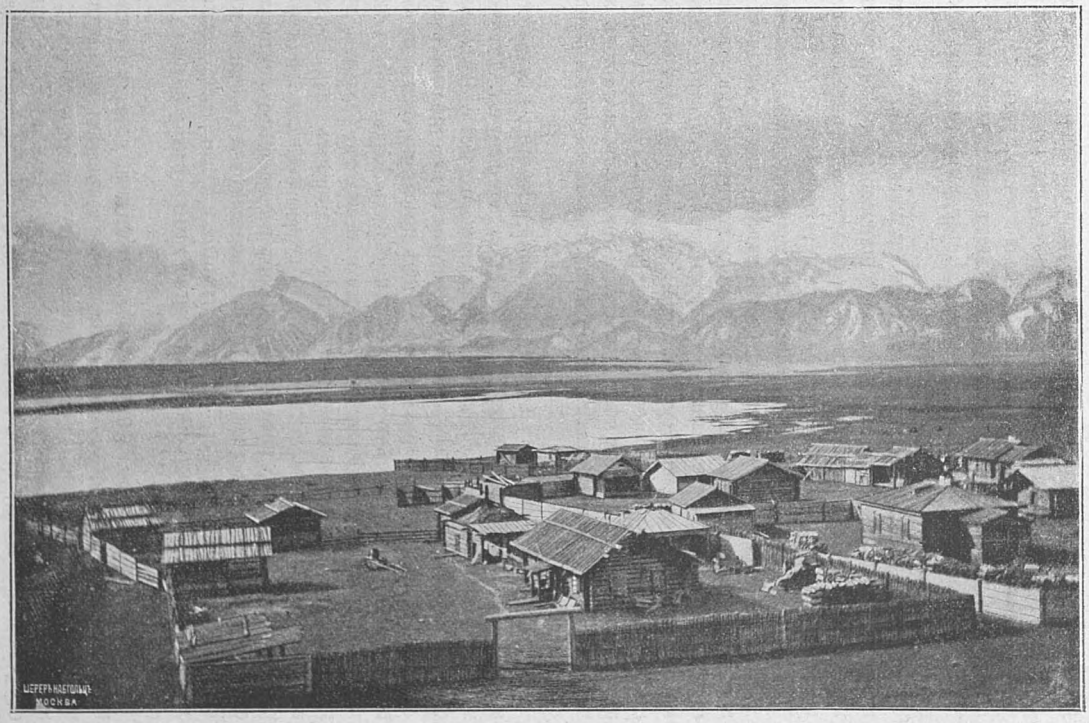
Про бурятъ можно сказать, что они не слѣзаютъ съ лошади; сѣдла ихъ напоминаютъ казацкія, только безъ подушекъ, для насъ очень неудобныя и жесткія. Бурятъ вдвигается между двухъ досокъ, служащихъ сзади и спереди спинками этого сѣдла, и безъ устали, какъ вросшій, скачетъ по обширнымъ долинамъ. Женщины тоже лихія наѣздницы, сидятъ на лошади такъ же, какъ мужчины. Однѣ только старухи и грудныя дѣти перевозятся съ одного кочевья на другое, вмѣстѣ съ разобранной юртой, въ телѣгахъ.

Вся Агинская степь усѣяна соляными озерами. Жители этого края въ пищѣ употребляютъ самосадочную соль изъ этихъ озеръ; въ ней большое содержаніе глауберовой соли, и потому она доставляетъ непривыкшимъ къ ней путникамъ немало неожиданныхъ и весьма непріятныхъ сюрпризовъ.

Минеральныхъ источниковъ съ цѣлебными водами въ Забайкальѣ изумительное богатство: сѣрные, желѣзистые и, главнымъ образомъ, щелочные встрѣчаются положительно вездѣ. Нѣкоторые изъ нихъ пользуются большимъ успѣхомъ, и при нихъ даже устроены небольшіе курорты, какъ, напримѣръ, Тарасунъ возлѣ Читы, Маковѣевскіе въ Агинской степи, недалеко отъ станціи того же имени. Вода изъ этихъ послѣднихъ источниковъ очень вкусна и содержитъ много углекислоты.

Но возвращаюсь къ путешествію. Въ степи на склонѣ холма большая юрта, кругомъ народъ—мужчины, женщины и дѣти, вдали телѣги, а возлѣ нихъ спутанныя, приготовленныя для насъ лошади. Мѣстность была красива, и мы устроили привалъ; передъ юртой постлали большой войлокъ, положили кругомъ войлочные матрацы и подушки, посреди вверхъ дномъ поставили кадушку, и за такимъ столомъ, подъ палящими лучами полуденнаго солнца, весело разговаривая съ хозяевами, попробовали за завтракомъ бурятскихъ блюдъ, кстати сказать, очень невкусныхъ.

Пока запрягали лошадей, намъ показали юрту. На особыхъ рамахъ изъ тонкихъ дощечекъ и прутиковъ натянута кошма. Изъ этихъ рамъ, нѣсколько изогнутыхъ, складываютъ круглую юрту. Для большей тепло-



Городъ Верхнеангарскъ въ Забайкальѣ.

ты стѣны ея дѣлаютъ двойныя и даже тройныя, крыша укладывается изъ треугольныхъ такихъ же рамъ и во время дождей накрывается кожами. Входъ въ это жилище завѣшивается либо войлокомъ, который отгибается, либо дверцей деревянной или кошмовой. Въ юртѣ, кромѣ постели и платья, ничего нѣтъ, вся утварь, продукты и посуда хранятся въ телѣгахъ или висятъ вверхъ дномъ на вбитыхъ въ землю кольяхъ.

Лошади готовы. Ложимся въ тарантасы, раздается знакомое «гха, гха», и снова мы несемся по чудной степи.

Вдали виднѣются болѣе высокіе холмы, за ними горы, а на степи пасущіяся стада верблюдовъ. Неуклюжіе быстроногіе корабли пустыни поднимаютъ спокойно головы, смотрятъ равнодушно, пережевывая сочную траву, на гостей степи и продолжаютъ прерванную ѣду.

Но вотъ конецъ бурятскихъ владѣній, начинается земля казаковъ.

Казаки—красивый, энергичный, бойкій народъ, лихіе наѣздники и гостепріимные любезные хлѣбосолы. Пріятно смотрѣть, какъ высокій, стройный атаманъ гарцуетъ лихо на степномъ конѣ, подъѣзжаетъ близко къ тарантасу и, оперши булаву на лѣвой ногѣ, докладываетъ о своей станицѣ или поселкѣ. Во всей фигурѣ увѣренность и сила. Костюмъ этихъ казаковъ отличается только желтымъ приборомъ, а то тотъ же чекмень, брюки съ лампасами желтаго цвѣта и громадная черная папаха на головѣ.

Гостепріимство развито у нихъ въ высокой степени; въ каждой станицѣ или поселкѣ приглашаютъ васъ «отвѣдать чего-нибудь». Для примѣра приведу меню обѣда у простого зажиточнаго казака. Нѣсколько сортовъ водки и разныя закуски были приготовлены на отдѣльномъ столикѣ. Мать семейства, старая казачка, и двѣ дочери просили попробовать всего понемногу. Затѣмъ пошелъ длинный рядъ блюдъ: четыре сорта суповъ поданы вмѣстѣ, затѣмъ жаркого пять видовъ: баранина, курица, цыплята,—всего и не вспомнишь, нѣсколько сортовъ каши, потомъ сладкое: рисъ съ фруктами, что-то въ родѣ гурьевской каши, три сорта разноцвѣтнаго желе, два рода киселя, взваръ и порѣзанные ломтиками сингапурскіе ананасы въ консервахъ. Въ заключеніе чай съ печеньемъ. Каждый съѣденный кусокъ—большое одолженіе и удовольствіе для хозяевъ. Сами они за этимъ обѣдомъ почти ничего не ѣли, а только угощали.

Забайкальскіе казаки большею частью зажиточны, если не богаты. Главное ихъ имущество—скотъ; въ среднемъ на человѣка приходится по пяти головъ. Конечно, есть исключеніе въ ту и другую сторону, и гурты мѣстныхъ крезовъ достигаютъ тысячи и болѣе штукъ. Степь, окружающая станицы, даетъ возможность вести скотоводство въ широкомъ размѣрѣ. Овчины служатъ предметомъ торговли, а частью идутъ на зимнія одежды. Скотъ сбываютъ цѣлыми гуртами либо въ Китай,

либо въ Читу. Эпизоотіи—сибирская язва и чума—навѣщаютъ Забайкалье почти каждый годъ и причиняютъ немалый уронъ. Кромѣ скотоводства, казаки занимаются земледѣліемъ; овесъ, ярица и пшеница произрастаютъ очень хорошо и даютъ большіе сборы. Нѣкоторые имѣютъ огороды, садятъ картофель, огурцы, капусту, разные другіе овощи и даже арбузы и дыни.

Всѣ казаки православные, но въ ихъ вѣрованія привились и вкоренились нѣкоторые предразсудки ламаизма и, главнымъ образомъ, шаманство. Казаки отчасти вѣрятъ шаманамъ и обращаются къ нимъ послѣ покражи и пропажи, чтобы съ помощью ихъ отыскать потерянное.

Вообще казаки многое переняли у бурятъ и, въ свою очередь, многому научили послѣднихъ. Взаимныя ихъ отношенія очень дружественны, да и не могутъ быть иными вслѣдствіе миролюбиваго характера и добродушія бурятъ и общихъ иной разъ интересовъ; такъ, нѣкоторые бурятскіе роды зачислены въ составъ забайкальскаго казачества. Курьезный видъ имѣютъ эти казаки въ бурятскихъ халатахъ и военныхъ, форменныхъ фуражкахъ.

Агинская степь и казачьи земли остались за нами. Далѣе начинаются земли Нерчинскаго округа.

По Ленѣ.

(Діонео.)

Я четыре года не былъ въ Якутскѣ.

Проживъ все это время «за предѣлами культуры», я горѣлъ желаніемъ увидѣть скорѣе «городъ», къ которому можно приложить это названіе.

Послѣдній переѣздъ идетъ все Леной и низкими островами, затопляемыми во время водополья.

— Хасъ хала дайденъ? (Сколько осталось до города?)—безпрерывно спрашивалъ я у проводника-якута.

— Чугасъ! (Близко!)—неизмѣнно отвѣчалъ онъ.

Пробовалъ я было нѣсколько разъ откидывать мохнатый кокулъ моей кухлянки, чтобы посмотрѣть, не видать ли города, но 45°-ный морозъ заставлялъ быстро надвигать капюшонъ пониже. Но вотъ нарты запрыгали по громаднымъ кучамъ навоза. Городъ близокъ. Чѣмъ ближе, тѣмъ больше навоза. Наконецъ льда совсѣмъ не видно—одинъ лишь навозъ. Вотъ рядъ полуразбросанныхъ барокъ-навозокъ, а выше, на угорьѣ, ярко сверкаютъ на солнцѣ стекла въ окнахъ чистенькихъ деревянныхъ домовъ. Стекла!.. Это мнѣ казалось верхомъ роскоши: уже четыре года какъ я ихъ не видалъ. Въ Средне-Колымскѣ зимой вставляются въ окна льдины, а лѣтомъ—кожа налима. А вотъ и обыватели: якутъ рядомъ съ быкомъ, якутъ позади быковъ, якутъ верхомъ на быкѣ;

кажется, въ Якутскѣ и нѣтъ другихъ обывателей, кромѣ быковъ да якутовъ.

Къ намъ поворачиваются смуглыя лица съ узенькими жирными глазами. Мой костюмъ (я одѣтъ по послѣднему журналу чукотской моды: въ шитой кухлянкѣ, въ мѣховыхъ штанахъ, въ отороченныхъ бобромъ торбасахъ, подарокъ моего друга чукчи Нута Нухва, въ чукотскомъ малахаѣ, отороченномъ лисьими лапами, и въ песцовыхъ рукавицахъ),— мой костюмъ, который приводилъ въ восторгъ щеголей на берегу Ледовитаго океана, здѣсь уже обращаетъ на себя вниманіе.

— Хана барда, момумъ? (Откуда ѣдешь, господинъ?)—безпрерывно окликаютъ меня.

— Колымага, догорумъ! (Изъ Колымска, пріятель!)

— Арахъ! (Далеко!)

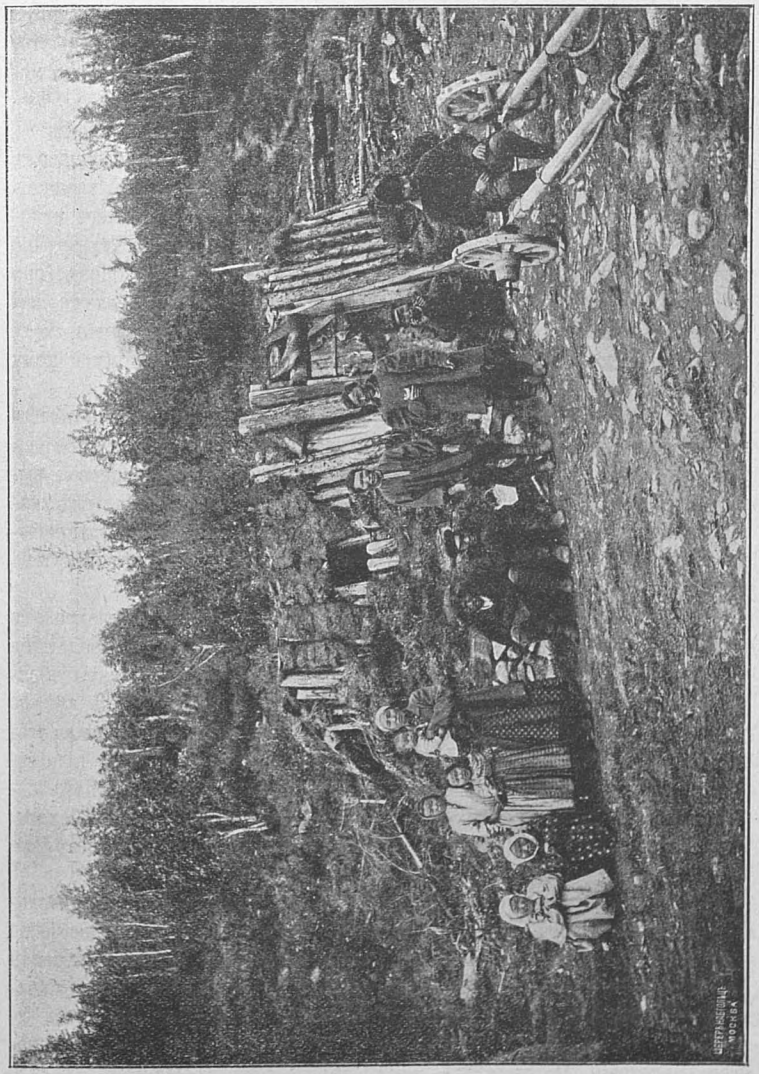
Якутъ хочетъ сказать обычное: «капсе!» (т.-е. сказывай новости), но я обѣщаю ямщику хорошо на водку и велю гнать во всѣ лопатки.

Потянулись кривыя, запутанныя клубкомъ улицы, безконечно широкія, обстроенныя одноэтажными домами. Но какимъ роскошнымъ показался мнѣ этотъ городъ послѣ полярныхъ пустынь! Опять навстрѣчу быки и якуты; но теперь уже вперемежку съ другими элементами. Вотъ хитрое лицо, съ рыжей бородою; на встрѣчномъ бараній тулупъ, крытый сѣрымъ сукномъ. Это—хайлахъ (поселенецъ), еще и еще хайлахи. Изрѣдка встрѣчалась особа, одѣтая по-граждански.

Въ Якутскѣ нѣтъ гостиницъ. Пріѣзжихъ здѣсь почти нѣтъ. А кто и пріѣзжаетъ, тотъ имѣетъ знакомыхъ, у которыхъ останавливается. Былъ и у меня такой пріятель. Черезъ полчаса уже весь городъ зналъ, что пріѣхалъ человѣкъ изъ Колымска, и ко мнѣ стали являться совершенно незнакомые господа, справляться, что слышно на сѣверѣ, допытываться, нѣтъ ли у меня пышнаго (т.-е. пушнины) или юколы, до которой въ Якутскѣ падки всѣ. Я удивлялся на первыхъ порахъ, зачѣмъ у меня спрашиваютъ пышное, коли знаютъ, что я не купецъ. Но потомъ мнѣ объяснили, что это только предлогъ, чтобы посмотрѣть на новаго человѣка.

Мнѣ никогда не приходило въ голову, что я когда-нибудь окажусь въ положеніи доктора Лимуэля Гулливера, возвратившагося изъ путешествія въ далекія страны. А вышло именно такъ.

Привыкнувъ къ извѣстнымъ первобытнымъ мѣркамъ жизни въ Колымскомъ краѣ, мнѣ крайне трудно было сразу отрѣшиться отъ нихъ, когда я пріѣхалъ въ Якутскъ. Обыватель-колымчанинъ, въ первый разъ выѣхавшій изъ своей глуши въ «Якучко», о которомъ слышитъ массу чудесъ съ дѣтскихъ лѣтъ, совершенно тамъ теряется. Первый мѣсяцъ его нельзя никуда выпускать одного, потому что онъ заблудится. За



Якуты.

нимъ нужно зорко смотрѣть, иначе онъ объѣстся хлѣбомъ, который до сихъ поръ былъ для него величайшимъ и рѣдкимъ лакомствомъ. Первое время колымчанинъ безъ просыпа пьетъ, потому что водка стоитъ не три рубля, а лишь 40 копеекъ за бутылку. Правда, несмотря на то, что я отвыкъ отъ улицъ, я не блуждалъ въ Якутскѣ, но тѣмъ не мемѣе доставлялъ не мало темъ для шутокъ мѣстнымъ знакомымъ. Они все предостерегали меня не набрасываться такъ на хлѣбъ, приводя въ примѣръ плачевную участь моего попутчика, который отпраздновалъ день пріѣзда тѣмъ, что съѣлъ фунтовъ 8 ржаного хлѣба. Мнѣ казалось также страннымъ, что извѣстіе о прибытіи почты не производитъ никакой особенной сенсаціи. То ли дѣло въ Колымскѣ! Ждешь почту четыре мѣсяца. Послѣдніе дни только и разговора, что о ней. Наконецъ, она прибыла. Объ этомъ, запыхавшись, сообщаетъ какой-нибудь якутъ, который сейчасъ же стремглавъ мчится въ полицейское правленіе, хотя почта, конечно, ему ничего не везетъ. За якутомъ по одному и тому же направленію мчится весь городъ.

Мальчишки кричатъ: «почта кале!» (прибыла!) Вотъ, обгоняя обывателей, спѣшатъ товарищи. А послѣ полученія писемъ—безконечные разговоры, обсужденіе новостей, перечитываніе «новыхъ» журналовъ, вышедшихъ годъ тому назадъ! И мнѣ странно слышать въ Якутскѣ жалобы на оторванность, когда письмо изъ Россіи, изъ Москвы, прибываетъ на 45-й день. На 45-й день! А лѣтняя почта идетъ изъ Якутска въ Средне-Колымскъ четыре мѣсяца.

Возлѣ Якутска, по Алдану, въ громадномъ количествѣ выступаетъ желѣзная руда. Въ самомъ городѣ, на базарѣ за безцѣнокъ продаются громадныя глыбы ея, взятыя прямо съ поверхности земли. Якуты обрабатываютъ ее такъ же, какъ древніе греки. Они обкладываютъ кусокъ руды въ камелькѣ углями, поддерживая жаръ маленькими ручными мѣхами; когда углеродъ выгоритъ, кузнецы обламываютъ шлакъ и полученную ноздреватую массу обрабатываютъ молотами. Изъ мѣстнаго желѣза якуты выковываютъ охотничьи ножи, славящіеся во всей области. Несмотря на то, что мѣстныя залежи желѣзной руды совсѣмъ нетрудно изслѣдовать, въ этомъ отношеніи не сдѣлано почти ничего.

Русскій языкъ за послѣднее время дѣлаетъ въ Якутскѣ значительные успѣхи. Прежде на самыхъ аристократическихъ вечерахъ иначе не говорили, какъ по-якутски. Въ настоящее время въ Якутскѣ—духовная семинарія, реальное училище, женская прогимназія, якутское миссіонерское училище и 5 городскихъ начальныхъ школъ. Всѣхъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ, среднихъ и низшихъ, 488. Это на 6499 человѣкъ населенія. Въ послѣднее время просвѣщеніе въ Якутскѣ сдѣлало значительные успѣхи. Я даже знаю якутовъ, которые съ величайшимъ трудомъ, съ медленнымъ обозомъ, добрались до Томска (4500 верстъ

отъ Якутска) и которые послѣ блистательно выдержаннаго экзамена на аттестатъ зрѣлости поступили въ университетъ.

Я прибылъ въ Якутскъ въ началѣ февраля. Въ это время городъ совершенно замираетъ до начала іюня, когда съ верховьевъ рѣки прибываютъ пловучіе магазины-павозки. Тогда городъ кипитъ жизнью. Къ этому же времени являются изъ сѣверныхъ округовъ караваны съ пушниной, мамонтовою костью и кабарговой струей. Черезъ недѣлю товаръ на павозкахъ раскупленъ, пріѣхавшіе разъѣзжаются, и городъ опять замираетъ на годъ, пробуждаемый порой на мгновеніе крупнымъ скандаломъ или же изъ ряда вонъ выходящимъ преступленіемъ.

Изъ 2813 вер., отдѣляющихъ Якутскъ отъ Иркутска, 2600 приходится сдѣлать все по одной и той же рѣкѣ, по Ленѣ. Станціи отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи 13—20 верстъ. Станція стоитъ всегда на высокомъ крутомъ берегу рѣки. Кони запряжены. Два человѣка съ трудомъ держатъ горячихъ коней подъ уздцы и осторожно сводятъ ихъ съ крутого обрыва. Вотъ ведущіе отскочили въ сторону, и кони помчались бѣшенымъ галопомъ, осыпая ваше лицо цѣлой тучей морозной пыли. Такъ мчатся они версты три, пока ямщику удастся удержать ихъ, а передъ новой станціей такимъ же аллюромъ кони взбираются на косогоръ. Станціи всѣ на одинъ ладъ. Это рубленая изба о двухъ свѣтлицахъ: одна—для пріѣзжающихъ, другая—ямщичья.

Въ чистой комнатѣ на стѣнахъ всегда одно и то же. Тѣ же часы съ кукушкой, слегка попорченной, такъ что птичка только кукуетъ, но тщетно старается выбраться изъ окошечка. Подъ часами—описаніе пути до слѣдующей станціи. Изъ него вы узнаете, что лѣтомъ здѣсь пассажиры перевозятся въ лодкахъ, которыя тянутъ бечевой кони; весною же и осенью дороги нѣтъ, есть лишь тропа для верховыхъ коней черезъ горные кряжи. Остальныя стѣны облѣплены лубочными картинками. Тутъ—«какъ мыши кота хоронятъ» и иллюстраціи къ народнымъ пѣснямъ. Иногда на столѣ лежитъ еще книжка въ старинномъ кожаномъ переплетѣ. Разверните ее: это—«Новости русской литературы» за... 1804 г., отпечатанныя въ типографіи Лообія, Гаршія и Попова.

Первые дни пути мы ѣхали все якутскими мѣстами. На короткихъ долинахъ всюду виднѣлись разбросанныя юрты съ огромными «бютями» (оградами) возлѣ нихъ. Ямщину правили либо якуты, либо объякутившіеся крестьяне. Эти якуты гораздо энергичнѣе, здоровѣе и менѣе забиты, чѣмъ ихъ собратья на крайнемъ сѣверо-востокѣ.

На тѣхъ станціяхъ, гдѣ ямщики—якуты, туристы, не говорящіе по-якутски, бываютъ поставлены въ критическое положеніе. Объясняйтесь съ человѣкомъ, который на всѣ ваши вопросы отвѣчаетъ «кулганъ суохъ!» (т.-е. уха нѣтъ, не понимаю!) Можно наблюдать такую сценку:

— Принеси соломы въ сани!—кричитъ пріѣзжій.

— Бу баръ! (Вотъ оно!)—отвѣчаетъ ямщикъ и подаетъ подушку.

— Соломы, говорятъ тебѣ.

— Бу баръ!—недоумѣвающимъ голосомъ отвѣчаетъ якутъ, всовывая кошму.

Проѣзжій приходитъ въ бѣшенство. Онъ показываетъ, растопыривъ руки, что ему нужна охапка соломы. А якутъ понимаетъ своеобразно: онъ вталкиваетъ пассажира въ возокъ и пробуетъ опоясать его доху.

— Толмача! Толмача сюда!—кипятится несчастный. Является толмачъ, объякутившійся крестьянинъ, которому, наконецъ, удается втолковать, что требуется, большею частью при помощи такого пріема: пріѣзжій беретъ одну соломинку, показываетъ ее переводчику и говоритъ: «много надо».

Въ иной деревнѣ на козлы взберется ямщикъ, по типу совсѣмъ якутъ, глаза косые, бороды нѣтъ, скулы выдаются; по-русски знаетъ лишь нѣсколько словъ. Попробуйте однако спросить его:

— Ты якутъ?

— Ми крестьянъ!—обидчиво отвѣтитъ онъ. У поселенцевъ дѣти уже всегда объякутѣли.

Лена—боевая артерія всего края, единственная дорога по немъ. Деревни ютятся у самаго берега рѣки. Это—все невольные засельщики: предковъ ихъ пригнали сюда, чтобы было кому править ямщину. Далѣе по обѣ стороны рѣки—полная пустыня. Изъ всѣхъ сибирскихъ рѣкъ Лена самая живописная; дикая красота ея поражаетъ своею причудливостью. Оба берега гористы. Они то круты и обрывисты и состоятъ изъ краснаго песчаника, то волнисты. Песчаникъ кажется сложеннымъ рукою человѣка: до того правильна кладка плитъ. Въ иномъ мѣстѣ обрывы нависли надъ рѣкою и, кажется, обрушились бы, если бы ихъ не подпирали исполинскія естественныя колонны изъ того же плитняка. Подъ обрывомъ, надъ самой рѣкой, по узкому карнизу, вьется бечевникъ. Далѣе берега тянутся въ видѣ исполинскихъ стѣнъ, сложенныхъ руками циклоповъ. Ряды стройныхъ лиственницъ и пихтъ, лѣпящихся по обрывамъ, кажутся воинами, лѣзущими на приступъ на эти бастіоны. А тамъ далѣе, на самомъ гребнѣ, какъ первые солдаты, взобравшіеся на крѣпость, высятся нѣсколько отдѣльныхъ пихтъ. Стѣны изъ краснаго плитняка чередуются съ волнистыми сѣрыми гранитными массами. Грозно торчатъ отдѣльныя острыя глыбы, наклонившіяся надъ самой рѣкой. А далѣе слѣдуютъ пласты разноцвѣтнаго шифера и зеленаго порфира, придающіе берегу сказочно-фантастическій характеръ. Берегъ изрытъ глубокими пещерами. Съ горъ во многихъ мѣстахъ сбѣгаютъ на рѣку теплые минеральные ключи, изъ которыхъ нѣкоторые далеко распространяютъ вокругъ запахъ сѣрнистаго водорода. Направо и налѣво отъ береговъ—сплошныя гряды горъ, кое-гдѣ разрываемыхъ

многочисленными притоками Лены, бассейнъ которой занимаетъ 925.000 квадр. верстъ. Въ этихъ горахъ, въ особенности въ лежащихъ на востокѣ, много такихъ мѣстъ, гдѣ еще никогда не бывалъ европеецъ.

На четвертый день путешествія я уже ѣхалъ по маленькому, но щеголеватому Олекминску, отстоящему отъ Якутска на разстояніи 600 верстъ. Городокъ состоитъ изъ двухъ частей: собственно Олекминска и смежнаго съ нимъ селенія Спасскаго. Спасское гораздо красивѣе и богаче. Въ рукахъ населенія находятся почти всѣ ремесла, требующія искусства; кромѣ того, ихъ деревня снабжаетъ не только городъ молочными продуктами, овощами и отчасти хлѣбомъ, но доставляетъ эти продукты въ значительномъ количествѣ на пріиски.

Вотъ уже десятый день, какъ я въ дорогѣ. Рѣка, которая подъ Якутскомъ имѣла около 15 верстъ въ ширину, теперь значительно сузилась. Деревни пошли все больше да больше. Мы близимся къ знаменитой «Дворянской волости», разсказы о которой можете услышать даже въ Пермской губерніи.

— Почто вы ее прозвали такъ?—спросилъ я ямщика.

— Да какъ не «Дворянская волость», коли тамъ крестьяне не пашутъ, работы не любятъ, а ѣдятъ сытно и живутъ какъ господа!

Такъ оно и было до самаго послѣдняго времени. Недалеко отсюда находятся знаменитые Витимскіе золотые пріиски. Жизнь на пріискахъ очень тяжела. И вотъ рабочій, назябшійся, наголодавшійся на каторжной работѣ въ теченіе цѣлой «операціи», 10-го сентября получаетъ расчетъ. До сихъ поръ въ его карманѣ не было ни копейки: все забиралось въ компанейскихъ магазинахъ «на книжку». Теперь у него сразу оказался цѣлый капиталъ. Въ первой же деревнѣ онъ старается наверстать все за годъ. Такимъ мѣстомъ являлся Витимъ. Село становилось мѣстомъ дикаго, сумасшедшаго разгула.

Многочисленные магазины, кабаки, трактиры, все населеніе поголовно только и ждали этого дня. Пріискатель начнетъ съ того, что сброситъ съ себя рваную «лопать» (одежду), взятую за дорогую цѣну «на книжку» изъ компанейскихъ магазиновъ, и нарядится въ сапоги бутылками, въ бархатныя шаровары и поддевку, въ бобровую шапку. Онъ надѣваетъ нѣсколько шелковыхъ рубахъ одну на другую, одна короче другой и различныхъ цвѣтовъ, чтобы видно было. Въ магазинѣ купитъ часы, да не одни, а пару. Послѣ этого пріискатель принимается «гулять». Такъ было до 1890 г. Съ этого года компаніи не выпускаютъ болѣе рабочихъ въ Витимѣ, а, давъ имъ расчетъ, препровождаютъ ихъ на пароходѣ до Киренска.

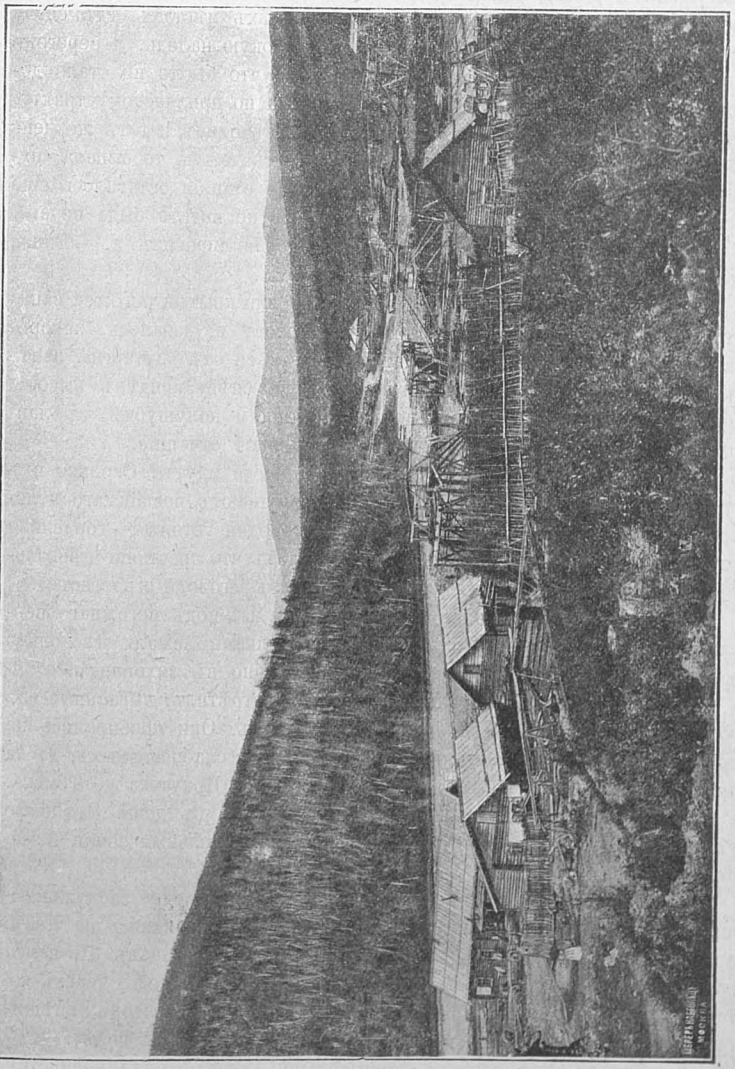
Вотъ и я въ Витимѣ. Село это напоминаетъ настоящій уѣздный городъ. Всюду красивые дома, большіе магазины; но на всемъ печать захудалости и поблеклости минувшаго счастія. «Дворянская волость»

отвыкла отъ работы. Она ничего не умѣетъ дѣлать, а источникъ дохода, пріискатель, ушелъ отъ нихъ. Наиболѣе молодые и энергичные принялись за ремесло спиртоноса.

На пятнадцатый день путешествія я переѣхалъ наконецъ границу Якутской области. Считая со времени выѣзда изъ Сухарнаго, на берегу Ледовитаго океана, я ѣхалъ все по ней около 3 мѣсяцевъ и сдѣлалъ болѣе 5 тысячъ верстъ, не выѣзжая изъ района, находящагося подъ вѣдѣніемъ одного и того же губернатора. Здѣсь всегда мѣряютъ разстояніе тысячами верстъ, а время путешествія—мѣсяцами. Рѣка была тутъ уже не шире версты; но виды стали еще живописнѣе. Не доѣзжая верстъ трехсотъ до Киренска, находятся знаменитыя «Щеки». Рѣка сперта громадными, совершенно отвѣсными скалами до 600 футовъ вышины. Исполинскія каменныя стѣны стоятъ параллельными рядами, образуя родъ гигантскихъ кулисъ. Расположеніе скалъ таково, что стоитъ выстрѣлить изъ ружья, какъ эхо устроитъ настоящую канонаду, такъ какъ звукъ повторяется разъ сто съ силою пушечнаго выстрѣла. Эти «Щеки» лѣтомъ губятъ не одно судно, такъ какъ при малѣйшемъ вѣтрѣ возлѣ нихъ образуются настоящіе буруны. Стремительное теченіе бросаетъ павозокъ прямо на скалы, гдѣ онъ и разбивается. Спертая отвѣсными стѣнами, вода здѣсь быстро поднимается на нѣсколько саженъ при таяніи снѣговъ и такъ же быстро падаетъ.

Скоро окончательно исчезли якуты; но русское населеніе Киренскаго округа такое странное, что не даромъ мѣстныхъ крестьянъ прозвали «бѣлыми якутами». Нужно сознаться, что кличка не совсѣмъ несправедлива. Киренцы такъ сюсюкаютъ, пришепетываютъ и картавятъ, что на первыхъ порахъ трудно догадаться, что разговоръ идетъ по-русски. Наблюдается еще такого рода странность: въ одной деревнѣ всѣ поголовно сюсюкаютъ, въ другой картавятъ или же мѣшаютъ согласныя, въ третьей—у всѣхъ зобы и т. д. Послѣднее явленіе очень часто. «Зобъ не увѣцье, а краса целовѣцья», говоритъ мѣстная пословица. Тѣмъ не менѣе несчастные тщательно прячутъ свою «красу целовѣцью» въ широкихъ шарфахъ. Крестьяне объясняютъ зобатость употребленіемъ сырой ленской воды.

Киренцы живутъ лишь исключительно «съ кнута», т.-е. почтовой гоньбой. Земля здѣсь значительно хуже, чѣмъ въ Якутской области. Почва камениста и слегка лишь покрыта тонкимъ слоемъ глины и песка. Открытыя мѣста, заросшія ельникомъ, тоже не удается превращать въ пашни. Почва покрыта тамъ толстымъ слоемъ мха. Пробовали выжигать этотъ мохъ, въ надеждѣ добраться до почвы, но подъ мохомъ всегда оказывался толстый слой торфа, который загорался, тлѣлъ безконечно долгое время, и въ результатѣ на расчищенной площади образовывались лишь громадныя ямы и бугры, а «почвы» все-таки не находилось.



На Витимскихъ золотыхъ пріискахъ.

Мнѣ нужно было торопиться. Былъ уже конецъ марта. Весна быстро наступала. Вершины прибрежныхъ горъ обнажились. Съ горъ бѣжали ручьи. На льду появились «проталины» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снизу бурлили пороги. Часто сани попадали въ глубокую наледь. У береговъ кое-гдѣ показались забереги. Нужно было во что бы то ни стало добраться скорѣе до Качуги, до послѣдняго села по приленскому тракту, лежащаго на рѣкѣ. Погода была капризная: въ одинъ и тотъ же день то ослѣпительно сіяло солнце, то начиналъ лить дождь, то сыпала «путерга». Разъ она насъ захватила на рѣкѣ. До станціи оставалось еще верстъ десять; крупа сыпала такъ густо, что не видать было ничего. Вдругъ мой возокъ остановился.—«Что такое?» спросилъ я.—«Вишь, новоселы стали. Другого мѣста не нашли!»

Я вылѣзъ изъ возка. Поперекъ дороги стояли крытыя рогожей сани; отпряженная лошадка покорно опустила голову и, казалось, покорилась участи: она не старалась даже отвернуться отъ «путерги», залѣпившей ей всю морду. У дороги, прямо на снѣгу, сидѣлъ высокій крестьянинъ въ разорванномъ до невѣроятности полушубкѣ, въ лаптяхъ. Лицо и поза «новосела» выражали полное отчаяніе.

— Вишь, изъ голодныхъ мѣстовъ на пріиски идутъ! Сколько ихъ туда прошло—страсть одна. А тамъ не принимаютъ россійскаго человѣка: извѣстно, куды же лаптю супротивъ бродня устоять!—горделиво сказалъ ямщикъ. Мѣста пошли уже сытыя, такъ что крестьяне нѣсколько свысока относились къ «новоселамъ» изъ «голодныхъ мѣстъ».

— Си-и-доръ!—раздался больной голосъ изъ-подъ рогожнаго верха. Я заглянулъ туда. Подъ какими-то тряпками лежали нѣсколько ребятишекъ и простоволосая женщина, очевидно въ лихорадкѣ.

Это были первые «новоселы», которыхъ я встрѣтилъ, выгнанные изъ родной деревни, Пензенской губерніи, голодомъ. Они пробирались на пріиски, не подозрѣвая, что тамъ не принимаютъ слабосильныхъ, да на придачу еще семейныхъ. Потомъ, по дорогѣ отъ Иркутска до Томска, я встрѣчалъ цѣлые караваны по нѣскольку разъ въ день. Это было ужъ настоящее бѣгство деревни въ Сибирь, на «вольныя земли и чистыя воды»...

Быстро промчались мы по «городу» Верхоленску, едва заслуживающему названіе даже села, и въ тотъ же день переправились по Ленѣ, не шире здѣсь 400 саженъ, въ Качугу. Ледъ глухо трещалъ. По немъ, во всю ширину рѣки, разлилась громадная глубокая наледь, черезъ которую меня переправили въ лодкѣ. Десятокъ павозковъ спѣшно строился, чтобы поспѣть и спустить ихъ при «первой водѣ».

Отъ Качуги лѣса исчезли окончательно. Пошла слегка волнистая, но совершенно обнаженная «Братская степь».

Странно было послѣ долгаго путешествія по краямъ, гдѣ горизонтъ

скрыть лѣсами или же хребтами, очутиться на открытой равнинѣ. Всюду вдали, въ сторонѣ отъ дороги, виднѣлись разбросанные бурятскіе улусы.

У тунгусовъ.

(Майнова.)

На Уланахъ я отправился 6-го марта. Въ эту пору въ Якутскомъ краѣ лютыхъ «зимнихъ» морозовъ, т.-е. морозовъ градусовъ въ 40—50, уже не бываетъ; случается даже, что днемъ солнце чувствительно грѣетъ, и путнику въ полномъ зимнемъ облаченіи становится жарко; но было бы очень неосторожно довѣриться этому обманчивому теплу; наступитъ вечеръ и въ воздухѣ быстро похолодѣетъ; ночью чувствуется уже сильный холодъ, а къ разсвѣту температура легко можетъ упасть до 30—35 градусовъ. Въ виду этого при отправкѣ въ дальній путь одѣваться приходится потеплѣе, и мы съ моимъ спутникомъ снарядились совершенно по-зимнему.

Дорога наша отъ Якутска и вплоть до Уланаха шла главною артеріей заленскаго края—охотскимъ трактомъ. Въ былое время этотъ трактъ имѣлъ для края большое значеніе. Съ упадкомъ административнаго значенія г. Охотска, а затѣмъ съ открытіемъ въ 1852 г. болѣе удобнаго порта на Аянѣ движеніе грузовъ по охотскому тракту все болѣе и болѣе сокращалось, а вмѣстѣ съ этимъ ухудшался самый путь и сокращалась его провозоспособность. Въ настоящее время охотскій трактъ можно назвать сколько-нибудь благоустроеннымъ лишь на очень короткомъ протяженіи: до р. Амги, т.-е. менѣе чѣмъ на 300 верстъ отъ Якутска. На этомъ участкѣ полотно дороги хорошо укатано, черезъ овраги вездѣ перекинуты легкіе, но довольно прочные мостики, которые время отъ времени хоть кое-какъ, но все-таки чинятся наслежными обществами; въ особенно топкихъ мѣстахъ на нѣсколько верстъ безъ перерыва тянутся бревенчатыя гати, разумѣется, полупрогнившія, шаткія и ненадежныя, но въ весенній разливъ это все-таки лучше, чѣмъ якутскій «бадаранъ» во всей его естественной прелести. Черезъ каждыя десять-пятнадцать верстъ, а ближе къ городу и чаще, какъ ручьи, впадающіе въ рѣку, на трактъ выходятъ боковыя дорожки изъ окрестныхъ юртъ, притаившихся гдѣ-то въ лѣсахъ, въ сторонѣ отъ большой дороги.

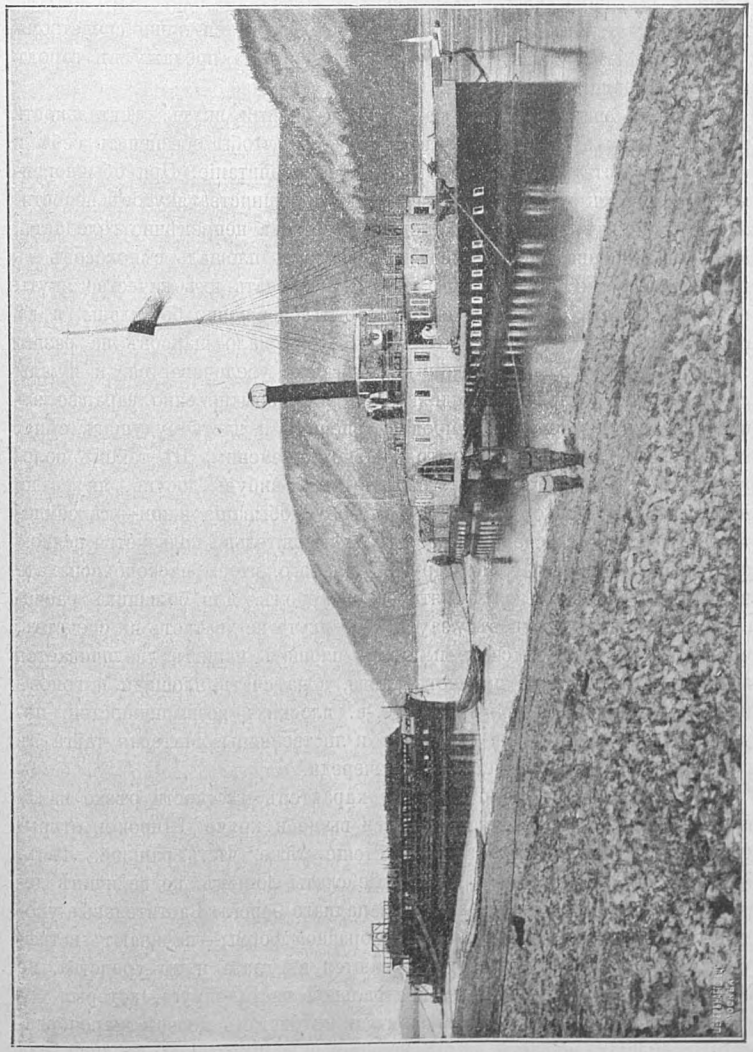
Верстахъ въ 70-ти путникъ подъѣзжаетъ къ небольшому пригорку и видитъ передъ собой сѣренькую улусную церковь съ зеленой крышей; рядомъ съ церковью, на томъ же пригоркѣ, у самой опушки лѣса, двѣ-три скромныхъ постройки: усадьбы священника и псаломщика; другихъ жилищъ—никакихъ... Таковы и вообще улусныя церкви. Неожиданно выступая изъ-за лѣса въ совершенно безлюдной мѣстности, своей

тишиной и одиночествомъ онѣ производятъ странное и меланхолическое впечатлѣніе: кажется, что это живая частица какого-то другого міра, частица коренной, деревенской Россіи, словно чудомъ очутившаяся здѣсь, въ этой холодной пустынѣ съ ея чуждой для русскаго взора природой... Уже обогнувъ пригорокъ, все еще невольно оборачиваешься, какъ бы ожидая, не прозвучитъ ли колоколъ, не выйдетъ ли изъ церкви русоволосый, бородатый народъ изъ сосѣдней деревни, которая непремѣнно должна находиться гдѣ-то тутъ, невдалекѣ,—но все остается тихо, и съ новымъ поворотомъ дороги сверкающій крестъ и зеленая крыша колокольни исчезаютъ изъ глазъ, промелькнувъ какъ видѣніе... Кругомъ опять снѣга и снѣга, запушенные снѣгомъ лѣса, гладкія и бѣлыя какъ скатерть озера, ложбины да изрѣдка синія струйки дыма надъ шатрообразными и тоже бѣлыми отъ снѣга якутскими юртами.

Лишь въ полутораста верстахъ отъ города на пути встрѣчается единственный по всему тракту поселокъ—Чурапча, состоящій изъ двухъ-трехъ десятковъ дворовъ. На холмахъ, прилегающихъ къ западному краю длиннаго озера, въ одиночку и небольшими группами расположены постройки—домики и юрты; на одномъ холмѣ стоитъ церковь и тутъ же неподалеку—усадьбы духовенства; за полверсты отъ церкви, въ ложбинѣ, «станки» обывательскій и почтовый; оба станка—обыкновенныя якутскія юрты, ничѣмъ не отличающіяся отъ другихъ; за четверть версты отъ управы, на лѣсистомъ холмикѣ, улусное училище и дома управскихъ писарей; на самомъ краю—русскій домъ и высокій башнеобразный амбаръ мѣстнаго богача.

Несмотря на близость такихъ учрежденій, какъ церковь, школа и управа, чурапчинскіе якуты, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, не понимаютъ по-русски, и вліяніе русской культуры отражается въ ихъ жизни главнымъ образомъ тѣмъ, что почти всѣ они занимаются хлѣбопашествомъ и почти всѣ отличаются страстью къ азартнымъ играмъ.

По всей линіи охотскаго тракта и въ стороны отъ него вплоть до р. Амги всѣ якуты, имѣющіе свое хозяйство, непремѣнно сѣютъ отъ 1—2 пудовъ до 8—10 пудовъ на одинъ дворъ; самые богатые высѣваютъ пудовъ до 50-ти, но это составляетъ уже рѣдкое исключеніе. При такомъ размѣрѣ посѣвовъ потребность мѣстнаго населенія въ хлѣбѣ и теперь далеко не удовлетворяется урожаями собственныхъ, якутскихъ, полей. Главнымъ препятствіемъ къ быстрому возрастанію площади запашекъ здѣсь служитъ то, что бѣднякамъ дѣлать новыя расчистки не подъ силу, а богатые люди (тайоны) находятъ болѣе вѣрный барышъ въ занятіяхъ торговлей и ростовщичествомъ (что въ улусахъ тѣсно связывается одно съ другимъ); вкладывать свой капиталъ въ землю для нихъ далеко не такъ выгодно, какъ закупать на тѣ же средства товаръ и вымѣнивать его своимъ должникамъ на масло, на скотъ и на сѣно.



На Витимѣ.

Масло и мясо всегда въ спросѣ на пріискахъ,—ихъ можно превратить на наличныя деньги; сѣно служитъ тайону для прокорма собственнаго скота и для дальнѣйшаго задолживанья зависимаго окрестнаго населенія; слѣдовательно въ рукахъ богача оно является лишь средствомъ для пріобрѣтенія масла, такъ какъ везти его на продажу въ городъ было бы слишкомъ далеко и убыточно.

Совсѣмъ иначе глядитъ на дѣло заурядный якутъ, дѣятельность котораго направлена прежде всего къ тому, чтобы обезпечить себѣ и своему семейству сколько-нибудь сносное пропитаніе. При обыкновенныхъ условіяхъ эта цѣль для огромнаго большинства якутовъ недостижима; въ концѣ зимы семья средняго достатка непремѣнно голодаетъ, а недоѣдаетъ она круглый годъ. Увеличивать площадь сѣнокосовъ въ настоящее время можно лишь кое-гдѣ, улучшать ихъ качество якуты не умѣютъ, въ борьбѣ съ болѣзнями они совершенно безсильны, и въ общемъ улусное скотоводство имѣетъ очень мало шансовъ на развитіе въ будущемъ... Населеніе между тѣмъ увеличивается, и нужды его растутъ... Масло у средняго родовича обыкновенно заранѣе запродано тайону, нерѣдко запродана впередъ и часть будущаго сѣна, задолжена и часть собственнаго рабочаго времени... Въ такомъ положеніи, если остается для этого хоть какой-нибудь досугъ, якутъ не можетъ не обратиться къ новому способу добыванія пищи—къ земледѣлію. И улусникъ средняго достатка дѣйствительно пользуется всякою возможностью урвать денекъ-другой для того, чтобы наскоро вспахать какой-нибудь клочокъ и засѣять его ячменемъ. Для большихъ расчистокъ и крупныхъ засѣвовъ у зауряднаго якута не хватаетъ ни средствъ, ни свободной рабочей силы, и потому площадь пашенъ увеличивается главнымъ образомъ не на счетъ тайги, а на счетъ площади выгоновъ и такъ называемыхъ «чарановъ», т.-е. плоскихъ возвышенностей, покрытыхъ мелкими купами березняка и лиственницы. Матерая тайга въ глубинѣ улусовъ еще ждетъ своей очереди.

По переѣздѣ черезъ рѣку Амгу характеръ мѣстности рѣзко измѣняется. Подъемы и спуски становятся выше и круче. Широкія, открытыя поляны встрѣчаются за Амгой еще рѣже, чѣмъ раньше. Лѣсъ, покрывающій каменистые и глинистые скаты лощинъ, по величинѣ деревьевъ замѣтно уступаетъ лѣсамъ западнаго берега. Растительные уроды—лиственницы шпалерной и метлообразной формы—начинаютъ встрѣчаться все чаще; очень часто бросаются въ глаза и тѣ уродства, не особенно рѣдкія и въ лѣсахъ центральной части округа, которыя состоятъ въ образованіи на здоровомъ и вѣтвистомъ деревѣ шарообразнаго скопленія мелкихъ недоразвившихся сучьевъ при средней или верхней части ствола; издали такія утолщенія очень похожи на глубокія гнѣзда, свитыя какою-нибудь крупною птицей.

Дорога за рѣкой Амгой сильно запущена. Старая просѣка, шириною сажени въ двѣ, густо заросла молодятникомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ узкая нарта лишь съ трудомъ проходитъ по свободной полосѣ, имѣющей въ ширину менѣе аршина; гибкія вѣтви молодятника въ такихъ тѣсныхъ проѣздахъ то и дѣло хлещутъ коня и путника. Въ общемъ и мѣстность и путь ясно говорятъ о дикости и заброшенности края, по сравненію съ которымъ страна, оставшаяся за рѣкой, начинаетъ казаться культурной и густо населенной.

Лично для меня впечатлѣніе дикости края усилилось тѣмъ, что въ тальникахъ, густо разросшихся по берегамъ одной рѣчки, мы спугнули великолѣпнаго лося. Звѣрь, отбѣжавъ саженъ двѣсти, остановился въ рѣдкомъ лѣсу и долго смотрѣлъ на насъ, повернувшись вполоборота. Его ноги почти по колѣно ушли въ снѣгъ, и длинное туловище, благодаря этому, казалось еще длиннѣе; массивная голова и могучіе рога насторожившагося звѣря намъ были хорошо видны. Сопровождавшій меня отъ Чурапчи якутъ сильно заволновался. Хотя при насъ не было хорошаго ружья, но охотничье сердце якута не могло примириться съ мыслью, что такой рѣдкостный экземпляръ избѣгнетъ пули. Когда наши нарты приблизились всего саженъ на семьдесятъ къ тому мѣсту, на которомъ сохатый стоялъ въ своей чуткой позѣ, якутъ соскочилъ и хотѣлъ на «счастье» стрѣльнуть изъ своего дрянного ружьишка, какъ онъ самъ говорилъ, бившаго всего саженъ на тридцать. Звѣрь однако не сталъ дожидаться и побѣжалъ въ чащу. Сушникъ затрещалъ подъ его ногами, густые хлопья снѣга посыпались съ тонкихъ деревьевъ, стоявшихъ на пути... Не прошло и минуты, какъ все затихло. Только на снѣгу оставались глубокіе слѣды... Якутъ не преминулъ побродить по снѣгу, чтобы опредѣлить, въ какомъ направленіи убѣжалъ звѣрь, и послѣ этого въ дальнѣйшемъ пути при каждой остановкѣ подходилъ ко мнѣ и съ увлеченіемъ распространялся о томъ, какой это былъ звѣрь, да какъ бы хорошо можно было его подстрѣлить изъ винчестера и сколько бы изъ него вышло чистаго мяса и т. д.

Большая рѣка Алданъ составляетъ еще болѣе рѣзкую географическую грань, чѣмъ Амга, отдѣляя описанную выше заамгинскую мѣстность отъ края, имѣющаго вполнѣ горный характеръ. На правомъ берегу горы спускаются къ берегу крутыми уступами. Кое-гдѣ ихъ гряда перерѣзана глубокими падями, и краемъ одной изъ такихъ падей идетъ въ гору охотскій трактъ.

Проѣхавъ сорокъ пять верстъ, мы прибыли на урочище Этерджяхъ— первое жилое мѣсто на нашемъ пути. На этомъ урочищѣ построилъ себѣ юрту одинъ бѣдный якутъ, и тутъ же неподалеку проводитъ каждую зиму одинъ старый тунгусъ съ женою и девятнадцатилѣтнимъ сыномъ. И старикъ, и его сынъ не замедлили явиться къ намъ, чтобы

поболтать съ русскими. Старикъ, бодрый, несмотря на свои 80 лѣтъ, рослый и статный, оказался большимъ шутникомъ и балагуромъ. Намъ онъ отрекомендовался на ломаномъ русскомъ языкѣ: «я—старый налимъ; зубы нѣту—все равно налимъ». Его сынъ, красивый и сильный юноша отцовскаго типа, со свѣжимъ цвѣтомъ лица и мягкими мечтательными глазами, въ присутствіи старшихъ болѣе молчалъ и только отвѣчалъ на вопросы. Съ 20-го апрѣля до Покрова старикъ, какъ и всѣ другіе здѣшніе тунгусы, уходилъ въ «горы» на промыселъ. Мое замѣчаніе, что пора бы ему было попокоить свои старыя кости, вызвало со стороны старика оживленныя возраженія; онъ положительно не представлялъ себѣ возможности усидѣть въ полутемной юртѣ, когда на дворѣ уже пахнетъ весной и всѣ добрые люди чинятъ свои ружья и собираются въ привычный для нихъ путь по разнымъ ущельямъ и переваламъ въ излюбленныя мѣста родной тайги. Главной добычей для охотниковъ служитъ сохатый, мясо котораго разрѣзывается на тонкіе и длинные ломти и вывѣшивается для просушки на деревьяхъ; хорошо провялившись, эти ломти складываются въ сумы, въ которыхъ они скоро превращаются въ труху; въ такомъ видѣ мясо выдерживаетъ очень долгое время, не загнивая и сохраняя питательность. Въ охотскомъ округѣ подобнымъ же образомъ высушиваютъ въ труху какую-то мѣстную рыбу. Медвѣдей и лисицъ въ этомъ краѣ еще много, но цѣнный пушной звѣрь встрѣчается все рѣже, и по общимъ опасеніямъ промыселъ падетъ еще больше въ томъ недалекомъ будущемъ, когда правительство серьезно приступитъ къ эксплоатаціи предполагаемыхъ горныхъ богатствъ Охотскаго края.

Самый цѣнный звѣрь, соболь, ловится у верховій Алдана и Амги. Всѣ тамошнія «рѣчки», т.-е. лощины рѣкъ, подѣлены между родовичами. Сами тунгусы объяснили мнѣ цѣль дѣлежа тѣмъ, «чтобы кто другой не наткнулся на стрѣлы» (разставленныя владѣльцемъ лова). Соболь, убитый кѣмъ-либо на мѣстѣ, завѣдомо принадлежащемъ другому лицу, считается собственностью владѣльца мѣста.

Наибольшаго терпѣнія требуетъ выслѣживаніе дикихъ оленей, отличающихся необыкновенною чуткостью; къ нимъ приходится подкрадываться такъ, чтобы не хрустнула ни одна вѣточка.

Сохатый менѣе чуткъ, но за этимъ неутомимымъ звѣремъ охотникъ нерѣдко долженъ гнаться нѣсколько дней. Бываютъ случаи, что преслѣдованіе продолжается недѣлю и даже долѣе; звѣрь и человѣкъ всѣ эти дни мечутся по горамъ и чащамъ, дѣлая самые короткіе роздыхи. Для того, чтобы вывезти убитаго звѣря на ближайшую дорогу, нерѣдко бываетъ нужно вырубать въ густомъ лѣсу длинныя просѣки и впрягать въ нарту до десятка оленей. Туша сохатаго вѣситъ до 18 пудовъ, а за зиму въ удачный годъ тунгусъ успѣваетъ добыть отъ 10 до 20 го-

ловъ. Такъ какъ мясо сохатаго составляетъ главную пищу тунгусовъ, то, значитъ, въ благополучный годъ тунгусская семья издерживаетъ около 250 пудовъ; но при расчетѣ необходимо имѣть въ виду, что древній обычай широкаго гостепріимства не вывелся у тунгусовъ до настоящаго времени: не только свой родовичъ, которому не повезло на охотѣ, но и всякій захожій человѣкъ днюетъ и ночуетъ въ урасѣ добытчика.

Сравнительно съ сохатымъ и соболемъ всѣ другія животныя имѣютъ для тунгуса гораздо меньшее значеніе. Еще добывается красная лисица, изрѣдка бурая, а чернобурой уже не встрѣчается.

Тунгусы.

Въ большинствѣ случаевъ тунгусы ходятъ на промыселъ въ одиночку и лишь иногда отправляются вдвоемъ. Съѣстные припасы везутся охотникомъ на салазкахъ. Мѣсячный припасъ на одного человѣка состоитъ: изъ 30-ти фунтовъ ячменной муки, 10-ти фунтовъ масла, небольшого количества мороженаго коровьяго молока и полкирпича чаю. Нечего и говорить, что всѣ эти продукты пріобрѣтаются тунгусами у якутовъ и притомъ почти всегда въ долгъ, т.-е. по очень высокой оцѣнкѣ. Въ прежнее время тунгусъ самъ выдѣлывалъ для себя лукъ и стрѣлы и пропитывался всю зиму олениной и сохатиной, нынѣ же и пища и орудія промысла доставляются охотнику другимъ лицомъ, выдаются ему впе-

редъ, въ счетъ предстоящей уплаты за мѣха, которые охотникъ долженъ доставить своему покрутчику. Такимъ образомъ фактически все тунгусское населеніе, за исключеніемъ очень немногихъ зажиточныхъ людей, состоитъ въ вѣчной кабалѣ у нѣсколькихъ якутскихъ тайоновъ, успѣвшихъ нажить именно въ пушномъ дѣлѣ значительныя состоянія.

Второй промыселъ тунгусовъ—оленеводство.

Жилища тунгусовъ называются урасами и устраиваются такъ: нѣсколько довольно тонкихъ жердей слегка врыто въ землю и скрѣплено наверху, образуя конусъ, діаметромъ сажени въ двѣ и вышиною сажени въ полторы. Эта основа снаружи обложена широкимъ пластомъ толстой и тяжеловѣсной красновато-коричневой лиственничной коры шириною въ аршинъ съ небольшимъ. Выше этого пласта оболочка урасы состоитъ изъ такихъ же широкихъ пластовъ бересты, навитыхъ по большей части нѣсколько спиралеобразно. Самая верхушка конуса остается незащищенной для свободнаго выхода дыма. Отверстіе для входа въ урасу очень низко и на ночь завѣшивается или отгибнымъ пластомъ бересты, или просто кускомъ грубаго холста.

Внутреннее убранство современной урасы имѣетъ въ себѣ кое-что заимствованное отъ русскихъ. Прежде всего прямо противъ входа, на высотѣ примѣрно двухъ аршинъ, во всякомъ жильѣ непремѣнно подвѣшена божница съ дешевыми образочками и массивными мѣдными крестами; затѣмъ у зажиточныхъ людей направо отъ входа навѣшивается на веревочкѣ ситцевый пологъ, по большей части отдернутый. У бѣдняковъ такихъ пологовъ не бываетъ. Предметы русскаго издѣлія, которые можно встрѣтить въ любой урасѣ: мѣдные котлы, эмалированныя тарелки (одна-двѣ на семью), чашки, блюдечки и стаканчики простѣйшаго фасона, одна-двѣ вилки, да пожалуй и только. Большіе мѣдные чайники имѣются почти у всѣхъ тунгусовъ, но есть и такіе бѣдняки, которые довольствуются простыми котлами. Самоваръ можно встрѣтить не такъ часто, но все-таки нельзя сказать, чтобы онъ составлялъ большую рѣдкость.

Въ остальномъ ураса не измѣнилась, и все ея убранство состоитъ изъ ряда оленьихъ вьюковъ и сѣделъ аккуратно уложенныхъ по окружности у самыхъ жердей основы. Въ центрѣ круга, какъ разъ подъ отверстіемъ конуса, въ урасѣ всегда тлѣетъ нѣсколько мелкихъ полѣньевъ или обломковъ дерева. Подъ образами, на почетномъ мѣстѣ, лежитъ кумаланъ, т.-е. коврикъ изъ лосиной кожи; иногда такіе же кумаланы бываютъ разостланы и рядомъ, почти по всей окружности урасы, прямо подъ стѣнкою вьюковъ. Все свободное пространство между вьюками и костромъ усыпается мелкими лиственничными вѣтвями, сглаживающими неровность почвы и наполняющими воздухъ урасы пріятнымъ смолистымъ запахомъ.

Изъ деревянныхъ подѣлокъ въ урасѣ можно увидѣть только двѣ вещицы: столикъ, болѣе похожій на скамейку, и маленькій якутскій погребецъ для храненія чашекъ и другой посуды.

Вьюки, играющіе такую важную роль въ хозяйствѣ тунгуса, состоятъ изъ двухъ помѣщеній: внутренняго берестяного и внѣшняго кожанаго; первое составляетъ собственно коробъ, а второе—футляръ этого короба. Всѣ вьюки по узкимъ бокамъ непремѣнно украшены мечевидными нашивками краснаго и чернаго цвѣта. Сѣдла также украшены узоромъ. Съ наибольшимъ эффектомъ художественный вкусъ тунгусовъ проявляется въ украшеніи зимнихъ рукавицъ и кухлянокъ, на которыхъ цвѣта и узоры почти всегда подобраны чрезвычайно красиво. Лѣтняя одежда тунгусовъ, наоборотъ, не сохранила въ себѣ ничего оригинальнаго.

Всѣ женщины, какихъ я видѣлъ, были одѣты въ широкія ситцевыя рубахи якутскаго покроя, преимущественно краснаго или бѣлаго цвѣта; бѣдныя носятъ совершенно такія же рубахи изъ синей дабы. Мужчины, повидимому, отдаютъ предпочтеніе красному и зеленому цвѣту, но бѣдняки облекаются въ неизмѣнную синюю дабу, столь распространенную среди сибирскихъ инородцевъ. Покрой ихъ рубахъ—общесибирскій, заимствованный черезъ якутовъ у русскихъ крестьянъ: широкая, длинная блуза съ подобранными узкими нарукавниками. Большинство мужчинъ подстригаютъ свои густые, жесткіе волосы почти въ кружокъ, а нѣкоторые оставляютъ ихъ расти свободно, такъ что черныя пряди ниспадаютъ по плечамъ, придавая смуглымъ, темноглазымъ лицамъ этихъ людей что-то поэтически дикое и оригинальное.

Бойкость, развязность и словоохотливость тунгусскихъ дѣтей представляютъ поразительный контрастъ съ обычною флегматичностью маленькихъ якутятъ. Въ якутской юртѣ при появленіи незнакомаго русскаго дѣти обыкновенно забиваются за камелекъ и держатъ себя на первыхъ порахъ робко и принужденно; въ урасахъ наоборотъ: мальчишки нисколько не робѣютъ передъ русскимъ, а со взрослыми изъ своихъ они обращаются совершенно запросто. Въ домашнемъ быту на дѣтяхъ лежитъ особая обязанность—добываніе и расколка мелкаго сушника для костровъ. Девятилѣтняго мальчика начинаютъ подучивать стрѣльбѣ, а годамъ къ 14-ти подростокъ становится уже не на шутку помощникомъ отца. Одинъ тунгусенокъ, котораго я встрѣтилъ, разсказалъ мнѣ исторію своего воспитанія, подтвержденную и отцомъ разсказчика, видимо очень гордившимся успѣхами сына: маленькій Байбачанъ началъ стрѣлять съ девяти лѣтъ и въ первую же зиму убилъ куропатку; это событіе осталось въ памяти всей семьи, какъ настоящій праздникъ. На слѣдующую зиму Байбачанъ подстрѣлилъ уже 17 бѣлокъ и 5 горностаевъ. На третью зиму онъ «добылъ» 110 бѣлокъ и съ этого времени считалъ себя заправскимъ охотникомъ.

Древніе луки давнымъ-давно исчезли изъ употребленія. Главнымъ орудіемъ промысла нынѣ является ружье, наполовину самодѣльное и вполнѣ архаическое по устройству. Самый распространенный типъ—короткоствольная кремневая винтовка, но у нѣкоторыхъ тунгусовъ можно встрѣтить старыя солдатскія ружья такихъ образцовъ, которые давно вышли изъ употребленія. Старинное копье и якутская пальма́ [1]) составляютъ холодное оружіе, имѣющееся и теперь у всякаго тунгуса. Лезвее тунгусскаго копья не особенно длинно, заострено съ двухъ краевъ и насажено на древко, длиною приблизительно въ 2 арш. 10 вершковъ. Копье служитъ тунгусу въ тотъ критическій моментъ, когда раненый медвѣдь встаетъ на дыбы и, вытянувъ лапы, напираетъ на человѣка; въ такой моментъ тунгусъ бросаетъ свою безполезную винтовку, наскоро отскакиваетъ на такое мѣсто, гдѣ почва покрѣпче, и тамъ пригибается на бокъ и ждетъ не шелохнувшись, предирживая правою рукой древко копья у самой земли, а лѣвой—у середины; въ надлежащій мигъ, когда медвѣдь уже надъ нимъ, человѣкъ внезапно выпрямляется и этимъ движеніемъ съ силою вонзаетъ свое оружіе въ грудь врага. Самые ловкіе и самоувѣренные смѣльчаки отваживаются на пріемъ еще болѣе рискованный: они присаживаются на землю, подогнувъ правую ногу калачикомъ, а лѣвую нѣсколько отставивъ впередъ; вся тяжесть корпуса при такомъ положеніи налегаетъ на копье, и сила удара, который наносится при внезапномъ выпадѣ впередъ, получается страшная; но ужъ тутъ, дѣйствительно, нужны такое проворство и зоркость, которыхъ не у тунгуса не найти. Впрочемъ, охота не всегда кончается такъ удачно. Мнѣ пришлось увидѣть однажды старика съ лицомъ, обезображеннымъ до такой степени, что на него страшно было смотрѣть: ни носа, ни губъ на этомъ лицѣ не было, одного глаза не было, одна щека представляла собой что-то невѣроятное, вся голова, если смотрѣть съ боку, казалась мертвой. Оказалось, что давно, въ ту пору, когда этотъ старикъ былъ еще крѣпкимъ мужчиной, ему однажды не посчастливилось при встрѣчѣ съ медвѣдемъ,—звѣрь его изувѣчилъ, но почему-то не загрызъ, а ушелъ въ лѣсъ. Очнувшись на снѣгу съ однимъ глазомъ и лишь съ половиною лица, человѣкъ поползъ въ свою урасу, версты за двѣ до мѣста встрѣчи. Ползъ онъ до вечера, истекая кровью и часто лишаясь чувствъ. За полверсты отъ жилья его замѣтили и на рукахъ принесли подъ кровъ. Тунгусъ отлеживался послѣ этой встрѣчи два мѣсяца, но, едва вставъ на ноги, сейчасъ же началъ поиски берлоги съ тѣмъ, чтобы во что бы то ни стало еще разъ—и непремѣнно

[1]) Пальма́ состоитъ изъ массивнаго лезвея, съ одной стороны прямого и плоскаго, а съ другой выгнутаго и заостреннаго. Это лезвее, имѣющее около аршина длины, насажено на такое же короткое древко; все оружіе въ цѣломъ имѣетъ форму огромнаго ножа; по нуждѣ оно замѣняетъ топоръ, копье, дротикъ, ножъ и пешню.

одинъ на одинъ—перевѣдаться со своимъ врагомъ и отомстить ему за увѣчье. Новая встрѣча оказалась для человѣка удачнѣе: звѣрь былъ убитъ, и только тогда тунгусъ успокоился.

Интересны условные знаки, посредствомъ которыхъ тунгусы даютъ другъ другу свѣдѣнія о своихъ разъѣздахъ: отправляясь въ дальній путь, тунгусъ втыкаетъ въ снѣгъ палку съ легкимъ наклономъ по направленію своего пути; прежній путь перегораживается палкой, а на новомъ втыкается другая палка. Если въ семьѣ странствующаго кто-нибудь боленъ, то на деревѣ дѣлается затесъ, на которомъ изображается углемъ человѣкъ, лежащій на боку или навзничь; въ случаѣ

Стойбище у тунгусовъ.

смерти кого-нибудь изъ семейныхъ человѣкъ изображается лежащимъ ничкомъ. Иногда вмѣсто рисунка соотвѣтственное изображеніе вырѣзывается изъ бересты и вѣшается на деревѣ. Такъ, желая предупредить другихъ охотниковъ о томъ, чтобы они привязывали къ нартамъ своихъ собакъ, такъ какъ въ окрестностяхъ разбросана отрава на лисицу, тунгусъ вырѣзываетъ изъ бересты и подвѣшиваетъ на видномъ мѣстѣ фигуру собаки и т. п.

Тунгусы—довольно ревностные христіане. Однажды мнѣ пришлось присутствовать на ихъ богослуженіи: пріѣхавшій священникъ по просьбѣ тунгусовъ служилъ молебенъ объ избавленіи оленей отъ мора. Все стадо было для этого собрано въ кучу въ особомъ загонѣ близъ урасы. Прямое назначеніе такихъ загоновъ—защита оленей отъ полдневнаго жара.

Высокія лиственницы съ зелеными вѣтвями устанавливаются для этого полукругомъ въ наклонномъ положеніи близъ нихъ разводится нѣсколько дымокуровъ, и олени въ сильный зной или при особенно зломъ комарѣ сами сбѣгаются подъ защиту тѣни и дыма. Передъ молебномъ нѣкоторыхъ животныхъ привязали къ пенькамъ и къ валявшимся на землѣ старымъ лѣсинамъ, другихъ придерживали коротенькими ремнями люди— мужчины, женщины и дѣти, и стадо покорно стояло во все время службы, лишь слегка пошевеливаясь и переминаясь съ ноги на ногу. Присоединившись къ молящимся, я присутствовалъ при своеобразомъ зрѣлищѣ, запавшемъ мнѣ въ память: на лѣсной лужайкѣ, близъ берега тихой рѣки, полускрытой нависшими надъ ея гладью вѣтвями, передъ страннымъ зеленымъ сооруженіемъ, похожимъ на какой-то первобытный алтарь, стоялъ въ облаченіи русскій священникъ, окруженный, словно густымъ кустарникомъ, вѣтвистыми рогами присмирѣвшихъ оленей. Весь народъ со стойбища столпился тутъ же въ одномъ кругу съ оленями. Лица у всѣхъ взрослыхъ были серьезны и внимательны; только у дѣтей, выглядывавшихъ изъ-за вѣтвей загона, глаза горѣли живымъ любопытствомъ. Служба велась на двухъ языкахъ: «помилуй и скотовъ сихъ, яко Ты если податель жизни!» возглашалъ священникъ по-русски; «Аи-Тойонъ абра, Аи-Тойонъ абра, Аи-Тойонъ абра!» (Господи помилуй) прорывался сквозь плавный потокъ славянскихъ словъ якутскій речитативъ псаломщика. Смуглая толпа съ одинаковымъ вниманіемъ слушала понятные и непонятные возгласы, крестилась и низко склоняла головы подъ синими волнами кадильнаго дыма.

У юкагировъ.

(Іохельсона).

7-го августа 1895 г. я въ собственномъ карбасѣ поднялся изъ Верхне-Колымска вверхъ по рѣкѣ Ясачной и остановился въ 10-ти верстахъ отъ Верхне-Колымска, тамъ, гдѣ въ р. Ясачную впадаетъ рукавъ Колымы, называемый Прорвой. 17-го августа я вмѣстѣ съ своими спутниками по рукаву Прорвѣ вышелъ на р. Колыму. Это была цѣлая флотилія изъ 3-хъ карбасовъ и 4-хъ «вѣтокъ» (легкихъ лодокъ). Наше общество состояло изъ 22-хъ человѣкъ (10-ти мужчинъ, 6-ти женщинъ и 6-ти дѣтей). Въ первомъ карбасѣ, кромѣ меня, казака и переводчика, еще было 3 юкагира, тянувшихъ лямку. Остальные мужчины въ легкихъ вѣткахъ плыли впередъ. Два другіе карбаса съ дѣтьми, урасами и хозяйствомъ тянули женщины сзади, за нами бѣжало 20 собакъ, оживляя пустынные берега. Юкагиры не заставляютъ собакъ тянуть лодки, какъ это дѣлаютъ ниже по Колымѣ русскіе и якуты. Хорошій бечевникъ весьма рѣдокъ. Берега крутые или покрыты растительностью дѣвственныхъ

лѣсовъ, гдѣ человѣкъ пройдетъ, перебросивъ черезъ дерево бечеву или вырубивъ себѣ дорогу, тамъ собака запутается. Вся эта область представляетъ совершенно еще невѣдомый, неизслѣдованный край. Долина р. Колымы, къ югу отъ устья Ясачной, т.-е. болѣе 1.100 верстъ отъ океана, отличается еще значительной шириной, и Колыма еще является большой рѣкой съ многочисленными островами, мелями и протоками, но незначительной глубиной и весьма быстрымъ теченіемъ. Долина рѣки пролегаетъ по сѣверному склону обширнаго плоскогорія, на которомъ возвышаются отдѣльные хребты. Сейчасъ за устьемъ рѣки Ясачной, къ югу, она еще имѣетъ видъ довольно обширной равнины. На лѣвомъ берегу, отлогомъ, покрытомъ дресвой и мелкой галькой, только издали виднѣются горные отроги. На правой сторонѣ горы отступаютъ къ востоку и холмисты; берегъ образуетъ крутые и осыпающіеся земляные яры, покрытые лиственнымъ лѣсомъ, но въ 80-ти верстахъ отъ Ясачной горы съ востока подходятъ къ самой рѣкѣ: онѣ то образуютъ куполообразныя вершины съ покрытыми лѣсомъ склонами, то представляютъ причудливыхъ формъ обнаженія вывѣтрившихся известняковъ и песчаниковъ. Около Коркодона долина Колымы суживается и вся мѣстность принимаетъ характеръ настоящей горной страны.

Когда ѣдешь со стороны тундры на югъ, весьма интересно наблюдать, какъ ползучіе кусты и корявыя лиственницы границы лѣсовъ постепенно переходятъ въ роскошные кустарники и стройный лѣсъ и какъ съ появленіемъ новыхъ видовъ измѣняется весь растительный покровъ. Верхне-Колымскъ на 3° южнѣе границы лѣсовъ, и лиственницы уже имѣютъ здѣсь совершенно иной ростъ: это прямыя, стройныя, высокія деревья. Появляются березовыя, осиновыя и тополевыя рощи, острова и низкіе берега покрыты роскошными ивами и вербами. Къ югу отъ Верхне-Колымска бѣлый тополь достигаетъ толщины въ 2 обхвата. Изъ него юкагиры выдалбливаютъ нижнюю часть для карбасовъ. Но сосна и ель еще здѣсь неизвѣстны. Такого обилія ягодъ я еще раньше не видѣлъ къ сѣверу отъ Верхоянскаго хребта. Здѣсь есть 4 разновидности смородины, на склонахъ хребтовъ кусты малины и дикой розы, въ долинахъ рѣкъ черемуха, которой я не встрѣчалъ около Средне-Колымска. Но юкагиры многихъ ягодъ не любятъ. Малины не ѣдятъ, называя ее собачьей ягодой, смородины тоже не любятъ и называютъ русской ягодой. Самой любимой ягодой считается голубика, а затѣмъ собираютъ плодъ шиповника, терпкую ягоду черемухи и бруснику. Вся южная часть округа, между рр. Ясачною и Коркодономъ и къ югу отъ Коркодона, совершенно пустынна и безлюдна. Осенью только отдѣльные юкагиры въ вѣткахъ отправляются настораживать снаряды на лисицъ, разставленные по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ.

Лѣто 1896 года было холодное. Въ день выѣзда изъ Верхне-Ко-

лымска, т.-е. 7-го августа, замерзъ картофель на огородѣ священника. За все время пути температура по ночамъ падала ниже 0, но днемъ поднималась до 15° Ц. Однако низкая температура не мѣшала въ ясные дни преслѣдовать насъ тучамъ мошки. 5-го сентября выпалъ снѣгъ, и горы кругомъ побѣлѣли.

Первый ночлегъ мы устроили черезъ 10 верстъ отъ Прорвы. Сейчасъ, какъ пристаютъ къ берегу, женщины, несмотря на усталость, ставятъ изъ жердей коническій остовъ урасы, который покрываютъ ровдугой (замшей), потомъ приносятъ на себѣ дрова и разводятъ огонь. Мужчины ставятъ въ удобныхъ мѣстахъ сѣти. Всего у насъ было 15 сѣтей.

Первый промыселъ былъ весьма удаченъ; пойманной рыбы оказалось достаточно не только на ужинъ, но и на завтракъ слѣдующаго утра. Поэтому мои безпечные спутники сейчасъ же сняли сѣти, а на второй день, на слѣдующемъ ночлегѣ, ничего не добыли. Изъ 20 дней пути только на шести ночлегахъ удачно промышляли рыбу. На остальныхъ ночевкахъ добывали по 2 по 3 рыбы на все общество. Мы отправлялись обыкновенно въ 10 ч. утра. Въ три часа пили чай всѣ вмѣстѣ. Въ 5 часовъ снова поднимались и въ 8 ч. останавливались на ночлегъ.

За все время пути мы не встрѣтили ни одного человѣка, не удалось также увидать оленя, хотя по берегамъ нерѣдко встрѣчали оленьи слѣды. Но зато мы много разъ видали медвѣдей. Разъ вечеромъ, когда мы пристали къ берегу, собаки вдругъ кинулись въ лѣсъ, но скоро выбѣжали, преслѣдуемыя большимъ медвѣдемъ въ сопровожденіи трехъ другихъ меньшихъ медвѣдей, очевидно, самки и двухъ дѣтенышей; увидѣвъ наши лодки и людей, медвѣди весьма поспѣшно удалились въ лѣсъ; быстрый топотъ ихъ ногъ и необыкновенный трескъ сучьевъ свидѣтельствовали о томъ, что они бѣжали галопомъ. Хотя у насъ были казенныя берданки и хотя юкагиры вообще не боятся медвѣдей, тѣмъ не менѣе ночное время не позволяло ихъ преслѣдовать.

Съ устья Коркодона одинъ изъ вѣточниковъ поѣхалъ впередъ, и скоро мы были встрѣчены цѣлой флотиліей карбасовъ. Тутъ было все коркодонское населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей. Трудно себѣ представить болѣе пугливое, конфузливое и стыдливое населеніе, какъ эта кучка людей, затерянныхъ въ долинахъ рѣчекъ среди горъ. Когда мы вышли на берегъ, каждый по очереди подходилъ, кланялся и снималъ шапку. Даже дѣвушки и женщины быстро скидывали свои вышитыя шапочки.

Лѣтомъ, около Петрова дня, къ Верхне-Колымску приплываетъ цѣлый флотъ юкагирскихъ лодокъ и вѣтокъ съ пѣснями и многочисленными салютами изъ кремневыхъ ружей. Спускаясь съ вершинъ разныхъ рѣчекъ, юкагиры собираются на Ясачной, въ 10 верстахъ выше Верхне-

Колымска, и оттуда всѣ вмѣстѣ спускаются къ городу, все населеніе котораго состоитъ изъ церковнаго причта, русскаго приказчика и двухъ-трехъ якутскихъ семействъ. Тутъ юкагиры вносятъ исправнику, который пріѣзжаетъ изъ Средне-Колымска, ясакъ, священникъ исполняетъ требы, а якутскіе и русскіе торговцы вымѣниваютъ у юкагировъ то, что ими было добыто зимой и весной, на чай, табакъ, ситецъ или платки. Берутъ также у юкагировъ за безцѣнокъ или за старые сомнительные долги карбасы, которые юкагиры дѣлаютъ изъ бѣлаго тополя. Съ пріѣздомъ юкагировъ рѣка Ясачная у Верхне-Колымска оживляется, берегъ покрывается кожаными коническими урасами, и парни и дѣвушки по цѣлымъ днямъ ведутъ круговой танецъ. Такъ проводятъ они время до конца іюля, питаясь случайнымъ промысломъ какой-нибудь птицы или рыбы и живя больше чаемъ. Но вотъ пришли морскія рыбы: омуль и нельма, идущія изъ океана въ рѣки для метанія икры, и рѣка оглашается радостными криками. Главный промыселъ на р. Ясачной—омулевый. Первыя партіи омуля пропускаютъ: ихъ не промышляютъ, чтобы не испугать рыбу, а то она уходитъ назадъ въ Колыму. Но когда ходъ омуля вверхъ установится, начинается промыселъ. Кто ставитъ сѣти, кто закидываетъ неводъ. У юкагировъ рѣдко у кого есть неводъ, а про свои сѣти они сами говорятъ, что медвѣдь можетъ пройти черезъ громадныя дырья, не то что омуль: до того сѣти изорваны. Какъ всѣ рѣки сѣвера Якутской области, за исключеніемъ Лены, на которой пески составляютъ собственность якутскихъ наслеговъ и сдаются съ торговъ, р. Ясачная свободна для всякаго промышленника. Сюда во время хода омуля приходятъ съ разныхъ мѣстъ якуты, ламуты и верхне-колымскіе русскіе. Тѣ, у кого есть невода, соединяются вмѣстѣ, и промыселъ носитъ общественный характеръ, рыба дѣлится на паи между хозяевами неводовъ. Вмѣстѣ съ послѣдними партіями омуля поднимаются вверхъ по Ясачной и юкагиры. Къ 10—15 сентября они занимаютъ свои зимніе срубы на устьѣ р. Нелемной, притока Ясачной, въ 80 в. отъ Верхне-Колымска. Къ концу сентября р. Ясачная уже стоитъ. Въ октябрѣ и ноябрѣ промышленники, партіями въ 2—3 человѣка, пѣшкомъ или на 2—4 собакахъ, отправляются «бѣлковать». По дорогѣ они осматриваютъ лисьи ловушки, настороженныя осенью. Женщины, дѣти, старики сидятъ въ это время дома, мнутъ шкуры и готовятъ лѣтнюю одежду. Декабрь и январь мѣсяцы, самые холодные, юкагиры проводятъ дома, и если пища есть, то проводятъ время весьма весело. Каждый день то въ одномъ, то въ другомъ домѣ собирается молодежь для танцевъ и игръ. Въ это время въ юкагирскіе поселки по Ясачной подъ разными предлогами и безъ всякихъ предлоговъ являются якуты и, пользуясь первобытнымъ гостепріимствомъ, живутъ по недѣлямъ и ѣдятъ приготовленную рыбу, такъ что въ самый лучшій годъ пищи юкагирамъ не хватаетъ

до февраля. Въ февралѣ мѣсяцѣ юкагиры оставляютъ зимніе дома, кладутъ свои ровдужные шатры на нарты и начинаютъ кочевать по различнымъ рѣкамъ по нѣскольку семействъ вмѣстѣ, но въ каждой группѣ имѣется одинъ хорошій промышленникъ, который промышляетъ дикихъ оленей во главѣ другихъ юкагировъ. Собакъ у юкагировъ мало, кормить ихъ нечѣмъ, и въ кочевкахъ, за исключеніемъ дряхлыхъ стариковъ, больныхъ и маленькихъ дѣтей, всѣ ходятъ пѣшкомъ. Тяжело и вмѣстѣ съ тѣмъ смѣшно видѣть пятилѣтняго мальчика или дѣвочку на лыжахъ и съ посохомъ, когда они карабкаются на гору, проваливаются въ снѣгъ, отстаютъ отъ табора и плачутъ отъ холода.

Такъ проходятъ зима и весна, потомъ снова строятъ суда, и снова съ вершинъ разныхъ рѣчекъ отдѣльныя группы голодныхъ семействъ съѣзжаются въ Верхне-Колымскъ. Такова жизнь ясачныхъ юкагировъ. Если омулю не понравилась вода р. Ясачной и, минуя ее, онъ ушелъ вверхъ по Колымѣ, тогда съ лѣта уже начинается недоѣданіе, и къ осени наступаетъ настоящій голодъ.

То же самое бываетъ весной, если духъ, покровитель оленя, не хочетъ давать дикихъ оленей. Тогда юкагиры по 3—4 дня бродятъ безъ пищи. Послѣ весенней голодовки юкагиры пріѣзжаютъ въ Верхне-Колымскъ безъ залповъ и пѣсенъ, въ одиночку.

Болѣе жалкую жизнь трудно себѣ представить. Тѣмъ не менѣе находятся люди, которые наживаются и богатѣютъ на счетъ этихъ людей.

Ночью, 18 сентября, замерзли берега, пошла шуга, и мы спустились по рѣкѣ къ зимнему становищу, гдѣ находились зимніе срубы-землянки съ якутскими камельками и ледяными окнами. Вездѣ щели въ дверяхъ и стѣнахъ, съ низенькаго потолка сыплется земля, камелекъ не закрывается, чернила ночью замерзли, а днемъ нужно было грѣть ихъ у камелька. Но зато въ домѣ всегда чистый воздухъ, отсутствіе сырости и вѣчныхъ угаровъ, которые донимали меня въ домахъ колымчанъ русскихъ, затыкающихъ сверху трубы оленьей шкурой и всякимъ тряпьемъ. А послѣ урасы, въ которой можно было писать только возлѣ огня очага, срубъ-землянка оказалась очень удобной квартирой. Здѣсь я имѣлъ несчастіе быть свидѣтелемъ голодовки. Осенній промыселъ былъ плохъ. Во время промысла питались, но въ запасъ нечего было класть. Въ открытыхъ мѣстахъ рѣки стояли верши, въ проруби спускались сѣти, но каждый день добывалось въ нихъ на все населеніе 6—10 рыбъ. Трудно забыть видъ голоднаго человѣка—съ засохшими губами, воспаленными глазами, блуждающимъ взоромъ. Собаки бродили голодныя, предоставленныя самимъ себѣ. Наконецъ, 8 ноября явились два семейства ламутовъ, и я купилъ у нихъ двухъ оленей и могъ подѣлиться съ юкагирами мясомъ. На слѣдующій день пришли еще четыре семейства. Я пригласилъ тогда къ себѣ всѣхъ домохозяевъ, въ числѣ кото-

рыхъ былъ одинъ родовой князекъ, и предложилъ имъ сдѣлать пожертвованіе оленями въ пользу голодающихъ юкагировъ, на территоріи которыхъ они промышляютъ бѣлку. Они тотчасъ же согласились, хотя были тоже небогатые люди, владѣльцы стадъ въ 15—20 оленей. Два человѣка дали по два оленя, остальные по одному. Ламуты прикочевываютъ сюда съ табунами оленей, которыхъ мѣняютъ на бѣлку. За жирнаго оленя берутъ 50 бѣлокъ, за сухого—40, за двухгодовалаго—30. По словамъ юкагировъ, ламуты, вторгаясь, начинаютъ промышлять прежде времени, не дожидаясь юкагировъ. Зимой разгоняютъ бѣлокъ, весной оленей, и юкагиры, когда выходятъ, находятъ только слѣды ламутовъ и

Юкагирскія женщины.

разогнанныхъ ими животныхъ. Раньше, когда якуты-торговцы не ѣздили на Коркодонъ, ламуты давали даромъ юкагирамъ оленьи шкуры на одежду; теперь якуты все покупаютъ, и ламуты перестали даватъ. Очень часто теперь ламуты скрываются отъ юкагировъ, не указываютъ имъ своихъ стойбищъ, чтобы они не выпрашивали. Но бываетъ, что дѣло доходитъ до споровъ, пререканій и угрозъ. Въ 1890 г. весной юкагирскій князь съ нѣсколькими семействами, кочуя вверхъ по Колымѣ, прикочевалъ къ Коркодону. Тутъ онъ встрѣтился съ коркодонскими юкагирами. У тѣхъ и у другихъ не было промысла. Начался голодъ. Они во всемъ обвиняли ламутовъ. Юкагиры разыскали ихъ и стали требовать пищи. Ламуты отказывали. Въ это время пріѣхалъ съ Колымы якутскій князекъ для обмѣна. Юкагиры обратились къ нему, какъ къ третейскому

судьѣ. «Ты насъ суди», сказали юкагиры. Были посланы гонцы въ ламутскія стойбища. Старики явились. Якутскій князекъ, который привезъ водку, чтобы мѣнять ее на лисицъ, оказался тѣмъ не менѣе не только благоразумнымъ, но и справедливымъ судьей. Юкагирскій князь сталъ въ позу просителя, т.-е. сложилъ руки на груди, и началъ цѣлую рѣчь. Юкагиры покачивали головами, ламуты сидѣли, понуривъ головы, въ убѣжденіи, что придется ужъ что-нибудь дать.

«Вы люди съ конями, вы люди съ оленями,—началъ юкагирскій князь, обращаясь къ якутамъ и ламутамъ,—а мы—люди пѣшіе. У насъ есть собаки, но наши бабы должны тащить нарту съ домомъ и дѣтьми. Конь самъ найдетъ траву, олень—мохъ, а собаку надо кормить. Когда у человѣка нѣтъ ѣды, то и у собаки нѣтъ ѣды. Наши люди расходятся въ разныя стороны,—тутъ онъ раздвинулъ пальцы рукъ, чтобы наглядно показать, какъ расходятся,—ищемъ ѣды, ищемъ одежды. Никого нѣтъ, бѣлокъ нѣтъ, оленей нѣтъ, только и есть ламутскій слѣдъ, «пустой» ламутскій слѣдъ; отъ голода щеки впали, высохли; что мы будемъ одѣвать на будущій годъ? Оленей нѣтъ, нѣтъ мохнатой одежды, отъ холода замерзнемъ. Вы, верховые люди, пришли на нашу землю, разогнали бѣлокъ, оленей, насъ, людей, своими ногами ходящихъ, не ждете. Хоть вмѣстѣ бы въ одно время промышляли. Теперь дайте намъ мяса, дайте шкуръ. Ты ходишь въ крѣпость (т.-е. въ Средне-Колымскъ),—закончилъ онъ, обращаясь къ якутскому князьку,—ты видишь нашихъ начальниковъ и своихъ людей, ты разсуди насъ». Ламуты возражали, что и они царскіе люди, что они тоже даютъ ясакъ и что земля эта царская. Они промышляютъ тамъ, гдѣ есть промыселъ. Кому хозяинъ мѣсто даетъ, кому нѣтъ, они въ этомъ неповинны. «Если мы будемъ ѣсть своихъ ѣздовыхъ оленей, то тоже будемъ пѣшими», сказали ламуты. Но якутскій князекъ присудилъ, что ламуты должны дать оленей для ѣды, ибо какъ не дать людямъ, которые голодаютъ; относительно шкуръ на одежду пусть сами разсудятъ, ибо еще неизвѣстно, промышлили бы юкагиры, если бы ламутовъ не было. Ламуты дали по оленю на каждое семейство. Разумѣется, мяса хватило только на нѣсколько дней.

Обратный путь съ Коркодона я совершилъ на лошадяхъ. Дорога шла по рѣкѣ Коркодону, а потомъ по Колымѣ. Мѣстами р. Коркодонъ была открыта. Вездѣ наледи, скрываемыя глубокимъ снѣгомъ, не дававшимъ имъ замерзнуть и рѣчному льду утолститься. Надъ открытыми мѣстами, полыньями, стоялъ густой паръ. Кони, ступая по бѣлому снѣгу, погружались въ жидкую снѣжную кашу, моментально примерзавшую къ щеткамъ ихъ ногъ. Ледъ проламывался, лошади проваливались.

Мѣстами съ обѣихъ сторонъ крутые хребты, а по всей рѣкѣ разливается вода, обхода нѣтъ. Но за мной пріѣхали съ Ясачной самые опытные проводники. Одинъ изъ нихъ шелъ впереди на широкихъ лы-

жахъ и длиннымъ копьемъ пробовалъ крѣпость льда. Другой, за нимъ, верхомъ на конѣ, обозрѣвалъ окрестность и указывалъ направленіе. Наступало самое суровое время года. Природа засыпала холоднымъ сномъ. Кругомъ спокойствіе и безмолвіе. Все мертвенно, блѣдно и неподвижно. Медвѣдь спитъ въ берлогѣ, бѣлка не выходитъ изъ гнѣзда. Дятелъ пересталъ долбить кору лиственницъ. Заяцъ дремлетъ подъ корнями упавшаго дерева. Глухарь и куропатка зарываются въ снѣгъ. Часто въ лѣсу, когда наступаешь на снѣгъ, изъ-подъ ногъ вылетаетъ испуганная куропатка. Зимующая тамъ бѣлая сова сидитъ, спрятавъ голову подъ крыломъ, а четвероногіе хищники лежатъ свернувшись, уткнувъ морду въ толстую шерсть. Въ воздухѣ посѣдѣло отъ дыханія природы. Солнце подъ той широтой не скрывается вполнѣ, но въ то время оно весь день стоитъ на краю горизонта, холодное, безъ лучей и блѣдно-желтое, какъ дно мѣднаго таза. Оно не ослѣпляетъ глазъ и не въ состояніи затмить своего собственнаго отраженія: блѣдный дискъ луны и днемъ не сходитъ съ небеснаго свода.

Для ночлега выбирали мѣста, закрытыя отъ вѣтровъ, въ лѣсу съ сухостоемъ, чтобы подъ руками былъ сухой лѣсъ. Одни разгребали лопатой или лыжами снѣгъ, устроивъ высокій валъ, другіе рубили и валили деревья. Въ центрѣ вала зажигали громадный костеръ изъ толстыхъ лиственныхъ стволовъ, концы которыхъ расходятся въ разныя стороны. По обѣимъ сторонамъ костра, вдоль пылающихъ стволовъ, въ снѣжный валъ втыкаютъ наклонно жерди и ихъ снаружи закрываютъ ровдугой. Подъ уклономъ этого щита устраиваютъ постель изъ оленьихъ шкуръ. Громадное пламя костра быстро обращаетъ кругомъ себя снѣгъ въ паръ, который снова осаждается инеемъ на охлажденной поверхности лица, волосъ и мохнатой одежды. Густое облако окутываетъ станъ, а побѣлѣвшіе люди дѣлаются похожими на большихъ зайцевъ. Но съ какимъ наслажденіемъ проглатываешь тогда горячій чай и грѣешь руки о чашку. Самое худшее—это спать въ этихъ полярныхъ гостиницахъ, но къ холоду, какъ ко всему на свѣтѣ, можно привыкнуть. Многіе инородцы раздѣваются догола и закрываются одѣяломъ изъ оленьихъ или заячьихъ шкурокъ. Оно оканчивается мѣшкомъ для ногъ. Инородцы ложатся головой къ костру вопреки нашей поговоркѣ: держи голову въ холодѣ, а ноги въ теплѣ, точно боятся заморозить мозгъ.

Всѣ заснули. Костеръ пересталъ горѣть, только тлѣетъ. То у того, то у другого изъ спутниковъ открывается часть тѣла — спина или грудь—и покрывается инеемъ, но они продолжаютъ спокойно спать. Въ первое время эти ночлеги не могутъ нравиться. Къ нимъ трудно приспособиться. Подъ мѣховымъ одѣяломъ, если закроешься совсѣмъ, трудно дышать, задыхаешься. Вотъ немного откроешь одѣяло, но какъ только засыпаешь, чувствуешь, что морозъ щиплетъ носъ. Просыпаешь-

ся и не можешь открыть глазъ, вѣки смерзлись, отъ дыханія лицо покрылось инеемъ и приподнятый край одѣяла затвердѣлъ, какъ древесная кора... Потомъ привыкаешь къ этимъ ночевкамъ.

Наконецъ, мы пріѣхали въ юкагирскій поселокъ. Трудно описать удовольствіе, которое испытываешь послѣ такой дороги въ домѣ, какой бы онъ ни былъ, передъ пылающимъ огнемъ камелька.

Колымскій округъ.

(Діонео.)

Трудно представить что-нибудь болѣе печальное, чѣмъ видъ «колымской стороны» съ Алазейскаго хребта, составляющаго границу двухъ округовъ, Верхоянскаго и Колымскаго.

Сами горы не высоки (около 3-хъ тысячъ футовъ); но лютые холода пресѣкаютъ растительность, встрѣчаются только тонкія, чахлыя лиственницы, странно скрученныя спиралью. Это все дѣйствіе стужи, достигающей здѣсь страшной цифры — 60° и даже нѣсколько ниже по Ц. Вершина хребта—обнаженная.

Одиноко вырѣзывается на сѣромъ небѣ покачнувшійся крестъ, обвѣшанный крылышками куропатокъ, пучками конскаго волоса, тряпочками и т. п. Это—все жертвы «хозяину мѣста», духу горы. Сбейте рукавомъ вашей мѣховой кухлянки толстый слой инея, покрывшій крестъ. Вы прочтете тогда рядъ грустныхъ надписей, сдѣланныхъ невольными туристами, посылающими послѣдній привѣтъ дорогой далекой родинѣ. Бѣлесыя сумерки полярнаго зимняго, безсолнечнаго «дня» скрываютъ горизонтъ, сгущая такимъ образомъ и безъ того уже мрачныя краски. Куда глазомъ ни кинешь—безконечная снѣжная равнина. Легкой волной лишь на сѣверъ, къ берегу Ледовитаго океана, уходитъ гряда невысокихъ холмовъ.

Лѣтомъ край врядъ ли веселѣе. На вершинѣ хребта, какъ на всѣхъ горахъ крайняго сѣверо-востока, вы находите болото. Такое же болото у подножія горы. Ближайшее жилье—въ разстояніи 300 верстъ. Лѣсъ крайне рѣдокъ. Всюду безконечные «бадараны». Нужно себѣ представить безконечную равнину, на которой, на общемъ ровномъ мглистомъ фонѣ, наляпаны громадныя бѣлесыя пятна ягеля. Нога какъ въ губку уходитъ въ толстый слой моха. Слѣдъ тотчасъ же наполняется водою. Вначалѣ конь (единственное возможное здѣсь сообщеніе лѣтомъ—верхомъ) ступаетъ по сравнительно твердому грунту, затѣмъ нога лошади все глубже и глубже уходитъ въ толстый слой моха. На рыжемъ фонѣ бѣлѣютъ въ изобиліи оленьи рога. Но вотъ все чаще и чаще слышится глухое чвоканье и хлюпанье подъ ногами. Вмѣсто почвы теперь уже какая-то каша изъ грязи и моха, въ которой конь вязнетъ по брюхо.

Почва еще болѣе понизилась. Мохъ исчезъ. Всюду, куда глазомъ ни окинете, ярко-зеленый лугъ. Вы рады, что кони, наконецъ, пойдутъ по твердому грунту. Разочарованіе наступаетъ быстро. Ступивъ на этотъ лугъ, кони уходятъ выше брюха въ ржавую воду, подъ которой чвокаетъ тоже грязь. Проводникъ васъ предупреждаетъ, чтобы вы слѣдовали шагъ за шагомъ за его конемъ, иначе вы рискуете попасть въ какую-нибудь болотистую рѣчку и окунуться съ головою. Кони тяжело дышатъ и съ трудомъ выволакиваютъ ноги; вотъ одинъ зашатался и валится на бокъ. Скорѣе высвобождайте ноги изъ стремянъ. Въ лучшемъ случаѣ отдѣлаетесь тѣмъ, что съ полчаса продрожите по поясъ въ болотѣ, пока спѣшившіеся проводники не поднимутъ коня...

Чѣмъ жарче лѣто, тѣмъ глубже оттаиваютъ бадараны, тѣмъ мучительнѣе и опаснѣе переѣздъ.

Только отъ Андыхала начинаютъ встрѣчаться рѣдкія одинокія юрты. Характеръ мѣстности мѣняется. По мѣрѣ приближенія къ извилистой «земляной» (т.-е. болотистой) рѣкѣ Алазея, впадающей въ океанъ, почва становится холмистѣе, встрѣчаются многочисленныя озера, изъ которыхъ на иныхъ ледъ держится круглый годъ. Въ жаркое лѣто образуются на нихъ лишь «забереги», на которыя выплываютъ поиграть на солнцѣ «сарданки» (щуки). Такъ—до самаго берега Колымы, составляющей боевую артерію огромнаго края, территорія котораго въ нѣсколько разъ больше Франціи.

Десять мѣсяцевъ въ году край скованъ холодомъ. Близъ Средне-Колымска рѣка вскрывается въ серединѣ мая, а становится въ концѣ сентября; у устьевъ же, подъ 70^0 с. ш., часто въ серединѣ августа можно уже ѣздить по льду. Вслѣдствіе жестокихъ холодовъ почва промерзла значительно глубже, чѣмъ на 100 саженъ. Лѣтомъ она оттаиваетъ близъ Средне-Колымска вершковъ на 6, близъ Нижне-Колымска же—вершка на два, на три. Жестокіе холода дѣлаютъ немыслимой какую бы то ни было культуру растеній.

Рыба да иногда оленина—вотъ единственные продукты. Рогатый скотъ разводится лишь близъ Средне-Колымска да близъ Верхне-Колымска. Его очень мало. Здѣсь, по словамъ одного путешественника, «жизнь есть лишь бореніе со всѣми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ потребностей и наслажденій». Въ концѣ XIX вѣка тысячи людей ведутъ жизнь троглодитовъ; не знаютъ хлѣба, вынуждены обходиться безъ соли, добываютъ огонь первобытнымъ способомъ—треніемъ, не знаютъ употребленія мыла, обходятся безъ бѣлья, надѣвая мѣховую одежду прямо на голое тѣло. И такъ живутъ не только дикари, но и русскіе. Край оторванъ отъ остального міра безконечнымъ кольцомъ болотъ и горныхъ хребтовъ. До ближайшаго «культурнаго» центра, до Якутска, около трехъ тысячъ верстъ.

И какихъ! Приходится переваливать черезъ два горныхъ хребта, переправиться черезъ двѣ громадныя рѣки и безчисленное количество мелкихъ. Дороги нѣтъ. Въ этой пустынѣ можетъ ориентироваться лишь проводникъ-дикарь. Въ лучшемъ случаѣ путь отъ Якутска до Средне-Колымска продолжается 50 дней, въ худшемъ—4 мѣсяца и даже болѣе. Поддерживаютъ связь между Колымскимъ краемъ и Якутскомъ рѣдкія почты (разъ въ четыре мѣсяца) да купцы.

Колымскій купецъ—это особое существо, всю свою жизнь проводящее въ полярной пустынѣ. Въ началѣ октября, какъ только замерзнутъ «бадараны» (болота), изъ Якутска отправляются вьючнымъ порядкомъ транспорты купеческой клади. Главный грузъ состоитъ изъ кирпичнаго чая, листового табаку, бракованныхъ ситцевъ и водки. Якутскіе кони очень выносливы; во все время пути они довольствуются подножнымъ кормомъ, который выбиваютъ изъ-подъ снѣга. Въ мартѣ кладь прибываетъ въ Колымскъ. Часть ея продается тутъ же, но большая часть на собакахъ отправляется на Анюй, на чукотскую ярмарку. Она происходитъ въ Анюйской «крѣпости», въ 250 верстахъ на востокъ отъ Нижне-Колымска, на нейтральной почвѣ между землями русскихъ и независимыхъ чукчей. Пусть грозное слово «крѣпость» не введетъ никого въ заблужденіе. «Крѣпость»—нѣсколько пустыхъ срубовъ, обнесенныхъ рубленымъ заборомъ изъ «плавника». Когда какой-то проказникъ-чукча, напившись пьянымъ, вздумалъ перелѣзть черезъ крѣпостную стѣну,— она рухнула. Сюда-то въ апрѣлѣ съѣзжаются чукчи, русскіе и ламуты, которымъ поручается держать посты въ крѣпости. Купцы вымѣниваютъ пушнину и мамонтовые клыки на чай, табакъ и, самое главное, на акамимелъ (водку), которая хотя официально запрещена для привоза, но доставляется цѣлыми флягами. За полторы бутылки разведенной водой водки, настоенной для крѣпости на махоркѣ и на мѣдномъ купоросѣ, купецъ беретъ у чукчи бобровую шкуру. Обыкновенный способъ торговли такой. Какъ только открывается ярмарка, чукчи бросаются разыскивать своихъ «друзей-кущовъ» и требуютъ водки. Купецъ говоритъ, что водка у него есть, но не для продажи; друга, пожалуй, онъ угоститъ, но даромъ. Тутъ онъ подноситъ чукчѣ чашку «сладкой», т.-е. не настоенной на купоросѣ водки. Чукча начинаетъ умолять дать ему столько «акамимелъ», чтобы свалиться на землю (единственная мѣра, признаваемая чукчами при покупкѣ спиртныхъ напитковъ); купецъ отказываетъ, прогоняетъ дикаря, который чмокаетъ губами, щелкаетъ языкомъ и качается какъ мертвецки-пьяный, чтобы нагляднѣе объяснить, сколько «веселой воды» ему нужно. А тутъ еще купецъ, какъ нечаянно, толкнетъ флягу, такъ что въ ней начнетъ хлюпать жидкость. Въ эту минуту чукча готовъ отдать все, что у него имѣется, лишь бы напиться. И купецъ пользуется моментомъ... Если путь въ Средне-Ко-

лымскъ труденъ, зато барыши, получаемые купцами, громадны. Одна поѣздка на крайній сѣверо-востокъ приноситъ тысячъ 10—15 чистыхъ. Все населеніе береговъ Колымы—вѣковѣчные рабы купцовъ: обыватели и дикари въ вѣчныхъ долгахъ, которые какъ мертвая петля все болѣе и болѣе захватываютъ шею. Купцы подряжаются доставлять въ Средне-Колымскъ муку для казеннаго магазина и соль; за доставку они берутъ отъ казны по 12 р. за пудъ. Соль доставляется въ гораздо меньшемъ количествѣ, чѣмъ берется подрядъ. Вслѣдствіе этого все населеніе низовьевъ рѣки почти круглый годъ сидитъ безъ соли. Такъ какъ мука въ казенномъ магазинѣ стоитъ 14 р. за пудъ, то ея никто не покупаетъ. Со времени существованія магазина въ Средне-Колымскѣ не продано ни одного фунта.

Въ низовьяхъ Колымы кирпичъ чая стоитъ 8 р., фунтъ табаку махорки—до 3 руб., аршинъ самаго плохого ситца—до 1 руб.; такихъ денегъ обывателю, а тѣмъ болѣе дикарю, взять негдѣ; вслѣдствіе этого населеніе живетъ лишь сырою, мерзлою рыбою (строганиной), безъ соли; вмѣсто чая пьетъ брусничные листья и куритъ крашеную ровдугу (замшу). Бѣлья не носятъ, а мѣховое платье одѣваютъ прямо на голое тѣло.

По берегамъ Колымы русскіе живутъ въ трехъ «городахъ»: Верхне-Колымскѣ, Средне-Колымскѣ и Нижне-Колымскѣ, да въ нѣсколькихъ поселкахъ, лежащихъ между послѣднимъ «городомъ» и Ледовитымъ океаномъ. Врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что каждое изъ этихъ поселеній составляетъ какъ бы особый родъ, со своими обычаями и своимъ особымъ говоромъ, иногда даже языкомъ (въ Средне-Колымскѣ, напримѣръ, обыватели плохо понимаютъ по-русски и всегда говорятъ между собою по-якутски, а низовики не понимаютъ ни слова по-якутски). О Верхне-Колымскѣ мнѣ долго говорить не приходится: тамъ всего девять жителей. Около сотни якутовъ и ламутовъ живутъ разбросанно верстахъ въ 20—180 отъ этого «города». Здѣсь официально числится русское мѣщанское общество въ 40 человѣкъ; но его уже давнымъ-давно нѣтъ. Скажу невѣроятную вещь: это общество совсѣмъ одичало и ушло «въ ламуты», т.-е., какъ и эти дикари, бродитъ съ оленями въ гольцахъ.

Средне-Колымскъ, или «Средно», какъ говорятъ здѣсь, — царица края. Тутъ цѣлыхъ два-три десятка избушекъ, безъ крышъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка на лѣвомъ берегу Колымы. Въ Средне-Колымскѣ вся администрація края: исправникъ, который въ то же время высшій судья, комендантъ Анюйской «крѣпости», начальникъ всего войска округа (послѣднее состоитъ изъ 11 казаковъ, не имѣющихъ ни ружей, ни знаменъ, ни мундировъ) и т. д., и т. д.

Средневецъ очень гордится своимъ городомъ и пренебрежительно смотритъ на низовика, какъ губернскій франтъ на жителя мѣстечка.

Населеніе Средне-Колымска состоитъ изъ мѣщанъ и казаковъ. Вторые составляютъ аристократическій элементъ города. Матеріальное положеніе ихъ сравнительно должно было бы быть недурно. Каждый казакъ съ самаго рожденія получаетъ «полпайка», т.-е. 1 пудъ ржаной муки въ мѣсяцъ, а съ семи лѣтъ—2 пуда, т.-е. полный паекъ. Къ сожалѣнію, на муку эту является много охотниковъ въ лицѣ купцовъ. Пользуясь страстью колымчанъ къ водкѣ и тою дѣтскою чертою беззаботности, которою отличаются всѣ дикари, купцы закупаютъ впередъ за цѣлый годъ пайки по 3 руб. за пудъ (уплата водкою по 3 руб. за бутылку или кирпичнымъ чаемъ и табакомъ) и сдаютъ пайки въ казенный магазинъ по 12 руб. за пудъ.

Жизнь лѣтомъ вполнѣ зависитъ отъ улова рыбы. Впрочемъ, какъ бы хорошъ послѣдній ни былъ, къ концу весны обыкновенно запасовъ не хватаетъ. Рѣка очищается совершенно отъ льда очень поздно,— лишь въ началѣ іюня. Неводить же начинаютъ около Петрова дня: до тѣхъ поръ тони залиты водою или попорчены корягами, принесенными въ изобиліи во время водополья. Въ мартѣ мѣсяцѣ кончаются уже запасы рыбы. Жители начинаютъ ѣсть собачій кормъ: рыбьи кости, потроха и проч. Къ колымчанину нельзя войти: тяжелый, одуряющій запахъ гнилой рыбы захватываетъ дыханіе и вызываетъ тошноту. Чѣмъ ближе къ веснѣ, тѣмъ положеніе дѣлъ становится все хуже да хуже. Въ маѣ обыватели съѣдаютъ кожаные обутки, ремни, налимьи кожи, которыми лѣтомъ, вмѣсто стеколъ, затянуты рамы, и т. д. Жить тогда въ Средне-Колымскѣ—пытка. Желтыя, опухшія лица, горящіе голоднымъ блескомъ глаза буквально могутъ обезумить. Тощія, едва живыя собаки шатаясь бродятъ по городу, разыскивая трупы своихъ околѣвшихъ товарищей, и жадно пожираютъ. Но вотъ конецъ мая. Колыма почернѣла. Зеленыя наледи разлились на ней повсюду. Наконецъ, съ оглушительнымъ трескомъ ломается ледъ, и рѣка трогается. Все населеніе Колымска высыпаетъ на берегъ.

— Пошья, пошья, матушка-Коима!—говорятъ обыватели. Рѣку они олицетворяютъ въ видѣ женщины. Такъ какъ за городомъ рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ, то огромныя полуторасаженной толщины льдины спираются тамъ и образуютъ громадную запруду версты $1^1/_2$ въ длину. На рѣку тогда страшно взглянуть. Льдины напираютъ другъ на друга, становятся торцомъ, трещатъ; въ воздухѣ стоитъ глухой гулъ, заглушающій голоса. Выше ледяной плотины вода поднимается и заливаетъ городъ. Но обывателей нисколько не трогаетъ вода, залившая ихъ избы до самыхъ оконъ: это пустяки, большая вода, которая только рыбу принесетъ. Колымчане только болѣютъ сердцемъ за свою рѣку. Но вотъ съ оглушительнымъ трескомъ рухнулъ ледяной барьеръ. Льдины быстро несутся внизъ по рѣкѣ уже не сплошнымъ полемъ, видны

уже «талыя мѣста». Обыватели пляшутъ на берегу, стрѣляютъ изъ ружей и кричатъ:

— Пошья, пошья!

На неводьѣ забываются въ одинъ день всѣ невзгоды зимы. Сыты люди, сыты собаки.

Промышленники брезгаютъ плохою рыбою, какъ щука или же налимъ, отъ котораго берутъ лишь максу (печень); все же остальное выбрасывается. На неводьѣ колымчанинъ щедръ какъ дикарь. Если пріѣдетъ гость, онъ его безъ гостинца не отпуститъ. Гостинецъ состоитъ изъ 3—4 пудовыхъ нельмъ.

Средневецъ—средняго или маленькаго роста. Голова у него якутскаго типа, съ сильно скошеннымъ лбомъ, косыми прорѣзами глазъ, большими скулами и такою же нижнею челюстью. Растительности на лицѣ почти нѣтъ. Пушокъ выступаетъ лишь въ глубокой старости. Насъ за наши бороды иначе не называли, какъ «кырджагасъ», т.-е. старички, хотя самому старшему «кырджагасу» было лишь тридцать лѣтъ. Вообще, хотя въ европейскомъ смыслѣ нѣкоторые мои товарищи могли быть названы идеаломъ мужской красоты, но колымчанки считали ихъ уродами, во-первыхъ, за ихъ бороды («на лицѣ волосы, какъ у собаки»), во-вторыхъ, за то, что нѣкоторые имѣли «бусъ харахъ» (буквально: «ледяные глаза»), т.-е. голубые или сѣрые глаза, въ-третьихъ, были великаны, хотя ни одинъ не былъ выше 2 арш. 9 верш. Красавецъ долженъ, по колымскимъ понятіямъ, непремѣнно имѣть «глаза какъ у теленка» (каріе).

Умственныя способности средневца очень невысоки. Памяти у него почти нѣтъ. Онъ съ трудомъ повторитъ три слова подъ рядъ. Чтобы научиться грамотѣ, онъ бьется нѣсколько лѣтъ и, въ концѣ-концовъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ окончанія ученья забываетъ рѣшительно все. Нѣкоторые взрослые колымчане безошибочно считаютъ лишь до 39; дальше они говорятъ «тридцать десять, тридцать одиннадцать» и т. д. Кругозоръ обывателя очень узокъ. Сидятъ у меня два моихъ пріятеля-средневца изъ мѣстныхъ сливокъ. Я предлагаю одному пересчитать всѣ города, которые онъ знаетъ.

— Верхно, Средно, Нижно, Верхоянтко,—бойко сталъ онъ считать, потомъ остановился немного и прибавилъ:—Якучко (Якутскъ),—и уже окончательно замолчалъ.

Вижу, другой смѣется.

— Чего это вы?—спрашиваю я.

— Анперія,—важно прибавилъ спрошенный.—Экъ ты, акары (дуралей), самый-то важный городъ забылъ.

Колымчанинъ считаетъ, что за «Верхоянтко» начинается Россія, т.-е. бѣлая арапія. Себя средневцы не считаютъ русскими: «мы люди коимскіе» (то-есть колымскіе). Болѣе просвѣщенные, побывавшіе въ

Якутскѣ, увѣрены, что «Россія» лежитъ за Иркутскомъ. Я говорилъ уже, что средневцы по-русски изъясняются совсѣмъ плохо. Ихъ обиходный языкъ—якутскій.

Средневцы увѣрены, что боговъ четыре и что всѣ они живутъ въ четырехъ углахъ неба: св. Никола—на югѣ, два Спаса—на западѣ и на востокѣ и Матерь Божія—на сѣверѣ. Какъ и якуты, средневецъ убѣжденъ, что каждая болѣзнь происходитъ отъ того, что въ тѣло вселяется какой-нибудь абагы (злой духъ). Все лѣченіе должно состоять въ томъ, чтобы опредѣлить, какой именно абагы сидитъ въ больномъ. Сдѣлать это можетъ лишь шаманъ.

Якуты считаютъ, что медвѣдь—олицетвореніе ихъ самаго страшнаго бога Улу-Тойона. Идетъ, напримѣръ, длинный караванъ купеческой клади лѣсомъ. Вдругъ остановка.

— Тугуй-мана? (что такое)—раздаются тревожные голоса.

— Улу-Тойонъ! (медвѣдь)—отвѣчаютъ испуганно проводники. Дѣйствительно, громадный звѣрь вышелъ изъ лѣсу, сидитъ на тропинкѣ да щелкаетъ зубами. Нападать боится, потому что людей много, а уйти тоже не хочется.

Всѣ спѣшиваются. Выходитъ самый рѣчистый якутъ, снимаетъ шапку и говоритъ:

— Улу-Тойонъ! мы знаемъ, что ты единственный владѣтель этихъ мѣстъ; но мы зашли въ твои владѣнія не потому, что желали нанести тебѣ оскорбленіе, а потому, что нашъ путь лежитъ черезъ нихъ. Уважь же намъ, о, Улу-Тойонъ! ты же вѣдь знаешь, что у насъ нѣтъ дѣтей-промышленниковъ, которые бы тебя искали, почто же ты насъ мучаешь!

Пока продолжается рѣчь, иные якуты лежатъ ничкомъ и голосятъ: «абра ани, Улу-Тойонъ, абра!» (т.-е. помилуй насъ, медвѣдь, помилуй). Другіе же дрожащими руками разводятъ костры. Случается, медвѣдь цѣлыя сутки держитъ проѣзжихъ. Колымчане также отчитываютъ медвѣдя. Русскіе считаютъ даже грѣхомъ называть его по имени: о медвѣдѣ говорятъ: «огонеръ», т.-е. дѣдушка, или же, еще чаще, просто «кини», онъ.

Отъ Средне-Колымска до Нижне-Колымска водой—около 550 верстъ; зимою же около 500. Вы пріѣзжаете туда и вамъ кажется, что вы очутились совсѣмъ въ другой сторонѣ.

Нижне-Колымскъ—около 10 избушекъ, безъ крышъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу р. Колымы, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ около пяти верстъ въ ширину. Въ Средне-Колымскѣ вы видите всюду смуглыя лица, тогда какъ въ Нижнемъ много свѣтловолосыхъ, бѣлокожихъ лицъ. Низовики всѣ маленькаго роста, безбородые; среди женщинъ встрѣчаются недурныя лица, если не принимать въ счетъ толстаго слоя грязи.

Умственныя способности низовика выше, чѣмъ у средневца, по край-

ней мѣрѣ низовикъ энергичнѣе, бодрѣе, подвижнѣе увальня-колымчанина. Низовикъ чаще поетъ. Низовикъ отличный охотникъ и, взглянувъ на слѣдъ, сразу опредѣлитъ, не только какой звѣрь ходилъ, но и зачѣмъ ходилъ: просто гулялъ или же на добычу.

Матеріальныя условія жизни низовика невозможныя. Въ Средне-Колымскѣ есть еще рогатый скотъ, обыватель иногда ѣстъ «бѣлое» (т.-е. молочные продукты), тогда какъ въ Нижне-Колымскѣ единственное домашнее животное—собака. Лѣто продолжается лишь два мѣсяца. Въ августѣ уже выпадаетъ снѣгъ, да и лѣтомъ земля оттаиваетъ лишь на 3—4 вершка. Въ началѣ ноября начинается безконечная полярная ночь. Единственная пища—рыба безъ соли. Жалкій край, жалкая природа, жалкіе люди!

Среди чукчей.

(Слюнина.)

Мы были въ водахъ Анадырскаго залива. Это огромная площадь моря, вдающаяся въ материкъ. Утро 25-го іюня было прекрасно: совершенно чистое небо, полный штиль; немного мутная вода Анадырскаго залива выглядѣла зеркальной. Прозрачный, сухой воздухъ позволялъ любоваться широкимъ горизонтомъ. Кажется, ни одно судно не подходило къ устью Анадыря при такихъ благопріятныхъ условіяхъ. Сѣверный берегъ обрисовывался высокимъ сплошнымъ холмомъ, надъ которымъ выдавались три-четыре отдѣльныхъ вершины; самая восточная съ двумя пиками названа горой Соколова; отъ нея на югъ тянулась такъ называемая «русская кошка», т.-е. низменная, ровная песчаная полоса. Вершины и склоны хребта лишены всякой растительности, кромѣ бѣловатыхъ лишайниковъ, и только въ прибрежной полосѣ замѣтны кочки съ мелкимъ кустарникомъ. На западъ отъ насъ лежалъ необслѣдованный низкій берегъ; ближе къ намъ тянулась песчаная кошка, извѣстная подъ именемъ земли Гека. Образованіе подобныхъ «кошекъ» нельзя объяснить дѣятельностью морского прибоя, скорѣе ихъ нужно считать остатками бывшей вулканической катастрофы: всегда въ такихъ мѣстахъ геологическіе пласты бываютъ изломаны и иногда поставлены чуть не вертикально.

Подойдя ближе къ землѣ Гека, мы слегка могли разсмотрѣть на ея сѣверной оконечности цѣлый поселокъ чукчей, состоящій изъ 18 юртъ, расположенныхъ двумя группами.

При входѣ въ Анадырскій лиманъ стоитъ небольшой островокъ, любимый сѣвернымъ пернатымъ царствомъ: не тысячи, а буквально тучи аръ, топорковъ и чаекъ кружили надъ нимъ, оглашая воздухъ своими пронзительными криками. Кругомъ насъ на гладкой поверхности залива блистало серебристо-бѣлой кожей стадо бѣлухъ, вѣроятно шедшихъ за

рыбой, направлявшейся въ р. Анадырь. На правомъ берегу лимана, представлявшемъ ровную низменность, виднѣлось нѣсколько разбросанныхъ юртъ и продолговатое, покрытое дерномъ и поросшее травой зданіе съ развѣвающимся надъ нимъ русскимъ коммерческимъ флагомъ. Народъ, давно завидя желаннаго гостя, группировался кучками: многіе перебѣгали отъ одной юрты къ другой, нѣкоторые чукчи взобрались на крышу единственнаго здѣсь дома.

Не успѣли мы отдать якорь, какъ транспортъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ большими и малыми байдарами, среди которыхъ выдѣлялся большой вельботъ съ казаками мѣстной команды и унтеръ-офицеромъ. Вскорѣ верхняя палуба «Якута» переполнилась чукчами всѣхъ возрастовъ.

Болѣе чѣмъ средняго возраста, крупной кости, широкоплечіе, въ большинствѣ хорошо упитанные, чукчи одѣты въ рубаху изъ оленьей кожи, шерстью внутрь, подпоясаны ремнемъ изъ нерпичьей выдѣланной кожи; нижнее платье также изъ оленьей шкуры, только шерстью наружу; на ногахъ торбасы—легкіе сапоги изъ выдѣланной нерпичьей шкуры, окрашенные въ кирпичный или черный цвѣтъ. Вотъ общая форма одѣянія и обуви. Но, всматриваясь ближе, вы сразу замѣчаете много особенностей и деталей, на первый взглядъ непонятныхъ.

Всѣ мужчины ходятъ обыкновенно съ непокрытой головой; черные прямые волосы подстрижены спереди въ кружокъ, макушка выбрита или коротко выстрижена; только у одного молодого парня длинные волосы были заплетены въ двѣ косички и завязаны красной лентой, что означало щегольство. На спинѣ кухлянки (рубахи) у нѣкоторыхъ висятъ два шнурка изъ окрашенной шерсти, какъ украшенія; на поясѣ привѣшена самодѣльная трубка изъ дерева или моржоваго клыка, со множествомъ вырѣзанныхъ на ней фигуръ животныхъ. Если на поясѣ виситъ трубка, сдѣланная изъ кости лисицы, это означаетъ, что чукча послѣ добычи этого звѣря ночевалъ въ чужой юртѣ, и любезный хозяинъ, поздравляя его съ успѣхомъ, подарилъ ему этотъ амулетъ; у нѣкоторыхъ были небольшіе бѣлые шарики изъ оленьей шкуры,—признакъ того, что этотъ субъектъ былъ сильно боленъ, но шаманъ его поправилъ. На шеѣ на тонкомъ ремешкѣ, вышитый бусами и иногда цвѣтными нитками, небольшой мѣшочекъ, въ которомъ хранятся огниво, кремень и трутъ изъ дерева и растеній, приготовляемый самими чукчами.

Женщины, остававшіяся на байдарахъ, были одѣты въ подобный же костюмъ, съ тою разницею, что кухлянка (рубаха) сшита гораздо длиннѣе и шире съ цѣлью, чтобы можно сбрасывать одинъ рукавъ, когда жарко, или просто для кокетства; волосы заплетены въ двѣ косы, убранныя лентами и бусами; торбасы (сапоги) отличаются большимъ изяще-

ствомъ въ работѣ и зачастую красивымъ шитьемъ цвѣтными нитками. Такое же короткое и немного широкое лицо, какъ у мужчинъ, глаза съ прямымъ разрѣзомъ, смугловатая кожа, кажущаяся болѣе темной отъ постоянной грязи (чукчи почти никогда не моются). Невзрачныя, низкаго роста, съ замѣчательно маленькой ступней, чукчанки сильно любятъ всевозможныя украшенія. Татуированныхъ здѣсь не было ни одной; этотъ обычай, какъ и многіе другіе, теперь теряетъ свою обаятельную силу. Обыкновенно этой операціи подвергаются на 5—6 году; уколы дѣлаются иглой или рыбьей костью и затѣмъ втираютъ сажу. Татуировка проводится полосами вокругъ крыльевъ носа и угловъ рта, а отсюда полосой тянется до нижняго края ушной раковины.

Молодая чукчанка.

Праздничный костюмъ чукчанки отличается различнымъ шитьемъ цвѣтными бусами кухлянки, шапки и рукавичекъ, но послѣдніе два убора носятся зимой, и то большею частью во время переѣздовъ, такъ какъ чукча всегда, даже въ трескучій морозъ, тяготится головнымъ уборомъ.

Я и не замѣтилъ, какъ прошло нѣсколько часовъ въ этомъ осмотрѣ жителей суроваго сѣвера; пробило шесть склянокъ—время ужина.

Мы пригласили въ каютъ-компанію поужинать съ нами священника и старшину села Маркова. Всѣхъ дѣтишекъ я одарилъ сахаромъ, платками, а старикамъ далъ по плиткѣ чаю. За ужиномъ весь разговоръ сосредоточивался на житьѣ-бытьѣ въ Чукотской землѣ и въ частности въ селѣ Марковѣ. Священникъ и старшина прибыли сюда мѣсяцъ тому

назадъ, чтобы принять отъ насъ иконостасъ и колокола. На обратный путь противъ сильнаго теченія имъ придется употребить 2—3 недѣли, частью выгребая веслами, частью бечевою, на собакахъ. Чтобы представить трудности такого путешествія, нужно вспомнить, что на протяженіи 400 верстъ отъ устья берега р. Анадыря представляютъ ровную, голую и безжизненную тундру. Чтобы согрѣть воды въ чайникѣ, приходится употребить нѣсколько часовъ на собираніе «выкида», т.-е. приносимаго изъ верховьевъ рѣки лѣса. Ни птицы, ни звѣря здѣсь не встрѣтишь; рыбы тоже мало, развѣ кое-гдѣ по отмелямъ, и то избившуюся и полуживую. На протяженіи 400 верстъ нѣтъ ни поселковъ, ни юртъ сидячихъ чукчей; выше попадается лѣсъ, возможна охота, но появляется другое неудобство—быстрое теченіе и частые пороги.

— Всего натерпишься въ нашей пустынѣ,—прибавилъ священникъ,—хорошо, если доберемся до заморозковъ.

Всѣ юрты чукчей устроены по одному образцу: круглый конусообразный шалашъ, для основы котораго употребляются выкидной лѣсъ и ребра кита; покрыты онѣ оленьими шкурами, шерстью вверхъ, концы ихъ прикрѣплены къ колышкамъ, вбитымъ въ землю; если шкуры не доходятъ до земли, къ нимъ привѣшены большіе камни, чтобы не сносило вѣтромъ; низкая дверь закрывается также шкурой. Около юртъ лежатъ собаки, стоятъ легкія нарты, валяются куски недоѣденной собаками рыбы и отбросы, издающіе сильное зловоніе. Тутъ же на шестахъ для подвѣшиванія виситъ распластанная рыба (юкола), покрытая вся мухами. Войдя въ одну юрту, я увидѣлъ посрединѣ толстый шестъ, на которомъ держится весь остовъ юрты, и тутъ же стоялъ треножникъ съ котелкомъ. Чукчанка, спустивъ съ плеча правый рукавъ, готовила какое-то кушанье. Поднимавшійся отъ костра дымъ разстилался между рядами развѣшенной здѣсь рыбы и потомъ выходилъ въ отверстіе вверху юрты. Около стряпухи стояло деревянное корыто, лежалъ пузырь (желудка) съ жиромъ и кусокъ какого-то темно-синяго, запачканнаго въ мусорѣ мяса, издававшаго сильное зловоніе.

Черезъ переводчика я объяснилъ, что пріѣхалъ посмотрѣть, какъ живутъ чукчи, прибавивъ, что ихъ бывшій начальникъ былъ мой товарищъ; хозяинъ-старикъ пріятно и радостно улыбнулся и, спустя нѣсколько минутъ, какъ бы припоминая прошлое, замѣтилъ, что онъ былъ хорошій человѣкъ, «итаинахтовъ, мачинка умиликъ» (добрый начальникъ).

Послѣ разныхъ разспросовъ, откуда пришли, сколько времени плыли и пр., старикъ вытащилъ изъ-подъ изголовья мѣшокъ изъ перпичьей кожи и началъ раскладывать передо мной все свое богатство: кухлянки, торбасы, выпоротки сырые и выдѣланные (шкуры молодого оленя), нер-

пичьи ремни. Каждую вещь онъ предлагалъ купить, прося за все половину плитки или цѣлую плитку чаю и немного сахару.

Взявъ всѣ вещи, я обѣщалъ прислать чаю и сахару, сколько онъ просилъ. Не успѣлъ я покончить мѣновую торговлю со старикомъ, какъ ко мнѣ подошла чукчанка тоже съ нерпичьимъ мѣшкомъ, до сихъ поръ безмолвно сидѣвшая въ другомъ углу юрты. Она также выложила свои запасы; это были совершенно тѣ же предметы; пришлось и ихъ взять. Потомъ поднимается вторая, третья, четвертая, предлагая неизмѣнныя кухлянки и пр. и жалобно прося чаю и сахару. Чукотское одѣяніе и обувь мнѣ были не нужны, но отказать было жалко: быть можетъ, каждая изъ нихъ цѣлый годъ лелѣяла надежду, что вымѣняетъ отъ русскихъ это единственное утѣшеніе въ ихъ суровой жизни.

Когда наша сдѣлка была кончена, я занялся болѣе подробнымъ осмотромъ юрты.

По стѣнамъ лежали собачья упряжь, пузыри съ жиромъ, куски засохшей рыбы, обглоданныя кости, деревянныя миски. Недалеко отъ входа стояла магазинка Винчестера и рядомъ съ нею длинное кремневое ружье, дуло котораго было обмотано ремнемъ. Кой-гдѣ торчали стрѣлы, висѣлъ барабанъ, главный музыкальный инструментъ при увеселеніи чукчей.

Въ углубленіи юрты сидѣли двѣ женщины, не принимавшія никакого участія въ мѣновой сдѣлкѣ: одна что-то шила изъ кусковъ оленьей шкуры и въ то же время грызла сухую рыбу. Это невзрачное лакомство валялось на обрѣзкахъ шерсти и въ такомъ видѣ попадало ей въ ротъ. Другая занята была трудной работой—приготовленіемъ нитокъ изъ оленьихъ сухожилій: отдеретъ зубами кусокъ и потомъ начинаетъ расщипывать то зубами, то ногтями. По словамъ переводчика, подобная работа служитъ однимъ изъ лучшихъ испытаній молодой жены: въ теченіе дня она должна расщипать всѣ сухожилія голени оленя.

Во второй юртѣ повторяется та же исторія предложенія кухлянокъ, малахаевъ и пр. Странно, что ни одного параднаго костюма, ни одной вышитой пары торбасовъ я нигдѣ не встрѣтилъ. Съ большимъ трудомъ я могъ достать нѣсколько куколъ и издѣлій чукчей изъ моржоваго клыка. Потомъ эту коллекцію я значительно пополнилъ покупкой у казаковъ и купцовъ.

Между куклами, изображающими обычный костюмъ чукчи, бросаются въ глаза обвѣшанныя узкими ремешками; такія куклы, по словамъ переводчика, даютъ дѣтямъ съ цѣлью предохранить ихъ отъ разныхъ болѣзней. Издѣлія изображаютъ мѣстныхъ птицъ, звѣрей сухопутныхъ и морскихъ и рыбъ.

Изъ жизни чукчей.

(Тана.)

Уже цѣлую недѣлю дулъ свирѣпый сѣверный вѣтеръ, не прерываясь, не ослабѣвая ни на минуту.

Стремительные порывы вихря прилетали другъ за другомъ безъ малѣйшей передышки и проносились надъ поверхностью ледяныхъ равнинъ съ такимъ торопливымъ и безпощаднымъ ожесточеніемъ, какъ будто отыскивая на ней какой-нибудь предметъ, возвышающійся надъ общимъ однообразнымъ уровнемъ, за который они могли бы ухватиться и немедленно вырвать вонъ вмѣстѣ съ корнями. Но на ровной груди ледяныхъ полей не было ничего пригоднаго для сокрушительной дѣятельности вѣтра. Мѣстами виднѣлись только осколки ледяныхъ глыбъ; но они примерзли такъ плотно, что ихъ трудно было бы сдвинуть съ мѣста даже ударами лома. Кромѣ этихъ осколковъ, на застывшей поверхности океана находился только толстый слой снѣга, отвердѣвшій подъ дѣйствіемъ непрерывныхъ бурь до плотности камня и скорѣе напоминавшій сплошную массу обожженной бѣлой глины, чѣмъ обыкновенную рыхлую пелену зимы. Но даже эта отвердѣлая кора не могла устоять передъ побѣдоносной яростью вьюги. Вѣтеръ выѣдалъ узкія заструги, окаймленныя по сторонамъ глубокими бороздами и высовывавшіяся навстрѣчу вьюгѣ длинными бѣлыми языками. За рубежомъ ледяныхъ полей простиралась земля, но и ея поверхность была такъ же ровна и безжизненна, какъ бѣлое лицо океана. Море переходило въ тундру такъ незамѣтно, что нужно было бы снять прочь весь снѣжный покровъ для того, чтобы опредѣлить, гдѣ оканчивается ледяной пластъ и начинается гладкая площадь прибрежной тины, переходящая въ такое же гладкое и твердое отъ мороза моховище.

Правда, на западѣ возвышался огромный каменный мысъ, выступавшій въ море тремя высокими, круглыми грядами, а со стороны земли переходившій въ приземистый кряжъ, расползавшійся по направленію къ югу. Но онъ угрюмо чернѣлъ своими утесами, совершенно обнаженными отъ снѣга, и непоколебимо подставлялъ навстрѣчу мчавшейся вьюгѣ свои отвѣсныя ребра. Это была мрачная страна, лишенная всякаго признака жизни, та самая пустыня—какъ описываютъ ее чукотскія сказки,—на которой нѣтъ ни мошки, ни былинки, по которой не пробѣгаетъ олень и не гонится за нимъ волкъ. По крайней мѣрѣ такъ было въ это глухое зимнее время года. Оленьи стада, дикія и прирученныя, съ наступленіемъ осени ушли на югъ къ границамъ лѣсовъ, и за ними послѣдовали двуногіе и четвероногіе пожиратели мяса, живущіе на ихъ счетъ: волки, собаки, кочевые пастухи и бродячіе охотники. Лебеди, гуси и вся водная птица улетѣла предъ наступленіемъ холодовъ; даже

вороны и полярныя куропатки покинули тундру и удалились въ болѣе гостепріимныя широты. Тѣ немногіе обитатели, которые остались еще на землѣ и на льдахъ, притаились теперь въ своихъ логовищахъ и терпѣливо ожидали, пока ослабѣетъ ярость вьюги и дастъ имъ возможность взглянуть на Божій свѣтъ. Бѣлые медвѣди закопались въ снѣжный заносъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застала вьюга, и отлеживались теперь, наглухо зарытые въ сугробъ; песцы попрятались въ дуплахъ наноснаго лѣса, не осмѣливаясь пробѣжать по своимъ внутреннимъ ходамъ подъ поверхностью снѣга. Огромныя, неуклюжія совы, болѣе похожія на какихъ-то бѣлыхъ звѣрей, и маленькіе, проворные горностаи, одаренные чисто птичьей легкостью и быстротой движеній,—всѣ попрятались по своимъ норамъ и боялись высунуть носъ наружу, пока не пройдетъ вьюга.

Пастухи и бродячіе охотники удалились вслѣдъ за стадами сухопутныхъ животныхъ. Однако на этихъ негостепріимныхъ берегахъ еще остались люди. Нѣдра океана подъ толстой ледяной корой изобиловали рыбой и тюленями, и изъ числа обитателей пустыни выдѣлялись семьи, которыя, соблазнившись обиліемъ морской пищи, рѣшились проводить лѣто и зиму въ той суровой землѣ. Это были охотники, нападавшіе съ копьемъ въ рукахъ на огромнаго бѣлаго медвѣдя; мореплаватели, на утлыхъ кожаныхъ лодкахъ дерзавшіе лавировать на негостепріимномъ просторѣ полярнаго океана; люди, для которыхъ холодъ былъ стихіей, океанъ—нивой, а ледяная равнина—поприщемъ жизни; вѣчные борцы съ природой, тѣло которыхъ было закалено какъ сталь и мышцы не уступали неутомимостью ни одному изъ дикихъ звѣрей, пробѣгавшихъ среди пустыни; воины, привыкшіе считать естественную смерть постыдной и безсильную старость—наказаніемъ судьбы, которое слѣдуетъ сокращать добрымъ ударомъ ножа или копья...

У того изъ выступовъ мыса, который былъ выше другихъ и находился посрединѣ между двумя другими, на широкой, слегка пологой площадкѣ стояли два шатра. Они забились въ уголъ между двумя каменными стѣнами, сходившимися подъ тупымъ угломъ, и прислонились къ самому отвѣсу скалы. Передній шатеръ былъ больше и благоустроеннѣе. Это былъ обыкновенный зимникъ, какъ его устраиваютъ сидячіе чукчи, а также и кочевые оленеводы, когда они останавливаются на неподвижную зимовку. Огромный кожаный шатеръ былъ плотно натянутъ и поднимался въ вышину на полторы сажени, а въ ширину расползался не менѣе, чѣмъ на десять аршинъ. Оболочка его представляла пеструю мозаику оленьихъ и тюленьихъ шкуръ, сшитыхъ вмѣстѣ цѣликомъ и въ кускахъ, и была покрыта толстымъ слоемъ копоти и сажи; но всѣ отверстія и дырки въ ней были тщательно заплатаны, несмотря на огромную затрату времени и заботливости, которой требовала эта

работа. Полы шатра были завалены вокругъ высокимъ снѣжнымъ окопомъ и укрѣплены огромными камнями; передъ входомъ было устроено нѣчто въ родѣ сѣней изъ такой же мозаичной оболочки, низко нахлобученной на небольшой деревянный остовъ навѣса и старательно подоткнутой со всѣхъ сторонъ внизу. Задній шатеръ былъ такъ низокъ, что изъ-подъ своего снѣжнаго завала походилъ скорѣе на огромный сугробъ, чѣмъ на человѣческое жилище.

Въ самомъ центрѣ передняго шатра, на земляномъ очагѣ, горѣлъ огонь, наполняя его ѣдкимъ дымомъ, который силою наружнаго вѣтра задерживался вверху у дымового отверстія и не хотѣлъ выходить вонъ. Въ задней половинѣ шатра, по чукотскому обычаю, былъ устроенъ такъ называемый пологъ, теплое отдѣленіе, въ видѣ четвероугольнаго ящика изъ шкуръ, плотно закрытаго со всѣхъ сторонъ и покрытаго толстымъ слоемъ травы, связанной въ пучки.

Большая часть жителей шатра въ настоящее время находилась въ тепломъ отдѣленіи. Это было тѣсное помѣщеніе длиною въ сажень, шириною сажени въ двѣ и настолько низкое, что взрослый человѣкъ не могъ бы приподняться на ноги, подъ опасеніемъ упереться головой въ потолокъ и сдвинуть съ мѣста травяную покрышку, лежащую поверхъ оленьихъ шкуръ. Лампа съ жиромъ, съ зажженной свѣтильней, плававшей у передняго края, коптила на видномъ мѣстѣ, посрединѣ задней стѣнки. Другая, маленькая, горѣла въ правомъ углу недалеко отъ того мѣста, гдѣ былъ проходъ или, лучше сказать, пролазъ изъ ящика наружу, огражденный длинной мѣховой полой, аккуратно подвернутой подъ шкуры, разостланныя на полу. Въ пологѣ было жарко. Спертый и пропитанный міазмами воздухъ чукотскаго жилья, которое чукчи стараются оградить отъ всякаго свѣжаго вѣянія, зелеными волнами носился взадъ и впередъ. Испаренія человѣческаго тѣла, прѣсный запахъ вареной ѣды и немытой посуды, которымъ была пропитана каждая шерстинка мѣховыхъ стѣнъ, ѣдкая вонь прокислыхъ шкуръ, устилавшихъ дно ящика и совершенно почернѣвшихъ отъ грязи, горькая копоть лампъ, запахъ мочи и гніющей печени, которыя употреблялись хозяйкою для выдѣлыванія кожъ,—все это сливалось въ такой одуряющій букетъ, что можно было только удивляться, какъ живыя человѣческія существа могутъ выносить его безнаказанно.

Однако въ пологѣ было восемь человѣкъ, и всѣ они, повидимому, не чувствовали никакого неудобства отъ окружающей атмосферы. Хозяинъ сидѣлъ на особо разостланной шкурѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ, по правую сторону лампы. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, крѣпкій и здоровый, съ спокойными, проницательными глазами и худощавымъ лицомъ, обрамленнымъ жидкой бородкой и такими же усами. Кожа на его щекахъ и шеѣ совсѣмъ побурѣла и походила на древесную кору.

Голова его была украшена узкимъ кожанымъ ремешкомъ, усаженнымъ круглыми голубыми бусами, между которыми выдѣлялись четыре маленькихъ безформенныхъ кусочка дерева: это были «уккомаки», наговоренные амулеты, которые должны были отстранять отъ головы владѣльца всякое зло, неудачу и болѣзнь. Такъ какъ въ пологѣ было душно, старикъ снялъ съ себя мѣховую рубаху и вмѣсто нея надѣлъ красную фуфайку американскаго происхожденія, которую онъ пріобрѣлъ во время одной изъ поѣздокъ на мысъ Пикъ (Чукотскій носъ), гдѣ американскіе товары попадаются очень часто. Онъ уже сорокъ лѣтъ постоянно занимался торговыми разъѣздами по ледовитому побережью на протяженіи двухъ тысячъ верстъ, и его такъ же хорошо знали въ чукотскихъ поселкахъ, какъ и въ русскихъ поселеніяхъ на Колымѣ и Анадырѣ. По первому осеннему пути на своихъ быстроногихъ собакахъ онъ доѣзжалъ въ десять дней изъ своего дома до деревни Коретовой на Колымѣ, отдавалъ тамъ торговымъ казакамъ тюленьи шкуры, свитки моржовыхъ ремней и забиралъ кирпичи чаю и папуши листового табаку, потомъ отправлялся въ отдаленныя поселенія сидячихъ чукчей на носу и вымѣнивалъ новые запасы ремней и чемодановъ изъ тюленьей шкуры съ двойнымъ и тройнымъ барышомъ. Весной онъ приносилъ на анюйскую ярмарку купцамъ, пріѣхавшимъ изъ Якутска, песцовъ и выпортковъ (оленьихъ телятъ), перекупленныхъ отъ оленьихъ чукчей, а лѣтомъ, сообща съ другими подобными ему искателями барышей и торговыхъ приключеній, отправлялся на большой восьмивесельной байдарѣ къ островнымъ эскимосамъ или на американскій материкъ за дорогими лисицами и бобрами. Имя старика было Кителькутъ. По правую сторону большой лампы на почетномъ мѣстѣ, обыкновенно предназначенномъ для гостей, сидѣлъ человѣкъ такого крупнаго роста и тѣлосложенія, что можно было только удивляться, какъ онъ умудрился забраться въ такой тѣсный уголъ. Онъ тоже снялъ съ себя мѣховую рубаху. Лицо его было налито кровью и красно какъ кирпичъ; низкій лобъ и квадратныя челюсти придавали его чертамъ характерное выраженіе упрямства и жестокости. Голова его сидѣла на короткой шеѣ и была какъ-то притиснута къ плечамъ и наклонена немного впередъ.

Это дѣйствительно былъ гость, пріѣзжій съ Чаунской тундры изнутри страны, по имени Яякъ. Кочевья чаунскихъ жителей отстоятъ отъ Каменнаго мыса не болѣе какъ верстъ на триста, и они часто пріѣзжали къ Кителькуту за чаемъ и табакомъ, выбирая время, когда онъ возвращался изъ поѣздокъ въ русскія поселенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Яякъ пріѣхалъ, прошло уже дней десять, но разыгравшаяся непогода удержала его въ шатрѣ Кителькута долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ.

Рядомъ съ Яякомъ сидѣлъ маленькій старичокъ съ быстрыми глазками обезьяны и сморщеннымъ лицомъ совершенно коричневаго цвѣта. Это

былъ Уквунъ, хозяинъ другого шатра, сосѣдъ и сожитель Кителькута по стойбищу. При условіяхъ разрозненной жизни въ пустынѣ маломощные и недостаточные люди никогда не селятся одни: они рисковали бы умереть съ голоду безъ того, чтобы кто-нибудь даже узналъ объ этомъ. Семьи, которыя не разсчитываютъ прокормиться собственными усиліями, присосѣживаются къ болѣе сильнымъ. Уквунъ не имѣлъ сыновей, и его собаки умерли бы съ голоду, если бы старый Кителькутъ каждый разъ, когда его охотники приносили домой моржа или нѣсколько тюленей, не удѣлялъ ему извѣстной части промысла. О пищѣ для людей не стоило и говорить. За столомъ жителя пустыни каждый голодный имѣетъ право получить свою долю, кто бы онъ ни былъ: соплеменникъ или чужеродецъ, сосѣдъ на жительствѣ или пришлецъ изъ отдаленной земли, и отступленіе отъ этого обычая считается тяжкимъ грѣхомъ, который не замедлитъ навлечь на виновнаго наказаніе боговъ.

Нуватъ, единственный сынъ Кителькута, лежалъ на животѣ, опираясь лицомъ на сложенныя ладони. Онъ какъ будто дремалъ, но время отъ времени онъ поднималъ голову и открывалъ совсѣмъ молодое лицо. Нуватъ, несмотря на свои молодые годы, былъ лучшимъ промышленникомъ между всѣми охотниками тундры на триста верстъ протяженія. Никто не умѣлъ съ такой искусной осторожностью подкрасться къ старому моржу, отдыхающему на льдинѣ, или выслѣдить горнаго барана на отрогахъ хребта, синѣвшаго на югѣ.

У второй лампы, въ сторонѣ отъ другихъ, сидѣли рядомъ двое подростковъ: мальчикъ и дѣвочка. Мальчику могло быть лѣтъ двѣнадцать, дѣвочкѣ — немного меньше. Оба они были совсѣмъ раздѣты и сидѣли другъ подлѣ друга, набросивъ себѣ на колѣни старое мѣховое одѣяло, и, не обращая вниманія на старшихъ, съ большимъ увлеченіемъ занимались своеобразной игрой, весьма распространенной между чукотскими ребятишками и состоящей въ выдѣлываніи различныхъ арабесокъ и фигуръ изъ одной длинной нити, которую они переплетаютъ по очереди на своихъ десяти пальцахъ, снимая другъ у друга петли такимъ образомъ, чтобы каждый разъ получалось новое изображеніе.

Старая Рынтына, жена Кителькута, сидѣла рядомъ съ дѣтьми, держа въ рукахъ пучокъ расчесанныхъ сухожилій, похожій на льняную кудель. Изъ-за ея плеча выглядывало маленькое старушечье личико съ совершенно птичьимъ выраженіемъ и съ глубокими складками около глазъ и губъ. Это была Анека, старая жена Уквуна, совсѣмъ подъ-стать своему мужу. Якъ и Кителькутъ молчали. Съ ранняго утра они сидѣли безвыходно въ пологѣ и успѣли смертельно надоѣсть другъ другу. Всѣ новости были пересказаны съ обѣихъ сторонъ, а наиболѣе интересныя повторены вновь со всѣми подробностями и даже прикрасами, какія

только могло подсказать скучающее воображеніе и ничѣмъ не наполненный досугъ, такъ что теперь говорить было не о чемъ. Правда, кромѣ разговора, нѣкоторое развлеченіе доставляютъ еще ѣда и питье, и каждую трапезу они старались тянуть какъ можно дольше. Но, къ сожалѣнію, и ѣда не могла продолжаться безъ перерыва.

— Что же, Катыкъ!—наконецъ лѣниво спросилъ Кителькутъ.—Такъ и задушили? А?

— Если самъ просишь,—проворчалъ Яякъ, не поднимая головы,—развѣ откажутъ?

— А кто же душилъ?—спросила изъ своего угла Рынтына, продолжая скручивать свои безконечныя нитки на голомъ колѣнѣ.

— Жена держала на колѣняхъ, сыновья тянули веревку,—проворчалъ Яякъ послѣ нѣкоторой паузы еще болѣе недовольнымъ тономъ.

— Жена держала?.. гычь!—повторила Рынтына протяжно.

— А онъ почему просилъ смерти?..

Дѣло шло о добровольной смерти одного чаунскаго жителя, который, подобно Яяку, ежегодно пріѣзжалъ къ Кителькуту и который потребовалъ отъ собственныхъ сыновей, чтобы они ему перетянули горло веревкой, что́ и было благополучно исполнено [1]). Присутствующіе уже выслушали изъ устъ Яяка подробное описаніе этой интересной исторіи.

— Эй, наружные!—крикнулъ Кителькутъ, нагибаясь къ выходной стѣнѣ.

— Го!—отозвался звонкій женскій голосъ изъ наружнаго отдѣленія.

— Скорѣе чайникъ!—крикнулъ старикъ.—Гость пить хочетъ! Торопитесь!

Кителькутъ не хуже другихъ жителей тундры исполнялъ обязанности гостепріимства и все это время угощалъ Яяка лучшимъ, что имѣлось между его запасами. Упряжку его онъ кормилъ наравнѣ съ своими собственными собаками и готовъ былъ кормить ее еще сколько угодно времени.

Зато онъ оцѣнилъ чай и табакъ, привезенный отъ русскихъ и назначенный въ продажу, слишкомъ дорогой цѣной и рѣшительно отказывался Яяку уступить что-либо.

— Что дѣлать!—кротко сказалъ Кителькутъ въ отвѣтъ на упрекъ.—Мало привезъ отъ русскихъ. Въ одиночку ѣздилъ. Много ли положишь на одну нарту? А у меня много друзей. Еще одинъ человѣкъ пріѣдетъ. Каждый годъ пріѣзжаютъ. А отказывать—грѣхъ.

— А развѣ давать по табачному листу за теленка оленя не грѣхъ?—прямо и грубо спросилъ Яякъ.—Или я на полѣ подбираю шкуры.

---

[1]) У чукчей старики, дожившіе до преклонныхъ лѣтъ, нерѣдко просятъ родственниковъ убить ихъ.

Сердце его сжалось, когда онъ думалъ объ условіяхъ, предложенныхъ Кителькутомъ. Несмотря на свою собачью упряжку, онъ принадлежалъ къ оленнымъ чукчамъ и выросъ у стада. Его единственнымъ товаромъ были выпоротки, красивыя шкуры молодыхъ оленьихъ телятъ, во множествѣ погибающихъ каждую весну. Передъ отъѣздомъ на Каменный мысъ онъ обобралъ выпортковъ у всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ и обѣщалъ взамѣнъ привезти соотвѣтственное количество чаю и табаку. А теперь Кителькутъ давалъ такую ничтожную цѣну. На Чаунѣ никто не повѣритъ, что выпоротка можно отдавать только за одинъ листокъ табаку.

— Такъ лучше не брать,—невинно возразилъ Кителькутъ.—У меня у самого товару мало. А русскіе на ярмаркѣ дадутъ дороже. Лучше отложить до ярмарки.

— Я знаю,—снова заговорилъ Якъ съ растущимъ гнѣвомъ,—тебѣ не нужно выпортковъ. Ты хочешь лисицъ, бобровъ; а я гдѣ возьму бобровъ? Развѣ я ѣзжу за море къ айванамъ (эскимосы)?

— Я торговецъ,—сказалъ Кителькутъ:—самъ не ношу ни лисицъ, ни выпортковъ. Отдаю чужеплеменникамъ. Что предпочитаютъ русскіе купцы, то предпочитаю и я.

— Торговецъ!—съ негодованіемъ передразнилъ Якъ.—Только и думаетъ, чтобы изъ одной папуши табаку сдѣлать двѣ; не помнитъ, что чужое горло тоже жаждетъ горькаго. Мы развѣ не такъ же мучимся, какъ ты, не имѣя питья?

Разговоръ въ пологѣ принималъ довольно непріятный оборотъ. Якъ не щадилъ упрековъ по адресу хозяина. Хитрый старикъ, желая предотвратить ссору, задумалъ отвлечь его отъ мысли въ другую сторону.

— А что?—сказалъ онъ вдругъ:—не покормить ли собакъ? Онѣ со вчерашняго не ѣли.

— Ухъ!—немедленно подхватилъ Якъ.—Бѣда! мои собаки, съ тѣхъ поръ какъ пришла вьюга, ни разу не ѣли какъ слѣдуетъ. Передовая худо смотритъ. Пропадетъ—бѣда. Кто найдетъ дорогу домой?

— Отчего не возьмешь ее въ юрту?—предложилъ Кителькутъ.

— Не любитъ, боится,—сказалъ Якъ.—Въ шатрѣ ни за что не станетъ ѣсть. Искони привыкла на снѣгу. Эта собака,—продолжалъ Якъ съ воодушевленіемъ,—умнѣе человѣка: только что словъ нѣтъ, а умнѣе, все знаетъ. Въ темноту, въ непогоду найдетъ сама каждую дорогу. Безъ нея какъ поѣду домой?... Пойду, посмотрю!—заключилъ онъ, вытаскивая изъ-за спины свою двойную кукашку (мѣховую рубаху).

— Не ходи!—сказалъ старикъ.—Ты не здѣшній, можешь сбиться. Коравія заодно посмотритъ.

— Коравія!—окликнулъ онъ, опять обращаясь къ выходной стѣнѣ.

— Гой!—откликнулся оттуда мужской голосъ, принадлежавшій молодому человѣку, который бесѣдовалъ съ дѣвушкой.

— Попробуй накормить собакъ! можетъ, станутъ,—сказалъ старикъ изъ полога.

— Ладно!—отвѣчалъ Коравія.—Сейчасъ!

— Наруби жиру тюленьяго да моржоваго мяса... помельче!—кричалъ старикъ.

— Эгей!—отозвался Коравія.—Сейчасъ пойду!

Но Яякъ уже надѣлъ кукашку и теперь торопливо натягивалъ косматые сапоги на свои огромныя ноги. Онъ непремѣнно хотѣлъ лично осмотрѣть собакъ.

Ѣздовыя собаки.

— Пойдемъ!—сказалъ Коравія, вытаскивая изъ мѣшка длинный ремень и обвязывая его вокругъ пояса.—Другимъ концомъ ты обвяжись, чтобы намъ не растеряться въ темнотѣ.

Яякъ проворчалъ что-то, но обвязался ремнемъ.

Яякъ нахлобучилъ свою шапку поглубже на уши и распластался по землѣ, чтобы выползти изъ шатра въ сѣни. Вьюга ударила ему въ лицо съ такимъ остервенѣніемъ, что онъ пошатнулся и чуть не опрокинулся назадъ. Кругомъ было темно какъ въ могилѣ. Лицо Яяка, еще разгоряченное отъ продолжительнаго пребыванія въ душномъ пологу, вдругъ оледянѣло и стало саднить отъ холода. Колючія иглы снѣжинокъ, гонимыя вѣтромъ, впивались ему въ щеки, какъ живыя тучи голодныхъ

комаровъ, желавшихъ отвѣдать его крови. Онѣ забирались за воротъ, набирались въ рукавицы и отверстія рукавовъ. Онъ отвернулъ отъ вьюги лицо и сталъ ощупью пробираться между сугробами по направленію къ собакамъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что ремень натянулся.

— Куда прешь?—долетѣлъ крикъ спереди.—Или мнѣ надо волочить за собою два мѣшка?—голосъ Коравіи, долетѣвшій по вѣтру, едва былъ слышенъ среди воя и визга вьюги.

Якъ поспѣшно повернулъ обратно и пошелъ на голосъ, каждый разъ ощупывая ремень, чтобы видѣть, не натягивается ли онъ.

Это было трудное и утомительное путешествіе, несмотря на то, что приходилось пройти не болѣе двухсотъ шаговъ. Вьюга намела поперекъ дороги сугробы скрипучаго и сухого снѣга.

Собаки были привязаны нѣсколько подальше задняго шатра въ самомъ глубокомъ мѣстѣ у каменной стѣны. Вьюга намела вдоль стѣны цѣлый снѣжный валъ. Всѣхъ собакъ было около пятидесяти: онѣ были привязаны на короткихъ палкахъ двумя длинными рядами прямо на снѣгу безъ всякой подстилки. Снѣжная пыль непрерывно осыпалась внизъ съ верхушки вала, и собаки должны были поминутно вставать и отряхиваться, чтобы ихъ не занесло. Нѣкоторыя лѣнились дѣлать это достаточно часто и въ наказаніе должны были выбираться наружу изъ цѣлаго сугроба, быстро собиравшагося надъ ихъ головой.

Коравія развязалъ мѣшокъ и сталъ кликать собакъ, называя ихъ по именамъ. Обыкновенно собаки привѣтствуютъ появленіе корма неистовымъ визгомъ и воемъ; но на этотъ разъ онѣ отнеслись къ нему довольно холодно. Нѣкоторыя не подняли даже головы, чтобы посмотрѣть на пришедшихъ людей; другія съ тихимъ повизгиваніемъ виляли хвостомъ, не рѣшаясь встать на ноги.

— Сурокъ! Пестрякъ! Кровоѣдъ!—настойчиво взывалъ Коравія, чтобы разбудить тѣхъ собакъ, которыя еще лежали свернувшись.

Якъ набралъ на подолъ верхней кукашки жиру и мяса и пошелъ къ своимъ собакамъ. Ихъ было двѣнадцать; онѣ лежали на самомъ лучшемъ мѣстѣ. Якъ поспѣшно разбросалъ имъ кормъ по порціямъ и подошелъ къ лежащей собакѣ.

— Бѣлоногъ! Бѣлоногъ!—настойчиво кликалъ онъ.

Собака подняла голову, но не встала.

— Ухъ!—вздохнулъ хозяинъ.—Что, зябнешь, дружокъ? — спросилъ онъ у своей собаки такъ нѣжно, какъ никогда не разговаривалъ съ людьми.

Бѣлоногъ вильнулъ хвостомъ, очевидно, въ знакъ утвержденія.

— Станешь ѣсть, Бѣлоногъ?—продолжалъ Якъ, какъ будто собака дѣйствительно понимала его рѣчь.

Бѣлоногъ опять вильнулъ хвостомъ. Якъ положилъ передъ его мордой большой кусокъ желтаго тюленьяго жира.

— Ѣшь, ѣшь, Бѣлоногъ!—понукалъ онъ собаку.

Но Бѣлоногъ лѣниво протянулъ носъ, понюхалъ жиръ и опять убралъ голову.

Якъ опустился на одно колѣно, вытащилъ ножъ изъ-за пояса и сталъ крошить жиръ на мелкіе куски. Потомъ онъ сталъ кормить собаку изъ рукъ, почти насильно суя ей куски въ ротъ.

Бѣлоногъ ѣлъ неохотно, очевидно только для того, чтобы сдѣлать удовольствіе хозяину, однако съѣлъ весь жиръ. Но на мерзлое мясо онъ отказался даже посмотрѣть. Жиръ ѣли почти всѣ собаки, но отказались отъ мерзлаго мяса, и Коравія убралъ его обратно въ мѣшокъ. Онъ взвалилъ на плечо полуопустѣвшій мѣшокъ и пустился въ обратный путь по сугробамъ и застругамъ. Якъ опять шелъ сзади на привязи.

Собираясь войти въ пологъ, они съ ожесточеніемъ выколачивали снѣжную пыль изъ своей одежды особыми роговыми колотушками. Черезъ нѣсколько минутъ оба они пролѣзли въ пологъ. Коравія тоже озябъ и хотѣлъ согрѣться.

— Наружныя! Бабы!—закричалъ старикъ, какъ только они усѣлись по мѣстамъ.—Что же чай? Торопитесь! Гость замерзъ!

— Ну, метель!—говорилъ Якъ, отдуваясь и отфыркиваясь.

— Слѣпитъ, зарываетъ голову!

Онъ на время забылъ объ условіяхъ торга и думалъ теперь о томъ, скоро ли пройдетъ вьюга и останется ли въ живыхъ его упряжка.

— А что собаки?—спросилъ Кителькутъ.

— Худо!—сказалъ Коравія.—Только жиръ съѣли, мяса не грызутъ.

— Плохо!—подтвердилъ старикъ.—Высохнутъ на одномъ жирѣ.

— Охъ!—сказалъ Якъ, помолчавъ.—Когда же перестанетъ вѣтеръ? Хотя бы кто-нибудь пошаманилъ навстрѣчу.

Женщины, бывшія въ наружномъ отдѣленіи, просунули сквозь входную полу деревянные лотки съ ѣдой.

Угощеніе было обильное и разнообразное. Видно было, что Кителькутовы охотники имѣютъ удачу въ каждомъ промыслѣ. Тутъ былъ твердый моржовый жиръ, нарѣзанный ломтиками, китовая кожа, бѣлая и плотная, мясо дикихъ оленей, замороженное, растолченное въ порошокъ и смѣшанное съ застывшимъ топленымъ саломъ, и тому подобные деликатесы. Рынтына разставила лотки на тюленьей шкурѣ, посреди нѣ полога, и всѣ присутствующіе пододвинулись ближе. Только Нуватъ, котораго старикъ попробовалъ разбудить, промычалъ что-то непонятное и отвернулся къ стѣнѣ. Онъ не хотѣлъ ѣсть. Мужчины и женщины ѣли пальцами, обмакивая каждый кусокъ въ большую чашу тюленьей ворвани, поставленную между лотками.

Когда закуска была окончена, хозяйка тѣмъ же порядкомъ выставила невзрачный деревянный ящикъ, служившій хранилищемъ для чайной посуды. Женщины въ наружномъ шатрѣ въ это время торопливо очищали и облизывали корыта. Это была ихъ доля ѣды. Вычистивъ корыта, онѣ просунули въ пологъ черные чайники съ кипяткомъ и круто заваренымъ кирпичнымъ чаемъ. Въ пологѣ стало жарко, какъ въ печи. Бѣлый паръ, валившій клубомъ изъ-подъ мѣдныхъ крышекъ, не находя себѣ выхода, скоплялся подъ невысокимъ потолкомъ. Свѣтъ лампы какъ будто потускнѣлъ. Люди, сидѣвшіе въ пологу, раздѣлись до послѣдней возможности; всѣ лица и спины лоснились отъ пота. Можно было бы подумать, что они собрались сюда для того, чтобы принять паровую ванну. Только Нуватъ лежалъ неподвижно у стѣны, не снимая мѣховой одежды и не чувствуя духоты.

Вьюга на дворѣ гудѣла попрежнему.

Взявъ въ руки десятую чашку и собираясь отхлебнуть изъ нея, Якъ вернулся къ своей первоначальной идеѣ.

— Вы, кто-нибудь,—сказалъ онъ,—постучите въ бубенъ, уймите вѣтеръ!

— Хорошо!—согласился Уквунъ. — Пускай! можно и попробовать... Послѣ ужина!—назначилъ онъ, подумавъ.

Шаманство у чукчей, строго говоря, не составляетъ привилегіи особыхъ лицъ.

Каждая семья имѣетъ свой бубенъ, и упражненіе на немъ составляетъ не только право, но и обязанность всѣхъ ея взрослыхъ членовъ и даже дѣтей.

Помимо обычныхъ годовыхъ праздниковъ осенью и весной, гдѣ шаманство играетъ наиболѣе выдающуюся роль въ обыденной жизни, шаманятъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ.

Нужно ли обезпечить успѣхъ для поѣздки на ярмарку, предугадать результатъ промысла, выбрать мѣсто заметыванія сѣтей,—звонко обтянутый бубенъ, жженіе оленьей лопатки, камень, подвѣшенный на посохѣ, и т. п. виды колдовства немедленно пускаются въ ходъ. Послѣ каждой удачной охоты непремѣнно устраивается шаманское празднество, родъ тризны, или служенія духу убитой добычи, съ особенными, традиціонными обрядами.

Всѣ молчали.

Бубенъ лежалъ подъ потолкомъ на деревянной грядкѣ. Уквунъ снялъ его и испробовалъ звонкость оболочки колотушкой изъ китоваго уса и приготовился приступить къ священнодѣйствію. Обѣ лампы были погашены и въ пологѣ было темно, какъ въ гробу; но темнота эта жила и какъ будто двигалась, вся переполненная звуками. Частый и дробный стукъ колотушки раздавался какъ набатъ. Уквунъ надрывался отъ усер-

дія, извлекая изъ своего горла самые странные и сложные напѣвы: подражалъ храпу моржа и клекоту орла, рычалъ медвѣдемъ и гоготалъ гагарой, завывалъ въ унисонъ вьюгѣ, бушевавшей на дворѣ. Но напрасно слушатели кричали: гычь, гычь! правда!—поощряя его и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь выставить передъ призываемыми духами его силу въ болѣе выгодномъ свѣтѣ. Духи бури, пролетавшей мимо, не обращали повидимому никакого вниманія на его призывъ и никакъ не хотѣли задержаться на минуту и откликнуться. Быть можетъ, имъ хотѣлось еще потѣшиться надъ беззащитной тундрой, и они не одобряли затѣи Уквуна, клонившейся къ ихъ умиротворенію.

— Э-ге-ге-ге-гей! Гей, гей!—протянулъ наконецъ Уквунъ.—Гей, гей! Я человѣкъ, я ищущій, я зовущій!..

Онъ рѣшилъ отъ простыхъ напѣвовъ перейти къ заклинаніямъ, которыя считаются гораздо болѣе дѣйствительными.

— Маленькая рыбка Веканъ!—запѣлъ онъ громкимъ и протяжнымъ речитативомъ.

— Гей, гей! Выросла, стала больше кита. Гей! Она лежитъ среди открытаго моря; шея ея стала какъ островъ, спина ея вытянулась материкомъ. Гей, гей, гей! Если ты, пролетая, задѣлъ концомъ крыла о землю Люренъ, дай отвѣтъ.

Но буря опять пронеслась мимо, не откликаясь на призывъ.

— Надъ истокомъ бѣгущей воды, на вершинѣ бѣлаго хребта, у гремящаго ледника живетъ молнія, мать горнаго эха, она летаетъ по небу, гремя желѣзными крыльями... Изъ-подъ ногъ ея брызжетъ алый огонь... Если ты вылетѣлъ изъ ея узкихъ ущелій, дай отвѣтъ!

Но отвѣта не было попрежнему...

На другой день вьюга дѣйствительно немного утихла. Вѣтеръ прилеталъ съ океана съ прежнимъ ожесточеніемъ, но небо стало свѣтлѣе. Тучи тонкой снѣжной пыли, носившейся кругомъ, вдругъ окрасились блескомъ восходящей зари. Весь воздухъ наполнился сіяніемъ. Теперь можно было ожидать, что къ вечеру непогода совсѣмъ уляжется.

Якъ съ утра сталъ дѣятельно приготовляться къ отъѣзду. Онъ думалъ уѣхать на слѣдующее утро; но ему было необходимо тщательно осмотрѣть состояніе своей нарты и упряжки, прежде чѣмъ пуститься въ далекій путь по безлюдной пустынѣ.

Кителькутъ сидѣлъ передъ входомъ и тесалъ что-то.

— Ну, гдѣ у тебя?—сказалъ Якъ, насупившись и не глядя на старика.

— Сколько чего хочешь дать, такъ давай!

— Ты самъ знаешь, сколько,—тотчасъ же отвѣтилъ Кителькутъ.— Возьмешь, такъ дамъ.

Они уже нѣсколько разъ пробовали договариваться о торгѣ. Якъ

привезъ на промѣнъ около двухсотъ телячьихъ шкурокъ и кромѣ того пятьдесятъ большихъ шкуръ. Прежде всего ему нужно было желѣзо, два небольшихъ котла, два топора и два большихъ боевыхъ ножа. Старикъ предлагалъ ему за его шкуры, кромѣ желѣзныхъ издѣлій, еще десять кирпичей чаю и двадцать папушъ табаку. Собственно говоря, такія условія не были особенно обидны. Весь вопросъ былъ въ табакѣ. Вмѣсто большихъ папушъ у старика были весьма сомнительныя мелкія папушки, изъ которыхъ чья-то коварная рука болѣе или менѣе искусно убавила около трети первоначальнаго количества.

— Давай!—сказалъ Якъ неохотно.

Старикъ ушелъ внутрь шатра и черезъ минуту вынесъ всѣ товары, перечисленные выше. Онъ, очевидно, приготовилъ ихъ заранѣе. Онъ былъ увѣренъ, что Якъ въ концѣ-концовъ согласится на его условія, и хотѣлъ, чтобы совершеніе сдѣлки прошло какъ можно скорѣе. Якъ принялъ отъ старика кожаную сумку и взвѣшивалъ на рукахъ, какъ будто не рѣшаясь заглянуть внутрь. Табаку рѣшительно было мало. Наконецъ, онъ съ рѣшительнымъ видомъ развязалъ ремень и, порывшись, вытащилъ одну папушку изъ тѣхъ, которыя лежали на днѣ. Мелкая табачная пыль, поднявшаяся со дна, заставила его чихнуть.

— О, и табакъ!—сказалъ Кителькутъ.—Чисто сахаръ!..

Этимъ сравненіемъ, часто употребляемымъ на сѣверѣ, онъ хотѣлъ выразить, что его табакъ въ своемъ родѣ такъ же вкусенъ, какъ сахаръ.

Якъ ничего не отвѣтилъ. Онъ съ мрачнымъ лицомъ разсматривалъ папушу, которую держалъ въ рукѣ. Какъ на грѣхъ ему попалась чуть ли не самая дрянная во всей сумѣ, какая-то короткая папушка, обдерганная со всѣхъ сторонъ.

Корешки листьевъ были перевязаны ниткой, ссученной изъ оленьихъ жилъ, конечно, весьма недавняго происхожденія. Якъ отвязалъ нитку и бросилъ въ сторону, потомъ развернулъ папушу. Въ середину папуши былъ затиснутъ пучокъ табачныхъ кореньевъ, почти совершенно негодныхъ для куренія.

Якъ вытащилъ коренья, положилъ ихъ на ладонь, пристально поглядѣлъ на нихъ, и вдругъ его нижняя челюсть затряслась.

— Еще скажутъ, что я самъ...—проговорилъ онъ, всхлипывая какъ огромный ребенокъ.—Будутъ говорить на Чаунѣ, что листья я самъ выкурилъ, а коренья привезъ друзьямъ.

При видѣ этихъ слезъ даже Кителькутъ почувствовалъ смущеніе.

— Это не я!—счелъ нужнымъ оправдаться онъ.—Это русскіе сдѣлали... Мои руки не ломали папушъ.

Но Якъ уже не плакалъ.

— Развѣ ты безъ глазъ?—гнѣвно спросилъ онъ.

— Я былъ пьянъ,—сказалъ старикъ почти кроткимъ тономъ. Воспоминаніе о водкѣ окончательно вывело Яка изъ себя. Онъ вдругъ швырнулъ табакъ на землю съ такой силой, что листья разлетѣлись во всѣ стороны.

— Не надо!—заревѣлъ онъ во все горло.—Бездѣльникъ! Отдай назадъ мои шкуры!

По обычаю, немедленно по пріѣздѣ, онъ сдалъ свои шкуры старику на храненіе, и теперь онѣ лежали въ мѣшкахъ въ общемъ хранилищѣ Кителькута сзади полога.

Старикъ въ свою очередь разсердился.

— Ты зачѣмъ швыряешь чужое дорбо, моховая морда!—крикнулъ онъ, дѣлая шагъ по направленію къ противнику.—Вотъ схвачу за шею да швырну съ утеса, мѣшокъ съ гнилымъ мясомъ!

Онъ стоялъ передъ Якомъ, выпрямивъ свой станъ, еще сохранившій полную мужскую крѣпость. Онъ былъ почти такого же роста, какъ и чаунскій богатырь, но значительно тоньше и костлявѣе. Въ борьбѣ и дракѣ онъ долженъ былъ явиться, пожалуй, не менѣе опаснымъ противникомъ, чѣмъ и самъ Якъ.

— Обманщикъ!—кричалъ чаунецъ.—Отдай назадъ мои шкуры!—и съ характернымъ чукотскимъ движеніемъ онъ оскалилъ зубы и крѣпко закусилъ рукавъ мѣховой рубахи, точь въ точь какъ собака, которая угрожаетъ другой собакѣ.

— Возьми!—сказалъ старикъ, возвращая все хладнокровіе.—Къ чорту твоихъ телятъ.

Онъ опять ушелъ въ шатеръ и вернулся, таща за собой два длинныхъ и узкихъ мѣшка, сдѣланныхъ изъ цѣльной шкуры тюленя, распоротой поперекъ брюха въ видѣ устья.

— Съ этого времени не ѣзди и не проси о торгѣ!—сказалъ онъ.—Какое сокровище!—насмѣшливо прибавилъ онъ, выбрасывая изъ мѣшка рыжія и пестрыя шкуры.—Подумаешь, бобры!

Въ самомъ дѣлѣ, выпоротки въ его глазахъ имѣли такъ мало цѣнности, что онъ почти не жалѣлъ о несостоявшейся сдѣлкѣ.

Изъ-подъ угорья послышался свистъ и сухое шарканье полозьевъ: то возвращались Коравія и Нуватъ съ охоты.

— Сто-ой! сто-ой!—кричалъ Коравія, останавливая собакъ.—Яяго! Съ медвѣдемъ!

Раздался его громкій и веселый окликъ.

— Бабы, напойте!

Обычай требовалъ, чтобы женщины совершили на голову привезенной добычи возліяніе теплой воды прежде, чѣмъ подвезти ее къ дому.

— Съ медвѣдемъ! Яяго!—радостно крикнули дѣти, игравшія на площадкѣ, и кубаремъ скатились съ угорья.

Кителькутъ бросилъ на снѣгъ полуопорожненные мѣшки и быстро сбѣжалъ внизъ, совершенно забывъ объ Якѣ.

— Кто убилъ?—кричалъ онъ, подбѣгая къ нартѣ.

— Нуватъ,—сказалъ Коравія.

— А гдѣ Нуватъ?—поспѣшно спросилъ старикъ.

— Къ сѣтямъ ушелъ!—сказалъ Коравія.

— А съ нимъ ничего не случилось?—спросилъ подозрительно Кителькутъ.

Коравія поднялъ голову, удивляясь странности вопроса.

— Если бы случилось, развѣ я оставилъ бы сзади?—отвѣтилъ онъ.—Да вонъ онъ бѣжитъ!—прибавилъ онъ, указывая на движущуюся точку, показавшуюся на горизонтѣ.

Старикъ съ облегченіемъ вздохнулъ и принялся разсматривать и ощупывать добычу.

— Ну, шкура!—говорилъ онъ съ довольнымъ видомъ.—Кривой Ѳедька пріѣдетъ, меньше какъ за пятнадцать не отдамъ.

Они стали помогать собакамъ втащить медвѣжью тушу наверхъ, поддерживая и подтягивая нарту съ обѣихъ сторонъ.

Якъ сошелъ съ угорья вслѣдъ за старикомъ, чтобы посмотрѣть на великолѣпную добычу. У него тоже было сердце охотника. Теперь онъ шелъ сзади нарты.

Когда на крутомъ подъемѣ собаки подернули недружно и нарта раскатилась назадъ, онъ снизошелъ даже до того, чтобы подхватить тяжелый задокъ и удержать его на вѣсу.

Очутившись наверху, онъ опять посмотрѣлъ на свои выпоротки, небрежно брошенные на снѣгу, и они вдругъ показались ему въ высшей степени жалкими.

— Возьми!—сказалъ онъ Кителькуту, который помогалъ Коравіи разгружать медвѣдя.—Убери обратно! А я возьму табакъ.

— Хорошо!—сказалъ торговецъ.—Только помни! Больше не мѣняй ума! Все равно, не отдамъ назадъ.

Онъ убралъ шкуры въ шатеръ.

Чаунецъ собралъ желѣзо и табакъ и отнесъ къ своей нартѣ. У него теперь явился новый планъ, и онъ рѣшилъ отложить свой отъѣздъ еще на день. Назавтра Кителькутъ долженъ былъ справлять тризну медвѣдю и вмѣстѣ съ тѣмъ принести благодарственную жертву за избавленіе отъ вьюги. По древнему обычаю гость, присутствующій на такомъ праздникѣ, имѣетъ право просить у хозяина въ подарокъ любую вещь по своему желанію.

Якъ намѣревался заявить на праздникѣ притязаніе на недостающее ему количество табаку и надѣялся, что Кителькутъ не рѣшится отказать ему. Отказъ въ подобной просьбѣ считается у чук-

чей тяжкой обидой, влекущей полный разрывъ дружественныхъ отношеній.

Чаунецъ довольно справедливо думалъ, что старикъ получаетъ отъ него слишкомъ много выгодъ, чтобы оттолкнуть его отъ себя безъ особой уважительной причины. Обычай требуетъ также соотвѣтственныхъ даровъ и со стороны гостя; но для нихъ не назначается никакого опредѣленнаго срока, и Яякъ думалъ привезти отдарокъ въ будущій свой пріѣздъ. До будущаго года было далеко, и Яякъ мало думалъ объ этомъ. Онъ охотно взялъ бы у Кителькута табакъ въ видѣ долга, если бы между чукчами существовало обыкновеніе давать въ долгъ.

На другой день жители поселка проснулись съ первымъ лучомъ разсвѣта. Женщины въ шатрѣ Кителькута чуть не съ полночи начали возиться, вытапливая сало изъ тюленьихъ костей, оленя и приготовляя жертвенную похлебку изъ тюленьей крови, смѣшанной съ кореньями и жиромъ. Рынтына наварила цѣлую гору самаго разнообразнаго мяса, какое только нашлось въ ея пищевыхъ мѣшкахъ.

Яякъ провелъ ночь въ заднемъ шатрѣ; но немедленно по пробужденіи онъ явился къ Кителькуту вмѣстѣ съ Уквуномъ и его женами. Женщины расчистили снѣгъ сзади шатра и соединенными усиліями перетащили туда медвѣжью тушу. Женщины вынесли идоловъ, представлявшихъ одновременно снарядъ для добыванія огня, и разставили ихъ въ рядъ. Рынтына извлекла изъ какого-то сокровеннаго тайника огромную связку наслѣдственныхъ амулетовъ, большею частью представлявшихъ невзрачные кусочки дерева, раздвоенные съ одного конца; были тутъ также черные камни странной формы, нѣсколько вороньихъ и песцовыхъ череповъ и даже одна человѣческая челюсть въ кожаномъ чехлѣ, почернѣвшемъ отъ времени. Все это было навязано на одну длинную веревку въ видѣ чудовищныхъ четокъ, покрыто толстымъ слоемъ копоти и лоснилось отъ жира.

Въ благодарность божеству зарѣзали лучшую собаку изъ упряжки.

Кителькутъ зачерпнулъ рукой нѣсколько капель крови изъ свѣжей раны и брызнулъ сначала вверхъ Богу Творцу, живущему на макушкѣ неба на звѣздѣ Воткнутаго Дерева, потомъ на востокъ разсвѣту, потомъ на сѣверъ Вѣтру-Хозяину, главному вѣтру этой холодной земли, потомъ внизъ землѣ и подземнымъ духамъ. Жертву повернули головой къ востоку и подложили ей подъ голову и задъ по маленькой вѣткѣ тальника, еще сохранившей нѣсколько увядшихъ листьевъ.

Нуватъ зарѣзалъ ножомъ небольшого щенка на жертву духу убитаго медвѣдя. Женщины развели огонекъ предъ головой медвѣдя, потомъ совершили возліяніе кровяной похлебкой и стали разбрасывать во всѣ стороны мясо и сало, накрошенное мелкими кусочками. Рынтына вынула изъ котла свитокъ кишки, начиненной жиромъ, и, разрѣзавъ ее на

кусочки, украсила ими уши и зубы медвѣдя. Засунула также по кусочку въ пасть убитымъ собакамъ. Идолы и амулеты были вымазаны жиромъ и испятнаны свѣжей жертвенной кровью. Участвующіе взяли по куску жертвеннаго мяса и стали ѣсть. Первая часть церемоніи была окончена.

Другіе участники уносили внутрь шатра жертвы и плоды, потомъ, положивъ на тарелкѣ мяса, медленно пошли кругомъ шатра.

— Го-го! Го-гокъ!—громко кричали они, отпугивая враждебныхъ духовъ отъ своего жилища. Потомъ они отошли въ сторону и, выкопавъ въ снѣгу ямку, положили туда по кусочку отъ каждаго сорта мяса, покропили его кровью и тщательно зарыли и заровняли съ поверхностью. Окончивъ послѣднее жертвоприношеніе, они тоже вернулись въ шатеръ. Всѣ отверстія шатра были наглухо закрыты. Небольшой огонекъ, курившійся на очагѣ, уже успѣлъ наполнить дымомъ переднее отдѣленіе. Яркіе и прямые снопы солнечныхъ лучей, проникавшіе сквозь крошечныя дырки кожаной оболочки, прорѣзывали эту густую атмосферу длинными пучками, тонкими у основанія, но постепенно расширявшимися и оканчивавшимися круглымъ свѣтовымъ пятномъ на противоположной стѣнѣ или разбивавшимися о частый переплетъ шатровыхъ столбовъ и жердей.

Мужчины были въ обыкновенной носильной одеждѣ, но женщины надѣли широкіе балахоны, разукрашенные разноцвѣтной бахромой и пучками сѣрой и черной шерсти. Кителькутъ съ бубномъ въ рукѣ и съ длинной деревянной палкой, вмѣсто обыкновенной пластинки китоваго уса, сталъ передъ огнемъ со стороны входа, обратившись лицомъ къ внутреннему отдѣленію. Съ другой стороны огня стала Рынтына на оленьей шкурѣ, обратившись лицомъ къ мужу.

— Го-гокъ!—закричалъ Кителькутъ, ударивъ палкой по деревянному станку бубна.

— Го-гокъ, го-гокъ, го-гокъ!—дружно и громко отвѣтили всѣ присутствующіе.

Началась торжественная пляска. Нуватъ и одна изъ женщинъ, согнувъ колѣни и разставивъ носки врозь, прыгали взадъ и впередъ вокругъ огня. Кителькутъ и его жена медленно и размѣренно плясали другъ противъ друга, присѣдая то вправо, то влѣво, съ протянутыми руками и съ различными странными тѣлодвиженіями. Оба они пѣли свой особый, одинаково сложный и трудный для исполненія напѣвъ, который перешелъ къ нимъ по наслѣдству: Кителькуту отъ отца, а Рынтынѣ отъ матери, постепенно возвышая голосъ и ускоряя темпъ пѣнія, но продолжая свои движенія въ прежнемъ размѣренномъ порядкѣ. Одинъ за другимъ всѣ присутствовавшіе приставали къ нимъ, начиная каждый свою особую пѣснь и постепенно возвышая голосъ. Весь шатеръ наполнился звуками.

Неискусный въ священныхъ обрядахъ Коравія пѣлъ свою обычную пѣсню, которой онъ сокращалъ себѣ время у оленьяго стада, у тюленьей сѣти. Уквунъ стоялъ, прислонясь лицомъ къ столбу, и пѣлъ тихимъ и тонкимъ голосомъ странный и грустный напѣвъ съ безчисленными горловыми переливами и неожиданными переходами тоновъ. Якъ гудѣлъ глухо и монотонно, изрѣдка разнообразя свое пѣніе громкими и сердитыми выкриками. Онъ какъ будто все еще бранился съ Кителькутомъ изъ-за табаку, но выражалъ свой гнѣвъ, вмѣсто членораздѣльныхъ словъ, протяжными, скрипучими и невразумительными звуками. Только Нуватъ, окончивъ свою часть пляски, усѣлся на землѣ съ скучающимъ видомъ.

Наконецъ Кителькутъ усталъ и сошелъ съ своего мѣста. Но служеніе не прекращалось. Мужчины смѣняли другъ друга за бубномъ, а женщины чередовались въ пляскѣ. Шумъ все усиливался. Женщины тоже стали показывать свое искусство на натянутой кожѣ. Уквунъ послалъ за своимъ собственнымъ бубномъ. Теперь уже всѣ женщины прыгали одновременно около огня, издавая ужасные нечеловѣческіе вопли. Два бубна гремѣли и дребезжали взапуски, какъ будто стараясь заглушить другъ друга. Кто уставалъ, садился на землю, и, отдохнувъ немного, снова присоединялся къ шабашу. Собаки на дворѣ выли въ семьдесятъ здоровыхъ глотокъ и на семьдесятъ разнообразныхъ голосовъ. Можно было подумать, что онѣ тоже справляютъ праздникъ.

Въ самый разгаръ церемоніи Якъ вдругъ громко хлопнулъ въ ладоши.

— Вижу! Табакъ!—крикнулъ онъ, обращаясь къ Кителькуту съ обычной формулой просьбы.

Крики и шумъ умолкли, какъ будто по командѣ. Домашніе Кителькута смутились отъ неожиданности, а Уквунъ съ любопытствомъ ждалъ, что отвѣтитъ старикъ. Но Кителькутъ отчасти предвидѣлъ выходку чаунца и твердо рѣшился не разставаться ни съ одной лишней папушей табаку. Онъ захватилъ лѣвой рукой колотушку вмѣстѣ съ бубномъ, а правую поднесъ къ горлу.

— Хоть горло перерѣжь!—произнесъ онъ формулу отказа, сразу отрекаясь отъ всякой торговли и знакомства съ Якомъ и подтверждая свое утреннее приглашеніе не ѣздить больше за торгомъ на Каменный мысъ. Онъ не могъ не припомнить въ эту минуту, что шкуры Яка лежатъ въ его мѣшкахъ въ темномъ углу шатра и составляютъ теперь его полную, законно пріобрѣтенную собственность.

Услышавъ отказъ, Якъ молча подобралъ свою шапку и вышелъ изъ шатра. Служеніе послѣ его ухода продолжалось довольно долго, но совершалось уже безъ прежняго воодушевленія. Всѣхъ озабочивала мысль о только что происшедшемъ. Нуватъ, не принимавшій почти ни-

какого участія ни въ пляскѣ, ни въ пѣніи, вышелъ изъ полога провѣдать собакъ. Якъ стоялъ на площадкѣ передъ шатромъ. Онъ, видимо, ожидалъ перваго, кто выйдетъ изъ шатра.

— Скажи своему отцу,—заговорилъ онъ тихимъ, но тѣмъ болѣе зловѣщимъ голосомъ, — Кителькуту скажи: вотъ вы отвергли меня, стараго знакомца, оттолкнули прочь, товарища-однокорытника выгнали какъ собаку. Пускай! Завтра уѣду рано утромъ, удалюсь съ вашего стойбища! Пускай! больше не будемъ видѣть другъ друга! Пускай, пускай, пускай!—твердилъ онъ, не находя другихъ словъ и стараясь не давать воли своему гнѣву.

— Онъ сказалъ: перерѣжь горло,—вдругъ вырвалось у него громкимъ запальчивымъ крикомъ.—Да и будетъ! Всѣ ножи, топоры, копья, всѣ острыя вещи слышатъ!..—И онъ отошелъ въ сторону, повидимому, опасаясь прибавить болѣе, и скрылся въ глубинѣ задняго шатра.

Собаки, успѣвшія успокоиться, опять залились оглушительнымъ воемъ, какъ будто желая подчеркнуть послѣднія слова раздраженнаго чаунца.

Шаманство.

(В. Михайловскаго.)

По общему вѣрованію племенъ, населяющихъ Сибирь, существуютъ два начала: доброе и злое. Доброе сильнѣе злого, но борьба, хотя и подавленная, всегда ведется между ними, и жертвой этой борьбы зачастую становится человѣкъ. Подавленный грозными явленіями природы, живя подъ неограниченною властью естественныхъ условій и слѣпого случая, сибирскій инородецъ чувствуетъ себя настолько ничтожнымъ, что даже не смѣетъ самъ молиться своимъ богамъ. Тѣснимый отовсюду божествами коварными, онъ постоянно находится въ страхѣ и всячески старается снискать ихъ расположеніе, умилостивить грозныя стихіи, предугадать будущее.

Чтобы помѣшать дѣйствію злыхъ духовъ, онъ прибѣгаетъ къ помощи врача—шамана (по-туземному камъ). Шаманъ, или камъ, при помощи заклинаній выгоняетъ злыхъ духовъ и помогаетъ выздоровленію больного,—это посредникъ въ сношеніяхъ слабаго человѣка съ міромъ духовъ.

Шаманъ во время своихъ дѣйствій долженъ наружными знаками въ большей или меньшей степени отличаться отъ остальныхъ людей. Самыми важными принадлежностями камскаго, или шаманскаго, званія являются бубенъ съ колотушкой и различныя части шаманской одежды. Бубенъ встрѣчается почти у всѣхъ племенъ Сибири, имѣющихъ шамановъ; кромѣ силы вызывать духовъ, онъ имѣетъ чудесную силу носить шамана по воздуху. Бубенъ состоитъ изъ обода, обтянутаго съ

одной стороны кожей; въ полости бубна укрѣплены двѣ поперечины— вертикальная деревянная и горизонтальная желѣзная. Но не всѣ шаманы удостоиваются великой чести достать бубенъ; часто въ теченіе долгаго времени духи не даютъ имъ дозволенія сдѣлать себѣ это магическое орудіе. Шаманы одѣваются особеннымъ образомъ только при служеніи духамъ; въ обыкновенной жизни они отъ своихъ единоплеменниковъ не отличаются никакими наружными признаками. Принадлежности шаманскаго одѣянія являются общими для всѣхъ сибирскихъ инородцевъ; ихъ составляютъ: 1) верхній кафтанъ или плащъ; у однихъ онъ шьется изъ сукна, у другихъ изъ звѣриныхъ шкуръ и увѣшивается разными побрякушками, кольцами, изображеніями миѳическихъ животныхъ; 2) личина (маска); у самоѣдскихъ шамановъ ее замѣняетъ платокъ, которымъ закрываютъ глаза, чтобы заклинатель могъ проникнуть въ міръ духовъ своимъ внутреннимъ зрѣніемъ; 3) мѣдная или желѣзная бляха на груди; 4) шапка, одна изъ главнѣйшихъ принадлежностей шамана.

Плащъ шамана состоитъ изъ шкуры дикаго козла или оленя; наружная сторона почти вся увѣшана множествомъ жгутовъ различной величины, которые представляютъ собою змѣй; они обшиты разноцвѣтными матеріями, иногда парчой. Нѣкоторые жгуты пришиты къ плащу не самымъ концомъ своимъ, а такъ, что верхній конецъ жгута остается свободнымъ и напоминаетъ голову змѣи. На немъ часто вышиваютъ кружки въ видѣ глазъ; у толстыхъ жгутовъ этотъ конецъ дѣлается расщепленнымъ, такъ что змѣя выходитъ съ разинутой пастью. Концы большихъ змѣй раздваиваются, и на каждомъ концѣ виситъ кисть; иногда пара змѣй имѣетъ одну общую голову. Кромѣ жгутовъ, на плащѣ нашиты пучками, до девяти въ каждомъ, узкіе ремни изъ оленьей кожи и прикрѣплено много символическихъ знаковъ и погремушекъ. Часто встрѣчаются стременообразные треугольники изъ желѣза, на одно изъ колѣнъ котораго вздѣты желѣзныя привѣски, лучокъ съ наложенною стрѣлкой для отпугиванія отъ шамана злыхъ духовъ. На спинѣ нашиваются двѣ круглыя мѣдныя бляхи; иногда двѣ другія нашиваются и на груди. Шкуры звѣрковъ: горностаевъ, бурундуковъ и летягъ, также пришиваются вмѣстѣ съ ремешками. Воротникъ обшитъ бахромой изъ филиновыхъ или совиныхъ перьевъ. У нѣкоторыхъ шамановъ мелкія фигуры не покрываютъ плаща отъ воротника до пояса и на одеждѣ нашивается лоскутъ матеріи особаго цвѣта, напр., краснаго, къ которому прикрѣплены круглыя мѣдныя бляхи и часто русскіе колокольцы.

Шапка шамана представляетъ квадратную или четвероугольную пластину изъ шкуры молодого оленя; лицевая сторона ея покрыта яркой матеріей или сукномъ. У иныхъ верхній край бываетъ украшенъ перьями беркута или филина, расположенными пучками; къ нижному краю

прикрѣплена бахрома изъ раковинъ каури, подвѣшенныхъ на шкурахъ. У нѣкоторыхъ шамановъ шапка дѣлается изъ шкуры филина: крылья не отрѣзываются, а оставляются для украшенія шапки, иногда же оставляется и голова птицы. Не всѣ шаманы имѣютъ право носить филинову шапку; духи во время камланія (священнодѣйствія) открываютъ своимъ любимцамъ, что наступила пора, когда имъ можно приготовить себѣ одежды, приличествующія ихъ камскому званію.

Всѣ отдѣльныя части одежды сибирскихъ шамановъ и принадлежности, находящіяся въ ихъ распоряженіи, имѣютъ особенное значеніе какъ въ своей отдѣльности, такъ и въ своихъ сочетаніяхъ. Шаманы наружнымъ видомъ своего костюма вслѣдствіе его необычайной своеобразности стараются произвести сильное впечатлѣніе на зрителей; звукъ колокольчиковъ, металлическихъ привѣсокъ и погремушекъ на бубнѣ и тростяхъ, ударяемыхъ одна о другую, дѣйствуютъ потрясающимъ образомъ на присутствующихъ и возбуждаютъ въ нихъ извѣстнаго рода настроеніе. Наконецъ, всѣ украшенія и предметы, принадлежащіе шаману, имѣютъ сокровенный смыслъ, понятный только для шаманистовъ и тѣсно связанный съ ихъ религіознымъ міросозерцаніемъ.

Не всякій можетъ быть шаманомъ, и шаманское званіе дается у сибирскихъ инородцевъ или по наслѣдству, или по особому предрасположенію, проявляющемуся у мальчика или юноши, избраннаго духами для служенія имъ.

Якутскіе шаманы и шаманки получаютъ волшебный даръ не по наслѣдству, хотя и существуетъ преданіе, что если въ роду появился кудесникъ, то онъ уже не переводится; они предназначаются на служеніе духамъ помимо ихъ воли. Духъ, покровитель умершаго шамана, старается поселиться въ комъ-либо принадлежащемъ къ роду покойнаго. Съ дѣтскихъ лѣтъ начинаются у будущаго кама припадки эпилепсіи: онъ внезапно гогочетъ, впадаетъ въ безпамятство, бѣгаетъ по лѣсамъ, питается древесной корой, мечется въ огонь и воду, хватается за оружіе, колетъ себя, такъ что родственники за нимъ присматриваютъ и по этимъ признакамъ узнаютъ, что онъ будетъ шаманомъ, и призываютъ стараго шамана. Тотъ знакомитъ своего ученика съ различными духами и наставляетъ, какъ слѣдуетъ ихъ призывать. Обрядъ посвященія въ шаманы обставленъ у якутовъ особыми церемоніями: старый шаманъ выводитъ своего ученика на высокую гору или на чистую поляну, надѣваетъ на него шаманскую одежду, даетъ бубенъ, колотушку и, стоя сзади вновь посвящаемаго, заставляетъ его повторять свои слова. Сначала онъ требуетъ, чтобы тотъ отрекся отъ Бога, отъ всего любимаго и дорогого и далъ бы обѣщаніе жизнь свою посвятить демону, который долженъ исполнять его просьбы. Затѣмъ старый шаманъ говоритъ, какой демонъ гдѣ живетъ, какія болѣзни причиняетъ людямъ и чѣмъ его

Шаманъ.

можно умилостивить. Въ заключеніе новый шаманъ долженъ убить жертвенное животное, кровью котораго и окропляютъ его одежду, а мясо съѣдается собравшимися зрителями.

У инородцевъ, живущихъ въ Алтаѣ, способность къ камланію врожденная; обученіемъ пріобрѣтается только знаніе напѣвовъ, молитвъ и внѣшнихъ обрядовъ. Рано начинаетъ будущій камъ чувствовать свое предназначеніе; имъ овладѣваетъ болѣзнь, онъ часто впадаетъ въ бѣшенство. Напрасно многіе избранники борются съ врожденнымъ стремленіемъ, зная, что участь шамана незавидна, но это воздержаніе приноситъ имъ большія страданія; даже отдаленные звуки бубна приводятъ ихъ въ дрожь. Больныхъ шаманскимъ недугомъ постигаютъ физическія мученія, у нихъ ведетъ руки и ноги и, наконецъ, они поступаютъ въ ученіе къ каму. Камское влеченіе наслѣдственно; у кама часто родятся дѣти, предрасположенныя къ болѣзненнымъ припадкамъ. Если въ семействѣ, гдѣ нѣтъ шамана, родится мальчикъ или дѣвочка съ припадками, то алтайцы убѣждены, что кто-нибудь изъ предковъ былъ шаманомъ. Бываетъ случай, что шаманами становятся и по личному хотѣнію, но такіе камы значительно слабѣе родовыхъ.

Такимъ образомъ все предшествующее развитіе шамана, начиная съ дѣтскихъ годовъ и до самаго посвященія въ камское, или шаманское, званіе, направлено къ тому, чтобы усилить въ немъ природныя наклонности и сдѣлать изъ него человѣка ненормальнаго, своеобразнаго, не похожаго на обыкновенныхъ людей. Обрядъ посвященія тоже направленъ къ достиженію подобной цѣли; шаманъ становится въ положеніе совершенно особое, онъ принимаетъ на себя обѣты, дѣлается принадлежностью духовъ, которые, подчиняясь его призывамъ, въ свою очередь властвуютъ надъ нимъ.

Къ этимъ вѣщимъ людямъ, искусившимся во всѣхъ тайнахъ міра боговъ и духовъ, суевѣрные инородцы и шаманисты, проникнутые мрачными воззрѣніями на жизнь и природу, обращаются во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ жизни.

Всѣ болѣзни происходятъ отъ злыхъ духовъ, поселяющихся въ человѣкѣ, и пріемы лѣченія направлены къ изгнанію или задабриванію непрошенныхъ гостей. Самый несложный способъ—это лѣченіе огнемъ. Въ Колымскомъ округѣ у одного парня разболѣлся и сталъ нарывать случайно ушибленный палецъ. Рѣшено было, что въ пальцѣ поселился злой духъ «еръ». Желая его оттуда выгнать, больной взялъ горячій уголь и сталъ раздувать его около нарыва. Когда обожженное тѣло лопнуло съ легкимъ трескомъ, то больной, самодовольно улыбаясь, сказалъ присутствующимъ: «Видѣли, какъ выскочилъ?» Къ другимъ домашнимъ средствамъ для облегченія страданій относятся бряцаніе желѣза, шумъ, громкіе крики и т. п. Когда простое лѣченіе не помогаетъ,

то якуты обращаются къ шаману; тотъ является заступникомъ за несчастныхъ и посредникомъ между людьми и духами въ ихъ столкновеніяхъ. Вотъ какъ одинъ изслѣдователь описываетъ ту часть обряда, которая остается всегда неизмѣнной и является его остовомъ, закрѣпленнымъ обычаемъ. Позванный къ больному шаманъ, появившись въ юртѣ, занимаетъ мѣсто на самой почетной нарѣ (скамьѣ) въ углу противъ огня. Растянувшись на своей бѣлой кобыльей кожѣ, лѣкарь лежитъ, ожидая ночи и того часа, когда можно начать колдовство. Все это время его кормятъ, поятъ и чествуютъ. Наконецъ, солнце сѣло, сумерки подвигаются, въ юртѣ дѣлаются торопливыя приготовленія къ шаманству: подметаютъ полъ, колютъ дрова и лучину, варятъ особенно сытный и вкусный ужинъ. Мало-по-малу собираются сосѣди, размѣщаются на скамьяхъ вдоль стѣнокъ, мужчины съ правой стороны, женщины съ лѣвой. Разговоры ведутся особенно строго, сдержанно, движенія посѣтителей плавны и медленны. Когда всѣ поужинаютъ, шаманъ, присѣвши на краю наръ, медленно расплетаетъ косички, что-то бормоча и отдавая различныя приказанія. Онъ по временамъ нервно и искусственно икаетъ, отчего его тѣло странно содрогается. Глаза кудесника не глядятъ по сторонамъ; они или опущены, или уставлены неподвижно въ одну точку—обыкновенно въ огонь. Огонь понемногу потухаетъ, юрту наполняютъ густыя сумерки, двери запираются, и наступаетъ почти полное молчаніе. Шаманъ медленно снимаетъ съ себя рубаху и надѣваетъ свой волшебный кафтанъ, затѣмъ, взявъ закуренную трубку, онъ долго куритъ, глотая дымъ. Икота становится громче, дрожь еще трепетнѣе. Вотъ лѣкарь кончилъ курить, лицо его блѣдно, голова низко опущена, глаза полузакрыты. Въ это время на срединѣ юрты успѣли положить бѣлую кобылью кожу. Шаманъ, взявъ ковшъ холодной воды, выпиваетъ нѣсколько большихъ глотковъ и медленнымъ соннымъ движеніемъ отыскиваетъ на скамьѣ приготовленные заранѣе кнутъ, вѣтку или колотушку бубна. Затѣмъ онъ выходитъ на середину юрты и, сгибая четыре раза правое колѣно, совершаетъ торжественный поклонъ на всѣ четыре стороны свѣта, при чемъ брызжетъ кругомъ себя изо рта водой. Въ огонь бросаютъ горсть бѣлыхъ конскихъ волосъ и окончательно его тушатъ. При слабомъ мерцаніи угольевъ виднѣется еще нѣкоторое время въ темнотѣ неподвижная фигура шамана, сидящаго понуря голову, держа передъ грудью громадный, какъ щитъ, бубенъ. Лицо его обращено на югъ. Всѣ сидящіе на скамьяхъ притаили дыханіе и среди непроглядной тьмы слышно только непонятное бормотаніе и иканіе кудесника. Наконецъ и эти звуки затихаютъ; на мгновеніе водворяется мертвая тишина. Немного спустя раздается одинокій, сдержанный звѣвокъ, и вслѣдъ за нимъ, гдѣ-то въ покрытой тьмою юртѣ, громко, четко и пронзительно прокричитъ соколъ или жалобно расплачется чайка. Послѣ новаго про-

межутка начинается легкая, какъ комариное жужжаніе, дробь бубна: шаманъ начинаетъ свою музыку. Въ началѣ нѣжная, мягкая, неуловимая, потомъ нервная и произвольная, какъ шумъ приближающейся бури, музыка все растетъ и крѣпнетъ. На общемъ ея фонѣ поминутно выдѣляются дикіе крики: каркаютъ вороны, смѣются гагары, жалуются чайки, посвистываютъ кулики, клекочутъ соколы и орлы. Музыка растетъ, удары по бубну сливаются въ одинъ непрерывный гулъ: колокольчики, погремушки, бубенчики гремятъ и звенятъ неустаная. Это цѣлый потокъ звуковъ, готовый совершенно поглотить сознаніе присутствующихъ. Вдругъ все обрывается; еще одинъ-два мощныхъ удара по бубну, и волшебный инструментъ падаетъ на колѣни шамана. Все разомъ умолкаетъ. Пріемъ этотъ повторяется съ небольшими измѣненіями нѣсколько разъ. Когда шаманъ подготовилъ такимъ образомъ всѣхъ присутствующихъ, музыка измѣняетъ темпъ, къ ней присоединяются отрывочныя фразы пѣсни, отличающіяся мрачнымъ тономъ.

Заклинаніе якутскаго шамана вездѣ одно и то же. Дальнѣйшая часть обряда представляетъ импровизацію, приноровленную къ извѣстнымъ случаямъ и опредѣленнымъ лицамъ. Когда шаманъ посредствомъ своихъ пѣснопѣній заставилъ снизойти на себя духа-покровителя, то начинаетъ на разостланной кожѣ подпрыгивать и топтаться, открывая такимъ образомъ вторую часть своего драматическаго дѣйствія. Яркій свѣтъ возобновленнаго огня разливается по юртѣ, полной шума и движенія. Кудесникъ непрерывно пляшетъ, поетъ и бьетъ въ бубенъ; повернувшись лицомъ сначала на югъ, затѣмъ на западъ и востокъ, онъ бѣшено прыгаетъ и кривляется. Темпъ и шагъ танца похожъ немного на русскаго трепака, только быстрѣе его и лишенъ удали. Наконецъ шаманъ узналъ все, что ему нужно; онъ раскрылъ, кто причинилъ болѣзнь, заручился обѣщаніями и содѣйствіемъ могущественныхъ духовъ. Тогда начинается третья часть шаманскаго представленія. Кружась, танцуя и ударяя колотушкой въ бубенъ съ пѣніемъ, лѣкарь направляется къ больному. Съ новыми заклинаніями онъ изгоняетъ причину болѣзни, выпугивая ее или высасывая ртомъ изъ больного мѣста. Изгнавъ болѣзнь, заклинатель уноситъ ее на середину избы и послѣ многихъ церемоній и заклинаній выплевываетъ, выгоняетъ изъ юрты, выбрасываетъ вонъ пинками или сдуваетъ прочь съ ладони далеко на небо или подъ землю. Но недостаточно изгнать болѣзнь; необходимо умилостивить боговъ, освободившихъ человѣка, страдающаго отъ недуга, и шаманъ опредѣляетъ, какую жертву нужно принести мощнымъ небеснымъ духамъ. По окончаніи обряда кудесникъ опять садится на свою кобылью кожу, поетъ и играетъ, а присутствующіе переносятъ его вмѣстѣ съ кожей обратно на почетную скамью, которую онъ занималъ въ началѣ камланія.

На Камчаткѣ.

(Слюнина.)

Широкой и длинной полосой протянулась Камчатка. Вдоль этого полуострова идетъ Камчатскій хребетъ горъ, давая массу развѣтвленій по восточному берегу, а на западѣ спускаясь къ тундрѣ, граничащей съ Охотскимъ моремъ.

Въ ясный солнечный день эта панорама суровыхъ горъ, громоздящихся другъ надъ другомъ, представляетъ чудную и величественную картину. Почти отъ начала мыса Лопатки надъ холмистымъ и возвышеннымъ берегомъ поднимаются конусы потухшихъ вулкановъ съ Котелевой сопкой во главѣ; сначала они разбросаны по всей оконечности полуострова, но съ сопки Ильина всѣ вулканы приближаются къ восточному берегу, дѣлая его болѣе гористымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе величественнымъ. Отроги этихъ горъ иногда вертикально обрываются у Тихаго океана, представляя поучительную картину геологическаго строенія и вулканическихъ переворотовъ, давшихъ необычайное распредѣленіе пластовъ, причудливость ихъ изломовъ и проваловъ. Подчасъ въ такой стѣнѣ видишь красивыя арки со сводами, засыпанными во время послѣдующихъ катастрофъ.

Выше Петропавловска, за Жупановой сопкой отъ главнаго Камчатскаго хребта отдѣляется вѣтвь, идущая изгибами вдоль восточнаго берега до мыса Озерного, гдѣ она снова соединяется съ главнымъ хребтомъ, значительно удаляясь здѣсь отъ берега, который становится тогда низменнымъ и немного холмистымъ. Весь полуостровъ Камчатка, такимъ образомъ, изборожденъ остроконечными вершинами своихъ хребтовъ, среди которыхъ выступаютъ красивыя очертанія сопокъ: Авачинской, Коряцкой, Жупановой, Ключевской; между ними насчитывается 26 потухшихъ и 12 дѣйствующихъ вулкановъ, послѣднія страшныя изверженія которыхъ (Авачинской въ 1855 г., Ключевской въ 1843 г.) еще сохранились въ памяти стариковъ камчадаловъ. Вершины ихъ вѣчно покрыты снѣгомъ, спускающимся по ущельямъ до верхушекъ основного хребта, пики котораго лишены всякой растительности. Еще ниже поясомъ—и всѣ склоны холмовъ до низинъ-ущелій покрыты сплошнымъ лѣсомъ хвойныхъ деревьевъ: лиственницы, сосны, пихты, ели, кедровника; у подошвы горъ и по низинамъ мы встрѣчаемся съ представителями лиственныхъ породъ: березой, ольхой, тополемъ и ивой, иногда достигающими значительной толщины. Въ промежуткахъ по низинамъ роскошно растетъ трава непроходимой полосой, далеко превышая человѣческій ростъ. По всѣмъ этимъ низинамъ и долинамъ струятся тысячи горныхъ ручьевъ и значительныхъ рѣкъ, впадающихъ въ море по обоимъ берегамъ Камчатки.

Климатъ Камчатки опредѣляется ея положеніемъ среди двухъ морей и гористымъ характеромъ страны. Охотское море, несмотря на свое положеніе въ умѣренной зонѣ, представляетъ типъ совершенно полярнаго моря съ вѣчно холодной водой и массой льда, который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его держится до августа. Это море вѣчно вѣетъ, такъ сказать, холодомъ на Камчатку, оковывая вершины сопокъ ея вѣчнымъ ледянымъ покровомъ. Съ другой стороны Тихій океанъ, теплое теченіе котораго довольно близко подходитъ къ Камчаткѣ, приноситъ тепло, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сырую туманную погоду. Поэтому климатъ Камчатки вообще не отличается суровостью, а климатъ восточной стороны южной половины ея можно даже назвать умѣреннымъ. Зима съ морозами 12^0, лѣтомъ температура стоитъ отъ 10^0 до 16^0 R., позднею осенью часто бываютъ сырые туманы и дожди, но тѣмъ не менѣе въ октябрѣ и даже въ началѣ ноября днемъ можно ходить въ одномъ сюртукѣ. Зима всегда бываетъ здѣсь многоснѣжной, этимъ объясняется значительное количество текучихъ водъ, но уже въ концѣ апрѣля снѣгъ въ низинахъ и по склонамъ горъ сходитъ; наступаютъ теплые, а съ мая даже жаркіе дни, если при этомъ не бываетъ незначительныхъ сѣверозападныхъ вѣтровъ. Средняя температура зимнихъ мѣсяцевъ -8^0, лѣтнихъ $+13^0$, но средняя пятимѣсячная температура лѣта обыкновенно не превышаетъ $+11^0$, что дѣлаетъ страну непригодною для земледѣлія, хотя, впрочемъ, нужно оговориться, что по низинѣ рѣки Камчатки, близъ Ключевской сопки, яровые хлѣба прекрасно созрѣваютъ, а огородные овощи растутъ повсемѣстно отъ Лопатки до рѣкъ Тигиля и Караги.

Край этотъ теперь заброшенъ и предоставленъ какъ бы на произволъ судьбы. Прежде здѣсь были ремесленныя школы, духовныя училища, сиротскія школы, больницы для прокаженныхъ съ нѣсколькими докторами, солеваренные заводы; было много пушного звѣря, казна доставляла хлѣбъ и все необходимое. Въ настоящее время ничего этого нѣтъ. А между тѣмъ потребности инородцевъ съ тѣхъ поръ значительно возросли; вмѣсто земляной юрты стоитъ домикъ; кухлянку и торбасы смѣнила европейская одежда и обувь; женщины носятъ шерстяныя и шелковыя платья; чай и табакъ сдѣлались предметами первой необходимости, и на 300 душъ населенія Петропавловска имѣется шесть кабаковъ.

Всѣ видѣнныя мною поселенія, какъ и самый Петропавловскъ, производятъ безотрадное впечатлѣніе: ветхія избушки съ заплатами отъ керосиновыхъ жестянокъ, невообразимая грязь внутри, отсутствіе улицъ—вотъ общая характеристика заброшенныхъ домовъ; и вдобавокъ жадное, забитое, полуголодное населеніе камчатскихъ поселеній.

Настоящее положеніе камчадала таково, что ему самому невозможно стать на ноги. Единственный заработокъ, а слѣдовательно и единственная возможность купить все необходимое, начиная отъ муки и соли и

кончая иглой и ниткой, это—пушной промыселъ, который теперь въ большомъ упадкѣ.

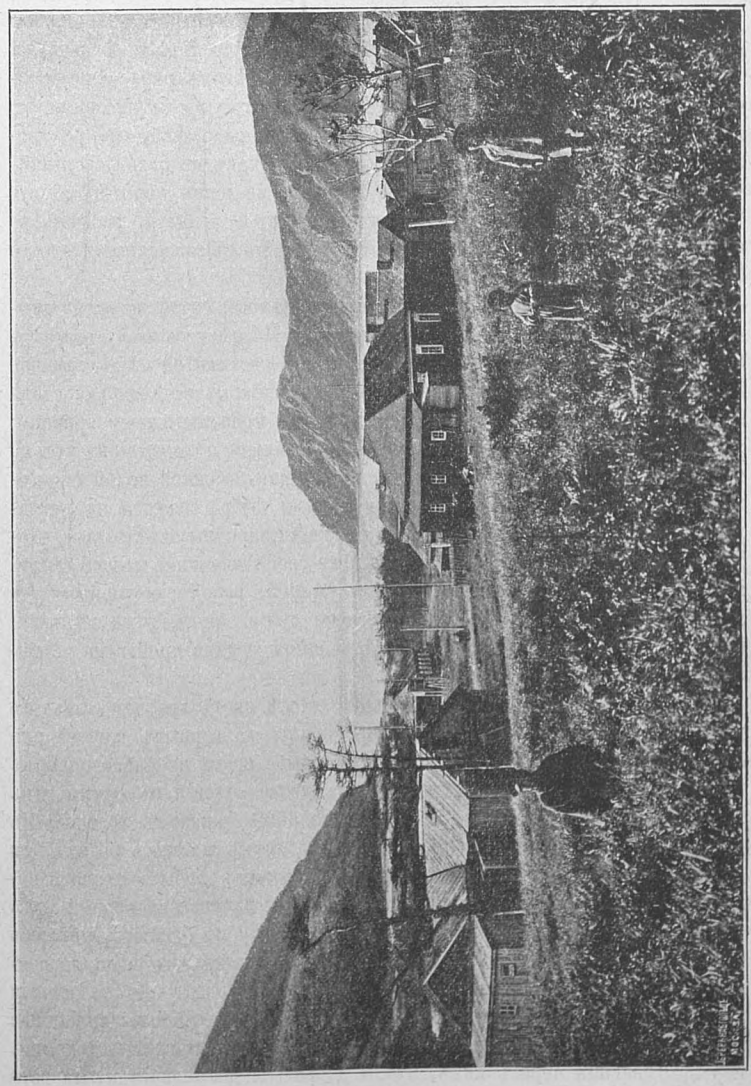
Въ настоящее время звѣрь замѣтно и прогрессивно убываетъ. Главный промыселъ это соболя и лисицы; о горностаяхъ, россомахахъ, моржахъ, нерпахъ и выдрахъ можно не говорить, такъ какъ это сравнительно малоцѣнныя шкуры и добываются въ небольшомъ количествѣ. Лисицъ также добывается немного, всегда въ 6—7 разъ меньше соболей; такимъ образомъ соболь—ходячая монета въ Камчаткѣ—капиталъ, которымъ поддерживается существованіе населенія. Если взять во вниманіе, что плата производится не деньгами, а мѣновой торговлей, когда кирпичъ чаю вмѣсто 30—35 к. предлагается за 1—2 р., мѣшокъ муки (55 ф.) отъ 5—8 р., неводное прядево, стоящее на Командорскихъ островахъ за мотокъ въ 2 ф. вѣсу 65 к., въ Петропавловскѣ промѣнивается стоимостью 1 р. 75 к.,—легко понять вполнѣ безотрадное положеніе инородца.

Понятное дѣло, при такой торговлѣ камчадалъ находится въ вѣчной кабалѣ и не въ состояніи никогда изъ нея выбраться. Постоянный недостатокъ и страшная дороговизна всѣхъ предметовъ жизненной необходимости, жизнь впроголодь, трудность пушныхъ промысловъ роковымъ образомъ сказывается на населеніи Камчатки. Инородческое населеніе края уменьшается. Если это уменьшеніе будетъ продолжаться такимъ же образомъ, то черезъ два вѣка въ Камчаткѣ не останется ни одной инородческой души. Между тѣмъ Камчатка изобилуетъ естественными богатствами.

Минеральныя богатства полуострова, скотоводство и организація широкихъ рыбныхъ промысловъ съ устройствомъ постояннаго вывоза въ другія мѣста Россіи, а также въ порты Китая и Японіи, могутъ поднять бытъ инородцевъ. Богатство лѣсовъ и роскошная трава, иногда выше роста человѣка, покрывающая низины и всѣ склоны горъ, могли бы благопріятствовать развитію здѣсь скотоводства. Но до сихъ поръ скотоводство здѣсь не получило широкаго развитія вслѣдствіе отсутствія вывоза, забитости и лѣни камчадаловъ. Этотъ безпечный сынъ камчатскихъ ущелій живетъ до сихъ поръ, не заглядывая въ будущее, настоящимъ днемъ. Но Камчатка обладаетъ другимъ несмѣтнымъ богатствомъ, которымъ изъ года въ годъ награждаетъ ее море. Я говорю о рыбномъ богатствѣ.

Едва сошелъ снѣжный покровъ съ низинъ и очистились рѣки отъ льда, едва зазеленѣла трава и лиственныя деревья покрылись весеннимъ нарядомъ, какъ раздается окликъ камчатскаго соловья, радостный и живительный для души камчадала.

«Чавыча, чавыча, чавычу видѣлъ», поетъ пташка, какъ бы призывая лѣниваго камчадала опуститься къ берегу моря и свѣже-пой-



На берегу Охотскаго моря.

манной рыбой поразнообразить свой скудный и однообразный зимній столъ.

Дѣйствительно, съ холмистаго берега въ солнечный, тихій день вы видите сначала стада небольшихъ келоровъ (мелкая порода лососей), а затѣмъ большую съ металлически блестящимъ тѣломъ первую періодическую рыбу камчатскихъ рѣкъ—чавычу. Съ тріумфомъ показываетъ камчадалъ первый пойманный экземпляръ, и эта радость быстро распространяется по всему городу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не радоваться камчадалу: запасы юколы истощились, однообразіе пищи опротивѣло; съ возрастающимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ прихода рыбы и, увидѣвъ ее собственными глазами, онъ снова убѣждается въ обезпеченности своего будущаго существованія.

Обыкновенно съ 10 мая появляются несмѣтныя стада лососей-чавычи, стремящихся въ рѣки для метанія икры. На нѣсколько футовъ глубины, иногда на необозримое пространство, блеститъ ея сѣро-стальное тѣло; гладкая поверхность бухты или залива покрывается рябью; стада кружащихъ чаекъ оглашаютъ воздухъ своими пронзительными криками; хищная нерпа преслѣдуетъ добычу; рыба все ближе подходитъ къ устью, и если морскія волны забросали это устье или весенней водой образовало цѣлый мысъ, чавыча плотными рядами выбрасывается на песчаныя отмели, съ удивительнымъ знаніемъ ища природныхъ истоковъ; входя въ устья рѣкъ и горныхъ потоковъ, она своей сплошной массой запружаетъ рѣку, съ невѣроятнымъ усиліемъ стремясь вверхъ; сотни жирныхъ лососей выпрыгиваютъ изъ воды, обгоняя другъ друга; рѣка пѣнится, какъ бы кипитъ; въ мелкомъ протокѣ бываетъ трудно пройти на шлюпкѣ въ это время.

Вслѣдъ за чавычей еще въ большей массѣ идетъ красная рыба; въ рѣки она заходитъ около 5 іюня, пробираясь до горныхъ ключей или сворачивая въ озера. Въ рѣкахъ красная рыба идетъ въ баснословномъ количествѣ. Я видалъ примѣры, что у одного селенія въ одинъ день крючкомъ было добыто изъ запора болѣе 3000 большихъ лососей; въ другой разъ, въ одномъ притокѣ Авачи, на двухъ жалкихъ ботахъ, съ двумя не менѣе жалкими неводами до 20 саженъ добыто около 1000 красной рыбы. Почти одновременно съ чавычей начинается первый ходъ сельди; она рѣдко заходитъ въ рѣки, меча икру по берегамъ мелкихъ бухтъ; съ конца іюня и въ іюлѣ бываетъ ходъ другого вида лососевыхъ—хайко. Хайко избираетъ глубокія рѣки. Я видѣлъ баснословныя количества этой рыбы, стремившейся въ верховья. Это были сплошныя массы, тысячи, десятки тысячъ, съ какимъ-то азартомъ бившіяся о камни, перепрыгивавшія черезъ нихъ, чтобы добраться до мелкаго мѣста горнаго потока и здѣсь покончить свое существованіе. По берегамъ валялись цѣлыя кучи разлагающихся труповъ, и изнѣженный камчатскій

медвѣдь, сидя на камнѣ у берега протока, выбиралъ экземпляръ посвѣжѣе и, поймавъ его, съѣдалъ только одну головку, подобно тому, какъ лакомятся этой рыбой камчадалы и камчадалки.

Къ этимъ рыбамъ нужно прибавить семгу, которая входитъ въ рѣки западнаго берега Камчатки, между рѣками Большой и Ачи, и на восточномъ встрѣчается только сѣвернѣе мыса Озерного и въ рѣкѣ Карагѣ. Семга зиму проводитъ въ рѣкахъ и ранней весной выходитъ въ море.

Такимъ образомъ, тысячи рѣкъ и рѣчекъ полуострова Камчатки съ 10 мая по конецъ октября заполняются несмѣтными, баснословными массами лососевыхъ рыбъ. Вотъ богатство края, могущее обезпечить и дать хорошій заработокъ населенію, въ десять разъ большему, чѣмъ настоящее (около $6^1/_2$ тысячъ душъ), когда одинъ житель приходится больше, чѣмъ на 50 квадратныхъ морскихъ миль. Что можетъ сдѣлать камчадалъ со своимъ утлымъ, долбленымъ ботомъ, на которомъ только въ тихую погоду можно перетолкнуться вдоль берега; съ своимъ маленькимъ неводомъ, 25—30 саженъ, на покупку нитокъ для котораго у него не хватаетъ средствъ при страшной дороговизнѣ прядева. Случись неудачный промыселъ пушнины зимой, ему не на что купить и хлѣба.

Дѣйствительно, положеніе безвыходное: рѣки запружены прекрасной рыбой, а камчадалу не на чемъ туда переправиться или не на что справить неводъ; если онъ, живя у устья рѣки, и наловилъ много рыбы, ему нечѣмъ посолить, не во что положить ее, и вотъ онъ вывѣшиваетъ на шесты свое главное пропитаніе, предоставляя дѣйствію солнца и воздуха, дождя и насѣкомыхъ. Случись дождливые дни—рыба загнила и испортилась, ему грозитъ голодъ или пропитаніе квашенной въ землѣ рыбой, сперва предназначавшейся для собакъ. Въ Петропавловскѣ есть двѣ-три шлюпки, на которыхъ можно переправиться черезъ бухту; въ селѣ Авачи—ни одной; въ Николаевскомъ—ни одной; на Ключахъ—одна; въ Явиной, въ Голытной—тоже ни одной. Шлюпочнаго лѣса поблизости нѣтъ, а привозный американскій невозможно дорогъ и не по средствамъ бѣдному камчадалу.

Такимъ образомъ, дороговизна прядева и соли, отсутствіе посуды и вывоза соленой рыбы, неумѣнье солить даже сельдь—все это вмѣстѣ лишаетъ камчадала возможности вести рыбные промыслы и заготовку консервовъ въ широкихъ размѣрахъ, и милліоны рублей сгниваютъ въ верховьяхъ рѣкъ или въ озерахъ; сотни тысячъ заработка камчадаловъ будутъ пропадать до тѣхъ поръ, пока не будетъ организована широкая разработка рыбныхъ богатствъ Камчатки.

По Амуру до Хабаровска.

(По Бродовичу и Кауфману.)

Медленно извиваясь по каменистому карнизу, на протяженіи сотенъ верстъ огибающему утесы лѣваго берега Ингоды, а потомъ Шилки, поѣздъ подходитъ къ Срѣтенску—этому въ настоящее время преддверію Амурскаго края. Станція Срѣтенскъ лѣпится на такомъ же каменномъ карнизѣ, только чуть-чуть пошире, а городъ, или вѣрнѣе станица Срѣтенская, длинною лентой протянулся вдоль противоположнаго отлогаго берега Шилки.

Общій видъ Срѣтенска приблизительно такой же, какъ и большинства болѣе крупныхъ уѣздныхъ и болѣе плохихъ губернскихъ городовъ Сибири, но окружающій пейзажъ удивительно красивъ: куда ни посмотришь, со всѣхъ сторонъ надвигаются довольно высокія безлѣсныя горы, образуя что-то въ родѣ котловины, изъ которой не видно выхода иначе, какъ черезъ горные перевалы.

Первое, что бросается здѣсь въ глаза—это гостиницы, съ ресторанами, бильярдами и граммофонами, вѣчно биткомъ набитыя народомъ и дерущія по пяти и болѣе рублей за крохотную каморку. Затѣмъ—рядъ довольно нарядныхъ по наружному виду магазиновъ, нѣкоторые съ зеркальными стеклами. По ближайшемъ разсмотрѣніи однако эти магазины оказываются лавками обычнаго сибирскаго типа, гдѣ можно достать все, что угодно, начиная съ серебрянаго блюда и дамской шляпки и кончая кирпичнымъ чаемъ и колесною мазью, но гдѣ мнѣ не сразу удалось найти баночку плохихъ чернилъ. Но главное, что бросается въ глаза—это лихорадочное движеніе, которое не прекращается на главной артеріи Срѣтенска,—на берегу Шилки, тяготѣя къ полудюжинѣ стоящихъ здѣсь на якорѣ пароходовъ, и царящая здѣсь «смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній». Одинъ изъ стоящихъ у пристани пароходовъ зафрахтованъ для перевозки крестьянъ-переселенцевъ, двигающихся на Амуръ и въ Уссурійскій край, на другой грузятъ партію новобранцевъ, присланную изъ Западной Сибири для укомплектованія воинскихъ частей Дальняго Востока; на одну буксирную баржу садится партія молодыхъ казаковъ-забайкальцевъ, которые идутъ въ свои полки; другая приготовлена для партіи казаковъ-переселенцевъ, по преимуществу кубанцевъ, которые направляются въ Уссурійское войско и которые въ данную минуту пестрятъ улицы Срѣтенска своими разноцвѣтными бешметами, мохнатыми папахами и характерными, энергичными физіономіями; на баржу амурскаго общества пароходства, которую предстоитъ буксировать нашему почтовому пароходу, грузятъ партію ссыльно-каторжныхъ, отправляемыхъ на Сахалинъ. По улицамъ снуетъ разнообразная «чистая публика», въ томъ числѣ не мало иностранцевъ-евро-

пейцевъ,—кое-гдѣ попадаются японцы, и вперемежку съ мѣстными казаками и съ крестьянами-переселенцами двигается сплошная масса китайцевъ, изъ которыхъ многіе отъ традиціоннаго китайскаго наряда сохранили только косы, курьезнымъ образомъ контрастирующія съ русскою крестьянскою одеждою или съ «нѣмецкимъ платьемъ»; чувствуется уже та связь съ Тихимъ океаномъ и черезъ океанъ—съ Америкою и Европой, которая такъ характерна для всего Пріамурья. Вотъ идетъ вамъ навстрѣчу мужикъ, несущій свои пожитки въ мѣшкѣ съ американскимъ красно-зеленымъ клеймомъ; вы проходите мимо домовъ и амбаровъ, крытыхъ американскимъ цинкованнымъ желѣзомъ; вы заходите купить свѣчей,—вамъ даютъ прескверныя свѣчи какого-то англійскаго завода съ этикетами на русскомъ языкѣ; вы садитесь обѣдать,—къ скверному жаркому вамъ подаютъ настоящую англійскую сою, а на третье блюдо вы получаете компотъ изъ калифорнскихъ фруктовыхъ консервовъ.

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ Срѣтенскъ сталъ узловымъ пунктомъ сквозного сибирскаго желѣзнодорожно-пароходнаго движенія, жизнь кипитъ здѣсь, какъ въ муравейникѣ: постоянное населеніе «города» достигаетъ пяти тысячъ, а съ пришлыми и проѣзжими въ Срѣтенскѣ скопляется временами до двадцати тысячъ людей.

Въ Срѣтенскѣ на Шилкѣ пароходная пристань—начало водяного сообщенія по Амуру. Пароходы очень маленькіе и мелкосидящіе. Во многихъ мѣстахъ Шилка и верховья Амура имѣютъ всего три, а то и меньше фута глубины. Во время полноводья пароходы доходятъ почти до самой Читы, но въ тотъ годъ, когда мы путешествовали, воды было мало, и только очень немногіе предпочитали водный путь колесному.

Рано утромъ, послѣ трехъ громкихъ свистковъ, пароходъ плавно и быстро понесся по Шилкѣ, таща за собой арестантскую баржу, на которой изъ-за желѣзной рѣшетки смотрѣли угрюмыя лица осужденныхъ.

Русло Шилки, а затѣмъ и верхняго Амура прорыто въ непрерывной горной странѣ. Лѣвый берегъ круто падаетъ въ воду; правый берегъ немного отложе. Мѣстами къ рѣкѣ выходятъ «пади»—горныя лощины, позволяющія нѣсколько заглянуть въ глубь страны,—и тогда вы видите поодаль другія гряды невысокихъ горъ, поросшихъ то березою, то лиственницею. Кое-гдѣ изрѣдка утесы и каменистыя горы немного отступаютъ отъ русла рѣки, оставляя неширокую полосу прирѣчной долины; въ такихъ мѣстахъ располагаются немногочисленныя крестьянскія селенія и казачьи поселки верхняго Пріамурья, и пашни ихъ то тянутся узкою полосою по прирѣчной равнинѣ, то вползаютъ высоко въ гору, выбирая для себя отлогіе, покрытые болѣе мощнымъ почвеннымъ слоемъ горные склоны.

Иногда утесистые, скалистые берега тянутся сплошной стѣной; въ нѣсколькихъ мѣстахъ красноватый гранитъ и базальтъ придаютъ рѣкѣ

видъ искусственнаго канала. Въ другихъ мѣстахъ берегъ, болѣе отлогій, пестрится чуднымъ ковромъ цвѣтовъ. Громадныя деревья, разбросанныя по пышнымъ лугамъ, бросаютъ темныя пятна тѣни и манятъ отдохнуть подъ свою сѣнь отъ жгучихъ лучей солнца. Растительность совсѣмъ другая, чѣмъ во всей Сибири; здѣсь рядомъ съ хвойными породами растутъ липа, кленъ; разныхъ видовъ береза достигаетъ гигантскихъ размѣровъ. Дубъ, котораго не встрѣтишь отъ самыхъ Уральскихъ горъ, растетъ стройно, раскидывая громадныя вѣтви на много саженъ. Листья его длиной въ шесть-семь вершковъ. По землѣ стелется или вьется по деревьямъ дикая виноградная лоза, доходящая до 15 футовъ. Грецкій орѣшникъ нерѣдко попадается въ лѣсахъ. Пробковое дерево останавливаетъ взоръ оригинальностью своей шершавой, сильно потрескавшейся коры на стволѣ и бѣдностью листвы. Изъ буйной травы выглядываетъ широкій листъ филодендрона, разнаго вида плюща и сирень. Дикіе цвѣты величиной, красками и запахомъ превосходятъ значительно наши садовые; «колокольчики» несправедливо носятъ свое уменьшительное названіе; тюльпаны, даже махровые, растутъ цѣлыми грядами; лиліи, бѣлыя и желтыя, папоротники—великаны въ сравненіи съ нашими. А надъ цвѣтами живые цвѣты—мотыльки и бабочки. Трудно представить все богатство красокъ, узоровъ и величину этихъ насѣкомыхъ. Всевозможные жуки вдвое больше европейскихъ. Весь день сидимъ и гуляемъ на палубѣ, глазамъ не хочется вѣрить, что въ этой суровой странѣ могутъ быть такія красоты, такое богатство растительности. А виды все новые, все чудные! Вотъ справа горы обрываются у самаго Амура. Глыбы камней приняли причудливыя формы. Такъ и кажется, что художникъ изваялъ гранитныя каріатиды, которыя стоятъ по колѣни въ водѣ и мощными руками поддерживаютъ цѣлыя скалы. Иныя изъ нихъ удивительно рельефны. Въ другомъ мѣстѣ—пещера, входъ въ нее идетъ сводомъ; рядомъ—плоская плита, точно выставленная дверь. Далѣе скалистыя глыбы свѣшиваются надъ рѣкой, образуя арки. Все полно прелести, своеобразной красоты. Во всей Амурской области удивительная смѣсь суроваго съ мягкимъ и нѣжнымъ, сѣвера съ югомъ. Жаркое лѣто, плодородіе почвы, обиліе влаги и южное по широтѣ положеніе даютъ возможность нѣкоторымъ растеніямъ произрастать въ дикомъ видѣ, съ другой стороны—возвышенность мѣстности и очень морозная зима являются причиной, почему здѣсь встрѣчается множество и сѣверныхъ растеній.

Не одно растительное царство такъ смѣшано и разнообразно. То же самое можно сказать и о фаунѣ: тигръ и соболь, бурый медвѣдь сѣвера и его тибетскій братъ, изюбрь и антилопа нерѣдко вмѣстѣ попадаются охотнику. Богатый и прекрасный край.

Самымъ существеннымъ его недостаткомъ является отсутствіе удобныхъ путей сообщенія. Лѣтомъ, въ полноводье, довольно правильно хо-

дятъ пароходы. Зимой—санный путь по льду замерзшаго Амура. Ранняя осень и долгая весна—самое тяжелое время для мѣстныхъ жителей. Они отрѣзаны отъ всего цивилизованнаго міра. Почтовыя дороги существуютъ не вездѣ; и въ это время почту изъ Хабаровска въ Благовѣщенскъ приходится отправлять кругомъ Азіи морскимъ путемъ въ Одессу, а затѣмъ черезъ Европейскую Россію и всю Сибирь.

Пароходное сообщеніе не всегда удовлетворительно. Такъ, во время нашего проѣзда воды было немного, и на «перекатахъ», т.-е. мѣстахъ, гдѣ Амуръ прорывается черезъ хребетъ—а происходило это удивительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ почти всегда во время обѣда или завтрака,—раздавалось поминутное: «три», «чо́-ты-ре», «три съ по-ло-виной», «два съ половиной». Это выкрикивали дежурные матросы на носу парохода, измѣряя глубину рѣки. При крикѣ «два съ половиной» мы ожидали всегда толчка и сильнаго тренія подъ ногами. Нашъ пароходъ сидѣлъ на $2^1/_2$ фута и при этой глубинѣ дномъ своимъ задѣвалъ песокъ и камни мелкаго мѣста. Вся палубная публика по приказанію командира перекочевывала тогда на носъ, чтобы поднять корму, нѣсколько глубже сидящую.

Удивительное счастіе помогло намъ переправиться и перетянуть за собою баржи черезъ всѣ отмели. Не то было съ другими. Около одной станціи застали мы нѣсколько пароходовъ, сѣвшихъ на мель и стоявшихъ безъ движенія по трое и болѣе сутокъ. Пассажиры были въ отчаяніи, особенно учащаяся молодежь и служащіе, которымъ надо было пріѣхать къ сроку. Свободныя суда, стоявшія у пристани, были изъ большихъ, могущихъ слѣдовать только внизъ, гдѣ рѣка глубже; подняться обратно до Срѣтенска могло только одно наше суденышко; насъ пересадили и удобно размѣстили на большомъ пароходѣ, а встрѣчныхъ въ тѣснотѣ повезли вверхъ.

По мѣрѣ приближенія къ Благовѣщенску Амуръ становится значительно глубже, перекаты попадаются рѣдко. Рѣка все болѣе и болѣе оживляется. Каждый часъ встрѣчаемъ или обгоняемъ пароходы разныхъ обществъ. На широкихъ мѣстахъ рѣки у пристаней собираются цѣлыя флотиліи. Конструкціи пароходовъ различны: тутъ громадные, неуклюжіе, съ однимъ колесомъ позади, напоминаютъ водяную мельницу; другіе съ маленькими боковыми колесиками и высокой черной дымовой трубой имѣютъ видъ небольшихъ заводовъ или фабрикъ; тамъ громадина съ широкой, окрашенной въ желтый цвѣтъ наклонной трубой, съ черными бортами, немногимъ отличается отъ морскихъ торговыхъ пароходовъ. Суетня, говоръ, стукъ сваливаемаго топлива, скрежетъ лебедки, свистки и гудки оглашаютъ воздухъ. Разные цвѣта флаговъ, отличительныхъ знаковъ компаній, пестрота костюмовъ, различные типы лицъ—придаютъ картинѣ живой, веселый характеръ.

Вотъ и Благовѣщенскъ.

Городъ этотъ поражаетъ своей величиной и сравнительнымъ богатствомъ, если вспомнить, что онъ существуетъ всего 40 лѣтъ. Жителей около 40 тысячъ, домовъ болѣе 4-хъ тысячъ. Такой быстрый ростъ города объясняется очень выгоднымъ его положеніемъ на берегу судоходной рѣки, въ быстро заселяющейся мѣстности, на границѣ двухъ государствъ. Дома красивые, хотя большею частью деревянные; широкія, немощеныя, но не грязныя улицы. Большіе магазины, много лавокъ, городской садъ на берегу Амура.

И опять-таки—какъ и въ Срѣтенскѣ, только еще сильнѣе—здѣсь бросается въ глаза отчасти связь съ океаномъ и черезъ него съ Америкою и Западною Европой, отчасти—тѣсное соприкосновеніе съ Китаемъ и Японіей. По улицамъ на ряду съ обычными русскими пролетками на каждомъ шагу попадаются экипажи-американки разнообразныхъ фасоновъ, но непремѣнно съ высокими колесами; на Большой улицѣ цѣлый рядъ складовъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, почти исключительно американскаго или нѣмецкаго происхожденія; въ магазинахъ почти исключительно американскіе и нѣмецкіе мануфактурные товары. Японія представлена разнообразнѣйшими ремесленниками, изъ которыхъ наибольшей популярностью пользуются японцы-прачки.

Въ Благовѣщенскѣ мы провели всего нѣсколько часовъ и, пересѣвъ на новый пароходъ, поплыли къ Хабаровску.

На рѣкѣ съ каждымъ, можно сказать, часомъ жизнь усиливается, пароходы, китайскія джонки и рыбаки въ своихъ лодкахъ снуютъ по Амуру во всѣхъ направленіяхъ. Берега степные, поросшіе густой буйной травой, въ которой можетъ скрыться взрослый человѣкъ, а одиноко стоящіе вѣковые дубы имѣютъ видъ мощныхъ стражей, охраняющихъ дѣвственную красоту луговъ. На берегу попадаются поселенія, справа китайскія, а слѣва казацкія станицы или недавніе переселенческіе поселки, гдѣ устроились малороссы. Вокругъ поселеній—воздѣланныя поля, а на пастбищахъ—скотъ. Все свидѣтельствуетъ по виду о зажиточности.

Начиная отъ Благовѣщенска, вы вступаете въ область типично-амурской природы. Здѣсь начинается главный колонизаціонный районъ Амурской области и вообще всего Пріамурья—Зейско-Буреинская равнина, или, какъ ее иначе называютъ, Амурская прерія. Это—обширное степное пространство, протянувшееся вдоль Амура отъ впаденія Зеи до того мѣста, гдѣ Амуръ входитъ въ горную область Буреинскихъ горъ; въ глубь страны эта «прерія» простирается у впаденія Зеи—приблизительно на двѣсти верстъ, при устьѣ Буреи—на сто, а въ восточномъ своемъ концѣ не болѣе, чѣмъ на 30—40 верстъ. То почти плоская, съ едва замѣтными впадинами—«падями» или «падушками», то съ болѣе ясно

выраженнымъ волнообразнымъ рельефомъ, она представляетъ собою какъ бы островъ среди необозримаго моря горъ, заполняющаго все остальное Пріамурье, а отроги этой сплошной горной страны заходятъ и въ границы «преріи», то сливаясь съ волнистою степью рядомъ незамѣтныхъ переходовъ, то вдаваясь въ ровную степь грядами рѣзко выдѣляющихся среди равнины, хотя и невысокихъ хребтовъ; поднявшись на свободную отъ лѣса вершину одного изъ этихъ хребтовъ, вы видите передъ собою другія такія же невысокія гряды, поросшія темнымъ, кудрявымъ дубнякомъ, и въ промежуткахъ между ними—ярко-зеленыя равнины, покрытыя пышною травою.

Этотъ роскошный травяной покровъ, съ точки зрѣнія спеціалиста, составляется изъ причудливой, странной смѣси формъ степныхъ съ растеніями, свойственными болотистымъ лугамъ и болотамъ. Простой смертный видитъ передъ собою роскошные луга, которые весной пестрѣютъ самыми разнообразными цвѣтами. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ трава достигаетъ положительно гигантскаго роста, съ головою закрывая всадника, сидящаго на конѣ...

Если вы, пріѣзжіе, будете разговаривать объ амурской природѣ съ мѣстнымъ жителемъ, то онъ съ первыхъ же словъ начнетъ говорить вамъ о несообразностяхъ мѣстной природы и въ особенности климата. «Удивительныя здѣсь край», услышите вы отъ него: «вездѣ рѣки разливаются весной, а здѣсь—лѣтомъ или осенью; въ августѣ надо убирать хлѣбъ, а какъ разъ въ это время здѣсь всегда дожди; единственное спасеніе—жнейки; только машинами можно поспѣть съ уборкой хлѣба. Зимы безснѣжныя, такъ что снять озимей совершенно невозможно. На горахъ располагаются болота; ѣдешь по горному склону, а между тѣмъ лошадь сплошь и рядомъ увязаетъ по брюхо». Крестьянинъ больше всего занимаетъ именно это послѣднее обстоятельство. «Чудныя здѣсь мѣста!» непремѣнно скажетъ вамъ выходецъ изъ Западной или Средней Сибири: «у насъ, въ Сибири (Амуръ какъ будто не признается за Сибирь), гдѣ низкое мѣсто, такъ мокро, гдѣ высокое—сухо; а здѣсь ничего не разберешь: на горахъ болота, а по низкимъ мѣстамъ сухо». Вообще Пріамурье поражаетъ васъ изобиліемъ болотъ и мокрыхъ мѣстъ; почти вездѣ, куда еще не зашла колонизація, вы видите кочки, среди которыхъ послѣ дождей застаивается вода, почти вездѣ вы встрѣчаете разныя осоки, мелкій ракитникъ и другіе безспорные признаки болѣе или менѣе сильной заболоченности. Но заболоченность эта по большей части чисто поверхностнаго свойства—результатъ впитыванія изобильныхъ лѣтнихъ осадковъ, покрывающихъ почву толстымъ слоемъ мертвой растительности—и весьма быстро исчезаетъ по мѣрѣ заселенія края: разъ гдѣ-либо появились люди, началъ ходить скотъ, пошли гулять весенніе палы, то почва обсыхаетъ въ немного лѣтъ, и на мѣстѣ недав-

няго болота появляются сплошныя пространства хорошихъ пахотныхъ земель.

Какъ своеобразна амурская природа, такъ своеобразны на Амурѣ и люди. Обиліе земли, превосходные заработки, дешевизна денегъ, близкое соприкосновеніе съ пріисками и пріисковою жизнью—всѣ эти условія вырабатываютъ изъ переселенца, прожившаго десятокъ лѣтъ на Амурѣ, нѣчто совершенно не похожее на нѣсколько инертнаго и твердо знающаго свое «мужицкое» мѣсто «россійскаго» крестьянина. Обжившійся на Амурѣ крестьянинъ понемногу утрачиваетъ и внѣшнее «обличье» мужика: костюмъ его скорѣе мѣщанскій, нежели крестьянскій; если не въ будни, то въ праздники онъ носитъ фетровую шляпу; вообще амурскій крестьянинъ не стѣсняется покупать все, что ему по средствамъ.

Вліяніе Америки, которое такъ бросается въ глаза на улицахъ Благовѣщенска или Срѣтенска, отражается и на хозяйственномъ бытѣ амурскихъ крестьянъ: сплошь и рядомъ вы видите простую телѣгу съ тяжами изъ американскаго проволочнаго каната; подъ сидѣньемъ у вашего ямщика оказывается топорикъ съ американскимъ клеймомъ; проѣзжая мимо крестьянской пашни или покоса, вы вмѣсто обычнаго мужицкаго берестяного или дерноваго балагана видите палатку изъ американскаго брезента; дома болѣе состоятельныхъ крестьянъ крыты американскимъ цинкованнымъ желѣзомъ, а кое-гдѣ этимъ желѣзомъ обложены цѣлые амбары. Еще важнѣе необыкновенная воспріимчивость здѣшняго крестьянина къ новизнѣ. Даже поверхностнаго наблюдателя поражаютъ колоссальные успѣхи амурскаго крестьянскаго хозяйства въ смыслѣ усвоенія улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій и машинъ; пріамурское крестьянство въ настоящее время пашетъ исключительно заводскими, главнымъ образомъ, американскими плугами, съ каждымъ годомъ все больше распространяются жнейки и молотилки, есть цѣлыя селенія, гдѣ крестьяне почти забыли о традиціонномъ серпѣ и о ручной уборкѣ хлѣба.

Однако, несмотря на изобиліе улучшенныхъ орудій, земледѣліе, въ сущности, находится здѣсь на первобытной ступени развитія. Пріамурье—единственная часть Сибири, гдѣ господствуетъ чисто переложное хозяйство, безъ общепринятаго въ остальной Сибири пара; всѣ эти жатвенныя машины не служатъ выраженіемъ прогресса и раціональнаго хозяйства, а составляютъ просто орудіе усовершенствованнаго хищничества.

Конечно, амурское крестьянство не представляетъ собою сколько-нибудь однообразной массы. Напротивъ, въ средѣ его отчетливо выдѣляется нѣсколько разнообразныхъ въ бытовомъ и въ хозяйственномъ отношеніи типовъ.

Вотъ молоканскія селенія. По общему виду и характеру построекъ это не деревни, а маленькіе городки, почище многихъ сибирскихъ уѣзд-

ныхъ городишекъ. Сами молокане на видъ—совершенные горожане; по существу — это народъ въ высшей степени дѣловитый, оборотистый, склонный, какъ никто, къ усвоенію всякой новизны. Первые изъ обитателей Пріамурья они начали покупать улучшеныя орудія и машины, и ихъ примѣръ увлекъ за собою остальное крестьянство. «У каждаго молокана,—говорятъ мѣстные обыватели,—полонъ дворъ машинъ: самъ ничего не работаетъ,—все за него дѣлаетъ машина; помѣщика изъ себя изображаетъ: встанетъ въ восемь часовъ, въ десять выѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ въ поле посмотрѣть и распорядиться; распорядится—и домой, обѣдать». Въ затратахъ на хозяйство или торговыя операціи молоканинъ никогда не стѣсняется размѣрами собственныхъ средствъ: «доподлинно знаешь, что у него ни гроша нѣтъ, а глядишь, тысячную молотилку во дворъ везетъ». Молокане, именно, въ совершенствѣ постигли значеніе кредита и выучились пользоваться имъ. При этомъ зажиточный или располагающій кредитомъ молоканинъ рѣдко остается при одномъ земледѣліи: онъ обращается къ торговлѣ, подрядамъ, покупаетъ или строитъ въ Благовѣщенскѣ дома, заводитъ мельницу или какой-нибудь заводъ,—въ молоканскихъ рукахъ значительная часть благовѣщенской торговли и промышленности. И по всеобщему мнѣнію, пальца въ ротъ молокану не клади—откуситъ.

Вотъ деревня Екатеринославка. Небольшое селеніе—всего 29 дворовъ, но раскинувшееся чрезвычайно широко и окруженное обширнымъ сплошнымъ поясомъ распаханныхъ земель. Всѣ дворы огорожены однообразными, аккуратно сбитыми дощатыми заборами. На дворахъ и по улицамъ стоятъ раскрашенные, на желѣзномъ ходу и съ дышловою запряжкой колонистскіе фургоны, виднѣются жнейки, буккера, плуги съ сидѣніями и т. п.

Екатеринославцы всѣ пришли съ значительными средствами,—нѣкоторые принесли по пяти и болѣе тысячъ; къ заработкамъ имъ совершенно не приходилось обращаться,—«свои деньги проводили», говорятъ они. Теперь обжились и окрѣпли вполнѣ; оставшись, въ отличіе отъ молоканъ, исключительно пахарями, екатеринославцы тоже поставили земледѣльческое хозяйство исключительно на машинную основу: въ деревнѣ нѣтъ другихъ плуговъ, кромѣ заводскихъ; на 29 дворовъ имѣется семь жнеекъ, да еще за три даны задатки, и ручной способъ уборки совершенно вышелъ изъ употребленія: у кого посѣвъ сравнительно невеликъ, тѣ покупаютъ жнейки сообща или нанимаютъ жнейку у болѣе зажиточныхъ хозяевъ. Хозяйственность, отличающая въ Екатеринославкѣ отдѣльныхъ крестьянъ, характерна и для цѣлаго общества.

Вотъ многочисленныя селенія полтавскихъ хохловъ, сосредоточенныя, напримѣръ, въ волостяхъ Песчаноозерской и Ивановской. И здѣсь, какъ и вездѣ въ Сибири, полтавцы въ одеждѣ, въ устройствѣ жилищъ

и во всемъ домашнемъ быту крѣпче, чѣмъ кто-либо, держатся принесенныхъ съ родины привычекъ и традицій. Селенія полтавцевъ вы узнаете издали по ихъ типичнымъ мазанкамъ; амбары крыты соломой, вмѣсто гуменъ высокія малороссійскія клуни. Сохраняетъ традиціонный малорусскій типъ и внутреннее убранство хатъ, хотя сплошь и рядомъ вы видите малорусскій вышитый рушникъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ дешево доставшимся китайскимъ шелковымъ покрываломъ. Въ хозяйственномъ отношеніи полтавцы тоже принадлежатъ къ числу крѣпкихъ элементовъ амурскаго крестьянства. Полтавецъ, правда, не проявляетъ такой иниціативы въ усвоеніи улучшенныхъ орудій и машинъ, вообще той склонности къ новизнѣ, какая характеризуетъ молокана; онъ мало приспособленъ къ борьбѣ съ трудностями таёжной жизни и плохо умѣетъ справляться съ лѣсными землями. Но онъ очень трудолюбивъ, аккуратенъ, бережливъ, довольно легко перенимаетъ отъ болѣе прогрессивныхъ элементовъ разныя улучшенія въ хозяйственныхъ пріемахъ, вообще прекрасно устраивается, разъ только естественныя условія мѣстности, какъ въ Зейско-Буреинской степи, болѣе или менѣе похожи на тѣ, къ которымъ онъ привыкъ у себя на родинѣ.

Вотъ, наконецъ, недавно возникшіе могилевскіе поселки на самой восточной окраинѣ района крестьянской колонизаціи. Бревенчатые дома, часто недостроенные, крытые соломою или берестой; при каждомъ домѣ уже виднѣется амбарушка, но почти нигдѣ никакихъ крытыхъ скотскихъ помѣщеній; большинство дворовъ еще не огорожено. Сами могилевцы, въ своихъ грязно-бѣлыхъ рубахахъ, еще сохранили свой жалкій «россійскій» обликъ, особенно низко кланяются, охотно «падаютъ до ногъ» власть имущихъ лицъ. Что выйдетъ въ будущемъ изъ могилевскихъ поселковъ, трудно сказать. Но пока могилевцы считаются самымъ слабымъ, ненадежнымъ элементомъ амурскаго крестьянства.

Довольно ли амурское крестьянство условіями своей жизни въ Пріамурьѣ? На этотъ вопросъ трудно дать категорическій отвѣтъ. Только отъ немногихъ стариковъ-могилевцевъ—да и то больше отъ усвоенной привычки къ брюзжанію—довелось слышать плохіе отзывы объ условіяхъ жизни на Амурѣ. Въ общемъ же въ отзывахъ крестьянъ нота полнаго довольства. «Земля здѣсь все родитъ,—говорятъ вамъ новоселы въ одномъ мѣстѣ:—и хлѣбъ, и кукурузу, и бахчи». «Лѣсъ есть, хлѣбъ родится, покосовъ вдосталь», слышите вы отъ другихъ новоселовъ. «И для пашни здѣсь хорошо,—говорятъ вамъ третьи,—а главное—деньга легкая, заработки хороши». И каждый новоселъ видитъ передъ собой заманчивую перспективу благосостоянія старожиловъ края—молоканъ и старовѣровъ, которые «позажились такъ, что ахъ ты Господи!»

Кромѣ земледѣлія и скотоводства, большимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ является для жителей рыболовство. Рыбное богатство этой рѣки

поразительно. Ни одна рѣка не имѣетъ такой разнообразной рыбы, какъ Амуръ. Бѣлуга, называемая тамъ «калугой», достигаетъ 50 пуд., осетры въ 10 пуд. не диковинка, стерлядь, хайрюзъ, налимъ, окунь, щука и много другихъ породъ водятся по всему Амуру. Но для простого, бѣднѣйшаго населенія самое главное значеніе имѣютъ лососевыя породы, горбуша и кэта, которыя заходятъ далеко въ Амуръ цѣлыми стаями для метанія икры, ловятся чрезвычайно легко и составляютъ главное питаніе населенія. Мнѣ пришлось видѣть человѣка, несшаго громадную кэту, болѣе аршина въ длину, который объяснилъ, что за эту рыбу, вѣсомъ въ 37 фун., заплатилъ 5 коп. Такая дешевизна рыбы даетъ возможность питаться рыбой при небольшомъ даже заработкѣ.

На Амурѣ.

По мѣрѣ приближенія къ Хабаровску желтыя лица, синіе костюмы, длинныя косы на голыхъ спинахъ, однимъ словомъ, китайцы, мелькаютъ всюду. Это еще новинка для мало знакомаго съ ними европейца.

Амуръ, разлившись, образуетъ много острововъ, характеръ почвы и растительности которыхъ въ разныхъ мѣстахъ различенъ. Тамъ, гдѣ берега возвышены, они имѣютъ рѣзкія очертанія, покрыты лѣсомъ и буйнымъ кустарникомъ; у впаденія большихъ рѣкъ, какъ Зея, Бурея и друг., острова наносные со скудной травой и мелкими водорослями, рядомъ съ ними подводныя отмели.

Наконецъ вдали, весь утопая въ зелени, на берегу разлившагося на три съ лишнимъ версты Амура, намъ представился расположенный террасами городъ Хабаровскъ. Сперва показались кресты и куполы стоящей на горѣ церкви, затѣмъ каменные дома, спускающійся уступами садъ и въ немъ памятникъ графу Муравьеву-Амурскому, ниже сѣрая масса мелкихъ построекъ и, наконецъ, пристань.

У пристани, на набережной, безъ всякаго порядка разбросаны небольшія лавочки, лотки и лачужки китайцевъ; желтокожіе торговцы носовыми, невнятными криками оглашаютъ воздухъ, бѣгутъ на прибывшій только что пароходъ, несутъ разные товары, провизію, волокутъ по лѣстницѣ вверхъ и внизъ поклажу пассажировъ. Среди азіатовъ европейскія лица являются свѣтлыми пятнами. Дамы въ нарядныхъ костюмахъ, мужчины въ военной формѣ или свѣтлыхъ лѣтнихъ пиджакахъ кажутся туристами, прибывшими на время осмотрѣть чужой край. Все кажется чуждымъ, дальнимъ, ничего съ русскимъ общаго не имѣющимъ. Взявъ извозчиковъ, которые, по-китайски крича и ругаясь, довольно неуклюже и неумѣло объѣзжали толпу по крутому подъему въ страшно трясущихъ пролеткахъ, въѣхали мы на высшую террасу города. Здѣсь видъ нѣсколько другой, европейцевъ больше; тутъ и русскія поддевки и ситцевые сарафаны, солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ, офицеры и дамы.

Китайцевъ много, главнымъ образомъ среди рабочаго люда: одни таскаютъ тяжести, другіе, возвращаясь съ работы, несутъ столярные или плотничные инструменты, корзинки съ товарами. Среди этой пестроты ясно выдѣляются бѣлые костюмы корейцевъ, смуглыхъ, серьезныхъ, съ такими же, какъ китайцы, косичками, въ высокихъ съ широкими полями шляпахъ и коромыслами черезъ плечо, на нихъ корзины, полныя зелени: бобовъ, кукурузы, цвѣтной капусты, моркови и пр.

Главная улица, широкая, длинная и ровная, хотя съ деревянными тротуарами, носитъ характеръ большого города; всѣ другія производятъ пріятное впечатлѣніе массой зелени и деревьевъ, между которыми проторены только узкія колеи. Грецкій орѣхъ, кленъ, липа скрываютъ дома, придавая имъ видъ хорошо устроенныхъ дачъ. Мѣстами густота рощъ доходитъ до того, что, кажется, ѣдешь лѣсомъ, что городъ далеко за тобой, но вдругъ появляется опять цѣлый рядъ каменныхъ и деревянныхъ домовъ; въ нихъ разныя правительственныя учрежденія, школы, мастерскія и магазины.

По Уссурійскому краю.

(Южакова.)

Раннимъ утромъ, 6 сентября, нашъ небольшой поѣздъ изъ двухъ троекъ выѣзжаетъ изъ Владивостока по почтовой дорогѣ. Ясная солнечная погода. Сѣверо-западный муссонъ дуетъ намъ въ лицо сухостью и холодомъ, но солнце еще справляется съ угрозами сердитаго посланца неласковой Монголіи и успѣваетъ обогрѣвать и землю, и воды, и самую атмосферу. Погода пріятная, свѣжо и ясно; легко дышится и бодро чувствуется... Такая погода здѣсь рѣдкость и бываетъ только короткое время весною и осенью, покуда не утвердится окончательно на все лѣто или на всю зиму тотъ или другой муссонъ. Лѣтній океаническій

муссонъ здѣсь зовутъ гнилымъ вѣтромъ за туманъ и плѣсень, которыми онъ окутываетъ и покрываетъ все и вся. Зимній же континентальный муссонъ извѣстенъ подъ названіемъ суйфунскаго, или просто «суйфуна», такъ какъ врывается сюда преимущественно долиною рѣки Суйфуна, пересѣкающею прибережный хребетъ.

За городомъ дорога стала болѣе пологая, и мы помчались среди живописно разбросанныхъ сопокъ, поросшихъ мелколѣсьемъ. Формы горъ—мягкія, безъ утесистыхъ выступовъ и скалъ. Всюду преобладаютъ кривыя линіи, закругленія, покрытыя растительною почвою и заросшія древесными и кустарными породами.

Выходы каменныхъ породъ встрѣчаются рѣдко. Прежде, по словамъ старожиловъ, всѣ эти сопки, гребни, сѣдловины, склоны были покрыты первобытнымъ лѣсомъ, но теперь онъ здѣсь повсюду вырубленъ. Негодность почвы подъ сѣнокосы и пашни возвратила ее во власть лѣсной растительности, которая невысокою зарослью и покрываетъ всю мѣстность. Дубъ, орѣхъ, вязъ, ясень составляютъ здѣсь преобладающія породы. Хвойныя деревца, преимущественно елка, встрѣчаются изрѣдка. Виноградъ живописно вьется по стволамъ, перевивая деревья и затрудняя прогулку по лѣсу. Грибовъ въ этихъ лѣсахъ я не видѣлъ вовсе, ягодъ—тоже. Однажды набрелъ на клубничникъ, но ягода оказалась столь мелкою, сухою и не ароматичною, что немудрено, если никто ея и не потребляетъ. Нѣтъ въ лѣсу и дикихъ плодовыхъ деревьевъ, кромѣ уже упомянутыхъ орѣшника и винограда. Цвѣтами край еще бѣднѣе. Мелкія безъ запаха фіалки, бѣлыя мелкія лѣсныя вѣтреницы убого пестрѣютъ по опушкамъ и прогалинамъ. Рѣже присоединяются къ нимъ ландыши и колокольчики... Изрѣдка можно встрѣтить характерный для края дикій геліотропъ. Богаче цвѣтами кустарники. Шиповникъ цвѣтетъ очень красивыми темно-малиновыми, но мелкими цвѣтами.

Этотъ характеръ природы и лѣсныхъ зарослей сохраняется верстъ на 60—80 въ глубь страны, т.-е. во всей береговой полосѣ. Та же пересѣченная, гористая поверхность, тѣ же базальты и известняки, та же скудость почвы, то же отсутствіе мѣстъ, удобныхъ для сѣнокосовъ и пашенъ, тѣ же породы лѣса, та же флора. Только все постепенно принимаетъ бо́льшіе размѣры. Горы вырастаютъ, становятся круче, труднѣе для перехода и красивѣе. Ручьи замѣняются рѣчками. Лѣса замѣняютъ собою мелколѣсье. Начинаютъ чаще попадаться хвойныя рощи, появляется кедръ, мало-по-малу замѣняющій дубъ. Далѣе, верстъ за сто и болѣе, господствуютъ сплошь кедровые лѣса. Сосны здѣсь нѣтъ, лиственница растетъ не близко. Ель и кедръ составляютъ главную растительность хвойныхъ лѣсовъ.

Между ними встрѣчается пихта. Весь край, собственно говоря, покрытъ лѣсомъ, но было бы ошибочно представлять его себѣ похожимъ

на какое-либо наше европейское полѣсье. Ни наши дубравы не похожи на здѣшнее чернолѣсье, ни здѣшніе хвойные лѣса не походятъ на наши боры. Въ дубовый ли лѣсъ вы входите у насъ или сосновый, вы видите почти обнаженную почву и цѣлую громадную, теряющуюся въ безконечной дали, колоннаду гигантскихъ стволовъ, поддерживающихъ сплошную живую кровлю этого необъятнаго храма природы. «Темень тутъ вѣчная, тайна великая, солнце сюда не доноситъ лучей, буря ль взыграетъ могучая, дикая, лѣсъ не надумаетъ кланяться ей. Только вершины поропщутъ тревожно». Почва, покрытая подлѣскомъ, мелкою растительностью, отличаетъ наше чернолѣсье и еловые боры, но въ остальномъ эти лѣса имѣютъ общій характеръ. Здѣсь—какая-то безпорядочная смѣсь мелколѣсья, густого, но слабаго и невысокаго, съ отдѣльными группами высокихъ деревьевъ, даже съ отдѣльными экземплярами. При пересѣченномъ и холмистомъ характерѣ мѣстности порою съ высоты глазъ вашъ окидываетъ значительныя пространства долинъ и склоновъ, всюду заросшихъ лѣсомъ, и всюду вы видите густую, перевитую виноградомъ, непроницаемую для глаза, невысокую сравнительно заросль, среди которой зелеными шатрами разбросаны рощи болѣе значительныхъ деревьевъ.

Сѣдловиною между сопками, среди мелколѣсья и живописныхъ ландшафтовъ ѣдемъ около получаса и начинаемъ спускаться въ широкую долину рѣчки, носящей названіе просто Первой рѣчки. Владивостокъ не имѣетъ проточной воды и пьетъ почвенную воду, которой и теперь зимою иногда нехватаетъ. Первая рѣчка лежитъ верстахъ въ пяти, и устройство отсюда водопровода является, конечно, непремѣннымъ условіемъ развитія города.

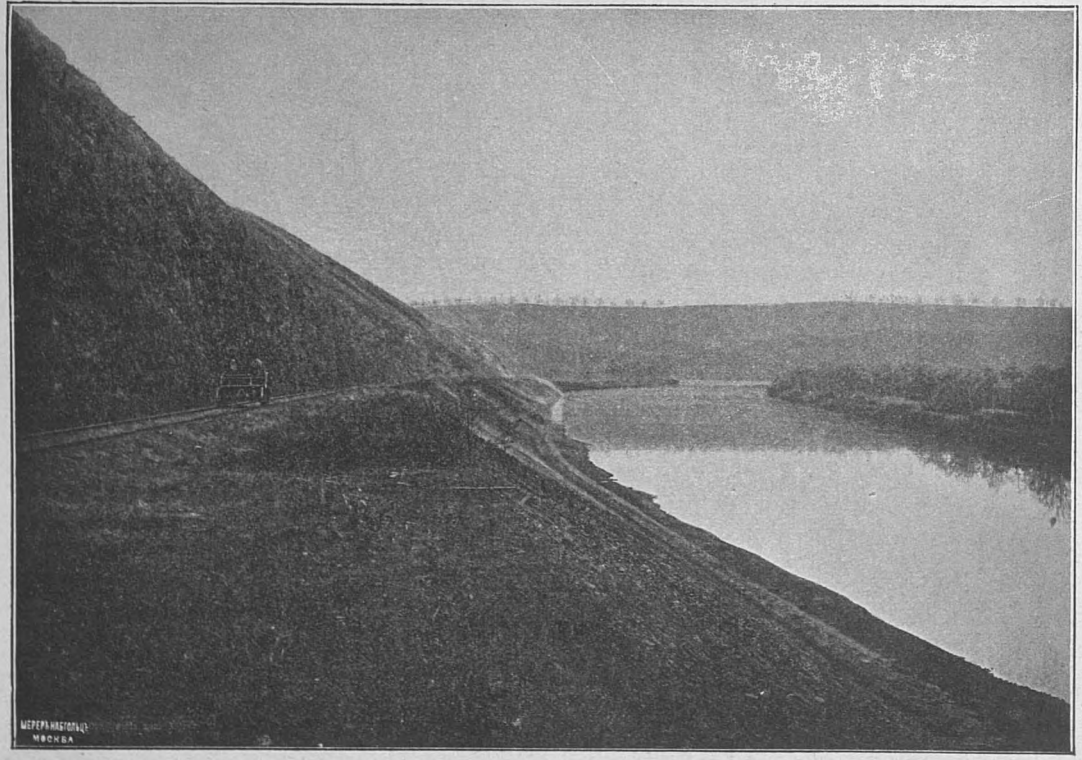
Нѣсколько верстъ ѣзды по морскому берегу приводитъ насъ къ устью другой рѣчки Седанки, славящейся своими форелями. Рѣчка течетъ довольно быстро чистыми журчащими струями въ берегахъ, густо поросшихъ кустарникомъ. Изъ этихъ-то кустарниковъ коварный человѣкъ закидываетъ свои удочки на погибель веселыхъ форелей, но въ этихъ кустахъ порою бродитъ и тигръ; и человѣкъ вмѣсто того, чтобы позавтракать форелью, самъ попадаетъ на завтракъ лѣсному хищнику. Я спросилъ поселенцевъ о форели, много ли ее и хорошо ли ловится?

— Много ее тутъ, это точно; однако трудно, да и тигръ бродитъ поблизости.

— А близко ли ходитъ тигръ?

— Ночью слышно бываетъ, какъ фыркаетъ, точно котъ... Днемъ не видать. Разъ видѣли, какъ изъ кустовъ въ кусты перескочилъ, черезъ почтовую дорогу.

— Здѣсь недалеко,—отзывается другой голосъ,—въ сопкахъ дикія козы ходятъ, стадо, онъ ихъ и пасетъ.



По Уссурійской желѣзной дорогѣ.

«Пасетъ тигръ», говорятъ здѣсь о стадѣ, которое тигръ облюбовалъ себѣ, какъ постоянный матеріалъ для обѣда. Пріятное во всякомъ случаѣ сосѣдство, но за мое полуторагодичное пребываніе во Владивостокѣ тигръ не подходилъ ближе 15 верстъ.

Прежде же тигры появлялись въ самомъ городѣ... Теперь они прекратили эти опыты.

Постоянная энергическая борьба простого русскаго человѣка съ тигромъ можетъ составить когда-нибудь очень интересную страничку въ исторіи заселенія и культуры края. До прихода русскихъ тигръ былъ поистинѣ царемъ страны. Соперниковъ у него не было. Другіе хищники, барсы и медвѣди, не могли съ нимъ состязаться. Могучихъ травоядныхъ, въ родѣ слоновъ, носороговъ, буйволовъ, здѣсь не водится... Человѣкъ же покорялся тигру какъ высшему непобѣдимому существу, одаренному божественною силою. Китаецъ или кореецъ никогда не вступаютъ въ борьбу съ тигромъ. При встрѣчѣ они ложатся и ждутъ своей участи. Если царь лѣса сытъ, онъ проходитъ мимо. Если же хочется ему позавтракать или просто полакомиться человѣческимъ мясомъ, онъ безпрепятственно распоряжается покорнымъ рабомъ. Это невозбранное и никогда неоспариваемое господство тигра прекратилось съ появленіемъ русскихъ. У вчерашняго властелина края явился соперникъ и врагъ, объявившій ему войну на смерть. Не сразу понялъ это тигръ. Сначала онъ былъ попрежнему смѣлъ и самоувѣренъ. Онъ заходилъ въ села и выхватывалъ обитателей изъ оконъ. Онъ снималъ всадниковъ съ лошадей и пассажировъ изъ кибитокъ. Разсказываютъ, что однажды даже выхватилъ солдата изъ колонны, проходившей лѣсомъ.

Случалось, что выѣхавшая почтовая тройка возвращалась назадъ, потому что тигръ лежалъ поперекъ дороги. Домашній скотъ тигръ почиталъ, повидимому, заведеннымъ спеціально для него, но особенно преслѣдовалъ собакъ, за которыми приходилъ даже на улицы Владивостока. Все это, однако, миновало. Тигръ теперь обходитъ не только города, но и селенія. Онъ больше не показывается на почтовой дорогѣ, и ѣзда безопасна отъ него не только днемъ, но и ночью. Онъ научился цѣнить человѣка и остерегается вступать въ борьбу съ европейцемъ, котораго хорошо отличаетъ отъ манзы и корейца, составляющихъ попрежнему его любимое лакомство. Конечно, даромъ такіе результаты не даются. Много подвиговъ отваги и мужества совершено въ этой безвѣстной борьбѣ. Не мало человѣческихъ жертвъ унесено ею, но съ каждою такою жертвою спасшійся тигръ уносилъ жестокія раны, засѣвшія пули, увѣчья, страданія, которыя постепенно и вселяли въ него чувство страха передъ новымъ врагомъ. Самые же самоувѣренные, конечно, просто перебиты.

Для иллюстраціи сказаннаго разскажу нѣсколько эпизодовъ изъ этой

борьбы. Недавно воздвигнутъ новый поселекъ русскихъ. Едва отстроились кое-какъ, захватила осень. Изъ одной семьи вышелъ мальчуганъ лѣтъ четырнадцати съ ружьемъ, не попадется ли коза. Попался между тѣмъ тигръ. Мальчикъ не оробѣлъ, и пуля сразила лѣсное чудовище. Я видѣлъ его убитаго, величиною съ хорошую корову, только какъ будто немного ниже, но зато длиннѣе. Тигръ этотъ былъ проданъ за двѣсти рублей. Кромѣ шкуры, высоко цѣнится мясо, которое жадно раскупаютъ китайцы. Они убѣждены, что потребленіе тигроваго мяса придаетъ человѣку много отваги и храбрости.

Военный постъ у китайской границы. Скучно безъ дѣла. Кто на дежурствѣ, дежуритъ, а остальнымъ что дѣлать? Если не спать, то охотиться,—ничего не придумаешь больше. Вышло трое казаковъ, не встрѣтятъ ли оленя, не набѣжатъ ли подъ ихъ пулю его драгоцѣнные панты (рога), за которые китайцы платятъ по 200 и по 300 рублей за пару? Идутъ охотники по рѣдколѣсью и наталкиваются на свѣжій слѣдъ тигра. Приготовляютъ оружіе и скоро замѣчаютъ звѣря, который, повидимому, самъ ихъ выслѣживалъ. «Стрѣляйте, братцы,—командуетъ старшій,—а я свою пулю приберегу на всякій случай, чтобы въ упоръ»... Грянули два выстрѣла, тигръ свернулся и повалился въ послѣдней судорогѣ подъ высокое раскидистое дерево, изъ густой листвы котораго въ тотъ же моментъ выглянула удивленная морда любопытнаго барса, наклонившаго голову надъ околѣвшимъ страшнымъ собратомъ. Но раздался третій выстрѣлъ, и барсъ замертво свалился съ дерева, чтобы навѣки успокоиться рядомъ съ тигромъ. Удачная была охота... Не надо и пантовъ.

Брели подъ Никольскимъ за селомъ двое солдатъ, одинъ съ берданкой и штыкомъ, а другой—съ порожними руками. Захотѣлось имъ въ сосѣдней рощѣ набрать орѣховъ, завернули и, собирая орѣхи, нѣсколько разошлись, не предвидя ничего дурного, когда внезапно одинъ изъ нихъ былъ атакованъ тигромъ. Ружье отлетѣло въ сторону, солдатъ повалился навзничь, и звѣрь навалился съ открытою пастью надъ его лицомъ. Но этотъ безвѣстный герой не потерялся. Окликнувъ товарища на помощь, онъ, по сѣверно-русски, какъ это водится въ борьбѣ съ медвѣдями, поспѣшно засунулъ руку въ страшную пасть и, схвативъ за языкъ, запустилъ руку въ самую глотку звѣря. Тигръ потерялся настолько, что не пустилъ въ ходъ своихъ страшныхъ когтей, а старался мышцами горла раздавить руку. Это ему удалось, но поздно, потому что прибѣжавшій на зовъ товарищъ поднялъ ружье и въ упоръ въ ухо мгновенно покончилъ съ тигромъ. Затѣмъ съ трудомъ стащивъ мертваго звѣря съ израненнаго товарища, онъ взялъ его на руки и отнесъ въ лазаретъ. Пострадавшій потерялъ, конечно, руку.

Конечно, не всегда эта роковая борьба кончается такъ удачно для человѣка. Бываетъ, что и звѣрь торжествуетъ.

Опасная охота на тигра легко переходитъ въ страсть. Одинъ охотникъ въ теченіе одного мѣсяца прикончилъ четырехъ тигровъ. Мнѣ разсказывали объ одномъ старикѣ-крестьянинѣ, который пристрастился къ этой опасной и завлекательной игрѣ и, предоставя хозяйство сыновьямъ, проводитъ лѣто и зиму въ тайгѣ самъ-другъ съ вѣрнымъ псомъ да надежной винтовкой. Не мало уже приволокъ онъ домой этихъ полосатыхъ шкуръ, нисходя иногда и до пятнистыхъ барсовыхъ...

«Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить»; но эти люди, для которыхъ опасность есть потребность, а битва со звѣремъ—наслажденіе, конечно, рано или поздно очистятъ край отъ полосатаго и пятнистаго хищниковъ, какъ и отъ желтокожаго. Несомнѣнно, однако, безопасность растетъ. Вотъ хоть бы мы, ѣдемъ безоружные, въ ненаселенной мѣстности, по обѣ стороны непроницаемою стѣною стоитъ густая лѣсная заросль, въ которой, мы знаемъ, бродитъ тигръ и скрываются хунхузы. И, однако, не можетъ быть и рѣчи объ опасности. И полосатые, и желтокожіе хищники—уже ученые; а соединиться въ общей обидѣ противъ бѣлыхъ пришельцевъ никакъ не могутъ. Полосатый продолжаетъ лакомиться желтокожимъ, оба скрываясь при появленіи бѣлаго пришельца.

Въ Уссурійской тайгѣ.

(Д. Шрейдера.)

Жизнь на далекой, едва развивающейся окраинѣ при всѣхъ своихъ подчасъ весьма ощутительныхъ неудобствахъ и лишеніяхъ обладаетъ, однако же, однимъ драгоцѣннымъ и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ незамѣнимымъ свойствомъ. Когда сердце долго зажившагося на одномъ мѣстѣ европейца начинаетъ глодать невыносимая тоска, когда все окружающее надоѣстъ ему, то стоитъ ему только сдѣлать нѣсколько десятковъ верстъ въ сторону, и онъ уже попадаетъ совсѣмъ въ другой міръ—онъ уже стоитъ лицомъ къ лицу съ первобытной природой.

Путешествіе по Уссурійскому краю даритъ иногда туриста такими картинами и впечатлѣніями, которыя не всегда по плечу слабымъ нервамъ европейскаго жителя.

Одна такая экскурсія особенно сохранилась въ моей памяти.

Я поѣхалъ изъ Владивостока въ ясный августовскій день, держа путь черезъ селеніе Шкотово «на Сучанъ», т.-е. въ долину р. Сучанъ, находящуюся на сѣверо-востокѣ отъ Владивостока.

Дальше вплоть до Татарскаго пролива на тысячи верстъ тянется уже безлюдная, неизвѣстная и неизслѣдованная тайга! Лишь кое-гдѣ по берегу Сѣверо-Японскаго моря разбросаны уединенные посты и урочища, изрѣдка посѣщаемые попутно заходящими въ нихъ судами. Сухопутнаго сообщенія съ культурными центрами окраины они не имѣютъ, и туда

приходится пробираться либо верхомъ, либо пѣшкомъ по звѣринымъ тропамъ.

Я ѣхалъ сухимъ путемъ круто въ сторону отъ главнаго краевого почтоваго тракта, ведущаго къ Хабаровску.

День былъ ясный и солнечный. Лѣто приближалось къ концу. Начиналась чудесная, безоблачная уссурійская осень, украшающая землю, отдыхающую, наконецъ, отъ безконечныхъ лѣтнихъ тумановъ, безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ, которые растутъ на привольѣ, пышно расцвѣтаютъ и распространяютъ вокругъ себя живительный ароматъ.

Дорога шла сначала опушкой тайги между нагроможденными другъ на друга громадами горъ—отрогами Сихотэ-Алиня, то здѣсь, то тамъ прерываемыми глубокими отрогами, ущельями, падями, лощинами.

Хотя я еще и не въ настоящей тайгѣ, но близость ея уже ощущается: окрестные виды становятся величественнѣй, суровѣй и разнообразнѣй. Вотъ, въ трепетѣ льются темныя воды по мрачнымъ ущельямъ; дальше журчитъ серебристый горный ручей и скромно бьютъ родники прозрачно-хрустальной воды. Въ одномъ мѣстѣ неуклюжій фазанъ пробудилъ своимъ крикомъ тихую долину отъ безмятежнаго сна. Оживилась долина: перекликаются дрофы и тетерева, шепчутся ели, кивая въ тактъ таинственнымъ рѣчамъ своимъ вѣчно зеленымъ нарядомъ, говорятъ ручейки.

На минуту, когда мы углубляемся въ чащу, всѐ вдругъ стихаетъ; самое небо скрывается изъ нашихъ глазъ. Но лишь только мы выѣзжаемъ на освѣщенную солнцемъ лужайку, какъ до насъ уже доносится тотъ немолчный говоръ, та музыка преддверья тысячеголосой тайги, которая проникаетъ въ самые сокровенные тайники сердца и заставляетъ его биться сильнѣе. Мы спустились въ глубокій оврагъ. На днѣ его мракъ все больше густѣетъ. Мы попадаемъ, наконецъ, въ мощныя объятія тайги—тихой, задумчивой, молчаливой и мрачной.

Солнце мало-по-малу покидаетъ меня. Оно уже освѣщаетъ теперь лишь вершины горныхъ цѣпей и оттуда улыбается мнѣ своими веселыми косыми лучами. На мгновенье оно какъ будто остановилось, послало мнѣ прощальный привѣтъ и скрылось изъ глазъ.

Я—въ тайгѣ, настоящей, первобытной, могучей.

Дорога становится хуже. Тарантасъ скачетъ по кочкамъ и пнямъ. Лошади плетутся мелкой, лѣнивой рысью. Мнѣ приходится уже пробираться здѣсь почти во тьмѣ, имѣя съ обѣихъ сторонъ вплотную прижавшіяся къ неширокой дорогѣ непроходимыя чащи густо сплетенныхъ между собою деревьевъ, по верхамъ которыхъ время отъ времени проносится легкій бризъ съ недалекаго Японскаго моря; сквозь рѣдкіе просвѣты я изрѣдка могу видѣть, какъ онъ качаетъ верхушки тысячелѣтнихъ старцевъ тайги.

Шумно вверху, но внизу, у подножья могучихъ великановъ тайги, царитъ, повидимому, могильная тишина. Листъ не шелохнетъ, вѣтка не дрогнетъ. Ни солнца, ни тѣни, ни шума, ни вѣтра, все скрыто зелеными шапками лѣсныхъ великановъ. Подъ сплошными вѣтвями деревьевъ царитъ полумракъ. Лучи солнца золотятъ лишь ихъ вершины, отражаются, искрятся, играютъ въ изумительно чистыхъ и свѣжихъ росинкахъ, покрывающихъ листву, но въ глубину, гущину непроходимой таежной чащи не проникаютъ они. Лишенная свѣта и солнца, тепла и росы, таежная почва кажется безплодной, пустынной. Покрытая опавшей листвой, она представляетъ собой обширный коверъ грязно-желтаго цвѣта. Ни травки, ни зелени.

Глухая чаща, густолиственныя деревья скрываютъ отъ глазъ и звѣря и птицу, притаившихся бокъ о бокъ съ дорогой. Прислушайтесь однако внимательнѣе, и вы услышите нескончаемый концертъ тысячеголосой тайги, до вашего слуха долетятъ разнообразные отголоски, которыми тайга на всѣ лады славитъ природу. Мѣстами деревья, переплетенныя другъ съ другомъ, перевитыя ліаной, кустарниками, лозами дикаго винограда, представляютъ собой такую непроницаемую чащу, что становится совершенно темно, и намъ приходится ѣхать почти ощупью, между тѣмъ какъ вверху, на разстояніи всего нѣсколькихъ саженъ отъ насъ, солнце обливаетъ своими лучами вырвавшуюся на волю верхушку стройнаго кедра. Но это длится не долго. Съ каждымъ шагомъ впередъ мѣняются окрестные виды, самыя формы и роды деревьевъ, самый характеръ тайги.

Невдалекѣ, среди вѣтвей и стволовъ, показался просвѣтъ. Лучъ солнца скользнулъ въ него какъ будто ненарокомъ и на минуту освѣтилъ неуловимой, трепещущей волной полусумрачный сводъ тайги.

Мы осторожно пробираемся по направленію къ свѣтлой полоскѣ, прорѣзавшей чащу дремучаго лѣса. Еще нѣсколько оборотовъ колеса, чаща разступилась, пропустила тарантасъ, и мы очутились на прелестной зеленой лужайкѣ, ярко освѣщенной лучами горячаго солнца. Сплошною стѣной обступили ее исполинскіе кедры, перевитые лозами дикаго винограда. Багряные виноградные листья, словно яркія пятна, выдѣляются на фонѣ зеленаго лѣса. Вспугнутыя грохотомъ тарантаса дикія козы выскочили изъ высокой травы—почти въ ростъ человѣка—и уморительными прыжками ускакали въ чащу. Мы снова остаемся одни. Лошади медленно бредутъ, позванивая колокольчикомъ.

Дорога идетъ самыми причудливыми зигзагами. Мы то взбираемся по отлогости горъ, то спускаемся въ глубокій оврагъ, то пробираемся зеленой поляной подъ сѣнью исполинскихъ деревьевъ, топча расшитый лѣсными цвѣтами ярко-пестрый коверъ.

Осторожно, шагъ за шагомъ пробираемся мы въ чащѣ лѣса, прислу-

шиваясь къ каждому шороху, къ шуму вѣтра въ лѣсу, къ треску сучьевъ въ тайгѣ. Мѣстами намъ приходится переѣзжать черезъ лѣсные ручьи. Извилистой змѣйкой вьются они по склону зеленой лужайки и пропадаютъ вдали въ глубинѣ широчайшаго рва.

Но вотъ подулъ вѣтерокъ,—заволновалась, зашептала тайга. Полонъ тайны и ласки шопотъ ея—нѣжный, немолчный, баюкающій. Вѣковые дубы, огромные клены, исполинскіе кедры, стройныя сосны, развѣсистый грецкій орѣхъ, гигантскія пробковыя деревья, черешни и пихта,—всѣ представители уссурійской тайги толпятся у края дороги, обступаютъ ее съ обѣихъ сторонъ и протягиваютъ свои цѣпкія зеленыя вѣтви къ тарантасу, словно желая заглянуть внутрь его.

Впечатлѣніе, производимое уссурійской тайгой, особенно когда видишь ее «у себя дома», впервые, трудно забыть. Разнообразіе, роскошь и мощь ея первобытной растительности напоминаютъ собой подтропическіе джунгли и не имѣютъ ничего общаго съ тѣми чахлыми, худосочными лѣсами, которые приходится такъ часто видѣть въ Европейской Россіи. И что особенно поражаетъ зрителя, такъ это удивительное богатство, разнообразіе и смѣшеніе формъ растительности. Сѣверъ и югъ соединили здѣсь, кажется, всѣ свои силы для того, чтобы создать этотъ лѣсъ, не имѣющій себѣ равнаго на всемъ континентѣ. Вы видите здѣсь на каждомъ шагу, какъ раскидистая ель, это растеніе суроваго сѣвера, обвивается толстой лозой дикаго винограда; вы видите, какъ приземистая пихта, это дѣтище сѣверной тундры, растетъ рядомъ съ грецкимъ орѣхомъ, сосна и кедръ сплетаютъ свои вѣтви съ красивыми перистыми листьями пробковаго дерева, береза и липа переплетаются съ робиніей и кипарисомъ, громадные ильмы и вязы растутъ вперемежку съ абрикосомъ и персикомъ, манчжурская аролія таится подъ сѣнью широковѣтвистаго клена. Это смѣшеніе формъ сѣверныхъ и южныхъ является исключительной, замѣчательной и отличительной особенностью уссурійской тайги.

То же смѣшеніе отличаетъ и животное царство, притаившееся въ падяхъ и ущельяхъ, въ горахъ и оврагахъ, въ чащѣ дремучаго лѣса и на открытыхъ лощинахъ.

Бенгальскій тигръ и олень, соболь и барсъ, кабарга и медвѣдь, антилопы и волки, бѣлка и дикая коза, иволга и египетскій ибисъ, жаворонокъ и грузный фазанъ, журавли и бенгальскіе зимородки являются одинаково частыми, постоянными и равноправными обитателями дѣвственной уссурійской тайги, одинаково свободно гуляютъ подъ покровомъ первобытнаго лѣса, одинаково часто встрѣчаются бродячему охотнику въ торжественно величавомъ безмолвіи лѣса. Природа словно устроила здѣсь гигантскую естественную выставку, колоссальный и разнообразный ботаническій и зоологическій садъ, гуляя по которымъ, вы можете на

сравнительно тѣсномъ пространствѣ видѣть представителей самой сѣверной флоры на ряду съ самыми южными, жителей полярныхъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ пустынныхъ равнинъ на ряду съ обитателями подтропическихъ джунглей.

На одной изъ промежуточныхъ почтовыхъ станцій, расположенной въ тайгѣ, мнѣ неожиданно пришлось застрять на довольно продолжительное время въ виду отсутствія свободныхъ лошадей. Предстояло сидѣть здѣсь Богъ знаетъ сколько времени. Къ счастію, станціонный писарь сообщилъ мнѣ, что невдалекѣ въ чащѣ тайги живетъ одинокій манза, и я, не теряя времени, отправился разыскивать этого манзу. Разыскать его было не легко. Намъ приходилось то и дѣло пробираться по безыменнымъ ручьямъ и рѣчонкамъ, взбираться на поросшіе лѣсомъ склоны горъ и хребтовъ, спускаться на дно лощинъ, овраговъ и ущелій. То передъ нами вставалъ гигантскій хребетъ, то поднимался цѣлый хаосъ горъ, покрытыхъ глухимъ, непроницаемымъ лѣсомъ.

Въ глубинѣ маленькой котловины, пріютившейся у подножія одного изъ хребтовъ, нашли мы, наконецъ, одинокую фанзу, кокетливо выглядывавшую на окраинѣ таежной лужайки изъ-за развѣсистыхъ кедровъ. Фанза, когда я разсмотрѣлъ ее ближе, была сама по себѣ неприглядна. Сколоченная наскоро, еле обмазанная глиной, почернѣвшая, покосившаяся отъ непогоды и времени, она не могла вызвать въ зрителѣ восхищенія, но въ этой зеленой оправѣ, точно въ рамкѣ изъ листьевъ и зелени, она казалась жилищемъ сказочной феи.

Я откинулъ пологъ изъ цыновки и вошелъ въ фанзу.

Внутренній видъ ея вполнѣ соотвѣтствовалъ ея внѣшности: грязь и нечистота. Хозяинъ фанзы не на шутку встревожился, когда увидѣлъ меня у себя. Мало-по-малу мнѣ удалось успокоить его опасенія, и я настолько успѣлъ въ этомъ, что онъ даже изобразилъ оттѣнокъ радушія на своемъ загрубѣломъ, изборожденномъ глубокими морщинами, желтомъ лицѣ.

Это былъ, какъ я узналъ отъ него, манза Кинь-Каю-Санъ, бродячій звѣроловъ-охотникъ, «пантанъ», какихъ не мало разсѣяно въ уединенныхъ фанзахъ, хоронящихся по всему обширному пространству уссурійской тайги, гдѣ эти люди—звѣроловы, охотники, искатели жень-шеня—являются единственными представителями человѣческой расы.

Когда-то онъ жилъ въ сосѣдней Манчжуріи. Затѣмъ, какъ и многіе другіе, которые скрываются мѣстами въ тайгѣ, онъ оттуда бѣжалъ и скрылся въ нашъ край. Исторія всѣхъ этихъ людей, уединенно живущихъ въ тайгѣ, почти одинакова. Каждый изъ нихъ бѣглый преступникъ, дезертировавшій сюда изъ сосѣдней Манчжуріи спасать свою шкуру и голову: китайское населеніе тайги состоитъ въ значительной части изъ такого рода людей. Судьба тѣхъ и другихъ одинаково печальна въ

Китаѣ: висѣлица и колъ одинаково грозятъ имъ на родинѣ. Единственный способъ спасти свою жизнь—это бѣгство въ сосѣдній съ Манчжуріей край, гдѣ они, понятно, находятся уже внѣ закона. Лишенные всякой надежды возвратиться въ родные края, вынужденные постоянно скрываться отъ преслѣдованія китайскихъ и русскихъ властей, преслѣдуемые, словно дикіе звѣри, многіе изъ нихъ превращаются въ разбойниковъ,—въ этихъ страшныхъ хунхузовъ, которые держатъ въ паническомъ страхѣ все туземное населеніе нашей дальней окраины.

Промышляетъ здѣсь Кинь-Каю-Санъ, главнымъ образомъ, добычей пантовъ, т.-е. скальповъ изюбрей. Панты—это рога оленя, налитые свѣжею кровью и не успѣвшіе еще превратиться въ компактную роговую массу. Для того, чтобы они удовлетворяли этому условію, необходимо убить изюбря непремѣнно весною, когда старые рога отпадаютъ и новые еще богаты кровеносными сосудами. По убѣжденію китайцевъ, панты, приготовленные надлежащимъ образомъ, являются радикальнымъ средствомъ при грудныхъ и легочныхъ болѣзняхъ. Вѣра въ цѣлебную силу пантовъ такъ велика, что китайцы платятъ за нихъ баснословныя цѣны: хорошій скальпъ изюбря стоитъ иногда 200 рублей.

Манза и русскій одинаково усердно преслѣдуютъ несчастныхъ изюбрей, съ тою лишь разницей, что манза скитается по уссурійской тайгѣ, забредая порою туда, куда еще отъ сотворенія міра не ступала нога человѣка, а русскій охотникъ облѣпилъ ближайшіе къ Владивостоку острова и дальше опушки тайги заглянуть не рѣшается.

Усердная охота на этого звѣря не мало содѣйствовала исчезновенію его изъ окрестностей обитаемыхъ мѣстъ, и теперь тамъ, особенно на лежащихъ близъ Владивостока небольшихъ островкахъ, добыть скальпъ изюбря—дѣло не легкое.

Изюбрь—животное чрезвычайно пугливое и держится всегда вдали отъ людскихъ поселеній, въ глубинѣ непроходимой тайги, населенной тиграми, медвѣдями, дикими кабанами и барсами. При такихъ условіяхъ охота на нихъ является дѣломъ мало привлекательнымъ, и только бѣглый манза можетъ жить здѣсь подъ постояннымъ страхомъ встрѣчи съ полосатымъ хищникомъ ламзой (тигромъ), слѣдующимъ обыкновенно по пятамъ за стадомъ изюбрей. Неудивительно поэтому, что на такого рода промыселъ, могущій привлечь лишь людей, одаренныхъ исключительной страстью къ охотѣ и сильнымъ ощущеніямъ, идутъ люди, которымъ, какъ говорится, терять уже нечего.

И все же этотъ промыселъ, какъ ни опасенъ онъ, не сопровождается такими лишеніями и опасностями, съ какими сопряжена добыча жень-шеня. Дѣло въ томъ, что этотъ драгоцѣнный, янтарнаго цвѣта, корень, которому китайская медицина приписываетъ способность возстановлять потерянныя силы, молодить стариковъ и возвращать крѣпость

тѣла, растетъ обыкновенно въ самыхъ дикихъ и неприступныхъ ущельяхъ, гнѣздилищахъ тигровъ и барсовъ. Поплатиться жизнью при этомъ промыслѣ—обыкновенное дѣло. И тѣмъ не менѣе сотни и тысячи манзъ съ опасностью жизни ежегодно, съ наступленіемъ лѣта, пробираются въ самыя глухія и опасныя дебри тайги въ поискахъ за этимъ растеніемъ, цѣнность котораго доходитъ до 100, 200, 300 и болѣе рублей за корешокъ!

Въ ряду предметовъ, вывозимыхъ китайцами изъ Уссурійскаго края въ сосѣдній Китай, этотъ корень занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто.

Значительная стоимость его объясняется тѣмъ, что онъ встрѣчается крайне рѣдко въ дикомъ видѣ, и приходится иногда недѣли и мѣсяцы, терпя голодъ и жажду, рискуя ежесекундно наткнуться на хищника, бродить по трущобамъ, не спуская взора съ травы и осторожно раздвигая ее передъ собою палочкой, чтобы какъ-нибудь не повредить этого нѣжнаго растенія. Сколько страху натерпится искатель, сколько тревогъ, лишеній, опасностей приходится испытать смѣльчаку раньше, чѣмъ онъ наткнется на корень! И какъ велико бываетъ его разочарованіе, когда, проблуждавъ десятки дней по скрытымъ отъ солнца узкимъ горнымъ долинамъ, онъ въ концѣ-концовъ натыкается лишь на тощій корешокъ. Всѣ его мечты разбиваются въ прахъ, потому что такая добыча стоитъ всего нѣсколько десятковъ рублей. Зато, если ему удается наткнуться на большой, толстый и вполнѣ сформировавшійся корень, восторгу его нѣтъ предѣловъ. Бѣдный до сихъ поръ искатель становится сразу богатымъ, ибо жень-шень, подобно алмазу и другимъ драгоцѣннымъ камнямъ, страшно и непропорціонально вѣсу растетъ въ цѣнѣ. Такіе случаи весьма, однако же, нечасто выпадаютъ на долю искателей. Большею частью имъ приходится пробавляться мелкими корешками, сравнительно часто, но въ то же время и рѣдко, если принять во вниманіе рискъ, затрату времени и труда, встрѣчающимися ему по пути.

Переселенцы въ Уссурійскомъ краѣ.

(Д. Шрейдера.)

Странное, необычайное впечатлѣніе производятъ на путника мѣста, находящіяся къ сѣверу отъ села Никольскаго по направленію къ озеру Ханка, представляющему собой (при впаденіи въ него р. Уссури) границу Южно-Уссурійскаго края.

Глазъ, привыкшій видѣть раньше только горы, покрытыя непроницаемой броней тайги, да поросшія цѣпкимъ кустарникомъ глубокія ущелья, впадины, начинаетъ замѣтно отвыкать отъ этого зрѣлища. Горы съ каждымъ шагомъ постепенно и замѣтно понижаются къ сѣверу, очертанія ихъ становятся мягче. Здѣсь приходится уже ѣхать не гористой,

а холмистой мѣстностью, самой по себѣ очень красивой и живописной, съ синѣющими далеко въ сторонѣ на горизонтѣ горами.

Мѣстами дорога проходитъ почти настоящею степью,—обширною травянистою степью, богатою растительностью и полевыми цвѣтами. Травянистая растительность здѣсь весьма роскошна, разнообразна и представляетъ собою замѣчательное смѣшеніе видовъ—прямой результатъ обилія влаги, долго задерживаемой корнями. Мѣстами попадаются отдѣльныя, довольно большія пятна кустарниковъ шиповника, боярышника и особенно дикаго уссурійскаго рододендра, рѣзко выдѣляющагося своими розовыми цвѣтами. Рододендръ покрываетъ иногда обширныя пространства холмовъ, отчего они издали кажутся оригинальными, пышными, огромными бутонами гигантской еще не распустившей своихъ лепестковъ розы. Кое-гдѣ въ отдаленіи, у опушки небольшого лѣска, на фонѣ зеленыхъ деревьевъ бросается въ глаза подернутая уже красноватымъ цвѣтомъ осени виноградная лоза, то низко-низко стелющаяся по землѣ, то внезапно подымающаяся почти вертикальными гирляндами на близстоящее дерево, обвивающая его тѣсными кольцами такъ густо, что почти скрываетъ его отъ глазъ зрителя.

По мѣрѣ приближенія къ бассейну р. Лефу (южнаго притока озера Ханка), орошающей собою плодородную долину, окрестные виды теряютъ прежній характеръ первобытной, нетронутой степи. Здѣсь уже царство мирной культуры: все чаще и чаще встрѣчаются отдѣльные хутора новоселовъ-переселенцевъ, обнесенные изгородями, или бревенчатые домики отдѣльныхъ фермеровъ-землевладѣльцевъ. Розовыя пятна рододендра смѣняются полосами распаханной и сплошь покрытой желтыми колосьями земли; трещаніе кузнечиковъ, шуршаніе крыльевъ японскаго ибиса, снѣгиря и индійской утки смѣняются мычаньемъ коровъ, блеяньемъ овецъ и ржаньемъ коней. И только вдали отъ хуторовъ, подальше отъ людского жилья, на сжатыхъ поляхъ въ бинокль можно разсмотрѣть важно расхаживающихъ по отавѣ дрофъ и фазановъ, напоминающихъ о близости безбрежной тайги.

Мы здѣсь въ центрѣ пространствъ, колонизируемыхъ переселенцами изъ далекой Европейской Россіи,—въ сердцѣ «Зеленаго Клына», какъ называютъ малороссы весь этотъ край. Уже съ перваго взгляда бросается въ глаза разница въ типѣ построекъ и характерѣ самаго расположенія мѣстныхъ хуторовъ. Стоитъ только издали посмотрѣть на раскинутый близъ рѣки (всѣ хутора стоятъ близъ рѣки) хуторъ, чтобы заранѣе рѣшить, кто въ немъ живетъ—малороссы или великороссы.

Первые и здѣсь, какъ у себя на далекой родинѣ, строятъ плетневыя хаты, вымазанныя глиной и тщательно выбѣленныя «крейдой» (мѣломъ), отчасти весь хуторокъ производитъ при свѣтѣ лучей палящаго солнца жизнерадостное, веселое впечатлѣніе на путешественника.

Хуторки же великороссовъ, сплошь состоящіе изъ бревенчатыхъ избъ неуклюжей, приземистой архитектуры, производятъ, напротивъ, угрюмое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это усиливается, главнымъ образомъ, еще благодаря полному отсутствію признаковъ какой-либо растительности, въ противоположность малороссамъ, поэтическая натура которыхъ побуждаетъ ихъ разводить около своихъ хатъ «садочки» изъ дикой яблони, груши и ползучаго винограда. Впрочемъ, эти микроскопическіе садики, обличающіе въ хохлахъ любовь къ природѣ и ея красотамъ, водятся только въ хуторахъ старожиловъ, переселившихся сюда уже лѣтъ пятьшесть назадъ; у новоселовъ же голо, какъ на ладони, и ихъ деревушки имѣютъ такой же неуклюжій и какъ будто нежилой видъ, какъ и великорусскія деревни.

Переселенцы, успѣвшіе обжиться въ краѣ, присмотрѣться къ условіямъ своей новой родины и приспособиться къ нимъ, живутъ въ общемъ недурно и даже зажиточно. Слышать жалобы изъ устъ такихъ переселенцевъ-старожиловъ на свою судьбу приходилось бы не часто, если бы только они не ощущали крайняго недостатка въ школахъ да въ удобныхъ путяхъ сообщенія, которые способствовали бы сбыту ихъ произведеній въ близлежащіе рынки. Въ этомъ отношеніи еще очень мало сдѣлано для нихъ, и жалобы переселенцевъ на отсутствіе школъ и дорогъ еще долго, вѣроятно, будутъ раздаваться на нашей окраинѣ. Все же въ общемъ, «жывемо, якъ люде», говорятъ старожилы, хотя и не сразу дается имъ здѣсь «людьске життя». Много лѣтъ зачастую приходится прожить новоселамъ, много верстъ по тайгѣ измѣрить, много мѣстъ перемѣнить, много труда и горя перенести приходится многимъ изъ нихъ, пока они какъ слѣдуетъ обоснуются въ краѣ и достигнутъ той сравнительной зажиточности, которая такъ пріятно поражаетъ путника въ хуторахъ старожиловъ. Немало ошибокъ совершаютъ новоселы, пока вдосталь изучатъ условія своей новой жизни.

Уже самый выборъ мѣста для поселенія сопряженъ для нихъ съ большими затрудненіями. Дѣло въ томъ, что, попадая сюда, въ этотъ «горовый край», изъ равнинныхъ мѣстъ Европейской Россіи, новоселы, по традиціи и привычкѣ, ищутъ равнинъ, и за отсутствіемъ ихъ довольствуются низинами по долинамъ рѣкъ. Обсидятся съ большимъ трудомъ (такъ какъ лѣсу хотя и много кругомъ, но пока довезешь его до мѣста по таежнымъ тропамъ, «чи мало горя напріймаешь»), обсѣются и съ трепетомъ и надеждой ждутъ урожая, радуясь, что такъ легко удалось избѣжать трудностей запашки на «горовыхъ» мѣстахъ. Но приходитъ конецъ лѣта, польютъ безконечные уссурійскіе дожди, переполнятся рѣки, разольются и произведутъ такое ужасающее опустошеніе, что послѣ спада водъ нигдѣ ни признака стога сжатаго и бережно сложеннаго хлѣба.

Наводненія здѣсь очень часты и производятъ губительныя опустошенія. Нерѣдко случается, что внезапно разлившаяся рѣка уничтожаетъ цѣлыя селенія. Поистинѣ ужаснымъ въ этомъ отношеніи былъ 1896 годъ. Страшное наводненіе, постигшее долину р. Суйфуна, уничтожило, по официальнымъ свѣдѣніямъ, большую часть фанзъ и заимокъ, унесло весь сжатый хлѣбъ, сложенное въ зароды сѣно, заготовленныя на зиму дрова, при чемъ погибло много скота. Вышина воды доходила до двухъ саженъ и хлынула сразу такъ, что во многихъ мѣстахъ люди едва сами успѣвали спасаться. Не обошлось, понятно, и безъ человѣческихъ жертвъ. У одной Полтавской станицы погибло, по словамъ газетъ, свыше 200 человѣкъ.

Такія поголовныя стихійныя бѣдствія случаются здѣсь, правда, не часто и въ исключительные годы, но все же и въ обычное время переселенцы не всегда гарантированы отъ бѣдствій наводненія. Особенно плохо приходится, конечно, новоселамъ. И много лѣтъ проходитъ, пока, наученные горькимъ опытомъ, разоренные новоселы снимаются съ насиженнаго мѣста и переселяются на болѣе возвышенныя мѣста, на горы и въ дремучіе лѣса. Здѣсь, конечно, имъ не страшны никакіе разливы, но зато имъ приходится встрѣчаться съ препятствіями другого рода.

Вмѣсто мягкаго и рыхлаго черниговскаго или полтавскаго чернозема, легко поддающагося острому ножу «лемеха», они натыкаются на «жесткую» и «трудную» землю, надъ обработкой которой, какъ и всякой первобытной почвы, приходится крѣпко потрудиться прежде, чѣмъ рѣшиться на ней сѣять хлѣбъ. Новоселы однако же крѣпко вѣрны дѣдовскимъ обычаямъ, мало принимаютъ во вниманіе особенности мѣстнаго климата и почвы, и благодаря этому получается то, что, засѣявъ по первопашкѣ на такой «новинѣ» пшеницу, къ осени и сѣмянъ не собираютъ, благодаря тому, что весь посѣвъ зарастаетъ и заглушается густой, высокой травой. И только потерпѣвъ новую неудачу, начинаютъ они чесать затылки и прибѣгаютъ къ совѣтамъ и указаніямъ болѣе опытныхъ староселовъ, которые такимъ же горькимъ опытомъ пришли къ заключенію, что на новинѣ въ первый годъ запашки ни въ какомъ случаѣ нельзя сѣять никакого хлѣба, кромѣ гречихи.

И много мукъ и тревогъ приходится претерпѣть новоселу, пока онъ приспособится къ новымъ условіямъ жизни, отстанетъ отъ вѣками сложившихся на родинѣ привычекъ и взглядовъ, пока онъ научится подчинять свои желанія новымъ требованіямъ, измѣнитъ свои обычаи и позаимствуется новыми.

Инертность новоселовъ, подозрительное и недовѣрчивое отношеніе къ необычнымъ на ихъ взглядъ пріемамъ обработки почвы и прочему у староселовъ, презрительное отношеніе къ весьма полезному примѣру китайцевъ и корейцевъ, вполнѣ освоившихся съ мѣстными условіями,

всегда играютъ плохія шутки съ новоселами; тѣмъ не менѣе рѣдко приходится наблюдать, чтобы новоселы не проходили всей той тяжелой школы, которую готовитъ имъ край, и это повторяется изъ года въ годъ съ каждой новоприбывающей партіей переселенцевъ.

Въ концѣ-концовъ крестьяне, конечно, осваиваются съ новыми условіями жизни и, какъ мы видѣли, даже достигаютъ зажиточности, но на ряду съ такими примѣрами (справедливость требуетъ сказать, что ихъ большинство) приходится наблюдать и случаи обратнаго переселенія изъ края. Вотъ почему отъ переселенцевъ приходится зачастую слышать самые противорѣчивые отзывы о «Зеленомъ Клыну». Въ то время какъ одни съ восторгомъ отзываются объ этомъ краѣ, другіе не находятъ словъ для его порицанія. Строго говоря, не правы, конечно, и тѣ и другіе: первые—потому, что безъ труда здѣсь ничего не дается; вторые—потому, что ихъ мнѣніе сложилось подъ вліяніемъ неудачныхъ опытовъ,—неудачныхъ благодаря тому, что они не сумѣли надлежащимъ образомъ примѣнить къ нему свои силы.

Во всякомъ случаѣ если рѣки здѣсь и не текутъ млекомъ, то зато здѣсь во всякомъ случаѣ вольготно живется человѣку, сумѣвшему примѣниться къ землѣ и мѣстному климату. Земля здѣсь, дѣйствительно,—умѣй только съ ней обращаться,—«не земля, а кладъ», говорятъ староселы; лѣса богаты дичью, дающей крестьянамъ круглый годъ мясо, степи полны птицъ, и во время осенняго и весенняго перелетовъ число ихъ достигаетъ такихъ громадныхъ размѣровъ, что хоть голой рукой хватай. Тѣмъ не менѣе въ этой странѣ, такъ же какъ и въ другихъ, не легко зарабатывать себѣ кусокъ насущнаго хлѣба, и кто хочетъ разбогатѣть, тотъ долженъ работать въ потѣ лица своего... Сама по себѣ земля ничего не даетъ; надъ ней приходится хорошенько подумать и полить ее каплями своего пота...

Чего только нѣтъ здѣсь въ рѣкахъ и рѣчонкахъ, изрѣзывающихъ весь этотъ край. Ерши, чебаки, кета и форель, осетры и вьюны, кунжа и линьки, караси и лещи, осетры и сомы,—всѣ эти породы рыбъ въ громадномъ изобиліи населяютъ мѣстныя воды.

Какъ же однако справились съ предстоявшей имъ, казалось бы, столь блестящей задачей наши астраханскіе рыболовы, переселенные сюда?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить нижеслѣдующій разсказъ одного любознательнаго туриста, случайно проникнувшаго въ тайну ихъ существованія въ «Зеленомъ Клыну».

Ѣдетъ онъ тайгой по падямъ и переваламъ Уссурійскаго края, вдругъ видитъ въ дремучемъ лѣсу четыре лачуги-жилья, еле соткнутыя изъ хвороста и небрежно облѣпленныя глиной.

— Чьи эти хижины?—удивляется туристъ.

— Лѣсныхъ рыболововъ,—серьезно отвѣчаетъ возница.

Опомнившись отъ изумленія, туристъ продолжаетъ свои изслѣдованія. Съ любопытствомъ входитъ онъ въ ближайшую хижину. Слѣва у дверей—огромная русская печь, кое-какъ сбитая изъ глины; дальше вдоль стѣнъ—замызганныя, грязныя нары; передъ ними—убогій столъ и вмѣсто стульевъ два обрубка изъ дерева. Еще дальше—два мизерныхъ окна... Тѣснота помѣщенія и невыносимый угаръ дополняютъ картину. Приглядѣвшись въ полумракѣ къ окружающей обстановкѣ, туристъ замѣчаетъ въ углу наръ двухъ пожилыхъ женщинъ въ худыхъ платьяхъ. Одна изъ нихъ—хозяйка этой хижины, другая—ея сосѣдка по хатѣ. На лицахъ обѣихъ горе и годы провели не мало морщинъ. Да, не мало-таки горя пришлось имъ увидѣть съ тѣхъ поръ, какъ ихъ мужья усѣлись «въ лѣсу рыбу ловить», съ горькой усмѣшкой разсказываютъ онѣ. Нищета и бѣдность царятъ среди рыболовъ ужасныя. Въ прошлую зиму дѣло доходило до того, что вмѣсто хлѣба ѣли немолотую пшеницу, вареную въ водѣ: «измолоть отдать не на что было».

— А гдѣ же мужчины? Рыбачатъ?—Какое! Одни ушли собирать орѣхи въ лѣсу по опаленнымъ мѣстамъ: «все же подспорье для ѣды»; другіе ищутъ работы по деревнямъ: «а то вѣдь все равно тутъ съ голоду сдохнешь!» Съ перваго же дня по пріѣздѣ сюда изъ Европейской Россіи не повезло имъ.

Съ перваго же дня они начали колобродить: то тѣмъ недовольны, то другое имъ не нравится, то рыбныхъ мѣстъ не находятъ.

Кое-какъ поселились они, наконецъ, въ проливѣ Стрѣлокъ. Прожили мѣсяца два, обстроились, возвели хаты,—и вдругъ опять забурлили, снова рѣшили переселиться, и разбрелись кто куда. Рыболовы жалуются, что поселились на безрыбныхъ мѣстахъ и что отъ этого будто бы всѣ ихъ напасти и бѣды.

Едва ли однако эти жалобы имѣютъ подъ собой почву: такъ, не далѣе нѣсколькихъ верстъ, по той же рѣкѣ, крестьяне-переселенцы деревни Дуткиной, не имѣя никакихъ принадлежностей и рыболовныхъ снастей, «надергали» сотни пудовъ рыбы изъ рѣки простыми крючками, вдѣланными въ палку. Очевидно, не въ безрыбьи здѣсь дѣло, а все въ легкомыслiи астраханцевъ.

Къ счастью, подобныхъ случаевъ здѣсь насчитывается не особенно много, и въ общемъ переселенцы живутъ здѣсь даже съ завидной для своихъ европейскихъ собратьевъ зажиточностью.

Южнымъ берегомъ Уссурійскаго края.

(Д. Шрейдера.)

Мы плыли на лодкѣ по небольшой рѣкѣ Монгугаю. Дождь лилъ безъ конца. Какой-то особенно настойчивый, упорный и частый, онъ пронизывалъ насъ насквозь, напиталъ, какъ губки, все наше платье, заливалъ нашу лодку, доводя насъ почти до отчаянія, тѣмъ болѣе, что ему, казалось, не предвидѣлось конца, какъ это часто бываетъ въ этихъ мѣстахъ, гдѣ дожди иногда льютъ безъ перерыва по нѣсколько недѣль. Кромѣ всего, насъ сталъ вдругъ пронизывать пронзительный холодъ, который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ ни времени года, ни широтѣ, подъ которой мы находились.

Такъ хорошо начатая экскурсія въ теченіе какихъ-нибудь полусутокъ превратилась въ тяжкое испытаніе. Помню, какъ мой спутникъ, еще по пути изъ Одессы на Дальній Востокъ, потиралъ руки отъ удовольствія, глядя на карту Уссурійскаго края.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—доведется и мнѣ хоть разъ въ жизни пожить наконецъ въ благодатномъ югѣ и подышать воздухомъ, почти итальянскимъ!..

И когда другой спутникъ нашъ, напуганный словомъ «Сибирь», высказалъ вслухъ опасеніе, что ему, жителю русскаго юга, не пережить безконечной «уссурійской зимы», то первый, съ тою же картою въ рукахъ, блистательно доказалъ ему, что край, находящійся на одной параллели съ Кавказомъ и средней Италіей, чуть только сѣвернѣе Флоренціи, Рима, Тулона и Ниццы, можетъ обладать климатомъ, только отвѣчающимъ его широтѣ.

Какъ далеки были они оба отъ истины. Какъ мало знали они, что климатъ Уссурійскаго края меньше всего можно опредѣлить его географическимъ положеніемъ. Какъ поразились бы они, если бы знали, что даже, напримѣръ, южная оконечность Камчатки обладаетъ годовой температурой, почти равной владивостокской (+3,6°). На самомъ дѣлѣ широта мѣста здѣсь дѣйствительно не имѣетъ никакого значенія и главнымъ факторомъ въ климатѣ являются господствующіе здѣсь вѣтры, дующіе съ сѣверо-запада, изъ далекихъ тундръ Восточной Сибири, не встрѣчая серьезнаго препятствія на этомъ пути, кромѣ невысокаго «Станового хребта».

Безконечная ширь уссурійской тайги, недоступная солнцу и свѣту, задерживающая зимою на долгое время снѣга, а лѣтомъ полученную влагу, не меньше вліяетъ на ухудшеніе климата и увеличеніе его суровости.

Съ другой стороны, даже теплые юго-восточные вѣтры, не умѣряютъ здѣсь климата въ той степени, въ какой это можно бы ожидать,

даже принимая во вниманіе ихъ неравную борьбу съ дуновеніемъ сѣверной тундры. Они нагоняютъ съ юга непроницаемыя туманныя массы, облекаютъ въ нихъ землю и преграждаютъ доступъ лучамъ южнаго солнца.

Къ счастію, «Теплыя горы», т.-е. Сихотэ-Алинь, преграждаютъ доступъ туманамъ въ теченіе лѣта внутрь Уссурійскаго края, но зато тамъ господствуютъ лѣтомъ проливные дожди, длящіеся три-четыре дня подъ рядъ.

Наше путешествіе продолжалось впередъ безъ серьезныхъ задержекъ въ пути. Скоро показалась и почтовая станція. Тусклый, едва замѣтный во тьмѣ свѣтъ ея оконъ былъ нами встрѣченъ съ понятнымъ волненіемъ. Еще двѣ-три минуты ходьбы по глубокой грязи и обширнѣйшимъ лужамъ,—наконецъ, вотъ и станція.

Кое-какъ обсушившись и едва утоливъ молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ голодъ, мы вынуждены были двинуться дальше, потому что мы сильно устали, ноги уже отказывались служить и глаза противъ воли смыкались.

Предупреждая недоумѣвающіе вопросы читателя, считаю необходимымъ сказать, что житель Европейской Россіи, привыкшій передвигаться по желѣзнымъ дорогамъ и представляющій себѣ «станцію» въ видѣ просторнаго, свѣтлаго, теплаго зданія, снабженнаго мягкою мебелью, будетъ конечно, неправъ, если приложитъ это представленіе къ здѣшней станціи для «почтовой гоньбы».

Здѣшняя станція—это изба, сколоченная изъ бревенъ, обитая внутри дешевыми обоями, чаще вымазанная глиной и мѣломъ; въ одной половинѣ ея живетъ станціонный писарь, другая же половина избы предназначена для проѣзжающихъ. Меблировка ея состоитъ изъ двухъ-трехъ табуретовъ, небольшого стола и одной лишь кровати, не покрытой ничѣмъ.

Вотъ это-то обстоятельство и смущало насъ. Постельныхъ принадлежностей мы съ собой не взяли, а спать на голыхъ доскахъ, да притомъ еще въ мокрой одеждѣ, намъ было невмоготу, да и тѣсновато вдвоемъ. Вотъ почему мы и предпочли спать въ тарантасѣ во время пути, зарывшись въ сѣно.

Была и еще одна причина, заставлявшая насъ, невзирая на отвратительную погоду и пронзительный холодъ, не ждать до утра здѣсь. Мы ѣхали, какъ здѣсь выражаются, «по частной надобности», т.-е. по своимъ личнымъ дѣламъ. Между тѣмъ станція эта имѣла всего двѣ тройки лошадей, и если бы къ утру прибылъ сюда кто-нибудь позже насъ «по казенной надобности», то станціонный писарь обязанъ былъ предпочесть его намъ.

Едва на востокѣ забрезжилъ свѣтъ и невидимое еще намъ дневное

свѣтило окрасило розовымъ свѣтомъ молочныя тучи, опоясавшія горизонтъ, мы уже тронулись въ путь.

Бодрая тройка рванула, тарантасъ загромыхалъ, заколебался и, разбрасывая въ стороны грязь и облака брызгъ, покатился «по втулки» въ мѣсивѣ.

— Ишь ты!—промолвилъ ямщикъ.—Ишь ты, тѣсто какое...

Мы болѣе или менѣе сносно устроились въ сѣнѣ, тѣсно прижались другъ къ другу и крѣпко уснули.

Проснулись мы спустя часъ-полтора отъ чувствительнаго толчка на ухабѣ. Проснулись, оглянулись кругомъ и замерли отъ восхищенія.

Дождь пересталъ. Тройка брела вялой рысцой подъ звонъ колокольца... Колокольчикъ замретъ на мгновеніе, звякнетъ и опять заливается медленною трелью.

Солнце взошло и величественно-гордо катилось по синему небу, посылая на обильно орошенную землю золотыя стрѣлы теплыхъ лучей. Земля, стосковавшаяся по солнцу и свѣту, словно нѣжилась въ нихъ, набиралась тепла и была вся окутана легкой дымкой отъ поднимавшихся изъ нея испареній.

Ландшафтъ оживился... Воздухъ сталъ ясенъ и чистъ. Со всѣхъ сторонъ въ немъ раздавались звонкія трели маленькихъ птичекъ, оживленно порхавшихъ взадъ и впередъ.

Мы ѣхали по самому краю высокаго берега моря, спускавшагося крутымъ и утесистымъ скатомъ къ водѣ. Каменистая горная дорога то взбиралась на самую вершину морского прибрежья, то словно обрывалась внезапно, падала внизъ и затѣмъ снова тянулась извилистой лентой по скату горы высоко, почти надъ головой, такъ что жутко становилось даже глядѣть на нее. Казалось, оступится лошадь, покатится камень изъ-подъ колеса,—и неизбѣжно паденье въ безконечный, зіяющій подъ нами своей черной каменной пастью, обрывъ. Взглянешь мелькомъ на него и чувствуешь, какъ голова начинаетъ кружиться и спираетъ дыханье.

Порой намъ почти преграждали дорогу частые стволы деревьевъ, протянувшихъ свои цѣпкія зеленыя вѣтви, словно стараясь схватить насъ.

Мы спустились въ ущелье, съ трудомъ поднялись въ гору и подъ тихій шелестъ зеленыхъ деревьевъ взобрались на одну изъ самыхъ высокихъ вершинъ, которыя находились до сихъ поръ на нашемъ пути.

Чудный видъ открылся нашему взору, когда мы здѣсь очутились.

Вокругъ насъ съ трехъ сторонъ разстилался безконечный просторъ зеленыхъ луговъ и первобытной тайги. По лазурному небу въ надменномъ спокойствіи плыли разбросанныя въ фантастическомъ безпорядкѣ блѣдныя тучи. Внизу дерзновенно бурлили буруны, вздымая жемчуж-

ную пѣну, и съ тихимъ рокотомъ бились о каменный берегъ покрытыя бѣлой пѣной изумрудныя волны.

Я замеръ въ оцѣпенѣніи, весь ушелъ въ созерцаніе окружающихъ красотъ и оторваться не могъ отъ величественнаго ландшафта, который могъ бы дать кисти художника самый лучшій матеріалъ для картины.

Дальше дорога уклонилась къ югу отъ берега моря. Холмы и вершины, ущелья и скаты остались у насъ позади, и мы по пологому каменистому склону углублялись внутрь края.

Влѣво, по обширному склону хребта тянулась зеленая пустынная степь, вся поросшая сочной высокой травой. Вправо находилась опушка дремучей тайги.

Человѣка нигдѣ не видать. Въ воздухѣ стоитъ почти могильная тишина, нарушаемая лишь перезвономъ почтоваго колокольчика да изрѣдка пѣніемъ птицъ, скрывающихся въ высокой травѣ. Кое-гдѣ перелетитъ намъ дорогу фазанъ или египетскій ибисъ, водящійся въ этихъ мѣстахъ; перелетитъ, скроется за опушкой тайги, и вновь все попрежнему тихо.

Необъятна тайга, покрытая мощнымъ зеленымъ покровомъ, но ея мягкія, рыхлыя, сырыя деревья, словно «пропаренныя», какъ выражаются здѣсь, не веселятъ взора, какъ приглядишься къ нимъ ближе.

Снаружи посмотришь на дерево,—оно кажется мощнымъ титаномъ, который и отъ настоящаго шторма не дрогнетъ, а между тѣмъ стоитъ лишь подуть не особенно сильному вѣтру, и могучее съ виду дерево, словно подкошенное, валится на бокъ. Все это—слѣдствіе вѣчно царящихъ у прибрежья тумановъ. Въ періодъ наибольшаго развитія древесныхъ соковъ дерево требуетъ солнца и свѣта, а между тѣмъ здѣсь, подъ вліяніемъ тумановъ, сковывающихъ непроницаемымъ покровомъ своимъ у прибрежья тайгу, испареніе черезъ листья задерживается, въ стволѣ остается излишекъ влаги, и дерево начинаетъ гнить на корню.

Оттого-то на прибрежьи Уссурійскаго края не растетъ почти лѣсъ, а если и растетъ, то корявый, дуплистый, пустой и гнилой въ серединѣ.

По наружному виду дерева нельзя судить о его качествѣ и прочности: стоитъ вамъ сдѣлать небольшое усиліе, и вы убѣдитесь, что передъ вами не цвѣтущіе кедры съ плотнымъ стволомъ, а одна лишь кора вокругъ пустой сердцевины.

Поэтому-то путнику и приходится здѣсь такъ много встрѣчать гнилыхъ пней и полусгнившихъ, почернѣвшихъ стволовъ, когда онъ проѣзжаетъ по прибрежному лѣсу.

Къ счастью, невдалекѣ отъ морского прибрежья начинаются «Теплыя горы» (Сихотэ-Алинь), охраняющія внутренность Южно-Уссурій-

скаго края отъ этого мертвящаго юго-восточнаго гостя. Зато и лѣсъ тамъ отличается чисто первобытною мощью и крѣпостью: что ни дубъ,—исполинъ, что ни кедръ,—тверже камня, что ни кленъ,—богатырь.

Перемѣнивъ на ближайшей станціи лошадей и закусивъ молокомъ съ чернымъ хлѣбомъ, мы двинулись дальше уже исключительно травянистою степью. Тайга отошла отъ насъ въ сторону и исчезла вдали, сливаясь на горизонтѣ съ лазоревымъ небомъ.

Близилось уже къ двѣнадцати часамъ дня, когда мы очутились въ привольной степи. Солнце снова невыносимо жгло,—именно жгло, припекало съ почти тропической силой: широта-таки взяла, наконецъ, свое, что и не удивительно, такъ какъ дѣло близилось къ осени, когда сѣверо-западные и юго-восточные вѣтры мѣсяца на два почти совсѣмъ затихаютъ.

Лошади лѣниво плелись, мотая косматыми головами. Даже обыкновенно бодрый уссурійскій ямщикъ, истомленный жарою и зноемъ, повидимому, началъ дремать. Мы, пассажиры, однако спать не могли, такъ какъ подъ сильно нагрѣтымъ парусиновымъ верхомъ кибитки было невыносимо душно и намъ не хватало воздуха для дыханія. То и дѣло высовывали мы головы изъ кибитки навстрѣчу движенію воздуха, но почти тотчасъ же должны были снова скрывать ихъ подъ верхъ отъ лучей неумолимо палящаго солнца, стоявшаго уже въ самомъ зенитѣ.

Мало-по-малу усталость и безсонная ночь взяли свое, я послѣдовалъ примѣру ямщика и рѣшился вздремнуть.

Не успѣлъ я окончательно уйти въ міръ сновидѣній и грезъ, какъ внезапно долженъ былъ встрепенуться отъ рѣзкихъ толчковъ тарантаса по каменистому грунту шоссе.

Ямщикъ, закрывъ лицо руками, безпрерывно дергалъ вожжами, изрѣдка энергично подбадривая свою тройку кнутомъ; но лошади, повидимому, не нуждались въ понуканіяхъ, такъ какъ онѣ несли во весь духъ, безпокойно мотая головой и хвостами.

— Что такое?—воскликнулъ я, не на шутку испугавшись.

«Ужъ не тигръ ли?» мелькнуло у меня въ головѣ.

Но ямщикъ даже не удостоилъ меня отвѣтомъ и только ткнулъ рукой на своихъ лошадей и поспѣшилъ тотчасъ снова закрыть свое лицо.

То, что я тамъ увидѣлъ, заставило и меня поспѣшно зарыться съ головою во влажное сѣно. Это было гораздо хуже тигра и даже уссурійскаго барса: отъ нихъ есть спасенье, а отъ этого кровожаднаго врага не убѣжать никуда, не укрыться нигдѣ въ чистомъ полѣ.

Это былъ—«гнусъ».

Цѣлыя тучи его кружились надъ бѣдной тройкой. Обагренная свѣжею кровью, бѣшено мотая хвостами, вздрагивая всѣмъ своимъ тѣломъ, она мчалась во весь духъ, подгоняемая безпощаднымъ врагомъ.

Я съ ужасомъ ждалъ нападенія «гнуса», этого бича уссурійскихъ лѣсовъ и степей, способнаго довести до отчаянія и человѣка и звѣря. Стоитъ ему облѣпить человѣка, и онъ способенъ до самоубійства дойти. Я еще находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавняго разсказа одного моего знакомаго о нападеніи на него «гнуса» (т.-е. слѣпней, оводовъ, комаровъ и мошки) въ степи.

Онъ былъ уже приблизительно верстахъ въ пяти отъ своего становища, когда подвергся его нападенію. Гнусъ буквально облѣпилъ его лошадь и его самого. Онъ рвалъ на себѣ платье, давилъ ихъ цѣлыми сотнями, но тучи этихъ кровопійцъ не уменьшались. Всѣ его попытки ускорить бѣгъ своей лошади не повели ни къ чему.

Лошадь, какъ изступленная, поднималась на дыбы, вздрагивала всѣмъ своимъ тѣломъ, ржала отъ боли, наконецъ, какъ безумная, бросилась на землю, придавивъ своего всадника, и съ дикимъ ржаньемъ стала кататься по ней.

— Казалось, она рыдала,—говорилъ мнѣ знакомый.

Всадникъ почти лишился чувствъ отъ боли и бѣшенства. Все тѣло его въ какіе-нибудь полчаса превратилось въ сплошной волдырь, лицо, руки и шея распухли, глаза почти скрылись за вздутыми вѣками, а гнусъ все продолжалъ его жалить. И этотъ человѣкъ, который не разъ видалъ смерть предъ своими глазами, этотъ безстрашный, отважный мужчина, ходившій въ одиночку на тигра, стрѣлявшій, случалось, и въ барса, какъ ребенокъ заплакалъ отъ укусовъ ничтожнаго гнуса.

Неизвѣстно, чѣмъ кончилось бы это приключеніе, если бы проѣзжавшіе мимо манзы не развели «дымокура» [1]), разогнавшаго гнусъ, и изъязвленные, покрытые ранами и свѣжею кровью всадникъ и лошадь не перевели духа.

Гнусъ, не дающій покоя ни одному живому существу въ жаркіе дни уссурійскаго лѣта, является однимъ изъ серьезныхъ препятствій для развитія здѣсь скотоводства, такъ какъ въ теченіе почти цѣлаго лѣта, пока стоитъ жаркая погода, скота нельзя выпустить на пастбище и приходится держать его въ закрытыхъ хлѣвахъ, вокругъ которыхъ днемъ и ночью противъ гнуса нужно постоянно въ порядкѣ держать дымокуры.

Этотъ бичъ такъ невыносимъ для скота, что послѣдній обыкновенно за лѣто, когда, собственно, только и могъ бы набраться силъ, страшно худѣетъ и только къ осени, съ исчезновеніемъ гнуса, начинаетъ жирѣть и поправляться.

---

[1]) „Дымокуръ“—костеръ изъ хвороста; дымъ такого костра—лучшее средство противъ „гнуса“. Манзы устраиваютъ даже у себя на головахъ особое приспособленіе, въ которомъ постоянно тлѣетъ трутъ; дымъ отъ этого трута, да еще смоляная сѣтка, покрывающая лицо и шею,—единственныя средства защиты отъ „гнуса“.

Съ чувствомъ необыкновеннаго облегченія подъѣхали мы къ станціи, вокругъ которой тамъ и сямъ дымились костры для защиты отъ гнуса. Къ счастью, никто изъ насъ, кромѣ лошадей, не пострадалъ; ямщика только покусало немного.

Однако продолжать свое путешествіе дальше мы уже не рѣшались. Рѣшили пересидѣть на станціи, пока скроется солнце. Правда, съ наступленіемъ ночи являются на смѣну слѣпнямъ и оводамъ комары и мошка, но укусы ихъ уже не такъ жестоки и мучительны.

Владивостокъ.

(Шрейдера.)

Съ чувствомъ необыкновеннаго облегченія приближались мы, наконецъ, къ берегамъ нашей восточной далекой окраины. Конецъ качкѣ, конецъ сорокапятидневному плѣненію на «Костромѣ» [1]: мы почти у себя дома!

Длинное, томительное путешествіе представлялось уже какъ во снѣ и сразу было забыто нами. Мы высыпали на палубу судна и впились глазами въ бѣлесоватое пятно, по направленію къ которому «Кострома» шла подъ всѣми парами. Тамъ, за этимъ расплывчатымъ, неяснымъ пятномъ скрывается Владивостокъ,—первый русскій городъ на нашемъ безконечно-длинномъ пути; тамъ начинается и простирается далѣе вплоть до Берингова моря часть нашего обширнаго отечества, котораго мы не видѣли уже полтора мѣсяца, со дня выхода изъ Одессы.

Вотъ уже показался справа отъ насъ островъ Аскольдъ, окутанный голубоватой дымкой морского тумана. Еще три-четыре часа,—и мы у желаннаго берега.

Однако, едва мы оставили бурныя воды Японскаго моря и вступили въ сравнительно спокойный и тихій заливъ Петра Великаго, омывающій южные берега Уссурійскаго края,—картина рѣзко, точно по мановенію жезла чародѣя, измѣнилась. Еще только нѣсколько часовъ тому назадъ намъ освѣщало путь горячее, почти знойное солнце, лившее волны ослѣпительнаго, яркаго свѣта, а здѣсь—какой поразительный контрастъ! Словно мы попали совсѣмъ въ другую часть свѣта.

Впереди насъ, на краю горизонта, показалась небольшая полоска бѣлоснѣжнаго цвѣта. Облако, — подумали мы; но раньше, чѣмъ мы успѣли хорошенько вглядѣться въ него и провѣрить свои наблюденія, неясное, слоистое облачко начало быстро расти, все больше и больше, застилая собой и ясное солнце, и синее небо, и гладкія, зеркальныя

---

[1]) Пароходъ Добровольнаго флота.

воды залива. Минутъ пять спустя мы уже очутились въ сплошномъ и плотномъ кольцѣ густого тумана, охватившаго собой весь материкъ. На насъ повѣяло холодомъ и сыростью; вокругъ насъ стало сразу темно, какъ въ могилѣ: въ двухъ шагахъ ни зги не видать, рубки не видно, что на носу корабля. Тщетно глядятъ офицеры въ морскіе бинокли и подзорныя трубы: не видать даже собственныхъ мачтъ.

«Кострома» все больше и больше замедляетъ свой ходъ. Мы идемъ все тише и тише; наконецъ, и вовсе остановились на мѣстѣ, быть можетъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ желаннаго берега.

Небо и море скрыты отъ насъ густой, непроницаемой, мглисто-сѣрой пеленой. На минуту вѣтерокъ, подувшій съ залива, разорвалъ окружившую насъ волнующуюся, густую завѣсу тумана, показалъ намъ вдали едва уловимыя, смутныя очертанія берега,—мы двинулись впередъ и затѣмъ должны были снова остановиться на мѣстѣ.

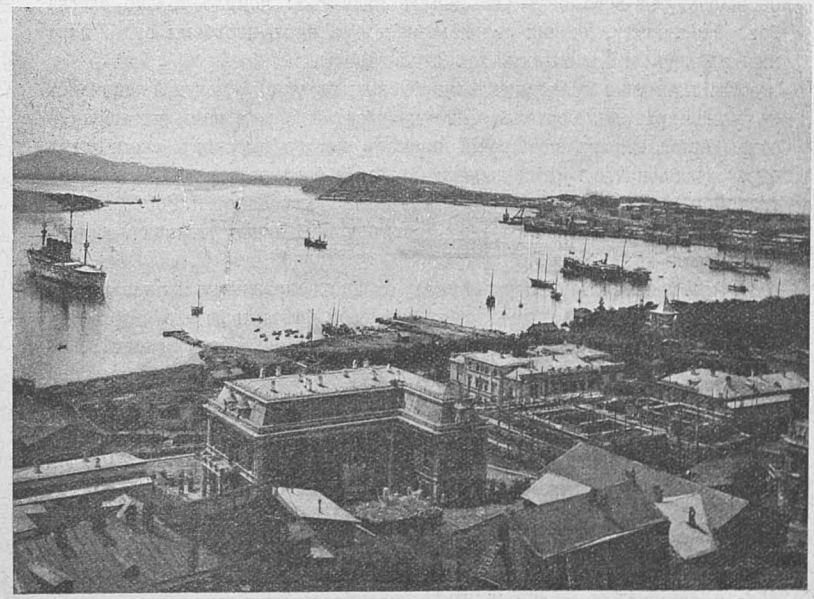
Пробѣгающій мимо судовой офицеръ разъясняетъ намъ, что эти туманы—обычное явленіе въ нашихъ восточныхъ водахъ, особенно весною и въ началѣ лѣта. Онъ утѣшаетъ насъ, впрочемъ, тѣмъ, что мѣстные туманы чрезвычайно капризны: нерѣдко судну приходится крейсировать почти въ виду Владивостока болѣе сутокъ, но зато порою бываетъ и такъ, что не пройдетъ двухъ-трехъ часовъ, какъ туманъ окончательно разсѣивается и «снова плывешь среди ясной погоды». На этотъ разъ туманъ оказывается однако же упорнымъ. Онъ все болѣе охватываетъ насъ своимъ плотнымъ кольцомъ, проникаетъ во всѣ люки и отверстія судна. Въ такую пору не только о какомъ бы то ни было движеніи впередъ и думать нельзя, но, какъ оказывается, и на мѣстѣ стоять далеко не безопасно: долго ли какому-либо встрѣчному или мимо идущему судну врѣзаться намъ въ бортъ. Впрочемъ, противъ такой опасности «сейчасъ будутъ приняты мѣры».

Словоохотливый офицеръ убѣжалъ по направленію къ рубкѣ, и вскорѣ сырой и влажный воздухъ залива заколебался отъ рѣзкаго, заунывнаго рева сирены. Отъ неожиданности мы даже вздрогнули всѣ. А сирена продолжала оглашать всѣ окрестности своимъ за душу хватающимъ стономъ и воплемъ, давая всѣмъ на далекое разстояніе знать о нашемъ безпомощномъ положеніи. Вперемежку съ сиреною отъ времени до времени раздаются на палубѣ медленные, словно похоронные, удары корабельнаго колокола. Мѣдный звонъ колокола несется, гудитъ по всему обширному заливу, скованному безпросвѣтной гущей тумана, и намъ невольно становится страшно и жутко отъ этого печальнаго перезвона. На мгновеніе воцаряется могильная тишина. Мы тревожно прислушиваемся, не раздастся ли гдѣ звонъ маячнаго колокола, который указалъ бы намъ путь,—но ниоткуда ни звука, и «Кострома» вновь продолжаетъ потрясать воздухъ могучими стонами разсвирѣпѣв-

шей сирены подъ аккомпанементъ корабельнаго колокола, гулко оглашающаго окрестныя воды.

Судьба, наконецъ, сжалилась надъ нами. Лучъ солнца скользнулъ въ густую толщу тумана, разсѣялъ его на мгновеніе, освѣтилъ берегъ, и мы поспѣшно двинулись въ путь. Ближе къ берегу туманъ становится рѣже, и мы уже можемъ подвигаться впередъ безъ оглушительнаго содѣйствія сирены.

Мы идемъ уже въ виду береговъ. Справа отъ насъ—материкъ, слѣва—островъ, называемый Русскимъ (Дундасъ), отдѣленный отъ мате-



Бухта Владивостока.

рика лишь неширокимъ проливомъ. Непріютны, суровы, почти безжизненны берега нашей далекой окраины: песчаныя отмели, ущелья, гигантскія голыя скалы, кое-гдѣ ручейки, ущемленные ими, мѣстами небольшіе заливы и бухты и почти ни малѣйшаго признака мощной растительности, столь отличающей внутреннія области Уссурійскаго края. Это прямой результатъ вліянія вѣчно царящихъ у прибрежья тумановъ, не дающихъ развиться прибрежнымъ лѣсамъ. Деревья, составляющія ихъ, все сплошь недоросли съ пустыми дуплами. Лишь кое-гдѣ, мѣстами, унылую картину морского прибрежья разнообразятъ сплошные кустарники да густая трава въ человѣческій ростъ.

Мы вступаемъ въ неширокій проливъ, отдѣляющій упомянутый островъ отъ материковой земли. Впереди насъ, по самой серединѣ пролива, торчатъ изъ воды два огромныхъ исполинскихъ камня, словно два уха колоссальнаго звѣря, зарывшаго голову въ воду.

Это—«Ослиныя уши», которымъ нерѣдко случалось въ туманную пору ущемлять у себя бока океанскихъ судовъ. Еще незадолго до нашего прихода сюда въ щель, образуемую этими колоссальными ушами, нечаянно забрелъ одинъ броненосецъ. Къ счастію, въ этихъ мѣстахъ корабли идутъ уже самымъ медленнымъ ходомъ, и это приключеніе обошлось для него безъ серьезныхъ несчастій: помяло только слегка бока броненосцу, да дня два повозились съ нимъ портовыя суда, пока имъ удалось его вытащить изъ этой засады.

Мы тихо-тихо проходимъ мимо «Ослиныхъ ушей», почти прижимаясь къ нимъ правымъ бортомъ. Еще полчаса, и предъ нами неожиданно открывается справа неширокій проходъ между высокихъ скалистыхъ береговъ съ почти вертикальными крутыми боками, поросшими зеленой травой и кустарниками. Здѣсь—входъ въ бухту Золотой Рогъ, на сѣверномъ берегу которой растянулась въ узкую линію столица Уссурійскаго края—Владивостокъ.

Туманъ окончательно разсѣялся; солнце попрежнему начало припекать и свѣтить; море утихло, измѣнило свой цвѣтъ и весело сверкаетъ, искрится и серебрится подъ лучами теплаго уссурійскаго солнца. «Кострома» медленно совершаетъ поворотъ во владивостокскую бухту, и я могу хорошо разсмотрѣть мѣста, которыя мы проходимъ сейчасъ.

Справа и слѣва, какъ и раньше до входа въ бухту, высятся крутые, точно срѣзанные острымъ ножомъ, берега, поросшіе рѣдкой и чахлой растительностью. Выше надъ уровнемъ бухты, съ высоты многихъ саженъ, на обширныхъ скалистыхъ площадкахъ сверкаютъ блестящія жерла батарейныхъ орудій. Дальше, съ обѣихъ сторонъ неширокаго пролива, по которому идемъ мы сейчасъ, опять намъ видны батареи и дула артиллерійскихъ орудій. Здѣсь расположены передовые форпосты, защищающіе входъ во владивостокскую гавань. Неприступные, дикіе, скалистые берега и утесы, хорошо укрѣпленные, блестящія жерла орудій на каждомъ шагу дѣлаютъ портъ почти такимъ же неприступнымъ, какъ и Босфоръ у входа въ Черное море.

Обошедши уступъ Эгершельда и медленно пройдя мимо живописно разбросанныхъ на лѣвомъ берегу бухты красивыхъ каменныхъ зданій—казармъ военно-сухопутнаго вѣдомства, мы очутились уже въ виду самаго города, лѣниво и словно нехотя растянувшагося по скатамъ высокихъ холмовъ во всю длину бухты.

Странное впечатлѣніе производитъ Владивостокъ, когда видишь его впервые съ бортовъ корабля. Городу нельзя отказать въ живописности,

но его рѣдкимъ, безцвѣтнымъ и сѣрымъ постройкамъ, ютящимся то у самой воды, то у подножья величественныхъ холмовъ, не вдохновить кисти художника. Городъ не лишенъ своеобразной поэзіи, но это—поэзія лѣса, безжалостно обезображеннаго немилосердными хищниками. Небольшіе одноэтажные домики выглядятъ одинокими, сиротливыми. Позади нихъ уныло, несмотря на веселое весеннее солнце, смотрятся въ изумрудныя воды глубокаго рейда почти сплошь оголенные скаты холмовъ, бывшихъ еще недавно гнѣздилищемъ тигровъ. Тоскливое чувство противъ воли овладѣваетъ забравшимся впервые сюда съ далекаго запада путникомъ. Воображеніе рисуетъ самыя неприглядныя, унылыя картины окраинной жизни.

Это настроеніе еще болѣе усиливается необычнымъ видомъ этихъ оригинальныхъ—то длиннокосыхъ, то съ громадными на головахъ шишками—людей, облаченныхъ въ какое-то подобіе женскаго костюма, снующихъ по рейду взадъ и впередъ на своихъ плоскодонныхъ, широконосыхъ, утлыхъ судахъ. Гортанный, непонятный намъ говоръ этихъ странныхъ и бѣдно, почти нищенски, одѣтыхъ созданій еще болѣе усиливаетъ первоначальное впечатлѣніе.

Невольно чувствуется, что находишься здѣсь «на краю свѣта», на одной изъ самыхъ крайнихъ точекъ необъятнаго Стараго Свѣта, дальше которой идти уже некуда: дальше этого пункта, дѣйствительно, уже нѣтъ твердой земли: здѣсь начинается безпредѣльная ширь океана, простирающаяся вплоть до западныхъ береговъ Калифорніи.

Однако, по мѣрѣ того, какъ корабль приближается къ пристани и предъ глазами раскрывается вся площадь владивостокскаго рейда, прежнія впечатлѣнія начинаютъ понемногу смѣняться другими, болѣе пріятными и отрадными для нашего сознанія и взора. Сдѣлавъ послѣдній поворотъ, мы уже видимъ вполнѣ оживленный рейдъ, занятый многочисленными судами нашего военнаго флота, расцвѣченными по случаю праздника разноцвѣтными флагами. Ближе къ намъ нестройною толпою тѣснятся «купцы», дымящіе своими огромными черными трубами. Китайскія неуклюжія джонки, неповоротливыя шаланды корейцевъ, допотопнаго вида и типа, теряются въ этой массѣ кораблей-великановъ, провозвѣстниковъ и носителей высшей культуры.

А вотъ уже и несомнѣнный признакъ ея: по юго-восточному берегу бухты, у самой воды, сверкаетъ волнистая, извилистая линія рельсовъ, на которыхъ стоятъ паровозъ и вагоны Уссурійской желѣзной дороги. Между тѣмъ «Кострома» подошла почти вплотную къ перекинутымъ съ берега мосткамъ Добровольнаго флота, съ трескомъ и грохотомъ бросила въ воду якорь съ кормы и носа, вздрогнула всѣмъ своимъ корпусомъ и внезапно остановилась на мѣстѣ.

Чудесное утро встрѣтило меня на другой день по пробужденіи. Солнце ослѣпительно ярко свѣтило, вчерашняго несноснаго тумана не было и признака. Какъ-то не вѣрилось, что еще наканунѣ было такъ мрачно, угрюмо, холодно, сыро. Жизнерадостнымъ видомъ окружающей природы не слѣдовало однако сильно обольщаться: уссурійское солнце бываетъ весьма часто обманчиво. Нерѣдко случается здѣсь, что въ теченіе одного дня погода рѣзко, до неузнаваемости, мѣняется нѣсколько разъ.

Днемъ, при свѣтѣ солнца, Владивостокъ гораздо красивѣе, чѣмъ онъ показался мнѣ раньше. Особенно хороша эта бухта съ гладкозеркальной водой—просторная, глубокая, полная, могущая вмѣстить въ себѣ не мало океанскихъ судовъ. Высокіе берега и холмы такъ хорошо защищаютъ ее отъ дѣйствія вѣтровъ, что даже въ жестокій тайфунъ, бушующій въ двухъ-трехъ верстахъ отъ нея въ морѣ, она едва подергивается рябью.

Рейдъ, по случаю приближенія къ порту французской эскадры въ составѣ четырехъ броненосцевъ, оживленъ чрезвычайно. Катера, пароходы, китайскія джонки, японскія парусныя шхуны, корейскія шаланды, военныя шлюпки шмыгаютъ взадъ и впередъ, бороздя серебристую воду своими носами. Ясный, неподвижный воздухъ времы отъ времени потрясается салютаціонными выстрѣлами судовыхъ и батарейныхъ орудій. Вотъ послышался привѣтственный выстрѣлъ-салютъ адмиральскаго крейсера французской эскадры; въ отвѣтъ ему тотчасъ же загрохотали орудія съ крѣпостныхъ укрѣпленій и военныхъ судовъ, и въ нѣсколько минутъ на бухтѣ и въ городѣ все скрывается въ пороховомъ дыму. Гулъ артиллерійскихъ орудій, канонада крупповскихъ пушекъ наполняютъ окрестности несмолкаемымъ грохотомъ: кажется, будто присутствуешь во время морского сраженія.

По улицамъ города снуютъ по всѣмъ направленіямъ китайцы, корейцы, японцы. Особенно много китайцевъ; русскихъ почти совсѣмъ не видать; да ихъ здѣсь-таки довольно мало по сравненію съ сынами Небесной имперіи.

Длинная коса, волочащаяся чуть не до самой земли, желтый, пергаментный цвѣтъ лица—послѣдствіе обильнаго употребленія опіума и плохого питанія,—лукавые раскосые глаза, своеобразный костюмъ, состоящій наполовину изъ чего-то похожаго на дамскую кофту («курма»), наполовину изъ легкихъ шароваръ дѣтскаго покроя, мягкія туфли, неслышная поступь, вкрадчивый голосъ, льстивая рѣчь—таковъ въ общемъ, по первому впечатлѣнію, уссурійскій китаецъ, извѣстный у мѣстныхъ жителей подъ названіемъ «манзы». «Манзы» или «мань-цзы»—это, собственно говоря, выходцы изъ Манчжуріи и Монголіи, представляющіе собой главную составную часть инородческаго населенія въ краѣ.

На каждомъ перекресткѣ и особенно близъ большихъ магазиновъ и лавокъ обращаетъ на себя вниманіе тощая, чахлая фигура обтрепаннаго, полунищаго корейца—«каули», этого своеобразнаго продукта своеобразнаго быта нашей далекой окраины.

Не выпуская ни на минуту своихъ длинныхъ чубуковъ изо рта, безцѣльно устремивъ взоры въ землю, не проронял ни звука, по цѣлымъ часамъ сидятъ они на корточкахъ, не снимая смѣшно торчащихъ «рогулекъ» [1]) съ своей сутуловатой спины, то группами, то поодиночкѣ, въ ожиданіи не всегда легкой «работы».

Изъ лавки или изъ-за угла показывается «мадамъ» и «капита́на» [2]). Каули чуть-чуть встрепенулись. Въ ихъ безцвѣтныхъ глазахъ, тупомъ взорѣ появилось подобіе человѣческой мысли, губы искривились въ умильную, робкую, заискивающую улыбку, и изъ устъ жалобно вылетаетъ единственная извѣстная имъ русская фраза:

— Лябота ещь?!..

Спустя мгновеніе это оживленіе пропадаетъ, исчезаетъ, и вы снова видите то же тупое, безстрастное лицо, которое остановило на себѣ ваше вниманіе раньше. «Каули», или «каваль», какъ его въ просторѣчіи чаще всего называютъ,—это кореецъ-носильщикъ, замѣняющій собой ломового извозчика, водовоза, прислугу и все, что хотите. Каули—это тотъ же восточно-азіатскій «кули», отъ котораго онъ, вѣроятно, и получилъ свое названіе, только передѣланный на особый ладъ и существенно отличающійся отъ него своею слабосильностью, несообразительностью и тупостью. Вы можете заставить каули цѣлый день воду въ ступѣ толочь, рожь на обухѣ молотить, рѣшетомъ воду носить, пересыпать песокъ съ мѣста на мѣсто, и онъ будетъ это дѣлать съ такимъ же видомъ, какъ будто дѣлаетъ настоящее дѣло, и такъ же неповоротливо, вяло, лѣниво.

Вся сила каули въ спинѣ; всѣ «орудія производства», исключая спины, заключаются въ деревянныхъ рогулькахъ, перевязанныхъ обрывками бечевокъ и тряпокъ; все его имущество состоитъ изъ того, что надѣто на немъ; вся его казна—у него за заплатаннымъ поясомъ. Возвращается ли барыня («мадамъ» или «бабушка», какъ называютъ каули всякую русскую даму) съ базара,—каули плетется за ней, таща за спиной въ рогулькахъ покупки ея; перебираетесь ли вы на квартиру,—каули тащится за вами слѣдомъ съ громоздкою мебелью, укрѣпленною за спиною на тѣхъ же рогулькахъ; нужно ли таскать кирпичи на второй или третій этажъ, разгрузить ли пришедшій на рейдъ пароходъ,—каули все это дѣлаетъ при помощи все тѣхъ же рогулекъ. Иной способъ работы неизвѣстенъ ему.

---

1) Носилки, имѣющія видъ деревяннаго стула, лишеннаго обѣихъ переднихъ ножекъ

2) Такъ называютъ инородцы всякаго европейца и европеянку.

При существующей въ краѣ дороговизнѣ извозчиковъ и при почти полномъ отсутствіи въ немъ такъ называемыхъ драгилей (ломовыхъ телѣгъ) каули является для мѣстныхъ жителей незамѣнимымъ, такъ какъ вполнѣ замѣняетъ собою ломовыхъ лошадей и вполнѣ искупаетъ недостатокъ, отъ того ощущаемый.

При всемъ томъ трудъ каули поразительно дешевъ. За одну, двѣ, самое большое пять или десять копеекъ онъ буквально готовъ тащить восемь пудовъ на спинѣ на край свѣта.

Вѣковая нужда, испытываемая корейцемъ на родинѣ, постепенно до того понизила и сузила уровень его потребностей, что этихъ съ такимъ трудомъ зарабатываемыхъ денегъ не только хватаетъ ему на прокормленіе, но онѣ еще даютъ ему возможность дѣлать «сбереженія» про черные дни... Это и неудивительно впрочемъ. Почти единственной пищей несчастнаго каули служитъ буда (корейское пшено) или, въ лучшемъ уже случаѣ, одинъ, много два фунта въ день риса, стоящаго здѣсь очень дешево, не болѣе одной копейки за фунтъ.

Характеръ каули притомъ же таковъ, что разъ у него есть сбереженіе... въ двѣ-три копейки «на черный день», никакія силы земныя не сдвинутъ уже его съ мѣста, не смогутъ заставить его побороть свою просто непостижимую лѣнь.

Благодаря этому, рѣдкіе каули выбиваются въ люди и достигаютъ матеріальнаго благосостоянія и обезпеченія.

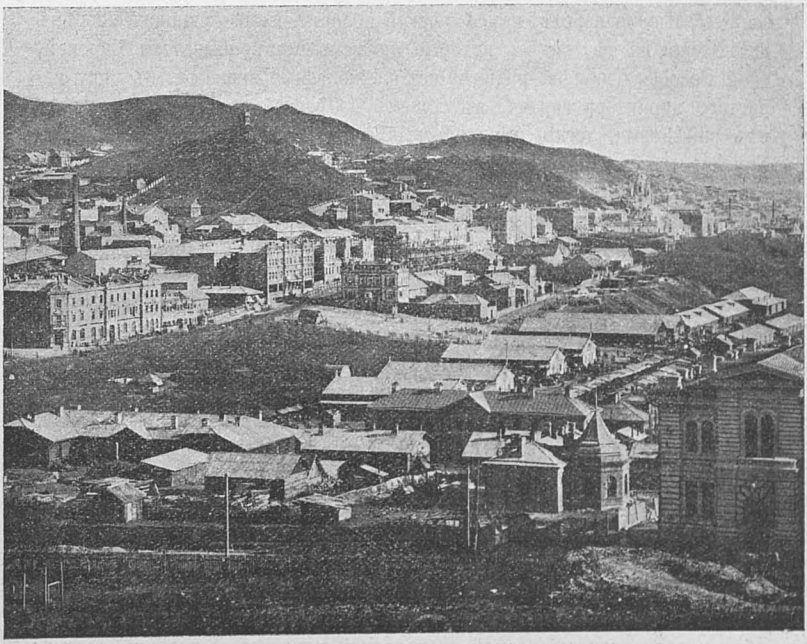
Благодаря тому же отсутствію въ нихъ всякаго интереса ко всему окружающему міру и непреодолимой любви къ трубкѣ и безцѣльному, безмолвному, сосредоточенному сидѣнью на корточкахъ по цѣлымъ часамъ, рѣдкіе изъ нихъ умѣютъ объясняться по-русски и не знаютъ больше двухъ-трехъ необходимыхъ словъ: «лябота», «капитана» (такъ называютъ всякаго русскаго инородца Уссурійскаго края), «бабушка», «копейка» и немногихъ другихъ.

Неудивительно конечно, что имъ приходится быть почти постоянными жертвами беззастѣнчивой, откровенной эксплоатаціи со стороны всякаго, кому только не лѣнь ихъ обидѣть и обсчитать, и что они являются постоянной страдательной стороной въ отношеніяхъ со своими нанимателями.

Послѣ всего сказаннаго о каули не трудно представить себѣ, при какихъ ужасныхъ условіяхъ должны жить эти несчастные, которыхъ, по всей справедливости, можно отнести къ категоріи парій азіатскаго востока.

Владивостокъ состоитъ, собственно говоря, изъ одной улицы-проспекта (Свѣтланской), огибающей живописную бухту на всемъ почти протяженіи ея по направленію съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Улица эта пересѣкается перпендикулярными короткими улицами, начинающимися мѣ-

стами у самой воды и упирающимися далѣе въ окаймляющія весь городъ, довольно внушительныя и кое-гдѣ даже величественныя, оголенныя отъ лѣса горы, надъ которыми господствуетъ высокій пикъ, именуемый Орлинымъ гнѣздомъ. Противоположное, южное побережье бухты или гавани, Золотой рогъ, необитаемо. Благодаря этому, изъ оконъ небольшихъ деревянныхъ домовъ открывается живописный видъ на покрытые хотя и невысокой, но густой и ярко-зеленой растительностью пологіе скаты



Видъ Владивостока.

противоположнаго берега бухты, на величественный и скалистый мысъ Эгершельдъ съ бушующими у его каменнаго подножья бурунами, на широкую зеркальную ленту пролива, служащаго входомъ изъ открытаго моря на рейдъ, и, наконецъ, на большой, весь зеленый отъ массы деревьевъ, Дундасъ (островъ Русскій), отдѣляющій съ юга проливъ отъ Японскаго моря. Самая бухта—веселая, уютная, оживленная—вся какъ на ладони для зрителя, съ какого бы пункта Свѣтланской улицы онъ ни смотрѣлъ на нее.

На главной улицѣ Владивостока во всякую пору необычайное для та-

кого небольшого городка оживленіе. Бросается между прочимъ въ глаза одна особенность, замѣтно отличающая его отъ всѣхъ городовъ Европейской Россіи: здѣсь почти не видно движенія экипажей. Ихъ и дѣйствительно немного наберется во всемъ Владивостокѣ, какъ потому, что городъ самъ по себѣ не великъ, такъ и потому главнымъ образомъ, что лошади здѣсь являются для мѣстнаго обывателя дорого стоящимъ предметомъ роскоши, такъ какъ, въ лучшемъ случаѣ, ихъ приходится выписывать, въ виду полнаго отсутствія мѣстнаго коневодства, за 2—3 тысячи верстъ, изъ Амурской области. Самые экипажи совсѣмъ не похожи на тѣ, видѣть которые привыкъ глазъ обывателя Европейской Россіи у себя на родинѣ: четырехколесные экипажи, въ виду гористаго характера города, въ общемъ не часто встрѣчаются здѣсь, и ихъ замѣняютъ легкія двухколесныя телѣжки на мягкихъ рессорахъ. Грузовое же движеніе, находящееся, къ слову сказать, всецѣло въ рукахъ китайцевъ, производится исключительно двухколесными телѣгами, приводимыми въ движеніе либо при помощи запряженныхъ въ дышло небольшихъ китайскихъ лошадокъ, либо при помощи быковъ, впряженныхъ въ одиночку въ такую телѣгу.

По мѣрѣ приближенія къ пароходнымъ пристанямъ движеніе становится оживленнѣе, гулъ многочисленныхъ голосовъ, выкрикивающихъ слова на самыхъ разнообразныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, становится сильнѣе, самая публика, оживляющая своимъ движеніемъ улицу, дѣлается разнообразнѣй и разношерстнѣй. У самой же пристани матросы военные и «штатскіе» (съ купеческихъ судовъ), солдаты расположеннаго близъ города войска, китайцы, корейцы, японцы и русскіе,—всѣ они смѣшиваются уже въ общую, яркую, колоритную толпу. Здѣсь, въ виду съ одной стороны нашихъ военныхъ судовъ, съ другой—густого лѣса тоненькихъ мачтъ китайскихъ и корейскихъ неуклюжихъ шаландъ, съ третьей—двухъэтажнаго зданія присутственныхъ мѣстъ, на небольшой площадкѣ прижатъ къ самому берегу главный мѣстный базаръ, и этимъ объясняется скопленіе самой разнородной и разношерстной публики во всякое время дня.

На Сахалинѣ.

(А. Никольскаго.)

Сахалинъ имѣетъ видъ толстой сучковатой дубинки, положенной прямо на меридіанѣ, т.-е. однимъ концомъ на сѣверъ, другимъ—на югъ. Длина его равняется 850 верстамъ, наибольшая ширина—183 версты, а наименьшая—23 версты. Во всю длину острова съ сѣвера на югъ сплошнымъ хребтомъ, а въ широкихъ мѣстахъ нѣсколькими параллельными цѣпями тянутся горы. Онѣ, правда, невысоки, нигдѣ не до-

стигаютъ предѣловъ вѣчнаго снѣга, но это не мѣшаетъ имъ имѣть огромное значеніе въ распредѣленіи растительности острова. Горы эти, можно сказать, раздѣляютъ двѣ разныхъ природы. По одну сторону, ближе къ Татарскому проливу, весь Сахалинъ покрытъ лѣсомъ по большей части хвойнымъ и только въ долинахъ рѣкъ и на вершинахъ горъ—лиственнымъ; по другую сторону Сахалинскаго хребта, вдоль берега Охотскаго моря, почти во всю длину острова узкой полоской тянется голая, безлѣсная, настоящая полярная тундра со всѣми ея неприглядными особенностями.

Охотское море, волны котораго роютъ скалы восточнаго берега острова, по своимъ свойствамъ ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ Ледовитаго океана. До половины лѣта здѣсь плаваютъ огромныя ледяныя поля, приносимыя сѣвернымъ холоднымъ теченіемъ. Даже животное населеніе Охотскаго моря можетъ засвидѣтельствовать путешественнику, что вода здѣсь не теплѣе, чѣмъ въ полярныхъ моряхъ. Иначе тутъ не стали бы жить полярные моллюски, міріадами плавающіе по поверхности, киты, бѣлухи и полярныя птицы, несмѣтными стадами гнѣздящіяся на такъ называемыхъ «птичьихъ горахъ». Такимъ образомъ, подъ восточнымъ бокомъ Сахалина по крайней мѣрѣ до половины лѣта находится ледникъ. Понятно, что климатъ на побережьѣ Охотскаго моря не можетъ быть теплымъ, почему и природа носитъ характеръ тундры. Между тѣмъ западный берегъ острова отъ вліянія охотскихъ льдовъ ограждается стѣной горъ. Уже по одной этой причинѣ побережье Татарскаго пролива на Сахалинѣ находится въ лучшихъ условіяхъ, нежели восточная половина острова.

Если мы прибавимъ, что въ Татарскій проливъ съ юга врывается теплое японское теченіе, называемое Куро-Сиво, станетъ понятнымъ, почему климатъ по этому побережью значительно теплѣе и природа оживленнѣе, нежели по восточную сторону горъ.

Сосѣдство морей сказывается также въ необычайной влажности воздуха. По количеству ненастныхъ дней Сахалинъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи. Зимой идетъ снѣгъ, а лѣтомъ дождь; нѣтъ дождя,—непроглядный туманъ окутываетъ и островъ, и море. Совершенно ясные дни составляютъ рѣдкое исключеніе, а вполнѣ ненастныхъ, когда на небѣ не видно ни малѣйшаго просвѣта, приходится около 200 въ году. Такимъ образомъ, если климатъ въ Сибири считать суровымъ, то на Сахалинѣ его надо назвать дважды суровымъ, такъ какъ здѣсь круглый годъ царятъ не только холодъ, но и пронизывающая сырость. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что даже на югѣ острова, на широтѣ Астрахани, гдѣ зрѣютъ арбузы и виноградъ, раскинулся хвойный лѣсъ, или форменная сибирская тайга, да и какая еще тайга!

Я видѣлъ глухіе хвойные лѣса въ Западной Сибири, въ губерніяхъ

Томской и Тобольской, и нахожу, что сахалинская тайга создана по болѣе крупному масштабу.

Если въ Сибири тайга трудно проходима, то на Сахалинѣ она непролазна; если тамошній лѣсъ состоитъ изъ огромныхъ деревьевъ, то здѣсь они имѣютъ исполинскіе размѣры. Какъ уроженецъ юга, я не люблю хвойнаго лѣса вообще, но сахалинская тайга производила на меня прямо-таки удручающее впечатлѣніе. Вы можете бродить по ней цѣлый день, хотя бы цѣлую недѣлю и больше: предъ вами всюду гигантскіе стволы вѣковыхъ елей и пихтъ, а надъ головой темная зелень хвой, сквозь которую не пробивается ни единый лучъ солнца. Нѣтъ здѣсь ни цвѣтовъ, ни кустовъ, нѣтъ даже травы; вмѣсто нихъ въ промежуткахъ между деревьями вы видите груды наломанныхъ вѣтромъ сухихъ вѣтвей той же ели. Мѣстами вамъ преграждаетъ путь трупъ лѣсного исполина, вырваннаго съ корнемъ и поваленнаго на землю бурей. Куда бы вы ни ступили, всюду или густой непролазный валежникъ, или опрокинутое дерево. Поэтому тамъ, гдѣ нѣтъ звѣриныхъ, въ особенности медвѣжьихъ тропъ, сахалинская тайга совершенно непроходима.

Но что болѣе всего наводитъ тоску въ хвойномъ лѣсу острова,—это почти полное отсутствіе всякой животной жизни. Глухой тайги избѣгаютъ даже медвѣди, а ужъ имъ ли не житье на Сахалинѣ?! По долинамъ рѣкъ, во время хода рыбы, берега на разстояніи сотенъ верстъ сплошь бываютъ истоптаны медвѣжьими лапами, а въ глубинѣ хвойнаго лѣса, если только вамъ удастся пробраться туда, вы можете идти безъ всякаго риска встрѣтить этого царя здѣшнихъ звѣрей. Нѣтъ здѣсь ни птицъ, которыя оживляли бы своимъ пѣніемъ это царство ели, ни насѣкомыхъ, которыя жужжали бы, пищали бы или какъ-нибудь иначе выдавали бы свое присутствіе; всюду стволы деревьевъ, хвои, еловыя и пихтовыя шишки и валежникъ. Поэтому въ тихую погоду въ глубинѣ такого лѣса царитъ мертвая тишина. Изрѣдка развѣ прозвучитъ дробь дятла или высокій пискъ синицы, но такой печальный, такой жалобный, какъ будто бы безысходная тоска таежной жизни проникла и въ ея крошечное сердце.

Зато въ бурю лѣсъ начинаетъ стонать и ревѣть. Однообразному гулу хвой аккомпанируетъ тогда скрипъ вѣтвей и трескъ ломающихся сучьевъ, по временамъ всѣ эти звуки покрываются грохотомъ падающаго исполина, вслѣдъ за однимъ деревомъ валится другое, раздается новый грохотъ, затѣмъ опять гулъ, скрипъ и трескъ и такъ далѣе, пока не стихнетъ вѣтеръ.

Сравнительно съ хвойнымъ лѣсомъ лиственный, узкой каймой растущій по берегамъ рѣкъ, выглядитъ много оживленнѣе. Деревья—ивы, березы, ольхи, душистые тополя, осины—перемѣшаны здѣсь съ кустами бузины, смородины, жимолости, шиповника, таволги и другихъ извѣст-

ныхъ у насъ растеній. Какъ вся древесная растительность острова, такъ и лиственный лѣсъ его поражаетъ размѣрами. Я нигдѣ не видалъ такихъ исполинскихъ ивъ, осинъ и тополей, какъ на Сахалинѣ. Сплошь да рядомъ птица, сидящая гдѣ-нибудь близъ середины дерева, оказывалась недоступной выстрѣлу изъ дробовика: до такой степени деревья эти высоки. Несмотря на холодное лѣто, обильная влага выгоняетъ въ долинахъ рѣкъ роскошную травянистую растительность. Травы здѣсь сочны, все лѣто свѣжи и нерѣдко превосходятъ человѣческій ростъ.

Но хотя растительность рѣчныхъ долинъ поражаетъ своею мощностью, культурныя растенія на островѣ не находятъ для себя подходящихъ условій. Даже наши обыкновенные сѣверные хлѣба не всегда дозрѣваютъ на Сахалинѣ. Мѣстами родится здѣсь пшеница, но далеко не ежегодно; притомъ урожай всегда бываетъ плохъ. Благодаря обилію влаги, хлѣбъ поднимается высоко, идетъ въ солому, но по причинѣ низкой температуры лѣта колосится очень поздно. Случается, что августовскіе холода застаютъ зерно совершенно сырымъ. Только разведеніе овощей обезпечено здѣсь отъ неурожаевъ. Картофель, рѣпа, брюква, капуста и рѣдька даютъ хорошіе, иногда даже превосходные сборы.

Правительство колонизуетъ островъ каторжниками.

Какъ мѣсто ссылки Сахалинъ особенно удобенъ потому, что здѣсь не требуется такого усиленнаго надзора за каторжниками, какъ на материкѣ Сибири. На островѣ ихъ держатъ безъ кандаловъ; цѣпи надѣваютъ только въ видѣ наказанія за особую провинность. Бѣжать отсюда невозможно по той простой причинѣ, что кругомъ вода. Правда, проливъ въ своей наиболѣе узкой части ежегодно замерзаетъ. Но этотъ ледяной мостъ воздвигается далеко на сѣверѣ, въ томъ мѣстѣ Сахалина, гдѣ нѣтъ ни тюремъ, ни свободнаго населенія. Добраться туда въ зимнее время, благодаря безлюдью, бездорожью и отдаленности разстоянія, невозможно. Бывали, впрочемъ, случаи, что бѣглецы переправлялись черезъ проливъ въ бочкѣ; разъ даже завладѣли казенной лодкой, убивъ предварительно караульнаго. Но такіе случаи чрезвычайно рѣдки. Къ тому же нѣтъ ничего легче, какъ предупредить ихъ: стоитъ только построже слѣдить за лодками и бочками. Потому каторжники и не любятъ Сахалина. «Кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда», говорятъ они про островъ.

Нельзя однако сказать, чтобы ссыльные не дѣлали попытокъ къ побѣгу. Напротивъ, они бѣгутъ, даже большими толпами. Часто добрая половина транспорта на другой-третій день послѣ прибытія на островъ даетъ тягу. Еще на пути, во время переѣзда на крейсерѣ отъ Одессы, они готовятся къ этому: копятъ сухари и всякую другую отпускаемую имъ провизію. Еще не побывавъ на Сахалинѣ, ссыльные прекрасно знаютъ всѣ условія жизни на островѣ; извѣстно имъ и то, что бѣжать изъ

тюрьмы тамъ такъ же просто, какъ всякому свободному человѣку выйти изъ собственной квартиры, но уйти съ острова и перебраться въ Сибирь, даже жить въ бѣгахъ на островѣ—совершенно невыполнимое дѣло. Лѣтомъ бѣглый просуществуетъ какъ-нибудь въ тайгѣ, питаясь ягодой, корнями нѣкоторыхъ растеній и рыбой. А зимой? Снѣжный покровъ въ сажень толщиной все это дѣлаетъ недоступнымъ; между тѣмъ, на Сахалинѣ нѣтъ свободнаго русскаго населенія, которое, подобно тому какъ это дѣлается въ центральной Сибири, стало бы выставлять за окошко хлѣбъ для пропитанія «несчастныхъ».

Съ наступленіемъ зимы бѣглецамъ приходится или возвращаться въ тюрьму, гдѣ ихъ ждутъ плети и прибавка 10 лѣтъ къ сроку каторги, или, если они заблудились въ тайгѣ, умирать съ голоду. Случается, что «варнаки», какъ называютъ въ Сибири бѣглыхъ каторжниковъ, гибнутъ еще до наступленія осени, дѣлаясь жертвой мѣстныхъ инородцевъ, гиляковъ. Этотъ полудикій народецъ прекрасно знаетъ варнаковъ, понимаетъ, что они проживаютъ въ тайгѣ, не имѣя на это никакого права, поэтому не смѣютъ претендовать, если за ними кто-нибудь станетъ охотиться, какъ за звѣремъ. Можно сказать, что среди всевозможной добычи, какую можетъ дать гиляку сахалинская тайга, варнакъ для него самый выгодный предметъ охоты. Съ нимъ не можетъ сравняться даже медвѣдь, потому что съ бѣглаго можно содрать халатъ, рубашку, взять у него котелокъ; глядишь, у иного найдется топоръ или ножъ, а все это вещи, которыя въ дикомъ обиходѣ инородца куда дороже, нежели медвѣжьи шкура и мясо. Что касается отвѣтственности, о ней и рѣчи быть не можетъ: вѣковыя ели глухой тайги никому ничего не разскажутъ. Правда, и каторжники, вырвавшіеся на волю, не щадятъ гиляковъ. При случаѣ, чтобы добыть сушеной рыбы (юколы) или какой другой пищи, варнаки не задумываются вырѣзать всю семью гиляка, проживающаго гдѣ-нибудь въ одиноко стоящей юртѣ.

Среди ссыльныхъ на Сахалинѣ надо различать два сорта каторжниковъ, совершенно не похожихъ другъ на друга. Это—безсемейные и живущіе семьей.

Первые представляютъ изъ себя форменныхъ каторжниковъ. Они работаютъ въ каменноугольныхъ копяхъ, таскаютъ кладь изъ одного поселка въ другой, выполняютъ всякія другія поистинѣ каторжныя работы. Живутъ они въ общихъ казармахъ. Питаются пищей, во всякомъ случаѣ, не роскошной. Ржавая солонина и прокислая капуста нерѣдко входятъ въ ихъ обѣденное меню.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся семейные каторжники. Живутъ они почти совершенно свободно въ поселкахъ. Каждая семья имѣетъ собственную избу, землю. Казна снабжаетъ такое хозяйство орудіями, необходимыми для обработки земли, нѣкоторымъ даетъ даже ско-

тину. Сѣмена для посѣва точно такъ же получаются отъ казны и возвращаются обратно съ прибавленіемъ 4%.

Подневольное положеніе семейнаго ссыльнаго выражается въ томъ, что три дня въ недѣлю онъ работаетъ въ казну, а три—въ свою пользу. Казенныя же работы состоятъ въ обработкѣ огородовъ и пашенъ, въ вырубкѣ лѣса, прокладываніи дорогъ и другихъ подобныхъ занятіяхъ, къ которымъ привыкъ каждый крестьянинъ. При такихъ условіяхъ семейные каторжники ведутъ довольно сносную жизнь. Нѣкоторые изъ нихъ откровенно говорили мнѣ, что теперь имъ живется лучше, нежели до ссылки на своей родинѣ. Поселки такихъ ссыльныхъ производятъ впечатлѣніе обыкновенной русской деревни. Русскія избы, на улицахъ босоногіе, бѣлобрысые ребятишки, бабы въ сарафанахъ, настоящіе русскіе мужички въ кафтанахъ или зипунахъ, по большей части съ добродушнымъ выраженіемъ лицъ,—все это нимало не напоминаетъ вамъ о томъ, что вы видите колонію каторжниковъ. Единственно, что со внѣшней стороны отличаетъ такія подневольныя поселенія отъ свободныхъ,—это почти полное отсутствіе пѣсенъ. Поютъ мало, и притомъ больше грустныя пѣсни. Въ нѣкоторыхъ поселкахъ имѣются школы для дѣтей ссыльныхъ. Въ одной школѣ учительницей состоитъ дочь каторжника, выросшая и получившая здѣсь образованіе.

Такъ живутъ и постепенно колонизируютъ островъ семейные каторжники.

Въ серединѣ іюля мы предприняли экскурсію поперекъ острова, къ устью р. Тыми, впадающей въ Охотское море.

23-го іюля, подъ вечеръ, взваливъ весь нашъ багажъ на три подводы, запряженныя парой быковъ каждая, мы тронулись въ путь. Намъ предстояло перевалить главный сахалинскій хребетъ. Скоро дорога стала подниматься въ гору. Вмѣстѣ съ тѣмъ лиственный лѣсъ смѣнился хвойнымъ; къ вершинѣ перевала появилась, однако, береза, затѣмъ кедровый стланецъ и наконецъ, на самомъ гребнѣ хребта, на высотѣ около 2500 футовъ, довольно большія заросли бамбука мѣстной породы. Правда, сравнительно съ своимъ тропическимъ родственникомъ, это былъ очень невзрачный кустикъ, приземистый, стелющійся по землѣ, ростомъ ниже человѣка и вообще очень жалкій, однако все же бамбукъ. Чѣмъ ближе къ вершинѣ перевала, тѣмъ круче становится подъемъ. Мы слѣзли съ лошадей и идемъ пѣшкомъ. По временамъ мы останавливаемся вмѣстѣ съ быками и, подложивъ подъ колеса телѣгъ камни, садимся отдыхать. Тѣмъ временемъ одинъ за другимъ насъ обгоняютъ каторжники, переносящіе муку и еще какія-то вещи въ ближайшій поселокъ. Въ этомъ заключается ихъ каторжная работа. Въ теченіе мѣсяца каждый обязанъ перенести до 30 пудовъ клади на протяженіи около 16 верстъ.

На второй день мы доѣхали до рѣки Тыми. Отсюда намъ предстояло

начать плаваніе по Тыми, если только можно назвать плаваніемъ прыганье лодокъ по камнямъ русла порожистой рѣки. Для нашего путешествія былъ заготовленъ флотъ, состоявшій изъ трехъ дощатыхъ лодокъ обыкновенной сибирской конструкціи и одного «кунгаса». Такъ называютъ на островѣ лодку такого удивительнаго устройства, какое едва ли можно встрѣтить въ другомъ мѣстѣ земного шара. Это скорѣе огромный утюгъ, внутри пустой и сколоченный изъ бревенъ. На плоскомъ днѣ этого утюга вмѣсто углей должны были помѣщаться нѣкоторыя наши вещи, а поверхъ нихъ—мы сами.

Тымь прорываетъ себѣ путь посреди дремучей тайги. Лѣсъ смотрится въ бурныя воды рѣки на всемъ пространствѣ, которое мы проплыли въ первые два дня. По самому берегу ея высятся стройные ивы, тополя и вязы; дальше виднѣется темная зелень ели и пихты, посреди которой еще болѣе темными пятнами кое-гдѣ выдѣляются группы кедровъ. Всюду, гдѣ берега обрывисты, рѣка, отрывая участки земли, уноситъ съ собой ближайшія деревья и выбрасываетъ ихъ на первой попавшейся отмели. Мѣстами мы видѣли цѣлые острова, воздвигнутые изъ труповъ исполинскихъ ивъ и тополей. Не разъ намъ приходилось съ топоромъ въ рукахъ прокладывать путь для нашихъ лодокъ посреди нагроможденнаго какъ разъ поперекъ фарватера лѣса. Теченіе Тыми чрезвычайно извилисто. Иногда, какъ будто раздумавъ течь въ Охотское море, она поворачиваетъ въ совершенно противоположную отъ него сторону и направляется на западъ, къ Татарскому проливу, но затѣмъ снова возвращается на истинный путь. Тамъ, гдѣ сосѣднія горы сдавливаютъ рѣку, она сильно суживается и течетъ съ поразительной быстротой. На 4-й день нашего плаванія рѣка замѣтно поуспокоилась, сдѣлалась шире и глубже. На шестой день крупный лѣсъ окончательно исчезъ, кое-гдѣ только попадался мелкій ивнякъ. Берега низки, очевидно болотисты, а къ вечеру обнаружились несомнѣнно признаки близости моря. Это были тюлени, тамъ и сямъ выставлявшіе среди гладкой поверхности воды свои подслѣповатыя морды.

5-го августа, т.-е. на 7-й день нашего плаванія, Тымь приняла видъ судоходной рѣки. Зато берега положительно наводили уныніе. Всюду мертво и голо; только кое-гдѣ торчали отдѣльныя чахлыя деревца лиственницы. Но это были какія-то карикатуры деревьевъ: корявыя, узловатыя вѣтви растутъ у нихъ не вверхъ, а вбокъ или стелются по землѣ въ направленіи господствующаго сѣверо-восточнаго вѣтра; противоположная сторона ствола совершенно лишена вѣтвей. Все такое дерево размѣрами едва-едва превосходитъ человѣческій ростъ. Въ этихъ лиственницахъ мы видѣли предъ собой ту же картину борьбы лѣса съ суровымъ климатомъ, какую можно встрѣтить всюду на крайнемъ сѣверѣ на границѣ распространенія лѣсной растительности. Деревья поль-

зуются здѣсь малѣйшимъ возвышеніемъ, чтобы подъ прикрытіемъ его спастись отъ губительнаго вліянія холоднаго вѣтра, дующаго съ Охотскаго моря. Мѣстами можно было видѣть любопытную иллюстрацію, до какой степени боятся они этого вѣтра. Подъ защитой небольшого холма нерѣдко попадались намъ группы лиственницъ, иногда даже довольно высокихъ и нарядныхъ, но ни за что не рѣшающихся подняться выше своего покровителя. На высотѣ холма онѣ отбрасывали свои вѣтви подъ прямымъ угломъ къ стволу въ направленіи все того же господствующаго холоднаго вѣтра. На нѣкоторомъ разстояніи такое дерево напоминаетъ струю фонтана, верхушка которой сдувается и далеко относится вѣтромъ.

Чѣмъ болѣе приближались мы къ устью, тѣмъ ниже становились берега рѣки. Уже по жалкому виду деревьевъ, не вылѣзая изъ лодки, можно было догадаться, что тамъ, на сушѣ, разстилаются отнюдь не черноземныя равнины. Дѣйствительно, на береговомъ обрывѣ видно было, что почва окрестностей состоитъ изъ настоящаго торфа, мѣстами имѣющаго чудовищную толщину двухъ саженъ. Поднявшись на обрывъ, мы увидѣли предъ собой форменную полярную тундру со всѣми ея непривѣтливыми особенностями: мохъ, морошка, вороница, голубика, полярная береза не выше четверти аршина высотой, опять мохъ и такъ далѣе до самаго горизонта. Тамъ и сямъ надъ кочковатою поверхностью тундры съ мелодическимъ свистомъ носились стаи кроншнеповъ, прикормившіяся здѣсь на ягодѣ, бѣлыя куропатки съ шумомъ выпархивали изъ-подъ нашихъ ногъ, и если не видно было дикихъ сѣверныхъ оленей, то лишь потому, что, спасаясь отъ комаровъ, они откочевали въ горы.

Къ вечеру наша флотилія подошла къ орокской деревнѣ Тро, расположенной въ 5—6 верстахъ отъ Охотскаго моря, или, вѣрнѣе, отъ Ныйскаго залива. Здѣсь кончилось наше плаваніе.

Ороки—племя, родственное гилякамъ, но говорящее языкомъ, похожимъ на тунгузскій. Въ окрестностяхъ Ныйскаго залива, куда впадаетъ рѣка Тымь, стоятъ 4 орокскихъ деревушки, состоящія изъ 3—4 юртъ каждая. Часть ороковъ пріѣзжаетъ на Сахалинъ изъ Амурскаго края только на лѣто для лова рыбы и тюленей, а на зиму возвращается назадъ; сравнительно немногіе принадлежатъ къ постояннымъ обитателямъ острова, но и тѣ, безъ сомнѣнія, нѣкогда переселились сюда съ материка Сибири. Русскаго населенія не существуетъ не только близъ Ныйскаго залива, но и по всему восточному берегу Сахалина, отъ сѣвернаго его конца до южнаго. Милѣйшіе дикари здѣшніе ороки! Честность ихъ феноменальна. Вы можете довѣриться ороку въ чемъ угодно, и онъ скорѣе пропадетъ съ голоду и холоду, а постарается исполнить свое обѣщаніе. Въ своей патріархальности онъ не понимаетъ, что значитъ обмануть. Вѣроятно, въ языкѣ ороковъ не существуетъ самаго

слова для обозначенія этого понятія. Неизвѣстно имъ также и воровство. Мы провели здѣсь цѣлый мѣсяцъ, жили въ нѣкоторомъ родѣ открыто, т.-е. все наше достояніе было разбросано или прямо на травѣ, или въ шалашѣ, и все это время у насъ не пропало ни одного ржаного сухаря, ни одного куска сахару, до котораго ороки большіе охотники, и никакой другой, даже самой пустячной, мелочи. Выпросить что-нибудь орокъ не прочь, но если онъ не получилъ разрѣшенія взять хотя бы брошенную пробку, она для него священна. Вмѣстѣ съ тѣмъ ороки—чрезвычайно добродушный и тихій народъ. За все время нашего пребыванія въ Тро мы не только не видали драки, но не слыхали ни ссоры, ни даже крупнаго разговора. Если вы дадите одному ороку хотя бы самый маленькій кусокъ сахару или сухарь, онъ считаетъ своею обязанностью раздѣлить подарокъ между всѣми присутствующими соплеменниками. Замѣчательно, что эти симпатичныя черты характера нисколько не мѣшаютъ здѣшнимъ инородцамъ при случаѣ безъ всякой жалости убивать бѣглыхъ каторжниковъ. Инородецъ относится къ варнаку просто-напросто какъ къ предмету охоты. Пронзивъ копьемъ бѣлаго, онъ чувствуетъ ровно столько же угрызеніе совѣсти, сколько послѣ удачной охоты на тюленя. Это сочетаніе честности съ какимъ-то несознаваемымъ звѣрствомъ составляетъ особенность душевнаго склада дикаго человѣка, совершенно не тронутаго даже подобіемъ культуры.

Орокъ.

Въ своемъ домашнемъ обиходѣ ороки мало чѣмъ отличаются отъ гиляковъ и другихъ дикихъ племенъ Восточной Сибири. Питаются они исключительно рыбой и тюленями, а въ зимнее время, въ случаѣ

голодовки,—собаками. Хлѣба они не видятъ; соль составляетъ предметъ роскоши. Такъ какъ рыба ловится на Сахалинѣ только въ концѣ лѣта и притомъ не болѣе какъ въ продолженіе одного мѣсяца, но зато въ огромномъ количествѣ, то на остальную часть года ороки заготовляютъ ее впрокъ въ видѣ юколы. Сушеную рыбу употребляютъ въ пищу обыкновенно безъ всякихъ дальнѣйшихъ приготовленій, но свѣжую предварительно варятъ; впрочемъ, головы, хрящи, а также мягкую рыбешку поѣдаютъ сырыми. Сырая рыба, видимо, составляетъ своего рода лакомство ороковъ. Забавно было видѣть, съ какой жадностью набрасываются они на это лакомство. Вотъ подъѣзжаетъ лодка съ грузомъ крупныхъ, только что пойманныхъ лососей. Оставшіеся дома мужчины, женщины, дѣти, словомъ, все наличное населеніе юрты, высыпаютъ на берегъ и, забравъ по рыбинѣ, принимаются дѣйствовать. У кого есть ножъ, тотъ аккуратно вырѣзываетъ изъ головы или около плавниковъ хрящи и кусокъ за кускомъ тутъ же отправляетъ въ ротъ. Но всего комичнѣе расправляются съ этой закуской ребятишки, которые еще не доросли до ножа. Обнявъ своими ручонками огромную еще живую рыбину, стоитъ такой карапузикъ и грызетъ ей голову. Лосось судорожно бьетъ хвостомъ своего мучителя; такъ и ждешь, что она сейчасъ свалитъ его на землю; а мальчишка съ вымазанной въ рыбьей крови мордочкой уписываетъ себѣ, словно котенокъ, запуская зубы какъ-то бокомъ. Удивительно, какую дрянь могутъ ѣсть здѣшніе инородцы! Какъ вамъ понравится блюдо, которое на моихъ глазахъ очень часто приготовляла орочка сосѣдней юрты? Взять сырыя кишки тюленя, накрошить ихъ въ чашку, облить тюленьимъ жиромъ, перемѣшать съ ягодой и подать къ столу. Вотъ еще блюдо. Взять самую сухую юколу, откусить добрый кусокъ, пожевать и выплюнуть въ котелъ. Когда такимъ образомъ получится желаемое количество рыбы, облить ее тюленьимъ жиромъ и подать къ столу. Единственный предметъ роскоши ороковъ, если не считать соли, составляетъ табакъ, который они вымѣниваютъ на тюленьи шкуры у японцевъ, пріѣзжающихъ сюда ловить рыбу. Курятъ даже дѣти, начиная съ семилѣтняго возраста. Тѣ же японцы снабжаютъ инородцевъ и водкой, хотя, по правдѣ сказать, пьяныхъ мы здѣсь не видали, можетъ быть потому, что напитокъ этотъ и дорогъ и плохъ. Рыба, тюлени и собаки не только кормятъ ороковъ, но и одѣваютъ ихъ. Мужчины и женщины носятъ костюмы изъ тюленьихъ шкуръ, а ребята—рубашки изъ собачьяго мѣха, лѣтомъ шерстью вверхъ, а зимою шерстью внизъ. По одеждѣ да и по физіономіямъ оба пола мало чѣмъ отличаются другъ отъ друга. У мужчинъ, въ особенности у молодыхъ, никакой растительности на лицѣ не полагается. Отъ женщинъ легче всего отличить ихъ по волосамъ на головѣ: у мужчинъ одна коса, а у женщинъ двѣ; старухи ходятъ растрепанными, какъ кіевскія вѣдьмы. Фран-

товъ ороковъ, въ зипункахъ изъ сѣраго арестантскаго сукна, здѣсь очень немного, можетъ быть потому, что бѣглые рѣдко доходятъ до восточнаго берега острова; еще раньше, гдѣ-нибудь въ серединѣ его, они дѣлаются добычей гиляковъ, если только не успѣютъ вернуться въ тюрьму. Изъ рыбьихъ кожъ ороки дѣлаютъ одѣяла и пеленки для дѣтей; тѣми же кожами завѣшиваютъ двери въ юртахъ; изъ нихъ же шьютъ паруса.

Лѣтнія юрты ороковъ по своей формѣ очень напоминаютъ индѣйскіе вигвамы. Можетъ быть, этотъ типъ постройки занесенъ въ Америку изъ Восточной Сибири. Такая юрта имѣетъ видъ шалаша или крыши. Основа ея, состоящая изъ жердей, покрывается берестой или полотномъ изъ рыбьихъ же кожъ; на конькѣ оставляется отверстіе для выхода дыма, а сбоку—для двери. Когда внутри такого помѣщенія горитъ костеръ, дымъ застилаетъ всю юрту до такой степени, что не видно присутствующихъ. Благодаря этому большинство ороковъ страдаетъ глазными болѣзнями. Въ Тро мы видѣли даже совершенно слѣпыхъ. Ремесленная дѣятельность здѣшнихъ инородцевъ заключается въ приготовленіи разныхъ предметовъ домашняго обихода: въ постройкѣ юртъ, лодокъ, шитьѣ обуви и одежды, при чемъ вмѣсто нитокъ употребляются жилы тюленя, а вмѣсто иглы—рыбья кость. Я думаю, что Робинзонъ Крузо, когда онъ проживалъ на необитаемомъ островѣ и устраивалъ обстановку своего жилища, пользовался пріемами и орудіями, нисколько не менѣе совершенными, нежели тѣ, которыя примѣняются здѣсь. Любопытно было видѣть, напримѣръ, какъ строилъ орокъ лодку. Тополевое бревно, видимо, взятое изъ выброшеннаго самой рѣкой лѣса, онъ предварительно выжегъ, насколько это, по его мнѣнію, было нужно. Какъ это онъ сдѣлалъ, я не видалъ, но, вѣроятно, по способу Робинзона, потому что никакихъ особыхъ приспособленій для этой цѣли нигдѣ у сахалинскихъ инородцевъ я не замѣтилъ. Затѣмъ началась египетская работа выдалбливанія лодки при помощи обыкновеннаго ножа и крошечнаго топорика, хотя и желѣзнаго, но по формѣ удивительно напоминающаго топоръ каменнаго вѣка. Эти инструменты, очевидно, приготовляются самими инородцами, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Амурскомъ краѣ, при чемъ образцами, вѣроятно, служатъ топоры каменнаго періода, который эти инородцы, можно сказать, только что пережили. Орокъ, о которомъ я началъ говорить, при насъ уже отдѣлывалъ лодку начисто и кончилъ эту отдѣлку не менѣе какъ въ три недѣли; сколько же онъ возился съ предварительной работой выжиганія и выдалбливанія бревна? Я думаю, что не менѣе полугода. Бортъ лодки онъ сталъ обивать тонкой планкой, которую приколачивалъ деревянными гвоздиками, при чемъ отверстія въ планкѣ просверливалъ инструментомъ, ничѣмъ по существу не отличающимся отъ простого гвоздя. Вспомнивъ, что у меня въ запасѣ имѣются буравчики, я задумалъ было удивить дикаря этими, хотя

и не слишкомъ свѣжими, но все-таки совершенно новыми для здѣшнихъ мѣстъ плодами европейской цивилизаціи. Орокъ, дѣйствительно, былъ пораженъ быстротой, съ которой я просверлилъ буравомъ отверстіе въ первомъ попавшемся бревнѣ, но потомъ... лучше было бы и не говорить, что было потомъ! Европейская цивилизація въ концѣ осрамилась, или, вѣрнѣе, осрамилъ ее я. Когда тѣмъ же буравчикомъ я сталъ сверлить дырку въ планкѣ, той самой планкѣ, которую орокъ съ такимъ стараніемъ выстругивалъ ножичкомъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней, она вдругъ треснула и раскололась въ самомъ концѣ на-двое. Бѣдный орокъ! Надо было видѣть грустное выраженіе, какое приняла его физіономія при видѣ такихъ результатовъ примѣненія европейской культуры. Я чувствовалъ себя еще хуже его. Чтобы загладить вину, я взялъ буравчикъ самаго маленькаго калибра и при его помощи вполнѣ благополучно и скоро просверлилъ-таки отверстіе надлежащей ширины въ другомъ мѣстѣ планки, затѣмъ подарилъ оба буравчика пострадавшему ороку, прибавилъ горсти двѣ сухарей, папушку табаку и, къ своему душевному облегченію, увидѣлъ, что его лицо прояснилось.

Дѣти гиляковъ.

Семейныя отношенія ороковъ, конечно, первобытны. Мужчины имѣютъ столько женъ, сколько кто можетъ прокормить. Въ Тро третья жена считается уже роскошью. За каждую жену матери ея уплачивается ка-

лымъ, состоящій по большей части изъ китайской или японской матеріи въ количествѣ около 30 аршинъ. Нельзя сказать, чтобы это было очень много, но въ обиходѣ сахалинскаго инородца такая плата достается цѣной многолѣтняго боя тюленя, на шкуры котораго вымѣнивается эта матерія. Мужчины ловятъ рыбу, бьютъ тюленей, а всѣ домашнія работы составляютъ обязанность женщинъ. Въ особенности работящи старухи: съ утра до вечера онѣ рѣжутъ рыбу, сдираютъ съ нея кожи, сшиваютъ ихъ, чинятъ юрты и вообще за чѣмъ-нибудь да копошатся.

Нечего и говорить, что сахалинскіе инородцы исповѣдуютъ самую первобытную религію, какая только существуетъ на землѣ. Они идолопоклонники-шаманисты. По ихъ представленію, каждая стихія, каждое выдающееся явленіе природы находится въ завѣдываніи особаго божества. Существуетъ, напримѣръ, богъ воды, который непремѣнно требуетъ, чтобы ему отдавали голову каждаго убитаго тюленя; поэтому намъ стоило большого труда добыть тюленій черепъ. Какая спеціальность божества въ образѣ медвѣдя, я не могъ узнать. Повидимому, это завѣдующій тайгой. Въ особенности я не могъ добиться объясненія, почему ороки и гиляки пришли къ убѣжденію, что этому богу пріятно быть съѣденному. Вѣроятно, просто потому, что онъ съѣдобенъ. Всякія житейскія невзгоды устраняются у ороковъ очень простыми средствами. У кого болятъ зубы, тотъ носитъ на шеѣ оленій зубъ; чтобы вылѣчить хромую ногу, стоитъ только повѣсить на себя деревянное подобіе ноги. Надо замѣтить, что матеріально инородцы цѣнятъ своихъ боговъ ровно во столько, сколько они того заслуживаютъ. Когда мы выразили желаніе пріобрѣсть въ свою коллекцію нѣсколько орокскихъ боговъ, намъ натаскали ихъ цѣлый ворохъ, и тутъ же началась настоящая торговля этими деревянными небожителями. Гилякъ, знавшій немного по-русски и служившій у насъ проводникомъ, сообщалъ при этомъ цѣны. «Одинъ большой богъ—два папушка (табаку); два маленькій богъ—три папушка, а вотъ этотъ богъ,—говорилъ онъ, показывая какую-то чурочку,—мало, мало сухарь, куси, куси». Обязанность шамана въ Тро исполняла женщина. Разъ какъ-то она священнодѣйствовала по поводу болѣзни мальчика. Я зашелъ въ юрту и, убѣдившись въ томъ, что больной находился въ агоніи, черезъ переводчика предупредилъ объ этомъ родичей мальчика. Дѣйствительно, въ ту же ночь онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ у меня не было отбоя отъ больныхъ. Не только изъ Тро, но также изъ другихъ деревень являлись лихорадочные, слѣпые, хромые и всякіе другіе калѣки, даже бездѣтныя женщины, и каждый изъ нихъ просилъ помощи, при чемъ каждый показывалъ мнѣ на карманъ моего жилета, гдѣ находились часы.

Сначала я недоумѣвалъ, что имъ нужно въ моемъ карманѣ; потомъ,

послѣ объясненія гиляка-переводчика, оказалось, что передъ тѣмъ, какъ сообщить о безнадежномъ положеніи больного мальчика, я поглядѣлъ на часы, что, конечно, было дѣломъ простого случая. Ороки вообразили, что эта бѣлая штучка, издающая какіе-то странные звуки, и есть тотъ самый богъ, который или излѣчиваетъ больныхъ, или, если уже смерть не желаетъ отпустить своей жертвы, предупреждаетъ объ этомъ. Больные смотрѣли на меня съ такимъ безконечнымъ довѣріемъ, съ такой надеждой, что я, грѣшный человѣкъ, не въ силахъ былъ ихъ прогнать. Противъ всякаго моего желанія они заставили меня шарлатанить. У меня было немного хины, англійской соли и еще какой-то горькой безвредной дряни, и я принялся раздавать пріемы, кому что попадется. Результаты такого лѣченія оказались блестящими, судя по многочисленнымъ благодарностямъ, которыя я потомъ получилъ. У хромого отъ англійской соли поправлялись ноги, хина излѣчивала болѣзнь глазъ, а известковая вода ставила на ноги разбитаго ревматизмомъ. По крайней мѣрѣ, въ этомъ убѣждены были сами больные. Послѣ этого случая мнѣ сталъ понятенъ успѣхъ знахарей, ворожей, заклинателей и всякихъ иныхъ вольныхъ или невольныхъ шарлатановъ.

Айно.

(Бродовича.)

Во время пребыванія моего на Сахалинѣ пришлось мнѣ встрѣтиться тамъ съ полудикимъ первобытнымъ племенемъ айносовъ, аинцевъ, айновъ, или, какъ они сами себя называютъ, «айно», что̀ значитъ «человѣкъ». Многіе ученые интересовались этимъ племенемъ, но къ окончательному результату относительно ихъ происхожденія не пришли. Нѣкоторые видѣли въ нихъ даже потомковъ евреевъ, зашедшихъ далеко на востокъ послѣ ихъ разселенія; другіе считали ихъ родственниками монгольскимъ племенамъ и принадлежащими къ желтой расѣ; третьи предполагали въ нихъ родство съ полинезійцами и т. д. Сами айно о себѣ говорятъ, что они происходятъ съ отдаленнаго сѣвера, гдѣ нѣтъ ни деревьевъ, ни птицъ. Достовѣрно одно—что айно въ доисторическое время заселяли весь японскій архипелагъ, и многія долины, рѣки, горы Японіи до сихъ поръ носятъ аинскія названія. Прибывшіе позже японцы постоянно вытѣсняли айно все далѣе и далѣе къ сѣверу, истребляя ихъ на островахъ Кіу-Сіу и Гондо (Нипонъ) тысячами.

Отступая къ сѣверу, попадая все въ менѣе удобныя условія для жизни, айно постепенно вымирали, уменьшались въ числѣ, и въ настоящее время ихъ можно встрѣтить только въ сѣверной части острова Іезо и на югѣ Сахалина. Несмотря на постоянныя столкновенія съ японцами и зависимость отъ нихъ, айно до сихъ поръ сохранили всю свою

первобытность въ общественномъ и домашнемъ строѣ, да, повидимому, и въ расовыхъ признакахъ. Это—большею частью малорослые, коренастые, смуглые и сильно волосатые люди, живущіе обособленно отъ сосѣднихъ народовъ, промышляющіе охотой и рыболовствомъ. Лица у нихъ широкія, плоскія, скуластыя, съ широко разставленными глазами, у мужчинъ съ длинными бородами и усами чернаго, отливающаго даже синевою цвѣта; носъ довольно прямой, не очень широкъ и не приплюснутъ. Главною пищей айно служатъ рыба и мясо. Скотоводства, впрочемъ, у айно нѣтъ, и мясо доставляетъ имъ охота, соединенная съ немалыми трудностями. Крупнаго звѣря, медвѣдей, оленей, нерпъ и тюленей, съ каждымъ годомъ становится все меньше: они уходятъ въ болѣе отдаленныя мѣста и сильно истребляются колонистами Сахалина. Мелкаго звѣря и дичи айно убиваютъ очень мало за неимѣніемъ подходящаго оружія. Винтовки для такой охоты неудобны, да и ихъ у айно немного вслѣдствіе дороговизны: каждое ружье стоитъ въ Японіи отъ 30-ти до 45-ти руб., и айно уплачиваютъ эту сумму собольими шкурками, около 15 штукъ за каждое. Продукты охоты они пополняютъ чѣмъ только можно: выброшенный моремъ китъ, тюлень, акула привлекаютъ айно за десятки и сотни верстъ; они пользуются случаемъ, чтобы запастись мясомъ и жиромъ; послѣдній особенно для нихъ дорогъ, такъ какъ служитъ и для пищи, и для освѣщенія въ зимнее время. Но подобныя находки бываютъ очень рѣдко, и большую часть года приходится довольствоваться рыбой и собаками.

Собаки—главное богатство айно, это—его скотъ. Зимой онъ ѣздитъ на нихъ, запрягая въ нарты отъ 10-ти до 15-ти штукъ; при помощи ихъ находитъ онъ добычу въ тайгѣ, ихъ же онъ и убиваетъ на празднествахъ и для угощенія гостей. Гостепріимство среди айно весьма развито, они постоянно въ сношеніяхъ между собою, узнаютъ и передаютъ новости и угощаются взаимно. Собакъ айно ѣдятъ свѣже-убитыхъ. Содранную кожу выминаютъ на платье, а мясо варятъ и ѣдятъ съ удовольствіемъ. Въ обыкновенные дни, впрочемъ, употребляется для варки исключительно рыба. Громадное ея богатство на Сахалинѣ даетъ возможность аинцамъ заготовить изрядное ея количество на зиму.

Не имѣя надлежащихъ снастей и сѣтей, они довольствуются выбитой рыбой послѣ метанія икры въ рѣчкахъ Сахалина. Рыба эта,—исхудалая, тощая, съ кровоподтеками, называемая «зубаткой»,—выбирается аинцами руками или черепками; рѣдко лучатъ ее острогой. Пойманную рыбу женщины и старики разрѣзаютъ, вынимаютъ кости, сушатъ, а затѣмъ коптятъ надъ очагомъ, приготовляя такъ называемую юколу. Не всегда однако удается заготовить на зиму достаточное количество юколы. Ходъ рыбы кратковременный, и при ненастной погодѣ, что̀ бываетъ весьма часто, она не провяливается достаточно, скоро портится

и становится негодной. Притомъ самыхъ лучшихъ работниковъ привлекаютъ на свои промыслы японцы, соблазняя сравнительно приличной платой, до 20-ти руб. за сезонъ, продуктами (рисомъ, порохомъ, табакомъ, халатами и главнымъ образомъ саки—рисовой водкой). Какъ всѣ дикари, айно очень много предаются пьянству; японцы пользуются ихъ слабостью и, иногда сильно спаивая ихъ и не жалѣя своей водки, пріобрѣтаютъ за безцѣнокъ продукты охоты (мѣха) или заручаются ихъ работой на лѣто для промысловъ. Рыбой айно и самъ питается, и кормитъ своихъ собакъ, а также и медвѣжонка, обыкновенно выкармливае-

Гилякъ на охотѣ.

маго почти каждой богатой юртой къ особому празднику. Женщины выкапываютъ еще лѣтомъ и сушатъ съѣдобные клубни и корни нѣкоторыхъ растеній, изъ которыхъ приготовляютъ коржики и лепешки на нерпичьемъ или тюленьемъ жиру; но всѣхъ этихъ суррогатовъ хлѣба далеко не достаточно, а ржаной хлѣбъ считается большимъ и рѣдкимъ лакомствомъ у айно.

Мужчины работаютъ сравнительно меньше женщинъ. Во время лѣтняго хода рыбы они поражаютъ своей выносливостью; выходя раннимъ утромъ, задолго до восхода солнца, они остаются на работѣ до самыхъ позднихъ сумерекъ, почти не отдыхая среди дня. Зато зимой съ первымъ, сильнымъ морозомъ или большимъ снѣгомъ начинается полное

бездѣльничанье, шатанье по сосѣднимъ юртамъ въ качествѣ гостя, куреніе табаку и почти непрерывная ѣда. Изрѣдка соберется айно на охоту для промысла шкурокъ и мяса. Женщина помогаетъ въ рыбной ловлѣ, приготовляетъ юколу, варитъ пищу для работающаго на промыслахъ или на рѣчкѣ мужчины, выкапываетъ длиннымъ кривымъ ножомъ мучнистые корни, заготовляетъ ихъ впрокъ, кормитъ и воспитываетъ дѣтей, а зимой готовитъ для своихъ и для гостей иной разъ шесть и семь варокъ, шьетъ и вышиваетъ платье, ткетъ ткань, сучитъ и прядетъ нитки изъ крапивы, носитъ воду, собираетъ дрова и топитъ очагъ. Занята она круглый годъ съ утра до ночи.

Живутъ айно либо въ землянкахъ, либо въ юртахъ. Землянокъ въ послѣднее время становится все меньше. Для приготовленія землянки выкапываютъ яму глубиною въ аршинъ съ небольшимъ, обносятъ кругомъ невысокой стѣной на нѣсколькихъ столбахъ, поверхъ кладутъ перекладины и на нихъ настилаютъ тростниковую солому; такою же соломой обкладываютъ и стѣны, а въ потолкѣ и крышѣ, устроенной изъ коры, дѣлаютъ отверстіе—окно, служащее вмѣстѣ съ тѣмъ дымоотводомъ для очага, который разводится посреди землянки. Кругомъ очага—небольшая загородка изъ досокъ, приставленныхъ къ четыремъ столбамъ посреди землянки. У одной стѣны этого примитивнаго жилья устроенъ маленькій коридорчикъ и изъ него выходъ наружу. Это—продѣланное въ крышѣ отверстіе съ задвижной, слегка наклоненной дверью, къ которому приставленъ древесный пень, а на немъ вырублены ступеньки. Большею частью однако айно живутъ въ юртахъ. Эта постройка выводится изъ сруба безъ фундамента, прямо на землѣ. Входъ всегда съ юга длиннымъ узенькимъ коридоромъ, изъ котораго дверь въ юрту открывается въ западной ея стѣнѣ. Противъ входной двери пробито въ восточной стѣнѣ священное окно, изъ котораго воспрещается—какъ тяжкій грѣхъ—выбрасывать соръ или плевать; у этого окна айно совершаютъ молитву. Въ южной стѣнѣ посреди другое окно—для свѣта и всякой надобности. Посреди юрты—очагъ съ четырьмя столбами по угламъ его; столбы украшены рѣзьбой, иногда очень затѣйливой. Между очагомъ и священнымъ окномъ—почетное мѣсто, на которомъ усаживаютъ дорогихъ гостей, а за ихъ отсутствіемъ садится самъ хозяинъ юрты, и гдѣ запрещено лежать дѣтямъ и женщинамъ; тутъ же въ углу подвѣшены изображенія боговъ, «инау». Подъ ними и къ сѣверной стѣнѣ стоятъ сундуки или ящики съ пожитками и оружіемъ; по этой же стѣнѣ идутъ нары для домашнихъ, а у противоположной, южной—нары для гостей. Направо отъ входа—полки съ домашнею утварью. Полъ въ юртѣ положенъ прямо на землю; придѣланы доски одна къ другой очень неаккуратно, и между нихъ громадныя щели. Стѣны тоже приходятся не вплотную, а потому на зиму ихъ обшиваютъ соломой или

обставляютъ щитами изъ рогожъ. Нары покрыты цыновками, сплетенными изъ соломы или тростника; подъ головы вмѣсто подушекъ кладется свертокъ рогожъ наподобіе японскихъ подушекъ.

Спятъ айно лѣтомъ въ дневномъ платьѣ, зимой покрываются сверху собачьими и нерпичьими шкурами; лежатъ головами къ стѣнѣ, ногами къ очагу. Очагъ горитъ весь день; надъ нимъ виситъ котелъ съ варящейся въ немъ юколою или мясомъ съ рисомъ, а еще выше виситъ вяленая рыба, загораживая свободный выходъ дыму. Зимой, когда входная дверь закрыта, юрта наполняется ѣдкимъ отъ сырого дерева дымомъ, отчего верхняя часть стѣнъ и столбовъ становится совершенно черною и покрывается блестящимъ налетомъ. Ночью разводить огонь считается грѣхомъ, въ золѣ тлѣютъ только уголья, а потому юрта страшно остываетъ.

Поодаль отъ юрты устроены амбары и склады для юколы, шкуръ, корней и всего съѣдобнаго на зиму. Амбары эти стоятъ на высокихъ столбахъ словно на ножкахъ, въ огражденіе отъ сырости, и на этихъ столбахъ устроены изъ коры шляпки, смотрящія внизъ, для огражденія продуктовъ отъ крысъ и мышей. Посудой служатъ раковины разной величины и формы, берестяные сосуды съ изящными рѣзными узорами, желудки и пузыри большихъ животныхъ, въ которыхъ держится вода и сохраняется жиръ, и, наконецъ, особаго вида ложки-палочки, служащія для придерживанія усовъ во время ѣды и питья густой рисовой водки. У очень немногихъ можно встрѣтить глиняные горшки. Столомъ служитъ небольшая доска, на которой женщины приготовляютъ для стряпни провизію, крошатъ клубни и корни и выкатываютъ лепешки.

Одежда аинцевъ очень проста. Ее составляютъ самодѣльный халатъ изъ крапивной ткани или бумажный японскаго издѣлія, надѣтый на голое тѣло, безъ рубахи, короткія до колѣнъ шаровары и тряпичныя завязки на голеняхъ до лодыжекъ. Лѣтомъ большею частью ходятъ босикомъ, на зиму надѣваютъ сапоги (бродни) изъ рыбьей кожи, для большей теплоты обшивая ихъ мѣхомъ; только на японскихъ рыбалкахъ лѣтомъ носятъ они соломенныя сандаліи, получаемыя отъ работодателей. Лѣтомъ во время жаровъ нерѣдко можно видѣть айно за работой съ одной только повязкой около пояса. Зимой поверхъ бумажнаго халата айно надѣваетъ мѣховой халатъ изъ тюленьей, нерпичьей или собачьей шкуры. Ходятъ въ теплое время съ непокрытой головой, подвязывая длинные волосы ремнемъ или жгутомъ, чтобы не мѣшали работать. Зимой носятъ на Сахалинѣ шапки русскаго образца. Дѣти ходятъ либо совсѣмъ нагія, либо въ маленькихъ халатикахъ и рубахахъ подобно старшимъ. Женщины одѣваются сходно съ мужчинами, только платье ихъ значительно длиннѣе. Шея увѣшана бусами и маленькими раковинками, на головѣ накинутъ иногда платочекъ. Свои будничные халаты айно ни-

когда не стираютъ и не снимаютъ, носятъ до тѣхъ поръ, пока они сами съ нихъ не свалятся; сушатъ также на себѣ передъ очагомъ. Праздничное платье бываетъ часто расшито цвѣтными нитками или раскрашено интересными узорами; кромѣ того, айно татуируетъ себѣ кожу, выводя на груди и рукахъ драконовъ, сказочныхъ звѣрей и птицъ, что считается большимъ украшеніемъ. Въ послѣднее время однако эти татуировки производятся не особенно умѣло и вообще выходятъ изъ моды. Даже обязательное выведеніе черныхъ усовъ замужними женщинами теряетъ свое прежнее значеніе, и съ каждымъ поколѣніемъ усы рисуются меньшихъ размѣровъ, а иногда ихъ и вовсе не видно.

Вѣрованія айно представляютъ смѣсь политеизма и шаманизма или анимизма. Они поклоняются солнцу и небу, звѣздамъ и морю, миѳическому дракону и реальному медвѣдю. Но во главѣ всѣхъ стоитъ какое-то божество, управляющее всѣмъ міромъ. Никакой работы или предпріятія не начинаютъ эти волосатые рыболовы безъ молитвы, которую совершаютъ передъ священнымъ окномъ восточной стѣны юрты. Въ важныхъ случаяхъ призываются шаманы.

Во всѣхъ счастливыхъ и несчастныхъ случаяхъ, передъ началомъ важныхъ предпріятій и т. д. айно совершаютъ жертвоприношенія, бросаютъ въ воду или огонь «инау» или части убиваемыхъ животныхъ. Ни одно животное не убивается ими однако при такихъ церемоніяхъ, какъ медвѣдь, почитаемый у нихъ священнымъ.

Культъ медвѣдя сближаетъ отчасти айно съ другими народами Сибири. У айно пойманный медвѣженокъ, помѣщенный въ особой клѣткѣ у юрты, вскармливается дѣвицей, которая носитъ ему юколу и воду, заботится о немъ, какъ о своемъ дѣтищѣ, въ продолженіе года, а иногда и нѣсколькихъ лѣтъ. Когда медвѣженокъ выросъ, но не достигъ еще полной зрѣлости, назначается день праздника, обыкновенно позднею осенью или зимой. Со всѣхъ окрестныхъ юртъ, а иногда за сотни верстъ, стекается народъ въ самыхъ роскошныхъ костюмахъ. Старцы украшаютъ свои волосы листьями и стружками «инау», молодежь бреетъ себѣ часть головы со лба. Наканунѣ празднества выборный отъ всѣхъ принимающихъ участіе въ празднествѣ подходитъ къ клѣткѣ, становится на колѣни и въ горячихъ словахъ приноситъ медвѣдю извиненіе отъ всего народа за предстоящую ему смерть и принесеніе его въ жертву. На слѣдующій день, какъ только покажутся первые лучи солнца, медвѣдя берутъ на два аркана и обводятъ передъ выстроившимися въ рядъ участниками праздника; при этомъ всѣ по очереди пускаютъ въ него стрѣлы изъ длиннаго лука. Раненаго сотнями стрѣлъ звѣря подводятъ къ особаго рода станку, гдѣ его душатъ общими силами между двухъ бревенъ. Убитому медвѣдю отрѣзаютъ голову и поднимаютъ ее на высокій шестъ; затѣмъ снимаютъ шкуру, а тушу вѣшаютъ у свя-

щеннаго окна, гдѣ она виситъ два дня. Все это время айно пируютъ, ѣдятъ рыбу, рисовую кашу и выпиваютъ неимовѣрное количество саки собственнаго приготовленія. За ѣдой разсказываютъ легенды, курятъ японскій и манчжурскій табакъ и поютъ пѣсни на два только однообразныхъ мотива, прерываемыхъ трелями и кончающихся всегда внезапнымъ паденіемъ съ высшихъ нотъ на самыя низкія. Пѣніе это происходитъ подъ аккомпанементъ инструмента, называемаго «муккири» и состоящаго изъ ящика съ вырѣзаннымъ отверстіемъ и одной струны, конецъ которой играющій держитъ въ зубахъ. Пѣсни содержатъ въ себѣ импровизаціи на тему послѣднихъ болѣе важныхъ событій, оставившихъ впечатлѣніе на пѣвца: либо это старыя легенды, либо, наконецъ, въ нихъ воспѣвается смерть убитаго медвѣдя, при чемъ женщины поютъ: «Мы взяли тебя маленькимъ, любили тебя, кормили, а теперь убиваемъ тебя; но не мы тебя убиваемъ, а острыя стрѣлы, не мы натягиваемъ тетиву лука нашего, но душа нашего племени».

Жизнь айно патріархальная; старшій въ родѣ является начальникомъ, онъ занимаетъ почетное мѣсто у очага, имѣетъ первенство въ совѣтѣ, голосъ его является рѣшающимъ. Нѣсколько родовъ выбираютъ своего представителя, старшину-начальника. Онъ назначаетъ мѣста для юртъ и землянокъ, становится во главѣ охоты и рыбной ловли, ведетъ переговоры съ сосѣдями и администраціей; безъ него айно не рѣшаютъ ни одного общественнаго вопроса.

Несмотря на видимую сплоченность аинскаго племени, жить ему становится все тѣснѣе и труднѣе. На Іезо отъ морского берега оттѣсняютъ ихъ японцы, на Сахалинѣ—тѣ же японцы и ссыльно-поселенцы. Рыбная ловля у нихъ никогда не производилась правильно, а въ охотѣ мѣшаютъ и правила объ охотѣ, и наплывъ ссыльнаго люда, обладающаго лучшими, чѣмъ аинцы, ружьями и большею смѣлостью. Живя обособленно, айно не стремятся къ лучшему существованію; слiяніе ихъ съ сосѣдями, японцами и русскими, едва ли возможно, тѣмъ болѣе, что обѣ націи смотрятъ презрительно на айно, главнымъ образомъ за ихъ неразборчивость въ ѣдѣ и употребленіе въ пищу падали и собакъ. Частыя же эпидеміи и вообще нездоровыя условія жизни вызываютъ сильное вымираніе этого племени и позволяютъ предвидѣть даже совершенное исчезновеніе его въ недалекомъ будущемъ съ лица земли.